

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
1871
ГОДЪ ВТОРЫЙ
НИВА
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
Въ большой Морской
на углу Невскаго просп.
д. Росмана № 9—13.
П. МАРКОВ.
К. ВЕЙЕРМАНЪ.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 23 Декабря 1871 года.

Типографія и Литографія А. Траншеля,
(на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, домъ № 45—1).

Оглавленіе «НИВЫ» за 1871 годъ.

1) Стихотворенія.

2) Драматическія произведенія

3) Повѣсти, очерки и проч.

4) Біографіи и характеристики.

5) Историко-археологическіе очерки.

6) Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

7) Путешествія.

8) Охота.

9) Естествознаніе.

10) Гигіена и народное здравіе.

11) Новыя открытія и изобрѣтенія.

12) Очерки изъ міра юридическаго; судебная хроника.

13) Изъ современной жизни.

14) Статьи разнаго содержанія.

№ 1. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ **С.-Петербургѣ.** 4 р.
Безъ доставки въ **Москвѣ** у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » **Итого . 5 р.**

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Фальшивая бумажка.

(разсказъ изъ сибирскаго быта)

I.

Дружки.

По безконечной снѣжной равнинѣ тройка бойкихъ лошадокъ весело тащила большую высокую кошеву, покрытую кошмою. Изъ подъ копытъ летѣли комки снѣгу; широкіе полозья оставляли за собою двѣ гладкія сѣроватыя ленты, а изъ подъ кошмы выглядывало не молодое, но еще красивое лицо рѣзко-еврейскаго типа. Путнику, благодаря выдавшейся сѣдой бородѣ, можно было свободно дать лѣтъ около пятидесяти; но морозъ, нарумянивъ щеки, бодрилъ и молодилъ старика, а плутоватые каріе глазки, которые поминутно то раскрывались, то закрывались, еще болѣе придавали жизни длинной, характерной физіогноміи.

— Что-же, ваше почтеніе, на почтовый либо къ дружкамъ? обратился къ проѣзжему пьяноватый ямщикъ, покрытый собачьею ягою *) съ большими прорѣхами на самыхъ видныхъ мѣстахъ.—Тутъ и есть своротъ на купецкій трахтъ... Кони хорошіе, первый сортъ!

— А ты правду говорилъ, сто семдесятъ верстъ выгадать мозно? въ свой чередъ спросилъ проѣзжій съ выраженьемъ недовѣрія.

— Какъ есть семдесятъ! Коли на Омскій ѣхать—не въ примѣръ дальше будетъ, ваше почтенье... Мнѣ что?— я и на почтовый свезу... Я это вашему почтенью... а мнѣ хоть и обратнымъ ѣхать... Куда ни ѣхать — все прогонъ плати... Мнѣ все ровно.

*) *Примѣч.* родъ шубы шерстью вверхъ.

— Все ровно? отозвался съ усмѣшкою проѣзжій,— коли все было бы ровно—то и горъ не было бы.

— У насъ эвтихъ горъ и нѣтъ! нѣсколько обидчиво отвѣтилъ ямщикъ, не понявъ еврейскаго каламбура.—На то у насъ Бараба! У насъ словно скатерть какой вся дорога, а не то чтобъ какія горы были... На это Богъ миловалъ...

— На это миловалъ, а позалуй до смерти убьютъ, замѣтилъ проѣзжій, стараясь подавить зазвучавшее въ его голосѣ безпокойство.

— На купецкомъ-то трахтѣ? Это шалишь, ваше почтенье. Дружокъ—вѣрный человѣкъ: словно у Бога за пазухой сиди. Тутъ всѣ купцы ѣздятъ... Воиновъ Иванъ Ильичъ, Гершевичъ Борисъ Маркычъ... всѣ!

— Борисъ Маркыцъ? Ты Борисъ Маркыца знаесъ? Ямщикъ пріосанился.

—Какъ не знать—кажинный годъ въ Ирбить ѣздитъ. Хочь жидъ, а почитай чиновника чище будетъ: ты только значитъ лупи, а за прогонъ онъ не стоитъ—богатѣйшій жидъ!

— Онъ сынъ мнѣ, Берка! съ довольной миной сказалъ проѣзжій.

— Вправду сынъ?

— Вправду: онъ Борисъ Маркыцъ, а я — Маркъ Исаицъ.

— Да ты врешь, ваше почтеніе!

— Сто врать—даромъ за это не повезесъ.

Ямщикъ круто покончилъ разговоръ и хлестнулъ тройку. Полетѣли кони, словно разстилаясь надъ землею и пыша паромъ; отъ быстрой ѣзды въ ушахъ слышался

свистъ, сливавшійся съ пріѣвшеюся дробью колокольчика. Глухо отдавалась эта дробь въ безукоризненно-гладкой степи, покрытой саваномъ снѣга. Со всѣхъ сторонъ эта степь сливалась съ бѣлесоватымъ небомъ, и не было видно — гдѣ кончалась степь, гдѣ начиналось небо. Самый опытный глазъ не замѣтилъ бы пригорка и куста; самое чуткое ухо не услышало бы другаго звука, кромѣ звяканья колокольчика. Путь лежалъ по той знаменитой Барабинской степи, что темнымъ пятномъ тянется въ сердцѣ Западной Сибири на пятьсотъ верстъ въ длину, да на полтысячи верстъ въ ширину. Ранней весной и позднею осенью — это широкое море непролазной грязи, по бокамъ которой тянутся непроходимыя тайги, и которое то тамъ, то сямъ прорѣзаютъ громадныя рѣки, разливающіяся на десятки верстъ. Лѣтомъ — это пустыня, пылающая зноемъ и огнемъ, переполненное миріадами комаровъ, мошки и паутовъ. За то, въ концѣ мая и въ началѣ августа, на этой степи та же красота, то же благовоніе, та же благодать, которыя внушили Гоголю его описаніе украинскихъ степей. Только суровѣе, холоднѣе эта сѣверная красавица, короче ея вѣкъ; но ея безконечность едва-ли не величественнѣе украинской шири, для которой все-таки чувствуешь гдѣ-то границу, тогда какъ для Барабы словно конца нѣтъ... А зимой, когда ледъ скуетъ рѣки, когда снѣгъ саженями наляжетъ на нетвердую почву, да когда засвиститъ сибирская пурга, отъ которой днемъ становится такъ же темно какъ въ добрую полночь, — какой могучій, ужасающій видъ имѣетъ Бараба, какой первобытный ревущій хаосъ представляетъ она собою!

Но и на этой степи, верстахъ въ тридцати другъ отъ друга, разбросаны упорнымъ геніемъ человѣка, незамѣтными точками, поселки, села и города. И тутъ, какъ всюду, человѣка не устрашили ни палящій зной, ни леденящій холодъ. Безшабашно-смѣло шелъ въ эту пустыню дерзкій человѣкъ, выбиралъ удобный оазисъ, лѣпилъ землянку, или, притащивъ за сотни верстъ таежнаго лѣса, строилъ домишко; со временемъ тутъ-же появлялись другая и третья избушки — и образовывался поселокъ. Невесело, тяжко было существованіе бѣднаго, заброшеннаго туда люда; но, по русской пословицѣ, «стерпится — слюбится» — и въ наше время по страшной Барабѣ тянется главный сибирскій трактъ, которымъ везутъ товаровъ на мильоны: изъ Китая чай, отъ Ледовитаго океана мягкую рухлядь и кедровый орѣхъ, а изъ другихъ концовъ — медъ, воскъ, серебро, золото и драгоцѣнные каменья.

Вонъ, въ самомъ дѣлѣ, такой поселокъ. Лётомъ несутъ къ нему кони, чуя конецъ длинному станку. Вотъ, прежде всего, при самомъ въѣздѣ, жолтое досчатое строенье казенной формы, рѣзко отличающееся отъ другихъ избъ и стоящее отъ нихъ нѣсколько поодаль. Кругомъ обнесено оно высокимъ частоколомъ, также размалеванным невеселою охрою. Это — этапъ для ссыльныхъ. Два раза въ недѣлю подходятъ къ нему за конвоемъ партіи сосланныхъ преступниковъ, человѣкъ въ двѣсти и больше. Впереди, въ кандалахъ, идутъ назначенные въ каторгу; они держатся нѣсколько особнякомъ, словно сознавая свое общественное значеніе. Эта кучка обыкновенно не велика. Далѣе тянутся сосланные на поселенье и на житье, а въ концѣ, на одноконныхъ повозкахъ, ѣдутъ женщины съ дѣтьми. Есть и между послѣдними ссыльныя, но есть много и такихъ, которыхъ только любовь повлекла за провинившимся мужемъ или отцомъ. Шумно входитъ партія въ этапъ, который мигомъ оживаетъ и начинаетъ гудѣть, словно пчелиный рой, пока ночь не обниметъ міръ своимъ всеумиротворяющимъ покровомъ... А слѣдующимъ раннимъ утромъ снова открывается далекій путь, ведущій — кого до Байкала, а кого и за Байкалъ, въ разлюбезный Туруханскій край или на Нерчу.

За этапомъ въ поселкѣ виднѣется почтовая станція, грязная какъ тюрьма, холодная какъ погребъ, безлюдная какъ сама Бараба. Пока-то въ ней отзовется получеловѣческій голосъ, пьянаго смотрителя или старосты!.. Только полгода пройдетъ отъ постройки — и она ужь глядитъ брюзжащимъ старикомъ, рановременно расточившимъ свои силы: крыльцо, какъ старушечій клювъ, повисло; столбы разшатаны, какъ ноги подагрика; а окна, словно бѣльма, залѣплены писаною бумагой. Рѣдко найдетъ проѣзжій на этихъ станціяхъ ямщиковъ, — послѣдніе предпочитаютъ жить по домамъ, а заслышавъ колокольчикъ, словно жертвы, по очереди ведутъ лошадей «на станокъ», да и то случается не всегда: — «авось молъ «дружокъ» подвезетъ прямо ко двору», такъ-какъ у всякаго изъ нихъ есть свой «дружокъ», который ему, а не кому другому передаетъ случившагося ѣздока — его насущный хлѣбъ, подчасъ отбиваемый приступомъ.

И у «дружковъ» не красивы избы. Маленькая дверца ведетъ въ темныя сѣни, устланныя соломой, а оттуда въ единственную во всемъ домѣ комнатушку съ громадной печкой и миніатюрными косыми окошками. На печи всякій хламъ и дѣти; подъ печкой мычитъ теленокъ и пищатъ циплята; на неряшливой кровати нерѣдко стонетъ больной или просто умирающій. За то, въ переднемъ углу, подъ черными, закоптѣвшими образами, стоитъ столъ, а вкругъ него тянутся чистыя скамейки; въ избѣ не только тепло, а просто жарко, — словомъ не то что на станціи: по крайней мѣрѣ согрѣться можно, да и кусокъ хоть какого нибудь хлѣба добудешь...

Пріѣхавшая въ поселокъ кошева остановилась не у станціи, а у одного изъ дворовъ. Ямщикъ сдалъ путника дружку.

— На водочку, ваше почтенье? умильно обратился онъ къ проѣзжему.

— Вотъ тебѣ четвертакъ!

— Четвертакъ... недовольно протянулъ возница.

— А сто? съ изумленіемъ спросилъ проѣзжій, ожидавшій благодарности.

— Борисъ Маркычъ всегда по полтиннику жалуитъ, а то четвертакъ?!..

— А слусай — а езеле би у меня былъ такой отецъ, какъ я у Борисъ Маркыца, то я по цалковому давалъ бы.

Ямщикъ осклабился, сѣлъ верхомъ на кореннаго и взялъ остальныхъ въ поводья.

— Жидъ, какъ есть жидъ! крикнулъ онъ и направился прямо къ кабаку.

II.

Отецъ Бориса Маркыча.

Маркъ Исаичъ былъ на самомъ дѣлѣ отцомъ Бориса Маркыча Гершевича, а имя Бориса Маркыча гремѣло по всей Сибири, какъ западной, такъ и восточной: за одного русскаго джентльмэна съ княжескимъ титуломъ, онъ заправлялъ откупомъ двухъ сибирскихъ губерній, самъ поставлялъ на промысла фуражъ и припасы, былъ въ паяхъ у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ, — словомъ, велъ дѣло, по мѣстному выраже-

нію, во всю губу. Патронъ его проживался въ Питерѣ и за границею, а Борисъ Маркычъ наживался въ Сибири — и нажился бы страшно, если бы не былъ игрокомъ по натурѣ и не сдѣлался сутягою изъ необходимости. Когда Борисъ Маркычъ былъ еще просто Беркою, бѣднымъ жидкомъ, кое-какъ попавшимъ въ подвальные, то онъ шулерничалъ изъ-подъ-тишка—и на выигранныя деньги устроивалъ и расширялъ свои дѣлишки. Среда, въ которой онъ игрывалъ, была темная, не вѣдавшая простѣйшихъ фокусовъ, даже вродѣ крапленыхъ картъ; тутъ были подкутившіе повѣренные съ промысловъ, спускавшіе хозяйскія деньги, столоначальники правленій и судовъ, проигрывавшіе вечеромъ то, что нажили утромъ, — а въ видѣ аристократіи — необузданные обозные прикащики, везшіе громадные транспорты изъ Кяхты или съ Макарія. Но потомъ, когда среда измѣнилась и Борису Маркычу пришлось вести игру съ золотопромышленниками, съ горными инженерами и высшимъ губернскимъ начальствомъ, прежнія штуки оказались непригодными и мнимое счастье Берки совершенно исчезло. Чѣмъ крупнѣе становилась игра—тѣмъ хуже и жутче приходилось ему, и онъ нерѣдко просто со скрежетомъ зубовнымъ смотрѣлъ какъ другіе выигрывали золото мѣшками. Постоянные проигрыши въ корень подкапывали его средства, а тутъ подвернулись еще иски и споры по дѣламъ о поставкахъ. Бѣда одна не ходитъ—на отвращеніе ихъ требовалась бездна денегъ—на карты, на дѣла, на широкое житье. Борисъ Маркычъ съ ужасомъ признался въ одинъ прекрасный день самому себѣ, что ему предстоитъ банкротство, уголовщина, пожалуй тюрьма. А тутъ еще патрона кто-то надоумилъ: подай отчетъ!

Нельзя не сказать, что у Бориса Маркыча, въ числѣ его многихъ практическихъ достоинствъ, существовало одно, вытекавшее прямо изъ сердца: онъ не былъ скупъ для своихъ родственниковъ. Его близкіе и дальніе Рахили, Девейры, Пейсы, Руты, Беньямины, Мордки, Мошки и т. д. пользовались отъ него широкою помощью, и въ Бердичевѣ, Могилевѣ и Шкловѣ процвѣтало не мало темныхъ коммерцій, заведенныхъ на его деньги. Чѣмъ лучше шли дѣла его — тѣмъ лучше было и его родичамъ; когда же судьба показала ему затылокъ, то не одно еврейское семейство завыло благимъ матомъ. Иные, не зная его положенія, заговорили, что Берка, Морьдкинъ сынъ, разжирѣвъ зазнался, съ «гоями» снюхался, пожалуй «скреститься» хочетъ; но большинство инстинктивно поняло, что дѣла стали плохи—и мигомъ Борисъ Маркычъ нетолько потерялъ часть окружавшаго его престижа, но потерялъ и нѣкоторыхъ родичей, которые примолкли—словно ихъ на свѣтѣ болѣе не существовало. Маркъ Исаичъ не былъ въ числѣ этихъ добрыхъ родственниковъ: онъ заложилъ дома, когда-то купленные въ Вильнѣ на деньги сына, надавалъ векселей, думая выручить своего дѣтеныша, въ геніальность котораго онъ вѣрилъ больше чѣмъ въ пришествіе мессіи,—но этихъ крохъ было мало. Какъ-то ночью, послѣ долгихъ безсонныхъ часовъ, онъ всталъ съ постели, зажегъ отысканный огарокъ свѣчки и началъ съ страхомъ и оглядкою строчить какими-то каракульками длиннѣйшее письмо,—получивъ которое Борисъ Маркычъ сначала поблѣднѣлъ, но потомъ ребячески развеселился и задалъ властямъ не обѣдъ—а пиршество, приведшее многихъ въ изумленье. Два безконечные мѣсяца ждалъ отецъ отвѣта погибающаго сына; желанный отвѣтъ наконецъ пришелъ — и въ домѣ поднялась суматоха: Маркъ Исаичъ объявилъ, что онъ ѣдетъ за границу, въ Лондонъ.

— Бѣжать отъ долговъ хочетъ, рѣшили одни.

— Сдурѣлъ на старости! звонили другіе.

— Фальсивыя бумаски, про себя подумали третьи.

Вотъ Маркъ Исаичъ въ Лондонѣ, въ Panton square, Coventry street, № 70. Занимаетъ онъ маленькую комнату въ одно окно, сырую, темную, грязную, и больше топитъ каминъ чѣмъ теплитъ свѣчи. Изрѣдка, крадучись, приходятъ къ нему какіе-то боязливые люди, шепчутся, спорятъ, жестикулируютъ, уходятъ и снова возвращаются. Маркъ Исаичъ большею частью видимо тоскуетъ, всѣмъ недоволенъ и по цѣлымъ ночамъ жарко молится; въ какой нибудь мѣсяцъ онъ сталъ желтъ какъ лимонъ или какъ лондонскій нищій, и состарился на цѣлые годы. Что причиною такой быстрой перемѣны? Климатъ ли стараго Лондона съ его туманною мглою подѣйствовалъ на старческое здоровье? Или старикъ заразился психическою болѣзнью, пресловутымъ сплиномъ? Или наконецъ громадные коммерческіе обороты Сити взволновали желчь Марка Исаича и червь любостяжанія и зависти началъ подтачивать его существованіе?

Вотъ, потомъ, онъ въ Вержболовѣ, въ русской таможнѣ. Въ его чемоданѣ все перерыто: тамъ нѣсколько сорочекъ, четыре ватные длиннополые сертука, старая ермолка и множество вещицъ изъ новаго золота со стразами и поддѣльными разноцвѣтными камнями. Глядя на это фальшивое богатство, разгорались глаза у всякаго: все блестѣло, горѣло, было необыкновенно изящно. Любуясь великолѣпными бездѣлушками, никто не обращалъ вниманія на старые сюртуки. У Марка Исаича была лихорадка, но она не мѣшала ему, по уплатѣ пошлинъ, предоставить каждому изъ осматривавшихъ чиновниковъ взять въ подарокъ приглянувшуюся вещицу. «Все это пустось-съ», заявлялъ онъ съ изысканною скромностью наиболѣе стыдливымъ,—«берите-съ, берите-съ!»

И Бориса Маркыча въ это время, не смотря на восемь тысячь верстъ разстоянія, била лихорадка—отъ непонятной ли боязливости или какого-то страстнаго нетерпѣнья. Впрочемъ—дѣла его были круты: черезъ мѣсяцъ многимъ векселямъ подходилъ срокъ; черезъ мѣсяцъ нужно было сдавать откупъ присланному ревизору; черезъ мѣсяцъ для него долженъ былъ рѣшиться вопросъ: to be or not to be (быть или не быть!)

Вотъ, наконецъ, Маркъ Исаичъ на большомъ сибирскомъ трактѣ, въ комнатушкѣ у «дружка». Онъ не высокъ ростомъ, нѣсколько худъ; бѣлые волосы падаютъ на приподнятыя плечи; серебряная борода бьется широкими волнами о сплющенную грудь; глаза плутовато бѣгаютъ во всѣ стороны и... тѣмъ не менѣе, не смотря на худобу и впалую грудь, Маркъ Исаичъ, проѣхавъ безъ отдыха отъ Вержболова до Барабы, не только не чувствовалъ себя больнымъ и усталымъ, но чѣмъ дальше углублялся въ Сибирь, тѣмъ больше силъ сознавалъ и ощущалъ онъ въ себѣ,—тѣмъ радостнѣе, свободнѣе становилось у него на душѣ; онъ даже не разсердился на обругавшаго его ямщика, а узнавъ, что у «дружка» водится самоварчикъ, благодушно приказалъ подогрѣть его.

Л. Блюммеръ.

(Продолженіе будетъ).

Александръ II
Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

Всемірная исторія изрѣдка, вѣками, представляетъ имена, предъ которыми ничтожно всякое хвалебное краснорѣчіе; перечень дѣяній — вотъ самая краснорѣчивая лѣтопись, величественная въ своей краткости и простотѣ.

Державный Преобразователь и Освободитель Россіи, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ родился 17 апрѣля 1818 года; въ 1834 году, согласно съ законами имперіи, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и въ 1841 вступилъ въ бракъ съ дочерью великаго герцога Гессен-Дармштадтскаго Людовика II, Максиміліаною-Вильгельминою-Августою - Софіею - Маріею, нарѣченною при переходѣ въ православіе Великою Княжною Маріею Александровною. 19 февраля 1855 года онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Александра II.

То было трудное время для новаго правителя. Година Крымской войны еще тяготѣла надъ Россіею, ежедневно вырывая безчисленныя жертвы изъ русскихъ семействъ, отвлекая финансы имперіи и задерживая внутреннее развитіе нашего отечества. Принявъ кормило правленія, Государь немедля прекратилъ бѣдствія войны— и сосредоточилъ всю дѣятельность на преобразованіи государственныхъ и общественныхъ сторонъ тогдашней русской жизни.

Не прошло полутора десятка лѣтъ — и вотъ мы пожинаемъ плоды державной воли и дѣятельности.

Въ ряду дѣяній по внутреннему преобразованію государства первое мѣсто принадлежитъ обнародованному 19 февраля 1861 года положенію о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; затѣмъ 1 января 1863 г. отмѣнены питейные откупа, 17 апрѣля отмѣнены тѣлесныя наказанія, 1 января 1864 г. издано положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, 1 сентября 1865 введены въ дѣйствіе новыя узаконенія по дѣламъ печати, 17 апрѣля 1866 г. судебная реформа, въ 1868 г. произошло сліяніе административнаго управленія Царства Польскаго съ управленіемъ Имперіею.

Что касается содѣйствія внутреннему развитію и процвѣтанію государства, то достаточно указать на учрежденіе 11 мая 1864 г. новороссійскаго университета и изданіе новаго положенія о народныхъ училищахъ, и на указы 1857 г. о сооруженіи первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и о городскихъ общественныхъ банкахъ.

Не взирая на громадность совершеннаго въ нѣдрахъ государства, не были забыты и внѣшнія отношенія Россіи.

По дѣламъ внѣшней политики, 16 мая 1858 года присоединенъ къ Россіи Приамурскій край по Айгунскому трактату, 26 августа 1859 окончательно покорена вся восточная часть Кавказа взятіемъ Гуниба и плѣненіемъ Шамиля, а въ 1864 покоренъ и западный Кавказъ и тѣмъ положенъ конецъ Кавказской войнѣ. Въ 1865 г. 17 февраля образована Туркестанская область, а въ 1868 г. взятъ Самаркандъ и сдѣланы многія важныя пріобрѣтенія въ Средней Азіи. Наконецъ въ 1870 году отмѣнены статьи Парижскаго трактата, касавшіяся ограниченія правъ Россіи на Черномъ морѣ.

Румуны.

Приложенная къ нынѣшнему нумеру «Нивы» на стр. 12 картинка изображаетъ внутренную жизнь народа, называемаго теперь Румунами. Въ бричкѣ (или какъ называется въ тѣхъ краяхъ, въ каруцѣ) сидитъ иностранецъ; къ нему подошла цыганка съ ребенкомъ въ томъ костюмѣ, въ коемъ она его на свѣтъ божій родила; а подлѣ нея опираясь на палку, стоитъ, держа на цѣпи медвѣдя, цыганъ,—вѣроятно ея мужъ.

Дѣйствіе происходитъ около корчмы, гдѣ за легкимъ молдованскимъ виномъ, подходящимъ вкусомъ сильно къ нашему квасу или меду, сидятъ нѣсколько человѣкъ въ національномъ костюмѣ (изъ нихъ одинъ впрочемъ одѣтъ по европейски) и толкуютъ съ молодой крестьянкой.

Корчма обросла виноградомъ; какъ вывѣска ея спускается повѣшенный надъ каруцей вѣнокъ; жеребенокъ трется около матки; куры копошатся, подбирая лошадиные объѣдки, а вдали виднѣются горы Карпатскія, да какой-то крестъ торчитъ, вѣроятно въ память по комъ нибудь зарѣзанномъ добрыми людьми на большой дорогѣ.

Народъ этотъ, даже не исключая цыганъ, говорящихъ своимъ собственнымъ языкомъ, называетъ себя Румунами, т. е. римлянами, говоритъ однимъ изъ тѣхъ нарѣчій латинскаго языка, которыми говорятъ теперь французы, испанцы, италіянцы и который сильно напоминаетъ нарѣчіе древнихъ вѣковъ—тѣмъ что въ этомъ языкѣ *q* часто мѣняется въ *p* и на оборотъ; такимъ образомъ въ румунскомъ языкѣ латинское quatro (четыре) измѣнилось въ piatro; а сверхъ того и буквы *v* и *b* переходятъ въ молдованское или латинское *h*.

Исторія этого народа, румунъ, начинается съ того, что римлянамъ понадобилось занять сѣверный берегъ Дуная, гдѣ жили Богъ знаетъ какія племена даковъ. Императоръ Траянъ, знаменитый разрушитель Іерусалима, двинулся съ своими легіонами и даки были завоеваны. Все что мы знаемъ о дакахъ—сводится на нѣсколько собственныхъ именъ теперь непонятныхъ (Декебалъ, Замолксисъ), которыя можетъ быть и славянскія, но ни одинъ языкъ настоящаго смысла ихъ объяснить намъ не можетъ.

По находящейся въ Римѣ Траяновой колоннѣ, поставленной въ память завоеванія этихъ дикарей, можно понять только то, что костюмъ ихъ весьма похожъ на нынѣшній малороссійскій. Они носили такіе же порты, — хотя не шириною въ Черное море, какъ выражается Гоголь,—такія же рубахи, а бороды были у нихъ бритыя и головы укращались маленькими шапками, какъ будто изъ смушекъ.

Далѣе мы ровно ничего не знаемъ. Римляне наставили въ этомъ краю свои колоніи изъ отставныхъ солдатъ, какъ они всегда дѣлали въ Германіи и въ Галліи т. е. словомъ сказать, заводили нѣчто въ родѣ

АЛЕКСАНДРЪ II

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій.

Рисовалъ А. Нейманъ, гравировалъ А. Нейманъ.

военныхъ поселеній. Кто бы ни были первобытные жители этого края, простирающагося на нынѣшнюю Трансильванію или Седмиградскую область, но языкъ римлянъ, хотя и въ исковерканномъ видѣ, принялся у туземцевъ, точно такъ же какъ у испанскихъ иберійцевъ или у галловъ онъ принялся, хотя и въ выродившейся формѣ.

До XIV вѣка нынѣшняя Молдавія вся говорила по славянски, а до XVII, почти даже до XVIII вѣка славянскій языкъ, смѣсь болгарскаго съ малорусскимъ, въ ней не заглухалъ; это доказывается множествомъ церковныхъ книгъ и всякаго рода рукописей, находящихся въ настоящее время въ разныхъ монастыряхъ и церквахъ земли молдавской. Славянскій языкъ, нарѣчія весьма близкаго къ русскому, господствовалъ по Дунаю; —но въ XIV вѣкѣ, вслѣдствіе разныхъ политическихъ потрясеній, румуны двинулись на востокъ и стали обрумунливать мѣстное славянское населеніе. Обрумунливаніе это продолжающееся до нашего времени—фактъ чрезвычайно странный и замѣчательный. Сплошь и рядомъ можно встрѣтить гдѣ нибудь въ Молдавіи или Валахіи малоруса (бѣжавшаго отъ своего пана, польскаго шляхтича) который уже не съ умѣетъ объясниться съ вами по русски или по малорусски; лѣтъ въ пять русскій языкъ дѣлается для него вовсе чужимъ, и если онъ называется еще, какъ одинъ изъ знакомыхъ пишущему эти строки, Васильемъ Русъ, то тѣмъ не менѣе его костюмъ, его манеры, самая пища его уже вовсе не русскіе. Только великорусы удерживаются предъ подавляющимъ вліяніемъ этой румунской національности; но великорусъ удерживается потому, что его борода, его рубаха съ косымъ воротомъ, его обряды сильно препятствуютъ его слiянію съ другими народностями. Бритый и усатый малорусъ безъ большой борьбы и безъ всякаго сопротивленія надѣваетъ стеганную ватную румунскую куртку—и такъ же легко дѣлается румуномъ, совершенно забывъ все свое прошлое; начинаетъ ходить въ румунскую церковь, такъ что его отличить отъ кровнаго румуна даже нельзя будетъ. У южнорусовъ есть одна странная способность — это асимилироваться для каждой національности. Въ то время когда на берегахъ Дуная бѣглый великорусъ остается тѣмъ чѣмъ былъ—малоросъ въ нѣсколько лѣтъ превращается въ болгарина, въ румуна, въ великоруса. А попадется онъ какими нибудь судьбами — что весьма часто бываетъ—между греками, то изъ него выдетъ грекъ; попадется между турокъ или татаръ, изъ него выдетъ турокъ или татаринъ. Той стойкости, которая сохраняетъ всякую народность, у него положительно нѣтъ. Это человѣкъ, которому, какъ будто, даже терять нечего—куда ни шло. И вотъ такъ то румуны, спустившись съ Карпатовъ и встрѣтившись съ малороссами, заставили ихъ говорить по-своему безъ всякаго усилія—и довели до того, что нынѣ почти вся Молдавія и половина Буковины говоритъ не по малорусски, а по молдавски. Въ Буковинѣ, лежащей на сѣверъ отъ Молдавіи, вышло обстоятельство еще куріознѣе:

— Ты православный! спрашиваете вы тамошняго мужика.

— Православный, отвѣчаетъ онъ вамъ.

— Да ты которой вѣры?

— А молдованской вѣры, пане, русской вѣры не держу.

Въ переводѣ на общепринятый языкъ это значитъ, что онъ не уніатъ, потому что унія стала тамъ считаться вѣрою русскою, а молдованская вѣра, т. е. православная—вѣрою національною, и потому бѣдный буковинскій мужикъ ходитъ въ церковь, гдѣ служатъ по румунски.

Буковина—край до такой степени забытый Россіею (хотя давнымъ давно тамъ живетъ почти исключительно русскій народъ, и почти въ каждомъ селѣ услышите русскій языкъ), что до сихъ поръ ни въ литературѣ русской, ни въ обществѣ русскомъ, еще ни гдѣ не раздался голосъ о томъ, что этотъ край слѣдовало бы намъ воротить, точно также какъ Галичину, и что тамъ борьба русскаго элемента съ румунскимъ идетъ не на животъ, а на смерть, и что тамъ австро-мадьярское правительство дѣлаетъ все возможное для поддержки этого румунскаго элемента, съ цѣлію разрушить все русское.

Самымъ блестящимъ моментомъ молдованской исторіи былъ XVI вѣкъ, когда тамъ царствовалъ Стефанъ Великій (Stefan—cel marae) при которомъ казалось Молдавія сдѣлается великимъ государствомъ, и дочь котораго была замужемъ за сыномъ нашего царя Іоанна III, но сынъ которой вслѣдствіе интригъ Софіи Ѳоминишны Палеологъ погибъ въ тюрьмѣ. Съ тѣхъ поръ Молдавія стала подпадать подъ власть грековъ—фанаріотовъ, т. е. всякихъ спекулянтовъ, которые отправлялись въ Яссы, въ Бухарештъ, подкупивши турецкихъ пашей, единственно для того чтобъ нажить деньги.

Весь востокъ обратилъ глаза на Россію, когда къ ней добровольно, безъ малѣйшаго вызова, присоединилась Малороссія при Богданѣ Хмельницкомъ. Греки и славяне еще прежде разсчитывали на насъ, какъ на ихъ спасителей; духовенство ихъ ѣздило къ намъ за милостиной, но никогда ни чѣмъ не заявлялось у насъ той гигантской силы притяженія къ намъ меленькихъ и угнетенныхъ народностей, которымъ мы въ самомъ дѣлѣ владѣемъ, не смотря на всѣ недостатки нашего управленія. Первые обратились къ намъ за помощью малоросы. Это узналось на всемъ Балканскомъ полуостровѣ—и епископъ за епископомъ, дипломатъ за дипломатомъ, стали являться сначала въ Москву, а потомъ (когда столица была перенесена на сѣверъ) въ Петербургъ.

Только при Екатеринѣ Великой началась приводиться въ исполненіе эта вѣковая и неминуемая задача русской политики: громко было заявлено, что Россія поднимаетъ восточный вопросъ; нѣсколько разъ при ней были занимаемы княжества, Румянцевъ и Суворовъ ратовали тамъ. Но потомъ, вслѣдствіе несчастнаго священнаго союза, мы открестились отъ всякихъ правъ вмѣшиваться въ дѣла княжествъ и дозволили въ 1866 г. избраніе на престолъ ихъ иностраннаго принца.

Въ настоящее, время княжества Молдавія и Валахія соединились подъ общимъ именемъ Румуніи и ждутъ, что къ нимъ присоединится еще Трансильванія. Мы можемъ пожелать имъ всякаго успѣха и всякаго блага, но не можемъ мы не отнестись скептически къ возможности такого соединенія, потому что знаемъ ту глубокую ненависть, которую питаетъ въ душѣ каждый молдованинъ (начиная отъ боярина) къ валаху, и то гордое презрѣніе, съ которымъ относится къ нему австрійско-трансильванинъ.

В. Кельсіевъ.

Крещатикъ.

Живописная мѣстность кіевскаго Крещатика невольно оживляетъ, передъ зеркаломъ нашей памяти, прежде всего сановитый образъ князя Владиміра «красное солнышко», съ его могучимъ богатырскимъ эпосомъ и, полными поэтической образности, чудными сказаніями о незабвенной эпохѣ, величайшемъ событіи древней Руси—мирномъ принятіи ею вѣры Спасителя. Въ сказаніяхъ о томъ, и св. Владиміру и обстоятельствамъ обращенія его придала народная поэзія (въ девять вѣковъ пересказовъ) тотъ колоритъ чудеснаго и сверхъ-естественнаго, который у искренныхъ слушателей самъ собою обращаетъ живѣе кровь, занимаетъ духъ отъ страха и заставляетъ сердце биться скорѣе и порывистѣе.

Сухой фактъ прагматической исторіи, какъ ни трагиченъ и ни ужасенъ онъ самъ по себѣ, неспособенъ даже долго занять наше праздное, разсѣянное любопытство, а не то чтобы сдѣлаться неизгладимымъ изъ памяти. Разсказъ, прошедшій черезъ мысль поэта, дѣйствуетъ уже сильнѣе и продолжительнѣе. Когда же народная сага, положившая свое неизгладимое клеймо на прошлое событіе, облекаетъ его въ могучія краски не одного поколѣнія безслѣдно-пропавшихъ безъимянныхъ поэтовъ, послѣдовательно оживляя колоритъ и расширяя рамки сказанія вводомъ новыхъ, неожиданныхъ эпизодовъ, — силѣ ея трудно противиться и нельзя остаться холоднымъ къ ея внушеніямъ. Нечувствительно западаетъ она въ мысль скептика, безъ труда овладѣваетъ ею, а иногда (новостью неожиданнаго представленія факта, съ доступной ей стороны) успѣваетъ пошатнуть даже сложившіяся, казалось, прочно, убѣжденія реалиста—мыслителя, или трудолюбиваго изыскателя невозвратнаго прошлаго — историка.

Такого свойства, по нашему мнѣнію, сказанія о крещеніи русской земли, при Великомъ Князѣ Владимірѣ I Святославичѣ, внукѣ Ольгиномъ.

Этотъ «надежа-государь, ласковый князь Володиміръ» въ годы ранней молодости отличается воинственностью, и при побужденіяхъ завоевателя остается вѣрнымъ правилу отца Святослава — не нападать врасплохъ, не пославъ прежде вѣстника. Такъ поступаетъ онъ, напримѣръ, идя карать Ярополка перваго, убійцу брата — Олега Древлянскаго. Въ тѣхъ же видахъ отмщенія, или для униженія Ярополка, а не по одному гнѣву за гордый отказъ въ рукѣ дочери — Владиміръ, нанявъ варяговъ за моремъ, идетъ сначала къ Полоцку. Старецъ Рогволодъ и сыновья его—по происхожденію сами варяги— терпятъ пораженіе и въ бою находятъ смерть. Побѣдитель является къ княжнѣ Рогнѣдѣ, осиротѣлой и беззащитной, какъ владыка судьбы ея, и беретъ силою то, чего не хотѣли дать добровольно, когда посылалъ онъ мирныхъ пословъ. Княжна, презиравшая удѣльнаго князя новгородскаго какъ сына Малуши — ключницы Ольгиной, должна-таки неволею «розути робичича» и сдѣлаться женою его, сохраняя еще въ памяти образъ перваго державнаго жениха своего — Ярополка. Онъ между тѣмъ готовился къ упорной борьбѣ съ братомъ—и при приближеніи его заперся въ крѣпкомъ Кіевѣ, способномъ выдержать долгую осаду. Можетъ-быть и удалось бы ему отсидѣться, такъ какъ на наемное войско Владиміра нельзя было надѣяться въ случаѣ продленія осады до зимы; но, къ несчастію, нашелся при Ярополкѣ продажный воевода Блудъ — и осаждающій подкупомъ въ пору обратилъ его на свою сторону. Дѣйствуя въ видахъ Владиміровыхъ, коварный вельможа увѣрилъ несчастнаго Ярополка, что въ Кіевѣ готовы его предать, и ему остается единственнымъ путемъ къ спасенію скорѣйшее бѣгство. Довѣрчивый Ярополкъ послушался — бѣжалъ въ Родню; а Владиміръ, впущенный жителями въ Кіевъ, немедленно осадилъ и въ Роднѣ своего, доведеннаго до отчаянія, брата. Блудъ тогда явился къ своему несчастному государю съ новымъ, не менѣе гибельнымъ, совѣтомъ — предаться Владиміру; самъ же увѣдомилъ его, что Ярополкъ отдается на его волю и онъ можетъ сдѣлать съ нимъ что хочетъ. Для расправы съ братомъ, Владиміръ вступилъ въ отцовскій теремъ. Ярополкъ отправился туда съ повинною. Напрасно вѣрный варягъ его свиты представлялъ ему опасность такого смиренія, совѣтуя лучше бѣжать и поднять дикія орды печенѣговъ. Ослѣпленный рѣчами Блуда, несчастный князь не послушалъ—и только-что отворилъ двери въ свѣтлицу Владимірову, какъ стоявшіе и ждавшіе его появленія два варяга подняли несчастнаго князя на копья подъ пазухи. Мститель за кровь брата, въ свою очередь сдѣлавшись братоубійцею, Владиміръ, сластолюбивый на столько же, какъ и политикъ, плѣнился очаровательною красотою гречанки, жены убитаго имъ Ярополка и перевелъ ее въ свой гаремъ, несмотря на неохладѣвшую еще любовь къ Рогнѣдѣ. Вдова Ярополка оказывалась между тѣмъ беременною отъ него; но и это не остановило разгула страстей молодаго князя. Жена—наложница двухъ братьевъ, до того бывшая монахиня, плѣненная Святославомъ,—скоро произвела на свѣтъ Святополка, будущаго убійцу братьевъ же: св. Бориса и Глѣба.

Купивъ обладаніе родительскимъ престоломъ—стольнаго, древняго Кіева—цѣною крови брата и вѣрною службою варяговъ, расчетливый Владиміръ нашелъ выгоднымъ дешевле раздѣлаться съ своими наемными воинами. Потому, отклонивъ ихъ намѣреніе личнаго сбора княжескаго долга имъ съ его подданныхъ, на самомъ дѣлѣ медлилъ уплатою до тѣхъ поръ, пока собралъ вокругъ себя достаточно силы для сопротивленія имъ—и потомъ отказалъ. Видя сами, что время упущено и взять нечего, варяги попросили у Владиміра итти на службу Имперіи—въ Византію. Тонкій политикъ, онъ отъ этого извлекъ для себя выгоду, увѣдомивъ императора Василія, что варяги—народъ опасный, если оставитъ онъ ихъ въ столицѣ, а выгоднѣе всего ихъ раздѣлить на малые отряды и разсѣять по разнымъ крѣпостямъ; хитрый грекъ не могъ не сочувствовать такому совѣту — и варяги исчезли изъ Кіева, что-бы не видѣть его вновь, или покрайнѣй мѣрѣ, явиться если въ немъ опять, то неопасными для безопасности гражданъ.

Обсчитавъ и выпроводивъ сребролюбивыхъ пособниковъ завоеванія и злодѣянія, Владиміръ, оставшись одинъ и не ожидая ни откуда болѣе тревоги, какъ можно судить по его дѣйствіямъ, не находилъ однако покоя своему духу. Сердечная боль угрызенія совѣсти за преступленіе не покидала его. Напрасно тратитъ онъ сокровища на сооруженіе пышныхъ кумировъ обожаемыхъ словяно-русами. Колосальный Перунъ, съ серебряною головою и золотыми усами, поднялся передъ теремомъ княжескимъ, всѣхъ дивя своею громадностью. И передъ нимъ, и передъ истуканами Хорся,

Дажбога, Стрибога и Симарглы, куря ѳиміамъ, закалая тучныхъ воловъ, повергаясь во прахъ царственнымъ челомъ своимъ, напрасно Владиміръ искалъ забвенія невозвратнаго прошлаго—душа томилась, мысли складывались все мрачнѣе и мрачнѣе а сердце попрежнему ныло. Кара мрачныхъ судебъ казалось была близка надъ обреченнымъ ими на погибель, гордымъ и доселѣ счастливымъ въ своихъ подчиненныхъ, сыномъ Малуши. Рогнѣда—жертва его скоро-преходящей страсти—простила легко смерть отца и брата, но не могла простить забвенія и, какъ ей казалось, презрѣнія ея горячей страсти. Она рѣшается убить Владиміра въ первую же ночь, которую придетъ онъ раздѣлить съ нею. Онъ является не ожидая опасности. Истомленный своею вѣчною тоскою, онъ холодно отвѣчаетъ на объятія подруги, еще болѣе раздражая ее. Наконецъ засыпаетъ, хотя не крѣпко, часто пугаемый страшными видѣніями. Вырываясь изъ ихъ очарованнаго круга, князь просыпается, поводитъ вокругъ себя блуждающимъ тусклымъ глазами и видитъ—свою Рогнѣду въ ужасѣ и смятеніи. Мечъ въ рукахъ ея, который она старается прикрыть, еще болѣе подкрѣпляетъ въ недовѣрчивомъ отъ природы князѣ закравшееся подозрѣніе. Онъ спѣшно допрашиваетъ трепещущую жену и вырываетъ признаніе, что она готовилась посягнуть на его жизнь, во время сна. Пощады не проситъ преступница, а только укоряетъ невѣрностью, плачетъ и умоляетъ скорѣе соединить ее съ отцомъ въ жилищѣ вѣчной Гелы. Владиміръ и самъ уже рѣшилъ, уходя отъ преступницы,—не томить ея долгимъ судомъ. Расправа коротка: при выясненномъ преступленіи, князь самъ хочетъ быть своимъ мстителемъ, казнить преступницу тѣмъ же мечомъ, который заносила она надъ головой его. Вотъ онъ въ Рогнѣдиной ложницѣ. Вотъ налагаетъ на плечо ея руку и заноситъ оружіе...

Откуда ни возьмись ребенокъ Изяславъ, съ плачемъ бросается въ ноги отцу, прося жизни матери. Въ первый разъ въ сердце Владиміра проникла родительская жалость. Онъ содрогнулся, закрылъ лицо рукой, заплакалъ и бросилъ далеко мечъ свой. Рогнѣда прощена, но не должна видѣть лица справедливо-прогнѣваннаго ею супруга. Князь опять одинъ. Среди тысячи своихъ гаремныхъ затворницъ, онъ пользуется можетъ-быть и безъ мѣры сладострастіемъ, но не находитъ въ нихъ утѣхи. «Военныя тревоги,—думаетъ онъ,—теперь необходимы для оживленія моихъ заглохшихъ, охлажденныхъ желаній».

На четвертый годъ мирнаго господства въ Кіевѣ, князь оставляетъ его роскошные терема и идетъ на сѣверо-востокъ на р. Пещану, гдѣ собрались скопища непокорныхъ Радимичей, недающихъ уже нѣсколько лѣтъ дани властителю Кіева. Управился съ этимъ народомъ еще и до князева выѣзда одинъ воевода. Его имя вошло даже въ пословицу «Пещаницы Волчья Хвоста бѣгаютъ». Самъ Владиміръ желаетъ пожать лавры не настолько дешевые: наложить свою державную руку хочетъ онъ на богатыхъ Болгаръ поволжскихъ. Съ наступленіемъ слѣдующей весны, безчисленная флотилія лодей, доставленныхъ намѣстникомъ новгородскимъ, могучимъ дядею и пѣстуномъ Владиміра — Добрынею, ждала на Волгѣ рать княжескую, поднявшуюся Днѣпромъ вверхъ до Смоленска и оттуда къ Гжатѣ; конница мигомъ перелетѣла не Богъ знаетъ какой длинный волокъ.

Успѣхъ точно обдуманнаго похода и на этотъ разъ не обманулъ разсчетовъ князя и пѣстуна. Только сѣдовласый Добрыня, видя плѣнниковъ въ роскошной обуви, сомнительно качнулъ головою, разсуждая о прочности новаго завоеванія. Окупъ, пожалуй, почему не взять съ нихъ, а на дань постоянную надежда несбыточна. Миръ съ побѣжденными не замедлилъ заключиться; а за миромъ послѣдовалъ и возвратъ въ стольный Кіевъ градъ.

Опять и еще больше томила князя его тоска безысходная. Вѣру въ боговъ своихъ, деревянныхъ и каменныхъ, давно уже утратилъ, недавно еще горячо въ нихъ вѣровавшій и на нихъ уповавшій, Владиміръ. Являются новые данники въ Кіевъ—болгары волжскіе—и разсказывая про всякія особенности своей далекой родины, расписываютъ яркими красками, передъ любознательнымъ и ласковымъ государемъ княземъ Владиміромъ, достоинства недавно-принятаго ими самими исламизма. Мимоходомъ и какъ-то вскользь касаются они обряда обрѣзанія, запрещенья свинины и вина, но даютъ полное и поэтическое описаніе своего рая, гдѣ правовѣрный получаетъ семьдесятъ женъ, одну другой краше, а одна дается такая гурія, о которой ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Сластолюбивый князь затронутъ за живое райскими обѣщаніями; испытавъ тѣ же подходящія сласти въ своемъ стольномъ Кіевѣ, онъ готовъ представить себѣ завидную жизнь въ эдемѣ, съ нестарѣющимися гуріями. Но какъ обойтись безъ вина?—«У насъ на Руси питіе весьма похвально. Отъ него мы имѣемъ веселіе, а безъ него мы жить не можемъ». Тоска вѣдь снова придетъ; безъ вина чѣмъ прогнать ее?—Коли такъ, не годится намъ ваша вѣра.

А сердце проситъ живой пищи; чувство ищетъ выхода на просторъ; слово стремится высказать свои терзанія, свои сомнѣнія.

— Понимаемъ, чего вамъ хочется. Болитъ душа, нужно врачевать ее Словомъ Божіимъ. Земной намѣстникъ этого Бога-Слова—нашъ святѣйшій отецъ папа,—предлагая Владиміру свое ученіе, говорятъ католики—римскіе заѣзжіе купцы и вмѣстѣ пропагандисты своего толка. — Какъ же врачуетъ вашъ папа душевный недугъ?—Примите его отеческую власть надъ собою, и вы скоро увидите отъ него милость.—Да въ чемъ сущность дѣла-то у васъ?—Молитва и постъ. Бѣсовъ изгоняютъ, говорятъ, въ Римѣ—молитвою. А постъ по произволенію; все въ рукѣ папы. Передали ему свою власть св. Апостолы Петръ и Павелъ. — Да все вы толкуете о власти и подчиненіи; вѣра ваша отъ нашей чѣмъ разнится? Что у васъ лучше, а у насъ хуже? — Боги ваши деревянные! — Знаю. — А нашъ Богъ сотворилъ небо и землю! — Хорошо. А папа? —Онъ намѣстникъ божій на землѣ... Примите отеческую власть его.— Отцы наши никогда не принимали и не терпѣли чужой власти—и намъ заповѣдали тоже. Потому принять власть вашего папы, не зная для чего, не хочу я—отвѣчалъ почти съ гнѣвомъ Владиміръ, не понявъ (изъ словъ папскихъ слугъ) сущности благодѣяній христіанства. Да и что могъ узнать пытливый и прозорливый князь о высочайшей мудрости въ здѣшнемъ свѣтѣ — какова тайна христіанскихъ обѣтованій—отъ нѣмецкихъ средневѣковыхъ купцовъ, для которыхъ присвоеніе (всего ближе въ видѣ единовѣрія) русскихъ достатковъ всегда было любимѣйшимъ изъ стремленій ихъ близорукаго разсчета. Корысть привлекала ихъ въ далекій Кіевъ. Корысть, при явной недалекости собственнаго пониманія своей религіи, ограничиваемой взносомъ десятины

папѣ, да обрядовою стороною пышнаго богослуженія,— гдѣ дорогой металлъ возвышалъ величавость холодныхъ церемоній и пышное облаченіе духовенства являлось смѣшаннымъ въ умахъ поклонниковъ въ одно нераздѣльное цѣлое, воплощавшее всѣ духовные идеалы и сердечныя стремленія — и составляла главный рычагъ ихъ темнаго существованія.

Выше этихъ христіанъ стояли даже талмудисты, тоже не подвигавшіеся впередъ со своимъ безъисходнымъ лабиринтомъ предписаній и наставленій. Прозелиты этой религіи были торговцы, приходившіе въ Кіевъ не издалека—изъ Тавриды, отъ хозаръ, за вѣкъ съ небольшимъ еще владѣвшихъ (хотя номинально) самимъ Кіевомъ.

Предлагатели іудейства начали съ того же, съ чего и болгары. Обрѣзаніе и воздержаніе отъ трефныхъ животныхъ и они выставили прежде всего, въ числѣ главнѣйшихъ условій перехода въ ихъ религію. Превосходство ея предъ христіанствомъ, впрочемъ, находили въ одномъ поклоненіи Богу Авраамову, хвастаясь какъ бы, что іудеямъ удалось довести Христа до мучительной смерти на крестѣ. «Тогда рѣшили наши старцы: пусть лучше одинъ учитель этотъ—заключаютъ они—принесенъ будетъ въ жертву, а спасется наша земля и народъ».—А гдѣ же земля ваша? спрашиваетъ случайно, черезъ толмача, Владиміръ.—Въ Іерусалимѣ.—Зачѣмъ же живете у хозаръ?—Да Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и разсѣялъ всюду, а Іерусалимъ предалъ христіанамъ.—Вотъ что?! Какъ же вы смѣете предлагать вашу вѣру другимъ, когда Богъ васъ не перестаетъ карать— велѣлъ передать толмачу князь, примолвивъ:—этакъ и мы, если васъ послушаемъ, испытаемъ вашу же участь— не хочу этого. Подите.

А душа князя все искала новой истины, требуя пищи духовной.

Приходитъ къ Владиміру грекъ-византіецъ-философъ. Сурово было лицо этого человѣка; борода сѣдая, тѣло сухо, кожа прилипла къ костямъ—смуглая кожа, испестренная синеватою сѣтью жилокъ. Звонокъ хотя, но какъ бы надорванъ былъ его пронзительный голосъ, а изъ подъ густыхъ сивыхъ бровей, во впалыхъ глазахъ горѣлъ какой-то чудный пламень. Въ пышный теремъ князя пришелъ онъ незваный, никому не знакомый, но прямо заговорилъ, безъ толмача, чисто-русскою рѣчью. Оказалось, что зналъ онъ хорошо, какъ охотно слушаетъ ласковый князь бесѣды о вѣрѣ. Зналъ, что говорили болгары волжскіе, католики римскіе, да іудействующіе учители о вѣрѣ, — и прямо началъ восторженно рѣчь о грозной порѣ страшнаго суда. На Содомъ и Гомору спустилъ Богъ горящіе камни, но горе это не такъ тяжело какъ то, что ожидаетъ въ день суда и погибели нераскаянныхъ. Господь погубитъ всѣхъ «творящихъ беззаконіе и дѣющихъ скверну», заключилъ старецъ рѣшительно. Владиміръ прошепталъ только: «нечисто дѣло». Объяснилъ онъ тогда разницу греческаго исповѣданія отъ латинянъ и почему они неправы со своими нововведеніями.

— А что говорили мнѣ жиды, правда-ли, спросилъ Владиміръ,—что нѣмцы и греки самые вѣруютъ въ распятаго жидами?

— Мы вѣруемъ такъ подлинно, подтвердилъ проповѣдникъ,—и это предсказали пророки, которыхъ іудеи держали въ темницахъ и умерщвляли, но истинное слово ихъ сбылось. Прореченый сошелъ съ небесъ Христосъ, пострадалъ, но воскресъ и вознесся опять.

— Зачѣмъ же божество сходило на землю? еще спросилъ Владиміръ.

И въ отвѣтъ проповѣдникъ все разсказалъ подрядъ, что зналъ о Христѣ и судьбѣ церкви его до седьмаго собора вселенскаго; затѣмъ, перейдя къ карамъ за грѣхи и воздаянію за добро, вынулъ изъ подъ полы картину страшнаго суда и на ней перечелъ всѣ подробности. Владиміръ только вздыхалъ, слушая. Сердце его было глубоко потрясено рѣчью старца. «Добро стоящимъ направо» промолвилъ князь въ горькомъ раздумьи.—Если ты хочешь съ ними быть — крестись.—Князь крѣпко задумался и, послѣ долгаго молчанія, вставая, отрывисто молвилъ, ни къ кому прямо не обращаясь: «испытаю!» Старецъ-философъ съ дарами и честью отпущенъ. Великій князь собралъ бояръ и старцевъ и, открывъ собраніе, разсказалъ свои впечатлѣнія при всѣхъ бывшихъ разговорахъ о сущности вѣръ предлагаемыхъ. Склоняясь на сторону греческаго проповѣдника, князь все еще не рѣшался—и сомнѣнія свои не скрылъ отъ совѣтниковъ. «Грекъ» сказалъ онъ: «всѣхъ опрокинулъ. Насказалъ что при началѣ вѣка и что будетъ въ будущемъ свѣтѣ, чудно слышать; хитро говорилъ: встанемъ по смерти и не умереть потомъ вѣчно. Если же не принять ихъ вѣры—сгорѣть въ вѣчномъ огнѣ! Вы что скажете?

— Всякъ, княже, свое хвалитъ, хуля чужое. Не соизволишь ли точно испытать: какъ и что у нихъ. Пошли мужей; увидятъ и скажутъ, ничего не покрывая.

Много совѣтниковъ сошлись съ намѣреньемъ князя и рѣшеніе принято. 200 мужей именитыхъ отправились изъ Кіева объѣзжать страны, откуда являлись въ столицу предлагатели вѣръ своихъ.

Болгаровъ волжскихъ ни бытъ, ни обряды вѣры не пришлись по душѣ посланникамъ. Отвѣтъ по возвращеніи дали они князю совсѣмъ отрицательный. Отъ нѣмцевъ велѣно проѣхать имъ въ Царь-градъ. И латинскимъ обрядомъ остались они неудовлетворенные, много чинности да мало теплоты. Изъ Царь-града вынесли, напротивъ, другія чувства. Царь, принявъ посланниковъ, просилъ патріарха показать прибывшимъ всю полноту торжественнаго соборнаго служенія іерарха съ клиромъ въ единственномъ храмѣ св. Софіи. Десять избранниковъ изъ руси, поведены самимъ царемъ Василіемъ въ храмъ и такъ поставлены, что все могли высмотрѣть—и изящество зданія и величіе служенія—и слышать пѣніе хора. Во всю литургію стояли послы Владиміровы какъ бы внѣ себя. Священнослужители казались имъ небожителями, церковь—небомъ, а пѣніе звуками нездѣшняго міра. При распросахъ царя, они не находили словъ выразить свой искренній восторгъ. То же повторили они и великому князю на совѣтѣ боярскомъ въ Кіевѣ, заключивъ рѣшеніемъ: «служба ихъ (грековъ) къ Богу паче иныхъ странъ превосходитъ, и мы даже забыть не можемъ красоты. Всякъ бо человѣкъ, аще вкуситъ сладко, послѣди горести не пріемлетъ; тако и мы не можемъ болѣе здѣ быти». Совѣтники прибавили къ объясненію пословъ, яко-бы потому уже можно заключить о превосходствѣ вѣры грековъ, что приняла ее премудрая Ольга.—Гдѣ же намъ принять крещеніе? прямо спросилъ тогда Владиміръ.—Гдѣ любо тебѣ, отвѣчала въ голосъ дружина.

За этимъ рѣшеніемъ, въ лѣтописи начинается съ греками война у Владиміра, осадившаго Херсонесъ въ Крыму и взявшаго его благодаря измѣнѣ Анастаса. Какъ это случилось, почему война, съ какою цѣлью?—

лѣтопись не даетъ отвѣта, какъ о дѣлѣ до того извѣстномъ, что говорить не приходится,—или случайно попавшемъ сюда, не вѣдомо какъ для самого писца. Мы готовы принять послѣднее объясненіе, потому что хотя и состоялось посольство къ византійскимъ императорамъ съ просьбою руки сестры ихъ Владиміру, но не видно, что было оно въ связи со взятіемъ Корсуня. Хотя и упоминается угроза, что если не отдадутъ сестры, то онъ, Владиміръ, еще возьметъ другой городъ какъ взяли Корсунь,—но опять и этотъ фактъ остается одиноко поставленнымъ, безъ видимой связи съ предыдущимъ.

Императоръ Василій, отговариваясь отдать, ни съ того ни съ сего сестру, за жениха, имъ какъ-бы до того совсѣмъ неизвѣстнаго, ставитъ условіемъ полученія руки царевны—крещеніе. При передачѣ Владиміру такого отвѣта, князь рѣшается принять христіанство, прибавивъ, что онъ уже самъ испытывалъ вѣру Спасителя и она ему *любезна*. Затѣмъ—обѣщаніе императоровъ привезти невѣсту по крещеніи Владиміра, который съ своей стороны предлагаетъ имъ придти съ царевной *и окрестить его*.

Посылаютъ невѣсту и съ нею «сановники и пресвитеры», но царевна высказываетъ отвращеніе отъ брака съ «русскимъ поганиномъ». Ея убѣждаютъ пожертвовать собою для пріобрѣтенія Христу русской земли и, главное, для избавленія Греціи «отъ рати лютыя», съ которою не знаютъ что́ дѣлать Византійскіе правители.

Княгиня пріѣзжаетъ; принимается корсунянами торжественно. У Владиміра болятъ сильно глаза. Онъ крестится и получаетъ здоровье, когда на очи ему возложилъ греческой епископъ куколь свой. Крестившись, князь обручается съ царевною Анною, поучается святителемъ, беретъ мощи св. Климента съ мраморными конями и уѣзжаетъ Кіевъ, отдавъ Корсунь грекамъ.

Въ Кіевѣ начинается поруганіе идоловъ и низверженіе этихъ недавнихъ еще предметовъ горячаго чествованія религіознаго Владиміра. Затѣмъ, какъ послѣдній фактъ высокой народной эпопеи,—блистательный эпилогъ ея,—слѣдуетъ крещеніе народа. Бирючи, ходя по всѣмъ улицамъ, именемъ князя велятъ идти на мелкій протокъ Днѣпра—Почайну—*креститися*, подъ опасеніемъ, за упрямство и непослушаніе этого приказа, сдѣлаться *противнымъ* государю. Ослушливыхъ нѣтъ. Всѣ идутъ, разсуждая, что если у грековъ приняли законъ князь и бояре, то должно быть религія эта лучшая. Самъ князь со священниками утромъ является на Почайну. Народъ входитъ въ воду, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ до шеи.—Священники читаютъ, раздѣлившись по купамъ, молитвы крещенія. Эпосъ народный вводитъ при этомъ—какъ одушевленное существо — дьявола, оплакивающаго свою бѣду и изъянъ. Ему негдѣ уже найти противъ Руси, гдѣ уже не будетъ онъ впредь царствовать. Затѣмъ люди окрестились и уходятъ по домамъ. Владиміръ произноситъ молитву благодарнаго обѣта—строить храмы, — потому что «радъ бысть.» Отъ души отвалился камень печали — подвигъ совершенъ.

Ужели и эти черты заключительныя—не подтверждаютъ цѣльности, недѣлимости, дошедшаго до насъ въ отрывкахъ, народнаго эпоса о Владимірѣ?

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ мѣсто крещенія Руси и памятникъ Владиміру.

П. Петровъ.

Сумасшедшій.

(Изъ записокъ доктора).

Часъ моихъ консультацій прошелъ. Изъ приходившихъ въ этотъ день больныхъ—по большей части были все легкіе; а поэтому, возвратившись въ свои комнаты, я находился въ очень веселомъ настроеніи духа. Здѣсь меня окружили мои маленькіе ребятишки—и всѣ они наперерывъ другъ предъ другомъ спѣшили дать мнѣ свой утренній поцѣлуй. Весеннее солнце такъ привѣтливо свѣтило сквозь открытыя окна, изъ саду доносились такъ весело голоса птицъ, что я невольно поддался этому обаятельному вліянію и совершенно забылъ о своей докучливой обязанности.

Однако за это не замедлило послѣдовать и наказаніе. Едва я успѣлъ усѣсться къ открытому окну, и закуривъ сигару, только что хотѣлъ прочитать нѣкоторыя письма и газеты, какъ вдругъ къ величайшей досадѣ былъ выведенъ изъ благодушнаго состоянія топотомъ копытъ, приближающимся къ моему дому.

«Ну теперь простись съ покоемъ», подумалъ я, и съ легкимъ вздохомъ отложилъ бумаги въ сторону.

Въ это мгновеніе лошадь остановилась у моего дома. Я вышелъ въ смежную комнату, чтобы посмотрѣть, кто такъ некстати нарушилъ мое dolce far niente и, къ своему ужасу, узналъ управляющаго имѣніемъ Л., который въ это самое время передавалъ поводья лошади моему слугѣ.

Взглянувъ на вошедшаго посла, я тотчасъ же понялъ, что тутъ должно быть что-нибудь серіозное. Онъ едва переводилъ духъ и былъ весь забрызганъ грязью.

— Отъ госпожи, сказалъ онъ подавая письмо,—и вѣроятно очень спѣшное, потому-что я получилъ приказъ ѣхать возможно скоро.

Я съ нетерпѣніемъ распечаталъ письмо, и къ моему удивленію прочиталъ: «Пріѣзжайте какъ можно скорѣе. Мы всѣ внѣ себя отъ ужаса. Представьте себѣ, что нашъ маленькій Алёша, который вотъ уже нѣсколько дней былъ очень страненъ,—близокъ къ помѣшательству; покрайней мѣрѣ мой мужъ опасается этого.»

На мой вопросъ, давно ли малютка лежитъ въ постели, управляющій отвѣчалъ, что, сколько ему извѣстно, маленькій больной находился постоянно на ногахъ и что предъ отъѣздомъ онъ видѣлъ его весело-играющимъ.

У меня какъ будто камень свалился на сердце. «Значитъ ребенокъ не бредитъ, а дѣйствительно помѣшался», думалъ я.

Я хорошо зналъ этого мальчика съ его большими, не по лѣтамъ умными глазами, въ которыхъ постоянно свѣтилась такая любовь и доброта. Мнѣ было очень жаль бѣднаго мальчугана—и я рѣшилъ сдѣлать все возможное съ своей стороны, чтобы возстановить его нарушенныя мозговыя отправленія.

— Скажите вашей госпожѣ, что я буду тотчасъ же, какъ только управлюсь съ своими городскими па-

ціентами, обратился я къ посланному, который откланявшись поспѣшилъ въ обратный путь.

Сдѣлавъ только самые необходимые визиты, на что́ потребовалось не болѣе получаса, я немедля отправился въ имѣніе, находившееся отъ города верстахъ въ 15 — 20.

Несмотря на то, что солнце привѣтливо и тепло свѣтило въ открытыя окна моей кареты, а вся пробуждающаяся природа, съ ея разцвѣтающими деревьями и зеленѣющими лугами, располагала человѣка къ тихой радости и безмятежному спокойствію,—несмотря на все это, я никакъ не могъ отдѣлаться отъ мрачнаго настроенія духа, и мысль о бѣдномъ мальчикѣ не давала мнѣ покою.

Наконецъ мы свернули съ шоссе и въѣхали въ длинную аллею, которая мимо обширнаго парка вела прямо къ имѣнію. По своему обыкновенію я остановился здѣсь—и отправивъ карету, самъ пѣшкомъ направился къ дому.

Едва успѣлъ я пройти нѣсколько шаговъ, какъ между зеленѣющими деревьями замѣтилъ бѣлое платье, а тотчасъ же послѣ этого явилась и хозяйка, которая, зная мое обыкновеніе, казалось уже давно поджидала меня здѣсь.

— Ахъ, какъ я рада, господинъ докторъ, что вижу васъ наконецъ! Мнѣ такъ тяжело, я такъ несчастлива, какъ будто намъ грозитъ какое-то большое, большое несчастіе, обратилась она ко мнѣ, а на глазахъ выступили крупныя слезы.

Въ одно мгновеніе исчезла вся моя докторская безсердечность—и я, съ живѣйшимъ участіемъ взявъ ея за руку, спросилъ:

— Но, ради Бога, скажите мнѣ, сударыня, какимъ образомъ могли вы придти къ такому странному предположенію. Что́ могло навести васъ на мысль, что вашъ умненькій Алёша потерялъ разсудокъ. Разскажите пожалуйста, что́ такое случилось.

— Если говорить правду, г-нъ докторъ, то я при всей моей наблюдательности не замѣчаю ничего страннаго въ поведеніи дитяти; но мой мужъ — вы знаете, что онъ онъ нѣсколько лѣтъ учился въ медицинской академіи, — видитъ первые симптомы начинающагося сумасшествія.

При этомъ бѣдная женщина, закрывъ лицо руками, горько заплакала.

— Прошу васъ, успокойтесь. Я васъ увѣряю, что опасенія ваши совершенно неосновательны.

— Если бы это была правда, г-нъ докторъ!... Но посмотрите на моего мужа, который, послѣ своего недавняго паденія съ лошади, сталъ очень воспріимчивъ ко всякаго рода впечатлѣніямъ,—какъ онъ бываетъ несчастливъ, когда смотритъ на нашего бѣднаго малютку, съ какимъ трудомъ удерживаетъ при этомъ слезы, что́ довольно странно въ такомъ твердомъ и мужественномъ человѣкѣ какъ онъ... Ахъ, господинъ докторъ, я такъ несчастна, и немогу вамъ сказать, какія страшныя мысли приходятъ иногда мнѣ въ голову.

Въ то время, какъ я въ смущеніи выслушивалъ эти, дрожащимъ голосомъ произносимыя, слова, въ умѣ моемъ зародилось страшное подозрѣніе. Я пытливо посмотрѣлъ на свою спутницу. Можетъ быть и ее преслѣдовали подобныя мысли. Что если...

— Паденіе съ лошади? спросилъ я совершенно смущенный, съ трудомъ удерживая волненіе.—Объ этомъ я ничего не слыхалъ!

— Вы сами очень хорошо знаете, г-нъ докторъ, какъ равнодушенъ мой мужъ ко всему, что́ относится до него. Поэтому онъ просилъ меня не утруждать васъ, когда недѣли двѣ тому назадъ, при перепрыгиваніи черезъ ровъ, свалился въ него вмѣстѣ съ лошадью. Онъ жаловался тогда на головную боль, которая однако, по его словамъ, теперь совершенно прошла.

Молча и ускоренными шагами направились мы далѣе къ дому. Мною овладѣло неизъяснимо-гнетущее настроеніе духа. Когда мы прошли лужайку, я просилъ госпожу М., сначала оставить меня одного съ ея мужемъ; позднѣе же, когда будетъ нужно, я попрошу ее придти вмѣстѣ съ Алёшей.

Итакъ я одинъ вошелъ въ кабинетъ помѣщика, который въ это время, обратившись ко мнѣ спиною, покоился въ креслѣ. При входѣ моемъ онъ обернулся—и едва узналъ, какъ тотчасъ же бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями. На одно мгновеніе блѣдное лицо его озарилось радостнымъ волненіемъ, но оно тотчасъ же смѣнилось глубокой печалью. Его глаза были такъ тусклы—и вообще вся фигура носила на себѣ отпечатокъ такой вялости и усталости, что при взглядѣ на него мнѣ сдѣлалось даже больно. Однако я не терялъ еще надежды, потому что *извѣстное нѣчто*, которое я опасался замѣтить въ его глазахъ, я никакъ не могъ открыть; взглядъ его, хотя тусклый и печальный, былъ однако спокоенъ и осмысленъ.

— Кто-бы могъ это думать, добрѣйшій докторъ!... Помните вы, какъ мы нѣсколько недѣль тому назадъ забавлялись умненькимъ мальчикомъ? — а теперь онъ теряетъ свой разсудокъ! Вѣдь это ужасно!

При этихъ словахъ, этотъ обыкновенно крѣпкій, теперь совершенно разбитый человѣкъ разразился судорожными рыданіями. Я старался его успокоить и просилъ снова усѣсться въ кресло, при чемъ старался убѣдить его, что онъ ошибается, что еще ничего нѣтъ особеннаго дурнаго.

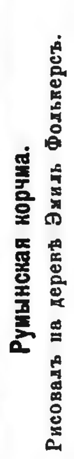
Когда я началъ говорить, онъ посмотрѣлъ на меня сначала большими, удивленными глазами; потомъ выраженіе ихъ стало дѣлаться все гнѣвливѣе и гнѣвливѣе и въ тоже время въ нихъ появилось то *нѣчто блуждающее*, котораго я такъ опасался. Лицо его покраснѣло, а жилы на лбу напружились какъ веревки. Замѣтивъ это, я замолчалъ; а онъ, порывисто начавъ, проговорилъ залпомъ:

— Итакъ, докторъ, вы дѣлаете такъ же какъ и другіе. И вы также не хотите видѣть несчастіе пока еще не поздно. Видѣли ли вы Алёшу?

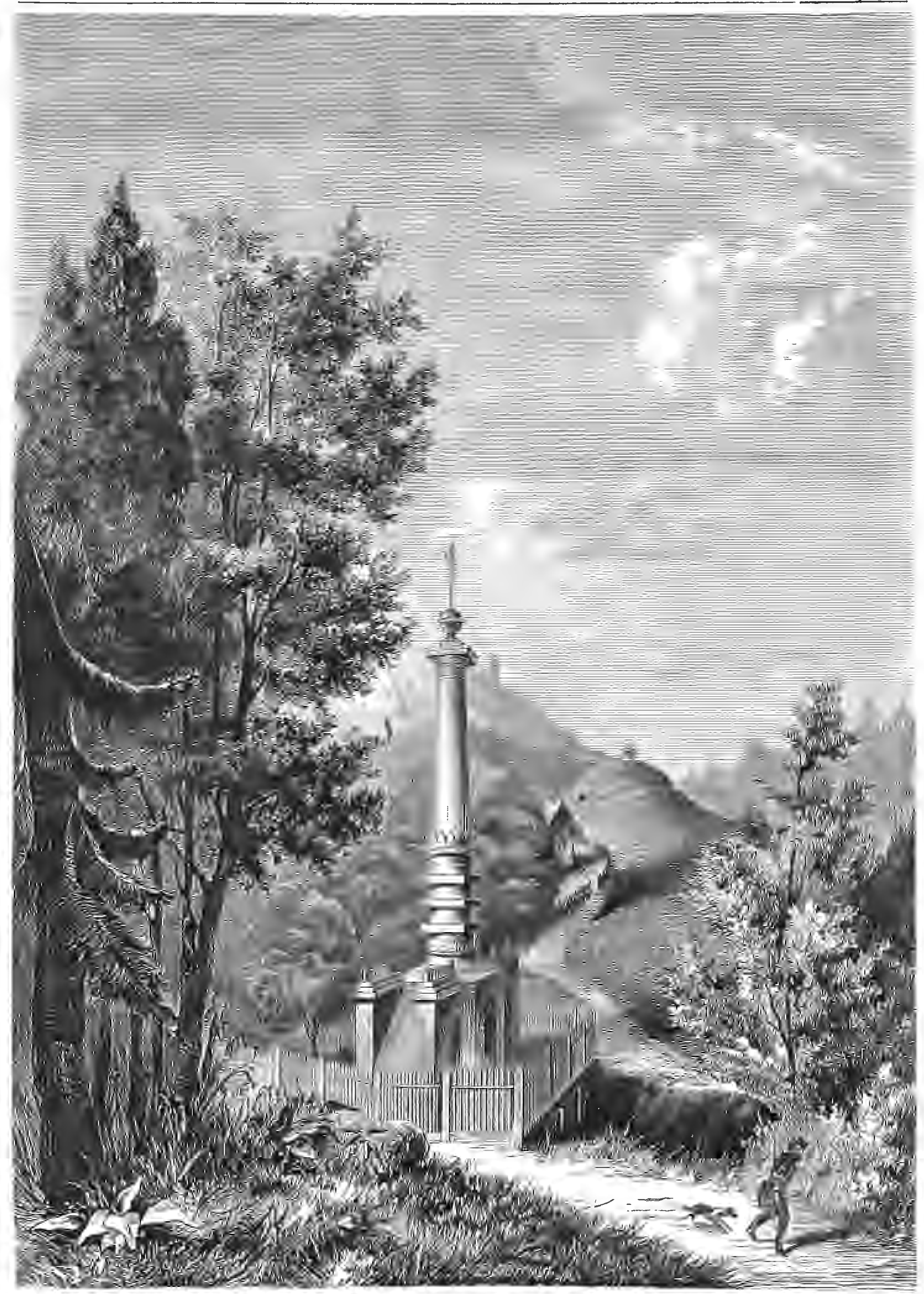
Когда я отвѣчалъ, что нѣтъ, онъ продолжалъ довольно ѣдко.

— Какъ же вы можете судить объ этомъ, господинъ докторъ? и позвонивъ, приказалъ вошедшему слугѣ позвать Алёшу.

Теперь къ несчастію была потеряна послѣдняя надежда. Мой бѣдный другъ, вѣроятно вслѣдствіе паденія, дѣйствія котораго, оставшись незамѣченными, имѣли возможность безпрепятственно развиться, сошелъ съ ума и страдалъ въ высшей степени развитою маніей. Собственно говоря, его другія умственныя силы (что́ случается довольно часто) были совершенно нормальны, но кто могъ поручиться, что и онѣ въ скоромъ времени не будутъ разрушены. Мнѣ ясно представилось, какія печальныя послѣдствія будетъ имѣть это для семьи, совершенно беззаботной и счастливой до этого времени. Мнѣ съ трудомъ удавалось сохранять свое присутствіе духа.

Румынская корчма.
Рисовалъ на деревѣ Эмиль Фолькерсъ.

Мѣсто крещенія Руси въ Кіевѣ.
Рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго ожиданія—и мальчикъ вмѣстѣ съ своей матерью вошли въ комнату.

Едва ребенокъ замѣтилъ меня, какъ тотчасъ же съ радостнымъ крикомъ бросился ко мнѣ на шею и такъ судорожно обвился вокругъ нея своими маленькими ручонками, какъ бы инстинктивно ища защиты у дядидоктора, отъ всѣхъ тѣхъ невзгодъ, которыя обрушились за послѣднее время на его бѣдную головку.

Отецъ позвалъ мальчика къ себѣ—и этотъ охотно, хотя боязливо потупивъ глаза, направился къ нему. Господинъ М. посмотрѣлъ на меня, какъ бы говоря этимъ: «ну, убѣждайтесь теперь сами».

Съ минуту помѣщикъ молча ласкалъ ребенка,—который, сидя у него на колѣняхъ, боязливо поглядывалъ на всѣхъ насъ,—потомъ, отпустивъ его отъ себя, онъ вдругъ разразился горькими жалобами.

— Ахъ мое бѣдное, бѣдное дитя, говорилъ онъ,— лучше бы Господь Богъ прибралъ тебя поскорѣе, чѣмъ дать обрушиться на тебя этому страшному несчастію!... Видѣть моего бѣднаго мальчика въ сумасшедшемъ домѣ— это слишкомъ ужасно... Я бы скорѣе согласился десять разъ схоронить его, чѣмъ это...

Мои опасенія росли съ минуты на минуту. Я не ожидалъ чтобы разстройство зашло такъ далеко. Во всякомъ случаѣ необходимо было какъ можно скорѣе покончить съ этой печальной сценой, въ особенности ради бѣднаго дитяти. При этомъ я рѣшилъ не выпускать изъ подъ своей защиты бѣднаго мальчугана, чего бы это ни стоило. Мой планъ былъ рѣшенъ.

Едва Алёша успѣлъ, по моему настоянію, выйти изъ комнаты, какъ М. едва слышнымъ отъ слезъ голосомъ спросилъ меня: —Ну, что̀ вы скажете теперь, добрѣйшій докторъ.

— Къ несчастію, я долженъ согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, мой другъ; я дѣйствительно замѣтилъ нѣкоторыя измѣненія въ поведеніи бѣднаго ребенка, и ваше опредѣленіе основывается на извѣстныхъ фактахъ.

При этихъ словахъ помѣщикъ посмотрѣлъ торжествующимъ взглядомъ на свою поблѣднѣвшую жену. Казалось и ей теперь стали совершенно ясны прежнія смутныя подозрѣнія; но она съ удивительнымъ самообладаніемъ — которое въ такія минуты такъ часто является у женщинъ — не проронила въ отвѣтъ на это ни одного слова.

— Однако я вполнѣ увѣренъ, продолжалъ я далѣе,— что начинающееся зло можно, при хорошемъ леченіи, сначала остановить а современемъ и совершенно уничтожить. Но для этого я считаю необходимымъ измѣнить обстановку, въ которой находится ребенокъ,—и для этой цѣли прошу поручить его моему надзору.

Я напряженно ожидалъ возраженій со стороны моего паціента; но, къ моему величайшему удовольствію, онъ былъ согласенъ на все, что̀ впрочемъ случается всегда съ такими больными, если только съумѣть на время согласиться съ ихъ мнѣніями.

— Ну, теперь потолкуемъ объ васъ, мой другъ. Безпокойство и страданія послѣднихъ дней очень серіозно отозвались на вашемъ здоровьи, обратился я къ нему, взявъ за руку, чтобы пощупать пульсъ. Онъ былъ полный, твердый и нѣсколько ускоренный. Проведя рукою по головѣ (слегка, чтобы не возбудить подозрѣній), я болѣе не сомнѣвался въ послѣдствіяхъ паденія. Голова была очень горяча и суха.

— Видите-ли, добрый другъ, началъ я,—если вы не хотите имѣть серіознаго воспаленія мозга, то необходимо, чтобы вы сейчасъ легли въ постель. Приставьте нѣсколько піявокъ къ головѣ, и, впредь до моего возвращенія, обкладывайте ее холодными компрессами. Вмѣстѣ съ тѣмъ я пропишу вамъ еще кое-что.

М. повиновался какъ маленькій ребенокъ. Я простился съ нимъ. Госпожа М. тоже послѣдовала за мною. Едва успѣли мы добраться до передней, какъ ея силы казались покинули ее — и она, упавъ на стулъ, воскликнула:

— Ради Бога, докторъ, скажите, чего вы опасаетесь?

Сообщеніе ей моихъ дѣйствительныхъ опасеній было бы смертельнымъ ударомъ; поэтому, съ самой беззаботнѣйшей миной на свѣтѣ и съ самообладаніемъ, которому впослѣдствіи самъ удивлялся, я ей отвѣчалъ:

— Ровно ничего, сударыня. Паденіе съ лошади вызвало легкое сотрясеніе мозга у вашего мужа—вотъ и все. Конечно, полнѣйшее пренебреженіе леченіемъ нѣсколько ухудшило его состояніе, но при хорошемъ уходѣ это дѣло легко поправимое и скоро совершенно пройдетъ. Однако безусловно необходимо, чтобы онъ перемѣнилъ мѣстопребываніе. На первый случай я возьму Алёшу съ собою, чтобы отсутствіемъ его устранить всякій поводъ къ печальнымъ мыслямъ.

Относительно страшнаго предположенія, въ которомъ я былъ теперь вполнѣ убѣжденъ, я не намекнулъ ни полсловомъ.

Распрощавшись съ нѣсколько успокоенною дамой, я вышелъ изъ дома, обѣщая завтра же утромъ пріѣхать опять, съ однимъ изъ моихъ товарищей, который спеціально занимается душевными болѣзнями.

Но прежде чѣмъ сѣсть въ карету, я отвелъ въ сторону управляющаго и сказалъ ему:

— Любезный г-нъ Р., могу ли я разсчитывать на ваше молчаніе, а также на исполненіе одного порученія, касающагося г-на М.?

— Вполнѣ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, что господинъ М. помѣшался. Вы не должны отходить отъ него ни на минуту, пока я не возвращусь обратно.

— Я буду постоянно при немъ, отвѣчалъ въ высшей степени пораженный и огорченный управляющій.

Затѣмъ, усѣвшись съ Алёшей въ карету, я выѣхалъ изъ имѣнія, погруженный въ самыя мрачныя размышленія.

Прибывъ домой, я наскоро закусилъ и тотчасъ же отправился на желѣзную дорогу, чтобы съ первымъ же поѣздомъ уѣхать на станцію Л., неподалеку отъ которой одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищей, докторъ С.,—очень талантливый молодой человѣкъ, спеціально изучившій нервныя болѣзни,—управлялъ заведеніемъ для больныхъ душевными недугами.

Пріѣхавъ туда, я сейчасъ же освѣдомился, дома ли докторъ С. и, къ большому моему удовольствію, получилъ утвердительный отвѣтъ. Меня ввели въ небольшой убранный въ совершенно античномъ вкусѣ залъ, гдѣ и просили обождать. Комната вполнѣ гармонировала съ тѣмъ представленіемъ, которое я сохранилъ о моемъ другѣ. Только въ такихъ и никакъ не иначе убранныхъ комнатахъ могла свободно дышать эта классически-серіозная натура. Въ эту минуту съ противоположной стороны показался д-ръ С. и остановился, глядя на меня и что-то вспоминая.

Это былъ все тотъ же высокій, сильный, почти-что юношески-свѣжій человѣкъ, съ умнымъ, серіознымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнымъ лицомъ, съ тѣ-

ми прекрасными выразительными глазами, которые составляютъ могущественнѣйшее орудіе каждаго психіатра. Съ его наружностью вполнѣ согласовались и его внутреннія качества.

Онъ казалось припомнилъ меня, и по лицу его пробѣжала дружеская улыбка. Мы сердечно пожали другъ другу руки, и усѣвшись засыпали другъ друга вопросами, какъ это всегда бываетъ при встрѣчѣ долго невидавшихся друзей. Но я не могъ терять времени, и первый прервалъ эту дружескую болтовню.

— Чтобы приступить теперь прямо къ дѣлу, началъ я,—я долженъ сказать тебѣ, что пріѣхалъ просить твоей помощи въ одномъ очень печальномъ дѣлѣ. Представь себѣ, помѣщикъ М., мой близкій другъ и котораго ты вѣроятно помнишь,—онъ одновременно съ нами учился въ П. сельскому хозяйству, — сошелъ съ ума.

Послѣ этого я ему разсказалъ печальныя минуты, пережитыя мною сегодняшнимъ утромъ, между тѣмъ какъ онъ внимательно слѣдилъ за дымомъ своей сигары, что̀ онъ дѣлалъ всегда, когда разсказъ интересовалъ его особенно.

— И такъ, любезный коллега, окончилъ я свое повѣствованіе,—что̀ ты думаешь объ этомъ?

— Что господинъ М. не только помѣшался, но что мы имѣемъ дѣло съ очень труднымъ случаемъ, который каждую минуту можетъ перейти въ бѣшенство. Ты поступилъ очень умно, взявъ мальчика съ собою. Изъ твоего разсказа я могу заключить, что ты подозрѣвалъ кое-что.

— И такъ ты дѣйствительно думаешь что отецъ могъ бы... спросилъ я.

— Я ничего не думаю,—я могу тебѣ только сказать, что однажды имѣлъ дѣло съ совершенно такимъ же случаемъ; но тогда у меня еще не было теперешней опытности, я поступилъ не такъ какъ ты—и случай имѣлъ самый ужасный исходъ. Скажи мнѣ только, сильный ли человѣкъ этотъ управляющій и можно ли на него положиться.

— Ну, хотя онъ и не изъ такихъ геркулесовъ какъ ты, отвѣчалъ я смѣясь,—однако его можно тоже причислить къ очень крѣпкимъ людямъ. Положиться же на него вполнѣ можно—онъ одинъ изъ друзей этого семейства.

— Ну, тогда все хорошо; когда, думаешь ты, надо мнѣ пріѣхать?

— Я надѣялся, что ты отправишься вмѣстѣ со мною.

— Нѣтъ, такъ скоро нельзя, да послѣ принятыхъ тобою мѣръ оно не такъ и необходимо. Если не случится ничего особеннаго, то я пріѣду завтра же на 12-ти-часовомъ поѣздѣ, а оттуда вмѣстѣ въ твоей каретѣ, если только позволишь, отправимся въ имѣніе.

Мнѣ время было уже отправляться на станцію, и потому мы разстались, уговорившись съѣхаться на завтрешній день въ условленномъ мѣстѣ.

На другой день мы съ Алёшей встрѣтили д-ра С. на дебаркадерѣ и немедля отправились въ путь. Погода, еще съ утра грозившая бурей, вдругъ разразилась надъ нами цѣлыми потоками дождя и града.

Д-ръ С., который задумчиво смотрѣлъ на разыгрывающуюся бурю, обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ.

— Вѣроятно перемѣна погоды дурно повліяетъ на здоровье нашего больнаго—и потому мы должны быть приготовлены встрѣтить его въ худшемъ положеніи, чѣмъ вчера.

При этихъ словахъ, я замѣтилъ какъ по блѣднымъ щекамъ бѣднаго мальчика скатились двѣ крупныя слезы. Мы не ожидали, чтобы онъ слушалъ насъ съ такимъ вниманіемъ и понималъ все сказанное. Мы постарались замять этотъ разговоръ—и если упоминали о больномъ, то въ выраженіяхъ понятныхъ только намъ двоимъ.

Наконецъ скучное путешествіе было кончено, и мы пріѣхали въ имѣніе. Уже на балконѣ насъ встрѣтила хозяйка, блѣдное лицо и воспаленные глаза которой прямо доказывали, что она провела ночь совершенно безъ сна. По ея словамъ, мужъ проспалъ ночь весьма спокойно — только передъ полуднемъ сталъ онъ очень нетерпѣливъ и просилъ привести къ нему сына.

Съ каждой минутой нетерпѣніе его возрастало, такъ что его нельзя было долѣе удержать въ постели; онъ одѣлся и нѣсколько разъ приказывалъ запрягать лошадей.

Мы тотчасъ же рѣшили, взявъ Алёшу съ собою, отправиться къ больному, предупредивъ между прочимъ г-жу М., чтобы она до поры до времени не входила къ намъ.

Когда мы вошли въ комнату больнаго, онъ, сначала бурно заключивъ ребенка въ свои объятія, подалъ намъ дружески руки—и обратившись къ моему товарищу, котораго тотчасъ же узналъ, спросилъ:

— Ну, г-нъ докторъ, какъ вы находите мое бѣдное дитя?

Опытный психіатръ, который съ перваго же взгляда понялъ больнаго, отвѣчалъ очень непринужденно:

— Въ данную минуту не особенно хорошимъ, однако на будущее время я ожидаю всего лучшаго. Болѣзнь еще не сильно развилась—и ее можно легко излечить.

— Значитъ, еще есть надежда!.. О Боже, если бы это была правда!—Мой бѣдный Алёша! — и съ этими словами онъ снова посадилъ ребенка къ себѣ на колѣни.

Однако мало по малу съ лица его исчезла эта нечаянно вспыхнувшая надежда, а выраженіе глазъ съ каждой минутой дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Дѣло очень плохо, шепнулъ мнѣ товарищъ, не переставая зорко наблюдать за больнымъ,—можно каждую минуту ожидать взрыва бѣшенства.

— Ахъ, началъ несчастный снова,—сколько предстоитъ еще неизвѣстныхъ несчастій бѣдному дитяти! Если бы Господь Богъ сжалился и прибралъ бы къ себѣ моего бѣднаго Алёшу! При этомъ по блѣднымъ щекамъ его неудержимо текли слезы.

И такъ его постоянно и постоянно преслѣдовало ужасное желаніе смерти ребенка. Мой товарищъ, который казалось начиналъ безпокоиться, ни на минуту не спускалъ глазъ съ своего паціента. Потомъ вдругъ, скользнувъ очень быстро и безъ всякаго шума, онъ остановился около самаго больнаго. Какъ онъ мнѣ сообщилъ уже впослѣдствіи, онъ поймалъ взглядъ больнаго направленный на большой охотничій ножъ, который лежалъ тутъ же на письменномъ столѣ.

— Не хотите ли вы снова довѣрить мнѣ ребенка? спросилъ онъ мягкимъ, спокойнымъ голосомъ.

Господинъ М. сидѣлъ нѣсколько минутъ молча, и казалось въ душѣ его происходила какая-то борьба, потомъ вдругъ съ быстротою молніи схватилъ лежавшій около него ножъ, и съ словами: «лучше смерть чѣмъ...» хотѣлъ направить ударъ въ самое сердце ребенка; но въ ту же минуту желѣзная рука доктора удержала направленный ударъ—а глаза его спокойно и серіозно

устремились на больнаго. Алёша, не понимая, что́ такое случилось, съ плачемъ бросился ко мнѣ.

Нѣсколько секундъ М. сидѣлъ неподвижно, потомъ вскочилъ, и съ дикимъ крикомъ: «развѣ я не хозяинъ въ своемъ домѣ?» бросился на д-ра С.

Я хотѣлъ было поспѣшить на помощь, однако это было излишне. Мой сильный товарищъ схватилъ за руки бѣшенаго больнаго—и какъ ребенка снова усадилъ въ кресло, между тѣмъ какъ его спокойный, своеобразный взглядъ покоился на несчастномъ, который сначала отъвѣчалъ ему тоже дикимъ взглядомъ, но скоро опустилъ глаза въ землю и лежалъ безпомощнымъ какъ маленькое дитя.

Теперь С. освободилъ его руки—и не спуская съ него глазъ, сказалъ мнѣ на латинскомъ языкѣ:

— Позаботься сейчасъ же о крытой дорожной каретѣ, я сейчасъ же уѣду съ моимъ паціентомъ; однако не нужно, что бы онъ видѣлъ кого нибудь передъ отъѣздомъ. Предупреди также обо всемъ этомъ и г-жу М.

Я вышелъ. У двери я шепнулъ разстроенному ребенку: «неправда ли, дружокъ, ты ничего не скажешь мамѣ, о томъ что́ здѣсь случилось?.. иначе мама будетъ опять много плакать.»

— Конечно, нѣтъ! отвѣчалъ рыдающій мальчикъ, прижимая руку къ груди. Я зналъ теперь, что могу положиться на него и тѣмъ избавить мать отъ многихъ слезъ.

Я вошелъ къ г-жѣ М. съ самымъ беззаботнымъ лицомъ. Щадя по возможности, я ей сообщилъ, что мой опытный товарищъ, на котораго я могу вполнѣ положиться, считаетъ необходимымъ безотлагательную перемѣну обстановки больнаго. Поэтому онъ проситъ ее позволить взять ея мужа съ собою, но безъ всякихъ предварительныхъ прощаній, которыя могутъ только усилить болѣзненное возбужденіе г-на М. «Во всякомъ случаѣ» прибавилъ я въ заключеніе: «въ скоромъ времени можно надѣяться на самый лучшій исходъ.»

Я не берусь описывать, въ какомъ отчаяніи находилась г-жа М., выслушавъ мое сообщеніе. Въ эту минуту на дворѣ послышался стукъ быстро отъѣзжающей кареты. М. вскрикнула, и тутъ же упала безъ чувствъ.

Поздно вечеромъ разстался я съ этимъ маленькимъ, такъ недавно еще безмятежно-счастливымъ, а теперь столь глубоко-несчастнымъ семействомъ. Въ утѣшеніе намъ оставалась очень слабая надежда.

Теперь потянулись дни долгихъ ожиданій и печальныхъ предположеній. Извѣстія, получаемыя въ началѣ, были очень нерадостны—и я представлялъ себѣ будущность этого семейства въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. На мою долю выпала тяжелая обязанность ободрять и успокоивать бѣдную женщину.

Однимъ утромъ, такимъ же прекраснымъ, какъ то, въ которое я получилъ первое извѣстіе о постигшемъ семейство М. несчастіи, я сидѣлъ у открытаго окна—и по обыкновенію раздумывалъ о печальной будущности этого бѣднаго семейства

Вдругъ кто-то позвонилъ — и черезъ минуту слуга подалъ мнѣ телеграмму отъ д-ра С. Онъ писалъ:

«Съ третьяго дня значительное, существенное улучшеніе. Въ непродолжительномъ времени можно ожидать полнѣйшаго выздоровленія. Д-ръ С.».

Я сильно позвонилъ и приказалъ запрягать лошадей.

Мнѣ хотѣлось поскорѣе сообщить это радостное извѣстіе несчастной женѣ, и потому я погонялъ лошадей какъ можно скорѣе.

Обогнувъ шоссе, я вошелъ въ аллею, и здѣсь увидѣлъ г-жу М., сидящую подъ тѣнію стараго дуба; у ногъ ея игралъ маленькій Алёша.

Махая письмомъ, я кричалъ издали: «хорошія вѣсти!»

Она однимъ прыжкомъ очутилась около меня — и вырвавъ бумагу, казалось готова была поглотить ее. Затѣмъ послѣдовалъ потокъ радостныхъ слезъ, и г-жа М. упала безъ чувствъ. Извѣстіе слишкомъ сильно подѣйствовало на ея безъ того уже возбужденные нервы.

Д-ръ С. не обманулъ.

Дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли больной вернулся совершенно исцѣленнымъ, къ своимъ тоскующимъ женѣ и сыну. Радости и счастія, которыя испытывало это семейство, я не стану описывать. Они вѣроятно будутъ и безъ того понятны.

Смѣсь.

Уменьшеніе количества дождя во Франціи. Одинъ англійскій листокъ «Chemical News» приводитъ доказательство тому, что въ послѣднее десятилѣтіе количество выпадающаго дождя во Франціи постоянно уменьшается—и какъ на причину этого указываетъ на безразсудную вырубку лѣса, при чемъ не заботятся о новомъ произрастаніи таковаго, а также и на постоянную потраву прозябающихъ растеній скотомъ.

Гробница Маккавеевъ. Викторъ Гёренъ, въ своемъ отчетѣ Академіи Наукъ отъ 1 Іюля 1870 года, извѣщаетъ изъ Іерусалима, что онъ, изслѣдовавъ мѣстности къ востоку отъ Самаріи, приступилъ теперь къ изслѣдованію западныхъ и между прочимъ открылъ въ Кирбитъ-éль-Медіи знаменитую гробницу семейства Маккавеевъ. Сколько извѣстно, гробница эта воздвигнута Симономъ Маккавеемъ надъ прахомъ его отца, матери и братьевъ. Предпринятыя Гереномъ раскопки открыли планъ строенія и показали, что существовало семь склеповъ по числу членовъ знаменитаго семейства. Надъ каждымъ изъ склеповъ возвышаются пирамиды, которыя всѣ выстроены по прямой линіи въ рядъ. Наконецъ подъ нѣкоторыми изъ мусульманскихъ жилищъ, вблизи самой гробницы, были отрыты небольшіе куски колоннъ, почти что всѣ одинаковаго размѣра (47 центиметровъ); это остатки великолѣпной колонады, которая нѣкогда украшала фронтонъ мавзолея. Въ открытыхъ гробницахъ полъ оказался составленнымъ изъ мозаики и нѣкоторыя частички ея держались вмѣстѣ. Въ одномъ склепѣ найдено было пять или шесть человѣческихъ костей.

Почтовый ящикъ.

Многіе изъ подписчиковъ «Нивы» на 1871-й годъ обращаются въ редакцію съ вопросомъ: имѣются ли полные экземпляры журнала за 1870-й годъ. Редакція симъ увѣдомляетъ, что въ конторѣ находятся еще комплекты журнала съ 1-го до 52-го нумера. Цѣна безъ доставки 4 р., съ доставкою 5 руб.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 1 Января 1871 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 2. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльныя нумера продаются по 15 коп.)

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

ФАЛЬШИВАЯ БУМАЖКА.

(*Продолженіе*).

III
Бѣлый мавръ.

Самоваръ ставила хозяйская дочка Аграфена Яковлевна, или Груша; ей помогалъ работникъ Левушка, или Левка. Груша была маленькаго роста; Левка—не много выше средняго. Груша, несмотря на двадцать два года, начинала уже толстѣть и расползаться; тридцатилѣтній Левка былъ сухопаръ и жидокъ. Ее можно было назвать чистою брюнеткою, онъ смахивалъ на кроткаго финна. Если Грушу никто не выкидывалъ изъ ряду деревенскихъ красавицъ, то Левка былъ вовсе неказистый парень, или мужиченко; только въ его добрыхъ сѣрыхъ глазахъ теплилась какая-то не то мысль, не то осмысливающая страсть. Исторія Груши не особенно длинна и заманчива. Дѣвочкою, лѣтъ двѣнадцати, она изъ посёлка уѣхала къ материнской теткѣ, проживавшей въ ближайшемъ городкѣ, чуть-ли не къ чиновницѣ, съ достаткомъ и большимъ запасомъ претензій. Тетка одѣвала ее барышней, а знакомый засѣдатель привозилъ лакомства и подарки. Шестнадцати лѣтъ Груша, въ отсутствіе тетки, побывала какъ-то у засѣдателя, пришла отъ него заплаканою, но чтó случилось съ нею и не подумала разсказать вернувшейся теткѣ. Мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ этого, послѣдняя ругательски выругала «Груньку», исколотила ее и прогнала къ отцу въ посёлокъ. А тутъ мать, сварливая старуха, тоже не погладила за что-то по головкѣ; но какъ дочь была по виду и пріемамъ «великатная», то материнское сердце смягчилось—и вскорѣ въ семействѣ ихъ стало однимъ ртомъ больше. Со временемъ—Груша начала грубѣть, терять свое сходство съ уѣздною барышней; тѣмъ не менѣе, многіе проѣзжіе купцы, попадавшіе въ избушку «дружка», охотно перешептовались съ нею—и глядишь—послѣ инаго проѣзда—у Груши обновка или деньжонки.

Левка поступилъ въ работники недавно, съ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Какъ онъ попалъ въ посёлокъ—никто не обратилъ вниманія, даже паспорта у него не спросили: цѣну взялъ не высокую—двадцать рублей въ годъ, парень смирный, послушный, работящій,—о чемъ же заботиться! Веселымъ Левка бывалъ рѣдко, пьянымъ никогда. Старухѣ-хозяйкѣ онъ такъ понравился, что та оказывала ему милости словно сыну родному, и ей подчасъ западала въ голову лукавая мысль—не худо-молъ повѣнчать Груньку съ Левушкой, тѣмъ болѣе что работникъ заглядывался на хозяйскую дочку. Чѣмъ больше уходило время — тѣмъ сильнѣе становилась привязанность работника: онъ словно не могъ оторваться отъ вѣтреной дѣвушки, которая, перешептавшись съ проѣзжими, и ему бросала лукавый, многоговорящій взглядъ; даже «гонъ гонять», т. е. ямщичать сталъ онъ не такъ охотно: въ домѣ все сдѣлаетъ и живо, и скоро, и хорошо, а какъ въ дорогу—то все не клеится.

Пошла разъ Аграфена Яковлевна корову доить: Левка очутился въ томъ же сарайчикѣ. Неспокойная корова, ва, лягнувъ, едва не опрокинула крынку съ молокомъ.

— Ты бы, Левка, корову подержалъ—ишь лягается, немочь этакая!

Работникъ сталъ подлѣ коровы; глаза его лихора-

чно горѣли, руки дрожали. Груша посмотрѣла на него и усмѣхнулась.

— Чудной ты, Левка, сказала она,—такъ глядишь— словно любишь.

— А можетъ и люблю, тихо отвѣтилъ онъ.

— Что же, ужь не въ полюбовницы ли пойдти къ тебѣ?

— Пошто въ любовницы? тревожнымъ голосомъ возразилъ Левка,—рази въ жоны нельзя, честной свадьбой?

— Съ тобой-то! Убила бобра! Ты мужикъ, а я въ городѣ росла, какъ чиновничья дочка... Я, можетъ, къ какимъ платьямъ привыкла! и къ обращенью другому. Ты что?—работникъ... А я тогда только замужъ пойду, когда отъ мамыньки отойдти можно будетъ, свое хозяйство завести.

— Завели бы...

— Сказалъ! — завели бы: а гдѣ заводило?

— Работникъ я не плохой.

— Буркалы только пялишь, а удовольствія отъ тебя никакого... Развѣ такъ на хозяйство стать нужно? тяпъ-молъ, ляпъ и вотъ те карапь?... Мнѣ, думаешь, есть какая пріятность сидѣть съ мамынькой въ ея неряшествѣ?

— Все бы было, Аграфена Яковлевна, коли бъ любовь была; а то вотъ вы больно на подарки ласы, съ купцами тароваты.

— Что же по твоему—кикиморой сидѣть? Не такого я образованія...

Левка вспыхнулъ.

— Фря большая, вотъ что! началъ онъ тревожнымъ, злымъ голосомъ:—какое это тамъ образованіе—что-ли, коли чести нѣтъ, коли совѣсти хватаетъ кажному на шею вѣшаться?! Тьфу!

— А ты денегъ дай — да тогда и спрашивай... Я, можетъ, и сама хорошаго въ этомъ не вижу, — да не старуха я какая, что бы жисть свою за бѣдность подъ лавкой спать уложила. Я, можетъ, тоже страсть къ человѣку имѣю.

Поблѣднѣлъ Левка, услышавъ послѣднія слова.

— Къ кому? глухо спросилъ онъ.

— Можетъ, и къ вашему благородію! заигрывая отвѣтила Груша.

— Грунька! не врешь? радостно, задыхаясь отъ счастья, спросилъ работникъ.

Хозяйская дочка въ это время додоила корову, спустила ее и поставила крынку въ сторону.

— Хочешь поцѣлую? спросила она.

Левка чуть не сошелъ съ ума. Когда онъ вернулся, даже старуха замѣтила радость работника.

— Ты, чать, женихъ какой, Левушка! проговорила она.

Работникъ усмѣхнулся; но веселье его продолжалось не долго. Онъ былъ счастливъ, неизмѣримо счастливъ, но это больное счастье въ корень подъѣдала постоянная жгучая мысль: въ самомъ-ли дѣлѣ любитъ его Груша, и какъ-то и когда-то устроиться ихъ жизнь? «А, можетъ, это она такъ, пока купцовъ нѣтъ?» подумывалъ онъ не разъ; но хозяйская дочка украдкою цѣловала его горячо, всѣмъ тѣломъ льнула къ нему,—и тогда Левка съ негодованьемъ отгонялъ прочь свои ѣдкія сомнѣнія, и относительно будущаго устройства семейной жизни онъ глядѣлъ съ надеждою, вѣрою и полною отвагою. Въ эти минуты спокойствія онъ смѣло мечталъ не о томъ только, что бы завести свою избушку, но мысленно бралъ подряды на ямскую гоньбу, заводилъ мельницу, выходилъ въ купцы... «Вотъ-молъ въ праздникъ, въ самомъ Каинскомъ, идетъ изъ церкви Левъ Ивановичъ подъ руку съ Аграфеной Яковлевной»...

Два-три купца проѣхали благополучно; Левка—съ тоскою ожидавшій: что-то выйдетъ?—по проѣздѣ ихъ начиналъ уже не только надѣяться на привязанность Груши, но и увѣряться въ ней. «Ай-да Левка! думалъ онъ про себя,— молодецъ ты—песъ этакой! любитъ она тебя, голубь сизокрылый! Какъ-же я-то холить стану ее за это!»... Но, въ тотъ-же день, когда онъ размышлялъ такимъ образомъ, подъѣхалъ «дружокъ» и привезъ молодаго франтовитаго уѣзднаго чиновничка изъ того города, гдѣ жила тетушка. Груша съ этимъ чиновникомъ оказалось знакомою.

— А! Аграфена Яковлевна! весело засѣменилъ онъ,— наше почтенье! Вотъ-съ человѣкъ не допроситъ — куда Богъ заноситъ. Какъ занесло васъ въ эту пропастину?

— Я у папыньки и мамыньки тутъ, хозяйствую, вся сгорѣвъ отъ стыда отвѣчала Груша, которой, при видѣ стараго знакомаго, стала отвратительна ея бѣдная обстановка. Воспользовавшись первою удобною минутою, она вытащила изъ сундука городское платье и принарядилась. Левка, замѣтивъ это, принахмурилъ брови.

— Левушка, заюлила передъ нимъ Груша, выбѣжавъ въ сѣни,—пошто рожи строишь?

— Я... ничего...

— А коли ничего— такъ цѣлуй меня... ну, цѣлуй.. да ну-же!

Левка запряталъ вздохъ подальше и тихо поцѣловалъ.

Чиновникъ, прежде, до свиданія съ Грушей, торопившійся ѣхать, вдругъ почувствовалъ, что и голова у него болитъ и спину-то всю разбило.

— Я почевать останусь, порѣшилъ онъ наконецъ.— Въ избѣ-то у васъ душно, такъ я въ возкѣ засну...

Левка, не подавая виду, дѣлалъ дѣло, работалъ что нужно; но, когда пришла ночь и чиновникъ отправился въ свое дорожное ложе, Левка, накинувъ ягу, легъ на дворѣ, подъ сѣномъ, за которымъ стоялъ возокъ. Сердце его страшно билось; капли то холоднаго, то жгучаго пота выступали на лбу; усиленно напрягалъ онъ свои взгляды сквозь ночную темь, чтобы не пропустить чего-нибудь происшедшаго на дворѣ.

Часа черезъ два чуть скрипнула дверь избы. Левка невольно привсталъ; сердце его сжалось до боли; онъ весь обратился въ слухъ.

Раздались скрадываемые шаги—по направленью къ сѣну... еще минута... и Груша столкнулась съ Левкою.

Безъ размышленія, безъ любви и безъ злобы, чисто машинально, Левка развернулся—и съ размаху, съ страшною силою, ударилъ дѣвушку по головѣ... Та упала, и тихо-тихо застонала...

Въ моментъ удара Левкѣ казалось, что онъ уже не любитъ женщину, которая, въ обманъ ему, шла на свиданіе къ другому; она была для него словно-чужая; онъ словно никогда ее не видѣлъ и не зналъ; онъ словно даже и не билъ. Но когда ему заслышался шорохъ паденья и глотаемыя слезы, когда у ногъ его чуялся этотъ безпротестный покоръ, — то въ его собственное сердце вошелъ какой-то обоюдоострый ножъ и тамъ повернулся не разъ. Ему показалось, что онъ словно убилъ кого-то—и изъ глазъ его брызнули слезы ручьемъ.

— Груня, голубушка! завылъ онъ, припавъ къ лежавшей на снѣгу дѣвушкѣ,—прости меня, прости меня, счастье ты мое, жизнь ты моя!

Отвѣта не было.

Еще пять минутъ молилъ Левка свою жертву, потомъ приподнялъ безмолвную дѣвушку на руки, осторожно внесъ ее въ избу, положилъ на постель и укуталъ всѣмъ подвернувшимся подъ руку. Въ избѣ слышался только храпъ.

Онъ вышелъ на дворъ и направился къ возку, словно съ какимъ-то злымъ намѣреньемъ—у него чесались руки; но и тамъ франтоватый чиновникъ пускалъ носомъ, словно трубою, разныя трели.

— Экая сволочь! плюнувъ, сказалъ Левка, — другихъ сманують, а сами дрыхнутъ... Подлые люди!..

На слѣдующее утро чиновникъ проснулся что-то очень рано, и вбѣжалъ въ избу продрогшій и злой. Громовымъ взглядомъ смѣрялъ онъ Грушу, и съ ругнею и застращиваньями потребовалъ лошадей. Такъ какъ Левка заявилъ, что онъ болѣнъ, то чиновника повезъ хозяинъ.

До обѣда между Левкою и Грушею послѣдовало объясненіе.

— Злой ты, постылый человѣкъ! причитывала Груша:—убійца ты этакой... неразобрамши что́ было—прямо кулакомъ лезешь... Краше мнѣ въ гробъ идти, чѣмъ въ жоны твои... Теперь ужъ бьешь, а на хозяйство станешь—такъ проходу не будетъ... Можетъ я на улку зачѣмъ другимъ ходила... Ну, а встрѣтилъ — развѣ слова нѣтъ?..

Левка заплакалъ и, охвативъ Грушу, молча цаловалъ ее.

— Вотъ они, тихони-то, каковы! порѣшила наконецъ Груша и помирилась съ Левкою, который усерднѣе прежняго принялся за работу, даже за «гонъ».

IV.

Неосторожность.

Самоваръ Марку Исаичу былъ поданъ. Груша перетерла стаканъ, поставила прикуску (т. е. хлѣбъ) и зажгла маленькую сальную свѣчку, горѣвшую краснымъ, слѣповатымъ пламенемъ. Марку Исаичу захотѣлось погрѣться еще крѣпче; вслѣдствіе этого Левка натащилъ дровъ, а Груша подкинула ихъ въ печь, и весело затрещали кривыя полѣнья.

Необходимо было достать чай и сахаръ. Маркъ Исаичъ велѣлъ внести изъ кошевы небольшой чемоданчикъ, и раскрылъ его на лавкѣ, какъ разъ противъ печи. Груша вскрикнула.

— Сто тамъ? испуганно спросилъ Маркъ Исаичъ.

Левка тоже топросительно глянулъ на Грушу.

— Вещицы, вещицы какія, ваше почтеніе, милостивый государь! съ волненіемъ въ голосѣ обратилась она къ Марку Исаичу.

— А! вессицы! успокоившись и самодовольно сказалъ тотъ.—Я продавецъ, а ты покупсица—выбирай.

И онъ началъ вынимать тѣ бездѣлушки, которыя такъ заняли вержболовскихъ чиновниковъ. При огнѣ онѣ были еще заманчивѣе, казались еще богаче. Мильонами огней переливалъ фальшивый брильянтъ, яркимъ заревомъ отдавалъ вставленный въ брошку поддѣльный рубинъ, сафиръ манилъ своею густо синею пропастью моря, веселою зеленью глядѣлъ изумрудъ;—да и бронза, въ которую были вставлены эти камни, такъ и возбуждала, будоражила алчное воображеніе бѣднаго человѣка.

Маркъ Исаичъ былъ въ такомъ расположеніи духа, что не только далъ взглянуть на заманчивыя вещицы, но и позволилъ Грушѣ надѣть тѣ изъ нихъ, которыя составляли украшенія женскія. Разъ нарядившись въ нихъ, Груша не хотѣла разстаться съ ними, а въ гости бы пошла такъ разубранная и дома сидѣла бы... даже спала бы. Нашла она гдѣ-то кривое зеркальцо и долго-долго любовалась собою, такъ что даже Марка Исаича заняла.

— Сто—хоросо? спросилъ онъ

— Ужъ какъ прекрасно! въ жизнь бы не разсталась... Чего бы, кажется, не сдѣлала бы за это!

И она вызывающе взглянула на стараго еврея.

— Хе-хе-хе! засмѣялся Маркъ Исаичъ.

Порывшись, онъ выбралъ маленькое бирюзовое колечко.

— Ну, вотъ тебѣ презентикъ!

Грушѣ слѣдовало бы благодарить за сдѣланный подарокъ,—но какъ блѣденъ, бѣденъ, ничтоженъ казался онъ ей послѣ того, что́ она видѣла! Безъ удовольствія надѣла она кольцо на палецъ и чуть не со слезами сняла уборы, которые Маркъ Исаичъ долженъ былъ уложить обратно.

— А дорого все это стоитъ, ваше почтенье? спросила Груша.

— Двадцать тысяцъ, хвастливо отвѣтилъ еврей.

Груша взглянула на Левку: эхъ ты, молъ, кикимора,—вотъ у людей что бываетъ!..

— Левушка! кликнула старуха изъ сѣней, гдѣ она все время возилась по хозяйству,—ко́ней-то слаживай проѣзжему!

— Да, да, усъ пора! замѣтилъ въ свой чередъ Маркъ Исаичъ, и началъ торопливо допивать чай.

— Вотъ, господинъ купецъ, вы угостили бы меня чайкомъ!.. наянливо, послѣ ухода работника, обратилась Груша къ старику, близь котораго сѣла.—За чайкомъ толкуютъ ладкомъ. И фистулою сельскихъ бабъ она затянула въ полголоса:

И за старенькими барыньки ухаживаютъ,
И у стареньких бородушки поглаживаютъ...

У Марка Исаича пропала его веселость; какъ ни простъ былъ онъ, какъ ни мало привыкъ къ общественнымъ приличіямъ, но и его непріятно поразила наглость молодой дѣвушки; въ эту минуту отъ нея дышало такой безповоротной испорченностью, въ которой нѣтъ ничего заманчиваго и привлекательнаго.

— А цего тебѣ надо отъ меня? сурово спросилъ наконецъ Маркъ Исаичъ. — Ты—скверная баба — вотъ сто! Эй, хозяйка! крикнулъ онъ въ сѣни старухѣ.

— Мамынька занята, досадливо вмѣшалась Груша,—чего вамъ отъ мамыньки надо?—я все сдѣлаю.

Но старуха уже вошла.

— Что милости вашей угодно будетъ? спросила она.

— Сколько за цай?

— Что пожалуйте, ваше почтенье, господинъ купецъ.

— Лошади готовы?

— Чать-готовы, ваше почтенье.

Маркъ Исаичъ расплатился и, схвативъ чемоданчикъ, вышелъ изъ избы. Старуха пошла провожать его со свѣчой.

— Мамынька, шепнула ей на ухо Груша,—кликните Левку, чтобъ сюда зашелъ...

Оставшись одна, Груша была словно не своя; у ней въ глазахъ рябило отъ нежданно-негаданно блеснувшаго богатства; она словно не знала чего хотѣла, и

если бы ей пришла какъ нибудь мысль задушить Марка Исаича—то она не задумалась бы сдѣлать это своими руками. Въ первый разъ увидѣвши человѣка сдѣлавшаго ей подарокъ, она возненавидѣла этого человѣка—и за то что онъ жидъ, и что онъ старый, и что подарокъ былъ въ грошъ цѣною, и что ласки ея были отвергнуты. Эта ненависть, не вызвавшая мысли объ убійствѣ, разразилась какою-то другою думой, другимъ желаньемъ,—и когда вошелъ Левка, эта дума уже созрѣла и расцвѣла.

— Что тебѣ, Груша? спросилъ Левка.

Дѣвушка подошла къ нему и обняла его крѣпко, крѣпко.

— Левушка, любишь меня? зашептала она.

— Ну? съ недоумѣньемъ переспросилъ Левка.

— А любишь?

— Ну, люблю...

— Украдь, голубчикъ, у жида вещи, коли любишь меня! украдь! украдь—вѣдь онъ жидъ...

— Тьфу, дура! съ досадою воскликнулъ Левка и вышелъ изъ избы.

— Украдь, украдь! коли любишь!... безсмысленно повторяла Груша, хотя она была одна и говорила только сама съ собою...

Л. Блюммеръ.

(Продолженіе будетъ).

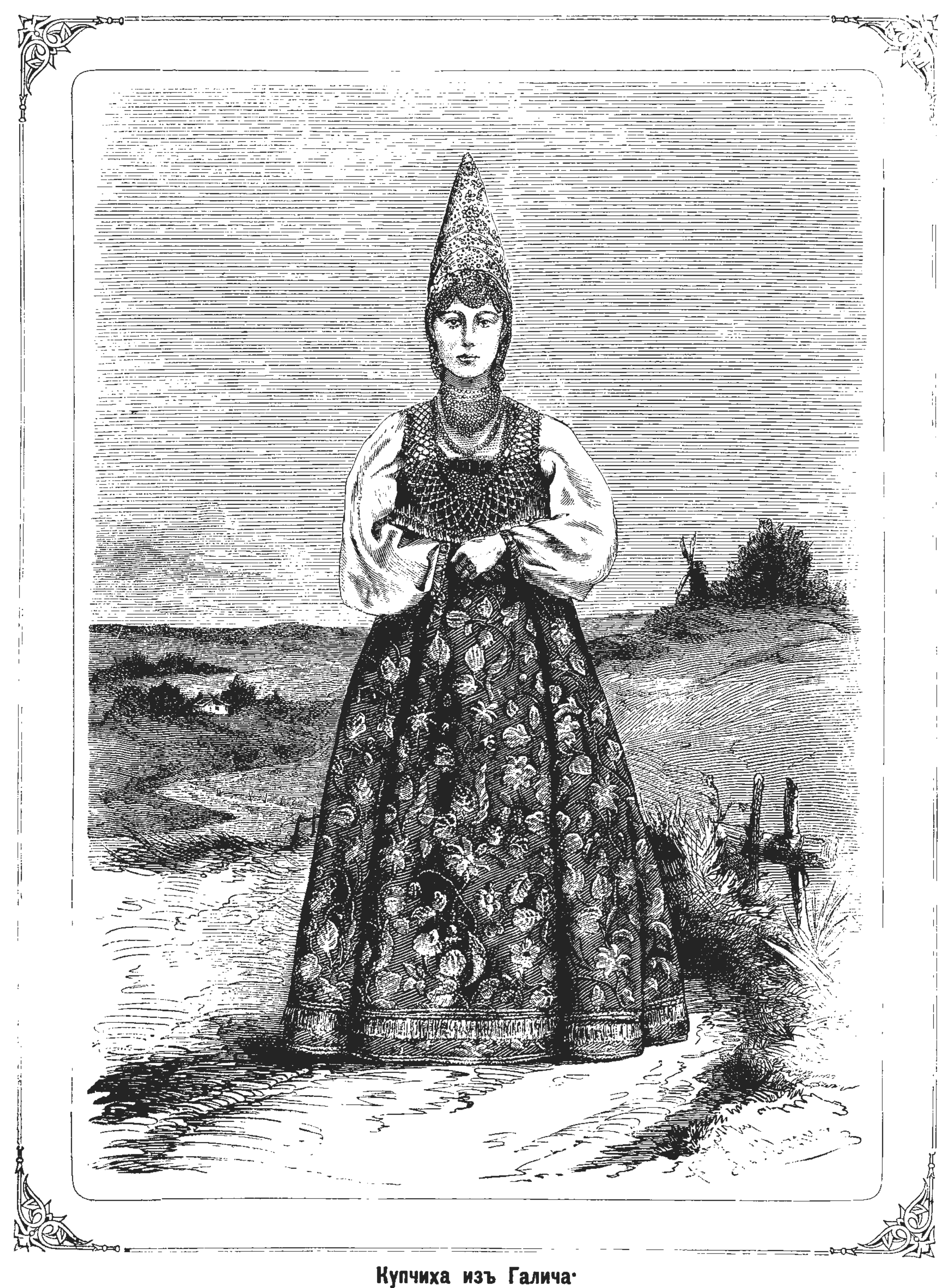
Крестьянка изъ Галича.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ на деревѣ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

Галичъ.

I. Костюмы и типы жителей Галича.

Костромская губернія возбуждаетъ сильнѣйшій интересъ въ любителяхъ отечественной старины; но ни въ одномъ изъ ея многочисленныхъ уѣздовъ нѣтъ столькихъ слѣдовъ древности, какъ въ Галичѣ. Онъ извѣстенъ уже съ XII столѣтія. Начало его основанія теряется въ исторіи, но изъ нѣкоторыхъ отрывковъ древнихъ Галическихъ рукописей, найденныхъ въ ратушѣ, и записанныхъ г. Тычинкинымъ, собирателемъ историческихъ матеріаловъ Россіи, видно, что Галичь существовалъ уже въ 1167 г. Первоначальное его названіе Галичь Мерскій или Галивонъ происходитъ отъ заселенія въ старину этой мѣстности мерянами-язычниками, осязательные слѣды присутствія которыхъ и историческія преданія сохранились по настоящее время. Это народъ нѣкогда могущественный и извѣстный въ исторіи соединеніемъ въ союзъ съ прочими сѣверозападными племенами, призвавшими Рюрика на царство Русское, своимъ необычайнымъ упорствомъ въ народной массѣ противъ иниціативы христіанской религіи, и бѣгствомъ за Оку, гдѣ онъ соединился съ племенами Мордвы, потерявъ на-

Купчиха изъ Галича.
Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

родное значеніе и всякое отличіе. Языкъ мерячій удержался только въ Галичѣ, что свидѣтельствуютъ названія нѣкоторыхъ урочищъ и городовъ, данныя первобытными обитателями Костромской губерніи. Напр.: Шуя, Нея (рѣки), Нерехта, Кинешма, Чухлома и т. п. (города).

Внутренній бытъ галичанъ, напоминающій старину, болѣе всего удержался въ галичскомъ купечествѣ и жителяхъ Рыбной слободы [1]). Тамъ глава семейной ассоціаціи, отецъ или старшій братъ, ставится выше прочихъ членовъ семьи. Его приказанія, хотя бы и не имѣли важнаго значенія, строго исполняются. Онъ даетъ совѣты и нравоученія, управляетъ своею семьею и служитъ такъ-сказать отвѣтственнымъ лицомъ передъ обществомъ; по его желанію женятся прочіе братья или выходятъ замужъ сестры; безъ его согласія ни одинъ членъ семьи не рѣшится даже на ничтожное предпріятіе. Умъ большака считается непогрѣшимымъ авторитетомъ, ему отдаются въ семьѣ всѣ почести и даже удобства.

Женщины галичскія имѣютъ на себѣ какой-то особенно-мѣстный отпечатокъ красоты, что нужно отнести къ ихъ характеристическому костюму [2]). У нихъ сохранился до сихъ поръ обычай въ праздничные дни надѣвать костюмъ своихъ прабабушекъ. Нарядъ чрезвычайно красивый и богатый. Дѣвушки-крестьянки одѣваются болѣе скромно; молодыя женщины богаче и блистательнѣе; купчихи много надѣваютъ разноцвѣтныхъ камней, колецъ и прочихъ драгоцѣнныхъ украшеній. На рисункѣ 1-мъ изображена дѣвушка изъ Рыбной слободы, снятая мною въ 1864 г. въ ея уличномъ зимнемъ нарядѣ. Это самый небогатый и незатѣйливый костюмъ. Головной уборъ состоитъ изъ низанной жемчугомъ, бѣлой съ цвѣтными камнями, повязки, называемой вѣнцомъ; она надѣвается такъ, что передній край ея закрываетъ волоса. На лбу до самыхъ бровей спускаются нити жемчуга, расположенныя рядомъ лежащими полукружьями, родъ гирлянды, называемой «поднизью». Средній фестонъ поднизи дѣлается изъ самаго крупнаго жемчуга и изъ длинной нитки, такъ что лежитъ на переносьѣ; слѣдующіе за нимъ къ косѣ фестоны постепенно уменьшаются. Сверхъ этой повязки надѣваютъ цвѣтной платокъ, шитый по угламъ и по срединѣ золотомъ, — а на сарафанъ, который дѣлается изъ толстой штофной матеріи произвольнаго цвѣта и узора, надѣвается полушубокъ или тѣлогрѣйка. Сарафанъ внизу обшитъ золотой бахромой или полосами позумента, застегнутъ поясомъ и держится проймами. Полушубокъ шьютъ очень короткій, изъ парчи или тканнаго золотомъ штофа, съ рукавами; у небогатыхъ на заячьемъ или лисьемъ мѣху, а у достаточныхъ на куньемъ или собольемъ. Снаружи онъ оторачивается полосами какого-нибудь дорогаго мѣха, болѣе всего встрѣчается соболь; спереди полушубокъ застегивается 3 или 4 пуговками, дѣлается гладкій, обрисовывающій талію и корпусъ, а на спинѣ къ таліи сборчатая короткая юбочка. Это общепринятый нарядъ крестьянской дѣвушки въ зимнее время.

Лѣтомъ мнѣ случалось видѣть въ праздничный день группы дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ въ ихъ нарядахъ, гдѣ роскошь, разнообразіе и кокетство костюмовъ восхитительны. Лѣтній уличный нарядъ дѣвушки состоитъ изъ шелковаго (штучнаго) [3]) сарафана, тканнаго золотомъ и серебромъ крупными букетами; подолъ его отдѣлывается золотой каемкой въ 1/2 дюйма ширины и золотой бахрамой. Цвѣтъ сарафана, ткань и шитье бываютъ самые разнообразные, что въ группѣ движущихся фигуръ, какъ напр. во время хороводовъ, чрезвычайно эффектно. Сарафанъ стянутъ пришитымъ къ нему поясомъ или крючкомъ. Сверху на грудь надѣваютъ бѣлую кисейную или тонкую полотняную рубашку съ глухими рукавами; концы послѣднихъ, около кисти руки, обшиты золотою бахрамою. Въ такомъ случаѣ рубашка называется «уборной съ запястьями», она плотно облегаетъ корпусъ отъ плечь до пояса. Шея и верхняя часть груди остается открытою прорѣзью. Поверхъ рубашки надѣвается небольшая, изъ золотой парчи или штофа, сборчатая юбочка; она подвязана къ проймамъ и идетъ къ низу отъ 3 или 4 ребра до таліи, прикрывая поясъ сарафана и носитъ названіе «полушубка». На открытую часть груди—дѣвушки и женщины надѣваютъ жемчугъ; это украшеніе какъ бы заявляетъ о матеріальныхъ средствахъ семьи, къ которой онѣ принадлежатъ. Верхнія нитки жемчуга (числомъ отъ 5 до 15) надѣваются кольцомъ въ одинъ или нѣсколько оборотовъ прямо на шею и состоятъ изъ крупнаго жемчуга. Во второмъ ряду идутъ нѣсколько сплетенныхъ полукружьями нитокъ жемчуга, тоже довольно крупнаго; среднее полукружье состоитъ изъ самыхъ большихъ зеренъ; этотъ второй рядъ украшенія названъ «плетушкою». Далѣе слѣдуетъ, связанный изъ средней величины жемчуга пересѣкающимися нитями, воротничекъ, надѣваемый черезъ голову; онъ лежитъ на плечахъ и на спинѣ, называется «рефедь». Сверхъ этихъ украшеній носятъ еще такъ называемый «гайтанъ». Онъ состоитъ изъ туго-сплетеннаго мелкаго жемчуга, изображающаго ромбическія фигуры съ діогональными пересѣченіями; соединеніемъ вершинъ этихъ фигуръ (отъ 15 до 20 ти) образуется длинная нитка служащая украшеніемъ. Гайтанъ предназначается для ношенія креста, ладонки и ключа отъ завѣтнаго ларчика; онъ называется еще «фонарикомъ», вѣроятно по сходству фигурокъ съ фонаремъ.

Головной уборъ дѣвушки состоитъ изъ жемчужной повязки, называемой «вѣнцомъ». Повязку надѣваютъ на самый лобъ, и у косы завязываютъ ленточками; швъ этой связи закрывается большимъ бантомъ, буфы послѣдняго располагаются рогообразно по бокамъ, а длинные концы распущены къ низу. Спереди на лбу у вѣнца придѣланы нѣсколько рядовъ жемчуга (поднизь), расположеннаго спускающимися на глаза фестонами,—что характеризуетъ старый (востокомъ внесенный) обычай скрывать красоту волосъ и лба женщинъ. Повязка и поднизь оставляютъ открытыми уши, въ нихъ вдѣваются низанныя жемчугомъ серги; вообще жемчугъ считается самымъ красивымъ убранствомъ костюма галичанокъ, и распространенъ довольно значительно даже между небогатыми семействами.

Молодыя женщины въ отношеніи своего уличнаго туалета представляютъ измѣненіе только въ одномъ головномъ уборѣ. Головной уборъ состоитъ изъ парчеваго сборника, имѣющаго видъ сплюснутаго съ боковъ элипсиса съ выемкою, которая служитъ отверстіемъ для

---

[1]) До сихъ поръ между торгующимъ людомъ есть особенный условный языкъ (зам. Ав.).

[2]) Сколько удалось мнѣ замѣтить въ разныхъ мѣстахъ Галича и его уѣзда—есть разные типы, что видно изъ снятыхъ рисунковъ, характеризующихъ какъ типичность ихъ равно и костюмировку (Зам. Ав.).

[3]) Мѣстное названіе.

надѣванія на голову и совершенно закрываетъ уши; края выемки обшиты богатой золотой бахромою. Кверху, поперекъ сборника, параллельно бахромѣ идетъ узорное шитье жемчугомъ и цвѣтными камнями, расположенное въ видѣ двухъ полосъ; между послѣдними видна штофная ткань изъ чего сборникъ сдѣланъ, кверху онъ оканчивается рядомъ складокъ (сборокъ), изображающихъ какъ-бы вѣеръ. Женщины, при выходѣ на улицу, надѣваютъ сверху сборника платокъ.

Я упомянулъ, что въ Галичѣ есть много своеобразныхъ типовъ красоты. Въ Рыбной слободѣ болѣе встрѣчается дѣвушекъ съ овальными лицами, красивыми каштановыми и бѣлокурыми волосами, живыми большими глазами, напоминающими что то южное или юго-восточное. Въ классѣ горожанокъ-купчихъ видѣнъ отпечатокъ самобытной русской красоты женщины.

Костюмъ женщины-горожанки богаче деревенскаго, да и типъ отличается отъ крестьянки; на ней видѣнъ отпечатокъ городской жизни, и переходъ отъ женщины-труженицы къ домовитой ласковой хозяйкѣ постоялаго двора, вскормленной на чаяхъ и бѣломъ хлѣбѣ.

Въ купеческомъ быту другія условія жизни, другіе богатство и наряды. Рисунокъ 2-й представляетъ молодую женщину вскорѣ послѣ свадьбы. Ея костюмъ отличается особенными богатствомъ и роскошью. На головѣ надѣта жемчужная повязка съ поднизью, а сверху кокошникъ; это самый старинный головной уборъ, сохранившійся въ немногихъ купеческихъ семействахъ, гдѣ существуетъ обычай вѣнчать дѣвушекъ въ подобномъ нарядѣ.

Сваха играетъ огромную роль въ галичскихъ семействахъ купцовъ и мѣщанъ. Располагая своимъ свободнымъ временемъ, она ходитъ изъ дома въ домъ, и знаетъ весь городъ отъ стараго до малаго. Появленіе ея у кого-нибудь въ семьѣ—служитъ живымъ интересомъ женщинъ; она встрѣчается съ восторгомъ, сообщаетъ всѣ городскіе новости и случаи. Дѣятельность свахи не ограничивается однимъ желаніемъ породнить двѣ семьи; она выражаетъ собою человѣка что называется на всѣ руки: служитъ акущеркой и лекаркою, плакальщицею по умершимъ, хорошею гадальщицею и даже ворожеею съ разными приворотными зельями. Въ настоящее время этотъ типъ общественнаго неразвитія, благодаря вносимой цивилизаціи, оттѣсненъ немного, но не исчезъ совершенно—и женщины очень охотно ввѣряютъ свахѣ свои семейныя тайны и слушаютъ изношенное преданіе о болѣзняхъ сглазу, о кладахъ и о папортникѣ въ ночь на Ивана Купалу, также о разныхъ оборотняхъ и русалкахъ. Сваха, можно сказать, живетъ на общественный счетъ, эксплуатируя довѣрчивость женщинъ въ семьяхъ купцовъ и особенно мѣщанъ. Приходя въ какой-нибудь домъ съ цѣлью своей спеціальности, сватовства, она, помолившись образамъ и узнавъ о здоровьѣ членовъ семьи, такъ и закидаетъ вопросами о житьѣ-бытьѣ и о новостяхъ. Если въ семьѣ есть невѣста, то сваха обращается къ матери, отцу или къ большаку съ вопросами о годахъ дѣвушки, хотя они ей давно извѣстны,—и говоритъ, что та уже невѣста: у васъ товаръ, а у меня купецъ (т. е. покупатель) есть. Ей отвѣчаютъ, что если купецъ хорошій и деньги имѣетъ, то просятъ покорно пожаловать и товаръ лицомъ покажутъ. Большакъ, узнавъ, что женихъ человѣкъ достойный и имѣетъ средства,—спрашиваетъ дочь или сестру: любъ-ли ей такой-то? Вліяніе большака столь громадно, и такъ прививается въ воспитаніи дѣвушки, что она никогда не осмѣлилась бы сказать: нѣтъ, не любъ! Обыкновенно говорится: твоя воля родитель или братецъ,—и отрицательный отвѣтъ въ подобномъ случаѣ считается самымъ неприличнымъ и недостойнымъ порядочной дѣвушки.

Замѣтно-вносимое образованіе значительно сократило странности нѣкоторыхъ обычаевъ въ Галичѣ. Въ костюмахъ видно также измѣненіе: вмѣсто прекрасныхъ поднизей и головныхъ уборовъ, напоминающихъ наряды древнихъ греческихъ женщинъ, вводятся русскіе кокошники какъ у кормилицъ.

Народонаселеніе Галича съ уѣздомъ простирается до 40,000. Хлѣбопашество развито плохо, не вслѣдствіе климатическихъ условій или нерадѣнія, а потому что жители Костромской губерніи и особенно уѣздовъ Буйскаго, Галичскаго и Чухломскаго, оказываютъ большую склонность къ ремесламъ и промышленности, чѣмъ къ скромной долѣ хлѣбопашца; почти $^2/_3$ мужчинъ—крестьянъ и мѣщанъ — упомянутыхъ уѣздовъ живутъ въ столицахъ и занимаются торговлею и ремеслами. Дѣти 12-ти и 13-ти лѣтъ, выучившись отъ братьевъ и отъ отцовъ ремеслу, поступаютъ въ подручные и ѣдутъ въ Питеръ. Это хорошо для одной или нѣсколькихъ семей, но тяжело отражается на цѣлый край, гдѣ производительный трудъ пахаря остается безъ хозяйскаго глаза, въ рукахъ чужихъ работниковъ и женщинъ,—не менѣе отражается и на нравственную сторону жизни семьи и особенно хозяекъ, которыя принуждены жить въ деревнѣ, и не видѣться съ мужьями иногда цѣлые годы. Въ Галичскомъ уѣздѣ въ лѣтнее время остаются дома только малолѣтніе, женщины и старики; мужчины съ 15-тилѣтняго возраста уѣзжаютъ на заработки въ Петербургъ и Москву. Весною цѣлые легіоны каменьщиковъ, плотниковъ, маляровъ и печниковъ переполняютъ столицы. Это большею частію искусные мастера галичане. Они работаютъ лѣто въ столицѣ, а зимою, если не занимаются торговлею, возвращаются въ деревни. Членъ каждой семьи побывавшій въ столицѣ или живущій въ ней—пріобрѣтаетъ названіе «питерщика». Въ ноябрѣ мѣсяцѣ питерщики возвращаются въ свои деревни, тамъ нѣкоторыхъ ждутъ тихія радости семейной жизни, другихъ—семейныя драмы, гдѣ дѣйствующія лица, невольно, вслѣдствіи обстановки и молодости, дѣлаются виновны и передъ обществомъ и передъ людьми, которыхъ они любятъ и уважаютъ *).

Промышленность собственно Галича самая незначительная. Въ городѣ находятся двѣ или три замшевыя фабрики, нѣсколько кожевенныхъ, клеевыхъ и винокуренныхъ заводовъ. Торговля хлѣбомъ производится съ сосѣднею Вологодскою губерніею, а съ Костромской льномъ—гдѣ есть льнопрядильныя фабрики.

Рыбная слобода имѣетъ свое характеристическое значеніе. Она заселена исключительно семьями рыбныхъ промышленниковъ, составляющихъ какъ бы отдѣльную корпорацію отъ прочаго городскаго населенія. Это чрезвычайно смѣлый народъ, сохранившій до сихъ нѣкоторые старинныя привычки и обычаи. Они отважно пускаются въ самую сильную бурю по волнамъ озера за своимъ любимымъ промысломъ.

А. Шевяковъ.

(Окончаніе будетъ).

*) Драма «Горькая Судьбина» соч. Писемскаго характеризуетъ бытъ питерщика. Зам. автора.

Рекрутъ Рене.

I.

Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль я страшно скучалъ въ одномъ маленькомъ гарнизонномъ городишкѣ Франціи. Торговыя дѣла, по которымъ я пріѣхалъ туда, задержали меня долѣе чѣмъ я предполагалъ, да ктому же и кошелекъ мой началъ сильно истощаться. Я надѣялся на счастливое окончаніе дѣла и порядочный барышъ, — а пока долженъ былъ жить очень бережливо.

Съ этою похвальною цѣлью я обѣдалъ обыкновенно въ одномъ маленькомъ ресторанѣ, находившемся на одной изъ улицъ идущихъ отъ рыночной площади. Ресторанъ былъ очень приличный и часто посѣщался офицерами мѣстнаго гарнизона.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ, постояннымъ посѣтителемъ былъ одинъ подпоручикъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, на серіозномъ лицѣ котораго постоянно виднѣлась тѣнь какой-то задумчивости. Сѣдые усы и шрамъ на щекѣ еще болѣе увеличивали непріятное впечатлѣніе. Не смотря на все это, въ немъ было нѣчто, что меня влекло къ нему. Медали, украшавшія его грудь, очевидно были получены за дѣйствительныя заслуги; а обращеніе съ нимъ товарищей—показывало, что онъ пользовался между ними большимъ уваженіемъ. Что меня особенно влекло къ этому человѣку—это своеобразное измѣненіе выраженія лица, когда онъ говорилъ или смѣялся. Казалось, у него были двѣ физіогноміи: будничная и праздничная, изъ которыхъ послѣдняя, спрятанная гдѣ-то далеко, являлась наружу только въ очень рѣдкія минуты.

«У этого человѣка есть какая нибудь исторія» думалъ я и наблюдалъ за нимъ съ особеннымъ интересомъ.

У хозяевъ, содержавшихъ ресторанъ, былъ единственный сынъ, полнощекій мальчикъ, котораго они звали Бабо. Настоящаго имени его я никогда не слыхалъ. Величайшимъ наслажденіемъ для городскихъ мальчиковъ была игра въ солдаты. Бабо тоже раздѣлялъ эту общую любовь—и потому найдя однажды жестянку онъ превратилъ ее тотчасъ же въ барабанъ, что доставляло ему несказанное удовольствіе. Но радость его смѣнилась слезами, когда нѣкоторые изъ болѣе взрослыхъ мальчиковъ завладѣли его игрушкой, и тотчасъ же скрылись съ своей добычей.

Фавръ — такъ звали подпоручика — услыхавъ плачъ ребенка, сейчасъ же выскочилъ изъ за стола и поспѣшилъ къ двери. Опасаясь, что съ мальчикомъ случилось какое нибудь несчастіе, я побѣжалъ тоже. Но дѣло скоро разъяснилось. Узнавъ, о чемъ ребенокъ плачетъ, Фавръ взялъ его на руки—и отправившись съ нимъ въ ближайшею игрушечную лавку, купилъ ему барабанъ, который привелъ ребенка въ неописанный восторгъ.

— Слушай Бабо! говорилъ онъ ребенку, спуская его на землю,—если кто изъ мальчиковъ вздумаетъ отнять у тебя барабанъ, то скажи ему, что Фавръ накажетъ его. Бѣдняга! Каждому вѣдь тяжело разставаться съ своими сокровищами; не правда ли Бабо?

Когда онъ говорилъ это, въ лицѣ его появилась та внезапная перемѣна, о которой я упоминалъ выше. Онъ глубоко вздохнулъ, а на словѣ «сокровища» голосъ его какъ-то оборвался.

Этотъ незначительный случай далъ поводъ къ разговору между нами, послѣ котораго мы сдѣлались самыми близкими друзьями. Въ свободное отъ службы время Фавръ заходилъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ отправлялись гулять куда нибудь за городъ. Онъ участвовалъ въ Крымской и Итальянской компаніяхъ, былъ очень тонкій наблюдатель и отличный собесѣдникъ, если только удавалось побѣдить его сдержанность и скрытность.

Однимъ вечеромъ мы прогуливались, какъ обыкновенно за городомъ; вдругъ показался отрядъ конскриптовъ (рекрутовъ), по большей части состоявшій изъ молодёжи мѣстныхъ деревень. Они направлялись тоже къ городу. У каждаго за шляпой виднѣлся вынутый имъ нумеръ. Многіе глядѣли очень равнодушно или угрюмо, другіе же смѣялись и шумѣли. Только двое или трое казалось были совершенно убиты.

— Pauvres diables! *) воскликнулъ Фавръ, когда рекруты проходили мимо насъ, и въ голосѣ его послышалась волненіе а на лицѣ выражалось самое живое состраданіе.

Я былъ очень удивленъ. Фавръ смотрѣлъ настоящимъ солдатомъ, и до этой минуты мнѣ никогда не приходилъ въ голову вопросъ, что собственно побудило его поступить въ армію.

— Вы тоже были конскриптомъ? спросилъ я совершенно невольно—и тотчасъ же спохватился, думая: не оскорбилъ ли его этимъ вопросомъ.

Всѣ разговоры о своей собственной личности онъ велъ какъ-то неохотно и сдержанно.

— Если вамъ интересна моя исторія, то я сообщу ее, отвѣчалъ онъ,—но исторія эта очень проста, и не стоила бы того чтобы о ней говорить.

Этотъ неожиданный вызовъ съ его стороны очень обрадовалъ меня — и я съ большею искренностью отвѣчалъ, что готовъ слушать его и очень интересуюсь разсказомъ.

«Сядемьте здѣсь» сказалъ Фавръ, когда мы вышли на бульваръ, вдоль котораго шли тѣнистыя деревья: «здѣсь будетъ попрохладнѣе и я вамъ разскажу все. Мы были крестьяне» началъ онъ, когда мы, усѣвшись подъ одной изъ акацій, закурили сигары,—«мой дѣдъ, отецъ мой и я, всѣ родились недалеко отъ Фуа въ Аріэжскомъ департаментѣ. Отецъ мой обработывалъ виноградники и занимался только этимъ однимъ, до одного несчастнаго паденія, послѣ котораго на вѣки остался хромымъ. Въ ту пору братъ мой Пьеръ былъ уже довольно взрослый юноша, а у меня едва только начиналъ пробиваться пушокъ на губахъ. Съ этого времени отецъ не могъ уже болѣе работать въ виноградникахъ и охотно исправлялъ всѣ другія работы, которыя онъ себѣ выискивалъ или которыя ему предлагали. Пьеръ помогалъ намъ мало: онъ былъ лѣнивъ и безцѣльно шатался по окрестностямъ. Мы скорѣе получали отъ него одни только непріятности.

Я былъ крѣпкій, хорошо сложенный парень, не боялся никакой работы и ктому же былъ очень честолюбивъ. Вы пожалуй посмѣетесь и скажете: какое можетъ быть у мужика честолюбіе? Мнѣ же кажется, что сердце богатыхъ и бѣдныхъ устроено совершенно одинаково.

Мое честолюбіе состояло въ томъ чтобы нѣкогда также сдѣлаться собственникомъ виноградника—и когда я уходилъ на работу въ чей-нибудь виноградникъ, то всегда говорилъ себѣ: «постой, когда-нибудь

*) Бѣдняги!

и ты будешь имѣть такой же виноградникъ». Я работалъ всегда очень усердно, потому что приходилось содержать нетолько себя но и бѣднаго отца. Денегъ, вырабатываемыхъ мною каждую недѣлю,—я занялся къ этому еще бочарной работой,—хватало нетолько на наше пропитаніе, но и оставалось еще кое что отложить.

Каждый сборъ винограда увеличивалъ мои сбереженія—и это очень меня радовало, потому что, какъ видите, сударь, у меня была цѣль.

Я надѣялся, что поработавъ такимъ манеромъ годика два—три, куплю себѣ лошадь и тѣлегу. Въ виноградникахъ отецъ не много могъ подѣлать, но онъ могъ ходить за садомъ и этимъ вырабатывать себѣ деньги; это было бы началомъ. Потомъ мы хотѣли взять въ аренду садъ—и тогда отецъ не нуждался бы болѣе въ моей поддержкѣ; я женился бы на Туанеттѣ. Она ходила бы за курами и обработывала бы садъ. Мы могли бы легко отправлять на рынокъ въ Фуа живность и овощи—и такимъ образомъ мало по малу скопить себѣ, необходимый для покупки виноградника, капиталецъ. О, это былъ прекрасный планъ—и мы такъ радовались, разговаривая о немъ. Конечно, вы не насмѣетесь надъ нимъ, сударь!

Туанетта и я, почти-что однолѣтки, бывало дѣтьми играли вмѣстѣ,—и теперь еще вспоминая свое старое житье бытье, я не могу не вспомнить и ее вмѣстѣ съ этимъ. Конечно, въ деревнѣ были болѣе красивыя дѣвушки, но я любилъ только ее—и любилъ безотчетно.

Прошли годы—и я изъ юноши превратился въ мущину. Мое маленькое сокровище увеличивалось очень медленно, потому что я только изрѣдка могъ откладывать одинъ—другой франкъ. Мы надѣялись однако, что разъ купивъ телѣгу и лошадь, поведемъ дѣло скорѣе. Туанетта вполнѣ раздѣляла мои планы и ободряла меня, когда дѣла шли не такъ хорошо. Мнѣ было уже почти что двадцать пять лѣтъ—и недоставало только нѣсколькихъ франковъ до суммы, скопить которую стоило девятилѣтняго неусыпнаго труда.

Я былъ увѣренъ, что заработаю ихъ ранѣе чѣмъ кончится зима. Туанетта уже готовила пурпуровые бантики на упряжь лошади, которую я собирался купить. Невѣста моя встрѣтитъ меня на дорогѣ изъ Фуа и первою прокатится на новой тѣлегѣ. Потомъ уже я долженъ былъ сходить къ священнику, чтобы переговорить съ нимъ относительно нашего обрученія. Вы видите, что у насъ было все хорошо разсчитано. Бывали вы въ нашей мѣстности, сударь?»

— Нѣтъ!

«О тамъ совершенно не то, что здѣсь. Тамъ, вмѣсто этихъ мертвыхъ долинъ, высятся горныя вершины и маленькіе ручейки превращаются въ многоводныя рѣки, въ особенности когда на горахъ начинаетъ таять снѣгъ.

По ту сторону рѣки, около которой мы жили, лежалъ высокій холмъ и на вершинѣ его руины стараго замка. Дорога къ нимъ была усажена густыми деревьями и была самымъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ. Въ длинные лѣтніе вечера, когда работа была кончена, мы съ Туанеттой часто ходили туда—и сколько было при этомъ безконечныхъ разговоровъ о нашей будущности, сколько было при этомъ счастливыхъ и самыхъ смѣлыхъ предположеній! Часто мы усаживались подъ старыя, поросшія мохомъ, стѣны—и любуясь на рѣку, мы были такъ же счастливы какъ тѣ вольныя птицы, которыя звонко щебетали надъ нашими головами».

Фавръ остановился на минуту; потомъ, приложивъ руку ко лбу, онъ продолжалъ:

«Въ эту минуту, сударь, мнѣ показалось, что я снова слышу ропотъ рѣки и голосъ Туанетты, который звучалъ такъ же сладко какъ пѣніе птицъ — такъ по крайней мѣрѣ казалось мнѣ.

Когда мы рѣшаемся и избираемъ извѣстный путь въ нашей жизни, то Богъ останавливаетъ насъ и, вѣроятно къ нашему же добру, направляетъ наши шаги въ совершенно другую осторону. Приближалось время вынимать рекрутскій билетъ, однако я совершенно объ этомъ не думалъ. Ранѣе я вынулъ счастливый нумеръ —и не сомнѣвался, что и въ слѣдующій разъ мнѣ попадется такой же. Я вполнѣ надѣялся на счастіе, потому что до сихъ поръ все удавалось.

Наконецъ наступилъ день тиража—и я съ Пьеромъ, и другими молодыми людьми нашего округа, отправились въ ближайшую мерію. Сударь, я думалъ что земля разступается у меня подъ ногами, когда былъ прочитанъ вынутый мною билетъ. Вѣроятно я очень поблѣднѣлъ, потому что сержантъ проходя мимо шепнулъ мнѣ: «трусливая баба!» Я думаю, послѣ сдѣланной нами Севастопольской компаніи, онъ отказался отъ своихъ словъ.

Я не былъ трусомъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ это слово. Вѣдь не легко видѣть убитыми однимъ ударомъ всѣ твои надежды и девятилѣтніе труды—и все это такъ же скоро, какъ сдунуть пепелъ съ обгорѣвшей сигары.

Я сначала надѣялся, что Пьеръ попросится заступить мое мѣсто, да ктому же и онъ самъ (въ минуты, когда отецъ особенно сердился за его лѣнивую жизнь) говорилъ, что хочетъ быть солдатомъ. Но я скоро убѣдился, что говорить и дѣлать—не одно и то же.

Отецъ настаивалъ, чтобы я нанялъ за себя охотника, но его было не такъ легко найти да и стоилъ бы онъ всѣхъ моихъ сбереженій.

Туанетта также просила меня остаться дома; но для кого? Я не могъ жениться будучи опять простымъ батракомъ—и имѣлъ на своихъ рукахъ стараго отца и мать. Пожалуй было бы лучше, если бы я сдѣлалъ такъ какъ они хотѣли, но мы всѣ слабые люди и я не могъ снова начинать.

Я рѣшился идти. Денегъ, которыя я имѣлъ, было достаточно, чтобы купить отцу тѣлегу и лошадь; что же касается Туанетты, то я былъ увѣренъ, что она останется мнѣ вѣрна, до возвращенія моего домой.

Тяжелѣе всего было разставаться мнѣ съ матерью. Такъ какъ отецъ былъ хромъ, а Пьеръ никуда не годился, то я былъ единственной ея опорой. Когда она плача повисла на моей шеѣ, я страстно желалъ остаться дома—и съ удовольствіемъ отдалъ бы все до копѣйки, лишь бы нашелся подходящій человѣкъ. Но было уже поздно. Насъ погнали изъ деревни, подобно вотъ этимъ бѣднякамъ, которыхъ вы сейчасъ видѣли.

Я не любилъ солдатской жизни, меня не влекло къ ней, я всѣмъ сердцемъ и душой стремился въ наши долины, къ нашимъ виноградникамъ и оливамъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія срока своей службы. Я впрочемъ усердно исправлялъ свои обязанности, да и время за ними шло какъ-то скорѣе. Однако когда былъ полученъ приказъ отправить нашъ полкъ въ Крымъ—и я заволновался вмѣстѣ съ другими. Я радъ былъ перемѣнѣ нашей жизни, радъ былъ что вступлю наконецъ на дѣйствительную службу.

Я былъ плохой писака, да и выучиться этому было негдѣ; однако я все-таки написалъ домой нѣсколько писемъ, въ которыхъ извѣщалъ, что отправляюсь въ Крымъ, и просилъ не унывать.

Вы знаете все касающееся этой войны, сударь. Нашъ полкъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, и я всегда счастливо отдѣлывался въ нихъ. Но при взятіи Малахова кургана, я получилъ этотъ ужасный ударъ по щекѣ, а пуля раздробила руку. Вѣроятно, вслѣдствіе большой потери крови, я лишился чувствъ, потому что, какъ мнѣ это разсказывали послѣ, я былъ поднятъ въ числѣ мертвыхъ. Благодаря сильнѣйшей лихорадкѣ я долго пролежалъ въ лазаретѣ; только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я могъ немного двигаться—и въ числѣ другихъ инвалидовъ былъ обратно отправленъ во Францію.

Въ продолженіи всего путешествія я думалъ объ отцѣ, о матери, о Туанеттѣ, думалъ о томъ, какъ они будутъ рады увидѣть меня снова, какъ скоро я снова окрѣпну когда возвращусь домой. Я давно покинулъ нашу деревню—и думалъ, что никто не узнаетъ, въ загорѣломъ солдатѣ съ большими усами и шрамомъ на щекѣ, прежняго молодаго Рене. Я думалъ сначала зайдти въ нашъ деревенскій тактиръ и тамъ справиться о своихъ, а потомъ уже идти къ нимъ.

Сердце забилось во мнѣ сильно, когда я приблизился къ нашей деревнѣ и изъ-за холмовъ выглянули старыя развалины замка и блестящая поверхность родной рѣки. Я думалъ про себя: вотъ, встрѣтится отецъ съ своей тѣлегой или Туанетта будетъ стоять у дверей, когда я буду проходить мимо ея дома. Однако, хотя я уже встрѣтилъ многихъ изъ нашей деревни, и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на загорѣвшаго, раненаго солдата, — меня никто не узнавалъ.

Послѣ болѣзни я еще не совсѣмъ оправился и былъ все еще слабъ, а потому, дошедши до трактира, я тотчасъ же усѣлся и потребовалъ себѣ полбутылки вина. Хозяинъ принесъ—и я попросилъ его сѣсть со мною и выпить стаканчикъ. Сначала онъ меня засыпалъ вопросами о томъ, какъ идутъ дѣла на востокѣ; потомъ—въ свою очередь—и я сталъ распрашивать о деревенскихъ новостяхъ. Я сидѣлъ спиною къ свѣту и кепи былъ плотно нахлобученъ на глаза, однако хозяинъ нѣсколько разъ взглянулъ на меня очень пристально, какъ бы подозрѣвая, что гдѣ-то видѣлъ.

Извѣстія сообщилъ онъ слѣдующія: старикъ Фавръ и жена его умерли. «Старикъ совершенно упалъ духомъ, послѣ того какъ младшій сынъ его, бывшій опорой всего семейства, поступилъ въ армію» разсказывалъ хозяинъ. Зналъ ли я Рене Фавра?—онъ палъ при штурмѣ Малахова Кургана, и имя его помѣщено въ обнародованныхъ спискахъ убитыхъ. Это послѣднее извѣстіе сломило силы стариковъ. Тетушка Фавръ умерла сначала, а потомъ, три недѣли тому назадъ и старикъ—Фавръ.

— Развѣ они не получали письма? спросилъ я какъ только могъ тверже. Я послалъ имъ дѣйствительно одно письмо изъ Скутари.

— Нѣтъ, да и какое могли получить письмо, когда Рене умеръ!...

Значитъ оно какъ нибудь затерялось. Я не могъ подавить невольнаго стона. Хозяинъ освѣдомился, не болятъ ли мои раны и не можетъ ли онъ быть чѣмълибо полезенъ.

Я покачалъ головой, и спросилъ:—гдѣ былъ Пьеръ Фавръ?

— Пьеръ опять надѣлалъ глупостей—и вотъ уже два года какъ покинулъ деревню. Съ тѣхъ поръ объ немъ никто не слыхалъ.

Наконецъ я выговорилъ имя, которое давно трепетало на моихъ губахъ—имя Туанетты Дюфуръ.

Хозяинъ снова посмотрѣлъ на меня очень пристально.

— Ахъ! да, это дѣвушка, на которой Рене хотѣлъ жениться, сказалъ онъ.—Ея мать все хотѣла, чтобы она вышла за Амброза Барбель, потому что Барбель богаты. Туанетта и слушать объ этомъ не хотѣла, пока не пришло извѣстіе, что Рене умеръ. Послѣ этого она стала ко всему какъ-то равнодушна—и мать исполнила свое желаніе. До сихъ поръ эта молодая чета не особенно счастлива, да и какъ же могло это быть, когда невѣста отдала сердце другому.

Вотъ, сударь, что́ я нашелъ дома. Я не далъ себя никому узнать. Да и какая бы польза была отъ этого? Я заказалъ себѣ на ночь постель и потомъ снова побрелъ изъ деревни. Однако, я сначала сходилъ на маленькое кладбище, а потомъ выискалъ случай посмотрѣть на Туанетту. Я видѣлъ ее, блѣдную и печальную, сидящею на порогѣ своего новаго дома. Я не рѣшался приблизиться къ ней и заговорить съ ней, потому что боялся выдать себя. Я пошелъ на тотъ холмъ, къ тѣмъ развалинамъ, гдѣ мы такъ часто проводили длинные лѣтніе вечера и гдѣ мы такъ много и счастливо мечтали.

Я видѣлъ опять эти прекрасныя мѣста; я снова, какъ тогда, лежалъ на зеленой травѣ;—но я былъ уже не тотъ прежній счастливый юноша, для меня не существовало болѣе ни прошедшаго, ни будущаго, а только одна безконечная тоска и отчаяніе. И я плакалъ какъ ребенокъ.

Не знаю, долго ли я пролежалъ здѣсь,—только когда, я снова очнулся, то замѣтилъ, что въ деревнѣ потухли послѣдніе огни. Нужно было вернуться въ гостинницу. На другое утро я всталъ очень рано и навсегда покинулъ свою постылую родину. Я отправился въ Марсель и ожидалъ возвращенія нашего полка изъ Крыма. Офицеры и солдаты были очень рады снова принять меня въ свои ряды, и я тоже не желаю покинуть ихъ. Да и къ чему? Вотъ и вся исторія, сударь; какъ видите, она очень проста.

Эта медаль получена за Малаховъ, а эта—за Сольферино. Allons, vive la gloire! Однимъ разбитымъ счастіемъ больше или меньше—развѣ это не все равно? Я подпоручикъ и можетъ-быть умру капитаномъ. Вы скажете, что это вполнѣ достаточно для моего честолюбія. Но люди думаютъ не одинаково, и мнѣ кажется, что мое честолюбіе исчезло. Tiens! Пойдемте-ка выпьемъ по чашкѣ кофе. Я не привыкъ говорить такъ много, не промачивая горла!—Съ этими словами Фавръ бросилъ остатокъ сигары, всталъ со скамейки, на которой мы сидѣли, и направился къ ресторану.

Я медленно слѣдовалъ за нимъ. Мы оба молчали. И что́ я могъ сказать ему? Какая была бы ему польза изъ всѣхъ моихъ сожалѣній и участій? Въ разговорахъ со мною Фавръ болѣе никогда не упоминалъ о своей прежней жизни, и я съ своей стороны старался не затрогивать этого предмета.

Вскорѣ послѣ этого, въ гарнизонѣ случились перемѣны—и полкъ, въ которомъ служилъ Фавръ, получилъ приказаніе отправиться въ Алжиръ. Цѣлыя толпы горожанъ слѣдовали за полкомъ, когда онъ съ распущенными

знаменами и съ музыкой выступалъ изъ города. Фавръ, замѣтивъ меня у одного изъ оконъ, въ послѣднiй разъ кивнулъ головой. Что станется съ нимъ? думалось мнѣ.

Успокоится ли его усталое сердце въ общей солдатской могилѣ, подъ палящими лучами африканскаго солнца, —или можетъ-быть онъ, поселившись въ какомъ-нибудь провинцiальномъ городкѣ, будетъ разсказывать въ прiятельскомъ кружкѣ, за стаканомъ добраго вина, о своихъ походахъ и военныхъ приключенiяхъ? Вѣроятнѣе всего, что мнѣ не придется узнать объ этомъ никогда.

Такъ размышлялъ я, вздыхая о потерянномъ другѣ и хорошемъ собесѣдникѣ.

II.

Дѣла, которыя такъ долго задержали меня въ этомъ городкѣ, были наконецъ окончены, и только три года спустя мнѣ снова пришлось посѣтить прекрасную южную Францiю. Въ этотъ разъ дѣла заставили меня побывать сначало въ Бордо, а потомъ и въ Марсели. Такъ какъ спѣшить мнѣ не было особенной нужды, то я рѣшилъ провести нѣсколько лишнихъ недѣль въ южной Францiи и вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтить самыя интересныя мѣстности.

О Фаврѣ, со времени его отъѣзда въ Алжиръ, я ничего не слыхалъ. Однако, когда я прiѣхалъ въ Фуа, мѣстность эта очень живо напомнила о немъ—и я порѣшилъ отправиться оттуда въ Вариль, а потомъ въ деревню, которую онъ такъ ясно описалъ мнѣ. Кромѣ того я вспомнилъ, что съ старымъ замкомъ связаны нѣкоторыя историческiя воспоминанiя. Онъ нѣкогда принадлежалъ графамъ Фуа, и сильно пострадалъ въ религiозныя войны шестнадцатаго столѣтiя. Такимъ образомъ прогулка моя имѣла двоякую цѣль.

Былъ жаркiй день. Сборъ винограда уже начался, и въ виноградникахъ замѣчались оживлённыя группы мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Я ѣхалъ очень медленно, наслаждаясь этими оживленными сценами, и только къ полудню добрался до городка Вариль.

Я передалъ лошадь хозяину гостинницы и тотчасъ же пѣшкомъ направился къ деревнѣ. Но пройдя четверть часа, я остановился, сомнѣваясь въ томъ ли направленiи я иду, — и потому искалъ глазами кого-нибудь, кто могъ бы сообщить мнѣ объ этомъ. Однако на дорогѣ не было никого видно, только вправо возвышался небольшой домикъ, называемый въ этой мѣстности «бастидъ». Онъ стоялъ посреди сада, въ которомъ цвѣли во всей южной красотѣ овощи и фрукты, а позади виднѣлся виноградникъ, откуда слышались человѣческiе голоса.

Я отворилъ калитку, чтобы черезъ садъ пройти въ виноградникъ и спросить перваго попавшагося о томъ, что мнѣ нужно.

Я держался еще за калитку и только-что намѣревался войти, какъ вдругъ отскочилъ въ удивленiи и не могъ произнести ни одного слова. Предо мною стоялъ загорѣлый, по военному одѣтый мужчина, въ которомъ я тотчасъ же узналъ Рене Фавра. Онъ узналъ меня также и черезъ минуту уже горячо обнималъ.

— Quel bonheur! Я внѣ себя отъ радости. Что вы съ облаковъ что-ли свалились, сударь?

Я съ участiемъ отвѣчалъ на его привѣтъ, потому что дѣйствительно радъ былъ снова свидѣться съ нимъ.

О разставаньи со мною въ этотъ или слѣдующiй дни, онъ ничего и слышать не хотѣлъ. Если мнѣ что нибудь нужно въ Фуа, то можно послать разсыльнаго, я же самъ долженъ оставаться у нихъ.

— Туанетта! воскликнулъ онъ,—ступай сюда, мое дитя; къ намъ прiѣхалъ одинъ дорогой другъ!

На этотъ зовъ появилась блѣдная, черноокая женщина, походившая скорѣе на испанку, чѣмъ на француженку; она мнѣ была представлена, какъ мадамъ Фавръ.

— О! воскликнулъ Фавръ,—вы удивляетесь и имѣете на это полнѣйшее право. Однако, обѣдъ кажется готовъ; не правда ли, ma mie? Послѣ мы потолкуемъ съ вами обо всемъ.

Я удивлялся всему что видѣлъ, въ особенности же той перемѣнѣ, которая случилась съ самимъ Фавромъ. Человѣкъ бывшiй до тѣхъ поръ тихимъ и сдержаннымъ— сiялъ теперь отъ счастiя.

Послѣ изысканнаго обѣда мы отправились въ виноградникъ, закурили сигары и усѣлись на одну изъ скамеекъ. Фавръ разсказалъ все, что съ нимъ случилось.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣднiй разъ» началъ онъ: «я не думалъ, когда либо посѣтить опять свою родину. Но когда я вернулся изъ Алжира, меня все что-то тянуло туда. Ну, думалъ я, схожу въ родительскую субботу и въ послѣднiй разъ поклонюсь могиламъ родныхъ. Съ такою мыслью отправился я въ деревню, думая при этомъ посѣтить и развалины стараго замка».

«На кладбищѣ было много народу, потому что, какъ я уже сказалъ, была родительская суббота. Въ числѣ другихъ я замѣтилъ и Туанетту. Я не рѣшился заговорить съ нею; но, когда она, положивъ на одну могилу вѣнокъ, удалилась, я подошелъ къ могилѣ, чтобы посмотрѣть къ кому она приходила. Это была могила Амброза Барбель, ея мужа. Что я почувствовалъ въ эту минуту— не могу разсказать вамъ, сударь. Мнѣ казалось, что все вдругъ зацвѣло предо мною и предо мною открылась новая жизнь. Значитъ Туанетта была свободна, и мнѣ стоило только выдти въ отставку, чтобы тоже быть свободнымъ. Я былъ не бѣденъ, потому что мнѣ досталось въ Алжирѣ часть добычи, да кромѣ того я по привычкѣ жилъ всегда бережливо. Но теперь, какъ я былъ радъ этимъ сбереженiямъ! Я чувствовалъ себя такимъ же счастливымъ, какимъ былъ въ дни моей юности».

«Ну, сударь, чтобы много не распространяться, я тотчасъ же отправился къ священнику, прося его сообщить осторожно Туанеттѣ, что я живъ и нахожусь теперь въ деревнѣ. Туанетта вынесла много горя, и здоровье ея было очень слабо, а потому слишкомъ неожиданное извѣстiе могло убить ее».

«Когда мы въ первый разъ встрѣтились и обнялись, мы плакали о томъ, сколько мы перевспытали горя на своемъ вѣку до этой встрѣчи».

«Туанетта была вдовой уже четыре года—еслибы я могъ это знать! Мужъ ея умеръ, работая на маслобойнѣ. Я вышелъ изъ полка — и женился. Я купилъ это маленькое имѣнiе, которое тогда случайно продавалось. Итакъ, мечта моя сбылась наконецъ. Еслибы старые родители могли дожить до этой минуты! Однако всего имѣть нельзя, и я думаю, что они находятся въ лучшемъ мѣстѣ, заключилъ Фавръ, набожно снявъ при этомъ фуражку.

Я прожилъ два счастливыхъ дня среди этой счастливой четы и разстался съ ними, давъ слово—еще разъ навѣстить ихъ и погостить у нихъ подолѣе.

— Тогда вы вѣроятно прiѣдете не одни, сказалъ Фавръ, сожалѣвшiй о моемъ безбрачiи, какъ каждый счастливый мужъ.

Я смѣясь покачалъ головой.

Я усѣлся въ вагонъ, а онъ весело улыбаясь посылалъ мнѣ прощальные поцѣлуи рукой.

Это было наше послѣднее свиданiе.

Одинъ изъ предразсудковъ современнаго человѣчества.

(Статья д-ра Нимейера).

Въ массѣ человѣчества обращалась и до сихъ поръ еще обращается такая бездна различныхъ такъ-называемыхъ «правилъ для здоровья», что невольно удивляешься, какимъ образомъ всѣ вѣрные послѣдователи ихъ до сихъ поръ не могутъ избѣжать тѣхъ тысячеобразныхъ болѣзней, которымъ подвергаются и другіе люди, болѣе безпечные. Дѣйствительно, подобная вещь на первый взглядъ кажется довольно странной. Видишь: человѣкъ бережется, слѣдитъ за каждымъ своимъ шагомъ, исполняетъ кажись всѣ предписанія гигіены и діэтетики—и вдругъ начинаетъ хворать и умираетъ. Но если всмотрѣться во все это ближе, то причина такого нелогическаго явленія дѣлается тотъ же часъ очевидной.

Большинство этихъ правилъ,—на которыя многіе смотрятъ какъ на неприкосновенный догматъ, и каждую критическую оцѣнку ихъ считаютъ посягательствомъ на свою собственную безопасность,—не имѣетъ въ себѣ никакого разумнаго основанія. Передаются они обыкновенно какъ преданіе изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, никогда не провѣряясь, т. е. не подвергаясь ни какой объективной оцѣнкѣ. Загляните въ любую семью—и вы навѣрно найдете въ ней цѣлый кодексъ такихъ правилъ. Боязнь за послѣдствія при нарушеніи ихъ—какъ Дамокловъ мечь виситъ надъ головою каждаго нѣсколько-мнительнаго человѣка, и изъ жизни, которая должна быть рядомъ физическихъ и умственныхъ наслажденій, дѣлаетъ рядъ страданій и безпомощнаго отчаянія.

Въ особенности боятся всѣ простуды, грозящей всякому маломальски разгоряченному; но если она и имѣетъ печальный исходъ то благодаря только мнительности, которая способна сама по себѣ разслабить человѣка и нравственно и физически. На нашъ взглядъ постоянный уходъ за собою и связанная съ нимъ изнѣженность тѣла—не только не гарантируютъ человѣка отъ болѣзни, но наоборотъ способствуютъ ея развитію, о чемъ мы потолкуемъ въ концѣ этой статьи. Теперь же мы прямо постараемся рѣшить слѣдующій важный вопросъ:

«*Можно ли, будучи разгоряченнымъ, пить холодное*»?

Мы отвѣчаемъ на это:

«*Нетолько можно, но даже и должно*».

Какъ бы читатель ни былъ расположенъ слушать насъ, какъ бы ни былъ онъ приготовленъ услышать отъ насъ что́-либо необычайное, однако при такомъ категорическомъ отвѣтѣ—отвѣтѣ уничтожающемъ всѣ его прежнія медицинскія познанія—онъ съ ужасомъ вскакиваетъ и рѣшаетъ, что написавшій эти строки вѣроятно попадетъ черезъ нѣсколько времени въ сумасшедшій домъ. Но, любезный читатель, прежде чѣмъ дѣлать такой страшный приговоръ, прежде чѣмъ прекратить чтеніе этой статьи какъ негодной, прослѣдите за нами въ нашихъ доказательствахъ,—и мы убѣждены, что при томъ здравомъ смыслѣ, который въ васъ есть, вы въ концѣ концовъ все-таки должны будете согласиться съ нашимъ положеніемъ.

Господь Богъ въ своей мудрости создалъ свѣжую воду для того, чтобы мы бѣдные дѣти земли, изнеможенные и умирающіе отъ жары и жажды, однимъ глоткомъ освѣжающаго напитка снова могли возстановить, оживить свои упадающія силы. И только потому, что мы высоко цѣнимъ это данное намъ благодѣяніе, строимъ мы наши жилища не въ песчаныхъ пустыняхъ Сахары, а въ мѣстностяхъ обильныхъ ключами и рѣками. Только излишекъ этого дорогаго напитка могъ вызвать въ людяхъ такой предразсудокъ относительно его употребленія. Развѣ дѣти Израиля—въ тотъ день, когда, послѣ долгаго странствія по безводнымъ пустынямъ, открыли источникъ живительной влаги,—спрашивали себя: будетъ ли «здорово» если они тотчасъ же напьются? развѣ мудрый Моисей, который не упустилъ ни одного правила, могущаго клониться къ сохраненію здоровью своего народа,—развѣ онъ издалъ повелѣніе предписывавшее имъ сначала остыть и потомъ уже удовлетворять своей физіологической потребности? Конечно, нѣтъ! И однако мы не знаемъ, что́ бы произошелъ хотя бы одинъ смертный случай послѣ этого неожиданнаго удовлетворенія.

Точно такъ же и въ настоящее время, французы, англичане и американцы, съ дѣтства привыкшіе прохлаждать себя послѣ разгоряченія холоднымъ напиткомъ, съ удивленіемъ слушаютъ, когда имъ говоришь, что у насъ существуетъ такой предразсудокъ,—и ихъ здравый смыслъ совершенно отказывается понимать, какъ могутъ люди видѣть вредъ въ томъ, что́ можетъ дать только пользу.

Для насъ и многихъ другихъ, также свободныхъ отъ всякихъ предразсудковъ, людей — кажется страннымъ доказывать то, что́ вполнѣ очевидно съ перваго же взгляда; однако же вѣра въ это преданіе до такой степени распространена въ людяхъ, что нуженъ весь запасъ научныхъ свѣденій, чтобы хотя отчасти поколебать ее.

Первое доказательство вреда холоднаго питья послѣ разгоряченія—наши противники будутъ резюмировать слѣдующимъ образомъ: «холодное питье принятое тотчасъ же послѣ сильнаго движенія (вообще когда человѣкъ находится въ сильно-разгоряченномъ состояніи) простужаетъ напряженныя и разгоряченныя легкія, и тѣмъ вызывать смерть—или въ видѣ апоплексическаго удара или въ видѣ чахотки».

Мы постараемся по порядку разъяснить это положеніе. Во-первыхъ, что́ касается простуженія легкихъ, то оно положительно невозможно, потому что (какъ извѣстно изъ Анатоміи) каждый глотокъ твердой и жидкой пищи идетъ прямо въ пищеводъ, отдѣленный отъ дыхательныхъ путей толстой стѣнкой; поэтому каждый человѣкъ въ правѣ столько же бояться простуды именно этимъ путемъ, сколько каждый другой—простуды или промоченія ногъ потому только, что подъ его комнатой находится водопроводная труба.—Слѣдовательно, простужающее вліяніе могло перенестись только на желудокъ, который однако, сколько извѣстно изъ опытовъ, относится къ нему совершенно индеферентно. Я думаю, что читателю не разъ приходилось видѣть очень нѣжныхъ дамъ, которыя въ жаркую погоду поглащали цѣлыя массы льда.—Что холодное питье не вредитъ даже и разгоряченнымъ легкимъ, доказывается уже однимъ тѣмъ, что при воспаленіи ихъ, когда собственно они разгорячены, единственнымъ облегченіемъ является холодная вода, даваемая и снаружи и внутрь.—Мимохо-

Нѣмецкіе форпосты у Парижа.

домъ нужно замѣтить, что прежде существовало непреложное правило: всѣхъ лихорадочныхъ больныхъ поить только теплымъ питьемъ,—правило благодаря которому не одинъ ребенокъ, страдавшій корью или скарлатиной, погибъ слишкомъ преждевременно. Поэтому гидропатію нужно благодарить за то, что она хоть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ успѣхомъ боролась противъ общаго отвращенія и недовѣрія къ леченію водой.

Что́ касается смерти отъ апоплексическаго удара, то во всей медицинской литературѣ нельзя найти факта, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ здоровый человѣкъ тотчасъ же послѣ холоднаго питья захворалъ и скоропостижно умеръ. Тѣмъ болѣе между неврачами врядъ-ли найдется кто-либо, могущій указать на подобный фактъ; онъ можетъ быть слыхалъ что-либо подобное: часто случается, что пьяница, человѣкъ страдающій органическими пороками сердца или кровеносныхъ сосудовъ, вдругъ неожиданно поражался ударомъ—и смерть, происходившая при этомъ, была не неожиданнымъ явленіемъ, она могла быть предусмотрѣна ранѣе. Холодное питье, которое дается въ данномъ случаѣ, не вредитъ общему состоянію,—на оборотъ, улучшаетъ его. Часто также случается что люди, слишкомъ много трудившіеся, слишкомъ, черезъ мѣру напрягавшіе свои силы—скоропостижно умираютъ ударомъ отъ истощенія, не имѣвъ во рту ни одной капли холодной воды или какого другаго напитка. Слѣдовательно, читатель самъ теперь это видитъ, ударъ и смерть отъ него—зависятъ не отъ простуды, а отъ другихъ болѣе важныхъ разстройствъ организма.

Теперь разберемъ и то общее мнѣніе, что послѣ питья въ разгоряченномъ состояніи очень часто развивается чахотка. Говоря объ этомъ, большинство имѣетъ въ виду тѣ факты, гдѣ молодыя дѣвушки тотчасъ же послѣ бала сильно расхварываются и теряютъ часто свое здоровье и свѣжесть.

Но подобныя заболѣванія имѣютъ въ своемъ основаніи несравненно-глубже-лежащія причины, которыя однако часто проходятъ совершенно незамѣченными—благодаря самолюбію и эгоизму родителей а также легкомыслію молодежи; послѣдняя впрочемъ умышленно ихъ скрываетъ, чтобы этимъ не лишить себя многихъ удовольствій.

Если глотокъ холодной воды, какъ говорятъ, можетъ простудить легкія, хотя непосредственно не прикасается къ нимъ, — то почему молодыя дамы, съ полуобнаженнымъ бюстомъ и въ тонкихъ какъ бумага ботинкахъ, подвергаясь постояннымъ перемѣнамъ температуры бальной залы, почему онѣ не страдаютъ отъ той же простуды? Почему? спрашивамъ мы; вѣдь условія кажется одинаковы. Почему родители—и даже самые заботливые—позволяютъ своимъ дочерямъ проводить въ танцахъ цѣлыя ночи напролетъ, и при этомъ въ такомъ костюмѣ, который какъ бы нарочно изобрѣтенъ для того чтобы затруднить дыханіе, посреди пыли и духоты и наконецъ въ такое время, которое единственно можетъ дать укрѣпляющій сонъ молодому существу?— Если предположить, что слишкомъ сильное возбужденіе духа, раздраженіе внѣшнихъ чувствъ газовымъ освѣщеніемъ, прекрасной музыкой и т. д. — не вредитъ общему состоянію здоровья, то одни уже танцы въ состояніи изнурить даже очень здоровую дѣвушку, ибо вычислено, что хорошая танцовщица сдѣлаетъ въ вечеръ никакъ не менѣе двадцати верстъ. И это усиленное движеніе приходится дѣлать тому самому существу, которое при другихъ условіяхъ не можетъ пройти и одной версты безъ того чтобы не почувствовать себя очень усталой!—Къ счастію, между женскою молодежью встрѣчаются такія комплекціи, которыя безъ всякихъ послѣдствій переносятъ всѣ эти вредныя вліянія; но сколько и такихъ, которыя отъ рожденія обладаютъ узкой грудью, очень плохо развиты и вообще легко страдаютъ отъ всякаго вреднаго вліянія! Такимъ субъектамъ врачи съ самаго начала строго воспрещаютъ всякое чрезмѣрное или усиленное движеніе. Но ежедневный опытъ учитъ, что именно эти, стройныя, блѣдныя, худенькія существа имѣютъ особенное пристрастіе къ танцамъ—и несмотря на всѣ предостереженія и увѣщанія врачей, танцуютъ до тѣхъ поръ пока не наживутъ себѣ горловой чахотки. Часто легкое недомоганіе, небольшой кашель не служитъ препятствіемъ отправиться на балъ, при чемъ обыкновенно только заботятся о томъ чтобы не простудиться. Но когда наступаетъ наконецъ печальный исходъ, то всѣ окружающіе несчастную жертву легкомыслія—стараются припомнить, гдѣ бы она могла простудиться, и конечно... припоминаютъ.

Нѣмецкіе форпосты у Парижа.

На форпостахъ замѣчается особенно оживленная жизнь, которая разнообразится небольшими стычками съ непріятелемъ. Каждый солдатъ, проводя время на форпостахъ, старается по мѣрѣ возможности устроиться какъ можно лучше. Конечно, первой заботой является—жилище. Не говоря уже о баракахъ, соломенныхъ хижинахъ, въ дѣло употребляютъ сломанныя тѣлеги, фуры и даже пивныя бочки, которыхъ впрочемъ немного.

На нашемъ рисункѣ представлены двѣ такія бочки, изъ которыхъ въ одной расположились два человѣка и въ другой два. Эти своеобразныя помѣщенія носятъ довольно оригинальное названіе «Hotel Diogenes» и извѣстны подъ этимъ именемъ всей 13-й дивизіи.

Конечно помѣщеніе этой новой гостинницы очень неудобно—и другому прихотливому путешественнику было бы очень не по нутру, но солдатъ хорошо знаетъ пословицу «à la guerre comme à la guerre» и потому за неимѣніемъ лучшаго наслаждается и тѣмъ что́ Богъ послалъ.

Несмотря на то, что въ дождь потолокъ не особенно защищаетъ обитателей этой импровизованной гостинницы отъ цѣлыхъ потоковъ воды и сырости, время проводится относительно довольно весело. Играютъ въ карты, пьютъ вино и пиво и при этомъ конечно ведутъ безконечные разговоры о своихъ командирахъ и начальствѣ.

На другихъ постахъ жизнь течетъ тоже довольно оживленно, однако съ меньшими удобствами, потому что бочекъ, которыя явились Богъ знаетъ откуда, при всемъ желаніи имѣть большее число невозможно.

Жизнь на нѣмецкихъ форпостахъ дала бы богатый матеріалъ для любаго фельэтониста, но пока по нѣкоторымъ причинамъ держится въ большой тайнѣ. Здѣсь принято за правило не распространяться особенно о бли-

жайшемъ расположеніи нѣмецкихъ авангардовъ, и какъ видно изъ опыта, предосторожность эта приноситъ немаловажную пользу. Такъ наприм. въ Паркѣ С.-Клу, парижане могли бы нанести нѣмцамъ большой вредъ, если бы они лучше знали расположеніе ихъ форпостовъ. Нѣкоторые изъ нихъ они конечно знаютъ, но и нѣмцы не давая маху усиливаютъ эти пункты. Однако мѣры принятыя противъ гранатнаго огня совершенно недостаточны. Большинство домовъ расположенныхъ вблизи фортовъ совершенно разрушено и сожжено. Такъ еще была разрушена до основанія прекрасная вилла Поццо-ди-Борго, которая по своей роскоши не уступитъ любой королевской резиденціи. Она находится между фортомъ Монтрету и паркомъ С.-Клу — и будучи постоянно подъ выстрѣлами этихъ двухъ укрѣпленій, сдѣлалась жертвой гранатъ и зажигательныхъ бомбъ.

Недалеко отъ нея лежитъ другая, болѣе скромная вилла, вѣрнѣе сказать: двѣ виллы, которыя принадлежатъ извѣстному композитору Гуно, творцу оперы «Фаустъ». Въ меньшемъ домикѣ жила его теща, въ большемъ же онъ самъ. Это было все его состояніе, которое пріобрѣсть стоило ему трудовъ цѣлой жизни; поэтому онъ обратился съ письмомъ къ наслѣдному принцу, въ которомъ просилъ этого послѣдняго принять его достояніе подъ свое непосредственное покровительство. Наслѣдный принцъ приказалъ изслѣдовать мѣстоположеніе виллы и принять всѣ необходимыя мѣры къ защитѣ ея. Порученіе это было не совсѣмъ легкое, потому что вилла лежитъ въ совершенно открытой мѣстности, и каждаго появляющагося здѣсь встрѣчаютъ градомъпуль и гранатъ. Однако порученіе это было выполнено очень аккуратно — и именно солдатами 58-го пѣхотнаго полка подъ начальствомъ офицера. Они нашли дома въ совершенномъ порядкѣ; только тамъ и здѣсь валялись нѣкоторые предметы, многое было перерыто, что вѣроятно случилось отъ поспѣшности, съ которой убирались хозяева въ Парижъ.

Все тотчасъ же было приведено въ порядокъ, причемъ на всѣ предметы были наложены плакаты съ именами владѣльца и наслѣднаго принца, который бралъ все имущество подъ свое покровительство.

Политическое обозрѣніе.

Послѣднія извѣстія съ театра войны содержатъ нѣсколько интересныхъ подробностей о состояніи умовъ въ Парижѣ, послѣ отдачи непріятелю позиціи Монтъ-Авронъ. Населеніе столицы видимо недовольно этимъ распоряженіемъ; образованіе военнаго совѣта, въ помощь генералу Трошю, указываетъ на то, что абсолютное довѣріе къ его талантамъ отчасти поколебалось. Впрочемъ, этотъ совѣтъ имѣетъ только совѣщательный характеръ.

Отдавая полную справедливость военнымъ и административнымъ талантамъ генерала Трошю, мы думаемъ, что образованіе такого совѣта весьма полезно въ настоящее трудное время: принять на себя столько обязанностей, и, въ случаѣ неудачи, грозную отвѣтственность передъ народомъ, положительно не подъ силу одному человѣку.

Бомбардированіе Парижа продолжается; прусаки бросаютъ ежедневно въ форты до двадцати тысячь бомбъ; нѣкоторыя изъ нихъ падаютъ въ ближайшіе кварталы къ фортамъ. Сильной бомбардировкѣ подвергаются преимущественно форты: Исси, Ванвръ, Мон-ружъ, и Росни; теперь всѣ усилія нѣмецкихъ войскъ направлены на то чтобы разрушить эти форты, потому что съ высотъ Монтъ-Аврона ихъ удобно обстрѣливать. Монъ-Валеріенъ укрѣпленъ лучше всѣхъ другихъ — и на него повидимому возлагаютъ большую надежду французы, даже если нѣмцы и успѣютъ завладѣть Парижемъ. Фортъ Исси перестаетъ уже отвѣчать на непріятельскій огонь, фортъ Ванвръ дѣйствуетъ очень слабо, тогда какъ Монружъ энергически продолжалъ стрѣлять 5 и 6-го января (нов. стиля). Прекращеніе огня съ фортовъ Исси и Ванвръ заставило призадуматься нѣмецкихъ полководцевъ; явилось подозрѣніе, что французы желаютъ отдать ихъ послѣ небольшаго боя и взорвать эти форты на воздухъ, когда въ нихъ вступятъ нѣмецкія войска. Понятно, это только одно предположеніе со стороны осторожныхъ нѣмецкихъ генераловъ.

Извѣстія изъ Луарской арміи говорятъ о пораженіи генерала Шанзи войсками принца Фридриха Карла близь ле-Манса. Генералъ Шанзи не скрываетъ своего пораженія и доноситъ правительству народной обороны, что по совершеніи отступательнаго движенія съ береговъ ручья л'Юинь, ему удалось занять довольно выгодныя позиціи. Перейдя чрезъ ручей л'Юинь, нѣмецкія войска выиграли нѣсколько побѣдоносныхъ сраженій въ окрестностяхъ Лонброна и ля-Шапель и взяли до 10 тысячь человѣкъ въ плѣнъ. Непосредственно за этимъ слѣдовало пораженіе генерала Шанзи уже подъ самымъ ле-Мансомъ; принцъ Фридрихъ Карлъ извѣщаетъ, что французы отступили въ безпорядкѣ частью на Алансонъ, частью на Лаваль. Въ сраженіяхъ 21—31 Декабря французы потеряли до 16,000 человѣкъ плѣнными и около 20 тысячь убитыми и ранеными. Сверхъ того, нѣмецкія войска захватили 12 пушекъ и митральезъ, 6 локомотивовъ и 200 вагоновъ. Главная квартира генерала Бурбаки, дѣйствующаго противъ арміи Вердера, находится въ Дижонѣ; спеціальную цѣль его усилій составляетъ освобожденіе Бельфора, который имѣетъ большую стратегическую важность. Заставить прусаковъ снять блокаду Бельфора — дѣло весьма трудное, и до сихъ поръ всѣ стратегическіе маневры Бурбаки остались безъ успѣха; генералу Вердеру удалось занять уже такія позиціи, и произвести такія передвиженія войска между Монбельяромъ и Везулемъ, что осуществленіе плана Бурбаки сдѣлалось чрезвычайно трудно. Сраженіе при Виллерсекселѣ доказало это; генералъ Вердеръ аттаковалъ 18-й и 20-й корпуса арміи Бурбаки, взялъ это мѣстечко приступомъ и удержалъ за собой всю операціонную линію.

Вновь-организованный отрядъ Мстителей, состоящій изъ поляковъ, спаговъ, тюркосовъ и вольныхъ стрѣлковъ, также потерпѣлъ пораженіе при Круа, 21 декабря. Изъ 600 человѣкъ 200 были отброшены къ границамъ Швейцаріи; по переходѣ на швейцарскую территорію они были обезоружены при Гранъ-Фонтенѣ 27 декабря. Полковникъ Данненбергъ разбилъ гарибальдійцевъ при Монбарѣ и преградилъ имъ на бургундскомъ каналѣ дорогу, для соединенія съ вновь образованною Ліонскою арміею.

1-го января произошла большая манифестація въ

Бордо— народъ пожелалъ привѣтствовать Гамбетту и собрался на площади передъ ратушей. Республиканское правительство народной обороны дѣйствительно пользуется симпатіей многочисленной партіи, но далеко не всей Франціи. Сознаніе необходимости центральной власти въ виду грознаго нашествія непріятеля—примиряетъ недовольныхъ съ демократической программой правительства Гамбетты,— и вотъ въ какой формѣ: недовольные *терпятъ* республику. Какъ бы то ни было, овація удалась; Гамбетта вышелъ на балконъ и выразилъ народу свою надежду, что войска республики изгонятъ непріятеля изъ предѣловъ Франціи, и что французы будутъ защищать родину до послѣдней капли крови. Пылкое населеніе этого южнаго города требовало отъ правительства болѣе дѣятельныхъ мѣръ относительно выручки Парижа; Гамбетта обѣщалъ, и послѣ криковъ «да здравствуетъ республика, да здравствуетъ Гамбетта!», народъ разошелся по домамъ.

Конференція по Черноморскому вопросу собиралась 17-го января (5 декабря). Говорятъ, что Жюль Фавръ не получилъ офиціальнаго приглашенія участвовать на конференціи, и что представителемъ Франціи на этомъ съѣздѣ дипломатовъ будетъ Тьеръ. Мы думаемъ, что это будетъ удачный выборъ, такъ какъ бывшій первый министръ Луи Филиппа пользуется большимъ расположеніемъ европейскихъ кабинетовъ. Политическія традиціи этого государственнаго человѣка болѣе согласуются съ требованіями теперешней дипломатіи, такъ что Тьеръ не будетъ новымъ человѣкомъ среди представителей другихъ державъ. Если принять во вниманіе, что никакіе европейскіе вопросы не будутъ подняты исключая Черноморскаго, то присутствіе Тьера, какъ бывшаго защитника занятія Рима французскими войсками, не будетъ непріятно представителю Италіи, послѣ согласія державъ на присоединеніе римской области къ итальянскому королевству.

Депеша графа Бейста отъ 26 декабря, переданная г. Швейницу, привела въ восторгъ нѣмецкую партію въ Вѣнѣ. Повидимому между Австро-Венгріей и новой Германской имперіей устанавливаются искренно-дружескія отношенія. «Императоръ Францъ Іосифъ» говоритъ графъ Бейстъ въ этой депешѣ: «искренно сочувствуетъ объединенію Германіи и развитію ея силъ». Въ Версали не сомнѣваются, поэтому, что Австро-Венгрія будетъ стараться упрочить возникшія дружескія отношенія. Это во многомъ развяжетъ руки будущей Германской имперіи. Газета *Tagblatt* поговариваетъ даже о союзѣ между этими двумя державами. Невозможнаго тутъ нѣтъ ничего, безполезнаго—много: заключенный союзъ всегда возбуждаетъ подозрѣнія, которыя затрудняютъ впослѣдствіи контрагентовъ; Германія же настолько сильна въ настоящее время, что опасаться Австріи ей рѣшительно нечего. Программа германскаго парламента 1848 года — вполовину исполнена; литература германскаго народа, распространеніе его культуры доказываютъ, что народная программа 1848 года была далеко не полная, и что единой Германіи нужна прежде всего свобода дѣйствій, для того чтобы заключать выгодные союзы, когда укажетъ необходимость. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ газетъ, что Черноморскій вопросъ обусловилъ возникновеніе дружескихъ чувствъ Австріи къ единой Германіи; Россія желаетъ только отмѣны 14 статьи Парижскаго трактата 1856 г., а другія статьи этого договора болѣе интересуютъ теперь единую Германскую имперію, чѣмъ славяно-германскую Австрію. Претензіи венгровъ никогда не достигали до желанія пользоваться выгодами своего географическаго положенія на Дунаѣ—въ ущербъ 40 милліонамъ населяющимъ Германію. Политическія стремленія ихъ пока опредѣлились совершенно въ названіи «Австро Венгрія». Графъ Андраши пріѣхалъ въ Вѣну, какъ видно изъ послѣднихъ извѣстій, для того, чтобы сообщить вмѣстѣ съ графомъ Бейстомъ необходимыя инструкціи графу Шечену, отправляющемуся на конференцію въ Лондонъ. Мы думаемъ, однако, не смотря на то вліяніе, которымъ пользуется Венгрія у австрійскаго правительства, что графу Шечену будутъ даны столь-же миролюбивыя инструкціи, какъ и главному представителю графу Аппони. Заявленіе, сдѣланное графомъ Бейстомъ въ пользу Россіи въ 1867 г., и дружескія отношенія, существующія между Россіей и Австріей, утверждаютъ насъ въ этомъ мнѣніи.

Читателямъ уже извѣстно, что чехи добивались въ послѣднее время нѣкоторыхъ правъ: они хотятъ имѣть національную армію и бо́льшую свободу печати. Газеты этой страны говорятъ довольно откровенно, что если повторятся обстоятельства бывшія въ 1848 и 1849 годахъ, то населеніе будетъ вести себя болѣе энергично и съ бо́льшимъ сознаніемъ своего славянскаго происхожденія. Если принять во вниманіе географическое положеніе Чехіи—эти заявленія возбуждаютъ въ насъ весьма грустныя чувства.

Герцогъ Амедей Аостскій, сынъ короля Виктора Эммануила, принялъ испанскую корону и уже прибылъ въ Мадридъ. Населеніе столицы встрѣтило его съ энтузіазмомъ. Прощаясь съ сыномъ, итальянскій король высказалъ желаніе, чтобы онъ оставался вѣренъ благороднымъ и либеральнымъ традиціямъ Савойскаго дома, и уважалъ верховныя права испанскаго народа, установленныя конституціей. Говоря это, король былъ правъ. Если правительство Виктора Эммануила и отступало отъ національной программы во времена Ратацци, Рикказоли и даже недавно, предъ франко-прусской войной, въ лицѣ Висконти Веноста, то оправданіемъ этому можетъ служить то давленіе, которому подвергалась и итальянская политика со стороны нѣкогда всесильнаго, а нынѣ павшаго императора французовъ.

Нынѣшній король Испаніи, присягнувъ конституціи, безъ сомнѣнія будетъ вѣренъ ей и тѣмъ симпатіямъ, которыя народъ высказываетъ къ республиканской Франціи. Говоря это, мы вовсе не думаемъ дѣлать намекъ на грандіозный планъ слiянія романскихъ расъ, входившій въ программу завоевательной политики Наполеона I; мы желаемъ этимъ сказать только, что въ виду совершающихся событій въ средней Европѣ, тѣсный союзъ между Франціей и Испаніей, будетъ весьма натураленъ, вовсе не служа преддверіемъ къ какимъ бы то ни было политическимъ комбинаціямъ.

Послѣднія извѣстія изъ Парижа говорятъ, что въ столицѣ Франціи господствуетъ полнѣйшее спокойствіе. Населеніе страдаетъ отъ недостатка топлива, вслѣдствіе чего отдано приказаніе вырубать Елисейскія поля. Прусскія бомбы, падавшія на улицы, произвели нѣсколько пожаровъ, но огонь былъ вскорѣ потушенъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 8 Января 1871 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9 —13** Тип. Р. Голике. Невск. пр., д. № 45—1.

№ 3. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Фальшивая бумажка.

(*Продолженіе*).

V.

Въ степи.

Опять кошева Марка Исаича неслась по степи, на которую налегла жосткая угрюмая ночь, предвѣщавшая пургу, эту снѣжную бурю, устрашающую часто не только человѣка, но и дикаго, вѣчно-рыскающаго звѣря.

Пурга начинается исподволь. Прежде всего, легкій низовой вѣтерокъ волочитъ по гладкой степи снѣговую пыль. Глазъ радуется живому побѣгу серебристыхъ волоконъ изъ взвѣваемыхъ снѣжинокъ, подъ полозьями появляется тихій хрустъ, трескъ; ухабистая дорога мало по малу заравнивается. Потомъ вѣтерокъ усиливается, побѣги пыли подымаются выше и выше, свертываясь спиралью. Сверху начинаетъ моросить. Между однимъ и другимъ потягиваньемъ вѣтра появляются промежутки, и чѣмъ сильнѣе закручиваются снѣжные завитки и чѣмъ выше подымаются они, тѣмъ замѣтнѣе эти промежутки, рѣзче,—словомъ, затишь какая-то дѣлается. Потомъ начинается гулъ вверху, снѣгъ увеличивается и уже хлещетъ,—нѣтъ его прежняго мягкаго, лѣниваго паденья. Потомъ, верховой и низовой вѣтры сливаются въ одну шумящую грозную массу, которая бурно носится во всѣ стороны, становясь ежеминутно все яростнѣе и бѣшенѣе... Наконецъ наступаетъ мятель, темь, рёвъ... пурга входитъ во всѣ права свои: она одна, нераздѣльно, самодержавно царствуетъ на безконечномъ пространствѣ!...

Пурга грянула, когда Маркъ Исаичъ отъѣхалъ отъ поселка уже болѣе десяти верстъ. Старый еврей не былъ знакомъ съ подобными явленіями—и по началу безъ страху смотрѣлъ на мелкій падавшій снѣжокъ; но потомъ руки его начали коченѣть, обледенѣвшее лицо стало испытывать словно уколы накаленныхъ иголъ—и Маркъ Исаичъ поневолѣ съ ужасомъ увернулся весь въ кошму, подъ которую мало проникалъ холодъ и вѣтеръ. Дыханьемъ нагрѣлъ онъ свой импровизированный шалашъ, гулъ пурги навѣялъ дремоту—и вскорѣ Маркъ Исаичъ забылъ всѣ свои страхи, заботы и желанія; онъ заснулъ крѣпкимъ, пріятнымъ сномъ.

Не таково было положеніе Левки. Чуть не со смѣхомъ сѣлъ онъ на передокъ—и выѣхалъ изъ поселка, невольно удивляясь глупости Грушиной просьбы.

— Сказано, баба! говорилъ онъ самъ себѣ.—Волосъ дологъ, а умъ коротокъ... Украдь!... будто за это нашего брата по шерсткѣ гладятъ... Мало, что-ли, кто воруетъ—по этапамъ дни считаетъ... Нашла вора!.. Тутъ, замѣсто свадьбы, да къ засѣдателю на исповѣдь спровадютъ: не хотишь-ли молъ, Левъ Иванычъ, съ нимъ компанство завести... Придетъ же въ умъ шаль такая, прости Господи!... Жидъ... а что жидъ?

Задумался Левка о жидѣ. Не безъ зависти вспомнилъ онъ о томъ, что вонъ-молъ и старый чортъ—жидъ этотъ, а добра всякаго, чтó есть у него, на поселокъ цѣлый хватило-бы... Двадцать тысячъ не шутка, не мутовку облизать,—бурунъ денегъ!.. Будь молъ у меня капитулъ такой—Груша небось къ купцамъ не лѣзла бы, къ чиновникамъ по морозцу сорокой не бѣгала бы...

— Эй, вы соколики, други милые! крикнулъ Левка на лошадей, въ раздумьѣ и въ темнотѣ не замѣтивъ,

что пурга замела дорогу и лошади, побредя на удачу, вошли въ снѣгъ по-брюхо.

Тройка, ободренная гикомъ ямщика, рванулась раза два, но только еще глубже погрузилась въ рухлую кучу— и стала.

— А язви васъ! выругалъ ее Левка, слѣзая съ кошевы и розыскивая дорогу, которая оказалась саженяхъ въ пяти вправо.—Ну, дьяволы этакіе! продолжалъ онъ шельмовать неповинныхъ лошадей, вытаскивая на торный путь. Бѣдный коренникъ, получивъ нѣсколько ударовъ кулакомъ по мордѣ и словно отрезвившись, живо двинулся дальше, видимо радуясь, что подъ нимъ снова оказалась твердая почва.

— Вотъ планида какая! сталъ размышлять Левка далѣе, когда кошева, то врѣзываясь въ снѣговыя насыпи, то попадая въ ныркп, покачивалась изъ стороны въ сторону,—ты, значитъ, на морозѣ пастью снѣгъ лопай, а парховъ сынъ, закутамшись съ богачествомъ своимъ, дрыхать будетъ; ты значитъ хочь безъ рукъ, безъ ногъ въ степу здыхай, а его, жида, на станокъ тащи.

Лошади опять сбились; развернувшаяся пурга волновала степь, словно море; волны снѣга съ воемъ носились съ мѣста на мѣсто; колокольчикъ пересталъ звякать. Левка потерялся и началъ что мо́чи дергать возжами направо и налѣво, нещадно стегать коренника и пристяжныхъ; но тѣ—даже отлягиваться не могли: такъ они загрузли. Только, послѣ нѣсколькихъ ударовъ, коренникъ сильно наклонился на оглоблю—и она разлетѣлась надвое.

— Ну, конецъ пришелъ! въ отчаяніи порѣшилъ Левка и заплакалъ; слезы его тотчасъ же оледенѣли.

Прежде всего, онъ безсмысленно захотѣлъ бросить все: и лошадей, которыхъ всегда любилъ и холилъ, и кошеву, и—главнымъ образомъ—жида, который сладко спалъ, тогда какъ тутъ гибнуть приходилось. Левкѣ казалось, что его муки будутъ, такимъ образомъ, отомщены: я-молъ уйду, а жидъ замерзнетъ. Но потомъ Левкѣ стало жаль лошадей, да и созналъ онъ притомъ, что не выйдти ему изъ степи: гдѣ путь? куда брести?

Порѣшивши такъ, какъ ни мѣшали ему огромныя мѣховыя рукавицы, онъ съ трудомъ отстегнулъ пристяжныхъ и выпрягъ коренника, при чемъ машинально положилъ подъ-мышку обломокъ оглобли. Освободившись отъ хомутовъ, лошади стали осторожно выбираться изъ снѣгу. Левка занесъ ногу на лѣвую пристяжную, юркую киргизскую лошаденку, лучше другихъ ходившую подъ верхъ.

— А Груша? невольно, моментально пришло Левкѣ въ голову.—Ей что̀ сказать про вещи?... Развѣ взять ихъ?—равно жидъ пропадетъ.

Въ мозговой дѣятельности человѣка существуютъ странныя явленія, которыя и наука отказывается объяснить, опредѣлить, указать ихъ источникъ, формулу процесса и постоянный образъ. Человѣкъ иногда—повидимому—мыслитъ, даже дѣйствуетъ на основаніи мимолетно-запавшей ему идеи; но онъ не сознаетъ, почему эта идея вдругъ появилась, выросла и—помимо воли его—руководитъ его поступками. Это не сумасшествіе, но тѣмъ не менѣе запавшая идея не идетъ рука объ руку съ волею: человѣкъ роковымъ образомъ совершаетъ извѣстный рядъ дѣяній, тогда какъ установившееся въ немъ сознаніе желаетъ ряда дѣйствій совершенно противуположныхъ. Почему, иногда, въ сильнѣйшій морозъ, у человѣка рождается мысль—взять въ руки кусокъ валяющагося льду, тогда какъ въ умѣ живетъ сознаніе, что подобное дѣяніе только увеличиваетъ сумму непріятныхъ ощущеній, порождаемыхъ холодомъ? Психологія указываетъ на подобные факты, но смыслъ ихъ она еще не разъяснила.

Левка прежде самъ смѣялся надъ желаніемъ Груши украсть у жида приглянувшіяся ей вещи, воровство вообще было противно его нравственной природѣ; но тутъ, въ степи, при ревѣ бури, за шагъ до смерти, онъ думаетъ такъ же какъ Груша. Его осыпаетъ снѣгомъ, его пронизываетъ вѣтромъ, онъ коченѣетъ, его пригнетаетъ ужасъ окружающаго... а въ мозгу его гнѣздится и разростается мысль не о томъ только, чтобы украсть вещи у жида, оставивъ жида погибнуть въ степи,—но о и томъ, что жидъ, пожалуй, какъ нибудь спасется, что для вѣрнаго владѣнія вещами ему необходимо совсѣмъ избавиться отъ жида... хоть убить его... Кто дастъ отвѣтъ—почему?... И вотъ Левка отдернулъ ногу, которую хотѣлъ занесть на лошадь; онъ поворачивается къ кошевѣ, обѣими руками ухватываетъ кусокъ оглобли—и съ яростью, съ какимъ-то наслажденіемъ бьетъ имъ по кошмѣ, подъ которою лежитъ Маркъ Исаичъ.

Изъ подъ кошмы раздается вопль, пронзительный, способный каждаго хватить за душу. Конвульсивно вытягиваетъ старикъ свою голову изъ наледенѣвшаго покрова—голова эта разбита, но въ ней сохранился еще инстинктъ жизни; сжатыя руки еврея выдвинулись передъ лицомъ, какъ бы защищая его; гортань глухо издаетъ какіе-то стоны мольбы... Но Левка еще яростнѣе наноситъ ударъ за ударомъ... Уже черепъ раскололся, мозгъ размётанъ и смѣшался съ снѣгомъ, а Левка все бьетъ... Впрочемъ онъ въ этой теми не видитъ разбитой головы, при этой бурѣ не слышитъ стоновъ—онъ бьетъ и бьетъ, словно визгъ пурги подзадариваетъ его...

Наконецъ, руки утомились... Левка остановился. Крупныя капли теплаго пота падали съ его лба и разносились вѣтромъ. Трудно было опредѣлить, что̀ выражали его глаза: въ нихъ не было мысли... Они тупо глядѣли впередъ, словно все утомленье происходило только отъ какого-то усиленнаго физическаго труда, вродѣ рубки дровъ... Но случайно распахнулась яга—и холодный, пронзительный токъ охватилъ Левку.

— Ну, а вещи? мелькнула ему мысль при этомъ.

Какъ прежде, машинально полѣзъ онъ подъ кошму. Тихо и тепло было тамъ, точно въ избу со двора войдешь. Левка почувствовалъ себя такъ хорошо, его разобрала такая лѣнивая нѣга, что онъ былъ не въ силахъ шарить, обыскивать, соображать—и даже жида, на ноги котораго пришлось ему сѣсть, онъ не выбросилъ, а прижавшись на корточкахъ, плотно укрылся кошмо̀ю, и тихо, незамѣтно скоро уснулъ.

VI.

Подъ снѣгомъ.

Прошло около шести часовъ. Пурга, то ослабѣвая по временамъ, то усиливаясь, злилась, словно старая, скверная, сумасшедшая баба.

Левка всѐ эти шесть часовъ проспалъ. Не произведи онъ своего убійства, при которомъ онъ такъ усердно трудился мышцами,—онъ заснулъ бы навѣки, потому что замерзъ бы навѣрное. Но слишкомъ сильно волновалась кровь его передъ сномъ, слишкомъ напряжены были нервы, да притомъ очень ужь неудобно сидѣлъ онъ свернувшись калачикомъ во время сна своего,—и по этимъ случайнымъ причинамъ онъ проснулся въ пору, пока могъ

еще работать мозгомъ и членами, уже чувствовавшими непріятную тупую боль.

— Гдѣ я? подумалъ Левка, ощупывая пальцами свое сидѣнье.

Надъ собою—онъ нашарилъ кошму, подъ собою—шубу и чьи-то ноги.

— Гдѣ я? подумалъ онъ опять и захотѣлъ приподняться, выпрямиться или покрайнѣй мѣрѣ вытянуться.

Сдѣлать это—было невозможно: какая-то тяжесть давила его книзу.

Вспомнивъ, что всегда у него въ карманѣ находились сѣрянки для трубки, Левка какъ-то вытащилъ одну изъ нихъ и шаркнулъ ее о грудь. Спичка вспыхнула.

Въ освѣщенномъ такимъ образомъ склепѣ, взоръ Левкинъ прямо упалъ на трупъ еврея. Были видны только шея увязанная платкомъ, вдавленная грудь и часть ногъ; все это въ разныхъ мѣстахъ покрывалось лужею темно-красной запекшейся крови, которая оледенѣвъ стала еще ужаснѣе, еще возмутительнѣе. Не Левка, а другой, болѣе спокойный зритель могъ легко подмѣтить, какимъ широкимъ ручьемъ стекала эта кровь во всѣ углубленія, и какъ одинъ ея слой былъ уже камнемъ, когда на немъ осаживалась волна новаго кровянаго потока.

При этой страшной картинѣ Левка живо вспомнилъ свое страшное дѣло; волосы его стали дыбомъ; онъ хотѣлъ вскрикнуть, но въ гортани не нашлось звука...

Спичка догорѣла и потухла. Снова настала темнота, съ одинаковою любовью покрывшая молчаливую жертву и безмолвнаго убійцу... Страхъ вольно ходилъ по степи, которую злобно волновала пурга; ужасъ воромъ таился въ кошевѣ подъ кошмою, гдѣ Левка сидѣлъ на ногахъ имъ убитаго старика... Рвался Левка изъ этого полутеплаго убѣжища въ холодную степь; онъ самъ хотѣлъ бы замерзнуть, чтобы не помнить представившагося ему зрѣлища, онъ охотно помѣнялся бы ролями съ растерзаннымъ мертвецомъ,—но бѣдныя его усилія и желанія были напрасны: пурга намела на кошеву гору снѣга, словно устраивая даровой мавзолей заживо-погребенному Левкѣ.

Человѣкъ инстиктивно борется со смертью; не разумъ, а какое-то темное чувство подсказываетъ ему тысячу средствъ выбраться изъ бѣды; по пословицѣ, утопающій хватается за соломенку; бритва не настолько глубоко входитъ въ горло самоубійцы, чтобы сразу покончить горемычное его существованіе; рука дрожитъ, поднося дуло ко лбу или къ сердцу, — и часто пуля, въ нихъ направленная, проходитъ далеко стороною. Такъ же, вслѣдствіе какого-то неяснаго, ему самому непонятнаго чувства, вытащилъ Левка изъ кармана ножъ; съ какой-то невыразимою поспѣшностью сталъ онъ вырѣзывать имъ въ кошмѣ широкое отверстіе... Работа подвигалась медленно, но все шла впередъ, и черезъ часъ Левка уже вырѣзалъ такой кусокъ, что свободно могъ просунуть въ него обѣ руки съ локтями. Какъ кротъ началъ онъ тогда грести черезъ дыру снѣгъ въ кошеву, чтобы прочистить себѣ путь къ верху. Отверстіе становилось больше и круглѣе; онъ наконецъ, приподнялся—и очутился какъ бы въ снѣговомъ колоколѣ.

— Хочь тутъ помереть! свободно вздохнувъ подумалъ онъ,—лишь бы не тамъ, не съ жидомъ!

Въ новомъ убѣжищѣ было въ самомъ дѣлѣ много лучше: снѣгъ давалъ извѣстную теплоту, которая не отзывалась запахомъ крови; а перемѣна положенія, возможность расправить члены, работа рукъ, ускоренное обращеніе крови—все это вмѣстѣ подняло духъ Левки. Когда отъ утомленья онъ пересталъ грести снѣгъ, то его охватила какая-то пьяная радость, вскорѣ перешедшая въ дремоту; но прежній инстинктъ опять подсказалъ ему, что дремота эта не къ добру ведетъ—и опять человѣкъ-убійца сдѣлался кротомъ-снѣгоройкою.

А часъ уходилъ за часомъ. Слишкомъ полсутки уже находился Лёвка подъ снѣгомъ; не разъ отъ радости переходилъ онъ къ отчаянію, терялъ надежду какъ-нибудь выбраться изъ своей могилы; ужасъ заживо-погребеннаго отнималъ у рукъ силу... Но мало-по-малу снѣгъ сталъ менѣе крѣпокъ, болѣе рыхлъ—и вдругъ, когда Левка вовсе не ждалъ того, большая куча снѣга осѣла съ легкимъ шумомъ—и онъ увидѣлъ надъ собою сѣрое утреннее небо, которое глядѣло мирно и скромно, словно ни въ чемъ неповинное, и не бросало уже на землю нескончаемый рой бѣлыхъ хлопьевъ.

Левка почувствовалъ себя спасеннымъ; радость его была такъ безумна, что онъ не выразилъ ее ни словомъ, ни жестомъ. Выскочивъ изъ снѣга, стоялъ онъ недвижимъ какъ камень, пока первая мысль прошла его голову... она была — о Грушѣ.

Только вечеромъ появился Левка въ поселкѣ; вмѣсто трехъ съ нимъ были двѣ лошади: коренникъ палъ за версту отъ избы—славная лошадь, которую Грушинъ отецъ вспоминалъ всю свою жизнь.

Привезъ Левка съ собою кое-какую поклажу; онъ крадучись уложилъ ее въ сараѣ, подъ сѣномъ, такъ что самый опытный взглядъ не замѣтилъ бы спрятаннаго... Видно, не даромъ провелъ Левка время отъ ранняго утра, когда вышелъ изъ подъ снѣга, до вечера, когда повелъ въ избѣ разсказъ о томъ какъ,—здавъ проѣзжаго «обратному», а не «дружку», котораго не засталъ,—онъ цѣлые сутки плуталъ въ степи, подъ пургою....

Л. Блюммеръ.

(Продолженіе будетъ).

Галичь.

II. Историческое и этнографическое описаніе.

(Окончаніе).

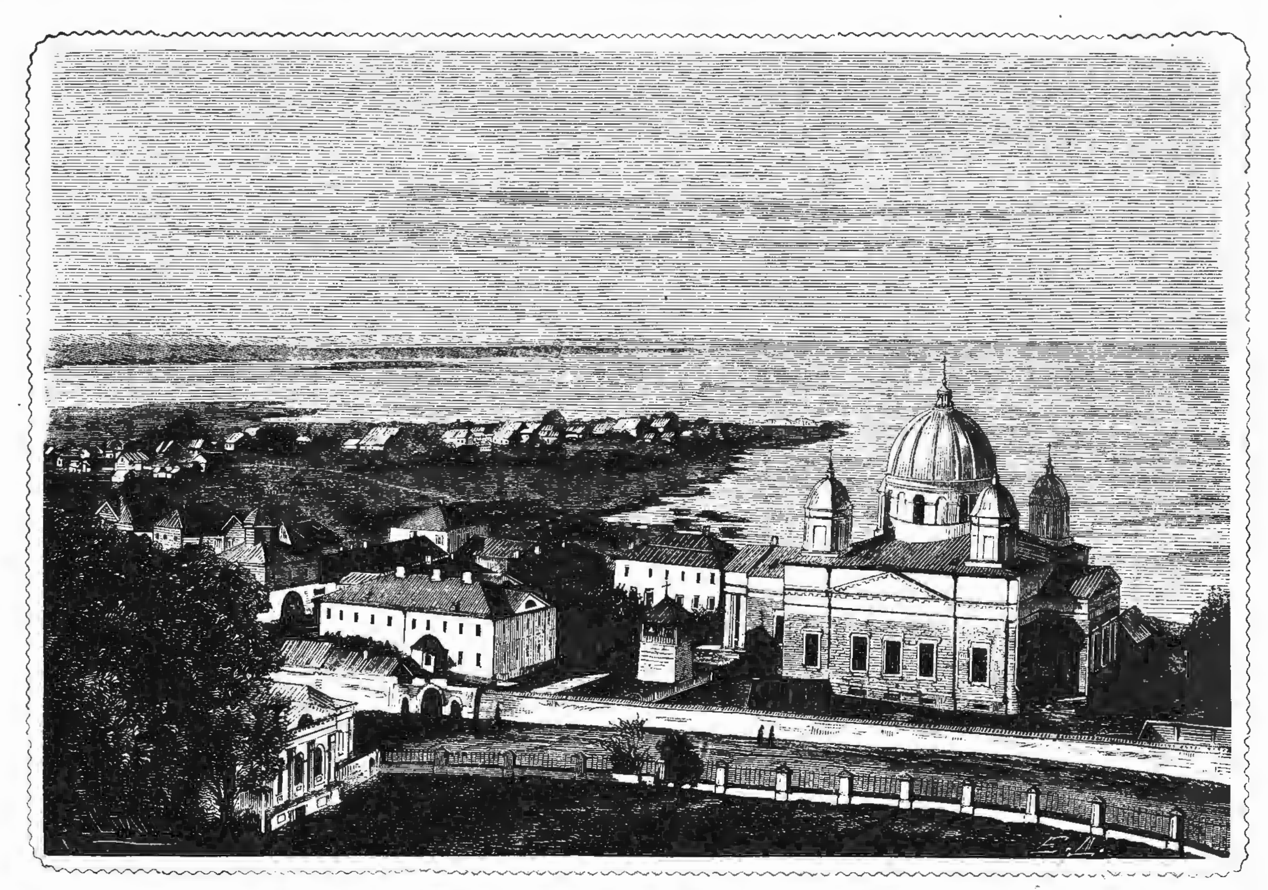
Отечественная исторія упоминаетъ въ первый разъ о Галичѣ, по по поводу страшнаго нашествія Батыя въ 1238 г. на Россію; часть ханскихъ войскъ, послѣ разоренія древняго Владиміра, пошла на Галичь Мерскій и уничтожила его. У Татищева, Галичь составляетъ часть княжескаго удѣла Константина Всеволодовича, внука Юрія Долгорукаго, родъ котораго владѣлъ Галичемъ до великаго московскаго князя Іоанна Калиты; послѣдній купилъ Галичь, такъ какъ владѣтели его, удѣльные князья, вѣроятно, не въ состояніи были платить дань ханамъ Крымской Орды [1]).

[1]) Изъ историческихъ данныхъ видно, что во время удѣловъ князь не заплатившій слѣдующей подати Москвѣ—лишается своего удѣла.

Внукъ Константина Ярославовича Удалаго, сынъ Василія Константиновича, Ѳедоръ, получилъ ярлыкъ на костромское княженіе отъ хана Чинибека въ 1250 г.; но наслѣдникъ его, князь Дмитрій Ѳеодоровичъ, лишенъ былъ Галичскаго удѣла великимъ московскимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ, за вступленіе противъ его въ союзъ съ княземъ суздальскимъ, который былъ постояннымъ врагомъ московскаго престола въ княженіе Димитрія Іоанновича.

Въ 1362 г. Галичское княжество отдано Донскимъ въ удѣлъ сыну его Юрію Дмитріевичу, значительно увеличенное другими удѣлами и завоеванными землями. Князь Юрій Дмитріевичъ еще при жизни отдалъ Галичь дѣтямъ своимъ, Василію Юрьевичу Косому и Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ, который былъ послѣдній удѣльный князь Галича. Вѣроломное владѣніе, неопытность въ государственныхъ дѣлахъ, войны и междуусобія недолго продолжали княженіе Димитрія Шемяки. Его открытая вражда съ великимъ московскимъ княземъ Василіемъ Темнымъ, постоянныя битвы по одному желанію Шемяки, страсть полагаться на убѣжденія и доводы приближенныхъ — возстановили противъ него даже народъ. Знаменитая русская пословица: «Шемякинъ судъ» происходитъ отъ того, что Шемяка творилъ судъ и расправу, не обсуждая законныхъ причинъ правой и виноватой стороны, а судилъ подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ, собственнаго взгляда и состоянія души. Въ 1450 г., послѣ битвы Димитрія Шемяки съ московскимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ Темнымъ близъ Галича, за желаніе Шемяки овладѣть великокняжескимъ престоломъ, онъ, проигравъ поле сраженія, потерялъ княжескій удѣлъ и бѣжалъ въ Вологду. Галичь вошелъ въ составъ государства Московскаго и сталъ управляться боярами. Въ 1719 г. была образована Галичская провинція, съ нѣкоторыми прилежащими уѣздами; а при открытіи Костромскаго Намѣстничества, Галичь перешелъ въ составъ послѣдняго, и, наконецъ, сталъ уѣзднымъ городомъ Костромской губерніи.

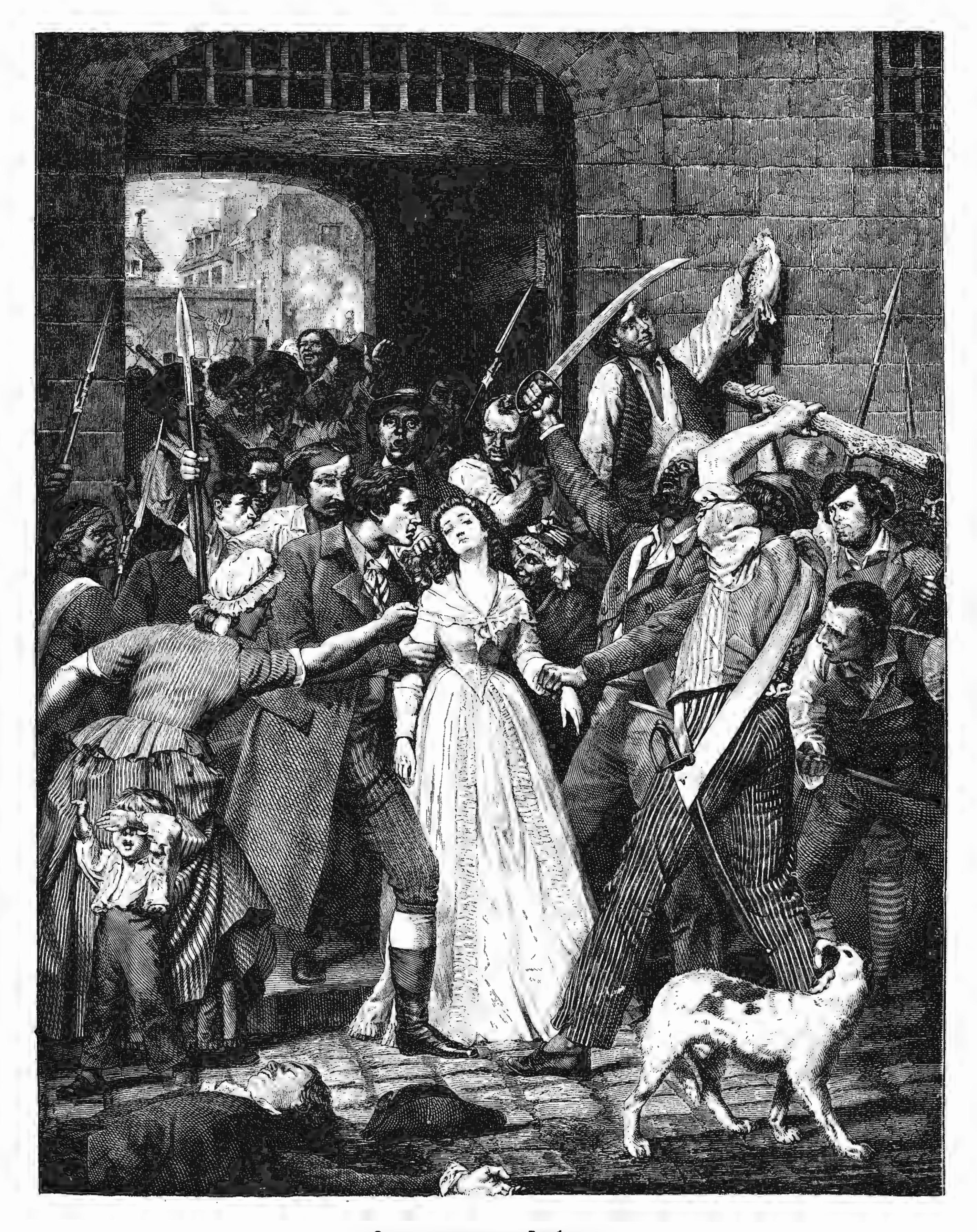
Галичь расположенъ на юговосточномъ берегу большаго озера, у самой подошвы горъ, огибающихъ его дугою. Если въѣзжать съ костромской дороги, глазамъ открывается прекрасная панорама: шпицы высокихъ церквей едва достигаютъ вершинъ направо-лежащихъ горъ и вмѣстѣ съ живописно-разбросанными башнями, домами и лачужками, отражаются въ водахъ озера, противоположный берегъ котораго замыкаетъ на горизонтѣ картину синимъ кольцомъ окрестныхъ горъ, гдѣ, изрѣдка, какъ бѣлыя точки мелькаютъ сельскіе храмы.

Николаевскій Староторжскій дѣвичій монастырь въ Галичѣ.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Э. Даммюллеръ.

Рѣзкую замѣчательность Галича и его окрестностей составляютъ направо - лежащія возвышенности. Древность нѣкоторыхъ пунктовъ на нихъ — простирается до временъ язычества. Такъ: Поклонная гора, при склонѣ къ озеру, на архангельской дорогѣ, какъ говоритъ преданіе, была священнымъ мѣстомъ для мерячей; здѣсь находилась кумирня, въ которой приносились мольбы и жертвы идолу «ярилѣ». Христіанская религія вытѣснила идолопоклонничество, но потомки мерячей сохраняютъ по настоящее время воспоминаніе преданія, и выражаютъ его праздничнымъ гуляньемъ на Поклонной горѣ, гдѣ дѣвушки и женщины въ своихъ оригинальныхъ ко-

Смерть принцессы Ламбалль.

стюмахъ, пѣснями, хороводами и играми вспоминаютъ старое время [2]). Это гулянье бываетъ въ продолженіи трехъ дней и оканчивается уже въ другомъ мѣстѣ, на берегу озера около Рыбной слободы, гдѣ, по преданію, будто-бы стояла кумирня другаго идола «купалы». Здѣсь собираются жители гулять по берегу озера, кататься въ лодкахъ и, наконецъ, купать и обливать другъ друга водою въ воспоминаніе бога Купалы. Ловля рыбы лѣтомъ производится сѣтями и мережами, а зимою извѣстнымъ способомъ Уральскихъ казаковъ. Старожилы гово-

[2]) Въ день Всѣхъ Святыхъ (въ іюлѣ мѣсяцѣ).

рятъ, что Рыбная слобода образовалась отъ заселенія, по повелѣнію Государыни Императрицы Екатерины II, семействами Уральскихъ казаковъ, вытребованными для болѣе раціональнаго способа рыбной ловли въ Галичскомъ озерѣ, гдѣ изобиліе рыбы, вслѣдствіе большаго количества впадающихъ рѣкъ и громадной растительности, почти не уменьшается. Это можно объяснить (по разсказамъ) названіемъ озера, даннымъ нашими предками: Неронъ, — не отъ имени римскаго правителя, а отъ слова неуронъ т. е. не потеря въ рыбѣ.

На противоположномъ берегу Галичскаго озера, противъ Поклонной горы существуетъ конусообразная возвышенность, названная Туровской горой (древній пунктъ временъ язычества), на которой, вѣроятно, тоже находилась кумирня у первобытныхъ народовъ; впослѣдствіи тутъ было село Мыльное, оно служило любимою резиденціею князей галичскихъ, проводившихъ здѣсь время въ занятіяхъ звѣриной и рыбной охотами.

Внутри города находятся слѣды другаго укрѣпленія, состоящаго изъ большаго четыреугольнаго пространства (около пяти десятинъ), обнесеннаго валомъ. Оно построено, послѣ разоренія Галича Василіемъ Темнымъ, дядею его Юріемъ Димитріевичемъ Галичскимъ, который перенесъ сюда крѣпость и дворецъ. Цѣль этой постройки не могла достигать своего назначенія, какъ по низменности мѣста такъ и по безводности; наконецъ, въ стратегическомъ отношеніи она не имѣла тѣхъ удобствъ, какія представляло укрѣпленіе на Столбищѣ. Внутри этого вала помѣщается лучшая часть города и нѣкоторые храмы; изъ нихъ замѣчателенъ соборъ, построенный Юріемъ, на нынѣшнемъ его мѣстѣ. Первоначальное появленіе христіанской религіи между жителями Галича нужно отнести къ половинѣ XII стол., т. е. когда Юрій Долгорукій устроилъ первое укрѣпленіе въ Галичѣ и основалъ при дворцѣ [3]) храмъ св. Семіона Столпника, отчего и самая гора, на которой находится укрѣпленіе, названа Столбищемъ. На этомъ мѣстѣ была долгое время часовня, неизвѣстно почему уничтоженная. Въ окрестностяхъ Галича, въ народной массѣ, проводниками христіанскихъ догматовъ и религіи были Святители: въ XII в. Св. Авраамій Ростовскій, — мѣсторожденіе его Чухлома, — Св. Макарій Унженскій и Св. Іона, митрополитъ Московскій.

Въ прежнее время Галичь славился монастырями; ихъ было 10, теперь 2: Галицкій Паисіевъ монастырь мужской и Николаевскій Староторжскій дѣвичій; первый находится въ верстѣ отъ города, около костромской дороги, замѣчателенъ своею старинною архитектурою. Онъ основанъ въ 1570 г. Паисіемъ, который былъ впослѣдствіи игуменомъ. Мощи его почіютъ подъ спудомъ въ одномъ изъ храмовъ этого монастыря. Дѣвичій монастырь стоитъ на самомъ берегу Галичскаго озера, при въѣздѣ съ архангельской дороги, на томъ мѣстѣ гдѣ встарину былъ торгъ, отчего и произошло названіе Староторжскій монастырь. Онъ построенъ преподобнымъ Іаковомъ Галичскимъ. Положительныхъ свѣденій о времени его основанія не имѣется. У Тычинкина сказано: Преподобный Іаковъ Галичскій погребенъ въ посадѣ, на Староторжьѣ, подъ церковью Бориса и Глѣба, подъ алтаремъ на правой сторонѣ. Монастырь до XV ст. былъ мужскимъ. Религіозность Галичанъ даетъ средство поддерживать обитель, избавляя отъ нужды инокинь. Въ 1866 г. выстроенъ новый храмъ прекрасной архитектуры. Вообще монастырь, по живописному мѣстоположенію и самому стилю постройки, служитъ лучшимъ украшеніемъ города. Благодаря дѣятельности настоятельницы, въ немъ помѣщается школа для дѣвочекъ, гдѣ преподаются общеобразовательные предметы и нѣкоторыя рукодѣлія.

---

[3]) На одной изъ горъ сохранились до сихъ поръ остатки древнихъ укрѣпленій, называемыхъ Столбищемъ, имѣющихъ видъ прямоугольнаго четырехъугольника, обнесеннаго валомъ, по угламъ котораго возвышаются курганы; вѣроятно, это были мѣста сторожевыхъ башень. Валъ круто опускается внизъ къ самому озеру. Преданіе говоритъ, что за этимъ валомъ жители спасались отъ нашествія непріятеля и успѣвали уплывать на лодкахъ въ озеро; есть повѣрье, что на этомъ укрѣпленіи зарыты многія сокровища, награбленныя во время междуусобій Шемякою и его братомъ въ Ярославлѣ и Москвѣ. Впрочемъ одинъ изъ этихъ кургановъ былъ рытъ кѣмъ-то, но результатъ разрытья остался неизвѣстнымъ.

Шаманство и шаманы.

Въ каждомъ народѣ, вѣрованія, понятія и убѣжденія человѣка образованнаго всегда разнятся отъ вѣрованій, понятій и убѣжденій необразованнаго, простолюдина, — а потому при описаніяхъ нравовъ надобно изучать, какъ понимаетъ ихъ простонародье и высшій классъ народа или образованные люди.

Описывая шаманство сибирскихъ инородцевъ, слѣдовало бы объяснить понятія объ немъ всѣхъ классовъ народа и людей ученыхъ; но у сибирскихъ инородцевъ нѣтъ высшаго, образованнаго сословія. Ихъ *родоначальники*, управляющіе *думами* *), и *князцы*, старшины улусовъ и т. п. выбираются изъ того же народнаго круга, также безграмотны какъ весь народъ, отличаются или богатствомъ и родственными связями или проворствомъ и смышленностью въ глазахъ начальства, судятъ по общественнымъ приговорамъ, по обычаямъ, освященнымъ давностью, прикладываютъ печати къ бумагамъ, написаннымъ и прочитаннымъ писарями, немногіе подписываютъ по русски свою фамилію — и только. Ихъ понятія одинаковы съ понятіями простонародья; а простонародье понимаетъ шаманство такъ, какъ объясняютъ его шаманы. Шаманы говорятъ и весь народъ признаетъ, что шаманство есть древняя вѣра отцовъ его, заключающая въ себѣ всѣ понятія о видимомъ и невидимомъ мірѣ, что представители этой вѣры — шаманы или *камы* — суть посредники между человѣкомъ и мірами видимымъ и невидимымъ — и посредники не простые но облеченные особенною властью не только надъ первымъ, но отчасти и надъ послѣдними.

Если бы у сибирскихъ инородцевъ былъ высшій образованный классъ народа, то отъ него мы могли бы получить болѣе ясныя понятія объ ихъ вѣрѣ, нежели какія можемъ получить теперь отъ простонародья, которое ничего не знаетъ и отъ котораго шаманы тщательно скрываютъ нравственные догматы своей вѣры, знакомя

---

*) *Дума* — управленіе одного цѣлаго или нѣсколькихъ соединенныхъ родовъ — равносильно нашему волостному правленію.

его только съ одними наружными или вещественными обрядами, подобно тому какъ жрецы другихъ древнихъ религій скрывали отъ народа истинный смыслъ своихъ вѣрованій,—какъ бы желая этою таинственностью, съ одной стороны, придать болѣе важности и внушить болѣе уваженія и религіознаго страха къ вѣрѣ отцовъ; съ другой—имѣть болѣе вліянія надъ умомъ народа; а съ третьей—не желая подвергать искаженіямъ, кривотолкамъ и оскорбленіямъ невѣжественнаго народа тѣ религіозныя понятія и вѣрованія, въ которыхъ они сами убѣждены. Отъ этого болѣе ясныя и подробныя понятія о шаманствѣ мы можемъ получить только отъ самихъ шамановъ; а это-то и не легко, потому, что если есть причины, побуждающія ихъ скрывать догматы вѣры отъ своего народа, признающаго эту вѣру,—то эти причины должны быть важнѣе и сильнѣе въ отношеніи къ людямъ непризнающимъ шаманства, особенно въ отношеніи къ Русскимъ. Здѣсь дѣйствуетъ болѣе всего страхъ насмѣшки и кощунства, страхъ оскорбленія вѣрованій и вѣрователя—и потому всѣ шаманы, съ которыми намъ случалось говорить, отвѣчаютъ на расспросы, что они обязываются страшными клятвами хранить въ тайнѣ догматы своей вѣры, что заклятій этихъ они не смѣютъ нарушить подъ опасеніемъ неизбѣжной и тяжкой кары для себя и семействъ—здѣсь и за могилой, потому что клянутся не только жизнію, счастіемъ и спокойствіемъ, но душами собственными и душами живыхъ и умершихъ родныхъ и милыхъ сердцу. Многіе шаманы не показываютъ русскимъ даже всѣхъ наружныхъ религіозныхъ обрядовъ, но удовлетворяя любопытству, шаманятъ какъ говорится по заказу. Отъ этого всѣ наши понятія о шаманствѣ, всѣ разсказы путешественниковъ отрывисты, сбивчивы и неполны; только время, которое болѣе знакомитъ и сближаетъ людей, которое стираетъ препятствія и сглаживаетъ предразсудки, раскрываетъ людскія тайны и помыслы,—дастъ намъ возможность постепенно изучать всѣ догматы и обряды шаманства.

Бывалые люди не согласны между собою въ томъ, что̀ такое шаманство. Одни изъ нихъ называютъ шаманство религіозною драмою кочеваго дикаря—сына степей или пустынныхъ лѣсовъ Сибири,—драмой, основанной на суевѣріи, на младенческихъ понятіяхъ народа, имѣющаго только одни наружныя формы, или обряды, но безъ догматовъ, безъ ученія, безъ послѣдовательной связи между ученіемъ и исполненіемъ, или между религіозными понятіями и обрядами, — т. е. шаманство по ихъ мнѣнію не вѣра, а дребезги, обломки какой-то древней вѣры. Другіе видятъ въ немъ странную для насъ поэзію дикаря, родные звуки которой и таинственный смыслъ заклинаній чаруютъ больнаго слушателя подобно тому, какъ нѣкоторые больные въ Европѣ вылѣчивались музыкой и пѣніемъ, — потому что шаманъ во все продолженіе своей религіозной драмы поетъ и играетъ на бубнѣ. Третьи находятъ только простой грубый обманъ, которымъ пользуются люди хитрые, зная легковѣріе народа, — жалкое шарлатанство, не имѣющее въ основаніи своемъ ничего положительнаго, и притворство подъ личиною вѣрованій и преданій народа.

Такъ какъ всякому дозволяется дѣлать предположенія для открытія какой-нибудь истины, не выдавая этихъ предположеній за непреложную истину и предоставляя на волю каждаго принять ихъ или отвергнуть, то да позволено будетъ и намъ прежде всего высказать наше предположеніе и потомъ приступить къ описанію самаго шаманства.

Мы полагаемъ: 1) что шаманство есть *вѣра*; это доказывается его религіозными понятіями, сужденіями и обрядами; 2) что вѣра эта—одна изъ древнѣйшихъ и простѣйшихъ между людьми, общихъ всѣмъ первобытнымъ племенамъ, и гораздо древнѣе нетолько вѣры Ламайской, но Римской, Греческой и другихъ языческихъ вѣръ. Это доказывается тѣмъ, что *Шакямуни*—основатель буддизма — преслѣдовалъ шамановъ, что о волхвахъ и прорицателяхъ говорится въ нашихъ священныхъ книгахъ; 3) что вѣра эта заключала въ себѣ первоначально познаніе объ единомъ истинномъ Богѣ, истинное богопочитаніе, мысль о безсмертіи души человѣка, о жизни замогильной и о происхожденіи человѣка изъ земли,—заключалась въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ и пророчествѣ, приносила въ жертву Богу преимущественно бѣлаго барана (козленка, или ягненка) какъ изображеніе кротости, беззащитности и чистоты. Первобытный человѣкъ не нашелъ ни одного звѣря, добрѣе и беззащитнѣе этого домашняго животнаго. Жертвоприношеніе барана мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ первобытныхъ племенъ, у самаго Авраама; оно имѣетъ историческое основаніе въ глубокой древности, когда козлы и бараны играли важную роль — и самъ Юпитеръ являлся Геркулесу въ видѣ козла, представителя четырехъ стихій. Слѣдовательно, обычай нынѣшнихъ шамановъ заслуживаетъ полнаго вниманія изыскателя и любознательнаго человѣка. Что вѣра шаманская заключала въ себѣ познаніе объ единомъ истинномъ Богѣ — это видно изъ того, что во всѣхъ шаманскихъ сектахъ оставленъ какой-то пробѣлъ для забытаго уже ими міроздателя, который они силятся и ни чѣмъ не могутъ пополнить; оставлено мѣсто для какого-то невѣдомаго и невидимаго имъ двигателя, который управляетъ міромъ и судьбою ихъ боговъ, но котораго они уже не знаютъ, котораго никто не можетъ имъ объяснить. Прочитайте богатырскія поэмы минусинскихъ татаръ—и вы увидите, что міровые перевороты не зависѣли отъ ихъ жалкихъ кудаевъ (боговъ), но совершались по особой *высшей* невѣдомой для нихъ силѣ или причинѣ. Вы увидите, что даже люди осмѣливаются нарушать предсказанія, и не исполнять воли своихъ кудаевъ подъ разными предлогами и ухищреніями, — такъ не всемогущи ихъ боги. Но такъ какъ человѣкъ не можетъ представить себѣ невидимаго духа или Бога безъ облеченія его въ видимыя формы, то человѣкъ безграмотный, грубый дикарь, тѣмъ болѣе нуждается въ осязательномъ вещественномъ познаніи того чуднаго творца міра, который управляетъ судьбою человѣка; отсюда естественно произошло у всѣхъ народовъ, въ томъ числѣ и у шамановъ, богочитаніе всѣхъ видимыхъ формъ, въ которыхъ, по ихъ дѣйствію или вліянію на человѣка и природу, подозрѣвалось существованіе силы невидимой,—богопочитаніе солнца, луны, звѣздъ, огня, воды, горъ, лѣсовъ, наконецъ великихъ людей и проч. Отсюда возникла мысль объ осуществленіи Бога въ природѣ, въ частяхъ или во всемъ цѣломъ. Каждый человѣкъ силился представить себѣ, вообразить своего бога, то карающимъ, то благодѣтельствующимъ, смотря по потребностямъ души и разума. Чѣмъ человѣкъ былъ возвышеннѣе думами и чувствами, умнѣе, благороднѣе,—тѣмъ были возвышеннѣе и величественнѣе формы, придаваемыя имъ своему божеству. Отъ этого одни боготворили палившее ихъ солнце; другіе поклонялись

лунѣ, какъ символу покоя и наслажденія; третьи—огню, какъ освѣщающему, согрѣвающему и сожигающему сильнѣе солнца; четвертые—водѣ, морской безднѣ, съ ея фантастическими туманами; пятые—горамъ съ ихъ перекатами громовъ, въ которыхъ имъ чудился голосъ грозящаго духа; шестые—молчаливымъ лѣсамъ и пустынямъ, гдѣ безмолвіе природы невольно усмиряетъ страсти человѣка, невольно дѣлаетъ его добрѣе, какъ будто наитіе благодѣтельной духовной силы видимо дѣйствуетъ здѣсь на человѣка. Вездѣ во всемъ видѣли присутствіе невидимыхъ силъ. Эти невидимыя силы являлись воображенію первобытнаго человѣка подъ разными образами. Вездѣ чертили и созидали по понятіямъ, видѣніямъ и впечатлѣніямъ. Эти образы и подобія освящали и молились имъ, глядя на нихъ какъ на подобіе того, кого они силились понять; отсюда произошли кумиры, истуканы деревянные, каменные, металическіе, рисунки, очерки. Настроенное соображеніе, поэзія и неясные сны, которымъ человѣкъ охотно вѣритъ, придавали кумирамъ небывалыя дѣянія, чудеса, и создавали исторію. Богопочитаніе украшало идоловъ блескомъ метала и цвѣтнаго камня, приносило имъ жертвы, куренія, зажигало предъ ними священные огни и пѣло молитвы; — отсюда произошли обряды. Дѣти изобрѣтателей, привыкнувъ отъ колыбели видѣть въ этихъ подобіяхъ предметы обожанія отцовъ, — признавали ихъ уже настоящими богами. И вотъ какимъ образомъ постепенно уничтожалось истинное богопознаніе — и богопочитаніе замѣнялось язычествомъ и его сказками. Всякій фанатикъ силился представить Бога по своему, давалъ ему свое вымышленное имя; сознавая въ немъ высшій разумъ, — придавалъ кумиру множество головъ, сознавая всевидѣніе — множество глазъ, всемогущество — множество рукъ, и такъ далѣе. Отъ этого произошло множество именъ и раздѣленіе одного бога на многобожіе; тогда какъ всякій, даже грубый человѣкъ, догадывается или постигаетъ въ глубинѣ души своей, что Богъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, творецъ и виновникъ всего — долженъ быть одинъ.

Кромѣ того необразованный человѣкъ—по природѣ суевѣренъ и боязливъ. Человѣкъ преступный — у котораго совѣсть обременена злодѣяніями или такими дѣлами, которыхъ не оправдываетъ внутренній голосъ души его, — трусливѣе человѣка непреступнаго, человѣка непризнающагося, или неубѣжденнаго внутренно въ порочности своихъ дѣйствій—и чѣмъ онъ, по внутреннему сознанію его, преступнѣе, тѣмъ трусливѣе. Въ Сибири существуетъ обычай, что злодѣй, убивъ человѣка и сознавая внутренно всю тяжесть вины своей, кланяется въ ноги убитому и проситъ прощенія,—для того, по его понятіямъ, чтобы тѣнь убитаго не преслѣдовала его въ тмракѣ ночи и не чудилась въ сновидѣніяхъ. Бродяга, пробираясь изъ мѣста ссылки едва проходимыми лѣсами, боится обличительнаго крика вороны, потому что ворона, увидѣвъ въ лѣсу человѣка, обыкновенно начинаетъ кричать и крикомъ своимъ даетъ знать объ его пребываніи,—а какъ бродяга на каждомъ шагу боится преслѣдованія, то онъ и полагаетъ, что ворона видитъ въ лѣсу его сыщиковъ и если увидитъ его, то крикомъ своимъ даетъ знать имъ объ его убѣжищѣ.

Далѣе мы знаемъ, что человѣкъ суевѣрный, преступный и робкій прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы избѣгнуть заслуженнаго имъ наказанія, или смягчить степень его; поэтому онъ прибѣгаетъ нетолько ко всѣмъ высшимъ силамъ—духамъ и вещественнымъ предметамъ—собственно имъ боготворимымъ, но и къ силамъ почитаемымъ другими людьми, которыя, по его мнѣнію, могутъ помочь и ему; боготворитъ ихъ, не ограничиваясь почитаніемъ своихъ кумировъ, вѣритъ, что ихъ можно умилостивить, склонить на свою просьбу жертвами, дарами и обѣщаніями. Отъ этого—мы знаемъ, что идолы и воображаемые боги одного народа уважались иногда и другими народами, имѣвшими свое многобожіе. Но будутъ ли приняты дары и просьбы просителя, будутъ ли исполнены его желанія—онъ не знаетъ, потому что невидимыя силы, обитающія въ солнцѣ, звѣздахъ, горахъ, водахъ, истуканахъ и проч., молчатъ; это молчаніе и незнаніе тревожитъ просящаго — и вотъ явились посредники между имъ и боготворимыми предметами,—посредники, которые разрѣшали ихъ сомнѣнія, утѣшали своими разсказами, льстили пытливому воображенію, увѣряли, доказывали разными признаками справедливость своихъ толкованій—и суевѣрное воображеніе просящаго успокоивалось; а тѣ, которые принимали на себя обязанности посредниковъ, пользовались его особымъ уваженіемъ, почетомъ и дарами (такъ какъ ремесло это было всегда выгодно и необходимо въ кругу людей) подъ именемъ жрецовъ, волхвовъ, камовъ, прорицателей. Ремесло это въ теченіи времени, получивъ историческую прочность, освященную довѣріемъ, обычаемъ и преданіями народа, усилилось и укрѣпилось; но чтобы не сбиться въ своихъ дѣйствіяхъ, обрядахъ, предсказаніяхъ и не впасть въ противорѣчія, сословіе это должно было установить свои правила, придумать свои одежды и обряды, и соединить въ одно всѣ понятія, убѣжденія и сужденія—и отсюда у каждаго народа возникла вѣра и догматы ей свойственные. Религіозныя понятія и догматы эти у народовъ болѣе образованныхъ много зависѣли отъ осѣдлой жизни; тамъ, гдѣ международныя отношенія обширнѣе, потребности жизни разнообразнѣе, прихотливѣе, роскошнѣе, богаче,—понятія и догматы религіи были также обширнѣе и многосложнѣе, обряды пышнѣе и торжественнѣе, чему доказательствомъ, минуя другія языческія религіи, служитъ богослуженіе ламайское, вынесенное къ монголамъ изъ Тибета, государства осѣдлаго. Въ обрядахъ ламайскихъ есть своего рода торжественность и великолѣпіе, одежда жрецовъ нарядна, боги ихъ живописны по своему, разрисованы, вылиты изъ серебра и золота, жертвенники украшены, пѣніе согласно, гармонично, богослужебная музыка оглушительна и составлена изъ различныхъ инструментовъ; самые обряды разнообразны, религіозныя понятія многосложны, богамъ нѣтъ счета,—потому что ламамъ необходимо нужно было какъ можно болѣе стѣснить и связать народъ религіознымъ страхомъ и сомнѣніемъ, придумать какъ можно болѣе обрядовъ и формъ на всѣ случаи жизни, чтобы держать постоянно народъ въ уздѣ религіознаго повиновенія. Но что могла придать торжественнаго богопознанію и богослуженію кочевая жизнь дикаря-пастуха степей, или бродячаго получеловѣка, вѣчнаго скитальца въ лѣсахъ, тундрахъ и снѣгахъ, у котораго международныя отношенія ограничены пространствомъ, перерваны лѣсами и болотами, потребности жизни сходны съ потребностями степнаго буйвола или дикаго звѣря? ничего, кромѣ самыхъ простыхъ, легковѣрно-младенческихъ понятій и познаній, самыхъ простыхъ обрядовъ, напѣвовъ унылыхъ и однообразныхъ, одежды нищенской, боговъ карманныхъ, жертвенниковъ легкопереносныхъ, которыми служитъ родной таганъ и огонь

подъ нимъ разведенный;—ничего лишняго, что́ могло бы стѣснить дикаря и заставить его отказаться отъ вѣры отцовъ его.

Но если мы припомнимъ, что шаманы и по нынѣ признаютъ безсмертіе души человѣка и жизнь з[illegible]льную—но жизнь и безсмертіе матеріальныя, искаженныя, гдѣ отъ шамана и не-шамана ничего не отнимается: ни его жена, ни его любимый конь, ни его родной таганъ, ни даже трубка съ табакомъ;—то поймемъ причину, почему послѣ смерти каждаго оставляются на могилѣ усопшаго всѣ его вещи и убивается его любимая лошадь (особенно послѣ смерти шамана), въ знакъ того, что онъ будетъ пользоваться ими, какъ необходимо нужными за могилой, и никто не смѣетъ взять ихъ оттуда;—почему въ древности той же участи подвергались и жены покойниковъ, чтобы онѣ послѣ смерти мужей своихъ не могли волей или неволей подвергнуться необходимости пріисканія другихъ супруговъ;—почему мертвыхъ не хоронили въ землѣ, опасаясь, что имъ трудно выйти оттуда—а подвѣшивали въ лѣсахъ на деревьяхъ, какъ это дѣлали якуты, или оставляли посреди степи въ небольшихъ сундукахъ или ящикахъ, какъ это дѣлали бурята;—почему въ Арбатахъ *) въ древнія времена приносились кровавыя человѣческія жертвы и всесожженіе, какъ говоритъ мѣстное преданіе.

Разсматривая шаманство со всѣхъ сторонъ, мы находимъ въ немъ что-то похожее на ясновидѣніе человѣка не имѣющаго объ этомъ никакого понятія, ясновидѣніе особаго рода, облеченное въ свою форму и условія — гдѣ также есть свое магнетизированіе и свои предѣлы; ясновидѣніе смѣшанное съ преданіями, понятіями и вѣрованіями народа, утратившими свою первоначальную истину, искаженными временемъ и грубыми понятіями дикаря. Монгольскіе ламы утверждаютъ, что основатель ихъ ученія, Шакямуни, преслѣдуя шамановъ, пожегъ и уничтожилъ всѣ ихъ книги—и съ тѣхъ поръ вѣра эта сдѣлалась безграмотною. Потерявъ богослужебныя, историческія и философскія книги,—потерявъ все, что́ было придумано, открыто, собрано въ теченіи вѣковъ умомъ человѣческимъ,—вѣра шаманская погрузилась въ невѣжество. Въ этомъ положеніи пытливый умъ шамановъ снова сталъ дополнять утраченныя понятія и вѣрованія новыми изобрѣтеніями, новыми фантазіями, и естественно погрузился въ міръ созерцаній. Если извѣстные классы даже въ цивилизованныхъ обществахъ допускаютъ, что человѣкъ можетъ силою глазъ своихъ обратить и привлечь на себя вниманіе и взглядъ другаго человѣка, его невидящаго, находящагося отъ него въ извѣстномъ разстояніи, и такимъ образомъ выразить свою волю физически—силою ли толканія атомовъ, или силою магнетизма; если допускаютъ, что проклятіе человѣка навлекаетъ на другаго бѣду и несчастіе, а благословеніе—покровительство неба и благоденствіе; если допускаютъ, что можно наговорить на слѣдъ человѣка, съ попутнымъ вѣтромъ послать на него болѣзнь и порчу, сговорить эту болѣзнь и порчу на желѣзо, на воду, пришептать къ сучку, уничтожить талисманомъ; если допускаютъ, что яичная пленка повязанная на мизинецъ, что сожженная съ завѣтными словами и выпитая съ водою бумажка—имѣютъ симпатическое средство уничтожить лихорадку; если чувствуется невольное отвращеніе и боязнь къ человѣку, совершенно намъ неизвѣстному и въ п[illegible]ый разъ встрѣченному, или тайное влеченіе и довѣренность; если допускаютъ инстинктъ человѣка, какъ животнаго, сочувствіе, отвращеніе, предчувствіе и проч. и проч.;—то почему же не допустить, что всему этому вѣруетъ и дикарь—и вѣруетъ съ большею силою, съ большею жадностію, довѣренностью и убѣжденіемъ, такъ какъ вѣра его въ этомъ случаѣ не разсѣяна еще убѣжденіями истины, не потрясена логическими насмѣшками разума, прихотью человѣческой воли; почему не можемъ допустить мы, что всѣмъ этимъ пользуется тотъ же дикарь, но пользуется по своему, и что ему столько же извѣстны тайны природы но подъ другими условіями, названіями и законами? Допустивъ это, допустимъ вліяніе міра духовнаго, нравственнаго на физическій, вліяніе воли и нравственной силы человѣка на другаго слабѣйшаго, расположеннаго подчиниться этой волѣ и силѣ; тогда мы легко поймемъ, что́ такое шаманство.

Но погрузившись въ міръ созерцанія, дополняя и замѣняя утраченныя понятія и вѣрованія новыми, испытывая силы природы и не имѣя возможности опереться на потерянное несуществующее старое,—что́ могъ придумать человѣкъ безграмотный, дикій и грубый, только одною ступенью ставшій повыше животнаго? Чему могъ онъ вѣрить и невѣрить, на чемъ могъ основывать свои новыя вѣрованія и убѣжденія? Наконецъ, придумавъ, повѣривъ, убѣдившись, какъ могъ онъ передать все это послѣдующимъ поколѣніямъ бродячимъ и пастушествующимъ, безъ письменъ и условныхъ знаковъ (которыми онъ могъ бы запечатлѣть въ памяти грядущихъ поколѣній свои убѣжденія, изысканія, правила и формы) только изустно или словестно? Естественно, что вѣра шаманская, передаваясь этимъ способомъ, переходя изъ рода въ родъ, отъ одного поколѣнія и народа къ другому, отъ побѣдителя къ побѣжденному, отъ сильнаго къ слабому и на оборотъ, въ теченіе тысячелѣтій измѣнялась сообразно съ понятіями, требованіями, желаніями, ожиданіями и суевѣріемъ того народа, къ которому переходила,—и наконецъ, подъ вліяніемъ владычествующихъ обстоятельствъ, утративъ снова и можетъ-быть нѣсколько разъ свой первобытный характеръ, исказивъ свою форму, унизилась до понятій сколь возможно грубыхъ, наиболѣе вещественныхъ, наиболѣе сходныхъ съ понятіями дикаря, заключающимися въ тѣсномъ кругѣ его жизни. Отъ понятія объ одномъ Богѣ, отъ богопочитанія Его одного, эта безграмотная вѣра постепенно перешла къ боготворенію добрыхъ и злыхъ, невидимыхъ силъ—духовъ покровительствующихъ и враждебныхъ, тѣхъ и другихъ корыстолюбивыхъ, которые ничего не дѣлаютъ и не любятъ дѣлать для человѣка даромъ; берутъ по своему разумѣнію взятки, облекаясь своего рода таинственностью, навязываются въ покровительство, являются подъ разными воображаемыми вещественными образами и требуютъ богопочитанія этихъ образовъ. Много историческихъ причинъ у отжившихъ народовъ довело ихъ до этой степени вѣрованій и состоянія: болѣе всего невѣжество, сжатость однообразной бѣдной жизни, ограниченность международныхъ отношеній и несамостоятельность т. е. постоянная подчиненность племенъ народамъ. Разобрать и объяснить всѣ эти причины въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ невозможно, потому что исторія кочующаго дикаря почти не сохранилась для насъ ни въ памятникахъ, ни въ книгахъ, ни даже въ разсказахъ—исключая могильные обломки (памятники когда-то существовавшихъ народовъ), начертанія на утесахъ (историческія книги ихъ) и народныя

---

*) **Арбаты или Арбатскій форпостъ** — селеніе на правомъ **берегу рѣки Абакана.**

поэмы—полный сводъ вѣрованій, понятій, сужденій и обычаевъ. Племена смѣняли одно другое; каждый народъ, принимая отъ предшествовавшаго вѣрованія, обычаи и преданія, часто прибавлялъ къ нимъ свои собственныя, переводилъ на свой языкъ, передѣлывалъ на свой ладъ, какъ было для него понятнѣе и лучше, чтобы совѣсть его была покойнѣе, чтобы ему было беззаботнѣе, веселѣе и безпечнѣе здѣсь и за могилой. Напримѣръ, всѣ дикари Сибири имѣютъ темныя понятія о жизни замогильной, боятся ея и стараются улучшить для себя эту жизнь, по ихъ понятіямъ объ улучшеніи. Человѣкъ лѣнивый желаетъ найдти тамъ покой; сластолюбивый—наслажденія; воинъ—плоды побѣдъ; стрѣлокъ-охотникъ—предметы своей страсти; наѣздникъ—своего коня, свое любимое оружіе; корыстолюбивый—богатство и роскошь. Но это понятіе о жизни замогильной указываетъ на исчезнувшее, искаженное понятіе о міроздателѣ.

Мудрено-ли, что послѣ этихъ требованій и желаній и религіозныя понятія измѣнились, перемѣшались, исказились? первобытная общая или основная шаманская вѣра утратила свою чистоту и достоинство; она раздробилась на расколы и ереси—и эти-то остатки исчезнувшей религіи дошли до насъ въ видѣ можетъ-быть также неоднократно измѣненномъ. Эти расколы и ереси мы встрѣчаемъ у различныхъ сибирскихъ народовъ, всматриваемся въ нихъ, изучаемъ по возможности; замѣчаемъ, что они происходятъ отъ одного корня—но этого корня уже нѣтъ, вѣтви его отдалились одна отъ другой и пустили новые побѣги въ почву народныхъ понятій, изъ которой потянули и новые соки. Отъ этого и шаманство у различныхъ народовъ—различно. У каждаго оно имѣетъ свои одежды, свои обряды, свои молитвы и своихъ боговъ.

(Продолженіе будетъ).

Смерть принцессы Ламбалль.

Надъ Парижемъ лежала душная ночь. Темныя облака, кутавшія луну, изрѣдка освѣщались блѣдными вспышками. Тамъ и сямъ слышались отдаленные ружейные выстрѣлы и все это покрывалось говоромъ и крикомъ тысячи людей, которые подобно муравьямъ копошились на дворѣ и переходахъ Тюльерійскаго дворца. Въ длинныхъ корридорахъ цѣлыми толпами расположились вооруженные мущины и женщины; на дворѣ, на площади виднѣлись люди всѣхъ половъ, возрастовъ и сословій, начиная отъ кавалеровъ ордена св. Людовика и кончая послѣднимъ бродягой; все это толкалось, кричало, не понимая другъ друга.

Это была ночь 11 августа 1792 года. Въ предшествующую ночь парижскій народъ взялъ приступомъ Тюльерійскій дворецъ—да и стоило только заглянуть въ залы, корридоры или кабинеты королевской резиденціи, для того чтобы убѣдиться, кто здѣсь былъ настоящимъ хозяиномъ. Посреди труповъ убитыхъ отвратительно-одѣтыя женщины сидѣли или плясали подъ звуки шарманокъ, наигрывавшихъ «Ça ira». На дворахъ и Карусельной площади оставались еще пушки марсельцевъ. Длинный рядъ убитыхъ показывалъ, въ какомъ направленіи шло сраженіе. Кровь, грязь, копоть виднѣлись всюду. Трупы цѣлыми кучами валялись въ корридорахъ, на терассахъ, на ступеняхъ каменныхъ лѣстницъ, по которымъ такъ часто ходила прекрасная несчастная Марія-Антуанета, окруженная своей блестящей, покорной свитой, теперь разбѣжавшейся при первой же встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ опасностью. На террассахъ было въ особенности много убито вѣрныхъ несчастныхъ швейцарцевъ—въ ночь 11 августа ихъ насчитывалось болѣе 800. Они не могли ничего сдѣлать какъ только умереть, потому что ихъ служба прекратилась уже съ самаго начала сраженія; король, котораго они должны были и хотѣли защищать, покинулъ свой дворецъ, чтобы стать подъ защиту Національнаго собранія.

Когда швейцарцы были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ, разъяренный народъ бросился во дворецъ, разрушая все попадавшееся ему на встрѣчу. Дворецъ этотъ былъ резиденціей всѣхъ королей и князей, начиная съ Людовика XIII, но—странное дѣло—ни одинъ изъ нихъ не умиралъ въ стѣнахъ этого прекраснаго зданія. Комнаты, наполненныя всякаго рода драгоцѣнностями, были разрушены, а все въ нихъ находившееся выброшено въ окна. Украдено было сравнительно очень мало, и одинъ бродяга, пойманный на мѣстѣ преступленія, былъ тотъ же часъ повѣшенъ негодующимъ народомъ; но зато разрушено, перебито, опустошено было все. Окна фасада были всѣ перебиты, рамы изломаны, а оборванныя гардины печально развѣвались въ ночномъ воздухѣ. Санкюлоты и грязныя, оборванныя женщины безпечно расположились на мягкихъ креслахъ и диванахъ, а маленькіе дѣти дрались и спорили изъ-за мундира убитаго швейцарца или клочка разорванной матеріи. Въ комнаты валили все бóльшія и бóльшія толпы вооруженныхъ людей; пики, сабли, ружья, топоры ярко блистали при свѣтѣ сторожевыхъ огней.

Въ то время во дворцѣ, на смежныхъ съ нимъ дворахъ и Каруссельной площади, разнокалиберная толпа шумѣла и волновалась, распѣвая самыя непристойныя пѣсни, а сторожевые огни и подожженныя зданія ярко освѣщали всю эту картину. Въ это самое время въ одномъ изъ зданій, находившихся не далеко отъ Тюльери, можно было замѣтить освѣщенныя четыре окна. Эти окна принадлежали комнатамъ находившимся въ прежнемъ монастырѣ Фельянтъ (Feuillants), гдѣ теперь засѣдало Національное собраніе. Чѣмъ замѣчательна была эта комната, въ которой жилъ г. Камусъ, архиваріусъ собранія? Здѣсь королевская фамилія въ первый разъ провела свои часы отдыха, въ ночь съ 10 на 11 августа, часы самаго сильнаго волненія и поражающихъ событій. Когда король съ своими приближенными покинулъ Тюльери, онъ отправился по направленію къ террассѣ Фельянтъ, гдѣ былъ входъ въ Національное собраніе. Это была третья станція на пути къ эшафоту. Терраса эта шла вдоль всего сада—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится прекрасная улица Риволи. Королевская фамилія была увезена изъ дворца благодаря только настоятельнымъ требованіямъ Редерера и Жоли. Уже были слышны барабанный бой наступающихъ баталіоновъ, дикіе звуки марсельезы, и начали раздаваться первые выстрѣлы, когда совершенно потерянный король обратясь къ окружавшимъ его дворянамъ сказалъ: «пойдемте, здѣсь намъ болѣе нечего дѣлать». И это были про-

роческія слова, такъ какъ послѣ этого ему не пришлось уже тутъ что-нибудь дѣлать... Печальный поѣздъ, состоявшій изъ короля, королевы, дофина, принцессы, мадамъ Елизаветы, г-жи Турзель, гувернантки королевскихъ дѣтей, двинулся въ путь. Его провожали пожеланія вѣрной стражи, въ рядахъ которой многіе плакали. Однако же къ террасѣ стекались все большія и большія толпы народа—и когда на ней показалось королевское семейство, воздухъ огласился яростными криками: «Долой тирановъ!», «Долой мадамъ Veto!», «Смерть имъ!»

Однако, несмотря на ярость, королю съ его приближенными удалось добраться до залы Національнаго собранія. Но тутъ, при входѣ въ самую залу, королева страшно вскрикнула. Одинъ изъ стоявшихъ тутъ, страшный на видъ бродяга, схватилъ дофина и посадилъ его къ себѣ на руки. «Не бойтесь», обратился онъ къ королевѣ, «я не сдѣлаю ему никакого вреда», и онъ дѣйствительно отнесъ малютку въ залу. Когда королевское семейство вошло, въ залѣ царствовало гробовое молчаніе. Начались безполезныя пренія: гдѣ долженъ сидѣть или стоять король? Наконецъ ему указали маленькое помѣщеніе, отгороженное желѣзною рѣшеткой, мѣсто корреспондентовъ журнала «Логографъ». Когда королевское семейство успѣло размѣститься, съ галлерей послышались крики: «долой рѣшетку!» Казалось, всѣ хотѣли насладиться этимъ униженіемъ короля. Онъ тотчасъ же отодвинулъ рѣшетку—и облокотясь на выступъ, сталъ смотрѣть кругомъ себя, но отовсюду онъ встрѣчалъ только враждебные взгляды и только изрѣдка взглядъ сочувствія или сострададанія. Королева вела себя очень мужественно, но она вдругъ поблѣднѣла, замѣтивъ на бѣлой стѣнѣ написанное углемъ роковое слово: «смерть».

Между тѣмъ начались пренія. Королю въ первый разъ въ жизни пришлось выслушать столько ужасныхъ рѣчей, направленныхъ противъ него. Было говорено и въ защиту его—и когда одинъ изъ ораторовъ объявилъ: «Людовикъ не виновенъ въ измѣнѣ», король набожно поднялъ руки къ небу; но рѣчи эти были рѣдки и совершенно заглушились дикими криками его враговъ. На улицахъ снова началась ружейная пальба, изрѣдка заглушаемая пушечными ударами; все ближе и ближе раздавались дикіе крики наступающаго народа. Ружейныя пули летѣли въ окна собранія, крики и суматоха въ залѣ увеличились, такъ что президентъ едва могъ установить нарушенный порядокъ. Калонъ, Верньо и Кутаръ, стоявшіе недалеко отъ королевскаго помѣщенія, показывали несчастному королю путь, которымъ онъ могъ бѣжать въ случаѣ если народъ ворвется въ залу; несчастная королева въ отчаяніи; уже министры и другіе приближенные начинают ихъ мало по малу покидать—и они видятъ себя совершенно одинокими.

Вдругъ отворяется дверь—и въ залу входитъ прекрасное существо. Ея благородную фигуру обхватываетъ бѣлое платье; прекрасные золотисто-русые волосы едва завязаны легкимъ бантомъ. Нарядъ ея въ безпорядкѣ, на многихъ мѣстахъ видна кровь, но все это дѣлаетъ ее еще болѣе прекрасной. «Луиза!» воскликнула съ отчаяніемъ королева бросаясь къ ней: «Луиза, такъ-то мы снова видимся!» сказала она, падая въ объятія своего друга. Принцесса Ламбалль уже въ ложѣ посреди королевской семьи. Она дѣлила съ нею лучшія минуты, минуты счастія и могущества—и теперь когда королевское семейство находилось въ такомъ отчаянномъ униженномъ положеніи, она не хотѣла покинуть его. Ей стоило немалыхъ трудовъ и даже многихъ опасностей достичь до королевской семьи.

Печальную картину представляло собою теперь королевское семейство. Между мадамъ Елизаветой и принцессой Ламбалль сидѣла королева; на ея колѣняхъ покоился спящій дофинъ. Маленькая наслѣдная принцесса и г-жа Турзель расположились на полу. Король, удалившись въ уголъ, ѣлъ каплуна, котораго ему только что подалъ привратникъ. Королева проглотила только нѣсколько капель малиновой воды—и сидя посреди своихъ дамъ и дѣтей, въ тѣсной ложѣ, несмотря на духоту, на нравственную боль и мученія, ни на грязныя рѣчи которыя слышались со всѣхъ сторонъ, она все-таки оставалась совершенно спокойною. Только когда Лежандръ началъ свою кровавую рѣчь, направленную противъ нихъ, она невольно вздрогнула.—Въ такомъ положеніи королевское семейство провело цѣлыхъ четырнадцать часовъ. Въ часъ пополуночи засѣданіе было закрыто. Въ залу вошелъ стуча оружіемъ патруль національной гвардіи, который тотчасъ же окружилъ короля и его приближенныхъ. Пятеро дворянъ и бывшій камердинеръ короля вызвались раздѣлить съ нимъ невольный плѣнъ и горе. Это было дозволено. По длиннымъ корридорамъ, наполненнымъ вооруженнымъ народомъ всякаго званія, плѣнныхъ привели наконецъ въ третій этажъ. Здѣсь находилась квартира Камуса. Несчастные страдальцы, которымъ пришлось искупать грѣхи своихъ предковъ, размѣстились въ четырехъ маленькихъ комнаткахъ. Въ первой комнатѣ—въ качествѣ стражи остались пять вѣрныхъ дворянъ, имена которыхъ сохранились для потомства. Это были: князь Поа, баронъ Обье, Сентъ-Пардонъ, шталмейстеръ мадамъ Елисаветы, и наконецъ г.г. Гужела и Шамилльи.

Во второй комнатѣ находился король. Онъ тотчасъ же какъ только успокоился—велѣлъ привести въ порядокъ свои волосы. Третью, устланную зелеными коврами, комнатку заняла королева. Совершенно измученная, она бросилась на постель, которая была хуже чѣмъ у послѣдняго конюха. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ находились дофинъ, м-мъ Елизавета, г-жа Турзель и принцесса Ламбаль. Марія Антуанета и ея спутницы не имѣли при себѣ ничего кромѣ платьевъ, которыя были на нихъ надѣты. Жена англійскаго посланника прислала имъ бѣлья, а г-жа Огюръ, сестра жены Кампана, снабдила ихъ пятьюдесятью луидорами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, г-жа Огюръ поплатилась головой за свое участіе къ бѣднымъ плѣннымъ; она была гильотинирована.

Королевское семейство оставалось здѣсь три дня. Это помѣщеніе было только переходною ступенью къ темницѣ, которую оно должно было увидѣть черезъ нѣсколько дней. Національное собраніе уже вполнѣ зависило отъ Комитета спасенія, который еще до сихъ поръ дѣйствовалъ подъ скромнымъ именемъ «Коммуны». Собраніе назначило королю мѣстопребываніе—Люксембургъ; коммуна отвергла это предложеніе и объявила, что «Людовикъ долженъ избрать себѣ мѣстомъ жительства — Темпль». Люксембургъ былъ все таки дворецъ, а низвергнутый король долженъ былъ находиться въ темницѣ. Національное собраніе должно было уступить большинству, во главѣ котораго стояли Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ и Коллод'Ербуа.

Вечеромъ 13 августа двѣ кареты отвезли короля, королеву, ихъ обоихъ дѣтей, г-жу Турзель и принцессу Ламбалль въ Темпльскую башню.

(Окончаніе будетъ).

Правительство національной обороны во Франціи.

(съ 4 сентября 1870 года).

Правительство, образовавшееся послѣ паденія Наполеона III, состоитъ почти что исключительно изъ адвокатовъ, писателей и главнымъ образомъ журналистовъ.

Жюль-Фавръ (Jules Favre), родившійся 31 марта 1802 года, былъ и остался впродолженіи всей своей жизни честнымъ республиканцемъ. Государственныя дѣла довольно хорошо извѣстны ему, такъ онъ уже въ февральскую революцію занималъ мѣсто генеральнаго секретаря въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько же позже—мѣсто секретаря при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ палатѣ онъ также игралъ очень видную роль—и во время послѣдней республики, послѣ бѣгства Ледрю-Роллэна, сталъ предводителемъ лѣвыхъ. Послѣ государственнаго переворота 2 декабря, онъ долженъ былъ покинуть роль политика и на нѣсколько лѣтъ оставить публичную дѣятельность, такъ какъ не хотѣлъ присягнуть новому правительству. Но съ того времени какъ онъ рѣшился изъ политическихъ видовъ дать политическую присягу—онъ былъ выбранъ большинствомъ голосовъ въ законодательное собраніе и сталъ лучшимъ ораторомъ и свѣтлѣйшей головой оппозиціи. Рѣчи его рѣзки, неуважительны и убиваютъ наповалъ того, противъ кого направлены, но замѣчательны болѣе удивительнымъ краснорѣчіемъ, нежели произношеніемъ. Въ его глуховатомъ голосѣ недостаетъ чувства, а дурная привычка понижать на послѣднемъ словѣ голосъ—дѣлаетъ подчасъ рѣчь его труднослышимой.

Фавръ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ адвокатовъ Франціи. Его знаменитая защита Орсини—безспорно образцовое произведеніе въ этомъ родѣ. Хотя ему и не удалось спасти своего кліента отъ эшафота, однако онъ съумѣлъ возбудить къ нему такой живой интересъ, такое удивленіе, что генеральный прокуроръ даже выразился: «человѣку который идетъ теперь на эшафотъ—воздвигаютъ статую.»

Нынѣ министръ иностранныхъ дѣлъ, Фавръ и программу новаго правительства развилъ въ своихъ нотахъ къ иностраннымъ державамъ, а именно: «защищаться до послѣдняго человѣка.» Но старыя привычки не измѣняются вдругъ—и потому не удивительно, что языкъ въ этихъ дипломатическихъ бумагахъ очень мало дипломатиченъ и часто напоминаетъ бойкую и живую рѣчь адвоката, которая конечно можетъ произвесть сильное впечатлѣніе на присяжныхъ и ассизовъ, но ни какъ не на государственныхъ политиковъ. Во всякомъ случаѣ Фавръ честный человѣкъ, хорошій предводитель оппозиціи,—и было бы очень жаль, если бы его славное прошедшее запятналось какимъ либо несвоевременнымъ поступкомъ.

Къ адвокатамъ же принадлежатъ Кремье, Пикаръ, Ферри, Глэ-Бизуенъ и Гамбетта. Первые два, Кремье и Пикаръ, тоже заслужили общеевропейскую извѣстность своею адвокатскою дѣятельностью. Кремье—самый краснорѣчивый защитникъ Франціи по дѣламъ уголовнымъ; Пикаръ же—по дѣламъ политическимъ и спорамъ о наслѣдствахъ. Гамбетта однимъ разомъ, именно своей защитой обвиненныхъ по дѣлу Бодена, пріобрѣлъ себѣ сначала парижскую а потомъ европейскую извѣстность.

Исаакъ Кремье (Crémieux), родившійся въ Нимѣ 30 апрѣля 1796 года, такъ же какъ и Жюль-Фавръ былъ членомъ временнаго правительства въ 1848 году, и управлялъ департаментомъ юстиціи. Еще во время правленія Орлеанскаго дома онъ принадлежалъ къ палатѣ—и здѣсь за одно съ демократической партіей боролся противъ министерства Гизо. Въ Собраніи онъ также былъ въ рядахъ демократической оппозиціи—и не пропускалъ случая поразить своею огненною рѣчью политику Елисейскаго дворца.

Въ ночь государственнаго переворота 2 декабря, онъ въ числѣ другихъ народныхъ представителей былъ арестованъ и заключенъ въ Мазасъ. Съ тѣхъ поръ, до послѣдняго времени, онъ держался вдали отъ политической жизни. Роль его въ законодательномъ собраніи едва замѣтна и ограничивалась молчаливымъ согласіемъ съ рѣшеніями своей партіи. Кремье какъ еврей никогда не упускалъ удобнаго случая замолвить слово о правахъ своихъ единовѣрцевъ. «Кремье—говорится въ «le livre des orateurs»—обладаетъ свободнымъ словомъ, звучнымъ голосомъ, которымъ онъ мастерски управляетъ, чрезвычайно выработанной діалектикой и остроумной репликой».

Но онъ до такой степени некрасивъ, что его безобразіе сдѣлалось даже пословицей во Франціи; говорятъ: «être laid comme Crémieux». Онъ знаетъ это и смѣется надъ этимъ. Во всякомъ случаѣ, онъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ, уважаемыхъ и видныхъ людей Франціи.

Пикаръ (Picard), родившійся 24 декабря 1821 года, только съ 1858 года вступилъ въ законодательное собраніе—и здѣсь вмѣстѣ съ другимъ своимъ, Жюлемъ Фавромъ, всталъ въ ряды оппозиціи. Онъ первый открылъ и своимъ уничтожающимъ краснорѣчіемъ обнаружилъ всю несостоятельность и безсовѣстность финансоваго управленія во Франціи въ правленіе императора, а также парижскій бюджетъ и нѣкоторыя продѣлки г. Гаусмана.

Леонъ Гамбетта (Gambetta) родился въ 1838 году и происходитъ изъ Южной Франціи.

Извѣстность его весьма недавняя и восходитъ къ шестидесятымъ годамъ, когда онъ, записавшись въ бюро парижскихъ адвокатовъ, нѣкоторыми удачными процессами возбудилъ вниманіе своихъ сотоварищей и этимъ самымъ сблизился съ Олливье. Этотъ, впослѣдствіи президентъ министровъ и вмѣстѣ съ Граммономъ душа войны противъ Германіи, былъ въ то время еще ярымъ республиканцемъ и принадлежалъ «оппозиціи пяти», которая въ палатѣ сражалась за свободу и противъ продажныхъ креатуръ наполеоновскаго режима. По случаю перемѣны членовъ въ законодательный корпусъ въ 1863 году происходили бурные выборы. Гамбетта, въ числѣ партіи либеральныхъ избирателей, своимъ краснорѣчіемъ побѣдилъ правительственнаго кандидата Варена—и депутатомъ третьяго парижскаго округа былъ избранъ Олливье. Такимъ образомъ, Олливье былъ обязанъ своимъ избраніемъ единственно лихорадочной дѣятельности и неутомимому краснорѣчію молодаго республиканца—Гамбетты.

Въ то время какъ Олливье вступилъ въ законодательный корпусъ, принявъ очень двусмысленное положеніе относительно своей партіи, вліяніе Гамбетты между республиканцами дѣлалось все ощутительнѣе и замѣтнѣе. Вскорѣ какъ защитникъ въ политическихъ процессахъ онъ сталъ соперничать съ Жюломъ Фавромъ. Особенно громадный успѣхъ имѣлъ

Французскіе республиканскіе правители народной обороны.

Кремье

Е. Пикаръ, Гарнье-Пажесъ, Гамбетта

Э. Пельтанъ, Рошфоръ, Жюль Фавръ

Жюль Симонъ, Жюль Ферри, Ем. Араго.

Глэ-Бизуенъ

онъ въ началѣ 1869 года, когда императорское правительство привлекло къ отвѣтственности одинъ изъ парижскихъ журналовъ начавшій подписку на памятникъ депутату Бодену, застрѣленному во время государственнаго переворота 3 декабря 1851 г. Его уничтожающій приговоръ надъ всѣми дѣятелями этого коварнаго переворота, выраженный въ самой пламенной рѣчи, еще болѣе сблизилъ Гамбетту съ недовольными, видѣвшими только въ республиканской конституціи 1848 г. истинную цѣль стремленій каждаго патріота. Вскорѣ послѣ этого, процессъ противъ одного республиканскаго журнала въ Тулузѣ—далъ ему возможность и на югѣ показать могущество и силу своей защиты. Теперь выборъ его въ законодательный корпусъ можно было считать обезпеченнымъ. И онъ дѣйствительно побѣдилъ въ Марсели трехъ своихъ соискателей, маркиза Бартэлеми, строителя Суэзскаго канала Лессепса и наконецъ хитраго Тьера, а также и въ первомъ парижскомъ избирательномъ округѣ—стараго Карно. Поэтому-то и главный контингентъ слушателей Гамбетты, на его вечернихъ избирательныхъ собраніяхъ, состоялъ изъ парижскихъ рабочихъ, которые приходили въ неописанный восторгъ и одушевленіе отъ его по истинѣ воодушевляющихъ и пламенныхъ рѣчей.

Вступивъ въ законодательный корпусъ, онъ прямо присоединился къ крайней лѣвой сторонѣ и до поры до времени ограничивался короткими но мѣткими замѣчаніями. Но 5 апрѣля 1870 г., началъ онъ обсужденіе плебисцита—и съ такимъ увлекающимъ краснорѣчіемъ, что нетолько нетерпящее и совершенно иначе настроенное большинство, а даже крайняя императорская партія такъ-называемыхъ «аркадцевъ» слушала въ нѣмомъ молчаніи эту геніальную апологію республиканскаго правленія и въ заключеніе наградила оратора громкими и неумолкаемыми рукоплесканіями.

Въ дебатахъ о войнѣ Гамбетта заявлялъ себя всегда противъ нея.

Государственный переворотъ 4 сентября поставилъ его во главѣ новаго республиканскаго правленія—и въ настоящее время онъ самый замѣчательный и вмѣстѣ самый энергическій членъ этого правительства. О дѣятельности его каждый день читаемъ въ газетахъ.

Онъ достигъ своего идеала. Во Франціи—республика а вмѣстѣ съ нею, по его мнѣнію, государство нравственно обновится и наступитъ время истинной любви къ отечеству. Это обновленіе одно только можетъ спасти погибающее отечество. «Не препятствуйте» говоритъ онъ своимъ сотоварищамъ «своимъ вліяніемъ; наоборотъ, помогайте гдѣ только можно развитію этого великаго принципа, напоминайте о нашихъ предкахъ 1793 г., наказывайте всякій проступокъ противъ республики какъ измѣну—и если намъ удастся спасти націю отъ гибели, это докажетъ всѣмъ, что правленіе наше дѣйствительно истинно цѣлесообразно.»

Гамбетта самъ не щадитъ никакихъ усилій, энергія его не знаетъ никакихъ предѣловъ, и то что онъ дѣлалъ по настоящее время—дѣйствительно изумительно. Вообще о немъ можно сказать, что это человѣкъ очень умный, горячій патріотъ, удивительный организаторъ, но все таки слишкомъ увлекающійся своимъ идеаломъ.

Глэ-Бизуенъ (Glais-Bezoin) родился 9 марта 1800 г. и уже въ царствованіе Людовика-Филиппа принадлежалъ къ крайней лѣвой. Въ 1863 г. онъ снова занялъ это мѣсто, когда долженъ быть въ качествѣ депутата вступить въ законодательный корпусъ. Его рѣчи менѣе замѣчательны, чѣмъ его перерывы, часто очень удачные, которыми онъ ставилъ въ затруднительное положеніе своихъ противниковъ. Большинствомъ имперіалистовъ онъ былъ очень не любимъ и считался самымъ непріятнымъ членомъ цѣлой палаты.

О *Жюлѣ Ферри* (Jules Ferry), родившемся 5 апрѣля 1832 г., сказать особеннаго нечего. Онъ изучалъ права и въ качествѣ адвоката поселился въ Парижѣ. Онъ также участвовалъ въ редакціи газеты «Temps», но рѣчи его въ законодательномъ корпусѣ не обращали на себя вниманіе заграничной прессы.

Эмануилъ Араго былъ младшимъ сыномъ знаменитаго ученаго Араго и родился 6 августа 1812 г. Въ своей ранней молодости онъ писалъ незначительныя театральныя пьесы, но впрочемъ безъ особеннаго успѣха. Значителенъ успѣхъ его какъ адвоката, а въ особенности какъ политическаго дѣятеля. 24 февраля 1848 г. Эмануилъ Араго вошелъ въ палату депутатовъ, съ ораторской трибуны протестовалъ противъ регенства герцогини Орлеанской—и этимъ нанесъ послѣдній ударъ орлеанской династіи. Уже 27 числа онъ былъ посланъ республикой, въ качествѣ генеральнаго коммисара, въ Ліонъ—и здѣсь, дѣйствуя весьма энергически, оказалъ правительству очень важныя услуги, но вмѣстѣ съ тѣмъ далъ поводъ къ самымъ горячимъ обвиненіямъ. Потомъ онъ былъ посланъ временнымъ правительствомъ въ Берлинъ, гдѣ, будучи полномочнымъ посланникомъ, дѣйствовалъ въ пользу Польши. Благодаря его вліянію, какъ говорятъ французскія газеты, былъ освобожденъ Мѣрославскій. Государственный переворотъ заставилъ его удалиться съ политической арены—и только въ послѣдніи минуты имперіи онъ снова получилъ возможность заявить въ законодательномъ корпусѣ о своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ.

Изъ писателей, вступившихъ въ составъ новаго правительства, самое видное мѣсто занимаетъ

Жюль Симонъ (Jules Simon), родившійся 31 декабря 1814 г. Онъ былъ лучшимъ ученикомъ Кузена, и послѣ смерти этого послѣдняго занялъ въ Collège de France кафедру Философіи и Исторіи. За свои демократическія убѣжденія—лучшую пробу которыхъ далъ въ февральскую революцію и благодаря которымъ получилъ мѣсто въ конституціонномъ собраніи,—послѣ переворота 2 декабря онъ былъ отставленъ отъ своей должности. Лучшія заслуги его составляетъ борьба за общественное образованіе во Франціи. Онъ рѣшительный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый даровитый поборникъ принудительнаго образованія. Въ своихъ произведеніяхъ, которыхъ довольно много, а также и въ законодательномъ собраніи онъ старался провести ту же мысль. Замѣчательнѣйшія изъ его сочиненій: «очерки греческой философіи» именно Платона и Аристотеля, а также философскія изслѣдованія «объ обязанности», «о свободѣ совѣсти» и многія другія. Кромѣ того Симонъ издалъ лучшихъ французскихъ философовъ: Декарта, Боссюэта, Мальбранша, Арно и др. Его послѣднія творенія, извѣстныя и у насъ въ Россіи, касались общественнаго образованія во Франціи и соціальнаго положенія работницъ. Въ сочиненіяхъ этихъ онъ приводитъ доказательства тому, что самымъ могущественнымъ и дѣйствительнымъ орудіемъ противъ пауперизма было бы обязательное образованіе, которое гораздо необходимѣе для государства нежели новыя ружья.

Эженъ Пельтанъ (Eugene Pelletan), сынъ протестантскаго пастора, — онъ почти одних лѣтъ съ Жю-

лемъ Симономъ. Помѣщая въ научныхъ обозрѣніяхъ цѣлыя кучи различныхъ замѣчательныхъ сочиненій по вопросамъ религіознымъ и политическимъ, въ которыхъ подчасъ проглядываютъ мечты прежнихъ сент-симонистовъ,—онъ былъ въ тоже время главнымъ редакторомъ парижской газеты «Presse». Въ особенности сильное вниманіе всѣхъ возбудила его полемика съ Беранже. Онъ безжалостно разоблачилъ боготворимаго поэта — и набросалъ самыми черными красками его характеристику. Обнародованная послѣ смерти поэта переписка къ несчастію доказала, что безпощадный критикъ былъ совершенно правъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже снисходителенъ къ нему. Изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій Пельтана можно назвать «Догмы, Клиръ и Государство», «Исторія Браманизма», исторію февральской революціи, а также біографію Кондорсэ. Особенный успѣхъ имѣло его послѣднее сочиненіе «Новый Вавилонъ»; здѣсь онъ описываетъ ту безнравственность въ публичной и домашней жизни парижанъ, которую императорское правительство такъ поощряло.

Генрихъ Рошфоръ, вѣрнѣе графъ Генрихъ де-Рошфоръ-Люсэ, родился 30 января 1830 г.; онъ прославился сатирическимъ журналомъ «Фонарь» и сталъ европейскою знаменитостью. Будучи сначала фельетонистомъ и водевилистомъ, онъ только съ недавняго времени началъ касаться въ своихъ произведеніяхъ обширной области политики. Рошфоръ многими не оцѣнивается по достоинству и заслужилъ репутацію фарсера, что объясняется тѣмъ, что онъ очень мало обращалъ вниманіе на свой слогъ, а также не стѣснялся выраженіями. Но если присмотрѣться къ его статьямъ въ «Фонарѣ», а также и въ послѣдоснованной газетѣ «Марсельеза», то за веселымъ балагуромъ проглядываетъ глубокій сатирическій и критическій умъ, который тотчасъ же подмѣчаетъ все смѣшное и обладаетъ удивительнымъ даромъ представить, на что нападетъ, во всей его непривлекательной наготѣ.

Гарнье Пажесъ, родившійся 18 іюля 1803 года, и бывшій прежде торговымъ маклеромъ, подобно Кремье и Жюлю Фавру былъ членомъ временнаго правительства въ 1848 году, принявъ при этомъ на себя самую трудную и вмѣстѣ запутанную обязанность министра финансовъ. Послѣ 2 декабря онъ удалился отъ политической дѣятельности.

Таковъ составъ новаго правительства. Много нужно будетъ ему труда, энергіи и силы для того чтобы поработить всѣ трудности, встрѣчаемыя теперь же на первыхъ порахъ.

Весьма недалекое будущее должно показать, насколько это правительство понимаетъ положеніе вещей и съумѣетъ выполнить свою задачу.

Политическое обозрѣніе.

Важнѣйшее событіе, занимающее въ настоящую минуту всю европейскую дипломатію и журналистику, есть безъ сомнѣнія Лондонская конференція, открытіе которой первоначально назначенное на 17-е (5-е) января, отсрочено было до 24-го (12-го). Читателямъ извѣстно, что цѣль ея — разсмотрѣніе спеціальнаго такъ-называемаго Черноморскаго вопроса, или вопроса о нейтрализаціи Чернаго моря, возбужденнаго русскимъ циркуляромъ отъ 19-го (31-го) октября. Самый вопросъ нисколько не сложенъ и требованія Россіи вполнѣ законны; въ этомъ сознаются даже враждебныя ей газеты,— и рѣшеніе этого дѣла, по общему мнѣнію, должно состояться въ смыслѣ благопріятномъ для Россіи. Почему же открытіе Лондонской конференціи возбуждаетъ столько толковъ и ожиданій? Дѣло въ томъ, что, по убѣжденію главныхъ органовъ европейской печати, въ настоящую минуту представители великихъ державъ не могутъ собраться на конференцію безъ того, чтобы не затронуть другаго, болѣе важнаго вопроса — возможности прекращенія убійственной войны, которую уже полгода ведутъ между собою двѣ великія націи, и которая истощаетъ ихъ силы и грозитъ множествомъ прискорбныхъ послѣдствій для всей Европы. Самая отсрочка конференціи, хотя предлогомъ къ ней и было затрудненіе соединенное съ представительствомъ Франціи, приписывается желанію нейтральныхъ державъ выиграть время, чтобы формулировать на конференціи предложеніе о посредничествѣ, которое могло бы повести къ заключенію мира между Германіей и Франціей. Что касается до затрудненія возникшаго по поводу представительства послѣдней, то оно заключалось въ слѣдующемъ: Франція, какъ держава подписавшая Парижскій трактатъ 1856 года, несомнѣнно имѣла право на участіе въ конференціи, имѣющей цѣлію пересмотръ этого трактата; но нынѣшнее правительство ея — только временное и еще непризнанное Европой — ставило въ въ затрудненіе кабинеты, такъ какъ уполномоченный этимъ правительствомъ не могъ считаться полноправнымъ представителемъ Франціи. Какъ рѣшила этотъ затруднительный вопросъ европейская дипломатія — до сихъ поръ еще въ точности неизвѣстно; но, судя по послѣднимъ телеграммамъ, представителемъ Франціи на Лондонской конференціи будетъ министръ иностранныхъ дѣлъ и вице - президентъ правительства національной защиты, г. Жюль Фавръ, которому данъ будетъ надлежащій пропускъ для проѣзда въ Лондонъ. Уполномоченными прочихъ государствъ будутъ ихъ дипломатическіе представители при Лондонскомъ дворѣ (за исключеніемъ Австро-Венгріи, отправившей спеціальнаго уполномоченнаго графа Шечена), и конференція откроется подъ предсѣдательствомъ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Гранвиля.

Слухи носятся, будто бы Австро-Венгрія намѣрена возбудить вопросъ о плаваніи по Дунаю,—и Турція, если вѣрить указанію *Levant Gerald*, предполагаетъ потребовать отмѣны трактата 1841 года, воспрещающаго проходъ военнымъ судамъ черезъ Дарданеллы и Босфоръ. Ходили также слухи, что на конференціи будетъ затронутъ вопросъ о независимости Румыніи; но послѣднія извѣстія изъ Константинополя, сообщенныя въ вѣнскихъ газетахъ отъ 12-го января, гласятъ, будто Порта объявила, что такъ какъ вся переписка по этому предмету была офиціозная, а не офиціальная, то она оставляетъ домагательства князя Карла безъ послѣдствій.

Что касается до Люксембургскаго вопроса, который надѣлалъ - было столько шуму, то онъ, повидимому, также не будетъ затронутъ на конференціи и уладится полюбовно. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по заявленію *Gazette de Luxembourg*, гдѣ сказано, что люксембургское правительство получило уже отъ

графа Бисмарка на свою ноту самый успокоительный отвѣтъ, въ которомъ и рѣчи нѣтъ о военномъ занятіи великаго герцогства, а предлагается аккредитовать въ Люксембургѣ особаго германскаго консула, который былъ бы посредникомъ между Германіей и великимъ герцогствомъ. По увѣренію *Etoile belge*, отъ 16-го января, въ отвѣтѣ этомъ настоящій вопросъ о нейтралитетѣ графъ Бисмаркъ предлагаетъ передать на третейское рѣшеніе какой-либо державы. Говорятъ также, что король Вильгельмъ въ томъ же смыслѣ прислалъ намѣстнику великаго герцогства принцу Генриху собственноручное письмо.

Объединеніе Германіи есть уже фактъ совершившійся; король Вильгельмъ принялъ титулъ императора Германскаго и объявилъ о томъ особымъ манифестомъ отъ 18-го января; въ манифестѣ сказано, что король, по единодушному желанію германскихъ государей и вольныхъ городовъ, отнынѣ принимаетъ германскую императорскую корону—въ сознаніи обязанности охранять права, миръ и независимость Германской имперіи. «Да поможетъ Богъ германскому императору — сказано въ заключеніе прокламаціи — возвеличить имперію не завоеваніями, а плодами мира на почвѣ національнаго благосостоянія, свободы и доброй нравственности».

Между тѣмъ кровопролитная война продолжается, и обѣ воюющія стороны напрягаютъ въ ней всѣ свои силы. Безпрерывныя подкрѣпленія высылаются Германіей, а Франція ополчаетъ все чтó въ ней есть способнаго носить оружіе. Но судя по послѣднимъ извѣстіямъ, торжество германскихъ войскъ несомнѣнно, на всѣхъ пунктахъ. Армія Шанзи послѣ многократныхъ кровопролитныхъ битвъ принуждена была очистить ле-Манъ, и, разбитая 12-го января арміями принца Фридриха-Карла и герцога Мекленбургскаго, отступила на Лаваль и Алансонъ, потерявъ 18,000 плѣнными, множество орудій и повозокъ. Что касается до сѣверной арміи, то сначала генералъ Федербъ одержалъ рѣшительное преимущество въ кровопролитномъ сраженіи при Бопомѣ надъ арміей генерала Мантейфеля; 8-го января онъ выгналъ нѣмцевъ изъ Бопома и двинулся въ Альберъ по дорогѣ къ Аміену. Но 16-го января генералъ Гебенъ (принявшій начальство надъ 1-ю нѣмецкою арміей вмѣсто Мантейфеля, который назначенъ главнокомандующимъ вновь-сформированной 4-й восточной арміи) разбилъ Федерба и отбросилъ его армію на Сенъ-Кантенъ и потомъ на Камбре, причемъ захватилъ у французовъ нѣсколько орудій и 10,000 плѣнныхъ.

Эти побѣды нѣмецкихъ генераловъ лишаютъ Парижъ всякой надежды на выручку, а между тѣмъ бомбардированіе столицы продолжается непрерывно и наноситъ страшный вредъ городу. Форты Ножанъ, Росни и Монъ-Валерьянъ, на которые направлена главнымъ образомъ бомбардировка, отвѣчаютъ дѣятельно; потеря людей незначительна, но нѣмецкія бомбы падаютъ далеко во внутренность города, убивая мирныхъ гражданъ, женщинъ и дѣтей. Французское правительство обнародовало протестъ противъ бомбардированія въ томъ смыслѣ, что Парижъ какъ крѣпость можетъ быть, конечно, подвергнутъ бомбардированію, но что нѣмецкія военные начальники обязаны были, по правиламъ международнымъ и военнымъ, предупредить городскія власти о началѣ бомбардированія, чтобы послѣднія могли распорядиться отправленіемъ въ безопасныя мѣста мирнаго населенія. Что касается до продовольствія Парижа, то, по извѣстіямъ сообщеннымъ съ воздушной почтой въ англійскія и бельгійскія газеты, его достанетъ до марта и даже до апрѣля. По тѣмъ же извѣстіямъ, населеніе Парижа не унываетъ и только требуетъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ непріятеля, ненависть къ которому со времени начала бомбардировки дошла до крайней степени. Вѣроятно, уступая настоятельному требованію арміи и жителей, изъ Парижа 19-го января произведена была большая вылазка, направленная отъ Монъ-Валерьяна противъ 5-го нѣмецкаго корпуса; сраженіе продолжалось съ 12 часовъ утра до наступленія темноты, и хотя французы были отбиты, но расположились внѣ Парижа, около Монъ-Валерьяна.

На востокѣ Франціи, въ послѣдніе дни, съ перемѣннымъ успѣхомъ сражались корпуса Бурбаки и Вердера. Сначала успѣхъ былъ на сторонѣ перваго, имѣвшаго цѣлію освободить отъ осады Бельфоръ (занятіе котораго по сознанію самихъ нѣмцевъ крайне затруднительно по мѣстности, въ которой расположенъ этотъ городъ); но 17-го января, какъ видно изъ его собственнаго донесенія, онъ встрѣтилъ такое сопротивленіе со стороны непріятеля, что принужденъ былъ возвратиться на прежнія позиціи при Монбельярѣ. Надо прибавить къ этому, что военнымъ дѣйствіямъ вообще препятствуетъ страшная стужа, какой не запомнятъ во Франціи и отъ которой гибнетъ много людей.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о главнѣйшихъ происшествіяхъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ. По окончаніи праздниковъ Рождества возобновились засѣданія имперскихъ делегацій въ Пештѣ, гдѣ находится самъ императоръ Францъ-Іосифъ и его министры; самый важный вопросъ, разсматриваемый въ нихъ, относится къ рекрутскому набору и возбуждаетъ горячія пренія. Вмѣстѣ съ открытіемъ засѣданій, возобновились слухи о министерскомъ кризисѣ—и на этотъ разъ какъ въ Цислейтаніи, такъ и въ Транслейтаніи. Объ одномъ кризисѣ, то-есть объ удаленіи графа Потоцкаго, давно уже ходили слухи, какъ извѣстно нашимъ читателямъ; теперь многія австрійскія газеты говорятъ и объ удаленіи венгерскаго министра-президента графа Андраши.

Въ Испаніи, новый король Амедей, съ самаго прибытія своего, 30-го декабря, возбудилъ къ себѣ общее сочувствіе своею дѣятельностью и простотой обхожденія. Во главѣ сформированнаго имъ министерства стоитъ бывшій регентъ Испаніи, маршалъ Серрано, избравшій себѣ товарищами людей всѣхъ партій, чтó можетъ имѣть весьма благопріятное вліяніе на общій ходъ дѣлъ и устранить борьбу партій, отъ которой такъ много и долго страдала Испанія.

Почтовый ящикъ.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.

Контора редакціи журнала «Нива» симъ увѣдомляетъ **городскихъ подписчиковъ**, что каждый нумеръ журнала выходитъ въ **субботу** и сдается немедленно для разсылки въ контору Рено, который обязанъ по контракту доставлять ихъ гг. подписчикамъ не позже 4 часовъ **того же дня** (т. е. **субботы**). А потому контора покорнѣйше проситъ въ случаѣ не своевременнаго полученія журнала увѣдомлять ее немедленно объ этомъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 16 Января 1871 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 4. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Фальшивая бумажка.

(*Продолженіе*).

VII.
Банкротство.

— Да что вы безпокоитесь за ваши деньги? говорилъ съ мнимо-презрительной гримасой Борисъ Маркычъ коллежскому ассесору Карлу Ѳедоровичу Штерну, жирному нѣмцу съ крашеными волосами, который изъ аптекарей обратился въ ростовщика, бравшаго проценты по аптекарской таксѣ, т. е. не менѣе пяти на сто въ мѣсяцъ.

— Мнѣ мои тенги нушно! сурово отвѣтилъ Штернъ. — Я другова слышать не шеляю.

— Деньги будутъ, не безпокойтесь,—подождите,—я процентъ прибавлю, съ нѣкоторою просьбою присовокупилъ Борисъ Маркычъ.

— Не шеляю.

— Отца жду не сегодня-завтра. Комнаты готовы.

— Фи штите, а я штать не шеляю.

Наступила пауза. Борисъ Маркычъ въ это время судорожно растягивалъ попавшуюся подъ руку резину, а Штернъ старался бочкомъ прочесть лежавшую на столѣ бумагу.

— Три дня какихъ-нибудь! заговорилъ снова Борисъ Маркычъ съ нервною дрожью въ голосѣ.

— Не шеляю, суровѣе прежняго категорично заявилъ Штернъ, видимо дочитавъ то, что его интересовало.

— Ну, сутки? Завтра, если не будутъ деньги, представляйте векселя.

— Не шеляю и не шеляю... Сказалъ: не шеляю!.. Борисъ Маркычъ плюнулъ — и такъ неосторожно, что слюна попала на сапогъ Штерна.

— Што фи плюфаить? сердито закричалъ послѣдній. — Плюфайте фъ сфой рошь, а не фъ мой сапоги: мой сапогъ чище фашъ рошь...

— Что? поблѣднѣвъ спросилъ Борисъ Маркычъ и подступилъ къ ростовщику съ кулаками.

— А фотъ штó!.. не смущаясь этой угрозой отвѣтилъ Штернъ, и, схвативъ бумагу со стола, поднесъ ее къ носу Бориса Маркыча.

Тотъ, увидѣвъ эту бумагу, поблѣднѣлъ еще больше, но кулаки опустилъ. Она была написана собственною его рукою и заключала въ себѣ объявленіе магистрату города Орши (въ купечествѣ котораго Борисъ Маркычъ всегда числился) о несостоятельности. Сумма неоплаченныхъ долговъ простиралась до шести-сотъ-тысячъ рублей серебромъ; имущества почти не оказывалось, кромѣ какихъ-то бездѣлицъ. Объявленіе оканчивалось словами: «причины моей несостоятельности состоятъ»... Но причины эти были пока не обозначены.

— Што? Плюфаить? отца штете, Борисъ Маркычъ? голосомъ торжествующаго побѣдителя возгласилъ Штернъ.

— Это пустошь! это не то...

— Нѣтъ, то!

— Карлъ Ѳедорычъ! помолчавъ обратился будущій банкротъ къ бывшему аптекарю, — хотите дѣло сдѣлать?

— Не шеляю.

— Пожалѣете... Отъ васъ прятаться нечего... а не

согласитесь — я банкротъ, да и ваши денежки плясать пойдутъ... Я предлагаю вѣрное средство...

Штернъ началъ соображать.

— Ну, какое средстфо? отнесся онъ потомъ.

— Дома и склады уже давно переведены на имя брата; дайте мнѣ еще немного денегъ пробиться до пріѣзда отца, а братъ выдастъ вамъ векселя на всю сумму: я ему прикажу.

— Зофите брата! мгновенно порѣшилъ Штернъ, который, казалось, только и ждалъ этого предложенія: больше чѣмъ кто-либо зналъ онъ, какъ плохи дѣла Бориса Маркыча; уже около года онъ, не получая уплаты, только переписывалъ векселя послѣдняго, которыхъ, черезъ проценты, накопилось на сумму до сорока тысячъ. Втянувшись въ дѣло, онъ мимо воли соглашался на эти отсрочки, такъ какъ зналъ, что въ противномъ случаѣ затянулась бы длинная исторія, при которой деньги съ должника получаются плохо, а деньги на чиновниковъ катятся быстрѣе славной рѣчки Хормы. А двоюродный братъ Бориса Маркыча, ачинскій третьей гильдіи купецъ, Азикъ Аароновъ Левинъ, велъ свои дѣла совершенно иначе: чѣмъ расточительнѣе становился Борисъ Маркычъ, тѣмъ скупѣе дѣлался Азикъ; чѣмъ нахальнѣе мины выучивалъ Борисъ Маркычъ, тѣмъ болѣе низкопоклонничалъ Азикъ, — послѣдній словно задачу себѣ задалъ — дѣлать именно не то, что творилъ его родственникъ, бившій на джентльменство, впрочемъ не высокаго полета.

Азикъ былъ позванъ. Маленькій, некрасивый, съ лицомъ, изрытымъ оспою, въ длиннополомъ кафтанѣ, даже съ пейсами, онъ, поклонившись, скромно усѣлся у входной двери.

— Азикъ! отнесся къ нему тономъ барина Борисъ Маркычъ, — Штернъ деньги мнѣ даетъ, такъ ты переведи съ нимъ на себя мои векселя.

— Зацѣмъ? спросилъ Азикъ.

— Какъ зачѣмъ? вспыхнувъ закричалъ Борисъ Маркычъ, — онъ деньги даетъ.

— Я у него денегъ не прошу, мнѣ его денегъ не нужно, а векселей ему не дамъ, отвѣтилъ по прежнему ровнымъ голосомъ Азикъ.

— Но мнѣ нужно! бѣшено заоралъ Борисъ Маркычъ.

— Ну, ты бери деньги — и давай векселя.

— Но дома вѣдь мои, склады мои! Я ихъ только перевелъ на тебя.

— Ты перевелъ — знацитъ, они мои.

— А вотъ что! такъ ты обокралъ меня?

— Я обокралъ?

— Ты, ты, ты!

— Ты самъ себя обокралъ, Берка... Да цего ты крицысъ? цего ты Стерку боисся? — Гони его вонъ въ сею — пусть представляетъ векселя.

— Меня фъ шеи? Нѣтъ, я замъ уйду, я замъ фамъ фъ шеи.

И Штернъ опрометью бросился вонъ изъ комнаты.

Борисъ Маркычъ остолбенѣлъ.

— Ты, Берка, слусай, сто я, Азикъ, тебѣ сказу. Ты сто?—Псе!—сарлатанъ, мальциска... тебѣ сцастье было — теперь его нѣту, денегъ нѣту и отца нѣту...

— Какъ отца нѣтъ? испуганно вскрикнулъ Борисъ Маркычъ.

— А нѣту... Ты его здалъ, и я его здалъ, а его нѣту... Ты думаесь я не знаю — зацѣмъ онъ пріѣхать хотѣлъ? И то знаю: бумаски везъ... Ты тутъ игралъ, а я за твоимъ татомъ въ Тюкалу посылалъ... Слусай, слусай, Берка! — узе полмѣсяца тату твой съ Тюкаловъ къ друснамъ свернулъ, — а его нѣтъ...

— Убили?

— Мозе—и убили, мозе—и пурга занесла, только нѣтъ его и здать нецего! Думать теперь, Берка, нузно — какъ дѣла конципть. Вотъ я написалъ тебѣ письмо, какъ отъ тату твоего, сто онъ деньги, цистыя деньги везетъ тебѣ. Ступай съ нимъ къ губернатору и проси искать отца.

Борисъ Маркычъ слушалъ все, но понималъ очень не многое... Отецъ деньги везъ... отца убили... отца пургой занесло... письмо отъ отца... деньги... а гдѣ деньги?

Это былъ существенный вопросъ!

— Я визу, Берка, покачавъ головою продолжалъ Азикъ, — ты самъ сдѣлать ницего не мозесъ — такъ сиди: я здѣлаю. Ты увидисъ какъ Азикъ обокралъ тебя... Нѣтъ, Азикъ не воръ, Азикъ еврей, старый еврей, у котораго Богъ есть, сердце есть, голова есть... Псе!..

И Азикъ вышелъ; онъ доѣхалъ уже до губернаторскаго дома, а Борисъ Маркычъ все стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, безъ движенья, безъ мысли...

VIII.
Уманскій дуракъ.

По заявленію Азика, губернаторъ, для розысковъ пропавшаго купца изъ евреевъ, Мордьки Исаева Гершевича, и для производства потомъ надлежащаго слѣдствія, секретно командировалъ исправника Витольда Викентьевича Цвѣтинскаго, потому-что хотя многіе и называли послѣдняго «совершеннымъ олухомъ», но онъ, какъ было извѣстно начальству, иногда обдѣлывалъ такія дѣлишки, что самыхъ умныхъ людей ставилъ въ тупикъ. Витольдъ Викентьевичъ былъ то, что малороссы называютъ «уманскимъ дуракомъ», т. е. такого рода глупцомъ, который съ чужаго воза тащитъ, а на свой накладываетъ. Такъ, по представленію Цвѣтинскаго, какому-то инородческому тайшѣ былъ пожалованъ кафтанъ. Тайша предложилъ милостивому исправнику подарокъ хоть куда.

— Что ты, что ты, другъ милый, — дарить меня вздумалъ?! обиженно заявилъ Витольдъ Викентьевичъ,— развѣ я тебѣ изъ корысти выхлопоталъ монаршую милость?!.. Вѣдь я другъ тебѣ?

— Друга, друга, бачка! отвѣчалъ съ поклонами тайша, который и наградѣ-то радовался и предполагалъ, что награда эта не дешево ему станетъ.

— Ну, такъ что же ты?.. Я тебѣ докажу свою дружбу еще лучше!..

И доказалъ. Во всѣ улусы были посланы имъ сотники, сзывавшіе подначальный тайшѣ людъ — собраться въ назначенный день на поляну около Подкаменки, чтобы отпраздновать высокую милость, оказанную исправническому другу. Согнали народу тысячъ до десяти. Поляна вдругъ обратилась въ лагерь какой-то налетѣвшей орды, вся усѣялась шатрами, передъ которыми стояли лошади чуть не табунами; посрединѣ ея возвышался черный деревянный помостъ, чуть-ли не передѣланный изъ эшафота, праздно-стоявшаго въ сараѣ полицейскаго управленія окружнаго городка; помостъ этотъ былъ разукрашенъ всякаго рода пестрѣйшими лоскутками.... Ровно въ полдень, Витольдъ Викентьевичъ, въ полной исправнической формѣ и при орденахъ, торжественно,

съ поклонами, взвелъ тайшу на помостъ и облекъ его въ пожалованный кафтанъ...

Дивились инородцы невиданному зрѣлищу; мигомъ тайша пріобрѣлъ у нихъ чуть не божескія права — и на полянѣ поднялось такое шумное веселье, что, по пословицѣ, чертямъ стало тошно. Всѣ были довольны, скакали, стрѣляли, даже выли, — но болѣе другихъ чувствовалъ себя въ хорошемъ расположеніи духа Витольдъ Викентьевичъ, получившій потомъ отъ каждаго присутствовавшаго инородца на память о праздникѣ по самому лучшему барану въ стадѣ. Никому въ отдѣльности это не было особенно чувствительно, а «уманскій дуракъ» вразъ собралъ десять тысячъ отборныхъ овецъ— безъ вымогательства, безъ насилія...

Получивъ новую командировку, въ которой видѣлся яркій признакъ милости и довѣрія начальства, Цвѣтинскій положилъ на себя обѣтъ — дѣйствительно отличиться. Немного подумавъ, онъ прямо отъ губернатора велѣлъ кучеру довезти себя къ дому уѣзднаго училища.

— Ну-съ, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, до васъ просьба, обратился онъ къ смотрителю училища.

— А что? промычалъ педагогъ.

— Есть у васъ въ училищѣ электрическая машинка?

— Какая?

— Знаете, такая — съ круглымъ большимъ стекломъ и проволками.

— Ну, есть.

— Не сломана?

— Кажется не сломана, — кому съ нею возиться!

— Дайте-ка мнѣ ее дней на десятокъ.

— Это на что?

— Лечиться желаю: спину ломитъ.

— А возьмите — мнѣ она на чорта! Только — хоть въ обломкахъ доставьте обратно, — а то у насъ въ каталогѣ всякая гадость значится.

— Доставлю.

Съ этою-то машиной да съ письмоводителемъ своимъ отправился Цвѣтинскій на слѣдствіе. Ѣхать по Барабинской степи, въ хорошую погоду, по двадцати и даже двадцати-пяти верстъ въ часъ — не особенная диковина, и поэтому Витольдъ Викентьевичъ, получившій всѣ предварительныя свѣдѣнія отъ Азика, живо очутился въ Тюкалѣ. Тутъ въ почтовой книгѣ онъ увидѣлъ, что, дѣйствительно, недѣли три назадъ, купецъ Мордька Гершевичъ, по законной подорожной, выѣхалъ далѣе на востокъ.

— Отсюда поѣдемъ за нимъ! порѣшилъ Витольдъ Викентьевичъ, и отъ станка до станка собиралъ всѣ потребныя справки. Въѣхавъ въ «область дружковъ», онъ не разъ сбивался со слѣду, поворачивалъ въ сторону и назадъ—и наконецъ добрался-таки до поселка, въ которомъ жилъ Левка.

Почти вмѣстѣ съ нимъ, только съ противоположной стороны, въ поселокъ ворвалась цѣлая вереница кошевъ, саней и простыхъ дровнишекъ, на которыхъ въ каждой, было отъ четырехъ до пяти человѣкъ, бабъ и мужиковъ, въ праздничныхъ нарядахъ, тамъ и сямъ нескромно выбивавшихся изъ-подъ дахи, яги или тулупа. Цвѣтинскій понялъ, что онъ встрѣтилъ свадебный поѣздъ,—и велѣлъ ямщику остановиться у дружка, по сосѣдству отъ избы, гдѣ должно происходить веселье. Ему пришла въ голову мысль, что въ данномъ случаѣ имѣть дѣло съ пьяными далеко лучше чѣмъ возиться съ трезвыми: авось кто-нибудь сболтнетъ чтó нужно...

Въ избѣ, гдѣ остановился Витольдъ Викентьевичъ, оставалась одна работница, очень глупая, некрасивая и чумазая дѣвка, на которую никто не обращалъ вниманія, говоря, что она «полудурья», и которая поэтому не попала на свадьбу.

— Что у васъ за гульба въ поселкѣ? спросилъ ее Цвѣтинскій, будто ничего не понимая.

— А свадьба, ваше высокоблагородіе.

— Хорошая свадьба?

— Словно чиновничья, ваше высокоблагородіе.

— Значитъ, богатый мужикъ женится?

— Нѣтъ, не богатый: работникъ на хозяйской дочкѣ женится — гдѣ богатый!

— А свадьба богатая?

— Свадьба хорошая: въ кабакѣ водки одной ведеръ десять накупили.

— А мнѣ на свадьбу пойдти можно?

— Пошто нельзя?.. Чиновнику вездѣ можно.

Цвѣтинскій, приказавъ письмоводителю быть готовымъ на всякій случай, отправился на свадьбу одинъ.

Изба дружка была выметена, вычищена и разубрана. Въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣли молодые,— это были Левка и Груша. Направо отъ жениха, распоряжаясь съ покрикиваньемъ, развалился сельскій староста, игравшій роль тысяцкаго; дальше расположились, кто какъ могъ, гости — мужчины по одну сторону, бабы и дѣвки по другую; мать Груши и еще одна бабенка изъ родичей—разносили наливку и водку; ѣда стояла на столѣ — тутъ было и мясо, и печенья, пряники, и кедровые орѣхи.

— Охъ, горько! говорилъ почти каждый, когда до него доходила очередь выпить.

Груша и Левка, на этотъ возгласъ, привставали, кланялись и цѣловались.

— Ну, Левъ Ивановичъ, такой свадьбицы, какъ, значитъ, твоя — искать-поискать! Планида тебѣ... Ты у насъ — помяни мое слово — первымъ сортомъ будешь... Эй, тетка Маланья, поднеси-ка мнѣ за молодыхъ еще выпить!

— Мы въ поселкѣ и жить-то, можетъ, не будемъ— чтó тутъ увидишь? презрительно замѣтила Груша.

— Нѣ-ѣтъ, и у насъ, въ поселкѣ, какъ хочь жить можно, въ свое удовольствіе! возразилъ староста.—Въ городѣ хорошо — и у насъ преотлично! И въ городѣ ты, значитъ, робь, — коли мужикъ есть, — а тутъ самъ себѣ хозяинъ и глава. Тамъ, значитъ, начальство, что ни попъ — то и батька, а...

Въ это время вошелъ Витольдъ Викентьевичъ. Всѣ, даже новобрачные, привскочили и затихли; Левка, увидѣвъ полицейскую форму, поблѣднѣлъ.

— Здравствуйте, братцы! обратился исправникъ къ замолчавшему люду, — вотъ къ вамъ гость непрошенный... угощать будете?

Послѣдовалъ общій поклонъ и возгласъ: «милости просимъ!»

— Гдѣ же молодые-молодушки, бѣлые лебедушки? заговорилъ Цвѣтинскій, стараясь поддѣлаться подъ простонародный ладъ.

Старуха-мать, продравшись къ Грушѣ, всучила ей подносъ, на которомъ стояла наливка.

— Подноси! шепнула она.

Груша, въ городскомъ, шуршащемъ платьѣ, подошла къ исправнику.

— Удостойте! съ низкимъ поклономъ и жеманно опустивъ глаза обратилась она.

— Ишь какая пава, сударыня-барыня, хозяйка молодая! Сто лѣтъ жить да двѣсти ребятъ народить! воскликнулъ Витольдъ Викентьевичъ и, взявъ рюмку, прихлебнулъ изъ нея и состроилъ гримасу.

— Охъ, горько! прибавилъ онъ, не хуже разбитнаго пономаря.

Левка по неволѣ вышелъ изъ кучи другихъ, между которыми прятался, и поцѣловался съ Грушею безъ прежней жадности.

— И женихъ ничего! Небось баба его не запоетъ:

Страхъ мини не хочется
Съ старымъ дидомъ ворочаться!..

Эти хохлацкіе стихи, проговоренные съ польскимъ акцентомъ, показались дружкамъ - великоросамъ до того смѣшными, что всѣ улыбнулись и почувствовали себя развязнѣе.

— Какое ничего, ваше высокоблагородіе! вступился въ разговоръ староста, который чаще видалъ начальство и потому меньше другихъ его побаивался, — мужикъ на всѣ руки! Полгода нѣтъ какъ въ работники нанялся, — а теперь, значитъ, на хозяйство становится... Чего лучше!

— Такъ онъ не здѣшній? А откуда? спросилъ Витольдъ Викентьевичъ, для сыскнаго уха котораго слова старосты зазвучали нѣсколько рѣзко.

— Нѣтъ, нетутошній.

— А откуда? повторилъ свой вопросъ исправникъ.

Левка, оставившій безъ отвѣта первый вопросъ, почувствовалъ невозможность промолчать еще разъ.

— Изъ-подъ Кургана! сказалъ онъ.

— Вотъ откуда!—что забрелъ далеко?

— По билету.

— Молодецъ!

Впрочемъ, блѣдность и безпокойство «молодца» были замѣчены Цвѣтинскимъ; но особенно поразило послѣдняго бирюзовое колечко, бывшее на рукѣ Груши и имѣвшее вовсе не деревенскій и даже не аляповато - русскій видъ.

Витольдъ Викентьевичъ почуялъ, что онъ у пристани т. е. на слѣду преступленія, которое онъ розыскивалъ; однако онъ еще посидѣлъ нѣсколько минутъ, выпилъ и водки и наливки—и уже потомъ вышелъ изъ избы, кликнувъ за собою старосту, которому очень не нравился этотъ перерывъ гульбы...

Л. Блюммеръ.

(Окончаніе будетъ).

Смерть принцессы Ламбалль.

(Окончаніе).

Поѣздъ направился къ Темплю, мрачному, пустынному зданію, выстроенному еще тампліерами. Кареты ѣхали очень медленно, и было ли это намѣренно или случайно—неизвѣстно. Со всѣхъ сторонъ слышались пожеланія, отъ которыхъ волосы подымались дыбомъ,—и якобинцы, заправлявшіе всѣмъ этимъ движеніемъ, вѣроятно были очень довольны. Въ королевской каретѣ сидѣли Мануэль и Пэтіонъ. Когда кто-то изъ окружающихъ замѣтилъ, что кареты слишкомъ наполнены, король смѣясь сказалъ: «господинъ Пэтіонъ знаетъ, что я могу при такой обстановкѣ сдѣлать и болѣе продолжительное путешествіе,» онъ этимъ намекалъ на свое неудачное бѣгство въ Варень. Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ въ Темпль были заключены также Шамилльи и камердинеръ Гуэ. Госпожѣ Кампанъ всякое свиданіе съ заключенными было воспрещено. Первое лицо, которое плѣнные встрѣтили въ Темплѣ, былъ страшный Сантерръ. Съ этой минуты онъ не покидалъ короля до тѣхъ поръ, пока этотъ послѣдній не сложилъ голову на плахѣ. Пэтіонъ ввелъ королевскую семью въ назначенныя для нея комнаты. «Здѣсь вы будете спать», сказалъ онъ. «Милостивый государь, возразилъ король,—я смѣю все таки выбрать себѣ комнату по желанію?» «Нѣтъ, отвѣчалъ Пэтіонъ,—вы будете спать именно въ этой комнатѣ, потому что такова воля націи.

Еще въ тотъ же вечеръ королевское семейство узнало, что трое изъ его лучшихъ друзей, которыхъ оно просило принести необходимыя извѣстія, были убиты. Съ такими печальными новостями, окруженные мрачными стражами, заключенные въ первый разъ улеглись на отдыхъ въ своей новой тюрьмѣ. Когда они выглянули сквозь спущенныя сторы, въ окно они увидали, что всѣ окрестные дома освящены иллюминаціей. Народъ праздновалъ ихъ заключеніе.

Тихая ночь спустилась надъ Темплемъ и его обитателями. Королева сидѣла обнявшись съ своимъ другомъ прекрасной принцессой Ламбалль. «И такъ вы хотите связать свою судьбу съ нашей» говоритъ она: «посмотрите, что̀ остается отъ всего величія... оковы... смерть!» «Я знаю это», отвѣчаетъ принцесса: «однако я предпочитаю это положеніе самому блестящему, какое бы вправѣ была занять. Я боюсь только одного: это разлуки съ вами, мадамъ». Утро застало обоихъ высокихъ плѣнныхъ въ томъ же положеніи, только волненіе ихъ нѣсколько поутихло; въ ихъ сердца проникла нѣкоторая надежда. Королева и окружавшія ее дамы занимались рукодѣльемъ, король же давалъ уроки своему маленькому сыну.

Теперь мы познакомимъ вкратцѣ съ жизнію принцессы Ламбалль.

Марія-Терезія-Луиза де Савоа-Кариньянъ, принцесса Ламбалль, родилась 8 сентября 1749 г. Ея красота, умъ и любезность перешли въ исторію. Она была однимъ изъ тѣхъ явленій, которымъ чаруются нетолько мущины, но и женщины.

Подъ вліяніемъ безнравственнаго двора Людовика XV, которое отозвалось и на нравахъ его преемника, добрая репутація принцессы должна была скоро пострадать. Поколѣнія, которыя пережили эпоху Помпадуръ и Дюбарри со всею ея безнравственностью, не могли допустить существованіе красоты вмѣстѣ съ непорочностью. Обвиненія въ безнравственности, которыя рушились на принцессу, передавались сначала тихо, потомъ громче и громче, скоро распространились какъ фактъ даже въ самыхъ низшихъ слояхъ общества. Дала ли принцесса поводъ къ такимъ нареканіямъ? Не было ли это клеветой продажныхъ слугъ? трудно сказать.

Въ эту эпоху ложь и правда до такой степени перемѣшались, что трудно отличить истинное отъ ложнаго. Сама Ламбалль нисколько не защищалась отъ этихъ обвиненій и своей слишкомъ тѣсной дружбы съ Маріей-Антуанетой. Что эти толки шли не изъ низшихъ классовъ

Черноморскій видъ.

Оригинальный рисунокъ проф. И. К. Айвазовскаго, исполненный на деревѣ самимъ авторомъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

можно утверждать смѣло. Здѣсь (какъ и въ другихъ случаяхъ) на сцену выступаетъ весьма несимпатичная личность герцога Орлеанскаго, прозваннаго Эгалитэ. Король, королева и многіе другіе должны были ему уступить свое мѣсто—и дѣйствительно уступили для того чтобы сдѣлать болѣе свободнымъ путь... къ эшафоту. Герцогъ Орлеанскій, своей женитьбой на госпожѣ Пентьевръ, вошелъ въ родство съ прекрасной принцессой, которая приходилась ему такимъ образомъ свояченицей. Необузданный въ своихъ страстяхъ, онъ добивался любви принцессы Ламбалль, которая ему отказала. Съ этого времени начинается его ненависть къ свояченицѣ. Первымъ мщеніемъ съ его стороны было то, что онъ втянулъ 20-лѣтняго Ламбаля, мужа принцессы, въ свои ночныя оргіи и попойки—и это ему такъ удалось, что черезъ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ свадьбы молодой супругъ умеръ отъ истощенія. Герцогъ Пентьевръ — отчимъ Ламбалль, — завѣщалъ герцогу Орлеанскому выдать своей падчерицѣ 300,000 ливровъ слѣдующія ей въ приданое. Послѣднему очень не нравилось это обязательство—и чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ отъ него, онъ пускалъ въ ходъ всякія клеветы. Однако же все это не помогало. Оставалась одна возможность—это разлучить Ламбалль съ королевой. Къ этому теперь представился и поводъ. Ламбалль, по предложенію королевы, написала нѣсколько писемъ къ своимъ знакомымъ, находившимся въ городѣ. Хотя каждое письмо посылаемое изъ Темпля предварительно прочитывались коммиссарами, однако же нашлись два человѣка, Девэнъ и Прикке, которые сдѣлали Коммунѣ слѣдующій доносъ:

«Гражданинъ унтеръ-офицеръ 1 баталіона, Девэнъ, извѣщаетъ, что стоя на часахъ на лѣстницѣ, которая ведетъ въ комнату Людовика, видѣлъ, какъ одна дама, около 11 часовъ, выйдя изъ комнаты и держа въ одной рукѣ три письма а другою отворивъ дверь королевской комнаты, скрылась туда и потомъ возвратилась уже съ пустыми руками. Кромѣ того Девэнъ видѣлъ, какъ та же самая дама трижды отворяла дверь, зорко оглядываясь, и при этомъ держала полунаписанное письмо. Испуганный Девэнъ потребовалъ, чтобы всѣ письма, какъ приходящія къ королю такъ и исходящія отъ него, были запечатаны. Прикке извѣщаетъ: что сегодня утромъ, стоя на часахъ между двумя башнями онъ видѣлъ, какъ одна дама съ видимой боязнью и безпокойствомъ писала письмо.»

Коммуна тотчасъ же сдѣлала распоряженіе объ удаленіи отъ короля всѣхъ его приближенныхъ. Королевское семейство испытало уже многое, но этотъ послѣдній ударъ былъ слишкомъ тяжелъ. Г-жа Турзель и Ламбалль въ полночь получили приказаніе покинуть Темпль. Еще разъ обнялись заключенные, еще разъ королева прижала къ груди своего вѣрнаго друга, дѣти рыдали, даже самъ король проронилъ слезу; еще разъ сказала Ламбалль послѣднее «прости» и покинула комнату. Это было ея послѣднее свиданіе съ королевской семьей. Отрядъ національныхъ гвардейцевъ препроводилъ дамъ въ Коммуну. Здѣсь имъ сдѣлали допросъ и они всю ночь оставались въ залѣ комитета.

На слѣдующее утро явился Манюэль и объявилъ: «милостивыя государыни, по распоряженію генеральнаго совѣта вы остаетесь въ заключеніи впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Вы можете избирать одну изъ двухъ тюремъ: Ла-Форсъ или Сальпетріеръ». Услыхавъ это, принцесса невольно вздрогнула; однако, овладѣвъ собою, она спокойно отвѣчала: «мы избираемъ Ла-Форсъ». Ихъ обѣихъ тотчасъ же отвели туда, причемъ за ними послѣдовала вѣрная камеристка принцессы Ламбалль. Здѣсь, въ маленькой комнаткѣ темницы, онѣ могли снова безпрепятственно говорить о королевѣ и прошлыхъ временахъ. Надзоръ за ними былъ порученъ одной женщинѣ, по имени Геандръ. Съ этого момента принцесса стала готовиться къ близкой смерти, хотя г-жа Турзель и камеристка старались всѣми силами разсѣять эти печальныя мысли. День и ночь проходили между постояннымъ страхомъ и боязнью новыхъ и докучливыхъ посѣщеній со стороны коммисаровъ безопасности.

Между тѣмъ въ Парижѣ готовились кровавыя событія, подобныя Варѳоломеевской ночи, извѣстныя въ исторіи подъ именемъ «Сентябрскихъ дней».

На границѣ, гдѣ французскія войска храбро сражались противъ внѣшняго врага, пали Верденъ и Лонгви и пруссаки подвигались впередъ. Внутри страны все еще не прекращалось возстаніе Вандеи, которое не смотря на постоянныя пораженія не хотѣло покинуть разъ-начатаго дѣла. Эмиграція плела опасныя сѣти; заговоры противъ узурпаторовъ развѣтвлялись все болѣе и болѣе.

Національное собраніе и народъ утомились отъ постояннаго страха, который усиливался еще, со всѣхъ сторонъ приходившими, дурными вѣстями. Въ толпѣ разсыпали блестящія обѣщанія, представляли все болѣе и болѣе усиливающуюся бѣдность совершенно не важною и обвиняли аристократовъ въ желаніи низвергнуть Національное собраніе. Однако члены Конвента не теряли времени и сильно работали. Ужасъ и отчаяніе, въ какомъ тогда всѣ находились, помогалъ имъ сильно—и они, избравъ кровавый путь и переступая черезъ трупы своихъ жертвъ, шли все дальше и дальше. Маратъ постоянно требовалъ: «головъ, головъ и головъ!!!» Дантонъ хотѣлъ нанести рѣшительный ударъ. Онъ открыто обвинялъ, 28 августа, всѣхъ дворянъ въ заговорѣ—и вытребовалъ себѣ, какъ министру юстиціи, право дѣлать домашніе обыски. Собраніе не осмѣлилось воспротивиться этому позволенію—и это было смертельнымъ приговоромъ тысячи людей. Домашніе обыски имѣли двоякую цѣль. Съ одной стороны, хотѣли изловить всѣхъ неуспѣвшихъ еще скрыться аристократовъ, ими наполнить тюрьмы и тѣмъ увеличить число жертвъ, — ибо Дантонъ, Маратъ, Робеспьеръ, Колло д'Ербуа и другіе молодые члены Конвента, были согласны въ томъ, что народъ можно успокоить только *дѣяніями*. Съ другой же стороны, думали еще болѣе разжечь ненависть народа противъ собственниковъ, потому что масса народа, по большей части изъ черни, врываясь въ дома богатыхъ, встрѣтила бы тамъ такія драгоцѣнности и роскошь, о какихъ она прежде не имѣла и понятія. Бѣднякъ созналъ бы себя властителемъ богатаго, и стоило ему только протянуть руку—для того чтобы насладиться всѣми этими благами жизни. Конечно, это разжигало ненависть противъ богатыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развивало всѣ дурныя страсти. Рѣшаясь на такую мѣру, Дантонъ очень хорошо зналъ массу, съ которой ему приходилось имѣть дѣло.

29 августа, въ десять часовъ вечера, по улицамъ Парижа раздались звуки генеральнаго марша, и на всѣхъ углахъ начали появляться вооруженные люди. Звуки эти предвѣщали какое-то несчастіе, которое еще носилось въ воздухѣ и о которомъ никто не могъ дать себѣ яснаго отчета, но бѣда казалась весьма близкою. При первыхъ же звукахъ генеральнаго марша, всѣ улицы

мгновенно опустѣли, и городъ казался какъ бы вымершимъ. Все мирное населеніе попряталось въ своихъ домахъ и дрожа ожидало, что́ будетъ дальше. Ждать пришлось не долго. Скоро вооруженныя, дикія толпы стали врываться въ дома и осматривать ихъ до послѣдней щелки. Сотнями вытаскивали спрятавшихся, и тотчасъ же отправляли въ тюрьмы. Впрочемъ, половина схваченныхъ была отпущена; но и остальныхъ жертвъ было слишкомъ достаточно. Собраніе хотѣло было воспротивиться этимъ насиліямъ, потому что оно предчувствовало будущія угрозы и убійства, но было слишкомъ поздно. Конвентъ былъ уже очень могуществен̂ъ. Дантонъ самъ колебался съ минуту, но за нимъ стоялъ Маратъ съ своею Секціею Пуассоніеръ, которая страшно кричала: «всѣ священники, дворяне и подозрительныя личности, которые заключены теперь въ тюрьмы,—измѣнники націи и должны умереть!». Толпа отвѣчала на это криками: «да здравствуетъ нація!» Сентябрскія убійства получили такимъ образомъ свою санкцію. Вернье попробовалъ было отклонить несчастіе, воскликнувъ: «намъ нужно укрѣпить Парижъ—будемте же работать всѣ противъ нашихъ враговъ.» Дантонъ медлилъ. Жена его, сильно имъ любимая, съ ужасомъ видѣла приближеніе кровавыхъ дней; но великій революціонеръ не былъ уже болѣе въ силахъ остановить могучій потокъ, которому онъ самъ первый далъ такое ужасное направленіе. Сознавъ однажды невозможность отступленія, Дантонъ дѣйствовалъ съ страшной энергіей. Она не покинула его и на эшафотѣ. Поэтому онъ воскликнулъ: «секціи правы; набатъ, который долженъ скоро раздаться, будетъ смертельнымъ приговоромъ всѣмъ врагамъ отечества. Смѣлѣе, смѣлѣе, смѣлѣе!» и онъ покинулъ собраніе при громѣ рукоплесканій и грозныхъ крикахъ торжества. Буря висѣла уже очень низко, и убійцы ждали только условнаго знака. Въ два часа пополудни Дантонъ снова вошелъ въ залу Конвента, который назначилъ засѣданія безпрерывныя.

Однако возвратимся къ нашимъ заключеннымъ—принцессѣ Ламбалль и г-жѣ Турзель. Слухи о предстоящихъ ужасахъ распространились по Парижу съ быстротою молніи. Манюэль, Дантонъ, Тальенъ, Робеспьеръ и Демуленъ старались спасти своихъ знакомыхъ, прежде чѣмъ начнутся убійства. Даже самъ Маратъ спасъ одного человѣка. Кого можно было еще освободить въ суматохѣ—освобождали. Отчимъ принцессы Ламбалль, герцогъ Пентьевръ пригласилъ къ себѣ Манюэля. «Я вамъ отдамъ половину моего состоянія, если вы только спасете принцессу» говорилъ онъ. «Она въ безопасномъ мѣстѣ, милостивый государь». «Не обманывайте меня, я знаю, что должны произойти ужасныя вещи—и всѣ заключенные въ парижскихъ тюрьмахъ, безъ всякаго различія, будутъ преданы смерти». Манюэль пожалъ плечами. «Вы должны мнѣ что-нибудь сказать!» воскликнулъ герцогъ. «Я уже освободилъ до двадцати четырехъ женщинъ и въ томъ числѣ г-жу Турзель» говорилъ Манюэль. И это было дѣйствительно правда. Со слезами на глазахъ простилась г-жа Турзель съ принцессой; она считала себя совершенно погибшей—и вдругъ, о радость, опять на свободѣ. Трюшонъ, одинъ изъ кліентовъ Манюэля, проводилъ ее до заставы.

Манюэль взялъ пять тысячь ливровъ и обѣщался спасти принцессу. «Я бы никого не спасъ за такія деньги, но принцесса такъ прекрасна — она должна быть свободна» говорилъ онъ.

Принцесса осталась одна съ своею камеристкою. Бѣдная Полина, какъ только могла, утѣшала свою несчастную госпожу. Темные слухи о замыслахъ Конвента дошли и до заключенныхъ въ темницѣ. Каждый шорохъ, каждый звукъ приближающихся шаговъ заставлялъ трепетать несчастныхъ. Однако утомленіе заставило принцессу лечь спать; она заснула. Полина же между тѣмъ вышла на корридоръ, чтобы узнать какія нибудь новости. Вдругъ она замѣтила темную фигуру, которая, приложивъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія, сунула ей въ руку записку. Возвратившись въ комнату, камеристка тотчасъ же разбудила принцессу. Въ запискѣ значилось: «будьте покойны, М... обѣщался спасти дорогую вамъ особу, скажите ей это; что бы ни случилось—пусть запрется въ своей комнатѣ и не выходитъ изъ нея. Надѣйтесь! спасеніе близко!»

Между тѣмъ какъ принцесса лелѣяла себя такъ нежданно явившейся надеждой, убійства уже начались. По данному знаку — пушечному выстрѣлу — началась бойня въ тюрьмахъ Аббатства. Кровь текла ручьями. Шестьдесятъ человѣкъ ворвавшихся туда, къ которымъ потомъ примыкали все новыя и новыя толпы, рѣзали и убивали съ истинно-звѣрскимъ наслажденіемъ. Изъ Аббатства отправились въ Консіержери, оттуда въ Шатели. Сена была красною отъ крови, а народъ, какъ бы парализованный отчаяніемъ, съ ужасомъ безпомощно смотрѣлъ на это страшное зрѣлище. 3 сентября очередь дошла и до Ла-Форса. Это была ужасная ночь! глухой ропотъ на улицахъ, звуки призывныхъ набатовъ, ужасныя предчувствія—все это отгоняло сонъ отъ воспаленныхъ глазъ принцессы Ламбалль. Но, вотъ, въ дверь послышались страшные удары—и когда она была отперта, въ комнату вошли два человѣка. «Вы должны отправиться въ Аббатство» сказалъ одинъ изъ нихъ. «Милостивый государь, я больна», отвѣчала принцесса: «оставьте меня здѣсь. Вѣдь и здѣсь темница». Она думала о томъ предостереженіи, которое было написано въ письмѣ. Однако вошедшіе и слышать не хотѣли объ этомъ и принуждали ея идти. «Гдѣ г-жа Турзель?» спросила Ламбалль. «Она свободна» былъ отвѣтъ. При этихъ словахъ лица обѣихъ заключенныхъ прояснились; имъ пришла въ голову мысль, что это были посланные спасти ихъ, которые, чтобы отклонить всякое подозрѣніе, съ умысломъ ворвались къ нимъ съ такимъ шумомъ. Онѣ были увѣрены, что это и есть ихъ спасители; но вспомнивъ снова о предостереженіи анонимнаго письма, онѣ на отрѣзъ отказались слѣдовать—и эта-то излишняя осторожность и погубила ихъ. Иначе нельзя ничѣмъ объяснить происшедшаго потомъ, потому что Манюэль велъ себя въ данномъ случаѣ очень честно и сдѣлалъ все, что́ отъ него зависило, чтобы спасти несчастныхъ. Но герцогъ Орлеанскій, который вѣроятно зналъ о тайномъ соглашеніи между герцогомъ Пентіевръ и Манюэлемъ,—послалъ одного изъ своихъ агентовъ въ ратушу. Агентъ этотъ, по прозванію «большой Николай» (настоящее его имя было Трюшонъ) долженъ былъ заявить въ Коммунѣ подозрѣніе, что принцесса Ламбалль при помощи денегъ и нѣкоторыхъ друзей хочетъ бѣжать и что по этому нуженъ хорошій надзоръ за нею. Манюэль и Петіонъ, которые хотѣли дѣйствовать за одно, были принуждены дать приказъ: что «Ламбалль можетъ быть помилована только народомъ и что приговоръ ея будетъ объявленъ открыто предъ цѣлымъ собраніемъ». Манюэль долженъ былъ подписать это, иначе ему грозила смерть. Онъ подписалъ и тѣмъ погубилъ принцессу. Агенты герцога позаботились о томъ, чтобы среди народа

находились бы и сентябрскіе убійцы, которые бы въ удобную минуту крикнули «долой Ламбалль!». Если бы принцесса послѣдовала совѣту двухъ вошедшихъ мужчинъ и покинула темницу—она была бы спасена; но анонимное письмо, совѣтовавшее крайнюю осторожность, погубило все дѣло. Принцесса пала жертвою за свою любовь и дружбу къ несчастнымъ узникамъ Темпля.

Убійства продолжались почти-что безъ перерывовъ. Малльяръ, привратникъ Шателе, даже выставилъ число убитыхъ «по приговору націи». 3 сентября, въ 9 часовъ утра, принцесса и ея камеристка услыхали яростные крики, доносившіеся къ нимъ снизу. «Ламбалль, Ламбалль!» слышались тысячи голосовъ. Бѣдная принцесса готова была упасть безъ чувствъ; холодный потъ покрылъ ея блѣдное прекрасное лицо. Она не могла даже одѣться. Когда она наконецъ нѣсколько успокоилась, раздирающій душу крикъ дико отозвался въ длинныхъ корридорахъ, потомъ снова стихъ и казалось пропалъ гдѣ-то на улицѣ. Между тѣмъ въ промежуткахъ раздавались дикіе голоса: «да здравствуетъ нація». За тѣмъ снова послышались ужасные крики, предсмертные стоны, раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ—и бойня предшествовавшихъ дней началась въ Ла-Форсѣ. «Насталъ день моей смерти!» воскликнула несчастная принцесса и молясь упала на колѣни. Камеристка едва могла перенести ее на постель. Здѣсь, казалось, разумъ покинулъ ее: она разговаривала съ своимъ отцомъ, призывала королеву. Внизу же убивали молча и казалось готовились къ какому-то страшному шагу. Вдругъ дверь съ шумомъ растворилась, и въ комнату хлынула окровавленная толпа, въ грязныхъ разорванныхъ рубахахъ, красныхъ шапкахъ на всклокоченныхъ волосахъ, съ топорами, пиками и саблями въ рукахъ—и все это съ угрожающимъ видомъ обступило несчастную принцессу. «Впередъ!.. васъ ожидаютъ» воскликнулъ одинъ изъ толпы. Казалось сознаніе вернулось къ несчастной. «Кто вы?» спросила она твердымъ голосомъ. «Что вамъ до этого за дѣло?—ну, я большой Николай, одинъ изъ членовъ комитета безопасности, я долженъ представить васъ предъ вашихъ судей!» «Кто мой судья?» «Это не ваше дѣло!» Принцесса встала. Въ это мгновеніе къ ней приблизился одинъ человѣкъ и прошепталъ: «повинуйтесь—и вы будете спасены!»; агенты Манюэля еще разъ пробовали спасти ее. «Оставьте эту комнату, я хочу одѣваться», сказала принцесса. Толпа повиновалась. «Будь счастлива, Полина», сказала она, когда злодѣи оставили ихъ одних. «Я умираю. Передай мой послѣдній привѣтъ дорогому отцу, поцѣлуй отъ меня дорогія прекрасныя руки королевы; скажи ей, когда увидишь ее, что я съ радостью иду навстрѣчу смерти и что счастлива умереть за нее». «О, сударыня,—вы не умрете!» «Нѣтъ, нѣтъ, Полина! ты слышишь ихъ дикіе, злобные крики; они хотятъ крови—и конечно получатъ ее». Необыкновенная твердость вдругъ овладѣла принцессой; ея прекрасные глаза блистали божественнымъ огнемъ. Въ своемъ простомъ бѣломъ нарядѣ она была похожа на ангела, готоваго покинуть эту грѣшную землю, чтобы переселиться въ безпредѣльное небесное пространство.

Когда толпа снова вошла, то остановилась на минуту неподвижной, пораженная этимъ прекраснымъ явленіемъ. Принцесса обратилась къ нимъ съ словами: «Пойдемте, господа». Двое вооруженныхъ взяли ее за руки, и вся толпа двинулась внизъ по лѣстницѣ на первый дворъ, на которомъ еще не видно было слѣдовъ страшнаго убійства. Только на второмъ дворѣ. который ведетъ къ главному зданію, виднѣлись лужи крови. Принцесса при видѣ этого содрогнулась отъ ужаса, колѣни ея стали подкашиваться, но ужасные провожатые поддержали ее. Еще нѣсколько шаговъ—и она находилась среди обширнаго пустаго пространства, окруженнаго черными стѣнами и рѣшетчатыми окнами, сквозь которыя блѣдный свѣтъ странно освѣщалъ дикія фигуры толпы. Направо была огромная дверь, ведшая на обширный дворъ.

За этою дверью шумѣла и волновалась яростная толпа, а черезъ рѣшетку виднѣлись блестящіе пики, алебарды и штыки. Принцессу подвели къ столу, за которымъ сидѣли ея судьи, все отъявленные мерзавцы и негодяи. Таковъ былъ составъ трибунала въ эти ужасные сентябрскіе дни. Слѣдовавшіе за принцессой выстроились позади ея въ рядъ. Николай и его товарищъ по прежнему крѣпко держали за руки свою жертву. Камеристка, мужественно послѣдовавшая за своей госпожей, стояла тутъ же; но на нее никто не обращалъ вниманія. «Кто вы?» началъ тихимъ голосомъ предсѣдатель суда, Гебертъ, свой допросъ. «Марія-Тереза-Луиза, принцесса Савойская»—«Ваше званіе?» «Главная кастелянша двора ея величества королевы».—«Имѣете ли вы какія нибудь свѣденія о заговорѣ двора отъ 10 августа? «Существовалъ ли заговоръ—я не знаю; но что свѣденій никакихъ не получала, могу сказать навѣрно».»—«Поклянетесь ли вы любить всегда свободу и равенство, ненавидѣть короля, королеву и монархическое правленіе?» «Первую клятву я готова дать сейчасъ же, послѣдняя же невозможна, противъ нея возстаетъ мое сердце.»—«Ради Бога, клянитесь!» прошепталъ ей кто-то на ухо; подлѣ нея стоялъ человѣкъ—Мануэль и тутъ попробовалъ спасти ея.—«Поклянетесь вы, или нѣтъ?» воскликнулъ Гебертъ. Принцесса чувствовала, что она не можетъ говорить; она поднесла руку къ губамъ—и изъ груди ея вырвался какой-то неопредѣленный звукъ. «Она поклялась» сказалъ Гебертъ. Впослѣдствіи носились слухи, что Гебертъ и Люилье получили сто тысячь франковъ, чтобы спасти принцессу.—«Долой Ламбалль!» кричали агенты герцога Орлеанскаго. «Будьте тверды» шепталъ ей голосъ спасителя. «Къ дверямъ ее!» крикнулъ Сейракъ, и принцессу поволокли къ выходнымъ дверямъ. Тутъ ей представилась страшная картина: мущины, женщины, дѣти, старики, вооруженные чѣмъ попало, все это кинулось къ ней съ дикими криками: «Ламбалль, Ламбалль!» Почти что лишившись чувствъ, принцесса въ изнеможеніи оперлась на руку Николая. Глаза ея закрылись—и когда она ихъ снова открыла, то увидѣла цѣлыя моря крови, тысячи дикихъ фигуръ, безобразно наваленные трупы, около которыхъ плясала пьяная толпа. «Кричите—да здравствуетъ нація!» шепталъ ей голосъ. Но губы ея вмѣсто этого крика произносятъ. «Боже, какъ это ужасно, какъ это отвратительно!!!»... Чья-то рука старается закрыть ей ротъ и заглушить роковыя слова, но слишкомъ поздно. Одинъ злодѣй—Шарлà, парикмахеръ и тамбуръ-мажоръ національной гвардіи,—срываетъ пикою чепчикъ съ ея головы. Прекрасные золотистые волосы разсыпаются тысячами прядей. «Вотъ это прекрасно!» кричатъ женщины; но Шарлà, срывая чепчикъ, зацѣпилъ и окровавилъ ей лобъ. Толпа, при видѣ крови, какъ дикій звѣрь бросается на беззащитную. Одинъ мулатъ бросается на нее съ саблей и пронзаетъ ей руку, несчастная принцесса вздрагиваетъ отъ боли; тогда Гризонъ, одинъ изъ самыхъ мерзкихъ сентябрьскихъ убійцъ, ударяетъ ее обухомъ по головѣ—и это служитъ

какъ бы сигналомъ къ общему нападенію; въ одно мгновеніе на несчастную направляются со всѣхъ сторонъ удары пикъ, штыковъ и алебардъ. Потомъ начинается грабежъ; чепецъ, платокъ, платье—все это разрывается на мелкіе куски. Обнаженное тѣло разсматриваютъ, ощупываютъ.

Еще бѣдное существо движется, а Гризонъ уже отрѣзываетъ прекрасную гордую голову; Мамэнъ, настоящій дикарь, вырѣзалъ даже сердце; насадивъ его на пику, торжественно поднялъ къ верху. Каждый злодѣйскій ударъ награждался криками толпы: «это за австріячку! это за veto, это за Марію Антуаннету!» Бѣдная королева! она была болѣе достойна сожалѣнія, чѣмъ эта вѣрная погибшая, потому что каждый кого она любила, кому отдавала свою дружбу, былъ проклятъ—а это значило умереть десять разъ самой страшной смертью.

Мы пройдемъ молчаніемъ тѣ надругательства, которыя дѣлались надъ холоднымъ уже трупомъ.

Ужасная процессія, съ своими кровавыми трофеями впереди, двинулась со двора. Герцогъ Пентьевръ, потерявшій уже 2 сентября надежду на спасеніе своей падчерицы, старался собрать ея останки. Но и это ему не удалось. Три человѣка, одѣтые патріотами, вмѣшались въ толпу съ цѣлію отобрать у злодѣевъ бренные останки Ламбалль. Но попытка не повела ни къ чему. Удалявшіеся убійцы зашли сначала въ кабакъ, гдѣ, поставивъ голову Ламбалль на столъ посреди бутылокъ, пьянствовали впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. Потомъ вся эта дикая толпа двинулась далѣе. «Въ Темпль, въ Темпль!» послышались крики, съ минуты на минуту все болѣе усиливавшіеся. Масса пошла по направленію къ Отель-Тулузъ, оттуда къ Тюльери, но поставленная здѣсь стража не пустила ея. Тогда толпа двинулась въ Пале - Рояль. Герцогъ Орлеанскій обѣдалъ въ это время съ госпожею Бюффонъ. Вдругъ въ окнѣ показалась окровавленная голова съ длинными развѣвающимися волосами. «О! я умру» воскликнула г-жа Бюффонъ: «такъ будутъ носить по улицамъ и мою голову!» «Ага! сказалъ герцогъ очень холодно: «это голова принцессы Ламбалль» и онъ отворивъ дверь поблагодарилъ толпу, которая отвѣчала ему неистовыми криками. Потомъ процессія направилась къ Темплю. Король и королева слышатъ глухой ропотъ и крикъ: «Австріачка здѣсь, отоприте... впустите!» Данжу, первому коммисару Темпля, пришла счастливая мысль вывѣсить надъ воротами трехцвѣтное знамя, предъ которымъ толпа съ уваженіемъ отступила. Но голова Ламбалль все-таки подымается до оконъ, чтобы ее могли видѣть заключенные. «Что тамъ такое?» воскликнулъ король. «Милосердый Боже, что случилось? спросила королева и хотѣла подойти къ окну. Но коммиссары были еще настолько человѣчны, что не допустили ея до этого. Король же, приподнявъ немного штору, съ ужасомъ отскочилъ отъ окна воскликнувъ: «О, Боже—какъ это отвратительно!». Одинъ изъ сторожей, обратившись къ королевѣ, сказалъ: «мадамъ, вамъ не слѣдуетъ видѣть голову Ламбалль, но вы должны узнать, что она убита». Съ страшнымъ крикомъ королева упала безъ чувствъ. «Милостивый государь, вы слишкомъ жестоки!» сказалъ король спокойно.

Такъ какъ войти въ Темпль было невозможно, то убійцы снова направились въ Ла-Форсъ. На встрѣчу процессіи попался одинъ изъ старыхъ слугъ Тюльерійскаго дворца; при взглядѣ на окровавленную голову, онъ узналъ ее и тутъ же упалъ замертво, пораженный ударомъ. Между тѣмъ посланные герцога Пентьевръ неустанно слѣдили за всей этой процессіей; трупъ врядъ ли можно было найти, поэтому они хотѣли заполучить хотя голову.

Подъ звуки «Ca ira» толпа приближалась къ Ла-Форсу. Когда входили въ ворота, изъ зданія выскочилъ человѣкъ вооруженный ножницами и въ одно мгновеніе отрѣзалъ прекрасные волосы. Человѣкъ этотъ былъ парикмахеръ, и давно съ завистію поглядывалъ на эти волосы. Толпа отвѣчала грубымъ смѣхомъ на эту выходку. Но убійцы послѣ длинной прогулки снова почувствовали жажду, почему тотчасъ всѣ и разсыпались по кабакамъ. Большая часть толпы, утомленная всѣмъ видѣннымъ и не ожидая на сегодняшній день ничего новаго въ томъ же родѣ, разошлась по домамъ. Шарла̀, который несъ пику съ головою, прислонилъ ее къ стѣнѣ а самъ пошелъ въ кабакъ. Посланные герцога воспользовались этимъ моментомъ—и завязавъ голову въ салфетку, отправились въ секцію Попинкуръ. Здѣсь они объявили, что хотятъ похоронить голову на кладбищѣ Quinze - Vingts. Коммисаръ взялъ голову и приказалъ сохранить до завтра.

На другой день случилось что-то довольно странное... комитетъ приказалъ арестовать убійцъ Ламбалль. Такимъ образомъ, убійцамъ пришлось поплатиться за свои преступленія. Герцогъ Пентьевръ могъ теперь безъ страху требовать голову своей несчастной падчерицы—и посланный его получилъ ее, уплативъ сто талеровъ. Она была положена въ жестяную урну и отправлена въ Дрэ, гдѣ находился фамильный склепъ герцоговъ Пентьевръ. Несмотря на всѣ самые старательные розыски, трупъ принцессы не могъ быть найденъ. Вѣроятно онъ былъ зарытъ въ общей ямѣ, которую работники рыли, не зная для какой цѣли, около заставы Сенъ-Жакъ. Въ слѣдующій вечеръ къ заставѣ этой тянулся длинный рядъ тѣлегъ, въ которыхъ везли убитыхъ; всѣ они были зарыты въ этой общей ямѣ. Съ 2—3 сентября было убито тысяча девятьсотъ шестьдесятъ шесть человѣкъ. Погребеніе длилось четыре дня.

«Сентябрьскіе дни—это ужасное событіе» говорилъ Маратъ годъ спустя послѣ этого. «Каждый добрый гражданинъ долженъ оплакивать эти постыдныя дѣла и сожалѣть объ убитыхъ» говорили Дантонъ и Тальенъ.

Шарла̀, первому убійцѣ принцессы Ламбалль, тоже не особенно посчастливилось.

Дней десять спустя, послѣ описанныхъ нами событій, въ казармѣ произошелъ шумъ. Нѣсколько человѣкъ убивали своего товарища. Когда прибѣжавшій на крики офицеръ спросилъ, что такое случилось,—одинъ изъ солдатъ, спокойно отирая кровь съ своей сабли, отвѣчалъ:

«Мы только-что ухлопали Шарла̀, убійцу принцессы Ламбалль».

Рисунокъ, помѣщенный нами въ № 3 «Нивы» 1871 г., изображаетъ послѣднія минуты принцессы Ламбалль. У стѣны видѣнъ Шарла̀ съ чепчикомъ въ рукѣ. Ниже — мулатъ, замахивающійся саблей. Правѣе — на первомъ планѣ Гризонъ наноситъ ей страшный ударъ по головѣ. Слѣва — принцессу держитъ за руку, какъ бы желая оттащить, какой-то порядочно-одѣтый человѣкъ, вѣроятно одинъ изъ агентовъ Манюэля. Въ углу картины пуассардка угрожающе протягиваетъ кулакъ по направлерію къ несчастной жертвѣ. Испуганная собака, плачущій ребенокъ и трупъ валяющійся на плитахъ двора дополняютъ общее впечатлѣніе.

Шаманство и шаманы.

(Продолженіе).

Изложивъ нашъ взглядъ на шаманство вообще, опишемъ самую драму, какъ она исполняется у минусинскихъ татаръ — типичнаго племени для изученія шаманства.

Шаманство у минусинскихъ татаръ не наслѣдственное, но переходитъ по выбору, основанному на способностяхъ избираемаго. Каждый старшій или большой шаманъ — *Улукамъ* — выбираетъ себѣ ученика — *Кычикама* — малаго шамана. Улукамъ имѣетъ полную шаманскую одежду и производитъ всѣ религіозные обряды. Кычикамъ одежды не имѣетъ и шаманитъ только надъ больными людьми и животными—помощью освященныхъ лоскутковъ и палочекъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Надобно имѣть худое болѣзненное тѣлосложеніе, чтобы попасть въ шаманы. Человѣкъ сильный и здоровый въ это званіе не выбирается и не посвящается; но если на него найдетъ тоска, дурь, безуміе, бѣшенство, изнеможеніе по милости *Тагейса* (лѣснаго духа), или ему будетъ чудиться,—то, по мнѣнію татаръ, онъ навѣрное будетъ хорошимъ шаманомъ, и подобныхъ людей выбираетъ Улукамъ для посвященія въ тайны шаманства, для передачи имъ обрядовъ своей религіи. Сначала онъ вылечиваетъ изнеможеннаго больнаго чарами, наговорами и заклинаніями, магнетизируетъ его подъ звуки бубна, потомъ даетъ ему нѣкоторыя первоначальныя понятія о религіи, научаетъ чистить *голубаго языка* (объясненіе ниже) съ послѣдствіями этого дѣйствія—и оставляетъ его отъ весны одного года до весны другаго исполнять эту обязанность, думать и мечтать, для того (по разсказамъ татаръ) что если онъ будетъ признанъ духами способнымъ для шаманства, то они сами явятся ему весною въ ночныхъ видѣніяхъ и научатъ какъ обращаться съ ними; тогда изученіе самыхъ обрядовъ будетъ для него легко и понятно. Если же духи не будутъ показываться ему весною, то значитъ они признаютъ его неспособнымъ для этого званія—и испытаніе продолжается до весны слѣдующаго года, или до весны того года пока онъ не увидитъ ихъ и въ такомъ случаѣ на всю жизнь можетъ остаться только Кычикамомъ. Не основывается ли это ученіе на воспламененіи больнаго, настроеннаго воображенія пытливаго юноши, возбуждаемаго разсказами?

Всѣ обряды шаманства заключаются въ молитвахъ, жертвоприношеніяхъ, заклинаніяхъ, предсказаніяхъ и совѣтахъ. Молитвы и жертвоприношенія возносятся къ богамъ или духамъ покровительствующимъ; они бываютъ благодарственныя, просительныя, или умилостивительныя. Тѣхъ же духовъ заклинаетъ шаманъ помочь человѣку въ горѣ, бѣдѣ, несчастіи и болѣзни, избавить его отъ преждевременной смерти, благословить обиліемъ и плодородіемъ семейства и табуны, отогнать повальныя болѣзни, приносимыя злымъ духомъ, усмирить и покорить враговъ. Предсказанія заключаются въ немногихъ и большею частію иносказательныхъ выраженіяхъ. Совѣты и наставленія заключаютъ въ себѣ способы леченія извѣстныхъ болѣзней, которые шаманъ передаетъ больному, какъ медикъ, способы устраненія какого-нибудь зла или бѣды. Всѣ эти дѣйствія облечены въ формы вещественныя, подобно всякой другой религіи,—и хотя эти формы очень грубы (какъ грубы понятія и чувства народа, для котораго они дѣлаются), но никакого дѣйствія въ шаманской драмѣ безъ причины не бываетъ и всѣ эти дѣйствія имѣютъ между собою послѣдовательную связь.

Шаманы одѣваются такъ же какъ и всѣ татары, но во время шаманства облекаются въ особую форму. Мы опишемъ здѣсь во всей подробности одежду кагинскаго шамана *Куске*, которую онъ надѣвалъ во время своей религіозной драмы, и объяснимъ по возможности значеніе этой одежды и весь порядокъ драматическаго представленія.

На головѣ шамана во время шаманства была обыкновенная остроконечная какъ шлемъ шаманская шапка *камныхъ-бючахъ*, сшитая изъ краснаго сукна, съ опушкою изъ выдры въ два пальца шириною, и плотно надѣтая на голову. На лбу шапки была нашита звѣзда съ шестью лучами изъ раковинъ, называемыхъ простонародьемъ змѣиными головами — *Дониланбашъ*. Верхушка суконнаго шлема украшалась крыльями и хвостомъ сѣраго лѣснаго филина, упадавшими на обнаженную спину шамана во время его дѣйствія. Передняя часть шлема была обшита лоскутьями и лентами, длиною отъ 3-хъ четвертей до одного аршина, изъ разныхъ цвѣтовъ плиса, сукна, нанки, выбойки, дабы и проч., висѣвшими и закрывавшими лицо шамана, такъ что сквозь ряды этой волнующейся занавѣски онъ могъ видѣть и наблюдать свою публику, а публика не могла слѣдить за выраженіями его лица. На немъ было шаманское полукафтанье — *камныхъ-тахъ* — длиною до одного аршина, безъ воротника, изъ осеннихъ шкуръ дикаго козла, обращенныхъ мѣхомъ внутрь и называемыхъ *барловыми*; оно было обложено краснымъ сукномъ, шириною въ два пальца, по бортамъ въ одинъ рядъ, съ 14-ю литыми висячими мѣдными и желѣзными пуговками на одномъ бортѣ, на которыя застегивался кафтанъ пришивными кожаными петлями къ другому борту. Обшлага, локти, оплечія и подолъ полукафтанья украшены такими же полосами, тесьмами и раковинками. Подъ пазухами рукавовъ висѣли два большіе кованые конскіе ботала или колокола, правый изъ листоваго желѣза, лѣвый изъ листовой мѣди, съ желѣзными язычками. Звукомъ боталъ шаманъ производилъ шумъ и топотъ бѣгущаго вдали табуна лошадей—и увѣрялъ, что подъ этотъ звукъ легче шаманить, особенно когда мысленно онъ ѣдетъ *верхомъ*. На плечахъ полукафтанья были пришиты крылья большаго сѣраго филина, которыя при быстромъ движеніи шамана распускаются и машутся, какъ у летящей птицы. Простодушные татары вѣрятъ, что съ крыльями шаману легче мысленно подниматься въ воздухѣ во время шаманства, когда душа его перелетаетъ большія пространства съ своими духами—для узнанія и отъисканія лекарствъ, лицъ, вещей, заповѣдныхъ тайнъ и проч. Между крыльями филина нашиты на спинѣ 12 шкуръ лѣтнихъ коричневыхъ и зимнихъ бѣлыхъ горностаевъ, головами кверху,— для того, чтобы шаманъ могъ зимою и лѣтомъ мысленно углубляться съ ними въ землю. Ниже ихъ, на длинной тесемкѣ висѣла кожа съ пухомъ и когтями, снятая съ ноги филина, — символъ его силы и могущества. Отъ локтя одной руки по спинѣ и до локтя другой — были пришиты въ два ряда лоскутья въ видѣ тесемокъ, длиною отъ 3-хъ четвертей до $1^1/_2$

аршина изъ матерій разныхъ родовъ, видовъ и цвѣтовъ; на концахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ привязаны желѣзные и мѣдные бляшки, кольчики, коньки, шалперы, ручки отъ ковшей, наличники, ключи отъ замковъ, пряжки отъ хомутовъ, сумъ и сѣделъ, скобки, наконечники чудскихъ стрѣлъ и проч. Лоскутья эти и металлическія вещи составляли прикладъ вѣрующихъ, которые отъ шаманства получили облегченіе въ болѣзни, или исполненіе желаемаго. Но каждая юрта имѣла право пришить къ полукафтанью только одинъ лоскутокъ, или одну вещь, въ первое посѣщеніе шамана. Въ каждой юртѣ онъ могъ лечить 20 разъ и 20 больныхъ; но другаго лоскутка онъ уже не получалъ. У шамана Куске въ 7 лѣтъ его шаманства накопилось до 500 лоскутковъ и до 60 разнообразныхъ металлическихъ гремушекъ, которыя во время его движенія, встряхиванія и крутыхъ поворотовъ, издавали глухой шумъ или шелестъ, волновались лентами, разсыпались и увеличивали вѣсъ одного полукафтанья до 18 фунтовъ. Отъ этой тяжести, во время движенія, полукафтанье сползало съ плечь шамана, спина его дѣлалась обнаженною и распростертыя крылья филина казались пришитыми къ ней. Самое полукафтанье было сшито изъ козьихъ лоскутковъ, которые при введеніи въ званіе Улукама, то-есть старшаго шамана, даетъ каждый вѣрующій уже не по лоскутку съ юрты, а по числу душъ. Такъ, у Куске насчитывалось въ его полукафтаньи 1673 лоскутка—и можно сказать утвердительно, что ни у кого болѣе изъ сосѣднихъ шамановъ ихъ столько не было. Это было всѣмъ извѣстно, возбуждало страшную зависть въ соперникахъ, слѣдствіемъ которой было то, что Куске отправлялся умственно на воздушныя дуэли съ врагами, о чемъ будетъ сказано ниже.

Бараньи шаровары и длинные татарскіе *пимы*—сапоги изъ той же кожи мѣхомъ внутрь—оканчивали костюмъ его.

Въ лѣвой рукѣ шаманъ держалъ большой бубенъ—*тюръ*—за деревянную поперечинку, придѣланную внутри его; въ правой рукѣ колотушку—*орбу*. Бубенъ этотъ, въ діаметрѣ 14 вершковъ, былъ сдѣланъ изъ тальниковой обечайки шириною до 4 вершковъ, обтянутъ сырой конской кожей безъ шерсти, на которой нарисованы красной краской символы шаманской власти. Двѣ тонкія полоски поперекъ бубна, связанныя зигзагомъ,—изображали мостъ, по которому шаманъ во время шаманства переѣзжалъ воображеніемъ черезъ рѣки, раскидывая этотъ мостъ съ берегу на берегъ. Такіе же мосты шли—одинъ изъ центра бубна къ верху, для полетовъ или подъемовъ шамана въ области горнія; а другой, для спуска его оттуда на землю, по окружностямъ бубна, въ видѣ двойнаго круга. Повыше поперечнаго моста и около него были нарисованы: солнце, мѣсяцъ, звѣзды и добрые духи—*тѣсь-торы*, покровительствующіе человѣку, числомъ 13-ть, они ѣздятъ всѣ на рыжихъ *изыкахъ* (посвященныхъ имъ лошадяхъ), чтобы скорѣе исполнять просьбы и приказанія шамана и оказывать добро страждущему человѣку. Внизу бубна нарисованы 4 безобразные шайтана съ 4-мя рогами и когтями, враждебные человѣку. Имъ хочется подняться выше моста и загородить дорогу добрымъ духамъ; но какъ шайтаны пѣшіе, ѣздить имъ не-на-чемъ (хитрые татары не посвящаютъ имъ *изыковъ*), а пѣшій конному не товарищъ, то конные *тѣси* очень легко съ ними справляются, гонятъ ихъ, дѣлая имъ безнаказанно всевозможныя притѣсненія по желанію шамана,—и шайтаны бѣгутъ въ высокій тальникъ, нарисованный внизу бубна, но и тамъ имъ нѣтъ спасенья,—тальникъ принадлежитъ шаману—и изъ него, какъ древа посвященнаго, сдѣлана обечайка бубна. Слѣдовательно, шайтаны должны покориться ему. Въ обнаженныхъ степяхъ Минусинскихъ тальникъ—единственное дерево, растущее въ изобиліи по берегамъ рѣчекъ; а чтобы избѣжать укрывательства въ немъ демоновъ, шаманы приграничили тальникъ къ своимъ владѣніямъ.

Могущественный шаманъ все предвидѣлъ, все придумалъ—и сопротивленіе ему невозможно. Въ одеждѣ и бубнѣ онъ соединилъ всѣ страшныя оружія и принадлежности власти; онъ мысленно переплываетъ рѣки, летаетъ по воздуху и углубляется въ нѣдра земли, сопровождаемый воинствомъ *тѣсей*; часто онъ посылаетъ ихъ впередъ какъ курьеровъ, а самъ отправляется уже за ними по барски; суевѣрный татаринъ склоняется передъ нимъ въ страхѣ и надеждѣ; шаманъ знаетъ его сокровенные помыслы и можетъ мстить ему.

Колотушка—орба имѣетъ фигуру деревянной головной щетки, обтянутой козьей шкурой мѣхомъ вверхъ. Она виситъ на ремнѣ—и въ рукѣ шамана, выражая его внутренніе помыслы, страсти, намѣренія и желанія, производитъ то рѣдкіе, то частые, то сильные, то тихіе удары по бубну, извлекая изъ него гармоническіе звуки, страстные, упоительные, унылые, страдальческіе, молитвенные, громовые, пронзительные, такъ что поневолѣ всѣ добрые и злые духи убѣгутъ изъ юрты. Десять желѣзныхъ ржавыхъ побрякушекъ, подвѣшенныхъ внутри бубна на скобкахъ, своимъ скрыпомъ, звономъ и шумомъ заглушаютъ рѣзкіе удары бубна и звонкій теноръ шамана. Эти побрякушки съ бубномъ, боталами и металлическими обломками, привѣшенными къ кафтану, составляютъ оглушительную шаманскую музыку, которою шаманъ умѣетъ пользоваться довольно ловко.

Шаманство производится обыкновенно вечеромъ отъ зари до зари; полуночный крикъ пѣтуха, какъ многіе думали, не останавливаетъ дѣйствія; иконы и распятіе въ юртѣ, по мнѣнію татаръ, не мѣшаютъ духамъ добрымъ; часто самъ шаманъ носитъ крестъ, какъ окрещенный когда-то въ рѣкѣ,—и снимаетъ его только на это время. Днемъ шаманство не можетъ имѣть своей таинственности, не производитъ такого дѣйствія на душу суевѣрнаго зрителя какъ въ тишинѣ и мракѣ ночи; духи добрые и злые, измученные безсонницею и ночною работою, днемъ обыкновенно спятъ, блескъ солнца болѣзненно невыносимъ для глазъ ихъ; въ добавокъ, одежда шамановъ, безобразная, гадкая и смѣшная днемъ,—ночью скрываетъ свои недостатки; поэтому шаманство не производится днемъ.—Кромѣ того, оно не производится иначе какъ въ юртѣ; только въ торжественные праздники или выходы,—когда народъ собирается съ молитвами, жертвами и возліяніемъ на освященныхъ горахъ, у древнихъ кургановъ, у изображеній богатырей, или для омовенія изыковъ,—шаманы на открытомъ полѣ, днемъ, приносятъ жертвы, поютъ молитвы и угощаютъ народъ айраномъ. Во время сумерокъ родные, друзья и сосѣди собираются въ назначенной юртѣ, раскладываютъ огонь посреди ея, приготовляютъ масло, молоко, богородскую траву и проч.; всѣ усаживаются кругомъ, иногда безмолвно, иногда тихо переговариваясь и угощаясь взаимно трубками. Является шаманъ, здоровается, снимаетъ длинную шубу; въ знакъ очищенія окуриваетъ богородской травой на огнѣ *камныхътахъ* и надѣваетъ на обнаженныя плечи; окуриваетъ

камныхъ-бючахъ и надѣваетъ на голову; окуриваетъ *тюръ* и беретъ въ лѣвую руку, *орбу* же оставляетъ въ правой; дѣйствіе начинается; онъ садится на землю у огня юрты, лицомъ на полночь, и начинаетъ бить въ бубенъ—сначала рѣже и тише, потомъ чаще и громче; изрѣдка свиститъ глухо и протяжно, призывая этимъ свистомъ духовъ, причемъ слышатся попеременно два различные свиста: внутренній, производимый при вдыханіи воздуха, и наружный — при выпусканіи его изъ груди сквозь губы; поетъ заклинанія, вызывая или перекликая духовъ по именамъ и соображаясь съ тактой и звуками своей музыки—то медленно, чуть слышно, то скоро и громко, углубивъ лицо во внутренность бубна и покачивая въ обѣ стороны головой. Отъ этого слова кажутся невнятными и какъ будто прорываются изъ какой нибудь глубины сквозь звуки бубна. — Чистый и звонкій теноръ шамана имѣетъ свою особенную мягкость и пріятность, а грустный, умоляющій напѣвъ наводитъ тоску въ безмолвіи ночи, онъ звучитъ странной и дикой прелестью, поражающею непривычное ухо европейца; особенно пріятны волнующіеся звуки его голоса, когда онъ, выскочивъ изъ юрты на улицу, громко поетъ унылую, дикую свою арію голосомъ отрывистымъ, трогательнымъ, падающимъ на душу.—Татары увѣряютъ, что во все продолженіе своей вечерней драмы шаманъ дѣйствуетъ съ закрытыми глазами,—что отъ свиста, однозвучныхъ ударовъ въ бубенъ и заклинаній, онъ такъ углубляется въ свои созерцанія, такъ увлекается своимъ обрядомъ, что забываетъ всѣхъ присутствующихъ; ему дѣлается легко, душа его какъ будто отдѣляется отъ тѣла, ходитъ и дѣйствуетъ какъ во снѣ, переносится въ мѣста далекія, а тѣло и кости остаются—онъ все видитъ и слышитъ, что дѣлается кругомъ. Духи *тьсь-торы* являются и кажутся ему—или какъ тѣни человѣка, падающія отъ луны въ свѣтлую мѣсячную ночь, числомъ до 3 и 4, смотря по надобности и вызову, даютъ отвѣты на понятномъ для него языкѣ по внутреннимъ голосомъ, неслышнымъ присутствующимъ, какъ будто человѣкъ говоритъ просебя;—или духи прилетаютъ къ нему и являются оборотнями въ образѣ птицъ *сычей* (*чабалгусъ-тоска*) и ѣздятъ на рыжихъ изыкахъ, сопровождая шамана въ его религіозныхъ путешествіяхъ во время шаманства; самъ же шаманъ ѣздитъ въ воздухѣ обыкновенно верхомъ или на воронѣ (*кускунъ*) или на филинѣ (*іогу*), поперемѣнно, смотря по надобности. Отъ того, если во время шаманства между пѣснями часто слышится протяжный пронзительный *курръ*, это значитъ шаманъ ѣдетъ на воронѣ; если слышится глухой отдаленный, жалобный *ухъ*, — шаманъ ѣдетъ на филинѣ; если слышится рѣзкое, но тихое *кво-кво*, это значитъ духи въ образѣ сычей разговариваютъ съ нимъ. Кончивъ первое заклинаніе и вызвавъ духовъ, шаманъ быстро вскакиваетъ на ноги, бросается къ дверямъ юрты и становится лицомъ на западъ. Удары въ бубенъ дѣлаются чаще и громче, напѣвы звучнѣе; шаманъ трижды бьетъ *орбой* по жердямъ

Шаманъ (1).
Рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

юрты и производитъ трескучую трель, знакъ что духи показываются; онъ подзываетъ ихъ ближе и обѣщаетъ дать воды. Въ это время татаринъ, держащій чашку, плещетъ воду трижды въ трубу (верхнюю дымовую отдушину юрты) и однажды въ дверь. Духи подходятъ и пьютъ эту воду въ капляхъ, — отвѣчаютъ на его вопросы, что́ видѣли слышали и знаютъ, — спрашиваютъ, что́ нужно шаману? — Если же татаринъ забудетъ плеснуть воду въ трубу, задремлетъ, то духи подойдутъ къ шаману такъ близко, что эта близость тяготитъ его и сильные удары колотушки мгновенно сыплются на опоздавшаго. И жаловаться на это пробужденіе нельзя; духи-де не свой братъ и съ ними шутить не приходится.

Насытивъ ихъ водой, шаманъ выскакиваетъ изъ юрты для совѣщанія съ духами. Увѣряютъ, что въ это время, изъ подъ ногъ вылетаютъ изъ дверей тучи искръ, какъ будто выброшенныя изъ печки. — На дворѣ онъ ходитъ кругомъ, ворочается, отряхивается какъ лошадь, фыркаетъ, свиститъ, ухаетъ филиномъ, квакаетъ и поетъ громко на распѣвъ подъ сильные удары бубна; стукомъ побрякушекъ и ботолъ производитъ топотъ бѣгущаго табуна лошадей, — и черезъ ¼ часа быстро вскакиваетъ въ юрту, хватаетъ поданную ему трубку, закуриваетъ и убѣгаетъ къ дверямъ или стоитъ надъ огнемъ, дрожитъ и шелеститъ побрякушками.

Трубкой онъ угощаетъ пріятеля-духа и въ это время разсказываетъ татарамъ, что́ видѣлъ и слышалъ, объявляетъ рѣшеніе больнымъ и просящимъ. Выкуривъ трубку, онъ подскакиваетъ къ дверямъ, выпиваетъ чашку воды, чтобъ облегчить свой голосъ, и бросаетъ ее на полъ. Если чашка упала на дно — хорошо; если на бокъ, или къ верху дномъ — худой признакъ: духи не милостивы, шаманъ снова вступаетъ съ ними въ переговоры въ дверяхъ юрты, или вызываетъ другихъ добрѣйшихъ, снова плещется вода въ трубу, и онъ выскакиваетъ на улицу.

Шаманъ (2).
Рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

Если же чашка упала на дно, онъ начинаетъ ходить по-солнцу вокругъ горящаго костра, тихо бьетъ въ бубенъ и что-то читаетъ скоро и отрывисто. Другой татаринъ бросаетъ въ это время въ огонь сало и богородскую траву. Обойдя отъ 3-хъ до 9-ти разъ вокругъ огня, шаманъ становится у больной, начинаетъ читать заговоръ надъ молокомъ съ унылыми переливами голоса, мѣрно но часто бьетъ въ бубенъ, сначала держа его горизонтально надъ головою больной, кожею къ низу; потомъ поднимаетъ бубенъ къ трубѣ юрты, кожей къ верху, дѣлая отбой. Первымъ движеніемъ бубна онъ благословляетъ больную, а вторымъ проситъ бога утвердить его благословеніе. Благословивъ, говоритъ: богъ вашъ высокъ, вѣкъ вашъ долгъ! ббррр!.. ккрр!..

Ббррр! на языкѣ шаманскомъ означаетъ: будьте здоровы и благополучны; ккррр! — господи благослови.

Присутствующіе отвѣчаютъ: будьте долговѣчны и благополучны.

Послѣ этого онъ продолжаетъ снова наговаривать 2 раза съ этой же церемоніей и наговоренное молоко даетъ пить больной. Садится возлѣ нея на землю и заставляетъ посадить лицомъ къ лицу; читаетъ долго, тихо отрывисто, выразительно, покачивая головой, заклинанія и наговоры подъ мѣрные и тихіе удары бубна. Наговоромъ и бубномъ — выгоняетъ онъ изъ нея того духа, отъ

вліянія котораго она заболѣла; въ заключеніе встаетъ и говоритъ: «господь богъ утвердилъ тебя словомъ своимъ вѣкъ свой изжить; мое слово — божья крѣпость. Ббррр! ккррр!» и благословляетъ опять бубномъ трижды (всякій разъ публика отвѣчаетъ на этотъ возгласъ его: ккррр!). Послѣ этого бѣжитъ къ дверямъ юрты и послѣ тройной трели *орбой* по жердямъ, послѣ обряда напоенія духовъ водою черезъ трубу, — поетъ арію въ дверяхъ, наклоняясь къ нимъ, то поворачиваясь, то дѣлая круги и внезапно выскакиваетъ изъ юрты. Тамъ въ громкихъ возгласахъ, кружепіяхъ, бряканьяхъ, звяканьяхъ и ударахъ бубна онъ совѣщается *съ тюсь-торами*: будутъ ли наговоры его полезны и дѣйствительны? можно ли вылечить больную или нѣтъ? Получивъ отъ нихъ рѣшеніе, вскакиваетъ въ юрту, бѣгаетъ кругомъ огня съ бубномъ и объявляетъ присутствующимъ это рѣшеніе. Потомъ ставитъ у дверей юрты на лѣвой стороны 3-хъ дѣвицъ, на правой 3-хъ холостыхъ татаръ, тѣхъ и другихъ въ рядъ, дѣвицъ лицомъ къ мужчинамъ. Они поютъ мелодіи безъ словъ или свои унылыя пѣсни, примѣняясь къ такту его бубна и звукамъ его голоса. Шаманъ стоитъ по срединѣ ихъ, перевертывается кругомъ, садится, вскакиваетъ, выбѣгаетъ изъ юрты для совѣщаній, возвращается и во все это время поетъ, свиститъ, ухаетъ, бьетъ въ бубенъ и трясетъ всѣ свои побрякушки, — пока разыграется кость его, какъ говорятъ татары, ему сдѣлается легче и онъ подымется, то-есть можетъ мысленно улетѣть на воздухъ. Если больная въ состояніи ходить, то онъ подводитъ ее къ дверямъ и читаетъ надъ ней заклинанія; если же она не можетъ, то становится для чтеній заклинаній надъ нею. Въ первомъ случаѣ оборачиваетъ ее трижды по солнцу и въ это время обмахиваетъ ее *орбой*, дѣлая видъ, что снимаетъ съ нея болѣзнь, со всѣхъ сторонъ, съ верху, съ низу; касается *орбой* головы ея, благословляетъ бубномъ извѣстнымъ порядкомъ, чтобы враждебный духъ ни съ которой стороны не могъ касаться и отпускаетъ на мѣсто. Если есть другіе больные, то принимается за нихъ тѣмъ же порядкомъ, а послѣ этого распускаетъ ихъ и пѣвчихъ — и снова принимается за трудно-больную; для этого опять становится къ дверямъ юрты и поетъ протяжно призывъ къ духамъ, мѣрно и постепенно ускоряя такту, садится на землю лицомъ къ дверямъ и сидя трясется и подымается весь (какъ человѣкъ, ѣдущій скорой рысью, трясется на лошади и подскакиваетъ на сѣдлѣ), бьетъ скорый маршъ въ бубенъ въ тактъ бѣга лошади, шумитъ боталами и побрякушками, свиститъ и поетъ веселыя шаманскія пѣсни для развлеченія и сокращенія времени. Это значитъ, что онъ поѣхалъ за лекарствомъ въ слѣдъ за *тюсь-торами*; они на рыжихъ изыкахъ; а онъ — то на воронѣ, то на филинѣ. Эта продолжается иногда цѣлый часъ, пока онъ доѣдетъ умственно до назначеннаго мѣста и получитъ то, что ему нужно; тогда, по знаку духовъ, онъ оборачивается назадъ, лицомъ къ огню, и почти столько же времени ѣдетъ обратно; если въ продолженіи этой поѣздки удары бубна дѣлаются тише, движенія медленнѣе, значитъ онъ переплываетъ чрезъ рѣки.

Чѣмъ дольше ѣдетъ онъ, тѣмъ дальше и тѣмъ важнѣе и цѣлительнѣе считаются умственныя средства, которыя привозитъ онъ съ собою.

Возвратившись, онъ вскакиваетъ съ земли, выбѣгаетъ изъ юрты, съ прежними церемоніями, черезъ ¼ часа возвращается, куритъ трубку и сказываетъ куда ѣздилъ: въ Китай, за Таскыльскій хребетъ, за Кузнецкія горы, въ Киргизскую степь, или за Медвѣжье море; выздоровѣетъ ли совершенно больная отъ его наговоровъ, или нужно еще шаманить ей при рожденіи мѣсяца (на молодую), при ущербѣ, два, или три раза; или необходимо увести ее къ нему въ юрту для наговора надъ синими лоскутьями и мыть голубаго изыка. Этимъ оканчивается леченіе на первый разъ, но обрядъ этотъ продолжается около 5-ти часовъ времени. Послѣ этого шаманъ пьетъ воду, выскакиваетъ изъ юрты съ тѣми же церемоніями, снова вбѣгаетъ, становится передъ дверьми спиной къ огню и начинаетъ прощальную пѣснь духамъ — то есть отшаманивается. Онъ поетъ жалобно, тоскливо, прерывисто, какъ будто мучится, не можетъ перестать и освободиться изъ подъ вліянія духовъ; нѣсколько разъ бросается къ двери, наклоняется, отскакиваетъ, качается, мечется то вправо, то влѣво; движенія его быстры, стремительны; въ звукахъ его слышны имена изыковъ, имена духовъ. Онъ прощается съ ними и вдругъ сбрасываетъ съ головы черезъ себя шапку, она летитъ въ огонь, татары подхватываютъ ее; вслѣдъ за нею бросаетъ бубенъ; поетъ еще протяжнѣе, жалобнѣе, и въ одинъ мигъ летитъ въ огонь и кафтанъ его, — разстегнувъ петли, ловко и проворно сбрасываетъ онъ его съ обоихъ плечь назадъ. Этимъ шаманъ даетъ замѣтить, что онъ не самъ раздѣвается, а духи раздѣваютъ его. Если одежда упадетъ въ огонь и сгоритъ, шаманъ лишается званія. Горе ему и всѣмъ присутствующимъ — и потому татары подхватываютъ ее, зная когда онъ начнетъ отшаманиваться. Сбросивъ одежду, шаманъ накидываетъ шубу, упадетъ у дверей юрты на корточки, умывается и выполаскиваетъ ротъ водой; въ это время духи отходятъ отъ него, по словамъ татаръ, — и блѣдный, изнеможенный, шатаясь какъ пьяный, едва глядя полузакрытыми глазами, едва передвигая ноги, онъ подходитъ къ огню, садится и отдыхаетъ, не говоря ни слова. Платье его окуриваютъ богородской травой и складываютъ. Помнитъ ли онъ, что̀ онъ дѣлаетъ и говоритъ во время шаманства? Шаманы обыкновенно увѣряютъ, что ничего не помнятъ. Понимаютъ ли татары, что̀ поетъ шаманъ? хотя онъ поетъ по татарски, но лучшіе знатоки татарскаго языка не могутъ разобрать словъ и понять его пѣсенъ, потому что, кромѣ множества словъ незнакомыхъ, напѣвы его заглушаются бубномъ и побрякушками, слова скрадываются, громкіе звуки внезапно переливаются въ глухіе, едва слышные; онъ поетъ, углубивъ большею частію лицо во внутренность бубна, или дѣлаетъ быстрыя движенія и круги.

У минусинскихъ шамановъ — нѣтъ безобразныхъ, отвратительныхъ кривляній, кувырканій, бросанья чрезъ ножи или съ ножемъ въ рукахъ, ужасныхъ криковъ и рева какъ у другихъ кочевыхъ народовъ; но голосъ и напѣвъ ихъ шамановъ необыкновенно звученъ, имѣетъ свою особенную дикую прелесть (хотя татары вообще худые пѣвцы), тактъ мѣренъ, движенья живы, поступь облагорожена и расчитана.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ дѣйствія шаманской религіозной драмы. Въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ мы постараемся еще болѣе разъяснить внутренній смыслъ этихъ обрядовъ и послѣдовательную связь ихъ между собою, излагая самую миѳологію шаманства. При этомъ мы коснемся и нѣкоторыхъ обычаевъ степной жизни, запечатлѣнныхъ вліяніемъ шаманства.

Прилагаемые рисунки изображаютъ шамана съ лицевой стороны (1) и съ тылу (2).

(Окончаніе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Страшная борьба двухъ великихъ націй, болѣе полугода потрясающая Европу, быстро идетъ къ своей развязкѣ. Въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи мы изложили всѣ неудачи, понесенныя французами на различныхъ пунктахъ театра войны, и въ полученныхъ затѣмъ извѣстіяхъ находимъ только подробности этихъ пораженій, свидѣтельствующія, что какъ ни напрягала свои усилія Франція, она не въ состояніи была устоять противъ превосходныхъ силъ непріятеля и противъ искусства нѣмецкихъ полководцевъ. Сѣверной арміи, подъ начальствомъ генерала Федерба, нанесенъ былъ такой ударъ при Сенъ-Кантенѣ 19-го января, послѣ котораго, по этимъ извѣстіямъ, она даже не въ состояніи будетъ оправиться, тогда какъ на нее возлагались главныя надежды французовъ; въ самомъ нестройномъ бѣгствѣ она достигла частями Лилля и Камбре, и къ послѣднему городу уже подступили нѣмцы. Между тѣмъ положила оружіе крѣпость Лонгви (на Люксамбургской границѣ) и въ настоящую минуту, всѣ крѣпости на востокѣ Франціи, за исключеніемъ Бича (небольшой, но неприступной крѣпости, взятіе которой не имѣло бы никакого вліянія на ходъ войны), находятся въ рукахъ нѣмцевъ. Движеніе генерала Бурбаки, для освобожденія Бельфора, окончилось также неудачей, такъ какъ корпусъ Вердера преградилъ ему путь, а незначительное преимущество одержанное гарибальдійцами подъ Дижономъ нисколько не измѣнило общаго положенія дѣлъ. Армія Шанзи, о пораженіи которой подъ ле-Маномъ мы уже сообщали, остается въ бездѣйствіи,—не смотря на прокламацію, въ которой главнокомандующій возвѣстилъ, что она отступаетъ, но, собравшись съ силами, начнетъ дѣйствовать снова.

Подробности о вылазкѣ изъ Парижа 19-го января свидѣтельствуютъ, что она предпринята была въ большихъ размѣрахъ и разсчитана на одновременное дѣйствіе армій Шанзи и Федерба. Болѣе ста тысячъ человѣкъ выступили изъ Парижа, подъ главнымъ начальствомъ генерала Трошю; исходнымъ пунктомъ атаки былъ Монъ-Валерьянъ, а цѣлію ея—уничтоженіе прусскихъ батарей, установленныхъ по всей линіи со стороны этого форта. Цѣлый день продолжалась ожесточенная битва, и, говорятъ, во время самаго разгара ея, получено было во французской главной квартирѣ извѣстіе о пораженіи Шанзи, что́ и заставило Трошю стянуть снова свои войска къ Монъ-Валерьяну, и не возобновлять болѣе нападеній. Цифры потерь до сихъ поръ не извѣстны, но что со стороны французовъ онѣ были огромны—свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что на другой день, 20-го января, адъютантъ генерала Трошю капитанъ Герисонъ отправился на нѣмецкіе аванпосты просить перемирія на 48 часовъ, чтобъ убрать раненыхъ и похоронить убитыхъ; перемиріе это, однако, не состоялось—и нѣмецкія начальства объявили, что въ перемиріи нѣтъ надобности, и что командующіе аванпостами могутъ уговариваться всегда когда нужно, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, для обоюдной уборки раненыхъ.

Вылазка 19-го января (предпринятая можетъ-быть главнымъ образомъ по требованію парижской арміи и населенія, громко роптавшаго на медленность генерала Трошю) вслѣдствіе неудачи своей имѣла множество послѣдствій, рѣшительныхъ для общаго хода войны. До сихъ поръ, событія недостаточно еще разъяснились—и мы можемъ изложить ихъ читателямъ только на основаніи телеграммъ. Бомбардированіе Парижа, особенно сильное въ послѣдніе дни (снаряды нѣмецкихъ орудій въ числѣ 2,000 ежедневно падали около Пантеона, Люксамбургскаго сада и пр.) и наносившее много вреда мирному населенію столицы, истощеніе продовольствія (хотя голода до послѣднихъ дней еще не было, но хлѣбъ выдавался раціонами и другаго мяса кромѣ конины давно уже не видали жители), и недостатокъ топлива—все это должно было сильно потрясти населеніе Парижа, какъ ни великъ былъ патріотизмъ его, которому нельзя не воздать полной справедливости. Телеграммы одновременно принесли намъ извѣстія объ отставкѣ генерала Трошю отъ должности главнокомандующаго, о назначеніи на его мѣсто генерала Винуа, о новомъ волненіи въ Парижѣ, и о начатіи г. Жюлемъ-Фавромъ переговоровъ о капитуляціи Парижа.

Перемѣна начальства въ Парижѣ назначена была 23 января слѣдующею прокламаціей: «Правительство постановило раздѣлить должность главнокомандующаго и президента правительства національной обороны, а также упразднить должность парижскаго губернатора». Объясненія причинъ такой перемѣны въ прокламаціи нѣтъ, а говорится только, что генералъ Трошю остается членомъ правительства, а генералъ Винуа назначается главнокомандующимъ. Послѣдній, принимая должность, издалъ дневной приказъ къ арміи, въ которомъ сказано слѣдующее: «Я не имѣю права отказываться и берусь за трудную задачу. Послѣ осады, продолжавшейся слишкомъ четыре мѣсяца, мы находимся въ положеніи еще болѣе критическомъ. Я принимаю на себя великую отвѣтственность. Увѣренъ, что добрые граждане, войско и національная гвардія поддержатъ меня для охраненія порядка и общественной безопасности».

Что касается до вышеупомянутыхъ безпорядковъ, то они произошли (какъ сообщаютъ извѣстія, полученныя въ Брюсселѣ съ воздушною почтой) въ ночь на 23 января. Толпа мятежниковъ бросилась въ Мазасскую тюрьму, оттуда она освободила Флурана и другихъ политическихъ арестантовъ, затѣмъ захватила мерію 20-го округа, съ тѣмъ чтобы установить тамъ главную квартиру возстанія. Національная гвардія успѣла отнять мерію безъ кровопролитія, и въ половинѣ 7-го порядокъ былъ возстановленъ въ Бельвиллѣ, откуда и вышли мятежныя толпы. Утро прошло спокойно; но въ то время, когда правительство собралось для соглашеній въ Hotel de Ville, площадь передъ этимъ зданіемъ наполнилась многочисленными толпами, которыя впрочемъ не нарушали порядка и только ожидали исхода совѣщаній правительства, какъ вдругъ на площади появились 150 вооруженныхъ людей изъ числа бельвильскихъ баталіоновъ національной гвардіи, и дали залпъ по мобилямъ охранявшимъ ратушу (Hotel de Ville). Началась горячая перестрѣлка и пули летѣли въ окна ратуши. Прибытіе нѣсколькихъ баталіоновъ національной гвардіи обратило бунтовщиковъ въ бѣгство. 20 изъ нихъ арестовано, а во время схватки убито 5 человѣкъ и 18 ранено. На другой день члены правительства издали прокламацію, въ которой они объявляютъ происшедшій наканунѣ мятежъ дѣломъ небольшаго числа людей, служащимъ къ выгодѣ непріятеля,—и обѣщаютъ поддержи-

вать порядокъ. Прокламація командующаго національною гвардіей приглашаетъ ее твердо держаться противъ мятежниковъ, препятствующихъ защитѣ Парижа.

О переговорахъ, начатыхъ г. Жюлемъ Фавромъ, мы имѣемъ пока только слѣдующія свѣденія. 23 января въ пять часовъ по полудни онъ прибылъ въ Версаль, въ каретѣ графа Бисмарка, которая была выслана за нимъ на аванпосты, прямо прибылъ къ канцлеру, имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, обѣдалъ у него, и потомъ графъ Бисмаркъ поздно вечеромъ имѣлъ совѣщаніе съ императоромъ Вильгельмомъ. На другой день, какъ слышно, графъ предложилъ такія условія для капитуляціи Парижа: «прусскія войска займутъ парижскіе форты, французское линейное войско и мобили отправятся плѣнными въ Германію, а національная гвардія останется для охраненія Парижа. Что касается до условій мира, то Германія должна получить Эльзасъ и Лотарингію и займетъ своимъ войскомъ Шампань до уплаты военныхъ издержекъ. Франціи предоставляется самой опредѣлить у себя форму правленія». Г. Жюль Фавръ отвѣтилъ, что онъ не можетъ своей властью заключить договоръ на такихъ условіяхъ, и испросилъ пропуски гг. Пикару и Доріону, чтобы они могли принять участіе въ переговорахъ. Въ Лондонъ телеграфируютъ изъ Версаля, что 26 января г. Жюль Фавръ выѣхалъ изъ Парижа, и что бомбардированіе прекратилось. Изъ берлинскихъ телеграммъ мы узнаемъ, что 27 онъ возвратился въ Версаль вмѣстѣ съ генераломъ Бофоромъ, гдѣ и подписана 28-го капитуляція всѣхъ парижскихъ фортовъ и трехнедѣльное перемиріе на морѣ и на сушѣ. Парижская армія остается въ Парижѣ военно-плѣнною. Изъ Версаля телеграфировали въ Лондонъ отъ 28 января, что Гамбетта, вслѣдствіе извѣстій о версальскихъ переговорахъ, подалъ въ отставку; но вѣсть эта оказалась неточною.

Дѣла въ Римѣ (который въ послѣднихъ числахъ прошедшаго года жестоко пострадалъ отъ разлитія Тибра, разорившаго до 2000 семей) начинаютъ приходить мало-по-малу въ порядокъ, и хотя папа по прежнему отказывается отъ всякихъ сношеній съ италіянскимъ правительствомъ и издаетъ различные протесты и циркуляры, но новый порядокъ вещей постепенно вводится въ бывшихъ папскихъ владѣніяхъ. Посѣщеніе короля Виктора-Эммануила, поспѣшившаго въ Римъ тотчасъ послѣ наводненія, произвело самое благопріятное впечатлѣніе на жителей, забывшихъ о своемъ несчастіи и спѣшившихъ съ восторгомъ привѣтствовать своего государя. 20-го января въ Римъ переселился на постоянное жительство наслѣдный принцъ Гумбертъ съ своею супругой; ему поручается командованіе войсками расположенными въ Римѣ и прилежащихъ мѣстностяхъ. Королевское намѣстничество, во главѣ коего находился генералъ Ламармора, упраздняется съ 15-го января; Римъ обращается въ префектуру.

Смѣсь.

Черноморскій видъ.

(Рисунокъ пр. И. К. Айвазовскаго).

Въ прошломъ 1870 году мы помѣстили «Морской видъ» И. К. Айвазовскаго, рисованный на деревѣ самимъ авторомъ, чего онъ еще никогда не дѣлалъ до тѣхъ поръ ни для одного періодическаго изданія. Теперь »Нивѣ» вторично выпадаетъ на долю эта честь—и мы надѣемся, что читатели отдадутъ справедливость мастерскому выполненію гравюры (см. стр. 53) нашимъ сотрудникомъ, К. Вейерманомъ, который съумѣлъ передать неподражаемую мягкость тона, прозрачность воды и перспективу воздуха, отличающія всѣ произведенія заслуженнаго профессора-мариниста.

Лондонская тайная полиція. Недавно сообщенный въ англійскомъ парламентѣ отчетъ о полицейскомъ управленіи Англіи—заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣденія, которыми читатели и читательницы многочисленныхъ англійскихъ романовъ будутъ очень удивлены. Такъ напр. оказывается, что знаменитая Лондонская сыскная полиція, таинственная корпорація «detectives» до іюня 1869 года состояла всего изъ пятнадцати человѣкъ; конечно, очень незначительное число, если только припомнить, какіе подвиги приписывались этимъ людямъ. Парламентъ тоже призналъ это число недостаточнымъ—и потому штатъ сыскной полиціи нынѣ состоитъ изъ 3 главныхъ инспекторовъ, 3 низшихъ инспекторовъ, 40 сержантовъ и 160 констаблей.

Изъ Парижа сообщаютъ слѣдующую интересную новость. Одинъ молодой человѣкъ, ученикъ Политехнической школы, предложилъ правительству новый проэктъ устройства воздушныхъ шаровъ. Вся суть проэкта заключается въ томъ, что теперь можно управлять шаромъ по желанію. Для этого къ шару привязываютъ четырехъ орловъ, тогда какъ въ лодкѣ сидитъ вожатый съ длинной палкой въ рукахъ, на концѣ которой прикрѣпленъ кусокъ сыраго мяса. Посредствомъ этой-то палки онъ и управляетъ полетомъ своего шара. Хочется ему летѣть влѣво онъ наклоняетъ палку также влѣво; хочетъ вправо—наклоняетъ ее въ желаемую сторону и т. д. Голодныя животныя тянутся къ лакомому куску мяса.

Говорятъ, что была дѣлана проба этого новаго изобрѣтенія, которая превзошла всѣ ожиданія. Да почему же и нѣтъ? Развѣ Луи-Наполеонъ не нашелъ средства призвать къ себѣ парящаго надъ нимъ орла, въ день знаменитой высадки въ Булонь въ 1840 г.? Говорятъ, что президентъ спряталъ для этого въ своей шляпѣ кусочекъ сала.

Трогательная исторія. На сѣверъ отъ Меца, въ Сен-Реми посты занимали прусскія войска. Первоначально очень миленькая деревушка была превращена бомбами и гранатами въ кучу развалинъ. Изъ живыхъ существъ, обитавшихъ посреди этихъ развалинъ, кромѣ всегда вѣрныхъ очагу кошекъ, да смѣнявшихся карауловъ, нельзя было никого замѣтить. Однажды нашлось еще одно живое существо, которое осталось вѣрно старому пепелищу—Это была 73-хъ лѣтняя старуха, которая на всѣ настоятельныя просьбы прусскихъ офицеровъ и солдатъ удалиться куда либо подальше, въ болѣе безопасное мѣсто, всегда отвѣчала отрицательно, говоря: «Je resterai ici jusqu'à la mort». Но такъ какъ ни въ одномъ домѣ не было крыши и негдѣ было укрыться отъ непогоды и дождя, то прусскіе солдаты выстроили ей шалашъ изъ соломы, а грубая солдатская шинель укрывала ея бѣдное, старое тѣло въ холодныя ночи. И такъ жила эта бѣдная, но вѣрная своей родинѣ женщина, заботливо оберегаемая солдатами, приносившими ей обѣдъ и кофе, посреди развалинъ, дорогихъ воспоминаніями о нѣкогда прекрасной деревеньки.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 22 Января 1871 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 р. 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ: За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана. Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Фальшивая бумажка.

(Окончаніе).

IX.
Безъ пытки.

Въ ту же ночь Левка и Груша были арестованы и увезены въ сосѣднее село, гдѣ ихъ разсадили по разнымъ каталажкамъ, т. е. темнымъ, грязнымъ коморкамъ, исполняющимъ роль сельскихъ мѣстъ заключенія. Въ избѣ «дружка» Витольдъ Викентьевичъ сдѣлалъ тщательный обыскъ, но не нашелъ чего-либо подозрительнаго, могущаго служить уликою.

Начались допросы. Груша заявила сначала, что она ничего не знаетъ о какомъ-то жидѣ, про котораго ее спрашиваютъ, что никогда она не видѣла этого жида и что онъ у нихъ не останавливался; но когда Цвѣтинскій далъ ей очную ставку съ отцомъ и матерью,—непонимавшими, зачѣмъ нужно скрывать о проѣздѣ купца, — то Груша, не видя возможности дальше запираться, призналась — какъ въ томъ, что жидъ дѣйствительно проѣзжалъ и подарилъ ей кольцо, такъ и въ томъ, что онъ уѣхалъ съ Левкою; но что сдѣлалъ послѣдній съ проѣзжимъ — она не сказала: знать-молъ не знаю. Такъ какъ жена на мужа не доносчица, то она получила покой, тѣмъ болѣе что ревмя-ревѣла и увѣряла въ своей невинности.

Витольдъ Викентьевичъ принялся за Левку и, допрашивая его, началъ мало-по-малу положительно выходить изъ себя: хоть колъ теши ему на головѣ — молчитъ. Что преступленіе было безспорно совершено имъ, а не кѣмъ-либо другимъ, и что косвенныхъ уликъ (признанія отца, матери и Груши) было вполнѣ достаточно для безошибочнаго юридическаго его осужденія — это Цвѣтинскій понималъ хорошо; но, не имѣя признанія обвиненнаго, онъ злился до крайности, потому что не достигалъ существа своей цѣли: не зналъ — гдѣ убитъ Гершевичъ и куда дѣвались бывшія съ нимъ деньги, о которыхъ говорилось въ письмѣ, написанномъ Азикомъ отъ имени убитаго. Денегъ этихъ было, какъ утверждали, много, около трехсотъ тысячъ; Витольдъ Викентьевичъ въ умѣ своемъ уже порѣшилъ какъ ихъ распредѣлить и какой пай прійдется на его долю, — но вотъ преступникъ нашелся, а денегъ нѣтъ и нѣтъ!

— Каковъ мерзавецъ-то! въ волненіи говорилъ Цвѣтинскій своему письмоводителю, — съ этимъ быдломъ ничего не сдѣлаешь. Шарь по всей Барабѣ — гдѣ онъ убилъ... Какъ столбъ какой, каналья, уперся!

— Селедочкой бы накормить его, скромно замѣтилъ собесѣдникъ.

— Это пытка, это — по закону нельзя.

— Да вѣдь, Витольдъ Викентьевичъ, не сидѣлъ же онъ три дня, — развѣ это больше?

— Не больше, но онъ стоялъ все — потому что я допросы дѣлалъ, такъ не сидѣть ему въ моемъ присутствіи... а то селедка!

— Однако онъ не признается.

— Въ томъ и злость!... Что мнѣ являться съ пустыми руками... Вѣдь я ему, мерзавцу, охотно позволилъ бы бѣжать — лишь бы сказалъ — гдѣ деньги?

— Пусть еще денекъ постоитъ...

— А потомъ я его иначе угощу, съ ехиднымъ смѣхомъ добавилъ Цвѣтинскій и велѣлъ письмоводителю

приготовлять спросъ окольныхъ людей и другія нужныя бумаги.

Левка простоялъ и четвертый день. Самыя простыя и законныя условія жизни, когда ихъ ложно направятъ, обращаются въ противоестественныя, вызывающія страданье организма. Продолжительное лежанье губитъ человѣка не хуже тяжелой болѣзни; такъ и наказанье, придуманное Витольдомъ Викентьевичемъ для Левки, дало губительные результаты. Страшно исхудавшее лицо его отражало мучительную боль; кожа стала блѣдно-зелена и прозрачна, грудь ввалилась, животъ распухъ, ноги налились какъ бы водою и неизвѣстно какъ держали верхнюю часть туловища. Раза три изъ горла показывалась кровь; тогда ему давали небольшой отдыхъ, послѣ котораго еще мучительнѣе, еще невыносимѣе было стоять передъ слѣдователемъ. Левка стоналъ, но не сознавался. У него не существовало надежды освободиться, быть оправданнымъ или пощаженнымъ, онъ не видѣлъ исхода, но онъ рѣшился не проронить слова — и молчалъ. Онъ какъ бы чувствовалъ, что смерть съ каждымъ часомъ ближе и ближе подступаетъ къ нему; но онъ такъ любилъ Грушу, что, потерпѣвъ уже за нее достаточно, хотѣлъ, скрывъ мѣсто, куда упряталъ вещи, цѣною еще большихъ мученій дать ей возможность сдѣлаться богатой: авось меня тогда вспомнитъ!... подумывалъ онъ съ отрадою — и ему не жаль было даже того, что онъ сдѣлалъ преступленіе...

— Этакъ онъ козла дастъ, Витольдъ Викентьевичъ! заявилъ наконецъ письмоводитель.

— Да, пожалуй околѣетъ, бестія! Попробуемъ-ка другую штуку.

По распоряженію Витольда Викентьевича, по всей комнатѣ разостлали тюменскій коверъ темнаго цвѣта; на немъ поставили столикъ, покрытый чернымъ бумажнымъ платкомъ; на столикъ положили большую книгу въ кожаномъ старинномъ переплетѣ. Комната, при этой обстановкѣ, приняла видъ, способный произвести впечатлѣніе.

— Ну, теперь наше дѣло, сказалъ Цвѣтинскій письмоводителю, когда все было разставлено, — берите-ка эту машину въ сосѣднюю комнату, а проволки отъ нея проведите незамѣтно къ столу, чтобы они сходились на книгѣ. Такъ, такъ — хорошо... Сами останьтесь тамъ — и когда прійдетъ убійца, я кашляну, а вы начните вертѣть машину за эту ручку... Поняли?

— Понялъ.

— И все вертите... Только безъ шуму, пожалуйста безъ шуму.

Привели Левку. Видъ странно убранной комнаты, ея торжественная темнота, общая серіозность не могли сразу не подѣйствовать на Левку, воображеніе котораго и такъ было разстроено безсонницею, физическими болями и ѣдкими мыслями, толпившимися въ его головѣ.

— Вотъ, братецъ, обратился къ нему Витольдъ Викентьевичъ, — ты ни въ чемъ не сознаешься, можетъ-быть ты и въ самомъ дѣлѣ правъ — Богъ тебя знаетъ! Больше я тебя допрашивать не буду и—отпущу... Только для успокоенія своей и нашей совѣсти— поцѣлуй ты книгу... Это книга важная, чудная... Коли ты не виновенъ — поцѣлуешь ты ее спокойно,— а коли нѣтъ — самъ увидишь.

Слова Цвѣтинскаго чуть доходили до уха Левки, и когда исправникъ заставилъ его поцѣловать книгу, онъ безъ страха, машинально полѣзъ къ книгѣ, но тутъ изъ груди его вырвался страшный крикъ... Онъ почувствовалъ, что словно невидимая сила отшатнула его отъ книги, а губы его охватило искрой...

Ноги его подкосились и онъ ринулся на землю.

X.
Отчетъ.

Прійдя въ себя, Левка сдѣлалъ чистосердечное признаніе — и съ его души какъ бы свалилась тяжелая ноша...

Витольдъ Викентьевичъ съ письмоводителемъ тотчасъ отправились въ сарай «дружка», и, раскопавъ сѣно, вытащили чемоданчикъ. Не заманчивый видъ представлялъ для опытнаго взгляда этотъ чемоданчикъ: бездѣлушки, что составляли его красоту, были мигомъ оцѣнены Цвѣтинскимъ.

— Имъ грошъ цѣна, сказалъ онъ, — ихъ представить можно кому угодно, — а вотъ деньги гдѣ, деньги гдѣ?..

И онъ съ презрѣніемъ перебросилъ четыре грязные балахона, отъ которыхъ отдавало лежалою пархатиной.

— Сюртуки хрустятъ что-то, замѣтилъ письмоводитель.

— А вотъ она, Америка-то!

Между ватою тотчасъ же распоронныхъ балахоновъ, во всю ихъ длину, лежали тоненькими свертками пятидесяти-рублевыя ассигнаціи... Работа укладки показывала мастерскую руку.

— Тебѣ одинъ балахонъ довольно? спросилъ Цвѣтинскій.

— Большому кораблю большое и плаваніе, а маленькому—маленькое... Проживу — милостью своею не оставите...

— Ну, братъ, эдакъ облопаешься.

Черезъ четыре дня Витольдъ Викентьевичъ былъ у губернатора и отдалъ ему какой-то фантастическій отчетъ о розыскѣ преступленія; о стояніи не было тутъ и помину.

— А деньги нашли? спросилъ губернаторъ.

— При понятыхъ обыскивалъ — денегъ не оказалось, ваше—ство.

— Однако же они были?

— Я думаю, ваше—ство, съ самымъ наивнымъ выраженіемъ заявилъ Витольдъ Викентьевичъ, — что тутъ жидовскій фокусъ-покусъ кроется... Долженъ доложить вашему—ству, что Беркѣ Гершевичу предстоитъ банкротство; вѣроятно, узнавъ что убили отца, онъ и заявилъ, что отецъ везъ деньги... Въ чемоданѣ же, кромѣ представленныхъ мною бездѣлицъ, ничего не найдено, ваше—ство.

Губернаторъ погрузился въ глубокія соображенія.

— Очень можетъ статься! произнесъ онъ подумавъ.

— Жиды, ваше—ство, — извѣстные пройдохи! поспѣшилъ усилить впечатлѣніе Витольдъ Викентьевичъ.— Если угодно вашему—ству, я разузнаю дѣло обстоятельнѣе: тутъ непремѣнно мошенничество, ваше—ство.

— Пожалуй, это будетъ интересно... А за розыскъ я представлю тебя къ ордену, Цвѣтинскій.

— Человѣкъ я не богатый, ваше—ство: осмѣливаюсь просить вмѣсто ордена денежную награду...

— Довольствуйся тѣмъ, что даютъ...

И губернаторъ попятился въ свой кабинетъ.

Едва пріѣхавъ домой, Цвѣтинскій засталъ у себя Азика.

— Съ благополуцнымъ-съ пріѣздомъ...

— Ну? процѣдилъ въ отвѣтъ Витольдъ Викентьевичъ и окинулъ Азика гордо-презрительнымъ взглядомъ.

— На сцотъ денегъ какъ, васе высокоблагородіе?

Цвѣтинскій вынулъ изъ кармана одну изъ найденныхъ въ балахонахъ бумажку.

— Посмотрите-ка эту штуку?

— Настоящая?

— Разгляди *глаголь* въ словѣ *государственный*.

— Цертоцка есть кривая въ середину... Фальсивая, знацитъ?

— То-то! фальшивая...

Л. Блюммеръ.

Монъ-Валеріенъ.

Монъ-Валеріенъ находится на сѣверо-западѣ отъ Парижа и представляетъ одинъ изъ наиболѣе укрѣпленныхъ фортовъ. Господствуя надъ обширной мѣстностью, на которой находится много небольшихъ городовъ и мѣстечекъ, батареи этого форта, состоящія изъ орудій, бросавшихъ бомбы на нѣсколько верстъ, лишали непріятеля всякой возможности подступить на болѣе близкое разстояніе къ Парижу. Изъ Монъ-Валеріена французы бомбардировали Сенъ-Клу, когда нѣмецкія войска хотѣли утвердиться тамъ, разрушили также «Фонарь Діогена»—башню, съ высоты которой можно было видѣть Парижъ. Замокъ Сенъ-Клу, представляющій теперь груду развалинъ, былъ любимой лѣтней резиденціей Наполеона 1, который реставрировалъ его и украсилъ съ истинно царскою роскошью. Въ этомъ-же замкѣ Бонапартъ созвалъ, 9 ноября 1799 г., по возвращеніи изъ Египта, совѣтъ *Пятисотъ*, который былъ распущенъ *18-го брюмера* — день столь знаменитый въ лѣтописяхъ французской революціи.

Фортъ Валеріенъ былъ вооруженъ пушками самаго большаго калибра—и французы возлагали на него большія надежды, которымъ однако не удалось осуществиться. Читатели наши знаютъ уже, что Парижъ капитулировалъ, и что всѣ форты, въ томъ числѣ и Монъ-Валеріенъ, заняты теперь нѣмецкими войсками. Укрѣпленія Парижа оказались однако далеко не безполезными: они держали нѣмецкія войска четыре мѣсяца подъ стѣнами города и много способствовали образованію армій въ провинціяхъ, отвлекая непріятельскія силы. Не смотря на это, проэктъ объ укрѣпленіяхъ Парижа, предложенный Тьеромъ, во время его министерства, встрѣтилъ много возраженій; французы повидимому не хотѣли допустить, чтобы столицѣ Франціи угрожала когда-либо опасность.

Не смотря на сильную бомбардировку, ни одинъ изъ фортовъ не былъ однако разрушенъ нѣмцами. Осаждающая армія бросала въ Парижъ и форты до 20,000 бомбъ самаго большаго калибра; нѣмецкія батареи поддерживали сильную канонаду съ фортами, находящимися на югѣ, востокѣ и западѣ осажденной столицы. Колоссальные размѣры этой борьбы превзошли все, что могло быть предусмотрѣно спеціалистами военнаго дѣла,—исключая, разумѣется, германскихъ полководцевъ, собиравшихся на совѣтъ въ главной квартирѣ.

Одновременная аттака нѣсколькихъ фортовъ или мѣстностей, лежащихъ между ними и городомъ, имѣла послѣдствіемъ то, что силы французовъ были постоянно разъединены, и огонь ихъ морскихъ береговыхъ орудій, которыхъ было много въ Парижѣ, не могъ быть направленъ въ одну какую-либо точку обширнаго фронта осаждавшихъ.

Изъ сказаннаго видно, что осажденная армія находилась въ положеніи относительно невыгодномъ, которое, вмѣстѣ съ неудачными вылазками и уменьшеніемъ жизненныхъ припасовъ, обусловило капитуляцію Парижа.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ Монъ-Валеріенъ ночью. Направо, въ палаткѣ сидятъ офицеры и читаютъ газеты; между ними очевидно происходятъ оживленные разговоры, темой для которыхъ служатъ происшествія въ Парижѣ и будущія судьбы Франціи. На возвышенности стоятъ часовые, около цѣлаго ряда пушекъ, и наблюдаютъ за всѣмъ, что происходитъ въ окрестности. На переднемъ планѣ расположилась небольшая группа національныхъ гвардейцевъ съ ружьями въ рукахъ; нѣкоторые изъ нихъ разговариваютъ съ маркитанткой, которая держитъ корзинку съ хлѣбомъ.

Маркитантки играютъ большую роль въ лагерной и походной жизни французскихъ войскъ; это — большею частью—весьма граціозныя, игривыя созданія, которыя оживляютъ однообразіе военной жизни и дѣлаютъ ее гораздо сноснѣе. Въ настоящее время всѣ орудія, находившіяся на Монъ-Валеріенѣ и другихъ фортахъ, отобраны германскими войсками вмѣстѣ съ оружіемъ, которымъ національная гвардія и мобили защищали Парижъ.

Очерки Кавказа*).

(Изъ записокъ походнаго офицера).

III.
Отъ Гори до Кутаиса.

1 Декабря 1863 года мы выступили изъ Гори ретрограднымъ движеніемъ — къ перевозу черезъ Куру; по переправѣ, команда слѣдовала по высохшему руслу рѣки до почтовой дороги; путь бывшей рѣки, какъ и всѣхъ горныхъ рѣкъ, усѣянъ камнями, карчами, а по прогалинамъ, образовавшимся отъ наноса глины и песку, мѣстами струилась вода,—что чрезвычайно замедляло переходъ. Да и выбравшись на почтовую дорогу командѣ было не легче: глинистый, изрѣдка песчаный грунтъ, взбороженный копытами животныхъ, былъ подернутъ инеемъ, какъ-бы серебристой тканью, изъ подъ которой мѣстами торчали льдистыя иглы.

При командѣ, на случай заболѣванія во время

*) См. Нива 1870 года №№ 44, 45, 48 и 49.

пути солдатъ, слѣдовало двѣ подводы. Возничіе были оба грузины: одинъ изъ нихъ средняго росту, не молодыхъ лѣтъ, но красивый и съ румянцомъ во всю щоку, былъ одѣтъ въ простую бумажной матеріи чоху, изъ подъ которой, на перетянутомъ ремнемъ архалукѣ, болтался порядочной величины кинжалъ и съ чѣмъ-то кожаная киса; другой—высокаго росту съ блѣднымъ, изнуреннымъ лицомъ, съ едва пробивающейся бородкой, но одѣтый щеголевато. Оба не выпускали изо-рта трубокъ, по выраженію солдатъ «носопырокъ». Съ солдатами они были любезны и предложили имъ лишнее сложить въ арбы; завязался между ними и командой живой разговоръ и перешолъ въ хохотъ; старшій грузинъ оказался—какъ выразился одинъ изъ солдатъ—«развеселый милый человѣкъ». Благую перемѣну произвелъ въ моихъ солдатикахъ этотъ развеселый милый человѣкъ, за что я внутренно былъ ему весьма благодаренъ, — забыта усталость, физіономіи прояснились, шагъ увеличился, не стали ужь обходить неудобныхъ мѣстъ и наконецъ затянули пѣсенки.

Съ лѣвой стороны, на верху горы, при подошвѣ которой пролегаетъ почтовая дорога, виденъ полуразрушенный храмъ.

— Что это за храмъ? спросилъ я возничихъ.

— Святова Егорія, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, который былъ пословоохотнѣе, и тутъ же пустился въ разсказъ, который я передаю своими словами:

Храмъ этотъ основанъ еще во времена паденія язычества (въ V вѣкѣ); онъ былъ обогащенъ щедрыми приношеніями сосѣднихъ князей и процвѣтавшихъ селъ, преимущественно въ царствованіе Тамары. По преданію—мѣстность эта представляла изъ себя холмистую возвышенность съ прекрасною долиною, въ срединѣ которой красовался этотъ храмъ; страшное землетрясеніе поглотило нѣсколько деревень, но пощадило храмъ и нѣкоторыя княжескія помѣстья. Съ тѣхъ поръ мѣстность эта приняла настоящій видъ. Къ Тифлису была другая дорога, правѣе; но, когда приблизились полчища Тамерлана, одинъ красавецъ-армянинъ, чтобы отмстить за отказъ невѣсты, показалъ ему этотъ путь. Тамерланъ взялъ его проводникомъ, разграбилъ и разорилъ храмъ, перерѣзалъ всѣхъ не успѣвшихъ спастись мужчинъ, а женщинъ и дѣтей забралъ въ плѣнъ. Армянинъ получилъ за услугу достойную награду:—«Одѣньте его женщиной и надругайтесь надъ нимъ, сказалъ Тамерланъ окружающимъ,—такъ предательски дѣлать могутъ только однѣ коварныя женщины»...

Верстахъ въ пяти отъ Гори переброшенъ въ удобномъ мѣстѣ черезъ Куру деревянный на сваяхъ мостъ; перейдя его, команда слѣдовала лѣвымъ возвышеннымъ ея берегомъ.

Привалъ сдѣлали мы на половинѣ перехода, у обширнаго селенія Руисы, изъ-за садовъ котораго виднѣются куполы. Толпа полунагихъ мальчиковъ и дѣвочекъ окружаетъ насъ: имъ и холодъ ни почемъ; все время нашего отдыха не отходятъ отъ насъ; видно, гости для нихъ—большая рѣдкость.

Отъ Руисы до Гаргаребской станціи ничего замѣчательнаго нѣтъ: не видно нигдѣ жилья, вездѣ пустота и безжизненность, скука! Почтовая станція расположена на самой возвышенности. Команда для дневки не имѣла крова; пришлось расположиться подъ открытымъ небомъ; мнѣ только нашлось мѣсто на станціи.

На югъ отъ нея, за рѣкою Курою, на возвышенномъ правомъ берегѣ, въ разстояніи 3—4 верстъ, поднимаются все болѣе и болѣе высокіе уступы горъ, идущихъ на значительномъ пространствѣ къ западу. Въ своихъ очертаніяхъ и видѣ онѣ совершенно схожи съ прежде-видѣнными,—тотъ же цвѣтъ обожженной глины. На одномъ изъ уступовъ виднѣются развалины...

— Что это такое? спросилъ я, обращаясь къ смотрителю станціи.

— Развалины, отвѣчалъ онъ хладнокровно.

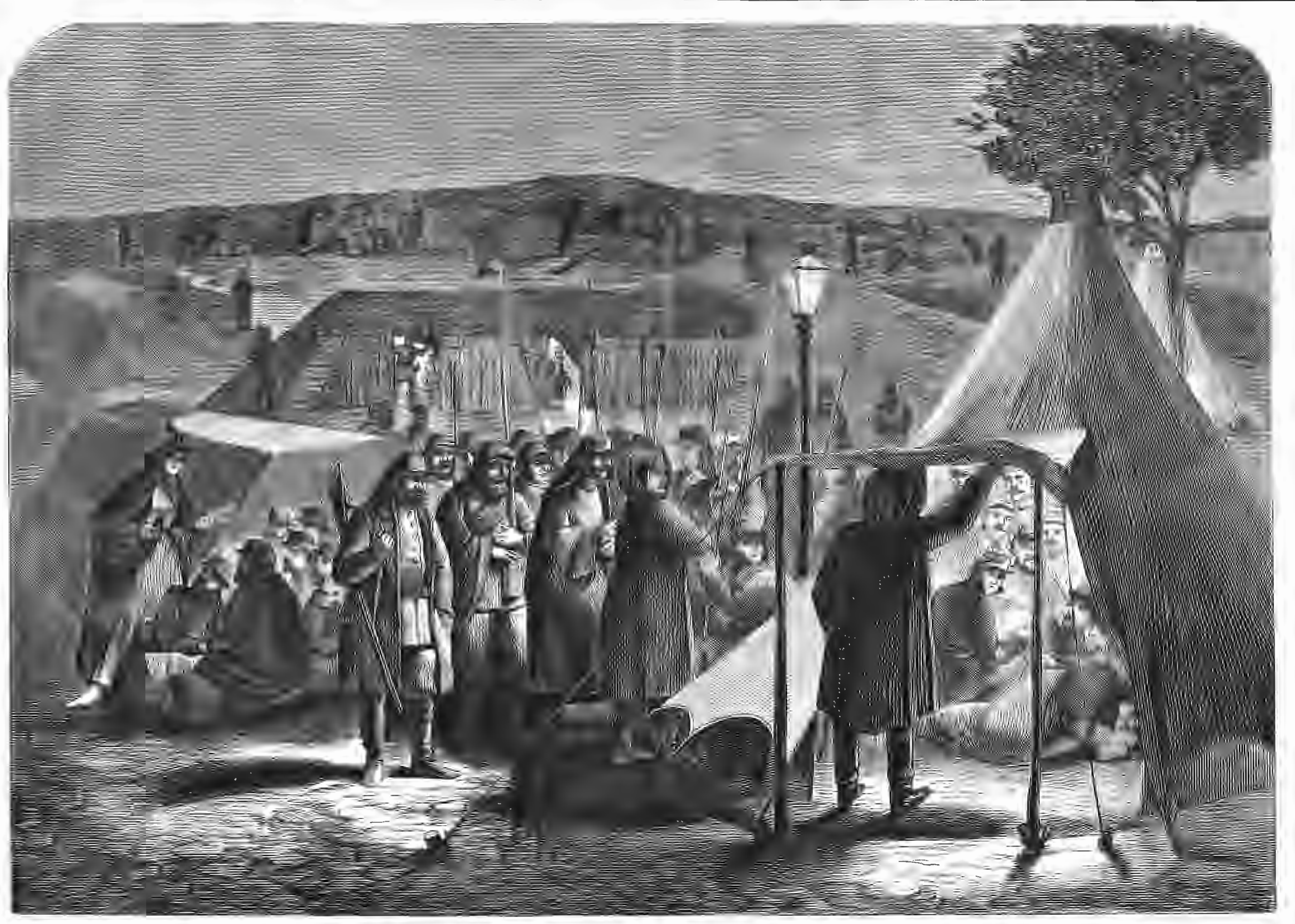
— Это-то я и самъ вижу, сказалъ я, задобривая смотрителя рюмкой рому,—да мнѣ хотѣлось бы знать, чего? и отчего?

Тутъ мой смотритель смягчился и принялся разсказывать, съ полной вѣрой въ свой разсказъ:

— «Близь Гори, по рѣчкѣ Ліахвѣ, жилъ ляхской народъ (по немъ и рѣчку назвали Ляхвой); занимался онъ садоводствомъ и разными издѣліями. Ксендзы ихъ захотѣли сдѣлать всѣхъ грузинъ—католиками; но привлекли къ себѣ только однихъ бездомниковъ, которымъ нечѣмъ было жить, какъ только воровствомъ да грабежемъ: убивали они грузинскихъ священниковъ, воровали дѣтей, лошадей, женъ, и вырѣзывали богатыя семейства. Татары разорили гнѣздо разбойниковъ-ляховъ; немногіе спаслись, большая часть забрана въ плѣнъ. По уходѣ Тимура, остальные переселились изъ Гори на это мѣсто, но не исправились, а продолжали свою разбойничью жизнь. Вотъ, Богъ ихъ и покаралъ до конца. Проходилъ черезъ ихъ селеніе странникъ; его окружили и стали требовать денегъ.—«Нѣтъ денегъ», говорилъ онъ, и божился, и клялся. Не повѣрили ему; обыскивать... ничего не нашли; стали бить—и наконецъ бросили въ яму, чтобъ сидѣлъ тамъ и терпѣлъ голодъ, пока не скажетъ куда закопалъ деньги. Каково же было ихъ удивленье, когда на другой день открыли яму и не нашли странника; а вмѣсто того, оттуда повалилъ смрадъ въ видѣ чернаго облака и покрылъ село. Три дня стоялъ этотъ смрадъ надъ селеніемъ—и ни одного человѣка не осталось въ живыхъ. Съ тѣхъ поръ никто не рѣшается жить здѣсь, и носитъ это мѣсто названіе «проклятаго».

Съ разсвѣтомъ команда спустилась по дорогѣ къ Курѣ; здѣсь ложе ея довольно широко—и по мелководью ее переходятъ въ-бродъ. Отсюда дорога пролегаетъ до самаго Сурама по долинѣ Куры небольшими лѣсомъ и рощами, между которыми расположено нѣсколько селеній съ порядочными постройками, пашнями и лугами. Вся мѣстность оживлена; повсюду движеніе: тамъ длинной вереницей тянутся караваны верблюдовъ, выступающихъ мѣрными шагами съ огромнѣйшими вьюками шерсти, шелка или хлопка—произведенія Грузіи и Персіи; на встрѣчу имъ тянутся троечныя телѣги съ товарами—промышленность русскихъ; а вотъ задумчиво и медленно тяжелой поступью идутъ своенравные буйволы, запряженные по-парно въ большія скрипучія грузинскія арбы, съ европейскими товарами изъ Поти, въ красныхъ, желѣзомъ окованныхъ, ящикахъ русскаго издѣлія.

Долина ровна и низменна; весною и осенью земля растворяется такъ, что замедляетъ не только перевозку товаровъ, но и почтовую гоньбу и движеніе экипажей, которымъ приходится по нѣсколько часовъ стоять на одномъ мѣстѣ, увязнувъ въ грязи. Какихъ же трудовъ стоитъ выбраться съ грузомъ товаровъ?... а между тѣмъ, дорога эта—на транзитѣ съ Имеретинскою, соединяющеюся съ Черноморскимъ пунктомъ Поти и съ Закавказьемъ, слѣдовательно имѣетъ значеніе для торговыхъ сношеній съ Западомъ!

Ночная служба французской національной гвардіи на батареѣ Монъ-Валеріенъ у Парижа.

Гравировалъ К. Вейерманъ.

На этомъ длинномъ переходѣ нѣсколько разъ приходилось солдатамъ вытаскивать увязшія въ грязи подводы—какъ съ собственными тяжестями, такъ и съ товарнымъ грузомъ; а потому и было сдѣлано три привала.

Не доходя до Сурама, съ лѣвой стороны дороги, у селенія Карели—почтовая станція.

Мудрено понять, что побудило покинуть прежній станціонный каменный домъ, который находится близехонько и гораздо помѣстительнѣе и удобнѣе для проходящихъ командъ. Теперь служивые люди могутъ позавидовать помѣщенію обозниковъ и скота: тамъ, гдѣ жилъ прежде смотритель, теперь помѣщаются погоньщики; въ комнатѣ, занимаемой нѣкогда казачьимъ офицеромъ,—быки; въ гостинной—складъ самана и сѣна. А бѣдная команда моя принуждена расположиться въ холодныхъ и сырыхъ сараяхъ и буйволятникахъ. Ужь если понадобилось перемѣстить станціонный домъ, такъ подъ рукою и праздная рабочая команда, и изобиліе матеріала для постройки человѣческаго жилища. Боялся я, что мои люди, хотя и крѣпкіе, пострадаютъ,—и распорядился выдать винную порцію. Къ сожалѣнію, и это мало помогло; не отдѣлались мы дешево: на другой день мнѣ подали рапортъ, что четверо заболѣло.

Селеніе Сурамъ живописно расположено по склону Ликскихъ горъ; лучшія зданія его находятся на значительной высотѣ, откуда прекрасный видъ на окрестность.

Еще съ-вечера грозныя тучи неслись съ запада, клубясь одна надъ другою; онѣ не обѣщали намъ добраго пути,—и дѣйствительно, раннимъ утромъ командѣ пришлось встрѣтить первый появившійся снѣгъ, но въ такомъ изобиліи, что вся Сурамская мѣстность была покрыта имъ на нѣсколько вершковъ. Прилипая къ колесамъ, снѣгъ затруднялъ движеніе повозокъ, такъ что онѣ едва двигались. Солдатики, проходя мимо жилища военно-рабочей роты, умильно поглядывали на него—«счастливчики! думали они про себя,—они не мокнутъ и не зябнутъ какъ мы»; а между тѣмъ, покоряясь долгу службы, безмолвно тянулись въ гору, по шоссе, хотя и хорошо устроенному, но занесенному снѣгомъ. Въ параллель дороги, съ горъ бѣжалъ свѣтлый ручей; солдаты воспользовались имъ—кто умывался, а кто запасался водой на дорогу. По мѣрѣ нашего восхожденія на высоту, погода прояснялась—и наконецъ солнечные лучи, падая на повсемѣстный снѣгъ, засверкали нестерпимымъ блескомъ. Команда, чтобы предохранить зрѣніе, замаскировалась—красные, синіе, пестрые съ разными узорами, рисунками и пѣтушками, платки покрывали ихъ лица; а тѣ, которые не имѣли платковъ, обмазались вокругъ глазъ разведеннымъ порохомъ.

Шоссе черезъ Сурамскій перевалъ Ликскихъ горъ, самымъ слабымъ уклономъ, возведено на высоту 3,300 футовъ надъ уровнемъ моря. Возвышенность этихъ горъ служитъ границею Карталиніи и Имеретіи и вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляетъ воды: всѣ рѣки отъ сѣвера и юго-запада направляются къ востоку и впадаютъ въ Каспій; а съ переваломъ, бѣгъ ихъ отъ сѣверо-востока и юго-востока стремится въ Черное море.

Съ перевала шоссе проложено берегомъ быстрой рѣчки Чхеримела, бѣгущей по ущелью, поросшему густымъ лѣсомъ. Съ половины спуска, въ удобныхъ мѣстахъ, начинаютъ показываться небольшія отдѣльныя постройки. Здѣсь природа такъ обильна растительностію и такъ разнообразна, что не налюбуешься: дорога вьется по уступамъ и окраинамъ скалъ; надъ вами, съ одной стороны, высится гигантская отвѣсная стѣна, съ нависшими громадными камнями, — какъ-бы грозящими придавить дерзкихъ путешественниковъ, нарушающихъ спокойствіе ея; то вдругъ любопытныя деревья, наклонивъ съ возвышенности къ дорогѣ свои верхушки, всматриваются въ путниковъ и шепчутся межъ собой о томъ, что видѣли и что слышали; а порой, тонкорунный баранъ или козелъ, услышавъ знакомый скрипъ арбы, броситъ щипать, еще кое-гдѣ выглядывающую изъ подъ-снѣга, сочную, душистую травку, пошлетъ на своемъ діалектѣ вѣчно-неизмѣнный привѣтъ и, какъ искусный акробатъ, безвозмездно покажетъ свою ловкость—удивительными прыжками, съ камня на камень; а съ другой стороны дороги—пропасть, въ глубинѣ которой грозно шумитъ неугомонная Чхеримела.

По дорогѣ нѣсколько духановъ. У одного изъ нихъ я сдѣлалъ привалъ. Солдаты заходили туда обогрѣваться, и при выходѣ отплевывались отъ кукурузной водки, противной на вкусъ и производящей головную боль. Къ вечеру мы пришли на станцію. Помѣщенія для команды и здѣсь не оказалось—нашелся какой-то разрушенный дровяной сарай, въ которомъ и размѣстились на ночлегъ; а я, съ моими больными, помѣстился на станціи.

Здѣсь при насъ произошло много шума и суматохи. Изъ распросовъ узнали мы, что поймали вора. У какого-то князя въ Кахетіи похищены были лошадь и дорогой родовой сервизъ. Подозрѣніе пало на приближеннаго слугу, который клялся въ своей невинности, и, вымоливъ, чтобы дали ему срокъ розыскать вора, отправился въ Кутаисъ. Полиція съ обычною своею дѣятельностію и таковою же успѣшностію помогала ему въ поискахъ; но слугѣ пришлось возвращаться безъ успѣха. Къ счастію своему, близь этой станціи встрѣтилъ онъ всадника на княжеской лошади—и тотчасъ остановилъ его, обвиняя въ воровствѣ. Онъ хотѣлъ представить пойманнаго въ Кахетію, но земская власть заявила свое притязаніе, чтобы судить вора у себя.

Больные мои за дневку поправились. Команда выступила по обыкновенію съ разсвѣтомъ. Къ слѣдующей станціи дорога проложена по широкой, ровной и красивой мѣстности. Въ нѣсколькихъ верстахъ, или почти на полдорогѣ, за рѣкой видна Чхерская крѣпость, имѣвшая значеніе до присоединенія Имеретіи къ Россіи; отсюда наблюдали за дѣйствіями лезгинъ и турокъ со стороны Ахалциха. Къ 3 часамъ пополудни мы пришли на станцію Херогоули или Бѣлогорскую—какъ привыкли называть ее по находящейся вблизи мѣловой горкѣ; а 7-е декабря отъ Бѣлогорья команда потянулась обворожительнымъ Квирильскимъ ущельемъ по дорогѣ, пробитой въ скалахъ. Понижаясь и возвышаясь по берегу Квирилы, она съ каждымъ поворотомъ показываетъ новую картину. Представьте себѣ, что вы ѣдете лѣтомъ: вдругъ рисуется передъ вами окруженная зеленью пирамидальная возвышенность, къ боку которой, Богъ знаетъ какими судьбами, какъ ласточкино гнѣздышко, прилѣпилось строеньице; то вдругъ вы видите руины сторожевой башни, давно уже предоставленной всепожирающему времени; а вонъ, съ того поворота, гдѣ еще дорога какъ змѣя вьется по выдавшемуся мысу, видны по отлогостямъ горъ группы сакль, смиренно выглядывающихъ изъ густой зелени на своихъ сосѣдокъ—такихъ-же сакль, только какъ любительницъ уединенія, стоящихъ отдѣльно; то вдругъ взору вашему открывается равнина съ разбросанными по ней

большими селеніями. — Здѣсь уже горные хребты постепенно развѣтвляются, лѣсъ рѣдѣетъ и замѣняется фруктовыми деревьями и кустарникомъ; вмѣсто горъ попадаются холмы, съ которыхъ открывается прелестный видъ на волнистую долину Имеретіи, окруженную горами, покрытыми густымъ лѣсомъ. Долина эта перерѣзывается нѣсколькими рѣками; рощи и лѣса большею частью на топкихъ мѣстахъ. Хорошо здѣсь, да климатъ не здоровъ: опадающіе листья и сухія вѣтки, подвергаясь гніенію, заражаютъ воздухъ (значительно уже влажный) міазмами и порождаютъ лихорадки. Жители на лѣто удаляются въ горы, а если и встрѣтишь здѣсь какого-нибудь имеретинца, то всегда изнуреннаго, съ желтымъ лицомъ и впалыми глазами. Поля засѣваются кукурузой.

Не доходя до Квирильской станціи—мостъ черезъ Квирилу; не далеко отъ него лежатъ развалины древней, исторической Сарапаны, нѣкогда знаменитой своими торговыми сношеніями воднымъ путемъ по Ріону—въ древности Фазу—съ Востокомъ и Европой.

Сарапана, по преданію, многолюдный со всѣми удобствами и восточною роскошью коммерческій городъ, обязанный своимъ процвѣтаніемъ кутаисскимъ капиталистамъ,—теперь представляетъ жалкія, поросшія плющемъ и другими ползучими растеніями, развалины, подъ которыми погребена слава ея.

Немногое сохранилось о ней и въ памяти туземцевъ. Возьмемъ что-нибудь на выдержку, и услышимъ: здѣсь существовала огромная площадь для торговли невольниками и невольницами, привозимыми изъ... Дальше ничего ужь не разберешь; надо догадываться самому, откуда привозился этотъ прекрасный товаръ.—Повсюду тишина и безмолвіе. Ни одна тѣнь не выйдетъ изъ нѣдръ земли—повѣдать о красотѣ и пріятной жизни этого города... Ну, да Богъ съ нею, съ этою Сарапаною! Мы чаемъ отъ желѣзныхъ дорогъ движенія торговли, если не въ бо́льшихъ, то по крайней мѣрѣ въ такихъ размѣрахъ, какъ и въ покойной Сарапанѣ; а вмѣсто площади невольниковъ, надѣемся увидѣть—театральную, съ хорошимъ театромъ, открытіе котораго ознаменуется въ память «площади невольниковъ» представленіемъ «невольницы Сусанны» или же «невольника Гургуслана»—драмы въ 5 дѣйствіяхъ, съ фантастическими картинами, декораціями и костюмами Ноевыхъ временъ.

Съ такими мечтами взошелъ я въ домъ станціи и, къ пріятному удивленію моему, нашелъ тамъ двоихъ англичанъ, прибывшихъ для проектировки желѣзной дороги отъ Поти къ Тифлису и далѣе—до Баку.

— Мечта претворяется въ дѣйствительность! сказалъ я громко. Къ сожалѣнію, они не знали по русски ни слова, а только по выраженію лицъ замѣтно было желаніе узнать смыслъ моей фразы. Кое-какъ, съ помощію нѣмецкаго языка, мы объяснились; они жаловались на дурную погоду, которая задержала ихъ работы и роптали:—«насъ увѣрили, что здѣсь не бываетъ зимы,—и вдругъ, въ двое сутокъ, выпало столько снѣгу, что и полярной зимѣ сдѣлало-бы честь».

На утро снѣгъ пошелъ хлопьями, къ тому-же метелица, такъ что дороги не видать; а солдатики, не смотря на то что навьючились хозяйственнымъ порядкомъ, шагаютъ себѣ бодро и съ философскимъ равнодушіемъ переносятъ невзгоды. Вонъ, плечистый, здоровый дѣтина Лазарычъ, да по силѣ его прозванный еще Еруслановъ, нагрузилъ на себя цѣлую гору, а идетъ будто прогуливается. Онъ большой охотникъ пѣть, да голосъ у него не соловьиный и слуха нѣтъ—затянетъ на голосъ: «по улицѣ мостовой», а сведетъ—«за упокой». Надоѣдалъ онъ крѣпко пѣсенникамъ своимъ подтягиваньемъ; только что онъ ротъ розинетъ, его зашикаютъ и заругаютъ. Лазарычъ считалъ всѣ эти нападки несправедливыми и съ презрѣніемъ посматривалъ на профановъ неспособныхъ признать за нимъ таланта. «Вотъ, молчатъ, думаетъ онъ,—не любо, видно, вязнуть по колѣно, не до зубоскальства теперь, не до балагурства; теперь и панъ (такъ прозвали ротнаго щеголя Иванова) складной рѣчи не сложитъ. Дай-ко повеселю компанію»—да и брякнулъ: «что-жь этто, ноничe пѣсельники пѣть не хочутъ?»

Возгласъ его словно разбудилъ дремлющихъ. Первый-то панъ и отозвался на него.

— Эхъ ты, Ерусланъ Лазарычъ! отъ радости хохочутъ—ишь, и на наше рыло мороженаго навалило; не все лакомиться питерскимъ да московскимъ—и намъ таковскимъ выпало на долю—ѣшь въ волю!

Словно гороху четверикъ высыпали на голову бѣднаго Лазарыча; не хитрый на выдумки и не бойкій на слова, онъ ворчитъ на нихъ:

— Ну, ужь вы, балагуры, балясы точить—ваше дѣло; а въ походъ ходить, съ моею ношею, такъ вы тутъ и сядете.

Но не унимается компанія—и начинается бѣглый огонь остротъ по Лазарычу.

— Кланяйся пану, коли Богъ не далъ талану.

— Ерусланъ Лазарычъ? хошъ, уважу! только положи къ себѣ мою клажу. Я такія знаю складныя рѣчи, только клади мою ношу на плечи.

— Ерусланъ Лазарычъ! пѣсельники оттого пѣть не начинаютъ—тебя въ запѣвалы ожидаютъ!

Не радъ ужь Лазарычъ, что подалъ голосъ, да нечего дѣлать, не кулаками же отбиваться отъ словъ,—махнетъ на нихъ рукою, и пойдетъ стороной; но гнѣвъ его не надолго; чуть замурлыкали какую-либо пѣсенку, Ерусланъ тутъ-какъ-тутъ, и сердце остыло, и самъ ухмыляется по прежнему добродушно.

А между тѣмъ мы едва къ вечеру доплелись до станціи. Станціонный домъ стоитъ на высотѣ: внизу течетъ широкая Квирила, въ параллель ей пролегаетъ дорога; противъ станціи, на югъ, пространная долина, взоръ ограничивается отдаленной цѣпью горъ.

П. Бугайскій.

(Окончаніе будетъ).

Аудіенція у императрицы Шарлотты.

Каждый изъ нашихъ читателей конечно помнитъ, какое потрясающее впечатлѣніе произвело неожиданное извѣстіе о внезапномъ умопомѣшательствѣ несчастной принцессы Шарлотты бельгійской, въ то время императрицы мексиканской, первымъ симптомомъ котораго былъ припадокъ, сдѣлавшійся съ нею послѣ бурнаго свиданія съ Піемъ IX, и встревожившій всѣхъ ея приближенныхъ.

Въ то время, да и послѣ, говорили, что не имѣлось ни малѣйшихъ данныхъ, по которымъ можно было бы не только что ожидать но предположить возможность подобнаго несчастія—если не считать предвѣстникомъ и предзнаменованіемъ его особенно тяжелое и унылое душевное и физическое состояніе, въ которомъ она совершила далекое плаваніе въ Европу и которое ея приближенные приписывали стоявшимъ невыносимымъ жарамъ и духотѣ тѣсныхъ каютъ. Однако, если бы прослѣдить—въ этомъ смыслѣ—ея поступки и слова еще до этого роковаго путешествія, весьма вѣроятно, что обнаружились бы вещи указывающія на начало умственнаго разстройства. Какъ, напримѣръ, объяснить нижеслѣдующій достовѣрный фактъ, который мы приводимъ изъ записокъ преданнаго злополучной царственной четѣ австрійскаго офицера? Недостатки этой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной женщины хорошо извѣстны—непомѣрное честолюбіе и властолюбіе можно назвать главными, но нѣтъ повода предполагать, чтобы она въ нормальномъ состояніи была способна къ такой предъумышленной и утонченной жестокости, какую изобличаетъ ея поступокъ въ описываемомъ случаѣ, тогда какъ въ правдивости разсказщика тоже нѣтъ повода сомнѣваться. Остается одинъ выводъ—что ужасная психическая болѣзнь, съ такой силой и внезапностью разразившаяся подъ гнетомъ отчаянія, людской злобы и предательства, съ болѣе давнихъ поръ началась, или покрайней мѣрѣ подготовлялась, чѣмъ кто-либо подозрѣвалъ.

I.

Дѣло было вскорѣ по обнародованіи закона, изданнаго императорскимъ правительствомъ, по наущенію и настоянію маршала Базэна, 3 октября 1865 г., въ тщетной надеждѣ подавить имъ революцію,—закона, который либералы съ ѣдкимъ сарказмомъ прозвали закономъ Фитцлипуцли, намекая на древнее ацтекское божество, жертвенники котораго обильно обливались человѣческой кровью. Онъ заклеймилъ республиканцевъ (къ которымъ дотолѣ относились какъ къ воюющей сторонѣ) названіемъ разбойниковъ и бандитовъ, вырывая у нихъ изъ рукъ знамя съ надписаннымъ на немъ принципомъ—ученіемъ Монро. Законъ этотъ, не охотно утвержденный императоромъ Максимиліаномъ—и то только вслѣдствіе ложнаго извѣстія, сообщеннаго Базеномъ, будто Хуаресъ покинулъ мексиканскую территорію, значитъ, по тексту мексиканской конституціи 1861 г., самъ сложилъ съ себя санъ свой,—законъ этотъ, говоримъ мы, весьма мало измѣнилъ положеніе несчастной страны, потому что французы и безъ него храбро отличались въ занимаемыхъ ими округахъ по части вѣшанія и разстрѣливанія, придавая совершенно особенный характеръ своей хваленой «цивилизаціонной миссіи» въ Америкѣ. До сихъ поръ закону не доставало лишь буквы —и эту-то букву Базэнъ съумѣлъ вынудить у честнаго человѣка, но слабаго монарха. Впослѣдствіи же Базенъ, образцовой уловкою современной французской политики, свалилъ всѣ ужасы на плечи позорно-брошеннаго имъ государя и, подобно Пилату, омылъ себѣ руки. Вотъ дословный переводъ манифеста предшествовавшаго роковому декрету, подписанному всѣми министрами — все мексиканцами:

«Мексиканцы! Дѣло, которое донъ Бенито Хуаресъ защищалъ съ такимъ мужествомъ и упорствомъ, пало не только по національной волѣ, но и потому самому закону на который оно ссылалось, какъ на основу своихъ правъ. Нынѣ мы видимъ знамя, которому присягали сторонники этого дѣла, покинутымъ, такъ какъ самъ вождь ихъ удалился изъ отечественныхъ владѣній. Національное правительство долгое время снисходило къ заблуждавшимся, не знавшимъ на какой сторонѣ право, и расточало помилованія, дабы дать время всѣмъ примкнуть къ большинству націи и ступить на стезю долга. Оно достигло своей цѣли: благомыслящіе люди окружили его знамя и присоединились къ справедливымъ и либеральнымъ принципамъ, руководящимъ его политикой. Только не многіе неисправимые коноводы поддерживаютъ безпорядокъ, въ угоду страстямъ, которыхъ нельзя назвать патріотическими; а за одно съ ними дѣйствуетъ деморализованный народъ, не понимающій политическихъ принциповъ, или же необузданная солдатчина, которой постоянное, печальное прибѣжище есть междуусобная война. Отнынѣ есть только борьба между честными людьми и шайками преступниковъ или разбойниковъ. Снисхожденіе поэтому прекращается относительно такихъ шаекъ, деспотизму которыхъ оно доселѣ потворствовало—шаекъ поджигающихъ и грабящихъ, избивающихъ немощныхъ женщинъ или беззащитныхъ старцевъ. Императорское правительство, сильное своимъ могуществомъ, будетъ отнынѣ поступать безпощадно съ этими нарушителями спокойствія. Этого требуютъ интересы цивилизаціи, права человѣчества и закона нравственности.

Мексико, 3 октября 1865.

«Максимиліанъ».

Понадобилось, однако, порядочно времени прежде чѣмъ этотъ кровавый декретъ могъ сдѣлаться всемѣстно извѣстнымъ по обширной мексиканской территоріи,—и въ томъ же октябрѣ мѣсяцѣ въ области Мичоаканъ произошелъ случай, жертвы котораго, съ юридической точки зрѣнія, должны были бы пользоваться безнаказаностью, потому что, во время ихъ взятія въ плѣнъ, имперіалистскимъ генераломъ Мендесомъ, имъ еще неизвѣстенъ былъ новый законъ. Произошло это слѣдующимъ образомъ. Артеага, главнокомандующій такъ называемой центральной республиканской арміей, держался вмѣстѣ съ двумя товарищами, Регулесомъ и Рива-Паласіо, до бѣдственнаго сраженія при Такамбаро, въ области Мичоаканъ, одной изъ самыхъ гористыхъ и живописныхъ во всей Мексикѣ. Въ этомъ сраженіи онъ былъ разбитъ начальникомъ бельгійскаго легіона фонъ-деръ-Смиссеномъ и мексиканскимъ генераломъ Мендесомъ, лишился всей артиллеріи—и вслѣдствіе этого пораженія былъ поставленъ въ необходимость распустить свои войска въ гверильясы. Регулесъ и Рива Паласіо бросились въ горы и были болѣе счастливы нежели Артеага, который отступилъ въ Степь.

Мендесъ, отличный солдатъ, самъ уроженецъ области Мичоаканъ зналъ въ ней каждую тропинку, каждый закоулокъ, и открывъ слѣдъ Артеаги, съ значительнымъ войскомъ учинилъ быструю за нимъ погоню. Артеага, соображаясь съ малочисленностью своего отряда, долженъ былъ избѣгать всякаго столкновенія съ имперіалистами и уходилъ отъ нихъ въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней и ночей. Люди его, все это время кормившіеся травами да кореньями, умирали отъ голода, жажды и изнеможенія. Онъ приказалъ однажды притащить овецъ изъ близкаго *ранчо* (мызы) чтобъ наконецъ дать людямъ порядочную пищу. Исполнивъ это приказаніе, солдаты стряпали себѣ давноженеланный, для нихъ роскошный обѣдъ, между тѣмъ какъ офицеры, до смерти измученные, предавались сну. Этимъ мгновеніемъ отдыха и безпечности воспользовался Мендесъ, безустанно

преслѣдовавшій непріятелей по пятамъ, неожиданно напалъ на гверильясовъ и, въ первую минуту смятенія, всѣхъ забралъ въ плѣнъ, не исключая и Артеаги.

II.

Императрица Шарлотта, эта величественная женщина, честолюбивая государыня, сидѣла въ своемъ салонѣ, какъ вдругъ дежурная статсдама доложила о женской депутаціи, испрашивающей всемилостивѣйшей аудіенціи. Императрица не задумываясь согласилась, а въ пріемную вошли семь или восемь молодыхъ женщинъ и со слезами бросились къ ея ногамъ.

— Встаньте, дѣти мои, милостиво сказала императрица, — и изложите мнѣ ваше желаніе.

— Senora Emperatriz! воскликнула одна изъ просительницъ, говорившая отъ имени всѣхъ, прекрасная, блѣдная дѣвушка, — насъ сюда привело ужасное несчастіе: лучшій изъ патріотовъ взятъ въ плѣнъ и — если ваше величество не воспрепятствуете — сдѣлается жертвой строгости недавняго жестокаго закона.

— О какомъ это патріотѣ и о какомъ законѣ вы говорите, сеньорита? перебила Шарлотта, гордо вздергивая верхнюю губу.

— Я говорю о республиканскомъ вождѣ Артеагѣ, достойномъ противникѣ, благородномъ человѣкѣ, который сотнямъ имперіалистскихъ плѣнныхъ, вопреки волѣ своихъ жаждущихъ мести солдатъ, даровалъ жизнь, и о законѣ 3 октября.

— Вы принимаете странный тонъ для просительницы, дитя мое. Васъ зовутъ?..

— Розита Морено.

— Согласно съ закономъ, столь мало пользующимся вашимъ благоволеніемъ, Артеага есть не болѣе какъ нарушитель общественнаго покоя и бандитъ.

— О, государыня! къ этому человѣку не подходитъ это жестокое названіе.

— Однако я даю ему это названіе, и не нуждаюсь въ корректурѣ моихъ словъ—понимаете ли вы, сеньорита?

— Простите, государыня! Мое волненіе не дозволяетъ мнѣ взвѣшивать мои слова. Я привыкла говорить то, чтó на душѣ. Мы пришли умолять васъ, имѣющую быть матерью намъ, мексиканцамъ, не дать совершиться несправедливому дѣлу.

— Несправедливому? Все лучше и лучше! Вы ослѣплены и надѣетесь на свою молодость. Вы, которыя должны бы радоваться, что мы избавляемъ васъ отъ бича страны, убійцъ и поджигателей, безразсудно молите о продленіи состоянія, равняющагося поруганію всякой цивилизаціи.

— Сеньора, мы молимъ о помилованіи одного человѣка!

— Кто вы такая? Родственница, сестра или жена плѣннаго?

— Я мексиканка и моимъ ходатайствомъ у Артеаги немного мѣсяцевъ назадъ спасла жизнь одному плѣнному бельгійскому капитану. Во всѣхъ столичныхъ газетахъ было разсказано объ этомъ происшествіи, и «Офиціальная Газета» обѣщала отъ имени императрицы мексиканской награду спасительницѣ этого капитана. Я пришла за исполненіемъ царскаго слова.

— А! такъ это вы? Да вы и похожи на героиню— я это вижу по вашей смѣлости. Итакъ, вы требуете отплаты въ лицѣ Артеаги?

— Я прошу отъ имени области Мичоаканъ, которой я и мои подруги уроженки, въ видѣ милости, обѣщанную мнѣ награду — освобожденія Артеаги.

— Я къ сожалѣнію не могу рѣшить. Обратитесь къ императору: онъ одинъ имѣетъ право миловать, если находитъ это совмѣстнымъ со своей совѣстью и государственными соображеніями.

— Министры императора насъ не приняли, какъ не приняли и двухъ мужскихъ депутацій, которыя, опасаясь за жизнь Артеаги, вчера и сегодня являлись во дворецъ.

— Министры лишь исполняютъ свою обязанность. Они этимъ отказомъ избавляютъ императора отъ тяжкой борьбы между его добрымъ сердцемъ и часто печальными но неминуемыми правительскими обязанностями. Неужели намъ, едва издавшимъ законъ въ видахъ общаго блага, первымъ отмѣнять его? — мнѣ прискорбно слышать отъ васъ такую просьбу.

— Я всегда слыхала, что коронованныя лица такъ гордятся священностью своего слова. Государыня, отказывая мнѣ въ испрашиваемой наградѣ, вы даете мнѣ право сомнѣваться въ вашемъ словѣ.

— Хотя я никогда опредѣленно не обѣщала награды, сеньорита, сказала императрица съ едва-скрываемымъ гнѣвомъ, — однако я исполню вашу просьбу и прикажу доложить о васъ его величеству. Воспользуйтесь моимъ экипажемъ и поѣзжайте въ Чапультепекъ, гдѣ мой августѣйшій супругъ въ настоящее время находится.

Шарлотта тутъ же приказала одной изъ статсдамъ распорядиться, чтобы для дамъ запрягли двѣ придворныя кареты и чтобы ихъ отвезли въ Чапультепекъ.

— Благодаримъ, государыня! воскликнула Розита Морено, цѣлуя у императрицы руку, — ваша милость ужъ вѣрно не будетъ половинной, и наша мать не откажется ходатайствовать за насъ у монарха.

— Если вы думаете, что я могу быть вамъ полезна, отвѣчала Шарлотта, отнимая руку и съ великимъ трудомъ сдерживая гнѣвъ, — я одѣнусь и поспѣшу опередить васъ въ Чапультепекъ. До свиданія, храбрая Розита Морено!

III.

Между тѣмъ какъ дамы, исполненныя надежды, остались въ пріемномъ салонѣ, ждать императорскихъ экипажей, императрица удалилась въ собственные покои.

— Чтобъ я за васъ ходатайствовала! воскликнула она, наконецъ сбрасывая всякую сдержанность,—чтобъ я изъ-за съумасбродной дѣвчонки уступила хотя іоту моихъ принциповъ? Ха-ха-ха! какая однако наглость сидитъ въ этой республиканкѣ! она поплатится за свою дерзость!

Она такъ сильно позвонила, что оборвала звонокъ. Она тогда уже страдала нервными припадками, отъ которыхъ по большей части и заимствовала свою пагубную энергію; сколь ни была она обыкновенно привѣтлива и ласкова со своими приближенными, въ такія минуты она всѣмъ безпощадно наносила жестокія раны. Двѣ дежурныя горничныя въ испугѣ прибѣжали.

— Лиза, обратилась Шарлотта къ одной изъ нихъ, — позови мнѣ немедленно дежурнаго дворцоваго офицера, а ты, Соледатъ, сказала она другой, — скажи дожидающимся въ моемъ салонѣ дамамъ, чтобы онѣ, ни о чемъ не заботясь, ѣхали въ Чапультепекъ, какъ только подадутъ кареты, — что я или буду тамъ прежде нихъ, или во всякомъ случаѣ пріѣду во время, чтобы выпросить имъ аудіенцію, если затруднятся принять ихъ.

Затѣмъ она сѣла къ изящной конторкѣ изъ кедроваго дерева, и съ лихорадочной поспѣшностью набросала слѣдующія строки:

Г. Генералу Рамону Мендесу, въ Санта-Анна-Аматланъ, въ область Мичоаканъ.

«Намъ благоугодно, чтобы вы, не дожидаясь дальнѣйшихъ предписаній, съ вашими недавно-взятыми плѣнными поступили по положеніямъ императорскаго декрета отъ 3 октября сего года.

За его величество императора

Carlotta de Mexico».

— Вотъ, пробормотала она, — вотъ имъ и ходатайство; теперь еще маленькую личную месть.

Между тѣмъ явился дежурный офицеръ, мексиканецъ.

— Вы немедленно отправите нарочнаго, съ этимъ письмомъ генералу Мендесу, въ Аматланъ, приказала Шарлотта, — пускай ѣдетъ день и ночь, и беретъ постоянно свѣжихъ лошадей.

Затѣмъ она выслала горничныхъ и въ теченіе десяти минутъ секретно совѣщалась съ офицеромъ.

IV.

Полчаса спустя около двѣнадцати всадниковъ, всѣ въ обыкновенномъ мексиканскомъ костюмѣ и повидимому безъ оружія, поскакали изъ разныхъ воротъ дворца, тотчасъ послѣ того какъ оттуда выѣхали просительницы въ двухъ императорскихъ каретахъ. Эти всадники поѣхали по разнымъ улицамъ и выѣхали въ поле разными выходами. Но если бы кто-нибудь наблюдалъ за ними сверху, *à vol d'oiseau*, — то увидѣлъ бы, что эти различныя направленія сходились около одной загородной фермы, извѣстной подъ названіемъ Асіенда-де-Ласъ-Техасъ.

Мексиканскія дамы пролетѣли по пестрѣющей народомъ Аламедѣ (публичному гулянью), мимо такъ-называемаго «Троянскаго коня» (получившаго это прозвище вѣроятно по громадности размѣровъ), собственно бронзовой конной статуи испанскаго короля Карла II. Многочисленные экипажи, всадники и пѣшеходы въ этомъ мѣстѣ разъѣзжаютъ и расхаживаютъ въ два ряда; густая толпа постоянно льется прямой линіей отъ гулянья до того пункта, гдѣ конно-желѣзная дорога, ежечасно ходящая между столицей и Такубаей, перерѣзываетъ паровую желѣзную дорогу, которая идетъ туда же и въ Чапультепекъ. Тутъ движеніе прекращается. За то взоры вознаграждены великолѣпной панорамой, кругомъ развертывающейся. Прямо впереди, на высокой горѣ, среди кущъ тропическихъ деревьевъ и растеній, воздвигается чапультепекскій *алькасаръ* (зàмокъ), реставрированный императоромъ Максимиліаномъ и украшенный чудными парками, аллеями, кіосками, павильономъ и даже звѣринцемъ: маленькій Шёнбрунъ — менѣе великолѣпія, но больше живописности. По волнистымъ возвышенностямъ, сбѣгающимъ по сторонамъ отъ Чапультепека, съ шумомъ мчится локомотивъ въ Такубаю, — городокъ расположенный въ четверти часа отъ загородной царской резиденціи, кокетливо выглядывающей изъ сочной зелени своими бѣлыми домами и виллами. Налѣво американскіе исполины: Попокатепетль и «Бѣлая Дама» вздымаютъ свои вершины, обыкновенно безоблачныя, покрытыя вѣчными снѣгами. Направо мы видимъ возвышенности Гваделупе Гидальго, а сзади насъ — несравненную столицу, широкимъ полукругомъ замыкающую горизонтъ своими безчисленными башнями и куполами и опоясанную съ трехъ сторонъ тремя озерами.

Депутація, обнадеженная и ободренная, уже проѣхала половину дороги, съ наслажденіемъ вдыхая живительную вечернюю прохладу. Императорскіе кучера, подобно всѣмъ мексиканскимъ возницамъ въ національномъ костюмѣ, не жалѣя били своихъ муловъ и живо вывезли кареты въ равнину, на разстояніе едва одного выстрѣла отъ Асіенды-де-Ласъ-Техасъ, впослѣдствіи одного изъ любимыхъ мѣстопребываній императора. На равнинѣ было довольно безлюдно; орелъ кружился высоко на воздухѣ, а у самой Асіенды нѣсколько всадниковъ упражнялись въ любимой народной игрѣ: на всемъ скаку поймать быка за хвостъ и повалить. Это называется: *Colear el Toro*. Хотя случается что и у воротъ Мексико нападаютъ и грабятъ, но присутствіе этихъ забавляющихся всадниковъ не имѣло ничего грознаго—и дамы не прерывали своихъ разговоровъ. Но вдругъ эти всадники описали большой кругъ вокругъ экипажей, бросивъ пасущихся быковъ, и галопомъ поскакали прямо на встрѣчу. «Ради Бога, поѣзжайте скорѣе!» крикнула дона Розита, сидѣвшая въ первой каретѣ, кучеру: — «черезъ три минуты мы въ Чапультепекѣ и спасены». Кучеръ обернулся и поблѣднѣлъ: онъ увидѣлъ, что у приближающихся всадниковъ лица закрыты. «Мы пропали!» пробормоталъ онъ про себя и, по мексиканскому обычаю, быстро осадилъ муловъ, потому что, пытаясь бѣжать, рискуешь жизнью. Маскированные всадники окружили кареты, съ совершенной вѣжливостью сняли свои отороченныя золотымъ позументомъ *sombreros* (широкополыя шляпы), и просили испуганныхъ дамъ выйти изъ экипажей и не оказывать безполезнаго сопротивленія. Пока бѣдняжки, окаменѣвшія отъ страха, повиновались, два всадника съ нацѣленными пистолетами наблюдали за кучерами, впрочемъ не трогая ихъ.

— Чего вы отъ насъ хотите, сеньоры? спросила Розита, наиболѣе рѣшительная изъ дамъ, — если вы требуете денегъ, берите наши кошельки; если вамъ нужны наши уборы, возьмите мой — онъ весь изъ настоящихъ бриллiантовъ. Кромѣ того я заплачу выкупъ, какой сами назначите, только теперь пустите насъ, — дѣло идетъ о жизни человѣка.

— Крайне сожалѣю, смѣясь отвѣтилъ одинъ изъ бандитовъ, — что не могу исполнить этого желанія. Мы на этотъ разъ, противъ нашего обыкновенія, отказываемся отъ всѣхъ сокровищъ земли ради вашего общества. Вы не можете предложить намъ ничего драгоцѣннѣе васъ самихъ; въ доказательство, что мы презираемъ мірскія блага и желаемъ только вашего небеснаго общества, мы даемъ вашимъ людямъ полную свободу — они могутъ воротиться въ Мексико — и беремъ только васъ, о перлы созданія! въ наши заколдованные зàмки.

Нà-смерть испуганныя дамы вскрикнули, дослушавъ до конца эту любезную разбойничью тираду, и нѣкоторыя пытались бѣжать. Всадники, съ національной ловкостью, изловили бѣглянокъ на арканы, связали всѣхъ,—даже тѣхъ, которыя не сопротивлялись,—и послѣ этой операціи отплатили не однимъ грубымъ поцѣлуемъ за пощечины, полученныя въ пылу схватки. Затѣмъ каждый посадилъ по дамѣ передъ собою на коня, причемъ нѣкоторыя отчаянно бились и защищались, и вся шайка со своими плѣнницами понеслась прямо къ Асіендѣ. Во всю дорогу не показался ни одинъ спасительный разъѣздъ, и крики дѣвушекъ терялись въ пространствѣ. Кучера ея величества, удивленные и обрадованные, что такъ дешево отдѣлались, поворотили назадъ въ столицу, такъ какъ бандиты строго запретили имъ ѣхать въ Чапультепекъ.

V.

Пять дней спустя послѣ этого страннаго похищенія, мы находимъ ту же депутацію, въ полномъ комплектѣ въ Чапультепекѣ, передъ лицемъ императора Максимиліана, къ которому онѣ наконецъ были допущены съ просьбою о помилованіи Артеаги и съ жалобой на приключившуюся съ ними бѣдственную исторію.

— Злодѣи, къ несчастію, еще не открыты, сказалъ императоръ, въ самый день похищенія узнавшій о случившемся, такъ какъ возвратившіеся кучера разсказали во всемъ дворцѣ.—Я приказалъ нарядить строгое слѣдствіе, велѣлъ забить тревогу во всемъ округѣ, чтобы были схвачены безсовѣстные разбойники — напрасно! не нашли слѣда... Первую часть вашей просьбы, сеньоры, касающуюся помилованія Артеаги, я безотлагательно обсужу въ совѣтѣ министровъ.

— Все — только не это, ваше величество! Мы обратились къ императрицѣ именно чтобъ обойти эту скалу. Мы знаемъ, какъ дурно совѣтуютъ вамъ министры, а императрица обѣщала непосредственно ходатайствовать у васъ.

Императоръ улыбнулся замѣчанію насчетъ дурныхъ совѣтовъ, но нисколько не разсердился.

— Моя августѣйшая супруга, отвѣтилъ онъ, — захворала вслѣдствіе случившагося съ вами несчастія, senoritas, и цѣлыхъ три дня была прикована къ постели нервной лихорадкой: это вѣроятно и помѣшало ей до сихъ поръ исполнить данное вамъ слово...

Розита поблѣднѣла.

— Куда только спрятали васъ похитители, продолжалъ императоръ тономъ живаго любопытства, — что не удалось отыскать вашихъ слѣдовъ?

— Они насъ повлекли въ отдаленный лѣсной гротъ въ горахъ Ріо-Фріо, три дня не выпускали насъ изъ виду, и только сегодня удалились, оставивъ насъ связанными. Мы развязались при помощи зубовъ и поспѣшили сюда. Хотя они все время не снимали масокъ, я бы немедленно узнала того. который меня везъ, — по голосу узнала бы.

— Въ самомъ дѣлѣ? молвилъ Максимиліанъ.

— Мы были безсильны противъ грубой силы, но намъ оставались одна надежда и одно утѣшеніе: надежда поспѣть еще во время, чтобы вымолить жизнь и свободу благородному Артеагѣ у милостивѣйшаго изъ монарховъ, и утѣшеніе, что мы страдали за отечество,

— Если еще не поздно, сказалъ Максимиліанъ съ оживленіемъ, — ваша просьба будетъ исполнена. Я счасливъ, когда нахожу возможность простить. Я сейчасъ телеграфирую, чтобы Мендесъ поступилъ съ плѣнными исключительно и прислалъ бы ихъ сюда. Гарсіа! крикнулъ онъ безцеремонно изъ двери, — пойдите сюда, мнѣ нужно продиктовать вамъ депешу.

Дежурный офицеръ, красивый юноша съ живымъ смышленымъ лицомъ, вошелъ въ комнату. На рукавѣ его краснаго казакина былъ капитанскій значекъ. Онъ низко поклонился.

— Ваше величество приказываете?... спросилъ онъ.

Розита Морено вскрикнула.

— Это онъ! Онъ! Мой похититель, мой... больше она не въ состояніи была выговорить.

Офицеръ началъ замѣтно дрожать. Максимиліанъ въ изумленіи взглянулъ на него, потомъ на дѣвушку.

— Что это значитъ? спросилъ онъ.

— Я узнала его по голосу, отвѣчала она: — его фигура... Это онъ! Будьте правосудны, ваше величество! это — начальникъ бандитовъ.

Въ эту минуту раздался шорохъ шелковаго платья, растворилась дверь скрываемая обоями—и ея величество императрица Шарлотта вошла съ письмомъ въ рукѣ.

— Какъ жаль, Максимиліанъ, сказала она, сдерживая волненіе, — что эти дѣвицы опоздали съ просьбой о помилованіи Артеаги!.. я забыла, съ испугу за нихъ, обратить твое вниманіе на этотъ предметъ. Сію минуту получена депеша отъ генерала Мендеса, въ которой онъ увѣдомляетъ насъ, что диссиденты Артеага и Саласаръ казнены согласно закону. Крайнѣ сожалѣю, senoritas, что вамъ такъ непосчастливилось. Не ходатайствуйте лучше никогда за людей, нарушающихъ общественный миръ, — это не приноситъ счастья.

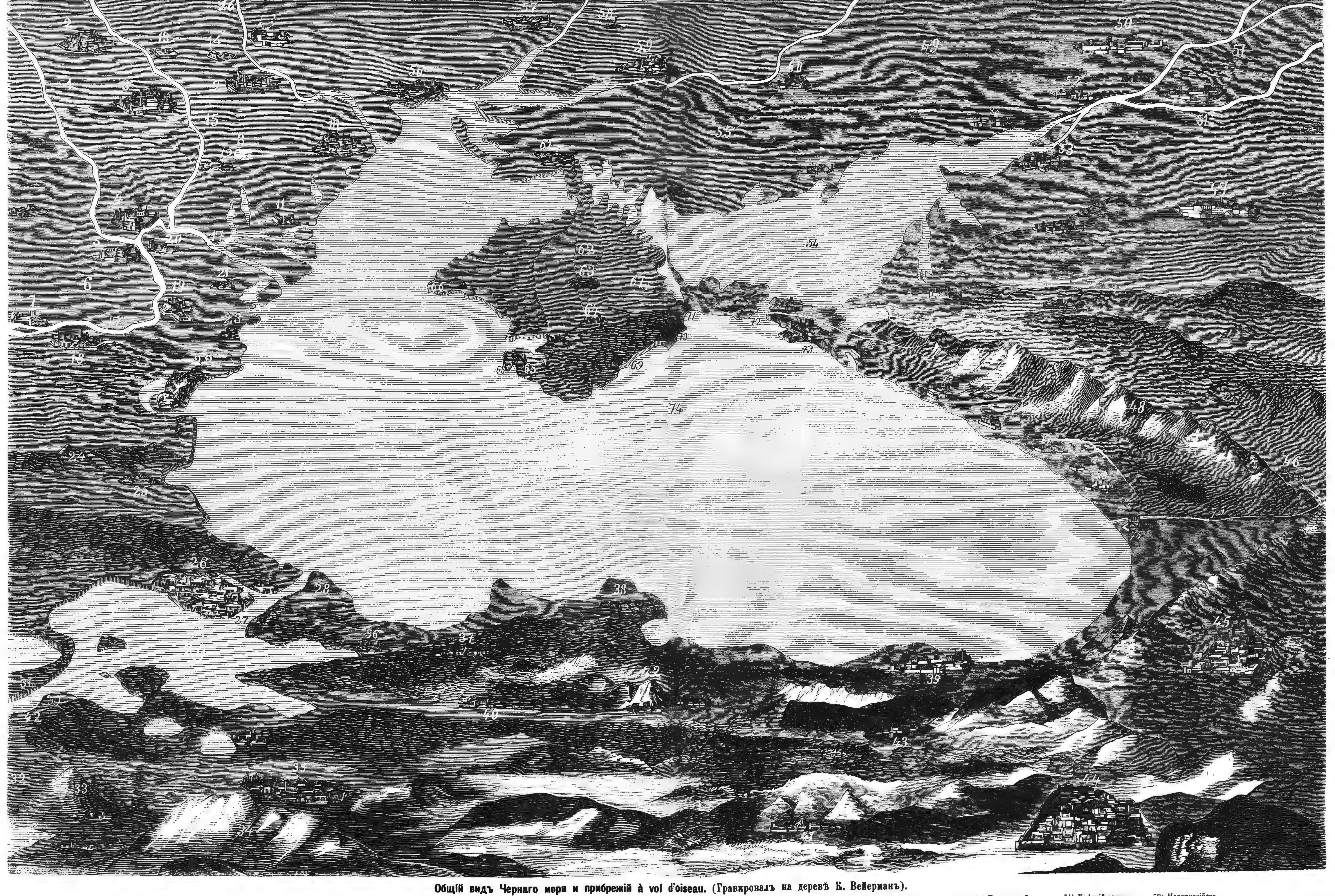
— Понимаю! рѣзко перебила ее Розита Морено, блѣдная, съ пылающимъ взоромъ, ставъ передъ императрицей, — понимаю! Государь, вы несчастливы на окружающихъ: здѣсь — беззастѣнчивое честолюбіе, которое жертвуетъ гордости и принципу всѣмъ, даже невинными; а тутъ (она указала на офицера все еще весьма сконфуженнаго) — тутъ сбиры, на долю которыхъ выпадаетъ порученіе удалять неудобныхъ мексиканокъ.

— Эта дѣвчонка помѣшана! презрительно произнесла Шарлотта, — Гарсіа, будьте добры, выпроводите эту дерзкую компанію за дверь.

Капитанъ не заставилъ повторить это приказаніе, а быстро и въ точности исполнилъ его съ помощью нѣсколькихъ лакеевъ. Несчастныхъ не только выпроводили за дверь, но приказали имъ немедленно выѣхать изъ столицы. Императоръ такъ и остался въ томъ убѣжденіи, что имѣлъ дѣло съ помѣшанными.

Черное море.

Черное море, въ древности *Pontus Euxinus*, окружено, какъ извѣстно, съ запада Балканскимъ полуостровомъ и Молдавіей, съ юга Малой Азіей, а съ сѣвера и сѣверо-востока Россійской имперіей. Оно образуетъ собой какъ бы обширное озеро, лежащее среди двухъ частей свѣта, и служитъ наиболѣе близкимъ сообщеніемъ между ними. Берега этого моря были нѣкогда усѣяны греческими, а впослѣдствіи римскими колоніями. На берегу пролива Эникале, въ окрестностяхъ Керчи находились, въ древности, города Пантикапея, Нимфайонъ, Киммерія и Фанагорія; городъ Пантикапея былъ столицей Босфорскаго царства. Крымскій полуостровъ, лежащій въ сѣверной части этого моря, былъ территоріей Крымскаго царства, а еще ранѣе колоніей генуэзцевъ. Въ древности же здѣсь находилась греческая колонія, Херсонесъ (между Балаклавою и Севастополемъ), впослѣдствіи называвшійся у варяго-русовъ Корсунемъ. Греція считала этотъ полуостровъ своею житницею, такъ какъ земля изобиловала хлѣбомъ и виномъ, а Меотійское болото (Азовское море) рыбою, которая развозилась во многія страны. Послѣ страна эта перешла во владычество римлянъ. Въ недавнее время ей было суждено стать театромъ кровопролитной борьбы, извѣстной подъ названіемъ Севастопольской компаніи.

Общій видъ Чернаго моря и прибрежій à vol d'oiseau. (Гравировалъ на деревѣ К. Вейерманъ).

1) Молдавія.
2) Ботоханы городъ.
3) Яссы городъ.
4) Галачъ горъ.
5) Браиловъ городъ.
6) Валахія.
7) Ольтеница крѣпость.
8) Бессарабія.
9) Бендеры гор.
10) Аккерманъ кр
11) Килія.
12) Кагіилъ.
13) Фальчи.
14) Кишиневъ.
15) Прутъ рѣка рус. гр.
16) Днѣстръ рѣка.
17) Дунай рѣка.
18) Силистрія крѣп.
19) Гирсова.
20) Мачинъ.
21) Бабадакъ.
22) Варна крѣп.
23) Бальчикъ
24) Балканскія горы.
25) Бургасъ.
26) Константинополь.
27) Босфорскій проливъ.
23) Скутари.
29) Мраморное море.
30) Дарданеллы.
31) Галиполи.
32) Бурнабаши.
33) Гора Ида.
34) Гора Олимпъ.
35) Брусса городъ.
36) Измидъ.
37) Боли.
38) Синопъ.
39) Трапезундъ.
40) Ангора.
41) Токатъ.
42) Амасса.
43) Никсаръ.
44) Арзерумъ гг.
45) Карсъ крѣпость.
46) Гори городъ.
47) Ставрополь.
48) Кавказскія горы.
49) Земля В. Донск.
50) Новочеркасскъ.
51) Донъ рѣка.
52) Ростовъ-на-Дону.
53) Азовъ городъ.
54) Азовское море.
55) Степи южной Россіи.
56) Одесса.
57) Николаевъ.
58) Памят. Потемкину.
59) Херсонъ.
60) Бериславъ.
61) Перекопъ.
62) Крымъ.
63) Симферополь.
64) Бахчисарай.
65) Севастополь.
66) Евпаторія.
67) Карасу-базаръ.
68) Балаклава.
69) Алупка.
70) Кафа.
71) Кафскій заливъ.
72) Керчь гор.
73) Анапа крѣп.
74) Черное море.
75) Ріонъ рѣка.
76) Поти городъ.
77) Тамань.
78) Новороссійскъ.
79) Геленджикъ.
80) Редутъ Кале.
81) Сухумъ Кале.
82) Кубань рѣка.
83) Таганрогъ.

По восточному берегу Чернаго моря тянется цѣпь Кавказскихъ горъ—и только на юго-востокѣ, близъ Поти, мѣстность дѣлается менѣе гориста. Съ описаніемъ и бытомъ прилегающихъ областей Кавказа читатели могутъ ознакомиться въ статьяхъ подполковника Коптева (Изъ кавказскихъ воспоминаній) и П. Я. Бугайскаго (Очерки Кавказа), помѣщенныхъ въ «Нивѣ» 1870 года.

Вдоль южнаго берега идетъ сѣверная цѣпь горъ Тавра, почти параллельно средней цѣпи; между нею и моремъ лежатъ узкія равнины, на которыхъ построены города Трапезундъ, Синопъ и другіе.

Городъ Трапезундъ, бывшій нѣкогда столицей Комненовъ, имѣетъ довольно сильную крѣпость и хорошій рейдъ. Изъ наиболѣе замѣчательныхъ зданій—это базаръ и мраморныя бани чрезвычайно изящной архитектуры. Изъ древностей—останавливаетъ вниманіе путешественника храмъ Аполлона, представляющій высокое осьми-угольное зданіе. Вокругъ этого города разстилаются плодородныя и въ высшей степени живописныя мѣстности. Къ югу отъ Трапезунда, въ бывшемъ армянскомъ царствѣ, находится Арзерумъ—промышленный городъ и центръ транзитной торговли въ этой странѣ. Оружейное мастерство здѣсь очень развито—и сабли, которыя фабрикуются въ этомъ городѣ, пользуются вполнѣ заслуженной извѣстностью въ Европѣ. Во время занятія этого города русскими войсками, было найдено ими много щитовъ, шлемовъ, аллебардъ, чрезвычайно древнихъ, въ старомъ монастырѣ, превращенномъ турками въ арсеналъ.

Городъ Карсъ, находящійся также въ Арменіи, лежитъ среди возвышенной мѣстности. Это — весьма сильная крѣпость, которая выдержала довольно продолжительную осаду во время Севастопольской войны, и была взята русскими войсками, которыми предводительствовалъ генералъ Муравьевъ. Осада Карса стоила большихъ усилій, такъ какъ союзники Турціи — Франція и Англія — озаботились во-время снабдить находившіяся въ этомъ городѣ войска превосходными штуцерами. Но Карсъ все-таки палъ. Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ публицистовъ Франціи, Шарль-де-Мазадъ, сказалъ въ одномъ изъ политическихъ обозрѣній Revue des deux Mondes за 1855 годъ, что блестящая побѣда русскихъ подъ Карсомъ и геройская защита Севастополя поддержали славу русскаго оружія, а Шарля-де-Мазада упрекнуть въ пристрастіи къ русскимъ — нельзя.

Къ замѣчательнымъ городамъ Малой Азіи принадлежатъ: Токатъ, Амасса, Боли и Брусса. Токатъ, построенный на склонахъ Кизилъ-Ирмака, пріятно поражаетъ хорошо-мощенными улицами и внѣшностью чисто-европейскою. Въ этомъ городѣ много шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ фабрикъ; сверхъ этого, здѣсь фабрикуютъ хорошіе ковры и всякаго рода мѣдную посуду.

Амасса — также весьма промышленный городъ; здѣсь идетъ очень оживленная транзитная торговля, — впрочемъ она составляетъ исключительный характеръ почти всѣхъ мало-азіатскихъ городовъ. Изъ остатковъ глубокой древности здѣсь замѣчательны развалины храма и цитадели. Мечеть султана Баязета принадлежитъ къ новѣйшему времени, и построена въ арабскомъ стилѣ.

Городъ Боли извѣстенъ своими кожевенными заводами и ситцевыми фабриками; чрезъ него обыкновенно проходятъ караваны идущіе въ Константинополь.

Брусса лежитъ у подножія знаменитаго Олимпа—это очень красивый городъ, и едва-ли не самый промышленный и богатый изъ всѣхъ остальныхъ. Здѣсь много великолѣпныхъ мечетей, нѣсколько каменныхъ караван-сараевъ и множество изящныхъ фонтановъ.

Синопъ — приморскій городъ съ весьма хорошимъ портомъ; съ именемъ этого города неразрывно связано воспоминаніе о побѣдѣ одержанной русскимъ флотомъ, подъ начальствомъ адмирала Нахимова, надъ турецкимъ, въ началѣ Крымской войны.

На юго-западѣ Черное море съ Мраморнымъ соединяется Босфорскимъ проливомъ, на европейскомъ берегу котораго находится Константинополь.

Этотъ городъ, называвшійся въ древности Византіей, потомъ, съ 320 года, сдѣлавшись столицей Восточной Римской имперіи, получилъ свое теперешнее названіе. Въ 1453 году онъ былъ покоренъ турками, которые съ этого времени утвердили свое господство на Балканскомъ полуостровѣ. Мѣстоположеніе Константинополя чрезвычайно живописное; онъ расположенъ на небольшомъ мысѣ, который глубоко вдается въ море; по ту сторону пролива видѣнъ берегъ Малой Азіи, на которомъ лежитъ городъ Скутари. Наиболѣе замѣчательные памятники искусства въ Константинополѣ — это мечети, которыхъ насчитываютъ до 344-хъ. Храмъ св. Софіи, построенный императоромъ Юстиніаномъ въ 532-мъ году и обращенный въ мечеть Магометомъ II, представляетъ образчикъ наиболѣе изящной архитектуры послѣ храма Петра и Павла въ Римѣ. Куполъ его послужилъ моделью для куполовъ прочихъ храмовъ, воздвигавшихся въ разныя времена въ Венеціи, Пизѣ и Римѣ. Изъ мусульманскихъ храмовъ, построенныхъ въ арабскомъ стилѣ, замѣчательны мечети султана Ахмета, Солимана, Османа и султанши Валидé, матери Магомета IV-го. Константинопольскій портъ считается однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ; на одномъ изъ береговъ его находится арсеналъ и корабельныя мастерскія; нѣсколько далѣе—предмѣстія Пера и Галата.

Къ сѣверу отъ Константинополя тянутся огромные лѣса, покрывающіе прибрежныя горы; самые берега не представляютъ большихъ извилинъ и глубокихъ заливовъ, какъ вообще берега Чернаго моря.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, самая замѣчательная — это Дунай. Онъ выходитъ изъ великаго герцогства Баденскаго, потомъ протекаетъ по Виртембергскому королевству и Баварскому, по Австро-Венгерской имперіи и Турціи. Въ Германіи эта рѣка проходитъ чрезъ города Ульмъ, Ратисбоннъ, Нассау и Линцъ, далѣе она протекаетъ чрезъ Вѣну и Пестъ, въ Сербіи чрезъ Бѣлградъ, и въ Турціи чрезъ города Видинъ, Никополи, Рущукъ и Силистрію. Послѣдніе два города знамениты въ военныхъ лѣтописяхъ Россіи; въ Силистріи находились наши войска до уплаты Турціей военной контрибуціи по трактату 14-го сентября 1829 года. Близъ устья Дуная находится крѣпость Измаилъ, которая отошла отъ Россіи по Парижскому трактату 1856 года, вмѣстѣ съ небольшой частью территоріи.

Важное значеніе этой рѣки въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ — отрицать нельзя. Вытекая изъ самой населенной и промышленной части Германіи, эта рѣка служитъ самымъ естественнымъ путемъ сообщенія средней и юго-восточоой части Европы съ Азіей. Если политическое значеніе Дуная дѣлаетъ желательнымъ исключительное обладаніе его устьями тѣмъ націямъ, которыя представляютъ могущественные политическіе организмы, то, мы думаемъ, что и славянскія страны, по берегамъ этой рѣки, имѣютъ также право участвовать

во всѣхъ выгодахъ, которыя могутъ доставить эти устья (см. ст. В. И. Кельсіева «Устья Дуная» Нива 1870 г.).

Въ настоящее время, какъ извѣстно читателю, обсуждается въ Лондонѣ вопросъ о нейтрализаціи Чернаго моря. Депеша русскаго канцлера отъ 19 октября 1870 года возстанавливаетъ только неотъемлемыя права Россіи на Черномъ морѣ, не возбуждая никакихъ вопросовъ, которые могли бы показаться выходящими изъ предѣловъ сдѣланной деклараціи; тѣмъ не менѣе австрійскіе журналы заговорили почему-то объ устьяхъ Дуная, что произвело извѣстное впечатлѣніе и на германскую прессу. Какъ бы то ни было, если возникнутъ какія-либо затрудненія на Востокѣ, поводомъ къ которымъ послужатъ безпрестанно вытекающія недоразумѣнія между Оттоманской Портой и Румуніей или другими ея вассальными владѣніями, — мы думаемъ, что роль Австро-Венгріи будетъ далеко не безпристрастная, особенно если принять въ расчетъ великія событія, которыя совершаются теперь на исторической почвѣ Франціи. Стремленія Россіи клонятся только къ тому, чтобы выйти изъ ненормальнаго положенія, въ которое она была поставлена 14 статьей Парижскаго трактата, и имѣть снова военный флотъ, который былъ потопленъ русскими во время осады Севастополя, послѣ блестящей побѣды при Синопѣ.

На сѣверномъ устьѣ Дуная лежитъ крѣпость Киліа, которая до 1856 года принадлежала Россіи. Къ сѣверу отъ нея находится Бессарабія, составляющая пограничную область Россійской имперіи съ Турціей. Главный городъ Кишиневъ имѣетъ въ настоящее время до 80-ти тыс. жителей. Городъ Аккерманъ, имѣющій прекрасный портъ и хорошо укрѣпленный, замѣчателенъ соляными копями. Съ развитіемъ русскаго торговаго флота на Черномъ морѣ — нѣтъ сомнѣнія что этотъ городъ значительно расширитъ свою торговлю.

Къ сѣверо-востоку отъ Аккермана лежитъ Одесса. Городъ этотъ, возникшій по мысли императрицы Екатерины II на томъ мѣстѣ гдѣ прежде находилась бѣдная татарская деревушка, — теперь одинъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ городовъ Россіи. Во время осады Севастополя англо-французскій флотъ стоялъ въ виду Одессы, и одно время городъ этотъ подвергался довольно сильной бомбардировкѣ. Отпускъ хлѣба за границу чрезъ одесскій портъ увеличивается съ каждымъ годомъ; желѣзная дорога идущая изъ Кіева въ Одессу много облегчаетъ сбытъ продуктовъ, не смотря на отсутствіе побочныхъ вѣтвей. Торговля Одессы процвѣтаетъ, здѣсь много банкирскихъ конторъ и промышленныхъ ассоціацій; можно надѣяться, что торговое и промышленное значеніе прибрежныхъ русскихъ городовъ увеличится и получитъ большую устойчивость съ возникновеніемъ черноморскаго флота и пріобрѣтеніемъ снова того вліянія, которое Россія должна имѣть въ качествѣ великой державы на водахъ Чернаго моря, по деклараціи русскаго канцлера отъ 19 октября 1870 года.

Политическое обозрѣніе.

Великая драма, разыгрывающаяся болѣе полугода въ Европѣ, быстро стремится къ своей развязкѣ. Кровопролитная франко-нѣмецкая война вступила въ свой заключительный фазисъ: если она не кончилась еще совершенно, то уже пріостановилась,—а эту пріостановку, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, можно считать прекращеніемъ борьбы. 28-го января въ Версали подписана капитуляція Парижа г. Жюлемъ Фавромъ и имъ же заключено съ графомъ Бисмаркомъ перемиріе для всей Франціи по 19 е февраля. 29-го января императоръ Вильгельмъ извѣстилъ объ этомъ событіи императрицу слѣдующею телеграммой: «Вчера вечеромъ подписано трехъ-недѣльное перемиріе. Линейныя войска и подвижная гвардія остаются въ Парижѣ военноплѣнными. Мы занимаемъ всѣ форты; Парижъ остается въ обложеніи, но можетъ снабжать себя продовольствіемъ, послѣ сдачи оружія гарнизономъ. Національная гвардія принимаетъ на себя охраненіе общественнаго порядка. Учредительное собраніе созывается въ Бордо въ теченіи двухъ недѣль. Арміи въ полѣ удерживаютъ занятыя ими мѣста, съ нейтральными полосами между собою. Это есть благословенная награда за нашъ патріотизмъ, геройство и тяжкія жертвы. Благодарю Бога за эту новую милость. Да послѣдуетъ вскорѣ и самый миръ».

Въ самое утро отправленія этой телеграммы всѣ форты, вооруженіе которыхъ стоило такъ дорого Парижу и на которые онъ возлагалъ столько надеждъ, были заняты нѣмецкими войсками, что и было приведеніемъ въ дѣйствіе установленной капитуляціи. Подробности ея слѣдующія: Перемиріе подъ Парижемъ вступаетъ въ силу немедленно, въ департаментахъ —черезъ три дня. Демаркаціонная линія идетъ по департаментамъ Кальвадоса и Орны; за нѣмцами остаются департаменты Сарты, Индры и Луары, Луары и Шера, Луаре, Іонны, и все пространство къ сѣверо-востоку кромѣ Па-де-Кале и Сѣвернаго департамента. Въ департаментахъ Котъ-д'Оръ, Ду (Doubs) и Юры, а равно подъ Бельфоромъ военныя дѣйствія продолжаются. Морскія силы включаются въ перемиріе, причемъ демаркаціонною линіей принимается меридіанъ Дюнкирхена. Изъ числа линейныхъ войскъ и подвижной гвардіи, которыя какъ сказано выше въ телеграммѣ императора, сдаются военноплѣнными, 12,000 остаются для внутренней службы. Всѣ отряды вольныхъ стрѣлковъ распущены. Со стороны нѣмцевъ будутъ приняты мѣры для содѣйствія французскимъ коммисарамъ при снабженіи Парижа продовольствіемъ. Парижъ долженъ уплатить въ теченіи 14 дней 200 милліоновъ контрибуціи.

Извѣстіе о заключеніи перемирія и о капитуляціи Парижа произвело потрясающее впечатлѣніе во всей Франціи, но, за исключеніемъ весьма немногихъ мѣстностей, населеніе, до крайности истощенное опустошительною войной, приняло его съ покорностью и съ убѣжденіемъ, что таковъ могъ быть единственный выходъ изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ находится страна. Бордосская делегація (или, правильнѣе сказать, г. Гамбетта, только-что заявившій въ своемъ циркулярѣ къ префектамъ о необходимости биться до истощенія силъ) въ началѣ какъ будто обнаружила сопротивленіе распоряженіямъ парижскаго правительства, но принуждена была уступить необходимости. Хотя г. Гамбетта издалъ прокламацію къ французскому народу съ протестомъ противъ распоряженій парижскаго правительства, но тѣмъ не менѣе декретомъ бордосской делегаціи отъ 31-го января обнародовано въ Бордо созваніе учредительнаго собранія, выборы въ которое назначены на 8 февраля.

Другимъ декретомъ той же делегаціи объявляются лишенными избирательнаго права слѣдующія лица: тѣ, которые со 2-го декабря 1851 г. по 4-е сентября 1870 г. были министрами, сенаторами, членами государственнаго совѣта и префектами, а равно и тѣ, которые въ тотъ же періодъ времени были оффиціальными кандидатами. Устраняются отъ выборовъ также члены тѣхъ фамилій, которыя съ 1789 года управляли Франціей. Третій декретъ постановляетъ, чтобы всѣ избиратели подавали голоса въ главномъ городѣ кантона и чтобы выборы окончились въ одинъ день. Мѣстомъ засѣданія новаго учредительнаго собранія назначается Большой театръ въ Бордо.

Противъ изъятій, постановленныхъ декретомъ правительственной бордосской делегаціи, появился протестъ въ главнѣйшихъ парижскихъ газетахъ, въ которомъ между прочимъ сказано, что означенныя газеты, до обнародованія протеста, отправили депутацію къ г. Жюлю Симону, съ вопросомъ: имѣется ли декретъ парижскаго правительства о выборахъ, и будетъ ли онъ обнародованъ въ *Journal officiel*. Г. Жюль Симонъ отвѣчалъ, что декретъ въ этомъ смыслѣ подписанъ 28-го января всѣми членами правительства и что въ немъ никто не устраняется отъ выборовъ, кромѣ префектовъ въ управляемыхъ ими департаментахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Жюль Симонъ объявилъ, что онъ употребитъ всѣ свои усилія, чтобы декретъ парижскаго правительства былъ приведенъ въ исполненіе, и уполномочилъ газеты напечатать сдѣланное имъ заявленіе. Вслѣдъ за тѣмъ г. Жюль Симонъ получилъ пропускной видъ и отправился въ Бордо, гдѣ тотчасъ же созвалъ членовъ правительственной делегаціи и изложилъ имъ настоящее положеніе дѣлъ. Онъ сообщилъ имъ офиціально, что выборы въ Парижѣ назначаются на 5-е февраля, а въ департаментахъ на 8-е. Съ своей стороны и графъ Бисмаркъ протестовалъ противъ упомянутыхъ изъятій, телеграммой на имя г. Гамбетта, въ которой сказано, что «выборы, сдѣланные подъ гнетомъ произвола, не могутъ дать тѣхъ правъ, которыя признаются договоромъ за депутатами свободно избранными». Изложеніе этого протеста находится въ лондонской телеграммѣ изъ Версали, отъ 6-го февраля, гдѣ сказано, что въ переговорахъ между графомъ Бисмаркомъ и г. Жюлемъ Фавромъ придано было особое значеніе свободѣ выборовъ, чтó и высказано формально во 2-й статьѣ конвенціи. Ограниченія избирательной свободы не могутъ быть допущены съ нѣмецкой стороны, которая признаетъ только декретъ парижскаго правительства отъ 28-го января—соотвѣтствующимъ заключенному договору.

Что касается до предстоящихъ условій мира, то о нихъ еще не извѣстно ничего достовѣрнаго; все дѣло рѣшится по избраніи французскаго учредительнаго собранія и по устройствѣ во Франціи правильнаго правительства. Ходятъ слухи можетъ-быть преувеличенные, что Пруссія потребуетъ Эльзаса, Лотарингіи, и уплаты 8 мильярдовъ за военныя издержки; утверждаютъ даже, что она этимъ не удовольствуется и потребуетъ 20 французскихъ казенныхъ судовъ и колонію Пондишери.

Мы упомянули уже выше, что изъ перемирія исключены были три юго-восточные департамента и крѣпость Бельфоръ. Военныя дѣйствія, продолжавшіяся тамъ во время переговоровъ о перемиріи, были въ высшей степени бѣдственны для французскихъ войскъ. Армія Бурбаки, разбитая Мантейфелемъ, прижата была къ швейцарской границѣ (одинъ только корпусъ успѣлъ пробраться на югъ) и перешла ее въ массѣ 80,000 человѣкъ, гдѣ положила оружіе и размѣщается по различнымъ кантонамъ. Объ этомъ генералъ Кленшанъ, принявшій начальство вмѣсто Бурбаки, официально извѣстилъ французское правительство. Офиціальная версальская телеграмма сообщаетъ, что переходъ французской арміи въ Швейцарію послѣдовалъ послѣ грознаго трехдневнаго сраженія 30-го, 31-го января и 1-го февраля. Нѣмецкая армія взяла 19 орудій и картечницъ, около 15,000 плѣнныхъ и въ томъ числѣ двухъ генераловъ, нѣсколько сотъ вагоновъ съ провіантомъ и большіе запасы оружія. Гарибальди, находившійся въ то время въ Дижонѣ, подвергался опасности быть окруженнымъ, чего онъ избавился поспѣшнымъ отступленіемъ. 1-го февраля послѣ непродолжительной битвы нѣмцы заняли Дижонъ.

Засѣданія Лондонской конференціи, пріостановившіяся по случаю парижскихъ событій, возобновились, какъ извѣщаетъ телеграфъ, 4 го февраля въ присутствіи всѣхъ членовъ за исключеніемъ представителя Франціи; телеграмма не сообщаетъ ничего о предметѣ засѣданія, и только гласитъ, что будущее засѣданіе назначено на 7-е февраля.

До сихъ поръ ни почему нельзя предполагать, чтобы Лондонская конференція уклонилась въ своихъ сужденіяхъ отъ предмета, по которому она спеціально собралась, то-есть отъ вопроса о Черномъ морѣ; тѣмъ не менѣе, газеты не перестаютъ строить предположенія о томъ, что конференція можетъ превратиться въ европейскій конгресъ, которому придется рѣшить всѣ спорные европейскіе вопросы. Въ особенности ожидаютъ, что на ней обсуждено будетъ положеніе Румыніи, возбуждающее въ послѣднее время тревогу въ дипломатическомъ мірѣ. Князь Карлъ-Румынскій, какъ видно между прочимъ изъ его письма, напечатаннаго вь аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, намѣревается отречься отъ престола—въ виду партій волнующихъ Румынію. Порта, какъ можно судить по телеграмнымъ и отрывочнымъ газетнымъ извѣстіямъ, намѣревается, въ случаѣ отреченія Карла, занять своими войсками Дунайскія княжества—и съ этою цѣлію отправила уполномоченнаго въ Вѣну, чтобы дѣйствовать въ согласіи съ австрійскимъ правительствомъ; но графъ Бейстъ отсовѣтовалъ ей это занятіе, какъ несовмѣстное съ положеніемъ княжествъ, поставленныхъ подъ коллективное покровительство европейскихъ державъ. Впрочемъ, если вѣрить словамъ вѣнской *Neue Freie Presse*, отъ 4 февраля, опасенія замѣшательствъ въ румынскихъ дѣлахъ исчезаютъ. Державы-покровительницы надѣятся, что князь Карлъ не оставитъ Румынію. Россія, Австрія и Германія сходятся въ этомъ желаніи, и отецъ князя убѣждаетъ его отказаться отъ его намѣренія. Та же газета присовокупляетъ, что даже въ случаѣ отреченія князя, дѣло не дойдетъ до кризиса, отвратить который твердо рѣшились великія державы.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 29 Января 1871 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

№ 6. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногороднихъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Бэръ,** Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Запорожцы.

(Историческая быль временъ Екатерины Великой).

Посмертное твореніе Нестора Кукольника.

Вечерня давно отошла; на Гассанъ-башѣ стояла Евдокѣевская ярмарка, а на этой ярмаркѣ какихъ гостей не бывало у главнаго запорожскаго низоваго войска: поляки, греки, турки, татары, жиды обоихъ законовъ, какъ тогда называли, и польскаго и крымскаго; по куреннымъ шинкамъ играли бандуры, разносились и перепутывались пѣсни, по крамному базару зѣваки шатались толпами; ни одной будки не было безъ гостей; на площадкѣ у самой башни, прозванной Гассанъ-баша, отъ которой и единственное предмѣстье Сѣчи [1]) получило свое наименованіе, стояли скамьи, почетныя мѣста для товариства,—но скамьи стояли впустѣ, только на самой крайней сидѣлъ молодой казакъ и сосалъ горькій дымъ изъ коротенькаго чубучка; хохолъ его висѣлъ надъ носомъ и, подобно маятнику, мѣрно болтался. Молодой казакъ думалъ крѣпкую думу...

— Здоровъ былъ, пане пикиниру [2]), сказалъ кто-то, садясь или лучше сказать ложась на сосѣднюю скамью. Молодой казакъ вздрогнулъ и взглянулъ на гостя. Но увидавъ, что передъ нимъ такъ покойно расположился совершенно незнакомый человѣкъ, казакъ опять предался обычной думѣ.

— А можетъ быть, пане пикиниру, вы думаете про Аджамку?..

Казакъ вскочилъ, трубка вывалилась изъ рукъ, кулаки, сжавшися, какъ-будто окаменѣли на воздухѣ...

— Чего вы это такъ одурѣли? спросилъ сосѣдъ покойно:—развѣ и я не пилъ горькой воды съ татарской кóнвы? Ой, пане пикиниру, съ запорожцами вы не справите татарвѣ учты [3]) молодецкой; вотъ ваши запорожцы великій постъ со всякой поганью по шинкамъ провожаютъ; да и не простое братство, а вотъ и куренные батьки атаманы у Шмуйла въ шинку на жиденятъ заглядываются; знаютъ, хамовы дѣти, что у тѣхъ жиденятъ борода не растетъ, а косы на пейсики закурчавлены. Вотъ вамъ и славное низовое войско!

Хотя гость былъ одѣтъ какъ и всѣ запорожскіе товарищи: подъ черкеской каптанъ широкія штаны подпоясаны шалевымъ поясомъ, сафьянные красные сапоги и шапка кабардинка съ галунами, точь-въ-точь какъ и молодой казакъ, только и разница что на гостѣ была вильчура, то есть волчья шуба, но лицо его было совершенно неизвѣстно молодому казаку, а рѣчь его—

[1]) Славная казацкая община — Запорожская Сѣчь помѣщалась обыкновенно на одномъ изъ тинистыхъ, поросшихъ камышомъ, островов за порогами Днѣпра. Въ началѣ второй половины XVI вѣка князь Вишневецкій построилъ на островѣ Хортицѣ городокъ т. е. крѣпостцу, татары ее разорили, но казаки выстроили новый городокъ на островѣ Томаковкѣ и т. д. Здѣсь-то, не боясь ни турецкихъ, ни татарскихъ, ни польскихъ полчищъ, такъ какъ одни лишь плоскодонные казацкіе чолны могли ходить по неглубокимъ протокамъ между островами, запорожская вольница основала родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные уставы и обычаи.

[2]) Пикинеры были различныхъ полковъ: луганскаго, желтаго и проч.

[3]) Угощенья.

непочтительная, даже обидная для славнаго запорожскаго войка—не оставляла сомнѣнія, что на скамьѣ улегся не запорожецъ, а степной гость, гайдамака [4]), которыхъ преслѣдовали и русскіе, и поляки, и татары, и всѣ куренные казаки. Рѣчь гостя еще болѣе привела молодаго казака въ смущеніе; онъ осматривался, но на площадкѣ никого не было. Гость замѣтилъ движеніе и улыбнулся..

— Да я же говорю вамъ, пане пикиниру, что всѣ ваши товарищи со всѣми атаманами по шинкамъ забавляются. Если бы теперь не только добрые гайдамаки, а просто харцызы, что по ночамъ на зимовкахъ овецъ да просо крадутъ, забрались до Коша [5]), то всѣ тридцать восемь куреней какъ вѣтеръ прошли-бъ, ни за одного казака, либо молодика не зацѣпились. Право, пане пикиниру, напрасно вы съ этими вѣтрогонами побратались. Носы, дурни, позадирали, да и не видятъ, какъ имъ тѣ носы москаль уже крутитъ. Не съ такою сволочью Крымъ воевать, не съ такими леденцами добывать языка, куда татарва красавицъ прячетъ. Гдѣ имъ слѣпымъ на звѣзды смотрѣть, да по степному ковылю татарскую тясьму [6]) распознавать. Ослѣпли, оглохли. То не ихъ дѣло. Нѣтъ, на то гайдамаки! Прощай, пане пикиниру, я въ Крымъ побѣгу, не за солью, не за мерлушками, а за жинкой...

Молодой казакъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ; гость любовался его замѣшательствомъ, и продолжалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ:

— А товарищамъ вашимъ не до Крыма. Стали съ панами брататься. Сказываютъ, генеральная московская старшина пошла въ товариство; сманили якогось Грыцька Нечосу, да пана Веселицкаго, да съ дѣтьми. Такого еще и не бывало, нѣмца въ куренные товарищи записали; говорятъ, что звѣзды считаетъ, какъ армяшка или жидъ гроши на базарѣ. Будетъ войско на диво! Какъ вернусь съ Крыма, привезу имъ въ товарищи цыганенка...

— А когда ты ѣдешь въ Крымъ? спросилъ молодой казакъ, сомнительно поглядывая на гостя...

— Завтра или послѣ завтра, какъ уберемся; пока рѣки не распухли надо вернуться, да еще не всѣ наши на лугу собрались...

— На Великомъ лугу! Подъ самой Сѣчью! И вы не боитесь?

— Чего?

— Да если панъ Калнышъ узнаетъ про такое сосѣдство.

— Эхъ, пане пикиниру! Пану батьку Кошевому не до насъ теперь; пусть частуетъ гостей московскихъ; вотъ и сегодня обогналъ я московскую почту; везутъ имъ на шею бляхи, на штаны аксамитъ, да на очи подвязку; я почту опрашивалъ, кто ѣдетъ; немовля, дрянное [7]); еще молоко на губахъ не обсохло, выглянуло изъ кибитки, назвалось товарищемъ, да еще Шкуринскаго куреня...

— Да наши всѣ дома...

— Всѣ, окромѣ тебя, всѣ въ шинкахъ... Какъ на звалось, то и я угадалъ что оно такое: то панъ Веселицкій, старшій сынъ бригадира...

— Э, то почетный! Почитай дѣтенышъ, хотя уже офицерскую рангу имѣетъ, и въ гвардіи капральство... То мы такъ ужъ его, отца ради, до куреня приняли.

— Принимайте, принимайте, пока васъ самихъ изъ куреней не повыгоняютъ.

— Лишь бы выгнали въ Крымъ, а не на Дунай или на Очаковъ.

— А можетъ быть и дальше.

— А куда же дальше?

— Есть Кубань, Персидское море, мало ли чего на свѣтѣ нѣтъ, найдется и для васъ и рѣчка, и море... А посмотрите, пане пикиниру, не ошибаюсь ли я—на лугу огонь, или мнѣ мерещится...

— Огонь!

— Ну такъ бывайте здоровы
Якъ волы да коровы,
Бубликомъ хвистъ завертайте
Та и насъ не забувайте!

— Куда же ты?...

— До Крыма, пане пикиниру!...

— Да какъ ты знаешь, что я былъ пикиниромъ?

— Э, давнее дѣло. Какъ Крымъ-Гирей на вашу Гузарскую Аджамку набѣжалъ, такъ я у него на хвостѣ трепака выплясывалъ; какъ погнали хана съ татарвой, такъ я у него съ головы бритой щетину выщипывалъ; слышалъ какъ бабы плачутъ, видѣлъ какъ и лыцари царскіе не хуже бабъ воютъ. Да не журитесь, пане пикиниру, и у меня татарку стащили, и у вашего куреннаго атамана, да еще и такого браваго полковника Колпака, съ зимовника всѣхъ дѣвчатъ какъ куръ подобрали. Ну, да вотъ, слава Богу, набралъ я доброе войско, не запорожское, за то надежное, клубкомъ по Крыму прокатимся, до самыхъ горъ добѣжимъ, а будетъ сподручно и за горами побываемъ, языка добудемъ...

— И я съ тобою, товарищъ!

— Гдѣ вамъ, пане пикиниру! Панамъ нашъ походъ не по шубѣ, съ голоду зубы съѣшь, съ холоду будто глина въ засуху растрескаешься...

— Есть у меня около чего погрѣться! Не боюсь я ни голоду, ни холоду, ни татарскихъ глазъ, ни ногайскихъ ушей! Ѣду!...

— Ну, такъ ходимъ!

— А конь, а оружіе! Ступай себѣ, а я пойду, снаряжусь въ путь и догоню васъ...

— Ну, этого тебѣ не удастся. Лучше мы обождемъ тебя на лугу, только не мѣшкай; а какъ прискочишь къ намъ, такъ гаркни во всю глотку: «ширинъ-барумъ», то наше гайдамацкое слово.

Молодой казакъ всталъ бодро, и пошелъ черезъ Шамбашъ, такъ домашнимъ образомъ запорожцы называли Гассанъ-башу или свои уродливыя ворота; а гайдамака, снялъ кабардинку, поправилъ оселедецъ [8]), погладилъ серебристый мѣхъ выдры на своей шапкѣ и сказалъ тихо съ улыбкой:

— Ловися рыбка молодая, да здоровая. Это уже сегодня третій куренной товарищъ попался на удочку гайдамацкую, а у этого есть и сердечная кривда на татаръ; побѣжитъ за нами якъ цюця голодная за обжареной бараньей косточкой; вотъ уже второй огонь всталъ на Ве-

[4]) Гайдамаки составляли особые отряды, почти разбойничьи, не признавшіе надъ собой никакой власти.

[5]) Въ правительственномъ отношеніи Сѣчь называлась Кошемъ и дѣлилась на курени, которые выбирали себѣ куренныхъ атамановъ. Верховная власть находилась въ рукахъ казацкаго вѣча или Рады. Рада избирала главнаго (кошеваго) атамана, пользовавшагося неограниченною властью надъ войскомъ во время похода.

[6]) Слѣдъ.

[7]) Младенецъ, неумѣющій говорить.

[8]) Длинный хохолъ на бритой головѣ, заматываемый за ухо.

ликомъ лугу, а вербовать до гайдаматства уже некого. Нельзя брать пьяницъ до секрету. А это что?

И гайдамака поспѣшно надѣлъ кабардинку, поправилъ вильчуру и всталъ. Загремѣли войсковой барабанъ и литавры. Изо всѣхъ крамовъ и шинковъ спѣшно посыпались казаки на Шамбашъ, хотя нѣкоторые, не ожидая общей войсковой Рады такъ поздно, шли не твердымъ шагомъ или опираясь на молодиковъ, то есть юношей, поступившихъ въ войско, но не приписанныхъ еще къ куреню и находившихся на искусѣ и ученіи у стариковъ. Такъ шествовалъ, опираясь на двухъ молодиковъ, и знаменитый атаманъ Шкуринскаго куреня, полковникъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ. Видно учта была обильная, потому что старикъ едва-едва передвигалъ ноги и не опирался, а почти лежалъ на молодикахъ; тѣ кряхтя не вели, а несли любимаго полковника. Колпакъ смѣялся, правильнѣе сказать по ихнему, реготалъ, то есть хохоталъ во все горло.

— Чортовъ сынъ! говорилъ онъ заливаясь смѣхомъ:— нехай ему цуръ! Гдѣ онъ слова добываетъ! Якъ мазне языкомъ, такъ ужь не тотъ такъ другой утирается. Знаетъ, бисовъ сынъ, вси подникитки въ нашей Палестыни! А какъ ему кличка?

— Метелица, пане атамане!...

— Подобралъ же бисовъ сынъ и кличку такую. Ну, Метелица такъ Метелица! А гдѣ же Метелица, нехай спивае!

— Пане атамане! Да развѣ вы не слышали, что съ поланки [9]) панъ Калнышъ благовѣстилъ... отцовъ атамановъ на раду зазываетъ!

— Какая же тамъ будетъ и рада, послѣ Метелицы да горѣлки! Чего онъ одурѣлъ панъ Калнышъ, по ночамъ товариство турбовать! Не хочу рады! Ходимъ до куреня, нехай кухарь даетъ вечерять [10])... Чуете, молодики, вечерять!... мнѣ весело, такъ пускай и моимъ цыплятамъ будетъ весело! Грыцько, у тебя ключъ отъ куренной скарбницы...

— У васъ, пане атамане!

— Дурень, лежитъ ключъ въ моихъ шароварахъ, да съ твоего боку; такъ достань меду того, что панна Марта варила...

— И уже варить не будетъ, подкинулъ гайдамака. Колпакъ оглянулся, надулся и сказалъ понизивъ голосъ:

— Утикай, братику, пока у меня ноги нездужаютъ [11]). Хлопци, а хлопци, чи се мои ноги, чи не оставилъ я своихъ ногъ у Метелицы? постой, дѣтвора, посадите меня отъ тутечки на лавку, да позовите куренныхъ казаковъ, а вамъ со мною не сдужать. Ой, ноги, мои ноги! У Метелицы пропилъ, а бисовъ сынъ, шило во рту, не языкъ... А знаешь, Косматый, что онъ и про тебя правду выспивалъ...

Все казачество уже прошло Шамбашъ; на площадкѣ, гдѣ стояли почетныя скамьи никого уже не было; молодики побѣжали за казаками, при полковникѣ остался одинъ гайдамака.

— А что же онъ тамъ за правду пѣлъ?...

— Э, Метелица розумный! Говоритъ, что коли Косматый попадется Колпаку до обѣдни, то ужь на службу въ церковь не заглянетъ.

— Отъ чего же, пане атамане?

— Отъ того, пане Косматый, что если бы я у Метелицы ногъ не забылъ, такъ я бы и теперь вашу мосць на самомъ Шамбашѣ съ церомоніей повѣсилъ...

— А за что, пане атамане?

— Про то я знаю!

— Развѣ за то, что когда у васъ на Афанасьевкѣ Крымъ-ханъ бенкетовалъ, такъ я у него въ обозѣ хозяйничалъ; да еслибы ваши люди не вывезли съ зимовника до Коша всѣхъ медовъ и наливокъ, и былобъ чѣмъ татарвѣ хмѣлю нализаться, такъ я и панну Марту бы отбилъ, а то...

— Не хвастай, пане Косматый!...

— Ой, пане атамане, гдѣ мнѣ хвалиться, когда я свою Хвилю-татарку не уберегъ.

— А что тамъ у тебя такая за Хвиля была?

— Такая, якъ у васъ, пане атамане, панна Марта была.

— Дурень! Далеко куцому до зайца. А гдѣ же твоя Хвиля?

— На одномъ конѣ съ панной Мартой до Крыму поѣхала.

— И у тебя, пане Косматый, языкъ, какъ у Метелицы, только у него медомъ, а у тебя поганымъ зѣльемъ языкъ смазанъ... Ну, поѣхали, такъ поѣхали, туда имъ дорога,—и ты пане Косматый ѣзжай до Крыму або до биса, а не то на Шамбашѣ висѣть будешь...

— Поѣду, пане атамане, поѣду до Крыму, коли ты меня отъ себя гонишь.

— Ну, яку тамъ еще байку [12]) выдумалъ? Разсказывай!

— Я пришелъ къ вамъ до куреня записаться...

Колпакъ отплюнулся, и сказалъ презрительно:

— Вотъ это вы уже, пане Косматый, на моихъ ногахъ пляшете. Можетъ быть ваша мосць позабыла, что Шкуринскій курень теперь старше Кущовскаго; что у меня товариство самое чистое христіанство православно; что у меня и шевцъ и кравецъ [13]) даже не съ жидовъ; что съ тѣхъ поръ какъ я у нихъ батькую, ни одинъ не отошелъ, ни одинъ не женился;—гдѣ ваша мосць видѣли, чтобы въ одномъ куренѣ пять сотень доброконныхъ казаковъ было?

— У пана Колпака!

— Эге! а въ какомъ куренѣ батько атаманъ спать ляжетъ и всѣ на своихъ мѣстахъ спятъ; встанетъ, и всѣ встали; чихнетъ — и всѣ какъ одинъ гаркнутъ: будьте здоровы, пане атамане!..

— У пана колпака!

— Эге! Такъ знаешь, пане Косматый, до такого куреня нѣтъ дверей для гайдамаки.

— Ну, такъ будьте-жъ здоровы, пане атамане! Коли что въ стану случится, то вы тому причина...

Гайдамака почтительно поклонился полковнику и пошелъ. Колпакъ почесалъ въ затылкѣ, чихнулъ и сказалъ: «дякую!» какъ будто благодарилъ свой курень за обычное привѣтствіе.

— Гей, Косматый, вернись!

Гайдамака воротился.

— Кайся, пане Косматый!

— Въ чемъ, пане атамане!

— Не твое дѣло; кайся!

— Да въ чемъ же я буду каяться?

---

[9]) Сборное мѣсто.
[10]) Ужинать.
[11]) Нездоровы.
[12]) Сказку.
[13]) Портной.

— А въ томъ, что ты въ Умани рѣзню затѣялъ[14]).
— Да я же тамъ и не былъ.
— Такъ другіе были, ваши проклятые гайдамаки! Мнѣ не поляковъ, не жидовъ жаль, а славное запорожское войско! Застыдили нашу мать-Сѣчь и все лыцарьство. Харцызы ледачіе — запорожцами назвались, да хуже татарвы поганой Умань вырѣзали; а мать государыня царица на насъ разсердилась—и письмо войску такое писала, что якъ на радѣ читали, такъ я отъ стыда зажмурился. Чтобы васъ всѣхъ въ пеклѣ на шписахъ[15]) пережарили, гайдамаки не оплаканные! Кайся, а не то...
— Пане батько атамане ласковый, убей меня громъ, коли я на Умани былъ отродясь; чуть, чулъ, а...
— Такъ и за то кайся...
— Въ этомъ пожалуй каюсь...
— Ну, перехрестысь!
— Вотъ вамъ и хрестъ!
— Эге, такъ ты христіанства не оставилъ; а откуда ты сбѣжалъ въ гайдамаки?..
— Э, да у васъ, пане атамане, дуже ноги болятъ...
— Дурень! Мои ноги, ты на нихъ ходить не будешь. Ну, такъ откуда?
— А чи я васъ спрашиваю, откуда вы до Сѣчи пришли? Вотъ это уже вы, пане атамане, противу кошеваго закона чините.
— Я пришелъ до Сѣчи служить, а ты, пане Косматый, красть, да придурковатыхъ до гайдаматства сманивать. Ну, кайся, кого сманилъ...
Гайдамака смутился...
— А що, пане Косматый, секрету зъ вашей кешени добыли? А нуте кайтесь, кайтесь, пане Косматый.
Изъ Шамбаша въ это мгновеніе вышелъ молодой казакъ, нашъ знакомецъ; Колпакъ взглянулъ на него и улыбнулся.
— Лешко! спросилъ Колпакъ, и казакъ, покраснѣвъ до ушей, остановился передъ нимъ какъ вкопанный:— это уже вы развѣ у гайдамакъ научились, чтобы безъ спросу у своего батьки ходить на полеванье (охоту), да на какого звѣря вы столько оружія тащите? И шписа, и рушница[16]), и четыре пистоли, и шаблюга[17]). Мы никого до курени шнуромъ не вяжемъ; а если запорожская воля кому не мила стала, такъ поклонись атаману—и такъ отпустимъ, аттестатъ дадимъ; насильно никого не держимъ; Шамбашъ всегда отпертъ; на куренныхъ корпусахъ замковъ нѣтъ;—ну, Лешко, такъ куда же ты?
— Милостивый батько-атамане! сказалъ казакъ грустно, — ѣду въ Крымъ, тясьмы искать...
— А сколько лѣтъ ты въ войскѣ?..
— Два года.
— Ну, Лешко, такъ еще твои очи татарской тясьмы не распознаютъ отъ овечьяго слѣда; а въ Крыму и Колпакъ заплутался, и вмѣсто перекопскаго шляха, на арбатскую стрѣлку выбѣжалъ... Колпакъ! чуешь, Лешко? Не кто другой, Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ. Погоди, Лешко, пусть хлопцы мои вернутся, я велю писарю тебѣ аттестатъ намазать, да изъ списка куреннаго дегтемъ вычистить, чтобъ намъ уже стыдомъ не пахло. А какъ прикажешь написать, куда выбылъ: въ харцызы овецъ красть пошелъ, или въ гайдамаки для рабунку (грабежа) записался?..
— Аѳанасій Ѳедоровичъ! вамъ хорошо говорить! Вы не знаете, зачѣмъ я въ войско записался; вербовщики сулили походъ на Крымъ.
— И будетъ походъ.
— Да когда? Вотъ уже два года прошло. Въ Буджакъ ходили, а въ Крымъ...
— Въ этомъ году пойдемъ! Вотъ Лешко, ты разумный москаль. Учили тебя всему и всякому; такъ вѣрно умѣешь сны толковать. Послѣ трапезы, сегодня, велѣлъ я себѣ ковшъ съ медомъ подать да михаилыковъ съ десять и выпилъ; положилъ пятака въ карнавку, разщедрився, думаю: вотъ буду храпѣть, за рѣчкой будетъ слышно; куда, бѣсъ его знаетъ, не сонъ а стябло (рѣшето) передъ глазами, або будто Метелица... а чортовъ сынъ, гарно бреше[18]), будто ему кто языкъ на камнѣ выострилъ. Вотъ у меня ноги тѣхъ пѣсень заслушались, да и заснули, ледачія колоды.
— Такъ что же вамъ снилось, пане-атамане?
— Не твое дѣло, пане Косматый; ты кайся, пока на Шамбашъ за шею не потянули... А снилось, что я съ горы бѣгу, конь упирается, уши наставилъ: ге, думаю, гдѣ же татарва притаилась? оглянулся, подъ самымъ носомъ Карасевъ[19]) городъ, я спису надхилилъ, гаркнулъ, да и проснулся... Ну, что же той сонъ значитъ?
— А значитъ, пане-атамане...
— Молчи! не тебя спрашиваютъ. Ты мабуть (можетъ быть) у чабановъ[20]) татарскихъ сны толковать учился... Нехай, Лешко!
— Мнѣ кажется, что вашъ сонъ...
Но казакъ не успѣлъ растолковать сна. За Шамбашомъ послышались безчисленные голоса: «пане-атамане, Аѳанасій Ѳедоровичъ, полковникъ Колпакъ!»
— Тутечки! тутечки! ходите сюда, у кого есть ноги; мои у Метелицы. Изъ-подъ Шамбаша вышелъ войсковой Поддовбишній, особенный чинъ запорожскаго войска. Это былъ помощникъ войсковаго Довбиша или литаврщика, съ тѣхъ поръ какъ Стефанъ Баторій пожаловалъ войску литавры. Поклонясь почтительно Колпаку, поддовбишній торжественно произнесъ:
— Его вельможность, милостивый батько нашъ, панъ кошевой Петръ Ивановичъ, со всею старшиною войсковою[21]), стариками и куренными батьками-атаманами, указалъ мнѣ звать славнаго полковника, пана-атамана шкуринскаго куреня Аѳанасія Ѳедоровича, и вельми прохать, чтобы зволили, пожаловали на поланку, передъ церковь, въ общую войсковую раду...
— А чи вси тамъ? спросилъ Колпакъ улыбаясь.
— Вси, Аѳанасій Ѳедоровичъ, вси.
— А вотъ же не всѣ.
— Всѣ до одного.
— Мене нема, такъ вотъ же и не всѣ.
— Отъ того-то Петръ Ивановичъ и послалъ за вами, да и наказалъ, что если ваша мосць нездоровы,

[14]) Въ 1768 г., во время Барской конфедераціи, Максимъ-желѣзнякъ съ толпой гайдамаковъ произвелъ такъ-называемую *уманьскую рѣзню*. Городъ Умань принадлежалъ графу Потоцкому — и почти каждое лѣто послѣ того подвергался набѣгамъ гайдамацкимъ. Эти времена извѣстны въ народѣ подъ именемъ «Коліивщины».
[15]) Въ аду на пикахъ.
[16]) Ружье.
[17]) Сабля.

[18]) Ладно вретъ.
[19]) Карасубазаръ.
[20]) Пастуховъ.
[21]) Войсковая старшина состояла изъ обознаго, судьи, писаря, эсаула, хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ.

Бѣгъ на лыжахъ въ Норвегіи.

Гравировалъ К. Вейерманъ.

или уже на покой прилегли, такъ чтобы доложиться, а его вельможность сами до васъ пожалуетъ.

— У милостиваго вашего батька Петра Ивановича такій великій розумъ, якъ у самого нашего Межигородскаго игумена, нашего богомольца! И у Метелицы не былъ, а знаетъ, что я тамъ ноги загубивъ и на лавку на покой усѣлся. А мудрый панъ Калнышъ, чи подъ большимъ знаменемъ стоитъ?

— Ни, подъ церковью, такъ, при Степановыхъ литаврахъ...

— Такъ и войсковыхъ клейнотовъ не вынесли?

— Ни. Съ поспѣхомъ рада собрана.

— Такъ значитъ, по домашнему; можно и мнѣ по домашнему на раду явиться. Гей, Лешко, а ну, и ты пане Косматый, за покаяніе подымайте лавку съ Аѳанасьемъ Ѳедоровичемъ, несите меня на раду, на поланку до самого, до пана вельможнаго... Гей, хиба забыли что не кто другой, самъ Колпакъ приказываетъ!

Лешко и за нимъ толпа казаковъ бросились и подняли скамью, на которой, безопасности ради, уже верхомъ сидѣлъ Колпакъ и держался за нее обѣими руками. Гайдамака или подозрѣвалъ Колпика въ недобромъ противу него умыслѣ, или побоялся осквернить своимъ гайдамацкимъ присутствіемъ церковную паланку, только не послушалъ Колпакова приказа и остался одинъ на предмѣстьи. Колпакъ замѣтилъ это, и когда его внесли подъ сводъ Шамбаша, онъ закричалъ:

— Стой! Гей, пане Косматый, ось тутечки велю тебя обвѣсить!

— Впередъ! На то уже Колпакъ—и пьяный, а все-таки казакъ доброконный! Такого коня, певно [22]), ни у одного Кошеваго не бывало. Тпрр!....

И скамья опустилась на площадкѣ къ общему соблазну и удивленію войсковой старшины и московскихъ чиновниковъ.

Кошевой былъ совершенно смущенъ; хотя ст. сов. Веселицкій—проживавшій въ разныхъ мѣстахъ Новой Россіи и производившій (какъ тогдашніе дипломаты назвали) татарскую негоціацію—и приписался съ обоими сыновьями своими къ войску, и принадлежалъ даже къ Шкуринскому куреню, однако же казаки мало вѣрили его расположенію къ Кошу, тѣмъ болѣе что имъ были довольно хорошо извѣстны столичные слухи о сѣчевой неурядицѣ, а прибытіе Колпака домашнимъ образомъ на общую войсковую раду на дѣлѣ подтверждало эти непріятные слухи передъ москалями. Кромѣ Веселицкаго съ сыномъ, на площадкѣ стояли еще командиръ ретраншамента, астрономъ Эйлеръ, неизвѣстно почему приписанный также въ казачество, и его спутники по ученой экспедиціи. Панъ Калнышъ, или какъ тогда уже онъ подписывался: Калнышевскій, счелъ обязанностію публично изъявить свое неудовольствіе — и съ достоинствомъ, приличнымъ случаю, сказалъ полковнику:

— Аѳанасій Ѳедоровичъ, вотъ этого я уже и не ожидалъ отъ вашей мудрости и храбрости и прикладной любви и уваженія къ сѣчевому порядку. Вамъ извѣстно, паче другихъ, что душа всякой благоустроенной громады, неослабно пекущейся о сохраненіи и защищеніи православной вѣры въ преуспѣваніи и совершеніе земскихъ дѣлъ, славнаго низоваго войска запорожскаго, на славу, величіе и пользу Ея Императорскаго Величества Матери нашей, Государыни Царицы и отъ вѣка признаваемыхъ и хвалебно аттестуемыхъ заслугъ шляхетно служащаго рыцарства, на общихъ войсковыхъ радахъ и кошевыхъ сходкахъ и на полѣ подъ туркомъ, подъ полякомъ и подъ татариномъ и подъ ногаемъ, и гдѣ покажутся гайдамаки, тѣ степные харцизи, которые Умань какъ ночные злодѣи вырѣзали, да нашимъ плащемъ и прикрылись.....

— Будетъ, будетъ!.. перебилъ Колпакъ измученный краснорѣчіемъ Кошеваго.—Нето у васъ языкъ, какъ у меня ноги, отымется къ войсковому ущербу. Кто другой, какъ не Колпакъ каждый день про порядокъ *спивае*. И теперь не мое дѣло, а я ось сюда конно пріѣхалъ, да и не знаю, что у васъ такое; рада не рада, бо не бачу великой царской хоругви, ни булавы, ни бунчука, ни пермага, ни другихъ войсковыхъ клейнотовъ; а Степановскіе бубны, такъ у Метелицы есть еще лучшая музыка—и на ней Метелища, бисовъ сынъ, лучше играетъ, чѣмъ панъ войсковой Довбышъ. Онъ и про васъ вельможный пане батьку Петръ Ивановичъ пѣсню сложилъ. Послушайте ее, не мѣшаетъ... Такъ какая же это рада!.. и не сходка; бо тутъ не одни восковые каплуны сидятъ, а со всѣхъ куреней циплята толкутся. Такъ я и распросилъ; а какъ распросилъ, то подумалъ, что меня на учту зовутъ банкетовать, такъ я конно и пріѣхалъ. А если у васъ важное дѣло, такъ нехай хоругвь и клейноты вынесутъ, нехай всякой на свое мѣсто станетъ; тогда уваженіе къ старинѣ и порядку можетъ быть и мои ноги подлечитъ. Гей, Лешко! Подойди!

Панъ Калнышъ окончательно былъ смущенъ замѣчаніями Колпака. Веселицкій хотѣлъ его выручить и сказалъ Колпаку:

— Аѳанасій Ѳедоровичъ! важность извѣстія....

— Не слышу, не слышу! Да и то сказать, братику, что ты пане бригадиру—моего куреня казакъ; такъ на радѣ стоять тебѣ за мною, а не передо мною. А какъ до Ногая або до хана доѣдешь, да меня съ собою возьмешь, такъ уже я за тобой стоять буду

Веселицкій улыбнулся и отвѣчалъ:

— Я тутъ, господинъ полковникъ и атаманъ, не за себя стою а за матушку Государыню, отъ Ея Величества грамота пришла.

— Э, такъ хоругвь, и кабардинки долой, гультаи!

Первый, Колпакъ снялъ свою шапку и, опираясь на Лешку, не безъ труда сталъ на ноги.

— Постой же, Метелица, отниму и я у тебя ноги!..

— Государыня Царица.... началъ было Кошевой.

— Не слышу, не слышу; хоругвь, клейноты! Гей, стадо мое, Шкуринскіе воеводы мои; становись подъ чинъ при боку своего батька атамана. Хрестысь! Протирай уши, на меня гляди, да слушай съ аттенціей!

— Онъ не уймется! сказалъ Веселицкій тихо Кошевому:—прикажите вынести хоругвь и клейноты.

— А что Лешко, удержишь меня?

— Удержу! Только не ворочайтесь! Стойте смирно.

Между тѣмъ вынесли хоругвь и клейноты; старшина заняла назначенныя мѣста; куренные казаки построились за своими атаманами. Колпакъ окинулъ взоромъ собраніе и сказалъ самодовольно:

— Чи-жъ не лучше! Ну теперь не хай панъ писарь читае.

И Войсковой Писарь, четвертый войсковой чинъ, торжественно прочелъ высочайшее повелѣніе объ отправленіи въ Крымъ 500 избранныхъ казаковъ подъ начальствомъ именно полковника Колпака.....

— Чи чуешь Лешко! Нехай Богъ милуе! До Кры-

---

[22]) Вѣрно.

му! а що Лешко Журьба, чего журився! [23]) Знаютъ ноги сами, когда въ нихъ нужда. Оттаяли!... до Крыму! Добре! И сна не нужно отгадывать. Вотъ бачите [24]), вельможный пане батьку, если бы вы не вынесли хоругви, да булавы не взяли въ руку, такъ я и самимъ бы вамъ не повѣрилъ, что мати наша Царица Великая про Колпака знаетъ, и Колпаку довѣряетъ крымскую свою армію беречь и татарву бить, и панну Марту добывать! Да и такъ что-то мнѣ не вѣрится. А пожалуйте пане писарю той листъ; нехай Лешко прочитаетъ еще разъ, якъ тамъ мати наша Государыня Царица пише... Читай Лешко....

— «Избравъ изъ среди войска 500 казаковъ доброконныхъ....

— Хоть двадцать пять тысячь....

— Знающихъ положеніе мѣстъ до Перекопу и за Перекопъ....

— Знаемъ, знаемъ положеніе мѣстъ, ажъ до самой Кефи бували. Ну!

— Пріуготовить ихъ для походу при арміи....

— Готовы!

— Препоруча ихъ въ команду полковника Колпака....

Колпакъ поклонился.

— Яко довольно извѣстнаго.

— Мати добрая! Чѣмъ я тамъ извѣстенъ?!

— Надежнаго....

— Отъ се такъ правда! Только ноги, да въ Крыму нема Метелицы ...

— И оную степь гораздо знающаго...

— И се правда, весь степъ и со всими бусурманскими грады.... Все?

— Все.

— Дай же мнѣ листъ! Поцѣлую, да и на коня!

Колпакъ поцѣловалъ желтый листъ бумаги, отеръ слезу и закричалъ:

— Гей, шкуринци, вечерять! Ночью снаряжаться, чуть свѣтъ до Покрова на молебенъ, да до пана батька Кошеваго на поклонъ; тамъ на конь и до Крыму. Гей, Лешко! ходимъ!

Колпакъ шелъ къ куреню своему довольно бодро, но изъ предосторожности опирался на Лешка и тихо говорилъ ему:

— А що, Лешко? на мое вышло! Выгубимъ татарву поганую; пану Марту добудемъ.

— И Надю.... тихо прошепталъ Лешко Журьба.

— Яку тамъ Надю! съ каждаго города по одной татаркѣ тебѣ подарю; какая баба на мою атаманскую долю придется, тебѣ отдамъ...

— Не нужно; только Надю....

— На мѣстѣ посмотримъ. Чи Надю, чи Алену, якая утрафить. А теперь вечерять! Гей, молодики, ще бочку меду, що панна Марта варила.

— Пане атамане, только одна и осталась!

— Подавай и остатнюю, туда ей и дорога; а какъ панна Марта съ Крыму вернется, такъ еще не такого меду намъ сварить.

(Продолженіе будетъ).

Бѣгъ на лыжахъ въ Норвегіи.

Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я находился въ Христіаніи. Изъ всѣхъ зимнихъ удовольствій, мое вниманіе особенно привлекалъ бѣгъ на лыжахъ, который здѣсь почти-что повсемѣстенъ,—а потому, узнавъ, что должны состояться спорные бѣги, я тотчасъ рѣшилъ неупускать удобнаго случая и ближе познакомиться со степенью искусства столичной молодежи въ этомъ дѣлѣ. Испытаніе должно было происходить въ полѣ, а потому, закинувъ за плечи свои лыжи, я отправился въ назначенный день на желѣзную дорогу къ назначенному мѣсту.

Дойдя до воксала, я нашелъ здѣсь до двадцати-четырехъ соучастниковъ, которые покуривая сигары, весело болтали между собою. Послѣ короткаго совѣщанія рѣшено было ѣхать въ Грорувъ, гдѣ надѣялись встрѣтить еще нѣсколько человѣкъ желающихъ принять участіе въ этомъ удовольствіи.

Впродолженіи пути я ближе ознакомился съ обществомъ. Оно состояло по большей части изъ молодежи, преимущественно студентовъ, офицеровъ, кадетовъ, вообще юношей отъ 18—25 лѣтъ.

Прибывъ въ Грорувъ, мы напрасно искали глазами ожидаемыхъ соучастниковъ. Кромѣ двухъ господъ, и то прибывшихъ сюда въ качествѣ зрителей, не было видно ни одной души.

Старшина далъ присутствующимъ нѣкоторыя инструкціи—и состязаніе началось.

Было прекрасное зимнее утро, двѣнадцати-градусный холодъ только бодрилъ, да и вообще мы всѣ такъ весело настроились, что удовольствіе обѣщало быть полнымъ. Отыскали прекрасное, но очень опасное мѣсто для бѣга, на которомъ можно было легко сломать себѣ шею. Предводителю, а также и состязающимся предстояло сначала взобраться на гору, у подошвы которой стояли зрители а также трубачъ, который долженъ былъ подавать сигналъ наступленія и отступленія.

Сначала бѣгъ начался съ высоты 10—14 футовъ, что было все-таки небезопасно, и многіе, добравшись счастливо до подошвы горы, падали здѣсь невзничь, что возбуждало всегда веселый смѣхъ присутствовавшихъ, которому вторилъ громкій звукъ трубы, наигрывавшей отступленіе. Но это было только начало состязанія, потому-что впослѣдствіи стали спускаться съ высоты 500 футовъ.

Нашъ рисунокъ (за исключеніемъ только того, что единовременно бѣжалъ одинъ человѣкъ) даетъ довольно вѣрное представленіе общаго вида этого бѣга. У подошвы, гдѣ я стоялъ, можно было очень хорошо видѣть всѣ искусныя движенія спускающагося, который, добравшись внизъ, долженъ былъ ловко скинуть лыжи съ ногъ. Слѣдуетъ сознаться, что, при тѣхъ неровностяхъ пути и крутыхъ поворотахъ, было очень трудно вѣрно управлять своимъ бѣгомъ.

Мой сосѣдъ, три сына котораго тоже принимали участіе въ состязаніи, обратилъ мое вниманіе, когда очередь дошла и до его дѣтей.

Первый, счастливо миновавъ одинъ изъ поворотовъ, не удержался однако на второмъ и со всего размаху по-

---

[23]) Печалился.
[24]) Видите.

летѣлъ носомъ въ снѣгъ. Тоже было и съ другимъ, однако паденія эти не могли принести никакого вреда, такъ какъ снѣгъ былъ довольно рыхлый. Третій сынъ, еще совершенный мальчикъ, счастливѣе другихъ совершилъ свое небезопасное путешествіе и съ торжествующимъ видомъ добрался до назначеннаго мѣста. Полузамерзшій трубачъ проигралъ веселый маршъ.

Многіе изъ насъ пробовали-было тоже рискнуть на этотъ отважный бѣгъ, однако должны были отказаться. Другіе, уже ранѣе потерпѣвшіе неудачу, взбирались снова на гору, и еще съ худшей стороны показывали свое искусство.

— Кто этотъ мальчикъ? спросилъ я у сосѣда, указывая на молодаго человѣка, который въ эту самую минуту спускался съ горы.

— Купецъ К., отвѣчалъ онъ.

Можно было залюбоваться на эту быстро передвигающуюся фигуру—съ такою легкостью и граціей ѣхалъ молодой человѣкъ, раздвинувъ ноги на $^1/_2$ фута одна отъ другой и едва перемѣщая палку, которую онъ держалъ въ рукахъ для равновѣсія. Конечно, онъ счастливо добрался до мѣста назначенія. Со стороны глядя, бѣгать на лыжахъ—казалось дѣломъ такимъ простымъ, что иной неопытный сейчасъ согласился бы испробовать и конечно потерпѣлъ бы полнѣйшее фіаско.

Удовольствіе было полнѣйшимъ, тѣмъ болѣе что и несчастія, если таковыя могли случиться, ограничивались только тѣмъ, что ломались лыжи или рвалось платье.

Состязаніе продолжалось съ возрастающимъ увлеченіемъ, и бѣдный трубачъ едва успѣвалъ потягивать изъ бутылки, которую ему подносили зрители.

Наконецъ данъ былъ сигналъ къ завтраку—и мы всѣмъ обществомъ отправились на лыжахъ въ Ротведъ, находившійся въ полумили отъ Грорува, гдѣ мы, весело болтая, нѣсколько заморили червяка.

Было еще довольно рано и полуденное солнце свѣтило такъ привѣтливо и тепло, что мы порѣшили отправиться далѣе, въ Греффенъ. Здѣсь мы потребовали себѣ пива, но его не оказалось, и мы должны были принять любезное приглашеніе одного помѣщика, который угостилъ насъ на славу—и такимъ пивомъ, какого мнѣ давно не приходилось пивать въ Норвегіи. На всѣ наши предложенія заплатить за угощеніе, онъ никакъ не соглашался и только принялъ приглашеніе на обѣдъ, который былъ заказанъ къ 4-мъ часамъ.

Обѣдъ, какъ и нужно было предполагать, прошелъ очень весело. Вспоминали о неудачахъ нѣкоторыхъ и смѣялись, представляя себѣ ихъ плачевныя фигуры.

Въ 9 часовъ мы отправились въ обратный путь—и двѣ мили, которыя оставались до Христіаніи, сдѣлали на лыжахъ. Разставшись на городской площади съ своими товарищами, я крѣпко заснулъ въ мягкой постели.

Очерки Кавказа.

(Продолженіе).

III.

Отъ Гори до Кутаиса,

10-е декабря. Переходъ къ г. Кутаису—$18^1/_4$ верстъ. Погода по-милостивѣе къ намъ. Команда, послѣ дневки, выступаетъ бодро. Дорога намъ лежитъ по волнистой мѣстности, кое-гдѣ поросшей мелкимъ лѣсомъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ, не доходя Кутаиса, перешли мы рѣчку Цкальцителу; отъ нея дорога вьется по горамъ. На послѣднемъ спускѣ, съ возвышенности, открывается пріятное зрѣлище: внизу, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, виднѣются опрятныя жилыя строенія, мельницы и заводы, окруженныя роскошною зеленью (и это, замѣтьте, въ декабрѣ); далѣе, отлогость горы, обильно покрытая растительностію; съ вершины ея, изъ-за садовъ, выглядываютъ чистенькія городскія зданія и наконецъ—самъ Кутаисъ.

Приближаясь къ городу, сколько-нибудь замѣчательному, я люблю за-ранѣе ознакомиться съ его исторіей; послѣ этого входишь въ городъ не какъ въ дикій лѣсъ. Услужливая судьба, чтобъ угодить моему вкусу, послала мнѣ честнаго еврея, Шмуля Задоина и его родственника — Гершко Каца — звѣзду первой величины въ блестящемъ созвѣздіи Кутаисскаго кагала, по части библейской учености. Отъ нихъ узналъ я, что они происходятъ изъ племени Веніамина, которое царемъ Салманассаромъ было вынуждено поселиться здѣсь, а въ заключеніе они предложили — купить у нихъ большой пергаментный свитокъ — драгоцѣнный историческій документъ... если вѣрить имъ. Я съ любопытствомъ сталъ разглядывать недоступные для меня іероглифы рукописи, постепенно переходящіе къ грузинскимъ письменамъ, и полюбопытствовалъ узнать содержаніе. Снисходительный ученый, Гершко Кацъ сталъ переводить: Во имя Саваоѳа Господа праведнаго Ноя! Благословенные праправнуки его отъ племени Іафета, тѣснимые потомками Хама, подъ предводительствомъ сына Іехавена, Ровоама, потомки Симова, переселились отъ Арарата на берега Чернаго моря. Съ нимъ пришли Колхида и ея чада: Фазъ, Іосій, Ламенехъ, Арзасъ, Оврунъ, Мамій, Іонъ, Арій, Фарназавъ, Іос....

Далѣе, на 13 строчкахъ, ничего нельзя было разобрать кромѣ собственныхъ именъ: Делпда, Егій, Эсфирь, Эней, Марій, Агарь, Маріамъ, Медея, Пар..., сакъ....

Еще дальше ужь ничего нельзя было разобрать; рукопись была залита какою-то пахучею коричневою жидкостію. Гершко Кацъ объяснилъ, что бѣда эта произошла отъ второй жены его, вдовы доставшейся ему въ наслѣдство отъ покойнаго его брата, Исаака, которую за это онъ прогналъ и женился на дочери ея, Зодѣ. «Но это — бѣда еще поправная, утѣшалъ меня Гершко,—я читалъ свою рукопись не одну сотню разъ; могу разсказать ее на-изусть отъ слова до слова»... и принялся разсказывать: Дѣти Колхиды жили скотоводствомъ и рыбной ловлей въ безъимянной рѣкѣ. Разъ, старшій сынъ ея, Фазъ ловилъ рыбу; вдругъ съ горъ потокъ—и снесло бѣднаго рыболова въ Черное море, гдѣ ему и конецъ приключился. Много плакала о немъ мать Колхида; оттого и имя странѣ дано «Колхида,» а рѣкѣ «Фазъ». Многое еще разсказывалъ мнѣ мой честный еврей, изъ чего я увѣдалъ, что Кутаисъ названъ по имени отца двухъ очень умныхъ и добродѣтельныхъ сыновей, Картлоса и Катоса... и еще, и еще

— Довольно! сказалъ я Гершкѣ, возвращая ему рукопись. —Я не археологъ и не антикварій. Вы дождитесь какого-нибудь англичанина и ему предложите вашъ драгоцѣнный пергаментъ съ интереснымъ пятномъ; тотъ вѣроятно купитъ его у васъ на вѣсъ золота.

— Вы не все знаете, высокопочтеннѣйшій господинъ, вступился Шмуль,—каяться будете, если не купите эту драгоцѣнность за безцѣнокъ. Преданіе наше идетъ изъ рода въ родъ такъ же неизмѣнно, какъ Моисеевъ законъ.

Я снова навострилъ уши чтобъ слушать новаго оратора.

— Страна наша, говорилъ мой ораторъ, — искони изобиловала овцами съ превосходною шелковистою шерстью; ну, и мальчиками, и дѣвочками такой красоты, что врядъ ли найдешь такихъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ это-то и есть золотое руно, которое привлекло сначала грековъ, за сорокъ вѣковъ до нашего времени, а потомъ многихъ.

Не довольствуясь разсказомъ честнова еврея, я порылся въ другихъ рудникахъ, чтобы извлечь что-нибудь касательно Кутаиса и Грузіи. Знаменитый швейцарецъ Дюбуа-де-Монпере увѣряетъ, что Гомеръ почерпнулъ отсюда, изъ долины Фаза (что нынѣ Ріонъ), свои главы Одиссеи X, XI, XII; что Колхида—нынѣшнія Мингрелія, Гурія и Имеретія; что здѣсь же царствовала Цирцея. Протестую противъ знаменитаго швейцарца: Цирцея, эта волшебница, обращающая прожорливыхъ гостей въ свиней, не переставала царствовать и до сихъ поръ царствуетъ во всѣхъ царствахъ земли, гдѣ люди не умѣренно срываютъ цвѣты удовольствія, ѣдятъ и пьютъ до уподобленія животнымъ, или тараканамъ которыхъ посыпали персидской ромашкой. Но не спорю противъ исторіи, которая говоритъ, что страна поочередно переходила изъ рукъ въ руки Ассирійцевъ, Мидянъ, Персовъ, Александра Македонскаго, Арзаса армянскаго и Митридата, Римлянъ, Византіи, Монголовъ, новыхъ Персовъ, Турокъ и проч.; здѣсь были «врата, которыми проходили воинственные народы Азіи въ Европу», и понятно, что они проходили и оставляли по себѣ неизгладимые слѣды. Понятно, что Кутаисъ многое множество разъ былъ истребляемъ и возобновляемъ. По свидѣтельству однаго историка, Мелисъ II, потомокъ Катоса, построилъ здѣсь цитадель Укимери (Укимеріонъ) и обнесъ городъ каменными стѣнами. Потомъ настали дурныя времена для Кутаиса; самое названіе Колхиды утрачивается; она распалась на части, носившія имена Имеретіи, Мингреліи, Абхазіи и Гуріи. Всѣ эти области, то соединяясь, то раздѣляясь, признавали надъ собою власть Византійскихъ императоровъ, управлялись своими царями по ихъ назначенію, и въ спискѣ провинцій подвластныхъ имъ были обозначены именемъ Лазики. Въ началѣ VI ст. по Р. Х. Имеретія почти 40 лѣтъ была театромъ войны между Хозроемъ, шахомъ персидскимъ, и Юстиніаномъ; но война кончилась въ пользу Юстиніана. Въ половинѣ VII столѣтія по Р. Х. арабы опустошали Имеретію, потомъ персы; причемъ Кутаисъ и Сарапана были разорены до основанія. Въ началѣ IX столѣтія одинъ изъ династіи Багратидовъ построилъ новый городъ, противъ древней цитадели Укимери; другой воздвигъ великолѣпный храмъ во имя пречистыя Дѣвы Богородицы, по образцу Пицундскаго. Я могъ бы наполнить нѣсколько страницъ исторіей Грузіи, которая, по примѣру всѣхъ исторій, состояла бы изъ именъ царей да годовъ; но ограничусь важнѣйшимъ: патрономъ Грузіи почитается св. Нина, обратившая грузинъ въ христіанство. Изъ царей ихъ замѣчательны слѣдующіе: Давидъ, сынъ Георгія II (1089 — 1125), *возобновитель* Кутаиса, перенесшій столицу въ Тифлисъ. Знаменитая Тамара *), дочь Георгія III Давидовича (1184 — 1212), царствованіе которой было счастливѣйшимъ временемъ Грузіи.—Магометанскіе народы были сильно заняты крестоносцами; пользуясь этимъ Тамара, покорила пограничныя племена осетинъ, черкесовъ и дагестанцевъ, имѣла торжественный въѣздъ въ Кутаисъ, короновалась въ Тифлисѣ и возложила на себя корону, поднесенную архіепископомъ Антоніемъ, между тѣмъ какъ князья и знатнѣйшіе дворяне опоясывали ее мечемъ.

Кутаисъ былъ нѣкоторое время столицею Имеретіи; но потомъ жестоко и многократно страдалъ отъ монголовъ, и управлялся Эриставами.

Въ 1435 г. грузинскій царь Александръ раздѣлилъ свое царство между сыновьями. Имеретію отдалъ онъ старшему сыну Димитрію. Съ тѣхъ поръ Имеретія никогда не соединялась надолго съ Грузіей въ теченіи 369 лѣтъ, т. е. до присоединенія къ Россіи. Въ этотъ періодъ 27 царей одинъ за другимъ занимали престолъ Имеретіи, — семь погибло насильственною смертію, трое были ослѣплены, 22 свергнуты съ престола. Съ 1462 г. Кутаисъ былъ столицею Имеретіи. Но самыми страшными врагами этихъ миніатюрныхъ царствъ были турки, которые успѣли укрѣпиться въ Поти и Сухумъ-Кале въ 1578 году и съ тѣхъ поръ держали ихъ въ постоянномъ страхѣ. Политическое существованіе этихъ царствъ, между сильными сосѣдями, сдѣлалось невозможностію, и они искали соединенія съ единовѣрною Россіею.

Георгій III Имеретинскій, въ 1621 году, и владѣтель Гуріи Мамія II просили покровительства у царя Михаила Ѳеодоровича; Александръ III († 1661) обращался съ такою же просьбою къ Алексѣю Михайловичу и присягнулъ на подданство ему. При Александрѣ IV (1696) ахалцихскіе турки разорили храмъ Багратовъ и похитили всѣ его драгоцѣнности. Кутаисскій царь Соломонъ I († 1782) просилъ помощи у Екатерины II, когда она объявила войну туркамъ. Генералъ Тотлебенъ, съ двумя батальонами пѣхоты и 4 легкими орудіями, въ 1772 году прибылъ въ Имеретію и на слѣдующій годъ освободилъ Кутаисъ и отнялъ у турокъ всѣ тамошнія укрѣпленія, не смотря на упорную оборону. Кутаисъ вздохнулъ свободнѣе, но не на долго: съ 1782 года опять начались усобицы между Дадьянами Мингрельскими, Гурьелами и царями Имеретинскими, подававшія много поводовъ персамъ и туркамъ ко вмѣшательству и хищничеству.

Наконецъ въ 1810 году Имеретія присоединилась къ Россіи. Кутаисъ, изъ пепелища и развалинъ, возникаетъ въ новомъ европейскомъ видѣ. Но дурное вліяніе безнравственныхъ восточныхъ деспотовъ не скоро изгладится въ душахъ и умахъ жителей.

Въ разсказахъ и разсужденіяхъ съ евреями, мы незамѣтно дошли до города. При входѣ въ него евреи свернули въ лѣво, а команда пріостановилась, чтобы по опрятнѣе показаться кутаисскому начальству; у первой же гостинницы, или правильнѣе сказать—постоялаго двора, мы были встрѣчены квартирьерами. Команда

*) Въ нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописяхъ упоминается, что царевна Тамара была женою Георгія, сына Андрея Боголюбскаго.

разставлена по квартирамъ, а я, послѣ служебныхъ визитовъ, спѣшилъ взглянуть на Кутаисъ, съ развалинъ древняго Укимеріона.

Взобравшись по каменистой дорогѣ на гору, къ развалинамъ древняго собора, я взлѣзъ на полуразрушенную стѣну старой крѣпости Укимери, или Укимеріона, откуда открывалась вся панорама роскошной природы Имеретіи съ ея окрестностью, на необъятное пространство: на сѣверѣ величественный снѣжный хребетъ кавказскихъ горъ; передъ нимъ нѣсколько пониже выступаютъ горы Лечхума, съ гордо-возвышающимся посреди ихъ конусообразнымъ Хвамли. Правѣе — дикій зубристый хребетъ Рачи съ горою Пасъ-Мта, откуда беретъ свое начало Ріонъ. Къ юго-востоку тянутся ахалцыхскія и гурійскія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, съ нѣкоторыми возвышенностями почти достигающими снѣговой линіи; темныя ущелья ихъ подъ синимъ прозрачнымъ покровомъ примыкаютъ къ горному уступу, упирающемуся въ Красную рѣку, на которомъ рельефно выдается Гелатскій монастырь, построенный Давидомъ-Возобновителемъ въ XII столѣтіи. На юго-западъ—безпредѣльная равнина, покрытая разнообразною растительностію: лавровыя, пальмовыя, масличныя, фиговыя, квитовыя, кизиловыя, фруктовыя деревья, сладкіе каштанники и коллосальные въ нѣсколько сажень душистые рододендроны—словно перенесены въ неизмѣримый очаровательный Армидинъ садъ. Предо мною навѣвающія благоговѣніе руины храма, фантастически разукрашенныя изумрудными гирляндами вѣковаго плюща; какъ жалко, какъ бѣдно человѣческое искуство! ни кисть, ни слово не въ состояніи передать дивную картину, которую я видѣлъ. Мнѣ мнилось, будто слышу я неземные звуки хвалебныхъ и благодарственныхъ гимновъ Богу; будто обоняю я куреніе дивнаго ѳиміама! Но вотъ лучи вечерняго солнца, пробившись сквозь тучи, освѣтили храмъ Богородицы и щедро разсыпали по росинкамъ плюща брилліанты, изумруды, яхонты и бирюзу. Внутренность храма то-же освѣтилась разноцвѣтными огнями. Оглянувшись назадъ, я былъ пораженъ чуднымъ зрѣлищемъ; панорама видѣнная мною за часъ—вдругъ измѣнилась. Тучи, покрывавшія небо, неслись за кавказскій хребетъ и служили для него темнымъ фономъ, на которомъ рѣзко выдѣлялись его шпицы, конусы и разнообразныя очертанія, разукрашенныя всѣми цвѣтами радуги. И какой еффектъ производили, среди этой природы, священныя развалины Гелатскаго монастыря и новенькія зданія Кутаиса! Чудно было смотрѣть на хорошенькій Кутаисъ, тонувшій въ изумрудной зелени! Вонъ, окруженный чистенькими, веселыми строеніями, садъ—заботы Ермолова и управлявшаго тогда Имеретіею князя Горчакова; вонъ величественно возвышающійся соборъ—память кн. Гагарина; а институтъ, а караванъ-сераи, а слободы!... И все это въ котловинѣ, окруженной горами, покрытыми лѣсомъ, и прорѣзанной шумнымъ, извилистымъ Ріономъ.

П. Бугайскій.

(Окончаніе будетъ).

Туннель въ Монъ-Сенисѣ.

Въ то время какъ современное человѣчество съ возрастающимъ вниманіемъ слѣдитъ за великими событіями, совершающимися на западѣ,—въ другихъ уголкахъ Европы, куда война не успѣла занести несчастій и горя, человѣческій умъ напрягаетъ всѣ свои силы и энергію, чтобы преодолѣть тѣ тысячи преградъ, которыя лежатъ на пути его къ счастію. Въ 1866 году, когда неистовствовала война между Австріей и Пруссіей, было счастливо окончено проложеніе подводнаго каната между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Въ настоящее время оконченъ туннель въ Монъ-Сенисѣ—подвигъ человѣческой энергіи и ума, который не уступитъ по своему величію первому, потому-что пришлось пробивать гору болѣе чѣмъ въ 14 верстъ толщины.

Только что оконченный туннель Монъ-Сениса, своими размѣрами и тѣми трудами, которыхъ онъ стоилъ, до такой степени выдается изъ всѣхъ сооруженій того-же рода, что вполнѣ заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться подолѣе.

Поэтому начнемъ съ конца и познакомимъ читателя съ послѣдними работами.

26 декабря прошедшаго года упала послѣдняя стѣна, раздѣлявшая между собою оба отдѣла туннеля. Торжественность, съ которою производились окончательныя работы, потеряла нѣсколько въ своемъ блескѣ, благодаря глубоко-выпавшему снѣгу, вслѣдствіе чего многіе изъ желавшихъ присутствовать при этомъ должны были отказаться отъ своего намѣренія. Но тѣ, которые могли присутствовать при этомъ, несмотря на то, что находились болѣе чѣмъ на 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря, пользовались всевозможнымъ комфортомъ, какого только можно было желать. При этомъ не забыли и музыку. При входѣ въ туннель, куда направилось болѣе ста человѣкъ, всѣ присутствовавшіе сняли свои зимнія платья, такъ какъ температура внутри горы, сравнительно, была очень высокой. Скоро оказалось, что предосторожность эта была далеко не лишней, потому что едва успѣли проѣхать съ версту, какъ термометръ началъ показывать уже + 17° Ц., далѣе 20°, потомъ 23° и наконецъ въ срединѣ туннеля 29,5°. Когда работаютъ, тепло доходитъ до + 30°. Эта огромная разница между температурой внутри горы и внѣ ея очень чувствительна.

Проѣхавъ около пяти съ половиною верстъ на велосипедахъ, нужно было остановиться и остатокъ пути сдѣлать уже пѣшкомъ. Подвигаться приходилось довольно медленно, благодаря темнотѣ, посреди которой мелькали фонари шедшихъ впереди рабочихъ. Такимъ образомъ, наконецъ, добрались до стѣны, которая раздѣляла между собою оба готовые конца туннеля. Однако въ этой стѣнѣ было пробито насквозь отверстіе, такъ что рабочіе противоположныхъ отдѣленій могли подать другъ другу руки. Всѣ были взволнованы и удивлялись тѣмъ невѣроятнымъ усиліямъ и необыкновенной дѣятельности, помощію которыхъ было окончено это исполинское предпріятіе.

По обѣ стороны стѣны были заложены мины, и оставалось только взорвать ихъ. Все общество отправилось назадъ и, пройдя съ полверсты, остановилось, чтобы подождать взрыва. Духота была нестерпимая—и непривыкшіе къ подобной температурѣ обливались потомъ. Полунагіе рабочіе, съ закоптѣлыми и суровыми лицами, освѣ-

щаемые блѣднымъ огнемъ фонарей, производили довольно своеобразное впечатлѣніе.

Полчаса пятаго раздался громовой ударъ. Одна мина взлетѣла на воздухъ. Сила взрыва была такъ велика, что на разстояніи 300 саженъ всѣ огни потухли, и присутствовавшіе очутились въ совершенной темнотѣ. Вскорѣ за этимъ послышался и второй ударъ. Туннель наполнился пороховымъ дымомъ и изгарью, потомъ потянуло свѣжимъ воздухомъ, впрочемъ на нѣсколько мгновеній. Брешь въ стѣнѣ была пробита.

Когда удостовѣрились, что всѣ мины взорваны, общество двинулось далѣе. Это была торжественная минута. Всякій спѣшилъ пробраться чрезъ брешь въ другое отдѣленіе. Нужно было наклоняться, чтобы не удариться головою о своды. Въ то время, какъ одна часть рабочихъ спѣшила изъ того конца туннеля, который идетъ изъ Бардонежа, другая часть спѣшила съ противоположнаго конца, изъ Модана.

Такимъ образомъ великое предпріятіе было окончено въ 13 лѣтъ и 40 дней—и этимъ доказало всю возможность подобныхъ предпріятій, въ которой сомнѣвались очень многіе.

Какъ пріятно было взглянуть на голубое звѣздное небо и какъ легко дышалось, когда выбрались изъ туннеля и снова находились на свѣжемъ воздухѣ.

Въ ноябрѣ 1857 года былъ утвержденъ проэктъ предпріятія, а весь слѣдующій годъ прошелъ въ предварительныхъ работахъ. Война 1859 года заставила на время остановить ихъ производство, но зато въ 1860 году оно началось съ удвоеннымъ рвеніемъ. Машины, необходимыя для этого, совершенствовались съ каждымъ днемъ, а за послѣдніе четыре года работы производились съ необыкновеннымъ успѣхомъ.

Благодаря совершенству геодезическихъ инструментовъ, обѣ партіи рабочихъ, начавшихъ прорытіе туннеля съ двухъ противоположныхъ концовъ, встрѣтились, какъ и было предположено, на извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ. По тригонометрическимъ измѣреніямъ главнаго штаба, которыя приняты были въ основаніе работъ, туннель долженъ былъ быть длиною 17,193½ аршинъ. Когда было прорыто уже 17,155 аршинъ, всѣ были увѣрены, что остается еще очень незначительная часть работы, и туннель черезъ нѣсколько дней долженъ быть оконченъ. Однако оказалось, что оставалось прорыть еще около 400 аршинъ и что такимъ образомъ туннель длиннѣе, чѣмъ предполагали, а именно 17,598 аршинъ. Изъ этихъ 17,598 аршинъ, 9,933 были прорыты со стороны Бардонежа, и остальные 7,665 со стороны Модана.

Предполагаютъ, что къ 10 февралю нынѣшняго года, путь въ туннелѣ будетъ настолько устроенъ, что пойдетъ первый локомотивъ, конечно не съ пассажирами, а для гг. предпринимателей.

Предварительныя работы по этому исполинскому предпріятію были столь же трудны, насколько былъ смѣлъ планъ его. Энергическое начало, выполненіе его сдѣлалось возможнымъ только въ 1862 году.

Прежде всего нужно было рѣшить трудную задачу, а именно назначить линію, по которой должны были рыть туннель, съ тѣмъ чтобы работы начались съ двухъ противоположныхъ концовъ горы и такъ, чтобы рабочіе непремѣнно встрѣтились въ одномъ назначенномъ пунктѣ. Къ этому еще нужно было найдти такой пунктъ на вершинѣ горы, гдѣ бы можно было поставить знакъ, видимый для обѣихъ начинающихъ сторонъ. Такого пункта на Монъ-Сенисѣ однако не оказалось. Поэтому необходимо было устроить цѣлый рядъ знаковъ, которые тянулись по прямой линіи съ одной стороны горы на другую и какъ разъ приходились бы у обѣихъ сторонъ проэктированнаго туннеля. Кромѣ того слѣдовало съ точностью опредѣлить высоту знаковъ, чтобы туннель не рыли съ одной стороны, выше чѣмъ съ другой. Малѣйшая невѣрность измѣрительныхъ инструментовъ, благодаря которой прорытіе отклонилось въ началѣ хотя бы на волосъ отъ прямой линіи, будь то кверху или въ сторону, привела бы къ тому, что два вырытые конца ушли бы далеко одинъ отъ другаго, вмѣсто того чтобы встрѣтиться другъ съ другомъ.

Послѣ трудныхъ, чрезвычайно точныхъ измѣреній и поправокъ, а также постановки значковъ на поверхности Монъ-Сениса, удалось наконецъ впродолженіи 1857 года опредѣлить искомую линію, при чемъ оказалось вопервыхъ, что длина туннеля 17,193½ аршинъ, и вовторыхъ, что начало туннеля съ итальянской стороны лежитъ на 780 футовъ выше, чѣмъ съ французской.

Конечно, было бы проще такъ выстроить туннель, чтобы онъ шелъ съ французской стороны къ итальянской, постоянно повышаясь къ этой послѣдней; но такъ какъ предполагалось единовременно начать работу съ двухъ концовъ, то нужно было позаботиться и о томъ, чтобы облегчить съ итальянской стороны оттокъ воды, которая бы понадобилась при работахъ или на которую могли напасть во время рытія туннеля.

Поэтому было рѣшено сдѣлать туннель посрединѣ настолько высокимъ, чтобы онъ въ обѣ стороны шелъ скатомъ. Такимъ образомъ туннель съ итальянской стороны шелъ бы слегка поднимаясь кверху, вплоть до самой середины, съ которой начиналъ бы уступать.

Лежащія по обѣ стороны начатаго туннеля маленькія горныя деревушки скоро превратились въ обширныя мастерскія. Мы не будемъ описывать всѣхъ тѣхъ предварительныхъ работъ, которыя были необходимы для выполненія этого гигантскаго предпріятія. Мы остановимъ вниманіе читателя на машинахъ, помощію которыхъ производилось сверленіе, потому что машины эти и въ нашъ вѣкъ, замѣчательныхъ изобрѣтеній, представляютъ доказательства необыкновеннаго совершенствованія человѣческаго ума.

Идея: пробуравить стѣну толщиною почти-что 11 верстъ—остановилась передъ грандіозной задачей: устроить съ обѣихъ сторонъ такіе механизмы, сила которыхъ не уменьшалась бы, несмотря на то что механизмы эти находились бы, по мѣрѣ того какъ сверленіе шло бы все далѣе и далѣе впередъ, далеко отъ мѣста работы. Механизмъ, находящійся у начала туннеля, долженъ былъ имѣть такую двигательную силу, которая бы дѣйствовала, даже если бы работы производились по срединѣ туннеля; иначе сказать, нужно было устроить такой механизмъ, который бы имѣлъ двигательную силу, дѣйствующую почти-что за милю отъ него.

Провести паръ по трубамъ на такомъ разстояніи невозможно, потому что онъ вслѣдствіе отдаленности котла охлаждается и такимъ образомъ превращается въ воду. Ввести паровикъ въ самый туннель тоже было невозможно, такъ какъ дымъ и паръ отъ него, наполняя и безъ того небольшое пространство, дѣлали бы невозможнымъ дальнѣйшее продолженіе работъ. Также невозможно было употребить въ этомъ дѣлѣ колеса, безконечные ремни и т. д., потому-что препятствія вслѣдствіе тренія уменьшаютъ, на такомъ разстояніи, дви-

гательную силу почти-что до нуля. Нельзя было также на такомъ разстояніи провести воду, помощію которой приводились бы въ движеніе буравы, такъ какъ это стоило бы невѣроятныхъ потерь времени, силы и денегъ. Нужно было выискать что-либо другое—и это другое нашли. Безъ большихъ потерь, въ трубахъ можно было провести сгущенный (сжатый) воздухъ, который могъ дѣйствовать не хуже пара. Построить такіе механизмы, которые могли бы на обоихъ концахъ туннеля сгущать необходимое количество воздуха, долженствующаго приводить на любомъ разстояніи въ движеніе буравы,—вотъ что̀ было главной, но все-таки не самой трудной задачей. Сверлящій механизмъ долженъ былъ буравить скалу стальными болтами, при каждомъ ударѣ поворачивая ихъ, а также поливая ихъ, для охлажденія, струею холодной воды. Механизмъ долженъ былъ, по мѣрѣ того, какъ прорытіе въ туннелѣ шло впередъ, подвигаться все далѣе и далѣе, работать вѣрно и скоро, для того, чтобы въ просверленныя пространства можно было всыпать порохъ и такимъ образомъ производить взрывы. Выстроить такой механизмъ и довести его до желаемаго совершенства было дѣломъ очень труднымъ, но оно удалось—и этимъ доказано все могущество человѣческаго ума.

Само собою разумѣется, что во время взрыва—всѣ необходимыя машины, а также и рабочіе удаляются. Сжатый воздухъ оказываетъ еще важную услугу, выгоняя изъ туннеля пороховой дымъ и этимъ самымъ очищая атмосферу, такъ что рабочіе, черезъ нѣсколько минутъ послѣ взрыва, снова могутъ приняться за прерванныя занятія.

Сначала работы шли довольно медленно, но потомъ, съ усовершенствованіемъ сверлящихъ механизмовъ, все скорѣе и скорѣе. Интересно то, что, несмотря на увеличивавшуюся трудность, производство работъ съ каждымъ годомъ ускорялось. Со времени введенія сверлящихъ механизмовъ, до котораго было прорыто всего 1,622 аршина, работы подвигались въ слѣдующемъ порядкѣ, 1862 г. 904 арш.; въ 1863—1,127 арш.; въ 1864—1,528 арш.; въ 1865—1,719 арш.; въ 1866—1,439 арш; въ 1868—2,434 арш.

Успѣхи въ работахъ на сѣверной сторонѣ Монъ-Сениса на цѣлый годъ опередили такія же на южной, потому что на этой послѣдней успѣшному ходу работъ препятствовалъ слой кварца, а также то что здѣсь позднѣе были устроены сверлящіе механизмы. Но все-таки одна сторона успѣла прорыть болѣе другой около 2,000 аршинъ, и такъ какъ съ 1868 года оставалось докончить всего только 5,835 аршинъ, то можно было съ увѣренностью сказать, что прорытіе будетъ окончено въ 1870 году.

Теперь великое предпріятіе окончено. Польза отъ него будетъ не только для Франціи и Италіи, но и для всей Европы. Къ несчастію, въ настоящее время, когда народы какъ будто поставили своею цѣлію уничтожить другъ друга, не всѣ могутъ по достоинству оцѣнить этотъ величайшій плодъ цивилизаціи.

Война.

Это старое и вѣрное изрѣченіе, что исторія — наставница жизни. Но никогда эта истина не обнаруживается съ такой силой, какъ въ то время, когда война сниметъ оковы съ народныхъ страстей и силъ, и борьба за существованіе ведется при помощи всѣхъ наличныхъ средствъ—и матеріальныхъ и нравственныхъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ всѣ прочіе члены великой семьи народовъ за тѣмъ, что̀ дѣлается на театрѣ войны; хотя, на первый взглядъ и въ точномъ смыслѣ слова, эта распря не должна имѣть на нихъ вліянія, но въ сущности ихъ собственная участь до такой степени связана съ благосостояніемъ и бѣдствіемъ тѣхъ, которые терзаютъ другъ друга, что и имъ также лишь окончательный миръ можетъ возвратить полную свободу жить и дѣйствовать.

Одно при этомъ бросается въ глаза: война даетъ уроки народамъ. Мы разумѣемъ подъ этимъ не только открытіе великихъ истинъ и полное уразумѣніе истиннаго положенія дѣлъ, бывающія слѣдствіемъ того, что кровавая распря кладетъ быстрый конецъ мнимому превосходству силъ и возвеличиваетъ истинное,—но и то, что война сама уже по себѣ имѣетъ значеніе великаго опыта, который ведетъ зрителей, безъ потери ихъ собственной крови и имущества, къ познанію такихъ истинъ, которыя правительства, ради своей собственной и общей пользы, прилагаютъ потомъ, со всевозможною скоростію, къ учрежденіямъ своего собственнаго государства—очень хорошо сознавая, что вопросъ о бытіи или небытіи сводится въ концѣ концовъ къ вопросу о способности защищать свое отечество и самихъ себя отъ непріятельскихъ нападеній. Такимъ образомъ всякая, сколько-нибудь значительная война влечетъ за собою цѣлый рядъ нововведеній въ военномъ вѣдомствѣ, которыя распространяются въ видѣ временной необходимости на всѣ цивилизованные народы, до тѣхъ поръ пока какой-нибудь изъ членовъ этой семьи не опрокинетъ всѣ прежнія системы и не заставитъ такимъ образомъ перемѣнить ихъ на новыя.

Предоставляя рѣшеніе этихъ вопросовъ съ ихъ технической стороны перу спеціалиста, мы остановимся только на томъ, что̀, при внимательномъ наблюденіи, доступно и непосвященному.

Между различными родами оружія все еще существуетъ что-то въ родѣ соперничества, и одинъ изъ нихъ пользуется уваженіемъ на счетъ другаго. Такимъ образомъ въ послѣднее время самую завидную роль играла пѣхота. Небывалое еще до сихъ поръ совершенство оружія вызвало мало-по-малу убѣжденіе, что противъ бѣглаго огня ручнаго оружія трудно устоять, что въ особенности назначеніе кавалеріи состоитъ почти только въ одномъ преслѣдованіи побѣжденнаго непріятеля. Правда, въ тоже самое время началось и обсужденіе вопроса о страшной силѣ нарѣзныхъ пушекъ, клонившееся собственно къ тому, чтобы доказать, что передвиженіе и натиски пѣхоты должны производиться иначе, съ тѣхъ поръ какъ пушки могутъ дѣйствовать съ такою скоростію и на такомъ большомъ разстояніи.

Это распредѣленіе по рангамъ, которое въ сущности нисколько не уменьшало особеннаго уваженія къ пѣхотѣ, въ эту войну окончательно рухнуло,—и тѣсное отношеніе трехъ сортовъ оружія между собою, и ихъ зависимость другъ отъ друга признается теперь болѣе

Волки въ табунѣ.

чѣмъ когда либо. Мы ни мало не сомнѣваемся въ томъ, что въ кружкахъ ученыхъ офицеровъ это было извѣстно и прежде; но мы также положительно знаемъ, что доказанная на дѣлѣ пригодность всѣхъ родовъ войска была настоящимъ сюрпризомъ не для однихъ только гражданскихъ чиновниковъ.

Этотъ опытъ оказался особенно благопріятенъ для кавалеріи. По общепринятому заблужденію ее считали совершенно безсильною противъ пѣхоты. Но кавалерія не только доказала, что она можетъ, не смотря на бѣглый огонь, опрокинутъ каре,—а исполнила при этомъ еще и другую задачу, которая, при большихъ размѣрахъ территоріи, считалась необыкновенно трудною, такъ-что за удачное разрѣшеніе этой задачи нѣмцевъ не разъ уже хвалили даже ихъ враги. Нѣмецкія арміи всегда бывали окружены кавалеріей. Какъ въ походѣ, такъ и въ лагерѣ, вокругъ болѣе тяжелыхъ колоннъ обвивался спасительный поясъ, не только въ видѣ разставленнаго вокругъ коннаго караула (ведета) или разъѣзжаго дозора, но и въ видѣ множества конницы. Эта мѣра оказалась въ высшей степени полезною, прежде всего потому, что управленіе непріятельскими движеніями остается всегда за тѣмъ, кто проворнѣе, а далѣе потому, что эта мѣра лишаетъ непріятеля возможности узнавать о движеніяхъ, которыя прикрыты тѣмъ поясомъ кавалеріи, о которомъ мы говорили. Между кавалеристами отличались, какъ извѣстно, уланы, которые, словно черти, какъ будто-бы выскакивали изъ земли, неся на остріяхъ своихъ пикъ ужасъ въ самыя отдаленныя мѣстности. На нихъ перешла вся слава, которую стяжали себѣ въ прежнія времена гусары; это обстоятельство не внушало уже удивленія, съ тѣхъ поръ какъ опытъ 1866 г. доказалъ, что прусскіе уланы одерживали верхъ при каждой стычкѣ съ австрійскими. Ихъ разъѣзды оказали не малыя услуги прусской арміи—и князь Меттернихъ предостерегалъ въ началѣ войны тюильрійскій дворъ, что Пруссія мастерски умѣетъ пользоваться своими *eclaireurs* (развѣдчиками).

Что касается до артиллеріи, то нарѣзныя пушки были, какъ извѣстно, въ первый разъ употреблены Наполеономъ III во время итальянской кампаніи 1859 г. Но нелѣпый обычай недовѣрчиваго французскаго правительства, вслѣдствіе котораго солдатамъ неизвѣстны вполнѣ даже свойства того оружія, которое они носятъ,—жестоко отмстилъ за себя, потому-что неопытные солдаты стрѣляли слишкомъ далеко и не причиняли австрійской арміи даже того вреда, который они производили прежними гладко-ствольными пушками. Тоже самое случилось теперь и съ митральезами; только послѣ объявленія войны артиллерійскіе офицеры были созваны въ Мецъ, гдѣ они должны были учиться стрѣлять изъ этого «органа смерти», тогда какъ прусскіе офицеры такъ хорошо были знакомы съ нимъ, что мы слыхали отъ нихъ, будто ихъ картечницы лучше. Что частное лицо не высокаго мнѣнія о митральезахъ—это, въ концѣ концовъ, не доказываетъ еще ничего особеннаго. Опытъ брать приступомъ картечницы произведенъ истощенными со всѣхъ сторонъ французами только въ отдѣльныхъ случаяхъ—и долженъ былъ убѣдить и ихъ также въ томъ, что прусскія картечницы лучше французскихъ.

А между тѣмъ нарѣзная пушка, заряжающаяся съ казенной части, и литая стальная пушка достигли необыкновеннаго совершенства,—и это обстоятельство, повліявъ съ одной стороны на успѣхи пѣхоты въ рукопашномъ бою (такъ какъ быстрота въ подвозѣ пушекъ и мѣткость стрѣльбы рѣшала часто успѣхъ приступа еще до начала его), въ тоже самое время измѣнило всю систему крѣпостной войны. Страшное разстояніе одной мили, до котораго долетаютъ пушечныя ядра, лишаетъ маленькія крѣпости возможности выдерживать концентрическій приступъ, вслѣдствіе чего является необходимость раздвинуть укрѣпленія.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эти опыты говорятъ только въ пользу укрѣпленныхъ лагерей большихъ размѣровъ, но парижскія дѣла показываютъ противное. Большое число частныхъ лицъ (которое, если крѣпость будетъ устроена съ надлежащею предусмотрительностью, можетъ быть поставлено въ положеніе совершенно безопасное отъ непріятельскихъ выстрѣловъ) можетъ быть употреблено на многія другія работы, въ особенности на доставленіе большихъ запасовъ провіанта, въ которомъ должна нуждаться крѣпость такихъ громадныхъ размѣровъ, если она слишкомъ скоро поставлена въ оборонительное положеніе. Въ тоже самое время воззрѣніе на городъ какъ на ядро позиціи—отстраняетъ и возраженія противъ излишняго захвата земли, который долженъ повлечь за собою укрѣпленный лагерь такихъ большихъ размѣровъ. Поэтому-то идея Тьера касательно укрѣпленія Парижа, противъ которой столь многіе возставали, оказывается необыкновенно счастливою идеею, за которую его не поблагодаритъ только императрица Евгенія. Еслибъ Мецъ былъ такъ же хорошо снабженъ провіантомъ какъ Парижъ, то Франція опираясь на эти двѣ крѣпости, могла бы подвергнуть осмѣянію всѣ усилія непріятеля—и не смотря на потерю своей полевой арміи, причинила бы величайшія затрудненія обложенію Парижа, если только не прекратила бы его совсѣмъ, посредствомъ вновь собранныхъ армій: сѣверной и луарской. Уже теперь спеціалисты пришли къ убѣжденію, что въ другой разъ невозможно будетъ войти въ качествѣ побѣдителей въ парижскую крѣпость; въ видахъ предосторожности парижскія укрѣпленія распространятъ такимъ образомъ, что объ удачной осадѣ нельзя будетъ и думать, такъ какъ подобная седанской катастрофа никогда не повторится.

Тѣмъ удивительнѣе, что изобрѣтатели нарѣзной пушки нисколько не разъяснили себѣ въ отношеніи къ Страсбургу послѣдствій своей системы, такъ-что поневолѣ подумаешь: сознаніе ли своего превосходства помѣшало французамъ приложить къ дѣлу свои познанія. Трудно понять, какимъ образомъ они могли допустить, чтобъ этотъ ключъ къ ихъ странѣ не былъ обложенъ фортами, и доставили такимъ образомъ непріятелю возможность приступить прямо къ бомбардированію города, что̀ и привело этотъ послѣдній къ такому быстрому концу. Совсѣмъ иначе сложилась бы война, еслибъ Страсбургъ задержалъ хоть только на нѣсколько недѣль артиллерію, которая принудила теперь, въ своемъ быстромъ полетѣ, маленькія внутреннія крѣпосьи къ капитуляціи.

Эти маленькія крѣпости оказались устарѣлымъ, безполезнымъ учрежденіемъ. Такъ какъ они не могутъ ничего противупоставить концентрическому огню, то бѣдствіе городскаго населенія принуждаетъ въ скоромъ времени коменданта къ сдачѣ. Въ одномъ изъ современныхъ періодическихъ изданій помѣщена статья, написанная очевидно рукою спеціалиста, гдѣ указывается на то, что единственная цѣль этихъ крѣпостей низ-

шаго разряда, состоявшая въ томъ чтобы препятствовать сообщеніямъ, достигается гораздо совершеннѣе отдѣльными фортами, которые, будучи доступны только гарнизону, легко могутъ быть снабжаемы провіантомъ. Такимъ образомъ опыты этой войны отразятся, въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ, на устройствѣ крѣпостей; большія города—и чѣмъ больше городъ, тѣмъ лучше—станутъ укрѣплять кругомъ на значительномъ разстояніи отъ центра, а рѣки и дороги станутъ запирать маленькими, чисто военными фортами.

Политическое обозрѣніе.

Извѣстіе о заключеніи перемирія и о капитуляціи Парижа произвело огромное впечатлѣніе во всей Франціи,—и хотя въ нѣкоторыхъ городахъ (какъ напримѣръ, въ Ліонѣ и Марсели) противъ него происходили манифестаціи, но ни гдѣ не произошло безпорядковъ. Все населеніе Франціи до такой степени истощено войной, что, не смотря на весь его патріотизмъ, оно видимо довольно прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по тѣмъ скуднымъ извѣстіямъ, которыя получались въ последнее время, такъ какъ снѣжныя метели задерживали поѣзды—и всѣ свѣденія ограничивались телеграммами. Особенное расположеніе къ миру обнаруживается естественно въ департаментахъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ непріятельскаго нашествія; но и вообще, если вѣрить указанію *Patrie*, отъ 31-го января, на запросъ французскаго правительства къ префектамъ отовсюду получены были свѣденія, что жители примутъ миръ какъ благодѣяніе. Сначала произошло по этому поводу разногласіе между парижскимъ правительствомъ и его бордосскою делегаціей. Послѣдняя, руководимая г. Гамбеттой, обнаружила было сопротивленіе распоряженіямъ парижскаго правительства—и издала извѣстный читателямъ манифестъ о выборахъ со множествомъ ограниченій, что вызвало протестъ со стороны графа Бисмарка, объявившаго, что на основаніи конвенціи, заключенной имъ въ Версалѣ съ г. Жюлемъ Фавромъ, учредительное собраніе «должно быть избрано свободно». Парижское правительство отправило въ Бордо членовъ своихъ гг. Пельтана, Гарнье-Пажеса и Эммануэля Араго, которые 7-го февраля издали декретъ, отмѣняющій избирательный декретъ бордосской делегаціи, налагавшей ограниченія на выборы; при чемъ объявлено, что ограниченія не совмѣстны съ свободною подачей голосовъ, и что выборы будутъ произведены свободно, согласно съ декретомъ парижскаго правительства отъ 31-го января. Слѣдствіемъ этого были отставка г. Гамбетты и назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Араго, которому временно поручено и управленіе военнымъ министерствомъ. По вступленіи въ должность г. Араго издалъ циркуляръ къ префектамъ, въ которомъ сказано, что, на основаніи прежнихъ законовъ 1832 и 1848 годовъ, отъ выборовъ исключаются члены домовъ, царствовавшихъ во Франціи; декретомъ 7-го февраля 1871 года такое исключеніе постановлено и для фамиліи Бонапартовъ; затѣмъ не будетъ никакихъ другихъ ограниченій.

8-го февраля, какъ назначено было въ декретѣ, начались выборы во всей Франціи. Изъ Парижа до сихъ поръ не получено извѣстій, но сколько можно предполагать, тамъ восторжествуетъ партія умѣренныхъ республиканцевъ; яснѣе всего это видно изъ программы либеральнаго республиканскаго комитета, образовавшагося подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго г. Дюфора, которая замѣчательна еще тѣмъ, что въ ней не говорится ничего о мирѣ и войнѣ, а только о будущемъ устройствѣ Франціи,—а это какъ бы свидѣтельствуетъ, что парижское населеніе считаетъ означенный вопросъ уже рѣшенымъ. Изъ различныхъ мѣстъ Франціи до сихъ поръ извѣстны слѣдующіе результаты выборовъ. Въ сѣверномъ департаментѣ подано около 150,000 голосовъ за монархическихъ кандидатовъ и 50,000 за республиканскихъ. Въ Камбре, Дюнкирхенѣ, Дуэ, Валансьенѣ и Па-де-Кале значительное большинство оказалось на сторонѣ монархическихъ кандидатовъ, при дѣятельномъ участіи сельскаго населенія. Въ Брестѣ большинство оказалось на сторонѣ республиканскихъ кандидатовъ Жюля Фавра и Гамбетты; затѣмъ изъ втораго списка кандидатовъ избраны генералы Трошю и Лефло и г. Тьеръ. Въ Орнѣ принятъ значительнымъ большинствомъ списокъ республиканскихъ кандидатовъ съ г. Гамбеттой во главѣ; въ По считается вѣрнымъ избраніе шести республиканскихъ кандидатовъ. Въ Пуатье принятъ списокъ г. Тьера, то есть монархически-конституціонный. Въ Монтобанѣ списокъ либеральной уніи. Въ департаментахъ Арьэжа и Эндры почти всѣ голоса поданы въ пользу консервативной партіи. Въ Перпиньянѣ выбраны: г.г. Эммануэль Араго, Этьенъ Араго, Гите и Лефранъ; въ департаментѣ Геро гг. Тьеръ и Дюфоръ; въ департаментѣ Жиронды 55,334 голоса подали за списокъ консервативно-либеральный (г.г. Тьеръ, Дюфоръ, Деконъ и др.) и 32,428 за списокъ республиканскій; въ Авиньонѣ республиканцы получили большинство 5000 голосовъ; въ департаментахъ Ардеша, а также Мены и Луары огромное большинство на сторонѣ консервативной партіи; въ департаментѣ Оды одержала верхъ либеральная унія. Кандидаты консервативныхъ списковъ избраны въ департаментахъ Тарна (большинствомъ 55,000 голосовъ противъ 18,000), Ло и Гаронны (большинствомъ 58,000 голосовъ) Жера, Дордони, Авейрона и Морбигана. Въ департаментъ Луары принятъ списокъ умѣренныхъ кандидатовъ съ генераломъ Трошю во главѣ, а изъ списка либеральныхъ кандидатовъ избранъ г. Доріанъ. Въ Бордо окончательные результаты выборовъ слѣдующіе: консерваторы получили 67,000 голосовъ, республиканцы 34,000. Въ департаментѣ Устьевъ Роны избраны пять республиканскихъ кандидатовъ: г.г. Гамбетта, Пельтанъ, Ледрю Ролленъ, Тардье, Деньпешь, то есть изъ смѣшаннаго списка, въ томъ числѣ г.г. Тьеръ, Греми, и генералы Трошю и Шарретъ. Въ Савойи избраны четыре республиканскихъ кандидата; въ Кагорѣ г.г. Лимейракъ, Дюфоръ, Ламбетри, Гарнье-Пажесъ, Роланъ и Іохимъ Мюратъ. Въ департаментѣ Крезы избраны одни консерваторы, также въ департаментахъ Майены, Вандейскомъ и въ Нантѣ; въ департаментѣ Нижней Шаранты большинство голосовъ получилъ одинъ республиканскій кандидатъ Бетманъ, а всѣ прочіе принадлежали къ либеральной уніи. Въ Тулонѣ восторжествовали республиканцы г.г. Бренъ,

Гамбетта, Ледрю-Ролленъ, Барбару, Лорье, Жорегиберри; въ департаментѣ Финистерре г.г. Тьеръ, Лефло, Бревеньеръ, Дюлирне, де Шамальянъ, де Кервансонъ, де Тревенъ, де Керминьи и другіе.

Вотъ результаты всѣхъ выборовъ, которые были извѣстны до 10-го февраля, такъ что безспорно большинство оказывается на сторонѣ консерваторовъ, то есть монархистовъ и умѣренныхъ республиканцевъ.

Между тѣмъ, бывшій императоръ не думаетъ отрекаться отъ своихъ правъ; такъ по крайней мѣрѣ можно судить по изданной имъ изъ Вильгемсгеэ, отъ 11-го февраля, прокламаціи къ французскому народу. Въ этой прокламаціи говорится, что императоръ теперь не можетъ молчать долѣе. Въ минуту взятія его въ плѣнъ, онъ не могъ вступать въ переговоры о мирѣ и предоставилъ регентству рѣшить вопросъ, должно-ли продолжать войну. Тогда еще можно было отвратить бѣдствія, постигшія Францію; но вспыхнуло возстаніе—и имперія была низвергнута. Прокламація заявляетъ, что тогда императоръ подавилъ свое негодованіе и питалъ пламенное желаніе успѣха національной защитѣ, но теперь, когда надежда на побѣду исчезла, то надобно потребовать отчета у похитителей власти. Порядокъ, довѣріе и миръ — вотъ что́ слѣдуетъ имѣть въ виду при обращеніи къ народу. «Склоняясь предъ столькими несправедливостями—продолжаетъ прокламація—я не хочу объявлять притязаніи на тѣ права, которыя вы неоднократно предоставляли мнѣ по собственному побужденію. Въ виду нашего бѣдствія, нѣтъ уже мѣста для личнаго честолюбія; но пока народъ не выразилъ своей воли, я обязанъ, какъ истинный представитель націи, обратиться къ ней и сказать: все что происходитъ безъ вашего прямаго участія—незаконно. Только правительство, возникшее изъ верховенства народнаго, можетъ возвыситься надъ эгоизмомъ партій, уврачевать ваши язвы, наполнить сердца ваши надеждой и возвратить отечеству трудъ, согласіе и миръ».

Главною работой парижскаго правительства, по заключеніи перемирія, было снабженіе Парижа продовольствіемъ, которое въ послѣдніе дни истощилось до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жителямъ грозила въ буквальномъ смыслѣ голодная смерть—и такъ какъ дороги были испорчены, то подвести въ скоромъ времени жизненные припасы и топливо (отъ недостатка котораго не менѣе страдало парижское населеніе) не предстояло ни малѣйшей возможности. Въ этомъ случаѣ первую помощь оказали Парижу военныя начальства нѣмецкихъ армій, предписавшія отправить туда изъ своихъ запасовъ шесть милліоновъ раціоновъ; затѣмъ дѣятельное участіе приняли въ снабженіи Парижа: образовавшійся съ этою цѣлію въ Лондонѣ комитетъ, и затѣмъ англійское правительство, распоряженіями котораго нѣсколько судовъ было нагружено съѣстными припасами и отправлено въ Діеппъ, откуда прежде всего установилось сообщеніе съ Парижемъ.

Большое значеніе при настоящихъ обстоятельствахъ имѣетъ открытіе британскаго парламента. Онъ открытъ былъ 9-го февраля лично королевой, которая произнесла при этомъ рѣчь, заключающуюся въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: «Война, которая свирѣпствовала до сихъ поръ, можетъ возобновиться, если умѣренность не отвратитъ преградъ къ заключенію мира. Англія соблюдала строгій нейтралитетъ и избѣгала всякаго безполезнаго вмѣшательства. Настоящее перемиріе подаетъ надежду на полное соглашеніе, которое должно установиться при обезпеченіи безопасности и чести обѣихъ націй. Можно надѣяться, что конференція по вопросу о Черномъ морѣ будетъ имѣть своимъ результатомъ сохраненіе началъ публичнаго права, утвержденіе общаго уваженія къ трактатамъ и искреннее соглашеніе всѣхъ державъ по восточному вопросу». Затѣмъ въ тронной рѣчи выражается сожалѣніе объ отсутствіи на конференціи представителя Франціи; далѣе объявляется, что для устраненія спорнаго вопроса между Англіей и Соединенными Штатами назначена особая коммисія. Въ заключеніе тронная рѣчь указываетъ, что Англія находится въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми государствами, и обѣщаетъ представленіе парламенту многихъ законопроектовъ, въ числѣ которыхъ будетъ и законопроектъ о преобразованіи арміи.

Послѣдній пунктъ сильно занимаетъ общественное мнѣніе Англіи, также какъ и всѣхъ европейскихъ государствъ: преобразованіе военнаго устройства, вызванное послѣднею войной, озаботило не только великія державы, но даже Швецію, Голландію и Бельгію, гдѣ въ палатахъ идетъ дѣятельное обсужденіе необходимости новой организаціи войска.

О совѣщаніяхъ конференціи по Черноморскому вопросу до сихъ поръ нѣтъ никакихъ офиціальныхъ извѣстій; происходили онѣ, какъ сообщаютъ телеграммы, 7-го и 8-го февраля. По увѣренію лондонской газеты *Morning Post*, всѣ представители державъ расположены къ мирному рѣшенію дѣла, которое вѣроятно и окончится соглашеніемъ. Телеграмма изъ Берлина, напечатанная въ *Times*, утверждаетъ, что въ вознагражденіе Порты за отмѣну нейтралитета Чернаго моря, Турціи возвращено будетъ право отказывать въ пропускѣ военныхъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы.

Вопросъ объ отсутствіи на конференціи представителя Франціи возбужденъ былъ въ палатѣ лордовъ 10-го февраля, и лордъ Гренвилль объявилъ по этому поводу, что окончательное рѣшеніе послѣдуетъ по заключеніи мира.

Волки въ табунѣ.

(См. стр. 93).

Въ степяхъ южной и восточной Россіи коноводство развито до такой степени и табуны до того громадны, что лошадей часто предоставляютъ самимъ себѣ, оставляя ихъ подъ водительствомъ такъ-называемаго косячнаго (главнаго въ табунѣ жеребца). Этотъ вождь заботливо блюдетъ ввѣренный ему косякъ, гоняетъ его на водопой, сторожитъ отъ всякаго врага и т. д. Въ случаѣ нападенія со стороны хищнаго звѣря, косячный подаетъ сигналъ тревоги ржаніемъ, табунъ собирается въ кружокъ, головами внутрь къ центру (гдѣ помѣщаются жеребята и матки), а страшными копытами заднихъ ногъ даетъ отпоръ нападающему. На нашемъ рисункѣ представленъ такой табунъ, застигнутый врасплохъ наизлѣйшимъ изъ враговъ его—волками.

Почтовый ящикъ.

Гг. иногородные подписчики, желающіе пріобрѣсти **отдѣльные нумера «Нивы» за прошлый годъ**, благоволятъ доставлять въ контору редакціи по **20 к.** за каждый нумеръ.

Въ конторѣ Редакціи въ настоящее время имѣются **весьма изящно переплетенные экземпляры журнала за прошлый годъ**, которые продаются по **5 р. безъ пересылки, а съ пересылкою и доставкою по 6 р.**

При перемѣнѣ адресовъ, гг. подписчики, сообщая о томъ конторѣ, благоволятъ **присылать на типографскія расходы 30** коп.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 5 Февраля 1871 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9 - 13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад., д. № 45—1

№ 7. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногороднихъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца **Б. Вэръ**, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Изгнанникъ.

Я стоялъ на борту корабля,
На душѣ занывала печаль,
Подъ туманомъ родная земля
Уходила въ незримую даль.
День былъ холоденъ, мраченъ, дождливъ;
Билось море и пѣнился валъ.
Расходился широко заливъ —
Я утесы едва различалъ.
И чѣмъ дальше корабль уходилъ —
Тѣмъ меня неотступнѣй, сильнѣй
Изъ тумана морскаго манилъ
Милый призракъ отчизны моей.

Я рыдалъ какъ ребенокъ больной,
Какъ надъ гробомъ невѣсты рыдалъ.
Прежде родину звалъ я рабой,
А теперь я рабомъ ея сталъ.
И какіе-то люди кругомъ
Говорили мнѣ что-то, но ихъ
Я не понялъ. И бурю и громъ
Я бъ разслушать не могъ въ этотъ мигъ.
Мнѣ казалось, я сплю — и меня
Душитъ призракъ тяжелаго сна,
И проснусь я въ сіяніи дня
Подъ чириканье птицъ у окна.

Я стоялъ — и въ туманѣ горя
Краснымъ блескомъ свѣтила заря,
И какъ пламя сіяла кругомъ
На безбрежномъ просторѣ морскомъ.
Хоть тюрьму я въ отчизнѣ молилъ
Мнѣ на долю послать небеса...
А корабль — уходилъ... уходилъ...
Вѣтерокъ надувалъ паруса.

Архангельскъ. В. Н-Д.

Запорожцы.

(Продолженіе).

II.

Встало апрѣльское солнце; по Бехчесерайской большой или лучше-сказать единственной улицѣ кипѣли толпы народа, тихо между собою перешептываясь. У Ширинскаго Серая, гдѣ жилъ старшій въ родѣ Ширинъ-Бей, нарядные слуги, сидя, держали поводья богато-осѣдланныхъ лошадей; красивѣе всѣхъ была Сайга, сѣрая въ яблоки кобыла; лучи утренняго солнца не разъ будто искры отскакивали отъ позолоченой подковы, охватывавшей нетерпѣливое и непривычное къ желѣзной обуви копыто благородной Сайги. Толпа зѣвакъ съ любопытствомъ смотрѣла на красавицу-кобылицу и молчала. Помолчавъ добрый часъ, одинъ татаринъ нечаянно посмотрѣлъ на другаго и спросилъ съ важностію: «А что?»—«Да!» также важно отвѣчалъ тотъ, не измѣняя своего наблюдательнаго положенія,—и оба опять стали молчать торжественно. Но скоро эта картина созерцанія была нарушена пѣніемъ муэдзиновъ съ минаретовъ Джума и Джами, т. е. Бехчесерайской дворцовой мечети. Слуги будто проснулись и встали; лошади встрепенулись; калитка въ стѣнѣ, окружавшей и закрывавшей дворецъ Ширинъ-Бея, отворилась—и оттуда одинъ за другимъ выходили султаны и мурзы рода Ширинскаго, усѣлись на коней и медленно, торжественно поѣхали къ ханскому дворцу, куда такъ же скоро и едвали не скорѣе могли бы дойти и пѣшкомъ, потому что первый или главный мостъ Бехче-Серая былъ отъ Ширинъ-Серая шагахъ въ пятидесяти; но важность лицъ и церемоніалъ того требовали. Сайга видно не привыкла ходить шагомъ и такъ церемоніально; досадуя на золотыя удила, сдерживавшія ея порывы, она съ чудною рѣзвостью выплясывала невиданныя лошадиныя па—и растянула татарскіе рты такимъ непомѣрнымъ удивленіемъ, что казалось, будто вся толпа хочетъ пѣть, да не можетъ добыть голоса. Искусство и видъ всадника еще болѣе увеличивали народный восторгъ; то былъ Ширинъ-Адиль-Шахъ-Мурза, мужчина лѣтъ тридцати двухъ не болѣе; каждый татаринъ зналъ его имя и подвиги—такъ же хорошо какъ имя и подвиги Хана Крымъ-Гирея, съ которымъ Адиль-Шахъ совершилъ не мало знаменитыхъ походовъ. Но Крымъ-Гирея уже не было; греческій ядъ свалилъ послѣдній Кедръ Татарскаго Вертограда; послѣдняя знаменитость Крыма угасла на рукахъ Адиль-Шаха, въ степи Буджацкой,—а въ великолѣпномъ дворцѣ Бехчесерайскомъ, на подушкахъ, на которыхъ были вытканы стихи во славу Керимъ-Герайя, возлежалъ слабоумный клевретъ турецкій, Селимъ Геррай III. Къ нему на общую молитву, къ нему на совѣтъ ѣхали благородные, но мрачные Ширины. Сайга была причиною, что Адиль-Шахъ порядочно поотсталъ отъ родственниковъ, къ общему удовольствію праздныхъ горожанъ.

— Хорошо, сказалъ кто-то въ толпѣ громко,—что Кефинскій паша не видалъ Сайги...

— А что было-бы, если бы увидѣлъ?..

— Укралъ-бы—или отдалъ-бы за нее всѣхъ своихъ черкешенокъ...

— Свои есть... съ улыбкой сказалъ Адиль-Шахъ:— и тѣ надоѣли...

— Тѣ не такія! Паша податью всѣхъ жидовъ и грековъ въ Кефѣ обложилъ, чтобы заплатить Стамбульскому купцу за Мелиту, какой само солнце подъ собою не видало... Всѣ купцы на нее плачутся. Да и кто станетъ смотрѣть на полевую дрянь, когда на глазахъ лучшая смирнская роза изъ садовъ Падишаха...

Сайга плясала на одномъ мѣстѣ; Адиль-Шахъ слушалъ разсказчика съ напряженіемъ. Послѣдній это замѣтилъ, и подойдя ближе къ всаднику, сказалъ, понизивъ голосъ:

— Только у Кефинскихъ и Ялтинскихъ грековъ есть такіе цвѣты; я самъ видѣлъ такую, что и въ раю не увижу...

— А какъ зовутъ?

— Астрой!.. съ улыбкой отвѣчалъ незнакомецъ и ушелъ...

— Кто онъ? спросилъ Адиль-Шахъ, слѣдя за нимъ глазами.

— Горный гость, отвѣчало нѣсколько голосовъ.— Онъ часто бываетъ на базарѣ; заходитъ и въ Серай, къ Юсуфъ-Эффенди, а впрочемъ кто его знаетъ. У него тутъ кажется нѣтъ знакомыхъ...

— Отыщутся!.. сказалъ Адиль-Шахъ, и Сайга въ два прыжка очутилась на мосту. Мурза въѣхалъ на дворъ со всевозможнымъ эффектомъ, поглядывая на Соколиную башню, откуда ханскія жены обыкновенно смотрѣли на съѣздъ мурзъ и султановъ; но опытный взоръ Адиль-Шаха тотчасъ замѣтилъ, что на Соколиной башнѣ никого не было,—да и вообще на главномъ дворцовомъ дворѣ, гдѣ всегда толпилось множество ханскихъ прислужниковъ и чиновниковъ, господствовала подозрительная пустота. Адиль оглянулся, но не было кому даже отдать благородной Сайги; у кладбища ханскаго сидѣлъ Юсуфъ Эффенди и возлѣ него Горный гость; Адиль-Шахъ невольно вздрогнулъ...

«Этотъ горный гость» подумалъ онъ: «меня преслѣдуетъ. Онъ кажется волочится за моею Сайгой, хочетъ даромъ взять богатые барыши съ паши Кефинскаго. Знаетъ мошенникъ, у кого украсть, — да не удается; но если онъ говорилъ правду—и въ самомъ дѣлѣ у него на примѣтѣ есть Астра»...

И Адиль-Шахъ слѣзъ съ лошади, забросилъ поводъ и пошелъ прямо къ кладбищу; вѣрная Сайга покорно пошла за нимъ. Эффенди всталъ, Горный гость сидѣлъ... Сдѣлавъ Эффенди самое изысканное по восточному обычаю привѣтствіе, Адиль-Шахъ спросилъ, пожаловалъ-ли ханъ въ Джума-Джами,—и узнавъ, что ханъ еще пребываетъ къ Золотомъ Теремѣ, невольно улыбнулся съ презрѣніемъ, и посмотрѣлъ на уголъ дворца, обращенный къ Соколиной башнѣ и Персидскому саду. Эта улыбка не укрылась отъ вниманія Горнаго гостя.

— И мы, Адиль-Шахъ, глядя на Золотой Теремъ Крымъ-Герая, также презрительно улыбаемся,—да что будешь дѣлать! Пусть себѣ—турецкій *ужъ* безвредно ползаетъ по египетскимъ рогожкамъ этого великолѣпнаго дворца. Скоро его загонятъ вѣтры сѣверные въ его стамбульскую нору; тучи уже собрались... Не знаю только, зачѣмъ собрались вы, благородные мурзы и султаны на этотъ дворъ, съ котораго еще не съѣхалъ турецкій прикащикъ?

Адиль-Шахъ посмотрѣлъ сомнительно на горнаго гостя; какая-то странная недовѣрчивость волновала Адиль-Шаха. Онъ не хотѣлъ вступать въ разговоръ съ простымъ татариномъ, не хотѣлъ оставить своей Сайги

на невѣрныя руки, и не имѣлъ никакой охоты идти въ мечеть раньше хана.

— Юсуфъ-Эффенди! сказалъ онъ почтительно: — я сталъ бы вмѣсто тебя на стражѣ у Воротъ Покоя Великихъ Владыкъ, если бы ты былъ такъ добръ, пошелъ бы въ Джами и далъ мнѣ знать, когда пожалуетъ туда свѣтлость, нашъ многоуважаемый Ханъ и Повелитель...

— Конечно, на всей Крымской землѣ не отыщется ни одного правовѣрнаго мусульманина, который бы отказалъ исполнить малѣйшій полетъ мысли благороднѣйшаго изо всѣхъ Шириновъ, мудраго Балаклавскаго Адиль-Шаха...

И приложивъ руку къ сердцу, Эффенди ушелъ. Пользуясь его отсутствіемъ, Адиль-Шахъ такъ грозно взглянулъ на Горнаго гостя, что тотъ не выдержалъ блеска знаменитыхъ глазъ и отвернулся.

«Ага!» подумалъ Адиль: «масть угадана, теперь примемся за породу».

— А что, Эффенди, мы кажется уже знакомы съ тобою?

— Второй разъ тебя вижу...

— А въ горахъ, помнишь, подъ Машупомъ...

— Не знаю. Я не бывалъ тамъ...

— Твоя правда, не ошибся. Я встрѣтилъ тебя за Акъ-Мечетью, нѣтъ дальше, гораздо дальше, за Карасубазаромъ, на горной дорогѣ въ Кефу...

— Я тебя не видѣлъ...

— Неудивительно! Ты былъ занятъ добычей...

Горнаго гостя будто что̀ кольнуло; это движеніе не укрылось отъ Адиль-Шаха...

— Я не хотѣлъ мѣшать тебѣ и товарищамъ, и повернулъ на другую дорогу...

— Не хорошо ты сдѣлалъ, потому что тамъ другой дороги нѣтъ; развѣ въ подгорныя села...

— Сайга и безъ дороги ходить умѣетъ. А что Хаджи Оглу здравствуетъ?

Этого вопроса никакъ не ожидалъ Горный гость. Хотя тогда сообщничество съ предводителемъ разбойниковъ и не считалось чѣмъ-либо предосудительнымъ, отъ привычки къ этимъ скопищамъ, которыхъ не могли унять вялыя мѣры Селима, враждовавшаго со всѣми тремя главными племенами татарскихъ мурзъ и султановъ; хотя многіе мурзы покровительствовали разбойникамъ или даже сами принимали въ ихъ подвигахъ участіе, тѣмъ не менѣе Горный гость такъ былъ смущенъ вопросомъ о здравіи самаго страшнаго изъ разбойничьихъ начальниковъ, что не смогъ тотчасъ отвѣчать Адиль-Шаху. Собравъ распуганныя мысли, Горный гость сказалъ тихо:

— Я не его стада чабанъ; у меня свои овцы есть.

— Свои волки, ты хотѣлъ сказать; жаль, что ты не Хаджи-Оглу волченокъ.

— А почему жаль?

— Объ этомъ тебѣ говорить не приходится. Значитъ — не ты, не съ тобой...

Горный гость выпучилъ глаза, но Адиль Шахъ какъ будто не обращалъ на него вниманія и продолжалъ: — Напрасно, значитъ я и въ Джами не пошелъ; а можетъ быть еще придетъ, — невозможно, чтобы Хаджи-Оглу былъ такъ неисправенъ...

— Вѣрно это Гассанъ посланъ къ нему, подумалъ Горный гость, но подумалъ вслухъ, самъ того не замѣчая, и Адиль-Шахъ поспѣшилъ воспользоваться его неосторожностью.

— Значитъ тебя зовутъ не Гассаномъ?..

— Такъ и есть! Горный гость всталъ и почтительно отвѣчалъ: — Нѣтъ, Салтанъ, меня зовутъ Мурдоулатомъ Чатырь-Беемъ...

— Вотъ онъ кто! такъ мы съ нимъ знакомые незнакомцы. Погоди же ты, воръ поганый!.. засажу я тебя на острую башню; построю я тебѣ приличный минаретъ; запоешь ты съ него дикія пѣсни... А гдѣ же Гассанъ!.. Такъ-то Хаджи-Оглу держитъ свое слово!.. а еще хвалится, что слово его вѣрнѣе его пули.

— Не сердись, Салтанъ! Гассана видно на пути что̀ задержало; я самъ уже третій день жду не дождусь. Но если могу, я за него свято исполню салтанскій приказъ твой...

— Я не могу тебѣ довѣриться....

— Не можешь! — и Мурдоулатъ приподнялъ рубашку; на груди, похожей на засохшую корку хлѣба, покрытой рѣдкими волосами, на красномъ снуркѣ висѣлъ кожаный мѣшочекъ, на которомъ шелками вышито было имя Хаджи Оглу...

— Вотъ это дѣло другое, сказалъ Адиль, догадываясь, что этотъ мѣшочекъ хранилъ въ себѣ заповѣдный тельсимъ (талисманъ), и служилъ въ шайкѣ условнымъ знакомъ. — Ну, теперь я тебѣ вѣрю. Но мнѣ совѣстно отрывать тебя отъ дѣла...

— Э, ничего, Салтанъ, только приказывай; до самаго вечера мнѣ здѣсь нечего дѣлать...

— Значитъ, ввечеру ему заказана работа. Охъ, Мурдоулатъ, хотя ты могучъ и знаменитъ, но одинъ не справишься.

— Черезъ два, три часа соберутся наши...

— Да много ли васъ?

— Сколько пришлютъ, не знаю; во всякомъ случаѣ не менѣе двухъ и не болѣе трехъ, да Маджару.

— Значитъ: за женщиной! подумалъ Адиль Шахъ: — чудесно! Мнѣ нужна также Маджара... Такъ вотъ что; ты знаешь, гдѣ я остановился.

— Не знаю. Гдѣ намъ знать, гдѣ останавливаются такіе великіе люди.

— Въ Чуфутъ Кале, у Чуфутскаго муфтія.

— Ширинъ-Адиль-Шахъ-Мурза — у жидовскаго муфтія!....

— Во-первыхъ, это не твое дѣло; во-вторыхъ, на то есть есть слишкомъ великія причины, о которыхъ Хаджи-Оглу очень хорошо знаетъ, а тебѣ до нихъ нѣтъ дѣла. Какъ пріѣдутъ твои, ступайте въ Іосафатову долину; Маджару оставьте тамъ, а сами, всѣ сколько васъ нибудетъ, ко мнѣ на верхъ. Остальное узнаете въ свое свое время.

Эффенди бѣжалъ изъ мечети, и Адиль-Шахъ поспѣшилъ отойти отъ Мурдоулата.

— Что, именитый Юсуфъ-Эффенди, что̀ объявитъ мнѣ твоя ученость...

— Спѣшу донести твоей Степенности о великомъ несчастіи; свѣтлѣйшій владыка нашъ и повелитель, да покроетъ его пророкъ цѣлебнымъ плащемъ своимъ, возлегъ на подушкахъ недуга, опоясался болѣзнію палящею, покрылся тяжкою немочью: сто храминъ дворца его наполнились плачемъ и рыданіями ста женъ его, что краше земныхъ красотъ и равны райскимъ гуріямъ.

— Да, есть одна! замѣтилъ Мурдоулатъ.

— И то... по твоей милости, подумалъ Адиль-Шахъ: — Молю Бога и великаго Пророка, да подастъ очамъ моимъ слезу и сердцу сокрушеніе; такъ мы можемъ ѣхать по домамъ.

— О нѣтъ, напротивъ того; Селимъ Герай проситъ васъ всѣхъ, великихъ и благородныхъ его родственниковъ, на совѣтъ въ несравненную залу суда. Калга-Султанъ и Нурединъ-Султанъ уже ожидаютъ тамъ...

— Но, Эффенди, кому же оставлю я мою Сайгу?..

— Позволь мнѣ, сказалъ Мурдоулатъ, вставъ съ мѣста.

— Извини! Не могу! У меня на то есть важныя причины...

«Очень простыя!» подумалъ Мурдоулатъ: «боится, чтобы я не укралъ лошади. Не она, а ты мнѣ нуженъ. А послѣ тебя Сайга и безъ того найдетъ достойнаго хозяина.

— Такъ позволь мнѣ, лучъ солнца! подхватилъ Эффенди.

— И тебѣ нельзя! Гордость моя такъ далеко не простирается, чтобы я обезпокоилъ, презрѣнными поводьями, руки, поливающія цвѣты надъ прахомъ нашихъ хановъ. Адиль въ умѣ такъ докончилъ рѣчь свою: «чтобы я отдалъ Сайгу въ руки самаго тонкаго мошенника и сообщника Чатырь-Бея! И сегодняшнее дѣло у нихъ общее. Но кому въ самомъ дѣлѣ отдать Сайгу? Въ нашей землѣ добраго коня труднѣе устеречь, чѣмъ красавицу.

Въ нерѣшимости, кому отдать благородную кобылицу, Адиль шахъ пошелъ по направленію къ главной двери; Сайга шла за нимъ, какъ вѣрная собачка. Забывшись, онъ взошелъ на великолѣпное крыльцо; Сайга постояла, подумала, и пошла за нимъ. Стукъ копытъ о мраморный полъ заставилъ Адиль Шаха опомниться.

— Куда ты, любовь моя, что краше кобылицы пророка?.. О, еслибы любимѣйшая жена моя была такъ привязана ко мнѣ, какъ ты, несравненная Сайга! Ты не хочешь оставить меня, можетъ-быть нѣжное сердце твое чуетъ опасность—и ты не пускаешь меня въ притонъ турецкихъ клевретовъ. Благодарю, Сайга! Я послушаюсь твоего нѣмаго совѣта, я не пойду въ залу суда, я...

— Кто посмѣлъ, раздался голосъ съ лѣстницы,— осквернить крыльцо славы Керимъ Герая!..

— Другъ его, Адиль-Шахъ!

— Что я слышу? ты ли, благородный Адиль,— и съ лѣстницы на крыльцо сбѣжалъ Темиръ-ага, Тефердарь ханскій. — Ты ли, ты ли? повторялъ примѣтно обрадованный Ага...

— Самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Ханскіе вѣстники пріѣзжали на мой дворъ и звали на совѣтъ къ хану.

— На совѣтъ? Гмъ! сомнительно сказалъ Темиръ.— Диванъ начнется еще не скоро. Ногаи еще не пріѣхали и едва ли пріѣдутъ; впрочемъ, намъ дадутъ знать, когда умирающій Селимъ заползетъ за рѣшетку хоровъ въ залѣ суда; а пока, мы потолкуемъ у меня внизу, теперь тутъ некому насъ подслушивать... Пойдемъ...

— Но кому же я оставлю мою Сайгу?..

— Постой! кричать нельзя, свистать нельзя, въ ладоши бить нельзя; во всемъ дворцѣ нѣтъ у меня вѣрнаго слуги; всѣ каныхалки, всѣ чиновники... Постой, постой! и Темиръ вышелъ за ворота, кликнулъ дерриша, сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо, тотъ три раза повернулся на одной ногѣ, подпрыгнулъ, подбѣжалъ къ Сайгѣ, схватилъ подъ уздцы и увелъ совсѣмъ со двора.

— Куда это они отослали Сайгу?

— Простое дѣло, къ Темиръ-Агѣ на конюшню! спокойно отвѣчалъ Юсуфъ-Эффенди, вынулъ ящикъ изъ кармана и сталъ поправлять кисточкой узоры на своихъ ногтяхъ.

(Продолженіе будетъ).

Гробница А. С. Грибоѣдова,

на горѣ св. Давида въ г. Тифлисѣ.

Однимъ изъ замѣчательныхъ мѣстъ и народныхъ духовныхъ сокровищъ христіанскаго Тифлиса, основаннаго въ V вѣкѣ, является мѣстность горы св. Давида, сдѣлавшаяся святынею вскорѣ по провозглашеніи города резиденціею царей грузинскихъ. Гора эта имѣетъ высоту надъ моремъ 2,400, а балконъ церкви 1,940 футовъ.

Преподобный Давидъ, одинъ изъ Сирійскихъ отцевъ, поселился временно на этой горѣ, вдали отъ новаго города, призывая на него благословеніе неба и земли. Таково древнее преданіе, не вошедшее въ составъ жизнеописанія св. Давида, но дополняемое слѣдующимъ разсказомъ преданія же, воспѣваемаго въ пѣсняхъ св. церковью. Еще при жизни св. Давида, одна отшельница, жившая въ монастырѣ на мѣстѣ нынѣшней церкви Кашоэтской, сдѣлалась беременною. Удивленные этимъ, духовные требовали отъ преступницы, чтобъ она объявила имъ имя своего соблазнителя. Враги св. Давида, огнепоклонники, во множествѣ еще обитавшіе въ Тифлисѣ и вообще въ Грузіи, подкупивъ женщину, внушили ей обвинить св. мужа, грознаго противника ихъ неугасаемымъ огнищамъ. Преподобный вынужденъ былъ предстать предъ народный судъ. Пришедъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась женщина-клеветница, св. Давидъ коснулся чрева беременной женщины и грозно спросилъ: «я ли твой отецъ?» Ребенокъ изъ утробы отвѣчалъ: «нѣтъ, нѣтъ!» При разрѣшеніи отъ бремени, недостойная инокиня родила на мѣстѣ своего обиталища вмѣсто младенца камень. Отъ этого камня образовалось названіе Кашоэти, т. е. рожденіе камня.

Въ память такого событія, христіане считаютъ св. Давида благословляющимъ неплодіе женщинъ, и потому прибѣгаютъ къ молитвенному ходатайству его, дѣлая обѣты частаго посѣщенія, благоговѣйныхъ приношеній, вигилій и т. д.

Гора св. Давида называется грузинскимъ названіемъ Мтацминдскою, т. е. Святогорскою; начало этого наименованія относится къ IX вѣку, т. е. ко времени развитія и распространенія обителей Святогорскихъ на Аѳонѣ, гдѣ тогда же устроенъ грузинами монастырь Иверскій.

Еще при жизни св. Давида построена тутъ церковь для богослуженія. Въ IX вѣкѣ явилась другая каменная, посвященная Иверской Божіей Матери, возсозданная въ 1592 году и существовавшая до 1809 года, когда католикосъ Антоній II вновь возвелъ ее на развалинахъ древней.

Въ настоящее время, кромѣ помянутой церкви сооружается новая на площадкѣ, расположенной надъ пещерою гробницы Грибоѣдова. Отъ всего же древняго виденъ только родникъ въ сердцѣ горы, подъ сводомъ котораго, среди холоднаго вѣянія въ этой глубинѣ водной пещеры, замѣчается еще священный сумракъ, отрадный въ древнихъ святилищахъ.

Это единственное мѣсто, гдѣ подъ вліяніемъ сладкожурчащей воды источника и въ таинственной тишинѣ можно искать вдохновенія. Отсюда открывается весь видъ живописнаго Тифлиса, видъ рѣки Куры, какъ Меандры у поэтовъ,— и взоръ, простирающійся по горной лазури Марткопи и Самгоры, едва останавливается обителью св. Антонія Марткопскаго, въ 18 верстахъ отъ Тифлиса, и гранью горъ Гареднійскихъ, въ 50 верстахъ; а на сѣверномъ горизонтѣ, среди облаковъ, рисуется снѣговая вершина величественнаго Казбека, въ 150 верстахъ. Такова поэтическая сторона этого мѣста, какъ горнаго оазиса. Такъ понималъ это мѣсто безсмертный поэтъ, любившій посѣщать его и завѣщавшій упокоить его тамъ, если бы пришлось ему окончить поприще земной жизни въ Грузіи. Предчувствіе сбылось. Смерть постигла А. С. Грибоѣдова въ Тегеранѣ, и смертные останки его упокоились подъ сѣнію св. Давида. Вдова его, Нина Александровна, урожденная княжна Чавчавадзе, потерявшая супруга очень рано и оставшаяся вѣрною имени безсмертнаго въ лѣтописяхъ русскаго слова, воздвигла памятникъ и сама упокоилась подлѣ гробницы своего мужа, отойдя въ вѣчность 28 іюня 1857 года.

Гробница А. С. Грибоѣдова въ Тифлисѣ.

Съ наброска архитектора Чижова, гравировалъ К. Вейерманъ.

На прилагаемомъ рисункѣ изображена внутренность грота, покрытаго сводомъ изъ алгетскаго камня и имѣющаго арочное отверстіе, обдѣланное тесанымъ камнемъ, въ видѣ портика въ персидскомъ стилѣ, что изображено внизу рисунка. Внутри грота видны три гробницы: направо—А. С. Грибоѣдова; посрединѣ—жены его; а съ лѣвой стороны—мраморный памятникъ, постоянно убранный гирляндами живыхъ цвѣтовъ, дочери начальника главнаго управленія намѣстника кавказскаго, статсъ-секретаря барона Николаи.

Памятникъ поэта состоитъ изъ четырехъ-угольнаго пьедестала чернаго мрамора и на немъ бронзовая фигура плачущей женщины, покрытой чадрою и припавшей къ кресту, символу скорби и утѣшенія. На пьедесталѣ портретъ усопшаго и подъ нимъ надпись: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года января 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 года, января 30 дня». Съ сѣверной боковой стороны другая надпись: «Незабвенному его Нина», на южной сторонѣ пьедестала: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя». Сзади на пьедесталѣ гербъ Грибоѣдова, а у подножія креста 2 книги и лира въ лавровомъ вѣнкѣ. Памятникъ Нины Александровны Грибоѣдовой состоитъ изъ бронзоваго пьедестала съ такимъ же крестомъ; надпись слѣдующая: «Нина Грибоѣдова, родилась 4 ноября 1812 г., скончалась 25 ноября 1857 года. На памятникѣ дочери барона Николаи надпись: «Нина Николаи, родилась 4 апрѣля 1856 года, скончалась 28 августа 1864 года.

Описанная гробница, дорогая всѣмъ русскимъ, подъ сѣнію святыни христіанскаго Кавказа, усердно посѣщается поклонниками великаго поэта, о чемъ свидѣтельствуетъ множество надписей испещряющихъ сводъ ея.

Торжественный видъ представляетъ гора св. Давида въ день его празднованія—въ первый четвергъ послѣ Вознесенія. Извилистая горная тропа, ведущая изъ города къ церкви, покрывается пестрою живописною толпою въ національныхъ и европейскихъ костюмахъ; тутъ встрѣчаются грузины, русскіе, армяне и лица почти всѣхъ европейскихъ націй и различныхъ вѣроисповѣданій, какъ христіанскихъ, такъ и магометанскихъ, изъ которыхъ многіе, зная подвижническую жизнь св. Давида, чтутъ его память.

Картина окружающей величественной природы обворожительна; Тифлисъ оставилъ свою душную обстановку, свою суетную жизнь, и возносится горѣ,—туда, гдѣ въ прохладной священной сѣни, въ безмолвной тишинѣ, раздаются лишь звуки церковныхъ гимновъ, предъ гробницею великаго поэта.

А. Чижовъ.

Уходъ за младенцами въ болѣзни.

Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ ребенкомъ только въ самые первые годы его жизни, когда онъ еще не въ состояніи выразить боль или дурное настроеніе словами, или даже опредѣленными,понятными жестами,—и вполнѣ зависитъ отъ понятливости своихъ родителей. Но чѣмъ безпомощнѣе нѣжное созданіе, которое не рѣдко не можетъ выразить своего болѣзненнаго состоянія иначе какъ крикомъ, метаніемъ, тоскливымъ безпокойствомъ,—тѣмъ менѣе мать находится что̀ дѣлать, и потому въ это время домашней тревоги дѣлается всего болѣе ошибокъ и упущеній, и горькій опытъ заставляетъ насъ положительно утверждать, что несчетное множество маленькихъ дѣтей погибаетъ вопреки нѣжнѣйшей материнской заботливости. Врачебная наука вращается на двухъ древнихъ, вѣчно непреложныхъ началахъ, которыхъ не въ силахъ вытѣснить никакія новѣйшія системы и усовершенствованія въ процессѣ леченія, а именно: 1) несравненно легче и вѣрнѣе предотвратить болѣзнь, чѣмъ вылечить болѣзнь уже объявившуюся; 2) объявившуюся уже болѣзнь тѣмъ легче и вѣрнѣе можно вылечить, чѣмъ раньше она будетъ узнана и будетъ оказано разумное медицинское пособіе. Эти два начала къ дѣтямъ примѣняются болѣе чѣмъ къ взрослымъ, и соблюденіе ихъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ дитя моложе и нѣжнѣе. Предотвратить же болѣзни вообще, особенно въ раннемъ дѣтствѣ, можно единственно правильной, раціональной гигіеной и діэтою, съ самаго рожденія. Что же касается втораго пункта—своевременнаго узнаванія готовящейся или уже вступившей въ первой періодъ болѣзни, то здѣсь наиболѣе грѣшатъ противъ ребенка небрежностью, упущеніемъ времени, происходящими отъ незнанія, предразсудковъ, вѣры въ случай, выжиданія, склонности къ шарлатанству,—и потому мы избрали именно этотъ пунктъ темой настоящей статьи.

Обыкновенно мать или воспитательницу, по незнанію симптомовъ, болѣзнь дитяти застигаетъ врасплохъ—и тогда только посылаютъ за докторомъ, когда наступила очевидная опасность и испугала явными признаками; но это въ большинствѣ случаевъ уже слишкомъ поздно—и врачъ не всегда въ состояніи помочь, тогда какъ нѣсколькими часами раньше онъ можетъ-быть поручился бы за жизнь ребенка. Каждая мать должна знать, какіе признаки означаютъ въ ея ребенкѣ начало нездоровья. Заболѣвающее или уже заболѣвшее маленькое дитя не можетъ подобно большому высказать или даже понятно показать, какія оно ощущаетъ боли, стѣсненіе, желанія или отвращеніе; оно само ошибается, сознавая только общее ощущеніе,—отталкиваетъ то, что было бы ему пріятно или полезно. Признаки болѣзненнаго состоянія въ маленькомъ ребенкѣ тогда только можно съ увѣренностью различить, когда его обстоятельно изучили въ здоровомъ состояніи,—когда путемъ тщательнаго наблюденія узнали, какъ онъ себя держитъ въ снѣ и въ бодрственномъ состояніи и въ извѣстныхъ случаяхъ, какія имъ присвоены хорошія или дурныя привычки, на сколько онъ, здоровый, склоненъ къ капризамъ или упрямству. Только при этомъ знаніи мать можетъ различить въ ребенкѣ необыкновенныя явленія и смотря по обстоятельствамъ своевременно хватиться начала болѣзни. Но для пріобрѣтенія этого знанія необходимо та̀къ наблюдать за здоровымъ ребенкомъ, чтобы отнюдь не обратить его вниманія на то, что̀ именно въ ту минуту занимаетъ ее, потому что, если это дѣлается непринужденно и какъ будто невзначай, ребенокъ гораздо легче и естественнѣе выскажется—и невольнымъ движеніемъ или знакомъ обнаружитъ свое обыкновенное или необыкновенное состояніе. Особенно слѣдуетъ наблюдать за спящимъ ребенкомъ: сонный онъ всегда является такимъ, каковъ есть въ дѣйствительности; тутъ можно всего вѣрнѣе судить о пульсѣ, дыханіи, теплотѣ тѣла, естественности позы, потому что нѣтъ возбужденія причиненнаго моціономъ, крикомъ или какимъ бы то ни было усиліемъ. Форма тѣла ребенка тоже должна быть въ точности знакома матери, а равно и отношенія отдѣльныхъ частей къ цѣлому, такъ какъ чрезмѣрное развитіе или отощеніе и слабость той или другой части можетъ указывать на особое расположеніе къ извѣстнымъ болѣзнямъ или безсилію. Такъ напримѣръ, сильное развитіе головы обыкновенно есть признакъ расположенія къ пораженіямъ мозга, причемъ признаками заболѣванія обыкновенно бываютъ жаръ въ глазахъ, приливъ крови къ головѣ, тревожный сонъ и пробужденіе въ испугѣ; малѣйшее уклоненіе въ линіи спиннаго хребта придаетъ огромное значеніе запоздалости первыхъ попытокъ ходить или бѣгать, слабости и худобѣ ногъ; при короткой, толстой шеѣ легко дѣлается кашель, опухоль шейныхъ желѣзъ; при большомъ, твердомъ животѣ и тонкихъ ногахъ, нужно обращать особенное вниманіе на разстройство пищеваренія. Насчетъ того, какъ необходимо знать формы тѣла для сужденія о здоровьи или болѣзненныхъ склонностяхъ реяенка, мать всего лучше можетъ позаимствоваться у каждаго хорошаго дѣтскаго доктора, который, если призовутъ его, не преминетъ осмотрѣть ребенка раздѣтымъ, потому что форма его, движенія, состояніе мускуловъ, цвѣтъ кожи, и пр., облегчаютъ ему разузнаваніе болѣзни или діагностику.

Если мать, обстоятельно изучивъ свое дитя въ здоровомъ состояніи (причемъ она непремѣнно должна сравнивать его съ другими дѣтьми, чтобы узнать нормальныя особенности своего ребенка), замѣчаетъ въ немъ необычайныя явленія,—то не должно сейчасъ пугаться и ждать худшаго, потому отдѣльные случаи, въ родѣ безпокойства, вздрагиванія, вскрикиванія во снѣ, жара, ускоренія дыханія, могутъ быть лишь мимолетными явленіями, вслѣдствіе дурнаго воздуха, слишкомъ жаркой постели, неудобнаго положенія, ужаленія какого нибудь насѣкомаго, тревожнаго сна, легкаго раздраженія отъ пищеваренія и проч. и тогда только получаютъ значеніе, если продолжаются или увеличиваются или показываются одновременно съ другими необычайными явленіями. Есть впрочемъ и одиночныя явленія, вмѣняющія въ обязанность призывать доктора, если они показываются не одинъ разъ, мимоходомъ, а повторяются или продолжаются непрерывно, а тѣмъ паче если усиливаются: таковы, главнымъ образомъ, жаръ и краснота щекъ, красноватые, воспаленные глаза, сильный потъ на непокрытой головѣ, сильное метаніе во снѣ, необыкновенная блѣдность, отсутствіе аппетита, неохота играть, сонливость въ неурочное время, прекращеніе стараній вставать, ходить, стоять, слабость въ ногахъ; далѣе: частый плачъ, въ особенности перерываемый легкимъ

глотаніемъ или пыхтеніемъ, учащенное или усиленное біеніе сердца или пульса, діарея, рѣзи въ животѣ, рвота, вялость мускуловъ и кожи, запоръ, необыкновенный цвѣтъ испражненій, и проч. Никогда не должно пропускать болѣе двухъ или трехъ дней не призывая доктора при этихъ признакахъ, которые впрочемъ могутъ появиться и временно, безъ особеннаго дурнаго значенія. Если зубы не прорѣзываются, или начавшееся прорѣзываніе останавливается—это тоже знакъ того, что готовится или уже началось болѣзненное состояніе. Но, такъ какъ крайне важно, чтобъ въ случаѣ дѣйствительной болѣзни докторъ какъ можно раньше началъ принимать дѣятельныя мѣры, а самыя частыя и опасныя дѣтскія болѣзни—такъ называемыя острыя, т. е. лихорадочныя, по большей части сопряженныя съ сыпями, то каждой матери или воспитательницѣ въ высшей степени необходимо знать тѣ симптомы, по первому появленію которыхъ она, не откладывая, не пробуя домашнихъ средствъ, не теряя времени, должна посылать за докторомъ. Только этимъ можно предотвратить опасность, предполагая конечно, что врачъ—человѣкъ свѣдущій и опытный. Признаки эти слѣдующіе: особенный крикъ, необыкновенный или по тону, или по силѣ. Болѣзненнымъ симптомомъ въ особенности слѣдуетъ считать: постоянно или часто повторяющійся короткій крикъ; вскрикиваніе, прерываемое легкимъ плаксивымъ стономъ—признакъ лихорадки; пискливый крикъ означаетъ начало воспаленія мозга; хриплый крикъ съ короткимъ дыханіемъ—грудное страданіе. Крикъ отъ боли силенъ, часто повторяется, но ровно, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица; если крикъ не прерывается и ребенокъ притягиваетъ къ себѣ ноги, это означаетъ боль въ животѣ, если дитя съ крикомъ хватается за ротъ—у него зубы болятъ. Далѣе: жгучій, сухой жаръ тѣла, жажда при отсутствіи аппетита, короткое дыханіе, или тяжелое, быстрое, шумное, съ хрипомъ или свистомъ, или же неровное и очень протяжное; тяжесть въ головѣ, слабость тѣла, дурное настроеніе духа, быстрый пульсъ, невыносимость свѣта глазамъ, тоскливое хватаніе за голову, частое вскрикиванье и вздрагиваніе во снѣ, судорожное корченіе, розовый цвѣтъ кожи при раздраженіи горла, появленіе сыпи при жарѣ;—кто при видѣ *этихъ* признаковъ еще выжидаетъ и теряетъ время, отнимаетъ у врача возможность предотвратить опасность или во время захватить тяжкую болѣзнь, и, покрайней мѣрѣ, придать ей болѣе мягкую форму. Если же врачъ взялъ ребенка на свое попеченіе, тогда уже ни предразсудокъ, ни ложное состраданіе не должны мѣшать исполнять его предписанія; мать или воспитательница должна добросовѣстно, спокойно, съ присутствіемъ духа все дѣлать, что онъ велитъ, затѣмъ внимательно, яснымъ взоромъ наблюдать за ребенкомъ, чтобы сдать доктору вѣрный, не сбивчивый отчетъ. Если дѣтей нѣсколько—и признаки болѣзни покажутся только у одного, то необходимо заболѣвшаго тотчасъ отдѣлить и учредить за нимъ особый уходъ.

Бываютъ, однако, условія жизни, при которыхъ не имѣется сейчасъ докторъ подъ рукой, напримѣръ въ деревнѣ, въ помѣстьяхъ, далекихъ отъ городовъ, на отдаленныхъ, уединенныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Тутъ уже родители должны сами умѣть принять необходимѣйшія мѣры, до прибытія доктора. Это важно въ особенности при лихорадочныхъ явленіяхъ, потому что, во-время захватывая лихорадку, не рѣдко можно спасти жизнь ребенку. Если цвѣтъ лица ребенка часто мѣняется—то блѣднѣетъ то краснѣетъ, если съ нимъ дѣлаются поперемѣнно ознобъ и жаръ, если жаръ распространяется по всему тѣлу, начавшись со лба, если дыханіе дѣлается быстрое и горячее, если усиливается жажда а аппетитъ убавляется, если дитя мечется во снѣ и съ крикомъ или стономъ вскакиваетъ точно въ испугѣ, если по временамъ вздрагиваютъ его члены, если порозовѣетъ кожа, больно глотать и покраснѣютъ глаза,—нужно немедленно перенести ребенка въ нежарко-натопленную комнату, положить его въ неслишкомъ жаркую постель, давать ему въ довольно большомъ количествѣ прохладительное, но не холодящее питье, напр. сахарную воду, хлѣбную воду, чтобы унять жажду, понемногу, но часто; полезно также поставить клистиръ изъ тепленькой воды и небольшаго количества маковаго масла. Если до прибытія врача увеличится жаръ головы и сдѣлаются легкія вздрагиванія, надо положить маленькіе горчишники на икры—можетъ оттянуть; если захрипитъ въ горлѣ, горчишничекъ на груди можетъ принести пользу. Далѣе безъ доктора ничего нельзя дѣлать; но и этого достаточно, чтобы на первое время противодѣйствовать опасности; ни въ какомъ случаѣ не должно принуждать ребенка принимать не только твердую пищу, но даже молоко или бульонъ. Изъ всѣхъ болѣзней крупъ требуетъ наискорѣйшей помощи; двѣнадцатичасовое замедленіе легко можетъ быть смертельно. Крупъ обыкновенно начинается ночью—и рѣдко бываетъ съ дѣтьми позже седьмаго года. Ребенокъ начинаетъ вдругъ кашлять особымъ кашлемъ, въ родѣ какого-то лая или карканія, которому предшествовали днемъ и вечеромъ капризность, сонливость, ознобъ, жаръ и легкая хриплость; дыханіе дѣлается какъ бы свистящимъ, ребенокъ просыпается съ громкимъ крикомъ. Тотчасъ же, среди ночи, нужно посылать за докторомъ; до прихода же его—давать ребенку, хотя бы приходилось часто будить его изъ тревожнаго сна, по маленькимъ порціямъ жидкаго липоваго или бузиннаго чая съ вполнѣ распущеннымъ въ немъ сахаромъ, или просто тепленькой воды съ молокомъ, но только все это должно быть тепленькое, никакъ не горячее; затѣмъ привязывать къ горлу полотняную тряпочку, напитанную теплымъ маковымъ масломъ, или теплыя припарки изъ льняной муки, хлѣбнаго мякиша или овсяной каши, на молокѣ, и держать передъ ртомъ и носомъ ребенка губку намоченную горячей бузиною, такъ чтобы не жечь его, а только давать ему вдыхать паръ изъ губки; далѣе—положить горчишники на икры и держать пока кожа не покраснѣетъ и ребенокъ обнаружитъ чувство боли. Такими мѣрами дитя можетъ быть приготовлено къ приходу врача.

Раздражительность дѣтскаго организма въ первые годы жизни дѣлаетъ младенца весьма склоннымъ къ припадкамъ судорогъ; къ этому разряду явленій принадлежатъ такъ называемые *«родимчики»*, которые нерѣдко дѣлаются совершенно неожиданно, вслѣдствіе ничтожныхъ причинъ, напр. накопленія кислоты въ желудкѣ, вѣтровъ, глистовъ, простуды, душевнаго разстройства кормилицы, и почти скоропостижно убиваютъ ребенка. Безъ предваренія, въ бодрственномъ состояніи или во снѣ, глаза закатываются полураскрытые, мускулы лица вздрагиваютъ (сначала принимая выраженіе улыбки), затѣмъ тоже дѣлается и съ мускулами членовъ, причемъ дитя пугается, перекатываетъ голову изъ стороны въ сторону, ему подтягиваетъ ноги,

дыханіе спирается, на лицѣ смѣняются краснота и блѣдность; въ благопріятномъ случаѣ припадокъ кончается пóтомъ, если причины были немаловажныя. Если же припадокъ повторяется, это означаетъ раздраженіе головнаго или спиннаго мозга, или неправильность кровообращенія, и возвращеніе его можно предвидѣть когда ребенокъ безпокоенъ, скученъ, блѣденъ, зѣваетъ и мечется головою. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще при первыхъ признакахъ дрожи или судороги, до прибытія врача, должно удалить отъ ребенка все возбуждающее и стѣсняющее въ обстановкѣ и одеждѣ, затемнить комнату, держать постель прохладною, брызгать холодную воду въ лицо, тихонько тереть суконкой животъ, спинку и ноги, положить горчишники на икры, поставить клистиръ изъ ромашки съ маковымъ масломъ, влить въ горло немного жидкой ромашки смѣшавъ ее съ чайной ложечкой маковаго, миндальнаго или деревяннаго масла,—такимъ образомъ время не будетъ упущено и врачу будетъ облегчена задача.

Тюрьмы для одиночнаго заключенія преступниковъ.

Въ памяти моей неизгладимо запечатлѣлись два мѣста изъ сочиненія Диккенса, въ которыхъ онъ говоритъ о тюрьмахъ основанныхъ по пенсильванской системѣ одиночества. Одно мѣсто находится въ «Notes on America», другое въ знаменитомъ романѣ «Давидъ Копперфильдъ». Въ обоихъ случаяхъ онъ говоритъ объ одиночныхъ тюрьмахъ, какъ о мѣстахъ, которыя убиваютъ въ людяхъ послѣднюю искру разума и погружаютъ ихъ въ отупѣніе, и вмѣсто того чтобы быть учрежденіями любви и сострананія къ падшимъ братьямъ, являются наоборотъ учрежденіями варварскими, губящими въ конецъ и безъ того испорченныхъ людей.

Впечатлѣніе прочитаннаго было слишкомъ сильно для того, чтобы я при извѣстіи объ открытіи тюрьмы въ Моабитѣ не причислилъ ее къ такимъ же темнымъ и вреднымъ учрежденіямъ, какими я считалъ всѣ тому подобныя. Но посѣтивъ ее года четыре тому назадъ, я пришелъ къ совершенно другому убѣжденію. Я бывалъ тамъ потомъ довольно часто, нѣсколько разъ пробывалъ по полусутокъ — и можетъ-быть это покажется страннымъ, мнѣ съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе нравилось. Тюрьма для меня явилась совершенно въ другомъ свѣтѣ. Система *одиночества* съ тѣхъ поръ является для меня лучшимъ доказательствомъ прогресса нынѣшняго столѣтія, величайшимъ актомъ гуманности, какъ лучшая и дѣйствительная система исправленія. Конечно она, какъ и все созданное человѣкомъ, несовершенна, нуждается въ большемъ развитіи и улучшеніи; но она стоитъ неизмѣримо выше существовавшихъ, а частію еще и нынѣ существующихъ тюремъ, основанныхъ на системѣ коллективной, общежительной.

Для того чтобы ближе познакомить съ этой системой одиночества, на которой основана тюрьма въ Моабитѣ,—не пускаясь въ слишкомъ отвлеченныя разсужденія, разскажу читателю мое первое посѣщеніе этой тюрьмы и то впечатлѣніе, которое я оттуда вынесъ.

Тотчасъ позади Гамбургскаго воксала желѣзной дороги возвышается красивое зданіе. Крѣпкія, въ 18 футовъ вышиною, стѣны заключаютъ до 12 десятинъ земли, которая собственно принадлежитъ къ одной изъ частей Берлина, именно Моабиту. Мы приблизились къ главному, на западъ расположенному, фасаду зданія, позвонили у большихъ воротъ и были тотчасъ же впущены. Миновавъ влѣво расположенную гауптвахту, на которой находится до 40 человѣкъ солдатъ, потомъ внутреннія ворота, мы очутились въ длинномъ корридорѣ, по сторонамъ котораго расположены бюро, квартиры, обоихъ священниковъ, пріемная комната, а также бюро полицейскаго инспектора и директора.

Позволеніе отъ директора не замедлило явиться, и одинъ изъ инспекторовъ взялъ на себя обязанность вожатаго, позднѣе онъ передалъ ее одному изъ духовныхъ.

Предъ нами открылась тяжелая двойная рѣшетчатая дверь—и мы вошли въ прекрасную, такъ-называемую *центральную залу*, вышиною въ въ $47\frac{1}{2}$ футовъ и освѣщенную сверху. Изъ нея подобно радіусамъ расходятся четыре флигеля, въ которыхъ расположены комнаты для заключенныхъ. Въ каждомъ флигелѣ находятся три этажа, при чемъ въ каждомъ этажѣ считается 42 комнаты, въ каждомъ флигелѣ значитъ 126, всего же 508.

Легкая, узкая витая лѣстница изъ центральной залы и такія же посреди каждаго флигеля соединяютъ этажи между собою. Въ каждомъ этажѣ вдоль внутреннихъ стѣнъ комнатъ идутъ длинные узкіе корридоры (3′ 10″ ширины), которые, если смотрѣть на нихъ снизу, кажутся какъ бы висящими на воздухѣ. Они выстланы сланцемъ и скрѣплены желѣзными брусьями.

Строеніе и расположеніе всего зданія замѣчательно умно и практично. Съ того мѣста, на которомъ мы находились, можно было безпрепятственно видѣть всѣ четыре флигеля со всѣми заключающимися въ нихъ комнатами. Свѣтъ, проходящій черезъ верхнее окно въ центральной залѣ, увеличивается еще окнами расположенными въ углахъ, образуемыми флигелями и центральной залой,—а также окнами и въ концѣ флигелей.

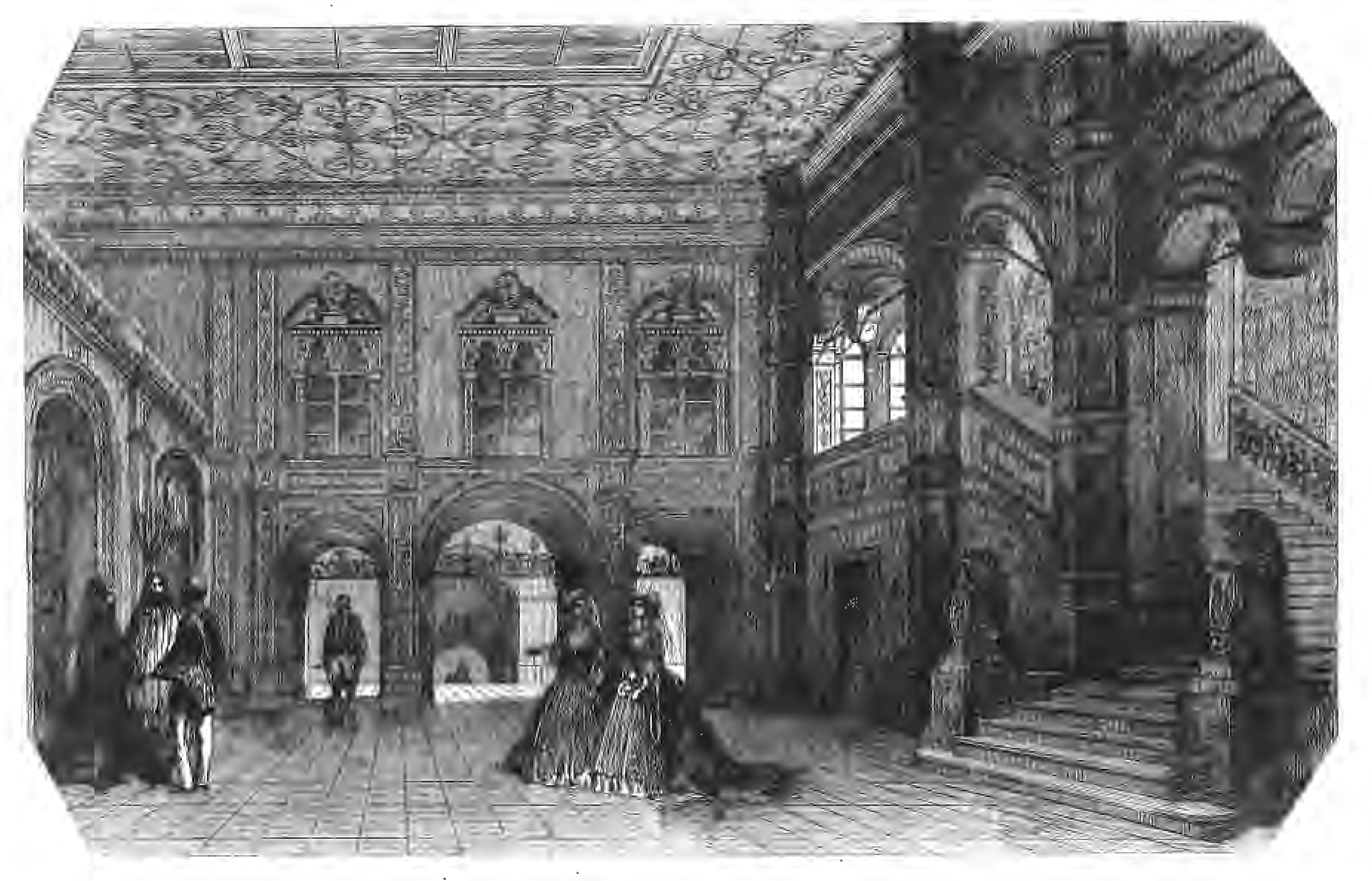
Мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая отдаленнымъ стукомъ работниковъ, царствуетъ въ этомъ обширномъ прекрасномъ помѣщеніи. Мы тоже безмолвно и внимательно осматривались, тогда какъ нашъ вожатый указывалъ намъ различныя вещи, подробно объясняя ихъ значеніе. Но вотъ пробили часы—и съ военною пунктуальностью раскрылся цѣлый рядъ дверей и изъ каждой вышелъ одинъ заключенный.

Всѣ они одѣты совершенно одинаково въ темно-коричневыя куртки и такія-же штаны; на головахъ надѣты тоже коричневыя фуражки съ длиннымъ опущеннымъ козырькомъ, въ которомъ продѣланы два отверстія для глазъ. На разстояніи десяти шаговъ одинъ отъ другаго, они прошли мимо насъ быстро и твердо.

— Какъ отвратительны эти фуражки! Зачѣмъ это маскированье! замѣтилъ одинъ изъ нашего общества.

— На мой взглядъ наоборотъ очень благодѣтельны, возразилъ другой:—кто имѣетъ еще хоть каплю стыда—такъ долженъ радоваться, что онъ можетъ скрыть свое лицо.

— Для того и сдѣлано это, добавилъ нашъ вожатый,—чтобы преступники не узнавали другъ друга. Впрочемъ они открываютъ свои козырьки, когда гуляютъ на дворѣ, или когда бываютъ въ церкви и школѣ.

Придворная церковь Спаса за золотой рѣшеткой въ Московскомъ Кремлѣ.

«Мы послѣдовали за однимъ отдѣленіемъ заключенныхъ—и прошедши между двумя флигелями, достигли двора гдѣ преступники отдыхаютъ. Такихъ дворовъ здѣсь три. Въ срединѣ каждаго изъ нихъ находится высокій на подобіе башни, выстроенный изъ чугуна и стекла, павильонъ. Павильонъ этотъ возвышается на 12-тифутовомъ основаніи, отъ котораго лучееобразно расходятся высокія стѣны, образуя такимъ образомъ двадцать меньшихъ дворовъ, въ которыхъ каждому изъ заключенныхъ предоставляется наслаждаться по желанію, потому что устроены гимнастика и др. удовольствія не требующія общественнаго участія.

Такъ какъ мы уже вышли изъ самаго зданія, то и продолжали нашъ путь далѣе, осмотрѣли площадь передъ фронтономъ сѣвернаго флигеля, мѣсто гдѣ совершаются казни (впрочемъ, ни одинъ изъ заключенныхъ не можетъ этого видѣть), посѣтили подземелья всѣхъ четырехъ флигелей, которыя принадлежатъ тоже къ этому заведенію и въ которыхъ работаютъ сообща до пятидесяти заключенныхъ. Необходимыя работы по кухнѣ, пекарнѣ, прачешной и т. д. производятся тѣми же заключенными. Слѣсаря, столяры и жестяники и др. работаютъ также вмѣстѣ. Спятъ они также въ общихъ спальныхъ, а во время богослуженія сидятъ вмѣстѣ позади одиночно-заключенныхъ.

Казалось бы, что это учрежденіе какъ бы противорѣчитъ основному принципу одиночнаго заключенія; однако же здѣсь содержащіеся заключенные выбираются очень осторожно, причемъ главное вниманіе обращаютъ не только на личность самаго преступника, но и на степень довѣрія, которое онъ заслуживаетъ; ктому же они работаютъ очень маленькими группами. Весьма нерѣдко случается, что изъ работающихъ вмѣстѣ нѣкоторые просятся въ одиночныя комнаты, гдѣ ихъ сотоварищамъ несравненно лучше и спокойнѣе,—и конечно просьба ихъ въ большинствѣ случаевъ исполняется.

Потомъ мы посѣтили баню, въ которую преступники ходятъ каждыя двѣ недѣли, занимающіеся же грязными работами и чаще смотря по надобности, — и наконецъ пришли въ карцеръ.

— Наказанія, пояснялъ намъ провожатый,—и у насъ, какъ во всѣхъ прусскихъ учрежденіяхъ такого же рода, воински-строги. Вотъ комната для небольшихъ проступковъ, а эта темная—для болѣе важныхъ. Кромѣ того существуетъ еще какъ наказаніе—лишеніе пищи, нюхательнаго табаку, а также положенной порціи хлѣба и пива.

— Ну а тѣлесныя наказанія тоже?

— Да, вотъ и козлы, на которыхъ производятъ экзекуцію; однако же это случается очень рѣдко и проходятъ иногда цѣлые годы, какъ напр. 1857, 1860 и 1861, когда къ ней не приходится прибѣгать ни одного раза.

Какъ мнѣ послѣ объяснялъ директоръ этого заведенія, въ продолженіи его восьмилѣтней службы, случаевъ тѣлесныхъ наказаній было всего только 39, совершенныхъ надъ 29 по большей части молодыми заключенными—и то при слишкомъ ужъ грубомъ нарушеніи дисциплины. Въ общей же сложности всѣхъ дисциплинарныхъ наказаній въ 1860 году было 172, въ 1861 — 283. Стоитъ сравнить эти числа съ тѣми, какія получаются въ тюрьмахъ гдѣ преступники находятся всѣ вмѣстѣ, чтобы убѣдиться въ превосходствѣ системы одиночнаго заключенія.

Изъ подземелій мы снова воротились въ центральную залу, гдѣ встрѣтили одного изъ священниковъ этого заведенія, который взялъ на себя обязанность показать намъ остальное.

Мы направились во второму флигелю (В), въ нижнемъ этажѣ котораго работаютъ приготовляющіе трости и булавочники, во второмъ—золотыхъ дѣлъ мастера, скульпторы и столяры, въ третьемъ же—мастера узорчатой бумаги.

Нашъ вожатый отворилъ одну изъ комнатъ перваго этажа. Дверь отворяется въ корридоръ и состоитъ изъ двухъ половинокъ, сдѣлана изъ крѣпкаго дубоваго дерева и снутри обита жестью. Въ ней же находится закрывающійся ящикъ въ который подается пища, а также небольшое окошко черезъ которое можно видѣть все, что дѣлается въ комнатѣ. На нашемъ рисункѣ почти фотографически вѣрно передана вся внутренность комнаты, однакожь познакомимся съ нею поближе.

Это довольно обширное пространство величиною около 900 кв. фут. ($13^1/_2$ ф. длины и $7^1/_2$ ф. ширины). Освѣщающее комнату окно, которое на нашемъ рисункѣ не видно, находится на $2^1/_2$ аршина отъ полу, вполнѣ соразмѣрно пространству и можетъ быть когда угодно открыто для вентиляціи. Мебели въ комнатѣ вполнѣ достаточно. Столъ съ выдвижными ящиками, этажерка съ столовою посудой, ложка, графинъ, стаканъ, оловянный рукомойникъ, далѣе различныя щетки, метелки и т. д. Надъ дверью мы увидѣли полку, на которой находились различныя письменныя принадлежности, чернильница, стальныя перья, грифельная доска съ губкой, далѣе Библія съ библейскимъ календаремъ, въ которомъ означены чтенія на каждый день, катехизисъ, молитвенникъ и т. д. и кромѣ того книги взятыя изъ тюремной библіотеки; такъ напр. въ первой комнатѣ я видѣлъ Путешествія Марко Поло. Тутъ же, въ сторонѣ, находится и висячая койка, состоящая изъ волосянаго матраца и такихъ же подушекъ, которые на день свертываются и привѣшиваются на крѣпко-вбитую скобку. Нагрѣваніе производится посредствомъ трубъ, въ которыхъ течетъ горячая вода—причемъ въ каждой изъ комнатъ находится мѣдный цилиндръ, снабжающій ее достаточнымъ тепломъ. На стѣнѣ висятъ правила, которыми долженъ руководится каждый изъ заключенныхъ. Къ этому еще нужно прибавить, что въ каждой комнатѣ существуетъ звонокъ, помощію котораго заключенный можетъ во всякое время призвать дежурнаго надзирателя или смотрителя. Комнаты очень теплы, и воздухъ въ нихъ весьма чистъ.

Заключеннаго мы застали прилежно работающимъ, что представляло совершенную противоположность видѣнному нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ другихъ прусскихъ тюрьмахъ, потому что еще въ 1832 г. 20% всѣхъ заключенныхъ были скованы, изъ которыхъ приговоренные на десятилѣтній срокъ носили желѣзное кольцо на шеѣ, приговоренные болѣе чѣмъ на десятилѣтній были кромѣ того скованы по рукамъ и ногамъ.

Мало того. Нѣкоторыя комнаты выглядятъ очень мило и уютно—и смотря по наклонностямъ ихъ обитателей украшаются тѣми или другими бездѣлушками. У одного канарейка, у другаго цвѣты, картины собственнаго произведенія и т. д.

Однако же поговоримте съ заключеннымъ.

— Ну, какъ поживаешь! спросилъ его дружески священникъ (иногда вмѣсто «ты» говорятъ «вы», смотря по личности заключеннаго). Господа хотятъ посмотрѣть твою работу.

Работникъ, весьма смышленой наружности, который 4 года тому назадъ выучился здѣсь столярному мастерству, очень скромно показалъ намъ нѣсколько штукъ своей работы, состоявшей по большей части изъ рѣзныхъ рамъ для зеркалъ, спинокъ для креселъ, дивановъ и т. д., которыя онъ изготовлялъ на одну изъ берлинскихъ фабрикъ.

Было истинно пріятно слушать, какъ говорилъ этотъ человѣкъ. Простыми словами разсказывалъ онъ, какимъ неучемъ поступилъ онъ въ заведеніе и какъ онъ теперь знаетъ мастерство, которымъ по выходѣ отсюда — что должно было быть черезъ годъ — обезпечитъ свою будущность.

— Не кажется ли вамъ время слишкомъ длиннымъ? спросили мы его, какъ и многихъ другихъ послѣ.

— О, нѣтъ! былъ всегда единодушный отвѣтъ, — оно часто слишкомъ коротко и проходитъ такъ, какъ никогда прежде не проходило.

Мы вышли опять въ корридоръ.

— Не думаю, чтобы многіе заключенные были такими хорошими работниками, обратился я къ священнику, — для этого нужно особое дарованіе и навыкъ.

— Вы совершенно правы, отвѣчалъ онъ мнѣ, — очень многіе, за недостаткомъ способностей, могутъ заниматься только чисто-механической работой, какъ напр. фальцовкою, да и та идетъ у нихъ очень посредственно. Другіе бываютъ здѣсь такъ недолго и покидаютъ заведеніе въ то самое время, когда только-что начинаютъ хорошенько знакомиться съ дѣломъ. Большинство является сюда не зная никакого ремесла; другіе же если и знаютъ, то такое, примѣненіе котораго здѣсь не возможно (какъ напр. трубочиста, мельника, мясника и т. д.). Но въ этомъ и особенность одиночнаго заключенія, что оно рано будитъ дремлющія способности, которыя, будучи защищены отъ всякихъ вредныхъ вліяній, быстро и полно развиваясь, дѣлаютъ изъ человѣка искуснаго мастера.

— Какія же работы производятся въ трехъ другихъ флигеляхъ?

— Въ первомъ флигелѣ (А) помѣщаются занимающіеся различными металлическими работами, пробочники, сапожники; въ третьемъ (С) пуговичники, сортировщики, щеточники, ткачи плиса; въ четвертомъ (Д) портные, красильщики, бутылочники, а также и писцы; въ этомъ же флигелѣ находятся 24 комнаты для больныхъ. Кромѣ того въ каждомъ флигелѣ находятся по три комнаты для надзирателя, надсмотрщика за работами, и комната для необходимыхъ инструментовъ и чистильныхъ снарядовъ.

— Между рабочими, вы назвали также и писцовъ; какихъ заключенныхъ вы употребляете для этой цѣли?

— Для этого мы выбираемъ болѣе изъ чиновниковъ или купеческаго сословія, конечно такихъ лицъ которымъ можно вполнѣ довѣрить и на которыхъ можно положиться, и назначаемъ ихъ въ помощники служащимъ въ этомъ заведеніи или бухгалтерами.

— Ну, а деньги, вырабатываемыя ими, куда идутъ?

— Изъ нихъ $^5/_6$ заведеніе оставляетъ въ свою пользу, а $^1/_6$ записывается имъ въ счетъ, при чемъ половину этого они могутъ тратить на свои удовольствія: пиво, нюхательный табакъ и пр., другая же половина сберегается для нихъ до дня ихъ выхода отсюда.

Потомъ мы посѣтили еще цѣлый рядъ комнатъ въ различныхъ рабочихъ отдѣленіяхъ. Хотя всѣ онѣ выглядѣли довольно различно, но во всѣхъ безъ исключенія можно было замѣтить самую щепетильную чистоту, свѣжій воздухъ и часто веселый видъ обитателей. Конечно, между послѣдними были и такія суровыя, грубыя, заключенныя въ себя личности, которыя не поддавались никакимъ добрымъ вліяніямъ.

Но оставимъ въ сторонѣ всѣ эти комнаты и заглянемъ въ одну изъ нихъ. Войдя, мы думали, что находимся въ магазинѣ платья, столько здѣсь развѣшано по стѣнамъ: сюртуковъ, брюкъ, жилетовъ и пр. и все это начато или уже готово. Тутъ же помѣщаются и двѣ огромныхъ клѣтки, изъ которыхъ раздается веселое щебетаніе птицъ. Подъ окномъ находится цѣлый рядъ цвѣтовъ, которые вѣроятно пользуются хорошимъ уходомъ, потому что на нихъ не замѣтно ни одного желтаго листка, ни одного сломаннаго сучка.

— Ну, это очень уютная комнатка! воскликнулъ я отъ удивленія, когда мы уже вышли изъ нея, — подумаешь, что люди находятся на свободѣ!

— Это только такъ кажется, замѣтилъ намъ вожатый, — хотя одиночное заключеніе и вліяетъ благотворно на нравственное и тѣлесное состояніе заключеннаго, однако каждый изъ нихъ получаетъ ежедневно урочную работу, которую онъ *долженъ непремѣнно* сдѣлать, если не хочетъ подвергать себя наказанію. И такъ жизнь его протекаетъ въ подчиненіи порядку, къ которому онъ принуждается, потому что онъ — заключенный. Но впрочемъ они имѣютъ и свободное время, которымъ могутъ располагать по собственному желанію — и не только въ воскресенье и праздники, когда прекращается всякая работа, но и въ продолженіе всей недѣли. Какъ они пользуются — вы уже видѣли и сейчасъ опять увидите.

Мы вошли въ одну комнату, обитатель которой, сильно возбужденный біографіей Штольца, захотѣлъ учиться стенографіи. По его просьбѣ ему дали учебникъ Штольца — и онъ, занимаясь въ свободные часы, настолько успѣлъ въ стенографіи, что легко и бѣгло писалъ подъ диктовку. Онъ намъ показалъ нѣсколько своихъ пробъ.

Въ другихъ комнатахъ мы нашли и такихъ, которые въ свободное время занимались французскимъ и англійскимъ языками, — другіе въ особенности любили и читали географію, церковную исторію, комментаріи на Библію или вообще книги духовнаго содержанія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого принужденія; изъ библіотеки заключающей въ себѣ отъ 1500 до 1600 книгъ разныхъ названій, изъ которыхъ до 400 историческихъ и біографическихъ, до 160 по естественной исторіи, описаній и путешествій, каждый можетъ брать что ему угодно. «Менѣе всего бываетъ спросу на книги назидательнаго содержанія», говоритъ Вихернъ въ своихъ отчетахъ о Моабитѣ за 1858—1860 года, «и я вижу въ этомъ лучшее доказательство нравственнаго здоровья и благосостоянія заключенныхъ — потому что книги подобнаго содержанія могли бы только односторонне удовлетворить истинной потребности духа и скорѣе бы развивали въ людяхъ нравственное облѣненіе, а также ложное аскетическое направленіе, чего по принципу нашей системы должно заботливо избѣгать». Во всякомъ случаѣ, книги назидательнаго содержанія читаются по большей части сапожниками, между тѣмъ какъ столяры, токари, жестяники и др. требуютъ болѣе книгъ ремесленно-техническаго содержанія.

— Но главное, чѣмъ здѣсь въ особенности занимаются въ свободное отъ работъ время, продолжалъ нашъ вожатый, — скрывается отъ вашихъ наблюденій. Я го-

ворю о письмѣ. Сколько людей пришлось намъ выучить не только писать письма, но даже просто писать! Конечно, есть между нашими заключенными такіе, которые, будучи совершенно одиноки, не имѣютъ никакой надобности въ писаніи писемъ,—а есть и такіе, которые всѣми силами противятся какимъ бы то ни было сношеніямъ со внѣтюремнымъ міромъ. Во всякомъ случаѣ, корреспонденція, которую, какъ это само собой понятно, мы строго контролируемъ, увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ 1859 году отсюда было отправлено около 800—850 писемъ и почти такое же количество получено. Въ прошломъ же году отправленныхъ писемъ было уже 1328, а полученныхъ—1067.

— Да, это удивительно много. Вѣроятно, корреспондентами бываютъ только тѣ, которые происходятъ издалека.

— Да, по большей части, потому что берлинцы, которыхъ у насъ здѣсь на половину, обыкновенно посѣщаются своими родственниками и друзьями. Посѣщенія эти позволяются черезъ каждыя шесть недѣль, впрочемъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и чаще. Всего такихъ посѣщеній за прошедшій годъ было 1400.

Мы видѣли потомъ и комнату назначенную для этихъ посѣщеній, такую же простую какъ и всѣ другія, безъ всякой разъединяющей рѣшетки. Свиданіе, обыкновенно торжественное, случается всегда въ присутствіи чиновника — и при этомъ вообще рѣдко происходитъ какая-либо непристойность со стороны заключеннаго, могущая навлечь на него дисциплинарное наказаніе.

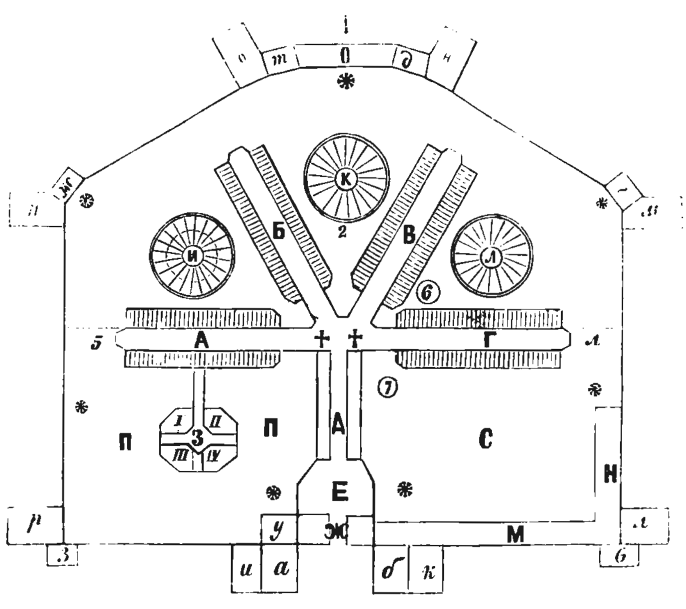
— А въ обществѣ думаютъ совершенно другое объ вашей системѣ одиночества, замѣтилъ я:—ее представляютъ какой-то принудительной каторгой.

— И однако же эта принудительная каторга процвѣтаетъ только въ тюрьмахъ основанныхъ на общежительной, коллективной системѣ, гдѣ заключеннымъ предписывается абсолютное молчаніе и вынуждается постоянными тѣлесными наказаніями—но, понятно, никогда не можетъ быть вынуждено *). Система же одиночнаго заключенія ставитъ своимъ первымъ принципомъ—давать возможность заключенному говорить какъ можно болѣе, конечно съ людьми нравственность и положительность которыхъ извѣстны. Однакоже разговоры между собою, какъ вредные, строго воспрещаются.

Впрочемъ, сношенія заключенныхъ съ другими лицами неравненно обширнѣе, чѣмъ это думаютъ. Кромѣ постоянныхъ посѣщеній директора, священниковъ, учителей и главныхъ чиновниковъ, заключеннымъ приходится еще постоянно встрѣчаться со старательно-выбранными надзирателями и надсмотрщиками за работами, а также и нѣкоторыми фабрикантами, которые дѣлаютъ здѣсь заказы. Въ 1867 году, какъ мнѣ это объяснилъ директоръ въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ, чиновниками заведенія было сдѣлано 31,506 посѣщеній заключеннымъ. Къ этому еще нужно прибавить до 1000 посѣщеній посторонними.

— Я думаю, что одиночество вредно дѣйствуетъ на физическое здоровье заключеннаго, сказалъ я, — и не лучше ли было бы одиночное заключеніе ограничивать нѣсколькими годами, по истеченіи которыхъ переводить заключеннаго въ общественныя, коллективныя тюрьмы?

— О послѣднемъ вопросѣ до настоящаго времени еще много спорятъ; но я долженъ съ своей стороны замѣтить, что развѣ опаснѣе будетъ выпускать заключеннаго прямо изъ одиночества на свободу, чѣмъ приведя его предварительно въ сообщество такихъ же преступниковъ, какимъ онъ былъ ранѣе? Да къ тому же и сроки заключенныхъ относительно не велики, по большей части отъ 2—5 лѣтъ. Такъ, въ прошломъ году изъ числа 440 заключенныхъ—350 приходилось на эти сроки. Что же касается вашего перваго вопроса, то очень не трудно тотчасъ же замѣтить, вредитъ ли одиночество заключенному или нѣтъ. Если да, то, тотчасъ же по рѣшеніи врача, больнаго переводятъ въ общежительную тюрьму. Во всякомъ случаѣ, общее состояніе здоровья заключенныхъ очень удовлетворительно. Въ послѣдніе года процентъ смертности не превышалъ $1^1/_6$ — и даже когда въ Берлинѣ свирѣпствовала холерная и оспенная эпидеміи, у насъ не было ни одного смертнаго случая.

Планъ тюремнаго зданія.

А. Б. В. Г. Одиночныя тюрьмы. Д. Главное зданіе (бюро, церковь, больница). Е. Передній дворъ. Ж. Ворота. З. Школа (I. библіотека, II, III, IV, классныя комнаты). И. К. Л. Дворы для отдыха. М Н. Сараи и навѣсы. О. Жилища служащихъ. Молитвенное зало для вспомогательнаго заведенія. П. Садъ для выздоравливающихъ. С. Хозяйственный дворъ. а. б. в. г. д. т. ж. з квартиры служащихъ. и. к. л. м. н. о. п. р. Дворы къ квартирамъ служащихъ 5. л. Стѣны отдѣляющія тюрьмы отъ дворовъ. у. Пристройка къ директор. кварт. 1. 2. 6. 7. Ключи. **. Дневные и ночные часовые. ††. Ночные часовые.

— Ну а самоубійство и помѣшательство вѣроятно случаются довольно часто?

— Нѣтъ. Вотъ подробные статистическіе отчеты, изъ которыхъ вы увидите, что съ 1856—1860 годъ былъ только одинъ случай самоубійства, съ 1860—1867 только три такихъ же случая. Тоже самое и относительно помѣшательства: съ 1856—1860 былъ одинъ, а съ 1860—1867 тоже три случая. Въ трехъ послѣднихъ умопомѣшательство развилось уже въ общежительной тюрьмѣ, куда были переведены заключенные, какъ скоро было замѣчено что ихъ состояніе ненормально.

Между тѣмъ какъ мы разговаривали, священникъ, сопровождавшій насъ, принялъ нѣсколько писемъ. Онъ вскрывалъ ихъ—и прочитавъ одно, передалъ мнѣ. Оно было отъ одного изъ заключенныхъ, который года полтора тому назадъ покинулъ заведеніе—и теперь, будучи опять честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, благода-

*) Во Франціи въ одномъ году совершено до 80,580 дисциплинарныхъ наказаній, изъ которыхъ 40.754 приходилось за нарушеніе молчанія.

рилъ заведеніе за все то добро которое оно ему принесло, за всѣ добрыя наставленія и указанія, давшія ему возможность обставить свою новую жизнь честно и порядочно.

— Да такіе прекрасные плоды вашихъ трудовъ пріятно видѣть, и они отчасти искупаютъ тяжесть вашей

году, напр., было 85 человѣкъ такихъ, которые были наказаны въ первый разъ, 86 человѣкъ—во второй, 59—въ третій, 41—въ четвертый, 35—въ пятый, 11—въ седьмой и т. д. и даже нѣкоторые въ 11, 12, 14 и даже въ двадцать третій разъ. Лучше ли тѣ которые долго содержались въ тюрьмахъ, чѣмъ тѣ ко-

Заключенный за работою въ одиночной кельѣ.

обязанности, сказалъ я, возвращая письмо, — однако утверждаютъ, что такія благотворныя перерожденія, какія вызываетъ ваше заведеніе, происходитъ отъ того, что вы по большей части принимаете людей, которые въ первый разъ еще попадаютъ въ смирительный домъ.

— Да, это отчасти правда, замѣтилъ директоръ,— что многіе изъ нашихъ заключенныхъ впервые знакомятся съ смирительнымъ домомъ; однако о непорочности ихъ вы можете судить изъ того, что въ одномъ

торые содержатся въ смирительныхъ домахъ, вы можете сами судить, сравнивъ только свойства тѣхъ и другихъ учрежденій. И тогда окажется, что люди никогда не бывшіе наказанными, имѣли возможность цѣлые года совершать свои преступленія, прежде чѣмъ попали въ руки правосудія.

— А за какія преступленія болѣе всего приговариваются?

— Да по большей части за воровство. Въ 1867 г.

такихъ было 444 человѣка въ 1865—458. Затѣмъ слѣдуютъ: подлогъ, клятвопреступленіе, поджогъ, убійство и цѣлый рядъ другихъ темныхъ преступленій.

Масса новыхъ впечатлѣній, которыя мнѣ пришлось вынести впродолженіи моего поверхностнаго осмотра тюрьмы, была слишкомъ велика. Я долженъ былъ уединиться, для того чтобы переработать и сгруппировать ихъ.

(Окончаніе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Всѣ телеграммы изъ-за границы, полученныя въ послѣднее время, наполнялись именами лицъ, на которыхъ пало избраніе въ депутаты французскаго учредительнаго собранія, открывшаго свои засѣданія въ Бордо 12-го февраля. Въ настоящую минуту можно уже приблизительно составить себѣ понятіе о характерѣ выборовъ и о составѣ новой палаты, которая должна рѣшить участь Франціи. Во всѣхъ департаментахъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ восторжествовали элементы консервативные, монархическіе; а на сторонѣ партіи республиканской и требующей продолженія войны—повсюду оказалось незначительное меньшинство. Послѣдняя имѣла нѣкоторый перевѣсъ въ большихъ городахъ, но такъ какъ голоса подавались по департаментамъ, и сельскіе жители, составляющіе по преимуществу консервативный элементъ, принимали самое дѣятельное участіе въ выборахъ, то въ массѣ ихъ голосовъ исчезли голоса республиканцевъ. Даже въ Парижѣ, гдѣ всего сильнѣе партія крайнихъ радикаловъ, избраны (вмѣстѣ съ гг. Луи Бланомъ, Викторомъ Гюго, Феликсомъ Піа и прочими кандидатами того же оттѣнка) умѣренные республиканцы и даже монархисты. Вообще, очевидно, что Франція утомлена и войной и безначаліемъ; по крайней мѣрѣ, выборы ея свидѣтельствуютъ, что она желаетъ мира и водворенія монархіи. Между приверженцами послѣдней, въ собраніи всего сильнѣе орлеанисты, за ними слѣдуютъ легитимисты; по всей вѣроятности, обѣ эти партіи сольются въ одну. На сторонѣ бонапартизма оказывается самое ничтожное меньшинство, которое даже и партіей назвать нельзя.

Въ виду важности, которую должно имѣть это учредительное собраніе, мы представимъ читателямъ обозрѣніе его первыхъ засѣданій, до сихъ поръ извѣстныхъ только по телеграфу.

Собраніе открылось 12-го февраля въ три часа пополудни, въ числѣ около 300 депутатовъ, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго лѣтами, г. Бенуа д'Ази, по предложенію котораго назначены были четыре секретаря, младшіе изъ членовъ собранія; такимъ образомъ организовалось бюро, и на слѣдующій день начались правильныя засѣданія. Въ засѣданіи 13-го февраля, г. Жюль Фавръ, отъ имени своихъ товарищей, членовъ правительства національной защиты, передалъ власть представителямъ націи, и объявилъ, что они приняли на себя бремя управленія страной только временно—съ тѣмъ чтобы передать его учредительному собранію; къ этому г. Жюль Фавръ присовокупилъ, что онъ и его товарищи останутся на своихъ мѣстахъ лишь до утвежденія новаго правительства. Испросивъ позволеніе возвратиться къ своему посту для исполненія трудныхъ и щекотливыхъ обязанностей на немъ лежащихъ, онъ сказалъ слѣдующее: «Продолженіе перемирія по всей вѣроятности будетъ необходимо; мы не должны терять ни минуты, подумаемъ о бѣдствіяхъ удручающихъ нашихъ согражданъ подвергшихся непріятельскому нашествію. Надѣюсь, что вы окажете мнѣ ваше содѣйствіе для полученія необходимой отсрочки перемирію». Палата выслушала рѣчь г. Жюля Фавра съ живѣйшимъ одобрѣніемъ; отсрочка перемирія, о которой онъ говорилъ, дѣйствительно состоялась; по офиціальнымъ извѣстіямъ изъ Версаля, оно отсрочено до 24-го февраля съ распространеніемъ его и на юго-восточную часть театра войны, которая прежде была изъ него исключена [1]).

Въ засѣданіи 14-го февраля присутствовало 450 членовъ и происходила повѣрка выборовъ. Въ этомъ засѣданіи прочтено было заявленіе г. Кремьё о его выходѣ въ отставку. Въ засѣданіи 15-го продолжалась повѣрка выборовъ—и президентъ объявилъ, что на другой день палата составитъ правительство, которому поручено будетъ отъ имени собранія вести переговоры о мирѣ или войнѣ. 16-го февраля снова происходила повѣрка выборовъ—и засѣданіе, вслѣдствіе заявленій и перерывовъ лѣвой стороны нѣсколько разъ принимало бурный характеръ, такъ что предложено было назначить квесторовъ для охраненія порядка. Затѣмъ происходили выборы президента и вице-президентовъ собранія. Президентомъ выбранъ г. Греви [2]); вице-президентами: г. Мартель, бонапартистъ, г. Бенуа д'Аро, легитимистъ, и гг. Вине и Мальвиль, орлеанисты. Въ томъ же засѣданіи президентъ представилъ собранію внесенное многими членами предложеніе о назначеніи г. Тьера главой исполнительной власти подъ контролемъ національнаго собранія и о предоставленіи ему права назначить себѣ въ помощь министровъ. Назначеніе г. Тьера утверждено было собраніемъ; министрами его назначены: гг. Дюфоръ, Жюль Симонъ, Бюффе, Жюль Фавръ, Пикаръ и Мальвилль. Телеграммы отъ 17-го февраля извѣщаютъ, что засѣданія палаты окружены кордономъ линейныхъ войскъ и національной гвардіи, что свидѣтельствуетъ, что безпорядки угрожаютъ вспыхнуть въ самомъ собраніи.

Согласіе графа Бисмарка на продолженіе перемирія, о чемъ мы сказали выше, свидѣтельствуетъ, что составъ и дѣйствія національнаго собранія показались прусскому правительству удовлетворительными, такъ какъ за нѣсколько дней до его открытія въ *Крестовой Газетѣ* было сказано, что перемиріе продлится только въ такомъ случаѣ, если настроеніе собранія представитъ серіозную надежду на заключеніе мира. Другое офиціозное изданіе, *Provinzial Correspondenz*, отъ 15-го февраля, заявляетъ, что какъ только въ бордосскомъ національномъ собраніи выскажутся опредѣленные виды на соглашеніе по главнымъ основаніямъ мира, то пе-

[1]) Исключеніе это было сдѣлало въ началѣ потому, что тогда еще дѣйствовала армія Бурбаки (нынѣ, какъ извѣстно читателямъ, ушедшая въ Швейцарію и положившая тамъ оружіе) и держался Бельфоръ, но эта крѣпость капитулировала 16-го февраля, вслѣдствіе чего всякое исключеніе стало безполезнымъ.

[2]) Выборъ г. Греви, извѣстнаго своими республиканскими убѣжденіями, объясняется тѣмъ, что онъ съ самаго начала, то-есть съ 4-го сентября, энергически требовалъ созванія учредительнаго собранія, на что не согласились члены временнаго правительства.

ремиріе снова будетъ продолжено, и національное собраніе будетъ перенесено въ Парижъ. «Въ противномъ случаѣ—продолжаетъ та же газета—немедленно по окончаніи перемирія возобновится война, къ чему уже сдѣланы приготовленія. Но съ полною увѣренностью можно сказать, что послѣдней случайности не произойдетъ, и что наши войска въ непродолжительномъ времени возвратятся домой покрытыя лаврами побѣды.»

Что касается до условій, на которыхъ будетъ заключенъ миръ, то все дѣло ограничивается пока одними толками; впрочемъ, офиціозныя берлинскія газеты, опредѣляя различныя цифры вознагражденія за военныя издержки, положительно утверждаютъ, что Германія потребуетъ Эльзаса и нѣмецкой Лотарингіи съ крѣпостью Мецомъ.

Снабженіе продовольствіемъ Парижа дѣятельно продолжается—и хотя въ первые дни подвозъ жизненныхъ потребностей совершался крайне медленно, такъ что голодъ начиналъ уже обнаруживаться, но въ настоящую минуту дороги исправлены насколько было возможно, и вагоны нагруженные съѣстными припасами приходятъ безостановочно. По извѣстіямъ изъ Версаля, 12 февраля Парижъ выплатилъ наложенную на него контрибуцію въ 200 милліоновъ франковъ.

По тѣмъ же извѣстіямъ, императоръ Вильгельмъ намѣревается въ началѣ марта выѣхать въ Берлинъ, чтобы лично открыть первый обще-германскій рейхстагъ. Нѣкоторыя газеты утверждаютъ, что онъ вскорѣ будетъ короноваться императорскою короной, и что мѣстомъ этого торжества назначается не Франкфуртъ, какъ предполагалось прежде, а другой также славный историческими воспоминаніями городъ—Нюренбергъ.

Первыя засѣданія британскаго парламента посвящены были обсужденію и утвержденію адреса на тронную рѣчь королевы, причемъ г. Дизраэли въ палатѣ общинъ нападалъ на политику министерства за его дѣйствія относительно франко-прусской войны, на что́ возражалъ г. Гладстонъ, утверждавшій, что министерство руководствовалось постоянно политикой невмѣшательства, которая одна могла быть допущена при настоящемъ положеніи Европы. Въ засѣданіи палаты общинъ 16 февраля, военный министръ лордъ Кардвелль представилъ билль о военной организаціи, главныя черты котораго заключаются въ слѣдующемъ: отмѣняется покупка чиновъ въ арміи, милиція и волонтеры подчиняются непосредственно коронному управленію въ видахъ тѣснѣйшаго сосредоточенія вооруженныхъ силъ страны; численность всего ополченія доводится до цифры 497,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ регулярная армія полагается въ 135,000, а остальные составятъ милицію, резервы и волонтеровъ. Въ засѣданіи той же палаты 17 февраля, на запросъ одного изъ членовъ, г. Герберта, г. Гладстонъ отвѣчалъ, что французское правительство выразило надежду на скорое признаніе его со стороны Англіи для содѣйствія мирнымъ переговоромъ, на что́ британскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ удобнымъ опредѣленно высказываться по этому предмету, пока не будетъ избрано новое правительство во Франціи, но тѣмъ не менѣе съ совершенною готовностью приметъ всякое приглашеніе къ оказанію дружескихъ услугъ.

Лондонская конференція по Черноморскому вопросу, какъ сообщаетъ телеграмма изъ Лондона отъ 17 февраля, отсрочена въ ожиданіи назначенія представителя отъ новаго французскаго правительства.

Въ Австріи, министерскій кризисъ, продолжавшійся уже три мѣсяца, окончился паденіемъ кабинета графа Потоцкаго. 7-го февраля въ офиціальной *Wiener-Zeitung* напечатанъ императорскій декретъ объявляющій, что просьба графа Потоцкаго объ отставкѣ принята и что сформированіе новаго кабинета возложено на графа Гогенварта. Другимъ декретомъ составъ министерства назначается слѣдующій: графъ Гогенвартъ—президентъ совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ; г. Габетепекъ—министръ юстиціи; г. Шефле—торговли и земледѣлія; г. Гольцгетанъ — финансовъ; г. Кричекъ — народнаго просвѣщенія, и генералъ Шолль—военный.

Новое австрійское (цислейтанское) министерство графа Гогенварта уже успѣло возбудить множество толковъ въ журналистикѣ всѣхъ частей Австро-Венгріи. Вообще оно не удовлетворило никого: нѣмецко-австрійская партія обнаруживаетъ негодованіе за допущеніе въ кабинетѣ чеховъ (гг. Габетепека и Кричека), славянская партія находитъ, что назначеніе этихъ двухъ министровъ отнюдь не уступка славянамъ, такъ какъ они чехи только по имени, но извѣстны какъ приверженцы централизаціи; венгерская печать хотя выражается съ меньшимъ ожесточеніемъ, но также высказываетъ недовольство назначеніемъ новаго кабинета. Впрочемъ дѣятельность свою новое министерство начало такимъ актомъ, который вызвалъ общее одобреніе—обнародованіемъ амнистіи по политическимъ преступленіямъ и по проступкамъ противъ закона о печати. Амнистія эта объявлена въ рескриптѣ императора Франца Іосифа министру юстиціи, напечатанномъ въ офиціальной *Wiener Zeitung* отъ 8 февраля. Въ той же газетѣ напечатанъ другой императорскій рескриптъ на имя министра-президента о возобновленіи засѣданій рейхсрата на 20 февраля.

Другимъ предметомъ толковъ австро-венгерской журналистики служитъ отставка графа Бейста отъ должности имперскаго канцлера, которая многими газетами почитается несомнѣнною. Такъ напримѣръ *Zukunft* отъ 9 февраля утверждаетъ, что послѣ того, что́ случилось въ послѣднее время, графъ Бейстъ не можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе что назначеніе новаго кабинета было для него совершенною неожиданностью и послѣдовало въ то самое время, когда онъ сошелся съ гг. Искрой, Гербстомъ и другими лицами этой партіи въ надеждѣ образовать кабинетъ по своему желанію.

Дѣла въ Румыніи принимаютъ серіозный оборотъ. На происходившихъ тамъ выборахъ, какъ сообщали изъ Бухареста, восторжествовала партія такъ-называемыхъ красныхъ, и вслѣдъ за тѣмъ получено было извѣстіе изъ Вѣны отъ 8-го февраля, что князь Карлъ, предвидя переворотъ, подписалъ свое отреченіе отъ престола. Турецкое правительство, какъ извѣщали австрійскія газеты, выдвинуло на границу Румыніи обсерваціонный корпусъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстило державы, подписавшія Парижскій трактатъ, что оно приняло эту мѣру въ предупрежденіе, чтобы волненія въ Дунайскихъ Княжествамъ не вызвали безпорядковъ въ его собственныхъ провинціяхъ,—но что оно отнюдь не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ дѣла Румыніи и строго будетъ соблюдать условія Парижскаго трактата, устраняющаго всякое одностороннее вмѣшательство и требующаго чтобъ всѣ затрудненія въ княжествахъ рѣшались коллективнымъ дѣйствіемъ всѣхъ покровительствующихъ державъ.

Но извѣстіе объ отреченіи отъ престола князя Карла

Румынскаго оказывается преждевременнымъ, такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ послѣднихъ телеграммъ изъ Бухареста, сообщающихъ, что въ засѣданіи 16 февраля, румынскій сенатъ положилъ выразить князю свою полнѣйшую преданность и готовность поддерживать его во всѣхъ его предпріятіяхъ. Другая телеграмма извѣщаетъ, что изъ Яссъ присланъ адресъ къ князю съ просьбой не оставлять Румыніи. Наконецъ въ *Politik* находится извѣстіе изъ Лондона, что державамъ покровительницамъ удалось отклонить князя отъ его намѣренія сложить съ себя власть.

Спасъ за золотою рѣшеткой въ Московскомъ Кремлѣ.

(См. стр. 105).

Эта древняя придворная церковь образуетъ верхній этажъ надъ маленькой золотой залой кремлевскаго дворца въ Москвѣ. Храмъ сооруженъ Иваномъ III Васильевичемъ во имя чудотворной иконы Спасителя, перенесенной нѣкогда изъ Одессы въ Константинополь, а оттуда невѣстою царя, Софіею Палеологъ, въ Москву.

Выходя изъ терема, вступаютъ на террасу, съ которой, въ прежнія времена, вела лѣстница съ золотою рѣшоткою на боярскую террассу. Отъ этой лѣстницы и происходитъ названіе церкви.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 12 Февраля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. пр. д. № 1—45.

№ 8. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Запорожцы.

(Историческая быль временъ Екатерины Великой).

Посмертное твореніе Нестора Кукольника.

(Продолженіе).

— Ну, Чатыръ-Бей, сказалъ Юсуфъ,—что́ слышно на горѣ твоего имени? Разсказывай проворно, потому что намъ сегодня некогда...

— Я пришелъ къ тебѣ, Эффенди, слушать, а не разсказывать.

— Чѣмъ же ты слушать, а я чѣмъ стану разсказывать? Дай позлатиться, мудрость твоя, златомъ Хаджи-Оглу и товарищей.

Мурдоулатъ вынулъ кошелекъ.

— Вѣрь мнѣ, почтенный Бей, что всякая вѣсть имѣетъ свой вѣсъ, а если свѣсить сегодняшнія на вѣсахъ справедливости, то и трехъ такихъ кошельковъ мало.

— Это задатокъ.

— Не оскорблю я тебя, Бей, если скажу, что я тебѣ ни на одну *пару* не вѣрю. На Чатыръ-Дагѣ вѣтеръ выдулъ изъ тебя послѣднюю совѣсть. Да прославится и такъ уже знаменитое имя твое моею искренностію! Давай три мѣшка и слушай, или не давай ни одного и убирайся.

— Но гдѣ же я возьму такую пропасть денегъ?

— Подъ полой твоей, въ глубокомъ карманѣ.

— Ты дурачишь меня, старикъ.

— А ты дурачишься!

— Но безъ шутокъ: со мной нѣтъ столько денегъ.

— Такъ сними съ шеи талисманъ и подай въ залогъ.

— Онъ мнѣ нуженъ.

— Такъ подай мнѣ твой кинжалъ.

— И онъ мнѣ нуженъ.

— На что?

— Заплати, Эффенди, такъ скажу.

— Мнѣ чужихъ тайнъ не надо—и своихъ довольно. Притомъ же время такое и тайны такія, что и трехъ мѣшковъ мало. Да и не тебѣ одному пригодны. Адиль-Шахъ, Шагинъ-Герай, да любой Мурзэ заплатитъ за нихъ вдвое. Жаль, любезный Бей, что, отправляясь на ханскій дворъ, ты не запасся побольше золотомъ... Но извини, мнѣ некогда! Если я до вечерней молитвы не найду купца на мои тайны, такъ потерплю ужасный убытокъ — кораблекрушеніе—истинное разореніе.

— Я принесу остальное исправно, присягну на коранѣ.

— И Селимъ клялся тебѣ же кораномъ, что за невѣсту Шагинъ-Герая онъ насыплетъ въ ея чадру золота и подаритъ тебѣ. И ты досталъ невѣсту Шагинъ-Герая, и Селимъ при тебѣ дрожащими руками снялъ съ нее и подарилъ тебѣ чадру прелестной Фатьмы.... но...

— Пустую! задыхаясь перебилъ Мурдоулатъ, — и съ тѣхъ поръ злой недугъ корчитъ Селима!.. Въ мукахъ терзается клятвопреступникъ...

— И говоритъ, что ты заговорилъ Фатьму, и каныхалки ищутъ тебя...

— И найдутъ смерть или слѣпоту, чѣмъ я хочу услужить и тебѣ, Эффенди.

— Мнѣ? а за что? спросилъ Эффенди, отодвигаясь отъ Чатыръ-Бея.

— А за твои разбойничьи цѣны...

— Дѣло идетъ о цѣломъ гаремѣ, такъ полагаю, что цѣна умѣренна.

— Изволь, но горе тебѣ, если обманешь!..

— За деньги — никогда; дай сосчитать, всѣ ли, —а ты вычисти уши и подвяжи языкъ, чтобы несорвался съ привязи отъ удивленія. Счетъ вѣренъ, какъ вѣрно то, что на этомъ дворѣ, за этой и за всѣми оградами, во всѣхъ ханскихъ покояхъ, цвѣтникахъ и садахъ — нѣтъ ни одной женщины.

— Гдѣ же онѣ?

— Гдѣ теперь, не знаю. Должно думать, что теперь онѣ уже миновали долину Альмы, и остановились на дневку гдѣ-нибудь подъ Салгиромъ.

— Куда же отправилъ ихъ Селимъ?

— Въ Кефу...

— Зачѣмъ?

— Селимъ обманулъ Чатыръ-Бея—кто же угадаетъ тайныя его мысли?!

— Конечно, эта вѣсть, будь она не сказка, стоила бы твоихъ денегъ...

— Иногда, за деньги я разсказываю и сказки, но на этотъ разъ потрудись пойти за мной; ты самъ убѣдишься...

— Куда?

— Въ гаремъ.

— Да будто это можно?

— Э, въ пустой гаремъ и не твою безобразную рожу теперь пустятъ безъ спроса. Пойдемъ, прогуляемся.

— Я и такъ вѣрю тебѣ. Но, когда же онѣ уѣхали, на чемъ, сколько при нихъ народа?.. а главное, что заставило Селима разстаться съ своими гуріями...

— Что же, ты пойдешь въ гаремъ?

— Любопытно! подумалъ Мурдоулатъ:—узнать расположеніе этого заколдованнаго тайника—это можетъ пригодиться впослѣдствіи... Наши пріѣдутъ еще не скоро; но вѣдь этотъ Эффенди первый плутъ во всемъ Бахчесараѣ; вѣрить ему нельзя; впрочемъ—какой ему расчетъ затащить меня въ западню...

— Чтоже? Угодно посѣтить земной рай владыкъ Крыма? А не то я одинъ пойду.

— Отчего не угодно! но если изъ Цареградской палаты насъ увидитъ Селимъ...

— Остроумная мысль Селима, что пустой гаремъ есть тоже кладбище, была поводомъ, что ключъ отъ гарема отданъ хранителю праха героевъ; я долженъ поливать любимые цвѣты любимыхъ женъ Селима, а мнѣ одному не управиться, я и нанялъ работника, Мурдулата Чатыръ-Бея! Почему я долженъ знать, что ты страшный товарищъ страшнаго братства?! Хочешь—пойдемъ; а нѣтъ, такъ прощай...

— Иду, иду...

— А оружіе! Положи его пока куда-нибудь въ траву, на кладбищѣ; не равенъ часъ, какой-нибудь заблудшій каныхалкъ можетъ тебя обшарить...

— И безъ того, если Селимъ увидитъ меня въ лицо...

— Ему теперь не до твоей красивой рожи... Онъ сидитъ за рѣшоткой залы суда и слушаетъ толки дивана... Теперь лучшее время, а впрочемъ какъ хочешь. Другой бы заплатилъ мѣшокъ серебра, чтобы побывать въ раю Селима, а ты еще торгуешься! Прощай...

— Постой! Я сей часъ! и Мурдоулатъ снявъ кинжалъ перекинулъ его черезъ ограду кладбища и пошелъ за Эффенди. Надо было проходить много комнатъ, пока добрались до гаремныхъ кухонь. Невольное удивленіе замедляло шествіе. Чатыръ-Бей не разъ бывалъ въ этихъ комнатахъ и тутъ всегда находилъ толпу безмолвныхъ евнуховъ; часто и женскія чадры скрывали безобразныя лица кадынь или гаремныхъ прислужницъ, а иногда и красавицъ, привезенныхъ кефинскими купцами. Теперь во всѣхъ этихъ комнатахъ не было ни живой души; только ропотъ фонтановъ заглушалъ осторожные шаги Эффенди и Бея.

— Куда онѣ дѣвались? спросилъ онъ въ изумленіи. Эффенди приложилъ палецъ къ губамъ, вынулъ ключъ, осторожно отперъ калитку—и оба вошли на гаремный дворъ. Всѣ семьдесятъ клѣтокъ, вчера еще хранившихъ сто слишкомъ райскихъ птичекъ,—были пусты; рѣшетки и окна отперты; бани и кухни даже—также были раскрыты.

— Посмотри, сказалъ Эффенди, указывая на низкую комнату.—Вотъ тутъ жила Фатьма, невѣста Шагинъ-Герая, которую ты такъ искусно укралъ и за которую ты получилъ такую пустую награду...

— Не смѣйся, Эффенди...

— Не смѣюсь, а удивляюсь твоей мудрости. За то на твое золото искуплены въ Царьградѣ драгоцѣнныя парчи и шелковыя ткани; посмотри, полюбуйся, какъ убранъ этотъ чертогъ несбывшихся упоеній; посмотри, погляди...

Мурдоулатъ вошелъ въ комнатку; Эффенди захлопнулъ дверь, заперъ красивой рѣзною щеколдой, потомъ заперъ рѣшетки окна, схватилъ въ другой комнатѣ табуретъ, сѣлъ у самаго окна, и впервые во весь этотъ день улыбнулся.

— Что ты дѣлаешь, Эффенди? спросилъ испуганный Мурдоулатъ...

— Дѣлаю мудро, какъ прилично моему сану и разуму... Садись, любезный Чатыръ-Бей, и слушай, что я тебѣ буду разсказывать. Садись, мой другъ, на эту великолѣпную софу, куда такъ недавно ты усадилъ такъ предательски дочь благороднаго Ширина Мухаметъ-Мирзы, невѣсту царственнаго Шагинъ Герая, и такъ тайно, что недавно только, можетъ быть не прошло и недѣли, какъ и отецъ и женихъ узнали, гдѣ блекнетъ роза великолѣпной Алуштинской долины... Неосторожный Селимъ самъ проболтался. Я люблю говорить, и пожалѣлъ мой бархатный языкъ... А между тѣмъ они узнали тайну даромъ! Понимаешь, Чатыръ-Бей, даромъ, т. е. вынули большую сумму денегъ изъ моего кармана! Мудрый тогда только мудръ, когда не смущается житейскими превратностями—и то, чего я не успѣлъ получить отъ отца и жениха за слухъ про Фатьму, то получу отъ хана Селима за извѣстіе, что колдунъ Чатыръ-Бей сидитъ въ той самой клѣткѣ, куда, по его милости, евнухи втащили чуть не за волосы несравненную дѣву...

— Юсуфъ... Эффенди... предатель!..

— Прощай, Чатыръ-Бей, страшный волкъ Чатырдага; посиди тутъ въ душистой тѣни распускающейся весны, да молись Богу, не откладывай на послѣ; не успѣешь...

— Не разсчетливъ ты, Эффенди! За мою дрянную голову ханъ не подаритъ и пустой чадры съ самой гадкой кадыни; а отъ меня ты имѣлъ постоянный доходъ...

— Всѣ доходы сегодня кончаются. Всѣ живыя и мертвыя сокровища Селимъ Герая сегодня ночью увезли въ Кефу; самъ ханъ со всѣмъ дворомъ своимъ уѣдетъ сегодня въ Перекопъ, къ войску. Тамъ уже стоятъ полчища невѣрныхъ. Ханъ-Серай опустѣетъ надолго, а если вѣрить Хаджи-Арслану, имениту Дервишу, то и навсегда. Тогда ни ты, никто уже не заглянетъ на дворъ славы Крымъ Герая... Въ Ханъ-Сераѣ останутся только знаменитые покойники, а толпы моихъ мертвецовъ только и годны на сказки... Плохой доходъ съ дѣтей, да и тѣмъ за громомъ войны некогда будетъ слушать мои разсказы. Сегодня послѣдній день стяжаній, и я съумѣю вымѣнять такую тайну, какъ мой почтенный другъ, на хорошую плату. Итакъ, прощай!

— Извергъ!

— Вотъ ужъ это неправда! Если бы ты могъ поймать меня на Чатыръ-Дагѣ или на дорогѣ, то ужь конечно высосалъ бы изъ меня не только золото, но послѣднюю нитку шелку, которымъ вышиваетъ моя дочь пятую молитву...

— Но Селимъ не дастъ тебѣ столько, сколько я тебѣ дамъ...

— А сколько ты мнѣ дашь?

— А сколько ты думаешь...

— Жизнь — великое благо; а жизнь на волѣ — еще больше! За два эти блага я пожалуй возьму только то, что у тебя въ карманахъ. Послѣ этого не говори, что я предатель, извергъ—и благословляй мое великодушіе...

— На все, только выпусти меня изъ западни!

— Это не все, у тебя больше зашито въ буркѣ... А чтобы тебя не утомлять женской работой, выкинь бурку сюда, черезъ окно; а распороть — это дѣло моихъ женщинъ...

— На, ѣшь, ненасытный!.. Выпусти же меня поскорѣе.

— И это не все! А шапка?.. и тамъ не мало золотыхъ игрушекъ и дорогихъ камней!

— Грабитель!..

— Правда твоя, но грабить разбойника—и по корану есть только заслуга. Давай шапку!..

— На, теперь выпустишь ли ты меня!

— Теперь я самого тебя продамъ Селиму.

Мурдоулатъ онѣмѣлъ отъ ужаса. Эффенди смотрѣлъ то на него, то на тяжелую шапку, съ видимымъ удовольствіемъ.

— Успокойся, Чатыръ-Бей, не падетъ на меня упрекъ, что я продалъ милаго друга и пріятнаго собесѣдника турецкому прикащику. Нѣтъ! Къ этому можетъ принудить меня только одно упрямство моего любезнаго и глубоко-чтимаго пріятеля, т. е. въ такомъ только случаѣ, если онъ съ полною дружескою откровенностью не растворитъ вратъ своихъ устъ и не скажетъ: гдѣ теперь Хаджи-Оглу, мой горный другъ и благодѣтель.

— Высасывай, змѣя, высасывай тайны, которыя дороже моихъ сокровищъ!..

— Такъ гдѣ же Хаджи-Оглу?..

— На Салагакѣ...

— Видишь, какъ близко, а ты ни слова не сказалъ о томъ своему другу. Видно Хаджи Оглу покланяется могилѣ безсмертнаго Менгли Герая, и осматриваетъ развалины его дворца. Люблю такую геройскую отвагу, съ которою не сравнится храбрость Шегидовъ (павшихъ за вѣру). На Салагакѣ, набожный Хаджи видно однимъ окомъ смотритъ на Чуфутъ-Кале и въ умѣ считаетъ ночную добычу, а другимъ поглядываетъ на Бахчесарай, гдѣ тоже заказана ночная потѣха... Вопросъ второй: какая же это ночная потѣха?

Чатыръ-Бей медлилъ отвѣтомъ.

— Не утомляй горной мудрости изобрѣтеніемъ безполезной лжи; ты не безъ умысла у меня въ гостяхъ. Такъ кого вы намѣрены ограбить сегодня ночью въ нашемъ несчастномъ городѣ?..

— Я право еще знаю. Я не успѣлъ распросить у Хаджи-Оглу про его намѣренія; онъ приказалъ итти къ тебѣ и разузнать о томъ, о другомъ, а съ окончательными приказаніями хотѣлъ прислать Гассанъ-Бея...

— Лжешь! Гассанъ-Бей былъ у меня раньше тебя, но такъ какъ сегодня кончается срокъ моимъ доходамъ, то я, про случай, припряталъ и его въ ханской банѣ; до сихъ поръ я думаю Гассанъ-Бей исполнилъ всѣ пять намазовъ—времени было довольно—и совершилъ всѣ семь омовеній; воды въ баняхъ достаточно. Ложь твоя исправлена; теперь можешь говорить правду...

— Вижу, гадъ выросшій изъ праха героевъ, вижу чего ты добиваешься! Не даромъ я видѣлъ сборъ мурзъ и султановъ всѣхъ трехъ племенъ.

— А что! Тебѣ не понравилось что Ширины, Барунъ и Мансуръ, сошлись и хотятъ за одно дѣйствовать противу горныхъ разбойниковъ, исполнившихъ полуостровъ кровью и ужасомъ.... О, если бы это они сдѣлали прежде!—тогда бы мы жили покойно и весело....

— А ты бы не имѣлъ никакого дохода....

— Не правда! И рыбу ловить лучше, когда на водѣ тихо; а Ханъ-Серай—тоже озеро... Да не о томъ рѣчь! Ну, другъ мой, отвѣчай: кто и на кого заказалъ вамъ охоту въ Бахчесараѣ....

— Ширинъ-Адиль-Шахъ-Мурза захватилъ греческую тромбаку, на которой отъ родителей своихъ возвращалась жена Кефинскаго собирателя податей съ дочерью.... Буря загнала въ Балаклаву....

— Значитъ самъ пророкъ послалъ Адилю богатую добычу, а онъ не дуракъ, не даетъ промаха. Ну и что-же? Бѣдный греченокъ, обдирающій не только землю Кефи, но и самое море—пожалѣлъ выкупа...

— О, нѣтъ! Онъ выкупилъ жену и рабовъ, но дочери Адиль Шахъ....

— Понимаю! Дочери—Адиль-Шахъ не отдалъ; греченокъ нанялъ васъ—и вы взялись выкупить ее по своему.... И узнавъ что Адиль-Шахъ здѣсь....

— Нѣтъ, онъ въ Чуфутъ-Кале остановился, у Раввина; звалъ насъ къ себѣ на помощь, видно у него въ гаремѣ нѣтъ жидовки; обманывалъ меня, будто самъ Хаджи-Оглу обѣщалъ ему своихъ богатырей прислать... я притворился, что вѣрю,—и если ты меня скоро отпустишь, я поѣду, но не къ нему, а...

— А за нимъ! Весьма благоразумно. Легче схватить самаго Адиль-Шаха, нежели овладѣть его Сераемъ въ Балаклавѣ. Чатыръ-Бей! Мнѣ ужасно передъ тобой совѣстно. Ты такъ откровенно, такъ дружески открылъ мысли Хаджи-Оглу и свои, а я... о повѣрь, у меня слишкомъ много времени и я очищу мои прегрѣшенія—многочисленными молитвами. Посиди минуточку...

Эффенди взялъ бурку и шапку Чатыръ-Бея, спряталъ гдѣ то въ баняхъ и воротился....

— Чатыръ-Бей! Прославь великодушіе Юсуфа! Я выпускаю горнаго орла изъ клѣтки! Лети на всѣ четыре страны свѣта! Эффенди дѣйствительно выпустилъ Чатыръ-Бея; оба пошли поспѣшно къ комнаткѣ, но едва Мурдоулатъ перешагнулъ порогъ гарема, искры посыпались изъ глазъ Юсуфа,—онъ упалъ отъ могучаго удара, и за-

лился кровью; такъ мѣтко попала рука страшнаго Мурдоулата. На крикъ его прибѣжали Каныхалки и Мутараджи Баши ханскіе, а вслѣдъ за ними и Темиръ-Ага съ Адиль-Шахомъ, но не могли добиться, что съ нимъ случилось; мудрый Эффенди просилъ воды; его перенесли къ ближайшему фонтану, облили и стали допрашивать....

— Я оступился, упалъ; я знаю, кто меня толкнулъ, но объявлю о томъ въ диванѣ. Ступайте, объявите Калгѣ-Султану, что я имѣю важную государственную тайну... Ступайте, объявите, а я еще помоюсь въ цѣлебныхъ водахъ Селаметова фонтана...

Ханскіе чиновники убѣжали; Адиль-Шахъ тоже хотѣлъ итти, но Эффенди сказалъ тихо:

— Прощай, благородная вѣтвь балаклавскихъ Шириновъ! Не ѣзди сегодня къ жиду....

Адиль-Шахъ съ изумленіемъ остановился.

— Повремени до вечера, пока Хаджи-Оглу откочуетъ въ горы, или пойдетъ на Салгиръ...

— Хаджи-Оглу?

— Самъ Хаджи со всею арміей! Бѣдность моя неисходная; спасая тебя, я подвернулся подъ руку величайшаго злодѣя, а у меня нѣтъ денегъ на лѣченіе; умру за желаніе спасти тебя, надежда надеждъ!!

Адиль-Шахъ, вѣроятно, зналъ привычку Юсуфъ-Эффенди и подалъ ему нѣсколько серебряныхъ русскихъ рублей.

— Сребро враговъ нашихъ! съ печалью сказалъ Эффенди, безпрестанно обливая водою распухшій носъ.—Я не понимаю, благороднѣйшій Мурза, какъ ты можешь таскать съ собою такую тяжкую ношу; то ли дѣло—легкое, но многоцѣнное золото, за него можно купить даже мысли Хаджи-Оглу и его сообщника Потрадопуло...

— Потрадопуло? Эффенди, мнѣ некогда—назначай самъ проворно цѣну и объявляй тайну. Я плачу исправно, ты слышалъ, если еще не успѣлъ испытать....

— Но испытать желаю. Сорокъ венеціанскихъ дукатовъ, конечно заплатишь мнѣ, когда узнаешь: что дочь Потрадопуло у тебя въ гаремѣ, что ты не принимаешь за нее выкупа—и отецъ, въ отчаяніи, прибѣгнулъ къ Хаджи-оглу, а Хаджи оставилъ лѣсистыя ребра Чатыръ-Дага и со всѣмъ стадомъ пошелъ на Балаклаву, но на пути остановился на Салагакѣ; узнавъ что ты здѣсь, послалъ Мурдоулата чтобы слѣдить за тобою—и Чатыръ-Бей попалъ на слѣдъ. Неосторожный, ты звалъ его добывать съ Чуфутъ-Кале—новую радость для твоего гарема, огнеглазую еврейку... тотъ притворно согласился, обѣщалъ придти—и не прійдетъ, потому что я открылъ ихъ замыслы и спасъ тебя, благороднѣйшаго и разумнѣйшаго изо всѣхъ Шириновъ.

— Жаль, что ты это сдѣлалъ Эффенди... Твое усердіе все испортило. Но я знаю цѣну всякому усердію—и заплачу въ свое время мой долгъ исправно.

— А не теперь?

Адиль Шахъ не успѣлъ отвѣчать. Темиръ-Ага пришелъ звать въ Диванъ и его и Юсуфа.

(Продолженіе будетъ).

Городъ Чухлома.

I. Часовня въ память моровой язвы 1450 года.

Племя Чудь, тѣснимое воинственнымъ народомъ Новгородцами съ сѣвера и сѣверо-востока изъ *заволочья*, понемногу заселяло сѣверо-восточныя части Костромской губерніи. Такимъ образомъ Чудь вѣроятно поселилась и по берегамъ Чухломскаго (тогда Чудскаго) озера. Этотъ первообразъ финской расы, заселяющій сѣверо-востокъ Костромской губерніи, сталъ особенно извѣстенъ въ исторіи съ того времени, когда св. Авраамій Ростовскій, принявшій христіанскую вѣру отъ Новгородцевъ, сталъ проповѣдывать и между Чудью, населенною по берегамъ Чухломскаго озера. Быстрое довольно распространеніе христіанства между сосѣдями Чуди — Мерью, жившею въ нынѣшнемъ Галичскомъ уѣздѣ, имѣло вліяніе какъ на культуру, такъ и на цивилизацію полудикихъ племенъ, населявшихъ Костромскую губернію. Въ этотъ періодъ возникновенія христіанства, т. е. около XI или XII столѣтія въ княжествѣ Галичскомъ является новый городъ (тогда селеніе) Чухлома.

И вотъ, съ того давняго времени, подъ вліяніемъ различнаго гнета, неурядицъ въ правленіи, междоусобій, различныхъ набѣговъ, возникаетъ небольшой красивый городъ Чухлома, расположенный по восточному берегу Чухломскаго озера. Онъ не поражаетъ глаза путешественника своею внѣшностью, но не мало имѣетъ драгоцѣнныхъ для русскаго памятниковъ исторіи и этнографіи. Здѣсь вы находите остатки укрѣпленія построеннаго Д. Шемякою въ періодъ его борьбы съ московскимъ княземъ Василіемъ Темнымъ; въ казематахъ этой крѣпости томились Пименъ митрополитъ московскій и вел. княгиня Софья Витовтовна, заключенная Шемякою. Укрѣпленіе представляетъ четыреугольникъ, обнесенный 3-хъ или 4-хъ саженной вышины валомъ, въ которомъ въ настоящее время помѣщается соборъ. Отъ него идутъ улицы и большой оврагъ, по дну котораго игриво бѣжитъ ручеекъ впадающій въ озеро. Соборный валъ и противуположная сторона оврага образуютъ красивую долину, изъ средины которой открывается прекрасный видъ на озеро. Первый планъ занятъ густою зеленью какого-то сада и громадной столѣтней сосною, изъ-подъ которой бьетъ источникъ превосходной холодной воды, удовлетворяющей нуждамъ цѣлаго города. Есть преданіе, что этотъ источникъ и самый колодезь вырытъ св. Авраамiемъ; водѣ приписываютъ даже цѣлебныя свойства. Далѣе на юго-западъ этотъ ручей впадаетъ въ рѣчку Санембу вливающуюся въ озеро; при впаденіи ея образуется песчаный мысъ, замѣчательный по преданію тѣмъ, что будто тутъ былъ нѣкогда дѣвичій монастырь—мѣсто убѣжища великой княгини Софіи Витовтовны. Здѣсь она находилась до того времени, пока вел. князь Василій Іоанновичъ Темный разбилъ Шемяку подъ Галичемъ и принудилъ его бѣжать въ Новгородъ. О времени основанія и упраздненія этого монастыря, кромѣ преданія, никакихъ писменныхъ актовъ не сохранилось, а видно что тутъ дѣйствительно существовала какая-то постройка. Въ самомъ центрѣ города, около собора на площади выстроена небольшая красивая часовня (*см. рисунокъ*)—одинъ изъ памятниковъ давняго времени. Въ 1450 г. въ галицкомъ княжествѣ

свирѣпствовала моровая язва; жители Чухломы усердно молились старинному образу Св. Николая и выстроили часовню, вмѣстѣ съ освященіемъ которой прекратилась и эпидемія. Этотъ старинный чудотворный образъ особенно чтимъ жителями и находится теперь въ Преображенскомъ чухломскомъ соборѣ; въ часовнѣ же совершаются каждогодно молебны въ память бѣдствія 1450 года.

Въ матеріальномъ отношеніи Чухломскій уѣздъ одинъ изъ богатѣйшихъ во всей Костромской губерніи. Хотя хлѣбопашество въ немъ возложено почти на однихъ женщинъ и наемныхъ работниковъ, но при всемъ томъ звѣрей украшаетъ ставни, кіоты и поставцы въ избахъ. Подобная роскошь при собственноручномъ трудѣ хотя обходится не дорого, но прямо указываетъ на эстетическія потребности, столь рѣдкія въ массѣ народа, а также и на то что семья, живущая при такой обстановкѣ, не терпитъ уже недостатковъ сравнительно съ обитателями другихъ уѣздовъ, вродѣ напримѣръ сѣверной части Солигаличскаго, гдѣ бѣдность очень замѣтна и частые неурожаи заставляютъ жителей нуждаться въ насущномъ хлѣбѣ.

Отсутствіе мужчинъ въ уѣздѣ чрезвычайно ощутительно. Въ торговые дни въ Чухломѣ и на сельскихъ

Часовня въ память моровой язвы 1450 года въ г. Чухломѣ.
Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

она развито шире, чѣмъ въ Галичскомъ уѣздѣ. Большинство крестьянъ и мѣщанъ живетъ въ Петербургѣ (питерщики). Ихъ выбываетъ каждогодно весною до 12000 человѣкъ на разные промыслы въ обѣ столицы, гдѣ замѣчательные краснодеревцы, рѣзчики по дереву и столяры—по преимуществу урόженцы Чухломскаго уѣзда. Матерьяльное вознагражденіе за искусство и трудъ въ столицѣ настолько достаточно, что питерщики посылаютъ своимъ домашнимъ половину своего заработка—и каждая семья, имѣя работника питерщика, живетъ болѣе или менѣе богато. Нерѣдко можно встрѣтить въ уѣздѣ крестьянскую избу представляющую смѣсь аляповатости и незатѣйливости постройки съ вычурностью и даже роскошью побочныхъ украшеній. Такъ, бываетъ, что вмѣсто простаго досчанаго пола находишь штучный полъ паркe, а въ маленькія и неуклюжія оконца вставлены цѣльныя зеркальныя стекла. Кромѣ того нерѣдко тонкая рѣзьба съ изображеніемъ различныхъ фантастическихъ цвѣтовъ, птицъ и ярмаркахъ только и видны пестрые разнообразные наряды женщинъ, лишь изрѣдка провернется синій или сѣрый кафтанъ мужика. За то осенью, по пріѣздѣ питерщиковъ, край замѣтно оживляется. На посидѣнки и уличныя гулянья вносится элементъ столичной жизни: тутъ идутъ разсказы о столицѣ, о театрахъ, гуляньяхъ и пр., курятся сигары и даже откупориваются бутылки иностранныхъ винъ. Внѣшній видъ и костюмъ питерщика рѣзко кидается въ глаза, такъ что сейчасъ можно отличить осѣдлаго жителя отъ столичнаго. Питерщики одѣваются обыкновенно по столичному, въ болѣе цѣнное платье, сшитое по нѣмецкому фасону, тогда какъ осѣдлые жители носятъ обыкновенные русскіе сѣрые кафтаны и бороды.

Что касается мѣстныхъ промысловъ, то нельзя не упомянуть о рыболовствѣ. Въ Чухломскомъ озерѣ очень много рыбы—и бѣднѣйшіе жители ловятъ ее сѣтями, удочками и неводомъ. Чаще всего попадается порода карасей замѣчательная по своей величинѣ.

По отлогимъ берегамъ Чухломскаго озера, поросшимъ камышомъ и мелкимъ кустарникомъ, водится много дичи всевозможныхъ породъ и видовъ, какъ красной, такъ и водоплавающей — и это изобиліе объясняется тѣмъ, что за отсутствіемъ мужчинъ въ уѣздѣ весьма немного охотниковъ.

А. Шевяковъ.

(Окончаніе будетъ).

Тюрьмы для одиночнаго заключенія преступниковъ

(Окончаніе).

Раздумывая потомъ въ часы досуга о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, я представилъ себѣ полную картину всей жизни заключеннаго—со дня его поступленія по день освобожденія.

Возбужденіе преступника, при арестѣ и обыскѣ его, достигаетъ своей высшей точки въ часъ приговора, послѣ котораго наступаетъ день отправки его въ мѣсто заключенія. Въ простыхъ дрожкахъ, въ сопровожденіи одного только сторожа, отправляется преступникъ въ Моабитъ, гдѣ онъ впродолженіи двухъ лѣтъ долженъ искупать свое преступленіе. Прибывъ въ Моабитъ, онъ тотъ же часъ представляется секретарю, который снимаетъ съ него показаніе относительно его рожденія, грамотности, прежняго положенія въ обществѣ, религіи, семейства и т. д.,—показанія, которыя провѣряются потомъ оффиціальнымъ путемъ. Потомъ ему даютъ ванну, надѣваютъ арестанское платье, представляютъ директору, потомъ полицейскому инспектору и, наконецъ, надзирателю, который и отводитъ ново-прибывшаго въ назначенную для него комнату. Въ тотъ же день бываетъ докторское освидѣтельствованіе, а въ слѣдующіе затѣмъ дни—посѣщенія священника и учителя для ознакомленія съ его религіозными вѣрованіями, а также со степенью его грамотности.

По прибытіи въ комнату, которая отнынѣ стала его жилищемъ и мастерской, заключенный тотчасъ же начинаетъ свою работу, при чемъ на первое время ему помогаютъ различные приставленные для этой цѣли люди. Изрѣдка приносимая пища нѣсколько разнообразитъ его уединеніе. Такъ проходитъ первый день. Наконецъ, посреди мертвой тишины, медленно раздаются семь громкихъ ударовъ, указывающіе, что день конченъ. Потомъ слышатся звуки, какихъ ему можетъ быть никогда ранѣе не приходилось слышать. Это звуки общей молитвы, которая совершается каждое утро и каждый вечеръ въ центральной залѣ. Послѣдующую затѣмъ молитву заключенный не можетъ уже слышать, но его помышленія, его духъ перенесся уже въ другой невидимый міръ.

Но вотъ замолкъ и послѣдній звукъ, и наступила ночь. Первая ночь въ смирительномъ домѣ. Что происходило въ душѣ узника въ эти длинные, долгіе часы, когда онъ можетъ-быть въ первый разъ остался совершенно одинъ съ своею совѣстью и Богомъ? Ни одинъ человѣческій глазъ не можетъ видѣть этого, ни одно человѣческое сердце не можетъ извѣдать этого. Но выдавались случаи, когда даже самые закоренѣлые и упорные преступники, послѣ одной или двухъ такимъ образомъ проведенныхъ ночей, чистосердечно признавались во всѣхъ своихъ преступленіяхъ.

Нашъ заключенный не изъ самыхъ упорныхъ. Хотя и сидѣлъ въ заключеніи уже три раза, хотя онъ и не разъ совершалъ грубое воровство, но онъ однако тотчасъ же сознался во всемъ—и теперь, когда онъ безпокойно мечется на своей кровати, предъ нимъ со всѣмъ ужасомъ является вся сила его вины. Онъ думаетъ о своей женѣ, о своихъ маленькихъ дѣтяхъ, о своихъ родственникахъ, дорогихъ друзьяхъ, о своей умершей матери, которая такъ часто и съ такой любовью внушала ему свято хранить заповѣди Божіи...

На другой день онъ снова представляется всему собранію начальства—и по возвращеніи въ свою комнату можетъ считать себя дѣйствительнымъ членомъ своего новаго пристанища. Съ этихъ поръ жизнь его течетъ постоянно въ одномъ и томъ же порядкѣ, совершенно однообразно—и именно потому-то жребій его дѣлается легче и выносимѣе. Работа обыкновенно начинается лѣтомъ въ 5 часовъ, а зимою въ $5^1/_2$ часовъ, и съ небольшими перерывами (обѣдъ, прогулка, а также посѣщеніе школы) продолжается до 7 часовъ вечера. Воскресенье, за исключеніемъ утренней обѣдни, предоставляется его собственнымъ добровольнымъ занятіямъ.

Такъ проходятъ два года—и время наказанія близится къ концу. Мѣсяца за три до освобожденія, въ мѣсто гдѣ онъ ранѣе жилъ идетъ запросъ: въ какомъ положеніи находится его семья, можетъ ли онъ найти подходящую работу и т. д.; если отвѣтъ получается удовлетворительный, то одинъ изъ священниковъ обращается письменно къ мѣстному пастору, прося его взять на себя нравственный присмотръ за освобожденнымъ преступникомъ и т. д. Потомъ, когда наступилъ день освобожденія, ему вручаютъ выработанныя имъ деньги и отправляютъ по мѣсту назначенія, гдѣ онъ находитъ своихъ родныхъ, друзей и необходимую работу.

Какова-то будетъ его будущность? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не смотря на строгій присмотръ, онъ снова возвращается къ своей прежней жизни; въ другихъ же (и этихъ случаевъ гораздо больше) онъ является уже нравственно-перерожденнымъ и ведетъ честную жизнь. Многочисленныя письма прежнихъ заключенныхъ къ священникамъ, а также сообщенія лицъ достойныхъ довѣрія, служатъ этому утѣшительнымъ доказательствомъ. Значительное измѣненіе прежняго, слишкомъ строгаго, полицейскаго присмотра благодѣтельно вліяетъ на нравственность штрафованныхъ.

Послѣ перваго моего посѣщенія Моабита, я былъ въ немъ еще нѣсколько разъ и присутствовалъ при богослуженіи а также въ классахъ.

Я никогда не забуду этого богослуженія, при чемъ, откровенно сознаваясь, я болѣе обращалъ вниманія на сидѣвшихъ противъ меня заключенныхъ, чѣмъ на священника, который говорилъ проповѣдь.

По обѣ стороны алтаря и каѳедры выстроены два возвышенія для служащихъ и ихъ семействъ. Все это отдѣляется отъ каѳедры занавѣсомъ. На одномъ изъ этихъ возвышеній находился и я—и могъ такимъ образомъ видѣть всѣхъ заключенныхъ, не видя при этомъ священника.

Это былъ странный видъ. Посреди и вглубь церкви возвышались 330 церковныхъ креселъ или скорѣе

со всѣхъ сторонъ закрытыхъ ящиковъ съ небольшимъ отверстіемъ впереди, въ которое видны только голова и грудь сидящаго въ немъ, такъ что заключенный никакъ не могъ видѣть ни одного изъ своихъ сосѣдей, кромѣ священника да насъ сидящихъ на возвышеніи.

Живописецъ могъ бы найти здѣсь всякія лица; но кто бы могъ понять всѣ тѣ различныя проявленія души, которыя свѣтились въ ихъ глазахъ, въ чертахъ этихъ лицъ? И однако мнѣ казалось, что многіе смотрятъ на меня укоризненно какъ бы желая этимъ сказать: «чѣмъ ты лучше насъ? Кто знаетъ, можетъ-быть и ты бы находился здѣсь среди насъ, если бы ты росъ также какъ мы, и если бы тебя не спасла какая либо высшая рука отъ всѣхъ тѣхъ искушеній, которыя привели насъ къ преступленію?»

Кромѣ этого воскреснаго богослуженія, да двухъ классовъ катехизиса для неконфирмованныхъ (потому что такихъ здѣсь можно встрѣтить даже между сѣдыми стариками), въ Моабитѣ не полагается болѣе никакихъ духовныхъ упражненій. Участіе въ причащеніи предоставляется на волю самихъ заключенныхъ а также и духовныя размышленія, которыя конечно не могутъ контролироваться.

Весьма характеристичны въ этомъ отношеніи слова сказанныя священнику однимъ изъ заключенныхъ — именно матеріалистомъ, при ихъ разставаніи. Когда священникъ просилъ его—въ случаѣ какой либо напасти или горя вспоминать слова говоренныя имъ въ проповѣдяхъ, освобожденный, со слезами на глазахъ, отвѣчалъ ему: «вѣрьте мнѣ, г-нъ пасторъ, я выхожу изъ этого дома совсѣмъ не такимъ, какимъ вошелъ въ него; мои мысли теперь гораздо серіознѣе—и я вѣрю въ вѣчность и будущую жизнь. А знаете ли, что̀ на меня особенно сильно подѣйствовало?—это то что вы, зная меня за невѣрующаго, настолько любили меня что никогда не старались обратить».

Еще болѣе интереснаго чѣмъ богослуженіе доставило мнѣ посѣщеніе школы. Она заключаетъ въ себѣ три классныя комнаты, на 39 человѣкъ каждая, при чемъ онѣ устроены также какъ церковь. Такъ какъ обученіе, какъ средство умственнаго развитія, составляетъ одинъ изъ принциповъ системы одиночнаго заключенія, то всѣ заключенные дѣлятся на пять классовъ—при чемъ въ первомъ находятся люди съ гимназическимъ образованіемъ, въ пятомъ же не умѣющіе ни читать ни писать (къ коимъ впрочемъ принадлежитъ большинство). Въ двѣнадцати отдѣленіяхъ они имѣютъ каждую недѣлю три часа занятій, расположенныхъ по различнымъ днямъ; для пятаго класса существуетъ еще добавочный часъ. Предметы преподаванія слѣдующіе: чтеніе, письмо, библейская исторія и пѣніе.

Я присутствовалъ при преподаваніи библейской исторіи и географіи. Меня въ особенности поразила при этомъ та свобода, съ которой ученики высказывали свои сомнѣнія относительно того или другаго и иногда вступали съ своимъ учителемъ въ настоящіе споры. И во время класса географіи была видна та же попытка вывести людей изъ ихъ отупѣнія и возбудить ихъ умственныя силы къ дѣятельности; по нѣкоторымъ напряженно-слушающимъ лицамъ можно было замѣтить, что попытка эта не пропадала даромъ.

Только въ школѣ (и только въ ней одной) заключенныхъ называютъ нумерами мѣстъ, которыя они занимаютъ. И странное дѣло! не смотря на все это между учениками завязываются личныя дружескія привязанности, хотя они никогда не могутъ видѣть другъ друга въ лицо. Они узнаютъ другъ друга по голосу и радуются каждому малѣйшему успѣху товарища.

Когда я снова возвратился въ водоворотъ столичной жизни и взялъ газеты въ которыхъ ежедневно печатаются самыя замысловатыя мошенническія продѣлки, я невольно подумалъ: «сколько сообщниковъ видѣнныхъ мною заключенныхъ пользуются полнѣйшей свободой и можетъ быть даже почетомъ!». Мнѣ ясно представились всѣ тѣ другіе факторы нашей блестящей столичной жизни, которые своимъ блескомъ и роскошью ежедневно приводятъ сотни людей въ искушеніе и мало по малу втягиваютъ въ преступленіе. Для меня стало ясно, что устраненіе преступленій можетъ быть только тогда, когда будетъ измѣненъ и самый строй общественныхъ отношеній. Но до этого пока еще очень далеко—и старанія наши въ этомъ отношеніи могутъ ограничиться предупрежденіемъ преступленій; при первыхъ же ихъ проявленіяхъ, на нашъ взглядъ единственнымъ и относительно цѣлесообразнымъ средствомъ можетъ быть система одиночнаго заключенія. Какъ думаетъ объ этомъ читатель?

Очерки Кавказа.

(*Окончаніе*).

III.

Отъ Гори до Кутаиса.

Прохаживаясь по городу, я замѣтилъ двухъ солдатъ, выступающихъ не слишкомъ твердою поступью. Между ними, къ удивленію моему, по рѣзкому и звонкому голосу, узналъ я Иванова, съ которымъ не часто случается—гулять пошатываясь. Это меня заинтересовало... и я пошелъ за ними слѣдомъ.

Ивановъ, прозванный паномъ, былъ—въ походѣ какъ и въ казармахъ—первымъ ротнымъ щеголемъ. На дневкѣ онъ ужь непремѣнно вырядится: красная рубашка на выпускъ, перепоясана азіятскимъ поясомъ съ оловянными, *quasi* - серебряными украшеніями; тонкіе шальвары, изъ кармана которыхъ частенько, хотя и безъ надобности, вынимается красный съ узорами платокъ; сапоги на высокихъ каблукахъ—вычищены до зеркальности; шапка тонкаго сукна на опойковой тульѣ, всегда на его головѣ выглядываетъ какимъ-то корабликомъ,—и все это чисто, гладко, нигдѣ ни морщинки, ни складки. Какъ онъ сохраняетъ свои вещи—это его тайна; но что онѣ помѣщаются въ его походномъ мѣшкѣ—про то всѣ знаютъ. Для товарищей своихъ онъ былъ аристократомъ, съ которымъ лестно вести знакомство, и предметомъ зависти. Потому-то и звали его паномъ, какъ мы выше видѣли. Чтобъ поддержать свое репоме, онъ имѣлъ героизмъ—продавать свою винную порцію, и на вырученныя деньги улучшалъ свой туалетъ. Какъ прилично аристократу—въ немъ была маленькая доза гордости и стремленіе говорить свысо-

ка, витіевато, риѳмами: кстати и не кстати ввернетъ онъ кудрявое словечко въ родѣ слѣдующихъ: планета, физіогномія, физика и тому подобное, перековеркивая ихъ по своему и притомъ на разные лады; а подъ-часъ щегольнетъ французскимъ нарѣчіемъ: «банжуръ, команъ ву притеву».

Больше всего въ мірѣ любилъ онъ себя и свое изображеніе въ зеркалѣ: любезное карманное зеркальце было постояннымъ его спутникомъ; скорѣе забылъ-бы онъ свой узорчатый платокъ, чѣмъ эту милую вещицу.

И я уважалъ *пана*. По службѣ—онъ исправенъ, въ порученіяхъ честенъ, выпиваетъ очень рѣдко, а если и случится, то чаще у себя дома и въ свободное время, — и не было примѣра, чтобъ онъ явился на службу, въ назначенный часъ, неисправнымъ. Самое тщеславіе его и щегольство не считалъ я въ немъ большимъ недостаткомъ;—глядя на него и прочіе мои солдатики держали себя по-опрятнѣе; по крайней мѣрѣ, я не упускалъ случая — колоть этимъ паномъ въ глаза неопрятнымъ.

Преслѣдуемые мною красавцы шли обнявшись, поддерживая другъ друга, не знаю кто кого; кажется, на стотъ разъ линейный солдатъ, котораго Ивановъ называлъ «Петей», былъ покрѣпче на ногахъ. Разговоръ ихъ показался мнѣ довольно комичнымъ и отчасти поучительнымъ,—и я, возвратясь домой, набросалъ его на бумагу въ свой дневникъ, сохраняя ихъ выраженія сколько упомнилъ. Конечно, я не могъ соблюсти всѣ красоты ихъ слога.

Ивановъ.—Седьмой годъ таскаюсь по горамъ—только и дѣла: наводи мосты, подводи мины, разработывай дороги, просто такая финозомія, что роешься ровно кротъ въ землѣ; а для чево? про то старшіе вѣдаютъ. Въ полку лучше.. помнишь Степана?

Петя.—Какого Степана?

Ивановъ.—А што ищо дегтю объѣлся... Эхъ, ты! Планида несчастная! Память-то знать ушла въ пятки, что наровишь удрать безъ оглядки?

Петя.—Не дѣло говоришь... евто тотъ, который пошолъ воровать патку, да лизнулъ дегтю?

Ивановъ.—Онъ самый... Ты што знаешь? Онъ получилъ Егорія храбраго; а што былъ въ деревнѣ-то—мозглякъ мозглякомъ... Кабы и мнѣ въ полку служить, можетъ и я носилъ-бы Егорьевскій хрестъ. Горе беретъ землякъ! Кажись—по хвизикѣ живешь, да знать планида не такая вышла!... Есть у меня абазъ... пойдемъ... выпьемъ... до завтра проспимся.

Петя.—Да и у меня найдется одинъ абазъ... хотѣлъ было нитокъ купить...

Ивановъ.—У меня есть залишняя дачка. Дешово отдамъ—три абаза... вотъ и насучи нитокъ *).

Петя.—Ништо! полмонета дамъ, да сороковушку (¼ штофа) поставлю.

Ивановъ.—Ладно. Идетъ.

Когда дѣло зашло у нихъ такъ далеко, я рѣшился помѣшать имъ.

— Что это съ тобою сдѣлалось Ивановъ? подгулялъ, да еще вздумалъ дачку продавать!

Ивановъ оторопѣлъ. Отнявъ руку отъ земляка, онъ старался стоять твердо; но хмѣль покачивалъ его.

— Виноватъ, ваше благородіе! устамши съ дороги, выпилъ съ землякомъ.

Петя вытянулся въ струнку и стоялъ какъ вкопаный. Замѣтно было, что онъ втянулся въ водку и ему еще полштофа выпить было-бы ни-почемъ. Чтобъ выручить и оправдать земляка, онъ препаивнымъ образомъ обратился ко мнѣ:

— Мы, ваше благородіе, съ одной деревни, вмѣстѣ взяты въ некрута, съ поступленья на Кавказъ не видались; ну, съ радости и выпили только по сороковушкѣ на брата.

Ивановъ испугался за свою репутацію, и умолялъ меня:

— Ваше благородіе, виноватъ! какъ предъ Богомъ каюсь! напала какая-то мехлюдія... сдурилъ... карахтеръ ужъ такой—выпили по полквартѣ... виноватъ! помилосердствуйте! ваше благородіе! не загубите моей нравственности передъ командой!... лучше дайте мнѣ сто горячихъ, только не загубите!... Заставьте за себя вѣчно Бога молить!

Строго наказавъ земляку проводить Иванова до квартиры, я обѣщалъ Иванову молчать, пригрозивъ, что въ другой разъ осрамлю его передъ командой, если попадется мнѣ въ такомъ видѣ.

Хозяинъ моей квартиры былъ привѣтливый и словоохотливый господинъ. Въ немъ было сильное желаніе казаться европейцемъ—и онъ устроился у себя, какъ ему казалось, совершенно по европейски. Огромная зала тѣсно уставлена разнокалиберною мебелью; окна завѣшены кисеею и шерстяною узорчатою матеріею, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ канарейки въ маленькихъ клѣткахъ; цвѣты, въ простыхъ, туземной лѣпки, горшочкахъ; между оконъ, подъ зеркалами, столы — и ломберные, и складные и тутъ же кухонные, прикрытые разноцвѣтными салфетками; на нихъ по два шандала съ стеариновыми свѣчами, украшенными вмѣсто розетокъ кудрявыми бумажками; у капитальной стѣны—диванъ, обитый замысловатою матеріею; передъ нимъ, на персидскомъ коврѣ тоже круглый столъ и тоже съ подсвѣчниками и разными бездѣлушками; на стѣнахъ—картины религіознаго содержанія; грамоты грузинскихъ и имеретинскихъ царей на пожалованное достоинство и (чѣмъ здѣсь особенно гордятся) переходящее изъ рода въ родъ оружіе, дѣйствительно замѣчательное. Спросите хозяина и онъ о каждомъ клинкѣ разскажетъ исторію если не съ Александра Македонскаго, то ужь непремѣнно со временъ крестовыхъ походовъ. Въ переднемъ углу—кіотъ, съ образами въ драгоцѣнныхъ окладахъ, съ теплящейся лампадкой и кадиломъ. Хозяинъ хитритъ, хочетъ увѣрить гостя, что онъ освоился съ европейскою жизнью. Поглядѣвъ внимательнѣе, вы замѣтите портьеру; это—занавѣска, за нею есть дверь;—а это входъ въ сокровенные апартаменты. Тамъ вы найдете грузинское убранство: съ обѣихъ сторонъ нары, наполненныя постельными принадлежностями, съ узенькимъ по срединѣ комнаты проходомъ, устланнымъ во всю его длину ковромъ или паласомъ, до камина въ мавританскомъ вкусѣ. Но это еще не спальня, это—пріемная для друзей; а спальня за той неплотно-притворенной дверью—что съ правой стороны камина—изъ-за которой выглядываетъ въ щель то тотъ, то другой блестящій глазокъ.

Я польстилъ самолюбію хозяина, похваливъ его оружіе, за что и былъ щедро награжденъ; явилась немедленно обильная закуска: балыкъ, икра, колбаса, бишлякъ

*) Кавказскіе солдаты заэкономивши парусинную дачку 2¼ арш., выдаваемую имъ на лѣтнія брюки, сучатъ изъ нея нитки для шитья. Онѣ оказываются очень крѣпкими, а потому и предпочитаются лавочнымъ.

(овечій сыръ), фрукты, графинъ краснаго стекла съ фруктовой водкой и двѣ бутылки вина—заняли весь столъ. Отрекомендовавъ достоинство своихъ винъ, хозяинъ указывалъ рукою—«это Саджеваховское, а это Оджалемское». Вина оказались довольно вкусны и крѣпки. Самъ онъ едва дотрогивался до блюдъ и выпилъ

черты лица, блестящіе черные и голубые глаза—встрѣтишь почти на каждомъ шагу. За всѣмъ тѣмъ, онѣ прибѣгаютъ къ косметическимъ средствамъ, также какъ и армянки,—бѣлятся, румянятся, выщипываютъ лишніе волоски изъ бровей, и красятъ ихъ въ черную краску такимъ порядкомъ: краска *хна* разводится въ теплой

Общественный фонтанъ для людей, лошадей и собакъ (въ Нью-Йоркѣ).

не больше полустакана вина. — Это у него пріемъ на европейскую ногу. Совсѣмъ другое въ ихъ обыденной жизни: господа и прислуга ѣдятъ вмѣстѣ; пищу употребляютъ умѣренно, но виномъ пресыщаются; въ это же время происходитъ совѣщаніе о домашнихъ дѣлахъ и разныхъ предпріятіяхъ.

Имеретины большею частью рослы, стройны, красивы и очень развязны. Прекрасный полъ ихъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе: нѣжный цвѣтъ и мягкія

водѣ какъ кисель, намазываютъ ею довольно густо брови, а иногда и всѣ волосы; потомъ обкладываютъ ихъ мягкой бумагой и ждутъ пока высохнетъ; тогда смываютъ краску теплой водой,—и волосы получаютъ темно-красный цвѣтъ; слѣдующая краска—*ренкъ*, съ которой поступаютъ точно также какъ и съ хной,—и волосы получаютъ цвѣтъ воронова крыла. Потому-то и встрѣтить здѣсь блондинку—большая рѣдкость, развѣ только въ высшемъ кругу.

У этихъ красавицъ есть варварскій обычай лѣтомъ ощипывать гусей до-гола, въ видахъ экономіи, т. е. для сбора пуху. Бѣдная птица, не смотря на теплое время года, дрожитъ, — и едва черезъ недѣлю, послѣ операціи, начинаетъ привыкать къ своему положенію — однако-же выноситъ. Пробовали и куръ раздѣвать, да тѣ отказались — ихъ оставили щеголять своими нарядами.

Жителей въ Кутаисѣ считается за 5 тысячъ. Князья и дворяне застроиваются такъ, чтобъ жилище было обнесено со всѣхъ сторонъ оградою. До освобожденія крестьянъ эти два класса были совершенными деспотами. Случалось часто видѣть, какъ простолюдинъ, встрѣчая зажиточнаго князя, или дворянина со свитою, изъявлялъ ему уваженіе сниманіемъ шапки и преклоненіемъ колѣна. Того-же требовали и бѣдные дворяне. Жалко было смотрѣть, какъ разодѣтый князекъ ѣдетъ верхомъ на лошади, а слуга его бѣжитъ за нимъ босикомъ, съ господскою винтовкою, верстъ семь или больше, для того только чтобъ по пріѣздѣ господина къ мѣсту схватить лошадь подъ уздцы и проваживать ее все время, пока тому вздумается ѣхать обратно.

Въ ссорахъ своихъ эти два класса старались избѣгать вмѣшательства русскаго правительства, рѣшая ихъ оружіемъ; нерѣдко дѣло оканчивалось убійствомъ, или же совершеннымъ истребленіемъ семейства врага. Если же силы равны, и обѣ стороны осторожны, то прибѣгали къ своимъ знатнѣйшимъ вельможамъ для разбирательства ихъ дѣла. Когда же и затѣмъ ссора не прекращалась — обращались къ русскому правительству и не щадили издержекъ, чтобъ выиграть дѣло. Вообще страсть къ сутяжничеству въ имеретинахъ сильно развита: толкните его нечаянно — жалоба; брызгните неосторожно грязью — другая; скажите неосторожно при свидѣтеляхъ оскорбительное слово — третья и т. д.

Низшій классъ подражаетъ двумъ первымъ: зажиточные также ограждаютъ свои жилища — и подъ видомъ работниковъ, стараются окружить себя слугами; затѣмъ является гоноръ, сочиняется басня о какихъ-то знаменитыхъ предкахъ и вербуются свидѣтели не только на права *ацнура* (дворянина), но и на *тавада* (князя). Это щекотливое сословіе дѣлится на *гандкерре* (цехи); каждый *гандкерре* имѣетъ своего *уста-башь* или *нацвала* (десятника), съ предоставленными ему правами рѣшать дѣла, кромѣ уголовныхъ. Пища простолюдиновъ самая грубая: въ будни гоми (нѣчто въ родѣ риса), варимое въ водѣ безъ соли, и простой хлѣбъ, или чурекъ; а по праздникамъ мясо, вареное безъ соли, — зато вина въ изобиліи; пьютъ мужчины, пьютъ женщины, пьютъ и малыя дѣти.

Въ числѣ жителей Кутаиса есть довольно евреевъ, занимающихъ особую большую слободу. Они утверждаютъ, что племя ихъ — отъ Веніамина, оттѣсненное послѣ ассирійскаго вторженія въ предѣлы Кавказа. Замѣчательно, что они вѣруютъ въ Христа, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ іудейскій законъ. Они говорятъ, что изъ среды ихъ были пророки о пришествіи Мессіи въ Виѳлеемъ, а потому они послали трехъ старцевъ (Илью, Лонгина и Симона) съ дарами на поклоненіе Божественному младенцу и что первые два приняты въ число 70-ти апостоловъ, — что старцы эти были свидѣтелями распятія и воскресенія, и что старецъ Симонъ принесъ къ нимъ одежду Спасителя и крестъ изъ виноградныхъ лозъ, перевязанный волосами Богородицы, хранящіеся теперь въ Мцхетѣ.

На вопросъ мой: «Зачѣмъ вы, вѣруя въ Христа, не оставляете іудейскаго закона?» — отвѣчали, не задумываясь: «Христосъ сказалъ нашимъ старцамъ, чтобъ они, слѣдуя его ученію, исполняли и старый законъ».

Евреи эти довольно красивы, трудолюбивы и честны; бороды брѣютъ, оставляя баки; костюмъ горскій; въ дорогѣ носятъ оружіе; дѣти ихъ разносятъ по городу въ продажу фрукты и разныя подѣлки домашней работы.

П. Бугайскій.

Общественная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ.

I. Фонтанъ для людей, лошадей и собакъ (въ Нью-Йоркѣ).

О Соединенныхъ Штатахъ писано такъ много, что сказать объ этомъ предметѣ что-нибудь особенно новое — довольно трудное дѣло. Тѣмъ не менѣе американская жизнь и американскіе нравы такъ своеобразны, отъ нихъ вѣетъ такою свѣжестью, такой силою, что все могущее дополнить картину этой жизни, или хоть только воскресить ее въ умѣ нашемъ, читается нами съ большимъ или меньшимъ удовольствіемъ. Вотъ наприм. эпизодъ изъ общественной жизни Нью-Йорка. Большой домъ или лучше сказать дворецъ, съ прекраснымъ фронтономъ, съ обнесеннымъ рѣшеткою садомъ. Передъ домомъ на улицѣ множество народа собралось мимоходомъ возлѣ общественнаго колодца, устроеннаго нетолько съ большимъ изяществомъ, но и въ высшей степени практично. Въ одно и тоже время и нисколько не мѣшая другъ другу, изъ него утоляютъ жажду проходящій мимо джентльменъ, лошадь извощика или можетъ быть фермера, который облокотился на нее, и собака маленькаго мальчика, который, придерживая ее за спину, наблюдаетъ за нею съ такимъ участіемъ, что въ эту минуту для него, повидимому, не существуетъ ничего кромѣ его собаки и того бассейна, изъ котораго она утоляетъ свою жажду. Общественные колодцы есть и въ другихъ странахъ, между прочимъ и у насъ, а въ Лондонѣ они, говорятъ, встрѣчаются чуть не на каждомъ перекресткѣ; костюмы дамъ и джентльменовъ — тѣ же, что и вездѣ; мраморные или гранитные дворцы съ садами и рѣшетками не составляютъ исключительной принадлежности Нью-Йорка или Америки, — а между тѣмъ тутъ чувствуется что-то своеобразное.

Передъ нами лежитъ одна очень распространенная книга, гдѣ напечатаны слѣдующія строки: «Американская любовь къ свободѣ и независимости въ обыденной жизни являются въ глазахъ человѣка, привыкшаго къ европейскимъ обычаямъ, непристойностью, но это простительно». Конечно, авторъ за словомъ «непристойность» пишетъ въ скобкахъ: «почти повсюду распространенное жеваніе табака и отвратительное выплевываніе его, невѣжливѣйшія позы при самыхъ серіозныхъ дѣлахъ»; но очевидно, что подъ словомъ «непристойность» авторъ разумѣетъ не одно это, и какъ знать, можетъ-быть и подобное публичное утоленіе жажды

покажется ему если не непристойностью, то эксцентричностью. А между тѣмъ американскій джентльменъ пьетъ воду изъ общественнаго колодца на улицѣ, и при томъ въ обществѣ лошади и собаки. Да и хорошо дѣлаетъ. Чѣмъ заходить въ кафе или другое подобное мѣсто и утолять тамъ свою жажду кофеемъ, шоколадомъ, а можетъ-быть и чѣмъ покрѣпче,—отчего же ему не выпить стакана вкусной, свѣжей воды? Вообще американскіе нравы и обычаи и американскій образъ жизни такъ не сходятся съ европейскими, что многое съ европейской точки зрѣнія кажущееся неприличнымъ—съ точки зрѣнія американской не только естественно но и совершенно разумно. Но прежде, чѣмъ говорить объ американскихъ нравахъ вообще, мы приведемъ нѣсколько подробностей о Нью-Іоркѣ, въ уголокъ котораго переноситъ насъ это изображеніе общественнаго колодца.

Нью-Іоркъ, имѣющій въ настоящее время около 814,000 жителей, есть первый въ Америкѣ, а на всемъ земномъ шарѣ третій по торговлѣ городъ (послѣ Лондона и Ливерпуля) и самое многолюдное мѣсто во всемъ Новомъ Свѣтѣ, между тѣмъ какъ лѣтъ 100 тому назадъ въ немъ считалось не больше 9,000 жителей. Каждый часъ отходитъ отсюда 30 пароходовъ и столько же приходитъ. Городъ расположенъ на островѣ въ устьѣ рѣки Гудзонъ и имѣетъ три огромныя гавани. Лучшая улица — *Бродвей* (широкая улица) шириною въ 11 саженъ, тянется прямою линіею, обстановлена прекрасными домами, магазинами и отелями. Не смотря на то, что Нью-Іоркъ не есть резиденція правительства, въ немъ видна такая же роскошь и такой же вкусъ, какъ и въ лучшихъ столицахъ Европы. Въ сѣверной части города, гдѣ живутъ богатѣйшіе купцы, можно встрѣтить болѣе роскоши чѣмъ въ лучшихъ кварталахъ Лондона. Многіе дворцы гражданъ построены изъ гранита или мрамора, съ великолѣпными фронтонами, съ зеркальными окнами, не говоря уже о внутреннемъ богатствѣ. Нью-Іоркская гостинница для пріѣзжающихъ—есть самая большая въ свѣтѣ: въ ней помѣщается до 700 пріѣзжихъ и содержится 150 человѣкъ прислуги.

Теперь вотъ нѣсколько подробностей объ общественной американской жизни, заимствованныхъ нами изъ воспоминаній французскаго путешественника Дезире Шампре.

«Въ американцѣ, пишетъ г. Шампре, — надо различать двухъ человѣкъ: человѣка общественнаго (гражданина) и самостоятельную личность.»

«Какъ представитель націи, онъ мнѣ нравится; но какъ человѣкъ—это существо самое антипатичное для нашей французской натуры. Понятіе о свободѣ въ Соединенныхъ Штатахъ грубѣе чѣмъ гдѣ нибудь; пріобрѣтая какія нибудь права, янки теряютъ при этомъ другія. Тотъ, кто принимаетъ на себя общественную должность, подвергается надзору народному; онъ не принадлежитъ уже болѣе себѣ. Это значитъ, что политическая свобода несовмѣстна съ гражданской. Мы же вполнѣ пользуемся послѣдней, что́ составляетъ удивительный контрастъ».

«Американецъ имѣетъ грубыя манеры, онъ даже суровъ, и обращеніе его такъ безцеремонно, что и въ малѣйшихъ вещахъ оскорбляетъ насъ безпрестанно. Онъ не ходитъ, но бѣгаетъ; онъ не ѣстъ, а пожираетъ; не пьетъ, а поглощаетъ. Обѣдъ для него не есть время отдыха и пріятныхъ бесѣдъ, онъ не думаетъ о томъ чтобы говорить, а только о томъ чтобы наполнить свой желудокъ. Войдя въ Бостонѣ въ какую нибудь гостинницу, вы увидите толпу у дверей столовой задолго до звонка; это не люди, но алчныя животныя, которыя готовятся оспаривать другъ у друга пищу. Они вторгаются, какъ только отворятъ имъ двери, и уйдутъ не прежде, какъ все уже исчезнетъ.

«Слѣдуетъ ли упоминать, продолжаетъ авторъ,—о дикомъ обыкновеніи держать за щекою жвачку? Гдѣ бы ни случилось быть американцу — вы всегда увидите, какъ онъ вынимаетъ изъ кармана черную, длинную, крученую палочку, которую онъ схватываетъ зубами: это табакъ. Онъ начинаетъ жевать и выплевываетъ слюну безъ всякой церемоніи. Сидя въ креслахъ гостиной, онъ мѣтитъ свой плевокъ въ огромную фарфоровую плевальницу и никогда не промахнется, на улицѣ же предается совершенно своей прихоти.

«Американцу свойственна безграничная гордость и смѣшное высокомѣріе. Эта слабость объясняется похвалами, расточаемыми ему по очереди издателями и ораторами. Замѣтьте. однако, что я критикую только нравы американцевъ, и выставляю лишь нѣкоторыя смѣшныя ихъ стороны, но отнюдь не осмѣиваю американскую націю. Если-бы спросили мое мнѣніе о ней, я откровеннно сказалъ бы, что это самый великій народъ. Никогда родъ человѣческій не питалъ въ такихъ размѣрахъ любовь къ равенству и свободѣ, такое уваженіе къ человѣческому достоинству; никогда еще люди не порывались такъ сильно впередъ. Что́ ни употребляли бы для ослабленія ихъ стремленія, навѣрно ничто ихъ не остановитъ—и очень можетъ быть, что когда нибудь звѣздный флагъ штатовъ будетъ развѣваться отъ Берингова пролива до Панамскаго перешейка.

«Я сказалъ, что американецъ грубъ. Грубость эта развивается въ немъ именно общественною жизнью и собраніями, къ которымъ онъ принадлежитъ. Онъ не ищетъ женскаго общества; а гдѣ нѣтъ женщинъ—тамъ, вы знаете, всегда брань, грубости. Что такое американскій домъ? Это собраніе маленькихъ комнатъ, въ которыхъ спятъ, и большихъ залъ, въ которыхъ живутъ. Но изъ этихъ залъ однѣ бываютъ населены только мужчинами, а другія только женщинами. Входъ въ послѣднія запрещенъ; чтобы проникнуть туда, надо быть женатымъ или представленнымъ.

«Общественная жизнь такъ пришлась по вкусу американцамъ, что небольшія хозяйства часто появляются въ гостинницѣ (boarding house). Они не стараются, какъ мы, составить себѣ внутренній міръ, скромное убѣжище, гдѣ насъ окружаетъ заботливая любовь; они довольствуются меблированною комнатою и общимъ столомъ въ гостинницѣ, гдѣ другіе навѣщаютъ ихъ, ни мало не заботясь о постороннихъ, которые ежеминутно приходятъ сюда для отдыха. Холостяки дѣлаютъ складчину и нанимаютъ большую комнату, родъ галлереи, изъ которой они дѣлаютъ себѣ спальню, оставляя свободнымъ небольшой уголокъ для пріема друзей. Они ничѣмъ не стѣсняются: одинъ ложится спать, другой одѣвается; третій, помѣстившись у огня, погружается въ глубокую думу. Они живутъ, такъ сказать, сообща безъ разъединяющихъ предразсудковъ и безъ сдерживающей привязанности.

Что касается ихъ манеры держать себя, то вы знаете, что ноги они кладутъ постоянно выше головы. Для этого они садятся ближе къ стѣнѣ—и чаще всего около большихъ оконъ, которыя выходятъ на главный фасадъ домовъ, и представляютъ для проходящихъ странное зрѣ-

лище нѣсколькихъ сотъ ногъ различныхъ размѣровъ. Но это странное положеніе—одно изъ самыхъ удобныхъ. Примѣры заразительны: я долженъ признаться, что скоро подвергся искушенію—и порицая это обыкновеніе, самъ сталъ предаваться ему безъ всякихъ угрызеній совѣсти.

Это было бы еще ничего. Въ бытность мою въ Новомъ Орлеанѣ случилось мнѣ зайти обѣдать въ ресторанъ. Въ это время въ комнату вошелъ, очень прилично одѣтый, человѣкъ, который, не поморщась, положилъ обѣ ноги на бѣлую скатерть между стаканами и тарелками. Не думайте, что я сочиняю; я говорю о томъ, что̀ дѣйствительно видѣлъ.

Женщина въ Соединенныхъ Штатахъ—существо по преимуществу свободное. Ея свобода—дурна или хороша, смотря потому, какъ ею располагаютъ. Она является вслѣдствіе отсутствія семейной жизни. Англійской семьи въ Америкѣ не существуетъ. Домъ — это только оазисъ, въ которомъ вечеромъ мужъ и жена отдыхаютъ послѣ дневныхъ трудовъ; но того уютнаго кружка, тѣхъ вечернихъ собраній у камина, исповѣди чувствъ, однимъ словомъ, всего что̀ мы называемъ семействомъ—я у нихъ не нашелъ. Едва дѣти подростутъ — уже удаляются изъ родительскаго дома, какъ птицы, которыя, чувствуя себя окрыленными, покидаютъ гнѣздо. Не успѣвъ еще возмужать, молодой янки уѣзжаетъ; у него врожденная склонность къ путешествіямъ, онъ жаждетъ дальнихъ предпріятій. Онъ не думаетъ о томъ, что̀ покинулъ. Сердце, чуждое всякой привязанности, разстается безъ сожалѣнія. И какъ они прощаются! Ни одного поцѣлуя, ни ласки, ни слезы: отецъ и сынъ обмѣняются холоднымъ *good bye* *), пожмутъ другъ другу руки, вотъ и все! Когда же путешественникъ возвращается какъ бы ни былъ онъ долго въ отсутствіи, иногда нѣсколько лѣтъ, сцена свиданія стоитъ прощальной. Отецъ сидитъ за письменнымъ столомъ и работаетъ. Входитъ отсутствующій. «А! это вы? здравствуйте, сударь!» И не теряя болѣе времени, онъ продолжаетъ свою работу.

Молодыя дѣвушки ведутъ самую странную и разсѣянную жизнь. Чѣмъ дѣвушка свободнѣе—тѣмъ болѣе она уважается; но, пользуясь свободой, она заблуждается. Она уѣзжаетъ, путешествуетъ, возвращается, и никто не спроситъ у нея отчета. Отъ всего этого репутація ея нисколько не страдаетъ. Но странная вещь: сколько она безумно неосторожна, столько же она и уважаема. На сушѣ она находится подъ покровительствомъ народа, а на кораблѣ—подъ защитой капитана. Слѣдующій анекдотъ можетъ дать понятіе объ этихъ странныхъ нравахъ.

Путешествуя по Миссисипи, я замѣтилъ между пассажирами молодую дѣвушку, которой едва было восемнадцать лѣтъ. Она была очень хороша собой; таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе одного англичанина, который, казалось, намѣревался за нею ухаживать. Извѣстно, что у англичанъ нельзя говорить съ женщиною, не бывъ ей представленнымъ; любезности этого обожателя, слѣдовательно, были обидными для достоинства молодой дѣвушки. Она сносила все, покуда онъ не выходилъ изъ границъ приличія; но, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія его навязчивостью, путешественница пошла жаловаться капитану. Капитанъ велѣлъ немедленно остановить корабль; мы находились въ пустынныхъ мѣстахъ, и, не смотря на возраженіе англичанина, его высадили съ вещами на берегъ и покинули тамъ.

*) Прощай.

Женщина въ Соединенныхъ Штатахъ бываетъ издателемъ, ораторомъ, собираетъ митинги, на которыхъ занимается совѣщаніями. Я находился на берегу озера Шамплена въ маленькой деревушкѣ, домиковъ въ двѣсти, названія которой не помню. Объявленія на большихъ афишахъ извѣщали, что въ этотъ вечеръ дѣвица X... будетъ говорить о Шекспирѣ. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера, чтобы присутствовать въ этомъ собраніи и также посмотрѣть на молодую женщину, которая разъѣзжала по деревнямъ, чтобы объяснять мужикамъ достоинства великаго поэта. Зала была полна, и каждый удалялся довольный. Что касается до меня, то я видѣлъ, что ошибся въ моихъ сужденіяхъ о слушателяхъ; въ соединенныхъ Штатахъ есть только мужчины, и между ними съ трудомъ отличите городскаго жителя отъ деревенскаго, который, какое бы скромное положеніе онъ ни занималъ, получаетъ журналъ, иногда два, и ежедневно справляется о новостяхъ, такъ что въ случаѣ нужды самъ можетъ занять мѣсто на кафедрѣ.

Выходя изъ собранія, я подумалъ: что̀ вышло бы во французской деревнѣ изъ молодой дѣвушки, которая, путешествуя одна, объясняла бы своимъ соотечественникамъ красоты слога Мольера и Расина? Я думаю, господа, что въ деревнѣ, она нашла бы мало людей, способныхъ понимать ее. Кромѣ того я думаю, что ее некому бы было слушать, и я увѣренъ, что ее пожаловали бы въ искательницы приключеній или надѣлили какимъ нибудь не совсѣмъ звучнымъ эпитетомъ. На озерѣ Шамиленѣ зала была полна; это значитъ, что американцы нуждаются въ соединеніи, что они жаждутъ познаній и общественнаго духа и что они всегда наслаждаются свободой ненарушимой.

Переходя отъ молодой дѣвушки къ женщинѣ, мы находимъ, что ихъ раздѣляетъ цѣлая бездна. Молодая дѣвушка вела жизнь холостую; выходя же замужъ, она остепеняется и отказывается навсегда отъ своей отважной жизни: наклонности ея перемѣнились, прошедшее для нея не существуетъ—и она совершенно предается своимъ новымъ обязанностямъ. Американка, послѣ замужества, работаетъ и не имѣетъ иныхъ радостей, какъ у себя дома, инаго занятія, кромѣ своего хозяйство,—инаго счастія, какъ благосостояніе ея мужа.

Возьмите женщину, даже изъ изъ самаго высшаго круга. Вы знаете непостоянный характеръ американцевъ: вдругъ имъ совершенно неожиданно придетъ фантазія отправиться на западъ заводить колоніи, бросить свой прекрасный домъ, свой комфортъ, чтобы сдѣлаться фермеромъ по ту сторону Миссисипи, около Скалистыхъ горъ. Жена должна за нимъ слѣдовать безъ ропота; она переходитъ изъ своей гостиной въ конюшню, не произнося ни одной жалобы. Это очень хорошо, но что касается до меня, то еслибы я этого и желалъ, все-таки прошедшее столь вѣрной подруги занимало бы меня безпрестанно.

Въ сущности результатъ всего этого очень простъ. Женщина въ Соединенныхъ Штатахъ—менѣе женщина, чѣмъ у насъ. Свобода, которою она пользуется, отнимаетъ у нея одну изъ самыхъ главныхъ прелестей ея природы. Вы не найдете въ ней той застѣнчивости, наивности, той стыдливости, которыя придаютъ такъ много привлекательности отношеніямъ между мужчиной и женщиной. Американка—подруга, прекрасный товарищъ, если хотите, но больше ничего».

Какое живое, картинное описаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ

какіе невѣрные выводы! Авторъ упрекаетъ американцевъ въ томъ, что составляетъ, по нашему мнѣнію, ихъ величайшую заслугу. Оригинальное обыкновеніе держать за щекой жвачку и класть ноги выше головы—дѣйствительно нѣсколько странно и дико; но что оно въ сравненіи съ такою слабостію взгляда при такомъ мастерствѣ изложенія, какіе оказываются въ сочиненіи г. Шампре.

(Окончаніе будетъ).

Высокопреосвященный Исидоръ,
митрополитъ Новогородскій и С.-Петербургскій.

Въ день празднованія Покрова Пресвятыя Богородицы, 1 октября 1799 года въ селѣ Никольскомъ, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи, у отца діакона родился сынъ, названный Іаковомъ. Подросши, Іаковъ Никольскій (по селу изъ котораго привезенъ) включенъ обыкновеннымъ порядкомъ въ число учениковъ Тульской семинаріи — и какъ лучшій воспитанникъ, при окончаніи въ ней курса наукъ (15 августа 1821 года), присланъ для довершенія развитія своихъ замѣчательныхъ способностей въ С.-Петербургскую духовную академію. Четырехлѣтній академическій курсъ для любознательнаго студента пролетѣлъ не замѣтно, и окончивъ его съ большимъ успѣхомъ, Іаковъ Никольскій послѣдовалъ влеченію къ созерцательной жизни, принявъ постриженіе съ именемъ Исидора (22 августа 1825 г.). Опредѣленный при академіи баккалавромъ, юный инокъ. на осьмой день по постриженіи рукоположенный въ іеродіаконы, а черезъ недѣлю въ іеромонахи, еще черезъ пять дней (10 сентября) назначенъ академическимъ библіотекаремъ, замѣнивъ іеромонаха Арсенія (теперешняго кіевскаго митрополита), съ которымъ онъ чередовался еще по ректорству въ Орловской семинаріи (24 августа 1829 г.). Четыре предшествовавшіе года отецъ Исидоръ посвящалъ академической службѣ, получивъ степени кандитата, магистра, званіе члена конференціи Орловской академіи. Черезъ мѣсяцъ по назначеніи въ реторы Орловской семинаріи, онъ возведенъ въ санъ архимандрита (24 сентября 1828 г.) и здѣсь, въ теченіе четырехъ лѣтъ, проявилъ многоразличную полезную дѣятельность присутствуя въ консисторіи, ревизуя училища, участвуя въ комитетѣ для сооруженія зданій для нихъ и ревностно дѣйствуя по мѣстному комитету, какъ членъ его. Въ воздаяніе заслугъ и ревностныхъ трудовъ, засвидѣтельствованныхъ Кіевскимъ академическимъ правленіемъ, архимандритъ Исидоръ, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2 степени (2 января 1834 г.) и въ томъ же году (іюля 21) перемѣщенъ въ должность ректора Московской семинаріи съ назначеніемъ настоятелемъ Заиконоспасскаго Ставропигіальнаго монастыря.

Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новогородскій и С. Петербургскій.

Рисовалъ съ фотографіи на деревѣ Швейцеръ, грав. О. Ротъ.

Въ слѣдующемъ году достойный отецъ ректоръ рукоположенъ въ Чудовомъ монастырѣ (11 ноября 1833 г.) Высокопреосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ въ епископы Дмитровскіе, викаріи московской епархіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ помогая, почитаемому всею Россіей краснорѣчивому проповѣднику и глубокому ученому, въ управленіи епархіальными дѣлами, преосвященный Исидоръ не только удостоился вниманія сановитаго владыки своего, но по представленіи его «во вниманіе къ ревностному и отличному исполненію обязанностей» награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст. (17 апр. 1837 г.), незадолго до перемѣщенія на самостоятельную каѳедру Полоцкую (5 іюня 1837 г.) Проявивъ здѣсь замѣчательную находчивость и искусство улаживать всевозможныя затрудненія, неразлучныя съ подготовленіемъ новаго порядка вещей (какъ напримѣръ, въ то время въ томъ краѣ было дѣло Уніи, разрѣшившееся присоединеніемъ къ православію Полоцка) пробывъ около года въ Могилевѣ, Преосвященный Исидоръ возведенъ въ санъ архіепископа и еще три года продолжалъ блистательно и мудро вести корабль мѣстной церкви, пока не вызванъ былъ въ далекій край Закавказья. Высочайшимъ указомъ 12 ноября 1844 года кроткій архипастырь назначенъ экзархомъ грузіи и членомъ св. Синода. Со-

причисленіи къ ордену св. Владиміра 2 степени большаго креста (5 апр. 1846 г.), алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ (19 апр. 1855 г.) и возведеніе въ семъ Митрополита въ день священнаго коронованія благополучно царствующаго Государя Императора—были награжденіемъ неусыпной заботливости о благоустройствѣ паствы, ревностнаго служенія церкви и отечеству и приведенія въ лучшее благоустройство вообще ввѣренной ему духовной части. Впрочемъ любовь и сочувствіе къ занятіямъ научнымъ (особенно по части археологіи) независимо служебныхъ, всегда отличавшая высокопреосвященнаго Исидора, не была тайною для людей науки. Въ бытность за Кавказомъ архипастырь не терялъ изъ виду интересовъ просвѣщенія. Доказательствомъ этого можетъ служить принятія іерархомъ нашимъ званія члена: общества сѣверныхъ антикваріевъ, въ Копенгагенѣ (27 августа 1845 г.), Императорскаго русскаго археологическаго общества (29 января 1855 г). Кіевской академической конференціи (30 іюля 1854 г.) и Императорской Академіи Наукъ (29 декабря 1857 г.) по отдѣленію русской словесности.

Въ 1 день марта 1858 г. Высочайшимъ рескриптомъ призванъ нашъ любознательный духовный администраторъ на митрополію Кіевскую, упразднившуюся съ кончиною маститаго старца Филарета. На новомъ поприщѣ, труды Высокопреосвященнаго Исидора, подъятые въ Закавказьѣ при возобновленіи древнихъ и устройствѣ новыхъ храмовъ, награждены Монаршею признательностью.

Митрополиту Исидору пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго (28 августа 1858 г). Конференція Духовныхъ Академій С.-Петербурской и Московской и тамошнее же Общество сельскаго хозяйства поднесли достойному архипастырю званія членовъ своихъ, въ 1859 г., а высочайшимъ указомъ 22 марта 1860 г. вызванъ онъ на митрополію въ сѣверную столицу. Между нами труды его пастырскіе на столько всѣмъ извѣстны, что перечисленіе ихъ мы оставляемъ, зная по опыту силу привязанности къ его Высокопреосвященству мѣстной паствы и клира.

П. П—въ.

Политическое обозрѣніе.

Важнѣйшимъ дѣйствіемъ бордосскаго національнаго собранія было назначеніе, въ засѣданіи 17-го февраля, г. Тьера главой исполнительной власти съ правомъ вести переговоры о войнѣ и мирѣ, подъ контролемъ палаты. Назначеніе это было принято весьма благопріятно какъ во Франціи, такъ и въ иностранныхъ дипломатическихъ сферахъ. Тотчасъ по утвержденіи палаты, г. Тьера посѣтили представители Англіи и Италіи съ заявленіемъ признанія новаго правительства ихъ дворами; нѣсколько времени спустя, признаніе послѣдовало со стороны Австріи, Испаніи, Португаліи, Турціи и Швейцаріи. 19-го февраля г. Тьеръ произнесъ въ національномъ собраніи рѣчь, въ которой сказалъ, что хотя его устрашаетъ прискорбная обязанность возлагаемая на него отечествомъ, но онъ принимаетъ ее съ покорностью, преданностью и любовью, въ которыхъ страна нуждается, потому что она несчастна. «Ни въ какую эпоху своей исторіи—присовокупилъ г. Тьеръ—она не была такъ злополучна, тѣмъ не менѣе она остается великою, юною, богатою, полною средствъ; она представляетъ собою негибнущій памятникъ человѣческой силы и энергіи». Затѣмъ, прочитавъ списокъ назначенныхъ имъ министровъ (г. Дюфоръ — министръ юстиціи, г. Жюль Фавръ — иностранныхъ дѣлъ, г. Пикаръ — иностранныхъ дѣлъ, г. Жюль Симонъ — народнаго просвѣщенія, г. Ламбрехтъ — торговли: генералъ Лефло — военный, адмиралъ Потюо — морской, г. де-Ларси — публичныхъ работъ), г. Тьеръ заявилъ собранію, что необходимо положить конецъ страданіямъ страны и начать переговоры о мирѣ. По выслушаніи рѣчи г. Тьера, собраніе приняло предложеніе г. Жюля Фавра о назначеніи комиссіи изъ 15-ти членовъ въ помощь уполномоченнымъ для переговоровъ о мирѣ. Членами комиссіи назначены лица большею частію принадлежащія къ консервативной части собранія; да и вообще настроеніе палаты консервативное и монархическое, сколько можно судить по извѣстнымъ уже даннымъ. Пренія до сихъ поръ шли мирно— и если приняты были нѣкоторыя мѣры предосторожности и собраніе охранялось войскомъ и національною гвардіей, то къ этому подало поводъ слѣдующее обстоятельство. Нѣкоторые парижскіе депутаты радикальной партіи, съ г. Луи Бланомъ во главѣ, условились между собою выйдти изъ собранія, если въ немъ рѣчь зайдетъ о территоріальныхъ уступкахъ и обратиться къ народу съ объясненіемъ принятыхъ ими рѣшеній. Узнавъ объ этомъ намѣреніи, и понимая, что подобное удаленіе изъ собранія и обращеніе къ народу можетъ повести къ серіознымъ безпорядкамъ, президентъ, по прибытіи означенныхъ депутатовъ въ палату, призвалъ вооруженную силу, которая и охраняла собраніе. Мѣрой этой предупреждены были всѣ волненія, и сколько намъ извѣстно, движеніе, возбужденное было въ палатѣ запросомъ г. Келлера о территоріальныхъ уступкахъ, не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

21-го февраля гг. Тьеръ и Жюль Фавръ отправились въ Версаль, 22-го между графомъ Бисмаркомъ и г. Тьеромъ открылись переговоры, слѣдствіемъ которыхъ было продолженіе перемирія до 26-го февраля. Вслѣдъ за тѣмъ г. Тьеръ представлялся императору Вильгельму; 23-го онъ вмѣстѣ съ г. Жюлемъ Фавромъ возвратился въ Парижъ, чтобы отправиться въ Бордо для представленія національному собранію условій предположеннаго имъ мира, который, какъ сообщаютъ лондонскія телеграммы, можно считать уже заключеннымъ. Тѣ же телеграммы гласятъ, что днемъ торжественнаго вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Парижъ назначено 26-е февраля.

Что касается до условій мира, то всѣ свѣденія о нихъ до сихъ поръ ограничиваются одними болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями различныхъ газетъ, о которыхъ мы уже сообщали читателямъ, но до сихъ поръ никакихъ офиціальныхъ свѣденій по этому предмету не обнародовано. По нѣкоторымъ признакамъ, эти условія будутъ умѣреннѣе, чѣмъ предполагалось сначала; впрочемъ, Франція находится въ такомъ разстроенномъ положеніи и общее желаніе въ ней мира такъ сильно, что едва ли новое правительство Франціи и національное собраніе остановятся передъ какими бы то ни

было пожертвованіями, если только они поведутъ къ прекращенію убійственной и разорительной войны.

Мы сказали выше, что для участія въ переговорахъ о мирѣ, въ помощь гг. Тьеру и Жюлю Фавру, назначена коммиссія національнаго собранія изъ 15-ти членовъ. Съ нѣмецкой же стороны, для участія въ означенныхъ переговорахъ графъ Бисмаркъ пригласилъ государственныхъ людей прочихъ государствъ Германіи, и въ Версаль должны были прибыть (и вѣроятно уже прибыли) баварскій министръ графъ Брей, виртемберскій г. фонъ-Вехтеръ, и баденскій г. Жолли.

Въ Германіи, кромѣ заключенія мира, естественно занимающаго главнымъ образомъ газеты и общество, всѣхъ очень живо интересуетъ предстоящее собраніе перваго общегерманскаго рейхстага. Открытіе его назначено на 9 марта, но, по увѣренію нѣкоторыхъ прусскихъ газетъ, оно можетъ быть отсрочено, если миръ съ Франціей не будетъ заключенъ до тѣхъ поръ, такъ какъ императоръ Вильгельмъ предполагаетъ открыть рейхстагъ лично. Выборы въ него происходятъ дѣятельно и въ засѣданіяхъ, сколько до сихъ поръ извѣстно, примутъ участіе даже члены царствующихъ домовъ; такъ напримѣръ, представителемъ отъ Карльсруэ избранъ принцъ Вильгельмъ Баденскій, отъ Мюнхена принцъ Лудвигъ Баварскій.

Въ Австріи замѣчательнымъ событіемъ было открытіе рейхсрата, послѣдовавшее 20-го февраля. Министръ-президентъ, графъ Гогенвартъ, представляя палатѣ новое министерство, объявилъ, что цѣль новаго правительства есть возстановленіе внутренняго мира и общаго благосостоянія на основаніи конституціи, которой оно будетъ держаться неуклонно, что́ не помѣшаетъ расширенію автономіи отдѣльныхъ частей имперіи. Въ заключеніи онъ обѣщалъ представить проекты законовъ, которые будутъ содѣйствовать утвержденію прочнаго порядка и выразилъ надежду, что палата окажетъ ему надлежащую поддержку.

Разногласіе, возникшее по поводу бюджета между делегаціями австрійской и венгерской передъ закрытіемъ ихъ въ Пештѣ, устранено чрезвычайнымъ дополнительнымъ засѣданіемъ австрійской делегаціи въ Вѣнѣ, собравшейся 18-го февраля и постановившей, согласно съ опредѣленіемъ венгерской делегаціи, общій итогъ расходовъ въ 104,533,000 гульденовъ.

P. S. Сообщаемъ послѣднія телеграммы, которыя не нуждаясь въ комментаріяхъ, завершаютъ наше политическое обозрѣніе.

16 (28) февраля. — Національное собраніе имѣло сегодня открытое засѣданіе въ 4½ часа пополудни. Посреди глубокаго молчанія Тьеръ сказалъ слѣдующее. «Мы приняли на себя тяжелую задачу — мы употребили всевозможныя усилія и теперь съ сожалѣніемъ предлагаемъ на ваше обсужденіе слѣдующій проектъ закона, который мы просимъ признать безотлагательнымъ. 1 ст.: національное собраніе, подчиняясь необходимости, отвѣтственность за которую не падаетъ на него, принимаетъ предварительныя условія мира, подписанныя въ Версали 26 февраля».

При этихъ словахъ силы измѣнили Тьеру — и онъ былъ принужденъ сойти съ трибуны и выйти изъ залы засѣданія. Бартелеми Сентъ-Илеръ продолжаетъ чтеніе предварительныхъ условій. 1) Франція отказывается вполнѣ въ пользу Германіи отъ одной пятой части Лотарингіи со включеніемъ Меца и Тіонвилля, и отъ Эльзаса безъ Бельфора; 2) Франція уплатитъ 5 милліардовъ франковъ, изъ которыхъ одинъ милліардъ долженъ быть уплоченъ въ 1871 г., а остальная сумма въ продолженіе трехъ лѣтъ; 3) очищеніе начнется по ратификаціи договора. Нѣмецкія войска очистятъ тогда внутреннія части Парижа и различные департаменты, большею частью находящіеся въ восточной области. Очищеніе департаментовъ будетъ совершаться постепенно; по уплатѣ перваго милліарда и по мѣрѣ уплаты остальной суммы. Остающаяся для уплаты сумма даетъ 5%, считая со времени ратификаціи договора; 4) нѣмецкія войска воздержатся отъ всякой реквизиціи въ занятыхъ департаментахъ, но они будутъ содержаться на счетъ Франціи; 5) жителямъ отторгнутыхъ областей предоставленъ будетъ срокъ, въ который они могутъ объявить, къ какой изъ двухъ націй они желаютъ принадлежать; 6) военноплѣнные выдаются немедленно; 7) окончательные переговоры о мирѣ откроются въ Брюсселѣ по ратификаціи договора; 8) управленіе занятыхъ департаментовъ будетъ поручено французскимъ должностнымъ лицамъ, подъ начальствомъ нѣмецкихъ корпусныхъ начальниковъ; 9) настоящій договоръ не передаетъ никакого права на территоріи незанятыя; 10) договоръ подлежитъ утвержденію національнаго собранія Франціи.

11 (28) февраля вечеромъ. — Продолженіе засѣданія національнаго собранія. Послѣ того какъ членъ коммисіи національнаго собранія Бартелеми Сентъ-Илеръ прочиталъ предварительныя условія мира, онъ сообщилъ собранію актъ, регулирующій вступленіе 30,000 нѣмцевъ въ Парижъ.

Этимъ актомъ условлено, что за каждой стороной остается право объявить послѣ 3 марта перемиріе прекращеннымъ, но враждебныя дѣйствія въ этомъ случаѣ не должны начаться раньше чѣмъ по истеченіи трехдневнаго срока.

Правительство просило собраніе признать неотлагательность обсужденія предварительнаго договора.

Собраніе поступило согласно съ желаніемъ правительства и признало вопросъ о безотлагательности.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатаны слѣдующія телеграммы:

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

Версаль, 26-го февраля, 2 часа 7 мин. Съ невыразимымъ чувствомъ, и вознося благодареніе Богу, увѣдомляю Васъ, что предварительныя условія о мирѣ сейчасъ подписаны Бисмаркомъ и Тьеромъ. Эльзасъ но безъ Бельфора, нѣмецкая Лотарингія съ Мецомъ уступлены Германіи; пять милліардовъ контрибуціи будутъ уплачены Франціею; по мѣрѣ выплаты этой суммы, страна будетъ очищена въ теченіе трехъ лѣтъ. Парижъ будетъ частію занятъ до утвержденія мира Національнымъ Собраніемъ въ Бордо.

Подробности мирнаго договора будутъ обсуживаться въ Брюсселѣ. Если утвержденіе состоится, мы наконецъ достигли конца войны, столь же славной, сколько кровопролитной, объявленной намъ съ безпримѣрнымъ легкомысліемъ.

Никогда Пруссія не забудетъ, что она Вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла крайнихъ размѣровъ. Да благословитъ Васъ за это Господь!

До конца жизни Вашъ признательный другъ

«ВИЛЬГЕЛЬМЪ».

ИМПЕРАТОРУ ГЕРМАНСКОМУ, КОРОЛЮ ПРУССКОМУ.

Версаль.

С.-Петербургъ, 15 (27) февраля 1871 года. Благодарю Васъ за сообщенie подробностей о предварительныхъ условiяхъ мира и раздѣляю Вашу радость. Дай Богъ, чтобы послѣдствiемъ былъ твердый миръ. Счастливъ, что могъ, какъ преданный другъ, доказать Вамъ Мое сочувствiе. Да будетъ дружба, Насъ связывающая, залогомъ счастiя и славы нашихъ обоихъ государствъ.

«АЛЕКСАНДРЪ».

Смѣсь.

Военные трофеи нѣмецкихъ войскъ въ нынѣшнюю войну. Первыя схватки на форпостахъ, которыя были только прелюдiей къ настоящей опустошительной войнѣ, окончились для обѣихъ сторонъ очень незначительными потерями. Таковы были схватки при Грейсвелерѣ, Лудвейлерѣ, Стурцельбруннѣ и Нидерброннѣ.

Однакоже уже 2 Августа, когда пруссаками былъ сначала сданъ Саарбрюкенъ, стоило французамъ 6 офицеровъ и 67 рядовыхъ.—Послѣ Вейсенбурской битвы въ руки побѣдителей досталось одними плѣнными 30 офицеровъ и 1000 рядовыхъ, кромѣ того 4 митральезы, 15 четырефунтовыхъ, 7 восьмифунтовыхъ пушекъ; 31 повозка съ боевыми припасами, 13 обозныхъ и 14 пѣхото-патронныхъ. Въ битвѣ при Вёртѣ французы потеряли: плѣнными 6000 рядовыхъ и 100 офицеровъ, два орла, 6 митральезъ, 35 пушекъ, 42 повозки, 200 лошадей, багажъ и цѣлый лагерь на двѣ дивизiи а также два желѣзно-дорожныхъ поѣзда съ провiантомъ.

Въ тотъ же день при Шпейхернѣ, и какъ слѣдствiе этихъ обоихъ сраженiй въ слѣдующiе дни потеряли они при Рейгегафинѣ и Сааргемюнде 2500 плѣнными, 4 орудiя, 40 понтоновъ, одинъ лагерь, различные магазины въ которыхъ было 10,000 шерстяныхъ одѣялъ, 40,000 центнеровъ рису, кофе, сахару, рому, вина, сухарей, точно также какъ большое количество сапогъ, кепи, штиблетъ и запасы табаку, эти послѣднiе одни цѣнностью въ миллiонъ.—Изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, которыя сдались нѣмецкимъ войскамъ въ первой половинѣ Августа, въ Гагенау побѣдители взяли въ плѣнъ 9 офицеровъ, 103 рядовыхъ съ 80 лошадьми а также большiе запасы оружiя. Въ Лихтенбергѣ—3 офицера, 280 рядовыхъ, 7 орудiй, 200 ружей, 30,000 патроновъ, порохъ и т. д. въ Мотцельштейнѣ—ружья и боевые припасы; въ Марсалѣ—60 орудiй. Три дня битвы при Мецѣ: битва при Тiонвилѣ стоила французамъ 36 офицеровъ и 2000 рядовыхъ, при Гравелотѣ—54 офицеровъ и 3000 рядовыхъ, вообще же во всѣ три дня она потеряли ни какъ не менѣе 25,000 человѣкъ. — Схватки и сраженiя при Нуарѣ, Бомонѣ и Седанѣ до капитуляцiи этого послѣдняго отдали въ руки побѣдителей болѣе 30,000 плѣнныхъ а также большое число орловъ и орудiй. Битва при Бомонѣ стоила французамъ: 7000 плѣнныхъ, 2 орловъ, 11 митральезъ, 26 пушекъ и цѣлаго лагеря, при Седанѣ—25,000 плѣнными, 2 орловъ и 25 орудiй. Послѣ сдачи крѣпости Витри—17 офицеровъ, 850 рядовыхъ и 16 пушекъ. Капитуляцiя Седана дала побѣдителямъ—1 маршала, 39 генераловъ, 230 штабс и 2095 другихъ офицеровъ, 84,450 рядовыхъ, кромѣ того 14,500 раненыхъ, всѣ орлы плѣнныхъ полковъ, 70 митральезъ, 330 полевыхъ и 150 крѣпостныхъ орудiй и 10,000 лошадей (остатокъ войска около 14,500 человѣкъ съ пушками и обозомъ былъ обезоруженъ при переходѣ на бельгiйскую границу). Взятiе Лаона доставило плѣнными до 2,000 ч. мобилей, а также 23 пушки. Капитуляцiя Туля — 109 офицеровъ, 2,240 рядовыхъ, 120 лошадей, 1 орла, 197 орудiй изъ артиллерiйскаго металла, между ними 48 уже бывшихъ въ дѣлѣ — 3,000 ружей, 3,000 сабель, 500 кирассъ, около 200,000 порцiоновъ, а также значительное количество боевыхъ припасовъ. Паденiе Страсбурга дало пруссакамъ 450 офицеровъ, 15,000 рядовыхъ, изъ которыхъ только четвертая часть была отведена въ плѣнъ, остальные же отпущены на честное слово. Трофеями все-таки достались—1,200 орудiй, 50 локомотивовъ, 1,843 лошади, до 3,000 центнеровъ боевыхъ снарядовъ, а также большiе запасы сукна. Капитуляцiя Меца дала плѣнными болѣе 3,500 офицеровъ, 3 маршаловъ, 173,000 рядовыхъ, 2,800 орудiй и 53 орла. Всего по отчету прусскаго военнаго министерства значится, что плѣнныхъ нераненыхъ взято нѣмецкими войсками: болѣе 7,000 офицеровъ, и около 300,000 рядовыхъ — до осады Парижа.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 19 Февраля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск., д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 1—45.

№ 9. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Вэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Весною.

Словно узникъ сбросивъ цѣпи,
Отражая облака,
Въ зеленѣющія степи
Мчится бѣшено рѣка,

Разбивая ледяныя
Звѣнья сломанныхъ оковъ;
Скалы гордыя, крутыя
Поднялись у береговъ.

Не удержитъ бѣгъ свободный
Ихъ гранитная гряда,
И грызетъ какъ звѣрь голодный
Ихъ подножіе вода.

Волны, берегъ, воля, степи!
О, когда жъ изъ душной тьмы,
Я уйду, ломая цѣпи,
Не боясь моей тюрьмы.

Ты сломала эти цѣпи
И ушла отъ злыхъ людей —
Въ зеленѣющія степи
На просторъ родныхъ полей,

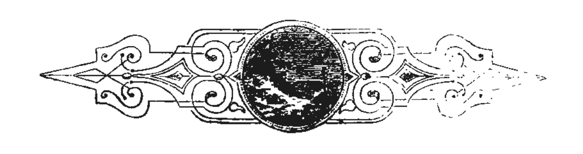
Гдѣ за далью исчезая
Тонутъ синіе лѣса
И звучатъ не умолкая
Вольныхъ птичекъ голоса.

Наливаясь зрѣютъ нивы,
А за ними до лѣсовъ—
Серебристые извивы
Говорливыхъ ручейковъ.

Поминаешь ты порою
Міръ оставленный тобой,
Съ суетливою толпою,
Съ вѣковѣчною нуждой;

Ты сломала эти цѣпи
И ушла отъ злыхъ людей,
Въ зеленѣющія степи
На просторъ родныхъ полей.

Архангельскъ. В. Н. Д.

Запорожцы.

(Историческая быль времен Екатерины Великой).

Посмертное творение Нестора Кукольника.

(Продолжение).

Кто былъ полчаса въ Бахчесараѣ, тотъ конечно уже никогда не забудетъ великолѣпной залы судилища, лучшаго остатка татарскаго владычества на полуостровѣ. Разноцвѣтныя окна разливали по обширной залѣ таинственный свѣтъ; кто знакомъ, хотя по рисункамъ, съ остатками мавританской Аль-гамбры,—съ перваго взгляда откроетъ въ потолкѣ Бахчесарайскаго Дивана необыкновенное сходство съ потолками альгамбрскими. Этотъ рѣзной потолокъ едва-ли не краше и не занимательнѣе всего дворца. Престолъ Хана, покрытый оранжевымъ сукномъ, стоялъ впустѣ, потому что Селимъ, какъ было объявлено, былъ смертельно боленъ; на табуретахъ сидѣли Калга-Султанъ, Нуръ-Эдинъ-Султанъ, Ширинъ-Бей, Муфти и другіе важнѣйшіе сановники Крыма; а на софахъ, расположенныхъ кругомъ стѣнъ и покрытыхъ сукномъ того же цвѣта, старшины изъ трехъ родовъ мурзъ и беевъ, Ширинъ, Мансуръ и Барунъ. Въ комнатѣ Язидми - ода - сы (которую назовемъ Секретарскою, ибо тутъ засѣдалъ съ своей канцеляріей Диванъ-Эффенди, или государственный секретарь) Юсуфъ, по знаку Темиръ-Аги, остался, а Ширинъ-Адиль-Шахъ-Мурза вошелъ въ диванную, преклонился предъ Муфти и двумя Султанами и сѣлъ на софѣ у стѣнки, потому что всѣ табуреты были заняты. Онъ вошелъ въ самое то время, когда Диванъ-Эффенди оканчивалъ чтеніе прокламаціи князя Василія Михайловича Долгорукова.—Чтеніе произвело разнообразное впечатлѣніе: на лицахъ многихъ Мурзъ и Беевъ сіяло удовольствіе; на другихъ напротивъ того черною тѣнью легли печаль и забота. Бахчесарай болѣе другихъ городовъ помнилъ Миниха и русскихъ; только неусыпная заботливость Керимъ Герая обратила Минихово пепелище въ цвѣтущій городъ; Бахчесарай изъ груды камней, какъ фениксъ, возродился и всталъ,—но вотъ тѣ же пушки, можетъ-быть тѣ же бомбардиры стоятъ у Перекопи, а ихъ Паша обѣщаетъ непремѣнно пожаловать въ гости въ Бахчесарай и конечно исполнитъ свое слово.... Наступила торжественная тишина. Одни думали крѣпкую думу, другіе поглядывали на рѣшетку тянувшуюся вдоль всей стѣны подъ самымъ потолкомъ залы, ибо не вѣрили смертельному недугу Селима и навѣрное полагали, что онъ преспокойно сидитъ за рѣшеткой. Минута для него была поистинѣ самая рѣшительная. Этотъ Диванъ долженъ былъ обличить тайныхъ его враговъ и приверженцевъ, и тѣ и другіе не захотѣли скрывать своего образа мыслей. Первый началъ Ширинъ-Бей, глава всѣхъ Шириновъ.

— Мое мнѣніе, сказалъ онъ рѣшительно,—коротко. Турки насъ губятъ, разоряютъ; подъ ихъ коварнымъ владычествомъ, благороднѣйшіе роды перессорились и весь край обратился въ кровавое поприще отвратительныхъ подвиговъ междуусобія. Отецъ у сына, братъ у брата, не опираясь ни на законъ, ни на преданіе, нетолько крадетъ овецъ, рабовъ, невольницъ, но даже законныхъ жонъ, невѣстъ; жизнь—это послѣднее дѣло; отнять жизнь—или разбить безнужную стклянку, это все равно. Безопасенъ только тотъ, у кого больше вѣрныхъ рабовъ и оружія. Горы наши покрыты толпами самыхъ отчаянныхъ каграмановъ (силачей), которые хуже закубанскихъ Керъ-Оглу. Нѣтъ переѣзда на два, на три часа пути—безопаснаго. Страшныя ихъ братства до того усилились, что подобно Сирійскимъ ассассинамъ угрожаютъ могущественнѣйшимъ мурзамъ и беямъ даже въ собственныхъ ихъ Сераяхъ. Давно ли Хаджи-Оглу Чатыръ-дагскій спустился среди бѣла дня въ долину Алушты и каграманъ его изъ гарема Мухаметъ Герая похитилъ на глазахъ отца и всѣхъ гражданъ алмазъ Крыма, несравненную Фатьму, и говорятъ....

За рѣшеткою вверху кто-то неосторожно пошевельнулся—и зала судилища огласилась громкимъ хохотомъ Мурзъ и Беевъ. Ширинъ-Бей сохранилъ однако же свою важность и продолжалъ:

— И говорятъ, будто Фатьма отослана въ Константинополь, въ даръ султану...

— Неправда! она въ гаремѣ у Селима!.. закричали нѣкоторые Ширины.

— Неправда! громче всѣхъ закричалъ Адиль-Шахъ:—я ручаюсь, что ее нѣтъ въ Бахчесераѣ.

— Такъ ли, иначе ли, перебилъ Ширинъ-Бей:—но положеніе наше нестерпимо. Никто не хочетъ, никто не можетъ унять этихъ и тому подобныхъ неистовствъ. Уши слугъ падишаха залиты крымскимъ золотомъ; мы должны, если имѣемъ силу, стряхнуть подлое турецкое ярмо сами,—а если нѣтъ, то просить сосѣда, и могущественнаго и великодушнаго...

— Который уже отнялъ у насъ, перебилъ Барунъ Измаилъ-Бей,—и Буджакъ и степь очаковскую...

— За нашу преданность Турціи, возразилъ Ширинъ-Бей.

— Мой совѣтъ: отложиться отъ Стамбула и просить покрова славной, мудрой и великодушной сосѣдки.

— А сколько ему заплатили за этотъ совѣтъ? спросилъ кто-то изъ Мансуровъ. Ширины схватились съ мѣстъ, но Бей посмотрѣлъ на своихъ грозно и продолжалъ:

— Всѣ вы молоды, дѣти, чтобы упрекать въ измѣнѣ, а тѣмъ болѣе за деньги, дряхлаго старца, который трижды отказалъ падишаху, занять это мѣсто...

И Ширинъ-Бей указалъ на оранжевый стулъ ханскій.

— Вѣрьте мнѣ, оно и теперь не занято.

— Умолкни, хулитель дерзкій! раздалось у самаго угла, и оттуда выскочилъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, красивой наружности...

— Умолкни Мансуръ-Юсуфъ-Мурза! Ты—юноша. Ты пригожъ и красивъ, но на твоемъ мѣстѣ я не хвасталъ бы преданностію къ Селиму. Тутъ—Диванъ, совѣтъ старшихъ и мудрѣйшихъ; тутъ можетъ говорить только заслуга добытая мечомъ или гражданской доблестью, а твои заслуги Юсуфъ совершаются въ Кодакѣ Керимъ Герая, за что ты ему отвѣтишь на томъ свѣтѣ...

Поднялась суматоха; но Ширинъ-Бей возвысилъ голосъ—и всѣ утихли.

— Перестаньте шумѣть! Я говорю правду непріятную, не съ тѣмъ чтобы заводить ссоры, а съ тѣмъ чтобы обдумать совмѣстно и обсудить зрѣло мѣры, какія намъ еще остаются къ спасенію славы и чести Менгли-гераевой державы. Не будемъ себя обманывать. Глубокъ ровъ Перекопскій; Оръ-Бей доблестенъ и могучъ; войска у насъ, если бы соединить наше разномысліе, набралось бы до ста тысячъ, мы могли бы можетъ-быть выдержать одну войну. Но намъ предстоитъ дѣло съ народомъ настойчивымъ и могущественнѣйшимъ; съ воинствомъ, обыкшимъ къ трудамъ войны и побѣдамъ; съ полководцами испытанными; наконецъ, съ правительницей мудрой, владѣющей нетолько волею, но сердцами многихъ милліоновъ, а эта власть несокрушима и борьба покроетъ насъ стыдомъ, а поля и горы пепломъ городовъ и селеній нашихъ. Повторяю, мой совѣтъ: пошлите сказать визирю русскому, что мы отлагаемся отъ Стамбула, предаемъ себя покровительству великой нашей сосѣдки,—и война потухнетъ въ самомъ началѣ...

— И дворцы, и сады, и стада Ширинъ-Бея уцѣлѣютъ, и...

— Да чтó тутъ толковать! Война и смерть гяурамъ!..

— Слушайте, безумцы...

Но уже никто не слушалъ благоразумнаго старца... Волненіе сдѣлалось общимъ; даже многіе Ширины, особенно изъ молодыхъ, требовали войны... Калга-Султанъ, братъ и намѣстникъ ханскій, предсѣдательствовавшій въ Диванѣ, желалъ ли и самъ войны или исполнялъ приказаніе Селима, наблюдавшаго за рѣшоткой за направленіемъ умовъ, всталъ съ своего мѣста и объявилъ войну...

— Не одобряю, но повинуюсь! сказалъ Ширинъ-Бей, подымаясь съ своего мѣста,—повѣрьте, что на рву Перекопскомъ первые въ защиту вашу встанутъ благородные Ширины.

— Не всѣ!.. подумалъ Адиль-Шахъ, презрительно улыбаясь.

— Диванъ конченъ!.. сказалъ кто-то, вѣроятно боясь, чтобы не отложили войны. Но Диванъ-Эффенди объявилъ про Юсуфа и два каныхалка ввели Юсуфа, котораго самъ Муфти едва узналъ; такъ рука Мурдоулатова измѣнила его физіономію. Онъ упалъ и распростерся на коврахъ Дивана. Всѣ, хотя и неохотно, усѣлись на мѣста. Калга-Султанъ позволилъ говорить Юсуфу—и тотъ, приподнявъ только голову, сказалъ недовольно твердымъ голосомъ:

— Звѣзды міра, и ты невидимое, но всевидящее солнце наше! Врагъ лютый, и вѣроятно подкупленный врагами сильнѣйшими, Хаджи-Оглу, черный волкъ Чатыръ-Дага, съ цѣлымъ стадомъ волковъ и хищныхъ звѣрей, скрывается въ Техіе, въ садахъ Менгли-Герая, на самомъ порогѣ Бахчесерая, поджидая ночи!

— Вотъ вамъ и гости, сказалъ Ширинъ-Бей съ печальною улыбкой,—неслыхано невидано, чтобы толпа каграмановъ посягала на жизнь и достояніе жителей столицы нашихъ Хановъ...

— Воистину неслыхано и невидано, продолжалъ Юсуфъ лежа,—старшіе волки его безнаказанно ходятъ не только по базару и переулкамъ, но Чатыръ-Бея я поймалъ въ Ханъ-Сераѣ у самой гаремной калитки...

— Онъ вѣрно привезъ другую Фатьму!.. сказалъ кто-то, и общій смѣхъ закипятилъ желчь Селима; но онъ побоялся обнаружить безсильный гнѣвъ свой и только искалъ черезъ рѣшетку глазами того, дерзкаго, кто возбудилъ этотъ общій хохотъ.

— Не смѣйся, звѣзда неизвѣстная, продолжалъ Юсуфъ, не измѣняя положенія:—ты не знаешь, переживешь ли эту ночь. Я подслушалъ разговоръ его съ другимъ волкомъ, кажется Гассанъ-Беемъ... Хаджи-Оглу пришелъ съ тѣмъ чтобы ночью напасть на Бахчесарай, и пользуясь тѣмъ, что теперь всѣ знаменитѣйшіе мужи отъ всѣхъ трехъ племенъ—въ сборѣ, вырѣзать всѣхъ до единаго и возсѣсть самому на этомъ стулѣ, на который я даже и смотрѣть не смѣю.

Наступило молчаніе. Многіе не вѣрили донесенію Эффенди Юсуфа; другіе были поражены дерзостію Хаджи-Оглу и предстоявшею опасностію—къ этому числу принадлежалъ и самъ ханъ. Терпѣніе его истощилось, а страхъ отнялъ благоразуміе. Онъ закричалъ черезъ рѣшетку:

— Чего же медлите? долго ли храбрымъ витязямъ добѣжать до предмѣстья Техіе и захватить эту страшную шайку разбойниковъ?..

— Покажи дорогу, Селимъ Герай! произнесъ тотъ же голосъ. Опять всѣ разсмѣялись. Селимъ чуть не выломалъ рѣшетки, такъ ему хотѣлось увидѣть оратора; но, къ досадѣ Хана, тотъ сидѣлъ у самыхъ дверей въ секретарскую, такъ-сказать подъ ногами Селима.

— Схватите преступника! закричалъ Селимъ, потрясая рѣшеткою...

— Кусается! отвѣчалъ другой голосъ:—да вотъ онъ и самъ! Потолкуй съ нимъ; авось помиритесь!

— Никогда! сказалъ Адиль-Шахъ, выходя на средину Дивана и ставъ лицомъ къ рѣшеткѣ.—Благороднѣйшій цвѣтъ благословеннаго края, любимцы славнаго и величайшаго изъ государей, великолѣпнаго Керимъ-Герая! Хаджи-Оглу пришелъ не за нами, а за деньгами, которыя еще не заплочены за Фатьму! Вамъ извѣстно, что Фатьма была невѣстой благороднаго моего друга Шагинъ-Герая, естественнаго наслѣдника ханскаго престола. Ханы наши, властители надъ жизнію и достояніемъ подданныхъ, брали женъ и наложницъ, не спрашиваясь у ихъ родственниковъ; имѣли на то право—и никто не роптал. Но еще не было примѣра, чтобы Ханъ воровалъ женщинъ у своихъ родныхъ и близкихъ; воровалъ, говорю я, потому, что Селимъ-Герай не устыдился вступить въ союзъ съ Мурдоулатъ-Чатыръ-Беемъ, волкомъ Чатырдагскаго стада, который и принесъ ему блестящую астру, нѣжное сердце Шагинъ-Герая, несравненную Фатьму... И тутъ Селимъ поступилъ противу обычая Шириновъ, не заплативъ за услугу...

— Свяжите его! Подайте его сюда! кричалъ въ бѣшенствѣ Селимъ съ тайника своего... Но никто и не думалъ повиноваться; всѣ ждали чѣмъ кончится этотъ необыкновенный Диванъ.

— Намъ не бояться Хаджи-Оглу! продолжалъ Адиль-Шахъ покойно:—Мы сядемъ на коней и уѣдемъ;—не догонитъ; а въ Балаклаву милости просимъ кого бы то ни было. Да и тебѣ, Селимъ Герай нечего бояться; ты только и ждешь удобнаго часа, чтобы бѣжать въ Кефу... Ты уже отправилъ туда всѣхъ женъ своихъ, наложницъ, невольницъ; сокровища твои, любимѣйшіе юноши, деньги, камни, даже золото и финифть со стѣнъ Керимъ-Гераева Кодака и Палаты цареградской—уже за Салгиромъ. Все знаемъ, Селимъ Герай,—одного не знаемъ только, какіе корабли нанять, для того чтобы отвезти въ Стамбулъ Хана крымскаго съ его гаремомъ и сокровищами...

— Его ужъ нѣтъ за рѣшоткой!...

— Онъ уйдетъ отъ насъ!

Не только Ширины, но и враждебные имъ Беи и Мурзы взволновались измѣной хана. Какъ будто условясь, всѣ бросились изъ залы суда, чтобы не выпустить изъ рукъ Селима; даже братья его, Калга и Нурединъ султаны, притворно или искренно раздѣлили общее негодованіе и пошли вмѣстѣ съ другими на верхъ. Въ залѣ суда остались только Адиль-Шахъ да на полу лежалъ, прижавъ лицо къ ковру, какъ мертвый, Эффенди... Адиль-Шахъ спокойно вынулъ кошелекъ, отсчиталъ сорокъ червонцевъ, положилъ у самаго уха неподвижно лежавшаго Юсуфа и вышелъ въ фонтанную. Тамъ ожидалъ его Темиръ-Ага.

— Благодарю тебя, Адиль-Шахъ! дай обнять себя! Ну, одно сдѣлано! второе дѣло труднѣе...

— Тѣмъ веселѣе! Прощай!

— Не прощай, а до свиданія!... Ступай за мной! Я проведу тебя ближайшимъ путемъ къ твоей Сайгѣ, которая, думаю, не мало о тебѣ безпокоится...

— Ты смѣешься, а я поистинѣ точно такъ думаю безъ шутокъ.

(Продолженіе будетъ).

Общественная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ.

II. Тихоокеанская желѣзная дорога въ Сѣверной Америкѣ.

10 мая 1869 года въ Сѣверной Америкѣ была открыта Тихо-океанская желѣзная дорога, которая соединила такимъ образомъ Атлантическій океанъ съ Великимъ. Размѣры и длина этой дороги необычайны, что можно себѣ уяснить, представивъ, что разстояніе между Бостономъ въ Массачузетсѣ и Сан-Франциско въ Калифорніи такъ же велико какъ разстояніе между Петербургомъ и Енисейскомъ у насъ въ Россіи, и что изъ Нью-Іорка въ Сан-Франциско нѣсколько дальше чѣмъ изъ Нью-Іорка черезъ Атлантическій океанъ въ Суатамптонъ въ Англіи. Когда дорога была только-что открыта—путешествіе изъ Нью-Іорка продолжалось восемь сутокъ; въ настоящее же время этотъ же самый путь, который имѣетъ въ длину 3366 англ. миль или 5019 русскихъ верстъ, проѣзжаютъ въ 7 иногда же въ 6 сутокъ.

«Въ то время когда я хотѣлъ сдѣлать путешествіе по этой дорогѣ—разсказываетъ одинъ путешественникъ—дорога эта была у всѣхъ на очень худомъ счету, такъ что «Trawelers Insurance Compagnie» *), въ которомъ я черезъ нѣсколько дней послѣ моего прибытія въ Соединенные Штаты застраховался на всѣ случаи (исключая смерти), не приняло на себя страхованіе въ данномъ случаѣ моей личности—не смотря на то, что я даже соглашался платить за это двойную премію.

На станціи желѣзной дороги Омаги, за нѣсколько часовъ до отхода поѣзда, кипитъ самая оживленная дѣятельность и жизнь.

Огромные омнибусы, запряженные въ четыре лошади, привозятъ изъ-за Миссури, изъ Консилъ-Флувса, а также и многочисленныхъ гостинницъ Омаги, тысячи путешественниковъ. За ними слѣдуетъ цѣлый рядъ тяжело-нагруженныхъ багажемъ тѣлегъ и повозокъ различнаго рода—и все тянется и спѣшитъ къ воксалу. Кромѣ того въ воксалѣ (или какъ его въ Америкѣ называютъ: депо) находятся еще сотни провожающихъ своихъ родственниковъ и друзей. Но, несмотря на огромное число путешественниковъ, между которыми часто замѣчаются очень оригинальныя, часто очень суровыя фигуры, не смотря на огромные чемоданы и громадный багажъ переносимый сотней рукъ, несмотря на все это, здѣсь вы не встрѣтите той суматохи, бѣготни, непріятнаго крику, той лихорадочной возбужденности, какія приходится видѣть на нашихъ дорогахъ. Въ кассѣ, а также и въ багажной экспедиціи нѣтъ ни малѣйшей давки. Пріѣзжающіе изъ другихъ мѣстностей имѣютъ уже готовые билеты съ другихъ желѣзныхъ дорогъ; живущіе же въ городѣ еще за день запаслись ими въ многочисленныхъ конторахъ дороги. По всей Америки существуетъ прекрасный и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ справедливый обычай, по которому билетъ дѣйствителенъ до тѣхъ поръ, пока его не употребили—хотя бы даже черезъ годъ, а не такъ какъ у насъ, гдѣ билетъ остается дѣйствительнымъ только на извѣстный означенный на немъ поѣздъ. Отправка багажа тоже идетъ чрезвычайно быстро и просто, при чемъ за вѣрность доставки ручается общество. Взвѣшиваніе вещей, на которое требуется такъ много времени, производится здѣсь относительно рѣдко—и то только въ тѣхъ случаяхъ когда путешественникъ, кромѣ ручнаго чемодана какой угодно тяжести (который онъ беретъ съ собою въ вагонъ) и еще кромѣ ста фунтовъ даровой перевозки, беретъ съ собою еще болѣе значительныя тяжести. Ящики и чемоданы никогда не портятся различными наклеенными ярлыками, а перевязываются кожаными ремнями, на одномъ концѣ которыхъ находится мѣдная марка съ означеніемъ нумера, общества которому принадлежитъ дорога, а также и мѣста куда назначается вещь. Другая такая же марка передается путешественнику. Сколько у него ящиковъ—столько онъ и получаетъ марокъ или «чековъ». На маркахъ, которыя онъ получаетъ, намѣренно поставленъ только одинъ нумеръ, а не означено мѣсто отправленія вещи, потому что въ случаѣ ея потери для нашедшаго и незнающаго мѣстаотправленія, она совершенно безполезна. Кромѣ того, въ Америкѣ принято за отправку вещей никогда не давать «на чай». Всѣ эти въ высшей степени практическія распоряженія имѣютъ слѣдствіемъ то, что отправленіе поѣзда никогда не замедляется—и онъ отходитъ въ назначенную минуту. Желательно было бы, чтобы и на нашихъ дорогахъ были сдѣланы хотя нѣкоторыя попытки вышесказанныхъ учрежденій, которыя, облегчая трудъ служащихъ, избавляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ путешественника отъ очень частыхъ и непріятныхъ столкновеній.

Вагоны, въ которыхъ Общество перевозитъ своихъ многочисленныхъ пассажировъ, чрезвычайно удобны и роскошны, и по единодушному отзыву строители ихъ заслуживаютъ полнѣйшей признательности. Даже и для курящихъ—вагоны эти устроены лучше чѣмъ на другихъ американскихъ дорогахъ. Вагонъ для курящихъ въ Америкѣ—это первый въ который садятся путешествующіе; его можетъ найти каждый даже не спрашивая и прикрѣпляется онъ обыкновенно позади багажнаго. Никто изъ

*) Общество страхованія жизни пассажировъ.

Торговый баркасъ на Дунаѣ.

нашихъ русскихъ путешественниковъ, даже самыхъ прихотливыхъ и богатыхъ, не можетъ доставить себѣ тѣхъ мелкихъ удобствъ и развлеченій, какія представляются здѣсь самому послѣднему изъ путешественниковъ».

«Чѣмъ далѣе на западъ подвигались мы—разсказываетъ тотъ же путешественникъ—тѣмъ болѣе и болѣе находили комфорту, который здѣсь стараются увеличить все новыми и замысловатыми изобрѣтеніями.

Американскіе вагоны или «каръ», какъ ихъ здѣсь называютъ, нѣсколько отличны отъ нашихъ. Они несравненно длиннѣе и выше, и не имѣютъ (какъ наши) дѣленія на классы. Кромѣ того здѣсь не существуетъ почтовыхъ и пассажирскихъ поѣздовъ, скорость ихъ всегда одинакова. Въ серединѣ вагона находится проходъ, отъ котораго направо и налѣво помѣщаются скамьи для сидѣнья. Далѣе: каждый изъ вагоновъ имѣетъ двѣ большія платформы, такъ что, несмотря ни на какую скорость поѣзда, можно всегда безопасно переходить изъ одного вагона въ другой. Набитыя шерстью скамейки, которыя можно перекидывать и впередъ и назадъ, были бы вполнѣ удобны, если бы спинки ихъ были немного повыше.

Въ каждомъ вагонѣ находится еще сосудъ съ постоянно-свѣжей холодной водой, къ которому прикрѣпленъ на цѣночкѣ небольшой стаканъ. Водой этой каждый пользуется безплатно. Кромѣ того, въ углу находится отгороженное мѣсто, которое даетъ очень пріятную возможность въ случаѣ нужды на болѣе долгое или короткое время избѣгнуть любопытныхъ взглядовъ. Это отгороженное мѣсто, надъ которымъ на другихъ американскихъ дорогахъ значится «для дамъ», здѣсь помѣченъ довольно страннымъ именемъ «Saloon», что̀ собственно означаетъ буфетъ. Зимою каждый вагонъ отапливается двумя печками, которыя дѣйствительно, въ случаѣ соскальзыванія поѣзда съ рельсъ, могутъ быть очень опасны.

Во время самой ѣзды можно всегда получить сигары, различныя сладости (санду), фрукты (апельсины, яблоки и фиги), даже иногда кофе и чай; кромѣ того, всѣ новѣйшіе газеты, романы, повѣсти и др. книги—и все это въ большомъ выборѣ.

При каждомъ поѣздѣ находятся нѣсколько Пульмановскихъ спальныхъ вагоновъ, которые отличаются крайнею роскошью и удобствомъ. Безъ этихъ вагоновъ было бы очень трудно сдѣлать заразъ, не повредивъ здоровью, путешествіе изъ Бостона или Нью-Іорка въ Сан-Франциско,—путешествіе, которое переносится теперь очень легко даже самыми нѣжными дамами. Въ одномъ такомъ вагонѣ, постройка котораго стоитъ отъ 18,000—20,000 рублей, легко могутъ помѣститься отъ 40—50 человѣкъ, при чемъ кровати такъ же хороши какъ въ лучшихъ отеляхъ. Хотя кровати эти и подвѣшиваются одна подъ другую, такъ же какъ и корабельныя, однакоже отличаются отъ этихъ послѣднихъ тѣмъ, что гораздо шире (именно двуспальныя), и тѣмъ, что по желанію могутъ быть превращены въ очень удобное сидѣнье. Верхнія кровати, когда наступаетъ день и надобность въ нихъ минуется, такъ искусно сравниваются съ стѣнами, что неопытный глазъ не заподозритъ существованія ихъ на этомъ мѣстѣ. Полъ съ неизбѣжными плевальницами (Spittoons) покрываютъ великолѣпные ковры, а по стѣнамъ развѣшаны очень изящныя зеркала. Герметически-закрывающіеся двойныя рамы и жалюзи избавляютъ путешественника отъ пыли, вѣтра, или слишкомъ палящихъ солнечныхъ лучей, между тѣмъ какъ превосходно-устроенная вентиляція постоянно освѣжаетъ и очищаетъ воздухъ. Утромъ каждый имѣетъ возможность, въ особенныхъ отдѣленіяхъ, мыться и приводить въ порядокъ свой туалетъ.

Какъ ни прекрасны эти Пульманскіе вагоны, однако же они не могутъ выдержать ни малѣйшаго сравненія съ другими вагонами того же самаго изобрѣтателя, которые носятъ названіе «летучихъ отелей». Такой вагонъ, длиною 55 футовъ и 12 ф. шириною, на 12 колесахъ (при чемъ нужно замѣтить что постройка его стоитъ 30,000 рублей), заключаетъ въ себѣ полную гостинницу: залъ, спальню, кухню, погребъ, два таинственныя отдѣленія «для дамъ»—и можетъ вмѣстить до 25 персонъ. Такой вагонъ можетъ нанять только болѣе или менѣе многочисленное общество путешественниковъ, при чемъ платятъ 130 р. въ день; тутъ же имѣется и хорошій поваръ съ необходимымъ персоналомъ и принадлежностями, который по заказу можетъ приготовить что̀ угодно.

Обществу путешествующихъ только сто́итъ прицѣпить свой «летучій отель» къ любому изъ поѣздовъ, и оно можетъ—такъ же спокойно какъ у себя дома—изъѣздить Соединенные Штаты по всѣмъ направленіямъ.

Но такъ какъ подобныхъ вагоновъ не много, то обыкновенный поѣздъ принужденъ дѣлать до трехъ остановокъ, минутъ по двадцати, чтобы дать время пассажирамъ пообѣдать. Вслѣдствіе чрезвычайно-практическаго распоряженія—и это на первый взглядъ незначительное время чрезвычайно достаточно для утоленія даже самаго волчьяго аппетита. Минутъ за пятнадцать или двадцать до прибытія поѣзда на станцію, гдѣ будутъ обѣдать, кондукторъ извѣщаетъ объ этомъ, такъ что каждый можетъ приготовиться и справить все необходимое. Какъ только поѣздъ пришелъ на станцію, слуга, большею частію изъ цвѣтныхъ, даетъ знать, что обѣдъ начинается; при этомъ онъ или звонитъ просто въ колоколъ или бьетъ въ тамтамъ. По близости отъ входа въ обѣденную залу, раставлены длинными рядами жестяные умывальники, мыло и полотенца—которыми каждый можетъ пользоваться по желанію. Кто не успѣлъ занять первымъ умывальника, а вода въ немъ уже грязна, тотъ долженъ самъ постараться добыть себѣ свѣжей, находящейся тутъ же недалеко.

Первые вошедшіе въ столовую садятся не на переднія мѣста, а (что̀ само собою понятно) на самыя отдаленныя отъ входа. На столѣ виднѣются нетолько прекрасная и тонкая скатерть и посуда, но и цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ кушаній. Тутъ можно найти рыбу, котлеты, дичь, различныя жаркія, овощи, молочныя и мучнистыя кушанья а также различные сорта хлѣба. Передъ каждымъ приборомъ находится чашка. Ледяная вода, безъ которой американецъ не садится за столъ, имѣется и здѣсь. Въ то время какъ всѣ разсѣлись и каждый выбираетъ кушанья, по своему вкусу и ѣстъ много или мало, слуги разносятъ въ большихъ кувшинахъ чай и кофе и предлагаютъ желающимъ тотъ или другой. Молока, въ первыя недѣли по открытіи дороги, нельзя было достать ни на одной станціи. Такъ какъ въ Америкѣ не принято пить за обѣдомъ что̀ нибудь изъ спиртныхъ напитковъ, то за обѣдомъ и не увидишь ни одной бутылки вина. Впрочемъ желающіе могутъ достать на нѣкоторыхъ станціяхъ (далеко не на всѣхъ) пиво или водку—да и то за очень большія деньги, такъ что за стаканъ мерзѣйшаго пива нужно заплатить болѣе двадцати-пяти копѣекъ. Тоже самое и съ сигарами, са-

мая дешевая штука которыхъ стоитъ тоже не менѣе 25 копѣекъ. Каждый обѣдавшій за общимъ столомъ— ѣлъ ли онъ при этомъ мало или много, выпилъ ли одну или нѣсколько чашекъ кофе,—долженъ платить одну и ту же сумму отъ 1—$1^1/_2$ доллара (отъ 1 р. 50 к. 2 р.), которую онъ и отдаетъ при выходѣ изъ столовой. Завтракъ стóитъ часто дороже нежели обѣдъ, и совершенно справедливо, потому что первый бываетъ часто обильнѣе и лучше, чѣмъ послѣдній. Въ Соединенныхъ Штатахъ повсюду принято завтракать тотчасъ же по пробужденьи—и завтракъ при этомъ бываетъ очень плотный. На Западѣ отъ Миссури, для того чтобы человѣку быть здоровымъ, считаютъ необходимымъ ѣсть по крайней мѣрѣ три раза въ день; впрочемъ всѣ эти трапезы ни чѣмъ не отличаются одна отъ другой, ибо даже за такъ-называемымъ обѣдомъ не подается обыкновеннаго супа.

Въ какихъ только, часто очень странныхъ, лачугахъ и хижинахъ не приходилось мнѣ обѣдать, съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ прекрасный воксалъ въ Ларами! Столовыя часто помѣщались въ простыхъ палаткахъ или наскоро-сколоченныхъ баракахъ, причемъ вмѣсто стульевъ служили жесткія скамьи. Впрочемъ черезъ два мѣсяца, когда я возвращался обратно по тому же пути, я вездѣ нашелъ приличныя помѣщенія и вмѣсто скамеекъ хорошіе стулья.

Но такъ какъ не всѣ въ состояніи платить такія большія деньги за свое ежедневное пропитаніе, потому что одинъ уже проѣздъ стоитъ не дешево,—то люди устраиваются иначе и берутъ съ собою всякую провизію въ такомъ количествѣ, что ея вполнѣ достаточно на 7—8 сутокъ путешествія.

Съ нами ѣхала одна дама съ двумя дѣтьми, старшему изъ которыхъ, дѣвочкѣ, было едва только восемь лѣтъ. Одна ѣхала изъ Чикаго къ своему мужу, который находился въ шахтахъ за нѣсколько тысячъ верстъ отсюда,— и теперь, благодаря своему неусыпному и успѣшному труду, могъ снова свидѣться съ своими близкими. Дама эта, которой обѣдъ въ общей залѣ обошелся бы слишкомъ дорого, везла съ собою цѣлый транспортъ жаркаго и живности, хлѣба, сухарей и прессованнаго молока а также все необходимое изъ посуды: тарелки, чашки, ложки и т. д. Помощію маленькой спиртовой лампы она кипятила воду, которая, какъ это уже было упомянуто выше, всегда находится въ вагонѣ, и потомъ приготовляла чай или кофе; сидѣнье служило столомъ, на которомъ разстилалась бѣлая скатерть и разставлялись тарелки съ подогрѣтымъ кушаньемъ.

Было истинно пріятно видѣть, какъ эта прекрасная американка, съ своими прекрасно-воспитанными дѣтьми, управлялась всѣмъ этимъ, нисколько не отягощая и не нарушая покоя другихъ, самымъ практическимъ образомъ пользуясь всѣми удобствами дороги и сберегая при этомъ очень большую сумму денегъ.

Черезъ нѣсколько дней путешествія—и на этой дорогѣ случилось тоже, чтó бываетъ при всѣхъ долгихъ путешествіяхъ: путешественники начали ближе знакомиться между собою, сообщая другъ другу свои цѣли и нѣкоторыя подробности прожитаго,—и такимъ образомъ разнообразили и дѣлали поѣздку менѣе скучной.

Торговый баркасъ на Дунаѣ.

Рейнъ и Дунай—двѣ культурно-историческія рѣки, гордыя своимъ прошедшимъ, полныя жизни въ настоящемъ и которыхъ конечно ожидаетъ не менѣе славное будущее. Воспѣваемый въ германскихъ сагахъ, звучащихъ съ высоты ихъ прелестныхъ, покрытыхъ виноградниками береговъ, Рейнъ—предметъ восторга и для туристовъ, которые не могутъ отвесть глазъ отъ его зеленыхъ, усѣянныхъ городами, замками и крѣпостями прибережій. Папа-Рейнъ, вдохновенный нѣмецкій поэтъ пока онъ не достигнетъ нидерландскихъ береговъ, превращается въ осмотрительнаго, практическаго человѣка, въ флегматически-бредущаго «Минъ-Гера», теряетъ даже свое первичное нѣмецкое имя, и окончательно исчезаетъ въ мелководномъ мірѣ голландскихъ торгашей.

А Дунай? Въ славянскихъ пѣсняхъ онъ—то же что Рейнъ у нѣмцевъ. Его тоже, стараго Дуная, тянетъ, подобно брату его Рейну, «вдаль». И вотъ онъ уходитъ изъ своего медіатизированнаго «тѣснаго отечества»,—но не въ лайковыхъ перчаткахъ и не въ лакированныхъ сапожкахъ, а въ видѣ отважнаго, безпечнаго, добраго мóлодца, бросающаго взгляды на право и на лѣво. Твердо и почти разсудительно проходитъ онъ уютную Баварію, любуется въ нынѣшней Австро-Венгріи на утесы и горы, на высотахъ и въ пропастяхъ которыхъ онъ разсказываетъ свои добродушныя, часто веселыя саги и достигаетъ такимъ образомъ, при колокольномъ звонѣ, несущемся съ высокихъ монастырей и церквей, веселой Вѣны, лежащей среди покрытаго виноградниками холма. Далѣе минуетъ блестящій Пештъ и царственный Офенъ, сердясь на болотистые или пустынные скалистые берега, пока не отворятся «желѣзные ворота» и его не пригласятъ войдти въ царство Магомета. Тутъ на его блестящіе влагою глаза падаетъ тяжелое облако скорби. Онъ разрывается—и собравъ всѣ свои силы, бросается своими разрозненными членами, всѣмъ существомъ своимъ, въ родныя волны Чернаго моря.

Я люблю Дунай. Часто я плавалъ изъ Регенсбурга въ Вѣну по его волнамъ, не какъ отважный Леандръ, а со всѣмъ тѣмъ спокойствіемъ и комфортомъ, какіе можетъ доставить пароходъ. Рекомендую всѣмъ вообще путешественникамъ этотъ способъ ѣзды—и кто послѣдуетъ моему совѣту, тотъ конечно поблагодаритъ меня; кто же не послѣдуетъ — ну, пусть тотъ такъ и остается. Случилось мнѣ впрочемъ испытать и тутъ маленькую непріятность. Лѣтъ за десять передъ этимъ, во время моей послѣдней поѣздки на востокъ, я собрался ѣхать на пароходѣ изъ Вѣны внизъ по Дунаю къ Черному морю, какъ вдругъ, совершенно неожиданно пароходъ получилъ приказаніе оставаться дома и отдыхать до весны изъ уваженія къ ноябрскому льду.

Этимъ же лѣтомъ мною овладѣло страстное желаніе побывать, передъ отъѣздомъ, въ Венгріи. Но вмѣсто того чтобы ѣхать на пароходѣ, мнѣ вздумалось съѣздить такъ какъ ѣздили въ прежнее время. Осмотрѣвъ астернское, эслингское и ваграмское поля сраженій, я отправился съ тою же цѣлью на островъ Лобау. Тутъ стояло на Дунаѣ неуклюжее судно — венгерскій дощаникъ — нагруженное золотою пшеницею, которую оно везло изъ мадьярскихъ низменностей въ столицу. А на слѣдующій день это судно, устроенное на подобіе Ноева

ковчега, должно было возвратиться домой, везя съ собой все нужное для Венгріи и *пассажировъ*. Этимъ послѣднимъ было уже объявлено, что только «знатные» поѣдутъ за деньги, а люди низшаго класса должны платить работою, насчетъ чего имъ и слѣдуетъ условиться съ «капитаномъ» — потому что какъ ни мало походилъ онъ на капитана, но все же это былъ капитанъ. Я предложилъ себя въ пассажиры «перваго класса» и былъ принятъ.

Не далѣе какъ на слѣдующій же день я очутился на «бортѣ» и даже хозяиномъ маленькаго уголка для спанья (съ соломой и «покрываломъ»—мохнатой лошадиной попоной) «подъ палубой» или, лучше сказать, подъ крышею досчанаго дома, вмѣстѣ съ большею частью экипажа. Судно плыло внизъ по рѣкѣ, слѣдовательно по теченію, при помощи четырехъ колоссальныхъ веселъ, которыми управляли, болтая, распѣвая и куря четырежды шестнатцать молодыхъ и старыхъ мадьяръ. Я постараюсь теперь указать вамъ на тѣ особенно характеристическія черты венгерской національности, которыя обнаруживаются въ прилагаемомъ при семъ рисункѣ. На полу-шляпки, полу-шапки, которыя носятъ вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ европейскія дамы, мы уже довольно наглядѣлись; этотъ оригинальный способъ убирать себѣ голову—мы могли бы рекомендовать и нашимъ щеголямъ, еслибъ только у нихъ были такіе же огненные темные глаза и такое же изобиліе черныхъ кудрявыхъ волосъ на головѣ, какъ у мадьяръ. Что же касается до тѣхъ мужественно-сильныхъ фигуръ, которыя наполняли судно, то тѣ изъ нихъ, которые были въ обшитыхъ шнурками короткихъ и обтяжныхъ панталонахъ, принадлежали къ болѣе или менѣе зажиточнымъ классамъ—то были своего рода аристократы; собственно же чернь составляли безрукавные, полутурецкіе камзолы, рубашки и болтающіеся шаровары. Въ довершеніе ко всему этому я прибавлю еще, что подлѣ моего ложа «подъ палубою», но не подъ крышею, расположились двѣ мадьярскія щеголихи съ плутовскими смугло-цыганскими личиками, ни чуть не уступавшія феямъ берлинскаго придворнаго театра количествомъ и качествомъ своего наряда, принадлежавшаго къ числу тѣхъ «разоблаченій» которыя нисколько не противны глазамъ мужчинъ.

Но я, какъ вижу, начинаю становиться нескромнымъ, поэтому-то и замолчу. Съ устройствомъ мадьярскаго корабля и даже его пассажирами, включая сюда же и пассажирокъ, я познакомилъ, хотя и поверхностнымъ образомъ, читателей. Кто захочетъ болѣе основательнаго знакомства съ ѣздою по Дунаю—тому мы совѣтуемъ отправиться въ Вѣну и розыскать тамъ моего мадьярскаго капитана корабля. Его зовутъ Эрвари, и если вы захотите расположить его къ себѣ и вызвать ласковую улыбку на его лицѣ съ длинными черными усами, то вы прибавьте только къ его имени слово «Урамъ»,—Эрвари Урамъ т. е. господинъ Эрвари. Вѣжливость никогда не помѣшаетъ, даже и въ отношеніи мадьярскаго капитана.

Переходъ арміи Бурбаки за Швейцарскую границу.

Корреспондентъ «Аугсбургской Всеобщей Газеты» сообщаетъ слѣдующія чрезвычайно-интересныя подробности касательно французской восточной арміи и генерала Бурбаки.

«*Моргесъ* (Кантонъ Вадтъ). 15 февраля. Одинъ изъ адъютантовъ генерала Бурбаки, г. Х., останавливавшійся здѣсь на нѣсколько дней, сообщилъ мнѣ чрезвычайно-интересныя подробности касательно покушенія на самоубійство генерала Бурбаки.

Потерпѣвъ нѣсколько пораженій со стороны генерала Вердера, вслѣдствіе которыхъ генералъ Бурбаки отступилъ въ Безансонъ, онъ узнаетъ, что генералъ Мантейфель перерѣзалъ ему дорогу къ возвращенію назадъ. При этомъ извѣстіи несчастный генералъ вскричалъ: «если со мною случится несчастіе, я назначаю своимъ преемникомъ генерала Кленшана!»

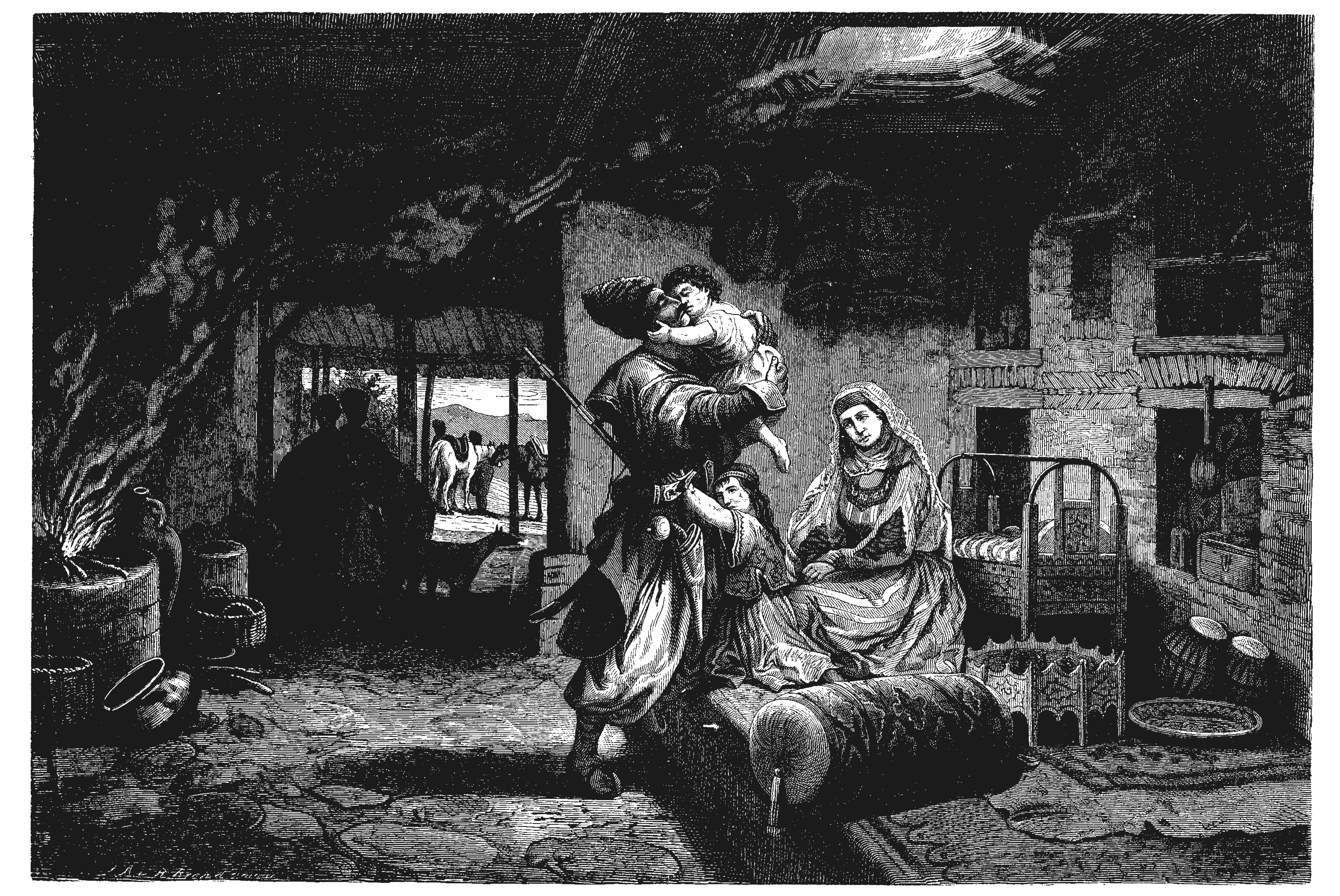
Доведенный до отчаянія жалкимъ состояніемъ своей арміи и тѣми противорѣчащими и безразсудными депешами, которыя онъ получалъ ежедневно отъ Гамбетты, (какихъ впрочемъ и слѣдовало ожидать отъ адвоката, попавшаго въ военные министры) онъ былъ въ такомъ мрачномъ настроеніи духа, что за него нельзя было не бояться. Поэтому-то офицеры его штаба и старались удалять отъ него, по мѣрѣ возможности, оружіе.

Въ пятницу, 27 января онъ опять получилъ письмо отъ Гамбетты, въ которомъ этотъ послѣдній писалъ ему, что его считаютъ измѣнникомъ, какъ это случилось уже съ нѣсколькими генералами. «Въ Бордо забываютъ», сказалъ онъ комкая отъ, волненія рукой письмо, «что у меня въ этой 80,000-й арміи только 35,000 солдатъ, а остальные не могутъ идти въ дѣло!» Онъ удалилъ отъ себя подъ разными предлогами офицеровъ своего штаба; одинъ только г. Х., который только-что возвратился, исполнивъ какое-то порученіе, остался въ передней комнатѣ. Бурбаки пошелъ въ комнату одного изъ отсутствовавшихъ офицеровъ, взялъ тамъ заряженный пистолетъ и спряталъ его къ себѣ подъ подушку. Къ вечеру онъ написалъ нѣсколько писемъ—и приводилъ еще въ порядокъ бумаги, когда къ нему вошелъ старшій докторъ. Они оба сѣли у камина и поговорили нѣсколько времени. Докторъ, замѣтившій волненіе генерала, посовѣтывалъ ему успокоить себя на нѣсколько часовъ сномъ. «Вы правы, докторъ; а вы, не пойдете ли и вы отдохнуть»?

«Я лучше останусь здѣсь у огня, если только вы позволите, генералъ».

Бурбаки легъ въ постель и задернулъ у кровати занавѣсы. Вскорѣ послѣ этого докторъ услышалъ выстрѣлъ; въ ужасѣ подбѣжалъ онъ къ кровати и раздернулъ занавѣсы.. «Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось убить себя», сказалъ Бурбаки, не потерявшій ни на одну минуту сознанія. Приготовляясь выстрѣлить, онъ облокотился рукою на край кровати, а дуло пистолета приставилъ къ виску, но вмѣсто того чтобы попасть прямо въ високъ, пуля скользнула на нѣсколько дюймовъ вверхъ и потомъ уже вошла въ голову.

Г. Х., который сію же минуту поспѣшилъ туда, получилъ отъ генерала порученіе ѣхать въ Бордо за г-жей Бурбаки и привести ее въ Безансонъ. Прибывъ въ Бордо, адъютантъ услыхалъ, что генеральша уже уѣхала. Г. Х. хотѣлъ возвратиться въ Безансонъ, гдѣ онъ оставилъ свое оружіе, своихъ лошадей и свою поклажу,—но онъ опоздалъ. Безансонъ былъ уже окруженъ пруссаками.

Выѣздъ грузинскаго князя на охоту.

Отступленіе 80,000-й французской восточной арміи, сдавшейся въ плѣнъ швейцарцамъ, займетъ въ исторіи страницу, которая будетъ возбуждать и удивленіе и состраданіе, а вмѣстѣ съ этимъ исторія не забудетъ также и того самоотверженія, съ которымъ честные швейцарцы помогали этимъ несчастнымъ. Несчастіе изглаживаетъ различіе національностей — французъ ли, нѣмецъ ли, что за дѣло до этого—ихъ принимаютъ какъ братьевъ.

Когда офицеръ, исполнявшій при генералѣ Кленшанѣ должность ординарца, отправился вечеромъ 30 января въ Верьеръ, чтобы сообщить генералу Герцогу намѣреніе своего начальника сдаться швейцарцамъ со всею арміею,—онъ нашелъ только полковника Рилье, не имѣвшаго никакихъ другихъ приказаній кромѣ того чтобы оберегать границу и сохранять во что бы то ни стало неприкосновенность нейтральной области; этотъ послѣдній увѣдомилъ сейчасъ же швейцарскаго генерала, который утромъ 31 былъ уже въ Верьерѣ и имѣлъ свиданіе съ французскимъ главнокомандующимъ.

Кленшанъ до такой степени спѣшилъ подписать договоръ, по которому его армія дѣлалась плѣнною, что онъ едва оставилъ генералу Герцогу время, для того чтобъ навести надлежащія справки о количествѣ военнаго матеріала.

Говорятъ, что Кленшанъ убѣжалъ изъ Майнца, гдѣ онъ былъ военноплѣннымъ, и что, боясь быть пойманнымъ и разстрѣленнымъ пруссаками, онъ заключилъ договоръ съ крайнею поспѣшностью.

Швейцарское народонаселеніе не имѣло ни малѣйшаго предчувствія касательно этого договора, заключеннаго такимъ неожиданнымъ образомъ, какъ вдругъ совершенно внезапно нашъ маленькій мирный оазисъ наводнился, словно саранчею, 80,000-ами голодныхъ и оборванныхъ людей, не считая жалкихъ лошадей. Одной только кавалеріи генерала Кремера, составлявшей авангардъ, удалось уйти во Францію, заклепавши и бросивши пушки; но вся его пѣхота за исключеніемъ двухъ полковъ, которые были въ состояніи достигнуть Жекса, была вынуждена броситься въ лѣса горы Ризу, чтобы спуститься оттуда въ Ваадтъ.

Что касается до арміи, послѣдовавшей за генераломъ Кленшаномъ, она раздѣлилась передъ фортомъ Жу на три отдѣленія и вошла въ Швейцарію черезъ Верьеръ, Фуръ и Жунь. Сколько погибло этихъ несчастливцевъ при переходѣ черезъ Юру, въ особенности же на горѣ Ризу, покрытой на семь футокъ снѣгомъ,—это мы узнаемъ только весною, когда солнце растопитъ этотъ снѣжный саванъ и освѣтитъ всѣхъ этихъ мертвецовъ.

Я не могу читать тѣхъ многочисленныхъ объявленій въ нашихъ газетахъ, которыя, словно предсмертный крикъ, проникаютъ прямо въ сердце и въ которыхъ просятъ свѣденій касательно сотенъ французскихъ солдатъ,—безъ того, чтобъ мнѣ не пришла на умъ мысль: бѣдные родители, жены и дѣти! тѣ, которыхъ вы ищете съ такою ревностію, лежатъ тамъ въ бѣлыхъ ледяныхъ горахъ». Даже швейцарскіе уроженцы считаютъ переходъ черезъ Ризу невозможнымъ если въ это время идетъ снѣгъ. Пограничнымъ сторожамъ, которые проводятъ на этой горѣ зиму, приходится очень часто выходить изъ своихъ домиковъ черезъ трубу,—и проходятъ цѣлые мѣсяцы, прежде чѣмъ они получатъ возможность спуститься въ долину Жу. Къ счастію—высокая снѣжная покрышка такъ сильно замерзла въ началѣ февраля, что была въ состояніи сдержать тѣхъ, кто пускался по этой дорогѣ, или по крайней мѣрѣ предохранить ихъ отъ окончательнаго погруженія въ снѣгъ. Офицеры прокладывали на лошадяхъ дорогу черезъ эти снѣжныя массы, а уже за ними шли, одинъ за другимъ, солдаты.

Что вытерпѣли въ этомъ походѣ эти бѣдные люди, безъ чулокъ, въ разорванныхъ, сшитыхъ изъ картона башмакахъ, или и вовсе босые, съ израненными и перемерзшими, гноящимися ногами, до крайности истощенные голодомъ и мученьями (не говоря уже о тѣхъ, которые легли на дорогѣ) — этого не въ состояніи описать никакое перо. Этотъ ужасный переходъ черезъ Ризу, начавшійся въ полночь и продолжавшійся 14 мучительныхъ часовъ, велъ черезъ такіе негостепріимныя, погребенныя въ снѣгу лѣсистыя мѣстности, что даже волки, управляемые инстинктомъ, не посмѣли бы пройти ихъ.

Дорога изъ Верьера была въ конецъ испорчена артиллеріею и экипажами и покрыта черною грязью, происшедшею отъ брошенныхъ тутъ французами патроновъ. Швейцарскія войска составляли по обѣимъ сторонамъ дороги живой заборъ; а то отдѣленіе войска, которое вошло въ Швейцарію черезъ Верьеръ и въ которомъ было около 45,000 человѣкъ, бросало свое оружіе и патронташи на краю дороги.

Въ теченіи трехъ дней, впродолженіи которыхъ длилась эта процессія, тутъ возвышались горы ружей, сабель, пистолетовъ и патронташей, между которыми приходилось идти, какъ бы по узкому переулку.

Тамъ, гдѣ стояли на бивакахъ французскія войска, кора на деревьяхъ была до значительной вышины обглодана проголодавшимися лошадьми. Бѣдныя животныя вездѣ искали себѣ корму; даже величественный букъ, на которомъ была надпись: «я стою здѣсь съ 1560 года», не былъ пощаженъ ими, такъ-что и онъ, послѣ трехсотлѣтняго существованія, дошелъ теперь до конца своего жизненнаго поприща и умретъ вмѣстѣ съ другими, такимъ же образомъ поврежденными деревьями. Но не одни деревья да пушечныя колеса (sic) были обглоданы лошадьми; онѣ объѣли другъ у дружки гривы и хвосты, и цѣлыя сотни ихъ лежали мертвыми на дорогѣ.

Теперь позвольте мнѣ разсказать вамъ еще нѣсколько эпизодовъ, которыхъ я былъ очевидцемъ.

31 января я находился вмѣстѣ съ тремя французскими дамами на станціи желѣзной дороги, для того чтобъ доставить, по обыкновенію, пищу и теплое платье проходящимъ здѣсь почти ежедневно раненымъ, которыхъ выпустили изъ госпиталей. Четырехъ-часовой поѣздъ долго заставилъ ждать себя и пришолъ цѣлымъ часомъ позже. Этому поѣзду повидимому не было и конца; за однимъ вагономъ слѣдовалъ другой, и изъ всѣхъ нихъ выглядывали блѣдные, исхудалые отъ голода солдаты, которые полнымъ отчаянія голосомъ просили у насъ ѣсть и пить. Тутъ было больше чѣмъ 400 раненыхъ и больныхъ изъ арміи Бурбаки, прибывшихъ изъ Понтарлье. Мы ничего еще не знали о переходѣ этой арміи въ Швейцарію, а также и о томъ, что французское посольство въ Бернѣ получило позволеніе отправить черезъ Швейцарію своихъ раненыхъ во Францію. Сотни и сотни голосовъ умоляли о кускѣ хлѣба, о каплѣ воды, о парѣ чулокъ, и т. п. И всѣ эти руки протягивались къ намъ съ мольбою. Какія оборванныя, грязныя фигуры, какія больныя изможденныя лица слѣдили жадными глазами за каждымъ изъ нашихъ движеній! Одни только тюркосы не потеряли и тутъ—среди этого ужаснаго бѣд-

ствія—своего восточнаго спокойствія и разсматривали насъ молча. Наши маленькіе запасы были истощены въ одно мгновеніе ока: это была капля, упавшая на горячій камень. Я стоялъ совсѣмъ назади, у послѣдняго вагона, когда услышалъ слабый голосъ: «ради Бога, дайте мнѣ немного выпить, я умираю отъ жажды.» Это былъ совершенно молодой солдатъ, прижимавшій къ раненой груди руку. У меня не было больше вина—и я побѣжалъ къ стоявшей ближе всѣхъ ко мнѣ дамѣ. Но и она тоже только-что опорожнила свою послѣднюю бутылку; она дала мнѣ палочку шоколаду, я поспѣшилъ возвратиться къ раненому и подалъ ее ему вмѣстѣ съ нѣсколькими сигарами, послѣдними оставшимися у меня. Онъ покачалъ головою и повторилъ, устремивъ на меня полный отчаянія взглядъ: «о, ради Бога, достаньте мнѣ хоть нѣсколько капель вина.» Я побѣжалъ къ двумъ другимъ дамамъ и внѣ себя вскричалъ: «одинъ бѣдный солдатъ вонъ тамъ, который тяжело раненъ, умираетъ отъ жажды, мнѣ нужно для него вина.» «Ступайте въ буфетъ», сказала одна изъ нихъ, чрезвычайно взволнованная всѣми этими ужасными бѣдствіями, которыя представлялись нашимъ взорамъ, «мы беремъ тамъ все, что найдемъ, а платимъ послѣ!» Сказано, сдѣлано. Мы схватили первые приглянувшіяся намъ бутылки, закричали буфетчику, чтобъ онъ записалъ все за нами—и я сталъ искать глазами моего бѣднаго раненаго, проходя мимо вагоновъ. Когда я открылъ его, я отвернулся, чтобы не видать всѣхъ тѣхъ несчастныхъ лицъ, которыя молили меня принести имъ вина. Увидя меня, онъ нагнулся впередъ, протянулъ руку — и какъ освѣтилось лицо его, когда я подалъ ему вино! «Merci, oh, mille fois merci!» Я поспѣшно возвратился въ буфетъ, мы брали одну бутылку за другою, а потомъ дошла очередь и до тортовъ, пастетовъ, яблочныхъ пироговъ, пока не осталось ничего съѣстнаго. Бѣдные, полумертвые отъ голода, холода и истощенія, люди, которые въ теченіи нѣсколькихъ недѣль не ѣли ничего порядочнаго, кинулись на это какъ голодные волки.

Я держалъ въ рукѣ блюдо и разрѣзалъ на бѣгу, возвращаясь къ вагону, послѣдній пирогъ, когда увидалъ въ одномъ открытомъ вагонѣ двухъ солдатъ, которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, ничего еще не получили, а супротивъ ихъ—лежавшаго на скамейкѣ раненаго. У него была обвязана голова, такъ что его шапка едва держалась на ней. Я предложилъ пирогъ двумъ сидящимъ солдатамъ, но къ величайшему моему удивленію они вѣжливо отказались отъ него. Я роздалъ его въ другомъ вагонѣ—и опустивъ почти машинально руку въ карманъ плаща, для того чтобы согрѣть ее, нашелъ тамъ одну изъ тѣхъ шерстяныхъ, красивыхъ фуражекъ, которыя вяжутъ здѣшнія дамы и которыя извѣстны подъ именемъ *passe-montagne*. Я побѣжалъ въ открытый вагонъ. «Не хотите ли эту фуражку?» спросилъ я у перваго изъ сидѣвшихъ тамъ.—«Отдайте ее, пожалуйста, нашему бѣдному товарищу, что лежитъ тамъ; онъ тяжело раненъ.»

Я въ одну минуту взошелъ въ вагонъ, снялъ съ него его шапку и потихоньку надѣлъ на него шерстяную фуражку; но опуская его на подушку, я въ испугѣ вздрогнулъ, мои пальцы коснулись холоднаго какъ ледъ лба, раненый открылъ на минуту тяжелыя вѣки и съ благодарностью посмотрѣлъ на меня. Я только по выходѣ оттуда замѣтилъ, что попалъ въ вагонъ перваго класса и что бѣдный молодой человѣкъ былъ офицеръ. Въ эту минуту подали знакъ къ отъѣзду—и изъ всѣхъ вагоновъ раздались слова благодарности; всѣ замахали шапками. Остановка продолжалась не долѣе 10 или 15 минутъ. Когда поѣздъ исчезъ и мы остались одни на площадкѣ среди безмолвнаго зимняго ландшафта, при наступающихъ сумеркахъ, то можно было подумать, что эта поразительная картина несчастія, нарисованная кровавыми красками войны,—одна только ужасная мечта,

День спустя къ намъ прибыли первые 800 плѣнныхъ. Какое это было печальное зрѣлище! На нихъ были разорванные грязные мундиры, у большей части изъ нихъ не было ни рубашки, ни чулокъ; люди едва могли идти, опираясь на палки; израненыя, измерзшія ноги были обуты въ совершенно изорванные башмаки; по всѣмъ рядамъ слышался сухой, отрывистый кашель. А между тѣмъ тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе пострадали, были оставлены въ пограничныхъ мѣстностяхъ. Все это произвело на меня такое тяжелое впечатлѣніе, что въ слѣдовавшее за этимъ воскресенье (5 февраля) мнѣ чудилось, какъ будто бы призывавшіе насъ на молитву колокола звучали въ нашемъ строгомъ кальвинистскомъ городѣ совсѣмъ не такъ какъ прежде, потому-что церковь служила мѣстомъ ночлега для раненыхъ. Всѣ спѣшили помочь имъ. Самыя знатныя дамы перевязывали имъ раны и ходили за больными. На нихъ цѣлый день шьютъ и вяжутъ; а тѣхъ изъ нихъ, которые безграмотны, учатъ даже читать. Имъ позволяютъ ходить по городу и отъ нихъ не слыхали еще ни одного грубаго или неприличнаго слова; ихъ скромное и добропорядочное поведенье выше всякой похвалы—и они самымъ трогательнымъ образомъ благодарятъ за все, что дѣлаютъ для нихъ.

Недавно одинъ изъ нихъ, диктуя мнѣ спѣшное письмо къ своей матери, сказалъ мнѣ: «Не пишите ей, пожалуйста, что я такъ много страдалъ, это можетъ огорчить ее; вы знаете, что издали все кажется намъ хуже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; напишите ей только, что мнѣ теперь совсѣмъ хорошо и что у меня «*bonne mine*». Я посмотрѣлъ на его поблѣднѣвшее и похудѣвшее отъ истощенія лицо.....

Не могу сказать того же объ офицерахъ. Они, напротивъ того, страшно мнѣ не нравились. Это были большею частью дородные люди, на видъ порядочные кутилы, въ дорогихъ шубахъ, которые курили отличнѣйшія сигары и съ величайшимъ равнодушіемъ смотрѣли на бѣдственное положеніе своихъ солдатъ. Въ гостинницахъ они приказывали приносить себѣ самыя дорогія французскія вина и самые лучшіе сыры; ни швейцарскія вина, ни швейцарскіе сыры не удовлетворяли ихъ избалованному вкусу. А между тѣмъ въ то время, какъ они пировали, очень часто въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ находились раненые и больные солдаты, у которыхъ не было ни одного су, для того чтобъ купить себѣ самое необходимое. Я никогда не видалъ, чтобы солдаты кланялись которому-нибудь изъ этихъ господъ, а также, чтобъ и они оказали какую бы то ни было, хотя бы даже самую ничтожную помощь или выразили какое бы то ни было сочувствіе этимъ бѣднымъ людямъ. Въ нихъ нѣтъ и слѣда той отеческой заботливости, съ какой относятся обыкновенно къ своимъ солдатамъ нѣмецкіе офицеры.

Число офицеровъ, распредѣленныхъ по различнымъ кантонамъ, простирается до 1,788 человѣкъ, а число унтеръ-офицеровъ и солдатъ до 79,989 человѣкъ».

Нельзя не порадоваться, что заключеніе мира прекращаетъ наконецъ эти ужасы,—правда миръ далеко не почетенъ и отнюдь не выгоденъ для одной изъ воевавшихъ сторонъ, но... худой миръ все-таки лучше доброй ссоры.

Что такое 5 милліардовъ франковъ?

Слѣдующая таблица наглядно показываетъ, что́ такое 5 милліардовъ франковъ, которые Францiя должна выплатить Германіи за военныя издержки.

5 милліардовъ франк. по 8 зильбергрошей (считая на таллеры). . . . . =	$5,000,000,000 \times 8$	= 40,000,000,000 зибельгр.
	$\frac{40,000,000,000}{30}$	= 1,333,333,333 рейхстал. (по прус. курсу) 10 зибельгр.
1 таможенный фунтъ серебра = 27 прусск. рейхст., слѣдовательно . . . . =	$\frac{1,333,333,333\frac{1}{3}}{27}$	= 49,382,715. 63 тамож.*) фун. серебра.
1 пудъ = 32. 76 таможеннымъ фунтамъ слѣдовательно вышеприведенное число . . . . . =	$\frac{49,382,715.63}{32,76}$	= 493,827. 1563 тамож. ц. сер. = 1,504,357. 623 пудовъ серебра.
На вагоны въ 200 таможен. центнер. клади . =	$\frac{493,827.1563}{200}$	= roto 2,470 вагоновъ серебра.
или на вагоны въ 600 пудовъ клади . . . =	$\frac{1,504,357.623}{600}$	= roto 2,507 » »
1 прусск. кубич. футъ серебра вѣситъ 654 таможенныхъ фунта; слѣдовательно . . . . . =	$\frac{49,382,715.63}{654}$	= 75,508. 735 кубическ. фут. серебра.
Это составило бы бревно изъ чистаго серебра въ 12 дюйм. ширины и 12 дюйм. вышины, или въ 1 квадратный футъ въ поперечномъ разрѣзѣ; оно имѣло бы слѣдующую длину . . . . =	$\frac{75,508.736}{3,500}$	= больше чѣмъ въ $21\frac{1}{2}$ версту.
или на сажени по 49 кубическ. фут. (дровяная сажень) . . . . =	$\frac{75,508.736}{49}$	= 1,541 сажень серебра.
или на кубическія сажени, представленныя въ видѣ параллелипипеда въ 1 квадратную сажень въ поперечномъ разрѣзѣ . . . . =	$\frac{1,541}{7}$	= 220 саж., почти $\frac{1}{2}$ вер. длины.

Если же представить это въ видѣ глыбы другихъ размѣровъ, то получится глыба серебра 200′ длиною и 30′ шириною, $12\frac{1}{2}'$ вышиною.

Если же замѣнить серебро золотомъ, то составится слѣдующее:

Такъ какъ таможенный фунтъ заключаетъ въ себѣ 457 прусск. рейхсталер., то получится =	$\frac{1,333,333,333\frac{1}{3}}{457}$	= 2,917,578. 74 фунта золота.
или такъ какъ 1 пудъ равняется 32. 76 таможеннымъ фунтамъ. . . . . =	$\frac{2,917,578.74}{32.76}$	= 29,175. 7874 тамож. цент. зол. = 89,059. 18 пудамъ золота.
на вагоны въ 200 таможенныхъ фунт. клади. =	$\frac{2,917,578.74}{200}$	= $145\frac{1}{2}$ вагонамъ золота.
Такъ какъ прусск. кубическ. футъ вѣситъ 1,204 таможенныхъ фунта . . . . =	$\frac{2,917,578.74}{1,204}$	= 2,423. 238 кубич. фут. золота.

Это составитъ бревно изъ чистаго золота въ 1 квадратный футъ въ поперечникѣ около $\frac{3}{4}$ версты длины:

или на сажени (дровяныя сажени) . . . . =	$\frac{2,423.283}{49}$	= $49\frac{1}{2}$ саженямъ.

Если же представить въ видѣ глыбы другихъ размѣровъ, то получится глыба золота въ 20′ длины, 12′ ширины, 11′ вышины, что̀ составило бы большую комнату.

Профессоръ Константинъ Егоровичъ Маковскій.

Въ прошломъ 1871 году, помѣстивъ на страницахъ «Нивы» два рисунка профессора К. Е. Маковскаго, изъ которыхъ первый (Іоаннъ III и татарскіе послы) составляетъ оригинальное произведеніе, предназначенное исключительно для нашего журнала, а второй — копію съ извѣстной картины «Гулянье на Адмиралтейской площади во время масляницы» исполненную самимъ авторомъ, — мы обѣщали читателямъ портретъ и обзоръ художественной дѣятельности нашего уважаемаго сотрудника.

Не многимъ художникамъ, въ первую пору ихъ развитія, выпадаетъ на долю такая счастливая обстановка, какою окружено было самое дѣтство К. Е. Маковскаго. Онъ родился 1839 г. іюня 20 въ Москвѣ, въ зданіи кремлевскихъ теремовъ, гдѣ отецъ его, бухгалтеръ Мо-

*) Крайнія къ правой рукѣ цифры, отдѣленныя точками, означаютъ доли данной единицы въ десятичныхъ дробяхъ.

сковской Дворцовой Конторы, занималъ казенную квартиру—и будучи страстнымъ поклонникомъ живописи, рано возбудилъ въ сынѣ любовь къ этому совершеннѣйшему изъ образовательныхъ искусствъ. Еще ребенкомъ ознакомился будущій живописецъ съ картинными галлереями Европы по превосходнымъ гравюрамъ отцовской коллекціи. Въ лѣтнее время, посѣщая съ отцомъ живописныя окрестности Москвы, Константинъ Егоровичъ постоянно бралъ съ собою альбомъ—и по указанію знатока-любителя набрасывалъ карандашомъ съ натуры эскизы пейзажей, сценки народнаго быта и проч. Въ домѣ Маковскихъ постоянно собирался музыкальный кружокъ, въ которомъ дѣятельнѣйшее участіе принимала сама хозяйка, мать Константина Егоровича, замѣчательная пѣвица. Еще бóльшее вліяніе на развитіе таланта молодаго художника оказывалъ постоянный посѣтитель и другъ отца его, знаменитый Тропининъ, открывшій Константину Егоровичу доступъ въ свою мастерскую, когда Маковскій лѣтъ 12-ти вступилъ въ Московское Училище Живописи и Ваянія. Маститый портретистъ передавалъ юношѣ высшіе пріемы живописи и многолѣтнюю опытность въ техникѣ, составленіи красокъ и проч. Вскорѣ, послѣ первыхъ успѣховъ въ рисованіи, Константинъ Егоровичъ познакомился съ Горавскимъ, который, будучи проѣздомъ въ Москвѣ изъ Петербурга, увлекъ молодаго Маковскаго разсказами объ Академіи Художествъ и легкости достиженія серебряныхъ медалей, а также и окончанія курса. Переселеніе было рѣшено — и шестнадцатилѣтній Маковскій прибылъ въ Петербургъ, представилъ свои эскизы, рисунки, портретъ отца, былъ принятъ въ Академію и быстро прошелъ серебряныя медали. Но вслѣдъ за тѣмъ появились и первые тернія художественнаго поприща. При писаніи программы на вторую золотую медаль—возникли непріятности между молодымъ художникомъ и однимъ изъ профессоровъ, которыя хотя и разрѣшились извиненіемъ со стороны послѣдняго, но тѣмъ не менѣе отозвались въ дальнѣйшей академической карьерѣ Маковскаго. Только три года спустя, именно въ 1862 г., получилъ онъ вторую медаль за картину «Смерть дѣтей Бориса Годунова». На первыя же двѣ программы «Исцѣленіе слѣпыхъ» и «Харонъ перевозящій души» было даромъ потрачено время и трудъ. Программы на первую золотую медаль не состоялось вовсе, такъ какъ воспитанники, желая придать болѣе самостоятельности своимъ произведеніямъ, просили о разрѣшеніи имъ свободнаго выбора темы для программы, въ чемъ имъ было отказано. Поэтому Маковскій, въ числѣ прочихъ, довольствуясь званіемъ художника, на которое давала ему право вторая золотая медаль, покинулъ Академію и вмѣстѣ съ товарищами положилъ начало С.-Петербургской Артели Художниковъ.

Еще въ Академіи, въ послѣднее время передъ выходомъ, по заказу И. М. Толстаго Маковскій написалъ, для русскаго посольства въ Лондонѣ портретъ Императора Александра Николаевича, при чемъ Государь благоволилъ дать краткій сеансъ молодому художнику въ Зимнемъ Дворцѣ—и впослѣдствіи удостоивъ высокаго посѣщенія мастерскую Маковскаго, остался доволенъ сходствомъ портрета.

Профессоръ Константинъ Егоровичъ Маковскій.

Рисовалъ В. Маковскій, гр в. К. Вейерманъ.

По выходѣ же изъ Академіи безъ золотой медали (слѣдовательно безъ надежды на отправленіе за-границу) Маковскій вознамѣрился посвятить себя портретной живописи—и первый портретъ (Муравьева-Амурскаго), написанный имъ въ эту эпоху, составилъ такую репутацію молодому портретисту, что онъ не могъ уже болѣе отдавать свое время артели художниковъ — и окончательно предался работамъ въ собственной мастерской. Изъ болѣе замѣчательныхъ произведеній этой поры назовемъ портретъ г-жи Громовой, графини Ржевусской съ маленькой дочерью, графини С. Л. Строгоновой, И. М. Толстаго по заказу С. С. Полякова и наконецъ портреты К. П. фона Кауфмана, доставившій Маковскому званіе академика.

Какъ въ академіи, такъ и по выходѣ изъ нея, Константинъ Егоровичъ не переставалъ работать и въ другихъ родахъ живописи. Бездна разнообразнѣйшихъ этюдовъ (до пейзажа включительно), головки пастелью и масляными красками, хорошо знакомыя жителямъ Петербурга и раскупаемыя на расхватъ любителями, множество жанровъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: Странникъ, Разговоръ по хозяйству, Выговоръ и Замерзающіе дѣти—такова масса произведеній, накопленныхъ плодовитымъ художникомъ за это время усиленныхъ трудовъ и возникающей славы.

Переходомъ же отъ портретной живописи и блестящимъ переломомъ въ художественной карьерѣ Маковскаго является извѣстное нашимъ читателямъ «Гулянье на Адмиралтейской площади во время масляницы»—картина пріобрѣтенная Государемъ Императоромъ, и доставившая автору званіе профессора, на которую слѣдуетъ смотрѣть какъ на попытку отдѣлаться отъ академическаго классицизма и свести въ одно цѣлое всѣ отдѣльные этюды изъ народнаго быта, плоды постояннаго изученія русской жизни. Заканчивая этою картиною нашъ краткій обзоръ дѣятельности К. Е. Маковскаго, мы не можемъ не выразить нашей увѣренности въ дальнѣйшихъ успѣхахъ, ожидающихъ почтеннаго профессора въ будущемъ, судя по тѣмъ достоинствамъ, которыми отличается послѣднее его произведеніе.

Некрологъ Александра Николаевича Сѣрова,

составленный Іосифомъ Рубинштейномъ.

Вслѣдъ за неожиданной и внезапной кончиной художника, котораго оплакиваетъ и еще болѣе будетъ оплакивать впослѣдствіи русское искусство, было помѣщено въ послѣднее время, въ лучшихъ газетахъ нашей столицы нѣсколько некрологовъ, гдѣ Сѣрову отдаютъ бóльшую или меньшую справедливость за его энергическіе и успѣшные труды. Но увеличить число этихъ некрологовъ еще однимъ—дѣло не лишнее, такъ какъ заслуги этого художника не встрѣчали себѣ надлежащей оцѣнки при его жизни, — и онъ могъ находить — необходимое для своей безкорыстной художнической дѣятельности и своихъ неутомимыхъ трудовъ—поощреніе почти въ одной только симпатіи къ нему многочисленной русской публики,—симпатіи, проявленія которой были очевидны и которая должна была служить ему самою лучшею наградою.

Дѣйствительно, русскій оперный стиль, созданный Сѣровымъ (и объ которомъ онъ высказался напримѣръ въ своемъ предисловіи къ либретто «Рогнѣды»), долженъ былъ возбудить самую сильную симпатію въ сердцахъ русскаго народа. Такъ какъ у насъ уже было нѣсколько природныхъ русскихъ композиторовъ оперъ (въ томъ числѣ и Глинка), появленіе которыхъ—лучшее доказательство музыкальныхъ способностей русскаго народа,—то явилась необходимость, для русскихъ художниковъ, оставить когда-нибудь чисто-музыкальную точку зрѣнія, и вооружившись богатымъ литературнымъ образованіемъ, соединить въ своихъ сочиненіяхъ искусство звуковъ съ искусствомъ драматическаго вымысла, и при томъ не тѣмъ неудачнымъ (потому неудачнымъ, что онъ противуестественъ) образомъ, какъ это дѣлается въ итальянскихъ операхъ, но согласно съ трудноисполнимымъ правиломъ Рихарда Вагнера, т. е. отведя *первое* мѣсто *тексту*, а *музыкѣ—второе*. Такимъ образомъ, задумавъ оперу, Сѣровъ начиналъ заниматься самой драмой, правдоподобіемъ характеровъ, поэтически вѣрнымъ развитіемъ содержанія, а тамъ уже (поручивъ составленіе словеснаго текста кому-нибудь другому) сочинялъ онъ музыку, которая всегда находилась у него въ прямой, естественной связи съ либретто. Подобная опера конечно очень разнилась отъ итальянскихъ, такъ высоко цѣнимыхъ многими любителями, или отъ модныхъ мейерберовскихъ оперъ, для вытѣсненія которыхъ или покрайней мѣрѣ для уменьшенія успѣха которыхъ творенія Сѣрова могутъ быть превосходнымъ средствомъ, потому что эти послѣднія имѣютъ двойную выгоду: они *національны* и истинно художественны. Покойный композиторъ составлялъ совершенную противуположность съ «итальянцами», высказывалъ это во всякое время, —и кто имѣлъ случай говорить съ нимъ на эту тему, тому легко было открыть (по тѣмъ порывамъ истинно святаго гнѣва, которые овладѣвали имъ въ то время), что всѣ его воззрѣнія, вся его система направлены совершенно въ противуположную сторону. И такъ недолима была убѣдительная сила краснорѣчія и его діалектики, что даже самые завзятые поклонники итальянцевъ должны были вполнѣ обратиться, по крайней мѣрѣ на нѣсколько минутъ, къ воззрѣніямъ пылкаго приверженца вагнеровой школы. Такимъ остался покойный до послѣдней минуты своей жизни; разсказываютъ, что не болѣе какъ часа за два до смерти онъ съ чувствомъ радостнаго возбужденія говорилъ о предполагаемомъ своемъ сотрудничествѣ въ одномъ большомъ нѣмецкомъ журналѣ, гдѣ онъ выступилъ бы въ качествѣ «русскаго композитора и вагнериста».—Достоинства Сѣрова какъ *критика* и *музыкальнаго писатели* вполнѣ оцѣнятся русскою публикою, когда будетъ издано полное собраніе его сочиненій по этой части. Между ними одинъ уже разборъ «девятой симфоніи» Бетховена заслуживаетъ величайшаго вниманія, такъ какъ даже за границею найдется очень мало такихъ дѣльныхъ сочиненій объ этомъ глубокомъ и трудно-понимаемомъ твореніи.

О личности Сѣрова и о ея привлекательныхъ свойствахъ—всякій кто только имѣлъ счастье быть съ нимъ знакомымъ сохранитъ на всегда неизгладимое воспоминаніе; кто слышалъ, какъ онъ, напр. передавалъ содержаніе своей «Вражьей силы»—тотъ никогда не забудетъ того художественнаго впечатлѣнія, которое онъ испыталъ при этомъ. Своимъ раздирающимъ уши голосомъ, непослушными пальцами, Сѣровъ умѣлъ въ самыхъ живыхъ образахъ вывести передъ воображеніемъ слушателей *всѣхъ* дѣйствующихъ лицъ, вмѣстѣ со всѣмъ оркестромъ;—а кто могъ въ довершеніе этого слѣдить еще за живо-измѣняющейся мимикой его выразительной наружности, тотъ не можетъ не сознаться, что оставалось желать лишь одного—именно: чтобы при полномъ исполненіи этого произведенія на сценѣ, передача его вышла бы также художественна и драматична, какъ въ то время когда она предлагалась слушателямъ при помощи одного фортепьяно, одного голоса и десяти пальцевъ. Пишущій эти строки убѣжденъ вмѣстѣ со всѣми тѣми, кто познакомился съ этимъ произведеніемъ при жизни композитора, что оно, при надлежащей передачѣ (чего и слѣдуетъ ожидать отъ преданности и уваженія къ памяти покойнаго тѣхъ артистовъ, которые станутъ исполнять его), должно встрѣтить громкій откликъ въ сердцахъ всѣхъ русскихъ. Кончаемъ эти строки въ надеждѣ, что они встрѣтятъ ласковый пріемъ, такъ какъ они посвящены похвалѣ такого художника, великія заслуги котораго въ отношеніи русскаго искусства до сихъ поръ не оцѣнены какъ слѣдуетъ.

(Н. С. П. В.).

Составъ и количество сѣверо и южно-германскаго войска.

Теперь, когда семимѣсячная франко-прусская война, стоившая столько крови и потерь обѣимъ воюющимъ сторонамъ, подходитъ къ концу, интересно было бы въ точности опредѣлить составъ и количество, тѣхъ военныхъ силъ, которыя принимали участіе въ этой войнѣ. Нѣмецкія газеты пишутъ, что въ началѣ войны все вообще союзное сѣверо и южно-германское войско состояло изъ 1003 батальоновъ и 584 эскадроновъ, всего отъ 1,100,000 до 1,200,000 человѣкъ. Составъ этого войска слѣдующій:

459 полевыхъ батальоновъ
290 ландверныхъ батальоновъ.
145 резервныхъ батальоновъ.
115 гарнизонныхъ батальоновъ.
93 полевыхъ кавалерійскихъ полка.
32 ландверныхъ и резервныхъ кавалерійскихъ полка.

По обнародованнымъ до сихъ поръ спискамъ потерь (всего 193 списка), убитыхъ, раненыхъ и пропавшихъ оказывается на все это войско, въ томъ числѣ и на 12 сѣверо-американскихъ армейскихъ корпусовъ, а также и на баварскую дивизію, всего 3791 человѣкъ офицеровъ и 85,173 солдатъ. Изъ этого числа 865 офицеровъ и 13,000 солдатъ убиты, а 46 офицеровъ и 7437 солдатъ считаются пропавшими или въ плѣну. Потери французскаго войска по всѣмъ вѣроятіямъ еще значительнѣе, при чемъ замѣтимъ мимоходомъ, что французскія военныя силы созывались постепенно и точно такимъ же образомъ употреблялись въ дѣло. Но опредѣлить положительно число раненыхъ и плѣнныхъ во французскомъ войскѣ едва ли возможно, такъ какъ французская система управленія войскомъ оказалась и здѣсь (такъ же какъ и въ другихъ отношеніяхъ, напр. касательно снабженія провіантомъ, ухода за больными, и т. п.) въ высшей степени необдуманною и легкомысленною, такъ что списковъ потерь не было ведено вовсе. Точно такъ же трудно бываетъ иногда опредѣлить навѣрное и число больныхъ и раненыхъ плѣнныхъ. Достовѣрны только одни извѣстія касательно плѣнныхъ, живущихъ въ настоящее время въ Германіи. До 31 декабря число ихъ доходило до 11,160 человѣкъ офицеровъ и до 335,885 солдатъ.

Политическое обозрѣніе.

Миръ заключенъ. Объ этомъ важномъ событіи, котораго съ напряженнымъ вниманіемъ ожидала вся Европа, извѣстила 26-го февраля телеграмма императора Вильгельма къ императрицѣ Августѣ. Прелиминаріи мира подписаны въ Версалѣ въ этотъ день на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Франція уступаетъ Германіи пятую часть Лотарингіи со включеніемъ Меца и Тіонвилля, и весь Эльзасъ за исключеніемъ Бельфора. Франція обязуется уплатить пять миліардовъ франковъ, изъ которыхъ одинъ миліардъ въ 1871 году, а остальные въ теченіи трехъ лѣтъ. 3) Выступленіе нѣмецкихъ войскъ начнется тотчасъ по ратификаціи договора; они выйдутъ немедленно изъ Парижа и западныхъ департаментовъ. Изъ прочихъ занятыхъ департаментовъ они будутъ выступать постепенно послѣ уплаты перваго милліарда и по мѣрѣ уплаты остальныхъ. Съ суммъ еще не выплаченныхъ Франція обязана взносить по пяти процентовъ, начиная со дня ратификаціи трактата. 4) Нѣмецкія войска не будутъ взимать реквизицій въ занятыхъ департаментахъ, но содержаться будутъ на счетъ Франціи. 5) Населеніямъ присоединенныхъ земель дается срокъ для выбора между двумя національностями. 6) Плѣнные освобождаются немедленно. 7) Окончательные мирные переговоры откроются въ Брюсселѣ послѣ ратификаціи трактата. 8) Администрація занятыхъ департаментовъ будетъ предоставлена французскимъ чиновникамъ подъ вѣденіемъ командующихъ нѣмецкими войсками. 9) Настоящій трактатъ не предоставляетъ никакихъ правъ нѣмецкимъ властямъ на незанятыя части территоріи. 10) Трактатъ подлежитъ ратификаціи національнаго собранія.

Читателямъ извѣстно, что переговоры о мирѣ ведены были гг. Тьеромъ, Жюлемъ Фавромъ и 15-ю коммиссарами, назначенными имъ въ помощь изъ членовъ національнаго собранія. 26-го февраля они приняли условія мира, а 27-го гг. Тьеръ, Жюль Фавръ и Пикаръ издали къ жителямъ Парижа слѣдующую прокламацію:

«Правительство обращается къ вашему патріотизму и благоразумію. Участь Парижа и Франціи въ вашихъ рукахъ. Когда, вынужденные голодомъ и послѣ геройскаго сопротивленія, вы сдали форты побѣдоносному непріятелю и наши арміи принуждены были отступить за Луару, то національное собраніе поставлено было въ необходимость начать переговоры. Въ продолженіи шести дней сряду уполномоченные употребляли всѣ свои усилія, сдѣлали все человѣчески-возможное, чтобы получить менѣе невыгодныя условія, и подписали прелиминаріи мира, которые будутъ представлены на обсужденіе національнаго собранія. Продолженіе перемирія могло быть достигнуто только согласіемъ на частное и временное занятіе нѣкоторыхъ частей Парижа. Если заключенная конвенція не будетъ соблюдена и перемиріе прервано, то непріятель, владѣя уже фортами, займетъ силой всю столицу и величайшія бѣдствія обрушатся на страну. Не впадите въ заблужденіе тѣхъ, которые, восемь мѣсяцевъ тому назадъ, не хотѣли повѣрить нашимъ словамъ, когда мы умоляли ихъ отказаться отъ этой войны, долженствовавшей быть для насъ столь гибельною. Національная гвардія и линейное войско будутъ поддерживать порядокъ въ прочихъ частяхъ города, и въ этомъ имъ будутъ помогать всѣ добрые граждане, отличившіеся своею храбростію въ виду непріятеля. Это жестокое положеніе окончится миромъ и возстановленіемъ общественнаго благосостоянія».

Въ томъ же смыслѣ издана командующимъ парижскими войсками генераломъ Винуа прокламація къ національной гвардіи. Обѣ эти прокламаціи были приняты очень хорошо населеніемъ Парижа, и всѣ газеты, даже радикальнаго оттѣнка, убѣждали жителей соблюдать спокойствіе. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ произошло было движеніе между національною гвардіей, но оно скоро успокоилось, и приняты были властями мѣры предосторожности для предупрежденія безпорядковъ. Въ тотъ же день въ *Journal Officiel* появилось извѣщеніе за подписью министра внутреннихъ дѣлъ, г. Пикара, въ которомъ пояснялись нѣкоторые пункты правительственной прокламаціи, при чемъ было сказано, что съ этого дня прекращаются всѣ контрибуціи и реквизиціи, и что нѣмецкіе уполномоченные соглашались отказаться отъ вступленія въ Парижъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ уступленъ былъ Бельфоръ, но послѣдняго не могли допустить французскіе уполномоченные.

1-го марта, императоръ Вильгельмъ производилъ въ Лоншанѣ смотръ войскомъ 3-го, 11-го прусскихъ корпусовъ и 1-го баварскаго, которые затѣмъ вступили въ Парижъ безъ всякаго приключенія. Спокойствіе не было ни на минуту нарушено—и нѣмецкія войска были расквартированы въ зданіяхъ Дворца Промышленности, Цирка,

Панорамы, и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ. Биржи и магазины были заперты, и въ этотъ день не вышло ни одной газеты. На другой день нѣмецкіе солдаты безъ оружія, сопровождаемые офицерами, осматривали Луврь и нѣкоторыя достопримѣчательности Парижа, но не посѣтили, какъ предполагалось прежде, Дома Инвалидовъ; послѣднее отложено было по убѣдительной просьбѣ генерала Винуа.

Самымъ важнымъ дѣломъ послѣ этого была ратификація мирнаго договора національнымъ собраніемъ; 27-го февраля г. Тьеръ, въ сопровожденіи своихъ товарищей и коммисіи, отправился въ Бордо. Въ засѣданіи 28-го февраля г. Тьеръ вошелъ на трибуну и посреди глубочайшаго молчанія произнесъ слѣдующія слова: «Мы приняли на себя самое тягостное порученіе, мы употребили всѣ возможныя усилія и съ прискорбіемъ представляемъ на ваше обсужденіе проектъ закона, который просимъ признать не терпящимъ отлагательствъ. Вотъ его изложеніе: національное собраніе, уступая тяжкой необходимости и не подвергаясь за то отвѣтственности, принимаетъ предварительныя условія мира подписанныя въ Версалѣ 26-го февраля».

Далѣе г. Тьеръ не могъ произнести ни одного слова отъ тягостнаго волненія и принужденъ былъ сойти съ трибуны и на время удалиться изъ залы засѣданій. Тогда г. Бартелеми Сентъ-Илеръ, одинъ изъ коммиссаровъ, прочиталъ выше изложенныя условія мира, и затѣмъ сообщилъ собранію документъ, коимъ опредѣлялось вступленіе 30.000 нѣмцевъ въ Парижъ; въ немъ было сказано, что договаривающіяся стороны могутъ съ 3-го марта отказаться отъ перемирія, но въ такомъ случаѣ военныя дѣйствія должны начаться только по прошествіи трехъ дней. Послѣ того, г. Тьеръ произнесъ рѣчь, въ которой снова потребовалъ безотлагательности обсужденія представленнаго законо-проекта, дабы не замедлить рѣшеніемъ, котораго требуетъ настоятельная необходимость. «Если въ настоящую минуту, проговорилъ онъ, кто нибудь заведетъ рѣчь о позорѣ, падающемъ на собраніе, то позоръ этотъ вполнѣ обращается на тѣхъ, кто своими постановленіями содѣйствовалъ гибели страны». Рѣчь свою г. Тьеръ окончилъ горячимъ и трогательнымъ воззваніемъ къ патріотизму собранія. Не смотря на возраженія радикальныхъ депутатовъ, требовавшихъ напечатанія прелиминарій мира, палата приняла предложеніе правительства о безотлагательности обсужденія трактата.

Въ засѣданіи 1-го марта, докладчикъ коммиссіи о мирныхъ переговорахъ, г. Викторъ Лефранъ, объявилъ, что резолюціи этой коммиссіи были приняты единогласно. Онъ присовокупилъ, что долгъ патріотизма утвердить прелиминаріи мира, каковы бы они не были, что было сдѣлано все возможное, и что честь Франціи спасена. Необходимость принятія прелиминарій г. Лефранъ доказывалъ тѣмъ, что отказъ имѣлъ бы послѣдствіемъ занятіе Парижа иностранными войсками; затѣмъ онъ умолялъ собраніе не предаваться унынію и не воздерживаться отъ подачи голосовъ. Возраженій было не много, такъ какъ собраніе видимо понимало опасность, которой подвергалась Франція отъ всякаго промедленія. Депутаты Эльзаса протестовали противъ присоединенія ихъ территоторіи, а г. Эдгаръ Кине—вообще противъ принятія прелиминарій мира, которыя, по его словамъ, разрушаютъ и настоящее и будущее Франціи. Въ засѣданіи 2-го марта національное собраніе ратификовало условія трактата большинствомъ 546 голосовъ противъ 108, и въ тотъ же день ратификовалъ ихъ императоръ Вильгельмъ, о чемъ и сообщено было особою телеграммой въ Берлинъ на имя императрицы. Другая офиціальная телеграмма изъ Версаля сообщила, что вслѣдствіе размѣна ратификацій мирнаго трактата, Парижъ 3-го марта былъ очищенъ нѣмецкими войсками, которыя выступили въ 11 часовъ утра. Форты лѣваго берега Сены имѣютъ быть сданы французамъ, какъ только нѣмцы выберутъ изъ нихъ себѣ доставшіеся имъ въ добычу военные запасы.

4-го марта въ Берлинѣ офиціально обнародованъ текстъ прелиминарій мира, содержащій дополненія къ вышеизложеннымъ условіямъ. Демаркаціонная линія, къ востоку отъ которой всѣ французскія области отходятъ къ Германской имперіи, въ общихъ чертахъ есть слѣдующая: начинаясь съ кантона Катнона, она прорѣзываетъ кантонъ Бріэ, слѣдуетъ по юго-западной границѣ до Шато-Салена, далѣе по западной границѣ департаментовъ Верхняго и Нижняго Рейна за исключеніемъ Бельфора. Для болѣе точнаго опредѣленія границы будетъ наряжена особая международная коммисія. Относительно способа очищенія занятыхъ мѣстностей, слѣдуетъ замѣтить, что французскія войска, до подписанія окончательнаго мирнаго трактата, не могутъ переходить черезъ линію Луары; исключеніе составляютъ гарнизоны Парижа и крѣпостей. Очищеніе по мѣрѣ уплаты военной контрибуціи начинается съ западныхъ департаментовъ. Императоръ допустилъ замѣну территоріальной гарантіи гарантіей финансовою, если послѣдняя будетъ предложена съ французской стороны на условіяхъ удовлетворительныхъ. При окончательномъ заключеніи мира будетъ по возможности обращено вниманіе на интересы жителей, переходящихъ въ германское подданство, чтобъ они въ теченіи извѣстнаго времени пользовались особыми льготами относительно ихъ гражданскихъ правъ, а равно ихъ торговли и промышленности; равнымъ образомъ имъ дозволяется безпрепятственное переселеніе.

Относительно войскъ остающихся во Франціи до уплаты контрибуціи—сообщаютъ, что они будутъ состоять подъ начальствомъ принца Фридриха Карла, главная квартира котораго назначается въ Реймсѣ.

Выѣздъ грузинскаго князя на охоту.

(См. стр. 137).

Прилагаемый рисунокъ можетъ служить дополненіемъ къ статьямъ П. Я. Бугайскаго «Очерки Кавказа». Здѣсь наглядно представленъ бытъ зажиточнаго грузина. Княгиня, покрытая чадрой, сидитъ на нарахъ (диванѣ), возлѣ нея мутаки (подушка). На лѣвой сторонѣ очагъ, дымъ его стремится въ выводящее отверстіе на потолкѣ. На заднемъ планѣ — нукера ожидаютъ князя, который прощается съ дѣтьми.

ОПЕЧАТКИ.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ № 7 вкрались слѣдующія опечатки:

Напечатано:	слѣдуетъ читать:
на стран. 111 стр. 11 и 8 Кричекъ	Иричекъ.
въ № 8:	
Колонцифры: 112. Нива. № 7 128. Нива. № 8 (въ нѣсколько №№).	

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 26 Февраля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск. д. № 3—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 1—45.

№ 10. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Запорожцы.

(Историческая быль временъ Екатерины Великой).

Посмертное твореніе Нестора Кукольника.

(Продолженіе).

III.

Трудно будетъ наименовать съ точностію мѣстность, на которой началась эта глава; смѣю догадываться, что это была лѣсистая окрестность Сурпъ-Хачь—или армянскаго монастыря Св. Креста, въ четырехъ верстахъ отъ заштатнаго нынѣ города Эски-Крыма. Онъ, правду сказать, и тогда уже былъ заштатный, т. е. тутъ не было резиденціи ни одного изъ важнѣйшихъ чиновниковъ ханскихъ. Простой Ага управлялъ татарами, армянами, греками и жидами, составлявшими народонаселеніе Стараго Крыма. Если это та самая мѣстность, то право жаль, что перо не кисть живописца. Ни на одномъ пейзажѣ не встрѣтите такой жирной и густой зелени, только-что распустившейся. Апрѣльское солнце уходило за горы, и на темноголубомъ небѣ будто тушью рисовало незатѣйливый, но величественный контуръ кряжа горъ, покрытыхъ молодою, пушистою зеленью. Несмотря на то что лѣсовина, окружавшая небольшую площадку, была и густа и пуста,—видъ ея не представлялъ дикости нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ. Напротивъ, эта поляна улыбалась весенней улыбкой; гладкій коверъ ея уже пестрили ранніе цвѣты;—но ни зелень, ни поляна не занимали собесѣдниковъ, спавшихъ на мягкой травѣ сномъ крѣпкимъ. Только двое не спали и тихо бесѣдовали у самой опушки лѣса, изрѣдка поглядывая на спящихъ товарищей.

— Нѣтъ, пане Шпаку! сказалъ одинъ изъ нихъ:—я съ вами не согласенъ. Теперь-то именно и пойдетъ настоящая работа. Весь Крымъ всполошится; въ суетахъ можно будетъ забраться и до палацовъ татарскихъ Мурзъ и Беевъ; можно будетъ и себѣ завести замечекъ (небольшой замокъ) и красивыхъ пташекъ... Право, безъ женщины скука смертельная. И еслибы не надежда зашибить нѣсколько тысячъ дукатовъ, воротиться до Польши и зажить потомъ на татарскія деньги, давно бы ушелъ отсюда... А идти до москаля, да еще такого, что не позволяетъ взять себѣ нетолько некрещеную татарку, но даже старой ея туфли,—право не находка.

— Нѣтъ, пане Сѣкоцкій, сказалъ Шпакъ, — ваша мосць большой дурень... Вы уже выбагайте (извините) что я васъ такъ частую. Вы разберите гайдамацкимъ разумомъ, такъ сразу догадаетесь. Идетъ па Крымъ панъ русскій—это уже не сѣчевой разъѣздъ. Съ нимъ всякая гармата и русскіе солдаты, тамъ уже пане добродію не до шутокъ. Татаръ побьютъ.

— Гдѣ тамъ москалямъ управляться съ татарскимъ рыцарствомъ!...

— Да уже побьютъ, такъ вѣрно, какъ то, что у вашей мосци на лысинѣ волоса уже не выростутъ и сѣдая борода не почернѣетъ. Побьютъ; города поберутъ; вездѣ своихъ командировъ поставятъ, да и за татарскихъ гайдамакъ примутся. Ужъ ихъ бить не будутъ гарматами; нѣтъ, просто по лѣсамъ перевѣшаютъ, а

вашу мосць и мою вельможность сначала посадятъ въ острогахъ, потомъ гири къ ногамъ прицѣпятъ, да до маршу за войскомъ и запрягутъ; а придутъ до первой Сѣчевой Паланки, то скорый судъ учинятъ и изъ вашей лысины чугуннымъ горохомъ рѣшето сдѣлаютъ.

— Видно, пане Шпаку, вы уже съ москалями хлѣбъ соль водили....

— А вы, пане Сѣкоцкій, видно съ ними не встрѣчались....

— Я поѣхалъ до Крыма по доброй волѣ, на полеванье... У меня свой палацъ на Волыни; да конфедераты спалили; у меня....

— Да перестаньте брехать, пане Сѣкоцкій! Вы можете ваши волынскія байки татарамъ разсказывать, а мнѣ, гайдамакѣ неоплаканному, довольно извѣстно, что вы регистровый жолнеръ; съ гайдамаками подъ Уманью побратались; своихъ рѣзали....

— А вы чужихъ что-ли?...

— Вотъ же не стыдно вамъ такъ брехать. Я разъ съ шестью товарищами на самого па Колпака конно наѣхалъ, да при немъ было только два товарища—а я не тронулъ, поклонился, да и закивалъ пятами....

— Струсилъ...

— Вотъ опять брешете; Терешко Шпакъ Косматый въ самой Сѣчѣ за храбрость уважается. Вашу мосць, да татарву, какъ слѣдуетъ доброму гайдамакѣ... губилъ усердно; да жидовъ по шинкамъ та по ярмаркамъ; а чтобъ христіанъ православныхъ... Подавитесь вы, пане Сѣкоцкій тѣмъ словомъ. Я и до Крыму не пошелъ бы, потому что за мною никакого злаго дѣла нѣтъ. Развѣ только, что до гайдаматства умѣлъ самихъ сѣчевиковъ сманивать,—такъ это еще не грѣхъ. Да въ томъ бѣда, что я чуть не родился гайдамакой. При батькѣ своемъ съ малыхъ лѣтъ промышлялъ, такъ мнѣ три дороги оставалось: до Сѣчи—не приняли; до Сыберіи—далеко; до Крыму — вотъ я и тутъ. — А я знаю, что если я стану передъ русскимъ воеводой съ моей дружиной..... а что, Сѣкоцкій, это кажется конь бѣжитъ?...

— Не слышу!

— Гдѣ вамъ коньскія ноги слышать, когда вы и своихъ часто подъ собою не слышите, какъ уходите отъ погони. Надо разбудить Хаджи-Оглу раньше свистка; пускай подивуется на гайдамацкое ухо.... И Терешко во все горло такъ громко гаркнулъ: «вставай», что вся ватага проснулась разомъ, вскочила и не успѣла протереть глазъ, какъ раздались вѣстовые свистки.

Хаджи-Оглу, огромный татаринъ съ черною бородою, блестящими умными глазами, подошелъ къ Терешкѣ и спросилъ по татарски.

— Какъ это ты раньше нашихъ услышалъ?

— На то гайдамацкое ухо! У насъ и глазъ и ухо привычные. Да не о томъ рѣчь. Что намъ теперь дѣлать и какъ быть! Я пожалуй съ моею гайдамацкой дружиной могу и прежде имъ дорогу заѣхать; могу и въ тылъ ударить; только сказывай, и чтобъ порядокъ былъ....

— А порядокъ такой, перебилъ Чатыръ-Бей,—какъ было прежде сказано. Я спереди, Хаджи-Оглу съ боку, Гассанъ-Бей сзади, а ты откуда хочешь. Только женщинъ не тронь; намъ онѣ нужны....

— Да и намъ не меньше! крикнулъ панъ Сѣкоцкій, за что отъ Терешки и получилъ по лысинѣ приличное напоминовеніе.

— Вольный промыселъ, вольная и добыча! сказалъ Терешко чистымъ татарскимъ языкомъ:—вотъ вамъ условіе впередъ: христіанки—наши; а прочія какія есть, татарки, гречанки, жидовки, польки—то ваше....

Простите невѣжеству Терешки. Онъ говорилъ, какъ думалъ. Чатыръ-Бей хотѣлъ было торговаться, но Хаджи-Оглу поспѣшилъ утвердить условіе потому что гонецъ былъ уже близко.... Раздался условный окликъ; татаринъ съ особенною почтительностью доложилъ Хаджи-Оглу, что ѣдетъ обозъ ханскій подъ прикрытіемъ двухъ сотъ всадниковъ, и что черезъ часа два-три конечно доползетъ до условленнаго мѣста....

— Двѣсти всадниковъ! сказалъ Хаджи-Оглу:—видишь, Чатыръ-Бей, опять промахъ... Мы могли бы отдѣлить половину нашей арміи и захватить Адиль-Шаха....

— Стоитъ хлопотать о такой дряни; за одну маджару въ этомъ обозѣ можно купить самого Потрадопуло со всѣми его дочерьми, тетками и племянницами....

— А слово, Чатыръ-Бей?

— Мы на срокъ его не давали! Торговался я—и тутъ ужь право не далъ промаха. Съ нашими знаменитыми гостями... и Чатыръ-Бей рукою сдѣлалъ знакъ особаго благоволенія Терешкѣ:—мы можемъ пойти на Балаклаву открытой силой, тѣмъ болѣе что Адиль-Шахъ не упуститъ случая перевѣдаться съ гяурами....

— Ну, что потеряно, то потеряно, сказалъ Хаджи-Оглу:—чтобы не прозѣвать намъ главнаго. Садись на коней!

По всему лѣсу раздались свистки; на большую дорогу высыпало болѣе четырехъ сотъ татаръ, ногаевъ, калмыковъ, черкесовъ и гайдамакъ. Распоряженія шли быстро. Исполнялись съ поразительною точностью. Терешко съ трудомъ скрывалъ удивленіе и наконецъ сказалъ:

— Вотъ, пане Сѣкоцкій, если бы и у насъ такъ слушались Грыцька Опару, то никогда бы не залѣзли до проклятой Умани. Ну, поѣдемъ и мы на мѣсто. Гайдамацкая ватага, состоявшая изъ двадцати человѣкъ, доброконныхъ и хорошо вооруженныхъ, заняла лѣсокъ у самой дороги, спѣшилась и притихла. Хотя на небольшомъ пространствѣ было расположено четыреста человѣкъ и столько же лошадей, не смотря на то, окрестность казалась дикой пустыней; ни звука—будто кто заколдовалъ и людей и животныхъ.

Смерклось. Полная луна, подымаясь на темносиній сводъ неба, раскинула по пустынной дорогѣ длинныя тѣни ранинъ, дикихъ каштановъ и волошскихъ орѣховъ. Серебро ея разливалось все больше и больше, и стало наконецъ такъ свѣтло, что можно было книгу читать. Прошло не мало времени; отдаленный скрипъ немазаныхъ колесъ лучше всякаго лазутчика предувѣдомилъ о приближеніи ханскаго обоза. Наконецъ, легкой рысцой пробѣжалъ по долинѣ передовой отрядъ; затѣмъ многочисленныя маджары четыреколесныя (или тѣлеги съ полотняными верхами, а нѣкоторыя и съ матерчатыми) и двуколесныя арбы съ такими же кибитками, всѣ запряженныя волами, медленно спускались съ горы въ долину; при каждой были вооруженные всадники. Одна маджара была и больше другихъ и покрыта красивою клѣтчатою шелковою тканью; ее везли двѣ пары воловъ, окружало до двадцати всадниковъ. Передній пологъ былъ скромно приподнятъ. Въ отверстіи сидѣла безобразная Мафуръ-Кадынь, главная надзирательница гарема. Прищурясь, она вглядывалась въ разнообразныя тѣни, разбросанныя по долинѣ, и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Ты спишь, Майя? спросила она тихо, больше

для того, чтобы ободрить себя, потому что глубокіе вздохи Майи очень громко свидѣтельствовали о томъ, что несчастная бодрствуетъ... Видно вопросы эти уже надоѣли Майѣ; по крайней мѣрѣ на этотъ разъ она ничего не отвѣчала. За нее стала говорить, хотя и дурно по татарски, другая, Хадимъ, изъ самой глубины маджары:

— Гдѣ ей спать! Она все прислушивается, не гонится ли за нами Шагинъ-Герай. У нея хоть надежда есть, а вотъ у насъ съ Ѳіолой такъ некого поджидать.

И Ѳіола тяжко вздохнула.

— Кадынь! раздался рѣзкій голосъ Тіалы, старшей (по хронологіи) жены Хана Селима:—зажми имъ глотку! Мнѣ такъ онѣ надоѣли своимъ глупымъ плачемъ, что я лучше поѣду въ простой арбѣ съ поварихой, но ужь никакъ не останусь съ этими плаксами. И есть чего плакать? Свѣтъ солнца палъ на недостойныхъ рабынь! И что онѣ? Пусть еще Майя, дочь Герая, имѣетъ право любить по выбору,—а эти-то что? Дочери гяуровъ и при томъ подлыхъ. Одна, базарная красавица, крошила табакъ въ лавкѣ греческаго торгаша, а другая полола огородъ на хуторѣ простаго казака..

— Полно, Тіала ханымъ*), перебила огородница:—вѣдь и ты доила козъ у своего князя родителя. Право, ваши черкесскіе султаны не лучше самаго послѣдняго казацкаго парубка. Видала я вашихъ князей закубанскихъ съ Соколиной Башни, какъ они джигитовали на дворѣ ханскомъ. Все оборвыши...

Пощечина была отвѣтомъ на дерзкую рѣчь, но вслѣдъ затѣмъ возня и стоны сражающихся возвѣстили, что въ маджарѣ сцѣпились двѣ неуступчивыя соперницы... Закричала Кадынь, но крикъ ея покрыли безчисленные крики мужчинъ и женщинъ; раздались выстрѣлы, стукъ сабель, вопли умирающихъ и раненыхъ. Кадынь поспѣшно опустила пологъ; женщины прижались другъ къ дружкѣ, но не могли разобрать, что дѣлается на дорогѣ,—только почувствовали, что волы уже не шли, а бѣжали; ихъ погоняли неизвѣстные голоса. Маджара страшно подскакивала, женщины едва держались одна за другую—такъ сильно ихъ бросало; было слишкомъ чувствительно, что они ѣдутъ не по дорогѣ. Это ужасное путешествіе продолжалось довольно долго... Наконецъ, всѣ остановились; Кадынь дрожащею рукою приподняла пологъ, свѣтъ факеловъ озарилъ множество мужскихъ, неизвѣстныхъ лицъ; разговоръ довершилъ ужасъ женщинъ.

— Ну, теперь дѣлиться! Вынимай добро, ставь на свѣтъ!..

— Не забудь, Хаджи-Оглу! сказалъ Терешко.

— Еще бы, за такую работу почти половина всей добычи слѣдуетъ тебѣ и Чатыръ-Бею...

— Чатыръ-Бей! вскрикнула Майя: — мы опять въ рукахъ злѣйшихъ разбойниковъ!

— Мнѣ, Хаджи, изъ женщинъ отдай только одну Майю; она и безъ того моя.

— Въ этомъ никто не поспоритъ!

— Я погибла! Этотъ звѣрь продастъ меня самому старому Мурзѣ.

— Вынимай товаръ! Закричалъ Хаджи-Оглу, и во всѣ арбы и маджары полѣзло страшное войско; дорогіе пологи были въ одно мгновеніе сорваны; обручи разметаны; гуріи Селима изо всѣхъ арбъ и маджаръ сняты какъ снопы и поставлены на площадку освѣщенную многочисленными факелами. Безо всякаго уваженія къ полу, чадры сорваны—и до ста красавицъ, блѣдныхъ, заплаканныхъ, съ опущенными глазами, вызвали изъ устъ разбойниковъ какой-то страстный и страшный гулъ удивленія и радости...

— Ну, Хаджи... сказалъ Терешко.

— Допрашивай самъ и отбирай!

Панъ Сѣкоцкій бѣгалъ по рядамъ женскимъ, какъ полоумный. Глаза его разбѣжались; онъ не зналъ, на которой остановиться. Наконецъ онъ схватилъ Майю и закричалъ: «Та мóя!»

Но въ это самое время страшный толчокъ заставилъ его отскочить на противуположный конецъ поляны. Чатыръ-Бей накинулъ на Майю тонкую чадру; она, увидѣвъ его, вскрикнула и хотѣла было защищаться, но Мурдоулатъ тою же чадрою опуталъ ея руки и завязалъ покрывало такъ искусно, что она не могла уже дѣйствовать руками; подхватилъ ее и отнесъ въ лѣсъ, куда уже успѣлъ поставить пустую арбу; положилъ туда плѣнницу—и приставивъ къ ней двухъ преданнѣйшихъ товарищей, воротился на поляну. Тамъ происходила церемонія другаго рода. Терешко допрашивалъ коротко, но ясно.

— Гей, панночки, чи пани, се уже не наше дѣло, которая христіанка не хрестись, а отзывайся!

— Что это я слышу, Господи Боже мой! отозвалась Хадимъ, съ которою мы уже познакомились въ маджарѣ:—Гдѣ вы, пане татарину, такъ по нашему научились...

— Эге, моя милочка, такъ ты наша?

— Ни, не ваша, пане татарину; а съ Орельской поланки!

— Да какой я тамъ у чорта татаринъ! Я съ Днѣпра, такъ якъ и вы...

— А какой поланки?

— Безъимянной! сказалъ Терешко, покраснѣвъ.

— Не слыхала такой поланки...

— Такъ и не нужно. Ступайте сюда!

— А за чѣмъ я тамъ пойду!

— Вотъ, дурная! За тѣмъ, милочка, что ты моя—я тебя съ бою добылъ. А не пойдешь, такъ я самъ возьму... Ну, а больше нашихъ тутъ нѣтъ?

— Есть; вонъ тамъ, на концѣ два недоростка стоятъ—сестры, ихъ съ нами забрали, да въ гаремѣ годовали. Вотъ счастье имъ—и дорости до бѣды не успѣли.

— Поди, милочка, возьми ихъ и приводи сюда. А больше нѣтъ?

— Какъ нѣтъ; еще есть одна стряпуха солдатка-пикинирка...

— Давай сюда! Чи нема ще?

— Нема! Вотъ бы эту ще, гречанку, взять...

— Неможно. Сказано, только христіанокъ...

— Пане Шпаку!.. подбѣжавъ, сказалъ панъ Сѣкоцкій:—вотъ эту и эту выручи будто своихъ, и мнѣ подари.

Терешко сдѣлалъ изъ пальцевъ какую-то фигуру, показалъ ее Сѣкоцкому и взявъ своихъ плѣнницъ, отвелъ ихъ на опушку лѣса, сдалъ гайдамакамъ и воротился на поляну, гдѣ происходилъ страшный дѣлежъ. Хаджи-Оглу взялъ себѣ Ѳіолу и еще одну черкешенку, именно тѣхъ двухъ женщинъ, которыя понравились такъ пану Сѣкоцкому; прочія достались по жеребью и по старшинству въ ватагѣ—татарамъ. Хаджи-Оглу дѣлежъ сокровищъ приказалъ отложить до утра; только изъ арбъ

*) Госпожа.

повынимать съѣстное и питейное и тутъ же начался страшный пиръ. Нѣсколько арбъ были нагружены драгоцѣнными иностранными винами; то былъ знаменитый погребъ Керимъ-Герая, собранный его стараніями для угощенія иностранныхъ пословъ. Хаджи-Оглу отсталъ отъ свѣта, отсталъ отъ закона своихъ предковъ—и тянулъ благороднѣйшую влагу Токая, нектаръ мадьяровъ, состоявшихъ въ глубокой древности съ кавказскими черкесами можетъ-быть въ родствѣ. Панъ Сѣкоцкій не терялъ надежды умилостивить Хаджи-Оглу, выманить подъ пьяную руку одну одалыку—и потому служилъ ему виночерпіемъ; то и дѣло подливалъ въ богатую золотую ханскую чару—густое какъ масло—вино, но по неосторожности тянулъ и самъ не меньше изъ серебрянаго рога, котораго на бѣду нельзя было и поставить. Пиръ кипѣлъ; крики радостей и восторговъ сливались съ воплями ханскихъ женъ и невольницъ. Зарево отъ факеловъ и костровъ высоко стояло надъ поляной. Чатыръ-Бей ничего не пилъ—ему казалось ни до чего не было дѣла; онъ улегся подъ арбой и съ какимъ-то наслажденіемъ прислушивался къ стонамъ плачущей Майи. Напротивъ того, Терешко созвалъ своихъ, приказалъ имъ запастись съѣстнымъ и питейнымъ изъ общаго источника, и съ ватажкой своей и плѣнницами отправился въ армянскій монастырь, отстоявшій отъ мѣста дѣйствія въ полуверстѣ, не болѣе. Шайки охотниковъ, подобныя ватагѣ Хаджи-Оглу, давно уже заставили иноковъ оставить уединенную обитель; вся утварь и разная рухлядь были перенесены въ Эски-Крымъ; даже ворота желѣзныя, калитки, замки, все было снято. Монастырь стоялъ совершенно пустой; даже ночныя птицы сюда не залетали, потому что тутъ возмущали ихъ спокойствіе безпрерывные гости. Терешко и гайдамаки заняли трапезу; усадили на полу, на своихъ буркахъ, плѣнницъ, усѣлись и сами—и стали вечерять.

— Пускай татарва поганая бенкетуетъ—намъ съ нихлѣба соли не водить; гроши завтра получимъ, а теперь повечеряемъ, разсудимъ что намъ дѣлать, да и ляжемъ спать. А гдѣ мой малюсь Куцый?

Парень лѣтъ двадцати всталъ, почтительно снялъ шапку и ожидалъ приказанія.

— А ну, Куцый! Гдѣ же наши пани спать будутъ? У насъ и камень—жидовской перины мягче; а у нихъ женскія кости, съ другой глины лѣплены. Сѣна нѣтъ; соломы у татарвы поганой не водится;—такъ ступай наскребай листья съ дерева, да посмотри которая келья получше. Постели опосля бурками застели; свитками покроются; а мы ихъ стеречь будемъ. Маршъ, Куцый!

Куцый ушелъ.

— А ну, пани Пикинирка! Коли ты у Ханской Мосци была поварихой такъ будь же и у насъ ухмистрыней...

— Я и сама ухмыстрыня, перебила знакомая Хадинъ:—хозяйничать мое дѣло... Панна Марта по всей поланкѣ была первая господыня!

— Панна Марта!... воскликнулъ Терешко, всматриваясь въ красавицу. Правда паннѣ Мартѣ было лѣтъ подъ тридцать, но несмотря на то—это была олицетворенная пышная роскошь казацкой красоты.

— А развѣ ты меня знаешь? спросила панна Марта, удивленная восклицаніемъ Шпака.

— Да кто же васъ не знаетъ! Въ глаза васъ не многіе счастливцы видѣли; а ужъ по имени и значенію—кто же не зналъ панны Марты, такъ какъ и вашего вельможнаго пана полковника Колпака...

— Такъ ты и нашего батька добродія знаешь?...

— Аѳонасія Ѳедоровича! Десять разъ хвалился, что на Шамбашѣ меня повѣситъ и ни разу не исполнилъ, по безприкладной добротѣ и своему шляхетству...

— А что, мой добрый старикъ здравствуетъ?...

— Панъ Колпакъ? Да что съ нимъ можетъ сдѣлаться? Правда за вами очень журился; какъ послѣдній разъ я съ нимъ видѣлся подъ Шамбашемъ, онъ съ гулянки вертался; ноги отняло, а на языкѣ все была панна Марта....

— Добрый мой Аѳонасій Ѳедоровичъ! Онъ вѣрно и не знаетъ, куда я попала...

— Не зналъ, да я его утѣшилъ; я видѣлъ, какъ васъ съ Богатой рѣчки татарва стащила. Я тогда же говорилъ, что простому татарину вы не достанетесь...

— Смотри, чтобы тебя Колпакъ за правду на Шамбашѣ не обвѣсилъ...

— Ужь развѣ съ тобою вмѣстѣ, милочка....

— Отстань, ледащій!..

— Цытьте, панна Марта, бо я еще отъ гайдамаутства не отсталъ и у пояса моего день и ночь виситъ ногайка. Что же это вы, панна Марта, ничего не кушаете? Я тоже не люблю, чтобы у меня женщины худали...

— Не хочется...

— Это уже не ваше дѣло. Надо покушать, а то я васъ и до пана Колпака не довезу...

— До Колпака! А на что я ему?

— Пригодишься, панна Марта; некому теперь на Богатой и меду сварить, и яблокъ насолить; а пока, за Колпака, гайдамака Шпакъ Косматый будетъ съ вами медъ пить. Слышали вы, панна Марта? Замотайте все это себѣ на усъ и отвѣчайте мнѣ съ належитымъ послушаньемъ... Ну, милочка моя гарная, кто эти двѣ сестрицы?

— Тотъ же Ханъ Керимъ-Герай какъ былъ въ гостяхъ у насъ, забралъ ихъ рыцарь татарскій съ матерью, вѣрно до прислуги. Какъ они попались хану—не знаю; только когда насъ отправили изъ Буджака до Крыма, матери ихъ съ нами не было; тогда имъ было одной десять, другой девять лѣтъ. Въ гаремѣ онѣ намъ мыться подавали, да разъ утромъ углядѣлъ ихъ Селимъ Ханъ, да и взялъ отъ насъ. Держали ихъ въ Персидскомъ саду въ Альташѣ; тамъ было еще четыре подростка: двѣ гречанки, одна жидовка и одна черкешенка... Этихъ зовутъ Дуня, да Ганка, а больше ни мы, ни онѣ, ничего не знаемъ....

— Ну, Дуня да Ганка! Что же я съ вами буду дѣлать?...

Обѣ вздрогнули и взглянули другъ на дружку.

— Гей, братцы, кто на нихъ хочетъ жениться—подымай руку!...

Почти у всѣхъ гайдамакъ поднялись руки, потому что красота сестрицъ была замѣчательна; но еще Шпакъ не успѣлъ произнести приговора, какъ въ трапезу опрометью вбѣжалъ Куцый, вытянулъ вверхъ обѣ руки и закричалъ:—и я, и я, тато!

— И ты Малюсь Куцый! Губа не дура! да вотъ въ чемъ бѣда, что за Дуню или за Ганку надо Терешкѣ Шпаку сослужить трудную службу....

— Готовы! Приказывай!....

— Вотъ видите, дѣти мои милые.... Надо....

Но рѣчь Терешки прервали отдаленные выстрѣлы.

— Ге, ге!... сказалъ Терешко, поднимаясь съ мѣста: —гаси огонь, чтобъ ни гдѣ искры не было видно. Дурень, дурень Хаджи-Оглу! Вотъ тебѣ и бенкетъ и огни;

Морлаки, идущіе на рынокъ.

самъ на себя радуту настроилъ, да фигуру зажегъ—,отъ Ханычата и набѣжали.

Огни потухли, но сіяніе луны разливало довольно свѣту чтобъ видѣть, какъ Терешко схватилъ паппу Марту, указавъ Куцому на другихъ женщинъ. Гайдамаки подхватили всѣхъ, даже солдатку, и понесли за Терешкой въ подземную келью. Видно Шпакъ тутъ гостилъ не впервые—зналъ всѣ ходы наизустъ. Бросивъ женщинъ на сырую землю, Терешко закричалъ: «На конь! До работы!» И всѣ бросились на верхъ; Терешко бережно задвинулъ тайный ходъ, шапкой размелъ надъ нимъ песокъ чтобы не видно было слѣдовъ—и когда вышелъ на монастырскій дворъ, вся дружина уже сидѣла на коняхъ.

(Продолженіе будетъ).

Морлаки, идущіе на рынокъ.

Морлаками или морлахами (по славянски: приморскими) называются, въ тѣсномъ смыслѣ слова, жители кроатско-далматскаго прибрежья Адріатическаго моря или карлштадтской военной границы. Эта область уже во время Константина Багрянороднаго носила названіе Парафалласіи, т. е. прибережья, и была заселена вмѣстѣ съ прилежащими къ ней островами, начиная съ шестнадцатаго столѣтія, славянами хорватскаго племени, которые называли ее Приморьемъ, точно такъ же какъ и живущіе къ югу отъ нихъ, собственно въ Далмаціи, между Цеттиною и Нарентою, Сербы. Морлаки принадлежатъ къ римско-католической церкви, чего нельзя было бы предполагать, судя по ихъ внѣшности — ихъ почти восточной одеждѣ и ихъ чалмамъ или фескамъ. Они говорятъ по сербски съ хорватскимъ или кроатскимъ оттѣнкомъ. Они, какъ извѣстно, отличные мореходцы и составляютъ лучшую часть австрійскаго флота.

Въ числѣ различныхъ средствъ, которыми они снискиваютъ себѣ пропитаніе, промыселъ козами и овцами, шерсть и шкуры которыхъ они возятъ на городскіе рынки черезъ крутыя горы, играетъ не послѣднюю роль. Если вмѣстѣ съ мужемъ отправляется туда и жена, то женщина ѣдетъ на лошади по-мужски, чрезвычайно граціозно подобравши при этомъ юбку, въ видѣ широкихъ панталонъ. Мужъ, по старому обычаю, несетъ за спиною длинное ружье и множество различнаго оружія за поясомъ.

Вмѣстѣ съ пѣснями прежнихъ временъ, къ морлакамъ перешли также и мечты о непрестанной войнѣ и грабежѣ. Объ охотѣ въ этихъ лишенныхъ лѣса горахъ нечего и говорить; она ограничивается пролетѣвшею мимо куропаткою или вскрикнувшею въ равнинѣ перепелкою.

Крутые склоны горъ поросли алоемъ, образуя такимъ образомъ самую лучшую защиту противъ паденія съ горы людей и лошадей—и вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснѣйшую авансцену для живописца, тогда какъ весь ансабль съ темно-голубымъ моремъ вдали можетъ служить характеристическимъ изображеніемъ этой страны и ея жителей.

Полтораста верстъ по восточной границѣ Россіи и Китая.

Неоконченная картина не такъ поражаетъ зрителя, какъ полное созданіе художника. Зрителю хочется увидѣть на полотнѣ выразившуюся вполнѣ мысль художника, но ему приходится удовлетворяться иногда выраженіемъ этой мысли въ общихъ чертахъ. Мое описаніе куска земли, лежащаго близь Чернаго Иртыша, не разнообразно и не совсѣмъ полно, но во всякомъ случаѣ это описаніе дополняетъ общую картину нашего обширнаго отечества.

Страна, обозрѣваемая мною, соприкасается съ Дзунгаріей, сѣверо-западной частью китайской провинціи Или, въ которой находятся истоки Чернаго Иртыша. Эта страна вошла въ составъ Россійскаго Государства очень недавно, именно: въ шестидесятыхъ годахъ, —вслѣдствіе чего граница наша отодвинулась на востокъ и пошла близь озера Марка-куля, чрезъ сопку Акъ-Тюбе на Черномъ Иртышѣ и далѣе на югъ до Тарвогатая. Предметомъ моего описанія и будетъ служить граница обѣихъ Имперій на протяженіи 150-ти верстъ.

Проѣхавъ по линіи казачьихъ станицъ, вытягивающихся по правому берегу Иртыша, мы съ послѣдняго (Березовскаго) пикета повернули на югъ и стали подниматься на Алтайскій хребетъ. Путь предстоялъ намъ вьючный, но не смотря на крутизну подъемовъ, на тяжесть, которую везли лошади, наконецъ на неудобство тропинокъ, мы ѣхали все таки очень скоро и остановились только въ полдень отдохнуть часа на два и перемѣнить лошадей. Киргизы съ обычнымъ гостеріимствомъ (кто верхомъ, кто пѣшкомъ) встрѣтили насъ за нѣсколько саженъ отъ аула и пригласили въ юрту. Мы сѣли на ковры по восточному. Бѣлый войлокъ, знакъ зажиточности владѣтеля юрты, который служилъ наружнымъ покровомъ жилья, былъ изукрашенъ внутри разноцвѣтными кусочками кожи. На небольшемъ возвышеніи стоялъ довольно большихъ размѣровъ турсукъ, обложенный серебромъ. Я не успѣлъ обмѣняться нѣсколькими обычными фразами со старшиною, какъ намъ подали кумысъ.

Кумысъ приготовляется изъ лошадинаго молока, помѣщается въ турсукѣ и послѣ двухнедѣльнаго броженія киргизы начинаютъ употреблять этотъ напитокъ. Достоинство его опредѣляется крѣпостію—и чѣмъ лучше кумысъ, тѣмъ онъ проявляетъ свои свойства рѣзче; во первыхъ, онъ утоляетъ жажду, голодъ и кромѣ того дѣйствуетъ на организмъ подобно горячимъ напиткамъ но только въ меньшей степени; впрочемъ, при частомъ употребленіи кумыса онъ почти теряетъ послѣднее свойство.

За угощеніемъ кумысомъ послѣдовало угощеніе бараниной; старшина, сидѣвшій возлѣ меня, раздавалъ по кусочку баранины всѣмъ кто только былъ въ юртѣ, а на этотъ разъ явились всѣ до единаго члены аула. Поблагодаривъ за угощеніе радушнаго хозяина, мы сѣли на лошадей и отправились въ дальнѣй-

шій путь. Къ вечеру достигли горы Джай-дакъ и расположились отдохнуть въ одномъ аулѣ. Не смотря на то, что я запасся довольно теплою одеждою и что со мною была походная кровать, ночь на Алтаѣ провелъ я все таки не совсѣмъ спокойно. Я удивлялся крѣпкому сну моего конвоя — и утромъ казаки замѣтили мнѣ, что спать на землѣ, завернувшись въ теплую одежду, гораздо лучше, чѣмъ на кровати; я принялъ къ свѣденію ихъ замѣчаніе и на слѣдующую ночь рѣшился произвести опытъ. Слова казаковъ оправдались, и съ тѣхъ поръ я часто спалъ на землѣ. На слѣдующій день мы въ полдень начали спускаться съ Алтая. Снѣгъ все еще покрывалъ скаты хребта, но онъ уступалъ дѣйствію солнечныхъ лучей—и вода, образовавшаяся отъ таянія снѣга, пробиралась подъ нимъ къ подошвѣ горъ. Наконецъ, къ вечеру намъ удалось спуститься внизъ. Глазамъ нашимъ представился великолѣпнѣйшій видъ. Въ противоположность покрытому снѣгомъ Алтаю—мы увидѣли зеленѣющую долину Курчума. Черноземную почву закрывала бархатистая трава. Курчумъ, отъ быстраго притока воды, отдѣлилъ отъ себя нѣсколько рукавовъ—и то закрывался богатою растительностію, то вырывался изъ нее и обтекалъ голыя сопки, о скаты которыхъ съ шумомъ разбивались его волны. Проѣхавъ съ версту, мы очутились окруженными тополемъ, березою и тальникомъ. На насъ повѣяло совершенно особенной прохладой нежели тогда, когда мы переваливали Алтай. Но вотъ передъ нами и рѣка. Переправа чрезъ Курчумъ въ іюнѣ хотя и спокойнѣе, но все таки не представляетъ такихъ удобствъ, какія мы привыкли встрѣчать на переправахъ черезъ наши рѣки. Нашъ проводникъ бросился впередъ, за нимъ двинулись и мы, за нами вьюки. Мнѣ хотѣлось сказать что-то моему переводчику, но шумъ, происходившій отъ ударовъ воды о каменистое русло, заглушалъ всѣ мои слова; я оглянулся назадъ и увидѣлъ до половины своей поклажи въ водѣ. Не смотря на это, мы переправились благополучно. На другой день я оставилъ Курчумъ—и только чрезъ полтора мѣсяца мнѣ привелось снова увидѣть его. Кстати нужно замѣтить, что Курчумская долина представляетъ много выгодныхъ условій для поселеній. Современемъ, когда по Иртышу вплоть до Зайсана растянутся русскія поселенія, Курчумская долина должна будетъ пріобрѣсть значеніе торговаго пути съ Китаемъ.

На четвертыя сутки, по выѣздѣ съ Березовскаго пикета, мы достигли Санъ-Тасскаго отряда. Отрядъ этотъ состоитъ изъ сотни казаковъ, смѣняющейся другою сотнею чрезъ два года; отрядъ зимуетъ въ деревнѣ Медвѣдкѣ, а лѣтомъ возвращается снова на урочище Санъ-Тасъ. Это урочище не представляетъ ничего особеннаго, одному только взгляду съ военной точки зрѣнія оно удовлетворяетъ вполнѣ.

Перемѣнивъ свой конвой и усиливши его шестью казаками, я въ половинѣ іюня направился далѣе на югъ. Путь пролегалъ перевалами съ одной возвышенности на другую. Хотя погода вполнѣ благопріятствовала нашему путешествію, а спуски и подъемы не были круты, но движеніе совершалось весьма медленно. Киргизскія лошади, не смотря на свою выносливость, уставали отъ труднаго движенія по каменистой мѣстности. По сторонамъ мы начали замѣчать пашни, засѣянныя пшеницей и дикимъ просо, получающія орошеніе посредствомъ широкихъ арыковъ. На каждомъ десяткѣ верстъ намъ попадались зимовки киргизовъ, но ни одной души не видѣли мы на пространствѣ отъ Сан-Таса до Чернаго Иртыша, потому что всѣ киргизы со своими табунами лошадей укрываются лѣтомъ въ ущельяхъ и на вершинахъ горъ. Къ вечеру мы остановились вблизи одной пашни; надсмотрщики за пашней приняли насъ за барантачей—и вооружась земледѣльческими орудіями, окружили свой шалашъ и собирались защищаться. Когда мы подъѣхали ближе, они узнали въ насъ русскихъ—и съ поблѣднѣвшими лицами, бросивъ свои орудія, приблизились къ намъ. Бѣднымъ киргизамъ, живущимъ здѣсь ради того чтобы имѣть кусокъ хлѣба, казаки доставили удовольствіе. Передъ раскинутымъ кошемъ плясали полуодѣтые работники. Пляска киргизовъ отличается своею живостію и довольно характеристична. Танцующій бьетъ въ ладоши—и выдѣлывая различныя па, то приближается къ музыканту, то отходитъ отъ него; потомъ останавливается, дѣлаетъ быстро туръ на мѣстѣ—и подпрыгивая еще смѣлѣе подходитъ къ играющему. Казаки не замедлили угостить плясуновъ, чѣмъ только могли.

На другой день мы двинулись далѣе. Путь пролегалъ сначала по отваламъ горъ Букамбая. Мы то перерѣзывали множество рѣкъ и ручьевъ, закрытыхъ нерѣдко кустарными растеніями, то оставляли въ сторонѣ пашни, то выѣзжали на возвышенности и любовались обширною стенью Сереазы. Наконецъ горизонтъ нашъ сдѣлался уже; мы очутились между крутыми скатами Букамбаевскихъ горъ. Растенія постепенно исчезали, ручьевъ и ключей также не было видно, даже траву какъ бы придавили огромные камни. Мы ѣхали долго. Хотя казаки и запаслись водою, но она была скоро выпита и насъ начала томить жажда; одна увѣренность достигнуть ручья—поддерживала въ насъ силы, но и она была вскорѣ разбита. Ручей пересохъ. Что оставалось дѣлать намъ? До Чернаго Иртыша еще около сорока верстъ, ѣхать назадъ незачѣмъ—тамъ безводное пространство. Мы рѣшились ѣхать на востокъ по хорошей дорогѣ, проложенной когда-то китайцами. Слѣва сплошною стѣною сопровождали насъ Букамбаевскія горы; на право открылась обширная равнина съ каменистою почвою, тянущаяся вплоть до Чернаго Иртыша. Въ ясные дни солнце ярко освѣщаетъ эту кремнистую поверхность—и равнина съ юга окаймляется миражемъ Зайсана и Чернаго Иртыша. Солнце выжгло послѣднюю былинку на этомъ пространствѣ. Протяжный вой волковъ, множество дикихъ лошадей, сайги, кабаны и ползающія фаланги и каракурты (особенная порода тарантуловъ) показываютъ, что здѣсь еще не замерла жизнь. Да и рано еще лишаться жизни этой молодой странѣ! Кто знаетъ, можетъ-быть на этой дикой равнинѣ разовьется русская промышленность и торговля; можетъ-быть Черному Иртышу и предстоитъ въ будущемъ служить путеводною нитью развитія торговли между Россіей и Китаемъ! Но жажда мѣшаетъ ближе познакомиться съ этой мѣстностью; мы ѣдемъ скоро на закраснѣвшіяся вдали сопки. Лошадямъ должно-быть приходится испытывать тоже самое, что испытываютъ сѣдоки; онѣ мчатся безъ всякихъ понуканій—и мы скоро достигли глиняныхъ сопокъ, покрытыхъ охрой. Къ нашимъ услугамъ явилась вода; въ минуту всѣ были на ногахъ, бросились утолять жажду, не разбирая того, что приходилось пить застоявшуюся воду, покрытую плѣсенью. Мы остановились на ночлегъ. Всѣ спали въ эту ночь крѣпкимъ сномъ, какъ будто предвидя, что слѣдующую ночь придется провести безъ сна. Наступило іюльское утро. Въ 4 часа мы поскакали по гладкой

равнинѣ къ Черному Иртышу. На пути не встрѣтилось ни одного ключа, ни одного колодезя. Кругомъ разстилалась степь, вдали виднѣлись горы Джувань-Кара и больше ничего. Недоѣзжая верстъ восьми до Иртыша, воздухъ далъ знать близость рѣки; появилась трава, явились наконецъ растенія, послышалось и пѣніе птицъ. Черезъ полчаса раскинутъ былъ кошъ—и мы расположились пить чай, но тучи паутовъ и комаровъ налетѣли на насъ и не давали покоя. Лошади мучились все время, пока мы не двинулись въ обратный путь; люди не могли сомкнуть глазъ—и я рѣшился оставить скорѣе Иртышъ.

Не буду описывать обратнаго моего путешествія къ отряду и потомъ на Курчумъ. Скажу только, что мнѣ пришлось побывать на границѣ прилегающей къ озеру Марко-Кулю, которое находится въ китайскихъ владѣніяхъ. Дорога къ нему идетъ перевалами чрезъ горы Сары-Шау, замѣчательныя въ томъ отношеніи, что въ Закурчумскомъ краѣ это единственныя горы покрытыя строевымъ сосновымъ лѣсомъ; но нельзя впрочемъ приписать появленіе флоры доброкачественности почвы,—вліяніе на растительность оказываетъ скорѣе воздухъ, вбирающій въ себя испаренія рѣки Курчума. Мы ѣхали тихо, благодаря крутымъ спускамъ и подъемамъ. Лошади портили себѣ ноги объ огромнѣйшіе камни, лежащіе на тропинкѣ; а вьючнымъ лошадямъ ѣзда по карнизамъ, образовавшимся на крутѣйшихъ скатахъ горъ, грозила паденіемъ въ разстилавшіяся внизу долины. Кое какъ мы достигли границы. На острой сопкѣ, командовавшей всѣми другими, мы пили чай, любуясь Марко-Кулемъ и окрестностями. Длина озера около 20, а ширина до 32 верстъ. Русскіе промышленники каждую весну посѣщають это озеро и добываютъ много рыбы.

Въ половинѣ іюля мы переправились чрезъ Курчумъ. Путь пролегалъ ущельемъ. Верстъ за 50 виднѣлась конусообразная вершина Кус-гунду, вѣчно покрытая снѣгомъ. Киргизы выходили изъ юртъ посмотрѣть на проѣзжающихъ; огромные табуны лошадей, стада овецъ и барановъ попадались чуть не на каждой верстѣ,—но мы оставляли все, спѣша добраться до русскаго жилья. Намъ понравилась степь, съ ея простотою и привольемъ; но не наша она родина—и мы, оставляя при себѣ различныя воспоминанія и впечатлѣнія, спѣшимъ увидѣть русскую избу. Мы очутились между двумя громадными стѣнами, которыя оставили мѣсто для ручья и для прохода вьюка. Ущелье Кусгунду—это длинный мрачный корридоръ, изъ стѣнъ котораго бьютъ подземные ручьи, бросая съ шумомъ свои воды въ журчащій ручей. Картина великолѣпная, но мрачная. Мы выбираемся на свѣтъ, переваливаемъ гребень, прощаемся съ степью—и постепенными спусками достигаемъ роскошной Бухтарминской долины.

Л. С.

Старый служака *).

Повѣсть Захера Мазоха.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Кому случалось плыть въ легкой гондолѣ по безмятежному морю, среди играющей стихіи, и оставляя за собой обрисовывающійся вдали въ видѣ тѣни берегъ твердой земли и острова, смотрѣть, съ тревогою въ сердцѣ, на разстилающееся надъ нимъ небо, это второе море съ волнообразными облаками,—тому знакомо отчасти то чувство, которое я испыталъ, несясь въ легкихъ саняхъ по равнинамъ Галиціи, представляющимся зимой въ видѣ снѣжнаго океана. Они одинаково влекутъ къ себѣ—и океанъ и равнина—наполняя нашу душу чувствомъ грусти и неопредѣленными стремленіями. Только бѣгъ въ саняхъ быстрѣе, онъ напоминаетъ собою полетъ орла—тогда какъ лодка въ водѣ переваливается словно утка въ воздухѣ—а цвѣтъ безконечной равнины и ея мелодіи болѣе строгаго, мрачнаго и угрожающаго характера; природа является тутъ во всей своей наготѣ, а борьба за существованіе и смерть подходятъ къ вамъ ближе; вы чувствуете это по окружающей васъ атмосферѣ, по тѣмъ звукамъ, которые вамъ слышатся.

Меня выманилъ изъ комнаты свѣтлый зимній день, или лучше сказать вечеръ. Мнѣ захотѣлось покататься; моя лошадь заболѣла—не всякая лошадь можетъ выдерживать безнаказанно ѣзду по снѣгу; я позвалъ Мауше Ледъ Каттуна, старшаго господскаго кучера, и велѣлъ ему заложить въ мои сани его лошадей, на которыхъ можно было вполнѣ положиться. Погода стояла великолѣпная, въ воздухѣ было тихо, легкія испаренія земли не колебали золотыхъ солнечныхъ волнъ. Воздухъ и свѣтъ соединились въ одну стихію. И въ деревнѣ все было тихо, не слышно было ни одного звука, по которому можно бы было догадаться, что въ крытыхъ соломою хижинахъ есть жители; одни только воробьи стадами летали по заборамъ и чирикали.

Поодаль стояли маленькія сани съ хромою клячею, не больше жеребенка, на которой крестьянинъ везъ изъ лѣсу дрова, а еще далѣе его полувзрослая дочка, кричала ему что-то, пробираясь босыми ногами черезъ высокіе сугробы снѣга за маленькимъ полѣномъ, которое онъ обронилъ.

Когда мы, звеня колокольчиками, взлетѣли на обнаженную гору, передъ нами открылась необозримая равнина. Ея горностаевый зимній нарядъ придавалъ ей необыкновенное величіе. Онъ одѣвалъ ее всю; только голые стволы невысокихъ ивъ, да виднѣвшіеся вдали длиннорукіе степныя колодцы, вмѣстѣ съ двумя какъ будто бы затерянными, закоптѣлыми хяжинами, чернѣлись на ея снѣжной шубѣ.

Мауше Лебъ Каттунъ вздрогнулъ и вскрикнулъ. Первый взглядъ на равнину произвелъ на него дѣйствіе быстраго яда; его палестинская фантазія начала выражаться библейскими фразами, въ одно мгновеніе она перенесла его изъ страны пушныхъ звѣрей въ страну пальмъ и кедровъ; онъ бросился на козлы, какъ въ лихорадкѣ; онъ отрывалъ въ своемъ мозгу тысячи образовъ для выраженія того, что его мучило; онъ сыпалъ сравненія дюжинами, пока, наконецъ, я

---

*) Эта повѣсть издана авторомъ подъ заглавіемъ: der Capitulant», т. е. солдатъ, выслужившій двойной или тройной срокъ службы, отъ слова «Capitulation», употребляющагося въ Австріи съ совершенно особеннымъ значеніемъ—военныхъ сроковъ.

не велѣлъ ему замолчать. Тутъ онъ сталъ что-то бормотать. Не знаю, продолжалъ ли онъ разговаривать съ самимъ собою или молился, или наконецъ нашелъ желанное сравненіе и углубился въ ту безконечную бѣлую бумагу, на которой онъ записываетъ свои безконечные счеты, и все считаетъ, все считаетъ.

Мы летѣли по твердой, гладкой дорогѣ.

Насупротивъ насъ лежала господская усадьба, а за нею маленькая деревенька; все было посеребрено снѣгомъ; снѣгъ покрывалъ серебромъ жалкія, свѣсившіеся кровли, выводилъ на стеклахъ маленькихъ оконъ серебристые узоры; каждый желобъ, каждый колодезь, каждое хилое деревцо были обвѣшаны серебряными кистями. Высокіе валы снѣга окружали каждое жилище. Люди прорыли себѣ тутъ дорожки, словно барсуки или лисицы. Легкій дымъ, поднимавшійся изъ трубъ, какъ будто бы замерзалъ въ воздухѣ. Большіе серебристые тополи окружали господскую усадьбу. Тамъ и сямъ поднимались вверхъ пылинки инея, словно рои маленькихъ брильянтовыхъ мушекъ, и сверкая тысячью маленькихъ молній, точно миніатюрная буря, носились по воздуху.

Въ концѣ деревни полунагіе крестьянскіе ребятишки съ бѣлыми головами и красными щеками возились въ снѣгу. Они слѣпили изъ него болвана, которому воткнули въ широкій ротъ длинную дудку, въ родѣ того какъ дворяне курятъ трубку. Тутъ же на салазкахъ сидѣлъ молодой крестьянинъ, а двѣ хорошенькія крестьянки съ длинными темными косами и полной грудью, поднимавшеюся подъ бѣлою рубашкою, влекли его черезъ пни и камни. Какъ онѣ смѣялись, ужь какъ онѣ смѣялись!.. а онъ хохоталъ какъ сумасшедшій.

Мы неслись мимо лѣса.

Куда дѣвалась его мелодія? Хриплымъ голосомъ тявкаетъ лисица и кричитъ галка. Пестро-красные листья всѣ одинаково покрыты снѣгомъ. Лѣсъ и небо облиты розовымъ влажнымъ паромъ. Передъ нами теперь только засыпанные снѣгомъ холмы словно волны бѣлаго моря. Тамъ, гдѣ бѣлое небо глядится въ него, оно блеститъ такъ ярко, что на него можетъ глядѣть только тотъ, кто можетъ смотрѣть на солнце. За нами деревня и алѣющій лѣсъ, которые все болѣе и болѣе тонутъ въ отдаленіи. Вотъ мелькнули подслѣднія вершины обнаженныхъ горъ, но и они потонули, какъ холмы и отдѣльныя деревья. Передъ нами только снѣгъ, за нами снѣгъ, надъ нами бѣлое словно снѣгъ небо.

Мы движемся какъ во снѣ. Лошади плывутъ въ снѣгу, сани неслышно скользятъ за ними. Въ сторонѣ отъ насъ пробѣжала по снѣжному полю маленькая сѣрая мышка. Далеко и широко кругомъ не видать ни одной трубы, ни одного пня, ни одной кротовины, а она бѣжала съ такой осторожностью, съ такимъ усердіемъ. Куда? Теперь она превратилась въ маленькую черную точку, а тамъ и эта точка исчезла, и мы опять остались одни. Мы какъ будто бы не двигались впередъ. Ничто не измѣнялось ни передъ нами, ни за нами, даже и небо. Безоблачное, одноцвѣтное, словно вымазанное известкой, оно было неподвижно и даже не мерцало, оно какъ будто бы оцѣпенѣло. Только въ воздухѣ все болѣе вечерѣло, онъ становился рѣзче, онъ рѣзалъ какъ стекло.

Мауше Лебъ Каттунъ недавно остригся; онъ схватилъ горсть снѣгу и принялся тереть имъ себѣ ухо, которое закрылъ потомъ наушникомъ своей шапки. Кончилось тѣмъ, что наши сани остановились, подобно судну въ морѣ, которое, въ тихую погоду, хотя и качается, но все-таки не трогается съ мѣста. Намъ казалось, что мы только ѣдемъ, но не двигаемся ни впередъ ни назадъ,—въ родѣ того какъ, по нашему мнѣнію, мы живемъ. Но живемъ ли мы? Развѣ *быть* не называется у насъ *жить?*.. а въ отношеніи того кто пересталъ быть—развѣ не все равно какъ будто бы его никогда и не было?

Вотъ летитъ воронъ съ широкими черными крыльями, съ раскрытымъ клювомъ. Онъ опускается на покрытый снѣгомъ холмъ. Ужь не занесенный ли это снѣгомъ стогъ сѣна, гдѣ онъ чуетъ мышей? Онъ не то летаетъ, не то скачетъ вокругъ него, онъ какъ будто бы хромаетъ на лету, осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, поднимается на верхъ и начинаетъ клевать. Нѣтъ, это не сѣно, а падаль. А вотъ идетъ и волкъ съ косматымъ затылкомъ; онъ поднимаетъ рыло, и втянувъ въ себѣ воздухъ, рысью подходитъ къ падали. Приблизившись къ ней, онъ начинаетъ ее обнюхивать, взглядываетъ на ворона, визжитъ и машетъ хростомъ, какъ собака, которая нашла опять своего господина. Воронъ стоитъ на верху, хрипло вскрикивая, махая крыльями, и по видимому совершенно счастливый. «Сюда, братецъ, тутъ хватитъ на насъ обоихъ!» Какъ имъ весело, этимъ плутамъ!

Чѣмъ ниже опускается солнце, тѣмъ болѣе оно представляется намъ въ видѣ блестящаго, парообразнаго шара. Оно не заходитъ а опускается въ снѣгъ. Оно разливается, какъ растопленное золото; золотыя волны доходятъ до насъ; чудныя, радужныя тѣни пробѣгаютъ по осыпанному серебромъ снѣгу. Вотъ оно погасаетъ. Тысячи брошенныхъ имъ огней сливаются, блѣднѣютъ. Въ воздухѣ еще носятся легкіе, розовые пары, но и они расходятся; все становится безцвѣтно, холодно и неподвижно.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ намъ на встрѣчу поднялся холодный восточный вѣтеръ.

Вдали плыли сани; легкія волны воздуха доносили до насъ жалобный звукъ ихъ колокольчика, но потомъ и этотъ звукъ замеръ, поглощенный туманомъ, который все болѣе и болѣе увеличивался. Скоро стало совсѣмъ темно; бѣловато-сѣрыя облака, неопредѣленныхъ очертаній, обволокли все небо, — какой страшный флотъ, парусъ на парусѣ! Вѣтеръ дуетъ прямо въ нихъ, они надуваются, флотъ плыветъ—и онъ подходитъ къ намъ, да и мы въѣзжаемъ. Вечерніе пары вспыхиваютъ и разрѣшаются легкими тѣнями.

Еврей останавливаетъ лошадей.

— Собирается буря, говоритъ онъ съ озабоченнымъ лицомъ,—насъ можетъ занести снѣгомъ; отсюда ближе до Тулавы, чѣмъ до дому. Куда прикажете ѣхать?

— Разумѣется, въ Тулаву.

Онъ два раза щелкнулъ кнутомъ надъ головами своихъ лошадей.

Мы полетѣли дальше. Разорванныя волны тумана шумѣли вокругъ насъ, словно птицы съ большими усталыми крыльями. Вотъ каменный столбъ съ изображеніемъ святаго. Направо отсюда—дорога въ Тулаву.

Уже вѣтеръ бьетъ насъ по затылку обоими кулаками; онъ завываетъ ужасными, жалобными, безумными голосами; онъ бросается въ снѣгъ, взрываетъ его, разбиваетъ большія облака, бросаетъ ихъ на земь въ видѣ пушистыхъ охлопковъ и грозитъ засыпать насъ ими. Лошади опускаютъ внизъ головы и тяжело дышатъ. Буря вздымаетъ бѣлые вихри, поднимающіеся до неба,

выметаетъ равнину бѣлымъ вѣникомъ, собираетъ громадныя кучи сора, подъ которыми погребаетъ людей и звѣрей, цѣлыя деревни.

Воздухъ палитъ, какъ будто онъ накаленъ. Онъ сталъ твердъ; буря рветъ его въ куски, которыя врываются въ легкія вмѣстѣ со дыханіемъ, и рѣжутъ какъ осколки стекла.

Лошади медленно и съ трудомъ подвигаются впередъ; имъ приходится бороться съ снѣгомъ, воздухомъ и вѣтромъ.

Снѣгъ сталъ теперь стихіей, которую мы переплываемъ съ величайшими усиліями, которую мы вдыхаемъ, которая грозитъ насъ сжечь. Среди самаго страшнаго движенія природа представляется оцѣпенѣлою и ледяною, а мы—частями всеобщаго оцѣпененія и холода. При видѣ всего этого становится понятно, какимъ образомъ ледъ служитъ могилою допотопнаго міра, какимъ образомъ можно перестать жить, не умирая, не истлѣвая. Огромные слоны, колосальные мамонты лежатъ подъ нимъ, не подвергаясь порчѣ, словно въ амбарѣ, пока трудолюбивые ученые не сварятъ себѣ изъ нихъ супа. Вамъ приходитъ на умъ допотопные обѣды—и вы начинаете смѣяться. Васъ вообще разбираетъ смѣхъ. Вѣдь щекотка возбуждаетъ въ насъ смѣхъ, а холодъ щекочетъ страшно, не переставая, безжалостно. Когда у мнимоумершихъ щекочатъ въ носу, они начинаютъ чихать и за тѣмъ оживаютъ. Все замерзаетъ. Мысли виснутъ въ мозгу въ видѣ ледяныхъ сосулекъ, душа облекается ледянымъ покровомъ, кровь падаетъ въ видѣ ртути. Нравственныя правила являются чѣмъ-то въ родѣ застывшаго въ нашихъ волосахъ тумана. Все идетъ у насъ навыворотъ. Какъ сердимся мы, когда гвоздь нейдетъ у насъ въ стѣну!—мы однимъ ударомъ сбиваемъ у него металлическую головку; мы бросимъ въ уголъ узкій сапогъ, осыпая его самыми бранными словами. Тутъ же, когда намъ приходится отстаивать свое существованіе, мы боремся терпѣливо, безгласно, безропотно, чуть не равнодушно. Жизнь, которую мы такъ любимъ, оцѣпенѣла; а мы, въ этой борьбѣ стихій, тоже что одинъ лишній камешекъ, кусочекъ льда, оцѣпенѣлый воздушный пузырь.

Мы щупаемъ свой собственный пульсъ, какъ чужой. Бѣлая завѣса отдѣляетъ насъ отъ нашихъ лошадей; мы движемся въ саняхъ, какъ въ лодкѣ безъ весла, безъ паруса,—да они почти и не движутся.

Буря воетъ съ прежнимъ однообразіемъ; воздухъ палитъ, снѣгъ кружится вихремъ; пространство и время исчезаютъ. Подвигаемся мы впередъ или стоимъ? Ночь это или день?

Медленно тянутся облака къ западу; тяжело дышатъ лошади, вотъ они вынырнули съ покрытыми снѣгомъ спинами,—снѣгъ падаетъ большими хлопьями, земля покрыта имъ на локоть отъ поверхности, но мы опять можемъ отличать окружающіе насъ предметы и двигаться. Буря еще не утихла, она съ визгомъ бросается въ снѣгъ; земля покрыта туманомъ, словно щебнемъ. Гдѣ мы?

Кругомъ все занесено: ни дороги, ни столба, ни деревяннаго креста, который указывалъ бы на нее; лошади вязнутъ въ снѣгу, онъ доходитъ имъ до груди; отдѣльные затерянные звуки грозы слышатся вдали. Мы останавливаемся, опять пускаемся въ путь, еврей счищаетъ кнутовищемъ снѣгъ со спины лошадей. Два ворона летятъ мимо, молча, едва шевеля черными крыльями. Они исчезли за завѣсой падающаго снѣга. Лошади отряхаются и идутъ быстрѣе. Падающіе хлопья снѣга стали легче, воздушнѣе. Но вдали все еще ничего нельзя видѣть. Опять мы останавливаемся, совѣтуемся.

Наступаетъ ночь, мракъ увеличивается. Еврей погоняетъ кнутомъ лошадей; отбиваемый ихъ ногами тактъ становится быстрѣе. Что это за красная полоска тамъ на горизонтѣ? Ѣдемъ туда! Теперь намъ начинаетъ казаться, какъ будто бы красный мѣсяцъ упалъ на землю, лежитъ въ снѣгу и гаснетъ; что̀ это вспыхнуло и освѣтило темныя тѣни?

— Это крестьянскій караулъ у березоваго лѣска, сказалъ еврей,—а за этимъ лѣскомъ—Тулава.

Когда мы подъѣхали ближе, маленькій березовый лѣсокъ стоялъ передъ нами въ видѣ темной стѣны, освѣщаемой, мѣстами, сильно пылавшимъ огнемъ, который крестьянская стража старательно поддерживала на краю его. Огонь былъ расположенъ передъ лѣсомъ въ видѣ полукруга, такъ что вѣтеръ ударявшій тамъ и сямъ въ маленькія березки, гналъ пламя наружу. Дымъ медленно тянулся къ лѣсу и мало по малу исчезалъ за деревьями.

Вокругъ огня стоялъ теплый, сіяющій паръ. Расположившіеся тамъ караульные вдругъ встали, какъ тѣни. Еврей сдѣлалъ имъ знакъ.

Они въ одну минуту исчезли, исключая одного, который подошелъ къ намъ.

— Это Балабанъ, сказалъ Лебъ Каттунъ.—Вы знаете его? Это старый служака.

Это былъ отставной солдатъ, полевой сторожъ тулавской волости, чрезвычайно добросовѣстный человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ въ околоткѣ. Я не разъ объ немъ слышалъ, но мнѣ до сихъ поръ не представлялось случая познакомиться съ нимъ, поэтому я и сталъ разсматривать его съ особеннымъ интересомъ. Его высокій ростъ и осанка, его голова, его свободныя и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣренныя движенія поразили меня какимъ-то выраженіемъ твердости. Онъ поклонился вѣжливо, но безъ униженія.

— Не потерпѣли ли вы отъ грозы? спросилъ онъ и взглянулъ на лошадей.—Я надѣюсь, что кучеръ исполнилъ какъ слѣдуетъ свою обязанность.

Никакой дворянинъ не могъ бы принять насъ съ большимъ достоинствомъ и граціею. Онъ пригласилъ меня движеніемъ руки къ огню.—Лошади устали, онѣ всѣ въ мылѣ, сказалъ онъ,—да и темно—вамъ бы надо отдохнуть.

— Да мы затѣмъ и пришли сюда, сказалъ я, потому-что расположившееся у огня общество и старый служака заинтересовали меня. Въ это время къ нему подбѣжалъ мальчикъ.

Онъ ласково погладилъ его рукою по бѣлой головкѣ. Онъ казался совсѣмъ другимъ. Я понялъ, что это такой человѣкъ, котораго сразу не узнаешь.

Караульные поднялись.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ я.

Всѣ взглянули на стараго служаку.

— Сосѣдніе помѣщики, сказалъ онъ съ важностію,—да и другіе поляки ѣдутъ сегодня въ Тулаву. Разумѣется, они посылали туда и гонцовъ и письма; они вѣдь тамъ условливаются. Иные ѣдутъ безъ паспорта. Наша обязанность—смотрѣть за этимъ. Можетъ быть что-нибудь и откроется. Вотъ въ чемъ дѣло-то.

— Да, мы стоимъ на караулѣ! сказалъ мальчикъ.

— Въ такую бурю! вскричалъ я.

— Это наша обязанность, отвѣчалъ старый служака,—мы не пропустимъ ихъ и въ мятель, если будемъ тутъ.

Онъ стало - быть совершенно не понималъ, чтобы борьба стихій и опасность могли удержать его отъ исполненія того, что̀ онъ называлъ своимъ долгомъ; это бросалось въ глаза.

Онъ взялъ лошадей за гривы и подвезъ къ огню сани, снялъ съ нихъ покрышку и разостлалъ ее для меня.

— Земля суха, успокоивалъ онъ.—Мы тутъ съ самаго ранняго утра и развели такой огонь, что на немъ можно изжарить цѣлаго быка.

На нѣсколько шаговъ кругомъ лежала зола, которая была еще тепла. Пламя вспыхивало вверхъ или рвалось въ сторону. Снѣжные хлопья летали какъ бабочки, и опустивъ крылья падали въ огонь.

— И Завальскіе тоже ѣдутъ, замѣтилъ мальчикъ.

— Разумѣется, всѣ хорошенькія женщины не прочь отъ участія въ революціи.

— И она, барыня, тоже ѣдетъ? спросилъ еврей, барабаня по плечу стараго служаки.

— Я почемъ знаю?! отвѣчалъ онъ, дѣлая головою движеніе, какъ лошадь, которая хочетъ вспугнуть докучливую муху. Въ глазахъ его блеснуло что-то скрытое, необыкновенное, въ то время какъ лицо его сохраняло тоже самое выраженіе, что и прежде; но минуту спустя онъ уже пристально смотрѣлъ на дымъ, тянувшійся къ березамъ.

Было совершенно тихо, только вѣтеръ слегка раздувалъ огонь.

Я легъ и сталъ разсматривать своихъ сосѣдей.

Я зналъ крестьянина, который стоялъ съ косой на караулѣ въ углу лѣса, и отъ времени до времени подходилъ къ огню, больше для того чтобъ послушать что тамъ говорилось, чѣмъ погрѣться. Его звали Мракомъ; у него было одно изъ тѣхъ рѣшительныхъ, серьозныхъ лицъ, какія обыкновенно бываютъ у нашихъ крестьянъ.

(Продолженіе будетъ).

Гигіена глазъ.

Каждый боится потерять зрѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ глазъ есть именно тотъ органъ, которымъ человѣкъ всего болѣе пренебрегаетъ. Если, въ строгомъ смыслѣ, уходъ за глазами есть ничто иное, какъ разумный образъ жизни вообще, и глазъ склоненъ по своему принимать участіе во всѣхъ нарушеніяхъ общаго благосостоянія организма и въ болѣзненномъ разстройствѣ другихъ жизненныхъ отправленій,—онъ кромѣ того требуетъ особаго (принаровленнаго къ его устройству) ухода, и если только здоровое тѣло можетъ имѣть вполнѣ здоровые глаза, то и для относительно здоровыхъ или для людей, принужденныхъ своей профессіей, ремесломъ или обстоятельствами, сильно и подолгу напрягать зрѣніе, необходима глазная гигіена, при помощи которой они могутъ сохранить зрѣніе въ хорошемъ порядкѣ даже до глубокой старости. Эту-то гигіену мы здѣсь постараемся по возможности кратко изложить.

Такъ какъ глазъ созданъ для свѣта, то онъ нуждается въ свѣтѣ для своего упражненія, какъ легкія въ воздухѣ и слуховой нервъ въ звуковыхъ волнахъ. Беречь здоровый глазъ отнятіемъ у него свѣта—большая ошибка. Продолжительная темнота не разъ уже производила слѣпоту, а продолжительный сумеречный полусвѣтъ—слабость зрѣнія и глазныя болѣзни. Съ другой стороны чрезмѣрный свѣтъ столько же вреденъ глазу, какъ отсутствіе свѣта, точно также и рѣзкіе переходы отъ мрака къ свѣту и наоборотъ. Ребенка — вскорѣ послѣ рожденія — слѣдуетъ пріучать къ дневному свѣту, но исподволь, постепенными переходами; пребываніе въ темной комнатѣ только ослабило бы дѣтскій глазъ и сообщило бы ему излишнюю впечатлительность; но опять таки не надо давать ребенку смотрѣть на солнце, на бѣлыя, ослѣпительныя стѣны и на зеркальныя стекла.

Въ позднѣйшемъ дѣтствѣ необходимо соблюдать слѣдующія предосторожности: не позволять ребенку слишкомъ долго читать, писать, заниматься тонкимъ рукодѣліемъ, особенно при слишкомъ сильномъ дневномъ или искусственномъ—тѣмъ болѣе газовомъ—освѣщеніи, или въ сумерки, или имѣя свѣтъ за рукою, или съ двухъ сторонъ, такъ что происходитъ двойная тѣнь главное наблюдать, чтобъ никогда солнце не падало и то, на что̀ онъ смотритъ. Одно уже долгое сидѣніе вредитъ дѣтскимъ глазамъ. Далѣе: не позволять, чтобъ волосы падали на лобъ, потому что кончики могутъ попадать въ глаза и раздражать ихъ. Внимательное, напряженное смотрѣніе на одинъ предметъ тотчасъ послѣ ѣды—располагаетъ глаза къ воспаленію, а равно чтеніе, писаніе или рукодѣліе тотчасъ послѣ скораго бѣганія, послѣ слезъ и вообще послѣ какого либо разгоряченія. Надо замѣтить, что нѣкоторые глаза сносливѣе другихъ; особенно слѣдуетъ беречь выдающіеся свѣтлые глаза съ рѣдкими бровями и рѣсницами. Дѣтямъ очень вредно много смотрѣть въ увеличительныя стекла или изъ шалости стараться читать черезъ очки. Какъ каждый органъ, глазъ требуетъ отдохновенія послѣ дѣятельности; онъ даетъ знать объ этой потребности тѣмъ, что онъ отъ утомленія становится болѣе близорукимъ и больше приближается къ предмету, чтобы опять яснѣе различать его,—тѣмъ что въ немъ развивается чувство теплоты и вѣки, ощущая какъ бы напряженіе или давленіе, слегка припухаютъ и слегка краснѣютъ,— тѣмъ что труднѣе раскрывать ихъ, точно верхнее вѣко отяжелѣло, и что предметы сливаются, напримѣръ: буквы, точки, мелкіе швы, петли вязанія и передъ глазами разстилается какъ бы легкій туманъ, такъ что невольно хочется протереть ихъ. Если по полю зрѣнія двигаются какъ бы искры или черныя точки, это значитъ, что раздраженіе уже наступило и болѣе чѣмъ пора дать глазамъ отдохнуть.

Выходивъ глаза этими простыми предосторожностями до совершеннолѣтняго возраста, слѣдующихъ правилъ достаточно будетъ, чтобы сохранить ихъ въ полной силѣ и здоровьѣ: 1) Просыпаясь утромъ не вдругъ смотрѣть на яркій свѣтъ (все равно, дневной ли или искусственный); поэтому не хорошо, если постель поставлена лицомъ къ окну или напротивъ оконъ возвышаются бѣлыя ослѣпительныя стѣны. Утромъ не надо тотчасъ же приниматься за чтеніе, а сперва поглядѣть изъ окна, а еще лучше—прогуляться: ничто не дѣй-

ствуетъ такъ благотворно для глазъ послѣ сна или работы, какъ это глядѣніе вдаль. Утромъ для глазъ гораздо лучше писать, чѣмъ читать, конечно не каллиграфически. 2) Не сидѣть въ тѣхъ комнатахъ, куда темныя гардины или густо наставленныя растенія не пропускаютъ дневнаго свѣта, но также избѣгать яркихъ отраженій; по той же причинѣ избѣгать смотрѣть на все ослѣпительное: снѣгъ, песокъ, молнію, солнце, на каминный огонь въ неосвѣщенной комнатѣ. Если же необходимость заставляетъ временно глядѣть на ослѣпительную поверхность, какъ напр. снѣжное поле,—надо носить синіе очки или синюю вуаль. Многіе естествоиспытатели ослабили свое зрѣніе или вовсе лишились его—тѣмъ что слишкомъ много смотрѣли при ламповомъ свѣтѣ въ микроскопы, или отъ чрезмѣрнаго употребленія зрительныхъ трубъ или телескопа; долгое смотрѣніе въ бинокль или стереоскопъ при сильномъ искуственномъ освѣщеніи тоже весьма утомляетъ и ослабляетъ глаза. Это по опыту знаютъ въ особенности дамы. Не надо забывать, что всѣ эти оптическіе инструменты тѣмъ вреднѣе дѣйствуютъ, чѣмъ посредственнѣе ихъ фабрикація и небрежнѣе конструкція стеколъ. Такъ точно безчисленное множество лицъ портятъ себѣ зрѣніе очками, либо вовсе ненужными, либо невѣрно выбранными. 3) Не менѣе, чѣмъ глядѣніе на ослѣпительныя тѣла и стараніе различать предметы въ полусвѣтѣ, утомляетъ глядѣніе на подвижныя тѣла, отчасти потому, что слишкомъ быстро чередуются свѣтъ и тѣнь,—отчасти потому, что, отъ скорости движенія, отдѣльныя особенности ихъ формъ и цвѣтовъ сливаются въ одно неясное впечатлѣніе. Вотъ почему вредно читать, писать или работать подъ деревьями или въ бесѣдкахъ при солнцѣ и вѣтрѣ, колеблющемъ листья, которые бросаютъ безпрестанно передвигающуюся тѣнь на то, чѣмъ занимаешься,—а также всякое занятіе у открытаго окна, гардины котораго развѣваются вѣтромъ, такъ что на предметы падаютъ то солнечные лучи, то тѣнь; по той же причинѣ вреденъ прыгающій и колеблющійся газовый свѣтъ и пр. 4) Часто случается, что глаза страдаютъ отъ дурнаго освѣщенія рабочаго или письменнаго стола. Свѣтъ непремѣнно долженъ падать съ лѣвой стороны, нѣсколько косо и сверху. При работѣ съ искуственнымъ освѣщеніемъ наблюдать, чтобы свѣтъ отъ лампы не падалъ слишкомъ рѣзко-ограниченнымъ кругомъ на работу, и потому избѣгать абажуровъ, темнящихъ всю комнату кругомъ, а брать прозрачно-зеленые или голубые колпаки, лишь умѣряющіе яркость огня, не слишкомъ опредѣленно разграничивая темноту и свѣтъ. Изъ цвѣтовъ голубой и зеленый пріятно дѣйствуютъ на глаза, красный и желтый утомляютъ его. 5) Предохранять глаза отъ ѣдкихъ испареній, въ особенности аммоніакальныхъ, сѣрныхъ и фосфорическихъ; частое нюханіе аммоніакальныхъ солей или спиртовъ, которое такъ-называемыя нервныя женщины обращаютъ въ привычку и потребность, весьма дурно отзывается на глазахъ; тоже самое примѣняется и къ дыму, къ пыли и ко всѣмъ металлическимъ и минерально-кислымъ испареніямъ, непосредственно прикасающимся къ глазамъ вмѣстѣ съ воздухомъ. Вездѣ, гдѣ въ воздухѣ носится много пыли (особенно смѣшанной съ известковыми частицами, около построекъ) или вездѣ, гдѣ онъ наполненъ сажей, металлической пылью и неуловимыми разъѣдающими частицами (какъ на фабрикахъ), необходимо носить консервы и часто промывать глаза свѣжей водою. Даже пропитанный соляными частицами морской воздухъ можетъ вредно дѣйствовать на очень нѣжные глаза. 6) Вообще слѣдуетъ соблюдать правило: держать глаза скорѣе въ прохладѣ, чѣмъ въ теплѣ. Поэтому ихъ нужно часто промывать свѣжей, но никакъ не ледяной водой, только не тотчасъ послѣ усиленныхъ занятій или когда они разгорячены, а всего лучше утромъ со сна, потомъ днемъ послѣ отдыха и вечеромъ ложась спать. При первыхъ болѣзненныхъ признакахъ нужно обратиться къ хорошему глазному врачу, ибо заблаговременно-захваченные симптомы по большей части кончаются ничѣмъ. Многія начинающіяся глазныя болѣзни можно предотвратить перемѣной образа жизни: моціономъ на чистомъ воздухѣ, употребленіемъ въ большомъ количествѣ свѣжей воды и вообще особенной заботою объ исправности пищеваренія и отправленій кожи. Наконецъ, убѣдительнѣйше совѣтуемъ избѣгать продающихся въ изобиліи такъ-называемыхъ глазныхъ водъ, если ихъ не пропишетъ врачъ, потому что всѣ эти хваленыя воды составлены отчасти изъ спиртуозныхъ, отчасти ароматическихъ веществъ, и расчитаны на то чтобы возбудить утомленный глазной нервъ; но это искуственное оживленіе—совершенно тоже самое, что подкрѣпленіе работника водкой: оно влечетъ за собою сначала ускоренное потребленіе жизненной силы, затѣмъ еще большее ослабленіе и истощеніе. Если нужно оживить глаза легкимъ раздраженіемъ, это нужно дѣлать осторожно, послѣ довольно долгаго отдыха. Впрочемъ, на утомленные, разгоряченные глаза тихій, прохладно-сырой воздухъ на вечерней прогулкѣ—дѣйствуетъ благотворнѣе всякихъ глазныхъ водъ, которыя при такихъ простыхъ гигіеническихъ средствахъ по большей части дѣлаются совершенно ненужными.

Политическое обозрѣніе.

Двухъ-дневное пребываніе нѣмецкихъ войскъ въ Парижѣ не ознаменовалось никакимъ безпорядкомъ, благодаря примѣрной дисциплинѣ, господствующей въ прусской арміи, и энергическимъ мѣрамъ принятымъ парижскими властями. 3-го марта въ 11 часовъ нѣмецкія войска, предводимые генераломъ Камеке, выступили изъ Парижа и прямо направились къ Булонскому лѣсу, гдѣ расположена была прусская гвардія съ ландверомъ и артиллеріей и гдѣ императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ имъ смотръ въ присутствіи наслѣднаго принца, графа Бисмарка и генерала Мольтке. Ни самъ императоръ, ни наслѣдный прицнъ не были въ Парижѣ. По окончаніи смотра войска, получили приказъ къ выступленію изъ Франціи. 7-го марта они выступили изъ всѣхъ фортовъ на лѣвомъ берегу Сены, которые и переданы были французскимъ властямъ. Утромъ того же числа императоръ Вильгельмъ съ главною квартирой оставилъ Версаль и дальнѣйшимъ мѣсто пребываніемъ своимъ избралъ замокъ Ферьеръ. Нѣмецкія войска должны были оставить Версаль до 11-го марта и его окрестности не позже 19-го. 9-го марта графъ Бисмаркъ прибылъ въ Берлинъ.

Умирающій левъ.

Рисунокъ Флинцера, гравировалъ Бренд'амуръ.

Читателямъ уже извѣстно, что мѣстомъ заключенія окончательнаго мира назначенъ Брюссель. Уполномоченные соберутся въ этомъ городѣ, какъ извѣщаютъ французскія газеты, около 20-го марта, для составленія трактата, который будетъ носить названіе «Брюссельскаго мира». Совѣщанія ихъ откроются немедленно по окончаніи занятій смѣшанной военной и дипломатической коммисіи, отправляемой для проведенія новой пограничной линіи между Германіей и Франціей *); въ составъ этой коммисіи должны войдти съ той и съ другой стороны по четыре члена, въ числѣ коихъ будутъ высшіе офицеры генеральнаго штаба, инженерный и артиллерійскій, и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Составленіе самаго акта поручается министрамъ иностранныхъ дѣлъ Франціи, Пруссіи и Баваріи—съ тѣмъ, что если имъ встрѣтятся какія либо затрудненія въ подробностяхъ, то они должны будутъ относиться къ г. Тьеру и къ графу Бисмарку, которые и рѣшатъ эти затрудненія по обоюдному соглашенію.

Хотя порядокъ и не былъ нарушенъ въ Парижѣ во время пребыванія тамъ нѣмецкихъ войскъ, но положеніе города далеко нельзя назвать удовлетворительнымъ. Нѣкоторые кварталы, каковы Бельвиль, Монмартръ, Менильмонтанъ и проч., откуда обыкновенно возникаютъ всѣ волненія, еще далеко не упокоились; національная гвардія этихъ кварталовъ успѣла захватить нѣсколько пушекъ и картечницъ, выстроила баррикады, разграбила Гобеленевскую гауптвахту и захватила тамъ значительное количество патроновъ и боевыхъ запасовъ. Серіознаго столкновенія между этими революціонерами и войсками правительства не было; но они грозятъ постоянною опасностью спокойствію Парижа, а потому противъ нихъ принимаются энергическія мѣры,—и сколько можно судить по послѣднимъ телеграммамъ, мѣры эти приносятъ большую пользу. Въ особенности важно назначеніе главнокомандующимъ національною гвардіей генерала Орелля-де-Паладина и начальникомъ его штаба г. Роже-дю-Нора, которые, не смотря на ихъ преклонныя лѣта, извѣстны своею энергіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ на подкрѣпленіе парижскаго гарнизона вызвана одна дивизія луарской арміи, съ которою число линейныхъ войскъ въ столицѣ будетъ доведено до 40,000. 9-го января генералъ Орелль издалъ дневной приказъ, который произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе.

Между тѣтъ въ бордосскомъ національномъ собраніи обсуждается вопросъ о перенесеніи засѣданій собранія въ другой городъ, при чемъ, по мнѣнію большинства, засѣданія эти не должны происходить въ Парижѣ, гдѣ вслѣдствіе волненій, безпрерывно повторяющихся, собраніе не могло бы пользоваться надлежащей свободой для своихъ преній. Коммиссія, коей поручено было разсмотрѣніе означеннаго вопроса, представила въ засѣданіи 7-го марта проектъ закона, назначающій мѣстопребываніемъ палаты Фонтенбло, съ тѣмъ чтобъ перенесеніе туда ея засѣданій изъ Бордо произошло, когда непріятель совершенно очиститъ страну и когда будутъ окончены всѣ необходимыя для перемѣщенія работы. При обсужденіи этого проекта въ засѣданіи 10-го марта г. Тьеръ выразилъ мнѣніе, что гораздо удобнѣе назначить мѣстопребываніемъ собранія Версаль. Въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ предложеніе Паже-Дюноръ, и оно было принято большинствомъ 427 голосовъ противъ 104. Перенесеніе палаты послѣдуютъ немедленно, и 20-го марта уже откроются засѣданія въ Версалѣ.

До сихъ поръ, впрочемъ, по утвержденіи прелиминарій мира, пренія бордосскаго собранія не представляли ничего замѣчательнаго: въ послѣднихъ засѣданіяхъ приняты были мѣры для распущенія подвижной гвардіи, и въ финансовой коммиссіи разработываются предложенія о приведеніи въ порядокъ финансовъ, потрясенныхъ военными расходами, которые, по заявленію г. Тьера въ засѣданіи 8-го марта, простираются, за исключеніемъ Парижа, до 1,100 милліоновъ франковъ. Что касается до уплаты контрибуціи, то нѣкоторыя газеты извѣщаютъ, будто-бы представители дома Ротшильдовъ изъ Лондона, Вѣны и Франкфурта-на-Майнѣ собрались въ Парижѣ и приняли на себя въ теченіе марта уплатить первый миллiардъ контрибуціи. По другимъ извѣстіямъ, нѣсколько американскихъ торговыхъ домовъ вошли въ соглашеніе съ главнѣйшими европейскими банкирами, и предлагаютъ французскому правительству уплатить всю контрибуцію, т. е. пять милліардовъ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, если имъ въ обезпеченіе будутъ отданы всѣ таможенные доходы Франціи.

Вопросъ объ окончательномъ устройствѣ правительства до сихъ поръ еще не былъ возбужденъ въ собраніи; первый намекъ на него находимъ въ парижскомъ *Journal Officiel*, отъ 9-го марта, гдѣ сказано что Франція избрала себѣ республику, потому что только республика можетъ привести всѣ умы къ согласію. «Было бы преступленіемъ, говоритъ далѣе правительственная газета, возбуждать раздоръ, безпорядки и волненіе посредствомъ интригъ, которыя подготовили-бы побѣду меньшинству, желающему водворить монархію или диктатуру; это значило-бы погубить Францію и дѣйствовать въ пользу деспотизма». «Правительство, говоритъ въ заключеніе *Journal Officiel*, полагаетъ свою честь въ томъ, чтобы упрочивать республику, поддерживать порядокъ и наблюдать за исполненіемъ законовъ, которое одно можетъ открыть намъ пути къ полному возстановленію мира».

О претендентахъ на французскій престолъ ходятъ различные слухи: говорятъ, что обѣ линіи Бурбоновъ соединились между собой и признали своимъ главой графа Шамбора (носящаго у легитимистовъ имя Генриха V) съ тѣмъ, чтобъ онъ, какъ бездѣтный, назначилъ своимъ наслѣдникомъ графа Парижскаго, нынѣшняго главу Орлеанскаго дома, старшаго внука покойнаго короля Лудовика-Филиппа; по другимъ слухамъ, графъ Шамборъ отказывается отъ своихъ правъ въ пользу Орлеанскаго дома. До сихъ поръ достовѣрно только одно, что два сына Лудовика-Филиппа, герцогъ Омальскій и принцъ Жуанвильскій, избраны депутатами въ національное собраніе, но выборы ихъ до сихъ поръ не утверждены—и едва-ли утвержденіе ихъ состоится, пока не отмѣненъ законъ, устраняющій отъ участія въ собраніи членовъ всѣхъ домовъ царствовавшихъ во Франціи. Съ своей стороны и Наполеонъ III повидимому не отказывается отъ своихъ притязаній на престолъ Франціи. Въ настоящую минуту онъ, какъ сообщаютъ извѣстія изъ Берлина, не состоитъ болѣе плѣнникомъ, и вѣроятно уже оставилъ Вильгельмсгее, такъ какъ по заключеніи

*) На основаніи конвенціи 26 го февраля къ Германіи отходитъ: 1) весь департаментъ Нижняго Рейна; 2) департаментъ Верхняго Рейна, за исключеніемъ Бельфора; 3) въ департаментѣ Мозеля округи Меца, Саргемюнде и Тіонвиля; 4) въ департаментѣ Мерты округи Саррбурга и Шато-Салена; всего 1,616,778 жителей.

прелиминарій мира, онъ получилъ извѣщеніе отъ прусскаго правительства, что нѣтъ никакихъ препятствій къ его отъѣзду. До сихъ поръ газеты еще не извѣщаютъ, гдѣ онъ намѣренъ поселиться: одни говорятъ, что мѣстопребываніемъ себѣ онъ изберетъ свой швейцарскій замокъ Арененбергъ; другія, что онъ поселится въ окрестностяхъ Граца, гдѣ покупаетъ себѣ помѣстье; третьи, наконецъ, утверждаютъ, что онъ отправится въ Англію и будетъ жить въ Чизльгорстѣ, гдѣ проживаетъ императрица Евгенія съ сыномъ. Между прочимъ онъ обнародовалъ въ газетахъ протестъ противъ своего низложенія, постановленнаго бордосскимъ собраніемъ, которое, какъ онъ провозглашаетъ, имѣло право только рѣшить вопросъ о войнѣ и мирѣ; для измѣненія же формы правленія необходимо обращеніе къ націи посредствомъ плебисцита. Въ заключеніе протеста, Наполеонъ III объявляетъ, что онъ не отказывается отъ своихъ правъ и преклонится только передъ свободнымъ выраженіемъ народной воли.

Заключаемъ наше сегодняшнее обозрѣніе важнымъ извѣстіемъ, которое сообщаютъ послѣднія телеграммы. Изъ Лондона телеграфируютъ, что 10-го марта подписанъ заключительный протоколъ конференціи по черноморскому вопросу, что требованіе Австріи исключительнаго права взимать пошлину съ судовъ на покрытіе издержекъ по регулированію Дуная отвергнуто. Конференція предоставила наблюденіе за работами на Дунаѣ коммиссіи государствъ, владѣнія коихъ лежатъ по берегамъ этой рѣки, какъ то́ постановлено въ 17-й ст. парижскаго трактата. Что касается до общаго рѣшенія конференціи, то результатъ ея какъ сообщаетъ телеграмма изъ Вѣны отъ 11-го марта, есть возстановленіе положенія дѣлъ относительно Чернаго моря въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось до 1854 года.

P. S. Послѣднія телеграммы изъ Лондона:

1-го (13-го) марта, вечеромъ.—Лордъ Грэнвилль въ верхней палатѣ и лордъ Энфильдъ въ палатѣ общинъ сдѣлали слѣдующее сообщеніе:

«Члены конференціи, созванной для урегулированія черноморскаго вопроса, при участіи представителя со стороны Франціи, подписали сегодня договоръ, которымъ отмѣняются условія 1856 г. относительно нейтрализаціи Чернаго моря. Ограниченія, которыя возлагались ими на султана по запиранію Дарданеловъ и Босфора, измѣнены въ томъ смыслѣ, что Порта, даже въ мирное время, можетъ открывать ихъ военнымъ кораблямъ дружественныхъ державъ, если она это найдетъ необходимымъ для примѣненія условій парижскаго договора.

«Затѣмъ договоромъ опредѣлено оставить еще на 12 лѣтъ существующую теперь дунайскую коммисію и дальнѣйшую нейтрализацію уже оконченныхъ и будущихъ работъ этой коммисіи. Портѣ, въ качествѣ территоріальной державы, предоставлено право посылать по Дунаю военные корабли.

«Сверхъ того, конференція подписала протоколъ, которымъ постановлено, что, согласно международному праву, никакая держава не можетъ одностороннимъ образомъ ни прекратить, ни измѣнить договора».

Завтра конференція будетъ имѣть формальное заключительное засѣданіе.

1-го (13-го) марта.—Въ засѣданіи конференціи, происходившемъ сегодня утромъ, всѣ уполномоченные, со включеніемъ представителя Франціи, подписали договоръ объ отмѣнѣ ограничительныхъ пунктовъ договора 1856 г. относительно положенія Россіи въ Черномъ морѣ.

Умирающій Левъ.

(см. стр.157)

Въ прошломъ 1870 году, въ «Нивѣ» была напечатана статья «львы въ звѣринцахъ», полная интересныхъ подробностей о житьѣ-бытьѣ этихъ великолѣпныхъ звѣрей въ неволѣ. Нынѣ прилагаемый рисунокъ представляетъ послѣдній, заключительный эпизодъ этой темничной жизни—послѣднія минуты льва. Подруга его какъ бы не вѣритъ въ возможность близкой разлуки и съ ужасомъ пристально всматривается въ костенѣющія черты грознаго облика. Въ глазахъ ея застыло выраженіе страха, скорби и привязанности; лапой она точно силится растолкать, оживить умирающаго...

10-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

2-го внутренняго 5% займа 1866 года,

произведенный 1-го марта 1871 года, въ присутствіи гг. членовъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій и гг. депутатовъ отъ с.-петербургской городской думы, отъ биржеваго комитета и публики, въ правленіи государственнаго банка.

ГЛАВНѢЙШІЕ ВЫИГРЫШИ:

№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыша.	№№ серій	№№ бил.	СУММА выигрыша.
14,525	9	200,000	16,495	14	1,000
4,542	1	75,000	16,590	17	1,000
1,103	1	40,000	1,030	34	1,000
6,686	39	25,000	17,264	41	1,000
11,740	12	10,000	17,847	33	1,000
8,061	33	10,000	10,134	35	1,000
8,384	19	10,000	3,080	27	1,000
18,658	37	8,000	17.911	40	1,000
8,610	33	8,000	18,593	28	1.000
15,426	49	8,000	13,103	39	1,000
18,663	27	8,000	11,230	34	1,000
7,069	3	8,000	1,895	24	1,000
12,695	2	5,000	157	2	1,000
2,490	49	5,000	12,197	30	1,000
1,569	37	5,000	7,043	9	1,000
462	38	5,000	5,325	20	1,000
19,401	33	5,000	5,712	10	1,000
14,505	27	5,000	10,971	16	1.000
4,965	21	5,000	17,820	14	1,000
16,474	49	5,000	8,322	9	1,000

ВЫИГРЫШИ ПО 500 РУБЛЕЙ.

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
12,998	40	15,136	31	657	34
14,440	45	4,078	46	1,859	45
19,183	12	9,179	16	545	2
18,414	45	7,476	16	16,684	27
18,801	25	6,201	24	19,870	47
16,542	18	15,712	7	7,075	33
2,947	46	9,352	27	13,772	27
7,981	48	16,465	42	4,361	19
11,478	20	10,041	11	12,706	25
15,493	36	10,745	27	13,930	4
19,754	15	6,178	14	14,039	33
17,736	4	7,180	23	12,233	21
7,121	26	14,876	9	12,848	48
15,710	45	859	10	540	25
19,625	45	2,110	41	19,858	47
8,632	17	11,785	30	8,413	36
12,398	44	1,255	22	9,026	43
14,272	10	1,003	35	11,329	33
4,790	22	4,849	25	6,368	25
5,535	49	7,134	42	12,570	24
10,766	22	3,420	24	9,762	4

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
13,918	29	8,566	27	2,669	48
3,538	10	444	19	10,480	14
12,362	9	4,644	14	9,773	45
13,715	14	1,266	35	1,468	40
3,468	34	5,456	32	14,240	5
12,091	20	1,739	33	10,293	48
11,850	32	18,984	9	14,940	6
7,344	19	2,882	40	15,397	23
1,190	5	2,455	48	9,014	16
1,514	32	17,745	31	2,840	47
10,098	21	8,920	28	13,794	31
12,742	18	14,973	32	4,742	37
4,607	39	10,784	2	17,982	31
8,008	20	8,057	30	9,023	14
7,783	35	11,661	36	11,173	38
19,749	24	15,554	13	7,099	14
8,574	41	19,663	16	16,530	44
8,244	28	11,521	41	9,159	37
14,590	39	5.945	6	11,526	48
9,586	44	11,046	8	19,469	42
975	14	186	39	19,509	44
15,133	22	4,286	42	14,474	21
4,394	47	14,948	2	6,141	1
12,882	31	15,368	18	1,041	24
868	44	1,676	37	19.602	25
10,371	41	18,956	43	2,479	29
5,017	27	11,370	44	18,234	23
14,284	5	17.856	9	13,078	50
15,886	26	3,430	4	17,913	6
8.098	5	962	21	18,038	30
9.935	45	3,020	48	13,037	45
5,700	23	17,592	38	13,910	14
12,129	18	18,921	39	1,446	14
18,267	22	19,200	49	7,301	36
6.516	15	4,365	42	8,602	12
1,540	12	11,593	9	17,870	49
13,203	49	10,092	43	9,426	25
421	20	261	33	15,801	14
19,712	24	3,130	19	11,204	47
3,364	35	12,928	4	19,733	35
15,031	6	2,036	18	11,617	16
14,901	25	12,463	26	11,326	1
12,879	35	13,521	30	9,997	11
417	33	18,350	50	18,513	32
3,396	18	11,021	46	17,542	38
18,305	19	10,507	38	18,809	29
6,339	30	17,879	46	10,196	43
5,182	33	9,754	11	8,911	9

№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.	№№ сер.	№№ бил.
7,149	8	15,703	23	17,274	28
5,342	2	15,439	10	16,665	32
19,936	36	4,118	41	10,912	47
8,831	13	8,295	20	8,999	50
7,619	28	15,073	19	10,502	14
5,684	15	9,964	4	14,572	13
14,185	27	19,287	17	3,963	5
2,380	20	10,988	8	2,336	4
5,986	9	4,611	4	12,229	33
16,124	14	10,103	4	2,853	19
17,793	36	12,020	46	7,264	50
11,813	24	11,198	46	13,692	49
7,934	45	9,689	36	15,752	31
14,203	39	1,569	22	284	29
8,345	17	13,540	18	1,995	5
2,005	39	1,149	19	3,079	38
5,182	42	6,550	20	9,553	49
3,763	30	14,583	32		

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 1-е марта 1871 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

8.140, 8.944, 9.418, 3.565, 16.177, 12.083, 10.528, 1.428, 14.347, 995, 23, 12.262. 16.512, 15.073, 3.279, 18.815, 15.772, 18.676, 2.535, 5.520, 17.676, 4.259, 4.637, 7.782, 15.876, 15.872, 7.276, 2.105, 15.160, 17.126, 19.952, 12.408, 5.780, 3.383, 18.116, 3.498, 1.939, 17.199, 10.687, 10.968, 12.808, 17.748, 1.270, 18.448.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 5 Марта 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск. д. № 9—13. Типогр. ... д. № 1—45.

№ 11. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана.
Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца Б. Бэръ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

Запорожцы.

(Историческая быль временъ Екатерины Великой).

Посмертное твореніе Нестора Кукольника.

(Окончаніе).

— Имъ еще не до насъ, сказалъ Терешко:—мы еще поспѣемъ!.. и какъ кошка Терешко взобрался на вершину горнаго дуба, осѣнявшаго монастырскія ворота.

— Знатно дерутся! Отсюда вижу команду! Надо быть самъ Калга Султанъ! А какой у него конь—вотъ что бы мнѣ такого коня!.. Погано, пане Хаджи-Оглу. Какъ телятъ берутъ вашихъ, да вяжутъ! Фе! Какъ стыдно! Ни пана Хаджи, ни Чатырь-Пана, никого не видно; до лѣсу, да пятами закивали..... Ой, братики, чтобы тутъ до насъ не забрались! будьте всѣ на поготовѣ; а чтобъ не спутаться, такъ помните, что мы бѣжать сразу не будемъ: сначала на нихъ ударимъ, искры изъ глазъ вышибемъ, а тогда уже до лѣсу на Чуркову дорожку. Знаете, на ту, что черезъ большой камень перескочить надо. Объ тотъ камень Ханычата лбы побьютъ, а ужъ насъ не догонятъ.—Ге, ге! Съ коней слазятъ! Видно баталію покончили. Женъ, да дѣвчатъ собираютъ. Можетъ быть и эти бенкетъ справлять станутъ, тогда ужъ развѣ намъ потѣшиться. Нѣтъ! Эти хитрѣе! Воловъ запрягаютъ. Пропали наши гроши! Нѣтъ, татарва поганая! Своего даромъ не отдадимъ! До работы!

Шпакъ не ошибся—эти были благоразумнѣе; и не удивительно: это былъ цвѣтъ Ахтырскихъ и Балаклавскихъ налетовъ, ими предводительствовалъ Адиль-Шахъ. Самоувѣренная оплошность Хаджи-Оглу, а болѣе вино и красота женщины были причиною, что побѣда обошлась Шаху слишкомъ легко; но за то она была далеко не полная: ни между трупами ни между плѣнниками не было ни Хаджи-Оглу, ни Чатырь-Бея, ни Фатьмы. Налеты, укладывая ханскихъ женъ и невольницъ въ маджары и запрягая воловъ, восхваляли пророка и распорядительность Адиль-Шаха; но за то онъ самъ былъ въ отчаяньи. Фатьма пропала. Распросы удостовѣрили его только въ томъ, что она была подарена Чатырь-Бею, а куда онъ съ нею дѣвался, этого никто не могъ объяснить. Мѣстность не позволяла преслѣдовать бѣжавшихъ; надо было покориться печальной необходимости и отправиться въ путь безъ Фатьмы. Медленно поднялся обозъ съ мѣста; факелы освѣщали не дорогу, но кочки и коренья деревъ, по которымъ надо было выбираться изъ этой трущобы; Адиль-Шахъ ѣхалъ одинъ впереди, въ глубокомъ раздумьи; налеты шарили между деревьями и на пути успѣли выбить спрятавшихся двухъ разбойниковъ; но то не былъ ни Хаджи-Оглу, ни Мурдоулатъ. Маджары и арбы, подымались по мѣрѣ того какъ успѣвали закладывать воловъ, безъ всякой осторожности и порядка, такъ что обозъ растянулся на слишкомъ большое пространство—и когда Адиль-Шахъ стоялъ уже на дорогѣ, на полянѣ еще торчали двѣ арбы; погонщики не могли отыскать своихъ воловъ, вѣроятно распуганныхъ выстрѣлами. Между тѣмъ Шпакъ съ своею дружиною бережно подъѣхалъ къ полянѣ; убѣдясь, что Ханычата ушли далеко, онъ выждалъ нѣкоторое время;

когда же оба погонщика съ пустыми руками воротились къ своимъ арбамъ, гайдамаки спѣшились, бросились на нихъ съ особенною быстротою, свалили съ ногъ, связали, и хотѣли уже тащить арбы на монастырь. Но Терешко остановилъ ихъ усердіе....

— Нѣтъ, дѣтки, чортовы тѣ воза какъ заиграютъ на нѐмазаныхъ осяхъ татарскую музыку, такъ въ Старомъ Крыму слышно будетъ. Нѣтъ, лучше поѣдемъ, да помолчимъ, пока Ханычата совсѣмъ уберутся.—Гей, Куцый, а ну, взлѣзь на дерево, посмотри: гдѣ кто?..

— Всѣ на дорогѣ, отвѣчалъ Малюсь съ дуба. — Потянули до Стараго Крыма.

— А много ихъ?

— Да и не мало! Будетъ двѣ сотни конныхъ; да и пѣхота большая, — да возы татарскіе, а впереди должно-быть самъ Калга ѣдетъ...

— Дурный, дурный Хаджи-Оглу! Наука — съ чужими женками не женихайся, да христьянскаго вина не пей! Дай мнѣ твоихъ четыре сотни, да твоего чернаго коня, такъ панъ Калга самъ-бы-одинъ до хана вернулся. А что, Куцый, что тамъ еще видно?

— Свѣтъ божій да край неба.

Терешко а за нимъ и всѣ гайдамаки перекрестились.

— Да подъ самымъ край-небомъ село, да церковь...

Терешко и гайдамаки опять перекрестились.

— Дай Господи, молись, Куцый, чтобы за правду намъ поскорѣе церковь божью увидать. Пускай я и гайдамака, а все-таки—не знаю, какъ вы, родные мои братцы,—а у меня больно щемитъ сердце, что до такого забрались краю, что негдѣ и Богу помолиться.

— Дастъ ли Богъ намъ и выбраться отсюда?! сказалъ кто-то въ дружинѣ.

— Не журись! Войною до Крыма пришли, войною и выйдемъ. Только ужь намъ по степямъ и дорогамъ да еще съ бабами шататься не приходится. Послѣ сегодняшней передряги сюда не скоро гости будутъ; тутъ лѣсовина богатая, засѣчемъ дорожки, монастырь укрѣпимъ;—но братики, чтобы передъ Богомъ намъ уже не каяться, да чтобъ и съ прошлаго счета что-нибудь у насъ на томъ свѣтѣ снято было, такъ ужъ съ татарвой не брататься. Будь тамъ самъ Ханъ, а все-таки татарва—погань. Насъ не мало! Панъ Колпакъ съ двадцатью казаками на двѣ сотни ногаевъ ходилъ, да цѣлую копу ихъ пригналъ будто стадо овецъ до Коша. А гайдамака — не сѣчевикъ лѣнивый; курень его — степь безглазая; кухарь — рука гайдамацкая; живность — колосъ на нивѣ, кислица да орѣхъ на деревѣ.... Такъ что́ же, братцы, будемъ въ этомъ лѣсу держаться?..

— Будемъ пане, Терешко! Какъ укажешь, такъ и будемъ держаться.

— Не будете каяться, что повѣрили?

— Тато, тато! съ дуба понизивъ голосъ сказалъ Куцый.

— А что, Малюсь?

— До нашего монастыря кто-съ пошелъ...

— А много ли ихъ?

— Одинъ, да толстый и высокій...

— Увидимъ; да-таки и намъ пора! Ну, хлопцы, что́ тамъ намъ Богъ въ тѣхъ арбахъ послалъ—разберемъ дома, а теперь потащимъ на себѣ; гей, до работы!

Но несмотря на силу гайдамацкую, арбы катились туго; люди мучились, а подвигались очень медленно. Терешко приказалъ снимать грузъ и по возможности вьючить на лошадей, но оказалось, что не стоило и поднимать такой добычи: въ одной арбѣ помѣщалась ханская аптека; въ другой бумаги. Терешко тотчасъ смекнулъ, что бумаги не могутъ имѣть такого огромнаго вѣса, чтобы десятокъ гайдамакъ не смогъ прокатить свободно дрянную одноколку на пространствѣ нѣсколькихъ саженъ; приказалъ арбу съ аптекой бросить, а другую съ бумагами тащить всей громадѣ,—и за тѣмъ еще арба порядочно упиралась, однако же довольно скоро доползла до монастырскихъ воротъ. Заслышавъ пискъ арбы, монастырскій гость, вѣроятно полагая, что кто-либо изъ окрестныхъ деревень ѣдетъ на базаръ въ Эски-Крымъ, вышелъ къ воротамъ; увидавъ гайдамакъ, онъ примѣтно обрадовался.

— Чатыръ-Панъ! невольно вскрикнулъ Терешко, увидавъ его, — ты какъ сюда попалъ?

— Я не пью богопротивныхъ напитковъ, сухо отвѣчалъ Мурдоулатъ. — Оттого и уцѣлѣлъ...

— А Хаджи-Оглу?

Мурдоулатъ махнулъ рукой.

— Что? повѣсили?

Тотъ сдѣлалъ головою знакъ отрицательный.

— Въ полонъ забрали?

Бей повторилъ тоже движеніе.

— Чортъ же тебя тамъ пойметъ! Ушелъ, что ли?

— Не знаю. Я ушелъ первый, спустился въ оврагъ съ моею драгоцѣнною ношей—и когда настало утро, когда я убѣдился, что кромѣ васъ тутъ никого не было, тогда только я рѣшился перекочевать къ вамъ, чтобы обогрѣть и покормить мою пташку... Выбилась изъ силъ... Теперь слава Богу, кажется, приуснула...

— Гей, Куцый! Выпусти и нашихъ тетерокъ! Нехай панна Марта хозяйничаетъ, какъ на хуторѣ у пана Колпака. Ты ужь не сердись, Чатыръ-Панъ, у насъ тутъ своя Сѣчь заводится, такъ ужъ изволь нашего начала слушаться...

Въ монастырѣ раздался звонкій голосъ панны Марты, раздававшей приказанія своему штату. Терешко поставивъ стражу у воротъ и у калитки, пошелъ въ трапезу, гдѣ панна Марта со всѣми женщинами хлопотала около Майи, совершенно безчувственной...

— Бѣдная дѣвочка! такъ возглашала панна Марта: — боюсь, не умерла ли...

— Умерла, такъ умерла, не мы ее съ вами замучили...

— Да вы не знаете, пане гайдамако, какая это важная панночка...

— Не моя, такъ мнѣ какое дѣло! Вотъ что вы, панна Марта, моя—такъ это мнѣ очень извѣстно и пріятно. Я же тутъ въ лѣсу хочу и Сѣчь завести, такъ и хорошо что есть такая чудесная хозяйка.

— Да отстаньте, пане гайдамако; видите, какъ мертвая лежитъ...

— Вы вѣрно позабыли про ногайку; такъ я вамъ напоминаю и докладываю, что я уже не гайдамака, а батько атаманъ новой Крымской Сѣчи, вельможный панъ Терешко Шпакъ Косматый; такъ чтобъ вы такъ меня вельможнымъ паномъ и называли. Ну вотъ теперь вы уже можете моей вельможности про эту панночку докладывать, а я буду слушать. Ну, такъ кто же та, панночка...

— Дочь алуштинскаго Пана Великаго, Ширинка и Герайка; вы это разумѣете?

— Ты хотѣла сказать, моя вельможность?

— Нехай и ваша вельможность...

— Не нехай, а чтобъ мнѣ такъ было. Ну, дальше! Что же это Ширинка, а что Герайка?

— Можетъ-быть вы слыхали, что въ Крыму есть свое шляхесство?

— Чулъ.

— Въ томъ шляхетствѣ три старшихъ рода: Ширинъ, Барумъ и Мансуръ.

— Ширинъ - Барумъ, это гайдамацкое присловье, а тутъ еще Мансуръ; пускай будетъ и Мансуръ. Ну, а Герайка?

— А въ Ширинскомъ родѣ—Гераи, то уже такіе, изъ которыхъ для Крыма турка хановъ беретъ; самые наистаршіе, отъ вѣка на ханствѣ сидѣли—и сколько хановъ ни было, Крымъ ли, Селимъ, а все-таки Герай.

— Добре. Такъ значитъ она ханская дочка....

— Да хоть и не ханская, а все-таки важная.

— Ну, шляхцянка, да еще и ясновельможная. Значитъ Чатыръ-Бей правъ, много за нее грошей возьметъ...

— Чатыръ-Бей? А гдѣ же онъ?

— Вонъ у дверей торчитъ...

— А знаешь, пане гайдамаку...

— Опять?

— А знаете, ваша вельможность, какой это бѣсъ?..

— Знаю.

— А не стыдно вамъ съ такими лайдаками брататься?

— Стыдно.

— Такъ зачѣмъ же вы его не обвѣсите на воротахъ?

— Бо воротъ чортъ мае *); монахи унесли.

— Такъ можно и на осинѣ...

— И осины во всемъ Крыму ни одной не бачилъ.

— Да вы жартуете, а не знаете, что вашъ пріятель домъ отца ея поджогъ; въ сумятицѣ бѣдную Фатьму укралъ, Селиму продалъ, Майей тамъ ее назвали; а она Шагинъ-Гераева невѣста, очень жениха любитъ; что мы съ ней намучились въ гаремѣ! Знаете ли, пане гайда...

— А ну, ну...

— Ваша вельможность, что ее и били бѣдную, и мучили, и ужъ Богъ знаетъ, что съ нею въ гаремѣ дѣлали... Не сдалась!

— Не сдалась! Молодецъ!

— Разъ ножа добыла, да чуть самого Селима не зарѣзала...

— Ай да дѣвочка! Вотъ, панна Марта, не по вашему...

— Про своего милаго Шагинъ-Герая день и ночь плакала и вздыхала. Все поджидала, что онъ изъ Кефы съ турецкимъ войскомъ за нею придетъ...

— А онъ въ Кефѣ?

— Сидитъ подъ турецкой охраной, не смѣетъ носа высунуть, потому что Селимъ на него зубы точитъ; видите, онъ, какъ всѣ въ Ханъ-Сераѣ говорили, самый близкій человѣкъ къ ханскому стулу...

— Вижу, панна Марта, что вы не даромъ такъ долго въ Крыму прожили: всякаго политичнаго знанія понабрались—и мнѣ пріятно при своемъ боку такую кралю держать...

— Да вы отцѣпитесь или нѣтъ?..

— А вы все, панна Марта, про нагайку забываете. Вы же сами знаете, что вы не Ширинка, не Герайка какая. Служили двумъ ханамъ некрещенымъ исправно, да пану Колпаку; а что онъ?—полковникъ куренной атаманъ. А я Кошевой; разумѣете? У меня свое войско, своя управа; нема у меня клейнодовъ войсковыхъ, такъ вы уже у меня, панна Марта, за булаву служить будете. Ну, вотъ и Ширинка проснулась... Даю вамъ отдыхъ, пока вы ее поправите. А тамъ...

— Что же будетъ тамъ?

— Про то знаетъ моя вельможность...

Между тѣмъ Майя или Фатьма дѣйствительно очнулась и осматривалась съ удивленіемъ.

— Неужели мнѣ все это снилось, неужели я опять въ ненавистномъ гаремѣ? тихо прошептала она, но увидѣвъ Чатыръ-Бея, который, какъ тигръ, приближался къ своей добычѣ, она вскрикнула, закрыла глаза руками и простонала: — нѣтъ, онъ здѣсь! Я погибла!.

— Успокойся, Астра Алуштинская! Я тебя славно пристрою. А продамъ тебя нашѣ кефинскому или Адиль-Шаху, кому хочешь...

— Адиль-Шаху, Адиль-Шаху...

— И кстати! Онъ теперь въ Кефѣ со всѣмъ ханскимъ обозомъ...

— Такъ васъ не ханычата побили? спросилъ Терешко, гладя пухлую руку панны Марты.

— Стыдно признаваться, а правда. Да не въ томъ сила! Зрачекъ солнца, гурія райская, уйми свое горе, покушай, укрѣпись, и мы отправимся въ Кефу...

— Къ Адиль-Шаху?

— Къ Адиль-Шаху...

— Бреше! (лжетъ) сказала панна Марта Терешкѣ:— Адиль-Шахъ—первый другъ Шагинъ-Герая и первый врагъ этого звѣря. Не знаю, кто въ баняхъ разсказывалъ Ѳіолѣ, что этотъ песъ взялъ большія гроши съ одного кефинскаго грека, по имени не называю, чтобы не догадался...

— А за что же онъ взялъ гроши?..

— Чтобы схватить Адиль-Шаха, да живцемъ притащить до грека; потому что онъ у того грека дочку въ гаремъ взялъ.

— Вотъ что! Такъ значитъ мы за нимъ-то и ходили; Хаджи намекалъ, да ханскій обозъ все перепуталъ. А на лучшее вышло; безъ того я не добылъ бы панны Марты...

— Да ну, цуръ вамъ, хоть бы при людяхъ не приставали...

— Такъ бреше татарчукъ?

— Бреше! Хочетъ бѣдную одурить, да кому ни есть изъ шагиновыхъ враговъ и продать...

— Не продастъ!..

— Какъ не продастъ! Это его промыселъ. Онъ всѣмъ мурзамъ и султанамъ плѣнницъ добываетъ.

— Не продастъ, говорю!

Чатыръ-Бей, между тѣмъ, подошелъ къ Фатьмѣ и видя, что не смотря на всѣ убѣжденія она не хочетъ подкрѣпить себя пищей, взялъ чадру и сказалъ со злобною улыбкою:—Нечего дѣлать! Пойдемъ и на тощакъ...

— Спасите, помогите!... вскрикнула Фатьма и еще не затихъ крикъ ея, какъ та же чадра обвернулась около головы Мурдоулата; руки были скручены и связаны; оружіе снято; карманы обшарены, и страшный Чатыръ-Бей, знаменитѣйшій волкъ Чатыръ-Дага, какъ бревно скатился въ подземную келью.

— Говорилъ, что не продастъ! торжественно сказалъ Терешко, задвигая дверь.

*) Оттого что воротъ нѣтъ.

— Ай да Шпакъ! закричала панна Марта и забывшись бросилась ему на шею.

— Давно бы такъ, сказалъ Терешко утираясь: — Ну а ты, пани Ширинка Герайка, какъ тебя тамъ зовутъ, покушай, выспись, а какъ смеркнется, я самъ тебя до Кефу отвезу и безъ всякаго выкупа отдамъ Адиль-Шаху. Я про него много хорошаго слышалъ, а какъ дерется важно, такъ и здѣсь, и на Орели видѣлъ. Уважаю, уважаю...

— На Орели? спросила панна Марта.

— Вы, панна Марта, все Крымъ-Гераевой бородой забавлялись, такъ на другихъ вамъ и смотрѣть было нѣкогда. Ну, теперь довольно мнѣ въ гаремѣ забавляться. Вы тамъ себѣ какъ хотите, а чтобы мнѣ и войску былъ обѣдъ. А пока день, мы станемъ укрѣпляться, чтобы до ночи все было готово. А ночью Ширинку панъ Терешко самъ везетъ до Кефы, до Адиль-Шаха, а оттуда привезетъ живности и всего, что нужно для нашего славнаго товариства!

Здѣсь кончаются похожденія нашихъ героевъ. Наступившія затѣмъ событія приняли размѣры слишкомъ громадные — и въ вихрѣ ихъ затерялись судьбы отдѣльныхъ личностей. Русскія войска, стоявшія у Перекопа, вторглись на мѣсто дѣйствія. Князь Василій Долгорукій, впослѣдствіи получившій наименованіе Крымскаго, прорвалъ перекопскія линіи, защищаемыя шестидесяти-тысячною арміею татаръ и турокъ подъ личнымъ начальствомъ хана, и овладѣлъ всѣмъ Крымомъ. Выборные отъ татаръ подписали актъ 1772 г., по которому отказывались признавать верховенство Порты и отдавались подъ покровительство Россіи. Два года позже и со стороны Порты, по Кучукъ-Кайнарджійскому миру, признана независимость татаръ. Вліяніемъ Россіи даже смѣненъ былъ заступившій мѣсто Селима ханъ Девлетъ-Герай, и престолъ крымскій занялъ извѣстный намъ женихъ Фатьмы, другъ Адиль-Шаха, Шагинъ-Герай. Когда же Селимъ-Герай III, поддерживаемый сторонниками Порты, попытался свергнуть его съ трона, то Суворовъ силою оружія снова возстановилъ его, какъ приверженца Россіи. Затѣмъ наступаетъ рядъ усобицъ въ Крымѣ и наконецъ вторично-возстановленный Шагинъ-Герай, актомъ 18-го іюня 1783 г., отрекся отъ престола, крымскіе мурзы присягнули на русское подданство. Такимъ образомъ положенъ былъ предѣлъ хищничеству крымцевъ; горные разбойники въ родѣ Хаджи-Оглу, Мурдоулата и тому подобныхъ мало-по-малу перевелись въ древней Тавридѣ; прекратились набѣги хановъ съ ордою на цвѣтущія степи Малороссіи и Новороссіи; самый дворецъ ханскій въ Бахчисараѣ опустѣлъ—и нынѣ лишь могильные памятники, нѣкогда хранимые Юсуфомъ-Эффенди, свидѣтельствуютъ о минувшемъ блескѣ и роскоши тѣхъ, коихъ имена начертаны на холодномъ камнѣ вмѣстѣ съ изрѣченіями корана. Послѣдній изъ хановъ, много претерпѣвшій на своемъ вѣку, Шагинъ-Герай былъ отправленъ на житье въ Калугу. Успѣлъ-ли Терешко возвратить ему Фатьму и что сталось съ самимъ гайдамакой Косматымъ и панной Мартой — преданіе умалчиваетъ. Не время было основывать новыя Сѣчи, когда и старая затрещала въ общемъ разгромѣ 1772—74 годовъ. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, Запорожье перестало служить оплотомъ со стороны татаръ—и Сѣчь, отжившая свой вѣкъ но не хотѣвшая отказаться отъ старыхъ порядковъ, была занята русскими войсками (1775). Часть буйной вольницы запорожской ушла въ Турцію и приняла турецкое подданство, а часть оставшихся запорожцевъ переселилась на Кубань и образовала новое войско—черноморскихъ казаковъ. «Учрежденіе о губерніяхъ» изгладило самое имя Запорожья вмѣстѣ съ его общиннымъ бытомъ, рыцарскими правами, грабежомъ, неурядицей и тѣмъ безшабашнымъ удальствомъ, которыхъ изображеніе посильно выполнено въ этомъ разсказѣ.

Псалмопѣвцы.

Кто изъ петербуржцевъ не любовался картиною московскаго художника, В. Е. Маковскаго, бывшею однимъ изъ лучшихъ украшеній прошлогодней выставки въ Академіи Художествъ? Это произведеніе, проникнутое чисто-русскимъ духомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ мастерски-побѣжденныя техническія трудности въ колоритѣ — именно: сочетаніе краснаго цвѣта кафтановъ у пѣвчихъ съ краснымъ освѣщеніемъ отъ восковыхъ свѣчей. Гравюра, само собою разумѣется, не можетъ передать послѣдняго эффекта; что же касается типичности лицъ, то прилагаемый рисунокъ, исполненный на деревѣ самимъ авторомъ и гравированный Германомъ Кохомъ, вполнѣ воспроизводитъ впечатлѣніе оригинала. По одной складкѣ губъ вы можете опредѣлить голосъ каждаго пѣвца. Посмотрите какъ рѣзко выдаются оба тенора: одинъ изъ нихъ высокій и худощавый, одностепенный, пожилой человѣкъ, очевидно давно уже въ хорѣ, всею душою преданъ своей профессіи, знаетъ наизусть большую часть псалмовъ, поетъ смѣло и увѣренно, возводя глаза съ набожнымъ видомъ; другой плотный сангвиникъ, вѣроятно любящій еще и пожить, внимательно смотритъ въ ноты, изо всѣхъ силъ слѣдуя за первымъ. Какъ сосредоточенно гудятъ баса, одинъ уставясь глазами на нотную тетрадь, другой заглядывая ему черезъ плечо! Между обѣими группами на заднемъ планѣ, видѣнъ альтъ — быть-можетъ самая типичная изъ всѣхъ пяти фигуръ: столько добродушія, любви къ дѣлу, старанія и непоидѣльной набожности разлито въ этомъ характерномъ лицѣ. Трепещущій свѣтъ воску яраго ложится по стѣнамъ храма, украшеннаго образами древнегреческаго письма.

Въ 1869 году, еще не будучи знакомы съ В. Е. Маковскимъ, мы восхищались на тогдашней академической выставкѣ прелестною картинкой «крестьянскіе мальчики, стерегущіе лошадей» и предсказывали ему дальнѣйшіе успѣхи на поприщѣ русскаго жанра. Намъ пріятно вспомнить, что мы не ошиблись: «псалмопѣвцы» въ сравненіи съ первымъ произведеніемъ В. Е. Маковскаго—несомнѣнно шагъ впередъ—и огромный шагъ. Неопредѣленныя очертанія дѣтскихъ лицъ, собравшихся въ ночномъ у огонька, здѣсь окрѣпли, возмужали и развились въ сложныя физіогноміи зрѣлаго возраста, оставаясь вѣрными чисто-русскому характеру, которымъ запечатлѣно было и первое произведеніе, и той сферѣ свободнаго безтенденціознаго творчества, что составляетъ идеалъ стремленій каждаго истиннаго художника.

Псалмопѣвцы.

Съ картины В. Маковскаго, рисунокъ на деревѣ исполненъ самимъ авторомъ, гравированъ Г. Кохомъ.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

(съ англійскаго).

На краю канавы сидѣлъ какой-то человѣкъ, свѣсивъ ноги въ ровъ и закрывая лицо руками; вокругъ тѣснились уличные мальчишки — нѣтъ ничего на свѣтѣ безжалостнѣе нью-іоркскихъ уличныхъ мальчишекъ, не исключая даже и дикихъ лѣсныхъ звѣрей, — бросая грязью и каменьями въ его непокрытую голову, называли его такими ругательными именами, которыя грязнѣе всякой грязи, и радуясь, что нашли кого помучить, кричали и ревѣли какъ демоны.

Проходившій мимо джентльменъ—одинъ изъ тѣхъ стройныхъ, широкоплечихъ мужчинъ съ свѣтлыми глазами, на которыхъ любуются даже незнакомые съ ними люди,—очевидно богатый и счастливый, составлялъ величайшій контрастъ съ человѣкомъ на краю канавы. Тѣмъ не менѣе онъ остановился, потому-что признавалъ ту связь по человѣчеству, которая соединяла его съ этимъ бѣднякомъ,—и схвативъ за воротъ перваго попавшагося ему подъ-руку мальчишку, сильно встряхнулъ его.

— Попробуй-ка бросить еще одинъ камень, и ты заноешь другимъ голосомъ!.. вскричалъ онъ.—Что вы тутъ дѣлаете? Что сдѣлалъ вамъ этотъ человѣкъ? Васъ негодяевъ слѣдовало бы хорошенько поколотить—и я вовсе не прочь отъ этого. Скажите, что̀ сдѣлалъ вамъ этотъ человѣкъ?

— Онъ пьянъ! провизжалъ мальчикъ. — Простите же меня, сударь. Онъ пьянъ!

И вырвавшись изъ рукъ джентльмена, онъ убѣжалъ— что̀ дѣлаютъ вообще всѣ забіяки, когда надъ ними возьмутъ верхъ. Джентльменъ обратился къ человѣку на краю канавы.

— Мальчишки убѣжали, сказалъ онъ.—Вамъ лучше бы всего идти домой.

— Вы очень добры, что принимаете участіе въ нищемъ, учтиво отвѣчалъ тотъ.—Что же касается до возвращенія домой, то у меня нѣтъ никакого жилища — и какъ нарочно я именно теперь-то всего менѣе пьянъ.

— Мальчишки ранили васъ, сказалъ съ состраданіемъ джентльменъ.—У васъ на лбу кровь. Какіе же они негодяи! Судя по вашему обращенію, вамъ вовсе не слѣдовало бы находиться въ подобномъ положеніи. Не угодно ли вамъ принять отъ меня эту бездѣлицу, для того чтобъ у васъ было на что̀ поужинать?

— Клянусь Богомъ!... вскричалъ первый страстнымъ тономъ, который составляетъ переходъ отъ угрюмости и отчаянія къ чувству умиленія у тѣхъ, кто не привыкъ къ подобному обращенію.—Клянусь Богомъ, я думалъ, что добрыхъ людей уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ. Мною помыкали, меня обманывали и обкрадывали до тѣхъ поръ, пока я возненавидѣлъ людей. Да, я ненавидѣлъ ихъ. Я беру эти деньги и благодарю васъ за нихъ, какъ благодарилъ бы брата. Я испытываю къ вамъ такое чувство, какъ будто бы вы и въ самомъ дѣлѣ мой братъ.

Во время этой рѣчи по щекамъ его катились слезы; это было такое трагическое зрѣлище, что еслибы улица, на которой стоялъ онъ, превратилась въ театръ, а онъ самъ въ актера, то всѣ зрители приподнялись бы съ своихъ мѣстъ, такъ какъ никогда еще не бывало актера, который выказалъ бы столько чувства. А между тѣмъ это былъ жалкій нищій, просившій у сострадательнаго джентльмена братскаго чувства.

Его собесѣдникъ былъ человѣкъ съ сердцемъ; его собственныя достоинства не возбуждали въ немъ никакой гордости, страданія другихъ трогали его до глубины сердца, на глазахъ его показались слезы—и онъ спросилъ его, кроткимъ тономъ:

— У васъ вѣроятно нѣтъ работы?

— У меня вообще ничего нѣтъ, возразилъ тотъ,— даже мужества и надежды нѣтъ. Я десять лѣтъ былъ золотоискателемъ въ Калифорніи. Половину собраннаго мною золота я проигралъ въ Миссисипи, а въ Каиро у меня украли остальное. Я не знаю, отчего я не спрыгнулъ съ того моста въ воду.. Можетъ-быть оттого, что я сильно страдалъ на этомъ свѣтѣ, что мысль о будущей жизни не можетъ внушить мнѣ того успокоительнаго чувства, съ которымъ думаютъ о ней другіе. Я испыталъ здѣсь столько мукъ, что не могу даже представить себѣ, чтобы меня ждало нѣчто лучшее въ небѣ. Работы? Нѣтъ ли ее у васъ для меня? Попробуйте дать ее мнѣ, если только она у васъ есть.

— Я могу доставить вамъ только самую грубую работу, работу носильщика, сказалъ джентльменъ.—Я постараюсь сыскать вамъ что-нибудь получше. Вотъ моя карточка. Переночуйте сегодня въ какой нибудь гостиницѣ. Напейтесь кофе и приходите завтра утромъ ко мнѣ.

Странникъ остался одинъ съ деньгами въ рукахъ, о которыхъ онъ почти забылъ. Онъ смотрѣлъ вслѣдъ за своимъ благодѣтелемъ—и когда тотъ скрылся изъ виду, онъ снялъ шляпу, взглянулъ вверхъ на вечернія облака и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Пошли Господи ему счастья на всю жизнь. Аминь.

Это была первая молитва, съ которою онъ обратился къ небу послѣ многихъ лѣтъ—а смягчить сердце отверженца великая заслуга.

Подвигаясь впередъ, Леопольдъ Гонтъ зналъ только, что онъ исполнилъ свой долгъ въ отношеніи нищаго, а можетъ-быть даже и не думалъ объ этомъ. Онъ шелъ къ Виргиніи Доане, которую онъ любилъ такъ, какъ могутъ любить люди его закала—вѣрно и нѣжно. Въ его сердце не закрадывалось ни малѣйшаго сомнѣнія, а въ его чувства—ни малѣйшей перемѣны. Въ цѣломъ свѣтѣ не было для него дѣвушки лучше и милѣе ея, а изъ всѣхъ знакомыхъ ему дѣвушка эта была единственною, которую онъ желалъ назвать своею женою. Любитъ ли она его или нѣтъ—это былъ вопросъ, которому предстояло рѣшеніе въ этотъ самый вечеръ, что̀ и случилось. Онъ предложилъ ей свою руку и сердце, а она приняла ихъ.

Онъ чувствовалъ себя на верху блаженства. Кто не былъ влюбленъ самъ, тотъ не можетъ понять этого, — а кто испыталъ когда нибудь это чувство, тотъ съумѣетъ представить себѣ это и безъ нашихъ описаній. Онъ оставилъ ее, напечатлѣвъ на ея устахъ первый поцѣлуй, и вышелъ на улицу, на которой, въ этотъ поздній часъ, не было слышно ни малѣйшаго шума. Возвратиться домой и лечь спать, какъ въ обыкновенное время—онъ положительно не могъ. Въ упоеніи счастья шелъ онъ по Бродвею, пока лавки и магазины начали смѣняться жилыми домами съ окружающими ихъ

садами, а потомъ пошелъ къ Блумангделю по прекрасной улицѣ, обсаженной деревьями.

Отсюда онъ свернулъ на дорогу къ рѣкѣ и шелъ по ней въ тихой бесѣдѣ съ самимъ собою, до тѣхъ поръ пока не увидалъ воды. Между имъ и рѣкою находились теперь только рельсы Гудзонъ-риверской желѣзной дороги. На разстояніи четверти часа пути онъ увидалъ свѣтъ въ домикѣ сторожа этой дороги—другихъ огней нигдѣ не было видно; ни малѣйшій звукъ не нарушалъ глубокой тишины... Вдругъ двѣ руки схватили Гонта за плечи, и прежде чѣмъ онъ могъ воспользоваться своей силой для сопротивленія, онъ былъ связанъ двумя мошенниками. Тщетно пытался онъ освободиться. Они бросили его на-земь—и съ ловкостію и проворствомъ, доказывавшими ихъ опытность въ этомъ дѣлѣ, начали отбирать у него всѣ цѣнныя вещи, находившіяся при немъ, въ томъ числѣ и его бумажникъ, заключавшій въ себѣ такую сумму денегъ, которая можетъ подвергнуть въ Нью-Іоркѣ опасности жизнь всякаго человѣка, если только станутъ подозрѣвать, что онъ носитъ ее при себѣ.

До сихъ поръ они не позволяли себѣ никакого другаго насилія, кромѣ того, которое было необходимо для ихъ цѣли, а этой цѣлью былъ повидимому одинъ только грабежъ. Какъ всѣ вообще счастливые люди, Леопольдъ чрезвычайно дорожилъ жизнію. Теперь же, когда онъ узналъ, что она драгоцѣнна и для той дѣвушки, которую избрало его сердце, эта жизнь получила въ глазахъ его двойную цѣну. Можно ли послѣ этого удивляться, что сильный человѣкъ, лежавшій съ связанными руками и безпомощный какъ ребенокъ, радовался, замѣтивъ эту цѣль. Можно ли удивляться, что онъ совершенно упалъ духомъ, услыхавъ, какъ одинъ изъ мошенниковъ прошепталъ другому:

— Если мы выпустимъ его послѣ этого, мы пропали. Мертвецъ никому не разскажетъ. Достань свой пистолетъ, Дикъ.

— Нѣтъ, возразилъ другой,—неужели ты хочешь поднять на ноги всѣхъ сосѣдей и пустить ихъ въ погоню за нами? Это можно сдѣлать гораздо легче. Привяжи его къ рельсамъ и пусть его тамъ лежитъ. Трудно будетъ узнать кто онъ, когда по немъ проѣдетъ поѣздъ!

Тщетно усиливался Леопольдъ высвободить себѣ руки, тщетно просилъ онъ о состраданіи. Они потащили его связаннаго къ рельсамъ и бросили его, связаннаго, на нихъ. Но это показалось имъ еще мало; они привязали его къ рельсамъ другими веревками и потомъ—какое ужасное жестокосердіе!—жестокосердіе, дальше котораго не могутъ идти ни дикари, ни дикіе звѣри въ лѣсу—они бросились бѣжать и оставили его тамъ, связаннаго, безпомощнаго, лишеннаго всякой возможности сдѣлать какое бы то ни было движеніе, въ ту самую минуту, когда пробило двѣнадцать часовъ.

Когда онъ, во время своей тихой прогулки, подходилъ къ желѣзной дорогѣ, по ней только что прошелъ поѣздъ; слѣдующій поѣздъ долженъ былъ идти черезъ два часа. Неужели никто не придетъ къ нему до тѣхъ поръ на помощь? И неужели Богу будетъ угодно допустить, чтобы этотъ счастливый вечеръ былъ его послѣднимъ вечеромъ? Гонтъ думалъ о томъ горѣ, которое будетъ чувствовать молодая дѣвушка, узнавъ объ его судьбѣ, и просилъ Бога сохранить его для нея. Онъ долженъ жить. А между тѣмъ время шло впередъ. Кругомъ все та же тишина; никто не шелъ къ нему на помощь. Вдали опять пробили часы.

Разъ!.. еще одинъ часъ—и страшный локомотивъ придетъ сюда и растерзаетъ его своими желѣзными колесами. Минуты, повидимому, летѣли; изъ глубокой дали послышался пронзительный звукъ свистка — за тѣмъ наступило молчаніе—потомъ опять свистокъ, потомъ еще разъ, и такъ близко, такъ ужасно близко. Гонтъ собралъ всѣ свои силы для того чтобы разорвать связывавшія его веревки, но все было тщетно. Земля подъ нимъ какъ будто бы затряслась. У него зашумѣло въ ушахъ отъ приближавшагося поѣзда—и вслѣдъ за этимъ онъ увидалъ красный огонекъ, предвѣстникъ близкаго конца. Онъ собралъ все свое мужество, для того чтобъ встрѣтить смерть какъ слѣдуетъ мужчинѣ, но тутъ ему показалось, какъ будто бы передъ нимъ мелькнуло лицо его обожаемой невѣсты и ея голосъ назвалъ его по имени.

— Виргинія, простоналъ онъ,—прощай, Виргинія! О, Боже, сжалься надо мною!...

— Онъ слышитъ васъ, иностранецъ! вскричалъ какой-то голосъ,—благодарю Его! Онъ услышалъ насъ обоихъ. Время еще не ушло. Поѣздъ останавливается на той станціи. Только надо спѣшить, одна веревка перерѣзана, а вотъ и другая тоже. Теперь ты спасенъ—спасенъ, слава Богу!

Едва оба человѣка успѣли сойти съ рельсовъ, какъ мимо нихъ промчался поѣздъ; изъ вагонныхъ окошекъ выглядывали испуганныя лица, освѣщенныя краснымъ свѣтомъ, и нѣсколько голосовъ вскричали: «не случилось ли тутъ какого несчастія»?

Леопольдъ Гонтъ обернулся и увидалъ человѣка, спасшаго ему жизнь. Это былъ тотъ самый, котораго онъ защитилъ наканунѣ отъ уличныхъ мальчишекъ, которому онъ обѣщалъ найти работу и далъ денегъ.

— Вы?! вскричалъ онъ.—Вы! Какъ вы сюда попали? Какой ангелъ привелъ васъ? На яву я все это вижу или это только сонъ?

— Это не сонъ, отвѣчалъ этотъ человѣкъ,—и я думаю, что дѣйствительно присланъ сюда ангелами. Вы мнѣ дали денегъ, для того чтобъ я нанялъ себѣ на ночь комнату, да и не на одно только это, но это главное. Довольно странно, что я миновалъ всѣ двери, пока наконецъ очутился за городомъ на этой улицѣ и вошелъ тутъ въ небольшую гостинницу, которую содержитъ одинъ нѣмецъ. Онъ даетъ пріютъ людямъ моего сорта—и у него-то я поужиналъ и остановился на ночь. Спаленъ въ этой гостинницѣ мало. Моя кровать отдѣлялась отъ другой однимъ только занавѣсомъ. За часъ предъ этимъ пришли два человѣка, которые заняли ее. Я слышалъ, какъ они разсуждали о томъ, что ограбили человѣка и привязали его къ рельсамъ желѣзной дороги. Они смѣялись надъ этимъ. Сутки тому назадъ это нисколько не взволновало бы меня—такъ я былъ ожесточенъ; но вы размягчили мое сердце; я тихонько всталъ и началъ надѣвать платье, но прежде чѣмъ я успѣлъ наполовину одѣться, я услыхалъ ваше имя. Одинъ изъ нихъ вынулъ изъ вашего бумажника вашу визитную карточку—и прочитавъ на ней ваше имя, сказалъ своему товарищу: «изорви эту карточку, она можетъ выдать насъ». Тогда мною овладѣло такое чувство, какъ будто бы я терялъ разсудокъ. Я схватилъ въ руку ножъ—еслибъ они услышали меня, я употребилъ бы его въ дѣло—и выскочилъ изъ окошка. Черезъ четверть часа я былъ уже на желѣзной дорогѣ и во время нашелъ васъ. Это ваше собственное дѣло, иностранецъ. Если бы

вы вчера прошли мимо меня, не принявъ во мнѣ участія, я не былъ бы теперь здѣсь да и вы также.

— Богъ сдѣлалъ это, возразилъ Леопольдъ, — а вы были Его орудіемъ. Прелестная дѣвушка, моя знакомая— да благословитъ ее Богъ! —поблагодаритъ васъ за это гораздо лучше меня.

Она сдѣлала это. Леопольдъ и Виргинія—теперь счастливые супруги; въ ихъ домѣ живетъ одинъ человѣкъ, котораго они любятъ какъ брата,—красивый, счастливый человѣкъ, въ которомъ никто бы не узналъ бѣдняка, оскорбленнаго уличными мальчишками въ тотъ день. какъ Леопольдъ Гонтъ проходилъ мимо нихъ и исполнилъ заповѣдь нашего Спасителя: «Дѣлай для другихъ то, что ты желалъ бы, чтобъ они дѣлали для тебя.

Старый служака.

(*Продолженіе*).

Другой, сидѣвшій у огня подлѣ меня, былъ неизвѣстенъ. Это былъ угрюмый малый въ мохнатомъ серакѣ *) мышинаго цвѣта, на головѣ у него была маленькая шапка — изъ сѣрыхъ мерлушекъ; эта голова была у него чрезвычайно оригинальной формы, вверху узкая, внизу широкая, точь въ точь парашютъ. Когда я взглянулъ на него съ боку, мнѣ такъ и казалось, что онъ вырѣзанъ изъ стараго картона. Носъ у него былъ необыкновенно длинный, острый и тонкій; ротъ какъ будто бы провалился; а подбородокъ уходилъ въ шею. Вообще въ чертахъ его лица было что-то неловкое, а самъ онъ точно развинченный. Всѣ эти недостатки отражались на его силуэтѣ, который обрисовывался на снѣгу въ такихъ преувеличенныхъ размѣрахъ, что на него нельзя было смотрѣть безъ смѣха.

Подлѣ него лежалъ ничкомъ маленькій человѣчекъ, котораго называли Юръ Фетеръ *Монголъ*. Не далеко отъ этихъ мѣстъ находится поле сраженія, на которомъ, больше чѣмъ за двѣсти лѣтъ до этого, орда татаръ потерпѣла страшное пораженіе. Опустошенныя деревни населили плѣнными. Мнѣ можно бы было биться объ закладъ, что нашъ Монголъ происходитъ отъ котораго нибудь изъ нихъ. Онъ вдвое меньше ростомъ, чѣмъ картонный человѣкъ, но маленькій горшокъ всегда крѣпокъ. Стоило только взглянуть на его голый затылокъ, чтобы убѣдиться въ его силѣ. Онъ лежалъ въ полотняныхъ панталонахъ и полотняномъ зипунѣ; его открытая грудь покоилась на горячей золѣ, а ноги въ снѣгу. И ты тоже, братъ Монголъ, куда не казистъ! Какъ не клеятся у тебя эти широкія бедра и мощная грудь, а твое лицо — что у тебя за лицо! Что у тебя за жалкія маленькія дырочки для твоихъ живыхъ, черныхъ глазъ, и что за ужасныя складки вокругъ рта! При этомъ и глаза-то у тебя прорѣзаны какъ-то вкось, а приплюснутый на верху носъ—съ такими большими ноздрями, что одной изъ нихъ было бы достаточно для помѣщенія обоихъ твоихъ глазъ. За то ты жолтъ, жолтъ какъ зависть, и надвигаешь, на рѣдкіе, жесткіе какъ проволока, черные волосы, свою суконную шапку, вплоть до самыхъ ушей.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ, очевидно, старый служака *Фринко Балабанъ*.

Какихъ онъ былъ лѣтъ? Трудно было опредѣлить, но это былъ человѣкъ въ истинномъ значеніи этого слова.

Человѣкъ, котораго нельзя бы не замѣтить—какъ въ шеренгѣ, такъ и въ общинѣ, точно также здѣсь у сторожеваго огня крестьянъ. Коричневый, полинялый сюртукъ, подпоясанный чернымъ кожанымъ поясомъ, выказывалъ стройность его стана и казался очень нарядемъ. Онъ застегнулъ его до верху; на шеѣ у него былъ его единственный полинялый старый галстухъ, а изношенные синіе солдатскіе панталоны были надѣты по городски, сверхъ сапогъ. За поясомъ у него висѣли табачный кисетъ изъ свинаго пузыря (изъ котораго онъ набивалъ маленькую трубочку) и длинный ножъ. Другіе были вооружены косами и цѣпами, а у него на колѣнахъ лежало ружье. На груди у него было двѣ медали за службу и ленточка. Круглая высокая баранья шапка придавала его изящной головѣ достоинство раввина и дикость янычара; вмѣстѣ съ коротко остриженными темными волосами, она обрамливала замѣчательное лицо, — лицо съ кроткими чертами, съ правильнымъ носомъ, прекрасно - обрисованнымъ ртомъ, покрытое тѣмъ прекраснымъ бронзовымъ цвѣтомъ, слѣдствіемъ полевой службы, который вмѣстѣ съ двумя скорбными линіями рта и спадающими внизъ усами, налагаетъ на нашихъ солдатъ совершенно особенную печать. Но его честные глаза такъ ввалились подъ его густыми бровями, они были такъ влажны, словно наполненные слезами, смотрѣли такъ спокойно, такъ грустно, что больно было глядѣть на нихъ. Точно такое же впечатлѣніе производилъ и его голосъ. Такой твердый человѣкъ, такой солдатъ, а между тѣмъ все что касается его внутренняго существа—звучитъ какъ разбитое: и звуки его голоса, и самая его рѣчь, въ которой слышится что-то однообразное, торжественное. Такъ могли говорить на кострахъ и на горячемъ пескѣ арены христіанскіе мученики.

А потомъ у этихъ крестьянъ была собака—обыкновенная крестьянская собака неопредѣленнаго цвѣта, съ длинными темными волосами вокругъ шеи и съ прекрасной лисьей головой. Она спала положивъ острую морду на переднія лапы, на горячей золѣ, и тихо шевелила хвостомъ, когда грустный голосъ стараго служаки достигалъ ея ушей.

Всѣ караульные говорили тихо, важно; только одинъ еврей болталъ.

— А у меня есть для тебя жена, поддразнивалъ онъ отставнаго солдата:—хорошенькая дѣвушка, я вѣдь знаю, что ты стоишь за это, право хорошенькая и при томъ зажиточная, что тоже очень не дурно. Что ты на это скажешь? Да она ужъ и спрашивала о тебѣ.

Онъ обвелъ глазами всѣхъ сидѣвшихъ въ кружкѣ, но никто не обратилъ на него вниманія. Лебъ Каттуну, повидимомому, только теперь припала охота поболтать. Онъ погладилъ Балабана по спинѣ и вскричалъ:—Господи Боже мой, да вѣдь ты не хочешь жениться!

При этомъ онъ сощурилъ глаза и лукаво взглянулъ на крестьянъ.

*) Длинный крестьянскій сюртукъ изъ грубаго, мохнатаго сукна съ капишономъ.

— Онъ поклялся—такой ужь это человѣкъ—онъ поклялся, что никогда не женится!

Старый служака такъ взглянулъ на него черезъ плечо, что еврей закашлявшись пошелъ къ санямъ и сѣлъ на козлы, обернувшись спиною къ крестьянамъ. Здѣсь онъ поболталъ нѣсколько минутъ ногами, посчиталъ, помолился и наконецъ заснулъ. Произведенный имъ шумъ разбудилъ собаку.

— Смирно, Полякъ! закричалъ мальчикъ.

Лисья голова взглянула на стараго служаку, но не получивъ отъ него отвѣта, встала, и, вытягивая заднія ноги, подошла ко мнѣ, обнюхала меня, подошла къ санямъ, обнюхала лошадей. Онѣ опустили къ ней головы, она подняла къ нимъ морду, слизала у нихъ съ рыла замерзлый паръ, помахала хвостомъ, повизжала, ласкаясь къ нимъ. Тутъ она подняла носъ, сдѣлала нѣсколько шаговъ и подошла прямо къ еврею, обнюхала его, обошла вокругъ него, и подняла ногу—потомъ пошла противъ вѣтра, чхнула и возвратилась тихими шагами къ огню, гдѣ и сунула свой носъ въ теплую золу.

— Тамъ бѣжитъ какой-то человѣкъ! вскричалъ крестьянинъ, стоявшій на караулѣ въ углу лѣса, и показалъ на виднѣвшагося вдали человѣка. Мы всѣ взглянули туда, только одинъ старый служака спокойно остался на своемъ мѣстѣ,

— Что это? спросилъ онъ, поварачивая голову по этому направленію и улыбаясь. — Развѣ ты его не знаешь?

— Ахъ, да это Коланко, сказалъ жалобнымъ тономъ картонный человѣкъ. При этомъ онъ почесалъ у себя за ухомъ и очень кисло взглянулъ на насъ.

— Этого намъ еще недоставало! вскричалъ мальчикъ Юръ, важно складывая на груди руки.

Старый служака сдѣлалъ презрительное движеніе и обратился ко мнѣ.

— Надобно вамъ знать, сударь, сказалъ онъ съ важностію,—чтó это за старикъ; ему больше ста лѣтъ, странный человѣкъ, умный и опытный человѣкъ, умный и опытный, только немного болтливъ, а теперь сталъ точно дитя—смѣется безъ причины, да и плачетъ также безъ причины. Извѣстное дѣло, старикъ все равно что ребенокъ, а этому-то больше ста лѣтъ.

Но тутъ онъ самъ подошелъ къ намъ и избавилъ такимъ образомъ стараго служаку отъ объясненій; это былъ маленькій человѣчекъ съ трясущимися ногами и руками, со впалой грудью, желтой сухой шеей, старымъ желтымъ личикомъ, на которомъ не было ничего живаго, кромѣ маленькихъ чорныхъ глазъ, которые лежали въ глубокихъ впадинахъ, но отъ которыхъ тѣмъ не менѣе ничто не укрывалось.

На немъ были еще совсѣмъ новые сапоги, теплые панталоны, длинный засаленый овечій тулупъ, шапка изъ трехцвѣтнаго кошачьяго мѣха; онъ держалъ въ рукахъ пуховую подушку, покрытую какой-то матеріей съ красными полосками, и такъ скоро говорилъ своимъ беззубымъ ртомъ, что его не всегда можно было понять.

— А что, вьюны, вьюны, поймалъ я васъ! вскричалъ онъ лукаво смѣясь, и сталъ жаловаться на что-то, чего я не понялъ, а потомъ началъ хвалить стараго служаку.

Къ нему онъ и подсѣлъ и принялся разсматривать каждаго изъ насъ въ лицо, по очереди, пока не дошелъ до меня; тутъ онъ вытянулъ свою сморщившуюся шею, приподнялъ брови, всталъ, поклонился три раза и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Вы, баринъ, не знаете, чтó со мною дѣлается, сказалъ онъ, хихикая и проглатывая каждое слово.—Видите-ли вы, я старый человѣкъ, у меня всѣ умерли. Какъ вы меня видите, я одинъ что дитя въ утробѣ матери. Прошлый годъ у меня былъ воронъ; я думалъ, онъ останется со мною,—а онъ взялъ да и улетѣлъ. Теперь у меня никого нѣтъ въ хижинѣ, кромѣ меня. Кто захочетъ оставаться съ старымъ человѣкомъ!... Ктому же я еще и не сплю—это ужь всегда бываетъ такъ, когда состаришься. Мнѣ страшно одному одному почью,—да, да!.. онъ засмѣялся такъ, что у него засвистѣло въ носу.—Тутъ у тумана являются ноги, а у снѣга руки—и ужь какъ онъ стучитъ ими въ окно, а у мѣсяца лицо и глаза, такіе большіе какъ у сумасшедшаго, и онъ такой дуракъ—начинаетъ распрашивать о всякой всячинѣ... а мы почемъ знаемъ!

Въ эту минуту онъ самъ былъ точно сумасшедшій.

— Что ты станешь тутъ дѣлать? Вотъ я всегда возьму, бариночекъ, да и уйду потихоньку и побѣгу туда, гдѣ я знаю, есть люди.

Старикъ занималъ меня.

— А между людьми-то хорошо тебѣ? спросилъ я.

— Да если посмотрѣть хорошенько, то мнѣ и тутъ ужасно скучно.

Картонный человѣкъ взглянулъ на него съ негодованіемъ.

— Не то чтобы я осуждалъ ихъ, продолжалъ Коланко,—но нѣтъ ничего такого, объ чемъ бы я уже не слышалъ. Я все знаю. А если и случится чтó новенькое, то кому какое дѣло, что Иванъ оказался еще глупѣе Василія—вздумалъ было сманить у него жену. Подите вы! Много вы знаете! Если кого стоитъ послушать такъ только одного стараго служаку, вотъ я и прибѣжалъ сюда къ огню.

— Такъ тебѣ надоѣло жить? спросилъ я его съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Разумѣется.

— И ты желаешь умереть?

— Какъ умереть? совсѣмъ пó настоящему, да?

— Что это значитъ, по настоящему?

— Да такъ, чтобы человѣкъ совсѣмъ умеръ,—а не такъ, чтобы онъ полежалъ нѣсколько времени въ землѣ, а потомъ собралъ свои члены и сталъ опять жить.

— Онъ боится вѣчной жизни, сказалъ картонный человѣкъ обращаясь ко мнѣ.

Мы всѣ взглянули на старика. Я съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ его, потому-что наши крестьяне, не прочитавши ни одной книги, не умѣя держать въ рукахъ пера, тѣмъ не менѣе природные политики и философы. Это у нихъ восточная мудрость, какъ у тѣхъ рыбаковъ, пастуховъ и уличныхъ нищихъ, въ Тысячѣ и Одной Ночи, къ которымъ заходилъ Гарунъ-Аль-Рашидъ. Я готовился услышать нѣчто такое, чтó не каждый день слышишь, чего не вычитаешь изъ Гегеля и Молешота.

— И какой, какъ посмотришь, толкъ въ жизни-то? заговорилъ старикъ тихо и внятно.—Вы, молодежь, можете желать жить. А кто, какъ я, видѣлъ все, чтó можетъ человѣкъ видѣть, все испыталъ, все вынесъ, что человѣкъ можетъ вынесть—тотъ, конечно... онъ погрузился въ размышленіе.

— Ты еще бодръ, сказалъ я, — какъ ты думаешь, долго еще тебѣ придется жить?

— Къ сожалѣнію, долго, отвѣчалъ онъ. — Когда

проживешь этакъ сотенку лѣтъ, то ужь еще-то жить куда не хочется, бариночекъ. Такъ бы вотъ кажется легъ да и заснулъ, и все спалъ бы, все спалъ бы, да такъ чтобъ ужь не проспаться.

Онъ погрузился въ думу.—Съ небомъ, бариночекъ, плохія шутки. Тутъ на землѣ все, что только живетъ — звѣрь ли, человѣкъ ли, все бьетъ изъ-за того, чтобы прожить подолѣе, чтобы поживиться на счетъ другаго, а пожалуй и убить его для этого,—а тамъ станутъ будто бы кормить даромъ столько лѣнтяевъ! Поэтому-то, по моему мнѣнію, лучше всего если человѣкъ будетъ веселъ въ трудѣ, это его назначеніе; а то кто же перенесетъ его туда, чтобы показать ему, что̀ случится послѣ него? Такъ написано, слово въ слово.

— Лучше всего, если человѣкъ будетъ веселъ въ трудѣ! вскричалъ старый служака. — Человѣкъ долженъ исполнять свои обязанности. Это лучше всего. Чего же намъ еще надо на этомъ свѣтѣ?

Но меня больше интересовалъ старикъ, чѣмъ старый служака.

— Послушай, братецъ, сказалъ я, обращаясь къ нему, — такъ тебѣ хотѣлось бы умереть навсегда? Смерть нисколько не пугаетъ тебя?

— Какъ же, баринъ, какъ же! отвѣчалъ онъ съ лукавымъ смѣхомъ и кивая головой, — я ужасно ее боюсь.

— Какъ такъ?

— А видишь ли, какъ: пока я живу, у меня все еще есть надежда, что рано или поздно, а ужь это кончится; не правда ли?

И онъ глядѣлъ на меня своими маленькими сѣрыми глазками, какъ будто бы хотѣлъ проникнуть мнѣ въ душу.

— А когда прійдетъ смерть, эта минута, которую я жду вотъ уже слишкомъ сто лѣтъ, и вслѣдъ за этимъ я опять оживу... пропалъ, совсѣмъ я тогда пропалъ!

Всѣ засмѣялись.

— Взгляните, пожалуйста, на меня, баринъ! продолжалъ старикъ. — Я вѣдь не какой-нибудь отчаянный, не бездомовникъ, не бродяга, а между тѣмъ жизнь мнѣ страшно надоѣла, просто опостылѣла; видите ли, это такое открытіе, которое не замедлитъ сдѣлать всякій, кто только хоть немножко поразмыслитъ ѳ себѣ. Когда кто-нибудь повѣсится или какъ-нибудь иначе убьетъ себя, люди удивляются «какъ могло это съ нимъ случится?» — Какъ? — Этого не могло не случиться.

На одну минуту все смолкло, огонь продолжалъ горѣть, дымъ медленно тянулся къ березовой рощицѣ. Вѣтеръ совершенно утихъ.

Столѣтній человѣкъ взглянулъ на стараго служаку.

— Вотъ и этотъ изъ такихъ же, прошепталъ онъ, — неправда ли? Голова стараго служаки опустилась на грудь, онъ промолчалъ.

— Да разскажи же намъ что-нибудь, Балабанъ!

— Разскажи, братецъ, сказалъ я. — Говорятъ, что ты хорошо разсказываешь.

Старый служака грустно улыбнулся.

— Что вы хотите, сказку? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, что-нибудь такое что̀ случилось съ тобою.

Старикъ кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Да, онъ знаетъ больше всѣхъ на свѣтѣ, прохрипѣлъ онъ.

Старый служака тихо провелъ рукою по лбу.

— Что мнѣ разсказать?

Картонный человѣкъ вытянулъ шею и сверкнулъ своими крошечными глазками.

— На что это намекалъ еврей? спросилъ онъ.

— А, это цѣлая исторія, возразилъ тихимъ голосомъ старый служака, устремляя глаза на огонь, и лицо его покрылось скорбью.

— Исторія? спросилъ съ любопытствомъ Коланко.

— Да, исторія, какихъ много, пробормоталъ старый служака.

— Да? спросилъ старикъ.

— Старая и нисколько не интересная исторія.

— Это любовная исторія, стыдливо и вполголоса сказалъ картонный человѣкъ и взглянулъ изъ подлобья, какъ бы со страхомъ, на отставного солдата.

— Навѣрное что-нибудь необыкновенное! вскричалъ Коланко.

— И не необыкновенное, отвѣчалъ старый служака.— Такое, что случается каждый день. Я разскажу — такъ какъ и баринъ тутъ же — лучше я разскажу про венгерскую кампанію. Итакъ, мы шли...

— Неужели ты опять заставишь насъ маршировать изъ Дуклы въ Каршау? прервалъ его старикъ. — Вѣдь это будетъ въ седьмой разъ. Лучше ужь разскажи про что-нибудь другое?

— Разскажи намъ исторію — ту, началъ картонный человѣкъ.

— Какую это исторію?

— Да о Катеринѣ Баранъ, что вонъ тамъ, о барынѣ, сказалъ картонный человѣкъ не то чтобы громко, но съ какимъ-то горькимъ презрѣніемъ, и въ его глазахъ вспыхнуло то враждебное чувство которое питаетъ нашъ крестьянинъ въ отношеніи къ дворянству.

— Ты зналъ ее? спросилъ старый служака, не поднимая глазъ.

И онъ замолчалъ.

Никто не рѣшился заговорить.

— Я ее зналъ.

Его голосъ дрожалъ такъ грустно, какъ послѣдній звукъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Онъ медленно поднялъ голову, его лицо было блѣдно а большіе глаза смотрѣли спокойно и мечтательно.

(Продолженіе будетъ).

Замѣчательныя постройки древнихъ и новыхъ временъ.

Ни въ чемъ не отражается народный духъ и геній народовъ такъ наглядно, съ такою полнотою, величіемъ и устойчивостью противъ разрушительныхъ вліяній времени,—какъ въ архитектурѣ, которой весьма нерѣдко служатъ подспорьемъ ваяніе и живопись, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и письмена (іероглифы, паросскіе мраморы и т. п.). Исторія архитектуры—одна изъ важнѣйшихъ страницъ въ великой книгѣ судебъ человѣчества и умственнаго его развитія. Каждый народъ, со временъ глубокой древности, послѣдовательно вписывалъ въ нее свое слово, вносилъ свою дань. Эту-то послѣдовательную вереницу архитектурныхъ стилей мы и намѣреваемся обозрѣть въ цѣломъ рядѣ статей съ приложеніемъ пояснительныхъ рисунковъ.

I. Индѣйская архитектура.

Знакомство Европы съ индѣйскою архитектурою началось только въ позднѣйшее время, такъ какъ въ сочиненіяхъ древнѣйшихъ писателей ничего не говорится о ней; но хотя новѣйшія изысканія и сочиненія по этому предмету далеко еще не полны, они, тѣмъ не менѣе, даютъ намъ понятіе объ особенностяхъ индѣйской архитектуры. Особенно же способствуетъ этому то, что индѣйскій народъ еще существуетъ.

При томъ значительномъ вліяніи, какое имѣла на индѣйскую архитектуру религія, необходимо изложить здѣсь по крайней мѣрѣ существенныя ея черты.

Индѣйская религія распадается на двѣ главныя, враждебныя между собою секты: *браманизмъ* и *буддизмъ*. *Брама* — верховное существо, проявившееся въ двухъ второстепенныхъ божествахъ: *Сивѣ* и *Вишну*. Сива олицетворяетъ производительную, а также и разрушительную силу природы, и символъ его огонь; а Вишну—сохраняющую, и его эмблема — вода. Эти три главныя божества: Брама, Сива и Вишну представляются каждое отдѣльно, а также въ видѣ трехъ - головаго существа. Сверхъ того у индѣйцевъ есть еще множество боговъ нисшаго разряда.

Буддизмъ есть ничто иное, какъ очищенный браманизмъ; основатель его царь *Готама*, названный *Буддою*, т. е. разумнымъ, жилъ въ половинѣ VI вѣка до Р. Х.

О давности индѣйскихъ произведеній зодчества не извѣстно ничего положительнаго. Начало индѣйской культуры относятъ ко второму тысячелѣтію до Р. Х. Происхожденіе Ведъ, т. е. священныхъ книгъ къ 1400 году, а появленіе великихъ эпопей, въ числѣ которыхъ самыя замѣчательныя Рамаяна и Магабарата, къ 1000 г. до Р. Х. Изъ этихъ эпопей развилась многосложная индѣйская миѳологія.

Памятники индѣйской архитектуры, не считая позднѣйшихъ магометанскихъ построекъ, раздѣляются на два разряда: на *посторойки въ пещерахъ и скалахъ* и *постройки подъ открытымъ небомъ*.

Пещерныя постройки древнѣе построекъ надъ землею и раздѣляются на *браманскіе* (древнѣйшіе) и *буддійскіе подземные храмы*. Общій характеръ этихъ произведеній трудно опредѣлить вслѣдствіе многообразности индѣйской архитектуры и отсутствія общепринятыхъ правилъ: при постройкахъ въ скалахъ нельзя было держаться той нормы, которая дается органическими законами и основными правилами архитектуры; оттого-то онѣ и создались подъ вліяніемъ полнаго произвола и самой необузданной фантазіи. Тѣмъ не менѣе эти архитектурныя произведенія въ главныхъ чертахъ могутъ быть опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Браманскіе пещерные храмы обыкновенно открываются наружу и соединяются иногда съ высѣченнымъ въ скалѣ строеніемъ. Они состоятъ обыкновенно изъ четвероугольнаго помѣщенія, къ которому примыкаетъ святилище, содержащее изображеніе бога; бываютъ иногда и второстепенныя помѣщенія. Эти помѣщенія низки, у нихъ плоскій потолокъ, поддерживаемый колоннами или столбами, передній рядъ которыхъ и образуетъ фасадъ храма. Бываютъ храмы съ колоннадами, а передъ ними второстепенные дворики. Иногда встрѣчается нѣсколько такихъ пещеръ кряду.

При устройствѣ зданія въ скалахъ, соединеннаго съ однимъ изъ такихъ храмовъ, въ скалѣ вырубали открытое сверху пространство, причемъ въ серединѣ этого пространства оставляли часть утеса. Примѣромъ этому можетъ служить такъ-называемая Кайлаза въ Эллорѣ, построенная въ 1000 г. по Р. Х. (рис. I). Въ окружающихъ это зданіе утесахъ вырублены галлереи съ маленькими капеллами.

Буддійскіе пещерные храмы отличаются отъ браманскихъ тѣмъ, что они не имѣютъ отверстія наружу. Во внутренности ихъ, въ глубинѣ храма находится святилище — такъ называемый *дагопъ*, вѣчно повторяющійся символъ буддизма, полукруглая масса на цилиндрической подставкѣ, которая должна напоминать о водяномъ пузырѣ, съ которымъ ученіе Будды сравниваетъ бренность человѣческаго тѣла и вообще всего земнаго.

I. Кайлаза въ Эллорѣ (Индія).

Касательно *деталей* индѣйскаго зодчества въ пещерахъ, надо замѣтить только слѣдующія характеристическія особенности.

Въ украшеніяхъ растительныя формы рѣдко встрѣчаются. Эти украшенія состоятъ изъ кривыхъ и прямыхъ линій, вздутыхъ и плоскихъ формъ, между которыми мелькаютъ изображенія особенно сильныхъ звѣрей, въ особенности львовъ и слоновъ. Эти послѣдніе ставятся передъ входами въ видѣ стражи, а внутри они играютъ роль атлантовъ или же украшаютъ собою капители и фризы. Оба эти звѣря имѣютъ вѣроятно символическое значеніе, потому что, по ученію о переселеніи душъ, души сильныхъ людей должны перейти не иначе, какъ въ тѣла сильныхъ звѣрей. Эти безпрерывно встрѣчающіяся изображенія львовъ и слоновъ какъ нельзя лучше согласуются съ характеромъ всей архитектуры, точно такъ же, какъ и колоссальныя человѣческія изображенія, развѣшенныя по стѣнамъ. При царствующемъ въ храмахъ полумракѣ, эти образы производятъ самое сильное впечатлѣніе и наводятъ ужасъ.

Въ буддійскихъ пещерахъ столбы гораздо тоньше и изящнѣе, ряды ихъ стоятъ чаще, украшенія умѣреннѣе, а на стѣнахъ нѣтъ тѣхъ колосальныхъ образовъ, какіе встрѣчаются въ брамапскихъ храмахъ; вообще все проще и свободнѣе.

Какъ изысканность въ формахъ соотвѣтствовала религіознымъ правиламъ поклонниковъ Сивы, точно также очищенное ученіе Будды вызвало болѣе простыя формы, и въ этомъ отношеніи архитектурный стиль состоялъ въ тѣсной связи съ религіозными возрѣніями.

Для сохраненія останковъ Будды и тѣхъ жрецовъ и царей, которые признаны святыми, устроили такъ-называемые *дагопы* большихъ или меньшихъ размѣровъ, называемые на туземномъ языкѣ *топе*, по санскритски *ступа*, т. е. тѣлохранилище.

Изъ описанія одного города въ поэмѣ Рамайяна можно заключить, что еще за 1000 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія, кромѣ построекъ въ скалахъ и пещерахъ, у индѣйцевъ существовали и другія великолѣпныя зданія. О давности нынѣшнихъ индѣйскихъ храмовъ, построенныхъ подъ открытымъ небомъ и называемыхъ *пагодами* (отъ слова: багавати, т. е. священный домъ), нельзя сказать ничего положительнаго. Они столько же могутъ принадлежать древнему, какъ и новому времени.

На островѣ Рамиссерамѣ есть множество такихъ, въ своемъ родѣ великолѣпныхъ зданій. Замѣчательнѣшее изъ нихъ—пагода ягернаутская, оконченная только къ концу XII столѣтія по Р. Х. и построенная по образцу старинныхъ, теперь разрушенныхъ храмовъ, многочисленныя развалины которыхъ встрѣчаются въ окрестностяхъ этого храма. Въ этой пагодѣ стоятъ чудовищные темноцвѣтные идолы, со сверкающими бриллiянтами вмѣсто глазъ. Главный храмъ построенъ въ серединѣ большаго квадратнаго двора, обнесеннаго стѣною, а у его главнаго входа (портала) поставлены, лицомъ на востокъ, два чудовищныхъ грифона или крылатыхъ льва въ сидячемъ положеніи. Главное строеніе состоитъ изъ осьмиугольной башни на четвероугольномъ основаніи. Углы этой башни граненые, такъ что отъ этого образуется шестнадцать сторонъ, которыя, дугообразно съуживаясь къ верху, заканчиваются чѣмъ-то въ родѣ купола съ капителью или вѣнцомъ.

Изъ входныхъ сѣней можно видѣть внутренность храма съ находящимися тамъ идолами. За этимъ главнымъ храмомъ находятся крытыя галлереи, башни, пруды для омовенія, залы для помѣщенія богомольцевъ, капеллы нисшихъ божествъ. Все это украшено карнизами, изображеніями людей и животныхъ, надписями, и т. п.

Всѣ эти зданія возвышаются пирамидально, вертикальными уступами, отдѣляющимися другъ отъ друга сводообразными крышами, а на верху заканчиваются куполомъ.

Вообще въ этихъ зданіяхъ сложныя, изысканныя формы преобладаютъ надъ простыми и цѣлесообразными, а прямолинейный и правильноугольный способъ соединенія замѣняется пирамидальнымъ, такъ что форма какъ цѣлаго, такъ и отдѣльныхъ частей опредѣляется скорѣе произволомъ, чѣмъ какими бы то ни было правилами.

II. Китайская архитектура.

Вмѣстѣ съ культомъ Будды китайцы стали усвоивать и индѣйское искусство. Но какъ то, такъ и другое сложилось у нихъ своеобразно, согласно съ требованіями ихъ національности. Вмѣсто индѣйскаго дагопа съ его полукруглою формою, здѣсь является башня въ нѣсколько ярусовъ, которые, постепенно съуживаясь къ верху, идутъ уступами и снабжены крышами, съ значительными выемками и съ привѣшенными къ нимъ колокольчиками.

II. Ворота, ведущія въ храмъ Конфуція (Китай).

Эти башнеобразныя, большею частію, осьмиугольныя строенія сооружены точно такъ же, какъ и храмы, для религіозныхъ цѣлей.

Вообще въ китайскихъ постройкахъ нѣтъ ничего монументальнаго. Онѣ строятся, чаще всего, изъ дерева и отличаются скорѣе красивостью и пропорціональностью, чѣмъ грандіозными размѣрами.

Особенно характеристичны ихъ крыши, отличительное свойство которыхъ то, что они съ выемками; коньки крышъ покрыты (точно такъ же какъ и углы, къ которымъ привѣшены колокольчики) горельефными фигурами, съ прибавленіемъ всевозможныхъ прикрасъ, въ родѣ вызолоченныхъ драконовъ и другихъ фантастическихъ изваяній (рис. 3). Поверхность крыши покрывается обыкновенно муравлеными кирпичами почти цилиндрической формы.

Вообще употребленіе пестрыхъ красокъ и блестящихъ фарфоровыхъ или муравленыхъ глиняныхъ плитъ составляетъ характеристическую черту китайской архитектуры.

Архитектура китайскихъ храмовъ не отличается отъ архитектуры другихъ зданій.

При неизмѣняемости китайскихъ порядковъ—и китайскій архитектурный стиль, точно такъ же какъ и всѣ вообще китайскія искусства, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ.

III. Египетская архитектура.

Священное писаніе, а также древніе греческіе и римскіе писатели передаютъ намъ самыя разнообразныя свѣдѣнія о состояніи первоначальной египетской культуры.

Вмѣстѣ съ оригинальными нравами и обычаями, особенно сильное вліяніе на эту культуру имѣла религія. Болѣе всѣхъ другихъ боговъ египтяне почитали Озириса и Изиду, вѣроятно потому, что эти божества олицетворяли собою разлитіе Нила, отъ котораго зависитъ плодородіе Египта, и одновременную съ этимъ явленіемъ перемѣну въ положеніи солнца. Многіе изъ боговъ изображались со звѣриными головами, а нѣкоторые звѣри считались даже священными: кошки, змѣи, собаки, птица ибисъ, ястребъ перепелятникъ, въ особенности же два быка: Аписъ въ Мемфисѣ и Мнерисъ въ Геліополисѣ.

Развитіе египетской культуры совпадаетъ съ первобытной исторіей этого народа; оно началось около 1,700 лѣтъ до Р. Х., съ освобожденіемъ Египта отъ ига

III, Храмъ Изиды въ Филе (Египетъ).

гиксовъ, кочеваго народа, державшаго его въ своей власти нѣсколько тысячелѣтій.

Начиная отъ этой эпохи и до III столѣтія по Р. Х. продолжалось существованіе самостоятельнаго египетскаго искусства. Такимъ образомъ, этотъ періодъ имѣетъ протяженіе 2,000 лѣтъ. Но происхожденіе нѣкоторыхъ изъ памятниковъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, гораздо древнѣе, потому что изъ сложности ежегодныхъ возвышеній почвы, производимыхъ разлитіемъ Нила, и нынѣшняго ея возвышенія у ѳивскихъ монументовъ— разсчитали, что эти памятники были воздвигнуты за 3,000 лѣтъ до Р. Х.

Самые замѣчательные памятники блестящаго періода египетской культуры, воздвигнутые въ половинѣ втораго тысячелѣтія, въ царствованіе Сезостриса, находятся на мѣстѣ прежде бывшихъ Ѳивъ, столицы древняго Египта, этого (по выраженію Гомера) стовратнаго города, простиравшагося, какъ въ длину, такъ и въ ширину, на двѣ географическихъ мили. Эти развалины называются теперь луксорскими и карнакскими, по имени лежащихъ здѣсь нынѣ деревень. Къ числу ихъ принадлежатъ храмъ и дворцы, къ которымъ ведетъ аллея изъ сфинксовъ, въ 6,000 футовъ длины (1,7 версты). Здѣсь же неподалеку находятся и гробницы въ скалахъ, такъ-называемыя «царскія гробницы», и другіе памятники.

Изъ нубійскихъ монументовъ, которые стали извѣстны только въ наше время, всего замѣчательнѣе высѣченныя въ скалахъ храмъ Ипсамбула.

Въ верхнемъ Египтѣ есть хорошо-сохранившіеся храмы на островахъ Филе и Элефантинѣ, въ Сіенѣ, Эдфу, и др.

Въ среднемъ и нижнемъ Египтѣ нѣтъ особенно замѣчательныхъ памятниковъ, за исключеніемъ катакомбъ (подземныхъ построекъ для погребенія мертвыхъ), расположенныхъ въ окрестностяхъ Мемфиса.

Памятники египетской архитектуры состоятъ, главнымъ образомъ, изъ *пирамидъ*, служившихъ надгробными памятниками царямъ, *царскихъ дворцовъ* и *храмовъ*.

Пирамиды составляютъ совершенно особенный родъ египетской архитектуры и не могутъ идти въ сравненіе ни съ какими другими постройками. Форма извѣстна; онѣ строились террасообразно и покрывались гранитными плитами или лещадями, какъ это можно видѣть теперь на неоконченныхъ пирамидахъ. Недавно открыли, что, при сооруженіи самыхъ большихъ пирамидъ, сперва строили пирамиду меньшаго размѣра, которую окружали потомъ другою, наружною.

Внутренность этихъ твердыхъ массъ заключаетъ въ себѣ узкіе ходы и нѣсколько неосвѣщенныхъ залъ или комнатъ—и вѣроятно служила мѣстомъ погребенія царей, по приказанію которыхъ пирамиды строились. Входъ въ эти пирамиды устраивался на значительномъ разстояніи отъ подошвы ихъ. Величина пирамидъ не одинакова, но большею частію очень значительна. Хеопсова

пирамида въ Гизе (самая большая) имѣетъ 448 футовъ (64 сажени) отвѣсной вышины, а каждая сторона ея основной плоскости 728 футовъ ширины (104 сажени).

Въ эстетическомъ отношении пирамиды занимаютъ очень не высокое мѣсто. Если онѣ и производятъ впечатлѣніе, то только своею величиною и поразительною простотою, а остальное—дѣло фантазіи.

Храмовыя постройки состоятъ, главнымъ образомъ, изъ слѣдующихъ частей: 1) изъ самаго *зданія храма* съ его *портиками* и *пристройками*, гдѣ помѣщались жрецы, 2) изъ окружавшаго его *двора* съ прислоненными къ его стѣнамъ колоннами или пиластрами и 3) изъ колоссальныхъ *воротъ* особой формы, извѣстныхъ подъ именемъ *пилона*.

Иногда передъ этимъ дворомъ находится другой, тоже съ пилономъ, а иногда и третій.

Къ пилонамъ ведетъ аллея изъ сфинксовъ (колоссальныхъ изваяній лежащихъ барановъ съ женскими головами) и нѣсколько другихъ воротъ меньшаго размѣра, той же формы какъ и пилонъ. Эти аллеи имѣютъ иногда до 6,000 футовъ длины.

Пилонъ, превышающій всѣ остальныя ворота и самое зданіе храма, состоитъ изъ трехъ частей: двухъ башнеобразныхъ угловыхъ павильоновъ и помѣщающихся между ними воротъ. Эти послѣднія охватываются подъ прямымъ угломъ отвѣсными косяками, покрытыми лѣпными изображеніями, а надъ ними устроенъ широкій карнизъ. На этомъ карнизѣ находится символическое лѣпное изображеніе, представляющее яйцо или шаръ съ двумя крыльями,—изображеніе, повторяющееся также и во внутренности храмовъ надъ каждой дверью.

Основная плоскость обоихъ угловыхъ павильоновъ имѣетъ видъ продолговатаго прямаго четвероугольника, широкая сторона котораго обращена наружу, а узкая вглубь, гдѣ помѣщаются ворота. Эти башнеобразныя части пилона поднимаются на подобіе пирамиды, слегка наклоняясь внутрь, и состоятъ только изъ гладкой стѣны, которая сверху до низу покрыта лѣпными изображеніями и завершается плоской крышей.

Они заключаютъ въ себѣ по нѣскольку комнатъ, назначеніе которыхъ неизвѣстно. Главное же назначеніе самихъ пилоновъ, снаружи, состояло повидимому въ томъ, чтобы придать величественный видъ входу. Для этого-то и ставились передъ пилонами колоссальные статуи и обелиски (четвероугольные столбы съ широкимъ основаніемъ, къ верху съуживающіеся и оканчивающіеся маленькой пирамидой). Въ торжественныхъ случаяхъ на пилонахъ выставлялись мачты съ знаменами. Къ этимъ пилонамъ примыкаетъ:

Дворъ колоннъ, ряды которыхъ идутъ или только вдоль двухъ боковыхъ стѣнъ, или со всѣхъ четырехъ сторонъ, или только съ трехъ. На эти колонны положены каменныя плиты, образующія архитравъ, а надъ ними другія, выдающіяся въ видѣ карниза. Перейдя этотъ дворъ вступаютъ въ

Храмъ, но не прямо въ святыню храма, а сперва въ портикъ съ колоннами въ три или четыре ряда и въ два или въ три переднія зала, за которыми слѣдуетъ другой портикъ, гораздо уже перваго, но большею частію такой же многоколонный. Изъ этого портика переходятъ въ одинъ или два зала безъ колоннъ и затѣмъ уже въ святилище. Это послѣднее всегда мало и неосвѣщено—и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ хранится въ немъ изображеніе какого-нибудь бога. Къ этому святилищу примыкаютъ комнаты для сохраненія утвари и для пребыванія дежурныхъ жрецовъ. Вся эта задняя часть обнесена одной общей стѣной.

Отъ этихъ храмовыхъ построекъ вѣетъ чѣмъ-то серіознымъ, торжественнымъ и благоговѣйнымъ, а косое направленіе наружныхъ стѣнъ выражаетъ что-то твердое и рѣшительное. Все это вмѣстѣ, а въ особенности простота линій дѣлаетъ то, что, при всемъ своемъ однообразіи и тяжеловатости, *наружность* этихъ зданій производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на зрителя. Какъ особенно характеристическую черту замѣтимъ при этомъ, что всѣ эти постройки вообще представляются въ видѣ раздвинутыхъ отдѣльныхъ частей, расположенныхъ въ нѣсколько рядовъ.

Внутренность храмовъ (рис. 2) представляетъ болѣе разнообразія въ формѣ, чему способствуютъ колонны, круглыя, цилиндрическія или же другія, самыхъ разнообразныхъ формъ, заимствованныхъ у всевозможныхъ растеній.

Стержень этихъ колоннъ обыкновенно раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, и каждое изъ нихъ покрыто лѣпными изображеніями и іероглифами, а иногда украшено только вверху и внизу, середина же гладкая.

Онъ стоитъ всегда на кругломъ пьедесталѣ съ болѣе или менѣе значительнымъ выступомъ.

Капители колоннъ въ высшей степени разнообразны. Самыя красивыя имѣютъ форму кратера (сосуда) и представляются цвѣточными колокольчиками съ выступающими впередъ листьями. Приэтомъ нижняя часть капители убирается иногда вдвинутыми другъ въ треугольниками, изъ которыхъ поднимается стебель цвѣтка. Тоже самое украшеніе, форма котораго заимствована повидимому у нижняго конца растенія папируса, находится часто и на нижней части стержня. Другія капители представляютъ собою подражаніе нераскрывшейся еще почкѣ или маковкѣ съ цвѣточными сѣменами. Прототипъ обоихъ этихъ видовъ—лотосъ, растеніе считавшееся священнымъ. Въ нѣкоторыхъ храмахъ капители замѣняются изображеніемъ неизвѣстной богини, вѣроятно Изиды, съ греческимъ покрываломъ и храмомъ на головѣ. Въ такомъ случаѣ это изображеніе повторяется на всѣхъ четырехъ сторонахъ круглой колонны.

Вмѣсто колоннъ въ катакомбахъ употребляются четвероугольные столбы. Въ строеніяхъ подъ открытымъ небомъ эти столбы употребляются только въ соединеніи съ колоссальными статуями. Въ такомъ случаѣ потолокъ поддерживается столбомъ, а не статуею, которая, хотя и прислоняется спиною къ столбу, но ничего не поддерживаетъ.

Эти человѣческія изображенія въ три или четыре раза превосходятъ своими размѣрами обыкновенный человѣческій ростъ, но всегда совершенно одинаковы между собою по величинѣ, чертамъ и положенію тѣла. Они изображаются всегда въ стоячемъ положеніи, съ высокою жреческою тіарою на головѣ, безъ всякой другой одежды кромѣ египетскаго фартука вокругъ тѣла, съ нильскимъ ключомъ (мистической эмблемой) въ правой рукѣ,—имѣющимъ видъ креста съ дужкою въ верхней части, — со скрещенными на груди руками, при чемъ ноги этихъ статуй или паралельны другъ другу, или же одна нога выступаетъ нѣсколько впередъ.

Къ такому разнообразію въ формахъ колоннъ при-

соединяется еще разнообразіе въ цвѣтѣ. Камень раскрашивается, какъ снаружи, такъ и снутри. Все покрыто лѣпными изображеніями или украшеніями и расписано яркими, еще хорошо сохранившимися красками. Эти изображенія состоятъ, большею частію, изъ сидячихъ или стоящихъ фигуръ, представленныхъ въ профиль, которыя всѣ держутся одинаково. Всѣ они или слѣдуютъ другъ за другомъ, образуя всѣ вмѣстѣ торжественное шествіе, или же стоятъ другъ противъ друга въ позѣ, выражающей молитву и благоговѣніе.

Пестрота этихъ изображеній въ сущности нисколько не вредитъ архитектурной простотѣ, хотя египтяне употребляли самыя яркія краски одного тона, безъ оттѣнковъ и переходовъ и безъ тѣней.

Пещерныя постройки имѣютъ почти такое же расположеніе, какъ и храмовыя постройки.

У большей части подземныхъ храмовъ, дворъ (который у однихъ расположенъ на открытомъ мѣстѣ, а у другихъ высѣченъ въ скалахъ) или же крытый портикъ образуютъ входъ; къ нему примыкаетъ передній залъ, а за этимъ слѣдуетъ нѣсколько покоевъ меньшаго размѣра съ колоннами, смотря по надобности.

Въ катакомбахъ подобный же портикъ устроенъ обыкновенно подъ открытымъ небомъ, за портикомъ слѣдуетъ большее или меньшее количество залъ и комнатъ, а ужъ за этими комнатами слѣдуетъ узкая галлерея, гдѣ ставятся гробы съ муміями, въ устроенныхъ колодцами углубленіяхъ.

Расположеніе и украшеніе *дворцовъ* почти такое же, какъ и у храмовъ, съ тою разницею, что путь къ внутреннему святилищу не обозначается съ такою точностію—и все пространство съ его передними дворами и многоколонными портиками окружено сплошной стѣной.

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Лондонская конференція по Черноморскому вопросу окончила свои занятія; 12-го марта, всѣ члены ея со включеніемъ представителя Франціи подписали договоръ, отмѣняющій условія о нейтрализаціи Чернаго моря, и на другой день о томъ официально извѣстили британскій парламентъ лорды Грэнвиль и Энфильдъ. Существовавшія до сихъ поръ ограниченія правъ султана на недопущеніе военныхъ судовъ въ Дарданеллы и Босфоръ измѣнены въ томъ смыслѣ, что Порта и въ мирное время можетъ открывать ихъ для военныхъ кораблей союзныхъ державъ, если она найдетъ это нужнымъ для поддержанія постановленій Парижскаго трактата. Договоръ опредѣляетъ также продолженіе дѣйствій нынѣшней Дунайской коммисіи, а равно и дальнѣйшую нейтрализацію относящихся къ ней работъ, съ предоставленіемъ Портѣ права вводить въ Дунай военныя суда. Сверхъ того конференція подписала специальный протоколъ, по которому, въ силу международнаго права, никакая держава не должна расторгать или признавать договоры одна безъ участія прочихъ, подписавшихъ оные, державъ.

Такимъ образомъ порѣшенъ европейскими державами этотъ вопросъ, возбудившій такъ много толковъ, и рѣшенія этого нельзя не признать торжествомъ русской дипломатіи. Россія, безъ столкновеній и кровопролитія, однимъ заявленіемъ своего права умѣла достигнуть отмѣны трактата, для нея тягостнаго и стѣснительнаго. Отнынѣ Европа признаетъ за нею право (котораго она лишена была въ силу статьи Парижскаго трактата о такъ называемой нейтрализаціи Чернаго моря) содержать военный флотъ въ этомъ морѣ, гдѣ съ 1856 года она могла имѣть только шесть военныхъ кораблей.

Въ скоромъ времени должна открыться другая конференція въ Брюсселѣ, собирающаяся для составленія заключительнаго мирнаго трактата между Германіей и Франціей. Со стороны Франціи назначеніе уполномоченныхъ на эту конференцію уже объявлено въ *Journal Officiel*; первымъ изъ нихъ будетъ баронъ Бодъ, находящійся нынѣ въ Парижѣ французскій посланникъ при Аѳинскомъ дворѣ; помощниками ему назначаются генералъ Кальє, г. де-Гулэръ, членъ національнаго собранія, и г. Деклеркъ, опытный дипломатъ, состоящій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Со стороны Германіи официальнаго назначенія уполномоченныхъ еще не было обнародовано, но по газетнымъ извѣстіямъ мы узнаемъ, что первымъ уполномоченнымъ будетъ или г. Баланъ, германскій посланникъ въ Брюсселѣ, или графъ Арнимъ, германскій посланникъ въ Римѣ, который былъ вызванъ въ Версаль еще до выѣзда оттуда императора Вильгельма. Есть также извѣстіе, что для ускоренія переговоровъ и для представленія результата ихъ германскому рейхстагу при открытіи сессіи, въ Брюссель прибудетъ самъ графъ Бисмаркъ въ сопровожденіи извѣстныхъ дипломатовъ, состоящихъ при прусскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, г.г. фонъ-Абекена, фонъ-Кейделя и Бюхера. Время открытія конференціи еще не объявлено.

Между тѣмъ нѣмецкія войска постепенно очищаютъ департаменты Франціи, которые должны оставаться незанятыми по договору. Мы сообщали уже объ отъѣздѣ изъ Версаля императора Вильгельма, который на пути своемъ осматривалъ войска, и по выступленіи въ Германію повсюду былъ встрѣчаемъ криками неописаннаго восторга. 17-го марта его величество прибылъ въ Берлинъ; на станціи Вильдпарка его встрѣтила императрица и принцессы, а въ самой столицѣ на станціи же собрались привѣтствовать его члены королевскаго дома, генералы, министры и высшіе сановники. На всемъ пути во дворецъ (присовокупляетъ телеграмма, возвѣщающая о прибытіи императора въ столицу) его величество привѣтствовали восторженными криками несмѣтныя толпы народа.

Положеніе дѣлъ во Франціи далеко еще нельзя назвать удовлетворительнымъ. Перенесеніе засѣданій національнаго собранія изъ Бордо въ Версаль, а не въ Парижъ (многіе депутаты требовали перенесенія ихъ въ городъ болѣе отдаленный, и только по настоянію г. Тьера избрали Версаль) служитъ уже яснымъ доказательствомъ, что пребываніе въ Парижѣ считается ненадежнымъ. И дѣйствительно, въ Парижѣ происходитъ нѣчто въ высшей степени странное, свидѣтельствующее о ненормальномъ положеніи этой столицы. Еще во время занятія части ея нѣмцами, баталіоны національной гвардіи выстроили баррикады въ кварталахъ Монмартра, Бельвиля и Вильетты, и снабдили ихъ пушками и картечницами, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы дать отпоръ

нѣмцамъ, если они вздумаютъ нарушить условіе и напасть на тѣ части города, которыя они не въ правѣ были занимать; но по выходѣ нѣмцевъ эти баррикады и укрѣпленія не только остались, а даже были усилены. Завѣдуетъ дѣйствіями этихъ возмутившихся или непризнающихъ нынѣшняго правительства парижскихъ кварталовъ такъ-называемый центральный революціонный комитетъ, который составляетъ нѣчто въ родѣ особаго правительства. До сихъ поръ дѣйствія его ограничивались стѣсненіемъ движенія въ упомянутыхъ выше кварталахъ и протестами противъ распоряженій правительства, но такъ какъ въ рукахъ у инсургентовъ около 400 орудій, то положеніе ихъ грозитъ опасностью всей столицѣ — тѣмъ болѣе что руководители этого движенія, имена которыхъ до сихъ поръ не появлялись ни въ телеграммахъ, ни въ газетахъ, вѣроятно имѣютъ какой нибудь опредѣленный планъ. Правительство, рѣшившееся избѣгать кровопролитія, до сихъ поръ дѣйствуетъ кроткими мѣрами и убѣжденіями; тѣмъ не менѣе оно вызвало изъ Луарской арміи войска, которыя уже и прибыли въ Парижъ въ числѣ 40,000. Единственною строгою мѣрою парижскихъ властей было распоряженіе главнокомандующаго парижской арміей, генерала Винуа, которымъ, на основаніи власти предоставленной ему осаднымъ положеніемъ столицы, онъ пріостановилъ изданіе шести революціонныхъ газетъ: *Vengeur*, *Mot d'Ordre*, *Père Duchéne*, *Carricature*, *Cri du Peuple* и *Bouchè de Fer* за возбужденіе къ мятежу и къ неповиновенію законамъ, и запретилъ изданіе новыхъ журналовъ, трактующихъ о политикѣ и соціальной экономіи, впредь до снятія осаднаго положенія національнымъ собраніемъ.

Полагаютъ однако, что правительство намѣрено вскорѣ измѣнить свой образъ дѣйствій, и принять болѣе рѣшительное положеніе; съ этою цѣлію, какъ думаютъ, оно возобновило упраздненную бывшимъ правительствомъ національной обороны должность полицейскаго префекта, въ которую декретомъ 16-го марта назначенъ г. Валонтенъ.

Другое обстоятельство, которое грозитъ опасностью Франціи, есть чрезмѣрное озлобленіе, обнаруживаемое тамъ повсюду и особенно въ Парижѣ противъ нѣмцевъ. Озлобленіе это, хотя и понятное послѣ всего, чтó выстрадала Франція отъ непріятельскаго нашествія, и послѣ заключенія тягостнаго мира, проявляется однако въ такихъ формахъ, которыя переходятъ всѣ границы возможнаго. Нѣмцы, проживающіе въ Франціи или возвращающіеся туда, должны постоянно быть въ тревогѣ за свое имущество и даже жизнь. Магазины ихъ подвергаются разграбленію, на биржу ихъ не допускаютъ; банкиры и фабриканты увольняютъ ихъ изъ своихъ заведеній, даже академіи и ученыя общества объявляютъ, что они не будутъ имѣть нѣмецкихъ корреспондентовъ. Это положеніе нѣмцевъ во Франціи вызвало суровую статью въ берлинской офиціозной *Nordeutsche Allgemeine Zeitung*, отъ 14-го марта, гдѣ по исчисленію всѣхъ непріятностей, терпимыхъ нѣмцами во Франціи, сказано: «Если французское правительство не оградитъ нѣмцевъ отъ подобныхъ притѣсненій, то мы будемъ принуждены прибѣгнуть къ возмездію».

На это же обстоятельство указывалъ г. Жюль Фавру графъ Бисмаркъ въ особой нотѣ, присовокупляя, что въ случаѣ нанесенія оскорбленій и ущерба нѣмцамъ въ департаментахъ, занятыхъ нѣмецкими войсками, нѣмецкія посольства принуждены будутъ присуждать виновныхъ къ денежной пенѣ.

Торжество нѣмецкаго оружія и выгодный для Германіи миръ вызвали восторгъ между нѣмецкими населеніями Австрійской имперіи, которыя намѣревались устроивать по этому поводу празднество; но первое же изъ этихъ празднествъ, задуманное въ Грацѣ, было запрещено правительствомъ. Запрещеніе это привело въ негодованіе всѣхъ нѣмцевъ, которые громко протестовали противъ него въ своихъ газетахъ. Наконецъ въ засѣданіи вѣнскаго рейхсрата 14-го марта, по этому поводу былъ сдѣланъ запросъ министерству. Графъ Гогенвартъ, министръ-президентъ, отвѣчалъ, что запрещеніе это основано на обязанности правительства заботиться о поддержаніи общественнаго порядка, основано и на дѣйствующихъ законахъ. Празднества могли вызвать демонстрацію въ противуположномъ смыслѣ, чтó могло повести къ бѣдственнымъ столкновеніямъ между различными національностями. Въ заключеніе министръ объявилъ, что того же самаго требовалъ нейтралитетъ, который долженъ поддерживаться и по окончаніи войны.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 12 Марта 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Невск. пр. и Б. Морск. д. № 9—13. Типогр. [illegible] д. № 1—45.

№ 12. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).
Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.
Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ на углу Б. Мор. и Нев. пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) у А. В. Гюнтера, Kleinseite 723—2.
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Панъ Пшепендовскій.

(СОВРЕМЕННЫЙ ОЧЕРКЪ).

Всеволода Крестовскаго.

ГЛАВА I.
Чѣмъ былъ и чего вдругъ лишился панъ Пшепендовскій.

— От-то дурни были! Позаводили этое са̀мо повстанье, але и чьто жъ тако̀е! Теперъ изъ-за нихъ за самыхъ человѣку, который есть порадочный, а ни ступить, ни пикнуть! Ну, и чьтожъ? Теперъ будемъ такъ говорить: хотя я самый — по выбору одъ всего благороднаго дворанства три трохлѣтія былъ капитан-справникомъ, и навсегда цару и ойтечеству былъ какъ вѣрный собака, а теразъ—всего лишоный... Одначежъ имѣю жо̀ну и ребенковъ имѣю, и всѣ мы хотимъ кушать,—але-жъ не можно, бо этое самое повстанье—а будь оно не ладне!—какъ есть усего лишило. И выходитъ, что дурни сгадали, а невинный человѣкъ есть жертва.

— Ну, пане Пшепендовскій, за что же вы однако мѣсто-то потеряли?

— А за̀ то за самое и потералъ, бо этое, зволите видѣть, какъ пріѣхалъ у край графъ Муравьевъ, то такъ мене одъразу и одрѣшилъ.. Бо я, говорить, полякъ. А какой я полякъ?! И никогда, ни въ жизнь свою полякомъ не былъ, и не желаю, и не имѣю числиться въ полякахъ,—а пропадай они и совсѣмъ!

— Э, пане Пшепендовскій! Оно конечно, дѣло немножко щекотливое говорить-то объ этомъ, но... вѣдь были же причины.

— А каки таки прычины, позвольте взнать?

— Ну, хоть... извѣстнаго рода сочувствіе?

— Какъ!.. Я?.. У меня?.. У меня сочувствіе? — Пфрсс!.. Къ мьятежникамъ? Къ тымъ канальямъ?—А ни Боже мой!.. И что это только такое вы говорите! Я, сударъ мой, есть капитан-справникъ; этое одзначаетъ: я есть друхъ порадка.

— Стало быть, въ концѣ концовъ, вы плачетесь теперь на нашу несправедливость?

— Я?!.. на несправедливосць?—А Боже збавъ меня!.. Я — никогда! Помилуйте, какъ этое, чтобы я — и вдрухъ на несправедливость... на графа Муравьева?.. Да вы не знаете... графъ Муравьевъ да то былъ самый найсправедливѣйшій, найпочливѣйшій человѣкъ! Ему намъ увсѣмъ поклоняться до ногъ налѐжитъ! — Вотъ какъ мы будемъ судить! Это, сударъ мой, былъ свьятой человѣкъ!

— И потому отрѣшилъ васъ отъ мѣста?

— Ну, и чьто жъ?.. Одрѣшилъ! Этое вѣрно, что одрѣшилъ; я къ тому и не спору! Errare humanum... знаете, говорится. Конечно, онъ только черезъ то потералъ для себя одного, можно сказать, вѣрнаго собаку. Этое, говоря по правдѣ, случилось все одъ навѣтовъ. Одклеветали, очернили меня... Самыи же поляки очернили!

— Ну, вотъ! Теперь ужъ и поляки виноваты! Полноте, пане! Вѣдь мы тоже немножко знакомы съ этимъ дѣломъ. Васъ отрѣшили—не взыщите за откро-

венность—по сильному подозрѣнію во взносахъ въ народовый капиталъ, въ потворствѣ костельной пропагандѣ и, если не ошибаюсь, въ укрывательствѣ извѣстныхъ вамъ мѣропріятій.

— О-ля Бога! Подите вы, право!.. И что жъ мнѣ вамъ отвѣчать на этое?.. Ежели я есть виноватый, то зачѣмъ меня до Сибиру тогда не одправили? а?.. Позвольте васъ спросить, зачѣмъ меня не одправили?

— Да вѣдь не всѣхъ же въ Сибирь отправляли.

— Н-нѣтъ! Увсѣхъ должны были одправлять! Увсѣхъ! И меня тоже, ежели такъ будемъ судить!.. Помилуйте, на человѣка все можно сказать!.. Но надо доказать напередъ! надо доказать!.. Надо разсмотрѣть съ легальнои стороны! бо такъ не можно!

— Да насчетъ взносовъ доказательства есть.

— Ну, и чьто жъ изъ того?.. Ну, и есть!.. Але-жъ будемъ мы такъ говорить: вы сидите-себѣ мирно и покойно у своихъ, можо сказать, пенатовъ; при васъ ваша любимая жона... и ребенки тутъ на полу кувыркаются... и все этое такъ пріятно вамъ, и вы ни о чемъ дурного не думаете себѣ, и никому никакого зла не желаете,—а тутъ вдрухъ входятъ до васъ у двохъ, але и по три гайдука—таки галгане!—и втотчасъ съ кынжаломъ у брухо, альбо и съ тымъ... зъ револьверомъ... Какъ приставять до носу и говорать вамъ: «прошен'пана офяровац цокольвѣкъ зъ майонтковъ паньскихъ до фундушу народовего!»—Ну, и когда жь они такъ застигнутъ васъ—и вы по своей неволѣ даете, бо они втотчасъ же забіють васъ, а у васъ жона, а у васъ потомки ваши ползаютъ, и вы помирать не хотите... Ну, и дашь, только одвяжитесь вы скорѣй, лайдаки проклятые!

— Оно пожалуй и такъ; но ужь будто къ вамъ такъ просто и спокойно могли входить эти господа и требовать съ ножемъ у горла?

— А какъ же-жъ иначе? Непремѣнно зъ ножемъ, чи ещѐ зъ револьвѐромъ!

— Да вѣдь вы были исправникомъ...

— Ну, то такъ есть! И навсегда былъ добрый справникъ. Но что жъ изъ того?

— Да вѣдь при исправникѣ всегда казаки, цѣлая команда,—и при васъ вѣдь были тоже казаки.

— А, полноте, пожалуста! Чьто такое казаки?.. Казаки! — Вы просто не можете имѣть себѣ никакого о томъ воображенія! Одъ нихъ никакого защищенья, бо онъ только и сидитъ себѣ у жида въ корчмѣ, и лежитъ себѣ кверху брухомъ.

— Зачѣмъ же вы допускали до этого? Зачѣмъ же не взыскивали?

— А чьто жъ я могу?.. Я тутъ ничего не могу... бо я не злой человѣкъ, и душу имѣю добрую.

— Мужики однако васъ, кажись, не совсѣмъ-то долюбливали.

— Бо я спуску не давалъ! И вы всѣ, господа мировые посредники, вы всѣ, позвольте вамъ выразить, имѣете совсѣмъ фальшивое воображеніе—на этотъ щотъ. Мужикъ—онъ только нынѣ притворается такимъ добрымъ, такимъ вѣрнопреданнымъ, а до этого дурацкаго повстанья мужикъ былъ найпершій бунтовщикъ! найпершая бестія! Вы напрасно воображаете себѣ, что тутъ что нѣбудь дворяньство... Конечне, и въ дворяньствѣ кое-чьто было, але гдѣ паршива овца не водится? Но только повѣрте на чести, дворяньство—и это навсегда было наипервша опора престола и ойтечества... Оно еще и мужиковъ одъ бунтовъ воздерживало!—То такъ есть! Какъ честный человѣкъ! Я смотру безпристрастно, а потому такъ и говору! А за паршивыхъ овецъ,—то нынѣ всѣ мы жертвами выходимъ. Такъ не можно! И зъ тѣми, которые какъ я, напримѣръ, навсегда были въ вѣрноподданьствѣ, надо ужь помыслить о примиреніи и забвеніи.

Такъ разсуждалъ панъ Пшепендовскій съ мировымъ посредникомъ Ивановымъ, сидя подъ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, въ публичномъ саду города N.

Панъ Пшепендовскій выглядѣлъ совершенно паномъ не то что маленькой, а почти маленькой руки, занимая какую - то неопредѣленную серединку между паномъ средней руки и паномъ руки маленькой. На видъ ему было лѣтъ сорокъ, и такъ было ему и въ дѣйствительности. Выраженіе лица имѣло въ себѣ нѣчто вполнѣ польско-благонамѣренное. Хорошіе темнорусые усы носилъ онъ по шляхетски; тоненькая полоска бакенбардъ спускаясь отъ одного уха, убѣгала подъ подбородокъ, къ шеѣ, и такою же тоненькой полоской восходила къ уху другой стороны лица. Взглядъ пана Пшепендовскаго передъ низшими выражалъ презрительную и какъ бы начальственную надменность (вѣроятно въ силу старой исправничьей привычки), передъ маленькими людьми изъ русскихъ—полную и отчасти горделиво-равнодушную независимость; передъ почтенными старцами «компатріотами»—пріятную почтительность человѣка, уважающаго старость и готоваго у нея поучаться; передъ ксендзомъ взглядъ пана Пшепендовскаго выражалъ скорбное сочувствіе чему-то и кроткую, пригнетенную покорность кресту, посланному отъ Бога; передъ россійскимъ высокимъ начальствомъ этотъ разнообразный взглядъ и таялъ, и умилялся, и извивался жирнымъ угремъ, и выражалъ даже патріотизмъ вѣрнопреданный, неизмѣримый, и полную готовность лечь костьми противъ враговъ единства, покоя и счастія нашего «общаго великаго и вселюбезнаго отечества». Словомъ сказать, это былъ взглядъ до послѣдней степени гибкій. Гибкости взгляда вполнѣ соотвѣтствовала гибкость спины, шеи и головы, которыя тотчасъ умѣли принимать то самое положеніе, тотъ самый характеръ, что, смотря по требованіямъ обстоятельствъ любой данной минуты, принималъ гибкій взглядъ пана Пшепендовскаго.

Панъ Пшепендовскій не толстъ и не худощавъ, не высокъ и не низокъ, а такъ-себѣ, нѣчто среднее пропорціональное,—одѣтъ всегда довольно опрятно, но ни какъ не по модѣ, а именно такъ, какъ умѣютъ одѣваться одни только западнаго края помѣщики не то что средней и не то что совсѣмъ маленькой руки. Панъ Пшепендовскій походилъ на помѣщика душъ двухсотъ (говоря по прежнему), и въ прежнее счастливое время дѣйствительно былъ обладателемъ двухсотъ душъ крестьянскихъ. Сто у него было своихъ, да сто взялъ по сосѣдству за женою. Панъ Пшепендовскій въ своемъ околодкѣ былъ извѣстенъ за добраго обывателя, добраго семьянина, добраго католика и добраго человѣка. Послѣдняго о немъ мнѣнія не раздѣляли одни только крестьяне того уѣзда, гдѣ онъ исправничалъ—по своему весьма исправно. Панъ Пшепендовскій былъ счастливымъ отцомъ двухъ дѣтей — сына Стася и дочери Брони, которымъ было одному четыре а другой три года, и не менѣе счастливымъ супругомъ очень хорошенькой и очень вкусной пани Пшепендовской, которая въ дѣйствительности считала себѣ двадцать восемь лѣтъ, но всему свѣту было из-

вѣстно, по ея словамъ, что ей всего только двадцать четвертый годъ. Этотъ фатальный двадцать четвертый годъ неизмѣнно фигурировалъ у нея въ каждомъ подходящемъ случаѣ уже ровно четыре лѣта сряду, что впрочемъ нисколько не мѣшало пани Фелиціи быть очень хорошенькою, очень вкусной женщиной и казаться, дѣйствительно, моложе своихъ лѣтъ. Всѣ знаёмые, и родаки, и сосѣди называли это супружество не иначе какъ самымъ счастливымъ и самымъ примѣрнымъ супружествомъ,—и панъ Пшепендовскій, въ качествѣ человѣка, равно какъ и въ качествѣ исправника, пользовался всеобщимъ душевнымъ расположеніемъ, добрыхъ-пановъ-обывателей своего уѣзда, за что и былъ въ теченіе трехъ трехлѣтій неизмѣнно избираемъ ими въ должность исправника.

Мирно и счастливо текли исправничьи дни пана Пшепендовскаго, который даже съ 1861 года успѣлъ заслужить себѣ имя добраго, хотя и осторожнаго патріота; россійское начальство тоже атестовало его добрымъ, расторопнымъ, примѣрно-усерднымъ и надежно-исполнительнымъ чиновникомъ—,и такимъ образомъ эти счастливые дни и счастливая атестація длились бы можетъ до самаго смертнаго часу, если бы на бѣду пана Пшепендовскаго не нанесъ Богъ въ этотъ край графа Муравьева. Староопытнымъ, зоркимъ и чуткимъ орломъ налетѣлъ покойникъ на этотъ край и.... между прочимъ, мимолетомъ клюнулъ пана Пшепендовскаго: взялъ да и порѣшилъ его относительно исправничьей должности.

Тутъ началось горе пана Пшепендовскаго. Съ одной стороны, надъ нимъ возсіялъ ореолъ—въ нѣкоторомъ родѣ политическаго мученика, страдальца за патріотическую идею, хотя и маленькаго, а все же таки мученика и все жъ таки страдальца; но, съ другой стороны, карманы пана Пшепендовскаго потерпѣли сильный ущербъ, потому что еще передъ началомъ повстанія, онъ—по настояніямъ духовника, сулившаго ему милости небесныя, и по неотступнымъ требованіямъ жены, соблазнявшей его своими милостями земными,—дозволилъ ей распорядиться значительною частію капитальца, скопленнаго на службѣ. Она, въ порывѣ патріотическаго увлеченія, взяла да и отдала этотъ капиталецъ пану Пшемыкѣ, который былъ тогда «организаторомъ повятовымъ». Организаторъ, конечно, выдалъ пани Пшепендовской самую вѣрную квитанцію, по которой ржондъ народовый, какъ только совершится полное возстановленіе ойчизны, непремѣнно выплатитъ ей весь капиталъ и даже съ процентами. Пани Пшепендовская, разумѣется, повѣрила— и развѣ можно было не вѣрить? А панъ организаторъ, межъ тѣмъ, захвативъ всю свою кассу ушелъ до лясу, въ банду. Банда, конечно, была разбита, но пану Пшемыкѣ удалось удрать за границу, а съ нимъ удрали и денежки пани Пшепендовской, которая однако непремѣнно получитъ ихъ по квитанціи, когда вольна и неподлегла ойчизна... и проч. И вотъ, такимъ образомъ, панъ Пшепендовскій вдругъ остался на бобахъ: и мѣсто потерялъ и капитала лишился; а между тѣмъ у пана Пшепендовскаго есть «любимая жона», у пана Пшепендовскаго его потомки ползаютъ—и всѣ они, вмѣстѣ съ самимъ паномъ Пшепендовскимъ, «кушать хотятъ», и панъ Пшепендовскій, какъ добрый отецъ и добрый супругъ очень хорошо это чувствуетъ. Что тутъ дѣлать пану Пшепендовскому?...

«Что дѣлать? — Цо робиць?» въ этомъ-то и весь вопросъ его — насущный вопросъ—заключается.

Имѣньице не даетъ почти никакого доходу, хозяйство истощено ежегодными контрибуціями, лайдакамъ-хлопамъ, по милости новыхъ муравьевскихъ посредниковъ, пришлось-таки урѣзать отъ себя добрые надѣлы; а подлые хлопы почти что отказываются работать на пана Пшепендовскаго, а коли и идутъ, то за непомѣрную цѣну,—а панъ Пшепендовскій межъ тѣмъ, вмѣстѣ съ потомками, очень и очень кушать желаетъ. Ну, и цо жь теразъ мусіе робиць несченсливы панъ Пшепендовскій?!...

Цо мусіе панъ робиць? — вопросъ дѣйствительно рокового свойства.

Панъ Пшепендовскій, при каждомъ подходящемъ случаѣ, сталъ ругать, порицать, поносить «дурацьке повстанье» и его «дурацькихъ будовниковъ», заговорилъ о томъ что онъ всегда былъ «вѣрнымъ собакой», и запѣлъ хорошо извѣстную нынѣ въ цѣломъ краю пѣсеньку «о примиреньи и забвеньи».

Панъ Пшепендовскій нашелъ наконецъ—цо онъ мусіе теразъ робиць, якъ добры полякъ и добры обывацель

(Продолженіе будетъ).

Рисунки Александра Осиповича Орловскаго.

Помѣщая въ гравюрѣ нашей одну изъ композицій знаменитаго рисовальщика временъ Александра I, А. О. Орловскаго, мы не будемъ приводить на память читателямъ обстоятельствъ жизни художника, уже извѣстныхъ по нѣсколькимъ статьямъ въ польскихъ и русскихъ журналахъ. Мы ограничимъ замѣтку свою нѣсколькими указаніями о композиціяхъ Орловскаго, наиболѣе характерныхъ, или, лучше сказать, вѣрнѣе опредѣляющихъ индивидуальныя особенности его творчества.

Орловскаго называли современники *неподражаемымъ* живописцемъ лошадей—по роду исключительнаго можно-сказать пристрастія его къ изображеніямъ коней всякихъ породъ и особенностей, во всѣхъ видахъ быстраго бѣга, иноходи, рыси—однимъ словомъ *движенія*. Но ни гдѣ это движеніе не дышало настолько русскимъ характеромъ, какъ въ тройкахъ Орловскаго. Сверчковъ и Орловскій—Орловскій и Сверчковъ—два имени изъ всей семьи русскихъ живописцевъ животныхъ, которыя должны стоять рядомъ, раздѣляя поровну восторгъ любителей отечественной живописи, возбуждаемый произведеніями ихъ своеобразнаго таланта.

Въ первые три десятилѣтія настоящаго вѣка, рисунки Орловскаго всѣ желали имѣть—и карандашъ художника неусыпно работалъ, производя свои легкіе эскизы сотнями въ годъ. Гдѣ теперь они? Куда дѣвались? Не можетъ быть, чтобы въ такое короткое время уничтожились онѣ безслѣдно? Всплываютъ время отъ времени, единицами, рисунки Орловскаго, но это капля въ морѣ изъ его громадной производительности. Онъ рисовалъ и на камнѣ свои кабаки, тройки, всадниковъ. Гравировалъ и крѣпкой водкою. Съ такого экземпляра, очень рѣдкаго, снятъ и помѣщаемый нами рисунокъ.

Старый служака.

(*Продолженіе*).

— Теперь онъ разскажетъ, прошепталъ Монголъ и тихонько толкнулъ въ бокъ картоннаго человѣка.

Всѣ приготовились слушать. Мракъ, который, въ качествѣ сторожа, ходилъ взадъ и впередъ, остановился и оперся на косу.

— Когда это именно я увидалъ ее въ первый разъ? началъ старый служака.—Да, это было въ ольховой рощицѣ подъ Тулавою, она собирала тамъ орѣхи и занозила себѣ ногу; заноза была такая длинная, острая; Катя сидѣла тамъ на межѣ и плакала, она была такая хорошенькая и такъ горько плакала, что мнѣ стало жаль ее. Я подошелъ къ ней и спросилъ ее: «объ чемъ ты плачешь?»

Она, ничего не отвѣчая, стала - было выдергивать занозу и еще сильнѣе зарыдала.

Тутъ только я замѣтилъ, что̀ мучитъ мою птичку, нагнулся къ ней и сказалъ:—погоди, ужь я помогу тебѣ. Она перестала плакать, протянула мнѣ безъ церемоніи ногу и сверкнула на меня глазами съ боку. Я сію же минуту выдернулъ ее, занозу-то, а когда я ее выдергивалъ, Катя только слегка прошипѣла, потомъ сдернула на лицо свой головной платокъ, вскочила и убѣжала, не поблагодаривъ меня.

Послѣ этой исторіи, какъ она завидитъ меня бывало, хоть издали, то сію же минуту пустится отъ меня бѣжать словно отъ чудовища, отъ гайдамака. А ужь какъ я-то бывало радуюсь, когда встрѣчусь съ нею.

Разъ я возвращался съ ярмарки; возъ былъ такой тяжелый, я шелъ подлѣ лошадей; смотрю, а она стоитъ за заборомъ,—какъ только я замѣтилъ ее, она сію же минуту присѣла, сверкая на меня, черезъ прутья, своими черными глазами, какъ кошка.

— Зачѣмъ ты прячешься, Катя? вскричалъ я, — я ничего тебѣ не сдѣлаю. И я въ ту же минуту остановилъ лошадей.

Но дѣвушка не шелохнулась.

— И чего это ты, продолжалъ я,—всегда бѣгаешь отъ меня? Я не бѣгаю за тобою.

Тутъ она опять показалась, держа руку передъ глазами, и засмѣялась плутовка. И что это былъ за смѣхъ и какіе зубы—точь въ точь бѣлые какъ кораллы!

— Ты съ ярмарки, Балабанъ? сказала она, застыдившись.

— Съ ярмарки, Катерина, вѣжливо отвѣчалъ я.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось такъ же поѣздить по свѣту, какъ ты! сказала она.

— Куда же ты тогда поѣхала бы, Катерина?

— Куда!—разумѣется на ярмарку и во всѣ города, посмотрѣла бы ихъ и Черное море, но прежде всего Коломею, возразила она.

— Ты еще никогда не была въ Коломеѣ? спросилъ я.

— Никогда.

— Никогда?

— Я не видала еще ни одного города, продолжала она, смѣло глядя на меня.—Правда ли это, что тамъ два и даже три дома стоятъ одинъ на другомъ? а дворяне разъѣзжаютъ въ ящикахъ? а у этихъ ящиковъ по четыре колеса? а одинъ домъ весь какъ есть набитъ солдатами?

Я объяснилъ ей все это, а она все продолжала разспрашивать; она тогда ничего этого не понимала. Я не могъ удержаться отъ смѣху, такіе она смѣшные вопросы задавала. Она съ испугомъ взглянула на меня и вдругъ спрятала голову подъ мышку, словно курочка. Солнце только что закатилось, я какъ будто бы теперь вижу все это: улицу, заборъ и хорошенькую дѣвушку. Небо за нею было какъ растянутое, ярко-красное сукно. Я не могъ смотрѣть туда, схватился одною рукою за тѣлегу, а другою водилъ по песку кнутовищемъ.

Въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье я встрѣтился съ моей Катериной—извините, я говорю: съ моей Катериной; такая глупая привычка. Хорошо, я встрѣтился съ ней въ церкви, усердно молился и взглядывалъ на нее только по временамъ. Когда стали выходить изъ церкви, то подлѣ святой воды сдѣлалась просто давка; я принялся работать локтями и принесъ моей хорошенькой Катеринѣ святой воды въ своей горсти. Она улыбнулась, окунула свои пальцы, перекрестилась, а потомъ плутовка окропила ею меня и убѣжала прочь.

Съ этихъ поръ мысль о ней ни на минуту не покидала меня. Вотъ-то было мое горе. Я только и думалъ о томъ, какъ бы встрѣтиться съ нею, но̀ такъ чтобы это выходило какъ будто-бы она сама попалась мнѣ на встрѣчу. Ахъ, Господи, самая обыкновенная любовная исторія!...

Однажды мнѣ пришлось работать на барскомъ дворѣ; я встрѣтилъ ее, когда она выходила изъ дому. Нашъ помѣщикъ сидѣлъ у окна, такъ въ халатѣ, и курилъ изъ чубука. Катерина отыскала какое-то дѣло подлѣ меня; но я дѣлалъ видъ, что не обращаю на нее вниманія.

— Я уйду, Балабанъ, сказала она нѣсколько минутъ спустя.

— Это хорошо, что ты уходишь, сказалъ я вполголоса.—Чего тебѣ надобно на господскомъ дворѣ? Тутъ не годится быть такой молоденькой, хорошенькой дѣвушкѣ, какъ ты.

Катерина покраснѣла, не то отъ гнѣва, не то отъ стыда.

— Тебѣ что за дѣло? спросила она, не глядя на меня.

Я смутился, совершенно смутился.

— Что мнѣ за дѣло до тебя?.. сурово отвѣчалъ я.— Чортъ вмѣшивается всюду—и мнѣ жалко всякаго, кто только живетъ на этомъ свѣтѣ.

— Я бѣдная дѣвушка, сказала она:—кто мнѣ что̀ дастъ? Кто женится на мнѣ? А вѣдь я волею-неволею, а все-таки живу и меня радуетъ тоже самое, что̀ радуетъ и другихъ женщинъ. Я могу себѣ что нибудь заработать на барскомъ дворѣ, новый платокъ на голову, или хорошенькіе кораллы, или даже и шубу.

— Зачѣмъ тебѣ кораллы? сказалъ я,—или...

— Такъ я никому не понравлюсь! съ жаромъ вскричала она.

Я уже былъ влюбленъ въ нее до послѣдней степени возможности. Теперь я узналъ, что̀ мнѣ нужно дѣлать. Я вспомнилъ старинныя исторіи и пѣсни, гдѣ разсказывается о томъ, какъ царь пріобрѣлъ расположеніе царевны, а бѣдный рыбакъ расположеніе рыбачки прежде всего подарками,—и сталъ откладывать грошъ за грошомъ до тѣхъ поръ, пока не наступило Крещенье.

Степнякъ.

Съ рисунка профессора Орловскаго, рисов. на дерев. В. Шпакъ, грав. Б. И. Матюшинъ.

Тутъ-то вечеромъ я прежде всѣхъ вычернилъ себѣ лицо. Я досталъ себѣ отъ дьякона красную пелену—изъ этого вышла мантія, и сдѣлалъ себѣ корону изъ золотой бумаги. Я исполнялъ роль чернаго короля, а бѣлыхъ королей представляли два мои пріятеля: Иванъ Степнукъ и Пацарекъ, тоже очень хорошо наряженные; а мой двоюродный братъ Іосифъ, у котораго лицо было изрыто оспою, былъ нашимъ служителемъ, настоящимъ мавромъ.

Этотъ несъ подарки. Вотъ мы и отправились въ путь; мы, восточные мудрецы, храбро пѣли нашу пѣсню.

Не успѣли мы взойти къ Катеринѣ, какъ дѣвушки вспорхнули, словно стая куропатокъ, и принялись кричать; но старикъ, ея отецъ, улыбнулся и снялъ съ полки водку, чтобы угостить насъ. Въ то время, какъ другіе пили съ нимъ, я вѣжливо взялъ Катерину за руку, поклонился ей и сказалъ:

— Привѣтъ тебѣ, цвѣтокъ запада. Мы, восточные короли, пришли въ эту землю, гдѣ мы услыхали о твоей красотѣ и честности. Мы вошли въ твою хижину, чтобы преклониться предъ тобою и поднесть тебѣ подарки.

Тутъ я сдѣлалъ знакъ рукою брату Іосифу, нашему черному служителю, вынулъ изъ своей торбы большой красный платокъ и поднесъ ей, потомъ три нитки большихъ красныхъ коралловъ—и тоже поднесъ ей.

Я купилъ это въ Коломеѣ на свои собственныя деньги.

Моя Катерина въ смущеніи опустила голову, покраснѣла какъ цвѣтокъ, и спрятала обѣ руки между колѣнами, но глазами она какъ будто бы хотѣла съѣсть и платокъ и кораллы, и я потихоньку подвелъ ее къ лежанкѣ, положилъ ей на колѣна подарки. Ужь какъ мы тутъ хорошо говорили!

— Прекрасная царевна, сказалъ я, — черезъ годъ я принесу тебѣ соболью или горностаевую шубку, какую прикажешь.

— Великій царь мавровъ, отвѣчала она, — я не царская дочь, а крестьянская; съ меня довольно и овечьей шубы.

— Ты прекрасна, какъ царская дочь, возразилъ я ей на это, — это истинная правда. У насъ другой свѣтъ, другой народъ, другая земля: у каждаго человѣка по сту женъ, а у короля тысячу; но я знаю только одну женщину, которую я желалъ бы имѣть женою на всю жизнь.

Другіе веселились, прыгали и кричали, а Пацарекъ молодецки поднялъ мою Катерину со скамейки и кубаремъ завертѣлся съ нею, а я сидѣлъ не трогаясь съ мѣста, смотрѣлъ на нихъ—и вотъ съ этого-то времени у меня тогда и стало болѣть сердце.. Свѣтъ сталъ мнѣ казаться ужасно чуднымъ. Какъ есть люди, которые ничего не видятъ ночью, такъ и я вдругъ среди бѣлаго дня дѣлался словно слѣпой; я какъ будто бы смотрѣлъ только въ самого себя, а ночью я вдругъ становился зрячимъ и видѣлъ вокругъ себя, въ лѣсу и въ полѣ, удивительныя явленія. Я видѣлъ въ воздухѣ, водѣ и мѣсяцѣ то, чего никто другой не видѣлъ, слышалъ то, чего никто не слышалъ, и чувствовалъ... много, много лѣтъ прошло послѣ этого, а я все еще не нашелъ такого слова, которымъ могъ бы выразить то, что́ я тогда чувствовалъ. Сердце мое то сжималось, то ширилось, то млѣло, то останавливалось.—Глупость!

Старый служака грустно улыбнулся и покачалъ головою.

Черезъ два дня послѣ Крещенья я встрѣтился на дорогѣ съ Катериною.

— Вымылъ-ли ты себѣ лицо щелокомъ? закричала она мнѣ еще издалека, и такъ плутовски засмѣялась при этомъ.

Я хотѣлъ схватить ее, но она и на этотъ разъ убѣжала отъ меня.

Ужь какіе мы стали вести длинные разговоры, когда, бывало, встрѣтимся, да я кромѣ того навѣщалъ ее и въ ея хижинѣ. Вотъ сосѣди-то и заговорили.

— Знаешь ли ты, что говорятъ люди? сказалъ я Катеринѣ.

— Я почемъ знаю!

— Они говорятъ, что ты моя возлюбленная.

— А развѣ это не правда? спросила бѣдное дитя и съ удивленіемъ взглянула на меня.—Развѣ ты не подарилъ мнѣ платокъ и кораллы?

Я ничего не отвѣчалъ.

Дѣйствительно, всѣ говорили это—и всякій сторонился отъ насъ».

— Скоро это и перестало быть ложью, сказалъ тихимъ голосомъ старый служака и словно стыдясь, устремилъ глаза на тлѣющуюся золу, по лицу его разлилось какое-то спокойное сіяніе, а глаза словно засвѣтились.

Я взглянулъ на крестьянъ: Коланко слѣдилъ за нимъ сдвинувъ брови и сжавъ губы, картонный человѣкъ и Юръ сидѣли рядомъ, прислонившись другъ къ другу словно снопы, Монголъ лежалъ на золѣ, какъ рыба на пескѣ, и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, едва переводя дыханіе.

— Это была чудо какая хорошенькая дѣвушка, замѣтилъ картонный человѣкъ, обращаясь ко мнѣ: — и что за гордая женщина изъ нее вышла, настоящая барыня! Походка у ней, братцы мои, что у царицы, а хороша она, что твой бѣлый день.

— И теперь еще?

— И теперь.

— Я разъ поцѣловалъ у ней руку, вскричалъ съ сіяющими глазами мальчикъ. — Она сняла перчатку и дала мнѣ поцѣловать свою руку... и что это за рука, бѣленькая, полненькая, чудо, а не ручка!

— Это была чудо какая хорошенькая дѣвушка, повторилъ старый служака,—работящая, веселая, на работѣ она пѣла, а ужь какъ она танцовала! На каждое ваше слово она, бывало, сію же минуту найдетъ отвѣтъ, и словно колдунья, знаетъ все, что́ дѣлается у васъ на сердцѣ.

Росту она была выше средняго; у нея были темные волосы и такіе славные голубые глаза, мерцающіе, удивленные, застѣнчивые, словно у звѣрка. Когда она глядѣла на меня, этотъ взглядъ пронизывалъ меня всего. У нея была такая благородная, если можно такъ выразиться, голова. У помѣщика въ саду стояла каменная женщина, то есть женщина изъ камня, богиня что ли. У Катерины была такая же благородная голова, такіе же строгіе черты лица. Чудная женщина, веселая, словно льющаяся съ вершины горы вода! Мудрено было не полюбить ее. Я любилъ ее больше всего на свѣтѣ. Я могъ говорить съ нею какъ съ матерью, я могъ все сказать ей, все довѣрить безъ страха, безъ стыда. Сидитъ она, бывало, словно святая, тихо, серіозно,—такъ бы вотъ, кажется, и сталъ мо-

литься на нее, и я такъ-сказать исповѣдывалъ ей все, что только было у меня на сердцѣ. Ей былъ извѣстенъ каждый уголокъ души моей. Она да Господь знали всѣ мои мысли. А она — она была для меня словно родное дитя, словно взятая изъ гнѣзда птичка, которую я приручилъ къ себѣ. Стоило мнѣ только взглянуть на нее—и она уже знала, о чемъ я думаю, чего я хочу.

Когда она начнетъ, бывало, цѣловать меня, я словно купаюсь въ меду, а тутъ она еще возьметъ да и укуситъ меня, точно змѣя.

Я былъ счастливъ... онъ улыбнулся. — То есть это я теперь, когда думаю объ этомъ, вижу, что я былъ счастливъ; тогда я не сознавалъ этого. Но чтобы это могло когда нибудь перемѣниться—этого я не могъ и представить себѣ.

Вотъ, скажу я вамъ, опять пришла весна. Съ нѣкотораго времени я началъ замѣчать перемѣну. Катерина какъ будто бы немного вздернула носикъ.

Разъ вечеромъ привожу я поить лошадей. Это было у колодца за ивами. Она не шла. Это еще въ первый разъ пришлось мнѣ ждать ее. Вдругъ она показалась на лугу, нарядная что твоя птичка, съ ведрами на плечахъ. Она пѣла; вотъ эта пѣсенка, я какъ теперь ее слышу:

Ne toho jdu do cerkovci, Bohu ze molyty,
Lys toho jdu do cerkovci, na lubka dyvity:
Oj pydu ja do cerkovci, stanu pid obrazy
Podywliu ze raz na popa, na lubka try razy.

(Не за тѣмъ хожу я въ церковь, чтобъ молиться Богу, а только за тѣмъ, чтобъ любоваться на милаго; войду въ церковь, подойду къ образамъ, разъ взгляну на попа, а на милаго три раза).

Она такъ весело пѣла, она ликовала словно жаворонокъ, а меня разбирала такая грусть. Ужь какъ я цѣловалъ ее, какъ я обнималъ ее!.. Я не сказалъ ей ни одного худаго слова—а она ничего не могла мнѣ сказать хорошаго, поскорѣе нагнулась, наполнила свои ведра, я подалъ ихъ ей, она повѣсила ихъ на коромысло и опять сѣла.

— Что это будетъ? сказала она, играя кончикомъ ноги въ водѣ.—Нельзя же мнѣ не сказать тебѣ этого: баринъ гоняется за мною.

— Баринъ? сказалъ я, почти испугавшись.

Она слегка кивнула головою.

— Онъ называетъ меня своей любушкой, беретъ меня за талію, а разъ даже поцѣловалъ меня.

Я разсердился и топнулъ ногою.

— Только смотри, не прибей меня! вскричала она.— Онъ сулитъ мнѣ хорошія платья, дорогіе каменья, а теперь у меня часто не на что купить ленточки; я могла бы ѣздить въ его каретѣ съ четырьмя лошадьми, какъ какая нибудь барыня, но я этого не хочу.

Она все еще не смѣла поднять глазъ.

— Взгляни на меня, сказалъ я.

Она повиновалась, но глаза ея были такіе испуганные, такіе странные.

— Я не слушаю, когда онъ со мною говоритъ, съ живостію продолжала она,—да еще грожусь побить его, когда онъ вздумаетъ цѣловать меня.

— Такъ онъ цѣловалъ тебя, сказалъ я,—а ты его не побила?

— Я не хочу его! вскричала она опять:—онъ это знаетъ и мститъ намъ за это. Мой отецъ никакъ теперь не угодитъ ему; онъ отниметъ у насъ хозяйство и выгонитъ насъ изъ деревни, какъ воровъ, какъ нищихъ.

— Этого онъ не смѣетъ, успокоивалъ я ее.—Перестань трусить. Гдѣ Богъ благословляетъ, тамъ чортъ ничего ужь не можетъ сдѣлать. Не бойся, моя душечка, моя милушка, моя перепелочка! Развѣ ты не любишь меня? Держись крѣпко—и все пройдетъ.

Тутъ она принялась плакать, да такъ жалобно, что у меня разрывалось сердце.

— У меня не хватитъ силъ! вскричала она.

Въ эту минуту изъ зеленой травы поднялся жаворонокъ.

— Жаворонокъ летитъ, сказала она,—онъ летитъ въ небо... О, еслибъ я могла улетѣть съ нимъ.

— Пожалуйста, не говори глупостей! вскричалъ я.— Останься со мною.

— Этого не будетъ, возразила она, вздыхая и утирая слезы.—Я не выдержу.

Моя лошадь дернула меня, какъ будто бы хотѣла мнѣ что-то сказать; я погладилъ ее, и у меня выступили на глазахъ слезы.

— Какъ же тебѣ быть? сказалъ я.—Никто не можетъ идти противъ своей натуры.

Катерина тѣмъ временемъ разсматривала себя въ водѣ. О, какъ она была хороша! Ея лицо выглядывало изъ качающагося зеркала словно лицо русалки, противъ которой никто не устоитъ.

— Останешься ли ты мнѣ вѣрна? спросилъ я ее тихонько.

Мною овладѣла ужасная тоска, я боялся потерять ее, разстаться съ нею. Я готовъ былъ на колѣняхъ просить ее: «останься со мною!» Но... пусть Господь Богъ ее проститъ.

— Я не оставлю тебя! вскричала она и упала мнѣ на грудь. — О, еслибъ я была хороша какъ свѣтлая утренняя заря, я сіяла бы надъ всѣми полями, никогда не потухала бы—а то я не знаю, что ему во мнѣ нравится: мы гораздо больше подходимъ другъ къ другу, я и ты. Не правда ли, Балабанъ?

Я кивнулъ головою и ушелъ съ лошадьми, не говоря ни слова».

Старый служака остановился, во время разсказа онъ выпустилъ трубку; тутъ онъ постучалъ по крышкѣ, поковырялъ внутри трубки ножемъ, такъ что зола вылетѣла вонъ, и набилъ ее свѣжимъ табакомъ. Тогда онъ приложилъ къ висѣвшему у него за поясомъ кремню кусочекъ губки и началъ выбивать ножемъ огонь. Искры полетѣли; тлѣющую губку, которая издала отъ себя какой-то пріятный горькій запахъ, онъ бросилъ въ трубку и нѣсколько разъ затянулся.

«Я еще разъ говорилъ съ нею, продолжалъ онъ.— Я пришелъ тогда въ ея хижину. Старикъ былъ на барщинѣ. Мы были одни. Когда я сталъ обнимать ее, она задрожала и заплакала такъ, что у меня выступила на губахъ кровь. Вдругъ она разсмѣялась.

— Подумай-ка, еслибъ вмѣсто тебя, у меня былъ теперь баринъ, важный, богатый баринъ, обратилась ко мнѣ Катерина,—еслибъ онъ сталъ такъ вздыхать передо мною и ворочать глазами какъ ты, вотъ-то было бы славно!..

Говоря это, она положила обѣ руки на затылокъ, откинула назадъ голову и устремила глаза въ потолокъ, точно во снѣ, говорю я вамъ.—Вотъ-то было бы удовольствіе! пробормотала она,—баринъ! Другихъ жен-

щинъ онъ бьетъ плетью, какъ собакъ, а у меня —у меня онъ цѣлуетъ руки. Ты не вѣришь этому?

О! Я вѣрилъ этому какъ нельзя больше. Она видѣла, что я чуть не плакалъ—и ей стало жалко; она приподняла у меня на лбу волосы и разсмѣялась. Я продолжалъ молчать, тогда она вдругъ встала и принялась расчесывать себѣ волосы.

— Что съ тобою?! вскричала она.—Не раздражай меня, или... ея глаза сверкнули гнѣвомъ.

— Катерина, сказалъ я, — подумай о вѣчности!»

Коланко повернулся на мѣстѣ и съ состраданіемъ взглянулъ на стараго служаку.

«О ней-то я и думаю, возразила она. — Здѣсь мы живемъ короткое время, а тамъ вѣчно».

— Ты, конечно, не повѣрилъ ей? перервалъ старикъ разсказщика.

«Она подсѣла ко мнѣ, продолжалъ старый служака.—Что сказалъ бы ты, Балабанъ, начала она,— еслибъ я здѣсь отдала себя барину, а тамъ—тебѣ? Тамъ и я тоже буду чистымъ духомъ. Здѣсь я ничто. Здѣсь я такая же женщина, какъ и всѣ.

Она прищурила глаза и такъ плутовски засмѣялась своими алыми губками, что меня морозъ подралъ по кожѣ.

— Еслибъ у тебя была усадьба, сказала она, — еслибъ ты могъ держать для меня служанокъ и батраковъ, карету, четырехъ лошадей, еслибъ ты могъ возить мнѣ изъ города дорогіе камни и соболи, такіе какъ носятъ барыни,—да, еслибъ ты даже остался мужикомъ, да только у тебя были бы деньги я никого больше не любила бы, кромѣ тебя, кромѣ одного тебя. Ты для меня самый милый на свѣтѣ человѣкъ.

Она обняла меня за шею, плакала и цѣловала меня. У меня въ груди какъ будто бы все замерло, такъ мнѣ было горько.

Я былъ словно преступникъ, котораго заковали въ цѣпи а потомъ повѣсятъ и который потерялъ всякую надежду на спасеніе.

— Знаешь ли что? проговорилъ наконецъ я, — я уйду къ гайдамакамъ, я сдѣлаюсь разбойникомъ, для того чтобъ у тебя были дорогіе камни, золото и серебро, соболья и горностаевыя шубы.

— Зачѣмъ? сказала она и покачала головою.—Рано или поздно, а тебя все-таки поймаютъ и повѣсятъ на висѣлицѣ,—а отъ барина я получу все такъ, что у него ни одинъ волосокъ на головѣ не шелохнется. Разсуди самъ, не лучше ли это?

— Ты черезъ-чуръ добра, возразилъ я.

— Разумѣется, вскричала она,—я не хочу, чтобы ты изъ-за меня умеръ. При этомъ она взяла меня за шею и долго цѣловала меня въ мокрыя отъ слезъ вѣки. Въ это время вошелъ отецъ, посмотрѣлъ на насъ и поставилъ цѣпъ въ уголъ. Я поговорилъ съ нимъ изъ вѣжливости нѣсколько минутъ и за тѣмъ вышелъ; это было вечеромъ, на дворѣ было тихо, небо сверкало, Катерина шла возлѣ меня, мы оба молчали, потомъ я пошолъ скорѣе, она отстала, а я сталъ свистать, хотя мнѣ этого и не хотѣлось.

Все это было за долго до 1848 года, надобно вамъ сказать. Тогда еще существовало крѣпостное право и барщина—и крестьянину не мало приходилось выносить отъ барина.

Въ это время я былъ отправленъ на нѣсколько дней съ обозомъ соли. Это было противъ положенія *), противъ всякаго права, но я молчалъ—это было не хорошо. Это было несчастіе—и вотъ тутъ-то и началась для меня бѣда. Не слѣдуетъ ничего дѣлать изъ слабости. Такой человѣкъ, который дѣйствуетъ противъ своего усмотрѣнія, своей воли, своего чувства, будетъ потомъ небреженъ въ исполненіи своего долга и безчестенъ. Ну да слава Богу, я во время исправился. Долгъ прежде всего—вотъ что».

— Да что же слѣдовало-то тогда тебѣ дѣлать? спросилъ недовольнымъ голосомъ картонный человѣкъ.

— Тяжелое это было время! вскричалъ Коланко и вздохнулъ жалобно. — Станешь ты, бывало, говорить о своихъ правахъ, а отвѣчають тебѣ палкой. Худыя времена. Вы, ребята, знаете объ этомъ далеко не все.

— Ну, и что же случилось, когда тебя отправили съ обозомъ? быстро спросилъ я, зная, что когда наши крестьяне начнутъ разсказывать про времена барщины, то этому не будетъ конца.

Я долго не возвращался домой; а когда возвратился, то откуда только бралась у управителя для меня работа,—а Катерина боязливо избѣгала меня. Наконецъ я встрѣтилъ ее въ церкви, мы совершенно случайно столкнулись другъ съ другомъ. У ней былъ шелковый платокъ на головѣ, а шея сверху до низу обвита кораллами; на ней была новая овечья шуба, отъ которой пахло за двадцать шаговъ. Едва она взглянула мнѣ въ лицо какъ побѣлѣла, словно только что вычищенный шорный приборъ.

— Ты хороша, сказалъ я ей.—А гдѣ же мой головной платокъ?

— Ищи его! вскричала она, полугнѣвно, полубоязливо.

Я взглянулъ на нее.

— Ужь не задумалъ-ли ты чего-нибудь противъ меня? вскричала она.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ я:—ступай своей дорогой!

Меня иногда посылали въ лѣсъ рубить дрова. Мнѣ хорошо было тамъ. Когда вѣтеръ шумя проносился надъ вершинами и гнулъ къ землѣ стебли, дятелъ долбилъ въ стволы и надо мною въ воздухѣ стоялъ коршунъ, шевеля по временамъ своими крыльями и вскрикивая, я лежалъ на спинѣ, смотрѣлъ на небо—и у меня уже не болѣло сердце. Часто на меня нападала тоска; я вырылъ подъ кореньями дуба яму, складывалъ туда гроши за грошами—я сбирался купить себѣ ружье. Это длилось долго.

Во время рубки деревьевъ я встрѣтился съ старою Бригитою, она пришла сюда изъ Тулавы за тимьяномъ и увидя меня всплеснула руками.

— Ты рубишь здѣсь деревья, Балабанъ, вскричала она,—а баринъ въ это время взялъ себѣ въ любовницы твою Катерину.

— Что ты говоришь! возразилъ я.—Она у него въ домѣ?

— Конечно. Господи Боже мой, вотъ-то была исторія, продолжала она разсказывать:—ключницѣ пришлось убираться какъ можно скорѣе, баринъ прогналъ ее. Теперь командуетъ эта Катерина. Приношу я на кухню грибы, гляжу, а она тутъ; вся голова у ней словно въ

*) Положеніе о барщинѣ императора Іосифа II, которымъ утверждались и въ тоже время значительно уменьшались и ограничивались права помѣщиковъ.

бумажныхъ колбасахъ, какъ у барыни, и длинное предлинное платье, и куритъ она сигару, словно важный баринъ. Тутъ я взглянула на нее, а руки не поцѣловала. «Развѣ ты не знаешь, что̀ слѣдуетъ дѣлать съ моей рукой?» вскричала она. «Такъ вотъ же тебѣ!» Да какъ хлопнетъ меня по щекѣ, да еще не одинъ разъ, а два раза.

Вотъ что̀ разсказала мнѣ старуха, а потомъ стала разсказывать, что Катерина живетъ теперь какъ барыня и одѣвается какъ княгиня, ѣстъ на серебрѣ, ѣздитъ на лошадяхъ и велитъ колотить людей, сколько ея душѣ угодно. «На то она и любовница!» сказалъ я.

(Продолженіе будетъ).

Шаманство и шаманы.

(Окончаніе).

Зажиточные татары содержатъ въ табунахъ своихъ по одной, по двѣ, или по три лошади, смотря по состоянію, которыхъ посвящаютъ духу и называютъ *изыками*. Ихъ выбираютъ изъ подростковъ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ, преимущественно изъ кроткихъ по нраву, изъ мастей: рыжей, бурой и голубой (цвѣта мыши) съ черной гривой. На нихъ не кладутъ тавра (клейма), не обучаютъ ни въ упряжи, ни подъ верьхомъ, не употребляютъ ни въ какую работу въ продолженіи 9-ти лѣтъ, холя на родныхъ степяхъ. Только дважды въ годъ, весною и осенью, каждый татаринъ, имѣющій изыковъ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ катается по степи; но для этого катанья онъ долженъ предварительно вымыться, одѣться въ лучшее новое платье, вычистить, вымыть и прокурить сѣдло, приборъ и коня богородскою травою, окуриться самъ этою травою и тогда кататься сколько душѣ угодно—иначе горе ему и табунамъ его: духъ не терпитъ нечистоты и не замедлитъ наказать за это неуваженіе несчастіями его, семейство и скотъ. Христіанская вѣра, проблескивающая въ минусинскихъ степяхъ, не уничтожила еще этого суевѣрія.

У качинскихъ татаръ,—племени, перешедшаго кочевьями на минусинскія степи съ береговъ рѣчки Качи, впадающей въ Енисей въ городѣ Красноярскѣ, и оставившаго окрестностямъ его имена свои въ достояніе и память,—*голубой изыкъ—Кыготъ-Арнымень* посвященъ духу *Алтынъ-Бостахусъ-Айгахъ*—бѣлой птичкѣ съ золотой головкой, равняющейся званіемъ своимъ русскому народному *Сусѣдкѣ*. Весною, когда прилетятъ птицы и закукуетъ кукушка, — духъ этотъ является ночью въ образѣ златоголовой маленькой бѣлой птички, похожей на бѣлаго степнаго жаворонка, ѣздитъ до осени или до отлета птицъ на посвященномъ ему голубомъ изыкѣ, осматриваетъ и бережетъ табуны, помогаетъ людямъ отъ головной боли и другихъ болѣзней. Если изыкъ нравится духу, послѣдній бываетъ очень милостивъ не только къ хозяину, но и ко всему табуну его, перегоняетъ на лучшія пастбища, стережетъ и такъ раскармливаетъ, что изъ рукъ вонъ. Что же надобно еще больше для кочующаго татарина, у котораго все богатство и благосостояніе въ табунахъ? Если же изыкъ не нравится духу, или духъ считаетъ себя оскорбленнымъ, обиженнымъ со стороны хозяина, то въ одно лѣто выморитъ голодомъ всѣ табуны его на худыхъ пастбищахъ, изведетъ ихъ, разоритъ владѣльца въ корень, какъ выражаются татары,—и ни что, никакой кормъ не будетъ впрокъ скоту его. Всѣ равно, какъ по повѣрью народа, нашъ россійскій господинъ Сусѣдка, въ видѣ маленькаго мужичка, самъ съ ноготь, борода съ локоть, холитъ по ночамъ любимую лошадку и заплетаетъ ей гриву, или опрокидываетъ нелюбимую вверхъ ногами въ стойлѣ, бьетъ, тиранитъ и отнимаетъ у нее кормъ. Съ одной стороны, какъ не дать изыка такому духу? На чемъ же онъ будетъ ѣздить, стеречь и откармливать табуны? Пѣшкомъ по степи много не набѣгаешь; а смотритель онъ надежный и одинъ замѣнитъ десять пастуховъ, которые большею частію мошенники; слѣдовательно, прямой, вѣрный разсчетъ не имѣть лишнихъ пастуховъ, а лучше дать коня златоголовой птичкѣ, которая жалованья не беретъ, мяса не ѣстъ, лошадей не воруетъ и одежды не проситъ. Но, какъ узнать: нравится ли духу изыкъ, или нѣтъ; доволенъ ли онъ; не обижается ли назначеніемъ худой, лѣнивой и непородистой лошаденки—и будетъ ли беречь табуны? На это-то и есть шаманъ, который все узнаетъ и все скажетъ хозяину, потому что шаманъ разговариваетъ и условливается съ духами, знаетъ, что̀ имъ нужно, нравится и что не нравится. Безъ совѣта шамана нельзя назначить и изыка.

Каждый годъ весною и осенью, передъ прилетомъ и отлетомъ птицъ, въ назначенное время, этого избраннаго голубаго изыка приводятъ ночью къ юртѣ, привязываютъ къ столбу, который для этого непремѣнно вкапывается у каждой юрты, и развариваютъ въ водѣ богородскую траву въ чугунной чашѣ. *Кычикамъ* моетъ коня настоемъ воды съ травою, чиститъ, гладитъ и третъ его отъ ушей до копытъ; послѣ этого беретъ конецъ синей дабы и конецъ бѣлаго холста, отрѣзываетъ отъ нихъ по нѣскольку длинныхъ лентъ, вплетаетъ эти ленты въ гриву и хвостъ коня, перевязывая золотою битью или канителью, бѣлымъ и зеленымъ шелкомъ; остатки отъ дабы и холста прячетъ для употребленія впослѣдствіи; потомъ беретъ шкуру выдры и мѣхомъ этимъ обметаетъ и обмахиваетъ коня, поздри у выдры отрѣзываетъ и отдаетъ хозяину, а кожу беретъ себѣ—также для извѣстнаго употребленія впослѣдствіи. Этими-то лоскутьями выдры, дабы и холста Кычикамъ шаманитъ надъ больными, отъ мытья до мытья изыка, отъ весны до осени, отъ осени до весны, приписывая лоскутьямъ (какъ предметамъ освященнымъ духомъ) особенную цѣлебную силу; а послѣ того оставляетъ ихъ въ свою пользу. Довольно выгодная операція для Кычикама, если принять въ разсчетъ число изыковъ, которыхъ онъ вымоетъ весною и осенью у своихъ единовѣрцевъ;—вѣдь съ міру по ниткѣ, голому рубашка. И эту-то первую операцію молодой шаманъ долженъ тщательно изучить для пользы и славы своего званія, если хочетъ быть большимъ шаманомъ. Въ то время, какъ Кычикамъ моетъ, чиститъ, заплетаетъ ленты и обмахиваетъ коня, хозяйка юрты доитъ бѣлую корову, наливаетъ молока въ 3 небольшія чашки и подаетъ Кычикаму; этимъ молокомъ онъ вспрыскиваетъ коня и ставитъ пустую чашку на крестецъ его; конь встряхивается, чашка падаетъ на землю. Если она упала

на дно, хорошо будетъ хозяину и юртѣ его—ихъ ждетъ благополучіе и благосостояніе въ будущемъ; если она упала къ верху дномъ—худо: *Алтынъ-Бостахусъ-Айгахъ* къ нимъ не расположенъ — и надо немедленно просить пособія Улукама, чтобы узнать въ чемъ дѣло и что нужно, дабы предупредить зло. Иногда, вспрыснувъ коня молокомъ, ловкій Кычикамъ ставитъ чашку на спину его, беретъ коня въ поводъ, самъ вскакиваетъ на другаго коня и катаетъ съ нимъ во весь духъ по степи. Если въ это время чашка упала со спины на землю и встала на дно—хозяину будетъ хорошо; но если она во время скачки не упала и Кычикамъ возвратился благополучно съ чашкою на спинѣ коня—великая радость ожидаетъ хозяина: онъ можетъ все лѣто пить свой айранъ пока силы хватитъ, лежать у огня въ юртѣ и курить трубку,—*Алтынъ-Бостахусъ-Айгахъ* къ нему отлично расположенъ, самъ будетъ пасти, лелѣять и беречь его табуны, ни болѣзнь, ни воръ, ни звѣрь не коснутся ихъ. Кычикамъ будетъ видѣть по ночамъ, какъ неутомимый духъ въ образѣ маленькой златоглавой бѣлой птички станетъ разъѣзжать на любимомъ голубомъ изыкѣ вокругъ табуновъ хозяина; и если Кычикамъ, зажмуривъ глаза, будетъ видѣть его, значитъ духи начинаютъ ему показываться, знакомиться, онъ нравится имъ; можетъ надѣяться, что весною будущаго года они покажутся ему всѣ, вступятъ въ переговоры, онъ посвятится въ званіе Улукама и надѣнетъ платье его;—въ противномъ случаѣ долженъ терпѣливо ждать до будущаго мытья изыка. Изъ этого видно, какъ важно для молодаго ученика это мытье. Но здѣсь надобно прибавить, что если Кычикамъ будетъ смотрѣть съ открытыми глазами, то, по увѣренію шамановъ, Алтынъ-Бостахусъ-Айгахъ ему не покажется и ночью. Не игра ли это больнаго, настроеннаго, или возбужденнаго воображенія?

Кромѣ ежегодныхъ весеннихъ и осеннихъ омовеній голубаго изыка, черезъ каждые 3 года его приводятъ весною на холмъ, ближайшій къ юртѣ, въ то время, когда на березѣ покажется листъ. Мѣсто обряда обсаживается кругомъ большими распустившимися березами. Здѣсь колютъ бѣлаго кладенаго барана, мясо и внутренности варятъ и тутъ же угощаютъ присутствующихъ; кожу барана отдаютъ во владѣніе Улукаму, который уже самъ совершаетъ церемонію, подъ тѣнію березъ,—зажмуривъ глаза, моетъ изыка отваромъ богородской травы,—кланяется ему со всѣмъ народомъ, воображая, что на немъ сидитъ духъ,—проситъ этого духа продлить свое благоволеніе и милость людямъ и скотамъ, приговаривая: «Алтынъ-Бостахусъ-Айгахъ, будь милостивъ, помогай намъ!» По окончаніи обряда подноситъ зрителямъ молочный айранъ и хлѣбный тарасунъ, причемъ послѣ всякаго выпившаго татарина остатки выплескиваетъ на воздухъ, какъ угощеніе, каждымъ приносимое духу отъ своей доли. На этомъ основывается обычай, по которому хозяинъ, угощающій гостя виномъ въ юртѣ своей, долженъ сначала выпить самъ и пожелать ему здоровья, а потомъ угостить и гостя.

Послѣ омовенія изыка, съ весны до осени на немъ ѣздить нельзя; а осенью когда улетятъ птицы, а съ ними вѣроятно уберется въ теплыя мѣста и духъ, можно и полезно покататься съ обыкновенными обрядами омовенія и очищенія; полезно потому, что въ конѣ старый жиръ, который онъ накопилъ лѣтомъ, катая на спинѣ своей духа,—подъ его вліяніемъ и гуляя на сочной травѣ степей; а какъ жиръ, по мнѣнію татаръ, означаетъ здоровье, то здоровье освященнаго коня передается при этой ѣздѣ симпатически ѣздоку.

Каждый изыкъ можетъ прослужить и быть полезнымъ хозяину и табуну только 9 лѣтъ; по истеченіи этого срока, по старости лѣтъ и неповоротливости, онъ уже не нравится духу, замѣняется другимъ молодымъ конемъ и увольняется въ отставку, при этомъ старичка можно продать и даже скушать. Слѣдовательно, каждый изыкъ во время освященнаго состоянія получаетъ 3 омовенія экстраординарныхъ чрезъ 3 года, 9 омовеній весеннихъ и 9 осеннихъ.

Второй *изыкъ*, выбираемый въ табунахъ—*бураго цвѣта—Кухта-линъ куріонатъ*, отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ отъ рожденія посвящается лѣсному сердитому богу—лѣшему, *Тагейсу*,—также на 9 лѣтъ. Его моетъ *Улукамъ* однажды въ годъ весеннею ночью у юрты отваромъ богородской травы, также какъ голубаго изыка, чиститъ, третъ травой и вспрыскиваетъ молокомъ отъ коровы, но не бѣлой, а какой попало, для лѣснаго это все равно—онъ не прихотливъ въ этомъ случаѣ; но за то на буромъ изыкѣ ни кто никогда не смѣетъ кататься: Тагейсъ самъ катается на немъ круглый годъ—и такъ самолюбивъ, что не позволяетъ смертнымъ имѣть эту честь наравнѣ съ собою. Въ гриву и хвостъ бураго изыка вплетаютъ ленты краснаго кумача или краснаго сукна съ бѣлымъ холстомъ; а остатки берегутъ для шаманства. Если человѣкъ угнетаемый злымъ Тагейсомъ вздуритъ, взбѣсится, лишится ума,—то надъ этими-то оставшимися лоскутьями шаманъ поетъ свои заклинанія Тагейсу, машетъ ими въ лицо больному и вылечиваетъ его. Изъ подобныхъ безумцевъ, вылеченныхъ шаманомъ, онъ выбираетъ себѣ ученика и приготовляетъ его для шаманства, какъ сказано выше.

Чрезъ каждые 3 года весною, когда распустится береза, *бураго изыка* приводятъ на гору въ лѣсъ, моютъ богородскимъ отваромъ, чистятъ, брызжутъ молокомъ, кланяются ему, воображая, что на немъ сидитъ въ это время Тагейсъ; молятся прося пощады, колютъ бѣлаго барана, мясо ѣдятъ, а внутренности и кожу бросаютъ въ огонь въ жертву духу;—у сердитаго лѣшаго шаманъ не смѣетъ поживится и шкуркой. Въ дальнѣйшихъ обрядахъ поступаютъ такъ же, какъ при омовеніи голубаго изыка.

Черезъ 9 лѣтъ выбираютъ другаго бураго изыка для прогулокъ лѣшаго; а отставнаго старика можно употребить въ работу, можно на немъ и покататься татарину—но отнюдь не ранѣе.

Третій изыкъ выбирается *рыжей* шерсти—*Бозротъ*—на тѣхъ же условіяхъ, какъ и первые два—и посвящается *тѣсь-торамъ, добрымъ духамъ*, покровителямъ.

Самъ Улукамъ моетъ и чиститъ его богородскою травою дважды въ годъ, весною и осенью, возлѣ юрты, съ такими же церемоніями; но съ тою только разницею, что Бозроту не покланяются и на поле его не водятъ, потому что онъ дѣйствуетъ (по словамъ татаръ) возлѣ дома. Въ гриву и хвостъ его при омовеніяхъ вплетаютъ ленты изъ краснаго сукна и бѣлаго холста, остатки которыхъ Улукамъ прячетъ къ себѣ и носитъ въ карманѣ своего шаманскаго мундира, или зашиваетъ въ него—для того, что когда во время ночнаго шаманства ему нужно ѣхать съ духами для отъисканія лекарствъ, или просимыхъ предметовъ, то помощію этихъ лоскутковъ

онъ привлекаетъ, притягиваетъ къ себѣ умственно Бозрота и на немъ ѣдутъ тогда тѣсь-торы.

Четвертый изыкъ выбирается изъ разныхъ шерстей, смотря потому, какому улусу или роду какой цвѣтъ лучше счастливитъ,—и посвящается мѣстному или родовому духу—покровителю. Такъ, одинъ улусъ выбираетъ изыка сиво-желѣзнаго, другой каряго, третій гнѣдаго и такъ далѣе; но всѣ эти выборы дѣлаются не иначе какъ съ согласія или приговора Улукама, который пошаманивъ сказываетъ, какой именно изыкъ будетъ полезенъ и назначаетъ его.

У сагайскихъ татаръ всякій богъ или всякій духъ называется *Кудаемъ*.

Кудаи-Кинены (лошадиные боги) и *Илькань* или *Ильханъ* (царь дьяволовъ)—эти два божества старшіе.

Кудай - Киненъ похожъ на человѣка, ходитъ или является шаману въ красномъ платьѣ, красной шапкѣ и красныхъ сапогахъ. Каждый шаманъ имѣетъ своего Кинена, или бога покровителя, который сидитъ постоянно возлѣ юрты шаманской, вооруженный лукомъ и стрѣлами. Если къ юртѣ приближается шайтанъ, или тайный врагъ шамана, то Киненъ стрѣляетъ въ нихъ изъ лука и поражаетъ стрѣлою. А чтобы онъ могъ скорѣе увидѣть или узнать приближеніе ихъ, то въ помощь ему приданъ черный воронъ—*Кускунъ*, который находится безотлучно при немъ. Этотъ воронъ сказываетъ Кинену, кто приближается къ юртѣ; значитъ, Киненъ не всевѣдущъ и ничто иное какъ караульщикъ или артельщикъ шамана. Если старшій или младшій шаманъ спятъ въ юртѣ, то, во время приближенія врага, воронъ влетая въ юрту, будитъ ихъ и сказываетъ: кто именно идетъ. Этимъ шаманы даютъ разумѣть, что спокойствіе ихъ и безопасность охраняются вѣрными стражами, что они не простые люди какъ мы грѣшные и подобраться къ нимъ врасплохъ невозможно. Воронъ называется *артельнымъ* вѣроятно потому, что служитъ Кинену и шаману вмѣстѣ, употребляется для особыхъ порученій обоими, дежуря у юрты шамана. Самъ Киненъ остается невидимымъ даже тогда, когда говоритъ съ шаманомъ—и весьма рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, шаманъ удостоивается чести видѣть его въ красномъ его костюмѣ. За безотлучное дежурство Кинена ему посвящается рыжій изыкъ—*Чигретъ-изыкъ*, у качинцевъ *Бозротъ-тагъ*, и красныя лоскутья считаются принадлежностію Кинена. Всякій шаманъ или ученикъ его, который желаетъ быть шаманомъ, долженъ имѣть у себя постоянно рыжаго изыка, посвященнаго его покровителю Кинену; иначе горе ему—онъ пропадетъ отъ мщенія лошадинаго бога. На этомъ изыкѣ самъ шаманъ никогда не ѣздитъ ни днемъ, ни во время его ночныхъ шаманскихъ воображаемыхъ поѣздокъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ на немъ ѣдетъ его Киненъ, который всегда сопутствуетъ шаману, въ какой бы улусъ онъ ни отправился для шаманства (зная всегда какъ духъ, куда онъ ѣдетъ) и откликается когда его позоветъ шаманъ. Однимъ словомъ, за посвященіе изыка духъ дѣлаетъ шаману всевозможныя угожденія—и приступая къ совершенію своихъ таинствъ, шаманъ вызываетъ Кинена и зоветъ именемъ его артельщика Кускуна; то есть, приказываетъ именемъ Кинена явиться Кускуну. Когда Кычикамъ заведетъ рыжаго изыка, тогда посвящается въ шаманы, приготовляется къ этому, какъ и у качинцевъ, предварительно Улукамомъ.

Второй главный богъ — *Ильханъ* — земляной богъ, богъ земли, царь дьяволовъ. Онъ носитъ черную одежду, шапку и сапоги черные, волосы имѣетъ черные и длинные, бороду длинную, сивую, т. е. съ просѣдью, носъ небольшой; самъ толстый, лѣнивъ и неповоротливъ, лежитъ постоянно на землѣ, помогаетъ шаману при леченіи больныхъ—и для пособія въ этомъ случаѣ даетъ ему *товарища пѣшаго*. Эти два бога, *Киненъ* и *Ильханъ*, раздѣляютъ между собою власть: Киненъ съ товарищами взялъ небо, гдѣ онъ и разъѣзжаетъ верхомъ на изыкѣ, производитъ громы, молніи, бури и поражаетъ ими родъ человѣческій. Киненъ состоитъ по кавалеріи; Ильханъ съ товарищами взялъ землю и числится по инфантеріи на вѣчномъ отдыхѣ.

Третій богъ — младшій, овечій богъ,—*Кудай-Лигерге* — одежда и лицо его неизвѣстны, символъ его бѣлыя лоскутья, изыкъ его *бѣлый баранъ—Ах-Куча*; онъ даетъ шаману товарища изъ своей артели на бѣломъ баранѣ, котораго однако шаманъ никогда не моетъ.

Четвертый, младшій богъ—*Кудай-Сугезе*—водяной богъ. Одежда у него черная, волосы черные длинные; самъ толстый, бѣлый, высокій и здоровый; шаману ни въ чемъ не помогаетъ и товарища въ артель не даетъ; за это ему не посвящается изыка и нѣтъ лоскутьевъ его цвѣта.

Пятый, младшій богъ — *Кудай-Тагейзе* — лѣсной или горный богъ, носитъ черную плисовую шубу, камчатную черную шапку, имѣетъ волосы черные, носъ долгій; самъ высокій, здоровый и сильный, но безъ бороды,—слыветъ богатыремъ, похожъ на человѣка; сердитъ, бьетъ собственноручно и ломаетъ ребра не только правовѣрнымъ татарамъ, но и самому шаману, особенно когда подъ вечеръ часто попадается въ расплохъ людямъ, потому что встрѣчаться съ ними не любитъ;—даетъ товарища въ артель шаману коннаго, за что беретъ изыка каряго, бураго и другихъ мастей, котораго моютъ весною. Лоскутья посвящаются ему черныя и бѣлыя.

Златоглавой птички *Алтынъ-Бостахусъ-Айгаха* у сагайцевъ нѣтъ; но шайтаны (дьяволы) съ четырьмя рогами, пѣшіе, живутъ какъ видно во всегдашней враждѣ съ богами. Окруживъ себя Киненомъ, ворономъ и товарищами—отъ *Тагейза* коннымъ, отъ *Лигерге* на баранѣ и отъ *Ильхана* пѣшимъ, шаманъ самъ шестой находится въ срединѣ ихъ, какъ старшій, или какъ атаманъ среди своей шайки; съ этою артелью во время своихъ ночныхъ священнодѣйствій путешествуетъ по бѣлому свѣту мысленно, или духовно, оставаясь плотію и костью въ юртѣ,—встрѣчается или съѣзжается съ другими шаманами саетскими, тунгузскими, якутскими и разныхъ народовъ,—ссорится съ ними, или соперничествуя о первенствѣ и старшинствѣ, или уличивъ кого нибудь въ зломъ умыслѣ и дѣйствіи противъ себя и послѣдователей своей вѣры, старается сдѣлать сопернику зло, или назначаетъ дуель, время и мѣсто ея. На эту дуель шаманы съѣзжаются въ назначенный часъ, окруженные своими богами или артельщиками, дерутся руками въ потасовку, или какъ придется,—и кто изъ нихъ успѣетъ раньше поймать громъ небесный, тотъ непремѣнно одержитъ побѣду и убьетъ этимъ громомъ своего врага. Киненъ усердно помогаетъ въ этомъ случаѣ своему шаману и дерется за него съ Киненомъ его врага. Поэтому, если вы услышите на небѣ громъ, то можете быть увѣрены, что въ это время души живыхъ шамановъ дерутся въ облачныхъ пространствахъ и поражаютъ другъ друга громами; а сами шаманы сидятъ въ это время въ юртахъ, пьютъ айранъ и кушаютъ баранину.

Послѣ смерти шамана душа его уходитъ или на небеса съ своимъ Киненомъ, или на священныя горы, гдѣ живетъ горный богъ Тагейзе, или наконецъ къ Ильхану, царю дьяволовъ,—смотря потому, куда угодитъ она по дѣламъ своимъ; но къ которому именно изъ 3-хъ боговъ пойдетъ она—этого шаманъ не знаетъ и предвидѣть не можетъ, хотя людямъ и предсказываетъ будущее. Слѣдовательно, религія ихъ допускаетъ судъ, кромѣ жизни за гробомъ. Нѣкоторые виды адскихъ наказаній обозначены въ богатырскихъ поэмахъ. Но такъ какъ татары убѣждены въ могуществѣ, святости шамановъ и въ безсмертіи ихъ за могилой, то и клянутся душами умершихъ шамановъ, почитая ихъ непремѣнно праведными и живущими въ обителяхъ боговъ.

Венгерскій фруктовый рынокъ.

На дворѣ осень.

Золотые, солнечные дни глядятъ съ улыбкою на благословенную Венгрію, богато убранную цвѣтами и плодами. Тучный черноземъ вбираетъ въ себя все еще жаркіе лучи солнца, а уличные песокъ и глина какъ бы залиты его яркимъ сіяніемъ.

Мѣстами совершенно ровная и лишенная всякихъ украшеній мѣстность оживляется свѣтлыми красками, мелькающими во всевозможныхъ направленіяхъ. Это плоды, которые, будучи освѣщены солнцемъ, придаютъ особенную прелесть всему ландшафту.

Вотъ маисъ съ его желтыми, а иногда и красными, блестящими и какъ бы покрытыми лакомъ столбиками, со множествомъ зеренъ, расположенныхъ рядами въ видѣ перловъ. Эти столбики достигаютъ одного фута длины и болѣе, и обнажены отъ листьевъ, для того чтобы скорѣе созрѣть и высохнуть еще на стволѣ.

Даже колосообразные пучки на маисовыхъ кустахъ (имѣющихъ болѣе сажени длины) съ ихъ длинными пальмоподобными листьями блестятъ и сверкаютъ на солнцѣ, когда вѣтеръ колеблетъ ихъ взадъ и впередъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ маисовые кусты достигаютъ даже такой вышины, что въ нихъ можетъ спрятаться всадникъ, а въ военное время маисовыя поля были опасными засадами. Въ болѣе спокойное время здѣсь прячутся «бетіары», воры, похищающіе лошадей, овецъ и рогатый скотъ и «*szegény legenieh*», «бѣдные парни», какъ ихъ называетъ народъ и какъ они сами любятъ называть себя, въ сущности *разбойники*, какъ они называются несчастными, ограбленными ими путешественниками и въ судебныхъ мѣстахъ.

Кто станетъ отыскивать и преслѣдовать ихъ въ такой густой растительности, которая тянется на нѣсколько часовъ пути и смыкается надъ головою всадника.

Тутъ же по сосѣдству съ маисомъ блестятъ тыквы, арбузы и дыни. Тыквы бываютъ всевозможныхъ оттѣнковъ, начиная съ густо-зеленаго до ярко-золотаго и пурпурово-краснаго. Онѣ лежатъ на горячей землѣ, наполняя остающіяся между маисовыми кустами пространства, или же занимаютъ (точно такъ же какъ и арбузы съ дынями) обширныя, нарочно отведенныя для нихъ поля. Въ первомъ случаѣ маисовые кусты ломаютъ сейчасъ же какъ только наступитъ уборка, чтобы они не заслоняли солнца,—и тогда лежащія по близости тыквы блестятъ, словно зеркальные шары въ увеселительныхъ садахъ, такъ что ихъ видно издали.

Венгерскіе арбузы, имѣющіе обыкновенно больше фута въ поперечникѣ, блестятъ какъ зеркало, своею гладкою, зелено-стекловидною кожею. Золотистыя сахарныя дыни, менѣе значительныхъ размѣровъ, тоже чрезвычайно красивы на видъ.

Затѣмъ слѣдуютъ двуличневыя ягоды винограда и пестрые величиною съ кулакъ персики, растущіе на деревьяхъ, расположенныхъ большею частію между виноградными лозами.

Но самыя пестрыя, самыя роскошныя краски тѣ, которыя составляютъ принадлежность садовыхъ яблокъ, грушъ и сливъ.

Садовыхъ? Да развѣ это сады, а не цѣлые лѣса? Что владѣлецъ подобнаго сада подчуетъ каждаго гостя плодами и наполняетъ ими его карманы — объ этомъ гостепріимномъ обычаѣ нечего и говорить. Если годъ урожайный, то крестьянинъ, соскучившись подбирать падающіе на землю плоды, отбирать спѣлые отъ неспѣлыхъ, неповрежденные отъ поврежденныхъ,—пускаетъ въ эти гесперидскіе сады своихъ поросятъ, которые прогуливаются тамъ съ утра и до ночи, не переставая удовлетворять своему апетиту.

Насмѣшники, встрѣчающіе этихъ четвероногихъ въ подобныхъ садахъ или на картофельныхъ поляхъ, куда ихъ посылаютъ кормиться, называютъ ихъ «венгерскими студентами»—на томъ основаніи, что они съ чрезвычайно важнымъ видомъ качаютъ головою и все ищутъ да ищутъ.

Изъ сливъ, точно такъ же какъ и изъ виноградныхъ выжимокъ, гонится водка, а также и изъ «кукурузы», какъ называется на мѣстномъ нарѣчіи маисъ. Кукуруза употребляется также въ пищу, вареная и жареная; точно такъ же жарятъ и тыкву, или же употребляютъ ее какъ рѣпу, въ видѣ овощей. Извѣстное вино «сливовитцъ» добывается изъ сливъ (слибо=слива).

Путешествіе осенью — чудесная вещь. Фрукты въ буквальномъ смыслѣ слова сыплются въ экипажъ путешественника. Онъ можетъ, за самые пустыя деньги, накупить себѣ сколько угодно сладкаго винограда и всевозможныхъ плодовъ.

Нисшіе классы народа и рабочіе не знаютъ въ подобное время, цѣлыя недѣли, никакой другой пищи, кромѣ плодовъ. Отрадно видѣть, какъ оборванные парни наслаждаются гигантскими, сладкими какъ медъ, кистями винограда,—или какъ самый послѣдній пролетарій, присѣвъ на корточки или растянувшись на землѣ, роется ножемъ въ пурпуровой мякоти арбуза или въ золотистой внутренности сахарной дыни, которые не всегда доступны столамъ богачей и князей.

Фруктовые рынки осенью, переполненные этими произведеніями, представляютъ великолѣпную своеобразную картину, какъ вообще всѣ общественные зрѣлища, если только рынокъ можетъ быть названъ такимъ образомъ.

Цѣлый день изъ окрестныхъ деревушекъ на разстояніи мили тянутся, по мягкому чернозему, суглинку или пахатному песку, крестьяне, ѣдущіе на рынокъ на тѣлегахъ, запряженныхъ быками, лошадьми или ослами.

Подобные рынки устраиваются быстро и скоро. Тутъ не требуется никакихъ лавокъ, торговыхъ галлерей, и

Венгерскій фруктовый рынокъ.

различныхъ отдѣленій, въ родѣ того какъ это бываетъ на обыкновенныхъ ярмаркахъ. Всякій располагается тамъ, гдѣ ему угодно.

Зажиточный крестьянинъ пріѣзжаетъ въ экипажѣ,— и видъ цѣлой тѣлеги, наполненной сливами, виноградомъ, арбузами, яблоками и т. п. производитъ чрезвычайно странное впечатлѣніе. Эти фрукты привозятся часто только для образчика; крестьянинъ разсказываетъ покупщикамъ, что у него дòма столько-то такого-то и такого-то товару, и условливается касательно цѣны и доставки.

Въ Венгріи почти вся внутренняя торговля находятся въ рукахъ евреевъ. Стоитъ послушать такихъ «деревенскихъ жидовъ», они одинаково свободно говорятъ по мадьярски, по славянски, по валахски, и разговариваютъ, кричатъ, бранятся, торгуются со всѣми окружающими безостановочно, нисколько не затрудняясь этимъ смѣшеніемъ языковъ.

Венгерскія деревни населены большею частію нѣсколькими національностями; часто сосѣдняя деревня говоритъ совершенно другимъ языкомъ—и на разстояніи одной или нѣсколькихъ миль кругомъ вы не встрѣтите двухъ деревень, говорящихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ: подлѣ швабовъ словаки, и т. д. Тамъ гдѣ эти племена живутъ въ одной и той же деревнѣ—дѣти играютъ между собою на улицѣ, бранятся и шумятъ на всевозможныхъ нарѣчіяхъ, безъ затрудненія; Венгрія — самая многоязычная страна въ Европѣ!

Прибывшіе на рынокъ изъ деревень караваны не долго колеблятся на счетъ выбора мѣста. Тѣ, которые должны заботиться только о себѣ, занимаютъ первое приглянувшееся имъ мѣстечко. А высыпать фрукты изъ корзины, если ихъ намѣреваются продавать въ розницу, вовсе не долго, тѣмъ болѣе что для этого не требуется красивой, можетъ-быть только-что вымытой скатерти. Вѣдь выросли же они изъ земли, отъ чего же и не положить ихъ на голую землю,—это что еще за церемоніи?

Крестьянинъ, пріѣхавшій на тѣлегѣ, располагается среди улицы, гдѣ еще остается мѣстечко, отпрягаетъ своихъ лошадей или быковъ, кладетъ передъ ними охапку сѣна и затѣмъ оставляетъ ихъ жить какъ имъ угодно среди людской давки и суматохи. Посторонніе посѣтители остерегаются конечно слишкомъ близко подходить къ этимъ животнымъ, въ особенности же къ быкамъ, у которыхъ такіе большіе и такъ широко расходящіеся рога, какихъ не встрѣтишь нигдѣ, кромѣ этой страны.

Иногда предложеніе превышаетъ спросъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ не всегда сбываетъ свой товаръ въ первый день своего пріѣзда. Вы думаете, онъ поѣдетъ въ гостинницу? Или станетъ искать себѣ и своей женѣ или дочери, а также и своимъ животнымъ, пріюта на какомъ-нибудь постояломъ дворѣ? Какъ бы не такъ! Онъ разстелетъ подъ тѣлегою между четырьмя колесами плащъ или циновку и будетъ покоиться въ этой спальнѣ до тѣхъ поръ, пока вмѣстѣ съ загорѣвшеюся зарею не наступитъ опять та же самая суматоха.

Если крестьяне пріѣхали на рынокъ вдвоемъ, то ужь конечно одинъ изъ нихъ будетъ сторожить, потому что лакомки и воры могутъ пожалуй воспользоваться всѣмъ, какъ плодами, такъ и быками — даже и экипажемъ,—и случалось уже не разъ, что несчастный мужикъ, проснувшись, видѣлъ надъ собою вмѣсто темнаго испода его тѣлеги свѣтлое небо, а всѣ четыре колеса и восемь или болѣе ногъ укатили неизвѣстно куда.

Если дождь начинаетъ идти слишкомъ ужь сильно, то тѣмъ пріятнѣе становится отдыхъ подъ тѣлегою; чѣмъ хуже погода, тѣмъ дольше остается въ своей импровизованной гостинницѣ «четырехъ колесъ» усталый крестьянинъ.

Бѣдныя животныя стоятъ или лежатъ, повѣсивъ уши, и мечтаютъ о родномъ стойлѣ.

Для посѣтителей изъ крестьянъ базарный день—настоящій праздникъ. Тутъ-то приводятся въ исполненіе давно задуманные планы. Женщины охотно ѣдутъ на рынокъ вмѣстѣ съ мужчинами, потому-что тутъ дѣлаются на скопленныя деньги всевозможныя закупки, какъ для дома, такъ и для наряда.

Дѣвушки веселятся и находятъ себѣ поклонниковъ; слишкомъ долгое ожиданіе покупщиковъ сокращается и услаждается принесенными издалека новостями и льстивыми рѣчами сосѣдей, а въ заключеніе ужь непремѣнно найдется гдѣ-нибудь по близости труппа цыганскихъ музыкантовъ, благодаря которымъ можно потанцовать въ трактирѣ или подъ открытымъ небомъ, на выбранномъ для этого мѣстечкѣ.

Парочка на переднемъ планѣ нашего рисунка, на лѣво, считаетъ свои деньги, соображая при этомъ: не останется ли отъ покупки такихъ-то и такихъ-то необходимыхъ вещей еще сколько-нибудь для трактира? Смуглые и полунагіе цыгане, бродящіе по всевозможнымъ направленіямъ, сразу замѣтили, что тамъ сверкаютъ монеты, и уже протягиваютъ руку за милостыней. Осеннее солнце Венгріи такъ тепло, что, несмотря на этотъ недостатокъ въ одеждѣ, они не чувствуютъ ни малѣйшаго холода. «Гдѣ базаръ, тамъ ужь будутъ собаки и цыгане!» говоритъ народная пословица. Гдѣ есть люди, у которыхъ можно просить милостыни, тамъ сію же минуту покажутся и цыгане. Имъ мало попадаетъ въ руки денегъ, хотя бы даже мѣдною монетою, но плодовъ и поѣсть дастъ имъ конечно всякій, а о страданіяхъ отъ голода въ такое время не можетъ быть и рѣчи, даже для самаго бѣднаго человѣческаго созданія.

Славяне или мадьяры, пріѣзжающіе на рынокъ, какъ можно видѣть изъ прилагаемаго при семъ рисунка, точно такъ же какъ и другія національности, даютъ и деньги. Тѣ изъ нихъ, которые въ полукруглыхъ шляпахъ съ галунами, кроаты и словаки, а перо на шляпѣ и закрученные вверхъ усы составляютъ примѣту мадьяръ.

Тяжелѣе всего для бѣднаго продавца на этихъ рынкахъ—евреи. Они виснутъ на его тѣлегѣ, они съ оглушительнымъ крикомъ бросаются на него, хулятъ его товаръ и жалуются на плохія времена; они указываютъ ему «единственное» средство для спасенія—согласиться на назначаемую ими цѣну!

Въ жару боя они однакоже не набиваютъ этой цѣны, и чѣмъ испортить ее, они скорѣе выплатятъ другъ другу отступныя деньги, — и какъ ни сердись обманутый въ своихъ ожиданіяхъ продавецъ, но они настоятъ на своемъ.

Изображенный на нашемъ рисункѣ крестьянинъ, сидящій на верху нагруженнаго воза, повидимому сердится, гонитъ отъ себя нападающихъ или указываетъ имъ на другихъ продавцевъ; можетъ-быть онъ такъ ловокъ, что успѣлъ уже забрать всевозможныя справки, знаетъ въ точности количество привезеннаго товара и существующія на него цѣны, и преемники странствовавшихъ въ пустынѣ скорбятъ объ испорченномъ выгодномъ дѣлѣ.

Здѣсь въ этой части рынка, представленной на ри-

сункѣ, позаботились-таки о желудкѣ — сюда пригнали даже птицу; но тамъ далѣе, въ деревнѣ или мѣстечкѣ, тамъ стоятъ столы разнощиковъ, убранные самыми соблазнительными вещами: тутъ болтаются на длинныхъ шнуркахъ пестрые платки, платья и матеріи, искуственные цвѣты и блестящіе металлическіе вѣнки, и куда только не пойдетъ все это — на похороны и свадьбы, для умирающихъ и оживающихъ, для стариковъ и дѣтей, для родителей и жениховъ съ невѣстами; да вѣдь и вся-то жизнь ничто иное какъ непрекращающаяся годовая, недѣльная и ежедневная ярмарка,—и такъ идетъ во всемъ свѣтѣ, по сю и по ту сторону океана, вездѣ, гдѣ только живетъ человѣкъ, точно такъ же какъ и на венгерскомъ рынкѣ.

Политическое обозрѣніе.

Мятежъ торжествуетъ въ Парижѣ, и на него отзываются уже въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Франціи, положеніе которой становится бѣдственнѣе, чѣмъ оно было во время нѣмецкаго нашествія. Рядомъ съ избраннымъ націей правительствомъ въ Версалѣ, въ Парижѣ организовалось другое, инсуррекціонное правительство, принявшее названіе «центральнаго комитета національной гвардіи». Торжествомъ своимъ этотъ комитетъ безъ сомнѣнія обязанъ колебаніямъ правительства, которое съ 4-го марта, когда выступили изъ Парижа нѣмцы и когда устроились на Монмартрѣ вооруженныя баррикады, старалось дѣйствовать кроткими мѣрами, избѣгая кровопролитія и надѣясь, что бунтовщики сами образумятся и положатъ оружіе. Надежда тѣмъ болѣе казалась основательною, что во главѣ такъ-называемаго центральнаго комитета стояли люди совершенно неизвѣстные, что самое движеніе казалось просто уличнымъ мятежемъ, съ которымъ не трудно было справиться. И дѣйствительно, организація этого возстанія представляетъ нѣчто загадочное; прокламаціи центральнаго комитета подписываются ни кому не извѣстными именами; въ числѣ ихъ встрѣчаются два-три имени ничтожныхъ участниковъ въ прошлогоднихъ парижскихъ безпорядкахъ, и во главѣ ихъ считаютъ имя Асси, главнаго зачинщика стачки рабочихъ на фабрикахъ г. Шнейдера въ Крезо, въ началѣ прошедшаго года. Всѣ газеты теряются въ догадкахъ о томъ, кто руководитъ возстаніемъ и приписываютъ его то дѣйствіямъ Международной Ассоціаціи рабочихъ, къ которой принадлежитъ множество людей въ массахъ французскаго городскаго населенія, и однимъ изъ вождей которой состоитъ упомянутый Асси,—то бонапартистскимъ эмиссарамъ, которые будто бы появляются вмѣстѣ съ французскими плѣнными возвращающимися изъ Германіи и распространяютъ волненіе съ цѣлію возстановленія во Франціи Наполеона III.

18-го марта началось инсуррекціонное движеніе въ Парижѣ. Правительство рѣшилось наконецъ отправить отрядъ войска, чтобы отобрать пушки у монмартрскихъ мятежниковъ; но когда это войско подошло къ Монмартру, то солдаты, не повинуясь своимъ начальникамъ, подняли ружья прикладами вверхъ и начали брататься съ мятежниками. Генералъ Фарранъ, окруженный мятежниками, съ трудомъ успѣлъ пробиться штыками сквозь ихъ толпы, съ небольшимъ числомъ солдатъ оставшихся вѣрными своему долгу. Убѣдясь въ невозможности дѣйствовать противъ мятежниковъ при неповиновеніи солдатъ, главнокомандующій парижскою арміей, генералъ Винуа со штабомъ и линейными войсками отошелъ на лѣвый берегъ Сены. Въ рукахъ у инсургентовъ осталось нѣсколько плѣнныхъ и между прочимъ генералъ Леконтъ и г. Клеманъ Тома, бывшій главнокомандующій парижскою національною гвардіей. Послѣдній былъ въ статскомъ платьѣ—и узнанный кѣмъ-то изъ солдатъ захваченъ мятежниками. Неистовыя толпы повлекли ихъ въ улицу Розье, въ одномъ изъ домовъ которой засѣдалъ центральный комитетъ,—и устроивъ тамъ нѣчто въ родѣ военнаго суда, разстрѣляли обоихъ, не смотря на сопротивленіе нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ—и въ томъ числѣ, какъ говорятъ Менотти Гарибальди, прибывшаго въ Парижъ съ отрядами гарибальдійцевъ и состоящаго однимъ изъ начальниковъ въ войскѣ инсургентовъ. Это страшное убійство возбудило негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей; но слабость правительства и недостаточность энергіи въ населеніи, оставшемся вѣрнымъ порядку, дали возможность инсургентамъ продолжать свое дѣло. Вечеромъ они заняли зданіе главнаго штаба національной гвардіи, затѣмъ всѣ министерства, а на другой день 19-го захватили ратушу «Hotel de Ville» и издали двѣ прокламаціи, гдѣ говорится, что парижскій народъ свергнулъ съ себя иго, которое хотѣли наложить на него и спокойно выжидалъ безумцевъ, замышлявшихъ посягнуть на республику. Далѣе прокламація благодаритъ войско, которое не подняло рукъ на своихъ братьевъ, объявляетъ осадное положеніе снятымъ, и затѣмъ предписываетъ общинные выборы, съ тѣмъ чтобы передать власть въ руки тѣхъ правителей, на которыхъ падетъ народное избраніе.

Правительство съ своей стороны обнародовало нѣсколько прокламацій, въ которыхъ убѣждало всѣхъ, кому дороги честь и безопасность отечества, сомкнуться вокругъ національнаго собранія, избраннаго всеобщей подачей голосовъ, и противустать мятежникамъ,—затѣмъ удалилось въ Версаль, куда сосредоточено было 10,000 войска подъ предводительствомъ генерала Винуа. Вслѣдъ за тѣмъ оно разослало циркуляры ко всѣмъ префектамъ съ заявленіемъ, что всякое сношеніе съ инсуррекціоннымъ комитетомъ будетъ считаться измѣной отечеству.

20-го марта центральный комитетъ національной гвардіи издалъ въ Парижѣ манифестъ, въ которомъ онъ объявляетъ, что избранъ 215-ю баталіонами національной гвардіи, приглашаетъ жителей соблюдать умѣренность и назначаетъ общинные выборы по 22-е марта. Далѣе комитетъ объявляетъ, что онъ постановилъ исполнить предварительныя условія мира, заключеннаго съ Германіей, приглашаетъ департаменты вступить въ сношенія съ Парижемъ и возвѣстить амнистію по политическимъ преступленіямъ.

Дальнѣйшія извѣстія о дѣйствіяхъ версальскаго правительства и парижскаго инсуррекціоннаго комитета мы находимъ только въ телеграммахъ, по которымъ трудно опредѣлить настоящее положеніе дѣлъ. Несомнѣнно одно, что до 24 марта инсуррекціонный комитетъ вполнѣ господствовалъ въ Парижѣ, гдѣ однако происходили неоднократно демонстраціи въ пользу законнаго правительства, которое въ Версалѣ принимаетъ дѣятельныя

мѣры противъ мятежа. Телеграммы повторяютъ то и дѣло о собраніяхъ меровъ, о выборахъ въ общинные и муниципальные совѣты, о посредничествѣ между правительствомъ и инсургентами разныхъ лицъ, въ числѣ коихъ называютъ полковника Ланглуа и адмирала Сессе. Далѣе телеграммы извѣщаютъ о собраніяхъ центральнаго комитета, о назначеніи генералами нѣсколькихъ лицъ, которымъ поручается командованіе надъ войсками до прибытія Гарибальди-отца, провозглашеннаго главнокомандующимъ всѣми военными силами Франціи. Телеграмма изъ Парижа отъ 24-го марта извѣщаетъ, что центральный комитетъ издалъ новую прокламацію, гдѣ говорится что къ нему являлись делегаты отъ городовъ Ліона, Бордо, Марсели и Руана, съ тѣмъ чтобы освѣдомиться о свойствѣ парижскаго возстанія, и тотчасъ же отправились обратно, чтобъ подать сигналъ къ такому же возстанію, которое уже повсюду подготовлено. Того же числа комитетъ постановилъ предать суду всѣхъ членовъ версальскаго правительства.

Версальская телеграмма отъ 24-го марта извѣщаетъ, что правительство, съ согласія національнаго собранія, рѣшилось выждать еще двѣ недѣли до начатія рѣшительныхъ дѣйствій, такъ-какъ оно имѣетъ въ своихъ рукахъ Монъ-Валерьянъ и массу орудій, которыя дадутъ ему возможность справиться съ мятежомъ.

Читатели видятъ, что изъ этихъ извѣстій трудно составить себѣ точное понятіе о настоящемъ положеніи дѣлъ; несомнѣнно одно, что Франція находится въ состояніи полнѣйшей анархіи. Въ виду этого нѣмецкія войска пріостановились отступленіемъ и заняли снова Сенъ-Дени. 22-го марта генералъ Фабрице (бывшій саксонскій военный министръ, нынѣ командующій нѣмецкими оккупаціонными войсками) обратился къ версальскому правительству съ нотою, въ которой онъ извѣщаетъ, что всякая попытка вооружить ограду поведетъ къ открытію огня съ фортовъ, занятыхъ нѣмецкими войсками.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 19 Марта 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. пр. д. № 1—45.

№ 13. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Мор. и Нев. пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) у А. В. Гюнтера, Kleinseite 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Панъ Пшепендовскій.

Всеволода Крестовскаго.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА II.
Что наводитъ пана Пшепендовскаго на хорошую идею.

Панъ Пшепендовскій все еще благодушествовалъ подъ густою тѣнью деревьевъ. Онъ только что кончилъ разговоръ съ мировымъ посредникомъ Ивановымъ, который, раскланявшись съ собесѣдникомъ, оставилъ его одного мечтать о прелестяхъ примиренья и забвенія.

— А, тату! Тата сѣдзе подъ држевемъ, а мама шука тату. Идзь до мамы! запищали вдругъ подъ самымъ ухомъ пана Пшепендовскаго двое его потомковъ,— обстоятельство, изведшее его изъ области мечтаній о примиреніи и забвеніи.

Онъ поднялъ глаза—передъ нимъ въ трехъ шагахъ стояла пани Фелиція—тоже вышедшая подышать прохладой майскаго вечера.

Панъ Пшепендовскій подвинулся и далъ ей подлѣ себя мѣсто на скамейкѣ.

— Шліома сапожникъ приходилъ, начала пани Пшепендовская, сразу направляя разговоръ на хозяйственныя и домашнія надобности.

— А чего ему надо? не глядя на нее, равнодушно и вскользь замѣтилъ панъ Пшепендовскій, хотя самъ очень хорошо зналъ, зачѣмъ могъ придти сапожникъ Шліома; но панъ Пшепендовскій любилъ иногда тѣшить себя «воображеніемъ», будто онъ независимый ни отъ кого и очень богатый панъ, къ которому люди могутъ приходить ни за чѣмъ инымъ какъ только на поклонъ и съ просьбой о какой-нибудь паньской милости. Съ такимъ точно равнодушнымъ и независимымъ видомъ и теперь спросилъ онъ свою супругу: «а чего ему надо?»

— Извѣстно чего! Денегъ хочетъ—денегъ просить пріехалъ!—съ недовольнымъ видомъ возразила супруга.

— А я и самъ хочу! Я и самъ попросилъ бы!

— Говоритъ, что до полицеймейстера пойдетъ, когда не отдадимъ,— больше ждать не хочетъ...

— От-то еще! всяка свиня до полицеймейстера! пришелъ вдругъ панъ Пшепендовскій въ справедливое негодованіе:—какъ былъ справникомъ, тогда, небойсь, не говорилъ о полицеймейстерѣ, а теперь ужь и до полицеймейстера!

— Отъ Файтовой тоже приходили, продолжала докладывать супруга: — велѣла сказать, что въ кредитъ ничего больше отпускать не можетъ... Тоже денегъ проситъ.

Панъ Пшепендовскій сидѣлъ, положивъ обѣ руки на набалдашникъ своей палки и на руки положивъ подбородокъ. На сей разъ онъ ничего не сказалъ, а только весьма энергически взглянулъ всторону.

— И отъ хозяина приходили: за квартиру срокъ, докладывала межъ тѣмъ, какъ голосъ неумолимой совѣсти, пани Фелиція.

Новая берлинская ратуша.

(Изъ берлинской жизни).

На дворѣ ночь и вѣтеръ, мы идемъ по тротуару еврейской части города. Наши шаги громко отдаются въ опустѣвшихъ уже улицахъ; только тамъ и сямъ горитъ еще фонарь, признакъ пивной лавки. На башнѣ св. Николая бьетъ одиннадцать часовъ. Темныя фигуры, мелькающія мимо насъ, исчезаютъ въ дверяхъ сосѣднихъ домовъ: на дворѣ холодно, а сонъ передъ полуночью—самый лучшій сонъ. Мы подходимъ къ Королевской улицѣ, этой улиткообразной артеріи стараго Берлина. Еще одна минута—и насъ окружаютъ темныя человѣческія волны, стремящіяся въ двухъ противуположныхъ направленіяхъ: суматоха, давка, хихиканье дѣвушекъ, густые голоса мужчинъ.

— Что тамъ такое? Ужь не случилось-ли чего? спрашиваемъ мы представительнаго господина, очевидно какого нибудь ратсгера, съ толстою женою и двумя тоненькими дочерьми.

— Магистратскій погребъ! магистратскій погребъ! кричитъ онъ нараспѣвъ и идетъ дальше.

Колеблющимися шагами идутъ мимо насъ темныя фигуры. Онѣ даже поютъ; между ними есть и дѣвушки, и онѣ тоже поютъ съ ними. «Сижу я въ погребѣ глубокомъ», твердятъ они, то подымаясь до самыхъ высокихъ нотъ, то опускаясь до самыхъ низкихъ, словно два колодезныхъ ведра. Ночной сторожъ задумчиво глядитъ имъ вслѣдъ.

— Что тамъ такое? Что такое случилось? спрашиваемъ мы опять.

— И пью, и пью, и пью! поютъ въ отвѣтъ молодые люди. Тутъ, словно привидѣніе, встаютъ передъ нами во мракѣ ночи своды стариннаго зданія суда, высящіяся надъ зданіемъ новой ратуши съ ея колоссальной башней.

Недавно послѣдніе подмостки, закрывавшія наружныя стѣны этого громаднаго зданія, пали—и оно стоитъ въ томъ самомъ видѣ, какъ изображено на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ. Это избавляетъ насъ отъ необходимости подробнаго описанія, поэтому-то мы и ограничимся только нѣкоторыми статистическими замѣтками.

Ратуша представляетъ собою четвероугольникъ въ 310 футовъ длины и 285 ф. ширины; она выстроена изъ краснаго кирпича и сѣраго гранита, вслѣдствіе чего зданіе имѣетъ чрезвычайно пріятный и свѣжій видъ. Собственно ратуша заключаетъ въ себѣ 83, а башня 300 футовъ вышины, такъ-что новая ратуша превосходитъ своею вышиною всѣ вообще остальныя берлинскія башни и даже башни всей сѣверной Германіи. Великолѣпные фонари (выступы съ окнами), колонны, восемь медвѣдей, держащихъ щиты, и огромные часы служатъ украшеніемъ этой колоссальной башни.

Внутренность ратуши еще не совсѣмъ вышла изъ рукъ живописцевъ, скульпторовъ, золотильщиковъ и обойщиковъ. Но парадная зала уже окончена. Она имѣетъ 90 футовъ въ длину, при 60-ти футахъ ширины и простирается на 50 футовъ въ вышину черезъ три этажа. Это чудная свѣтлая комната, расчлененная аркадами, богато убранная и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно уютная.

Все зданіе цѣнится до $2^1/_2$ милліона талеровъ.

Но вѣдь сегодня холодный зимній вечеръ, и насъ влечетъ къ себѣ—магистратскій погребъ.

Вокругъ насъ страшная давка. Изъ глубины этого каменнаго колосса стремится безостановочно неистощимый потокъ людей мужскаго и женскаго пола, изливающійся въ Королевскую улицу или въ пограничныя съ ней области. Все это весело и разговорчиво, балагуритъ, смѣется, распѣваетъ. «Магистратскій погребъ», читаемъ мы на стеклянной вывѣскѣ, сіяющей намъ изъ глубины. Дѣло сдѣлано—мы въ погребѣ.

Но тамъ внизу просто страшно. Жаркій, удушливый паръ несется намъ навстрѣчу; насъ окружаетъ толпа людей, медленно протискивающихся взадъ и впередъ по длинному, неширокому ходу. Низкіе своды погреба заключаютъ въ себѣ что-то давящее, не смотря на поддерживающіе ихъ массивные столбы; больше камня, чѣмъ помѣщенія, точно такъ же какъ и наверху,—блистательный примѣръ того, какимъ образомъ можно истратить на зданіе цѣлые милліоны вопреки вкусу и дѣйствительной пользѣ!

Мы пробиваемся дальше. По правую руку тянется, за проволочными рѣшетками, винный складъ арендаторовъ этихъ подваловъ, на лѣво—встрѣчаются отъ времени до времени ниши со столомъ и разставленными вокругъ него стульями. Въ первой половинѣ этого длиннаго корридора находится всего пять или шесть такихъ помѣщеній, не болѣе какъ для десяти человѣкъ каждое: чрезвычайно мало мѣста для такого громаднаго пространства, въ особенности въ этотъ вечеръ, второй послѣ открытія, когда тутъ волнуется цѣлое море народа, снующаго взадъ и впередъ. Замѣтимъ ко всему этому, что если въ Берлинѣ покажется нѣчто достойное вниманія, то потокъ любопытныхъ, стремящихся полюбоваться новинкой, прекращается не раньше трехъ недѣль.

А новый магистратскій погребъ стóитъ посмотрѣть! Архитекторы и арендаторы сдѣлали все чтó только могли, для того чтобъ придать этимъ помѣщеніямъ, отдающимся въ наемъ за 3,000 талеровъ, поэтическій характеръ нѣмецкаго магистратскаго погреба. Берлинъ, бѣдный древними зданіями значительныхъ размѣровъ и постройками готическаго характера, былъ также бѣденъ и большими прекрасными погребами, хотя обыкновенныхъ погребовъ въ немъ такое множество, что едва-ли одна четверть всѣхъ домовъ избавлена отъ этихъ отвратительныхъ заведеній. Магистратскій погребъ существовалъ у берлинцевъ только въ идеѣ, а не въ дѣйствительности,—и кто не пировалъ когда нибудь въ бременскомъ или въ бреславскомъ погребахъ, въ берлинскомъ хлѣбномъ магазинѣ, въ «ауэрбаховскомъ» лейпцигскомъ погребѣ или же въ погребѣ Эстергази въ Вѣнѣ, между старыми гигантскими бочками, въ винной атмосферѣ гномовъ и пятисотъ тысячъ чертенятъ,—не пировалъ какъ истый, чистокровный нѣмецъ,—тотъ имѣлъ только самое фантастическое понятіе о чарующей прелести подобнаго пированья въ глубокомъ погребѣ.

Итакъ, у Берлина есть наконецъ свой собственный магистратскій погребъ, убранство котораго отличается какою-то оригинальностью. Вездѣ на плоскихъ аркахъ,

игнорировать движеніе, сдѣлавшееся болѣе или менѣе общимъ въ гуляющей публикѣ.

По главной аллеѣ, въ сопровожденіи какого - то чиновника, изволилъ шествовать, въ изящномъ шармеровскомъ пальто и лѣтней легонькой шапочкѣ, его превосходительство. Онъ очевидно находился въ благодушественномъ настроеніи и болталъ о чемъ-то съ чиновникомъ.

Дежурный частный приставъ, состроивъ такую физіогномію, будто онъ здѣсь такъ-себѣ, и самъ по себѣ, случайно зашелъ прогуляться,—не безъ почтительности слѣдовалъ на приличной дистанціи, шагахъ въ пятнадцати за его превосходительствомъ.

Его превосходительство проходилъ какъ разъ мимо той скамейки, на которой сидѣлъ съ супругой панъ Пшепендовскій.

Панъ Пшепендовскій, еще за пять шаговъ до его приближенія, почтительно привсталъ съ мѣста—и пріятно сгибая спину, обнажилъ свою голову. Пани Фелиція, въ качествѣ дамы, осталась на скамейкѣ, но тоже не безпріятности обратила взоръ свой на встрѣчу подходящему превосходительству.

Его превосходительство съ подобающею небрежностью отвѣтилъ на поклонъ пана Пшепендовскаго, но осѣдлавъ носъ золотымъ пенсне, въ свою очередь не безъ пріятности и весьма внимательно поглядѣлъ на неизвѣстную ему и столь вкусную пани Пшепендовскую, которой при этомъ невольно вспомнилось, что часто съ такимъ точно выраженіемъ жирные коты посматриваютъ на лакомый кусочекъ мяснаго. Она замѣтила тоже, что не успѣлъ еще его превосходительство миновать ее, какъ уже обратился съ какимъ - то замѣчаніемъ къ чиновнику, и по лукаво и мяснично-осклабленной физіогноміи этого чиновника, она почти съ полной увѣренностію заключала, что замѣчаніе его превосходительства было сдѣлано не иначе, какъ только на счетъ ея, пани Пшепендовской. Пани Пшепендовская, при этомъ сознаніи, не могла внутренно воздержаться отъ скромной, но пріятной улыбки.

Не прошло и пяти-семи минутъ, какъ къ пани Пшепендовской подскочила дебѣлая пани Пшесницкая съ озабоченнымъ, но сіяющимъ лицомъ. Пани Пшесницкая, вдова преклонныхъ лѣтъ, была и свахой, и закладчицей, и посредницей при продажѣ и куплѣ, и даже ходатаемъ по дѣламъ во всѣхъ присутственныхъ и неприсутственныхъ мѣстахъ. Вѣчная хлопотунья и непосѣда, не взирая на свою дебѣлость, она отличалаеь особою спеціальностію: узнать всѣхъ и все, состоять въ знакомствѣ съ цѣлымъ городомъ, имѣть входъ и доступъ по всюду, быть въ одно и тоже время вездѣ и нигдѣ. Если пани Пшесницкая и не была съ кѣмъ знакома лично,—что впрочемъ могло почесться большою рѣдкостью,—то она все равно знала незнакомаго въ лицо, по фамиліи, по мѣсту, по положенію,—словомъ, знала почти всю подноготную. Это была живая справочная книга города N.

— Ахъ, моя пани! моя пенкна, моя драга пани! затараторила она сразу, подсѣвъ къ супругѣ пана Пшепендовскаго и горячо потрясая ей руки:—что сейчасъ было!.. Ахъ, какое происшествіе!.. если-бъ вы только знали, что сейчасъ было!.. Я нарочно, въ ту-жь минуту побѣжала къ вамъ, чтобы разсказать вамъ.... Нѣтъ, но вы представить не можете себѣ, что сейчасъ было!..

— Ну, ну? нетерпѣливо подуськивала пани Фелиція.

— Но нѣтъ, вы только представьте себѣ!... Это прекрасно!... Это чудесно!... Вы знаете Камневича?... Ну, вотъ того самаго Камневича, что служитъ въ полиціи... Частный приставъ... Да вотъ онъ сейчасъ же проходилъ мимо... Я его знаю давно, даже когда три года назадъ жена его родила (онъ тогда еще былъ помощникомъ) такъ я же имъ и крестнаго отца нашла,—безъ меня и тутъ не обошлося! Ну, такъ вотъ подходитъ онъ ко мнѣ,—а я тутъ съ секретаремъ надворнаго суда—вонъ тамъ, позади васъ—на скамейкѣ сидѣла... говорила тутъ ему объ одномъ дѣлѣ—вѣдь вы знаете, у меня все дѣла—куча дѣлъ, бездна дѣлъ, а помощника вѣдь нѣту—одна, вездѣ одна и все сама, вездѣ сама—конечно бѣдная вдова!... Ну, такъ вотъ, мы говорили о дѣлѣ, а этотъ Камневичъ вдругъ и подходитъ ко мнѣ.—Позвольте узнать, говоритъ,—не знаете-ли вы, кто эта пани позади васъ сидитъ?—и самъ на васъ показываетъ. — А вамъ на что? говорю. — А мнѣ нужно. — А на что вамъ нужно? — А не скажу, говоритъ. — Ну, вы не скажите и я не скажу! — Нѣтъ, Бога ради, скажите! — Да отстаньте вы, говорю,—почемъ я знаю! — Нѣтъ, говоритъ, вы знаете! — А хоть и знаю, да не скажу! посылайте, говорю, своихъ шпеговъ довѣдаться, а мнѣ какое дѣло!.. — Но мнѣ нужно, крайне нужно, говоритъ, — и нужно сейчасъ, сію минуту! — Говорите, зачѣмъ! — Не могу! — Ну, и я не могу! Видитъ онъ, что со мной ничего не подѣлаешь, отводитъ меня въ сторону и говоритъ: «меня, говоритъ, чиновникъ сейчасъ просилъ узнать, поскорѣе, бо генералъ замѣтилъ эту пани. — А какъ онъ, говорю, замѣтилъ? вѣрно что нибудь злое готовитъ? — Э, нѣтъ, говоритъ, онъ ее пріятно замѣтилъ. Ну, тутъ я ему и сказала: это, говорю, пани Пшепендовская сидитъ.

— Такъ и сказали? перебила пани Фелиція, сверкая самодовольными взорами.

— Такъ и сказала! Это, говорю, пани Пшепендовская! и видѣла, какъ онъ тотчасъ подошелъ къ чиновнику. Нѣтъ, но вы только представьте себѣ! вы только представьте!..

Но пани Пшепендовской нечего уже было представлять—потому что въ эту самую минуту его превосходительство опять проходилъ по главной аллеѣ, мимо пани Пшепендовской и опять маслянымъ котомъ поглядывалъ сквозь пенсне на сіе лакомое блюдо... Пани Пшесницкая тотчасъ же примолкла, а пани Пшепендовская скромно и съ величайшимъ достоинствомъ потупила долу свои глаза.

За то панъ Пшепендовскій вторично поднялся съ мѣста—и вновь пріятно сгибая спину, отвѣсилъ вторичный почтительный поклонъ.

Послѣ этого его превосходительство еще раза три прошелся мимо — и три раза пани Пшепендовская потупляла долу свои очи, все съ тѣмъ же скромнымъ достоинствомъ, но потупляла ихъ такъ, что его превосходительство—если онъ только не совсѣмъ ужь дуракъ на этотъ счетъ — непремѣнно долженъ былъ понять, сообразить и почувствовать, что ни кто иной, какъ только онъ—единственно онъ, своею собственной особой служитъ пріятною причиной этого не менѣе пріятнаго потупленія. И его превосходительство, кажись, такъ и понялъ.

— Такъ, такъ, мой коханы! тршеба шукаць мѣстца! настойчиво и увѣренно, съ легкимъ вздохомъ подтвердила пани Пшепендовская своему супругу. Но супругъ уже былъ наведенъ на хорошую идею.

(*Продолженіе будетъ*).

Старый служака.

(*Продолженіе*).

«Я, надобно вамъ сказать, былъ тогда въ лѣсу одинъ; вотъ и пришло мнѣ на умъ, прости Господи мое согрѣшеніе, сдѣлаться разбойникомъ, *гайдамакомъ*, который поджигаетъ господскія усадьбы, а дворянъ прибиваетъ гвоздями за руки и за ноги къ овинамъ, какъ хищныхъ птицъ. Но совѣсть не давала мнѣ покою,—и вездѣ куда я ни шолъ и гдѣ я ни оставался, слышался голосъ, который говорилъ мнѣ: «Чего ты хочешь, ты, крестьянинъ и сынъ крестьянина? Что ты станешь дѣлать съ ружьемъ? Или ты одинъ хочешь вести войну съ людьми?—Тогда я успокоивался и кончилъ тѣмъ, что остался въ деревнѣ, но вотъ на что я рѣшился: *исполнять только мою обязанность и не выносить ничего противъ моего права*.

Вотъ тутъ-то я встрѣтился съ Коланко, который катался по снѣгу, какъ привязанная на цѣпи собака. Моя Катерина велѣла отколотить его палкой, за то что не поклонился ей почтительно, какъ она требовала этого, и вотъ тутъ-то онъ и сталъ говорить со мною и разсказалъ».

— Представьте вы себѣ, съ жаромъ вскричалъ старикъ,—она командовала тогда какъ настоящая барыня, да еще и больше. Знаемъ мы, какъ обращались тогда такіе господа съ своими женами! Двухъ учителей выписалъ для нее баринъ изъ города, одинъ былъ французъ. Она выучилась всему, чему только учатъ писцовъ или людей духовнаго званія; каждую недѣлю получала она по почтѣ кипу книгъ, все читала она, и газеты, тоже. Въ комнатѣ у нея стоялъ какой-то особенный ящикъ изъ отличнѣйшаго дерева; она выучилась разыгрывать цѣлую музыку; люди стояли у ней по вечерамъ подъ окошками и слушали.

Монголъ плутовски засмѣялся и сталъ шарить полѣномъ въ огнѣ.

— Жизнь имъ, подумаешь! Такіе люди даже и не помышляютъ о Божескомъ правосудіи, пробормоталъ онъ.

Старикъ закашлялся, и въ груди у него заворчало какъ у сердитаго кота.

Старый служака мрачно глядѣлъ впередъ; лицо его не выражало никакого участія къ тому, что онъ слышалъ; оно было безотрадно и какъ бы оцѣпенѣло.

Мальчикъ взглянулъ на Монгола, не скрывая своего удивленія.

— Что ты таращишь на меня глаза? спросилъ Монголъ и сдвинулъ свое желтое лицо съ желтымъ маленькимъ носомъ съ огромными ноздрями, такъ что на немъ образовались глубокія складки.

— Какъ это ты умудряешься, дядя Монголъ, сказалъ мальчикъ,—чтобъ дождь не вливался тебѣ въ носъ!

Весь кружокъ засмѣялся, Монголъ поймалъ мальчика за ухо, слегка потянулъ его къ себѣ и потомъ также тихо выпустилъ.

— Жалко тебѣ было твоей возлюбленной? спросилъ я отставнаго солдата.—Горько было тебѣ тогда?

«Да, какъ вамъ сказать, отвѣчалъ онъ, покуривая изъ своей трубки,—я и не думалъ мстить ей, но всякій разъ какъ мнѣ приходилось имѣть дѣло съ господскими людьми, мною овладѣвалъ страшный гнѣвъ. Мнѣ захотѣлось быть чѣмъ-нибудь получше—и я выучился читать и писать, а также и считать. Я былъ слишкомъ великъ чтобъ ходить въ школу, поэтому и сталъ учиться у дьячка, которому я носилъ за это то курочку, то жирнаго гуська, а то и контрабанднаго табаку изъ Цигета. Чего я только не перечелъ тогда. Прочелъ священное писаніе, житія святыхъ, исторію царя Ивана Грознаго, грамоты императрицы Маріи Терезіи, императора Іосифа и императора Франца, прочелъ также нѣсколько законовъ и сталъ писать крестьянамъ просьбы, которыя они подавали въ уѣздный судъ. Въ цѣломъ округѣ не было никого кто бы съумѣлъ бы такъ сильно возстановить народъ противъ дворянства, противъ этихъ господъ, этихъ поляковъ, какъ я. Въ одной нашей деревнѣ заводилось больше тяжебъ чѣмъ въ цѣлой Галиціи—и все это писалъ я.

Когда господинъ староста дѣлалъ объѣздъ, ему вездѣ попадались люди съ жалобами—и ни одно-то дѣло не обходилось безъ меня. Гдѣ я могъ ограничить хоть сколько нибудь самовластіе помѣщика, я это дѣлалъ. Мое сердце ликовало при этомъ какъ голубь. Они, конечно, называли меня писакой и грозили мнѣ, но всѣ боялись меня и никто не рѣшался предпринять что-нибудь противъ меня».

— Онъ колотилъ барскихъ казаковъ *), вскричалъ, съ громкимъ смѣхомъ Монголъ.—Онъ безо всякой причины колотилъ ихъ въ шинкахъ и на дорогѣ, вездѣ гдѣ только они ему не попадались. «За то что вы барскіе угодники!», кричалъ онъ имъ при этомъ.—Но подумай....—Вы-то подумали-ли, что вы дѣлаете? Съ барскаго двора вы или нѣтъ?—Но...—Вы хотите отпереться...—Нѣтъ!—Ну такъ вы заслуживаете.—Да, но еслибъ всякій, кто заслуживаетъ удары, получалъ ихъ, милый, кричали казаки, — то черезъ годъ не осталось бы ни одного орѣховаго дерева въ государствѣ, столько палокъ тебѣ понадобилось бы.

Старый служака засмѣялся.

«Кончилось тѣмъ, что управляющій позвалъ меня къ себѣ, продолжалъ онъ,—обругалъ меня возмутителемъ крестьянъ, писакой, бунтовщикомъ, гайдамакомъ.

— На скамейку его! закричалъ онъ изо всѣхъ силъ такъ, что лицо налилось кровью, и спрятался за другихъ.

— Какъ бы не такъ, заговорили казаки,—да онъ убьетъ на смерть каждаго, кто только подступится къ нему. И никто не осмѣливался наложить на меня руку.

Тогда управляющій съ пѣной у рта, съ разлетѣвшимися по сторонамъ волосами, съ побѣлѣвшими отъ злости глазами, самъ кинулся на меня съ палкой. Я схватилъ его за руку и отвелъ ее назадъ, такъ что она затрещала какъ трубочная головка, когда ее вертишь кругомъ и она пускаетъ изъ себя табачный сокъ.

Беру у него тихонько палку, ставлю ее въ уголъ, само собою разумѣется самымъ наивѣжливымъ образомъ, вѣдь это все-таки было начальство.

Послѣ этого меня было совсѣмъ оставили въ покоѣ, какъ тутъ чортъ дернулъ меня встрѣтиться на улицѣ съ моей барыней-любовницей. Ея карета завязла въ

*) Въ старой Польшѣ у всякаго дворянина, сколько-нибудь посильнѣе, были свои солдаты, обыкновенно казаки, да и теперь еще въ каждой барской усадьбѣ вы встрѣтите нѣсколько служителей въ казацкой одеждѣ.

грязи, кучеръ сидѣлъ на козлахъ и что было мочи колотилъ лошадей. Когда она увидала меня, то бросилась въ уголъ, прижалась тамъ какъ кошка, и задрожала. Я посмотрѣлъ на нее.

— Эй, малый, помоги намъ! закричалъ кучеръ.

Я помогъ, вытащилъ маленькую карету изъ грязи и толкнулъ ее впередъ, потомъ взялъ кнутъ у кучера и нѣсколько разъ стегнулъ его — за то что онъ такъ дурно везъ «барыню».

Съ этого дня она не имѣла покоя, я знаю это; поэтому-то она и велѣла записать меня въ солдаты».

— Ей стыдно было имѣть его передъ глазами, подтвердилъ Коланко, — вотъ она и отдала его въ солдаты.

«Въ это время наше село ставило рекрутовъ, продолжалъ старый служака. — Казаки потащили меня на барскій дворъ, тамъ стоялъ деревянный столбъ, меня раздѣли до нага, смѣряли, лекарь постучалъ мнѣ въ грудь, заглянулъ мнѣ въ ротъ, потомъ меня записали, и все было кончено; моя мать стояла на колѣняхъ передъ управляющимъ, у моего отца тихо катились по щекамъ слезы, а *та* стояла у окна и смотрѣла безъ жалости какъ я стоялъ тамъ жалкій, безпомощный, въ томъ видѣ какъ Богъ создалъ меня. Я плакалъ отъ бѣшенства, да что проку-то въ этомъ! Денегъ у меня не было. Меня тутъ же на мѣстѣ заставили присягнуть и надѣли на меня казенную фуражку. *Я сталъ солдатъ*. Когда мы уходили, всѣ плакали намъ вслѣдъ, и рекруты тоже плакали. У каждаго изъ нихъ былъ на груди крестъ и маленькій мѣшочекъ съ землею, которую онъ выкопалъ подъ порогомъ своей избы. Барабанъ забилъ, капралъ отдалъ приказъ маршировать, мы шли какъ собаки на сворѣ; они всѣ пѣли пѣсню—и какая же это была печальная пѣсня! Я шелъ тихо, и вотъ когда мы шли такимъ образомъ все дальше да дальше, а деревня лѣсъ и церковь изчезли изъ глазъ нашихъ и я уже не видалъ ничего своего, — я сталъ обдумывать все что было и подумалъ: «Хорошо, ты служишь теперь императору; покрайней мѣрѣ ты знаешь, кому ты принадлежишь».

— А каково тебѣ было въ солдатахъ? спросилъ я его.

«Хорошо, сударь, отвѣчалъ старый служака, и въ глазахъ его блеснуло удовольствіе. — Хорошо. Отъ меня вѣдь требовали только то, что было моей обязанностію, ни больше, ни меньше, и я охотно дѣлалъ это. Теперь я могъ по крайней мѣрѣ считать себя человѣкомъ. Сперва пришли мы въ Коломею, стали учиться ружейнымъ пріемамъ, сперва по одиночкѣ, а потомъ вмѣстѣ съ другими. Когда я выучился этому—вотъ тутъ-то я возгордился и началъ желать войны.

Вмѣстѣ съ этимъ я убѣдился тутъ, въ уѣздномъ городѣ, что есть на свѣтѣ порядокъ; насъ держали строго, но справедливо. Тутъ не было незаслуженнаго наказанія и незаслуженной награды—и люди въ городѣ смотрѣли на солдатъ какъ бы съ уваженіемъ. А когда я стоялъ на караулѣ передъ уѣзднымъ судомъ и слушалъ крестьянъ, какъ они между собою разговаривали и какъ они находили себѣ тутъ защиту и помощь противъ поляковъ, тогда я взглянулъ на находившагося надъ воротами орла и подумалъ въ душѣ: «ты конечно птица не большая и у тебя не большія крылья, но все таки они довольно велики для того, чтобъ защитить цѣлый народъ».

Когда мы послѣ этого маршировали на плацъ-парадѣ и у насъ надъ головами развѣвалось знамя съ чорнымъ орломъ, стоило только мнѣ взглянуть на него—и у меня становилось весело на сердцѣ.

Красное яичко.
Съ композиціи В. Шпака, рис. на деревѣ исполненъ самимъ авторомъ, грав. К. Вейерманъ.

Мы жили въ полку какъ дома въ общинѣ, всѣ для одного и одинъ для всѣхъ; честному человѣку мы помогали, а негодяевъ наказывали промежь себя. Ночью, когда офицеры и господа фельдфебеля спали у себя на квартирахъ, мы собирались безо всякаго шума въ кучу и творили судъ надъ воромъ, обманщикомъ, шулеромъ, пьяницей, которые вредили ротѣ и безчестили ее, и мы дѣйствовали гораздо успѣшнѣе господина профоса съ его палкой и кандалами.

Такъ прошелъ годъ, а пожалуй и слишкомъ; тутъ мы надѣли однажды свои ранцы и отправились въ Венгрію, изъ Венгріи въ Богемію, а изъ Богеміи въ Штейермаркъ. Вотъ такимъ-то образомъ, служа въ солдатахъ, и увидишь съ теченіемъ времени различныя земли, которыя всѣ принадлежатъ нашему императору, и различныхъ людей,—и станешь скроменъ, увидишь, что дома не все обстоитъ наилучшимъ образомъ. Я увидалъ тамъ больше благосостоянія, больше правосудія, человѣчности и цивилизаціи *), чѣмъ у насъ. Я научился уважать нѣмцевъ и чеховъ, которые говорятъ на языкѣ, похожемъ на нашъ.

Я видѣлъ святаго Непомука въ его серебряномъ гробу и видѣлъ также скалы, въ которыя заперли короля, и каменный мостъ съ изображеніями различныхъ святыхъ, откуда бросили его въ воду, а надъ его головой всплыли на волнахъ пять пламенѣющихъ звѣздъ. Въ Штейермаркѣ я видѣлъ людей, у которыхъ было по двѣ шеи».

Эта наивная этнографія стараго служаки вызвала у меня невольную улыбку. Онъ замѣтилъ это и замолчалъ.

— Я помню, какъ ты пришелъ къ намъ въ первый разъ въ отпускъ, замѣтилъ Коланко съ чувствомъ нѣкотораго удовольствія.—Бѣлый сюртукъ съ голубыми отворотами дьявольски шелъ къ тебѣ. Женщины слѣдили за тобой глазами и шептались. Моя старуха говорила тогда, что Балабанъ—самый красивый мужчина на десять миль кругомъ,—а она, какъ извѣстно, знала въ этомъ толкъ. Но онъ не хотѣлъ и слышать о женщинахъ.

«Вы вѣдь знаете, сударь, обратился ко мнѣ старый служака,—что въ тѣ времена нашъ солдатъ чуть не плакалъ, отправляясь въ отпускъ. Онъ оставлялъ дома рабство, барщину, произволъ, нужду, и привыкнувъ къ порядку, закону и благопристойности, возвращался опять къ нуждѣ и насилію. Когда дѣлали перекличку желающимъ идти въ отпускъ, вся рота стояла въ молчаніи, только я—ужь не знаю, что мнѣ вспало на умъ—выступилъ впередъ и вызвался на это. Всѣ взглянули на меня. Ну да будетъ объ этомъ! довольно того, что меня отправили въ отпускъ.

— Я пришолъ домой, къ отцу. Когда я вошелъ къ нему въ сѣрой солдатской шинели и деревянной каскѣ на головѣ, онъ устремилъ на меня глаза и поднялъ дрожащую руку къ своимъ сѣдымъ волосамъ. Я поцѣловалъ ему руку.

— Это хорошо, что ты тутъ, сказалъ онъ.

Тутъ пришла мать, вскрикнула и засмѣялась такъ, что у ней посыпались изъ глазъ слезы. Я разсказалъ имъ про полкъ и про тѣ земли, гдѣ я стоялъ, а они разсказали мнѣ про деревню и крестьянъ. Пришли сосѣди, много вина было тогда выпито.

*) Это слово въ употребленіи между галицкими крестьянами и было произнесено на сеймѣ 1861 года крестьянскимъ депутатомъ, точно также какъ и слово «гуманность».

Я былъ ко всему равнодушенъ. Я бродилъ по деревнѣ какъ больной. Никто не заговаривалъ со мною. Я тоже молчалъ и полагалъ, что помѣщикъ прогналъ отъ себя Катерину, потому что все было тихо. Съ другой стороны думалось мнѣ, что если она еще при немъ, то все-таки это скоро случится. Я желалъ этого, не знаю почему,—а кажется, какое бы мнѣ было дѣло до нея....

Часто я желалъ бы видѣть ее въ нуждѣ, въ несчастіи и позорѣ, я помогъ бы ей тогда.

Никто не произносилъ ея имени—и я не рѣшался спросить объ ней. Въ воскресенье, во время обѣдни, я взглянулъ какъ-то на хоры—и какъ вы думаете, кого я увидалъ тамъ? Мою Катерину на барскомъ мѣстѣ. Какъ хороша была она!.. далеко лучше, чѣмъ въ прежнее время, но вмѣстѣ съ этимъ и какъ блѣдна, какой у нея былъ болѣзненный видъ,—она казалась утомленною, а глаза у нея были такіе большіе и темные, какъ у умирающей».

Лицо стараго служаки освѣтилось какимъ-то страннымъ тихимъ свѣтомъ.

«Кровь застыла во мнѣ, продолжалъ онъ.

— Кто эта прекрасная дама? спросилъ я одного мальчика, который не зналъ меня.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и сказалъ:—это барыня, жена нашего помѣщика.

Баринъ въ самомъ дѣлѣ женился на ней, законнымъ образомъ, передъ олтаремъ. Ну что же, онъ хорошо сдѣлалъ, и она стала моей барыней».

Старый служака улыбнулся.

— Я могъ бы встрѣчаться съ нею каждый день, продолжалъ онъ.—Да какой изъ этого вышелъ бы толкъ! Вотъ я и пошелъ работать въ другую деревню. *Тѣмъ все и кончилось.*

Старый служака замолчалъ, руки у него опустились, онъ устремилъ глаза на огонь, его смуглыя черты приняли прежнее выраженіе строгости и равнодушія, а большіе глаза загорѣлись тихимъ свѣтомъ. Всѣ молчали. Кругомъ царствовала глубочайшая тишина.

— Больше ничего и не было? спросилъ я черезъ нѣсколько минутъ.

— Да, застѣнчиво отвѣчалъ старый служака.

— Это правда, сказалъ я,—въ твоей исторіи дѣйствительно нѣтъ ничего особеннаго. Это случается всякій день и со всякимъ; но что особенное въ твоей исторіи—это *ты самъ*. Тебѣ никогда не хотѣлось мстить?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ.—Да и за что? Это въ натурѣ вещей. Кому же сталъ бы я мстить за то, что я мужчина, а она женщина?

Его отвѣтъ поразилъ меня и еще болѣе увеличилъ мое участіе къ нему.

— Такъ ты никогда и не получилъ удовлетворенія? сказалъ я.

— Ну нѣтъ, отвѣчалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія,—это было въ сорокъ шестомъ году; я былъ тогда въ отпуску; въ это время произошло польское возстаніе, навлекшее ужаснѣйшія бѣдствія на нашу страну. Итакъ, это происходило въ послѣднихъ числахъ февраля; зима стояла жестокая. Въ эту ночь особенно много выпало снѣгу, всѣ улицы и дороги были занесены. Или нѣтъ, это случилось нѣсколько позже. Въ эту минуту у меня какъ-то странно все мѣшается въ головѣ. Я не съ того началъ. Вотъ какъ это было. Уже давно замѣчалась у насъ какая-то тревога; помѣщики разъѣзжали взадъ и впередъ, носились слухи о спрятанномъ гдѣ-то оружіи.

«Въ тулавскомъ шинкѣ собралось не мало-таки крестьянъ, въ томъ числѣ и судья, какъ вдругъ является туда нашъ помѣщикъ и держитъ крестьянамъ такія рѣчи:—Кого вы будете держаться: насъ, дворянъ, или кого другаго? Если вы желаете стоять за насъ, то собирайтесь сегодня ночью у церкви, я достану для васъ ружья и пойду съ вами!

Въ отвѣтъ на это судья сказалъ ему: «Мы ни подъ какимъ видомъ не станемъ стоять за васъ, а за Господа Бога и за нашего императора». Тутъ помѣщикъ удалился, а судья обратился къ народу съ слѣдующею рѣчью: «Смотрите, чтобъ никто изъ васъ не вздумалъ стоять за этихъ живодеровъ и вступать съ ними въ союзъ!»

Нашъ помѣщикъ, тотъ самый, что женился на моей Катеринѣ, прислалъ въ шинокъ грамоту. Всѣ посмотрѣли на нее, но никто не могъ прочесть. Тогда судья сказалъ: «Позовите Балабана, онъ такъ-сказать старый солдатъ, ему извѣстно, какъ за это приняться. Вотъ и позвали меня, и я прочелъ имъ грамоту.

Вверху было написано: *Ко всѣмъ полякамъ, которые умѣютъ читать.*

Тутъ я не могъ удержаться отъ смѣха, потому что, во первыхъ, тутъ не было ни одного поляка, а во вторыхъ, ни одного человѣка, кромѣ меня, который умѣлъ бы читать. Тутъ было написано—вы вѣдь не забыли, конечно, этихъ комедій, которыя тогда разыгрывались—тутъ было написано: «Крѣпостное право и барщина обязаны своимъ происхожденіемъ только насилію и неправдѣ, потому что въ прежнія времена всѣ люди были равны, и дворяне были точно такими же поселянами какъ и мы, а потомъ присвоили себѣ господство надъ нами и наконецъ продали всю страну москвитянамъ, Пруссіи и императору, чиновники котораго, вмѣстѣ съ дворянами, такъ обираютъ крестьянина, что онъ едва можетъ утолять свой голодъ и прикрыться жалкимъ кускомъ холстины. Императоръ не имѣетъ никакого понятія о польскомъ крестьянинѣ, онъ продаетъ ему по дорогой цѣнѣ соль и табакъ, для того чтобъ ему было на что повеселиться въ Вѣнѣ. Помощь можетъ придти отъ одного только Бога; для этого надобно, чтобъ всѣ вы во всей странѣ возстали и схватились за оружіе. Дворяне сознаютъ свою неправду и желаютъ соединиться съ поселянами противъ императора и выгнать изъ нашего отечества нѣмецкихъ чиновниковъ».

Въ этой грамотѣ было довольно много правды—и эта правда намъ понравилась, «но», говорили мы между собою, «это не такъ; чистая комедія! кто же и совершаетъ надъ нами насиліе, какъ не *дворяне*,—и если мы у кого находимъ себѣ защиту отъ нихъ, то у *нѣмецкихъ чиновниковъ* и нашего императора,» и о полякахъ никто и слышать не хотѣлъ.

— Если вы послѣдуете за дворянами, сказалъ я,—они станутъ тогда пахать вами, крестьянами, какъ пашутъ теперь вашими волами. Но на всякой случай, мы все-таки соберемся сегодня ночью въ шинкѣ.

Вотъ наступила и ночь.

Я уже говорилъ, что зима была жестокая, а въ эту ночь выпало особенно много снѣгу, все было занесено, не видать было ни одной улицы, ни одной дорожки; въ эту бѣлую, свѣтлую ночь одни только лѣса стояли словно черныя стѣны.

Мы собрались въ шинкѣ, и каждый принесъ съ собою свой цѣпъ или косу. Было около полуночи, я взялъ нѣсколько крестьянъ и образовалъ дозоръ. Что тутъ было воплю и плачу со стороны крестьянъ! всѣ боялись, какъ бы это не кончилось худымъ. Но я ободрилъ ихъ. «Если мы будемъ мужественны и дадимъ надлежащій отпоръ,» сказалъ я имъ, «то тамъ нечего бояться этихъ бунтовщиковъ.» Тутъ пріѣхало нѣсколько саней съ дворянами, арендаторами и другою сволочью, которые ѣхали на барскій дворъ. Завидѣвъ насъ, они остановились, и одинъ изъ нихъ всталъ и закричалъ, что мы должны примкнуть къ нимъ, что революція началась, дворяне дарятъ крестьянамъ свободу, освобождаютъ ихъ отъ барщины, и намъ слѣдуетъ напасть на императорскую кассу и жидовъ.

— Здѣсь нѣтъ измѣнниковъ! вскричалъ я. — Мы здѣсь стоимъ за Бога и императора.

Я еще не кончилъ, какъ поляки выстрѣлили въ насъ; двѣ дробинки попали мнѣ въ животъ, а одному крестьянину пуля угодила въ ногу. Я закричалъ крестьянамъ: «Впередъ!» Мы окружили поляковъ со всѣхъ сторонъ, вырвали ихъ изъ саней и взяли ихъ всѣхъ въ плѣнъ; одному, который оборонялся, я нанесъ ударъ въ голову, больше никто не былъ раненъ. Тутъ стали стрѣлять у шинка, я кинулся туда со всевозможною поспѣшностію, но когда я туда пришелъ, то и тамъ все уже было кончено. Дворянинъ Бобровскій лежалъ въ крови на снѣгу, а нашъ помѣщикъ стоялъ въ серединѣ крестьянъ, которые нападали на него со всѣхъ сторонъ; они убили бы и его, еслибъ я не пришелъ, у него уже лила кровь изъ головы. Я спасъ его».

— Ты?

«Я, сударь. Мнѣ было жалко, признаюсь откровенно, что крестьяне не убили его; но коль скоро я былъ тутъ, я не могъ допустить этого. Поляки сказали бы, что это сдѣлано изъ мести за Катерину, и это бросило бы черную тѣнь на наше дѣло.

Мы связали его по рукамъ и по ногамъ, точно такъ же какъ и другихъ, бросили ихъ въ ихъ собственныя сани и отвезли всю эту дворянскую сволочь въ уѣздный судъ, въ Коломею, гдѣ я и сдалъ двадцать дворянъ, ихъ деньги, ихъ часы и кольца, все что при нихъ было. О! вотъ-то было славное дѣло, сударь! Война бѣдныхъ людей противъ ихъ утѣснителей, и какой при этомъ вездѣ порядокъ: на всѣхъ перекресткахъ наша стража, крестьяне въ разорванныхъ холстинныхъ кафтанахъ являлись въ окружной судъ, вынимали изъ-за пазухи тысячи и передавали ихъ туда всѣ, до послѣдней копѣйки. Мы обезоруживали господъ, не смотря на сыпавшіеся на насъ выстрѣлы,—и каждый изъ насъ отдалъ бы всю свою кровь, каждый думалъ тогда, что теперь прекратится всякое различіе: одинъ человѣкъ будетъ также свободенъ, какъ и другой, всѣ будутъ равны, всѣ! Какъ тутъ на западѣ начались убійства со стороны польскихъ крестьянъ, къ намъ прислали множество войска. Все вышло иначе, чѣмъ мы ожидали. Но все-таки два года спустя крѣпостное право было уничтожено, а также и барщина,—и крестьянинъ теперь человѣкъ свободный».

— Что случилось съ вашимъ помѣщикомъ? спросилъ я.

— Его сковали и отослали въ крѣпость, вскричалъ Коланко,—а его жонушка утѣшалась съ однимъ сосѣдомъ, пока его не выпустили на свободу въ сорокъ восьмомъ году *), вмѣстѣ съ другими польскими бунтовщиками.

---

*) Всеобщая амнистія послѣ вѣнской мартовской революціи.

«Въ это время я вторично поступилъ на службу, сказалъ Балабанъ,—и отправился въ полкъ. Тутъ открылась венгерская кампанія. Мы спустились зимою съ Карпатскихъ горъ, выиграли нѣсколько сраженій, а потомъ должны были возвратиться назадъ. Зима стояла жестокая; сколько тутъ замерзло на дорогѣ людей! лягутъ отдохнуть, да такъ улыбаясь и заснутъ. За тѣмъ мы опять принялись за мадьяръ и гоняли ихъ до тѣхъ поръ, пока Кошутъ не убѣжалъ изъ Венгріи, какъ бѣлка изъ лѣсу.

Это было замѣчательное время, сударь! Люди валились одинъ за другимъ, кто отъ пули, кто отъ сабли; иной тонулъ, или умиралъ на дорогѣ, вынувъ изъ-за пазухи мѣшечекъ съ родной землей и поцѣловавъ его. Всякому хотѣлось жить, только мнѣ нѣтъ, и я остался цѣлъ и невредимъ. Тутъ я сталъ во всемъ сомнѣваться. Гдѣ же тутъ была справедливость? *Потомъ я возвратился назадъ отставнымъ солдатомъ*, когда моего отца уже не было на свѣтѣ.

— Не для нея?

«Это какимъ образомъ? возразилъ Балабанъ, пожавъ плечами.—Я отставной солдатъ, а она барыня! Итакъ я возвратился назадъ. Мой отецъ померъ. Мать также. Я остался одинъ. Земля была не занята, но все продано, начиная съ хижины и кончая двумя фруктовыми деревьями. Какъ вы это находите?—Ахъ, что тутъ было дѣлать!

У меня всегда было пристрастіе къ животнымъ, я любилъ разводить ихъ, вотъ я и сталъ ходить за пчелами, изучилъ ихъ свойства и устроилъ себѣ хорошенькій пчельникъ; вы вѣдь знаете его. Потомъ выростилъ себѣ двухъ большихъ собакъ, настоящихъ волковъ, да отецъ-то у нихъ и въ самомъ дѣлѣ былъ волкъ—и что это за собаки! шерсть сѣрая, а глаза такъ и сыплютъ ночью искры, ну да вѣдь вы знаете ихъ,—и взялъ на себя должность полеваго сторожа. И кота тоже завелъ!.. тутъ старый служака улыбнулся, какъ это бываетъ со всякимъ галицкимъ крестьяниномъ, когда онъ заговоритъ о кошкахъ,—я вытащилъ его изъ воды, ну да вѣдь вы знаете моего Мацъека».

— На собакъ-то вамъ слѣдовало бы взглянуть, сударь, замѣтилъ съ тихимъ, завистливымъ удивленіемъ картонный человѣкъ.

— Онъ заслуживаетъ ихъ, старый служака! вскричалъ Коланко.—Такого полеваго сторожа никогда еще у насъ не было. Община можетъ благодарить за это Бога.

— Пожалуйста, заговорилъ старый служака, — не безпокойте барина подобными вещами.

— Нѣтъ, мнѣ пріятно слушать все, что́ до тебя касается, вскричалъ я.

— Слишкомъ много чести.

— Да, вотъ онъ такъ-ужь исполняетъ свои обязанности! сказалъ картонный человѣкъ съ важностію и указалъ на Балабана.—Я не хвалю никого, но это истина. Воры боятся его, у пьяницъ проходитъ хмѣль, когда они встрѣтятъ его ночью. А если онъ собираетъ подати, то никакая коммиссія въ двадцать человѣкъ не сдѣлаетъ этого такъ скоро, какъ онъ одинъ.

— Во время выборовъ въ ландстагъ, крестьяне слушаютъ его больше чѣмъ судью и коммисара, прибавилъ Монголъ.—Если вы желаете быть выбраны въ уѣздѣ, то скажите только старому служакѣ, сударь,—онъ можетъ сдѣлать изъ крестьянъ все что́ захочетъ

— Да сдѣлайте же одолженіе, сосѣди, заговорилъ умоляющимъ тономъ старый служака,—кто же изъ насъ не сознаетъ своего долга!

— Ну быть по твоему, оставимъ это, прохрипѣлъ Коланко.—А вотъ женщины-то... Ой-ой-ой! Но у него и тутъ своя мораль. Вотъ, напримѣръ, у насъ на селѣ есть дѣвушка съ рыжими волосами; хороша она какъ звѣзда на небѣ, въ графини бы ее, а она—она вѣтреница и ничего больше. Вотъ онъ и встрѣтилъ ее ночью, когда она кралась изъ деревни. «Опять бѣжишь къ кому-то? обратился къ ней Балабанъ: — и когда это ты перестанешь? Долго ли до бѣды, а тамъ онъ и броситъ тебя. Лучше возьми себѣ мужа». Она засмѣялась. «Перваго встрѣчнаго, говоритъ, — я не возьму, какъ бы онъ тамъ ни былъ хорошъ, но если *ты* захочешь меня въ жоны, то можешь взять сію же минуту.

— А онъ?

— Онъ покачалъ головою и опять за проповѣдь.

— Онъ не хочетъ жениться, сказалъ Мракъ, которому должность караульщика не помѣшала выслушать весь этотъ разсказъ.

— А-а!—*онъ любитъ еще другую!* вскричалъ совершенно неожиданно еврей, который принялъ бодрый видъ и подошелъ къ нашему кружку. Его глупо-хитрое лицо исказилось отвратительнымъ смѣхомъ.

— Другъ мой, сказалъ старый служака, не измѣняя своего положенія, — голова у тебя все равно что паровая баня, съ языка у тебя каплетъ,—а что́ каплетъ, онъ и самъ не знаетъ.

Мы всѣ отъ души засмѣялись. Мой еврей взглянулъ на меня съ чувствомъ особеннаго оскорбленія, потянулъ внизъ рукавъ своего сюртука, почистилъ себѣ колѣно ладонью, какъ-то порывисто подошелъ къ лошадямъ и сталъ дергать ихъ туда и сюда, такъ что онѣ жалобно взглянули на него.

— Такъ ли это? спросилъ Коланко стараго служаку съ серіознымъ видомъ, прикоснувшись къ нему.

— Правда ли это, что ты не можешь забыть ее? замѣтилъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ картонный человѣкъ.

Старый служака молчалъ.

Онъ обратилъ къ намъ свое кроткое, честное, печальное лицо. Его глаза опять приняли то скорбное выраженіе, на которое больно глядѣть. Мною овладѣло какое-то странное чувство; глубокая тишина природы переселилась и въ мою душу, изъ глубины которой встало одно скорбное воспоминаніе, словно поднимавшійся отъ нашего огня дымъ. Чудно-прекрасная блѣдная головка, съ раскидавшимися вокругъ нея темными локонами, съ полу-закрытыми, нѣжно-робкими глазами, поднялась изъ пепла.

— Какая глупость! Какая глупость! вскричалъ Монголъ, и все изчезло, а оставшуюся тѣнь поглотилъ ярко-вспыхнувшій огонь.

— Наплевать тебѣ слѣдуетъ на разряженную Цавальскую барыню! вскричалъ картонный человѣкъ.

— Такой человѣкъ—и любитъ такую каналью, вмѣшался опять Коланко.

— Потише, вы ужь слишкомъ горячитесь, холодно отвѣчалъ старый служака, онъ видимо поблѣднѣлъ и мрачно сдвинулъ брови.—Это естественно. Бѣдная дѣвушка должна была мучиться, а тутъ она могла сдѣлаться барыней. Это былъ красивый, статный мужчина — нашъ помѣщикъ. Что? скажете, нѣтъ? Я былъ хорошъ, пока тутъ не было лучшаго. Да сталъ ли бы

я самъ, напримѣръ, служить маленькому князьку, если я могу служить императору? А это точь въ точь тоже. Тутъ сердце ни причемъ. Между мужчиною и женщиною сердце всего меньше значитъ. Разберемъ-ка это какъ слѣдуетъ. *Сердцемъ*, что ли, ты любишь, другъ, когда ты хочешь обладать женщиною? Что изъ двухъ выберешь ты: чтобъ она была твоею женою, не любя тебя, или чтобъ ея сердце принадлежало тебѣ, а она сама другому? Я все это обдумалъ, у меня было достаточно времени для этого. Тутъ всегда рѣчь объ одномъ только существованіи.

(Окончаніе будетъ).

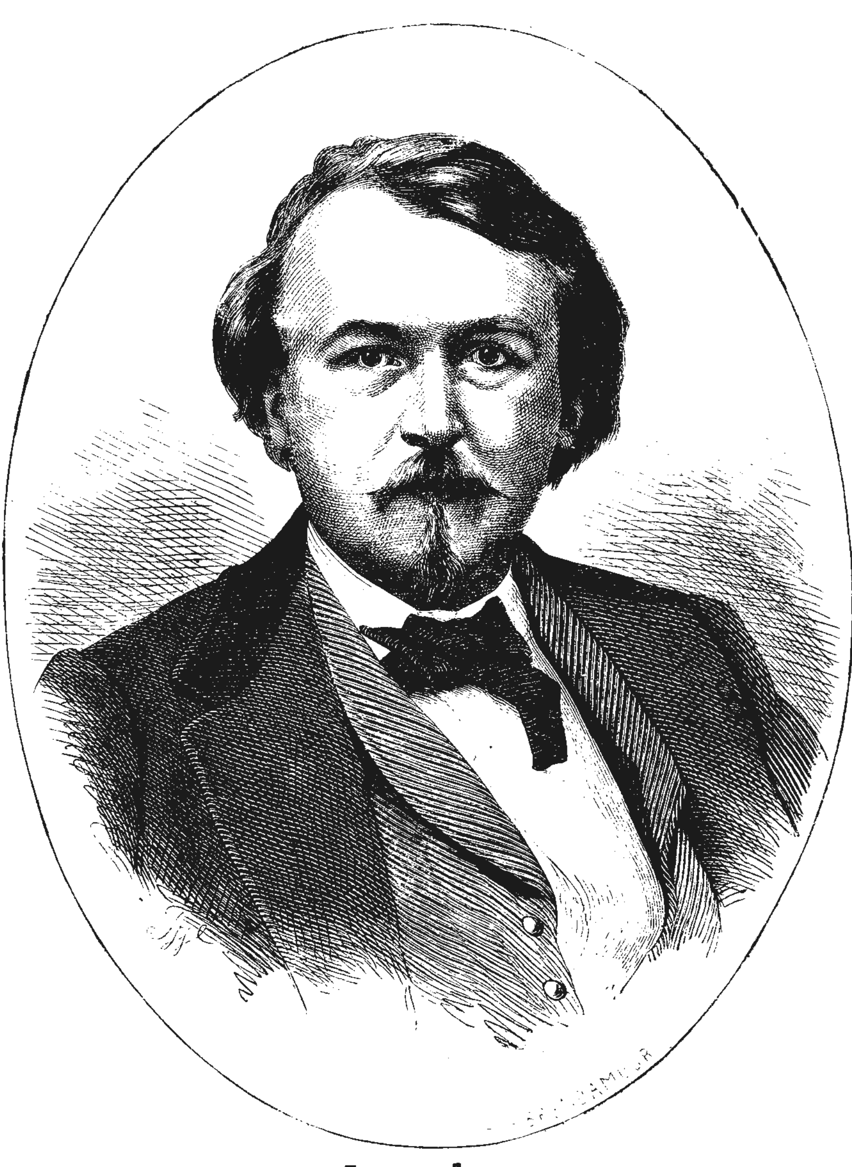
Густавъ Доре.

Лѣтъ за двадцать передъ этимъ, въ контору редакціи парижскаго юмористическаго листка «Charivari» явился молодой человѣкъ, болѣе чѣмъ скромно одѣтый, для передачи рекомендательнаго письма и предложенія рисунка своей работы.

— Любопытно знать, завтракалъ ли сегодня этотъ молодой человѣкъ? спросилъ бывшій при этомъ знакомецъ редактора, выходя вмѣстѣ съ нимъ изъ конторы.

— Къ сожалѣнію, такихъ непризнанныхъ геніевъ у насъ довольно много, отвѣчалъ Гуартъ, который, несмотря на то что самъ былъ литераторъ, вполнѣ усвоилъ себѣ пріемы издателей въ отношеніи неизвѣстныхъ художниковъ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался издателемъ.

Пять лѣтъ спустя тотъ же самый молодой человѣкъ объявилъ редакціи «Charivari», что онъ станетъ впредъ работать для этого изданія въ такомъ только случаѣ, если ему будутъ платить отъ десяти до двѣнадцати луидоровъ за рисунокъ. Геніальная плодовитость этого художника выказалась въ такой значительной степени и съ такимъ разнообразіемъ, что онъ сдѣлался, тѣмъ временемъ, самымъ популярнымъ художникомъ во Франціи по части политипажа.

Густавъ Доре.

Можетъ-быть, многоуважаемые читатели и читательницы, вы уже угадали, о комъ мы говоримъ. Кто не слыхалъ о *Густавѣ Доре*? кому не случалось удивляться тому или другому изъ его почти безчисленныхъ рисунковъ, которые получили, благодаря печати, такое обширное распространеніе и дѣйствуютъ такъ обаятельно главнымъ образомъ потому, что творецъ этихъ рисунковъ не только художникъ, но еще и поэтъ, одаренный самою богатою и оригинальною фантазіею.

Талантъ Густава Доре проявился еще во время его дѣтства; рисованье было его любимымъ занятіемъ, когда ему было всего четыре года. Сынъ бѣднаго инженера, не придававшаго никакой цѣны его необыкновенному таланту и смотрѣвшему на его занятія рисованьемъ какъ на безполезную трату времени, онъ въ 1846 г. пришелъ изъ Страсбурга (гдѣ онъ родился) въ Парижъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, а въ слѣдующемъ году появились уже его первые опыты въ искуствѣ иллюстраціи, въ рукописномъ журналѣ, издававшемся воспитанниками коллегіи Карла. Худое состояніе дѣлъ его семейства принудило его отказаться отъ желанія поступить въ политехническую школу, а когда бури 1848 года окончательно разстроили эти дѣла, онъ очутился безъ всякой подпоры на этой «pavé de Paris», про которую говорятъ такъ много худаго, но которая тѣмъ не менѣе произвела столько великихъ людей.

Единственнымъ источникомъ пріобрѣтенія сдѣлался для Доре карандашъ. Но пользуясь имъ въ этомъ отношеніи, главнымъ образомъ для того, чтобъ снабжать каррикатурами парижскіе юмористическіе листки, онъ въ тоже самое время трудился и надъ изученіемъ своего искусства. Только тотъ жестоко ошибется, кто подумаетъ, что онъ прошелъ правильный курсъ подъ

руководствомъ того или другаго учителя: въ высшей степени своеобразная и независимая натура Доре не допустила его до этого. Онъ учился исключительно посредствомъ самостоятельныхъ наблюденій, поэтому-то его способъ изображать природу и людей принадлежитъ вполнѣ одному ему.

Описать талантъ Доре—задача трудная. Будучи въ такомъ возрастѣ, когда большая часть людей только еще начинаетъ свое жизненное поприще, онъ уже достигъ такой степени совершенства, что ему могъ бы позавидовать не одинъ художникъ. Его ландшафты смѣлы, фантастичны и между тѣмъ вѣрны дѣйствительности; его темные лѣса полны таинственной глубины, его ущелья возбуждаютъ страхъ; его облитыя мѣсячнымъ сіяніемъ пустыни съ ихъ непроходимыми терновыми кустарниками внушаютъ ужасъ, а картины величественныхъ зрѣлищъ природы—удивленіе. Но въ изображеніяхъ людей онъ высказываетъ, съ одной стороны, столько юмора, часто чрезвычайно ѣдкаго, что всякій разъ, какъ глядишь на нихъ, открываешь въ нихъ все новыя и новыя черты комизма; а съ другой стороны, въ нихъ столько граціи и прелести, и наконецъ стиль его отзывается такимъ достоинствомъ, что трудно повѣрить, чтобы все это было изображено тою же самою рукой, которая украсила своими рисунками «Journal pour rire».

Такимъ образомъ, не знаешь чему удивляться въ этомъ геніальномъ художникѣ: совершенству ли его твореній, или его необыкновенной плодовитости.

Первое изъ произведеній большаго размѣра, съ которымъ Доре явился передъ публикою—это его рисунки къ сочиненіямъ Рабеле, составляющіе такъ-сказать первую ступень къ той извѣстности, которою онъ пользуется въ настоящее время. Они появились еще въ 1853 г.—и количество всего того, что съ тѣхъ поръ произведено, нарисовано, вырѣзано на деревѣ и даже изображено масляными красками этимъ великимъ художникомъ, доходитъ до невѣроятной цифры. Онъ самъ не знаетъ итога всѣхъ своихъ произведеній. Въ 1864 г. одинъ энтузіастъ-англичанинъ, изучающій искусство, напечаталъ въ газетахъ, что онъ желалъ бы имѣть полный списокъ всѣхъ произведеній Доре. Само собою разумѣется, что это желаніе сейчасъ же было доведено до свѣденія художника; но и тогда уже онъ объявилъ, пожавъ плечами, что не въ состояніи исполнить его, такъ какъ онъ самъ знаетъ только то, что въ цѣломъ онъ начертилъ отъ 15—20,000 рисунковъ, но дальнѣйшихъ подробностей не можетъ дать. Плодовитость по истинѣ изумительная и придающая вѣроятіе всевозможнымъ миѳамъ о Рубенсѣ!

При всемъ этомъ, хотя Доре и пріобрѣлъ себѣ такое состояніе, какого не было ни у одного изъ нѣмецкихъ художниковъ, онъ тѣмъ не менѣе остался самымъ скромнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Вотъ блестящій примѣръ этой скромности.

За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, въ Парижѣ разнесся слухъ, что Доре—не смотря на баснословное количество его работъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ его рисунки къ Лафонтеновымъ баснямъ, къ баснословной исторіи барона Мюнхгаузена, къ эпическимъ стихотвореніямъ Тенисона, къ Шатобріановой «Аталѣ», къ Сервантесову «Донъ Кихоту», этому безсмертному образцу комическаго романа, и къ сказкамъ Перо,—сохраняетъ еще въ своемъ портфелѣ полное сочиненіе, заключающее въ себѣ около двухъ сотъ листковъ. Никто не хотѣлъ этому вѣрить,—ибо хотя и знали, что молодой человѣкъ почти не перестаетъ работать въ своей маленькой мастерской, тѣмъ не менѣе всѣмъ казалось матеріально невозможнымъ, чтобы, при такомъ количествѣ уже обнародованнаго имъ, его карандашъ могъ произвести еще другое—и еще въ такомъ размѣрѣ. Самъ онъ упорно отвергалъ существованіе такого произведенія. Тѣмъ не менѣе голоса утверждавшіе это не умолкали, и вотъ однажды утромъ, вѣроятно вслѣдствіе какой-нибудь нескромности, въ его мастерскую ворвался турецкій книгопродавецъ Маммъ съ восклицаніемъ:

— Вы сдѣлали рисунки къ библіи—эти рисунки мои, требуйте за нихъ что вамъ угодно!

Слѣдовавшая за тѣмъ сцена какъ будто бы взята изъ комедіи—опроверженія съ одной стороны и положительныя увѣренія съ другой; здѣсь твердый отказъ, тамъ настойчивыя убѣжденія.—Наконецъ Доре не только сознался но даже показалъ книгопродавцу свои рисунки, конечно только съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній не говорилъ уже ему объ изданіи ихъ въ свѣтъ.

— Вотъ видите ли, сказалъ онъ,—иллюстрированная—и къ тому же еще иллюстрированная *мною*—библія будетъ въ глазахъ большинства публики профанаціей. Всякій знаетъ, что я свѣтскій человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова; въ концѣ концовъ мнѣ простили бы изображеніе одного святаго,—но цѣлую библію?! Предубѣжденіе остановитъ это изданіе на первомъ же листѣ.

— Но ради Бога!—когда же вы все это успѣли нарисовать—больше, чѣмъ двѣсти листовъ?!... вскричалъ Маммъ.

— Въ свободное время—между 12 и 3 часами ночи. Никто не повѣритъ тому, что я всѣмъ своимъ вдохновеніемъ и творческою силою обязанъ библіи, которую я постоянно изучаю.—Какимъ гомерическимъ смѣхомъ встрѣтилъ бы Парижъ новость, что Густавъ Доре ждетъ не дождется того времени, когда онъ будетъ писать одни только изображенія святыхъ. Поставщикъ карикатуръ въ «Charivari» пишетъ мадоннъ!—Они говорятъ, что это не возможно! Я сдѣлалъ эти рисунки для *себя*, а не для публики; я десять лѣтъ ночь-за-ночь работалъ надъ ними, ходилъ для этого учиться въ Луврь! Взгляните на рисунки: это лучшее изъ всего, что когда-либо сдѣлано мною; но вы сами поймете, что издавать ихъ въ видѣ цѣлаго—было бы безуміемъ.

Но г. Маммъ уже не слушалъ того, что говорилъ ему Доре—болѣе часу былъ онъ погруженъ въ созерцаніе этого громаднаго творенія, а когда онъ поднялся, то подошелъ къ художнику и сказалъ ему слѣдующіе замѣчательныя слова, которыя характеризуютъ какъ обоихъ этихъ людей, такъ и тѣ отношенія которыя существуютъ во Франціи, при извѣстныхъ условіяхъ, между авторами и издателями.

— Не прижимайте меня, любезный Доре,—я въ вашей власти. Это произведеніе *должно* быть моимъ—это будетъ позоръ для меня, если я не издамъ его. Требуйте, что вамъ угодно; я разорюсь, если вы мнѣ не уступите,—но болѣе 400,000 франковъ за эти рисунки, если они будутъ вырѣзаны на деревѣ, нельзя дать.

Несмотря на сопротивленіе Доре, длившееся цѣлые мѣсяцы, дѣло это все таки состоялось; онъ поставилъ только условіемъ, чтобы политипажи дѣлались подъ его

руководствомъ. Но какъ онъ и предсказывалъ, разосланныя объ изданіи «этого произведенія» объявленія были встрѣчены насмѣшливыми замѣчаніями (какъ со стороны публики, такъ и со стороны критики) которыя не замедлили смѣниться величайшими похвалами. Первое изданіе, отпечатанное въ числѣ 3000 экземпляровъ, было раскуплено прежде, чѣмъ оно появилось въ розничной продажѣ. А между тѣмъ эта библія стоитъ во Франціи 200 франковъ.

Если въ числѣ 230 листовъ и не всѣ могутъ считаться лучшимъ изъ всего, что когда либо создано Доре, то все таки блестящія стороны его таланта, въ особенности же его огненная, подвижная фантазія и его художественный способъ изображенія проглядываетъ и въ нихъ. Читатели «Нивы» вѣроятно не забыли двухъ превосходныхъ гравюръ изъ этой библіи, помѣщенныхъ нами въ прошломъ 1870 году (см. №№ 31 и 52).

Но мы не пишемъ критики, а хотѣли сообщить только нѣкоторыя черты изъ жизни и для характеристики этого Тинторетто нашего времени, который, кромѣ своего искусства, играетъ еще на скрипкѣ и обладаетъ восхитительнымъ тенуромъ. Желаемъ ему вѣчной юности. Вотъ у него-то она дѣйствительно «jeunesse dorée»!

Нѣсколько словъ о древности обычая
дарить въ святую Пасху другъ друга красными яйцами.

(См. рисунокъ на стр. 197).

Во всѣхъ концахъ вселенной, гдѣ православная церковь и ея дѣти чтутъ религіозные обряды въ память пребыванія на землѣ Сына Божія,—тамъ принято обыкновенно съ перваго дня праздника святыя Пасхи до дня Вознесенія Христова привѣтствовать другъ друга обоюднымъ цѣлованіемъ, а равно и взаимнымъ подареніемъ яйца окрашеннаго красной краской.

Но многіе изъ православныхъ—по древности этого обычая—не знаютъ значенія этого обряда, зачѣмъ въ такой свѣтлый и великій праздникъ и именно яйцомъ и яйцомъ краснымъ привѣтствуемъ друзей; почему—согласно торжеству великаго праздника—мы не даримъ другими какими бы то ни было болѣе цѣнными вещами, а даримъ столь дешевымъ и доступнымъ для всякаго православнаго подаркомъ—тогда какъ въ другіе какіе либо случаи (какъ-то: въ новоселье или именины) мы даримъ болѣе цѣнными вещами. Потому считаю не лишнимъ познакомить нѣкоторыхъ изъ читателей съ столь древнимъ обычаемъ, заимствуя описаніе его изъ восточныхъ рукописей и имѣющейся книги подъ названіемъ «Свидѣтельство Іоанна Дамаскина о велицемъ дни», въ которой изъясняется таинственное значеніе краснаго яйца.

Издревле греческая церковь сохраняетъ слѣдующее преданіе: Святая равноапостольная Марія Магдалина, по вознесеніи Іисуса Христа на небо, явилась въ Римъ для евангельской проповѣди, и имѣя въ рукѣ красное яйцо предстала предъ императора Тиверія съ привѣтствующими словами: «Христосъ Воскресе!»—и съ этихъ словъ она начала проповѣдывать о Христѣ, и первая извѣстила Тиверія о страданіи Спасителя нашего Іисуса Христа. По этому случаю христіане и по настоящее время подражаютъ святой Маріи Магдалинѣ съ наступленіемъ праздника Воскресенія Христова приносить въ даръ другъ другу красныя яйца.

И это обыкновеніе греческая церковь присоединила къ священнымъ обрядамъ, употребляя въ праздники Пасхи даже и въ самыхъ храмахъ красныя яйца.

Чтобы вполнѣ удостовѣриться въ дѣйствительности этого преданія, нужно разсмотрѣть слѣдующіе вопросы: 1) Дѣйствительно ли была святая Марія Магдалина въ Римѣ? 2) Если и была, то приносила-ли красное яйцо Тиверію? 3) Ежели приносила, то почему яйцо и почему красное? и что хотѣла имъ показать равноапостольная жена?

Разрѣшеніе поставленныхъ вопросовъ утверждаетъ истинность преданія.

Кедринъ и Константинъ Манасій ясно говорятъ, что св. Марія Магдалина была въ Римѣ у Тиверія и обвиняла Пилата въ несправедливомъ осужденіи на смерть Іисуса Христа—и по этому обвиненію Пилатъ былъ вызванъ изъ Іудеи императоромъ Тиверіемъ. Этотъ вызовъ Пилата подтверждаетъ Евсевій и другіе древніе церковные писатели. Іосифъ Флавій говоритъ (кн. 18 гл. 5), что Тиверій вызвалъ Пилата въ Римъ не по однимъ словамъ равноапостольной Маріи Магдалины, но и по донесенію самого Пилата о смерти Іисуса Христа, изъ котораго увидѣлъ несправедливый его судъ надъ Іисусомъ Христомъ.

Іустинъ мученикъ, во второй своей апологіи посланной къ римскому сенату, подтверждаетъ истину донесенія Пилата о страданіи и крестной смерти Іисуса Христа.

Чрезъ полъ-вѣка послѣ Іустина, Тертуліанъ въ своей аппологіи объяснилъ римскому намѣстнику, что императоръ Тиверій, узнавъ изъ донесенія Сирійской Палестины о появленіи въ той странѣ Божественнаго Мужа, началъ оказывать Ему уваженіе и хотѣлъ причислить Его въ число чтимыхъ имъ боговъ, но римскій сенатъ не допустилъ до этого.

Хотя Тиверій, принимая участіе въ Божественномъ Мужѣ, почелъ Его за великаго и хотѣлъ причислить въ сонмъ языческихъ боговъ, но промыслу Божію не угодно было чтобы служеніе истинному Богу смѣшалось съ служеніемъ языческихъ боговъ, и чтобы истина распятаго Страстотерпца открылась человѣческою силою, а не силою Вышняго.

Въ Греческомъ сокращенномъ описаніи о св. Маріи Магдалинѣ сказано: что она проповѣдывала Евангеліе во многихъ мѣстахъ (церков. посл. 22 іюля) наравнѣ съ апостолами и была почтена церковью съ начала своего проповѣдованія, и (какъ утверждаютъ историки) что св. Марія была въ Римѣ.

Св. жена была неразлучною спутницею учителя своего Іисуса Христа не только до гроба, но и первая увидѣла Воскресшаго, первая пала къ стопамъ Его, первая увѣдомила прискорбныхъ апостоловъ о Воскресеніи Его, и первая предстала предъ римскимъ императоромъ съ извѣстіемъ о воскресеніи даже у самаго римскаго престола.

Что святая равноапостольная Марія Магдалина поднесла императору Тиверію красное яйцо—ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть вымысломъ. Въ древнія

времена яйцо приносили богамъ и людямъ, какъ самый простой и малый даръ, — этотъ обычай сохранился и по рождествѣ Христовомъ. Это приношеніе было на Новый годъ, въ день рожденія друзей и благодѣтелей, и нынѣ въ Азіи небогатые люди приносятъ въ даръ вельможамъ и богатымъ яйцо, въ знакъ почтенія и уваженія. А потому вовсе не удивительно, что бѣдная жена, неимѣвшая ни злата ни серебра ни мѣди при поясѣ своемъ, явясь въ знаменитый и гордый Римъ проповѣдывать имя Распятаго, предстала предъ лицо императора съ яйцомъ, но яйцомъ краснымъ, а не бѣлымъ какъ было тогда принято.—Для чего же она окрасила яйцо? окрасила противъ общаго обыкновенія—и этимъ показала большее почтеніе бѣднаго человѣка къ своему повелителю. Краснымъ и кровавымъ цвѣтомъ св. Марія Магдалина хотѣла обратить вниманіе императора на то, что она желаетъ объяснить ему дѣло не маловажное, ужасное, вопіющее, кровавое и самое несправедливое смертное осужденіе.

Св. Марія Магдалина была нетолько раба императора, но раба Божія и посланница благовѣстія,—она сдѣлала императору простое обыкновенное приношеніе для того, чтобы имѣть случай начать свою проповѣдь Евангелія; почтивъ его малымъ даромъ яйца, краснымъ цвѣтомъ она хотѣла показать, что воскресшій Іисусъ Христосъ Есть агнецъ закланный, красный добротою, красенъ во утвари, червлены ризы его и одежды его яко истоптанная точила, что Онъ Одинъ, будучи исполненъ истоптанія, убѣлилъ яко снѣгъ и яко волну грѣхомъ обагренное, червленное естество человѣческое, и очистилъ насъ кровію своею отъ всякаго грѣха. И этотъ простой обычай для христіанъ имѣетъ важное и высшее значеніе.

Причина, по которой св. Марія Магдалина окрасила яйцо въ красный цвѣтъ а не другой какой-либо, легко могла быть слѣдующая: по древнему преданію, лобное мѣсто, на которомъ водруженъ былъ крестъ для распятія Богочеловѣка, названо потому, что на томъ самомъ мѣстѣ была погребена голова прародителя нашего Адама, что подтверждается богомудрыми отцами,—и какъ это преданіе перешло въ христіанскую церковь отъ іудеевъ, то св. Марія Магдалина безъ сомнѣнія знала Его, и этимъ быть можетъ хотѣла изобразить главу прародителя рода человѣческаго, а краснымъ цвѣтомъ яйца текущую съ животворящаго креста кровь Спасителя и въ ней спасеніе и новую жизнь Адама и всѣхъ потомковъ его; ибо какъ всѣ во Адама умираютъ, такъ во Христа оживутъ.

Г. Хирьяновъ въ своемъ сочиненіи о значеніи краснаго яйца говоритъ, что въ богатой и обширной библіотекѣ монастыря св. Анастасія, близь Ѳессалоники, есть рукопись, писанная на пергаментѣ, какъ думаютъ, въ X вѣкѣ и заключающая въ себѣ церковный уставъ; въ концѣ устава послѣ пасхальныхъ молитвъ сказано слѣдующее: «читается также молитва на благословеніе яицъ и сыра—и игуменъ, цѣлуя братію, раздаетъ имъ яйца, говоря «Христосъ Воскресе!»

Въ каѳедральной константинопольской церкви и по настоящее время это преданіе чтится—и вселенскій патріархъ въ день пасхи раздаетъ христіанамъ красныя яйца.

Въ рукописи, писанной не позже XIII вѣка, именуемой «Номоканонъ Фотія» подвергаются наказанію тѣ изъ монаховъ, которые въ день Пасхи воздерживаются отъ сыра и не вкушаютъ краснаго яйца, ибо, какъ говоритъ Номоканонъ, тотъ противится апостольскимъ преданіямъ.

Въ Греціи, Азіи, Египтѣ, Ливіи и вездѣ гдѣ только

исповѣдуется православная вѣра, въ день Пасхи и красятъ и освѣщаютъ и раздаютъ красныя яйца. «Возста!» сказалъ ангелъ апостоламъ о божественномъ учителѣ ихъ; «Воистину возста Господь», подтвердили апостолы. Такъ и мы нынѣ, обнимая и цѣлуя другъ друга съ краснымъ яйцомъ въ рукѣ, говоримъ: «Христосъ Воскресе! и слышимъ подтвержденіе «Воистину Воскресе!»..

Вотъ источникъ, откуда произошло обыкновеніе привѣтствовать въ день св. Пасхи другъ друга красными яицами.

Прилагаемый рисунокъ (см. стр. 197) изображаетъ крестьянскую дѣвочку съ меньшимъ братишкой, разговѣвшихся краснымъ яйцомъ. На полу виденъ лубокъ для катанья яицъ — повсемѣстно-распространенная въ Россіи народная забава.

П. Голубцовъ.

Кіевскій новый дворецъ.

Вообще у насъ не много строится сравнительно съ населеніемъ, а хорошо строится еще того менѣе; поэтому всякая новая постройка, сколько нибудь значительная, должна составлять важное событіе въ нашемъ общественно-жизненномъ обиходѣ. Оставаясь вѣрными такому взгляду на значеніе хорошихъ построекъ въ наше время, мы помѣщаемъ изображеніе новаго кіевскаго дворца и намѣрены о немъ поговорить съ читателями.

Скажемъ прежде всего, что строителю настоящаго дворца въ Кіевѣ выпала далеко неблагодарная роль возстановлять старое, или, точнѣе выражаясь, стѣсняться остатками бывшаго дворца и въ свой проэктъ ввести эти остатки *непремѣнно* въ дѣло; — а это гораздо труднѣе исполнить при композиціи серіозной, усложняя ея условія. Но и при такой, наиболѣе невыгодной, обстановкѣ К. Я. Маевскій исполнилъ свою задачу прекрасно, произведя зданіе—едва ли не самое красивѣйшее изъ всѣхъ новѣйшихъ сооруженій въ Кіевѣ.

Вы конечно въ правѣ спросить: откуда явились остатки, затруднявшіе новаго композитора? Вмѣсто отвѣта обратимся къ прошлому вѣку.

Къ концу третьяго года своего царствованія, императрица Елизавета Петровна, въ лучшую пору года, предприняла поѣздку въ Малороссію, послѣ Петра I-го непосѣщавшуюся коронованными главами Россійской имперіи. Путешествіе державной дщери перваго императора можно назвать скорѣе тріумфальнымъ шествіемъ по Украйнѣ и Малороссіи, гдѣ, на видныхъ пунктахъ, устроено было нѣсколько торжественныхъ встрѣчъ,—гдѣ девять полковъ бывшаго малороссійскаго войска, въ лицѣ своихъ представителей, другъ передъ другомъ отличались измышленіемъ потѣхъ для высокой путешественницы — чтобы она не изволила чѣмъ нибудь остаться недовольною. Погода постоянно свѣтлая давала возможность изобрѣтателямъ торжествъ выказать во всемъ блескѣ ихъ затѣи, такъ что Елизавета Петровна вынесла изъ своего проѣзда по Малороссіи самое лучшее о ней воспоминаніе. Среди этихъ свѣтлыхъ ощущеній явившись въ Кіевъ,—вообще большая любительница прекрасной природы,—императрица Елизавета Петровна пожелала часто здѣсь бывать, хотѣла даже пріѣзжать постоянно на лѣто и, въ этихъ видахъ,

Новый Императорскій дворецъ въ Кіевѣ.
Рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

приказала графу Растрелли построить дворецъ. Мѣсто, выбранное геніальнымъ зодчимъ — самое счастливое, передъ *Провальемъ*, отдѣляющимъ гору *печерскую* отъ *дворцовой*, почти у края возвышенности круто скатывающейся къ Днѣпру, на 50-ти саженной высотѣ надъ знаменитою рѣкою. Скоро составленъ былъ и посланъ на мѣсто планъ *для исполненія*, отправленъ садовникъ для разбивки пышнаго сада съ виноградникомъ, но прошло 15 лѣтъ, пока доведено зданіе до окончанія—а въ то время уже основательница его за недугами никуда не уѣзжала изъ сѣверной столицы и черезъ два года скончалась, не видѣвъ своего кіевскаго жилища.

Въ немъ жила съ 29-го января по 22-е апрѣля 1787 года Екатерина II, въ письмѣ къ Цимерману выразившая свои живыя впечатлѣнія совершенства кіевскаго дворцоваго сада очень лаконически—«подлинно Кіевъ имѣетъ романическіе виды». Дворецъ Елизаветы какъ-бы нарочно былъ построенъ для трехъ-мѣсячнаго пребыванія *сѣверной Минервы*. Въ 1819 г. онъ сгорѣлъ.

Съ 1855 года въ каменномъ нижнемъ этажѣ нѣкогда роскошнаго сооруженія—только и уцѣлѣвшемъ—помѣстились общественныя минеральныя воды, а въ великолѣпномъ саду устраивались народныя гулянья.

Это продолжалось до 1867 года, когда поѣздка Ихъ Величествъ въ Крымъ заставила обратить вниманіе на неимѣніе въ Кіевѣ какого бы ни было дворца. Поручено архитектору Маевскому проэктировать зданіе; съ 1868 г. приступлено къ работамъ, а въ ноябрѣ 1870 г. Государыня уже возвращаясь изъ Тавриды остановилась въ новомъ дворцѣ, исполненіе котораго, какъ мы замѣтили, составляетъ событіе въ нашей сравнительно-бѣдной исторіи строительной.

Отъ воспоминаній прошлаго, переходя къ фактамъ существующимъ, мы прежде опишемъ форму и внѣшность новаго сооруженія, а потомъ приведемъ его стоимость и распредѣленіе.

Форма въ планѣ всего ближе можетъ уподобить новое зданіе дворца буквѣ *К*, положенной бокомъ; ломанныя линіи частей ея, расходящихся отъ средины—будутъ флигеля, а прямая линія—самый корпусъ (57 сажень въ длину со стороны сада и 24 саж.—къ дворцовому плацу, при 10 саженяхъ глубины въ среднемъ выступѣ и до 7 сажень высоты). Флигеля выходящіе на дворъ и на улицу—въ одинъ этажъ. Главное зданіе—въ два этажа. Нижній раздѣланъ *рустикомъ*, верхній орнаментированъ, наличниками, завитками, висягами и пр. въ стилѣ французскаго рококо, съ фронтисписами на выступахъ и въ срединѣ. Полуколонны и балюстрады съ вазами (на кровлѣ) даютъ новому дворцу щеголеватый видъ и даже болѣе роскошный чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Напротивъ въ немъ все отдѣлано просто, но въ высшей степени изящно—и отдѣлка залъ и аппартаментовъ строго-архитектоническая, съ превосходнымъ *вестибюлемъ* верхняго этажа и такою пріемною залою, какой пожалуй не имѣетъ ни одинъ дворецъ внѣ столицъ. Зала эта—конечно обширнѣйшая изо всего зданія—въ 10 сажень ширины, при 6 саженяхъ глубины и 4-хъ высоты. Входы въ эту *народную пріемную* прямо съ лѣстницы,—съ первой площадки которой открывается великолѣпнѣйшая перспектива галлереи входовъ; поднятыя во всю высоту выступа пять широкихъ оконъ пропускаютъ ровный свѣтъ въ эту изящную залу, раздѣленную двумя рядами аркадъ (по три арки) на три собственно части; хотя дѣленіе это, отнимающее по одному окну съ каждой стороны, не уменьшаетъ ни сколько вмѣстимости комнаты но въ орнаментальномъ отношеніи, выгодно разбиваетъ монотонію четырехъ стѣнъ, открывая сквозь проемы арокъ заднія стороны залы, съ ихъ искусною орнаментаціею, гдѣ лѣпные висяги, въ формѣ гирляндъ изъ листьевъ, отъ угловъ арокъ къ замкамъ ихъ (въ видѣ бараньей головы), счастливо соглашаются а-ла-грекомъ на плоскихъ частяхъ въ одинъ изящный ансамбль. Лѣпной плафонъ съ живописью только усиливаетъ общій эффектъ, своей искусною удачно-расчитанною разбивкою частей. По сторонамъ *пріемной* залы расположены жилыя комнаты, направо половина Ихъ Императорскихъ Величествъ, а налѣво Государыни Великой Княжны и Государя Наслѣдника Цесаревича. Нижній этажъ для Великихъ Князей и ихъ свиты. Прислуга и канцелярія походная Его Величества помѣщены въ правомъ флигелѣ отъ главнаго въѣзда, въ лѣвомъ же—должности, кухня, помѣщеніе для смотрителя и дворцовой конторы.

Вся постройка по смѣтѣ передана антрепренеру по условію оптомъ за 254,289 р. За мебель оптомъ же отдано 66,000 р.; 33,000 р. ассигновано на бронзу; 30,000 р. дано впослѣдствіе на дополнительныя работы: сходъ въ садъ, желѣзную рѣшетку вокругъ дворца, на протяженіи 200 сажень,—и 6,000 р. отчислено на устройство сада вообще и разбивку его по крутому скату на берегъ, съ востока отъ дворца, подлѣ проѣзда мимо дворцоваго плаца къ Печерску (съ уничтоженіемъ въ котловинѣ бывшей деревушки). Такимъ образомъ 390,000 рублей составляетъ итогъ расходовъ на сооруженіе кіевскаго дворца вообще, что сравнительно съ количествомъ и качествомъ выполненнаго—очень недорого.

Умѣренность издержекъ, примѣненная къ превосходному во всѣхъ отношеніяхъ веденію дѣла, прибавляетъ новую заслугу строителя, на зданіи дворца проявившаго серіозный, прекрасный талантъ.

П—въ.

Политическое обозрѣніе.

Невозможно себѣ представить той страшной неурядицы, которая господствуетъ въ Парижѣ, гдѣ, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, окончательно восторжествовалъ центральный революціонный комитетъ національной гвардіи, состоящій (какъ уже извѣстно читателямъ) изъ рабочихъ и уличныхъ мятежниковъ, въ числѣ которыхъ выдается только одно имя Асси—и то потому только, что онъ былъ въ прошедшемъ году зачинщикомъ безпорядковъ въ Крёзо. Въ этомъ усиленіи инсургентовъ обвиняютъ правительство г. Тьера и нынѣшнее версальское національное собраніе, которыя въ началѣ не рѣшились принять энергическихъ мѣръ, а ограничивались обнародованіемъ внушительныхъ прокламацій и заводили переговоры съ мятежемъ, что (какъ извѣстно) не повело ни къ какимъ результатамъ. Въ извиненіе правительству Тьера можетъ служить только то обстоятельство,

что оно не рѣшалось ознаменовать свою власть кровопролитіемъ, да и не могло положиться на войско, которое, при первой попыткѣ правительства дѣйствовать силой противъ мятежниковъ на Монмартрѣ, подняло ружья прикладами вверхъ и стало съ ними брататься. Тогда правительство созвало оставшіяся вѣрными войска въ Версаль и предоставило охраненіе Парижа національной гвардіи, часть которой оставалась еще вѣрна порядку. Между тѣмъ мятежники заняли большую часть Парижа, а также форты Ванвръ, Исси, Монружъ и Венсеннъ не встрѣчая нигдѣ сопротивленія со стороны гарнизоновъ, которые отворяли имъ ворота, а сами уходили въ Версаль. 21-го и 22-го марта друзья порядка совершали мирныя манифестаціи, которыя окончились кровавою сценой. Толпа безоружныхъ гражданъ, во главѣ коей шелъ адмиралъ Сессэ, успѣвшій себѣ пріобрѣсти популярность во время защиты Парижа, проходила по улицамъ съ криками: «Да здравствуетъ республика, да здравствуетъ порядокъ!» На Вандомской площади инсургенты встрѣтили ее выстрѣлами—и тогда начались убійства и невообразимая суматоха; толпа въ страшномъ безпорядкѣ бросилась бѣжать, преслѣдуемая выстрѣлами инсургентовъ, при чемъ было нѣсколько человѣкъ убито и ранено. За этою кровавою сценой послѣдовало торжество комитета, который предписалъ общинные выборы на 26-е марта, обѣщая сложить съ себя власть и передать ее общинному совѣту. Наканунѣ этого дня, адмиралъ Сессэ, нѣсколько дней состоявшій главнокомандующимъ національной гвардіи, сложилъ съ себя эту должность,—и комитетъ назначилъ начальниками всѣхъ военныхъ силъ Парижа, Брюнеля, Дюваля и Эда (героевъ парижскихъ уличныхъ безпорядковъ), которымъ далъ титулъ «генераловъ» съ тѣмъ чтобъ они завѣдывали военными силами Парижа до прибытія Гарибальди, назначеннаго главнокомандующимъ національною гвардіей, единственнымъ войскомъ, которое по распоряженію комитета должно на будущее время существовать во Франціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ произнесенъ былъ смертный приговоръ надъ баталіонными командирами національной гвардіи, оставшимися вѣрными дѣлу порядка, и одинъ изъ нихъ дѣйствительно разстрѣлянъ; также разстрѣляно было на Монмартрѣ нѣсколько человѣкъ—подъ тѣмъ предлогомъ, что они переодѣтые полицейскіе агенты версальскаго правительства. Тогда же издано было приглашеніе къ жителямъ задерживать всѣхъ подозрительныхъ людей и представлять ихъ комитету; понятно, къ какимъ злоупотребленіямъ повело такое распоряженіе. Комитетъ и его агенты очевидно рѣшились дѣйствовать терроромъ, по примѣру дѣятелей первой французской революціи. Главная сила комитета заключается въ томъ, что онъ не распускаетъ національной гвардіи и выдаетъ ей жалованье по 6 франковъ въ день на человѣка,—а такъ какъ эта гвардія состоитъ изъ рабочихъ, то они находятъ гораздо удобнѣе не возвращаться къ своимъ обычнымъ занятіямъ и получить даромъ деньги. Комитетъ успѣлъ уже получить изъ французскаго банка два милліона, а затѣмъ вѣроятно прибѣгнетъ къ реквизиціямъ и грабежу.

О производствѣ муниципальныхъ и общинныхъ выборовъ въ Парижѣ шли переговоры между версальскимъ правительствомъ и центральнымъ комитетомъ при посредствѣ нѣкоторыхъ парижскихъ депутатовъ и мэровъ; но соглашеніе это не состоялось, тѣмъ не менѣе выборы были предписаны центральнымъ комитетомъ 26-го марта. Въ этотъ день Парижъ какъ будто принялъ обычный видъ, и толпы стекались къ избирательнымъ урнамъ; впрочемъ, какъ утверждаютъ, до 300,000 избирателей (ихъ всѣхъ 500,000) не принимали участія въ выборахъ, не смотря на объявленіе комитета въ его *Journal Officiel*, что всѣ воздерживающіеся отъ подачи голосовъ будутъ считаться измѣнниками. Большинство на выборахъ, при такомъ голосованіи, осталось конечно на сторонѣ центральнаго комитета, который объявилъ, что изъ 92 членовъ общиннаго совѣта избрано 72 его приверженцевъ. Имена ихъ большею частью неизвѣстны и тѣ самыя, которыя являлись подъ прокламаціями центральнаго комитета; между ними красуются также имена Виктора Гюго, Бланки, Феликса Піа, Флуранса, Верлюрена и Делеклюза, появлявшіяся постоянно во всѣхъ революціонныхъ манифестаціяхъ послѣдняго времени. Центральный комитетъ, торжественно объявлявшій о сложеніи съ себя власти по окончаніи выборовъ, повидимому не думаетъ выполнять своего обѣщанія; онъ только переформировался и назначилъ своимъ дѣйствительнымъ президентомъ Асси, а почетнымъ отсутствующаго Гарибальди. Разнымъ членамъ комитета розданы главныя должности, и между прочимъ Дювалю поручено производить домовые обыски у всѣхъ людей враждебныхъ общинѣ. Большая часть меровъ сложили съ себя должности и выѣхали изъ Парижа; такъ что, судя по извѣстіямъ отъ 30-го марта, торжество революціонной партіи въ Парижѣ было полное. Телеграфное извѣстіе отъ 31-го марта гласитъ объ избраніи президента новаго общиннаго совѣта, секретарей и различныхъ административныхъ лицъ; но до сихъ поръ изъ телеграммъ не видно, этотъ ли совѣтъ или упомянутый выше преобразованный центральный комитетъ стоятъ во главѣ парижскаго правленія. Другія телеграммы отъ того же числа извѣщаютъ, что сношенія между Парижемъ и Версалемъ прерваны и что версальскія войска вступили въ Нельи. Если это извѣстіе подтвердится, то оно послужитъ доказательствомъ, что версальское правительство рѣшилось наконецъ и нашло средство дѣйствовать энергическими мѣрами противъ безобразной революціи, охватившей Парижъ. Были уже нѣсколько дней тому назадъ извѣстія, что оно вызвало полки изъ Бретани и пригласило мобилей, и что безпорядки, обнаружившіеся въ Ліонѣ, Сентъ-Этьеннѣ и Марселѣ были подавлены и что города эти твердо рѣшились поддерживать законное правительство.

Объ отношеніи Германіи къ нынѣшнему положенію дѣлъ во Франціи—можно составить себѣ понятіе по заявленію князя Бисмарка въ засѣданіи германскаго рейхстага 1-го апрѣля. Имперскій канцлеръ объявилъ, что прежде всего необходимо выждать, какъ сложатся событія. Императоръ имѣлъ твердое намѣреніе воздержаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Франціи, но это возможно лишь до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ опасность для интересовъ Германіи и для результатовъ прелиминарій мира. Когда это случится и случится ли это когда-нибудь — въ настоящую минуту опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ, присовокупилъ князь Бисмаркъ, дѣло будетъ рѣшительно доведено до конца.

Въ томъ же засѣданіи рейхстага была принята первая статья новой имперской конституціи, и канцлеръ возвѣстилъ, что рейхстагу будутъ предложены слѣдующіе проекты законовъ: 1) о пенсіяхъ военнослужащимъ; 2) дополнительный бюджетъ на 1871 годъ; 3) законъ о соединеніи Эльзаса и Лотарингіи съ Германіей и 4)

законъ о выпускѣ государственныхъ бумагъ по предъявленію съ преміями.

Сильные безпорядки произошли на другомъ концѣ Европы, именно въ Румыніи. 22-го марта толпа черни напала на домъ германскаго консула во время празднованія дня рожденія императора Вильгельма, перебила тамъ и переломала все; въ схваткѣ было много раненыхъ, въ томъ числѣ и самъ консулъ. Слѣдствіемъ этого была перемѣна румынскаго министерства; составъ новаго кабинета слѣдующій: г. Ласкаръ Катарджи—президентъ совѣта министровъ; г. Костафору — министръ иностранныхъ дѣлъ; г. Николай Кречулеско — министръ юстиціи; г. Мавроени — министръ финансовъ. Новое министерство тотчасъ же распорядилось распущеніемъ палаты, что̀ и послѣдовало 28-го марта. По дѣлу о безпорядкахъ назначено строжайшее слѣдствіе.

Смѣсь.

Нена Саибъ. Изъ Остъ-Индіи сообщаютъ, что вѣроятно будетъ открыто мѣстопребываніе Нены Саиба. Извѣстно, что во время послѣдняго возстанія туземцевъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ побуждавшихъ ихъ къ истребленію европейцевъ. Случилось такъ, что братъ Нены Саиба явился въ Аллахабадъ, чтобы продать множество драгоцѣнныхъ камней, которые ранѣе видѣли въ рукахъ главы возмущенія. Теперь за братомъ этого послѣдняго слѣдятъ очень зорко, такъ что побѣгъ съ его стороны вещь совершенно невозможная. Говорятъ, что изъ Калькутты въ Аллахабадъ прибыли лучшіе тамошніе сыщики, которые по нѣкоторымъ даннымъ надѣются найти мѣстопребываніе настоящаго Нены Саиба и въ скоромъ времени предать его въ руки правосудія. Нена Саибъ, кромѣ дѣятельнѣйшаго участія въ возстаніи отличался и лично звѣрскою жестокостью.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 26 Марта 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. п. № 1—45.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.
Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Мор. и Нев. пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) у А. В. Гюнтера, Kleinseite 723—2.
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Панъ Пшепендовскій.

Всеволода Крестовскаго.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА III.
Какъ пани Пшепендовская добивалась „да безъ если“.

Пани Пшепендовская не любила даромъ терять времени и, хоть и полька, но всегда слѣдовала русской пословицѣ, которая учитъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Она еще въ тотъ же вечеръ тщательно вымыла губкою шею и плечи и заплела въ мелкія косички свои волосы, дабы на завтра они казались еще волнистѣе и держались бы облачно-легкими, пушистыми колечками и змѣйками вокругъ ея лба. Пани Фелиція очень хорошо знала, что boucles d'amour необыкновенно идутъ къ ея личику. Съ вечера же были и юбки крахмальныя приготовлены, и вообще весь нарядъ хорошо обдуманъ.

Панъ Пшепендовскій хотя и видѣлъ всѣ эти необычайныя приготовленія, но не понималъ, что оно значитъ и куда клонится,—ибо на завтрашній день ни въ гости они никуда не званы, ни праздника особеннаго кажись тоже нѣтъ никакого. Онъ посредствомъ осторожнаго вопроса у супруги рѣшился наконецъ удовлетворить своему законному любопытству. Но супруга въ отвѣтъ только глянула на него такимъ краснорѣчивымъ взглядомъ, который вполнѣ ясно говорилъ ему: молчи-де, дуракъ, коли не понимаешь! — и среди своихъ хлопотъ не удостоила его никакихъ дальнѣйшихъ объясненій. Панъ Пшепендовскій кротко покорился своей участи и не распрашивалъ больше.

На утро пани Фелиція причесалась какъ нельзя болѣе къ лицу и одѣлась весьма авантажно. Она послала нанять себѣ извощика и отправилась въ костелъ. Тамъ нарочно была заказана ею «мша», дабы Богъ и всѣ святые его услышали молитвы пани Пшепендовской и послали ей вожделѣнный успѣхъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Она тутъ же дала всѣмъ святымъ обѣщаніе, что если они помогутъ ей, то она, по успѣшномъ окончаніи дѣла, отслужитъ имъ еще одну мшу, но только уже большую парадную, потому что тогда будутъ лишнія деньги, которыя стало-быть можно съ съ удовольствіемъ истратить на богоугодное служенье.

Пани Пшепендовская молилась столь горячо, что выходя изъ костела почти уже и не сомнѣвалась въ полномъ, счастливомъ успѣхѣ.

Она приказала извощику ѣхать прямо къ его превосходительству. Теперь какъ разъ наступилъ у его превосходительства обычный часъ пріема просителей. Пани Фелиція съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца, но тѣмъ не менѣе весьма рѣшительно вступила въ генеральскую залу и скромно, съ видомъ просительницы, опустилась на стулъ.

Вчерашній чиновникъ тотчасъ же весьма развязно подлетѣлъ къ пани Пшепендовской и освѣдомился что ей угодно.

— Мнѣ до самого пана генерала, несловоохотливо цѣдя и растягивая слова отвѣчала просительница.

— *Господина* генерала, внушительно поправилъ ее чиновникъ.—Я могу доложить ему.

— А пожалуйста, будьте такой ласковый! пріятно вдругъ улыбнулась она ему:—скажите, что я имѣю интэресъ до господина генерала. Пускай они меня пріймутъ... Да скажите имъ, что моя фамилія: Пшепендовская... фамилія: Пшепендовська.

Чиновникъ дробною и ловкою походкой, напоминающей походку московскихъ половыхъ, полетѣлъ въ кабинетъ его превосходительства.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ съ легонькимъ оттѣночкомъ какого-то двусмысленнаго довольства въ лицѣ и обратился къ просительницѣ:

— Пожалуйте! Его превосходительство проситъ васъ къ себѣ въ кабинетъ... Э-э... нынѣ его превосходительство не принимаетъ—онъ очень занятъ, громко и офиціально возгласилъ онъ, обернувшись ко всѣмъ остальнымъ просителямъ: — потрудитесь пожаловать завтра, въ назначенные часы.

Просители со вздохомъ и съ вытянутыми физіогноміями поплелись вонъ изъ залы.

Явное предпочтеніе, оказанное передъ всѣми остальными, обѣщало пани Пшепендовской доброе начало.

Шумя своими юбками и стараясь придать походкѣ еще болѣе граціозной легкости, она съ нѣкоторымъ замираніемъ вступила въ кабинетъ его превосходительства.

— Чѣмъ могу служить, сударыня? съ умѣреннымъ полупоклономъ началъ генералъ, стараясь держать себя и говорить въ тонѣ строго офиціальномъ. Но взглядъ жирнаго кота, быть-можетъ и помимо воли его превосходительства, изъ-подъ пенсне скользилъ по всей фигурѣ граціозной пани Пшепендовской.

— Вашіе превосходзицельство, съ запинкой заговорила немножко смущенная просительница, сдѣлавъ ему глубокій реверансъ и низко потупя глаза въ землю: — звините за осмѣлость мою... имѣю большой интэресъ до вашего превосходзицельства...

— Въ чемъ дѣло-съ?... Готовъ слушать, сударыня!

— Я—несченсливая женщина... имѣю двохъ малюткевъ, вашіе превосходзицельство... и мужа имѣю... алежь онъ не имѣетъ никакого мѣста... Осчастливьте, вашіе превосходзицельство!...

Пани Пшепендовская для пущаго эфекту даже прослезилась немножко, и вынувъ батистовый платокъ, очень граціозно приложила его къ глазамъ. Опытная женщина знала, что легкія, умѣренныя слезы, при соблюденіи извѣстной граціи, очень идутъ къ ея личику.

— Вы просите о мѣстѣ мужу? освѣдомился генералъ.

— Такъ есть, вашіе превосходзицельство!

— Вашъ мужъ кто?

— Пшепендовскій, вашіе превосходзицельство.

— Что это такое Пшепендовскій?

— Пшепендовскій, вашіе превосходзицельство, это така фамилія есть.

— Гм!.. Пшепендовскій... фамилія... гм!.. Ну, да, я знаю, что фамилія; конечно, фамилія; не чинъ же это какой — Пшепендовскій! Но что онъ такое?

— Былъ капитанъ-справникомъ, вашіе превосходзицельство, алежь въ тимчасомъ всего лишоный!

— Гм!.. Почему-жь такъ? Вѣрно отрѣшенъ отъ службы?

— То такъ есть. Алежь онъ одрѣшоный не одъ себя, а по клеветамъ, вашіе превосходзицельство... То было одно кламство такое, а онъ увсегда былъ очень преданной... И ребенковъ такъ воспитаемъ, жебы они тоже преданные были, бо то все одно глупство, вашіе превосходзицельство, и мы того не хотимъ.

— Какое же вы мѣсто желаете?

— Какое заугодно будетъ вашему превосходзицельству, алежь пристойное мѣсто... бо намъ тоже и жить чѣмъ должно. Ежели бы какое при самомъ вашемъ превосходзицельствѣ, прибавила она вкрадчиво, подымая умильные, многообѣщающіе и масляно-просящіе глазки на генерала: — ежели бы такъ, то этое было бы намъ за лучше всего, бо и мужъ, и я — мы всегда до начальниковъ своихъ очень преданные.

— Преданность нужна не начальнику, докторально замѣтилъ генералъ: — преданность нужна дѣлу, сударыня, дѣлу-съ!

— Ну, то это жь самое и есть, вашіе превосходзицельство! Этое все на одно выходитъ!

— Далеко не одно, сударыня! Мнѣ нужны чиновники исполнительные, усердные къ дѣлу, толковые.

— Але жь мы будемъ и всердны, и сполнительны! живо подхватила пани Фелиція: —когда только прикажете, вашіе превосходзицельство, то такъ одъ разу и будетъ! Мой мужъ, завѣряю васъ, до службы очень скорый!.. Не одкажите несченстливой матери! будьте какъ отецъ ребенкамъ моимъ!

Батистовый платокъ опять весьма кстати и весьма граціозно появился передъ влажными глазками пани Пшепендовской.

— Гм!.. Вашъ мужъ католикъ? раздумчиво спросилъ генералъ.

— То есть... онъ не то что католикъ... а то тольке онъ есть рожденный въ томъ, бо и отецъ и матка его были католики, алежь онъ очень сполнительный и скорый до дѣла, вашіе превосходзицельство!

— Все это прекрасно, сударыня, но... вы знаете... обстоятельства доказали... Мы не имѣемъ гарантій довѣриться, послѣ того, что было... Я бы лично очень радъ, но... извините, не могу!

— Алежь какой вашіе превосходзицельство не добрый! кокетливо проговорила пани Пшепендовская.

— Душевно бы радъ, пожалъ плечами генералъ: — но... не могу! И даже мѣста никакого въ виду не нахожу. Честь имѣю кланяться, сударыня!

Пани Пшепендовская замедлилась на минутку въ колеблющемся раздумьи и вдругъ — бацъ передъ генераломъ на колѣни.

Тотъ такъ и отскочилъ отъ нея. Въ первыя мгновенья, пораженный такимъ неожиданнымъ пассажемъ, онъ даже разобрать ничего не могъ и только безсознательно слышалъ, какъ зашумѣли крахмальныя юбки просительницы.

Она, въ патетической позѣ, съ простертыми впередъ руками, на колѣняхъ ползла къ ошеломленному генералу.

— Вашіе превосходзицельство!.. вашіе превосходзицельство!.. Умру, а не встану!.. Не встану по тѣхъ поръ, поки не будете какъ отецъ намъ!

Генералъ вконецъ растерялся.

— Полноте... встаньте... встаньте, сударыня!.. Боже мой... какъ вамъ не стыдно!.. Что же я могу?.. Я васъ прошу! бормоталъ онъ, силясь поднять ее съ колѣнъ.

— Не встану! Не сойду, вашіе превосходзицельство!

страстнымъ и отчаяннымъ голосомъ говорила пани Фелиція, сопровождая слово свои соотвѣтственными, умоляющими жестами. — Какъ Бога прошу васъ!.. Не оттолкните! Сдѣлайте мнѣ этую просьбу — и подѣлайте со мной тогда что хотите! — Возьмите жизнь, возьмите сердце, возьмите душу мою!.. Я вся вашего превосходзицельства! — алежь мой добрый, мой драгій, мой велькодушный, мой справедливый пане генералу! Въ молитвахъ моихъ—первое имя ваше!.. Для ребенковъ моихъ! для малюткевъ!

И говоря эти слова, она схватила правою рукой генеральскую руку, а лѣвой обнимала его колѣна. Генералъ нашелся въ крайне затруднительномъ и непріятномъ положеніи. Въ обуявшемъ ее пафосѣ, пани Фелиція и сама не замѣчала, что рука ея, охватившая генеральскія колѣни, доставляетъ ему самое непріятное ощущеніе. Прикосновеніе ея пальцевъ щекотало ему поджилки, а генералъ боялся щекотки. Онъ морщился, ежился и подрыгивалъ легонько ногами, стараясь такъ и сякъ высвободиться изъ столь страннаго положенія; но увлеченная просительница ничего больше не замѣчала. Ни морщенье, ни подрыгиванье не могли принести никакой защиты—непріятель атаковалъ столь быстро и столь рѣшительно, что генералъ порѣшилъ наконецъ сдаться:

— Хорошо, хорошо! Только встаньте, пожалуйста! закричалъ онъ, и сдѣлавъ послѣднее отчаянное усиліе, отпрыгнулъ отъ нея въ сторону—и такимъ образомъ освободилъ свои щекотливыя поджилки.

Ему было и конфузно, и досадно—досадно до такой степени, что онъ хотѣлъ даже растопаться и раскричаться самымъ распекательнымъ образомъ на свою неотвязную просительницу, но глянулъ на нее—и...

Передъ нимъ, въ пяти шагахъ разстоянія, простерши къ нему красивыя руки, стояла на колѣняхъ, съ дрожащею слезкой въ краснорѣчиво-безмолвныхъ глазахъ такая прелесть, такая красивая женщина, что его превосходительство чуть было заикнулся, да тутъ же и осѣкся на первомъ звукѣ... Просто духу не хватило раскричаться и растопаться на такую хорошенькую просительницу.

«Всѣ мы люди, всѣ человѣки!» подумалъ про себя его превосходительство: — «а и шельмовство же эти польки!»

Но помысливши таковое, онъ еще болѣе сконфузился.

— Да встаньте же, Бога ради, сударыня!.. Ну, что же вы наконецъ со мною дѣлаете!.. Ну, въ какое положеніе вы меня ставите!.. Ну, мнѣ, наконецъ, совѣстно... Ну, умоляю васъ! разставя руки и пожимая плечами, бормоталъ генералъ въ тонѣ почти совсѣмъ жалобномъ.

Пани Пшепендовская стояла на колѣняхъ и глядѣла на него молящимъ взоромъ, и въ этомъ взорѣ, помимо его прямого выраженія, сквозило еще и другое—нѣчто страстное, манящее, многообѣщающее...

Генералъ махнулъ рукой и отвернулся, чтобы не видѣть.

«Отойди отъ соблазна и сотвори благо», подшепнуло ему чувство служебнаго долга и благонамѣренной цѣломудренности,—хотя его превосходительство на счетъ цѣломудрія, вообще говоря, былъ слабоватъ малую толику.

«А вѣдь хороша, чортъ возьми!.. И тово... во всѣхъ статьяхъ!» подшептывало ему въ то же самое время и какое-то другое чувство, которому генералъ не подобралъ подходящаго названія.

— Вашіе превосходзицельство! снова-было начала пани Пшепендовская.

— Ну, ну хорошо, хорошо! поспѣшилъ перебить ее генералъ: — все, что отъ меня будетъ зависѣть... все, что могу... Однимъ словомъ, мы тамъ посмотримъ... Навѣрное не обѣщаю, но если... если можно — мы посмотримъ.

— Вашіе превосходзицельство! мой драгій, мой сердечный, велькодушный! снова раздался молящій голосъ просительницы, и снова она сдѣлала быстрое, порывистое движеніе къ его колѣнямъ.

Его превосходительство, помня свои поджилки, поспѣшилъ дать стрекача отъ нея въ сторону, за свой письменный столъ, стоявшій посрединѣ комнаты, и остался такимъ образомъ настorожѣ, дабы этотъ столъ могъ ему служить во всякомъ случаѣ надежной преградой между прекрасною просительницей и его поджилками.

— Я ужь сказалъ... Я ужь сказалъ вѣдь вамъ! если возможно, я съ удовольствіемъ, убѣдительно говорилъ онъ за своимъ барьеромъ:—Ну, и будьте покойны, сударыня! Все, что могу, то сдѣлаю!

Пани Пшепендовская живо вскочила съ колѣней.

— Ваше слово? стремительно проговорила она, бросаясь къ генералу и ловя его руку.

— Я ужь сказалъ... вѣдь я сказалъ уже. Если возможно, то да! бормоталъ въ отвѣтъ его превосходительство, дѣлая ретираду вкругъ письменнаго стола.

— Генеральское слово вашего превосходзицельства? настойчиво и граціозно-кокетливо говорила просительница, все еще ловя его руку и наступая на непріятеля. И наконецъ пани поймала его за рукавъ.

Генералъ опять почувствовалъ серіозное опасеніе за поджилки.

— Ну, да, да! Слово!.. Если только могу...

— Безъ «*если*», вашіе превосходзицельство!.. И на чтожь этое «*если*»? Ай, какой же-жь вы право упрямый!.. Ну, скажите безъ «*если*»! Тожь гораздо простѣйше! Ну, и чего же вамъ стоитъ! Ну, когда же я васъ такъ прошу!.. Повѣрьте на словѣ, женщина всегда съумѣетъ быть вамъ на томъ очень, очень благодарной? говорила она съ большою выразительностью и съ большимъ, чисто польскимъ, обольстительно-лукавымъ кокетствомъ, а сама крѣпко-крѣпко жала его руку и нѣжно засматривала въ глаза, и все это такъ искусно продѣлывала менѣе чѣмъ въ полушагѣ разстоянія отъ пожилаго холостяка, что онъ даже чувствовалъ ея взволнованное дыханіе и легкій ароматъ пудры, слегка покрывавшей пушисто - взбитые волосы.

Его превосходительство не выдержалъ и, осклабясь, опять установилъ на нее масляный взглядъ жирнаго кота. Пани Пшепендовская очень тонко это чувствовала и соображала.

— Ну, пускай же вы скажете *да*! Ну, только безъ «*если*»! Ну, да? да? генеральское слово? граціозно, и кокетливо выпрашивала она съ какою-то особенной фамильярностью.

— Ну, да! Слово! порѣшилъ наконецъ его превосходительство.

(Продолженіе будетъ).

Общій видъ Нижняго-Новгорода.

Рисовалъ В. Шпакъ, на деревѣ рѣзалъ граверъ Е. И. Величества, академикъ Л. А. Сѣряковъ.

Старый служака.

(Окончаніе).

Я начиналъ понимать, куда онъ клонитъ и удивлялся этому человѣку. Онъ оживился, его глаза горѣли—и вотъ теперь-то онъ говорилъ дѣйствительно хорошо, съ тѣмъ краснорѣчіемъ, которое свойственно нашему простому народу.

— Вотъ видите ли, одно, чему я выучился въ солдатахъ, это—*презирать смерть*. Лучше было бы выучиться желать ее, любить ее. Любовь къ жизни — вотъ источникъ всѣхъ нашихъ несчастій, въ томъ числѣ и того несчастія, которое причиняетъ намъ женщина. Если я лгу, застрѣлите меня. Хорошо. А женщина живетъ любовью, т. е. любовью мужчины. Понимаете ли вы?

Коланко нѣсколько разъ кивнулъ. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, даже собака подняла свою прекрасную лисью голову по направленію къ старому служакѣ.

— Мнѣ кажется, онъ говоритъ правду, сказалъ я.— Все преклоняется предъ необходимостью: каждое живое существо чувствуетъ, какъ печально существованіе; а между тѣмъ каждое отчаянно борется за него, а человѣкъ борется съ природою и другими людьми, а мужчина съ женщиною—и ихъ любовь тоже ничто иное, какъ борьба за существованіе. Каждое изъ этихъ двухъ существъ хочетъ продолжать жить въ своемъ ребенкѣ, увидать опять свои черты, свои глаза, а въ глазахъ свою душу, сдѣлаться лучшимъ, болѣе совершеннымъ существомъ посредствомъ другаго, присвоивъ себѣ такимъ образомъ его преимущества.

— А женщина, кромѣ того, хочетъ еще, ради самой себя и своего ребенка, жить посредствомъ мужчины.—Я не знаю, хорошо ли я выразился.

— Какъ нельзя лучше! вскричалъ Коланко.

— Если позволите, баринъ, вмѣшался старый служака,—я скажу, что̀ я объ этомъ думаю, какъ я это понимаю.

— Мнѣ дайте говорить! вскричалъ старикъ и поднялъ съ угрожающимъ видомъ свою подушку. — Твоя рѣчь впереди. Пусть я сперва поговорю.

— Говори.

— Да, что̀ я хотѣлъ сказать?

— Теперь онъ не знаетъ, о чемъ хотѣлъ говорить.

— Итакъ... старикъ опять запнулся.

Мы засмѣялись.

— Смѣйтесь! Теперь вспомнилъ, проговорилъ онъ довольнымъ голосомъ.—Вотъ что. Женщинѣ нужно же жить, точно такъ же какъ и мужчинѣ. Но какъ жить? Она терпитъ многое, чего не приходится терпѣть мужчинѣ. И какъ ей работать, когда у ней родится ребенокъ, а потомъ, когда она должна воспитывать его? А это можетъ-быть повторяется всякій годъ. *Она не можетъ работать какъ мужчина*. Да и такъ-то нѣтъ. У ней отъ природы нѣтъ настойчивости, а къ этому еще ее не выучиваютъ ничему дѣльному, никакому ремеслу, такимъ образомъ естественно она ищетъ жить посредствомъ мужчины, или даже и составить себѣ счастье. Чего не приходится дѣлать мужчинѣ, чтобы возвыситься!—а хорошенькому созданію стоитъ только показать свое личико, ну и остальное тоже, разумѣется,—и она превращается изъ коровницы въ барыню. Правъ я или нѣтъ?

— Ты правъ, старина.

— Позвольте же, заговорилъ опять старый служака.—Я пересталъ бороться такимъ образомъ за одно только существованіе и грѣшить подобно другимъ; довольно и того, что̀ было, но дальше продолжать не слѣдуетъ. Лучше, говорю я себѣ, чтобъ глаза мои на вѣки потухли, а моя бѣдная душа успокоилась. Я думаю, мужчинѣ гораздо лучше безъ женщины. Не женщина ищетъ мужчину, а мужчина женщину. Это доставляетъ ей огромную выгоду—и вотъ отъ этого-то она и можетъ хладнокровно вести свои счеты съ мужчиною. Да и объ чемъ женщинѣ думать, какъ не о томъ, чтобы извлечь выгоду изъ этого жалкаго и смѣшнаго положенія мужчины? Когда кто стоитъ по горло въ водѣ, а ноги у него вязнутъ въ тинѣ, и онъ долженъ утонуть, вы можете спасти его, а у него при себѣ мѣшокъ съ золотомъ, онъ съ величайшей готовностью броситъ вамъ его на берегъ. Но умной женщинѣ одного мѣшка съ золотомъ мало, она оттягиваетъ мужчину и отъ духовныхъ благъ. Понимаете ли вы меня теперь? Поэтому-то и существуетъ между женщинами такая же страшная вражда, какъ между портными и корзинщиками. Каждая старается сбыть мужчинѣ свою корзинку. И развѣ она не права? Развѣ женщину уважаютъ не по мужу? Развѣ крестьянка вышедшая замужъ за графа—не графиня? И наоборотъ. Честь мужа—ея честь, поэтому-то женщина и гордится всегда своими титулами и своимъ состояніемъ — больше чѣмъ самъ мужчина. Понимаете ли вы?

— Но я все-таки не понимаю, возразилъ съ досадою Мракъ,—какимъ образомъ ты можешь любить свою Завальскую барыню, свою возлюбленную Катерину, которая измѣнила тебѣ такимъ низкимъ образомъ.

— Ты никогда не поймешь этого, сухо сказалъ старый служака.

— А между тѣмъ ни одна женщина не сто̀итъ того, что̀ выноситъ изъ-за нея мужчина, сказалъ я вполголоса.

— Разумѣется, баринъ, отвѣчалъ старый служака, — ни одна женщина, исключая матери, не сто̀итъ того, что̀ чувствуетъ въ отношеніи ея мужчина. Вотъ хоть бы моя милостивая госпожа. Что такое въ сущности она для меня сдѣлала? Я родился не въ счастливый часъ. А потомъ—я довольно-таки наглядѣлся на жизнь — вотъ тотъ-то и тотъ тоже вѣдь налюбились, нацѣловались, да еще и поженились. Вотъ теперь жены ихъ и простираютъ къ нимъ свои объятія. «Нуже—цѣлуй меня». Знаете ли что? Еслибъ она стала моей женой, я бы можетъ-быть сталъ скоро колотить ее. Все равно, такъ или иначе, все сводится на одно и тоже. Любовь мужчины не долго длится, и я говорю, что женщина права, принимая заранѣе предосторожности, пока она молода и хороша и пока у мужчины пылаетъ голова; какъ скоро подобный огонекъ тухнетъ и какъ скоро подобное миленькое созданьице старѣется!

Я покачалъ головою.

— Чему же вы удивляетесь, сударь?

— Тому, что ты говоришь объ этой естественной любви, а самъ между тѣмъ—живое доказательство другой.

— Я ничего не сказалъ противъ этого, вскричалъ

старый служака, — я, конечно, всего менѣе противъ этого. Мужчина можетъ любить сердцемъ; если это ему пріятно, почему нѣтъ? Но женщина не можетъ. Я скажу вамъ, что женщина могла бы платить мужчинѣ тѣми же чувствами, какія онъ питаетъ къ ней... она могла бы; но гдѣ эта возможность? Если я люблю свою лошадь, то какъ она глядитъ на меня? она какъ будто бы желаетъ заговорить и можетъ только ласкать меня. Это повидимому огорчаетъ ее, а все-таки она, вслѣдъ за этимъ, носитъ другаго господина также весело. Могу ли я винить за это ихъ обоихъ? И передъ кѣмъ?

Коланко плутовски улыбался своими тонкими губами.—Да, еврей не даромъ, заговорилъ онъ,—читаетъ каждый день вотъ эту молитву: «благодарю тебя, Господи, что ты не создалъ меня женщиной».

— Кто любитъ, искренно любитъ, продолжалъ старый служака, — тотъ долженъ умѣть во время отказаться, или его проведутъ какъ нельзя лучше, потому что женщина смотритъ на любовь такъ же, какъ еврей на торгъ.

— Что такое ты говоришь про евреевъ? проговорилъ дребезжащимъ голосомъ мой кучеръ.

Старый служака взглянулъ на него и сплюнулъ.

— Вообще, сказалъ онъ тихо,—вся мудрость состоитъ въ умѣньи отказываться, терпѣть и молчать. И если вы удивляетесь, что я такъ долго люблю эту Катерину,—то кто же вамъ сказалъ, что честная любовь должна во чтобы то ни стало обладать своимъ предметомъ? Вѣдь мы любимъ не за то, что такая-то личность хороша или худа, или за ея нравственныя свойства. О, нѣтъ.—И я также люблю ее вовсе не за то, что она хорошо или худо обошлась со мною. Мы любимъ тогда только, когда придетъ пора, когда природа не оставляетъ намъ такъ сказать выбора, когда она насильно такъ-сказать привлекаетъ насъ къ той или другой личности. И только такая любовь въ состояніи вынесть все: насмѣшки, удары, оскорбленія, жестокость; она очень часто даже и не спрашиваетъ, платятъ ли ей взаимностью, и ее не убиваетъ даже время, которое убиваетъ все.

— Изъ тебя вышелъ бы превосходный мужъ, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія старикъ.—Отчего ты не женишься? Всякій съ радостію отдалъ бы за тебя дочь, прибавивъ еще къ этому и домъ и землю и порядочный кушъ денегъ.

— Отказываться невѣжливо, возразилъ старый служака,—но развѣ я просилъ объ этомъ кого нибудь изъ васъ? Могу ли я жениться? Я никогда еще не былъ такъ откровененъ съ вами. Теперь вы меня знаете. Если я любилъ такъ сильно, всѣмъ сердцемъ,—то какимъ образомъ могу я любить послѣ этого другую? а если у меня нѣтъ такой любви, то на что же мнѣ и жена? Развѣ я животное?

— Какъ посмотришь хорошенько, то ты, пожалуй, и правъ, отвѣчалъ Коланко, — тѣмъ болѣе, что все проходитъ со временемъ.

— Не все, сказалъ старый служака съ чудно-сіяющимъ взглядомъ.

— А впрочемъ, сказалъ онъ нѣсколько минутъ спустя,—ты сказалъ правду!.. и онъ вздохнулъ.—Да, даже наши ощущенія и тѣ ослабѣваютъ съ теченіемъ времени,—и то что причиняло намъ боль, то самое впослѣдствіи чуть не радуетъ насъ. Мы думаемъ объ умершихъ людяхъ такимъ же образомъ, какъ и объ умершихъ чувствахъ. Что скажете вы на это, товарищи?—Грустно становится, когда узнаешь наконецъ, что *то, что ты чувствуешь, не будетъ продолжаться*. Какъ у меня болѣло сердце, когда я похоронилъ своихъ родителей!.. а теперь мнѣ грезится иной разъ, что я напримѣръ пью съ моимъ отцомъ водку и онъ совсѣмъ опьянѣлъ. Какъ вамъ это покажется? — И я знаю, что многаго изъ того, что теперь существуетъ, на слѣдующій годъ можетъ-быть уже не будетъ. Все проходитъ, какъ облака, которыя тянутся къ западу. *Все можетъ сдѣлать воля.* Только въ отношеніи болѣзни и смерти она ничего не можетъ. Когда, бывало, фельдфебель, подавая въ субботу рапортъ, вычеркнетъ такимъ образомъ изъ календаря недѣлю, мнѣ всегда становилось грустно, но это еще что!—Преходящность времени, жизни—не такъ грустна, какъ та измѣнчивость, которую мы замѣчаемъ въ самихъ себѣ, въ своемъ мышленіи, въ своихъ чувствахъ. Вотъ истинная-то смерть. Не естественно ли это? Ежедневно видишь ты что нибудь новое, все мѣняется вокругъ тебя: не то было, когда ты былъ ребенкомъ, не то стало теперь, когда ты сталъ мужчиной,—да и самъ-то ты *можешь ли остаться тѣмъ же самымъ, какъ теперь?* А отъ другихъ требуешь, чтобъ они не измѣнялись?

На одну минуту все смолкло; затѣмъ послышался жалобный звонъ колокольчика, гдѣ-то далеко, далеко.

— Это кто нибудь умираетъ, сказалъ старикъ и перекрестился.

— Чего ты не выдумаешь! вскричалъ Мракъ.—Это просто шляхта возвращается изъ Тулавы, послѣ заговора. Берегитесь!

Старый служака всталъ, осторожно затушилъ свою трубку и сунулъ ее въ сапогъ; потомъ онъ медленными шагами вышелъ на открытое мѣсто, остановился, снялъ шапку, потянулъ ртомъ и носомъ воздухъ и поднялъ руку.

Колокольчикъ звенѣлъ все ближе да ближе.

Старый служака опять надѣлъ шапку.

— Холодъ уменьшается. Вѣтеръ перемѣнился.

Онъ вернулся къ огню и схватилъ ружье.

— Ну, друзья мои, исполняйте свою обязанность!

Въ одну минуту всѣ встали и окружили стараго служаку, съ цѣпами и косами въ рукахъ.

— Сани. Берегитесь! вскричалъ Мракъ, сторожившій въ углу лѣса.

Колокольчикъ звенѣлъ уже совсѣмъ близко, заливаясь отчаяннымъ образомъ. Бичь хлопнулъ съ такимъ шумомъ, какъ будто бы выстрѣлили изъ пистолета. Лошади храпѣли.

— Стой! закричала крестьянская стража.

— Стой! Стой! закричали всѣ остальные и кинулись къ санямъ.

Сани остановились—и изъ-подъ покрывавшаго ихъ медвѣжьяго мѣха поднялась стройная, прекрасная дама въ дорогой шубѣ. Когда она отбросила назадъ свой вуаль, она показалась еще прекраснѣе, но была страшно блѣдна. Ея голубые глаза сверкали гнѣвомъ.

— Чего вамъ надобно? вскричала она глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалась сильная ярость.

— Паспорта! лаконически отвѣчала стража.

— У меня его нѣтъ.

— Вида!

— У меня его нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ мы васъ арестуемъ, вскричалъ Мракъ и схватилъ лошадей подъ уздцы.

Тутъ выступилъ старый служака съ ружьемъ на плечѣ и отвелъ Мрака въ сторону.

Другіе въ одну минуту повернули къ нимъ головы.

— Пусть ее ѣдетъ, сказалъ старый служака вполголоса.

— Пустить—безъ паспорта—это какъ?

— Я ее знаю, возразилъ онъ.—Пусть ее ѣдетъ.

— Еще бы тебѣ не знать, сказалъ выразительно старикъ.—Пустите ее.

Старый служака возвратился къ огню и сталъ мѣшать уголья.

Другіе молча послѣдовали за нимъ.

— Ступай! насмѣшливо закричала крестьянская стража.

Дама опустилась опять въ сани, кучеръ щелкнулъ плетью, сани полетѣли.

Еврей засмѣялся.

— Кто это? спросилъ я вполголоса.

— Она.

Картонный человѣкъ кивнулъ и принялся разгребать огонь.

— Это была Завальская барыня, прошепталъ старикъ.—Та, которую онъ любилъ и которую еще любитъ.

Наступило молчаніе.

— Она и съ нимъ, какъ видно, несчастлива. Замѣтили ли вы, какъ она блѣдна?

— Что ты говоришь! Да развѣ ты не видалъ, какія у нея сани и лошади?!. вскричалъ старый служака.—Развѣ у нея нѣтъ ливрейныхъ лакеевъ и казаковъ? Польскіе господа цѣлуютъ у ней руки—и какая на ней отличная шуба. *Почему же бы ей не быть счастливой?*

Захеръ Мазохъ.

Опыты изъ французско-нѣмецкой войны.

Кампанія 1870 года превосходитъ—по разнообразію и громаднымъ размѣрамъ военныхъ дѣйствій—всѣ войны, какія только были ведены въ Европѣ съ 1815, вслѣдствіе чего она доставитъ тактикѣ больше матеріала для научныхъ выводовъ чѣмъ которая либо изъ прежнихъ войнъ. Блестящіе результаты, достигнутые нѣмцами еще въ первые четыре недѣли кампаніи, очевидно состоятъ въ связи съ необыкновенной скоростью мобилизаціи и передвиженія ихъ войска. Уже потому только, что 25 іюля, черезъ десять дней послѣ приказа о приведеніи войска на военное положеніе, они собрали на Рейнѣ 117,000 человѣкъ, вполнѣ готовыхъ къ бою,—непріятель не могъ и подумать о нападеніи на Южную Германію или о движеніи на Триръ или Майнцъ. Уже одно то, что 2 августа, восемнадцать дней спустя послѣ упомянутаго приказа, нѣмцы могли начать военныя дѣйствія въ количествѣ 400,000 человѣкъ, доставило имъ возможность застать въ расплохъ непріятеля, прежде чѣмъ онъ могъ сосредоточить свои силы,—и разбить разъединенные корпуса его арміи при Вёртѣ и Шпихернѣ. Наконецъ посредствомъ этой же скорости движенія удалось имъ задержать при Мецѣ отступавшую французскую армію. Померанскій корпусъ, рѣшившій 18 августа колебавшуюся до самаго вечера участь сраженія при Гравелотѣ, былъ отправленъ изъ Берлина къ французскимъ границамъ только за нѣсколько дней передъ этимъ—и для достиженія своей цѣли въ теченіи двухъ сутокъ прошелъ 24 часа.

Поэтому-то важность быстраго вооруженія и пользованія транспортными средствами, въ особенности желѣзными дорогами, обращаетъ теперь на себя еще большее вниманіе, чѣмъ послѣ австрійской кампаніи. Кто обгоняетъ приготовленія непріятеля, тотъ уже на половину выигралъ кампанію. Онъ имѣетъ за собою драгоцѣнную выгоду военной *иниціативы*; онъ ставитъ непріятелю въ законъ *свою* волю, *свой* планъ, и разрушаетъ такимъ образомъ его собственные планы. Но не одно только *количество* желѣзныхъ дорогъ рѣшаетъ быстроту передвиженій; во Франціи больше желѣзныхъ дорогъ, чѣмъ въ Германіи,—и за исключеніемъ алжирскихъ и римскихъ войскъ, ни одному изъ французскихъ полковъ не пришлось сдѣлать такого дальняго похода, какой напр, должны были сдѣлать нѣмецкіе полки, изъ восточной Пруссіи и верхней Силезіи. Къ количеству желѣзныхъ дорогъ съ богатымъ запасомъ локомотивовъ и вагоновъ должно прибавить еще точность и дѣятельность *чиновниковъ и служителей* на желѣзныхъ дорогахъ, а также энергію и распорядительность военныхъ комитетовъ, которые управляютъ ими. Такимъ образомъ, если отправленіе корпуса съ его артиллеріей и кавалеріей, съ его санитарными и провіантскими колоннами, съ его безчисленными обозными и багажными экипажами совершается съ надлежащей исправностью,—то онъ не долженъ имѣть ни въ чемъ недостатка, тѣмъ болѣе не придется ему доставать себѣ необходимое въ суматохѣ и поспѣшности послѣдней минуты. Военная администрація должна дѣйствовать съ вѣрностію машины, которая не только во время войны достается изъ кладовой, смазывается масломъ, чинится и пополняется, но такой, которая находится постоянно въ надлежащей исправности, которая нуждается только въ одномъ прижатіи пружины, для того чтобы начать сію же минуту дѣйствовать во всевозможныхъ отправленіяхъ. Но эта машина состоитъ изъ людей, а люди не просто механическія но и моральныя, духовныя силы. Количество ихъ дѣйствій зависитъ не отъ полученнаго приказанія, но отъ сознанія ими своего долга, ихъ трудолюбія, ихъ благоусмотрѣнія, ихъ преданности. Здѣсь, во время приготовленія къ войнѣ, мы сталкиваемся на первомъ же шагу съ моральнымъ и интеллектуальнымъ состояніемъ цѣлаго народа, въ особенности же его управляющихъ классовъ, его гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Недавно открыли во Франціи, что такъ - называемая прусская провинціальная система, на основаніи которой каждый армейскій корпусъ набирается въ назначенномъ мѣстѣ, вблизи его арсеналовъ, его магазиновъ, его снарядовъ, вполнѣ готовыхъ къ бою, — эта система на основаніи которой точно такъ же готовы къ бою цѣлыя бригады, и дивизіи и весь вообще корпусъ со принадлежащими къ нему штабами,—гораздо болѣе способствуетъ быстротѣ мобилизаціи, чѣмъ противуположныя ей французскія учрежденія. Это, конечно, справедливо; но съ принятіемъ этой системы французскій солдатъ не пріобрѣтетъ еще точности, дисциплины и спокойствія сѣверо-германца, а безпечный французскій офицеръ и интендантскій чиновникъ—попечительности нѣмецкаго

офицера и чиновника. Быстрота мобилизаціи не просто механическое отправленіе; поэтому-то ей не такъ легко подражать. Во Франціи прежде всего надобно устранить централизацію въ военномъ вѣдомствѣ, точно такъ же какъ и въ гражданской администраціи, для того чтобъ положить рѣшительный конецъ тѣмъ недостаткамъ, которые обнаружились въ іюлѣ прошлаго года. До тѣхъ поръ пока для отдачи самаго ничтожнаго распоряженія, каждый меръ и префектъ долженъ ожидать разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, а каждый полковникъ и интендантскій совѣтникъ—военнаго министра, —до тѣхъ поръ пока тысячи распоряжающихся силъ, вмѣсто того чтобъ дѣйствовать съ свободной самостоятельностью и на свой собственный страхъ, будутъ лѣниво и трусливо ожидать толчка сверху, — та крайняя степень единодушія и согласія въ дѣйствіяхъ, которая обнаружена германцами, никогда не будетъ достигнута французами. Изученіе прусской мобилизаціи приведетъ каждаго болѣе или менѣе способнаго офицера къ убѣжденію, что *отбываніе военныхъ повинностей* и *все вообще политическое состояніе народа* находятся въ тѣсной связи между собою.

Необыкновенная быстрота, съ которою огромная германская армія очутилась на Рейнѣ,—вызвала во французахъ мысль, что будто бы Пруссія давно уже вооружалась втайнѣ, тогда какъ съ другой стороны безпорядки во французскомъ лагерѣ привели къ заключенію объ испорченности и обманахъ наполеоновской военной администраціи. И то и другое несправедливо: Пруссія вплоть до 15 іюля дѣйствительно находилась въ состояніи глубочайшаго покоя, что совершенно согласовалось съ словами графа Бисмарка, который, разговаривая однажды съ полковникомъ Штоффелемъ, выразился слѣдующимъ образомъ: «Мы будемъ сохранять миръ съ вами до тѣхъ поръ, пока вы не приставите намъ къ груди дула пушки!» Но до послѣдняго обознаго солдата, до послѣдняго военнаго ремесленника и прислужника у больныхъ, все было готово, среди мира, къ войнѣ. Дѣльность прусской организаціи состояла въ томъ, что въ какое бы то ни было время все было готово, что вообще она не нуждалась въ особенныхъ усиліяхъ, для того чтобы привести машину въ движеніе. Поэтому-то планъ мобилизаціи, цѣлесообразное пользованіе желѣзными дорогами посредствомъ отдѣльныхъ корпусовъ, способъ передвиженія этихъ корпусовъ къ французскимъ границамъ, все это было постановлено военнымъ совѣтомъ въ одну ночь съ 15 на 16 іюля. Генеральному штабу нечего было наводить справки, потому что онѣ были наведены имъ цѣлыя десятилѣтія тому назадъ.

Все это было невозможно во Франціи, не потому что бонапартизмъ имѣлъ слѣдствіемъ необыкновенную порчу военной администраціи, но потому что осмотрительность и добросовѣстная попечительность, потому что вообще организація заранѣе разсчитывающая все до послѣдней мелочи,—не въ характерѣ французской націи; въ 1859 году, такъ же какъ и въ 1870, недостатокъ въ предусмотрительности и надлежащей распорядительности долженъ былъ замѣниться порывомъ и лихорадочною поспѣшностью. Этотъ порядокъ вещей въ 1859 году одержалъ верхъ надъ медлительностью и безтолковостью австрійцевъ, но противникъ 1870 года не былъ ни лѣнивъ, ни безтолковъ.

Когда въ началѣ августа поѣздъ съ французскими плѣнными, взятыми въ сраженіи при Вейсенбургѣ, проѣзжалъ черезъ Майнцъ, то встрѣтился со вторымъ поѣздомъ желѣзной дороги, везшимъ уже новыхъ солдатъ для пополненія тѣхъ прусскихъ полковъ, которые особенно пострадали при Вейсенбургѣ. День спустя послѣ сраженія 5 августа, на одномъ изъ городскихъ домовъ была прибита вывѣска: «Сѣверо-германскій комитетъ желѣзной дороги». Члены этого комитета были вызваны, утромъ въ день сраженія, изъ Берлина по телеграфу; на слѣдующій день они были уже на мѣстѣ, въ полномъ составѣ и вполнѣ готовые къ тому, чтобы отправлять службу на линіи гагенау-страсбургской и гагенау-бичской.

Нижній Новгородъ.

Нижній Новгородъ—крѣпость, построенная въ началѣ XIII вѣка, при впаденіи Оки въ Волгу, для защиты отъ мордвы и камскихъ болгаръ,—потомъ столица Суздальскаго или Нижегородскаго княжества, самаго обширнаго между сѣверо-восточными княжествами, хотя и съ рѣдкимъ населеніемъ,—въ настоящее время одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ городовъ Россіи по своимъ историческимъ воспоминаніямъ и по бывающей въ немъ ярмаркѣ, которая связываетъ востокъ съ западомъ, Азію съ Европой, и составляетъ главный русско-европейскій центръ для нашей азіатской торговли.

Положеніе города при сліяніи двухъ главныхъ рѣкъ, соединяющихъ весь центръ Россіи съ его окраинами, лежащаго въ средоточіи самого населеннаго (людомъ, бойкимъ какъ въ промышленномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи) пространства волжскаго бассейна, даетъ ему чрезвычайно важное торговое значеніе. Здѣсь, приблизительно между границами костромской и казанской губерній, и въ особенности между Окой и Камой, происходитъ самое сильное встрѣчное движеніе судоходства вверхъ и внизъ по Волгѣ. Здѣсь она пересѣкаетъ самую мануфактурную область Россіи, и здѣсь же, на этомъ пространствѣ теченія Волги, разыгрывались знаменитѣйшія движенія въ исторіи сложенія русскаго государства. Здѣсь происходилъ главный отпоръ русскаго народа противъ кочующихъ ордъ азіатскаго востока—и здѣсь же, вмѣстѣ съ борьбой племенныхъ элементовъ, христіанство, въ лицѣ русскаго народа, осиливало міръ язычества и магометанства, и это движеніе продолжается здѣсь и до сихъ поръ.

Что касается до самаго Нижняго Новгорода, онъ пять разъ былъ взятъ татарами, въ послѣдній разъ въ 1445 г. При Василіѣ Іоанновичѣ онъ началъ распространяться и украшаться. Въ 1612 году, по воззванію Козьмы Минина, составлено было здѣсь первое ополченіе русскихъ для освобожденія отечества отъ поляковъ.

Начало Макарьевской или Нижегородской ярмарки можетъ быть отнесено къ глубочайшей древности; его надо искать въ Великой Болгаріи на Волгѣ и Камѣ. Съ самыхъ древнихъ временъ болгары были особенно знамениты какъ народъ коммерческій; ихъ главное становище *Болгары*, на Волгѣ, ниже Камы (въ спасскомъ уѣздѣ казанской губерніи), славилось какъ складочное мѣсто товаровъ. Здѣсь происходило издревле (покрай-

ней мѣрѣ съ половины IX столѣтія) весьма оживленное торжище, къ которому стекались разные народы Азіи (изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ) и Европы.

На развалинахъ болгарскаго царства, падавшаго мало-по-малу подъ натисками возникавшаго русскаго государства и потомъ подъ ударами монголовъ, образовалось казанское, а коммерческое значеніе болгаръ перешло въ концѣ XIV вѣка къ Казани, гдѣ на *Арскомъ полѣ* (до сихъ поръ еще существующемъ и лежащемъ къ сѣверу отъ Казани) происходилъ въ лѣтніе мѣсяцы важный ярмарочный торгъ, на который сходились купцы Азіи, Россіи и, кажется, даже западной Европы. Съ конца XIV столѣтія начинаются походы московскихъ князей противъ Казани, кончившіеся окончательнымъ покореніемъ казанскаго царства Іоанномъ Грознымъ въ 1552 г.

Но еще до этой—важной въ нашей исторіи—эпохи, вслѣдствіе умерщвленія русскихъ купцовъ на одной изъ ярмарокъ въ Арскомъ полѣ, въ концѣ царствованія Іоанна III, Василій Іоанновичъ запретилъ русскимъ купцамъ торговать въ Казани—и учрежденіемъ торговой факторіи при впаденіи Суры въ Волгу (получившей названіе Василя или Василь-Сурска,—названіе, сохранившееся и до сихъ поръ) думалъ привлечь азіатскихъ торговцевъ въ предѣлы московскаго государства. Но, сколько можно судить по существующимъ историческимъ извѣстіямъ, ярмарка слабо принялась въ Василь-Сурскѣ и все еще продолжалась въ Казани, пока, наконецъ, съ покореніемъ ея, восточный ярмарочный торгъ не перешелъ мало-по-малу съ Арскаго поля къ окрестностямъ Макарьевскаго Желтоводскаго монастыря, на лѣвомъ или луговомъ берегу Волги, въ 80 верстахъ ниже Нижняго, насупротивъ богатаго села Лыскова. Съ этого времени начинается для ярмарки новый періодъ.

Желтоводскій монастырь (при урочищѣ Желтыя Воды) былъ построенъ въ первой половинѣ XV вѣка, св. Макаріемъ, инокомъ нижегородскаго печерскаго монастыря, прославившимся своею подвижническою жизнію и своею миссіонерскою дѣятельностью, вслѣдствіе чего монастырь былъ посѣщаемъ многочисленными поклонниками и торговля нашла здѣсь для себя самыя благопріятныя условія. Вскорѣ однако послѣ своего основанія Желтоводскій монастырь былъ разрушенъ татарами, а самъ св. Макарій удалился съ своими учениками на Унжу, въ Костромской губерніи, гдѣ и скончался (въ 1504 г.). Но память о немъ продолжала сохраняться въ окрестномъ народонаселеніи и по уничтоженіи монастыря. Въ 1624 г., при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Желтоводскій или Макарьевскій монастырь былъ возобновленъ,—и затѣмъ 25-го іюня, день кончины св. Макарія, становится днемъ огромнаго стеченія поклонниковъ и днемъ ярмарки, которая, подъ наименованіемъ *макарьевской*, уже дѣлается правильною ежегодною ярмаркой и безостановочно усиливается. Все значеніе казанскаго торга на Арскомъ полѣ перешло на макарьевскую ярмарку, а съ развитіемъ коммерческихъ связей Москвы съ сибирскими городами (а черезъ Сибирь и съ Китаемъ) присоединяется къ ней важный элементъ ея—сибирскій и китайскій торгъ, весьма дѣятельный въ ней и до сихъ поръ. Всѣ пошлинные доходы отъ ярмарки были отданы царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ монастырю; всѣ ярмарочныя помѣщенія были монастырскія. Въ слѣдующія царствованія, монастырскія привиллегіи то были отбираемы, то вновь ему возвращаемы, пока наконецъ Петръ Великій окончательно не уничтожилъ ихъ. Въ 1755 г. были построены первые казенные деревянные балаганы на макарьевской ярмаркѣ, и доходъ отъ раздачи въ нихъ лавокъ сталъ поступать въ казну, а въ 1809 г. былъ уже открытъ казенный каменный гостинный дворъ.

Мѣсто ярмарки подлѣ монастыря (на низкомъ лѣвомъ берегу Волги, затопляемымъ, при ея разлитіи, водой), превратившееся въ незначительный городъ, сдѣлалось, съ развитіемъ ярмарки, не совсѣмъ удобно для перевозки и склада товаровъ, и уже давно родилась мысль о перемѣщеніи ярмарки на правый берегъ (въ Лысково). Послѣ пожара, случившагося въ Макарьевѣ въ 1816 г. и уничтожившаго казенный гостинный дворъ, ярмарка была переведена, согласно мнѣнію графа Румянцова, въ Нижній-Новгородъ, на мѣсто называемое *Стрѣлкою*, при сліяніи Оки съ Волгой, и открыта въ первый разъ въ августѣ 1817 года. Съ тѣхъ поръ она называется *нижегородскою*, торжественно открывается всякій годъ 15-го іюля и продолжается до 25-го августа.

Ярмарка по ту сторону Оки, отдѣляющей ее вмѣстѣ съ Александровской слободой или Кунавинымъ отъ города, представляетъ обширное низменное пространство, все застроенное лавками, амбарами и рядами; суда и барки сплошною массою покрываютъ обѣ рѣки. Небольшое народонаселеніе города (отъ 30 до 31 тысячи чел.) возрастаетъ до 200,000 ч. и представляетъ самую пеструю и разноплеменную толпу. Главная часть состоитъ изъ русскихъ купцовъ и крестьянъ, затѣмъ изъ представителей всѣхъ отраслей нашего азіатскаго торга по всей линіи нашей азіатской границы (начиная съ торга персидскаго и закавказскаго, переходя къ бухарскому, кокандскому и другимъ средне-азіатскимъ и оканчивая китайскимъ) и представителей народовъ западной Европы—нѣмцевъ, французовъ и германскихъ евреевъ. Къ обращикамъ самыхъ разнообразныхъ національностей, обитающихъ въ пограничныхъ съ нами азіатскихъ областяхъ, присоединяются здѣсь еще во множествѣ армяне и также разные подвластные намъ инородцы, до сихъ поръ сохранившіеся около восточныхъ нашихъ границъ, каковы казанскіе татары, калмыки и пр. Пестрые національные костюмы всѣхъ этихъ восточныхъ народовъ, ихъ говоръ, цѣлые ряды ими наполненные, наконецъ два храма имъ принадлежащіе (армянскій и магометанскій) на самомъ видномъ мѣстѣ ярмарочной площади, по обѣ стороны православнаго собора,—все это придаетъ и самой ярмарки восточный, азіатскій оттѣнокъ.

Ежегодно на ярмарку среднимъ числомъ привозится на 50 милліоновъ рублей серебромъ разныхъ товаровъ. Главные изъ нихъ суть: издѣлія русскихъ мануфактуръ, сырыя русскія произведенія, уральское желѣзо, азіатскіе товары и преимущественно чай, сибирскіе мѣха, европейскіе и колоніальные товары.

Какая будущность ожидаетъ нижегородскую ярмарку съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и успѣхами вообще гражданственности? Вѣдь существованіе ярмарокъ обусловливается, главнымъ образомъ недостаткомъ, съ одной стороны, путей и способовъ сообщенія, а съ другой – различныхъ принадлежностей правильной торговли: биржъ, дающихъ возможность и безъ ярмарки сходиться людямъ для сдѣлокъ и для ознакомленья съ положеніемъ рынка; сильныхъ коммерческихъ и складочныхъ центровъ, непрерывно получающихъ товары и снабжающихъ ими разныя края, безъ значительныхъ для того

переѣздовъ мелкихъ торговцевъ и потребителей; банковъ, и всякаго рода кредитныхъ и коммерческихъ посредниковъ. Но оставимъ этотъ вопросъ спеціалистамъ. Самостоятельную торговлю Нижній Новгородъ по своему положенію всегда будетъ производить—и земское его преуспѣяніе едва ли въ сильной степени поколеблется, въ случаѣ еслибъ нижегородская ярмарка потеряла свое прежнее значеніе.

Обратимся лучше къ самому городу. Если вы никогда не бывали въ немъ, то взгляните на прилагаемый при семъ видъ Нижняго Новгорода со стороны ярмарки—и вы уже по одному этому рисунку конечно согласитесь съ тѣмъ, что Нижній одинъ изъ первыхъ городовъ Россіи по красотѣ мѣстоположенія. А сколько тутъ церквей, какія красивыя зданія, сколько зелени, и наконецъ Кремль — эта необходимая принадлежность стариннаго русскаго города, какъ бы свидѣтельствующая о его древности!

Кромѣ Александровской слободы или Кунавина и ярмарки (лежащихъ, какъ сказано выше, на лѣвомъ берегу Оки) Нижній Новгородъ весь расположенъ очень живописно на правыхъ гористыхъ берегахъ обѣихъ рѣкъ и образуетъ собою какъ бы полуостровъ.

Отвѣсная высота его горъ доходитъ до 35 сажень. По естественному расположенію онъ дѣлится на три части: верхнюю, нижнюю и заокскую, соединенныя между собою посредствомъ моста. Часть этого моста, собственно черезъ Оку, расположена на 24-хъ плашкоутахъ на протяженіи 246½ сажень; вторая часть, черезъ песокъ, на столбахъ, длина ея 60 сажень; а третья, черезъ заливъ, на разстояніи 70 сажень, утверждена на 9-ти террасахъ. Вся же длина моста отъ города до ярмарки 376½ саж., при 7-ми саженяхъ ширины. Въ серединѣ плошкоутной части, открывающейся 25 іюня и снимающейся въ концѣ сентября, мостъ разводится во время ночи для пропуска судовъ въ назначенные часы.

Нижегородскій Кремль расположенъ по горѣ. Онъ находится въ сѣверной части города, почти на самой половинѣ протяженія его по рѣкамъ Окѣ и Волгѣ. Стѣны Кремля, заложенныя въ 1370 г., оконченныя въ 1599 г. и нѣсколько разъ поправлявшіяся впослѣдствіи времени, представляютъ собою неправильный девятиугольникъ имѣющій большее протяженіе отъ сѣвера къ югу, а меньшее съ востока на западъ. Нагорная ихъ часть отъ башни Георгіевской до Сѣверной раскинута по ровному мѣсту. Отъ башни же Сѣверной до Ивановскихъ воротъ и отъ Георгіевской до Духовской, стѣны спускаются подъ гору уступами, въ видѣ громадныхъ лѣстницъ, да и остальное пространство стѣны—между Ивановскими воротами и Духовской башней—также не совершенно ровно, почему и высота самыхъ стѣнъ не одинакова; съ восточной стороны Верхне-базарной площади онѣ возвышаются только на двѣ сажени, а у Георгіевской башни со стороны Волги доходятъ до десяти саженъ; толщина же ихъ вездѣ около полуторы сажени.

Въ настоящее время въ Кремлѣ находятся Преображенскій соборъ, въ которомъ похороненъ Мининъ, колокольня, военно-губернаторскій домъ, гауптвахта, арсеналъ, садъ съ часовнею и церковью св. Духа, и нѣкоторыя другія зданія.

Въ городѣ находится до 40 церквей, до 342 садовъ (въ томъ числѣ 6 казенныхъ и общественныхъ), бульваръ опоясывающій наружную стѣну Кремля съ восточной, южной и западной стороны и простирающійся почти на полторы версты, 9 искуственныхъ мощеныхъ съѣздовъ, соединяющихъ верхнюю часть города съ нижней, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до одной версты длины, 9 площадей, 7 дамбъ или земляныхъ мостовъ, 6 прудовъ, водопроводъ, фонтанъ и кранъ или механическій колодезь.

Нижній Новгородъ имѣетъ до 32 заводовъ (на которыхъ работаетъ, среднимъ числомъ, до 1000 человѣкъ), 12 учебныхъ заведеній (въ томъ числѣ Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвицъ), 7 библіотекъ (въ томъ числѣ одна публичная при гимназіи). Кромѣ театра на ярмаркѣ, существуетъ еще постоянный театръ въ городѣ, а также два клуба гдѣ бываютъ маскарады, два сада: чернопрудскій и англійскій.

Рамки нашей статьи не позволяютъ намъ вдаться въ подробное описаніе Нижняго Новгорода; поэтому мы и ограничимся только тѣми особенностями, которыя придаютъ ему болѣе или менѣе своеобразную физіогномію.

О Кремлѣ мы уже говорили, теперь въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о водопроводѣ, а также о бульварѣ и о чудесномъ англійскомъ садѣ, разбитомъ на волжскомъ откосѣ. Вѣдь водопроводъ для нѣкоторыхъ изъ нашихъ городовъ, испытывающихъ недостатокъ въ водѣ,—пока еще мечта; а бульваръ и англійскій садъ... у многихъ ли изъ нашихъ городовъ найдутся, не говоримъ, такіе восхительныя, но хотя бы только такія же обширныя мѣста для гулянья?

На самомъ берегу Волги, у соединенія съѣздовъ Георгіевскаго и Печерскаго, построено зданіе въ готическомъ вкусѣ, въ которомъ помѣщается водоподъемная паровая машина въ 17 силъ, поднимающая воду посредствомъ нагнетательнаго насоса, по чугуннымъ трубамъ въ гору, черезъ англійскій садъ, къ Мартыновской больницѣ, близь которой устроенъ кранъ; отсюда трубы идутъ къ фонтану, устроенному на Верхне-базарной площади, а оттуда въ Кремль.

Англійскій садъ разбитъ по волжскому откосу между набережными верхней и нижней; окружность его болѣе двухъ съ половиной верстъ, а его аллеи извиваются по уступамъ горъ. Видъ изъ верхней части сада во время лѣта—выше всякаго описанія. Широкая Волга вверхъ и внизъ по теченію открывается болѣе чѣмъ на 50 верстъ; также видны устье Оки, часть ярмарки и множество деревень, раскиданныхъ по плоскимъ заволжью и заочью; вдали синѣютъ лѣса, сливаясь съ горизонтомъ, въ западной части котораго бѣлѣютъ 12 церквей балахнинскихъ и чернѣетъ дымъ тамошнихъ варницъ. По веснамъ Волга и Ока, соединяя свои воды, затопляютъ луговые берега въ ширину верстъ на 15,—и тогда все видимое изъ сада заволжье и заочье принимаетъ видъ огромнаго озера, усѣяннаго островами, покрытыми жилищами и церквами.

Бульваръ разведенъ большею частію надъ крѣпостными рвами. Видъ съ западной стороны его, такъ же какъ и изъ англійскаго сада, очень хорошъ; только здѣсь меньше видно заволжья; за то открывается заочье; ктомужъ отсюда видна значительная часть города. Но публика гуляетъ здѣсь рѣдко,—только ранней весной, когда идетъ ледъ по Волгѣ.

Кунавина мы уже коснулись, говоря объ ярмаркѣ, а изъ ярмарочныхъ зданій самыя замѣчательныя: *главный домъ* или дворецъ и 60 корпусовъ съ лавками. Этотъ домъ составляетъ средоточіе всѣхъ ярморочныхъ рядовъ и вмѣщаетъ въ себѣ настоящій базаръ всякихъ магазиновъ, прилавковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ квартиры для важнѣйшихъ ярмарочныхъ учрежденій и властей,

въ томъ числѣ и генералъ-губернатора. Здѣсь цѣлый день играетъ музыка, прогулка и мѣсто всеобщихъ *rendez-vous*, и здѣсь же рѣшаются всѣ административныя и политическія дѣла ярмарки.

Бѣлка.

Самое милое и красивое животное изъ породы грызуновъ, бѣлка пользуется расположеніемъ какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ. Точно такъ же, конечно, смотрѣли на нее и древніе греки, давшіе ей названіе «тѣнистаго хвоста», за то что она какъ будто бы прячется въ тѣни своего широкаго, пушистаго хвоста, высоко поднимающагося надъ спиною.

Трудно рѣшить, что болѣе привлекаетъ насъ къ ней—ея наружность, или ея свойства.

При длинномъ и тонкомъ станѣ, у бѣлки коротенькія ноги, изъ которыхъ заднія длиннѣе и больше развиты, а переднія короче—и какъ тѣ, такъ и другія вооружены острыми когтями. Своеобразная головка бѣлки украшается прямо-стоящими ушами, въ видѣ роговъ, которые зимою становятся еще длиннѣе отъ выростающаго на оконечности ихъ пучка волосъ; а на ея бойкой, острой мордочкѣ блестятъ прекрасные, большіе глаза, которые любопытно и ласково глядятъ на васъ, хотя и не безъ нѣкотораго плутовства. Но что всего больше бросается въ бѣлкѣ въ глаза—это конечно ея широкій двусторонній хвостъ, служащій рамкою ея красивой фигуркѣ.

Ея мягкій пушистый мѣхъ—скромнаго красно-бураго цвѣта, мѣстами отливающаго сѣрымъ, только грудь и брюхо бѣлыя. Но бѣлки, живущія на крайнемъ сѣверѣ, носятъ болѣе теплыя шубки и зимою одѣваются съ ногъ до головы въ сѣрое, съ бѣлой грудью и бѣлымъ брюшкомъ. Нерѣдко европейскія бѣлки мѣняютъ этотъ цвѣтъ на черный, такъ-что бѣлки одного и того же помета бываютъ какъ бурыя, такъ и чорныя; но сѣверо-американскія сѣрыя и чорныя бѣлки очень отличны отъ нашихъ. Бѣлки другаго цвѣта, съ пятнами или желтоватыя, совершенно бѣлыя или съ бѣлымъ кончикомъ хвоста—составляютъ большую рѣдкость.

Бѣлка принадлежитъ къ породѣ грызуновъ, которой она приноситъ не мало чести. Правда, что какъ на свободѣ, такъ и въ плѣну она легко надоѣдаетъ, употребляя во зло свои крѣпкіе, развитые зубы. Передняя сторона этого оружія покрыта твердой глазурью и бѣлаго цвѣта, переходящаго съ лѣтами въ желтоватый. Болѣе мягкая, задняя сторона при грызеніи твердыхъ тѣлъ легко стирается, такъ-что глазурь заостривается въ видѣ ножа. При недостаткѣ случаевъ для грызенія, зубы въ довольно короткое время достигаютъ одного дюйма длины, отказываются служить и животное умираетъ съ голоду.

А свойства бѣлки!.. Граціозная и проворная, красивая и забавная, она ни на минуту не остается безъ дѣла. Она лижетъ и убираетъ себя, лазитъ и прыгаетъ, весело катается по землѣ, играя съ своимъ собственнымъ хвостомъ. Но вотъ падаетъ орѣшекъ. Въ одну минуту она садится на заднія ноги, поднявъ вверхъ хвостъ, и какъ проворно вертитъ и переворачиваетъ она орѣшекъ между передними лапками! Но вотъ ей показалось, что пора уже запустить въ него и зубы, —разъ, два, три, скорлупа трещитъ, мягкое зерно выходитъ наружу. Какъ оно вкусно, это видно по улыбающейся мордочкѣ лакомки. А съ какими ужимками кушаетъ наша объязьянка. Да, наша обезьянка, но ты несравненно милѣе нечистоплотной породы обезьянъ и не имѣешь ея злости и коварства.

Водясь во всей Европѣ, бѣлка размножается и за Кавказомъ и Алтаемъ и, за исключеніемъ Новой Голландіи, имѣетъ представителей во всѣхъ частяхъ свѣта.

Открытое, ярко освѣщенное солнцемъ поле и болотистыя мѣстности противны бѣлкѣ. Ея отчизна—лѣсъ; только здѣсь можетъ она вдоволь порѣзвиться, только здѣсь обезпечена она отъ голода и нужды. Высокіе хвойные, а также дубовые и буковые лѣса—ея утѣха; въ особенности же любитъ она долины у подножія горнаго ската, поросшаго хвойнымъ лѣсомъ. Тамъ въ лиственномъ лѣсу, расположенномъ пониже, есть вкусные орѣхи, а въ саду одинокой мельницы въ долинѣ ее ждетъ можетъ-быть ужинъ изъ фруктовъ, ядра которыхъ она тщательно выбираетъ, а мякоть бросаетъ.

Не мало времени беретъ у нея забота объ туалетѣ. Это очень чистоплотное животное. Мѣсто, гдѣ она останавливается, постоянно чисто, вы никогда не найдете тамъ ея помета.

Всего меньше заботится этотъ звѣрокъ о будущемъ. Хотя онъ и собираетъ запасы и нерѣдко тащитъ ихъ издалека, но по своему легкомыслію очень часто забываетъ даже самые ближніе магазины. Поэтому-то, если осень бываетъ ранняя, да къ ней прибавится еще снѣжная зима, множество бѣлокъ дѣлается жертвою голодной смерти.

Объ устройствѣ гнѣзда бѣлка заботится нѣсколько больше, хотя и тутъ старается избѣжать лишнихъ хлопотъ. Старое воронье гнѣздо, дно котораго твердо и плотно выложено землей и глиной, избавляетъ ее отъ труда строить фундаментъ. На этомъ основаніи она очень искусно плететъ себѣ гнѣздо изъ прутьевъ, со сводами, завершающимися конусообразной крышей, и благоразумно снабженное двумя выходами. Кромѣ этого гнѣзда, назначеннаго для постояннаго мѣстопребыванія и для родовъ самки, у бѣлки есть еще нѣсколько временныхъ квартиръ, роль которыхъ играютъ большею частію гнѣзда, оставленныя хищными птицами или древесныя дупла. Она принимаетъ всевозможныя мѣры противъ бури или дождя, жара или холода. Передъ непогодою она становится безпокойна и издаетъ звуки, которые слышатся отъ нея обыкновенно только тогда, когда она въ волненіи. Ея любимое прибѣжище въ такомъ случаѣ—гнѣздо. Здѣсь тепло и сухо—и она лежитъ, спокойно свернувшись, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Если вѣтеръ ужь слишкомъ сильно хозяйничаетъ въ лѣсу, она запираетъ входъ въ гнѣздо, а иногда и въ устроенную снизу лазейку.

Послѣ дѣятельно проведеннаго дня, бѣлка ложится въ теплое гнѣздо—ждать другаго, но она съумѣетъ найтись и въ потьмахъ. Въ одну темную ночь Ленцъ прислонилъ къ дереву при свѣтѣ фонаря высокую лѣстницу, чтобы обобрать гнѣздо бѣлки. Все это было сдѣлано какъ можно тише. Но не успѣлъ онъ коснуться гнѣзда, какъ его обитатели выскочили изъ него съ быстро-

Бѣлка.

тою вѣтра; одинъ бросился вверхъ по дереву, другой внизъ по стволу, третій по воздуху на земь. Въ одно мгновеніе ока все утихло.

Бѣлка старается опередить своихъ преслѣдователей неутомимымъ проворствомъ. Даже на ровномъ мѣстѣ ее очень трудно поймать. Горизонтально вытянувъ сзади хвостъ, она, при помощи своихъ сильно развитыхъ заднихъ ногъ, дѣлаетъ скачки, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ съ невѣроятною скоростію. Одинъ только непріятель беретъ надъ нею большею частію верхъ. Онъ такъ же проворенъ, какъ она, но неутомимѣе ея. Кончается тѣмъ, что усталая бѣлка сдается. Эта борьба между бѣгущею, испуганною бѣлкою и преслѣдующею ее куницею—чрезвычайно интересное зрѣлище. Эта бѣшеная охота происходитъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Вотъ наконецъ бѣлка отваживается на очень смѣлый прыжокъ по воздуху къ сосѣднему дереву. Но отважный разбойникъ слѣдуетъ за нею и туда. Одно можетъ еще спасти ее. Растопыривъ ноги, туго вытянувъ въ горизонтальномъ направленіи хвостъ, она бросается съ самой высокой вершины сосны на землю—и едва достигнувъ земли, кидается въ какое нибудь вѣрное убѣжище. Она въ безопасности прежде, чѣмъ куница успѣетъ сойти съ дерева, потому-что этому прыжку маленькой сорви-головы она не можетъ подражать.

Какъ ни хитра плутовка лисица, какъ долго ни стоитъ она на сторожѣ, какъ ни неутомима она въ преслѣдованіи, но въ большей части случаевъ ей приходится дѣлать кислую мину, глядя на бѣгущую вверхъ по дереву бѣлку. Съ преслѣдующими ее хищными птицами бѣлка употребляетъ другія уловки. Она карабкается вверхъ по спиральной линіи, тогда какъ преслѣдующая ее птица описываетъ обширные круги. На отвращенной отъ непріятеля сторонѣ она съ быстротою молніи поднимается вверхъ до первой двуконечной вѣтви, и не упуская изъ виду непріятеля, ищетъ дальнѣйшихъ средствъ для спасенія. Даже при самомъ отважномъ прыжкѣ съ одной вершины на другую этому превосходному акробату достаточно схватиться за кончикъ шаткой вѣтви. Въ одну минуту взвивается бѣлка вверхъ къ болѣе надежному пристанищу. При подобныхъ отважныхъ прыжкахъ ея длинный, двусторонній пушистый хвостъ служитъ ей и весломъ и парашютомъ. Бѣлки съ короткими хвостами едва въ состояніи перепрыгнуть половинное разстояніе. Бѣлка—мастерица и плавать, хотя и не употребляетъ при этомъ, какъ разсказывается въ сказкѣ, куска древесной коры вмѣсто лодки, а своего хвоста вмѣсто паруса.

Неудивительно, что суевѣріе пыталось извлечь для себя пользу изъ этого способнаго звѣрка. Изъ мозга этого безподобнаго акробата дѣлался когда-то порошокъ, которымъ старались запастись канатные плясуны и фигляры для того, чтобы предохранить себя отъ головокруженія при упражненіи въ своемъ опасномъ искуствѣ.

Прилагаемый при семъ рисунокъ представляетъ бѣлку въ самую счастливую минуту ея жизни. Какъ апетитно бесѣдуетъ она съ орѣхомъ! Ея острые, какъ ножъ, зубы легко прогрызаютъ самыя твердыя скорлупы. Буковые орѣшки, желуди, сосновыя шишки, въ особенности же обыкновенные орѣхи—ея пища. Конечно не все то, что подвергается зубамъ этого неутомимаго грызуна, служитъ ему пищею. Благодаря своей страсти къ лакомству и грызенью, бѣлка не пренебрегаетъ даже молодыми побѣгами деревьевъ, и къ тому удовольствію, которое она доставляетъ намъ своими проказами, примѣшивается нерѣдко справедливый гнѣвъ за производимыя ею опустошенія. Вообще она лакомится всевозможными сѣменами и ягодами, отвѣдываетъ грибы и, какъ почти всѣ грызуны, не пренебрегаетъ даже мясомъ, по крайней мѣрѣ въ видѣ добавленія къ другой пищѣ. Маленькая плутовка не можетъ заглянуть въ птичье гнѣздо, не стащивъ оттуда яицъ и дѣтенышей. Бѣлки—большія гастрономки и лакомки.

Въ мартѣ мѣсяцѣ пары сходятся. Мать выбираетъ для своего ложа самое лучшее гнѣздо, снабженное подстилкой. Иногда они, точно также какъ и сони, пользуются гнѣздами скворцовъ.

Когда гнѣздо потревожатъ, мать перетаскиваетъ дѣтенышей во рту, какъ дѣлаютъ это кошки, иногда на довольно отдаленное мѣсто. Взять дѣтей въ присутствіи матери, не унеся на себѣ слѣдовъ ея зубовъ, трудно. На пятой недѣлѣ отъ рожденія, миленькія крошки уже лазятъ какъ нельзя лучше и могутъ сами доставать себѣ пищу. Дѣти перваго и втораго помета соединяются иногда въ одно общество и отправляются всѣ вмѣстѣ гулять и проказничать.

Робкая отъ природы, бѣлка въ молодости легко привыкаетъ къ человѣку, какъ къ своему другу и защитнику. Весело и беззаботно, какъ въ лѣсу, лазитъ она по своему покровителю, забивается въ теплый сюртукъ, скользитъ по рукаву, выставляя свою плутовскую мордочку то тамъ, то сямъ. Она привыкаетъ къ голосу своего господина и не покидаетъ его иногда даже при неограниченной свободѣ.

Если бѣлка и надоѣдаетъ намъ иногда при этомъ своими проказами, грызетъ деревянныя издѣлія и книги, платья и башмаки, то сердиться на нее за это все-таки нельзя. Иногда она взбирается на гардины, на выдающіеся карнизы, на картинныя и зеркальныя рамы, дѣлаетъ прыжки и охарашивается, выглядываетъ изъ какого нибудь уголка и заставляетъ забывать свои проказы. Но иногда съ теченіемъ времени и самыя ручныя бѣлки кусаются. Раны, нанесенныя ихъ острыми зубами, не только причиняютъ боль, но иногда даже опасны, въ особенности если звѣрокъ испуганъ.

Охота за бѣлками — одно изъ любимыхъ удовольствій англичанъ. Впрочемъ бѣлокъ при этомъ не бьютъ, а стараются взять ихъ живыми, чтобы порадоваться на нихъ. Для этого употребляютъ не порохъ и дробь, а лукъ и стрѣлы, или же пытаются стряхнуть ихъ съ дерева. Тоже самое оружіе употребляется и тунгузами, промышляющими ихъ мѣхомъ, который въ тѣхъ мѣстахъ особенно хорошъ. Въ особенности же нѣжна та часть, которая на брюхѣ. Сибиряки ловятъ ихъ западнями, которыхъ иногда одинъ охотникъ ставитъ до тысячи. Правда, въ сѣверной Америкѣ бываютъ не рѣдко принуждены вооружаться всѣми силами противъ этихъ звѣрковъ. Осенью какъ сѣрые, такъ и черныя бѣлки собираются тамъ большими, все увеличивающимися стаями и подвигаются, грабя поля и сады, опустошая рощи и лѣса, къ юго-востоку, черезъ горы и рѣки. Лисицы, хорьки, соколы, совы и другія хищныя животныя, точно также какъ и люди, наносятъ не мало ущерба этому странствующему войску. Завидя плывущихъ по рѣкѣ звѣрковъ, мальчики становятся вдоль берега и убиваютъ цѣлые сотни ихъ палками, когда они выйдутъ на берегъ. Въ 1749 году пенсильванское правительство обѣщало платить по три пенса за штуку, вслѣдствіе чего въ этомъ году было убито больше мил-

ліона этихъ звѣрковъ. Каждый фермеръ уничтожаетъ ихъ сколько можетъ, но ихъ ряды не рѣдѣютъ. Жирными и блестящими начинаютъ они свое странствіе, но скоро наступаетъ всеобщее бѣдствіе; они болѣютъ, худѣютъ и падаютъ цѣлыми массами. Хорошо что природа сама себѣ помогаетъ! Человѣкъ безсиленъ противъ этихъ звѣрковъ.

Наши европейскія бѣлки нигдѣ и никогда не являются въ такомъ множествѣ, поэтому мы не только не тяготимся ими, но напротивъ того, очень любимъ этого милаго звѣрка и желали бы почаще встрѣчать его въ лѣсахъ средней полосы Россіи; на сѣверѣ же ея онъ водится въ изобиліи и въ громадномъ количествѣ истребляется мѣстными охотниками, которые бьютъ его пулькой изъ винтовки.

Смѣсь.

Черный исходъ. Вопросомъ: что сдѣлать со всѣми бывшими невольниками, освобожденными послѣдней войною?—сильно заняты умы въ Америкѣ. Ихъ принято называть «Freedman» т. е. освобожденными людьми, а это одно названіе уже показываетъ, что граждане отъ рожденія свободные—нисколько не намѣрены поставить своихъ черныхъ братьевъ совершенно на одну степень съ собою. Но въ самомъ-ли дѣлѣ это чрезвычайно трудно,- если только не неисполнимо по разнымъ какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ причинамъ,— объ этомъ мы едва-ли здѣсь въ Европѣ въ состояніи будемъ составить себѣ основательное мнѣніе, хотя конечно ничего нѣтъ легче какъ строить космополитическія теоріи о равноправности всѣхъ расъ; во всякомъ случаѣ неоспоримо, что нѣкоторымъ натурамъ очень трудно преодолѣть просто физическую антипатію къ неграмъ. Въ видахъ разрѣшенія этого вопроса уже предложены самые разнообразные проэкты, въ томъ числѣ, чтобы негры всей массою воротились въ свою африканскую родину. Ради историческаго мотивированія этаго проэкта—приводятъ исходъ Израиля изъ Египта, но какъ мало основательно таковое историческое сопоставленіе, пусть читатель самъ судитъ по нижеслѣдующимъ отрывкамъ изъ главной статьи, явившейся въ защиту этого предложенія въ одной изъ послѣднихъ книжекъ американскаго журнала «Putnam's Magazine».

«Америка для сыновъ Африки была тѣмъ же, чѣмъ для сыновъ Израиля былъ Египетъ: землею рабства, въ которой они должны были работать въ качествѣ чужаго и презираемаго народа. Они работали, но въ тоже время выучились у своихъ надменныхъ властелиновъ искусствамъ цивилизаціи, которыя бѣдное невѣжественное племя сдѣлали великимъ народомъ, способнымъ къ производительной промышленности и пріученнымъ къ покорности установленному порядку. Въ такомъ точно положеніи теперь освобожденные негры. Америка отнынѣ можетъ признавать на своей почвѣ лишь свободныхъ людей, но этотъ политическій переворотъ не уничтожилъ разницу расъ. Негры у насъ живутъ большимъ, отдѣльнымъ чужимъ народомъ; ихъ теперь въ Америкѣ приблизительно *четыре милліона*, да *два милліона* на Антильскихъ островахъ. Они составляютъ важную составную часть сѣверо-американскаго союза штатовъ—часть, которою отнюдь не приходится пренебрегать. Но родина ихъ не здѣсь. Почему бы пропавшему сыну не воротиться въ свою родную землю и тамъ не воспользоваться своими природными правами? Нѣкоторые изъ благороднѣйшихъ, безстрашнѣйшихъ сыновъ Африки уже принесли ей лучшіе дары цивилизаціи, драгоцѣннѣйшія сокровища изъ обители рабства, какъ Моисей и братья его въ Обѣтованную землю принесли съ собою искусства, промыслы и науки своихъ египетскихъ учителей. Плугъ, ткацкій станъ, кузница, паровая машина и даже электрическій телеграфъ проникаютъ въ Африку и въ скоромъ времени поселятся въ ней отъ одного океана къ другому. Вотъ гдѣ настоящее мѣсто освобожденныхъ сыновъ Африки, вотъ гдѣ могутъ они основать богатыя государства, пользующіяся уваженіемъ всего міра»!... Какъ будто можно просто вотъ—взять да и основать такія государства!

Еще сходство между евреями, жившими въ неволѣ у египтянъ, и африканскими неграми—авторъ статьи находитъ въ томъ обстоятельствѣ, что и къ тѣмъ и къ другимъ господствующія касты относились съ отвращеніемъ. Въ этомъ онъ видитъ еще одно предзнаменованіе, что конецъ негритянства въ Америкѣ будетъ тѣмъ же, что израильскій исходъ,—и употребляетъ все краснорѣчіе, чтобы освободить убѣжденныхъ невольниковъ переселиться въ свою новую или, вѣрнѣе, первобытную родину.

Проектъ этотъ, по меньшей мѣрѣ, трудно исполнимъ, не столько по внѣшнимъ затрудненіямъ, сколько потому, что рожденные и выросшіе въ Америкѣ негры—а изъ таковыхъ состоитъ огромное большинство—никакимъ образомъ не могутъ понять, чтобы они принадлежали какой-то далекой, невѣдомой сторонѣ, а не той, которая ихъ вскормила, воспитала, привязала къ себѣ семейными узами. Едва-ли не скорѣе можно надѣяться, что со временемъ произойдетъ полное сліяніе насильственно-введенной африканской расы со свободно-выселившейся англо-саксонской расой. Результатъ этотъ, конечно, былъ-бы во всѣхъ отношеніяхъ благотворнѣйшій, но теперь пока еще весьма сомнителенъ, и во всякомъ случаѣ можетъ быть достигнутъ только по истеченіи долгаго и долгаго времени. Впрочемъ, увѣряютъ, будто уже замѣчено, что отъ смѣшанныхъ браковъ въ четвертомъ поколѣніи рождаются удивительно красивые здоровые люди.

Тѣлесная неволя негровъ прекратилась—скорѣе-бы имъ освободиться и отъ умственной неволи, въ которой большинство ихъ все еще томится. Помочь имъ въ этомъ по справедливости обязана та раса, подъ гнетомъ которой они такъ долго страдали. Удобнѣе, конечно, ихъ просто удалить, такъ какъ трудъ ихъ не имѣетъ болѣе и половины той цѣны, которую онъ имѣлъ во время господства плети; но *noblesse oblige*...

Страшное бѣдствіе. Около середины мая прошлаго года, шесть графствъ штата Нью-Іоркъ, - Мадисонъ, Салливанъ, Ульстеръ, Оранжъ, Делаваръ и Дочессъ—пострадали отъ ужаснаго лѣснаго пожара. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что это бѣдствіе было слѣдствіемъ поджога, учиненнаго людьми, которые укрываются въ тѣхъ лѣсахъ, вдали отъ поселеній мирныхъ гражданъ, и ведутъ тамъ нѣчто въ родѣ цыганской жизни, едва защищаемые отъ непогоды жалкими хатами. Каждую весну случаются такіе пожары, но обыкновенно ограничиваются небольшими участками; въ прошломъ же году они приняли неслыханное протяженіе во всѣ стороны и опустошили по пути много тысячъ десятинъ цѣннаго лѣса, пожрали большое количество срубленнаго и отчасти даже уже распиленнаго обтесаннаго строительнаго лѣса, домовъ, амбаровъ, овиновъ, мостовъ и желѣзныхъ дорогъ. Убытка еще нельзя въ точности опредѣлить, но приблизительно цѣнятъ его въ нѣсколько милліоновъ долларовъ, изъ которыхъ конечно ни одинъ не покроется страхованіемъ. Опустошенная полоса имѣетъ въ длину сто миль. Въ Оранжскомъ графствѣ лѣса на всѣхъ горахъ обращены въ пепелища. Зелень вся исчезла, такъ-что куда только доходилъ взоръ, онъ встрѣчалъ только опустошенныя пространства, съ которыхъ мѣстами еще поднимались столбы дыма. Надъ тѣми мѣстностями, гдѣ неистовѣе свирѣпствовало пламя, стояли густыя облака дыма, которыя часто разносимыя вѣтромъ на нѣсколько миль, стлались тяжелымъ, мрачнымъ покровомъ надъ всею окрестностью. Нерѣдко изъ этихъ облаковъ сыпался плотный дождь горячаго пепла или искръ, спаливалъ поля, поджигалъ дома и овины, такъ что все окрестное населеніе пребывало въ постоянномъ страхѣ.

Если сильный порывъ вѣтра на мгновеніе разсѣетъ дымъ, взору представляется огненное море въ нѣсколько сотъ

футовъ вышиною и багровое пламя далеко отражается въ рѣкахъ, на горахъ и на домахъ. Вода пролегающихъ этими мѣстами рѣкъ нерѣдко нагрѣвалась до кипѣнія и поверхность ея была покрыта мертвыми рыбами, птицами, змѣями, бѣлками и другими животными. Многія отвѣсныя скалы, образовавшія стѣны, трескались отъ жара или размягчились, и многіе источники высохли. Долины, лощины и горные проходы въ теченіе многихъ дней еще издаютъ изъ себя удушливый жаръ, послѣ того, какъ огонь уже далекъ. Рельсы желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ по такимъ мѣстностямъ, мѣстами расплавились и лежни сгорѣли; къ поправкамъ же долгое время нельзя было приступать вслѣдствіе невыносимаго жара. Разсказываютъ, что одинъ экстренный поѣздъ, шедшій изъ Цинциннати, благополучно промчался сквозь самое пламя и дымъ почти цѣлую милю, только краска слупилась съ вагоновъ, да машинисту и кочегару спалило волоса. Къ несчастью, эта катастрофа не обошлась безъ потери многихъ жизней—сколько именно, еще въ точности неизвѣстно. Такъ нѣсколько человѣкъ, бѣжавшіе мимо станціи Депозитъ, разсказывали, что пламя вдругъ вырвалось изъ лѣса и съ невѣроятной быстротою охватило со всѣхъ сторонъ лѣсистую гору. Съ вершины ея раздались крики о помощи и, поднявъ глаза, бѣглецы увидали мужчину съ женщиной и ребенкомъ, стоявшихъ на выступѣ скалы и отчаянно ломавшихъ руки. По наведеннымъ впослѣдствіи справкамъ оказалось, что на этой горѣ дѣйствительно давно уже жило семейство по имени Гоу. Кромѣ убитыхъ, много и пораненыхъ и еще больше лишившихся пріюта и промысла; множество семействъ просто пошло по міру. Ни одинъ человѣкъ не запомнитъ такихъ ужасовъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою 2 Апрѣля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. В. Траншеля. Невск. пр. д. № 1—45.

№ 15 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.)

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) у А. В. Гюнтера, Kleinseite 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Панъ Пшепендовскій.

Всеволода Крестовскаго.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА IV.

Какъ нынѣ думаетъ панъ Пшепендовскій.

— Ну, мой коханы дурень! хоть и мужъ, але все-жь таки дурень! Поклонись пану Богу!.. воскликнула пани Фелиція, съ торжествующимъ и сіяющимъ лицомъ входя въ комнату мужа.

— Что такое? выпуская изорту чубукъ, лѣниво повернулся къ ней панъ Пшепендовскій.

— Эге! «что такое»! гдѣ бы встать да броситься къ женѣ, да поблагодарить ее, да руки ея изцаловать — а онъ, индюкъ, — «что такое»! Какъ вамъ это понравится?

— Але за цожь то ренки? за цо индюкъ?отчасти обидчиво возразилъ панъ Пшепендовскій.

— За цо?... А мѣстцо вышукала — отъ за цо! съ торжествомъ возразила пани Филиція и величественно протянула въ воздухѣ руку своему индюку для достодолжнаго цалованія.

Индюкъ запахнулъ халатъ, росшитый шнурками, на подобіе венгерки, и поднялся въ полнѣйшемъ недоумѣніи; однакоже протянутую выжидательно руку поцаловалъ безъ всякаго прекословія.

— Але жь якимъ способомъ?! пожимая приподнятыми плечами и растопыря ладони, изобразилъ панъ Пшепендовскій живую фигуру изумленія.

Супруга передала ему и способъ, только не совсѣмъ такъ, какъ оно происходило въ дѣйствительности.

Она очень подробно разсказала ему, какъ просила во имя мужа и малыхъ дѣтей, но кое о чемъ и умолчала,— словомъ сказать, разсказъ ея представлялъ собою изданіе исправленное и сокращенное и приспособленное къ назиданію добродѣтельныхъ мужей.

Пшепендовскій только руками разводилъ да глазами хлопалъ—столь чудно и столь хорошо все это выходило.

— А! протянулъ онъ не безъ важности, многозначительно подымая носъ: — понимаю!... понимаю! Онъ потому такъ принялъ... потому и обѣщанье далъ... Такъ, такъ! это потому!

— Почему? слегка нахмуривъ бровь, спросила пани Филиція.

— Бо мамъ гэрба! съ аристократическимъ гоноромъ пояснилъ панъ Пшепендовскій.

— Гэрба?... Ну, и что-жъ изъ того?

— А какъ же-жь?!. Бо естемъ шляхтичъ родившійся! бо естемъ Пшепендовскій—розумѣшъ то, душечка?

— Пфф!.. Пшепендовскій!.. Что же это такое «Пшепендовскій? съ маленькой досадой и выдвинувъ небрежно губу возразила пани Фелиція. Ей дѣйствительно было досадно, что индюкъ, вмѣсто благодарности за ея самоотверженіе, вдругъ сталъ приписывать весь успѣхъ

дѣла ничему иному, какъ только тому, что онъ «герба мае» и что онъ—«Пшепендовскій».

— Что такое Пшепендовскій?! Что такое Пшепендовскій?! съ ироніей оскорбленнаго аристократизма, наступалъ на нее индюкъ:—Пшепендовскій у гербу майай пул-казицы!*)... Цалы пул-казицы! разуме то, моя пани, аль не разуме? Отъ-цо есть такое Пшепендовскій.

— Гэрба! герба!.. И что имъ за дѣло до вашего герба?

— От-то еще! Что за дѣло!—Почитайте-ка газеты! Газеты почитайте, тогда и узнаете! Теперь консервативный элементъ въ дѣло *у нихъ* пошелъ; теперь они за интересы землевладѣнія и дворанства—потому и поддержка дворанству! Потому и мнѣ поддержка! Теперь понимаете, что значитъ гербъ и чему мы обязаны?

— Гэрба! гэрба! продолжала въ томъ же задирающемъ и поддразнивающемъ тонѣ пани Фелиція:—у меня и свой собственный гербъ есть! И ужъ если генералъ и сдѣлаетъ что, то ужь конечно не для вашего, а для моего герба, коли вы знать хотите!

— Ну да! Ну, конечно для вашего! Что и говорить! для вашего, для вашего! иронически раскланивался передъ нею панъ Пшепендовскій:—нашли гдѣ гербъ... И какой у васъ гербъ?—Гербарій а не гербъ!

— Ну и гербарій! а все жь таки вотъ для гербарія сдѣлаютъ, а не для вашей пул-казицы! Куды ваша пул-казица годится? изъ нея и биф штеку не не приготовишь! Ужь молчи лучше со своимъ «гербомъ» и цалуй руку умной жены!

И рука снова кокетливо была протянута къ индюку, и индюкъ снова поцаловалъ ее.

И было въ домѣ пана Пшепендовскаго на сей день веселье, довольство и счастіе.

Но прошло нѣсколько дней, прошла недѣля, и другая и третья, даже полтора мѣсяца прошло, а объ мѣстѣ ни слуху ни духу.

Мало по малу прежнее озлобленное уныніе смѣнило мимолетное довольство единственнаго счастливаго дня. Панъ Пшепендовскій снова пріуныл и погрузился въ какія-то созерцательныя, сосредоточенныя и молчаливыя думы надъ своимъ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, изъ котораго подъ стать его настроенію, уныло исходили струйки Жуковскаго дыма (онъ хоть былъ и патріотъ, но придерживался по старинѣ Василія Жукова). Файтова опять не стала вѣрить въ кредитъ; Шлiома подобно ходячему memento mori, опять ежедневно стучался въ дверь и надоѣдалъ угрозами о полицеймейстерѣ; и сапоженки маленькаго Стася успѣли уже дѣйствительно запросить каши...

А мѣста нѣтъ какъ нѣтъ! — И генеральское слово не помогаетъ...

А пани Пшепендовская между тѣмъ очень хорошо знаетъ, что стоило бы генералу сказать одно только это желанное слово, сдѣлать одно только минутное распоряженіе—и теплое мѣсто было бы готово къ услугамъ пана Пшепендовскаго.

Пани Пшепендовская нѣсколько разъ понавѣдалась въ генеральскій домъ, но по большой части все неудачно: то генералъ не принимаетъ, то выйдетъ къ ней въ залу—и, на ряду съ другими просителями, отвѣтитъ, пожимая плечами:

— Что дѣлать, сударыня! Душевно бы радъ, да все еще нѣтъ подходящей вакансіи... Потерпите немного.

*) Пулказицы — полкозявки.

И за тѣмъ, равнодушно откланявшись, проходитъ далѣе. Но въ кабинетъ уже больше не зоветъ ее.

А между тѣмъ пани Фелиція слышитъ отъ пани Пшесницкой, что вотъ такому-то дали такое-то мѣсто, а такому то эдакое, и слухи эти всегда подтверждаются, всегда оказываются вполнѣ справедливыми; стало быть мѣста-то есть, да только замѣщаютъ ихъ все «быдломъ наѣздовымъ», а вѣрнопреданный панъ Пшепендовскій сидитъ на бобахъ и ждетъ у моря погоды.

— Ну и чтожъ вашъ гербарій?.. И гербарій, видно, не помогаетъ нынче! Довольно они этихъ гербаріевъ видѣли!.. Не удивите! укоризненно и желчно обращался къ супругѣ панъ Пшепендовскій, давая волю своему грустно-мрачному и озлобленному настроенію.

И пани Фелиція только фыркала на него съ оскорбленнымъ достоинствомъ, но въ полемику уже не вступала.

А между тѣмъ идея о мѣстѣ такъ понравилась пану Пшепендовскому, и такъ живо онъ представилъ его себѣ, и такъ пріятно вообразилъ себя какъ-бы совсѣмъ уже на мѣстѣ, и такъ разлакомился мечтами и предвкушеніемъ этой благодати, что теперь тѣмъ паче подвергся тоскѣ безплоднаго ожиданія. Ему ужь во что-бы то ни стало хотѣлось заполучить себѣ теплое мѣстечко.

И вотъ, время отъ времени, слышитъ панъ Пшепендовскій, что панъ Подлецкій принялъ православіе и получилъ мѣсто, панъ Мерзецкій принялъ православіе и получилъ мѣсто....

«Э! от-то есть штука!» грустно мыслитъ себѣ панъ Пшепендовскій: «Ну, и цо жъ теразъ робиць?...»

«Кодысь-то была тутей польска земля, правдзивы поляки, правдзива стара вудка, правдзива наша свянта вѣра католицька и мазуречки, и косцелы и родовите паньство, шляхетство, рыцерство гонорове и статуты, и правда польска и гонорь польскій и вшистко, вшистко и повшендзе была тутей польска, а теразъ... теразъ то южь ниць нима!... Ниць!... Теразъ едне православье и вѣрноподданьство!... Гм... вѣрноподданьство!... Ну, и цожь?. Ну, и вѣрноподаньство! Ну, и православье!... Але цожь таке?»

«Кеды жь не можно и зъ православьемъ? От-то глупство! Ну, и бендземы православны! И въ вѣрноподданьство навроцимсей! А вы, дурни, мысляли, же то южь нима намъ теразъ же еднаго способу до житцья упокою на бѣлемъ свѣтци! От-то дурни! А мы до православья навроцимсей! У вѣрноподданьство пойдземы! и баста! А цо, панове москале? Хе, хе, хе-е!.. Дулю сглоцили! От-то такъ же и есть!»

Панъ Пшепендовскій сталъ серьезно подумывать о томъ, чтобы принять православіе.—Теперь не гербы и и не гербаріи мѣсто даютъ, а вѣрноподданьство и православіе... И развѣ не все одно? мыслилъ онъ надъ своимъ чубукомъ:

«Развѣ Богъ не одинъ? креститься такъ, либо такъ, признавать папу или не признавать—от-то есть глупство! Ну, и буду я хоть «православный», але кто жь меня повѣритъ въ душѣ: чи естемъ всходный или католикъ? Развѣ не можно почитать въ душѣ и папу и костелъ, ходя до всходней церквѣ?»

«Ну, глупство! Едне тольке глупство, и венцей ниць! Лишь бы быть добрымъ полякомъ, добрымъ человѣкомъ, добрымъ патріотомъ (но только очень осторожнымъ) а тамъ—католикъ ли я, или православный—это равно ничего не значитъ!»

«Лишь бы только народъ, масса, лишь бы только

быдло хлопське не переходило въ православіе, лишь-бы оно оставалось подъ костеломъ, а если приметъ православіе шляхтичъ, чиновникъ, и даже ксендзъ — это равно ничего не значитъ! Люди цивилизованные. люди интелигенціи пусть принимаютъ, наши обстоятельства требуютъ того! Отъ этого не вредъ, а скорѣе польза святей справѣ!

Однажды онъ сообщилъ свои мысли супругѣ. Ту сначала было поразило это обстоятельство.

— А дѣти!.. И дѣти тоже будутъ всходными? воскликнула она, чуть не въ ужасѣ всплеснувъ руками: — и я буду всходна?.. Какъ! чтобы я въ москевську схизму? — да ни за что на свѣтѣ! Ни сама не пойду, ни дѣтей развращать не позволю! Не позволю, да и баста!.. Не позволю!

Панъ Пшепендовскій пригнулся отъ ярости своей супруги, столь ревнующей о вѣрѣ. Но переждавъ эту бурю, онъ осторожно сталъ развивать ей свои мысли о томъ, что дѣти и она могутъ и не принимать православія, что онъ одинъ только приметъ, ради полученія мѣста — единственно только ради мѣста, а безъ того пропадай она и совсѣмъ! Что ему будетъ еще лучше, еще сподручнѣе тогда дѣйствовать на пользу святей справы польской, потому что присоединеніе къ православію развяжетъ ему руки, заставитъ москевское правительство не обращать на него больше особаго вниманія какъ на православнаго — и потому стало быть вѣрноподданнаго и больше не опаснаго человѣка; что это православіе относительно его пана Пшепендовскаго вотретъ хорошіе очки власти наяздовой, заставитъ ее глядѣть на него сквозь пальцы, и главное — это православіе дастъ ему доброе, теплое мѣсто, а мѣсто, въ свой чередъ, дастъ возможность дѣйствовать подъ рукою на пользу ойчизны, но только дѣйствовать умнѣе осторожнѣе, осмотрительнѣе, чѣмъ было до «дурацькаго повстанья», и что наконецъ она, пани Пшепендовская, какъ мать и добрая патріотка, всегда съумѣетъ изъ своихъ дѣтей — будь они даже хоть и православные — сдѣлать добрыхъ и заядлыхъ поляковъ и что примѣры тому найдутся пожалуй даже и теперь, и что стало быть, въ концѣ концовъ, опасаться, волноваться и неистово кричать *непозволямъ* ровно не изъ чего.

Пани Пшепендовская, вразумленная столь краснорѣчивыми доводами супруга, не противурѣчила болѣе благимъ его намѣреніямъ и даже сознала въ душѣ всю ихъ неоспоримую пользу.

Панъ Пшепендовскій послѣ этого еще пуще сталъ поносить передъ русскими людьми и поляковъ, и повстанье, и его дѣятелей, и ксендзовъ (ксендзовъ въ особенности). Заговорилъ онъ о томъ, что всегда былъ въ душѣ русскимъ патріотомъ, что по документамъ и предки его были русскими, но только совратились въ католичество, — что пора ему (да и всѣмъ вообще) возвратиться въ лоно своего русскаго отечества и въ лоно православной церкви, — что они-то самые, эти возвращенные въ лоно и будутъ лучшими и передовыми бойцами въ этомъ краю за русское дѣло. И много еще другихъ подобныхъ рѣчей говорилъ панъ Пшепендовскій, при каждомъ случаѣ, какъ только доводилось ему бесѣдовать въ исключительно русскомъ обществѣ. Онъ настоятельно сталъ искать сближенія съ русскими. — И многіе русскіе слушали, развѣся уши, пана Пшепендовскаго и отдавали ему даже искренное сочувствіе. Въ нѣкоторыхъ русскихъ кружкахъ о немъ составилось даже очень лестное для него мнѣніе, и панъ Пшепендовскій торжествовалъ. Съ помощью подобной тактики, онъ исподволь очень ловко обдѣлывалъ свои дѣлишки, ради которыхъ и составлялъ себѣ предварительно эту хорошую репутацію въ русскомъ обществѣ.

Между поляками панъ Пшепендовскій держалъ себя иначе. Тутъ онъ больше все старался помалчивать, предоставляя первенство въ разговорахъ своей супругѣ, а самъ время отъ времени только вздыхалъ выразительными вздохами сокрушенія — и всѣмъ видомъ, всѣмъ характеромъ своимъ изображалъ неизбѣжную, (хотя и вѣроятно только временную) покорность роковымъ обстоятельствамъ.

Съ этого же времени панъ Пшепендовскій сопричислилъ себя къ искателямъ мѣстъ. Онъ такъ ужь и смотрѣлъ настоящимъ искателемъ мѣста, и вздыхалъ какъ искатель мѣста, и кланялся, и улыбался и руку пожималъ, и разговаривалъ по преимуществу о мѣстахъ, и чутко настораживалъ уши, когда при немъ чей либо посторонній разговоръ начиналъ касаться вакансій, смѣщеній, замѣщеній, опредѣленій и вообще какихъ бы то ни было мѣстъ.

Даже на улицѣ, при столкновеніи съ какимъ нибудь знакомымъ, когда тотъ встрѣчалъ его обычнымъ привѣтствіемъ:

— Якъ сен-машъ, пане?

Панъ Пшепендовскій кисловато отвѣтствовалъ:

— Алежь такъ... Мѣстца шукамъ!

И начинался разговоръ о мѣстѣ.

Наконецъ панъ Пшепендовскій услышалъ однажды, что даже и панъ Пшепадильскій — такъ-таки самъ наияснѣйше панъ Пшепадильскій принялъ православіе и получилъ за то лестное отличіе.

Это окончательно уже порѣшило пана Пшепендовскаго.

Онъ взялъ и тоже принялъ православіе.

(Продолженіе будетъ).

Городъ Чухлома.

II. Авраамiевъ монастырь.

Глубокое основаніе заключается въ томъ, что отшельники, положившіе начало православнымъ монастырямъ, выбирали мѣстомъ своихъ молитвъ и созерцаній мѣста живописныя. Берега Чухломскаго озера какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали настроенію религіознаго духа людей, удалявшихся отъ міра въ лоно первобытной безмятежной природы, и будучи заселены язычниками, представляли обширное поприще для проповѣди христіанства. Гористые, поросшіе лѣсомъ берега окаймляютъ прозрачныя, чистыя воды, то образуя тихіе заливы, то выбѣгая зелеными мысами или песчаными отмелями. Безподобный видъ представляетъ Авраамiевъ монастырь, расположенный на противоположномъ берегу Чухломскаго озера, въ 10 верстахъ отъ Чухломы. Противъ города какъ бы изъ нѣдръ земли выростаютъ бѣлыя каменныя стѣны съ готическими башенками, мас-

сивными храмами и крестами колоколенъ Авраамiева монастыря, рѣзко обрисовываясь на темно-зеленомъ фонѣ лежащаго позади лѣса, отражаются на зеркальной поверхности озера. Довольно высокая гора, на которой расположенъ монастырь и лежащее рядомъ съ нимъ село Ножкино съ церковью, по во шебству таинственной природы колеблется въ зеркальномъ отраженiи озера, то освѣщаясь ярко багрянымъ свѣтомъ въ глубокихъ тѣняхъ зданiй, то блестя какой-то необъяснимой серебристой бѣлизною, то отъ малѣйшаго дуновенiя вѣтерка представляя громадныя развалины покрытыя мелкой рябью воды.... картина восхитительная!

Авраамiевъ монастырь основанъ въ XII вѣкѣ. Онъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ преподобный велъ свою схимническую жизнь. Замѣчательные храмы въ немъ: Ильинскiй, построенный въ память кончины св. Авраамiя, на довольно высокой насыпи сдѣланной руками самого преподобнаго. Другой, пятиглавый, холодный храмъ, во имя покрова Пресв. Богородицы построенъ въ 1608 г. и возобновленъ въ 1867. Рака съ мощами св. Авраамiя помѣщается въ первомъ храмѣ, въ придѣлѣ пророка Илiи.

Въ оградѣ окружающей монастырь находятся двое воротъ; одни обращены на западную сторону монастыря, другiя ведутъ на Солигаличскую дорогу. Въ историческомъ отношенiи монастырь этотъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что здѣсь погребено тѣло княжны Елены Владимiровны Долгоруковой, родной сестры Марiи Владимiровны, супруги Государя Михаила Θеодоровича. Въ iюлѣ мѣсяцѣ здѣсь бываетъ празднованiе и стекается множество народа изъ Чухломы и сосѣднихъ уѣздовъ.

А. Шевяковъ.

Пчелиный охотникъ.

Характеристическiй очеркъ американскаго Запада.

По преданiямъ, живущимъ между индiйскими племенами Западной Америки, рабочая пчела появилась въ Новомъ Свѣтѣ только съ поселенiемъ пуританскихъ колонiй и ими акклиматизировалась, вмѣстѣ съ цивилизацiей перешла она черезъ море и съ нею же проникла съ Востока на Западъ. Задолго до этого, прежде чѣмъ нога бѣлаго человѣка ступила на берега Миссиссиппи, одинъ охотникъ изъ савнейскаго племени, открывшiй въ пустомъ деревѣ рой неизвѣстныхъ и чуждыхъ насѣкомыхъ, предсказалъ своимъ братьямъ, что ихъ родной землѣ угрожаетъ вражеское нападенiе. Какъ бы то ни было, оправдалось ли пророчество великаго предсказателя,—но нынѣ рабочiя пчелы роятся въ безчисленномъ количествѣ на большихъ и пространныхъ лугахъ и ввѣряютъ произведенiя своего труда въ такомъ громадномъ объемѣ могучимъ исполинамъ—столѣтнимъ лѣсамъ, что изъ этихъ произведенiй лѣсные жители сдѣлали себѣ родъ промысла, который если и не всегда щедро награждаетъ ихъ за труды, сопряженные съ открытiемъ пчелиныхъ ульевъ, то покрайнѣй мѣрѣ всегда даетъ имъ возможность заработать наличныя деньги, какъ подобный доходъ отъ охоты.

Пчелиный охотникъ рѣзко отличается по своему нраву отъ прочихъ охотниковъ; его нельзя сравнивать съ охотникомъ, ищущимъ слѣдовъ быстроногихъ оленей, или выслѣживающимъ медвѣдей и волковъ,—онъ не имѣетъ съ такими ничего общаго. Онъ кротокъ, добродушенъ и тихъ, хотя органы его чувствъ и не менѣе развиты, чѣмъ у тѣхъ; онъ любитъ природу, любитъ цвѣты—хотя можетъ-быть и не такъ какъ любитъ ихъ ботаникъ или натуралистъ. Своимъ характеромъ пчелиный охотникъ схожъ съ рыболовомъ, охотящимся съ удочкой, и не уступитъ ему въ терпѣнiи; онъ тихъ и молчаливъ, какъ окружающiй его лѣсъ, гдѣ ему извѣстенъ каждый вершокъ земли, и гдѣ каждое несвоевременое чириканье птицы или даже стукъ дятла о сухое дерево — все возбуждаетъ собою его вниманiе и разстроиваетъ его покой.

Пчелиный охотникъ по профессiи—бо̀льшею частью строитъ свое жилище у судоходной рѣки, засѣваетъ овощами одинъ или два акра земли; добрая винтовка доставляетъ ему въ изобилiи мясо, а въ остальномъ разсчитываетъ онъ на судьбу и на собственную ловкость добывать медъ дикихъ пчелъ. Когда онъ наберетъ меду три или четыре бочки, тогда катитъ ихъ на берегъ, сваливаетъ въ свое каноэ и плыветъ съ ними въ ближайшую колонiю, чтобы вымѣнять ихъ на муку, порохъ, свинецъ и другiе необходимые предметы, нужные для его простой и незатѣйливой жизни. Если его хижина стоитъ у большой судоходной рѣки, тогда онъ, ради сбереженiя времени, вступаетъ въ сношенiе съ хозяиномъ какого нибудь парохода и отдаетъ ему свой товаръ съ уступкой цѣны, для сбыта его въ Новый Орлеанъ или Сентъ-Луисъ. Обыкновенная плата, получаемая пчелинымъ охотникомъ, составляетъ одну четверть доллара за галлонъ; а такъ какъ каждое дерево доставляетъ отъ восьми до десяти а иногда даже и до двѣнадцати галлоновъ меда, то слѣдовательно его труды всегда вознаграждаются хорошо.

Кто посѣщалъ когда нибудь Западные Штаты Америки и имѣлъ случай проникнуть въ особолежащiя поселенiя пчелиныхъ охотниковъ и при этомъ познакомиться хотя съ однимъ изъ нихъ, тотъ всегда узнаетъ этого человѣка и подобныхъ ему охотниковъ между сотней другихъ лѣсныхъ поселенцевъ.

Въ прiобрѣтенiи жизненныхъ средствъ, уповая только на свои умственныя способности, какъ главный и единственный источникъ своихъ доходовъ, пчелиный охотникъ презираетъ всякiй наружный блескъ. Нарядъ его чрезвычайно неприхотливъ и простъ: измятая съ широкими полями поярчатая шляпа, почти закрывающая собою глаза, украшаетъ его голову; синяя съ бѣлыми полосами фланелевая рубашка виситъ небрежными складками на его широкихъ и мускулистыхъ плечахъ; о сюртукѣ и жилетѣ нѣтъ и помина; его шаровары, если они сдѣланы изъ оленьей шкуры, всегда покрыты толстыми слоями меда и грязи, образовавшими на нихъ подобiе коры,—если же сшиты они изъ тику или другаго тонкаго матерiала, то ихъ безчисленныя заплаты ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что ихъ хозяина не устрашаетъ никакой путь, когда онъ слѣдитъ за полетомъ пчелы, хотя бы этотъ путь

лежалъ и чрезъ непроходимую лѣсную чащу, и чрезъ колючій тернистый кустарникъ.

Искусство и навыкъ пчелинаго охотника возбуждаютъ глубокое изумленіе, равно какъ и зоркость его привычнаго глаза, съ какою слѣдитъ онъ на далекомъ разстояніи за полетомъ пчелы, возвращающейся въ улей.

По обычаю, существующему на дальнемъ западѣ Америки и обратившемуся тамъ въ законъ, человѣкъ, отыскавшій такъ называемое «медовое дерево» (т. е. дерево, въ которомъ помѣщается улей), дѣлается и его обладателемъ. Для того чтобы обозначить найденное дерево какъ свою собственность, охотникъ долженъ содрать съ него полосками кору—и если кто послѣ этого срубитъ такое, уже отмѣченное, дерево, чтобы добыть себѣ медъ, то на того смотрятъ уже тогда какъ на похитителя чужой собственности, какъ на вора, запустившаго руку въ карманъ своего сосѣда. Къ чести тысячи лѣсныхъ поселенцевъ, я долженъ сказать, что до меня еще ни разу не доходилъ слухъ о нарушеніи этого закона.

— Много ли, Помпи, отыскали вы медовыхъ деревьевъ въ нынѣшнее лѣто? спросилъ я въ Сѣверной Луизіанѣ одного стараго негра, о которомъ мнѣ говорили, что онъ всѣ свои воскресные дни проводитъ на пчелиной охотѣ.

— Тридцать четыре, отвѣчалъ самодовольно старикъ.—Я думаю, мнѣ нужно будетъ нанять помощниковъ, чтобы срубить ихъ всѣ къ Рождеству.

Всѣ эти деревья находились въ близкомъ разстояніи отъ плантаціи, гдѣ работалъ Помпи—и если бы онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ и не успѣлъ бы срубить ихъ всѣ къ Рождеству, покрайней мѣрѣ онъ могъ быть покоенъ въ томъ отношеніи, что его собственность будетъ цѣла и неприкосновенна, хотя бы онъ и воспользовался ею позже. Готентотамъ въ Африкѣ служитъ надежнымъ проводникомъ къ пчелинымъ ульямъ такъ-называемая «медовая кукушка» (Honigvogel). Слѣдуя за пчелами, возвращающимися въ улей, эта птица рѣзкимъ крикомъ своимъ показываетъ охотникамъ вѣрный путь къ медовымъ деревьямъ. Въ Америкѣ охотникъ не имѣетъ у себя подобныхъ помощниковъ и долженъ только надѣяться на собственное искусство и ловкость. Чтобы найти дерево, заключающее въ себѣ медъ, американскій охотникъ долженъ дѣйствовать съ умомъ и смѣтливостью, какъ дѣлаетъ это Тони Снидъ, пчелиный охотникъ, округъ котораго я посѣщалъ въ Теннеси, повыше Мемфиса.

Было прекрасное осеннее утро, когда капитанъ парохода Ватерлили высадилъ меня на берегъ, недалеко отъ плантацій полковника Никсона, гдѣ мнѣ назначилъ свиданіе Тони, познакомившійся со мною недавно въ Мемфисѣ. Опираясь на свой острый топоръ, честный житель лѣсовъ принялъ меня очень радушно, какъ своего стараго друга, хотя зналъ меня только нѣсколько дней. Рядомъ съ нимъ шелъ его сынъ, длинный и неуклюжій малый, лѣтъ семнадцати, такой же привѣтливый и гостепріимный какъ и его отецъ; въ одной рукѣ держалъ онъ острый топоръ, въ другой два легкія ведра.

Городъ Бѣлозерскъ.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

— Прекрасное утро сегодня, сказалъ Тони, обращаясь ко мнѣ съ особенною своеобразной формой привѣта, употребляемой нерѣдко на Дальнемъ Западѣ Америки,—если вы уже сдѣлали что-нибудь для вашего внутренняго человѣка, то намъ слѣдовало бы не медля приниматься за дѣло.

Я видѣлъ, что онъ уже былъ совершенно готовъ къ работѣ, вооружившись необходимыми для нея снарядами. Заглянувъ искоса въ ведра его долгоногаго сына, я примѣтилъ тамъ маленькую жестянку съ медомъ, синее глиняное блюдцо, и стклянку съ сѣрнымъ порошкомъ; какъ ни просты казались эти предметы, но между тѣмъ они были необходимы для предстоящей охоты. Тони и его сынъ повели меня на пространный лугъ, находившійся почти на полчаса разстоянія отъ рѣки. Лугъ былъ покрытъ зеленой и сочной травой; послѣдніе дѣти осени—синіе, жолтые и малиновые цвѣты, самаго яркаго колорита, красовались здѣсь въ полномъ великолѣпіи, межъ ними жужжали трудолюбивыя пчелы; на нѣкоторыхъ цвѣтахъ ихъ сидѣло по нѣсколько штукъ.

— Онѣ бо́льшей частью изъ одного улья, сказалъ Тони, примѣтивъ что пчелы возбудили мое вниманіе.— Мнѣ нужны пчелы, летающія по одиночкѣ, для того чтобы найти уголъ и линію.

Я посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, такъ какъ его замѣчаніе было для меня непонятно, и спросилъ, что́ онъ подразумѣваетъ подъ линіей и угломъ.

— Погодите, возразилъ Тони, надвигая на глаза свою шляпу,—на поискахъ за медомъ надо работать не языкомъ а глазами.

Я понялъ изъ этого, что привычка горожанина немедленно узнавать обо всемъ что̀ онъ встрѣчаетъ страннаго и необыкновеннаго—не въ ходу въ Миссисиппи, и это заставило меня умѣрить свое любопытство и ограничиться молчаливымъ наблюденіемъ того, что́ будетъ дѣлать Тони. Мы прошли нѣсколько шаговъ. По знаку своего отца, молодой Тони поставилъ на землю одно ведро, опрокинувъ его вверхъ дномъ; на ведро поставилъ блюдцо, положилъ на него половину чайной ложки меду—и потомъ, вмѣстѣ съ нами, отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону. Чрезъ три, четыре секунды одна пчела, привлеченная запахомъ меда, сѣла на блюдцо, за нею другая и третья и вскорѣ уже пять пчелъ усердно трудились надъ медомъ, стараясь набрать его какъ только возможно больше. Осторожно, ступая шагъ за шагомъ, приблизился теперь Тони, со стаканомъ въ рукахъ, къ ведру и ловкимъ движеніемъ руки опрокинулъ его на пчелъ; затѣмъ онъ прикрылъ стаканъ своей шляпой.

— Въ потьмахъ они лучше работаютъ, сказалъ онъ, искоса взглянувъ на меня.

Чрезъ нѣсколько минутъ терпѣливаго ожиданія Тони принялъ съ стакана свою сомбреро, посмотрѣлъ со вниманіемъ на плѣнницъ—и, кивнувъ головой, сказалъ съ довольной улыбкой: «теперь они тяжело нагрузились». Затѣмъ онъ взялъ щепотку сѣрнаго порошка, насыпалъ его на внутреннюю сторону большаго пальца правой руки, поднялъ настолько стаканъ, чтобы пчелы могли выползти изъ своего заключенія—и въ то время когда они уже собирались летѣть, обсыпалъ ихъ сѣрнымъ порошкомъ.

— Это произведетъ шумъ въ ульѣ, когда они вернутся домой, сказалъ онъ сквозь зубы:—они летятъ въ томъ же направленіи какъ и тѣ, которыя поднялись при нашемъ приходѣ сюда.

Зорко наблюдая за полетомъ маленькихъ насѣкомыхъ, Тони въ то же самое время повторялъ и свои упражненія. Къ его удовольствію и другія пчелы полетѣли одной дорогой съ первыми; наконецъ третьи плѣнницы, вырвавшись на свободу, приняли совершенно противоположное направленіе. Тони объяснилъ мнѣ, что они принадлежатъ другому улью. На разстояніи двухсотъ шаговъ я уже не могъ видѣть пчелъ и совсѣмъ потерялъ ихъ изъ вида, межъ тѣмъ какъ Тони, спустя еще нѣсколько минутъ, говорилъ мнѣ, что онъ видитъ ихъ ясно; постоянное упражненіе необыкновенно изощрило его зрѣніе. Двухъ другихъ пчелъ, мало набравшихъ меда, Тони стряхнулъ съ блюдца, и кивнулъ своему сыну чтобы убралъ посуду. Пройдя около двухсотъ шаговъ, онъ повторилъ свои опыты. Теперь я видѣлъ на практикѣ, что́ Тони понималъ подъ «линіей и угломъ». Я думаю, это будетъ ясно и для читателя, когда я объясню ему, что вся вышеописанная мной процедура совершилась для того, чтобы найти линію прямой дороги, которую принимаютъ пчелы для возвращенія въ улей. Между тѣмъ улей, очень возможнымъ образомъ, можетъ находиться весьма далеко въ лѣсу, на одну а иногда и на двѣ англійскихъ мили. Чтобы его отыскать—пчелиный охотникъ долженъ, какъ дѣлаетъ это Тони, наблюдать пунктъ гдѣ пересѣкается пчелами проведенная уже линія прямой дороги—и тогда онъ можетъ съ достовѣрностью опредѣлить мѣсто, гдѣ должно искать дерево заключающее въ себѣ улей. Навыкъ и постоянное упражненіе необходимы для каждаго дѣла, если надо дойти въ немъ до совершенства: практика и на пчелиной охотѣ дѣлаетъ мастеровъ, а Тони былъ мастеръ своего дѣла. Я убѣжденъ, что онъ скорѣе опредѣлилъ дорогу къ улью, чѣмъ я сдѣлалъ это объясненіе, — ибо едва онъ примѣтилъ, что опыленныя имъ пчелы приняли соотвѣтствующее направленіе, какъ сейчасъ же, наскоро подхвативъ свои снаряды, быстрыми шагами направился въ лѣсъ. Не прошло четверти часа, какъ уже Тони стоялъ возлѣ медоваго дерева. Сильное и громкое жужжанье, слышанное имъ уже издали, но которое я теперь только услыхалъ, показало мнѣ на дѣлѣ несомнѣнную пользу сѣрнаго порошка. Дѣйствительно, какъ уже и заранѣе предсказывалъ мнѣ охотникъ, опыленныя пчелы привели весь улей въ движеніе, поводомъ къ чему послужила окраска ихъ, непріятная для его обывателей.

Дерево, долженствовавшее наградить Тони за его трудъ, было прекраснѣйшее во всей, окружающей насъ, мѣстности. Безъ сомнѣнія, гордая вершина его возвышалась къ небу уже въ теченіи двухъ столѣтій—и прежде еще, чѣмъ родился дѣдъ охотника Тони, это могучее дерево много уже видѣло юной, прекрасной жизни, зарождающейся подъ его тѣнистымъ лиственнымъ сводомъ. Теперь же безпощадный топоръ долженъ былъ подрубить его мощные, сильные корни, для того что охотнику понадобилось добыть себѣ нѣсколько галлоновъ меду,—и въ то время, какъ сильная рука Тони дѣлала инструментомъ нарѣзку на его свѣжей корѣ, на другой сторонѣ уже раздавались удары топора его сына, ясно и звонко раздававшіеся въ тихомъ дремучемъ лѣсу. Пока не шатался этотъ могучій исполинъ, пчелиное племя, живущее подъ его покровомъ, казалось не предчувствовало угрожающей ему опасности; но въ то время когда онъ пошатнулся, когда пчелы

поняли какъ оскорблялась природа, тогда они возстали съ яростью противъ ея оскорбителя. Между тѣмъ кожа пчелиныхъ охотниковъ была слишкомъ жестка и груба, чтобы почувствовать ужаленье нѣсколькихъ пчелъ; но такъ какъ нападенія стали дѣлаться съ каждой минутой сильнѣе, то охотники положили свои топоры, набрали сухаго моха и прутьевъ и зажгли ихъ, чтобы принудить пчелъ къ отступленію. Насѣкомыя, ошеломленныя дымомъ, скрылись проворно въ улей—и работа была окончена. Съ сильнымъ шумомъ и трескомъ громадное дерево повалилось на землю.

Опытный глазъ Снида скоро отыскалъ отверстіе, ведущее къ улью. Съ помощью сына онъ набралъ еще хворосту, разложилъ на разстояніи четырехъ или пяти футовъ отъ дерева и зажегъ, чтобы, какъ говорилъ онъ, «окурить пчелъ».

Во время этого процесса, совершающагося предъ моими глазами, Тони подошелъ ко мнѣ. Я изъ предосторожности благоразумно избралъ себѣ мѣстечко подальше отъ поля битвы. Охотникъ вытащилъ изъ кармана глиняную черную трубку, наполнилъ ее «благовоннымъ злакомъ Кентуки»—матеріаломъ вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы предупредить нападеніе пчелъ и сдѣлать его невозможнымъ.

— Убивать ихъ было бы несправедливо, да это и не въ моемъ интересѣ, сказалъ Тони, куря какъ турокъ. — Пчелы скоро опять поправятся и найдутъ себѣ другое пристанище. Очень вѣроятно, что мы съ ними скоро опять увидимся. Дымъ ошеломляетъ ихъ только на время; послѣ онѣ снова будутъ также бодры и веселы, какъ кузнечики.

Когда разошелся дымъ, кора была осторожно облуплена съ дерева, медъ вынутъ и положенъ въ ведра. Захваченные мной на дорогу сухари пришлись теперь весьма кстати: мы обмакнули ихъ въ свѣжій, душистый медъ и съ удовольствіемъ съѣли. Завтракъ оказался превосходнымъ—и я увѣренъ, что многіе бы намъ позавидовали, потому что медъ дикихъ пчелъ нетолько такъ же сладокъ, какъ и медъ нашихъ пчелъ, но далеко превосходитъ его въ ароматѣ.

Болѣе всего поражаетъ меня въ пчелиномъ охотникѣ тонкость и острота его чувствъ. Они также развиты у него, какъ чувства слуха и осязанія у слѣпцовъ. Малѣйшее движеніе въ воздухѣ, въ листьяхъ и на землѣ, чего бы обыкновенный человѣкъ даже и не замѣтилъ, мгновенно возбуждаетъ его вниманіе. Этотъ инстинктъ, если такъ можно его назвать, унаслѣдованный пчелинымъ охотникомъ отъ краснаго человѣка, сопровождаетъ его и на охоту и на войну, если онъ долженъ предпринять послѣднюю для собственной защиты и безопасности,—и только съ этимъ инстинктомъ и чрезъ него возможно прочное существованіе этого человѣка; спокойствіе и зоркій недремлющій глазъ ведутъ его чрезъ всѣ трудности и опасности, встрѣчающіяся ему на пути его жизни.

Опасный врагъ и оборонительныя средства противъ него.

Исцѣлять болѣзни, облегчать страданія, возвращать больнымъ всеоживляющее здоровье — благородная, великая задача; но несравенно больше заслуги въ томъ, чтобъ предохранять отъ болѣзней, предъупреждать мучительныя страданія, въ особенности же останавливать губительныя дѣйствія повальныхъ болѣзней.

Въ этомъ отношеніи медицина едва ли можетъ указать на какое-нибудь пріобрѣтеніе, которое способствовало бы въ такой же степени благосостоянію всего человѣчества, какъ великое открытіе прививанія предохранительной или коровьей оспы, значеніе, происхожденіе и употребленіе которой вызываетъ наше вниманіе въ особенности въ послѣднее время—вслѣдствіе появленія въ обширныхъ размѣрахъ оспы.

Это появленіе или по крайней мѣрѣ то распространеніе, которое приняла въ настоящее время оспа, — печальный подарокъ и одно изъ многихъ гибельныхъ послѣдствій только-что оконченной войны, занимавшей собою такой обширный театръ. Хотя оспа и не переставала дѣйствовать спорадически и даже эпидемически то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ и, какъ извѣстно, господствовала еще до войны въ различныхъ городахъ: въ Берлинѣ, Штудгартѣ, въ особенности же въ Парижѣ, —но, еслибъ не было войны, оспа, безъ всякаго сомнѣнія, локализировалась бы тамъ, тогда какъ теперь она, вслѣдствіе военныхъ событій и соединеннаго съ ними передвиженія безчисленныхъ массъ людей (не перестававшихъ двигаться взадъ и впередъ, словно во время переселенія народовъ), была занесена и распространилась всюду.

Вообще, въ настоящее время не имѣютъ надлежащаго понятія о той страшной силѣ, которую имѣла эта повальная болѣзнь до введенія прививанія коровьей оспы и о тѣхъ ужасныхъ опустошеніяхъ, которыя она производила между людьми въ средніе вѣка, а также и въ прошедшемъ столѣтіи, какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ. Такъ напримѣръ, въ Европѣ впродолженіи прошлаго столѣтія отъ нея умирало ежегодно, среднимъ числомъ, полмилліона человѣкъ, обыкновенно изъ пяти заболѣвшихъ одинъ, а въ очень сильныя эпидеміи—второй или третій. Въ 1796 г. жертвою этой заразы сдѣлалось: въ Пруссіи 25,000 чел., въ Германіи 70,000; въ Швеціи отъ 1774—1803 г. умерло до 130,000 г. Ирландія потеряла въ 1707 г. изъ 50,000 душъ 20,000; Сибирь была, отчасти вслѣдствіе этой повальной болѣзни, положительно опустошена. Вообще можно полагать, что оспенныя эпидеміи во всѣхъ странахъ съ 1800 года лишили жизни одну десятую всего человѣчества, а одну десятую изуродовали, поразивъ слѣпотою и другими неисцѣлимыми недугами.

Оспа, какъ полагаютъ, явилась первоначально въ Китаѣ и Индіи, откуда она, по всѣмъ вѣроятіямъ, распространилась на западѣ черезъ аравитянъ, а еще болѣе впослѣдствіи черезъ крестовые походы, а отсюда была занесена потомъ переселенцами въ Америку, гдѣ именно она производила страшныя опустошенія между индѣйцами и не мало способствовала ихъ постепенному истребленію.

До какой степени былъ ужасенъ этотъ кошмаръ, подъ давленіемъ котораго стоналъ свѣтъ, этотъ убійца, отъ котораго не было спасенія — объ этомъ нечего и говорить; поэтому-то открытіе предохранительнаго средства, состоящаго въ прививаніи коровьей оспы (благодаря повсемѣстному введенію котораго, оспа въ наше

время потеряла такъ-сказать весь свой прежній ужасный характеръ) является настоящимъ спасеніемъ.

Основываясь на наблюденій, что люди, подвергшіеся той или другой болѣзни, вообще предохранены отъ нея на остальную жизнь, въ восточной Европѣ еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, пытались прививать здоровымъ людямъ настоящую натуральную оспу, — вслѣдствіе чего оспа вызывалась искуственнымъ образомъ, но, какъ дознано на опытѣ, болѣзнь, полученная такимъ образомъ проходила легче той, которая происходила отъ обыкновенной заразы. Несмотря на соединенную съ тѣмъ опасность, этотъ способъ прививанія, вывезенный въ 1721 году леди Монтэгю изъ Константинополя въ западную Европу, довольно часто употреблялся въ то время.

Настоящую исходную точку нынѣшняго прививанія составляетъ однакоже сдѣланное во многихъ мѣстахъ наблюденіе, что во время оспенной эпидеміи у коровъ очень часто показывается на вымени совершенно такая же оспа, —и на оборотъ, люди, именно служанки, ходившіе за больными оспою коровами, а въ особенности доившіе ихъ и получившіе вслѣдствіе этого такія же оспины, остаются здоровыми въ слѣдующія за тѣмъ оспенныя эпидеміи, благодаря перешедшей къ нимъ въ руку, посредствомъ прикосновенія или посредствомъ случайныхъ поврежденій на ней, ядовитой матеріи коровьей оспы, которая такимъ образомъ все равно что привита имъ.

Около 1765 г. коровья оспа признается предохранительнымъ средствомъ противъ оспы уже нѣмецкими лѣкарями, а французскіе и англійскіе подтверждаютъ сдѣланные ими опыты. Между прочимъ писали, что гольштинскій школьный учитель Плеттъ привилъ въ 1791 г. двумъ дѣтямъ лимфу коровьей оспы—и дѣйствительно предохранилъ ихъ такимъ образомъ отъ оспы.

Но только англійскій докторъ Эдвардъ Дженнеръ изъ Берклея оцѣнилъ надлежащимъ образомъ этотъ фактъ и сдѣлался, благодаря своимъ неутомимымъ трудамъ въ этомъ направленіи, настоящимъ основателемъ и распространителемъ прививанія коровьей оспы и вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ величайшихъ благодѣтелей человѣчества.

Обративъ еще прежде, вслѣдствіе заявленія одной крестьянки, свое вниманіе на предохранительную силу коровьей оспы (часто господствовавшей въ его странѣ у рогатаго скота) противъ человѣческой, онъ сталъ заниматься съ 1775 г. этимъ предметомъ и очень скоро разъяснилъ себѣ отношеніе коровьей оспы къ человѣческой. Вновь открывшаяся коровья оспенная эпидемія дала ему случай употребить свое открытіе практическимъ оаразомъ. 14 мая 1796 года онъ въ первый разъ привилъ одному мальчику, по имени Джемсу Фиппсу, коровью оспу и имѣлъ радость видѣть, что привитая къ нему впослѣдствіи человѣческая оспа не произвела никакого дѣйствія. Этимъ былъ сдѣланъ великій шагъ впередъ—и въ скоромъ времени новый способъ прививанія распространился по всей Европѣ и такъ-сказать по всему земному шару.

Какимъ образомъ привитая оспенная лимфа дѣйствуетъ при этомъ въ человѣческомъ тѣлѣ и предохраняетъ его отъ заразы — конечно еще тайна, и мы должны довольствоваться однимъ только фактомъ, что люди, къ которымъ привита оспа, несравненно менѣе воспріимчивы и вслѣдствіе этого менѣе подвержены этой болѣзни, чѣмъ тѣ, у которыхъ этого не было сдѣлано. Въ этомъ отношеніи извѣстно только то, что нѣкоторыя болѣзни, въ томъ числѣ и оспа, случаются съ людьми обыкновенно только одинъ разъ въ жизни,—а такъ какъ на произведенные посредствомъ прививанія на рукѣ оспины слѣдуетъ смотрѣть, какъ на настоящую оспу (только вызванную искуственно и тѣсно-ограниченную, какъ бы локализированную), то этимъ соблюдаются до извѣстной степени вышеупомянутые условія и человѣкъ предохраняется отъ заразы—съ тѣмъ однакоже ограниченіемъ, что предохранительное дѣйствіе этой локализированной оспы никакъ не простирается на всю жизнь, но по сдѣланнымъ изысканіямъ продолжается по высшей мѣрѣ десять лѣтъ, вслѣдствіе чего прививаніе во всякомъ случаѣ должно всегда повторяться по истеченіи этого срока. Въ особенности же необходимо держаться этой предосторожности всякій разъ при наступленіи оспенной эпидеміи и вновь прививать себѣ оспу, даже и въ такомъ случаѣ, если послѣдняя прививка была сдѣлана не такъ давно передъ этимъ.

Что касается до самаго прививанья, то для этого существуетъ два способа. Или прививаютъ ядовитую матерію настоящей коровьей оспы, прямо съ животнаго, или же, какъ это обыкновенно случается, такъ-называемую гуманизированную, то-есть воспроизведенную, посредствомъ перенесенія ея на человѣка, лимфу коровьей оспы, употребляя для дальнѣйшаго прививанія содержаніе прыщиковъ произведенныхъ вышеупомянутымъ способомъ у людей. Послѣдній способъ—безусловно лучшій и вслѣдствіе этого преобладающій, такъ какъ лимфа изъ дѣйствительной коровьей оспы дѣйствуетъ менѣе сильно и надежно, и гораздо чаще не производитъ дѣйствія, чѣмъ гуманизированная лимфа, и кромѣ того ее не вездѣ и не во всякое время можно достать.

Даже кора высохшихъ оспенныхъ прыщиковъ употребляется, какъ это уже часто исполнялось на практикѣ, для прививанія—и служитъ между прочимъ доказательствомъ чрезвычайной заразительности оспы и продуктовъ этой болѣзни, въ особенности же носящейся по воздуху при засыханіи прыщиковъ пыли, вслѣдствіе чего больныхъ оспою слѣдуетъ держать въ самомъ тѣсномъ заточеніи.

Представляя собою какъ бы сѣмя человѣческой оспенной матеріи, лимфа коровьей оспы имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; такъ напр. пересылаемая медицинскимъ начальствомъ между двумя стеклышками или въ волосныхъ трубочкахъ матерія всегда почти состоитъ изъ подобной коровьей лимфы, которую лѣкаря воспроизводятъ потомъ посредствомъ прививанія ея людямъ и вслѣдствіе этого размножаютъ.

Вообще при этомъ надобно замѣтить, что подобная воспроизведенная лимфа, если она взята съ прыщиковъ дѣтей, именно такихъ, которымъ въ первый разъ привита оспа, дѣйствительнѣе и надежнѣе той которая берется со взрослыхъ людей. Употребляемая для прививанія лимфа должна быть взята преимущественно только съ совершенно здоровыхъ дѣтей еще и потому, что въ этомъ случаѣ гораздо труднѣе обмануться насчетъ настоящаго состоянія здоровья и перенесть, можетъ быть, посредствомъ прививанія, расположеніе къ той или другой болѣзни. Вообще всякій совѣстливый врачъ беретъ прививательную матерію только съ такихъ личностей, которыя извѣстны ему за совершенно здоровыхъ. Сколько внутреннихъ недуговъ и болѣзней, именно сифилитическаго свойства, пріобрѣтается въ теченіе жизни че-

резъ легкомысліе, вредныя вліянія и пороки—и дремлятъ часто въ видѣ скрытаго зародыша въ сокахъ, такъ-что врачу невозможно отличить это подъ совершенно, повидимому, здоровой внѣшней оболочкой!... Такимъ образомъ мы приходимъ къ вопросу, который, давно уже составляя предметъ жаркаго и все еще не рѣшеннаго спора между противниками и защитниками прививанья, вызвалъ цѣлую литературу этого предмета.

Основываясь на различныхъ фактахъ, заслуживающихъ всевозможнаго вниманія, противники прививанія и принудительной системы его утверждаютъ, что различныя такъ-называемыя болѣзни тѣлосложенія: золотуха, сифилисъ, бугорчатая чахотка, ломота въ костяхъ и проч., могутъ быть такимъ образомъ привиты здоровымъ людямъ, вслѣдствіе чего мнимое цѣлительное или предохранительное средство становится при извѣстныхъ условіяхъ гибельнѣе того зла, отъ котораго хотѣли предохранить. Однако справедливость этого мнѣнія отнюдь еще не доказана; только передача этимъ путемъ сифилиса не подлежитъ сомнѣнію, но и этого также легко избѣжать посредствомъ выбора здоровыхъ личностей. Въ этомъ отношеніи особенно сильно стали сомнѣваться въ послѣднее время, по случаю вышеупомянутой оспенной эпидеміи въ Парижѣ, а здѣсь у народонаселенія, зараженнаго всевозможными пороками, эти сомнѣнія конечно были основательнѣе чѣмъ гдѣ либо, вслѣдствіе чего здѣсь и стали прибѣгать въ значительныхъ размѣрахъ къ прививанію лимфы съ больныхъ оспою коровъ, не смотря на ея ненадежность.

Напротивъ того, многочисленные опыты относительно золотушныхъ положительно доказываютъ, что золотуха не переносится посредствомъ прививанія. Совершенно здоровые дѣти, къ которымъ была привита оспа съ столь же здоровыхъ личностей, очень часто дѣлались золотушны, — тогда какъ у другихъ, которымъ была привита оспа съ вполнѣ золотушныхъ дѣтей, не обнаруживалось впослѣдствіи времени никакихъ слѣдовъ золотухи; а что касается до возможности передачи бугорчатой чахотки, то этого легко избѣжать, взявши за правило снимать всегда оспу только съ совершенно здоровыхъ дѣтей, но никогда съ взрослыхъ. Если противники прививанія утверждаютъ еще, что, со времени введенія прививанія, число смертныхъ случаевъ между дѣтьми вслѣдствіе скарлатины, кори, крупа, и т. п. увеличилось, то (не говоря уже о томъ, что справедливость этого мнѣнія еще не доказана) это объясняется отчасти тѣмъ, что съ уменьшеніемъ силы прежнихъ оспенныхъ эпидемій, посредствомъ прививанія, въ живыхъ стало оставаться больше дѣтей, вслѣдствіе чего увеличились и списки заболѣвающихъ этими болѣзнями. Послѣдній доводъ, который не рѣдко приводятъ противъ прививанія, состоитъ въ томъ, что дѣти послѣ и вслѣдствіе прививки имъ оспы очень часто останавливаются въ своемъ развитіи или даже идутъ назадъ, а также долго болѣютъ.

Если и нельзя въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвергать совершенно справедливость этого, то виновато въ этомъ большею частію слишкомъ раннее прививанье,—точно такъ же какъ слишкомъ большое число прививныхъ ранокъ, которыя, если ихъ (какъ очень часто случается) бываетъ отъ семи до восьми, конечно очень изнурительны для нѣжныхъ дѣтей.

Слабымъ дѣтямъ покрайней мѣрѣ никогда не слѣдовало бы прививать оспы раньше втораго года, если только появленіе оспенной эпидеміи не дѣлаетъ этого нужнымъ,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не раньше $1^1/_2$ и 2-хъ лѣтъ; а такъ какъ кромѣ того дѣйствіе прививанія зависитъ не отъ количества, но отъ качества, то и тутъ (такъ же, какъ и вообще для всѣхъ, кому прививается оспа) достаточно трехъ или четырехъ прививныхъ ранокъ на одной рукѣ, что, какъ доказано опытомъ, точно такъ же предохраняетъ отъ оспы. Разумѣется, при этомъ необходимо, чтобъ прививательная матерія была хорошаго качества и по возможности свѣжа, и въ этомъ отношеніи прививаніе съ руки на руку, именно съ дѣтей, всегда самое дѣйствительное,—тогда какъ при пересылкѣ и сохраненіи между двумя стеклышками прививательная матерія всегда теряетъ нѣсколько силы вслѣдствіе атмосферическихъ вліяній, отчего дѣйствіе ея далеко не такъ надежно.

Кромѣ того, въ случаѣ если изъ прививныхъ ранокъ идетъ кровь, слѣдуетъ для большей благонадежности сейчасъ же ввести въ ранку ланцетомъ свѣжую прививательную матерію,—такъ какъ въ противномъ случаѣ привитая сначала лимфа, при подобныхъ обстоятельствахъ, легко можетъ быть унесена льющеюся кровью, вслѣдствіе чего все прививаніе можетъ остаться безъ послѣдствій, изъ чего нельзя однако же положительно заключать, чтобы оспа не принялась. Съ другой стороны, множество опытныхъ практиковъ держатся того мнѣнія, что въ случаѣ если прививаніе дѣйствуетъ и производитъ прыщики, его слѣдуетъ повторить какъ можно скорѣе, то есть еще разъ привить оспу, такъ какъ доказанная этимъ первымъ успѣхомъ воспріимчивость можетъ быть не уничтожена еще окончательно. Бывали очень часто случаи, что не смотря на успѣшную прививку, тѣ, которымъ она была сдѣлана, скоро послѣ этого заболѣвали оспою.

Что касается вообще до дѣйствительности и предохранительной силы прививанія коровьей оспы, то послѣ семидесятилѣтнихъ опытовъ онѣ въ настоящее время не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію—и во всей медицинѣ едва-ли найдется другой фактъ, который могъ бы быть доказанъ столь же положительно. Тѣмъ не менѣе, нападенія на нее не прекращаются даже въ новѣйшее время, при чемъ противники ея ссылаются главнымъ образомъ на вышеупомянутую возможность заразиться, посредствомъ прививанія, другими болѣзнями (возможность, которой однакоже очень легко избѣжать), а также и на то, что если коровья оспа дѣйствительно предохраняетъ отъ оспы, то при всеобщемъ употребленіи прививанія она все-таки—вслучаѣ большой эпидеміи—не перестаетъ поражать человѣчество. Касательно послѣдняго мы конечно не можемъ скрыть, что прививаніе вообще далеко не производится такимъ образомъ и въ такомъ объемѣ, какъ это было бы необходимо въ видахъ совершеннаго предохраненія отъ оспы. Прививать оспу слѣдовало бы, какъ мы уже говорили, по меньшей мѣрѣ черезъ каждые 10 лѣтъ, а этого-то въ большей части случаевъ и не дѣлается. Новѣйшіе врачи утверждаютъ, основываясь на опытахъ изъ своей практики, что при извѣстныхъ условіяхъ прививать снова оспу слѣдуетъ черезъ 2, 3 и 4 года. Если бы эти мѣры исполнялись съ надлежащею силою и послѣдовательностью, то нѣтъ сомнѣнія, что границы оспы все болѣе и болѣе сокращались бы—и она все болѣе и болѣе переставала бы быть повальною.

Безусловной защиты отъ оспы прививаніе конечно не доставляетъ, но заключать изъ этого объ его безполезности было бы нелѣпо, потому что если тѣ кому

надлежащимъ образомъ была привита оспа—могутъ получить эту болѣзнь, то все-таки она является въ гораздо болѣе мягкой формѣ, чѣмъ такъ называемыя variалиды (ложная оспа), которыя никогда почти не имѣютъ смертельнаго исхода.

Въ виду убійственныхъ цифръ, приведенныхъ нами вначалѣ нашей статьи касательно тѣхъ дѣйствительно колоссальныхъ опустошеній, которыя эта язва производила передъ введеніемъ прививанія, положительно невозможно отрицать его значенія; поэтому-то мы и считаемъ излишнимъ приводить дальнѣйшія доказательства въ пользу несомнѣнной дѣйствительности Дженнерова открытія, тѣмъ болѣе что стоило только появиться эпидеміи—и агитаціи противъ прививанія немедленно прекращались вездѣ, гдѣ онѣ ни происходили.

Въ виду всей важности настоящаго предмета, мы дозволяемъ себѣ привести еще изъ такъ - называемой синей книги результаты тѣхъ изслѣдованій, которыя были сдѣланы по инціативѣ англійскаго правительства для разъясненія спорнаго вопроса объ оспопрививаніи—такимъ образомъ, что медицинскимъ начальствамъ тѣхъ странъ, гдѣ прививаніе опредѣлено закономъ, а также и всѣмъ медицинскимъ авторитетамъ и обществамъ предлагались на разрѣшеніе преимущественно слѣдующіе вопросы:

1) Предохраняетъ ли въ большей части случаевъ прививаніе отъ оспы и доставляетъ ли болѣе или менѣе безусловную защиту отъ смертельнаго исхода этой болѣзни?

2) Увеличивается ли воспріимчивость къ золотухѣ, бугорчатой чахоткѣ, тифу—въ тѣхъ, кому была привита оспа, вслѣдствіе того, что они не подвергаются ей, и не испытываютъ ли они отъ этого какого-нибудь другаго вреда?

3) Могутъ ли быть привиты посредствомъ лимфы настоящей коровьей оспы (т. е. перенесенной отъ одного человѣка къ другому) нѣкоторыя всеобщія болѣзни, наприм. золотуха, бугорчатая чахотка и сифилисъ?

Въ отвѣтъ на первый вопросъ большинство единодушно высказалось, что если оспопрививаніе не можетъ защитить отъ зараженія оспою, то безъ всякаго сомнѣнія оно предохраняетъ отъ опасности заболѣть ею. При этомъ сдѣлано замѣчаніе, что если первое прививаніе доставляетъ защиту извѣстному количеству людей, то для большинства людей необходимо повторять его въ теченіи всей жизни.

При второмъ вопросѣ всѣ единодушно показали, что вышеупомянутыя болѣзни не получили болѣе обширнаго распространенія со введеніемъ оспопрививанія.

Въ отвѣтъ на третій вопросъ было сказано, что нельзя указать ни одного случая, гдѣ бы была передана какая-нибудь заразительная болѣзнь посредствомъ прививанія чистой лимфы безъ всякой примѣси крови и гноя. Но нельзя отрицать и того, чтобы посредствомъ неосторожнаго прививанія съ руки ребенка, одержимаго какою-нибудь прививающеюся болѣзнію, эта болѣзнь не переходила, если лимфа будетъ смѣшана съ кровью и гноемъ. Поэтому-то врачъ и долженъ употреблять въ дѣло только совершенно-чистую лимфу.

Ко всему этому намъ остается только указать на одну особенно важную мѣру предосторожности — на возможно-строгое заключеніе больныхъ оспою. Конечно, въ большей части государствъ существуютъ законныя постановленія въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе которыхъ, при появленіи оспы въ какомъ домѣ, онъ отмѣчается извѣстною черною доскою съ страшными словами: «здѣсь оспа», но этого еще недостаточно. Несмотря на значительную степень заразительности этой болѣзни, доступъ въ подобные дома почти вездѣ открытъ,—и такимъ образомъ тѣ, которые, не боясь за себя, посѣщаютъ ихъ, дѣлаются очень часто носителями и распространителями заразы. Всѣмъ тѣмъ, кто по призванію или необходимости долженъ имѣть сношеніе съ подобными домами, слѣдовало бы по крайней мѣрѣ употреблять надлежащія дезинфекціонныя средства. Въ особенности этого слѣдовало бы держаться господамъ врачамъ, которые дотрогиваются до больныхъ оспою, передъ посѣщеніемъ другихъ паціентовъ.

Вообще желательно бы, чтобы въ виду тѣхъ обширныхъ размѣровъ, которые оспа приняла за границею, всѣ мы вообще обратили бы на нее побольше вниманія.

Аѳины въ вѣкъ Перикла.

Если, пробѣгая въ умѣ своемъ исторію всѣхъ временъ и народовъ, задать себѣ вопросъ: когда и у какого народа, въ самое короткое время, на самомъ незначительномъ пространствѣ земли было пріобрѣтено самое большое число духовныхъ богатствъ,—то пальму первенства въ этомъ отношеніи надо присудить Аѳинамъ за тѣ пятьдесятъ лѣтъ, которые прошли между великими битвами второй персидской войны и началомъ войны пелопонезской. Въ этотъ небольшой промежутокъ времени —и притомъ же средствами одного города, область котораго, довольно скудно одаренная природой, заключала въ себѣ всего 40 кв. миль и въ которомъ было не болѣе 150 или 160,000 жителей,—въ самыхъ различныхъ областяхъ духа, въ наукѣ и искусствѣ, въ исторіи, поэзіи, философіи были созданы такія произведенія, которыя до сихъ поръ, по прошествіи цѣлыхъ тысячелѣтій, оживляютъ и воспламеняютъ духовную жизнь благороднѣйшихъ націй и самые избранные умы. Предлагая нашимъ читателямъ изображеніе аѳинскаго рынка, мы представимъ также и внутреннюю жизнь этого города, покрайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ.

Аѳинскій гражданинъ, возвращавшійся въ то время, отъ 480—430 л. до Р. Х., домой, моремъ, еще не доѣзжая до города, чувствовалъ уже его близость по той кипучей дѣятельности, которая начинала окружать его. Объѣхавъ юговосточную оконечность Аттики, онъ уже отсюда начиналъ видѣть блестящее вдали на солнцѣ копье Аѳины Промахосъ, колоссальное изображеніе которой, созданное первымъ художникомъ того времени, составляло одно изъ украшеній аѳинскаго акрополя. Окруженный сотнями другихъ, его корабль плылъ по водамъ, освященнымъ самою знаменитою изъ побѣдъ—побѣдою при Саламинѣ, въ которой можетъ-быть и нашъ путешественникъ принималъ участіе. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ гавани, тѣмъ болѣе тѣснились корабли,

стремившіеся изъ дальнихъ и близкихъ странъ въ средоточіе Іонійскаго союза, великій торговый городъ Аѳины, или же отправлявшіеся оттуда къ чужимъ берегамъ и везшіе съ собой плоды его интеллигенціи и трудолюбія. Онъ видѣлъ корабли съ хлѣбомъ, прибывшіе сюда изъ Босфора, Египта и Сициліи. Другіе везли съ островоъ вино; строевой и подѣльный лѣсъ изъ Ѳракіи, Македоніи, Кипра; большіе грузы рыбы съ береговъ Чернаго моря, изъ Византіи и Синопа; мѣдь изъ Кипра и Эвбеи; тонкія сукна изъ Милета, Коса и Тарента; египетское полотно и дорогія восточныя ткани; мази и благоухающія масла изъ Кипра, Кирены, Эѳеса. Одни изъ нихъ везли пирожное изъ Сициліи, классической страны повареннаго искусства; другіе—финикійскіе финики, третьи — рабовъ изъ Фригіи или фракійскихъ и скифскихъ земель. По другому, противоположному направленію плыло тоже не мало кораблей; они везли произведенія аттической почвы и аттическаго трудолюбія: масло, медъ, смоквы, глиняную посуду и посуду для питья, лампы, кожаныя издѣлія, рукописныя книги и произведенія искусства, уложенныя самымъ лучшимъ образомъ. Корабль дѣлалъ поворотъ и входилъ въ Пирей. Стоявшіе тамъ и сямъ вахтенные корабли, военный флотъ, значительная часть котораго стояла тамъ на якорѣ, живая дѣятельность на верфяхъ, арсеналъ, новыя верфи, мимо которыхъ приходилось плыть, — все это показывало, что у государства есть средства защищать своихъ гражданъ и ихъ торговлю даже на самыхъ отдаленныхъ берегахъ; а когда чужеземецъ, миновавъ верфи, приставалъ къ берегу подлѣ крытыхъ галлерей, то уже въ этихъ помѣщеніяхъ, служившихъ, за извѣстную плату, магазинами для привозимыхъ изъ чужихъ краевъ товаровъ, онъ могъ получить понятіе о дѣятельности осторожной полиціи, завѣдывавшей рынкомъ и гаванью. Въ этихъ крытыхъ галлереяхъ и по сосѣдству съ ними находились также присутственныя мѣста гаванскихъ и таможенныхъ чиновниковъ; тутъ же стояло и зданіе биржи, куда сходились купцы, гдѣ выставлялись образцики товаровъ, заключались сдѣлки и разбирались торговыя дѣла. За камнемъ съ надписью, служившимъ знакомъ таможенной границы, пирейская гавань представлялась настоящимъ городомъ, шумнымъ и оживленнымъ, какъ и всѣ вообще гавани, съ прямолинейными новыми улицами, съ возвышавшеюся надъ нимъ мунихійскою цитаделью и громадными стѣнами, тянувшимися вокругъ богатаго бухтами полуострова. Послѣ полуторачасоваго пути между высокими стѣнами, прямая линія которыхъ, прерываемая башнями, полагала предѣлы взору,—путешественникъ достигалъ города, великолѣпная крѣпость котораго съ ея храмами манила его взоры. Изъ пирейскихъ воротъ онъ проходилъ мимо Ѳемистокловой стѣны, въ лѣво отъ которой находился холмъ Пниксъ, мѣсто народныхъ собраній, и достигалъ рынка, гдѣ сосредоточивалась, впродолженіе большей части дня, жизнь города. Въ этомъ мѣстѣ, обнесенномъ храмами и портиками, осѣненномъ платанами посаженными Кимономъ, и въ той части города, которая лежала между Пниксомъ и аресовымъ холмомъ, чужеземецъ могъ всего скорѣе изучить аѳинскую жизнь. Тутъ никогда не было недостатка въ тѣхъ пестрыхъ, живыхъ, комическихъ сценахъ и чертахъ, которыя дѣлаютъ столь интереснымъ посѣщеніе рынка для всякаго, кто ищетъ познакомиться съ обычаями страны. Уже одно разнообразіе выставленныхъ здѣсь для мелочной продажи товаровъ представляло чрезвычайно пріятное зрѣлище: здѣсь сложенное въ пирамиды пирожное; тамъ туземные и иностранные плоды, яблоки, гранаты и миндаль изъ Наксоса или Кипра, айва изъ Крита, эвбейскіе орѣхи (каштаны); поодаль привезенная на продажу птица: беотійскіе или ѳессалійскіе гуси; мегарскій крестьянинъ пригналъ сюда своихъ свиней или привезъ для продажи различные сорты лука и другую зелень, какую только удалось ему вырастить на своей скудной почвѣ. Здѣсь базарный сторожъ улаживаетъ споръ, тамъ караульный при хлѣбѣ возстановляетъ права покупщика обвѣшеннаго при продажѣ муки. Но всего больше шума и гама было на рыбномъ рынкѣ, гдѣ находился самый богатый выборъ главной пищи аѳинскаго народонаселенія, гдѣ всего сильнѣе торговались и получали самые грубые отказы,—и у вѣночницъ, въ отношеніи которыхъ легкомысленные молодые люди позволяли себѣ нѣкоторыя вольности. Женщинъ тутъ вообще попадалось мало, а изъ высшаго класса ни одной. Чтобы свободная, знатная гражданка отправилась на рынокъ сама дѣлатъ покупки для домашняго обихода — это было въ древнихъ Аѳинахъ такъ же дико, какъ теперь въ Лондонѣ или Нью-Іоркѣ.

Напротивъ того рабы шныряли по рынку во всевозможныхъ направленіяхъ. То тамъ, то сямъ который нибудь изъ нихъ шелъ за своимъ господиномъ къ столу мѣнялы, для того чтобъ размѣнять тамъ какую-нибудь большую сумму для уплаты за новаго, только-что купленнаго раба, а потомъ господинъ отсылалъ его домой, а самъ оставался поговорить съ знакомымъ обо всемъ, что только можетъ представить волнующійся самыми разнообразными интересами городъ самому живому, разговорчивому и любопытному изъ всѣхъ греческихъ племенъ. «Что новаго?» — этотъ вопросъ постоянно слышался здѣсь. Рынокъ былъ всеобщимъ и ежедневнымъ мѣстомъ собранія свободныхъ мужей. Здѣсь чужеземецъ могъ въ нѣсколько часовъ ознакомиться съ обычаями и характеромъ аѳинскаго народа,—а если счастье было къ нему благосклонно, онъ могъ увидѣть здѣсь и великаго мужа, управлявшаго тогда судьбою государства, Перикла, который шелъ въ Думу, находившуюся тутъ же на рынкѣ, или выходилъ изъ нея. Тутъ видѣлъ онъ также и присяжныхъ, спѣшившихъ къ мѣстамъ своего служенія, расположеннымъ по сосѣдству. Тутъ собирался чуть не весь народъ—и пришельцу легко было узнать отъ жителей города, отличавшихся своею общительностью и изяществомъ нравовъ, куда ему идти чтобъ повидаться съ знакомымъ, назначившимъ ему свиданіе въ цирюльнѣ или у «булочницъ», тѣмъ болѣе что гуманный законъ предписывалъ аѳинянамъ указывать дорогу тѣмъ, кто заблуждался. И тотъ, кто желалъ устроить свои дѣла въ сторонѣ отъ рыночной давки, узнать новости или провести время, могъ, не стуча кольцомъ въ дверь для того чтобы предупредить о себѣ, войти въ первую мастерскую, цирюльню или лавку съ лѣкарствами, въ магазинъ благовонныхъ товаровъ или въ мастерскую башмачника, гдѣ охотно принимали праздныхъ посѣтителей. Между пестродвижущейся толпой легко было узнать—по одеждѣ и по грубости нарѣчія—беотійскихъ или мегарскихъ крестьянъ; а сколько-нибудь-проницательный посѣтитель могъ отличить по походкѣ и осанкѣ, по изяществу выраженій и даже по предмету разговора, свободнорожденнаго аѳинянина, который, выросши подъ вліяніемъ всего великаго, давно уже привыкъ смотрѣть на дѣла своего отечества какъ на свои собственныя.

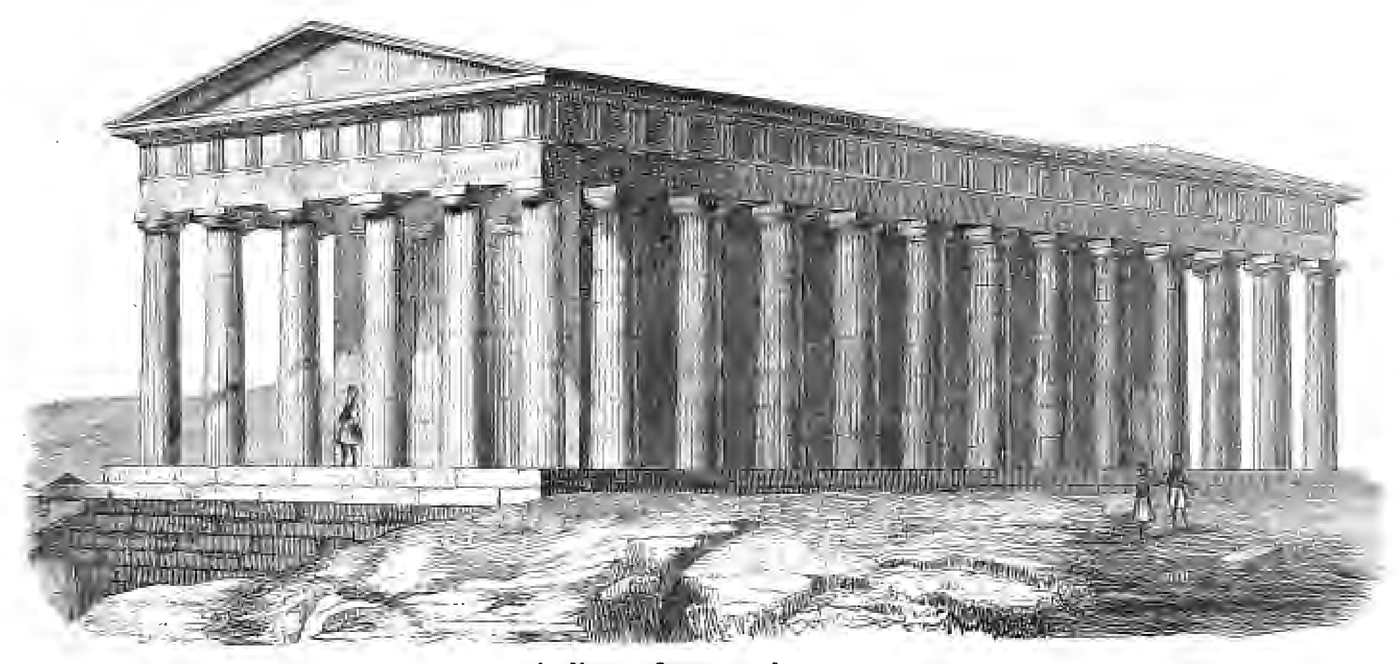

На аѳинскомъ рынкѣ во времена классическія.

Замѣчательныя постройки древнихъ и новыхъ временъ.

IV. Греческая архитектура.

Вступая въ область греческаго искусства, обнимающую собою не только Грецію, но и всѣ тѣ страны въ Азіи и Африкѣ, гдѣ была распространена греческая культура,

4. Храмъ Ѳезея въ Аѳинахъ.

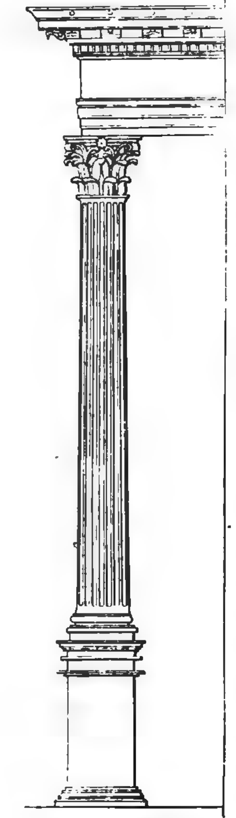
мы чувствуемъ себя гораздо больше дома, чѣмъ у восточныхъ народовъ.

Жрецы не составляли у грековъ замкнутаго сословія. Ихъ миѳы — созданіе народнаго духа, а не догматы жрецовъ. Основываясь на преданіи, ихъ поэты, имѣвшіе большое вліяніе на образованіе религіозныхъ воззрѣній, не держались его строго. Принимая сказанія другихъ народовъ и миѳы посредствомъ которыхъ эти народы выражали свои воззрѣнія на природу, они придавали имъ болѣе глубокій и поэтическій смыслъ.

1. Дорическая.

2. Іоническая.

3. Коринѳская.

Умѣренность при страстной любви къ свободѣ—вмѣстѣ съ юношескою боязнію всего нечистаго и порочнаго и дѣтски-благочестивымъ благоговѣніемъ передъ божественнымъ, прекраснымъ и законнымъ— основная черта греческаго характера; чувство мѣры и красоты при практическомъ смыслѣ и дѣятельности характера—преимущество, которымъ наградила грековъ природа. Нося въ себѣ чувство, не допускавшее ихъ идти далѣе чѣмъ слѣдовало, они не нуждались въ греческихъ постановленіяхъ, которыя указывали бы имъ границы. Поэтому-то въ то время, какъ духовная жизнь тѣхъ народовъ, у которыхъ религія является непосредственной учительницей во всѣхъ отношеніяхъ, носитъ на себѣ слѣды принужденія, свободное развитіе греческаго народа представляетъ въ высшей степени привлекательную картину.

Греческое искусство (которому вмѣстѣ съ родственнымъ и заимствованнымъ отъ него римскимъ, дано названіе «классическаго») представляетъ нѣсколько степеней или періодовъ развитія, изъ которыхъ первый совпадаетъ съ троянскою войною (завоеваніе Трои произошло, какъ полагаютъ, въ 1184 г. до Р. Х.). Въ это время въ Греціи еще было распространено племя пелазговъ, получившее первую образованность отъ переселившихся въ Грецію чужеземцевъ, а именно отъ

отъ египтянъ Даная и Кекропса и финикіянина Кадма.

Но уже въ это время изъ Греціи выходили многочисленныя колоніи, поселявшіеся на островахъ Средиземнаго моря, въ Малой Азіи и Италіи, о чемъ свидѣтельствуютъ находящіяся тамъ постройки въ пелазгическомъ родѣ.

Древнѣйшія извѣстія о греческой культурѣ и искусствѣ дошли до насъ въ пѣсняхъ Гомера. Мы видимъ изъ нихъ, что или вліяніе египетскихъ колонистовъ было незначительно, или же, воспользовавшись имъ по отношенію къ нравамъ, формѣ правленія, религіи и культурѣ, греки очень скоро придали всему своеобразную форму, тогда какъ, напротивъ, образовательныя искусства (архитектура, пластика, живопись) не успѣли еще проникнуться греческимъ духомъ.

О постройкахъ этого времени извѣстно очень немногое, и намъ остались отъ нихъ только обводныя стѣны городовъ и царскихъ дворцовъ, извѣстныя подъ именемъ *циклопическихъ*. Такія стѣны находятся какъ въ Греціи, такъ и въ нѣкоторыхъ бывшихъ греческихъ колоніяхъ въ Италіи и Сициліи. Онѣ сооружены изъ колоссальныхъ многоугольныхъ камней, сложенныхъ такимъ образомъ, что углы однихъ плотно входятъ въ углы другихъ. Другія постройки того же рода состоятъ изъ правильныхъ плитъ одинаковой величины. При сооруженіи такихъ построекъ не употреблялось извести. Самые древнѣйшіе памятники сложены изъ необтесанныхъ камней огромной величины, а пустые промежутки между большими камнями заняты маленькими.

Касательно *дворцовъ* мы узнаемъ изъ Гомера, что они окружались одною изъ такихъ стѣнъ, имѣли два двора, наружный и внутренній, изъ которыхъ послѣдній окружался портиками и комнатами. Пройдя его, вступали въ большой залъ съ колоннами, назначавшійся для торжественныхъ собраній, а за этимъ заломъ находились комнаты для семьи и женщинъ. Драгоцѣнныя ткани, которыми украшались стѣны, назначались главнымъ образомъ для того, чтобъ увеличить великолѣпіе дворца.

При подобныхъ дворцахъ находились часто сводообразныя зданія, называвшіеся *тезаурами* или *царскими казнохранилищами*. Изъ сохранившихся зданій подобнаго рода самое замѣчательное—казнохранилище Атрея въ Микенахъ, имѣющее круглую форму, пирамидальный входъ и сверху завершающееся однимъ камнемъ.

Съ водвореніемъ дорянъ въ Пелопоннезѣ (вторженіе дорянъ въ Пелопоннезъ относятъ къ XI вѣку до Р. Х.) начинается новый періодъ архитектуры. Она получаетъ изящный и вполнѣ національный характеръ, и развивается въ трехъ ордерахъ: *дорическомъ*, *іоническомъ* и *коринѳскомъ*. До персидскихъ войнъ образуется зодчество въ Аттикѣ, Пелопоннезѣ и на островахъ, а такъ же въ іоническихъ городахъ на берегахъ Малой Азіи, въ Нижней Италіи и Сициліи.

Послѣ персидскихъ войнъ и въ особенности въ вѣкъ Перикла (около половины V вѣка до Р. Х.), греческая архитектура достигаетъ самой высшей степени развитія: всѣ греческіе города соревнуютъ въ построеніи храмовъ, одеоновъ и другихъ зданій; Аѳины стоятъ во главѣ этого движенія. Въ это время вполнѣ выработались дорическій и іоническій ордена, и произошелъ новый орденъ коринѳскій.

Четвертый, Македонскій періодъ (отъ Александра Великаго до порабощенія Греціи въ серединѣ II ст. по Р. Х.) есть періодъ упадка.

Съ этого времени греческое искусство теряетъ свою самостоятельность; оно принимаетъ въ себя чуждые элементы, или лучше-сказать переходитъ въ нихъ.

Главною задачею греческой архитектуры была постройка храмовъ, формы которыхъ употреблялись и при постройкѣ другихъ зданій. Поэтому-то, приступая къ описанію памятниковъ греческой архитектуры, мы и начнемъ съ храмовыхъ построекъ.

I. Храмовыя постройки. При простомъ, постоянномъ, основномъ типѣ храмовъ, характеристическое различіе стилей выражается отдѣльными основными частями зданія, въ особенности же колонною. Отсюда-то и произошли три вышеупомянутые стиля или ордера, которые развились и образовались такимъ образомъ, что въ дорическомъ стилѣ преобладаетъ простота и строгость, въ іоническомъ изящество и нѣжность, а въ коринѳскомъ легкость и богатство украшеній.

Греческія колонны—всегда круглыя, къ верху съуживающіяся, но не по прямой линіи, а такъ-что въ нижней половинѣ колонны образуется легкая выпуклость, которая переходитъ на верху опять въ прямую линію. Эта выпуклость, придающая колоннѣ что-то эластически-живое, такъ незначительна, что Парѳенонѣ наприм. составляетъ 1/148 вышины колонны.

Стержень колонны украшался каннелировкою, т. е. болѣе или менѣе глубокими продольными ложбинками, вслѣдствіе чего происходитъ перемѣна свѣта и тѣни, придающая колоннѣ еще болѣе разнообразія и живости.

Къ колоннѣ принадлежитъ также (исключая колоннъ дорическаго ордена) *базисъ*—подножіе колонны—состоящій изъ нѣсколькихъ частей, изъ которыхъ нижняя образуетъ четвероугольную плиту, *плинтусъ*, а верхняя частію выступаетъ въ видѣ подушки или круглаго вала, частію же образуетъ собою *голькель* (ложбинку).

Капитель колонны завершаетъ стержень сверху, составляя переходъ отъ вертикальныхъ линій колоннады къ горизонтальнымъ антаблемента.

Непосредственно на капители лежитъ *антаблементъ*, состоящій изъ трехъ частей: *архитрава*, *фриза* и *карниза*, надъ которыми возвышается съ передней и задней стороны храма *фронтонъ*, представляющій видъ болѣе или менѣе отлогаго треугольника украшеннаго обыкновенно рельефными фигурами, изображающими какой нибудь миѳъ.

На верхушкѣ и по обоимъ угламъ фронтона ставятся на маленькомъ постаментѣ (подножіи) *акротеріи*, украшенія отчасти напоминающія собою растительныя формы, частію же состоящія изъ статуй боговъ и звѣрей.

Мѣсто колоннъ замѣняютъ иногда *антены* (полуколонны), а иногда, но очень рѣдко *каріатиды* — женскія статуи или же *атланты*—мужскія.

Храмы строились большею частію на четыреугольномъ основаніи и окружались со всѣхъ сторонъ колоннами. Они состоятъ изъ *Cella* или *Naos* (внутренняго помѣщенія безъ оконъ, освѣщавшагося сверху) и притвора (*Pronaos*), соединявшагося съ *Naos* посредствомъ двери. У нѣкоторыхъ *Naos* находились еще особыя святилища, а у иныхъ храмовъ къ Naos примыкало особенное заднее строеніе (opisthodom), исполнявшее вѣроятно роль казнохранилища.

Что касается до стиля храмовыхъ построекъ, то можно принять, что первоначально доряне строили въ

въ дорическомъ, а іоняне въ іоническомъ стилѣ, согласно съ особенностями своего народнаго характера; но впослѣдствіи времени оба стиля перестали ограничиваться тѣми племенами, которымъ они принадлежали и употреблялись по выбору. Такимъ образомъ напр. большая часть построекъ Периклова времени, въ томъ числѣ и знаменитый Парѳенонъ, дорическаго стиля, точно такъ же какъ и такъ-называемый храмъ Ѳезея, одинъ изъ наиболѣе сохранившихся памятниковъ греческаго искусства. (Рис. 4).

Характеристическія черты трехъ главныхъ греческихъ стилей суть слѣдующія.

Дорическій орденъ, сообразно характеру самихъ дорянъ, отличается прочностію, строгою простотою и гармоніею въ частяхъ, которая устраняла всѣ лишнія украшенія.

Дорическія колонны короткія и широкія сильно съуживаются кверху. Онѣ расположены на незначительномъ другъ отъ друга разстояніи и стоятъ (безъ базиса) непосредственно на постаментѣ, состоящемъ изъ трехъ ступенекъ. *Стержень* съ каннелировкою; ложбинки, которыхъ 20, не глубоки и сходятся другъ съ другомъ, образуя острый уголъ. *Капитель* простъ, но очень выразителенъ: на самой колоннѣ, непосредственно на стержнѣ помѣщенъ валъ съ наклонными, расходящимись краями, называемый *эхинъ*, на которомъ лежитъ квадратная толстая доска, *абака*, уже подпирающая архитравъ (см. чертежъ 1).

Архитравъ, гладкій и безо всякихъ украшеній, отдѣляется отъ фриза выступающею впередъ доскою. *Фризъ* украшенъ барельефами не сплошь, а раздѣляется на части, называемыя *триглифами* и *метопами*. Триглифами (троерѣзами) называются четвероугольныя нѣсколько выступающія впередъ плиты, съ тремя каннелюрами, болѣе высокія чѣмъ широкія—и распредѣленныя такимъ образомъ, что на каждую половину колонны и слѣдующую за ней часть промежуточнаго пространства приходится по триглифу; а образующіеся между триглифами промежутки называются метопами. Они имѣютъ иногда квадратную форму, а въ большей части случаевъ нѣсколько шире чѣмъ выше. Сначала метопы дѣлались открытыми и туда ставили употреблявшуюся при жертвоприношеніяхъ утварь, но послѣ того какъ ихъ стали дѣлать закрытыми, ихъ начали наполнять горельефными фигурами, изображавшими большею частью дѣянія боговъ и героевъ. Надъ фризомъ выдвигается *карнизъ* прямаго и величественнаго профиля, надъ которымъ возвышается *фронтонъ*.

Вверху и внизу триглифовъ придѣлывались маленькія выступающія впередъ дощечки къ которымъ привѣшивались небольшія шишечки, такъ называемыя *капли*, число и расположеніе которыхъ соотвѣтствовало каннелюрамъ триглифа.

Объ акротеріяхъ, которыя ставились на маленькихъ постаментахъ на верхушкѣ и по обоимъ угламъ фронтона, мы уже говорили.

Въ періодъ *развитія* дорическія постройки были тяжелы и массивны. Колонны утонялись такъ сильно, что верхній поперечникъ заключалъ въ себѣ около $2/3$ нижняго; интерколоніумъ едва равнялся $1\frac{1}{4}$ нижняго поперечника, а высота стержня не превышала 4 нижнихъ поперечниковъ. Антаблементъ въ иныхъ храмахъ только на половину меньше вышины всей колонны, точно также какъ и фронтонъ. Остальныя части, за исключеніемъ нѣкоторыхъ храмовъ, отличаются тѣмъ же самымъ характеромъ. Но въ *цвѣтущее время* искусства, когда дорическій стиль употреблялся въ Греціи предпочтительно передъ другими, онъ развился до тѣхъ стройныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грандіозныхъ размѣровъ, которые составляютъ отличительную черту греческой архитектуры. Колонны этого времени заключаютъ въ себѣ только $1/6$ часть поперечника; интерколоніумъ $1\frac{1}{3}$ поперечника; вышина колонны — отъ $5\frac{1}{2}$ до 6 поперечниковъ; а вышина антабльмента и фронтона уменьшилась до $1/3$ вышины всей колонны.

Іоническій орденъ. Главныя основныя части построекъ іоническаго ордена тѣже что и у дорическаго, но сформированы иначе: стройнѣе, изящнѣе, богаче и легче. Проводя паралелль между двумя орденами, формы іоническаго ордена уподобляли женскимъ, а дорическаго мужскимъ.

Стержень іоническихъ колоннъ не такъ сильно съуживается къ верху, а выпуклость его не такъ значительна. Онъ тоже каннелированъ; ложбинки, которыхъ 24, уже и глубже дороческихъ и отдѣляются другъ отъ друга небольшими промежутками. О *базисѣ* іоническихъ колоннъ мы говорили выше. Характеръ іоническаго стиля выразился въ *капители*, полной прелести: капитель эта состоитъ какъ бы изъ подушки, которая сгибается и падаетъ большими завитками (волютами) по обѣимъ сторонамъ вырѣзнаго эхина, украшеннаго лѣпными изображеніями листьевъ или яицъ, подъ которымъ находится круглый поясокъ, представляющій собою рядъ перловъ (см. чертежъ 2).

Архитравъ дѣлится на нѣсколько продольныхъ частей, выступающихъ другъ надъ другомъ. *Фризъ* (безъ триглифовъ и метоповъ) или же совершенно гладкій или же украшается горельефными арабесками, формы которыхъ заимствованы изъ растительнаго міра. Они замѣняются иногда изображеніями различной, относящейся къ культу утвари. *Карнизъ* выступаетъ впередъ нѣсколькими уступами, подъ которыми придѣланы такъ-называемые зубчики.

Что касается до размѣровъ іоническаго ордена, то въ сохранившихся памятникахъ не оказывается такого различія между постройками различныхъ временъ, какъ у дорическихъ. Вышина колоннъ заключаетъ въ себѣ отъ $8\frac{1}{2}$ до 9 нижнихъ поперечниковъ; разстояніе между колоннами содержитъ въ себѣ среднимъ числомъ около 2 поперечниковъ, а постаментъ около $1\frac{1}{4}$ вышины колонны.

Коринѳскій орденъ въ сущности отличается отъ іоническаго только одною капителью, съ тою разницею, что размѣры его еще стройнѣе и легче, а отдѣльныя части красивѣе и богаче. *Колонны* заключаютъ въ себѣ иногда до 10 нижнихъ поперечниковъ и каннелированы какъ іоническія. Базисъ тоже мало разнится отъ іоническаго. Что же касается до *капители*, она еще роскошнѣе іонической. Въ цѣломъ эта капитель имѣетъ видъ цвѣточной чашечки большихъ размѣровъ, расширяющейся кверху, изъ которой выходитъ два ряда акантовыхъ листьевъ и два высокихъ завитка (волюта), (см. чертежъ 3).

(Продолженіе будетъ).

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Отъ редакціи.

Въ прошломъ 1870 году, вскорѣ за первымъ появленіемъ „Нивы", мы уже видѣли по успѣху нашего изданія, что намъ предстоитъ постоянно слѣдить за потребностями читающей публики и улучшать нашъ журналъ во всѣхъ отношеніяхъ, что мы и старались посильно выполнить въ теченіи перваго года его существованія.

Нынѣ, при развитіи матеріальныхъ средствъ изданія и при быстро-возрастающемъ кругѣ нашихъ читателей даже въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Имперіи, мы сочли себя обязанными ходатайствовать въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати о дозволеніи намъ расширить программу нашего журнала, включивъ въ нее рубрики внутренняго обозрѣнія, критики и библіографіи.

Согласно съ тѣмъ и самое названіе „Журналъ для семейнаго чтенія" измѣнится въ „Журналъ литературы, политики и современной жизни",—тѣмъ болѣе что прежній заголовокъ, если судить по письмамъ получавшимся изъ провинціи, вводилъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ подписчиковъ, давая поводъ предполагать, что „Нива" предназначена исключительно для юношества, и смѣшивать ее съ подобными изданіями, усвоившими себѣ заголовокъ „для семейнаго чтенія". Само собою разумѣется, что мы остаемся вѣрными первоначальному направленію нашего журнала, и не допустимъ на страницахъ его ничего такого, что могло бы оскорбить религіозное, нравственное или эстетическое чувство родителей, еслибы они пожелали дать нашъ журналъ въ руки болѣе взрослымъ изъ младшихъ членовъ семьи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою 9 Апрѣля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. ... Невск. пр., д. № 1—45.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.)

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) у А. В. Гюнтера, Kleinseite 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Панъ Пшепендовскій.

Всеволода Крестовскаго.

(*Продолженіе*).

ГЛАВА V.
Какъ нынѣ ищетъ и какъ находитъ панъ Пшепендовскій.

Панъ Пшепендовскій гладко выбрилъ себѣ подбородокъ, припомадилъ волосы и натянулъ на плечи свой старый фракъ, застегнувъ его на-глухо, сверху донизу, на всѣ пуговицы. Панъ Пшепендовскій во фракѣ разительно походилъ на грача. Даже физіогномія его, въ этомъ нарядѣ, имѣла въ себѣ нѣчто грачовое; оттопырившіяся фалды у него совсѣмъ не сгибались и торчали какъ-то на-отмашь и нѣсколько въ стороны, напоминая собою грачовый хвостъ. Кланялся, напримѣръ, панъ Пшепендовскій — и фалды его топорщились, а нижнія полы ихъ, описывая дугу, отлетали кверху ровно настолько, насколько сгибалась спина при поклонѣ. И такимъ образомъ, эти фалды составляли какъ-бы одно нераздѣльное и одухотворенное цѣлое съ самимъ паномъ Пшепендовскимъ. По ихъ отлету можно было вполнѣ вѣрно опредѣлить степень значительности поклоновъ пана Пшепендовскаго.

Панъ Пшепендовскій надѣлъ и пуховый цилиндръ, не ради чего иного, какъ только ради вящаго заявленія своей благонамѣренности, ибо правдивые поляки еще такъ недавно не любили носить цилиндровъ (и особенно во времена повстанскія), почитая ихъ принадлежностью московскихъ шпеговъ и чиновниковъ, но теперь они ихъ очень любятъ, потому что стараются дружить съ нѣмцами — и въ тоже время показываютъ русскимъ свою шляпную «вѣрноподанность». Затѣмъ панъ Пшепендовскій вышелъ изъ дому. Панна Фелиція проводила его молитвами, благословеніями и добрыми пожеланіями счастья и удачи.

Панъ Пшепендовскій — хотя уже и православный — не выдержалъ-таки и, озираясь, словно бы дѣлая что́ дурное, и опасаясь, какъ-бы его не запримѣтили, тайкомъ забѣжалъ прежде всего въ костелъ, выбралъ тамъ себѣ темное, укромное мѣстечко и приклянчилъ, т. е. преклонилъ колѣна, помахивая головою и ударяя себя въ грудь кулакомъ правой руки. Хотя онъ передъ принятіемъ православія и философствовалъ въ вольнодумномъ духѣ, что Богъ — одинъ для всѣхъ, вездѣ и всегда и повсюду; однако же, отправляясь на совершеніе важной житейской задачи, забѣжалъ тайкомъ и урывкомъ не въ церковь, а въ костелъ, — въ полной увѣренности, что католическіе святые какъ-то болѣе ему съ родни и значитъ скорѣе и охотнѣе помогутъ, чѣмъ святые православные, съ которыми онъ познакомился только недавно да и то поневолѣ — «бо панъ мястца шука».

Панъ Пшепендовскій вышелъ изъ костела, озираясь по сторонамъ не безъ тревожныхъ опасеній. Однако — слава Богу! — никто его не примѣтилъ. На душѣ у него просвѣтлѣло, потому — и святымъ помолился, и моска-

лей надулъ,—что впрочемъ для него было одно и тоже, и стояло на равной степени добродѣтели.

И вотъ, онъ уже въ прихожей у его превосходительства.

Генеральскій швейцаръ встрѣтилъ его какъ знакомаго, потому что панъ Пшепендовскій былъ знакомъ съ генеральскимъ швейцаромъ. А былъ знакомъ онъ съ нимъ потому, что генеральскій швейцаръ тоже былъ шляхтичъ, только шляхтичъ отправляющій швейцарскую обязанность, и во-вторыхъ потому еще, что панъ Пшепендовскій, въ качествѣ искателя мѣста, не считалъ удобнымъ пренебрегать знакомствомъ генеральскаго швейцара. Поэтому онъ еще гораздо раньше нашелъ себѣ возможность познакомиться на всякій случай и со швейцаромъ, и даже съ генеральскимъ камердинеромъ, полагая такой маневръ дѣломъ далеко для себя не безполезнымъ.

А! Муй коханы, муй дроги! радушно потрясъ онъ руку швейцара: — а что? принимаютъ?

— Принимаетъ.

— А что? какъ слышно? въ духѣ сегодня, или не въ духѣ?

— Полагаю, что въ духѣ.

— Ну, хвала, Богу! хвала Богу! облегченно вздохнулъ панъ Пшепендовскій.

— А что? прищурился на него швейцаръ.

— А такъ, мѣста шукамъ... Просить иду.

— Гм!..

Швейцаръ многозначительно и глубокомысленно кивнулъ головою.

— А цо?.. якъ то тамъ?.. чи можно? колеблясь между страхомъ и надеждой, осторожно освѣдомился панъ Пшепендовскій.

— Можно!

И швейцаръ, ради пущаго удостовѣренія, покровительственно подмигнулъ ему глазомъ.

— Ну, то я тутъ повѣшу пальто... пусть повиситъ... Можно?

— Можно, можно!

И панъ Пшепендовскій, дабы не утруждать своего знакомаго, самъ снялъ съ плечь и самъ повѣсилъ на вѣшалку свое платье, затѣмъ запаснымъ носовымъ платкомъ обмахнулъ пыль съ отлично вычищенныхъ сапоговъ, поправилъ передъ зеркаломъ галстукъ, самолично повязанный ему нынѣ супругою, пригладилъ волосы, подергалъ къ низу фракъ, провелъ рукою по ворсу пуховаго цилиндра—и съ трепетомъ въ сердцѣ, шепча про-себя молитву съ призываніемъ вшисткихъ свентыхъ, поднялся по лѣстницѣ въ пріемную залу.

Тамъ уже ожидали нѣсколько просителей.

Панъ Пшепендовскій тотчасъ же окинулъ ихъ быстрымъ и зоркимъ глазомъ, и убѣдился, что все это болѣе или менѣе свои — краёвы обывацели. Поэтому онъ вступилъ въ залу съ видомъ вполнѣ независимымъ, и съ положительнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства помѣстился у окна.

Рядомъ съ нимъ помѣщалась какая-то старушенція, въ ватномъ капорѣ, несмотря на теплые дни и въ какой-то допотопной шали, — по виду непремѣнно благочестивая братчица какого-нибудь изъ костельныхъ братствъ. Старушенція все кашляла и копошилась въ своемъ ридикюлѣ, перебирая какія-то «монатки», тряпье, чулки и засаленныя дѣловыя бумаги.

Нѣсколько ближе къ дверямъ запертаго кабинета стояла въ уголочкѣ сорокалѣтняя женщина, съ глазами и носомъ покраснѣвшими отъ слезъ и съ пятью ребятами малъ-мала меньше.

Вотъ проходитъ какой-то русскій полковникъ.

Панъ Пшепендовскій, хотя и не знакомъ съ полковникомъ, тѣмъ не менѣе привстаетъ со стула и съ любезной, сдержанной улыбкой встрѣчаетъ его легкимъ полупоклономъ. Въ улыбкѣ пана Пшепендовскаго есть и любезность и въ тоже время маленькое достоинство.

Полковникъ мимоходомъ взглядываетъ на него недоумѣлымъ взоромъ, но тѣмъ не менѣе киваетъ головою, съ тою нерѣшительностію, съ какой обыкновенно отвѣчаютъ на случайный поклонъ совершенно незнакомаго человѣка.

Панъ Пшепендовскій еще разъ любезно раскланивается, уже съ видомъ знакомаго.

Полковникъ останавливается противъ него и вглядывается ему въ физіогномію, какъ-бы стараясь припомнить что-то.

— Павелъ Ѳедосѣичъ, кажись? вопрошаетъ онъ, полупротягивая руку.

— Пшепендовскій... глотая звуки, бормочетъ ему съ поклономъ искатель мѣста и торопливо ловитъ протянутую руку, спѣша потрясть ее отъ всей души своей.

— Щукинъ?.. Павелъ Ѳедосѣичъ Щукинъ, если не ошибаюсь? спрашиваетъ полковникъ, сбитый съ толку поклономъ пана Пшепендовскаго и принимая его за какого-то своего знакомаго.

— Пшепендовскій, господинъ полковникъ... Пшепендовскій.

Полковникъ вглядывается на него съ полнымъ недоумѣніемъ и въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ пробормотавъ ему: «извините! ошибся!» отходитъ всторону.

Тѣмъ не менѣе панъ Пшепендовскій - все-жъ таки очень доволенъ и, съ достоинствомъ крутя свой усъ, опускается на стулъ.

Въ залѣ появляется панъ Загрембо, прежній знакомецъ пана Пшепендовскаго, радикалъ и патріотъ, который однако нынѣ вездѣ ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ пана Пшепендовскаго: въ какихъ-то счетахъ не поладили между собою.

Панъ Пшепендовскій, завидя его, какъ-бы невзначай отворачивается къ окну и равнодушно поигривая цѣпочкой, выглядывающей у него изъ подъ фрака, начинаетъ внимательно разглядывать на улицѣ какую-то тумбу.

Панъ Загрембо, косясь на своего врага, проходитъ мимо—и панъ Пшепендовскій успокоивается и снова принимаетъ равнодушно-независимый видъ, исполненный чувства собственнаго достоинства, какъ будто не онъ отвернулся къ окну отъ пана Загрембы, а панъ Загрембо отъ него отвернулся.

Вотъ въ дверяхъ показывается ксендзъ-каноникъ Лушкевичъ и отдаетъ всѣмъ общій поклонъ очень мяконькаго и очень смиреннаго свойства.

Панъ Пшепендовскій, какъ бы невзначай, поднимается со стула и скромно сложивъ обѣ руки у борта своей шляпы, которую держитъ прижавъ животу, принимаетъ вдругъ огорченно-кроткій видъ.

Ксендзъ проходитъ мимо.

Панъ Пшепендовскій, при его прохожденіи, вздыхаетъ очень глубоко и очень прискорбно, словно бы желая въ чемъ оправдаться, или изобразить изъ себя невольно и невинно угнетенную жертву. Въ первое мгновенье онъ совсѣмъ напротивъ хотѣлъ было, въ качествѣ православнаго, принять видъ равнодушный и даже бойкій, но... какъ-то вдругъ духу не хватило, и онъ остался

весь въ какой-то смиренномудрой, кающейся и потупленной позѣ. Впрочемъ, ксендзъ-каноникъ, крестомъ сложивъ на груди ладони, сдѣлалъ видъ будто, проходя, вовсе и не замѣчаетъ пана Пшепендовскаго.

Черезъ нѣсколько времени, когда впечатлѣніе встрѣчи съ Загрембой и ксендзомъ успѣло уже улечься и сгладиться, появилась какая-то хорошенькая панна.

Панъ Пшепендовскій тотчасъ же старается держать себя молодцомъ и какъ бы даже отставнымъ военнымъ, играетъ цѣпочкой, и изрѣдка переминаясь подтопываетъ ножкой, оправляется и тихо крутитъ свой усъ.

Панна мимоходомъ обращаетъ на него вниманіе. Панъ Пшепендовскій чувствуетъ себя удовлетвореннымъ.

Въ эту самую минуту подходитъ къ нему только-что явившійся сюда панъ Груздецкій, одинъ изъ сосѣдей пана Пшепендовскаго по имѣнію.

— От-то встрѣча!.. мой дроги! якъ сен-машъ? Цо робишь, коханы? громко и радушно обратился онъ къ пану Пшепендовскому.

— Мо́е почтенье! громко, по-русски и съ удареніемъ, отвѣчаетъ ему тотъ, платя взаимнымъ, но какъ-то суховато-сдержаннымъ привѣтомъ на радушие пана Груздецкаго.

— Цо то за «почтенье?» По яковську то панъ муве? Мабудь по-татарську? то не разумемъ! презрительно, выдвинувъ губу, побравировалъ панъ Груздецкій.

— Тс!.. Гм-гм!... Кхе-кхе-кхе!.. нарочно погромче раскашлялся панъ Пшепендовскій, какъ бы желая заглушить неумѣстные звуки компрометирующаго языка, — и покорнѣйше прошу изо мною по польску не говорить, бо я по польску не говору и не понимаю даже, что то есть-та̀ки за ензыкъ! И чьто это вы такое! солидно, тихо, т. е. почти шопотомъ, но какъ бы усовѣщевая, и слегка укоризненно покачивая головою заговорилъ онъ, пожимая руку пана Груздецкаго, которому, между прочимъ, состоялъ долженъ по векселю сотни двѣ рублишекъ.—И здѣсь же по польску не говоратъ... Здѣсь есть русски ензыкъ! и еще покорнѣйше прошу говорить изо мною не ина́че, какъ по русську... Штрафъ берутъ!

При словѣ «штрафъ» панъ Груздецкій прикусилъ языкъ, подтянулъ въ себя нижнюю губу и съ полупоклономъ, выпучилъ глаза, какъ бы выражая этимъ: «а! вотъ оно ка́къ?.. Ну, спасибо!»

Панъ Груздецкій думалъ, что штрафы больше ужъ не взимаются; а если не взимаются, то почемужъ и не побравировать?

— Вы по какому дѣлу? спросилъ Пшепендовскій пана Груздецкаго.

— Э!.. недоимки есть... отсрочки хочу просить... Просто, хоть порѣзаться! кисло и грустно объявилъ помѣщикъ:—а вы зачѣмъ?

— М-м... такъ, дѣла есть! небрежно и не безъ многозначительности отвѣтилъ панъ Пшепендовскій, мотнувъ головою. — Мнѣ до самого генерала, прибавилъ онъ еще небрежнѣе.

— Э?.. От-какъ!.. Какія жъ такія дѣла?

— Але-жъ такъ... Есть тутъ общее дѣло одно у его и у меня... ну, посовѣтоваться и... доложить, такъ для того и повидаться надо, говорилъ панъ Пшепендовскій съ небрежностью, сквозь которую проглядывала важность и даже загадочность сфинкса—и сфинкса не простого, а сфинкса-политика и, пожалуй, въ нѣкоторомъ родѣ, хоть бы и государственнаго человѣка.

Панъ Груздецкій медленно и съ явнымъ уваженіемъ кивнулъ на это головою.

А панъ Пшепендовскій остался доволенъ, что успѣлъ-таки сосѣду подпустить пыли.

Въ эту минуту онъ усмотрѣлъ, что по залѣ полной и дробной походкой на каблучкахъ проносится знакомый ему чиновникъ. Панъ Пшепендовскій тотчасъ же подлетѣлъ къ нему—и разставя руки полуфертомъ, причемъ грачовый хвостъ самъ собою приподнялся кверху, тише чѣмъ въ полголоса спросилъ его, съ самой любезной, сладкой и искательной улыбкой:

— И позвольте взнать, ихъ превосходительство скоро зволятъ выйдти?

— Въ назначенное время выйдетъ. Вамъ что̀ угодно?

— А я такъ... я любопытенъ только знать, какъ скоро они выйдутъ, бо я просьбу до нихъ имѣю, тихо изъяснялъ панъ Пшепендовскій, въ полунаклонной позѣ и продолжая держать полуфертомъ свои опущенныя руки.—Позвольте васъ просить—будьте такой ласковый!— доложите ихъ превосходительству, что до нихъ господинъ Пшепендовскій дѣло имѣетъ... Пшепендовскій... будьте такой добрый!

— Потрудитесь обождать; какъ выйдетъ, тогда и объяснитесь.

— Такъ подождать прикажете?.. Очень хорошо!... То я подожду... благодару васъ!

И поклонившись чиновнику, панъ Пшепендовскій, не безъ пріятной легкости скользя по лощеному паркету, возвратился на свое мѣсто.

— Что вы у него спрашивали? любопытно освѣдомился панъ Груздецкій.

Панъ Пшепендовскій скорчилъ независимо-небрежную гримаску.

— А такъ... говорили между себя, отвѣчалъ онъ:— сказалъ, чтобъ онъ поскорѣй доложилъ тамъ у кабинетѣ, что я жду... ну, и о дѣлѣ коѐ-чьто перемолвили...

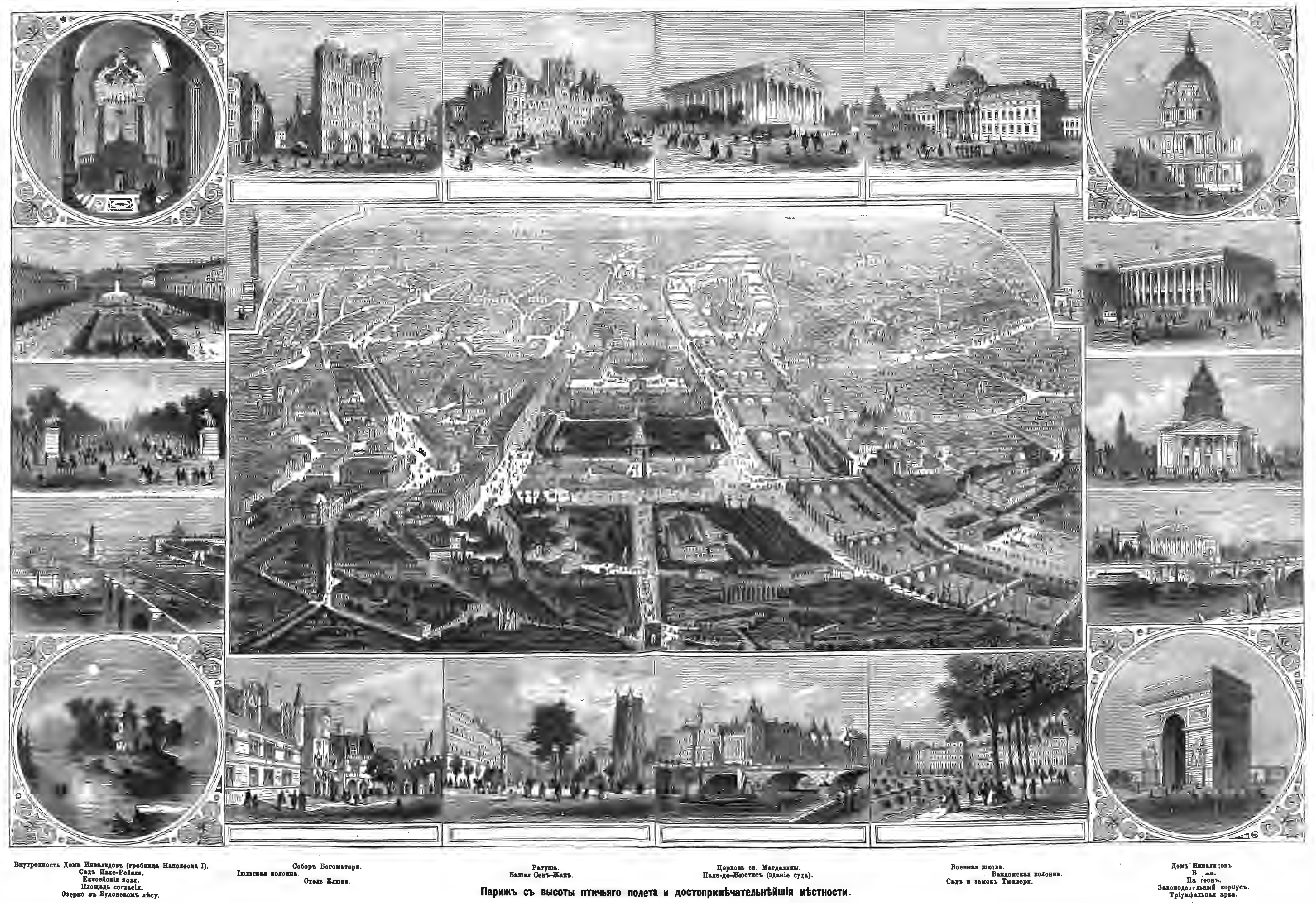
Панъ Груздецкій въ отвѣтъ удовлетворительно и коротко кивнулъ головою.

Панъ Пшепендовскій и этимъ остался очень доволенъ. Для чего собственно продѣлывалъ онъ всѣ эти штуки—онъ и самъ едва ли бы могъ отвѣтить съ точностью. Надобности въ нихъ не представлялось ни малѣйшей, но... ужь такая видно у пана Пшепендовскаго натура, что любитъ подлизаться ко всему, что̀ только носитъ на себѣ какой бы то ни было признакъ общественнаго положенія, вліянія, значенія и власти, и въ тоже время натура эта никогда не прочь покичиться, порисоваться своимъ собственнымъ будто-бы достоинствомъ и значеніемъ, насчетъ которыхъ пану Пшепендовскому очень лестно пускать пыль въ глаза и самому себѣ, и стороннимъ людямъ.

Распахнулись торжественно двери—и въ залу вышелъ его превосходительство.

Все что̀ было въ залѣ—все поднялось со стульевъ, слегка засуетилось, затревожилось... сердца ёкнули, взоры обратились на генерала... Панъ Пшепендовскій вскочилъ раньше прочихъ, подбодрился, пріершился, подергалъ книзу фракъ, поводилъ плечами, такъ какъ словно бы его блоха въ лопатку кусала,—и усиленно, по гусиному, вытягивая шею изъ воротничка рубашки—всею фигурой, взглядомъ душою и сердцемъ, казалось, стремился въ сторону его превосходительства.

При появленіи особы, съ паномъ Пшепендовскимъ, точно лихорадка какая-то сдѣлалась: стоя на своемъ

Внутренность Дома Инвалидовъ (гробница Наполеона I).
Садъ Пале-Рояля.
Елисейскія поля.
Площадь согласія.
Озерко въ Булонскомъ лѣсу.

Соборъ Богоматери.
Іюльская колонна.
Отель Клюни.

Ратуша.
Башня Сенъ-Жакъ.

Церковь св. Магдалины.
Пале-де-Жюстисъ (зданіе суда).

Военная школа.
Вандомская колонна.
Садъ и замокъ Тюилери.

Домъ Инвалидовъ.
Б[illegible]а.
Пантеонъ.
Законодательный корпусъ.
Тріумфальная арка.

Парижъ съ высоты птичьяго полета и достопримѣчательнѣйшія мѣстности.

мѣстѣ онъ то шляпу вертѣлъ, водя ладонью по ворсу, то колѣнкомъ подрягивалъ, то подошвой притопывалъ, то воротнички поправитъ, то фракъ книзу потянетъ, или пылинку заботливо сниметъ съ обшлага, то возьметъ шляпу въ лѣвую руку и опуститъ ее по шву, а большой палецъ правой руки заложитъ за бортъ фрака, между пуговицами, то вдругъ перехватитъ свой цилиндръ въ правую, или уткнетъ его полями подъ мышку, а взорами и сердцемъ и гусино-вытянутой шеею весь стремится въ сторону его превосходительства.

По залѣ раздавался голосъ генерала. По преимуществу слышались вопросы: «вамъ что-съ?»—или короткія отрывистыя фразы вродѣ: — «нельзя-съ!.... Не могу-съ!... Очень хорошо-съ!...» и т. п.

Его превосходительсство постепенно переходилъ отъ одного просителя къ другому.

— Ктуры то есть панъ генералъ? приставала къ пану Пшепендовскому справа убогая и подслѣповатая старушенція.

— Оставьте меня пожалуста! кратко и сухо обернулся на нее панъ Пшепендовскій.

— Але-жъ я имѣю до пана генерала... и нѐвѣмъ, ктуры есть панъ генералъ? Прошей пана...

— Покорнѣйше прошу оставить меня въ покою!

— Але-жъ прошей пана! Естемъ бѣдна нобета!... Нехъ панъ бендзе такъ ласкавъ! слезно шептала глуповатая старушенція.—От-то тенъ самы, у мундужу?..

— Вопросы неумѣстны! еще разъ сухо и строго-внушительно обернувшись, надъ самымъ ухомъ старушенціи, тихо огрызнулся панъ Пшепендовскій и круто отворотился съ недовольнымъ видомъ, снова изображая взоромъ и сердцемъ порывъ къ его превосходительству.

— Вамъ что-съ? подходитъ генералъ къ красноносой вдовѣ, окруженной пятью ребятами.

— Вашіе превосходительство! слезно начинаетъ та:—я—несченслива вдова... мужъ мой въ губернскои тыпографьи корректы правилъ, але-жъ померъ, и я ничего не имѣю.. не оставьте, вашіе превосходительство!.. От-то есть пять малыхъ ребенковъ и кормиться не имѣю чего... Прошу пособія...

— Я не соціалистъ, сударыня! Я не соціалистъ! съ сухимъ наклоненіемъ головы кратко отвѣтствовалъ генералъ: — ничего для васъ не могу... Не могу, сударыня!

— Але и что-жъ я теперь должна подѣлать и-зъ ними, вашіе превосходительство? — Они еще малыи и глупіи...

— Я не соціалистъ, сударыня, я не соціалистъ!

— Ну, и мы то теперь помирать должны...

— Какъ вамъ угодно, сударыня, какъ вамъ угодно...

Панъ Пшепендовскій строго смотритъ на вдову, и въ лицѣ его выражается неудовольствіе, и даже негодованіе что вотъ - молъ глупая женщина приходитъ безпокоить—и кого же безпокоить!—съ такими пустяками.

Панъ Пшепендовскій совершенно недоволенъ вдовою.

Его превосходительство подходитъ къ пану Загрембо и начинаетъ распекать.

— Да, такъ-съ! раздается рѣзкій недовольный голосъ его превосходительства:—этого нельзя-съ!.. Я этого не дозволю! Не допущу-съ!... Я съ корнемъ вырву все эти штуки-съ!..: Да-съ! Да-съ!!...

Панъ Загрембо, радикалъ и патріотъ, дрожитъ и теряется и, весь блѣдный, съ трудомъ бормочетъ заикающимся голосомъ:

— Ва... ва... ваше. ..вашіе... Помилуйте... вашіе...

Панъ Пшепендовскій, стоитъ, держась обѣими руками за поля приподнятой къ груди шляпы—и глядя въ ея дно, при каждомъ словѣ генерала киваетъ головою, какъ бы поддакивая ему и поощряя генеральскую распеканку. Лицо его ясно изображаетъ, насколько онъ возмущенъ какимъ-то неизвѣстнымъ ему дѣйствіемъ со стороны пана Загрембы Глядючи въ дно цилиндра, онъ, при каждомъ рѣзкомъ возвышеніи начальственнаго голоса, поддакивая кивками, бормочетъ про себя:

— Эге?.. эге?.. От-то то-то такъ!.. Такъ, такъ!.. А что? а что?... Эге?!. То такъ и слѣдъ!.. такъ и слѣдъ!.. Эге!.. такъ есть... такъ!

Генералъ кончилъ распеканку и солидно дѣлаетъ какое-то отческое миролюбивое внушеніе смиренно стоящему ксендзу пробощу.

Панъ Пшепендовскій уже не глядитъ въ дно цилиндра, хоть и все еще держитъ его передъ грудью обѣими руками, только уже донцемъ не къ низу, а прямо отъ себя и дѣлаетъ постную физіогномію. Голова немножко склонена на бокъ; взглядъ не смѣло коситъ въ сторого его превосходительства.

Его превосходительство подходитъ и слушаетъ пана Груздецкаго, который вдругъ очень бойко сталъ объяснять свои бѣды и жалобы чисто «по татарську», тобишь по-русски.

— Нельзя-съ! Не могу съ. Душевно бы радъ, но не могу... Вы знаете—законъ... Не могу! отрывисто говоритъ генералъ.

Панъ Пшепендовскій, опустивъ голову и руку съ цилиндромъ, а другую приложивъ къ сердцу, горестно приподымаетъ плечи, и сокрушенно воздыхаетъ. Передъ нимъ мерещятся въ туманѣ двѣсти рублей долгу по векселю...

Его превосходительство изволитъ мило шутить съ хорошенькою панной.

Панъ Пшепендовскій, плотно приставивъ ножку къ ножкѣ, стоитъ себѣ совершенно милымъ песикомъ, у котораго тихо и нѣжно виляющій хвостикъ загнутъ кверху изящною закорючкой. Цилиндръ его опять приподнятъ къ груди; ладонь плавно поводитъ и гладитъ по шелковому ворсу; въ лицѣ лукаво-скромная усмѣшка; застѣнчиво и какъ бы кокетливо опущенный взглядъ устремленъ на цилиндръ; шея, какъ у котика, то и дѣло выгибается впередъ, а грачовый хвостъ такъ и наровитъ почтительно приподняться. «Ай, ай, какой же право милый шутникъ его превосходительство!» говоритъ общее и какъ бы заигрывающее выраженіе физіогноміи пана Пшепендовскаго.

Но вотъ генералъ почти ужь къ нему подходитъ... вотъ онъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ, съ вопросомъ: «вамъ что угодно?» обращается къ какому-то просителю, послѣ котораго сейчасъ же очередь и пана Пшепендовскаго.

Грачовый хвостъ начинаетъ дѣлать легкія, но усиленныя движенія, и опять блоха какъ будто за лопаткой ходитъ, судя по движеніямъ подтягиваемыхъ плечъ. Панъ Пшепендовскій бодрится, прикручиваетъ усъ; въ лицѣ нѣкоторое волненіе; колѣнки чуть-чуть подрягиваютъ и каблучки пристукиваютъ. Это все означаетъ, что онъ примѣряется, наровитъ, прицѣливается половчѣй и предупредительнѣе сдѣлать первый поклонъ его превосходительству.

— Вамъ что?

— Пшепендовскій, ваше превосходительство!.. грачовый хвостъ тотчасъ же на-отмашь отлетаетъ кверху; опущенныя руки, конечно, полуфертомъ, каблучки прищелкиваютъ. Панъ Пшепендовскій, пріятно сгибая спину и клоня на лѣвый бочекъ голову, дѣлаетъ поклонъ съ легкой подскочкой, причемъ животъ у него мгновенно подтянутъ въ себя, а грачовый хвостъ оттопыривается и колѣнки непремѣнно подрягиваютъ, выражая тѣмъ самымъ всю ловкость, стремительное усердіе и безконечное почтеніе пана Пшепендовскаго.

— Что вамъ угодно? повторяетъ генералъ.

— Пшепендовскій, ваше превосходительство.

— Что такое?

— Пшепендовскій... ваше...

— Какъ?.. Какъ вы говорите?

— Пшепендовскій... дворанинъ Пшепендовскій, ваше превосходительство.

— Пшепендовскій?

— Такъ есть, ваше превосходительство! дворанинъ Пшепендовскій.

Надо замѣтить, что при каждомъ отвѣтѣ грачовый хвостъ непремѣнно, болѣе или менѣе, топырится кверху, и одна ножка дѣлаетъ glissade en arriére, что придаетъ всему корпусу пана Пшепендовскаго положеніе собирающагося летѣть Меркурія.

— Да-да, понимаю, киваетъ ему генералъ: — понимаю!.. Ну-съ, такъ что же собственно вамъ угодно?

— Ваше превосходительство! съ солиднымъ достоинствомъ начинаетъ проситель, не измѣняя своего наклоннаго полуферта: — прицявъ православіе, а потому... честь имѣю... объ опредѣленіи (поклонъ съ каблучками). Объ опредѣленіи, ваше превосходительство! (вторичный поклонъ съ отлетомъ грачоваго хвоста).

Генералъ разсматриваетъ пана Пшепендовскаго.

— Вы приняли православіе?

— Такъ есть, ваше превосходительство! Имѣлъ честь возсоединиться и соприсовокупиться!

— Ну, поздравляю, душевно поздравляю! очень радъ! Такъ что же вы?

— Явился собственно доложить и заявить о томъ вашему превосходительству... бо какъ зная вашу ласку и доброту... осмѣлился... Имѣю честь объ опредѣленіи...

— Вы хотите на службу?

— Мѣста желаю, ваше превосходительство, соотвѣтственнаго мѣста, для того какъ желаю весь животъ свой подложить допрестола ойтечества, а потому...

— Вашъ чинъ?

— У штабсь-офицерському рангу... надворный совѣтникъ, ваше превосходительство. И моя жона, ваше превосходительство, уже имѣла честь являться до вашего превосходительства, и ваше превосходительство были такой ласковій, что обѣщали ей, а потому... честь имѣю...

— А, да да! помню, помню! домекнулся генералъ, припомня свои щекотливыя поджилки: — вы были кажись исправникомъ?

— Капитан-справникомъ, ваше превосходительство... И по разумѣнію своему, сколько могъ... старался.

— Да, но тутъ вѣдь были нѣкоторыя обстоятельства... Я приказывалъ тогда навести справки...

— Обстоятельства, ваше превосходительство, торопливо и заботливо перебилъ панъ Пшепендовскій: — обстоятельства — могу честью завѣрить — отъ одной только клеветы... бо я былъ павсегда какъ самый вѣрный собака, и меня за то самыи же поляки одклеветали. От-то то̀ са̀ма и есть этая польска интрига! Она са̀ма и есть, ваше превосходительство!... Они меня даже до двухъ разовъ почти подъ шибеницу подводили, и зъ тымъ... зъ кынжаломъ заколоть намѣрѐнье имѣли, але жъ не закололи, бо Богъ спасъ... одинъ только Богъ, вѣрно уже для того, что былъ я какъ вѣрный собака. А они меня одъ тѣхъ одъ самыхъ поръ недоколотымъ свиньей называють.... Такъ и называють, ваше превосходительство!... «Пшепендовскій — это, говорать, недоколотый свиня!»

Генералъ разсмѣялся.

Панъ Пшепендовскій въ ту-жь минуту поспѣшилъ и этотъ смѣхъ обратить въ свою пользу.

— Такъ есть точно, ваше превосходительство! подтвердилъ онъ съ глубокимъ поклономъ, — недоколотый свиня, и дѣти его недоколоты поросенки... Такъ и говорать! На ребѐнковъ, на малютковъ, ваше превосходительство!..

— Хорошо. Я постараюсь... я сдѣлаю. Имѣю честь кланяться!

И генералъ направился-было далѣе.

Но панъ Пшепендовскій, извиваясь и изгибаясь, мелкими скользящими шажками, почти на цыпочкахъ, засѣменилъ вслѣдъ за генераломъ.

— И такъ, ваше превосходительство, позволите имѣть въ надеждѣ?

— Хорошо, хорошо... Я сказалъ уже.

— Позволите, ваше превосходительство, мнѣ самому, аль бо и жонѣ моей понавѣдаться?..

— Можете, можете-съ!

— И какъ скоро прикажете, ваше превосходительство?

— На дняхъ, на дняхъ же....

— Слушаю-съ. Имѣю честь... покорнѣйше благодарить ваше превосходительство!

При этомъ грачовый хвостъ въ послѣдній разъ отлетѣлъ на-отмашь — и панъ Пшепендовскій съ сіяющимъ и гордымъ видомъ собственнаго достоинства, окинувъ взоромъ всѣхъ остальныхъ просителей и не замѣчая болѣе даже пана Груздецкаго, вышелъ изъ залы, тою слегка скользящею и покачивающейся походкой, которая очень напоминаетъ походку обласканнаго песика.

Дальнѣйшее дѣло вела уже сама пани Пшепендовская. Въ такомъ же точно интересномъ видѣ, какъ и въ прошлый разъ, она черезъ нѣсколько дней поѣхала къ его превосходительству, и послѣ этого какими-то необъяснимыми судьбами успѣла-таки добиться того, что его превосходительство принялъ ее въ своемъ кабинетѣ, забывъ даже про щекотливыя поджилки.

— Ваше превосходительство, сдѣлайте мнѣ это, кокетливо и вкрадчиво сказала ему на прощаньи прелестная и даже на сей разъ обольстительная пани Фелиція, — вы только сдѣлайте и... и... и тогда (она томно и порывисто вздохнула) тогда вы увидите... я... о, да! вѣрьте мнѣ!.. Я съумѣю хорошо, хорошо отблагодарить васъ... Моя благодарность — всѣмъ, чѣмъ только можетъ благодарить женщина, но... только сдѣлайте мнѣ это, ваше превосходительство!...

ГЛАВА VI.

Самая короткая, но самая вѣская и назидательная.

Панъ Пшепендовскій получилъ мѣсто. Точка.

(*Окончаніе будетъ*).

Мой послѣдній день въ Парижѣ.

Въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, гдѣ я провелъ цѣлые годы, было какъ-то дико и неприветливо. Кромѣ нѣсколькихъ поломанныхъ стульевъ, на которыхъ не нашлось покупщика, въ нихъ не было никакой мебели; стѣны, богато-убранныя прежде скицами и картинами работы моихъ пріятелей, были теперь голы, а полинялые обои, на которыхъ мѣста картинъ обозначались болѣе темнымъ цвѣтомъ, имѣли самый жалкій видъ. Въ углахъ лежали статьи, негодныя рукописи, газеты, брошюры и книги; точно также и кой-какое платье, скрывавшееся цѣлые годы въ темныхъ углахъ моего шкапа и оказавшееся теперь въ такомъ состояніи, что его не сталъ бы носить самый послѣдній бѣднякъ, валялось по полу, вмѣстѣ съ парой разбитыхъ чашекъ и стакановъ, фехтовальной перчаткой у которой недоставало одного пальца, засохшими букетами и другимъ хламомъ, котораго никто не покупалъ и котораго нельзя было никому подарить. Полъ, каминъ и зеркало—безъ котораго не обходится ни одна парижская квартира и которое всегда принадлежитъ хозяину — были покрыты пылью, а на срединѣ комнаты стояли мои уложенные чемоданы.

Я совершенно сбился съ ногъ за эти послѣдніе дни; теперь все было кончено, я сѣлъ на одинъ изъ чемодановъ и перевелъ дыханіе. Мнѣ было очень пріятно, что хлопоты мои кончились, а между тѣмъ я былъ въ самомъ печальномъ настроеніи духа и у меня сжималось сердце. Мнѣ казалось, что я сижу на своемъ сундукѣ словно Марій на развалинахъ Карфагена. Съ грустью и умиленіемъ вспоминалъ я тѣ пріятные часы, которые я провелъ съ моими веселыми друзьями въ этихъ комнаткахъ, казавшихся мнѣ теперь столь чуждыми и неуютными. Съ этими милыми и вѣрными друзьями я долженъ былъ теперь проститься, оставить великолѣпный городъ гдѣ мнѣ такъ хорошо жилось, и отказаться отъ тѣхъ привычекъ, которыя образовались у меня во время моего, болѣе чѣмъ шестилѣтняго, пребыванія въ Парижѣ. Я чувствовалъ, что мой отъѣздъ изъ Парижа составляетъ переломъ въ моей жизни, что онъ завершаетъ самую свѣтлую, счастливую и поэтическую главу — первое время моей юности. Мои друзья и короткіе знакомые обѣщали проводить меня на станцію желѣзной дороги, а церемонные прощальные визиты не столько разстроили меня, сколько надоѣли. Теперь, когда я, оставшись одинъ, сталъ представлять себѣ все то что мнѣ приходилось оставить, мною овладѣло нѣжное и грустное настроеніе; я думаю, что всякая бездѣлица вызвала бы у меня тогда слезы.

Въ то время какъ я, погруженный въ думу, сидѣлъ такимъ образомъ на своемъ сундукѣ, въ мою дверь кто-то постучался, и на мое: «Entrez!» ко мнѣ въ комнату вошелъ мой лучшій парижскій другъ Генрихъ Р... Пожавъ мнѣ руку и осмотрѣвшись кругомъ себя, онъ сказалъ мнѣ: «Да у тебя, какъ кажется, все покончено. Сдѣлалъ ли ты визиты?» На мой утвердительный отвѣтъ онъ продолжалъ: «Въ такомъ случаѣ я тебѣ сдѣлаю предложеніе. Я оставилъ внизу свой экипажъ; послѣдніе часы, которые ты проведешь въ Парижѣ, мы употребимъ на то чтобы еще разъ осмотрѣть его вдоль и поперекъ. Такимъ образомъ, ты уѣдешь подъ вліяніемъ общаго впечатлѣнія Парижа и будешь съ полнымъ убѣжденіемъ разсказывать своимъ землячкамъ, что Парижъ дѣйствительно такъ хорошъ, какъ говорятъ».

Я принялъ это предложеніе съ благодарностью. Кучеръ Генриха Р..., исправлявшій когда-то ту же самую должность въ какомъ-то отелѣ и разъѣзжавшій такимъ образомъ по всему Парижу, зналъ его какъ свои пять пальцевъ, такъ что мы вполнѣ могли на него положиться. Изъ улицы Готвиль, гдѣ была моя квартира, мы поѣхали къ бульвару, расположенному за церковью св. Магдалины. Было еще рано, около одиннадцати часовъ утра, и бульвары не имѣли еще своей обычной физіогноміи. Изящные кафе, которые начинаются наполняться посѣтителями къ пяти часамъ по полудни, а отъ шести до двѣнадцати часовъ ночи биткомъ набиты ими, были еще порядочно пусты; только нѣсколько провинціаловъ и иностранцевъ сидѣло передъ ними на улицѣ, съ газетами въ рукахъ, а такъ-называемые *garçons* въ безукоризненно бѣлыхъ фартукахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и чулкахъ, выглядывавшихъ изъ глубоко вырѣзанныхъ башмаковъ, стояли за дверями, съ салфетками въ рукахъ, и ничего не дѣлая зѣвали. По одному знаку посѣтителя ихъ подлетало къ нему четверо или пятеро. Пока я жилъ въ Парижѣ, я довольно презрительно относился къ этимъ garçons, — впослѣдствіи времени мнѣ пришлось не разъ пожалѣть о нихъ, такъ какъ я открылъ, что нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ болѣе проворныхъ и усердныхъ слугъ, чѣмъ эти парижскіе *garçons*; они такъ безцеремонно распоряжаются вашими деньгами, удерживая изъ нихъ, по своему собственному усмотрѣнію, такъ-называемыя деньги «pour boire», такъ что за чашку кофе, которая стоитъ сорокъ сантимовъ, они берутъ себѣ десять, а съ болѣе значительныхъ суммъ — до десяти и пятнадцати процентовъ, — впослѣдствіи, говорю, я сталъ глядѣть на на этотъ вынужденный, такъ-сказать, налогъ въ пользу прислуги какъ на чрезвычайно пріятное, хотя конечно и не совсѣмъ выгодное для кармановъ установленіе.

Церковь Магдалины, одно изъ самыхъ прекрасныхъ подражаній античнымъ памятникамъ зодчества, какое только существуетъ въ наше время, осталась вправо за нами. Ея высокія колонны производятъ на любителя искусства чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Конечно, въ наше время архитектура этой церкви кажется анахронизмомъ; она не отвѣчаетъ ни культу, ни нравамъ нашего столѣтія—она напоминаетъ о Пантеонѣ. Поэтому-то языческій, величественный характеръ этой церкви и подалъ Наполеону поводъ обратить ее въ храмъ славы, посвященный солдатамъ великой арміи. Съ возстановленіемъ Бурбоновъ церковь Магдалины была опять возвращена католическому культу, хотя ни наружный ни внутренній ея видъ не соотвѣтствуютъ этому. Снаружи, какъ мы уже говорили, она имѣетъ языческій характеръ, а внутренность ея напоминаетъ своимъ бархатомъ и золотомъ скорѣе оперу, чѣмъ мѣсто посвященное христіанскому богослуженію.

На площади Corlacia (place de la Concorde) мы остановились. Въ срединѣ этой величественной площади поднимается луксорскій обелискъ, привезенный Наполеономъ изъ его первой египетской экспедиціи. Съ пьедестала этого обелиска открывается одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ какіе только можно представить себѣ. На сѣверѣ «Rue Royale», величественно замыкающаяся

церковью Магдалины, на востокѣ Тюилерійскій садъ съ зàмкомъ, на югѣ Сена съ мостомъ Согласія, за которымъ поднимается Бурбонскій дворецъ, на западѣ чудная аллея Елисейскихъ полей, въ концѣ которой возвышается тріумфальная арка Звѣзды. Елисейскія поля,—гдѣ находится «Palais d'industrie и гдѣ спекуляція настроила для увеселенія народа множество кафе, cafés chantants, цирковъ и театровъ, — самое оживленное мѣсто прогулки во всемъ Парижѣ. Сюда стремятся каждый день сотни и тысячи праздношатающихся, которые желаютъ что-нибудь посмотрѣть или показать самихъ себя. Здѣсь встрѣчаются самые лучшіе экипажи и лошади, и здѣсь-то именно и получаютъ начало различныя моды; весеннія — въ недѣлю пасхи во время поѣздки въ «Longchamps», гдѣ столичныя щеголихи постоянно выставляютъ на показъ новыя доказательства изобрѣтательности своихъ портнихъ и модистокъ. Когда я гулялъ бывало по этимъ Елисейскимъ полямъ, глядѣлъ на ту величественную тріумфальную арку и думалъ о томъ, сколько каталось по этой улицѣ легкомысленныхъ, прекрасныхъ женщинъ, удивляя роскошью своего туалета и предписывая моды всему свѣту,—могъ ли я тогда думать, что, нѣсколько лѣтъ спустя, надъ этимъ «Longchamps» будутъ носиться облака пыли, которая будетъ поднята не колесами роскошныхъ колясокъ, а марширующими тутъ нѣмецкими батальонами,—что эта чудная аллея, убѣжище роскоши и веселія, будетъ покрыта траурнымъ флеромъ, вмѣстѣ съ статуей Стразбурга, украшающей площадь Согласія!

Если я стоя у обелиска и не могъ заглянуть въ будущность Франціи, зато передо мною проносились кровавыя воспоминанія ея прошедшаго. Здѣсь на этой площади разыгрывались самыя ужасныя сцены первой французской революціи; здѣсь Людовикъ XVI и Марія Антуанетта, жирондисты, Шарлотта Корде и вожди красной республики: Дантонъ, Робеспьеръ и мало ли еще сколько жертвъ—испустили свое дыханіе. Въ Бурбонскомъ дворцѣ, находящемся по ту сторону Сены, уже въ то время возникалъ этотъ Законодательный корпусъ, это жалкое собраніе подобострастныхъ людей, которые, будучи призваны довѣріемъ народа къ рѣшенію величайшей задачи, употребили это довѣріе во зло, рукоплеща всѣмъ мѣрамъ, какія только ни предпринимало правительство, и отказавшись отъ всякаго контроля. Законодательный корпусъ, прилагавшій къ наполеоновской политикѣ печать законности, одинъ изъ тѣхъ предателей, которые привели Францію на край погибели. Эти жалкіе представители народа и прежде еще не внушали мнѣ никакого довѣрія, — и я обернулся спиною къ Бурбонскому дворцу, чтобъ разсѣять то печальное настроеніе, которое начало овладѣвать мною, видомъ свѣжей зелени Тюилерійскаго сада.

Это прелестный садъ съ высокими, тѣнистыми деревьями и прекраснѣйшими аллеями, которыя содержатся со всевозможною чистотою. Шумятъ и блестятъ на солнцѣ серебристые фонтаны, а изъ-за зелени деревьевъ выглядываютъ мѣстами изящныя статуи, большею частію копіи съ антиковъ; вездѣ подѣланы скамьи, съ которыхъ, если хороша погода, няньки и кормилицы наблюдаютъ или пожалуй и не наблюдаютъ за ввѣренными ихъ попеченію дѣтьми, потому что, увлекшись любезностями какого-нибудь мягкосердечнаго воина, предоставляютъ обыкновенно дѣтямъ полное право дѣлать что имъ угодно. Меньшая часть сада отдѣлена рѣшоткой; она составляла собственно садъ императора и императорскаго принца. Здѣсь могущественный тогда монархъ показывалъ себя, отъ времени до времени, иностранцамъ, которые дивились на него, словно онъ какое-нибудь небывалое чудовище,—а когда онъ зналъ, что за нимъ наблюдаютъ, онъ очень былъ не прочь разыграть великаго человѣка. Онъ былъ одѣтъ, большею частью, въ штатское платье, курилъ папиросы, которыя онъ удостоивалъ дѣлать собственными руками, медленно и нѣсколько подавшись впередъ расхаживалъ по аллеямъ—и опершись правою рукою на палку, останавливался отъ времени до времени, чертя на пескѣ какія-то изображенія, для которыхъ, если это были планы сраженій, конечно нельзя было найдти лучшаго мѣста какъ на пескѣ, гдѣ они очень разумно разносились вѣтромъ. Здѣсь маленькій принцъ игралъ съ своимъ другомъ, сыномъ доктора Конно, катался на велосипедѣ и усвоивалъ себѣ то «удивительное хладнокровіе», трогательное доказательство котораго было дано имъ втораго августа 1870 г., при Саарбрюкенѣ, когда онъ поднялъ прусскую бомбу. Тюилерійскій дворецъ, получившій это названіе вслѣдствіе того, что въ тринадцатомъ столѣтіи на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоитъ, находились кирпичные заводы (tuileries),—началъ строится въ царствованіе Франциска I; въ слѣдующія за тѣмъ царствованія онъ все болѣе и болѣе украшался и снаружи, а въ царствованіе Наполеона III былъ соединенъ съ Лувромъ въ одно громадное великолѣпное зданіе. Старый Лувръ—одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ зодчества французскаго стиля «Renaissance». Отсюда-то въ Варфоломеевскую ночь 1572 г. стрѣлялъ, изъ окна одного павильона, Карлъ IX въ гугенотовъ. Подъ этимъ окномъ поставили во время французской революціи висѣлицу, на которой была сдѣлана слѣдующая надпись: «Изъ этого окна низкій Карлъ IX, гнусной памяти, стрѣлялъ изъ карабина въ народъ». Висѣлица и надпись давно уже изчезли. Со временъ Конвента въ Луврѣ устроенъ музеумъ для произведеній образовательнаго искуства: въ великолѣпныхъ залахъ соединены прекраснѣйшіе памятники человѣческаго искусства, античныя статуи, между прочимъ статуи Венеры Милосской, Гладіатора, Діаны съ ланью, перлы древней итальянской, испанской, нѣмецкой школы: рафаэлева «la belle jardinière», «Святое семейство» Леонардо да Винчи, «Бракъ въ Канѣ» Паоло Веронеза, Мадонна Мурильо, и пр. Мнѣ нѣкогда было останавливаться теперь передъ этими твореніями величайшихъ художниковъ, какъ я это дѣлывалъ прежде. Мы мчались по улицѣ Риволи мимо громадныхъ великолѣпныхъ зданій, которыя соединены императоромъ въ одно колоссальное великолѣпное зданіе, для того чтобы оставить слѣдующимъ поколѣніямъ очевидные знаки своего царствованія, а также и для того чтобъ занять столько праздныхъ и опасныхъ людей. Вандомскую колонну мы могли видѣть только мелькомъ, бросивъ взглядъ въ ту сторону, гдѣ находилась улица Кастиліоне. Маленькій человѣкъ, въ сѣромъ сертукѣ и маленькой шляпѣ, изображеніе котораго стоитъ на верху этой колонны,—дядя того человѣка, который такъ недавно еще былъ императоромъ,—видѣлъ уже однажды, съ этого самаго мѣста, вступленіе чужеземцевъ въ столицу Франціи. Вандомская колонна была воздвигнута въ 1806 году въ честь побѣдителя при Аустерлицѣ—изъ металла отнятыхъ у непріятеля пушекъ, а самъ побѣдитель поставленъ на вершинѣ ея. Во время вступленія союзныхъ державъ въ Парижъ, роялисты стащили оттуда статую при помощи крѣпкихъ веревокъ,

въ то время какъ чужеземные побѣдители кричали: ура! Впослѣдствіи, въ 1833 г., въ правленіе Луи-Филиппа на старую колонну поставили новаго Наполеона, только не въ античной одеждѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ, что̀ гораздо эффектнѣе. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Упрекаетъ ли Францію въ недостаткѣ мужества, или указываетъ этой несчастной странѣ, куда приводитъ страсть къ завоеваніямъ и военной славѣ? Не думаю, чтобы къ ногамъ этой статуи клались теперь вѣнки изъ иммортелей.

Намъ нѣкогда было входить въ Пале-Рояль, этотъ величественный дворецъ, образующій собою маленькій микрокозмъ. Нижній этажъ длиннаго ряда домовъ, составляющихъ собою дворецъ, какъ извѣстно, занятъ одними лавками и магазинами. Тутъ соединено все, что̀ только можетъ доставить всемірная промышленность, начиная отъ самаго полезнаго и необходимаго до самаго безполезнаго и излишняго, хорошее и неподдѣльное рядомъ съ дрянью и поддѣлкой, самое дорогое и самое дешевое, словомъ: все. Въ Пале Роялѣ находится также нѣсколько наиболѣе-посѣщаемыхъ парижскихъ ресторановъ—и притомъ всевозможныхъ родовъ. Тутъ можно получить за пятьдесятъ копѣекъ: супъ, «hors d'oeuvre», три кушанья и дессертъ, тогда какъ за то же самое или даже и за болѣе скромное menu платятъ въ сосѣднемъ ресторанѣ около 9 руб.; конечно, какова цѣна, таковъ и товаръ. Большая часть пріѣзжающихъ въ Парижъ иностранцевъ обѣдаетъ сперва въ Пале-Роялѣ у дешеваго ресторатёра. Я очень часто слышалъ, какъ мои наивные друзья удивлялись дешевизнѣ и роскоши этихъ пировъ; но поѣвши три недѣли кряду у такихъ ресторатёровъ, они начинали ощущать вредныя слѣдствія подобныхъ угощеній, жаловались на боль подъ ложечкой, на несвареніе желудка—и убѣждались въ томъ, что предлагавшіяся имъ кушанья составлялись изъ такихъ основныхъ частей, которыя не могъ переварить даже самый здоровый желудокъ;—послѣ этого они соглашались лучше заплатить лишнюю пару грошей за меньшее число блюдъ, только чтобъ эти были приготовлены просто, такъ чтобъ можно было видѣть, изъ чего они состоятъ. Но подлѣ этихъ блестящихъ губителей желудка можно, какъ мы уже говорили выше, найдти въ Пале-Роялѣ и самый дорогой и избранный столъ, между прочимъ у знаменитыхъ «Frères Provençaux», въ одномъ изъ самыхъ изящныхъ и лучшихъ парижскихъ ресторановъ. Особенно замѣчателенъ въ Пале-Роялѣ Кафе Слѣпыхъ, низенькое, душное, грязное помѣщеніе, гдѣ оркестръ состоитъ изъ однихъ слѣпыхъ; только одинъ изъ виртуозовъ, который принадлежитъ собственно къ оркестру, зрячій. Это литаврщикъ, наряженный дикимъ, который, колотя по четыремъ или шести литаврамъ, поставленнымъ другъ подлѣ друга, угощаетъ посѣтителей истинно адской музыкой. Публика этого театра въ высшей степени интересна, такъ какъ она состоитъ изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ молодыхъ парижанъ и самыхъ дорогихъ дамъ полусвѣта. Авторы, пишущіе для Пале-Рояля и хорошо знакомые съ его публикой, знаютъ, что тамъ можно позволить себѣ больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, и большая часть ихъ шутокъ имѣетъ такой «haut-gout», который можетъ нравиться только самымъ отъявленнымъ любителямъ этого заведенія. Главныя зданія Пале-Рояля образуютъ собою прямой четвероугольникъ, которымъ замыкается пале-рояльскій садъ. И этотъ садъ тоже любимое мѣстопребываніе нянекъ и дѣтей. Собственно во дворцѣ, гдѣ жилъ и умеръ величайшій французскій государственный человѣкъ,—жилъ въ послѣднее время доблестный принцъ Наполеонъ, великій человѣкъ на словахъ, но въ сущности одинъ изъ самыхъ жалкихъ трусовъ.

Изъ улицы Риволи мы взяли направо и поѣхали по славной или лучше сказать по обезславленной «Place de Grève», гдѣ такъ часто потѣшался народъ и гдѣ происходило столько ужасныхъ казней. Въ теченіи пяти столѣтій, отъ 1310 до 1822 года на этой площади совершались казни. Во время революціи ихъ стали производить также и на площади Согласія. «Если бы» говоритъ Шарль Нодье о Гревской площади — «всѣ крики, которые были испущены здѣсь, въ мукахъ отчаянія, подъ висѣлицею и сѣкирою палача, въ корчахъ отъ веревки и въ пламени костровъ, могли соединиться въ одинъ крикъ, то вся Франція услыхала бы его». Изъ безконечнаго ряда тѣхъ, которые казнены здѣсь, я назову только графа фонъ Горна, казненнаго въ 1700 г., Картуша въ 1721, Лувеля, убійцу герцога Беррійскаго въ 1820 г. Со времени іюльской революціи площадь потеряла свой прежній характеръ. Она служитъ, главнымъ образомъ, мѣстомъ собраній для работниковъ, ищущихъ себѣ дѣла, именно плотниковъ. Французское «faire grève» (оставить работу) происходитъ отсюда, такъ какъ именно на этой площади Согласія происходятъ обыкновенно стачки работниковъ, добровольно оставляющихъ работу для того, чтобъ вынудить себѣ такимъ образомъ болѣе высокую плату или уменьшеніе количества рабочихъ часовъ. Самыя важныя государственныя событія происходили на этой площади, такъ какъ здѣсь стоитъ знаменитая ратуша «Hotel de ville». Здѣсь было объявлено паденіе первой имперіи, провозглашено правительство Луи-Филиппа и паденіе того же самаго правительства, назначеніе временнаго правительства и установленіе республики 1848 года—и здѣсь же 4 сентября прошлаго года Гамбетта объявилъ ликующимъ парижанамъ съ балкона ратуши паденіе наполеоновской династіи. Эта ратуша, — производящая такое сильное впечатлѣніе своимъ древнимъ стилемъ и своими величественными размѣрами и, будучи первоначально незначительнымъ зданіемъ, превратившаяся мало-по-малу въ великолѣпный дворецъ, наружность котораго такъ же колоссальна какъ изящна и богата внутренность,— имѣетъ 180 метровъ длины при 80 метрахъ глубины; одинъ знаменитый большой залъ, гдѣ происходили различныя торжества, простирается на 48 метровъ длины. Исторія этой ратуши была бы исторіей самого Парижа.

Мы отправились черезъ Аркольскую площадь и Аркольскій мостъ къ Сите, сенскому острову, колыбели Парижа, самой древней и самой интересной части города, бросивъ послѣдній взглядъ на чудесныя набережныя и мосты, соединяющіе обѣ части Парижа. Сена, какъ извѣстно, течетъ черезъ Парижъ, описывая большую дугу и заключаетъ въ себѣ (почти на серединѣ города) два острова: островъ Сенъ-Луи, который не особенно интересенъ, и Сите. Всѣхъ мостовъ девятнадцать; почти всѣ они архитектурной постройки и чрезвычайно красивы. Между ними особенно замѣчателенъ «Pont Neuf», первое основаніе которому положено въ царствованіе Генриха III, въ 1578 г., и который былъ въ прошломъ столѣтіи любимымъ мѣстопребываніемъ парижскаго народа, мѣстомъ сборища праздношатающихся, шарлатановъ, плясуновъ на канатѣ и фокусниковъ, но въ настоящее время совершенно потерялъ свой прежній характеръ.

На мосту стоитъ статуя самаго лучшаго короля Франціи, Генриха IV. Во время революціи эта статуя была уничтожена, а на ея мѣстѣ поставлена батарея, которая должна была подавать сигналы тревоги. Въ 1817 г. эта статуя была замѣнена другою, конною статуею того же короля. Послѣ «Pont Neuf» особеннаго вниманія заслуживаютъ: «Pont des Saints pères», соединяющій главнымъ образомъ Латинскій кварталъ, гдѣ живутъ студенты, съ другими берегами Сены; «Pont des arts», назначенный для однихъ пѣшеходовъ и др.

Списокъ наиболѣе замѣчательныхъ зданій, украшающихъ собою набережныя, былъ бы слишкомъ длиненъ, еслибъ я вздумалъ изчислять ихъ всѣ. Я предоставляю это парижскимъ гидамъ, которые указываютъ иностранцамъ всѣ замѣчательныя зданія на берегахъ Сены и разсказываютъ ихъ исторію; я обращу вниманіе только на одно изъ самыхъ значительныхъ, которое расположено по близости «Pont Neuf» и которое мы могли видѣть изъ нашего экипажа. Это не очень большой одноэтажный домъ мрачнаго вида, построенный какъ разъ у Сены. Большая часть тѣхъ, которые вступаютъ въ этотъ домъ, привлекаются туда тѣмъ необъяснимымъ чувствомъ наслажденія, которое испытываетъ человѣкъ при созерцаніи ужаснаго; но есть и другіе, которые приходятъ сюда съ другою, болѣе серіозною цѣлью, съ отчаяніемъ въ душѣ, чтобъ окончательно увѣриться въ своемъ несчастіи. Здѣсь выставляются (до тѣхъ поръ, пока позволяетъ это ихъ состояніе) трупы людей, личность которыхъ еще не опредѣлена, найденные въ Парижѣ или Сенѣ,—для того чтобъ доставить родственникамъ и друзьямъ возможность признать и потребовать ихъ себѣ. И тутъ на каменномъ ложѣ, на которое постоянно падаетъ сверху журчащая вода, лежатъ они совершенно раздѣтые; платье лежитъ возлѣ, для облегченія признанія. Разумѣется, при этомъ приняты всевозможныя мѣры для того, чтобъ посредствомъ постояннаго притока свѣжаго воздуха и свѣжей воды сохранить какъ можно долѣе эти трупы. Я очень хорошо помню то время, когда эта «la Morgue» составляла, въ теченіи нѣсколькихъ дней, цѣль поѣздокъ парижанъ всевозможныхъ слоевъ общества. Дѣлали «queue», словно передъ театромъ во время представленія какой нибудь особенно замѣчательной піесы, чтобы взглянуть на «безголовый трупъ». Дѣло было въ томъ, что въ Сите нашли трупъ прелестной молодой дѣвушки, который былъ совершенно раздѣтъ и у котораго голова была оторвана съ большимъ искусствомъ. Рѣдкая красота тѣла, молодость убитой и необыкновенныя обстоятельства, сопровождавшіе это убійство,—все это въ высшей степени возбудило любопытство парижанъ. Съ утра и до глубокой ночи передъ «la Morgue» стояли самые изящные экипажи, и дамы въ шумящихъ платьяхъ съ шлейфами, принадлежавшія къ лучшимъ классамъ общества, толпились въ узкихъ воротахъ, чтобы насладиться этимъ зрѣлищемъ. Всѣ судебныя изслѣдованія не повели ни къ чему; прошли цѣлые годы, а объ умершей не справлялся ни одинъ человѣкъ. Истина открылась вслѣдствіе признанія самого убійцы. Это былъ студентъ медицины, родомъ изъ южной Франціи, если не ошибаюсь, изъ Тулузы, который вызвалъ въ Парижъ свою любовницу. Въ день ея пріѣзда онъ имѣлъ огорченіе убѣдиться въ ея невѣрности. Имъ овладѣла бѣшеная ревность—и онъ разбилъ ей голову стуломъ. Онъ былъ настолько хладнокровенъ, что изгладилъ всѣ слѣды, которые могли бы навлечь на него подозрѣніе. Онъ отдѣлилъ размозженную голову отъ туловища, раздѣлъ трупъ и отнесъ его ночью изъ своей квартиры, находившейся въ Латинскомъ кварталѣ, въ Сите, гдѣ онъ бросилъ его въ одну улицу, про которую носились самые дурные слухи. Голову похоронилъ онъ послѣ въ Елисейскихъ поляхъ, а платье сжегъ. Такъ какъ у молодой дѣвушки не было на родинѣ близкихъ родныхъ, которые принимали бы въ ней особенное участіе, и такъ какъ тамъ кромѣ того знали, что она отправилась въ Парижъ, и очень естественно находили, что она для своихъ земляковъ какъ бы пропала безъ вѣсти, то ее совершенно упустили изъ виду; въ Парижѣ же она была совершенно неизвѣстна, такъ какъ она сейчасъ же послѣ своего прибытія была убита. Студентъ впослѣдствіи лишилъ себя жизни, а страшная истина открылась изъ оставленнаго имъ письма. Дѣвушкѣ не было еще семнадцати лѣтъ.

Въ прежнее время Сите поставлялъ въ «la Morgue» большую часть ея покойниковъ. Маленькія, мрачныя, извилистыя улицы, гдѣ проводила жизнь самая низкая и безнравственная часть парижскаго населенія, были почти каждую ночь театромъ убійства. Между прочимъ тутъ нашли однажды утромъ Жерара-де-Нерваля (веселаго поэта и превосходнаго переводчика Гетева Фауста) повѣшеннаго или повѣсившагося на фонарѣ. Здѣсь въ Сите выводитъ Эженъ Сю въ первый разъ на сцену дѣйствующихъ лицъ своего романа «Парижскія тайны»; здѣсь находитъ Рудольфъ въ шинкѣ сомнительной репутаціи, подъ вывѣскою «Бѣлаго кролика», Шуринѣра и Флёръ-Мари. Я былъ въ этомъ шинкѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ онъ палъ подъ молоткомъ всеразрушающаго Гаусмана,—и очень хорошо понимаю, что эта мѣстность и ея обитатели были какъ нельзя лучше приспособлены къ тому, чтобы возбудить фантазію писателя съ наклонностью къ ужасному. Въ сырой, низкой, закоптѣвшей отъ дыма и пыли залѣ, сидѣло за грязными, липкими столами (гдѣ стояло плохое вино и пиво) такое общество мужчинъ и женщинъ, какое мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать во всю мою жизнь. Хотя я и не трусливаго десятка и зналъ, что въ «мудрое правленіе» императора Наполеона «око закона не дремлетъ»,—нѣкоторые изъ посѣтителей, очевидно переодѣтые полицейскіе, конечно сейчасъ же вступились бы за оскорбленную невинность,—тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя далеко не въ безопасности среди окружающихъ меня воровскихъ и мошенническихъ физіогномій, и я очень скоро скрылся отъ непріятныхъ взглядовъ, которые были устремлены на меня со всѣхъ сторонъ, даже не прикоснувшись къ тому напитку, который поставила передо мною жирная хозяйка. Я собирался посѣтить черезъ нѣсколько дней эту мѣстность въ обществѣ моихъ друзей. Но когда я нѣсколько недѣль спустя хотѣлъ исполнить это намѣреніе, было уже поздно: домъ былъ уже сломанъ. Префектъ Гаусманъ отнялъ у Сите его настоящій характеръ. Передъ двумя большими улицами, которыя онъ проложилъ черезъ всевозможные притоны и закоулки, пользовавшіеся самою дурною репутаціею, въ высшей степени отвратительныя но также и въ высшей степени интересныя улицы стараго города пали. Въ Сите теперь такіе же изящные дома, а главные пути сообщенія также правильно-прямы и скучны, какъ и вездѣ.

(Окончаніе будетъ).

Городъ Бѣлозерскъ.

При основаніи варяжскаго княженія Рюрикомъ, Бѣлозерскъ уже существовалъ какъ колонія славянъ—до того значительная въ землѣ финскаго племени Веси, что братъ властителя новгородскаго, Синеусъ, избралъ его мѣстомъ своего пребыванія—на самомъ крайнемъ сѣверо-востокѣ новгородскихъ владѣній, какъ на западѣ—Изборскъ. Два года княженія Синеуса прошли безъ сомнѣнія въ однихъ приготовленіяхъ къ измѣненію существовавшаго порядка, при новыхъ государственныхъ началахъ уже немогшаго продолжаться. Внезапная смерть князя должна была неминуемо отложить дѣло, имъ начатое. Недаромъ Рюрикъ и перевелъ сюда оставшагося брата Трувора, который въ свою очередь и самъ черезъ годъ оставилъ міръ съ новымъ княженіемъ. Посылка бояръ Рюриковыхъ послѣ смерти братьевъ, для управленія отдаленнымъ Бѣлозерскимъ краемъ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ догадку, что значеніе этого пункта было очень важно, и что обстоятельства требовали здѣсь самостоятельнаго управленія. При второмъ раздѣленіи Руси на удѣлы Ярославомъ, Бѣлозерскій край съ Поволжьемъ, завоеваннымъ Святославомъ и Владиміромъ, достался съ Суздалемъ, Ростовомъ и Переяславлемъ—Всеволоду, и въ родѣ его остался до смерти вел. кн. Георгія Всеволодовича. Съ 1244 г.—по собраніи народа послѣ Батыева погрома—въ теченіи 25 лѣтъ владѣли Бѣлозерскимъ удѣломъ князья Ростовскіе, въ лицѣ Глѣба Васильковича, его сына Михаила и внука Ѳедора. Первоначально Бѣлозерское поселеніе находилось на сѣверномъ берегу Бѣлаго озера; при Владимірѣ Великомъ, по преданію, перемѣстилось оно на другое мѣсто—на истокъ Шексны, а князь Глѣбъ перенесъ свой удѣльный городъ на истокъ Шексны, гдѣ теперь Крохино. Въ память несчастнаго отца своего, замученнаго татарами въ Шеренскомъ лѣсу, князь Глѣбъ въ новомъ городѣ построилъ первую церковь во имя Св. Василія—и на мѣстѣ бывшаго до того поселенія основалъ по обѣту Троицкій монастырь (1251 г.), нынѣ обращенный уже въ приходскую церковь, потому что, простоявъ 250 лѣтъ безъ всякой поддержки, въ началѣ XVI вѣка зданія обители оказались не въ состояніи долѣе противиться приливамъ воды и примѣтно стали разрушаться. Пришлось искать другаго мѣста для поселенія, гдѣ еще 2 столѣтія просуществовалъ монастырь, пока при Петрѣ I уже пожаръ не истребилъ строеній (1717 г.), которыя братія успѣла въ третій разъ кое-какъ поправить. Такъ дотянула обитель эта свое существованіе до штатовъ 1764 года, когда уже (не будучи въ состояніи существовать безъ помощи правительства) упразднена, и оставила въ память своего бытія здѣсь каменную церковь прихожанамъ.

Бѣлозерскій каналъ.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ Е. Даммюллеръ.

Кромѣ двухъ храмовъ, или лучше сказать, городскаго храма и монастыря Троицкаго, князь Глѣбъ Ва-

сильковичъ оставилъ еще память въ исторіи построеніемъ землянаго вала вокругъ новаго поселенія. Мѣсто, выбранное этимъ княземъ, по нашимъ понятіямъ, было самое выгодное, при судоходной рѣкѣ; почему еще разъ перемѣстила воля Іоанна III древнее княжество на настоящее мѣсто, далеко уступающее второму въ торговомъ отношеніи, мы рѣшить не беремся. А что нѣтъ выгоднѣе мѣста, какъ было при устьѣ Шексны,—доказываетъ настоящее процвѣтаніе Крохинскаго посада, которому предстоитъ еще болѣе блистательная будущность.

Обращаясь къ князу Глѣбу.—вообще, какъ видно по его дѣйствіямъ, человѣку съ большимъ тактомъ и замѣчательно ловкому въ устройствовѣ наивыгоднѣйшимъ образомъ своихъ дѣлъ, — мы должны сказать, прежде всего, что онъ сдѣлался зятемъ хана Сартака, по первому же браку своему имѣлъ тестемъ сильнѣйшаго изъ русскихъ князей — Романа Галицкаго. Родниться съ людьми, которые много могли сдѣлать въ его пользу, было для князя Глѣба Васильевича какъ бы цѣлью исканій и домогательствъ, всегда ему удававшихся. Такъ успѣлъ онъ женить и сына Михаила, своего преемника, на дочери сильнаго по вліянію князя Ярославскаго Ѳедора Ростиславича Чернаго. Отъ этого брака родились два сына: князья Ѳедоръ и Романъ Михайловичи Бѣлозерскіе, въ свою очередь имѣвшіе каждый по извѣстному въ исторіи одному сыну. Изъ нихъ князь Ѳедоръ Романовичъ Бѣлозерскій и сынъ его князь Иванъ убиты въ Куликовской битвѣ, а Бѣлозерскій удѣлъ достался въ родъ князя Василія Романовича Сугорскаго, сынъ котораго Юрій Васильевичъ былъ послѣднимъ независимымъ удѣльнымъ княземъ Бѣлоозера, хотя князья продали его еще московскому великому князю Ивану Дадниловичу Калитѣ, какъ видно изъ духовнаго завѣщанія Димитрія Донскаго, гдѣ говорится: «А сына моего, князя Андрея, благословляю куплею же дѣда своего Бѣлымъ озеромъ, со всѣми волостьми». Какъ бы ни было, но и за покупкою Калиты князья сидѣли еще въ удѣлѣ Бѣлозерскомъ—и только Іоаннъ III положилъ руку на это достояніе предковъ, уничтоживъ послѣднюю тѣнь казавшейся независимости, вывозомъ князей Бѣлозерскихъ пожить въ Москву. *Собиратель земли русской* началъ съ перенесенія Бѣлозерска, какъ мы уже сказали, на настоящее мѣсто— и окружилъ его стѣнами сверхъ вала, — *рубленая сыпь* устроена была тогда въ Бѣлозерѣ, по сказанію Лѣтописи. Укрѣпленіе такое надежное имѣло особую цѣль и назначеніе, какъ видно изъ процесса съ Василіемъ, хотѣвшимъ, въ возмездіе за коронованіе внука несчастнаго князя Димитрія Ивановича, пробраться на Вологду и захватить на Бѣлоозерѣ казну государя своего родителя. А деньги всегда береглись тщательно, и потому стѣны окружающія городъ, служившій храненіемъ ихъ, какъ нельзя болѣе требовалось обстоятельствами. Въ несчастную эпоху смутъ междуцарствія, укрѣпленія Іоанна III не помѣшали впрочемъ полякамъ овладѣть Бѣлоозеромъ и разорить этотъ пунктъ, считавшійся все еще надежнымъ и крѣпкимъ. Это, впрочемъ, было уже

Авраамієвъ монастырь въ Чухломѣ.

Съ фотографіи А. П. Шевякова, рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ К. Вейерманъ.

послѣднее бѣдствіе, разразившееся надъ достояніемъ Синеуса.

Изъ выписи изъ писцовой книги, данной за руками стольника Никиты Ксеноф. Тараканова да подьячаго Игнатія Пигина (1677 г. 5 февраля), видно, что въ годъ смерти царя Алексѣя Михайловича, стѣна съ валами все еще окружала городъ, до самаго берега Бѣлаго озера, на протяженіи 550½ сажень, имѣя двое воротъ и 8 башень. За этою стѣною въ городѣ строился каменный соборъ, находился воеводскій дворъ, занимая 550 квадратныхъ сажень, да подъ 2-мя огородами и дьячею избою еще 664 кв. сажени.

Нахожденіе въ городѣ избы приказа воеводскаго, съ 2-мя губными избами (уголовной палатой), тюрьмою, *сторожкою* и погребомъ пороховымъ, показываютъ однако, что городъ этотъ—центръ окружной администраціи. Замѣтимъ также, что второе помѣщеніе, бывшей губной избы, занято было землемѣрами (въ ней пишутъ площадное письмо). Рядомъ съ гражданскою администраціею и духовная власть, въ лицѣ архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго, имѣла свой участокъ. Дворъ «подъѣзжій» (осадный) его преосвященства на 800 слишкомъ кв. сажень, данный въ 1674 году, заключалъ три избы. Участки земельные въ городѣ, за исключеніемъ указанныхъ, были впрочемъ очень небольшіе, подъ огородъ отъ 20 до 40 сажень и то за городомъ, да подъ дворъ отъ 10 до 3 сажень въ длину и поперегъ отъ 7—2 сажень. Изъ улицъ сохранились названія: Сковородиной, Залужья, Краснаго Посада, Десяцкой, Пречистенской и Петровской, гдѣ былъ дворъ стольника князя Андрея Хованскаго. Съѣзжая изба (полицейское управленіе) съ дворомъ заключала въ длину 8 сажень, въ ширину 6 саж., да при ней (для кого неизвѣстно) былъ огородъ 28 сажень въ длину и 14 въ ширину (самый крупный участокъ). За нею до валу выходила земля Кирилова монастыря до 85 кв. саж.; тутъ же было 4 пустыхъ лавки, воеводскіе огороды, а за ними торговая площадь — на мѣстѣ ограды и церкви Преображенія, тогда уже несуществовавшей — 38 сажень въ длину и 30 сажень въ ширину. Здѣсь помѣщалась таможня, амбары хлѣбные и лавки, по обѣ стороны улицы «къ богословскимъ воротамъ», на 12 саженяхъ длины, одиннадцать колодезей, 3 пруда съ трубами, проведенными сквозь городскіе подвалы.

Съ переписи 1623 года уже въ городѣ самомъ никто не могъ сказать, куда изчезли тогда существовавшіе 32 двора посадскихъ и вотчинниковъ.

Что же было за 100 лѣтъ, того уже не спрашивай. Во время настоящей описи (1676 г.) торговая площадь вывезена была на посадъ, за валъ, за богословскія ворота, и отрѣзано было подъ нее обширное неправильное мѣсто 240 сажень въ длину. Сюда переведена была и таможня, построена церковь св. Іоанна Богослова и сооруженъ *гостинный дворъ* съ тремя товарными амбарами и двумя избами для торговыхъ сдѣлокъ. На площади новой находился *кабакъ* (*кружечной дворъ*), гдѣ продавали питья посадскіе цѣловальники, выбранные сходомъ и приведенные ихъ присягѣ. Въ Земской избѣ, тутъ же пріютившейся, *сидѣли* земскіе старосты, передъ рядомъ лавокъ доходившихъ свыше 60. О порядкѣ въ распредѣленіи торга, тѣмъ либо другимъ товаромъ, не было и рѣчи. Съѣстной товаръ, калачи да хлѣбъ, соль съ масломъ и мелкой товаръ, мелкая москательная торговля да одна лавка съ *мясомъ*, въ такъ-называемомъ громко *мясномъ* ряду—вотъ и всѣ предметы бѣлозерской коммерціи. Подлѣ мяснаго былъ, по табели хотя, настолько же вѣрно *рыбный рядъ*. Лавки самыя большія были въ длину 5 сажень, а поперегъ до 3-хъ сажень. Оброчныя годовыя платы на алтыны и деньги со всего двора въ годъ доставляли дохода казнѣ Великаго Государя 8 рублей 27 копѣекъ (272 алтына 3 деньги). Въ посадѣ, кромѣ церкви Ивановской, были шестиглавая Успенская, да о двухъ верхахъ—Богоявленія Господня,—одна каменная, другая деревянная. Отъ этой церкви шла Пречистенская улица, гдѣ жили *каменщики и кирпичники*. Здѣсь же обрѣтался и портной мастеръ Алешка Лукьяновъ сынъ Угрюмовъ. Въ *Десяцкой* улицѣ жили кузнецы, имѣвшіе дворъ и кузницы; далѣе, *къ Залужью*, жилъ одинъ мясникъ (Злыгостевъ), да одинъ калачникъ (Усачевъ). Въ Сковородиной улицѣ опять являются каменщики и кирпичники. Въ Вознесенской и Воскресенской улицахъ—церкви тѣхъ же именъ, въ послѣдній былъ еще Пречистенскій монастырь. Въ *Полатной* улицѣ, опять жили кузнецы со своими черными мастерскими. На Красномъ посадѣ еще портной (Херхоринъ), да два мясника; въ *Пробойной* улицѣ опять хлѣбникъ; въ Егорьевской: кожевникъ, мясникъ до подъячіе съ соборнымъ Протопопомъ.

На берегъ Бѣлаго озера, гдѣ теперь проходитъ Бѣлозерскій каналъ, изображеніе котораго мы прилагаемъ къ описанію, выходили улицы: Рогульская, Щеголева, Андреевская, Нарышкинъ конецъ и Телегина. На берегу, подлѣ озера былъ великаго государя рыбный дворъ, гдѣ жили «рыбнаго двора начальные люди» и для сихъ отведены были огороды. Здѣсь же, къ Нарышкинскому концу, въ казенной квартирѣ жилъ «посадской человѣкъ, записной рыбный ловецъ Петрушка Абрамовъ сынъ Хохряковъ», а въ сосѣдствѣ помѣщались рыбные ловцы, вольные торговцы рыбою. На берегу озера, въ Афанасовѣ стояла церковь Праскевы пятницы,—приходъ рыболововъ, прихожаниномъ котораго былъ и рыбнаго двора подъячій. Наконецъ въ Петровской улицѣ, получившей прозваніе отъ храма апостоловъ Петра и Павла, жили *извозчики*.

Вотъ и весь персоналъ техниковъ и занятій осьмивѣковаго русскаго города, въ старину слывшаго за одинъ изъ наиболѣе промышленныхъ если не торговыхъ по преимуществу.

Переходя отъ города Бѣзоозера XVII вѣка къ настоящему Бѣлозерску, мы скажемъ, что теперь въ немъ до 700 домовъ (и свыше трехъ только десятковъ каменныхъ, хотя свой каменный кирпичный заводъ) и до 4,000 жителей.

Бѣлозерскъ расположенъ на ровномъ берегу Бѣлаго озера, ловля въ которомъ извѣстной мелкой рыбки *снятковъ* составляетъ главный промыселъ его жителей. Нужно впрочемъ замѣтить, что ловъ рыбы съ каждымъ годомъ уменьшается, что слѣдуетъ приписывать неумѣренному ловленію въ недавнемъ прошломъ, когда для приплода оставляли очень малое число рыбы. Ущербъ въ рыбномъ доходѣ сталъ восполняться для промышленниковъ прибыткомъ отъ прогона судовъ по Бѣлозерскому каналу, проходящему въ самомъ городѣ, въ обходъ мелководнаго озера параллельно его берегу. Каналъ открытъ въ 1845 году и успѣлъ уже въ 25 лѣтъ существованія показать значеніе свое на усиленіи плаванья по Маріинской системѣ.

П. П—въ.

Политическое обозрѣніе.

За послѣднія двѣ недѣли, въ продолженіи которыхъ наше изданіе оставалось безъ политическаго обозрѣнія, парижскія дѣла все еще обращающія на себя вниманіе всей Европы, находились почти въ такомъ же положеніи, какъ и прежде. До сихъ поръ не произошло еще ничего рѣшительнаго. Всѣ схватки, завязывавшіеся между двумя враждебными партіями, происходили постоянно въ окрестностяхъ моста Нёльи. Сколько человѣческихъ жизней стоили эти стычки, а между тѣмъ ни та ни другая сторона не достигла еще рѣшительнаго перевѣса. *Одно* только обнаруживается съ очевидною ясностью изъ различныхъ депешъ, которыя получаются *ежедневно*, какъ съ той такъ и съ другой стороны, изъ Версаля и изъ Парижа, и въ которыхъ всегда *одинаково* говорится о побѣдахъ,—*ложь*. Сколько различныхъ формъ правленія пришлось намъ увидать въ послѣднее время въ этой несчастной, истерзанной странѣ и сколько вмѣстѣ съ тѣмъ, перебывало тутъ правителей! Но Наполеонъ ли, Жюль Фавръ, Трошю, Гамбетта, Тьеръ или наконецъ теперешняя парижская коммуна—вездѣ, вездѣ выступаетъ передъ нами ужасающая способность къ *къ фальшивой передачѣ фактовъ*; во всѣхъ вышепоименованныхъ шести различныхъ правительствахъ *ложь* является однимъ изъ самыхъ необходимыхъ атрибутовъ правительства, чѣмъ-то такимъ чтó подразумѣвается само собою собою. Вотъ уже почти четыре недѣли, какъ ежедневныя депеши, какъ изъ Парижа такъ и изъ Версали, слѣдовательно со стороны обѣихъ враждебныхъ партій увѣдомляютъ насъ только о побѣдахъ, которыя одна изъ нихъ будто бы одержала надъ другою,—и не смотря на эти вѣчныя побѣды ни та, ни другая изъ нихъ не одерживаетъ верха. Версальское правительство главнокомандующимъ арміей назначило теперь Макъ-Магона и комплектуетъ французскія военныя силы войсками, возвращающимися изъ нѣмецкаго плѣна. Но между этими солдатами такъ много негоднаго къ употребленію матеріала, такъ много совершенно еще безбородыхъ ребятъ, которые были набраны Гамбеттою и которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о дисциплинѣ, что собственно надежныхъ солдатъ, которыми Макъ-Магонъ можетъ располагать въ настоящее время, всего только 50,000 человѣкъ. Конечно это отборное войско, но оно не достаточно для того, чтобъ справиться съ парижской коммуной, у которой столько приверженцевъ. Монъ-Валерьянъ, находящійся во власти версальскаго правительства, безжалостно бомбардируетъ прекрасный Парижъ, чрезвычайно наглядное изображеніе котораго мы предлагаемъ читателю въ сегодняшнемъ нумерѣ нашего журнала. Большая часть домовъ въ Елисейскихъ поляхъ разрушена, отель турецкаго посольства бомбардируется, прекрасная Arc de Triomphe сильно повреждена; при этомъ почти всѣ сосѣднія мѣстечки, какъ напр.: Аньеръ, Сюренъ, Буживаль, Нёльи, и пр. и пр. почти совершенно уничтожены. Сколько нужно десятилѣтій, для того чтобъ возстановить все это?!

А движимое имущество Парижа! Всѣ церкви лишены своей серебряной или золотой утвари,—всѣ священники арестованы,—изданы законы, по которымъ бракосочетанія, крестины и т. п. больше не нужны. Французскій государственный банкъ, множество страховыхъ обществъ, значительная часть банкировъ должны были выдать насильственнымъ образомъ большія суммы. Все серебро изъ тюилерійскаго дворца, изъ отеля принца Наполеона изъ министерства, какъ иностранныхъ, такъ и внутреннихъ дѣлъ и проч. отправлено на монетный дворъ. 16/4 апрѣля было даже сдѣлано вторженіе въ отель бельгійскаго консульства. И такъ, въ Парижѣ теперь не уважаются даже иностранныя посольства и консульства. Ко всему этому въ Парижѣ предписаны вынужденныя конскрипціи, простирающіеся на всѣхъ безъ исключенія мужчинъ отъ 17 до 55 лѣтъ, какъ неженатыхъ такъ и женатыхъ,—и сколько тамъ тысячъ такихъ, у которыхъ есть родные братья въ версальской арміи или покрайнѣй мѣрѣ друзья и родственники, съ которыми они вынуждены теперь драться. Чтó же тутъ удивительнаго, что въ Версалѣ является ежедневно множество дезертировъ изъ Парижа!

Но уже теперь видно, что кровавыя парижскія революціи скорехонько сами себя подкопаютъ, сами себя уничтожатъ. И тамъ и сямъ уже начинаетъ оказываться сильный недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію; цѣны на нихъ возвысились до такой же степени, какъ во время осады Парижа нѣмцами. Почти всѣ мясныя лавки, за нѣсколько дней передъ этимъ, закрылись за недостаткомъ въ мясѣ. Нѣсколько лавокъ опять уже продаютъ конину. Фунтъ масла опять стоитъ 6 франковъ (около 1 рубл. 70 коп.),—и если только версальскому правительству удастся запереть всѣ пути подвоза къ Парижу, то голодъ, этотъ могучій властелинъ, скоро завладѣетъ городомъ,—такъ что битва передъ баррикадами на улицахъ Парижа, къ которой коммуна уже дѣлаетъ приготовленія, пожалуй не состоится.

Съ какою живостію симпатіи почти всей Европы устремились, *послѣ великой гигантской битвы между двумя исполински-сильными націями*, къ побѣжденной французской державѣ! Каждый платилъ дань сожалѣнія несчастію все-таки великой, не смотря ни на что, французской націи. А теперь? Куда дѣвались теперь всѣ эти симпатіи?—отвѣчать не трудно. Послѣ того какъ благодаря коммунистической парижской контръ-революціи, для которой положительно нѣтъ *ничего святаго*, ни личности, ни собственности, ни религіи,—послѣ того какъ, съ другой стороны, по милости *хилаго и хвораго* правительства Тьера обнаружилось какъ нельзя яснѣе, что вся французская нація такъ испорчена и подточена въ своихъ основаніяхъ, что *недостойна и неспособна основать здоровую и прочную республику*,—всѣ симпатіи отвернулись отъ нея.—Какимъ образомъ она будетъ въ состояніи покрыть при такихъ обстоятельствахъ громадныя военныя издержки—извѣстно однимъ богамъ. Капиталисты были бы очень глупы, если бы вздумали довѣрить свои капиталы такой безпокойной и ненадежной странѣ.

Парижская коммуна, у которой все больше да больше да больше выходитъ денегъ, уже посылаетъ своихъ сообщниковъ за границу, чтобы выманить тамъ у богатыхъ людей денегъ для парижанъ. Такимъ образомъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, въ банкирской конторѣ Ротшильда въ Франкфуртѣ на Майнѣ появился у кассы какой-то человѣкъ и представилъ приказъ парижской коммуны уплатить ему 4 милліона, въ противномъ случаѣ грозя взорвать орсиніевой бомбой весь домъ. Послѣ отказа кассира дѣйствительно упала бомба, которая причинила много вреда. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все-

общее смятеніе, этого человѣка схватили и нашли у него нѣсколько бомбъ, наполненыхъ нитроглицериномъ.

Шведское правительство обратилось 25 марта къ императорскому германскому правительству съ нотой, посредствомъ которой оно заявляляло намѣреніе *взять въ свое владѣніе шпицбергенскіе острова.* Президентъ германскаго союза уже дѣлаетъ справку, можетъ ли повредить шведскій проэктъ германскимъ интересамъ относительно ловли рыбы и тюленей на шпицбергенскихъ берегахъ. Не касается ли это также и русскихъ интересовъ, и можетъ быть даже больше, чѣмъ германскихъ?

Изъ Румыніи пишутъ, что князю Карлу былъ врученъ со стороны молдаванъ адресъ съ выраженіемъ преданности. Чтобы споспѣшествовать такому очевидно благопріятному повороту мнѣнія, князь Карлъ отправился 10 (22) съ своею супругою въ Галацъ и былъ встрѣченъ вездѣ восторженными криками со стороны народонаселенія. Точно такъ же и во время дальнѣйшаго его путешествія народонаселеніе выражало вездѣ свою преданность трону и желаніе возстановить порядокъ.

Новый рейхстагъ въ Берлинѣ усердно трудится надъ возстановленіемъ германской имперіи. Вслѣдствіе несостоятельности версальскаго правительства, касательно уплаты военныхъ издержекъ, денежныя затрудненія въ новой германской имперіи достигли до такой степени — чего впрочемъ и слѣдовало ожидать послѣ тѣхъ громадныхъ пожертвованій какихъ стоила Германіи война—что князь Бисмаркъ былъ принужденъ предложить имперскому сейму заемъ, простирающійся до 120 милліоновъ.

Алабамскій вопросъ между Америкой и Англіею рѣшенъ наконецъ въ мирномъ смыслѣ, такъ какъ смѣшанная коммисія обѣихъ странъ согласились насчетъ уплаты тѣхъ издержекъ, какія были причинены Англіею задержаніемъ корабля Алабама.

ПОГРѢШНОСТЬ.

По недосмотру корреспондента, доставившаго намъ фотографическіе снимки А. П. Шевякова, на двухъ рисункахъ ошибкою выставлены нумера несоотвѣтствующіе порядку ихъ въ пояснительномъ спискѣ, — и вслѣдствіе того произошла погрѣшность въ № 15 «Нивы». Помѣщенный на стр. 229 рисунокъ представляетъ городъ Бѣлозерскъ, а не Авраамієвъ монастырь въ Чухломѣ, изображеніе котораго мы прилагаемъ въ нынѣшнемъ нумерѣ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 16 Апрѣля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. [illegible] д. № 1—4[5].

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р. (Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногороднихъ. За годовое изданіе . 4 р. За пересылку . . — » 60 к. За упаковку . . . — » 40 » Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Панъ Пшепендовскій.

Всеволода Крестовскаго.

(Окончаніе).

ГЛАВА VII.

Тоже не длинная, но и не лишенная назидательности.

Какое именно мѣсто получилъ панъ Пшепендовскій—это для читателя вопросъ совершенно равнодушный. Достаточно сказать, что мѣсто было не безъ теплоты, соотвѣтственное рангу, почти независимое и даже не лишенное нѣкоторой вліятельности. Генералъ не то чтобы самъ отъ себя далъ ему это мѣсто,—прямо отъ себя дать такого мѣста онъ бы и не могъ,—но онъ списался, снесся съ кѣмъ слѣдовало, попросилъ, порекомендовалъ, похлопоталъ—и панъ Пшепендовскій очутился на мѣстѣ. Но... къ немалому изумленію его превосходительства, прелестная пани Фелиція даже вовсе не поѣхала поблагодарить его — хоть бы только изъ приличія, хоть бы въ общей пріемной, хоть бы даже при постороннихъ лицахъ. Она, вмѣсто себя, послала съ тысячью благодарностей самого пана Пшепендовскаго. Панъ Пшепендовскій принялся за службу ретиво. Онъ былъ дѣлецъ не дурной, какъ и каждый полякъ на русской службѣ. На первое время онъ въ особенности постарался зарекомендовать себя насчетъ дѣловитости и служебнаго рвенія, потомъ насчетъ благонамѣренности своихъ убѣжденій. Даже въ церковь на первое время ходилъ еженедѣльно: въ субботу ко всенощной и въ воскресенье къ обѣднѣ; а ужь о праздникахъ и торжественныхъ дняхъ нечего и говорить! Тутъ онъ являлся однимъ изъ первыхъ, въ мундирѣ присвоенномъ должности, становился на такое мѣсто, гдѣ бы могли его видѣть разныя вліятельныя начальственныя лица, и молился, молился, молился.... Такъ усердно и ревностно молился, что почтенные пастыри даже радовались обрѣтенію такой примѣрной овцы въ словесное стадо православное. Все это служило ему на пользу. Задача была въ томъ, чтобы упрочить свою репутацію, пріобрѣсти полное довѣріе и крѣпко усѣсться на своемъ мѣстѣ—столь крѣпко, чтобы не каждыми клещами можно было его оттуда вытащить.

И... съ теченіемъ нѣкотораго времени панъ Пшепендовскій и репутацію упрочилъ, и довѣріе пріобрѣлъ, и на мѣстѣ хорошо укрѣпился.

А затѣмъ, тоже съ теченіемъ нѣкотораго времени, въ губернскомъ городѣ N. слышатъ люди добрые, что невѣсть по чьимъ стараніямъ такой-то русскій чиновникъ вдругъ полетѣлъ съ мѣста, надъ такимъ-то слѣдствіе назначено, такой-то подъ судъ нежданно-негаданно угодилъ, того-то просто уволили безъ всякихъ поясненій, и мировой посредникъ Ивановъ тоже полетѣлъ, и... и... и самъ его превосходительство наконецъ покачнулся. Дивятся люди добрые: откуда все сіе бысть?—А паны Пшепендовскіе мало по малу подымаютъ голову, дышатъ легче, отраднѣе, лѣзутъ въ гору и занимаютъ мѣста ad majorem Dei et patriae gloriam.

ГЛАВА VIII.

Панъ Пшепендовскій въ лонѣ православія и своего семейства.

Посмотрите вы на этого прекраснаго, примѣрнаго отца семейства! Сколько любви и благодушія! Сколько мирнаго счастія и довольства своимъ прекраснымъ положеніемъ — подъ сѣнію двуглавой птицы на службѣ и подъ сѣнію благоволящихъ пенатовъ у роднаго, семейнаго очага!

Панъ Пшепендовскій только что всталъ отъ сытнаго и вкуснаго обѣда, въ которомъ каждое блюдо, соотвѣтственно «краевымъ» вкусамъ, было обильно приправлено подливой изъ топленаго масла.

Панъ Пшепендовскій сидитъ теперь въ своемъ кабинетѣ, передъ пріятнымъ и веселымъ огонькомъ камина, погрузясь въ глубокое и покойное кресло. Въ зубахъ у него ковырялка, въ рукѣ длинный чубукъ съ дымящимся Василіемъ Жуковымъ, въ лицѣ дремотная, тихая улыбка безмятежнаго довольства.

Позади его — рабочій письменный столъ; на столѣ служебныя дѣла и бумаги, портретъ супруги съ двумя потомками и просвирка съ вынутой частицей. Эту просвирку панъ Пшепендовскій неизмѣнно держитъ на своемъ столѣ, дабы — будучи на виду у всѣхъ — она могла для каждаго посторонняго человѣка служить видимымъ доказательствомъ православія и благочестія пана Пшепендовскаго.

Для видимаго же доказательства благонамѣренныхъ и патріотическихъ чувствъ пана Пшепендовскаго, на стѣнѣ этого самаго кабинета развѣшены у него портреты всѣхъ членовъ Императорской фамиліи, а по бокамъ ихъ портреты графа Муравьева и генералъ-адъютанта фон-Кауфмана 1-го. Какой же дерзкій осмѣлится, послѣ столь явныхъ и краснорѣчивыхъ доказательствъ, хотя на минуту усомниться въ искренности благочестія, благонамѣренности, патріотизма и преданности пана Пшепендовскаго?!

Ради этихъ же цѣлей, въ переднемъ углу виситъ у него большой православный образъ св. Александра Невскаго и лампадка при немъ теплится; образа же прежнихъ католическихъ патроновъ пана Пшепендовскаго удалены теперь въ заднія, непоказныя комнаты, куда не можетъ проникнуть глазъ посторонняго человѣка и гдѣ межъ тѣмъ, главнѣйшимъ образомъ, свершается весь обычный, повседневный кругъ домашняго обихода и семейной жизни. Впрочемъ, это удаленіе въ заднія комнаты ни мало не лишило прежнихъ патроновъ прежняго почитанія и поклоненія со стороны пана Пшепендовскаго. Теперь онъ ничего больше, какъ только сталъ жить двойною жизнью — и отъ этого явилось какъ бы два пана Пшепендовскихъ. Одинъ панъ Пшепендовскій былъ на службѣ и въ показныхъ комнатахъ, другой панъ Пшепендовскій — среди невидимаго для постороннихъ глазъ домашняго обихода и въ комнатахъ заднихъ.

Въ данную минуту, хотя тутъ и кабинетъ, и просвирка, и портреты на лицо, но такъ какъ никого посторонняго нѣтъ, то мы и застаемъ здѣсь пана Пшепендовскаго втораго, т. е. такимъ, какимъ онъ является въ лонѣ своего счастливаго семейства.

Мы застаемъ его въ одинъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ жизни: онъ только-что вчера получилъ новую денежную награду за свою ревностную службу; ему нечемъ больше на сей день заботиться — и потому, пока до полной дремоты, онъ намѣревается почитать газету «Новое время», на которую состоитъ подписчикомъ, ибо почему жь ему и не подписаться, если издаетъ ее «знакомиты чловѣкъ» и такъ сказать «родакъ, кревны»... А для постороннихъ, при случаѣ, панъ Пшепендовскій объясняетъ свое чтеніе такимъ замысловатымъ аргументомъ: читаю - молъ затѣмъ, чтобы знать, съ чѣмъ не соглашаться и чего не дѣлать.

Пани Фелиція конечно не можетъ не знать, что мужъ только еще вчера получилъ денежную награду, а она сегодня въ одномъ магазинѣ выглядѣла себѣ прелестную шелковую матерію, изъ которой должно выйдти безподобное, восхитительное платье. Поэтому пани Фелиція необыкновенно ласкова и привѣтлива со своимъ индюкомъ.

Она улыбаясь подходитъ къ индюку, садится сперва на ручку кресла, а потомъ пересаживается на колѣна, и обвивъ своею бѣлою, вкусною рукою его шею, ласково треплетъ по щекѣ нѣжною ладонью.

Панъ Пшепендовскій, какъ котъ, которому легонько щекочуть подъ шейкой, масляно щуритъ глаза отъ наслажденія.

Панъ Пшепендовскій плаваетъ въ облакахъ счастія, потому тутъ у него и родные пенаты, и любимая жона, и потомки у ногъ на коврѣ ползаютъ... и все это такъ прекрасно, и пріятно ему, и онъ ни о чемъ дурнаго не думаетъ себѣ и никому никакого зла не дѣлаетъ, — а тутъ маленькій Стасикъ разставилъ на полу оловянныхъ солдатиковъ и выкрикивая: «Пу-у!.. пу-у!.. бафъ! пафъ!» стрѣляетъ палочкой жестянаго ружьеца въ этихъ солдатиковъ. И такъ это весело маленькому Стасику, и солдатики валятся отъ выстрѣловъ его дѣтскаго ружьеца — и Стасикъ прыгаетъ съ такимъ искреннимъ дѣтскимъ восторгомъ, бьетъ въ ладоши и восклицаетъ:

— Тату!.. тату!... поглёндай: южь пенть москалевъ забилемъ! Цалы пенть москалевъ сон'застршѣлены!... а?

Панъ Пшепендовскій смотритъ на «забавки» Стася, и думаетъ о «забавкахъ» супруги, а супруга межъ тѣмъ такъ нѣжно гладитъ мягкой рукой его щеку и волосы, немножко трепля и взбивая прическу, и наконецъ цалуетъ въ лобъ.

Панъ Пшепендовскій благодарно смотритъ на супругу и думаетъ: «Іезусъ-Марія, какой я счастливый!»

Супруга цалуетъ его еще разъ — въ щеку.

Панъ Пшепендовскій смотритъ на нее совсѣмъ уже масляно.

Супруга даритъ и еще одинъ поцѣлуй — уже прямо въ губы...

Панъ Пшепендовскій начинаетъ глядѣть на нее уже очень лакомо, отставляетъ въ сторону чубукъ, обнимаетъ ея талію и уже самъ тянетъ къ ней губы.

— Ану, ану, еще разъ! еще разъ, моя кохана! тихо говоритъ онъ ей: — ану-бо, ну покажь мнѣ, какъ этое ты тогда тамъ... того... хе-хе-хе!.. того дурня... москаля цаловала?... а?.. Ну, признайся! цаловала? а?

Пани Фелиція мигомъ оставляетъ его шею, вскакиваетъ съ колѣнъ — и подавшись на шагъ назадъ, весьма величественно устремляетъ на индюка удивленный и оскорбленный взоръ.

Панъ Пшепендовскій понялъ, что, черезъ-чуръ уже увлекшись и нѣжностью и воображеніемъ, далъ дурацкій промахъ, и торопится какъ-нибудь поправить дѣло.

— Хе, хе, хе! искательно смѣется онъ,—алежъ то шутки, шутки!.. Якъ Бога кохамъ, тольке шутки, моя кохана, и венцей ницъ!

И за симъ прибавляетъ совершенно серіозно, съ достоинствомъ и даже не безъ величія:

— Прошен' пани завше вѣдаць, же то нигды не мыслямъ злѐго на жону!

Пани мысленно вспоминаетъ прелестную матерію и потому съ улыбкой, въ знакъ примиренія и забвенія, слегка хлопнувъ пальцемъ по носу своего индюка, спокойно отходитъ въ сторону и садится на кресло.

— Тату! тату! еще пенть москалевъ забилемъ! кричитъ маленькій Стасикъ, прыгая и хлопая въ ладоши.

— О?.. пенть москалевъ?.. А якій же люты до москалевъ! От-то люты! въ тонъ ему, покачивая головою, умиляется счастливый отецъ,—а ну, ходзь до мнѣ! Ходзь!.. ходзь-ту!.. Сядай тутей! на коника!.. Ну?.. гопс-ля! От-такъ!

И маленькій Стасикъ ловко вскакиваетъ верхомъ на родительское колѣно.

— Ну, повѣдзь мнѣ, говоритъ ему панъ Пшепендовскій, — повѣдзь прендзе, чѣмъ мыслешь быць найлѣпѣй?

— Повстаньцемъ бендем'... До лясу мамъ уцѣкать! бойко отвѣчаетъ Стасикъ.

— Ого!.. повстаньцемъ?.. А кто ты есть такій?

— Естемъ пóлякъ! еще бойче кричитъ мальчонокъ.

— Э-э!.. тсс!.. съ шутливой строгостію останавливаетъ его панъ Пшепендовскій и прибавляетъ назидательнымъ, хотя и шутливымъ тономъ,—нигды не мувь, же естешь полякъ. Теразъ южь нима полякевъ—москале сгмоцили! Теразъ есть тильке едне «вѣрноподданьство» и «православіе», — разумѣшь то? — «Вѣрноподданьство и православіе»!.. Естешь—вѣрноподданьны москаль!

— Нѣ!.. нѣ!.. не хцемъ у москале!.. не хцемъ! не хцемъ! чуть не съ ревомъ, кобенясь, кричитъ маленькій Стасикъ.

— А на цо то не хцешь?.. Ну, давай по русську учиться! менторски шутитъ панъ Пшепендовскій:—ты есть фруктъ одъ чресла моего и для того ты есть поросенокъ. Разумѣшь? Нѣ, не разумѣшь?.. Ну, давай пѣсню спѣвать! Спѣвай зъ татемъ! Учи сен'! Ну?!

Бо-о-же ца-ря храни...

— На цо то такому учить малего! съ неудовольствіемъ вмѣшалаесь пана Фелиція. — Стасю! сердце мое! не слуха тату! то—бѣ! Идзь лѣпѣй до мамы! мама другу пѣсёнку заспѣва! Така ладна пѣснь!

Еще польска не сгинѣла,
Поки мы жіемы.

— Тату! а, тату! приставалъ межь тѣмъ маленькій Стасикъ:—цо то есть таке: «Боже царя»?..

— А!.. «Боже царя храни»? вразумительно сталъ объяснять ему панъ Пшепендовскій:—«Боже царя храни—то есть москевська. Разумѣшь теразъ?

— Разумѣмъ, тату!

— А по русську не хочешь учиться?

— Не хцемъ!

— От-то заядлы!.. Ну, сядай на коника! Сядай! гопс-ля! Ну, теразъ естешь польски уланъ! Повстанецъ!.. Гопъ, гопъ, гопъ, гопъ, гопъ, гопъ!..

И слегка придерживая Стася руками, панъ Пшепендовскій, въ темпъ рыси, сталъ качать его верхомъ на колѣнѣ, приговаривая въ тактъ речитативомъ:

Ѣдзе, ѣдзе панъ, панъ,
На конику самъ, самъ,
А за панемъ жидъ, жидъ,
А за жидемъ попъ, попъ,
А за попемъ хлопъ, хлопъ—
По кожуху лопъ! лопъ!
А по Стасю шлепъ! шлепъ!
Шлепъ! шлепъ! шлепъ! шлепъ!

И панъ Пшепендовскій надѣлялъ своего потомка нѣжными и легкими родительскими подшлепниками.

— Ну, оттакъ ладне? обратился онъ къ нему въ заключеніе:—Ладне!—Ну, идзь до мамы!.. Идзь!.. Гуляй!.. Гуляй, поросенокъ!

Мой послѣдній день въ Парижѣ.

(Окончаніе).

Въ Сите находится три изъ величайшихъ достопримѣчательностей Парижа: церковь Нотръдамъ, «Hotel Dieu» и Дворецъ юстиціи. Мѣсто, гдѣ стоитъ соборъ Богоматери, было посвящено божеству еще язычниками. Въ прошломъ столѣтіи нашли при раскопкахъ подъ клиросомъ Нотръдамъ остатки алтаря, на которомъ сохранилась слѣдующая надпись: «Въ царствованіе Тиверія Цезаря Августа парижскіе мореходцы воздвигли всенародно этотъ памятникъ Юпитеру, лучшему и величайшему изъ боговъ».

Теперешняя церковь заложена въ 1161 году. Въ 1185 г. была совершена здѣсь въ первый разъ божественная служба, а въ 1223 г. зданіе было совершенно окончено. Церковь Нотръдамъ—одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ. Въ 1793 г., когда божество было упразднено во Франціи, церковь сдѣлалась театромъ самыхъ безумныхъ и возмутительныхъ оргій; она обратилась въ «храмъ разума». Только въ 1802 г., 18-го апрѣля, Нотръдамъ была возвращена офиціально католическому культу посредствомъ обѣдни и «Te Deum».

Недалеко отъ Нотръдамъ находится большой госпиталь «Hotel Dieu», основанный святымъ Людовикомъ. Въ 1786 г. въ немъ было 1,200 кроватей, въ которыхъ лежало ежедневно отъ 5,600 до 6,000 человѣкъ, слѣдовательно около шести человѣкъ въ каждой кровати. Смертность вслѣдствіе этого была страшная. На девять человѣкъ умирало всегда двое, а изъ 1.100,000 больныхъ, принятыхъ сюда втеченіи пятидесяти лѣтъ, умерло 240,000. Тутъ было два страшныхъ пожара, при которыхъ погибли сотни больныхъ. Первыя рапорты спеціалистовъ о состояніи этого госпиталя—вызвали крикъ ужаса во всей Франціи. Чтобы очистить столицу отъ этого позора—было собрано посредствомъ добровольныхъ взносовъ восемь милліоновъ. Тѣмъ не менѣе существенныя улучшенія были сдѣланы только въ послѣднее время. Госпиталь, значительно увеличенный пристройками, вмѣщаетъ въ себѣ однакоже только 800 кроватей, и смертность уменьшилась ровно на половину: на девять человѣкъ одинъ. Между благодѣтелями госпиталя первое мѣсто принадлежитъ Монтіону, который пожертвовалъ ему 5.312,000 франковъ. Онъ погребенъ

въ «Hotel Dieu». Сколько страшныхъ, печальныхъ драмъ нашли себѣ конецъ въ этомъ домѣ! Живописецъ Лантара, поэтъ Жильберъ испустили здѣсь послѣднее дыханіе. И сколько другихъ существованій окончилось здѣсь, п окли зя общество! Когда я посѣтилъ однажды госпиталь въ обществѣ молодаго медика, моего пріятеля, я услышалъ, что меня зоветъ кто-то по имени. Подойдя къ постели, я узналъ одну даму, которая происходила изъ хорошей фамиліи и жила за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ въ нижнемъ этажѣ того дома, въ пятомъ этажѣ котораго находилась моя скромная квартира. Нечего говорить, какъ я былъ потрясенъ этимъ свиданіемъ. Когда я спросилъ, почему она, прежде чѣмъ рѣшаться на такое крайнее средство, не обратилась къ кому нибудь изъ своихъ прежнихъ друзей, она отвѣчала мнѣ съ страшнымъ смѣхомъ: «такихъ друзей нѣтъ!» Она сдѣлала мнѣ нѣсколько небольшихъ порученій, которыя я разумѣется выполнилъ, и просила меня опять придти къ ней. Полтора сутокъ спустя ея уже не было на свѣтѣ.

Дворецъ юстиціи построенъ вѣроятно во времена римлянъ. Здѣсь имѣли пребываніе франкскіе короли. Въ царствованіе Людовика святаго онъ былъ совершенно передѣланъ. Феодальная архитектура дворца съ башенками и зубцами составляетъ поразительный контрастъ съ новымъ Парижемъ. Здѣсь происходили первыя собранія парламента—и, если не ошибаюсь, здѣсь же Людовикъ XIV, съ хлыстомъ въ рукѣ, обратился къ непокорному парламенту съ восклицаніемъ: «l'état c'est moi» (государство—я).

Мы отправились по новому Севастопольскому бульвару, который пересѣкаетъ Парижъ съ одного конца до другаго, изъ мрачнаго Ситэ въ веселый Латинскій кварталъ. Аристократическій Сенжерменскій кварталъ долженъ былъ остаться у насъ направо. Мы мало теряли при этомъ. Онъ также похожъ на аристократическіе кварталы другихъ столицъ, какъ одно яйцо на другое. Улицы чисты и очень тихи; дома, большею частію отдѣляющіеся отъ улицы обнесеннымъ рѣшеткою переднимъ дворомъ, заняты почти всегда только однимъ семействомъ. Лавки, ресторація и кафе принадлежатъ здѣсь къ числу большихъ рѣдкостей. Тутъ живетъ еще нѣсколько древнихъ, богатыхъ легитимистскихъ фамилій, сохранившихъ трогательную привязанность къ своему королю и смотрящихъ съ неописаннымъ презрѣніемъ на нововыпеченную аристократію имперіи, на «parvenus», обогатившихся посредствомъ биржевой игры. Мы хотѣли употребить послѣдніе остававшіеся намъ часы на то, чтобъ вызвать еще разъ въ миломъ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ мы за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ сдѣлались друзьями, воспоминанія нашей веселой молодости. Люксамбургскій дворецъ, гдѣ плѣшивые сенаторы имперіи держали свои вздорныя рѣчи, нисколько не привлекалъ насъ къ себѣ. Мы проѣхали мимо прекраснаго сада и повернули въ полу-уничтоженную улицу «Royer Collard», гдѣ я жилъ въ первые годы моего пребыванія въ Парижѣ. Это была преоригинальная квартира. Въ домѣ было только пять этажей, а я жилъ въ шестомъ. Этотъ феноменъ объясняется тѣмъ, что одинъ фотографъ, придѣлалъ къ дому стеклянный ящикъ, гдѣ онъ выставлялъ на солнце свои дощечки. По отъѣздѣ фотографа, хозяинъ отыскалъ средство воспользоваться этимъ неожиданнымъ приращеніемъ своего дома, сдѣлавъ изъ него еще новую квартиру. Стеклянныя стѣны были обиты обоями, а внутренность защищена по мѣрѣ возможности отъ дождя; помѣщеніе было меблировано, т. е. туда поставили узенькую желѣзную кровать, съ довольно сносною постелью, четыре стула, изъ которыхъ одинъ служилъ также туалетнымъ столикомъ, столъ и ящикъ для сохраненія платья и бѣлья,—и комната стала отдаваться въ наемъ за умѣренную цѣну. Умѣренная цѣна была по моимъ средствамъ. Такъ какъ въ ящикѣ могло помѣститься все мое имущество, а я самъ находился еще въ томъ счастливомъ возрастѣ, когда не знаешь ревматизма, то я и нанялъ эту квартиру и чувствовалъ тамъ себя въ весеннее время какъ нельзя лучше; было немножко прохладно. Только во время дождя приходилось мнѣ довольно круто. Не то чтобы вода лилась ко мнѣ въ комнату—это мало стѣснило бы меня—но шумъ дождя, падающаго на стеклянныя стѣны моего жилища, былъ такъ несносенъ, что я по цѣлымъ часамъ не могъ уснуть. Само собою разумѣется, что я жилъ въ своей квартирѣ только ночью. Къ этому присоединялось еще то, что во время дождя до моей квартиры не легко было добраться. Въ нее вела съ верхняго этажа совершенно отвѣсная лѣстница, такъ что для достиженія своего святилища я долженъ былъ употреблять въ дѣло обѣ руки и обѣ ноги. Карабкаясь же по этой лѣстницѣ съ дождевымъ зонтикомъ въ рукахъ, еще легче было сломить себѣ шею. Съ теченіемъ времени однакожъ я достигъ удивительнаго совершенства въ искусствѣ лазанья. Только іюльское солнце выгнало меня изъ этой квартиры, самой оригинальной изъ всѣхъ, какія у меня были во всю мою жизнь. Все-таки это прекрасная пора, когда человѣкъ можетъ еще смотрѣть на подобныя вещи съ юмористической точки зрѣнія. Я солгалъ бы, еслибъ сталъ утверждать, что это жилище нагоняло на меня грусть или хоть только располагало къ ней. Этотъ домъ (№ его былъ 19) былъ сломанъ. Когда мы проѣзжали мимо, я, не смотря на все мое желаніе, не могъ отыскать въ грудѣ мусора—стекляннаго ящика. Желалъ бы я знать, кто жилъ въ немъ послѣ меня?

На площади Пантеона мы вошли въ кафе позавтракать. Кафе былъ, какъ и всегда, наполненъ студентами. Вообще кафе — любимое мѣстопребываніе парижскихъ студентовъ. Они проводятъ здѣсь половину дня за бильярдомъ и домино, курятъ изъ глиняныхъ трубокъ, пьютъ абсентъ и кофе въ сопровожденіи безчисленнаго количества «petits verres», т. е. коньяка, а къ вечеру отправляются въ какую нибудь танцовальную залу, гдѣ упражняются съ особеннымъ удовольствіемъ въ канканѣ. Отъ времени до времени, когда дѣло грозитъ зайти слишкомъ далеко, служитель общественной безопасности дружески хлопаетъ ихъ по плечу; они понимаютъ этотъ знакъ и раскланиваются, потому-что иначе ихъ вывели бы. Парижскіе студенты не очень любятъ веселиться одни, безъ женщинъ. О студентскихъ любовныхъ исторіяхъ писатели романовъ, въ особенности Поль-де-Кокъ, написали много свѣтлыхъ, трогательныхъ страницъ; безкорыстіе хорошенькихъ гризетокъ облечено прелестнѣйшими красками поэзіи. Въ то время, какъ я жилъ въ Латинскомъ кварталѣ, эти рѣдкіе экземпляры не имѣли себѣ представительницъ. Пріятельницы моихъ друзей были вообще самыя простыя, нисколько не интересныя существа, которыя большею частію выражались на очень дурномъ французскомъ языкѣ и были далеко неравнодушны къ новому платью или пестрой ленточкѣ. Правда, мнѣ называли по имени одну бѣдную молодую дѣвушку, кото-

рая вѣрно и нѣжно любила одного молодаго студента медицины и провела съ нимъ, шутя и смѣясь, цѣлые годы,—а когда онъ, выдержавъ экзаменъ, перемѣнилъ веселую жизнь Латинскаго квартала на другую, болѣе серіозную, заперлась въ комнату и уморила себя угольнымъ чадомъ. Но такіе случаи составляютъ теперь чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Большая часть це принимаетъ вещей такъ трагически и избавляетъ своихъ легкомысленныхъ друзей отъ затрудненія оставлять ихъ, предупреждая ихъ въ этомъ.

Прекрасное зданіе Пантеона, которое было назначено служить гробницею великимъ людямъ, имѣетъ на фризѣ надпись: «Великимъ мужамъ благодарное отечество». Оно исполняло попеременно то это назначеніе, то служило церковью, подъ именемъ церкви св. Женевьевы. Недалеко отъ Пантеона находится церковь «St. Etienne du Mont», одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ памятниковъ стиля «Renaissance». Въ этой церкви 3-го января 1857 г. аббатъ Верже убилъ кинжаломъ парижскаго архіепископа Сибура. Точно такъ же и предшественникъ этого архіепископа, Аффре, умеръ неестественною смертью; онъ палъ въ 1848 году на баррикадѣ.

На крайнемъ концѣ города находится госпиталь Валь-де-Грасъ, крыша котораго очень сильно пострадала въ послѣднюю бомбардировку отъ прусскихъ ядеръ.

Высокопреосвященный Филаретъ,
въ Бозѣ почившій митрополитъ Московскій и Коломенскій.
Съ фотографіи рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ И. Матюшинъ.

Мы ѣхали вдоль канала св. Мартина, мимо іюльской колонны, черезъ Бастильскую площадь. Старая Бастилія, гдѣ жили въ заключеніи величайшіе умы и которая представляетъ посѣтителямъ самыя интересныя черты французской исторіи—я говорю о желѣзной маскѣ, о Вольтерѣ, Мирабо, Бомарше и пр.—была, какъ извѣстно, разрушена въ началѣ революціи 1789 г. Вмѣстѣ съ этой крѣпостью рушилось во Франціи и феодальное государство, и паденіе бастильскихъ стѣнъ было сигналомъ великихъ, потрясающихъ революцій, которыя поколебали всю Европу. Бастильская площадь съ ея колонною, посвященною памяти сражавшихся въ іюльскую революцію, служитъ центромъ революціонному кварталу работниковъ, предмѣстью св. Антонія. На это именно предмѣстье Наполеонъ обращалъ особенное вниманіе. Въ критическія минуты, «когда въ воздухѣ что-то есть», улицы кишѣли какъ одѣтыми въ мундиры, такъ и переодѣтыми агентами правительства,—и первые аресты производились всегда въ этомъ кварталѣ. Предмѣстье св. Антонія—самая промышленная часть города. Тамъ только и видишь, что дымящіяся трубы, фабрики и жилища работниковъ. Въ послѣднемъ домѣ бульвара, какъ разъ у Бастильской площади, жилъ Бомарше.

Мы ѣхали по площади «la Roquette», на которой происходятъ теперь публичныя казни (тутъ топоръ гильотины прекратилъ, въ недавнее время, жизнь итальянскаго патріота Орсини и убійцы Тропмана), къ большому кладбищу Père-Lachaise, самому замѣчательному кладбищу во всемъ свѣтѣ; тутъ покоятся Абелярдъ и Элоиза, Мольеръ и Лафонтенъ, тутъ же покоится и знаменитый нѣмецкій публицистъ Берне, тогда какъ его землякъ Генрихъ Гейне спитъ сномъ праведныхъ на Монмартрскомъ кладбищѣ. Почти всѣ знаменитости, дѣйствовавшіе въ Парижѣ, художники и полководцы, государственные мужи и банкиры —, всѣ они соединены на кладбищѣ «Pere-Lachaise.

Мы ѣхали по длинной улицѣ внѣшнихъ бульваровъ (boulevards extérieurs), оставили за собою безпокойное предмѣстье Бельвиль — которое превзошло въ послѣднее время самое предмѣстье св. Антонія и выставило Рошфора — потомъ пролетѣли мимо насъ Лавильетъ, Лашапель, и наконецъ мы достигли, когда уже начало темнѣть, Монмартра. Мы поднялись на этотъ холмъ, откуда открывается видъ громаднаго, колоссальнаго города. И вотъ онъ передъ нами этотъ, такъ недавно еще веселый и смѣющійся городъ. Густой слой тумана разстилался, словно саванъ, надъ неизмѣримымъ моремъ домовъ, откуда выглядывали башни и куполы церквей. Признаюсь мнѣ очень тяжело было оставить этотъ городъ, оказывавшій мнѣ, въ теченіи стольких лѣтъ, самое искреннее гостепріимство.

Плотнѣе и плотнѣе становилось желтоватое покрывало, распростертое надъ великимъ городомъ; все больше и больше прикрывало оно это странное собраніе самаго лучшаго и самаго худшаго изъ всего что́ создано свѣтомъ, это соединеніе самыхъ рѣдкихъ добродѣтелей и величайшихъ пороковъ, смѣющагося веселія и вопіющаго бѣдствія, серіозной мысли и невообразимаго легкомыслія, — всего что́ называется Парижемъ. Мнѣ пришли на умъ слова одного изъ самыхъ замѣчательныхъ философовъ — Монтеня. «Я французъ только посредствомъ этого великаго города — великаго въ своемъ

народѣ, великаго въ своемъ счастьи, но особенно великаго и несравненнаго по многообразности и разнообразности всевозможныхъ средствъ; это слава Франціи и одно изъ благороднѣйшихъ украшеній всего свѣта. Дай Богъ, чтобы изъ-за стѣнъ этого города были выгнаны всѣ тѣ несогласія, которыя насъ раздѣляютъ!» Желаніе стараго философа не исполнилось. Страшный ударъ, нанесенный несчастной странѣ войною, сильнѣе всего отозвался на Парижѣ. Парижъ пересталъ быть Парижемъ. Сдѣлается ли онъ опять тѣмъ «святымъ городомъ», тѣмъ «средоточіемъ вселенной», о которомъ говорилъ Викторъ Гюго въ своемъ манифестѣ — это рѣшитъ будущее.

Съ тяжелымъ сердцемъ спустился я съ Монмартра и выѣхалъ изъ Парижа съ ночнымъ поѣздомъ.

Очерки Кавказа.

(Изъ записокъ походнаго офицера).

IV. Отъ Кутаиса до м. Орпири.

12-е декабря. Тучи изъ-за снѣжнаго кавказскаго хребта въ продолженіи сутокъ разразились надъ Кутаисомъ такимъ снѣгомъ, что жители смотрѣли на него, какъ на обстоятельство невиданное и неслыханное. Несмотря на это, команда выступила съ бодрымъ духомъ и возвѣстила о своемъ выступленіи разъудалыми пѣснями при звукахъ горновъ и барабановъ. Оказалось, что жители Кутаиса не равнодушны къ музыкѣ: повсюду растворялись окна, изъ которыхъ высовывались головки миловидныхъ дамъ въ утреннемъ нарядѣ; торговцы, молодежь, бросали свои лавки и примыкали къ окружающей насъ толпѣ — все это двигалось вмѣстѣ съ командой черезъ Ріонскій мостъ и всю слободу; а нѣкоторые любители увлеклись до того, что съ версту провожали насъ по гладкому и ровному шоссе, проложенному до стан. Капитнарской и далѣе — къ мѣстечку Орпири (Морань).

Путь нашъ былъ чрезвычайно оживленъ: запряженные четверней фургоны съ шелкомъ, шелковичными сѣмянами и разными товарами; скопцы, на хорошихъ троичныхъ телѣгахъ съ пассажирами или кладью; всадники и пѣшеходы — все сновало взадъ и впередъ. Наконецъ какой-то князь съ своей свитою опередилъ насъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди всадникъ, съ винтовкой въ чехлѣ черезъ плечо и съ другою въ правой рукѣ безъ чехла, упираясь прикладомъ ея въ правое стремя; сзади его — князь на персидскомъ золотистомъ жеребцѣ; потомъ свита изъ 12 человѣкъ — всѣ въ черкескахъ, обложенныхъ золотомъ и серебромъ, съ оружіемъ въ серебряной съ чернью обдѣлкѣ. Князь былъ въ чохѣ вишневаго цвѣта, окаймленной голубымъ кантомъ и узенькимъ серебрянымъ снуркомъ; талію его перетягивалъ золотой украшенный бирюзою и изумрудомъ поясъ, на которомъ висѣлъ въ дорогой обдѣлкѣ кинжалъ; голову его прикрывала четвероугольная золотомъ шитая накладка, привязанная черными узкими лентами подъ подбородокъ. — Вдругъ вся эта кавалькада всполошилась — винтовки и пистолеты на-голо, и передовой всадникъ подъѣхалъ къ князю съ винтовкой; но тотъ медлилъ брать ее. Непріятеля ни откуда не ожидалось; но команда переглянулась, и всякій, осмотрѣвъ свое ружье, оглядывался кругомъ съ вопросительною миной. «Лезгины, што-лича, гололобые прорвались?» раздалось въ рядахъ команды. — «Кой шутъ! возразилъ кто-то: — полѣзутъ они на гибель не минучую въ этакое время! Ты гляди-ко по дорогѣ, ишь, ихніе ѣдутъ». И дѣйствительно, въ верстѣ показалась такая же кавалькада, и также въ ней засуетились.

Опередившая насъ кавалькада гордо проѣхала, держась правой стороны дороги. Князь не повернулъ даже головы и не бралъ въ руки винтовки, но зато свита его кровожаднымъ звѣремъ посматривала на ѣхавшихъ. Тѣмъ же отплачивала и встрѣчная кавалькада мингрельцевъ, одѣтая бѣднѣе, въ косматыхъ буркахъ, не исключая и князя, на лихихъ скакунахъ. Загорѣлыя лица и блестящіе глаза придавали всадникамъ особенную прелесть; во всѣхъ ихъ движеніяхъ была граціозность, развязность и смѣлость. Имеретинъ, идущій съ нами по дорогѣ, прислушившись къ говору всадниковъ, передалъ намъ, что они поносили проѣхавшаго князя, называя его русакомъ, трусомъ и разными неблагозвучными словами. Вѣроятно тѣмъ же самымъ заняты были и враги ихъ. Можетъ быть присутствіе нашей команды предотвратило кровавую развязку этой встрѣчи.

До самой станціи мѣстность ровная; по обѣимъ сторонамъ дороги видна обильная растительность: тутъ каштановый лѣсъ и чрезвычайно много кустарника разнаго рода растеній; тутъ виноградники; тутъ поля, засѣваемыя маисомъ, гоми и хлопкомъ. Стаи птицъ и разной дичи, застигнутыя въ расплохъ нежданнымъ снѣгомъ, летѣли съ крикомъ надъ нашими головами черезъ дорогу въ дальнія страны отъ коварной Имеретіи.

По приходѣ на мѣсто, я помѣстился на станціи, а команда расположилась въ сараѣ. Особыхъ помѣщеній для проходящихъ командъ нѣтъ, — да и не предстояла въ нихъ надобность до выпавшаго снѣга. Атмосфера понизилась на точку замерзанія.

13-е декабря. По дорогѣ къ Орпири вправо и влѣво—нѣсколько деревень; отдѣльно отъ нихъ, у самаго шоссе — духаны, болѣе опрятные, чѣмъ на всемъ пройденномъ нами пути. Здѣсь растительность усиливается; много деревьевъ, стоящихъ отдѣльно, буквально обвиты дикими виноградными лозами и разныхъ родовъ плющемъ. Въ лѣтнее время они представляютъ смѣсь темной и яркой зелени, какъ бы разбросанной творческой рукой художника. Изъ числа нѣсколькихъ сортовъ кустарника, замѣчателенъ Эли, родъ плюща, достигающій вышины 3-хъ аршинъ; цвѣтъ на немъ желтый и душистый и на видъ очень красивый. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что мѣстные жители употребляютъ его для живыхъ изгородей и заборовъ, заростающихъ такъ сильно и плотно, что представляютъ изъ себя искусно устроенную изъ зелени стѣну, черезъ которую не только скотинѣ, но и мягкому эластичному животному какъ кошка — пробраться невозможно. Когда это растеніе въ цвѣту, то не позволяютъ лежать подъ нимъ, — черезъ полчаса съ неосторожнымъ субъектомъ дѣлается сильная дурнота.

Недоходя Орпири 5—6 верстъ, влѣво — винокурен-

ный заводъ г. Левецкой. Онъ въ полномъ ходу и устроенъ съ знаніемъ дѣла; при немъ паровая пильня американской системы. Вино гонится изъ мѣстнаго продукта—кукурузы, составляющей въ приріонскомъ краѣ главное продовольствіе всего населенія и занявшей почетное мѣсто въ торговлѣ — вывозомъ за границу. Усиливающійся на нее съ каждымъ годомъ запросъ и появленіе въ краѣ новыхъ винокуренныхъ заводовъ — побудили многихъ исключительно заняться разведеніемъ кукурузныхъ плантацій; имъ приносятся въ жертву дѣвственные лѣса и нетронутыя еще цѣлины; сердце-веселящее и здоровье-губящее пойло торжествуетъ!

Орпири — исключительно торговое, значительное селеніе, расположенное при впаденіи рѣки Цхенисъ-Цкали въ Ріонъ, на естественной границѣ Имеретіи съ Мингреліею. Съ шоссе, оканчивающагося за 1/4 версты до Орпири, открывается вся мѣстность съ деревянными, большею частью одноэтажными строеніями; первая улица направлена перпендикулярно къ Ріону, а вторая и главная — параллельно его берегу. За исключеніемъ немногихъ зданій, построенныхъ на возвышенныхъ мѣстахъ этой плоскости, вся постройка, по случаю частыхъ наводненій, на сваяхъ.

Жители—разные торговцы и скопцы, составляющіе главную часть населенія. Ихъ морщинистыя, блѣдно-желтоватыя лица съ безжизненнымъ взоромъ до того отвратительны, что при встрѣчѣ съ ними такъ и мерещется, будто видишь замогильныя тѣни—и непріятное впечатлѣніе глубоко западаетъ въ душу. Походка и у старыхъ и у молодыхъ вялая, головы понурены, руки какъ будто лишнія, не знаютъ куда дѣвать ихъ. Даже и дѣти, въ которыхъ природа еще не заговорила, и тѣ избѣгаютъ игръ. Гнѣздо этихъ скопцовъ страшно переполошилось вслѣдствіе одного маленькаго случая: одинъ скопецъ, молодой парень, лѣтъ 24-хъ, по ремеслу стекольщикъ, на видъ очень красивый съ свѣжимъ здоровымъ цвѣтомъ лица и бойкимъ, блестящимъ выраженіемъ глазъ, былъ нарушителемъ общаго спокойствія. По праву своего мастерства входилъ онъ во всѣ дома—и въ одномъ изъ нихъ пріискалъ себѣ подругу, красивенькую, лѣтъ 17-ти дѣвушку. Старики посматривали на него подозрительно; а дѣвушка однажды подслушала совѣщаніе своей матери съ сосѣдкою, о томъ, что если дочь окажется виновною, то извести ее, т. е. по просту, уморить. Перепуганная дѣвушка не хотѣла дожидаться такой развязки, захватила съ собою запрятанныя отцомъ деньги и, выбравшись изъ дому, во время ихъ бѣсовской сходки ночью, скрылась. На другой день, поднялась между скопцами тревога; узнавъ, что вмѣстѣ съ дѣвушкой пропала огромная сумма денегъ, они бросились во всѣ стороны искать пропавшую; но никакіе розыски и погони не помогли дѣлу. Съ тѣхъ поръ не видно было уже въ Морани красиваго стекольщика; его замѣнилъ старый, безобразный и безбородый скопецъ. На вопросъ мой:—«А что, дѣдушка, часто бываютъ у васъ такіе случаи?» Старикъ прослезившись сказалъ: «Въ первой батюшка, баринъ! видно за грѣхи Богъ наказалъ. А ужь какъ я ее холилъ, берегъ! ни до какой тяжкой работы не допускалъ... а все энтотъ, бѣсовскій сынъ, опозорилъ мою сѣдую головушку! И какая оказія, подишь-ты, вакъ есть нашъ былъ... а дивное дѣло сотворилось!... Ни слуху, ни духу—какъ въ воду канули оба. Да ужь не замай ихъ червь сточилъ-бы, да... да за что ограбили-то меня, ваше благородіе! седьмую и осьмую заповѣдь нарушили—вотъ что!» — «А сколько тебѣ дѣдушка лѣтъ?»—«Да вотъ, никакъ на шестой десятокъ третій годъ идетъ, старость и дряхлость одолѣли,—и махнувъ рукою, добавилъ,—чтобъ имъ добра въ евтомъ свѣту не было!» И ушелъ, подпираясь клюкой, въ свою довольно опрятную хатку.

Жизнь этихъ несчастныхъ тратится на то, чтобы увеличить свою секту; для этого они не жалѣютъ денегъ, ищутъ бѣдныхъ, замотавшихся молодыхъ людей, которые рады случаю занять денегъ, да пожуировать малое время, не заботясь о томъ, что послѣ вѣчно плакаться будутъ; ловцы, втянувъ ихъ въ неоплатные долги, лестью и угрозами съ помощію хмѣльнаго достигаютъ своей цѣли. Случается, что и цѣлыя семейства попадаютъ на эту же удочку. Тогда, честь и слава и барышъ тому, кто успѣетъ въ этомъ. Къ нему-же посыплются со всѣхъ сторонъ денежные вклады—и онъ дѣлается «блаженнымъ отцомъ». Вотъ для чего они всѣми неправдами и отказывая себѣ почти во всемъ—собираютъ огромные капиталы. Не подумайте, чтобы они дѣлали это изъ фанатизма—вы ошибетесь. Каждый оскопившійся—въ самое непродолжительное время кается въ своемъ заблужденіи; воспоминаніе о прошломъ преслѣдуетъ его на яву и во снѣ; начинаются нескончаемыя страданія, порождающія зависть, злобу и мстительность; въ немъ нѣтъ уже теплаго чувства—любви къ ближнему, онъ и свое дѣтище принесетъ въ жертву мести: зависть его грызетъ при взглядѣ на крѣпкаго, здороваго мужчину; онъ злится, что не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, и мститъ всѣмъ и всякому, по своему, тѣмъ, что старается заставить страдать и другихъ тою же болѣзнію. Варварская секта!

Мнѣ отвели квартиру въ домѣ принадлежавшемъ двумъ богатымъ скопцамъ, въ которомъ случилось страшное происшествіе. Въ то время, когда одинъ изъ домовладѣльцевъ былъ въ отсутствіи, злодѣи, съ цѣлію воспользоваться его богатствами, въ одну темную, глухую ночь напали на оставшагося, и сожгли его медленнымъ огнемъ, вѣроятно допытываясь, гдѣ скрыты богатства. Обгорѣлый полъ, закопченыя стѣны и запахъ горѣлаго тѣла—свидѣтельствовали о недавно-совершившемся здѣсь злодѣяніи. Назначено слѣдствіе; слѣды открыты, а дѣло ничѣмъ не кончилось. По словамъ нѣкоторыхъ особъ, въ это дѣло замѣшана личность, имѣющая въ обществѣ вѣсъ и значеніе. Начальникомъ Орпири былъ больной, дряхлый старецъ; онъ не могъ слѣдить за ходомъ дѣла, а тѣмъ менѣе преслѣдовать виновника—болѣзнь повредила ему головныя артеріи; онъ готовъ дѣлать все, что ему посовѣтуютъ; ему, разъ, поднесли подписать рапортъ, въ которомъ выяснялось, что для блага Орпири необходимо усилить его скопцами, и рапортъ подписанъ имъ. Такой начальникъ не могъ оградить орпирскихъ жителей отъ опаснаго сосѣдства полудикихъ мингрельцевъ. Этотъ народъ лѣнивъ и безпеченъ: есть у него сорочка, шальвары и чѣмъ прикрыть плечи, онъ и доволенъ и круглый годъ ходитъ въ одномъ и томъ же костюмѣ; а нѣтъ, такъ накинетъ на себя какія нибудь лохмотья, и нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что сквозь его хламиду виденъ весь его торсъ, тянется за прочими на ярмарку—не съ тѣмъ, чтобы продавать или покупать, а такъ себѣ, высмотрѣть: нѣтъ-ли случая гдѣ кой-чѣмъ поживиться.

Ярмарка бываетъ здѣсь еженедѣльно по пятницамъ, на обоихъ берегахъ Ріона, посѣщаемая и мингрельцами. Дѣвушки и молодки, красивыя и стройныя, и не смотря на неблагопріятный климатъ—съ бодрымъ видомъ и

свѣжимъ, часто румянымъ лицомъ и вообще блестящими, черными какъ агатъ, глазами,—ходятъ цѣлыми партіями. И у нихъ есть своего рода кокетство: чтобы понравиться, онѣ, не доходя до Орпири, обмываютъ лицо, шею и босыя ноги, накидываютъ на себя какой нибудь хоть и грязный платочекъ, только непремѣнно ужь цвѣтной, потомъ надѣваютъ башмаки и обоюдно поправляютъ на подругахъ своихъ то, что̀ окажется не въ порядкѣ.—Затѣмъ являются на рынокъ и прогуливаются вдоль его съ своими подѣлками или носками и чулками, съ кускомъ шерстяной полосатой матеріи или бумажнаго полотна и разными бездѣлушками. Продажа масла, яицъ, сыру и проч. домашнихъ продуктовъ лежитъ на обязанности старухъ, нерѣдко полунагихъ, равнодушно выказывающихъ свое морщинистое тѣло. День ярмарки для нихъ—день праздника; никакая погода, ни даже самая грязь которая здѣсь бываетъ по колѣно—не удержитъ ихъ дома. Ярмарка эта представляетъ смѣсь азіатскихъ народовъ, между которыми мелькаютъ и европейскіе костюмы иностранцевъ. Все это толпится въ одной улицѣ, застроенной по обѣимъ сторонамъ лавками. Тамъ—нагружаютъ шолковыя сѣмяна, кукурузу или хлопокъ для отправки за-границу; далѣе—возятся съ огромными мѣхами (бурдюками) кахетинскаго или туземнаго вина; здѣсь—продавцы тощей скотины, или лошадей; а если добавить къ этому персидскіе караваны съ хлопкомъ на верблюдахъ, то все, взятое вмѣстѣ, копошащееся по-колѣно въ грязи—составитъ приблизительный очеркъ Мораньской ярмарки.

Трудно допустить, чтобы во времена золотой Колхиды производилась на этомъ же мѣстѣ торговля: надо полагать, что при частыхъ наводненіяхъ Ріо̀нъ образовалъ эту равнину наносомъ ила; а торговый рынокъ былъ нѣсколько выше, въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ и лѣсистыхъ — гдѣ и понынѣ видпѣются холмики, подъ которыми хранятся чуть замѣтные остатки прежнихъ, можетъ-быть, громадныхъ зданій.

Жизнь имеретинцевъ и мингрельцевъ между собою ничѣмъ не разнится: какъ у тѣхъ, такъ и другихъ сакли — мазанки, рѣдко каменныя; всѣ помѣщаются въ одной, а много ужь въ двухъ комнатахъ; вмѣсто оконъ—отверстія, прикрываемыя въ непогоду досками; посреди комнаты нѣчто въ родѣ камина, въ которомъ варятся лобья (фасоль), кукуруза, гоми и, можетъ-быть въ годъ нѣсколько разъ, мясо; къ стѣнѣ противъ камина примыкаетъ постель — мѣшокъ, набитый чалою (кукурузнымъ листомъ), на подмощенныхъ доскахъ; для дѣтей подростковъ и малолѣтковъ—у другой стѣны постель такая же, а для грудныхъ передвижныя люльки; у третьей стѣны, при самомъ входѣ, нѣчто въ родѣ ларя, въ которомъ хранятся продукты и все съѣстное; и наконецъ, треугольная низенькая табуреточка, на которой глава семейства садится грѣться около огня, — вотъ вся мебель. Стѣны обнесены полками, на которыхъ разставлены разной величины и формы немуравленные горшки. Подъ полками развѣшано оружіе и конская сбруя. Полъ, смазанный глиною и умощенный довольно гладко разноцвѣтнымъ щебенемъ, кажется мозаичнымъ; въ углу, около окна — отверстія — огромнѣйшій узкогорлый кувшинъ съ водою. Для домашней скотины нѣтъ никакихъ запасовъ на зиму: она постоянно выгоняется въ лѣсъ и питается чѣмъ попало,—а потому при домѣ нѣтъ ни клѣтей, ни сараевъ; но зато здѣсь есть въ секретномъ мѣстѣ два или три огромныхъ кувшина, зарытыхъ въ землю — въ нихъ хранится вино, добытое изъ дикаго винограда, довольно вкусное и крѣпкое; оно подается только по прихотямъ хозяина, или же для дорогихъ гостей.

Глава дома, посѣявъ кукурузу, лобья, гоми или что̀ другое ни до чего больше не касается; ему нѣтъ дѣла до того, взойдетъ посѣянное или нѣтъ; онъ рыщетъ по лѣсамъ не для того, чтобъ присмотрѣть за скотиной; у него есть винтовка, порохъ и нѣсколько пуль для охоты; онъ промаха не знаетъ, каждый выстрѣлъ его попадаетъ въ цѣль. Оттого-то здѣсь и попадается мало дичи; она удаляется въ болѣе спокойныя мѣста, и только на ночь возвращается къ гнѣздамъ.

Нѣкоторые, болѣе дѣятельные хозяева, занимаются шелководствомъ и живутъ богаче; но могли бы жить еще богаче, еслибы избавились отъ попеченій армянъ, которые даютъ имъ впередъ деньги и уменьшаютъ цѣнность шолку, смотря по достоинству его, до двухъ и рѣдко трехъ рублей за фунтъ, опредѣляемый вѣсомъ пяти куриныхъ яицъ. Удивленный продавецъ смотритъ и своимъ глазамъ не вѣритъ: какъ же такъ случилось! дома перевѣшивалъ нѣсколько разъ, и жена видѣла, и дѣти — было семь съ половиною фунтовъ, а теперь и семи нѣтъ. И отправляется бѣдняга къ другому покупщику, не подозрѣвая того, что и тотъ одной шайки, — прикидываетъ на вѣсъ, и все таки не тянетъ семи фунтовъ. Покупщикъ спѣшитъ снять яйца съ вѣсовъ, ловко прячетъ каменное, и замѣнивъ настоящимъ, передаетъ ихъ продавцу — и стоитъ себѣ какъ-бы не интересующійся пріобрѣтеніемъ его шолка. Обманутый крестьянинъ почешетъ себѣ голову, затылокъ, и спроситъ: нѣтъ ли гирь вѣсовыхъ? Есть и вѣсовыя гири—прикинутъ снова и выходитъ еще меньше. Дѣлать нечего, приходится отдать первому покупщику—и, ограбленный на два или на три рубля, бѣдняга возвращается домой съ поникшей головой; а какъ дѣло это хозяйкино, то еще получитъ хорошую головомойку.

Луговъ очень мало, оттого и скотины не держатъ много; она большею частію питается чалою. Лошадей мало — есть особая порода бача (малютка); лошади эти — маленькія, но красивыя, крѣпкія и неутомимыя.

Въ окрестностяхъ Кутаиса открыты неисчерпаемыя копи каменнаго угля на р. Твибулѣ; а близь города оказалась превосходная бѣлая глина для столовой посуды, и имѣется уже заводъ — Лихачева.

Окруженная съ трехъ сторонъ вѣчно-снѣжными горами, Кутаиская губернія заключаетъ въ себѣ климаты всѣхъ странъ свѣта и также богата растительностію: прибрежье моря покрыто лавромъ, пальмой, масличными, гранатовыми, фиговыми, квитовыми деревьями и безчисленнымъ множествомъ кустовъ колоссальныхъ душистыхъ рододендроновъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны пни и отъ нихъ отростки лимонныхъ и померанцевыхъ деревьевъ, а на Ингурѣ и самыя деревья, сохранившіяся какимъ-то чудомъ отъ невѣжественнаго туземнаго топора. Далѣе — непроходимые лѣса сладкихъ каштанниковъ и орѣшниковъ всѣхъ сортовъ, обвитыхъ вѣчно-зеленымъ плющемъ и другими ползучими растеніями, съ дикими пчелами, дающими превосходный (и твердый какъ леденецъ) двухъ сортовъ медъ — бѣлый и зеленый. Поднимаясь къ горамъ, фруктовые лѣса превращаются въ виноградники, которымъ каждое дерево какое ни попало служитъ подпорою. Вѣковыя, безконечныя лозы, переплетаясь съ дерева на дерево, рѣшительно овладѣваютъ всѣмъ этимъ лѣсомъ. Ближе къ подножію горъ: кизилъ, башмала, самшитъ, каштанъ,

крылатый орѣшникъ, тутовникъ, тополь, липы, сосна, ольха, дубъ, ель, береза, всѣ горныя растенія, и опять рододендронъ, составляя первую и послѣднюю ступень этого, величайшаго изъ всего міра, невоздѣланнаго сада.

Настанетъ время, когда заботливая рука правительства воздѣлаетъ этотъ край, устроитъ каналы, осушитъ болота—и убійственный климатъ низменныхъ мѣстъ, превратитъ въ самый благорастворенный; тогда устроится здѣсь благодѣтельный пріютъ для всѣхъ страждущихъ хроническими болѣзнями. Какая роскошная растительность! Какой ароматическій и легкій воздухъ! Какія великолѣпныя картины для кисти художника!.. Въ то время, когда горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, представляютъ безжизненность полярныхъ странъ, вы окружены тропическою растительностію. Дайте разгулъ вашей фантазіи и постройте дворцы, бельведеры, бесѣдки въ разныхъ видахъ, миніатюрные домики—и пускай бьютъ фонтаны въ разныхъ направленіяхъ; передайте это на полотно, не мудрствуя лукаво, ничего не выдумывая, поближе къ природѣ — и произведеніе ваше будетъ лучшимъ украшеніемъ богатыхъ салоновъ.

П. Вугайскій.

(Окончаніе будетъ).

Три дня изъ жизни въ деревнѣ періода свайныхъ построекъ.

Знакомство съ образомъ жизни въ древнія времена свайныхъ построекъ—представляетъ величайшій интересъ. Чтобы нѣсколько познакомиться съ этимъ любопытнымъ временемъ, предпримемте путешествіе къ прелестнымъ озерамъ Гельвеціи. На этотъ разъ мы не будемъ любоваться серебристыми горными вершинами, не станемъ взбираться по цвѣтущимъ альпамъ,—нѣтъ, мы спустимся въ илистую глубь озеръ и торфяныя топи, и этими мрачными, таинственными ходами проникнемъ въ давнопрошедшіе дни далекой старины.

Вотъ, желѣзная дорога примчала насъ къ цѣли нашего путешествія. Съ котораго же изъ многочисленныхъ озеръ начнемъ мы наши изслѣдованія? Все равно, откуда бы ни начали, каждое мѣсто имѣетъ свое особенное преимущество. На берегу Боденскаго озера намъ покажутъ знаменитую скамью изъ осколковъ камня; она стоитъ, по показаніямъ ученыхъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ старину была фабрика для производства каменнаго оружія. Насъ поразятъ здѣсь тѣ удивительныя формы, какія принялъ кремень, множество предметовъ, которые жители свайныхъ построекъ должны были добывать изъ чужихъ, далекихъ странъ, и не менѣе всего этого, смѣлые выводы, къ которымъ пришла наука.

Если же мы начнемъ съ Цюрихскаго озера, то намъ придется повторить исторію свайныхъ построекъ, получившую здѣсь свое начало въ 1854 г. Въ этомъ году вода въ озерѣ упала такъ низко, что у Стефы виденъ былъ, въ первый разъ послѣ 1671 г., камень, называемый Пеиль. Сейчасъ-же поспѣшили завладѣть посредствомъ плотинъ возможно-большимъ пространствомъ земли открывшейся изъ-подъ воды, и благодаря этимъ работамъ, производившимся вблизи деревни Мейленъ на сѣверовосточномъ берегу, нашли множество разныхъ предметовъ изъ камня, потомъ огромное количество свай, глубоко ушедшихъ въ илистое дно озера. Конечно онѣ уже сгнили, но все-таки можно было ясно различить, что онѣ были сдѣланы изъ дуба; видны были даже слѣды коры. На нижнемъ концѣ, онѣ не были застроены кругомъ, но только съ двухъ сторонъ срублены клиномъ.

Школьный учитель той деревни обратилъ на это обстоятельство вниманіе цюрихскихъ ученыхъ, и отсюда возникла новая наука—наука о свайныхъ постройкахъ. Она уже насчитываетъ въ своихъ рядахъ много блестящихъ именъ, какъ напр. Келлера, Гера, Рюти-фонъ-Эшера, Морлота, и др. Какъ у піонеровъ «далекаго запада» были свои «искатели путей», такъ и у швейцарскихъ изслѣдователей есть свои «искатели свай». Главный между ними, Гансли изъ Биля, пріобрѣлъ большую славу своимъ удивительнымъ искусствомъ нападать на слѣды скрытыхъ остатковъ исчезнувшихъ поколѣній. Безошибочный инстинктъ никогда не обманетъ его касательно того, куда слѣдуетъ поставить водокачальныя машины, или гдѣ пустить въ ходъ инструменты, употребляемые при розыскахъ свай.

Въ настоящее время уже открыто до полутораста такъ-называемыхъ свайныхъ деревень, въ томъ числѣ 48 на одномъ Невшательскомъ озерѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ очень велики, такъ-что ихъ можно считать городами; такъ въ одномъ селеніи Робенгаузенъ (всѣ эти мѣста обозначены особенными названіями) насчитывается болѣе 200,000 свай. Другія же состоятъ изъ 2, 3 или нѣсколькихъ хижинъ, какъ напр. открытое въ одномъ озерѣ у Гофвимъ селеніе Муседорфъ, которое считаютъ древнѣйшею свайною постройкою. Дальнѣйшія постройки были найдены въ озерахъ: Женевскомъ, Бильскомъ, Муртенскомъ и Цугскомъ; потомъ, кромѣ Швейцаріи, въ Штаренбергскомъ озерѣ на Розовомъ островѣ; въ верхней Италіи: въ Гардскомъ озерѣ, въ Лаго-Маджіоре; въ Савойѣ и Франціи около Аббевиля, въ Даніи и другихъ мѣстахъ.

Одна часть свай служила фундаментомъ для хижинъ, на другой держались плоты; еще рядъ свай съ наружной стороны плота, для предохраненія его отъ напора воды, переплетенныхъ ивой и ольхой; наконецъ на длинномъ рядѣ свай, уходившимъ далеко въ озеро, держались узенькіе мостки, соединявшіе построенную на водѣ деревню съ берегомъ. Надо видѣть какъ основательно и съ какой неутомимостью изслѣдуются мѣста, гдѣ должны были быть древнія свайныя постройки. Маленькіе кусочки дерева переселяются подъ увеличительное стекло; по строенію клѣточекъ опредѣляется, отъ какого рода деревьевъ они происходятъ. Черные обгорѣлые кусочки костей, добытые со дна, изслѣдуются, сравниваются, пока наконецъ не достигнутъ того чтобы опредѣлить, какому существу они принадлежали когда-то. Малѣйшая царапина на нихъ, малѣйшій знакъ, дѣлаются предметомъ изслѣдованія, которое опредѣляетъ чѣмъ было сдѣлано это поврежденіе: зубомъ ли, ножомъ ли, или какимъ либо другимъ орудіемъ. Тина, засѣвшая въ старыхъ плотахъ, служившихъ (какъ надо полагать) поломъ старыхъ жилищъ, промывается по всѣмъ правиламъ науки, очищается, процѣживается;

каждое сѣмячко, найденное въ ней, тщательно вынимаютъ, даютъ ему ботаническое опредѣленіе, сравниваютъ его съ подобными сѣменами современной флоры—и выводятъ изъ этихъ данныхъ различныя заключенія: какая была въ то время растительность въ окружности этихъ селеній, что служило пищей ихъ обывателямъ, во что они одѣвались. Изъ остатковъ растеній и животныхъ создали картину тогдашней флоры и фауны и доказали при этомъ, что сохранилось въ тѣхъ мѣстахъ и до сей поры и что совершенно исчезло. По найденнымъ скелетамъ вывели заключеніе о сложеніи обитателей этихъ свайныхъ деревень; по остаткамъ домашней утвари, посуды, ремесленныхъ инструментовъ, узнали, что они умѣли дѣлать, какіе были ихъ нравы и на какой степени стояло ихъ умственное развитіе. Всѣ относящіяся къ этому предмету находки собраны въ особыхъ музеяхъ; самый богатый изъ нихъ—это музей полковника Фридриха Шваба въ Билѣ: онъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ истратилъ 70,000 франковъ на раскопки въ Муртенскомъ, Бильскомъ и Невшательскомъ озерахъ. Говорятъ, будто изъ Англіи ему прислали для этой цѣли 60,000 фунт. стерл. Пламенная любовь богатыхъ сыновъ Альбіона къ осколкамъ свайнаго періода создала цвѣтущую промышленность, которая старалась удовлетворить эту любовь. Въ Ивердонѣ, Лозаннѣ, Женевѣ и др. мѣстахъ образовались фабрики для производства древностей. Онѣ дѣлали блестящія аферы, пока правительство не положило конца ихъ рвенію.

Но не смотря на то, что въ наблюденія и вкрались можетъ-быть нѣкоторыя неточности, все-таки собранный и приведенный въ систему матеріалъ даетъ возможность воспроизвести довольно наглядную картину жизни тѣхъ древнихъ, до-историческихъ временъ, къ какимъ принадлежитъ періодъ свайныхъ построекъ. Картина эта въ главныхъ чертахъ совершенно вѣрна.

Вмѣсто того, чтобы посвящать читателя въ кропотливыя изслѣдованія о подлинности той или другой найденной вещи, и въ споры о вѣрности того или другаго вывода, мы попросимъ его перенестись воображеніемъ въ давно минувшіе вѣка, во времена лежащія далеко за предѣлами историческаго изслѣдованія,— и пусть передъ его глазами пройдутъ три дня изъ жизни свайной деревни.

Первый день.

Занялась заря,—свѣтлый солнечный лучь проникъ сквозь туманы, нависшіе надъ самыми вершинами высокой цѣпи Альповъ. Вѣтеръ поднялся изъ долинъ и гонитъ ночной паръ съ озера и опоясывающихъ его полей. Та же самая картина, какую мы видимъ и теперь: это тѣ же горы и холмы, та же рѣка, что вонъ виднѣется тамъ,—да, а между тѣмъ это не то же самое! Озеро много больше, рѣка полноводнѣе и потому быстрѣе,—тамъ гдѣ теперь разстилаются плодородныя нивы, ничего нѣтъ кромѣ торфяныхъ болотъ и топей, насыщенныхъ водой. Горы, которыя стоятъ теперь обнаженныя, изрытыя грозами, одѣты густымъ лѣсомъ; онѣ держатъ на своихъ могучихъ вершинахъ тяжелыя массы тумановъ, нагроможденныхъ туда вѣтрами.

Съ берега озера намъ представляется людское жилье; на гладкой поверхности озера, далеко отъ берега, видны ряды свай. Онѣ переплетены между собою прутьями и составляютъ такимъ образомъ стѣну, ясно отражающуюся въ свѣтлой водѣ. На другихъ сваяхъ, расположенныхъ позади этой стѣны, настланъ полъ изъ грубыхъ стволовъ, сплетенныхъ на подобіе плота, и на немъ стоятъ маленькія хижины. Постройкой онѣ похожи на жилище бобра; стѣны выведены вертикально и также переплетены и обмазаны глиной; крыши покрыты толстой настилкой изъ камыша и вѣтвей, дѣлающихъ ихъ непромокаемыми.

Въ деревнѣ очень оживлено; раздаются громкіе голоса. Мужчины поспѣшно идутъ гуськомъ по узенькимъ мосткамъ, ведущимъ къ берегу. Повидимому, они должны принадлежать къ большому племени Кельтовъ; ростомъ они не больше насъ, даже можетъ-быть меньше. У нѣкоторыхъ ноги совсѣмъ босы, у другихъ обвязаны звѣриными шкурами для предохраненія отъ острыхъ камней и колючихъ травъ. На молодыхъ надѣто легкое нижнее платье изъ холста; у стариковъ накинутъ на плечахъ мѣхъ. На копьяхъ ихъ придѣланы острые, зубчатые наконечники изъ оленьяго или коровьяго рога; остріе ихъ стрѣлъ сдѣлано изъ кремня, а лукъ изъ камыша. Нѣкоторые охотники вооружены сѣкирами, высѣченными изъ камня и отточенными довольно остро. Рукоятки этихъ сѣкиръ изъ оленьяго рога; скрѣплены они лыками и кожаными ремнями. У иныхъ виситъ сбоку кожаный карманъ, наполненный острыми камушками круглой формы для киданія пращей; тутъ же лежитъ и самая кожаная праща. У другихъ остріе стрѣлъ и копьевъ сдѣлано изъ остро-отточенныхъ костей, а луки и рукоятки копьевъ изъ тисоваго дерева. Нѣсколько небольшихъ собакъ, барсучьей породы, сопровождаютъ охотниковъ.

Охотники идутъ по болотистой, покрытой осокой и камышомъ почвѣ къ лѣсу, спускающемуся къ самому берегу. Здѣсь, на волѣ, пестро и роскошно перемѣшались лиственныя деревья съ хвойными. Могучіе дубы и буки раздвигаютъ свои сильныя вѣтви, оспаривая другъ у друга мѣсто. Тамъ мелькаетъ ольха или бѣленькая береза, здѣсь повисли темныя вѣтви сосенъ и елей.

На сырой землѣ ясно видны слѣды звѣрей, такъ, что легко выслѣдить ихъ любимыя жилища. Вотъ тамъ, внизу въ камышахъ, притонъ дикой свиньи; по ту сторону озера, въ торфяныхъ топяхъ скрывается торфяная свинья, нѣсколько поменьше первой. Маленькіе, хорошенькіе слѣды выдаютъ веселую козулю; рядомъ съ ними видны большіе слѣды благороднаго оленя, который появляется здѣсь цѣлыми стадами. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ верхней Баваріи, гдѣ тщательно оберегался красный звѣрь, въ Берхтесгаденѣ появлялись повременно стада оленей отъ 60 до 200 штукъ. Вѣроятно тоже самое случалось и въ древнія времена. Охотникъ, пользуясь стоянкой стада, подстрѣливалъ оленя стрѣлой. Находили скелеты оленей съ вонзенными въ нихъ кремневыми остріями стрѣлъ. Узкія боковыя долины Альпъ и крутые горные уступы, съ давнихъ поръ представляли большое удобство для охоты; голыя скалы выдавали бѣглецовъ и ихъ убѣжища. Безъ сомнѣнія, въ такихъ удобныхъ мѣстахъ дѣлались западни, такъ какъ этотъ охотничій пріемъ знали даже самые первобытные народы. Оленей стрѣляли въ большомъ количествѣ, и много употребляли въ пищу; на небольшомъ пространствѣ одного только свайнаго селенія найдено было больше 100 центнеровъ оленьихъ костей, носившихъ ясные слѣды, что животныя эти были употреблены въ пищу людьми. Найдены были оленьи рога, болѣе чѣмъ съ 60-ю вѣтьвями, и такія части скелетовъ, по которымъ слѣдуетъ заклю-

чить, что въ то время олени достигали иногда лошадинаго роста.

Западни могли еще служить древнимъ охотникамъ и для другихъ большихъ животныхъ, водившихся въ окрестности. Между этими послѣдними первое мѣсто принадлежитъ двумъ сильнымъ рогатымъ породамъ: первобытному быку, котораго считаютъ родоначальникомъ нашего обыкновеннаго домашняго рогатаго скота, и потомъ зубру, послѣдніе потомки котораго встрѣчаются въ Бѣлоруссіи, въ лѣсахъ, называемыхъ Бѣловѣжскою пущею*). Очень можетъ быть, что между жителями свайныхъ построекъ находились богатыри, которые вступали въ рукопашный бой съ этими колоссами — и, благодаря своей ловкости, одерживали побѣду, не смотря на несовершенство оружія; но надо полагать, что обыкновенно избѣгали битвы съ этимъ огромнымъ звѣремъ, потому что кости его и еще одного лютаго и столь же сильнаго животнаго, лося, встрѣчаются между кухонными остатками обитателей свайныхъ построекъ весьма рѣдко. Чернаго медвѣдя первобытные охотники и избѣгали и искали; они могли встрѣчаться съ нимъ, собирая лѣсныя яблоки и ягоды,—и разумѣется появленіе этого дикаря было имъ такъ же непріятно какъ и видъ ненасытнаго волка. Волки, надо полагать, были рѣдки, потому что найденъ всего только одинъ волчій скелетъ. Медвѣжьи зубы напротивъ того найдены въ довольно большомъ количествѣ, обдѣланные въ видѣ разныхъ украшеній. Извѣстно, что на сѣверѣ эскимосы (оружіе которыхъ не лучше того, какимъ владѣли жители свайныхъ построекъ) ходятъ на бѣлаго медвѣдя, а тотъ еще гораздо сильнѣе чернаго. Имѣли первобытные охотники дѣло и съ рысью и съ дикой кошкой, но чаще всего съ лисицей. Въ Швейцаріи еще и теперь она попадается довольно часто. Выгоняли ли они ее изъ норы упомянутыми собаками барсучьей породы, ставили ли ей западни? Возможно и то и другое; положительно извѣстно только то, что мясо лисицы было въ большомъ употребленіи, и что тогдашняя лѣсица — что очень странно—была на цѣлую почти треть меньше своихъ теперешнихъ потомковъ. Въ тѣ времена бобръ еще водился въ сырыхъ альпійскихъ долинахъ. Вѣдь въ одной Баваріи 60 мѣстностей носятъ названіе въ честь интереснаго товарища по архитектурному искусству строителей свайныхъ деревень, а въ устьяхъ Леха еще въ 1857 г. видѣли бобровъ.

Какого рода пріемы охотничьяго искусства были еще извѣстны первобытнымъ строителямъ свайныхъ деревень, былъ ли у нихъ особый охотничій языкъ,— обо всемъ этомъ къ сожалѣнію мы не имѣемъ положительныхъ свѣденій. Однако въ высшей степени вѣроятно, что послѣ счастливой охоты, когда обильная добыча передавалась изъ лодки на кухню, какой-нибудь старый охотникъ, лежа на медвѣжьей шкурѣ, разсказывалъ, собравшейся вокругъ пылающаго очага молодежи, о геройскихъ подвигахъ своей собственной молодости. Вѣроятно въ этихъ разсказахъ играли роль и великаны-олени, и носороги, и чудовищные медвѣди, и разныя другія страшилища, кости которыхъ находятъ вмѣстѣ съ костями первобытнаго быка и лося.

Второй день.

Веселое гоготаніе проснувшихся утокъ и звонкій крикъ черной лысухи (fulica atra) въ камышахъ возвѣщаютъ наступившее утро. Уже царственный орелъ описываетъ въ голубой вышинѣ свои круги—и испуганный дикій лебедь ищетъ спасенія. Стая скворцовъ кружится въ воздухѣ, точно упражняя свои крылышки, и подзадориваетъ копчика на смѣлый хищническій набѣгъ, между тѣмъ какъ его болѣе счастливый дядя, ястребъ-тетеревятникъ, уничтожаетъ за завтракомъ только-что пойманнаго лѣснаго голубя. Цапли и аисты идутъ въ бродъ за своей добычей—квакающими лягушками. Быстрая чайка вьется надъ рыбачьей лодкой, скользящей по тихому озеру. Лодка выдолблена изъ цѣльнаго ствола, такъ-что нужна большая ловкость, чтобы не дать ей опрокинуться. Рыбакъ, который гребетъ веслами, возвращается домой въ отличномъ расположеніи духа; онъ сдѣлалъ богатую ловлю: на днѣ лодки барахтаются въ одной кучѣ окуни, карпы, пустельга и разная другая рыба, въ томъ числѣ даже вострозубая щука и лакомый розовый лосось.

Легкія облачка дыму, поднимающіяся надъ озеромъ, говорятъ, что уже недалеко до деревни; повидимому она довольно велика, но ея желтовато-сѣрые домики съ такими же крышами едва отличаются отъ береговыхъ тростниковъ и темнаго фона горъ. Вотъ на близкомъ берегу залаяли собаки, замычали коровы,—значитъ женщины вывели своихъ любимицъ на пастбище. Въ свайныхъ деревняхъ существовало двѣ породы коровъ: одна, большая, происходившая отъ первобытнаго быка, и другая, поменьше, которую назвали по мѣсту, гдѣ въ первый разъ были найдены ея кости, торфяной коровой. Тамъ было также два рода свиней: обыкновенная домашняя свинья и другая, также названная торфяной свиньей. Въ Граубюнденскомъ кантонѣ эта порода свиней еще водится и теперь. Лошадей въ деревнѣ совсѣмъ нѣтъ; овцы и козы—большая рѣдкость.

Съ берега раздаются веселыя привѣтствія на встрѣчу рыбаку. Нѣсколько женщинъ работаютъ на полѣ, которое весной онѣ обработывали заступами изъ оленьихъ роговъ и лопатами изъ коровьей плечной лопатки. Теперь онѣ жнутъ созрѣвшую пшеницу и связываютъ ее въ снопы. Рядомъ, на другомъ полѣ, ячмень уже клонитъ колосья къ землѣ. Еще небольшой кусочекъ занятъ просомъ и защищенъ отъ вѣтра кольями.

Вотъ рыбакъ достигъ водяной деревни и пристаетъ съ своимъ челнокомъ къ одной хижинѣ. Двое маленькихъ ребятишекъ лепечутъ ему на встрѣчу. Дѣти—совсѣмъ голые, а для того чтобъ они не убѣжали слишкомъ далеко и не упали въ воду, они привязаны на ремнѣ. Женщины въ полномъ разгарѣ дѣятельности. Одна изъ нихъ толчетъ на тяжеломъ камнѣ ржаныя зерна, предварительно слегка поджареныя. Потомъ она мѣшаетъ эту муку съ водой, дѣлаетъ густое тѣсто и печетъ плоскія лепешки на плоскомъ раскаленномъ камнѣ.

Огонь горитъ на большомъ камнѣ въ углу хижины; эта послѣдняя имѣетъ 12 футовъ въ длину и отъ 15—17 футовъ въ ширину; ея переплетенныя стѣны снутри и снаружи вымазаны глиной; это дѣлаетъ ихъ толще, теплѣе и безопаснѣе отъ огня. Для добыванія огня употребляются разныя деревянныя орудія; въ одномъ изъ нихъ просверлена дыра; другое, къ видѣ палки, приспособляется такъ, чтобы его можно было воткнуть въ дыру и быстро вертѣть посредствомъ приноровленной для этого нитки. Отъ сильнаго тренія сначала показываются искры, наконецъ огонь. Также былъ въ употребленіи и трутъ.

Горшки, кружки, миски, чашки и другая глиняная

*) См. Нива 1870 г. № 6.

посуда была въ значительномъ количествѣ. Только наврядъ-ли мастеръ, приготовлявшій ее, жилъ самъ въ такой деревнѣ. Онъ не могъ бы тутъ поддерживать, какъ слѣдуетъ, огонь въ печкѣ, тогда какъ на твердой землѣ у него всегда въ избыткѣ могла быть подъ руками глина, горнъ и топливо. Около Эберсберга, на горѣ Ирхель (въ Цюрихскомъ кантонѣ) нашли цѣлый холмъ изъ черепковъ такой глиняной посуды; одни вещи были разбиты, другія только начаты, изъ чего видно, что уже въ тѣ времена приготовленіе этихъ издѣлій выработалось въ форму правильнаго ремесла. У нѣкоторыхъ горшковъ дно проткнуто маленькими дырочками, какъ у нашихъ грохотовъ; можетъ-быть въ нихъ процѣживали молоко.

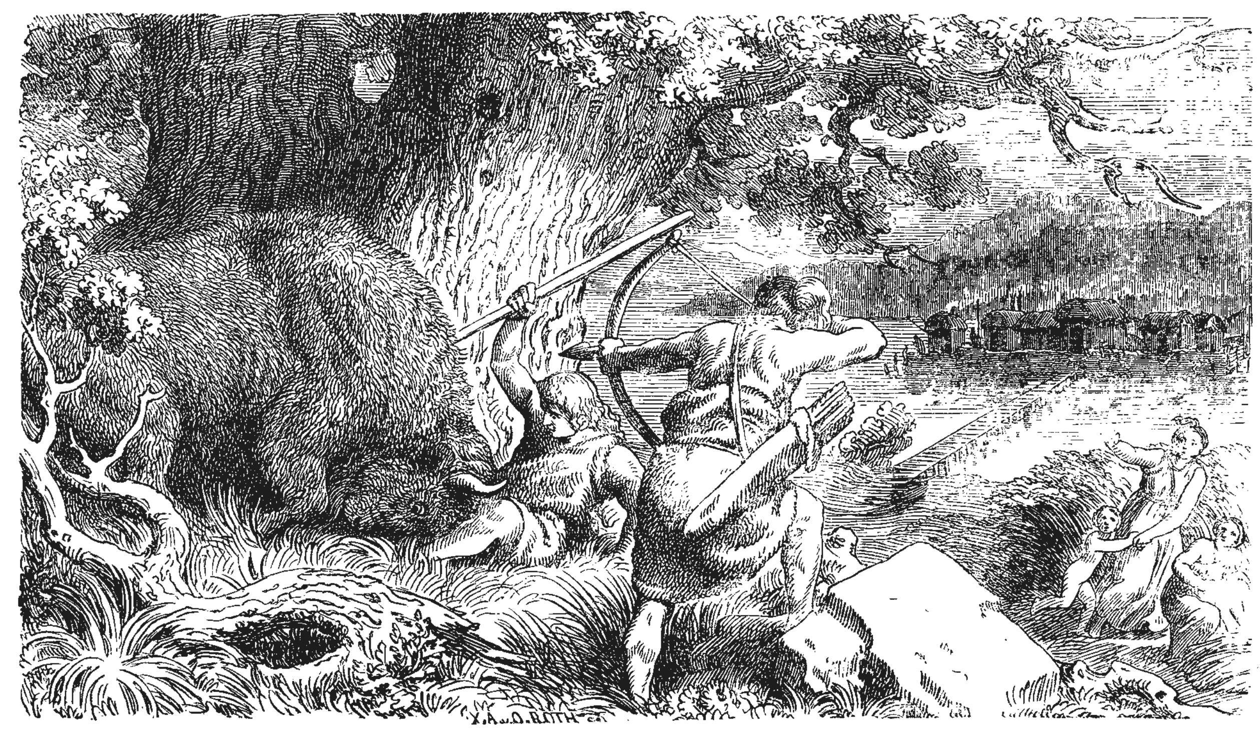
Прилагаемые рисунки изображаютъ — первый охоту на зубра, второй внутренность свайной хижины.

(Окончаніе будетъ).

Кое что изъ моей медицинской практики.

Собака-спаситель.

Это было во второй половинѣ моихъ студенческихъ занятій. Я получилъ приглашеніе отъ одного помѣщика, имѣніе котораго находилось недалеко отъ нашего университетскаго городка, провести у него мои осеннія каникулы. Я до сихъ поръ еще съ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ прекрасныхъ дняхъ, которые мнѣ пришлось провести среди этихъ добрыхъ любезныхъ людей.

Охота на зубра въ свайномъ періодѣ.

Къ этому же времени относятся мои первыя ученическія начинанія докторской практики, о которыхъ я и разскажу благосклонному читателю.

Мой первый паціентъ былъ маленькій крестьянскій мальчуганъ, которому подъ верхнее вѣко попала соломинка. За неимѣніемъ настоящаго врача, который находился за нѣсколько миль отсюда, рыдающаго и страшно стонущаго мальчика принесли къ намъ на дворъ. Случай былъ дѣйствительно опасный, однако благодаря инструментамъ, которые я какъ будущій клиницистъ съ надлежащимъ достоинствомъ всегда носилъ при себѣ, мнѣ удалось очень скоро удалить изъ глаза раздражающій предметъ. Обрадованные родители ушли благодаря меня за спасеніе ихъ дорогаго дѣтища. Мои прекрасныя хозяйки, чувствовавшія большое сострадание къ бѣдному мальчугану, были очень довольны такимъ хорошимъ исходомъ операціи и прославляли мое прекрасное начинаніе.

Подобно молніи вѣсть объ этой операціи распространилась между окрестными жителями, при чемъ разсказывали, что въ М. прибылъ знаменитый врачъ, который въ особенности хорошо понимаетъ насчетъ глазныхъ болѣзней, и уже на другой день предо мною стоялъ новый паціентъ, котораго мои хозяйки торжественно ввели въ комнату. Однако въ данномъ случаѣ мои знанія оказались недостаточными—и я былъ въ очень затруднительномъ положеніи: съ одной стороны, давъ невѣрный совѣтъ я легко могъ повредить бѣдному больному; съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось терять только что пріобрѣтеннаго реноме.

На слѣдующій день снова явился одинъ больной, съ бѣльмомъ на глазу,—и когда я, внимательно осмотрѣвъ его больной органъ, объяснилъ, что тутъ необходима операція, онъ отвѣчалъ мнѣ, что согласенъ на нее хоть сейчасъ. Я сначала испуганно посмотрѣлъ на человѣка, однако замѣтивъ что онъ говоритъ очень серіозно, я чуть не засмѣялся на такую наивность—ввѣрить свое зрѣніе едва только начинающему медику.

— Любезный другъ, обратился я къ боязливо-ожидающему,—вамъ нужно отправиться въ нашу клинику.

— Гдѣ же находится ваша клиника, господинъ докторъ?

Я далъ ему адресъ нашей глазной клиники и при этомъ посовѣтовалъ ему съ нѣкоторою скромностью обратиться прямо къ профессору X, который, будучи старымъ и опытнымъ практикомъ, понимаетъ это дѣло лучше чѣмъ я.

И такъ я все-таки не могъ выдти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое такъ нечаянно поставилъ себя. Конечно, я бы могъ все-таки скоро и разъ навсегда покончить съ этимъ; однако я не хотѣлъ этимъ обидѣть своего радушнаго хозяина, который съ удовольствіемъ держалъ у себя, по мнѣнію всѣхъ, такую знаменитую особу. Однако же я порѣшилъ по возможности избѣгать всякой встрѣчи съ крестьянами.

Однажды послѣ обѣда когда мы всѣ сидѣли на верандѣ, я замѣтилъ вдругъ несущагося во всю прыть крестьянина, который минуя поля направился прямо къ нашему имѣнію. Въ тоже время и хозяинъ замѣтилъ приближающагося всадника, и вскочивъ съ ужасомъ воскликнулъ «Господи Боже мой, вѣроятно гдѣ-нибудь горитъ!» — Однако Агнеса, младшая дочь моего радушнаго хозяина, которая очень хорошо замѣчала мое возрастающее затрудненіе при постоянно являвшихся больныхъ, довольно лукаво замѣтила: «а можетъ быть пріѣхали за нашимъ господиномъ докторомъ». Дамы тоже меня называли этимъ именемъ, принесшимъ мнѣ столько затрудненій.

Дѣйствительно на дворѣ послышался голосъ:

— Не здѣсь ли г-нъ докторъ? На веранду вошелъ одинъ изъ служителей, который принесъ страшную новость, что въ сосѣднемъ имѣніи, дочь помѣщика, маленькая Лиза, утонула и что потому просятъ возможно скорѣйшей помощи г-на доктора.

Всѣ вскочили въ страшномъ ужасѣ, между тѣмъ какъ я совершенно успокоился—ясно сознавая, что въ данномъ случаѣ могу быть очень полезенъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ, съ однимъ изъ ассистентовъ нашей поликлиники, я впродолженіи часа приводилъ одного утопленника къ жизни—и усилія наши увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже былъ верхомъ и гналъ лошадь по давно-извѣстной мнѣ дорогѣ. Но прежде чѣмъ разсказывать что я увидѣлъ по пріѣздѣ въ имѣніе, я долженъ познакомить читателя съ тѣмъ что тамъ случилось.

Обѣдъ въ имѣніи У. былъ конченъ. Мать съ своими дѣтьми, Альбертомъ восьми лѣтъ и Лизою четырехъ лѣтъ, отправилась въ садъ, гдѣ выбравъ мѣсто потѣнистѣе, тотчасъ же принялась за вязанье. Съ дѣтьми же играла, вскорѣ послѣ того пришедшая, няня. Однако дѣтямъ играть тутъ показалось очень скучнымъ— и, по предложенію Альберта, было рѣшено отправиться на луга лежащія по ту сторону сада. Пришедши туда, нянька тотчасъ же расположилась подъ однимъ тѣнистымъ дубомъ, единственнымъ деревомъ на всемъ пространствѣ, тогда какъ дѣти весело играя прыгали и бѣгали около нея. Сначала онѣ держались вблизи дерева; однако гоняясь за бабочками и ища прекрасныхъ цвѣтовъ, они далеко удалились отъ лѣнивой няньки, глаза которой мало по малу смыкаясь наконецъ совершенно закрылись. Такимъ образомъ оставленные безъ всякаго надзора дѣти, радостно пустились дальше и скоро очутились на берегу глубокаго пруда.

— Посмотри-ка, Альбертъ, какой прекрасный цвѣтокъ! воскликнула восторженно Лиза, указывая на водяную лилію — и при этомъ потянулась къ ней, чтобы зонтикомъ достать хорошенькое растеніе.

— Лиза, Лиза, берегись, вѣдь папа это строго запретилъ.

— Только одинъ цвѣточекъ, голубчикъ Альбертъ, я сорву его для мамы, говорила умоляющимъ голосомъ маленькая дѣвочка, однако едва успѣла нагнуться какъ поскользнулась и упала въ воду. Раздался страшный крикъ—и вода мгновенно поглотила маленькую жертву.

Раздирающіе крики мальчика о помощи разбудили няньку, которая тотчасъ же замѣтила несчастіе происшедшее отъ ея небрежности и оплошности. Съ минуту она стояла пораженная отчаяніемъ и готовая казалось прыгнуть тоже въ воду, однако потомъ совладавъ съ собою побѣжала по направленію къ дому крича и умоляя о помощи. За нею слѣдомъ бѣжалъ и маленькій Альбертъ, который горько плача говорилъ: «Ахъ, наша бѣдная Лиза утонула»!

Достигнувъ маленькой садовой калитки, Альбертъ увидѣлъ большую ньюфаундленскую собаку, съ которой отецъ его такъ часто гулялъ. Мальчика вдругъ озарила мысль: не можетъ ли Букиръ (такъ звали собаку), который можетъ таскать такія большія тяжести изъ воды, что онъ самъ видѣлъ не разъ, —спасти теперь его маленькую сестру? И быстро сообразивъ все это, онъ крикнулъ голосомъ полнымъ отчаянія:

Внутренность свайной хижины.

— Букиръ, сюда Букиръ!

Умное животное, непривыкшее получать приказанія дѣлаемыя такимъ голосомъ, удивленно подняло свою огромную голову. Однако когда Альбертъ еще и еще разъ крикнулъ тѣмъ же голосомъ, инстинктъ какъ бы подсказалъ животному, что тутъ немедля надо повиноваться, и оно въ нѣсколько прыжковъ очутилось около своего маленькаго хозяина, радостно помахивая хвостомъ и умильно поглядывая въ глаза.

Тѣмъ временемъ какъ служанка со всѣхъ ногъ бѣжала къ дому, Альбертъ съ своимъ новымъ другомъ прибѣжалъ на берегъ пруда.

— Здѣсь, здѣсь ищи Букиръ! Здѣсь... голубчикъ Букиръ!

Какъ-сумашедшая металась вѣрная собака туда и сюда,—и хотя нашла тотчасъ же слѣдъ погибшей дѣвочки, однако добравшись до воды животное остановилось въ недоумѣніи. Холодная стихія уничтожила всякій слѣдъ даже для такого тонкаго чутья какъ ея.

Нѣсколько минутъ стоялъ несчастный мальчикъ, отчаянно ломая руки и горько рыдая, потомъ вдругъ, какъ бы опомнившись и сообразивъ что-то, онъ схватилъ комокъ земли и бросилъ его на то самое мѣсто, гдѣ пропала его бѣдная сестра.

Въ ту же самую минуту прекрасное животное однимъ прыжкомъ очутилось въ прудѣ—и нырнувъ исчезло въ тихихъ глубокихъ водахъ.

Альбертъ упалъ на колѣни и напряженно смотрѣлъ на тихую, едва колышащуюся поверхность воды. Прошло нѣсколько секундъ самаго ужаснаго ожиданія—когда изъ воды снова показалась лохматая голова собаки, которая, крѣпко ухвативъ зубами, держала за платье погибшую дѣвочку.

Букиръ съ своей тяжелой ношей достигъ уже берега, однако берегъ оказался слишкомъ крутымъ, такъ что бѣдное животное не смотря на неимовѣрныя усилія никакъ не могло выбраться изъ воды. Альбертъ не теряя ни минуты бросается на помощь къ своему бѣдному другу—и ухвативъ сестру за платье, быстро втаскиваетъ на берегъ. Смѣлое животное однимъ скачкомъ вспрыгиваетъ слѣдомъ за нимъ. Теперь дѣвочка въ безопасности, но—о новый ужасъ!

Бѣдный ребенокъ лежитъ совершенно-бездыханнымъ—и не смотря на его горячіе поцѣлуи, не показываетъ ни какого признака жизни.

Между тѣмъ нянька достигла до дому и едва могла проговорить только: «Лиза упала... въ прудъ», какъ тутъ же лишилась чувствъ. Но и мать, которая при этихъ словахъ страшно вскрикнувъ хочетъ бѣжать къ своему дорогому дѣтищу, не можетъ двинуться съ мѣста; ноги отказываются служить ей—и она съ страшнымъ стономъ падаетъ въ кресло. Отецъ, услыхавшій изъ окна это ужасное извѣстіе, мигомъ соскочилъ съ террасы и опрометью пустился къ мѣсту несчастія, торопливо отдавъ приказаніе тотчасъ же ѣхать за докторомъ, который находится у сосѣда.

Прибѣжавъ къ своимъ дѣтямъ, онъ не говоря ни слова бросился на землю—и притаивъ дыханіе, приложилъ свое ухо къ мокрой груди своего бѣднаго ребенка. Вѣроятно онъ услыхалъ что нибудь доброе, потому что на лицѣ его вмѣсто прежняго отчаянія появилась торжествующая улыбка, и онъ началъ быстро раздѣвать маленькую утопленницу. Потомъ, вырвавъ изъ ея платья кусокъ мягкой шерстяной матеріи, онъ съ быстротою и ловкостью началъ натирать имъ похолодѣвшее тѣло. На нѣкоторое время онъ останавливается, чтобы вдохнуть ей въ маленькій ротикъ часть воздуха и потомъ нажимая грудь заставить снова выходить изъ легкихъ впущенный воздухъ, подражая этимъ натуральному механизму дыханія. Потомъ онъ снова, приложивъ ухо къ сердцу напряженно слушалъ, не усиливается ли едва слышный толчокъ сердца. И дѣйствительно, дѣло казалось подвигалось впередъ, потому что лицо несчастнаго отца все болѣе и болѣе просвѣтлялось—и онъ съ новымъ усиліемъ и энергіей продолжалъ свою трудную работу. Альбертъ между тѣмъ согрѣвалъ своими дрожащими руками маленькія ножки сестры. Съ обоихъ работающихъ, отца и сына, катилъ градомъ потъ—и ихъ руки начали опускаться въ изнеможеніи, а помощи необходимой помощи ни откуда не поспѣвало, потому что вся прислуга и рабочіе находились на поляхъ. Отецъ снова наклонилъ ухо къ сердцу дорогаго дитяти, оно билось сильнѣе и слышнѣе, однако, несмотря на всѣ вдуванія, ребенокъ все еще не дышетъ. Тогда отецъ рѣшился на послѣднее средство. Онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько спичекъ—и зажегши ихъ поднесъ къ нѣжной кожѣ. При этомъ вдругъ ребенокъ началъ нѣсколько содрагаться и появился первый свободный вздохъ, потомъ снова наступила минута обмиранія, еще одинъ вздохъ, однако гораздо слабѣйшій и поверхностный. Тогда отецъ схватилъ ребенка на руки—и подбѣжавъ къ пруду, дважды окунулъ его по самую шею. Появились два сильные вздоха, потомъ крикъ, и наконецъ дѣвочка открыла глаза, а блѣдныя губы прошептали дорогое слово «папа».

Дошедши до садовой калитки онъ увидѣлъ мать лежащую на скамейкѣ, до которой едва успѣла она добраться какъ тотчасъ же упала. Но теперь, услыхавъ радостные крики Альберта и замѣтивъ приближающагося съ ношею мужа, она смотрѣла тоскливымъ взглядомъ на приближающихся—все еще не въ силахъ будучи шевельнуть хотя однимъ членомъ.

Отецъ что-то шепнулъ на ухо своей маленькой дочкѣ, и вдругъ раздалось нѣжное слово: «мама». При звукахъ этого дорогаго сердцу голоса, силы снова возвратились къ матери—и черезъ минуту она уже держала въ рукахъ почти-что потеряннаго ребенка.

Когда я вошелъ въ комнату, волненія, страхъ и радости нѣсколько улеглись, маленькая лежала въ своей теплой постелькѣ—и одинъ взглядъ на радостныя лица окружающихъ, на тихопокоющуюся малютку показалъ мнѣ, что помощь моя въ данномъ случаѣ совершенно излишняя, однако отъ этого нисколько не уменьшилась моя радость и счастіе за такой благополучный исходъ.

Послѣ того какъ я, по настоятельному требованію родителей, осмотрѣлъ малютку и нашелъ ее въ совершенно нормальномъ положеніи, а на ранку обжога назначилъ простой пластырь, я думалъ откланяться и ѣхать домой. Однако счастливые родители и слышать объ этомъ не хотѣли. Я долженъ былъ остаться и провелъ отличнѣйшимъ образомъ вечеръ, среди тѣснаго кружка хорошихъ знакомыхъ и друзей моихъ новыхъ хозяевъ. Конечно, разговоръ вертѣлся больше всего около только-что случившагося происшествія. Герой его кажется тоже раздѣлялъ общую радость—и важно разлегшись на мягкомъ коврѣ, очень искусно поѣдалъ лучшіе куски, которые ему доставались со всѣхъ сторонъ.

Высокопреосвященный Филаретъ,

въ Бозѣ почившій митрополитъ Московскій и Коломенскій *).

Коломна—благословенная родина Василія Михайловича Дроздова.

Крещеніе младенца совершилось въ Богоявленской церкви 1-го января 1783 г. Воспріемникомъ былъ соборный ключарь Петръ Васильевъ, воспріемницей жена іерея Никиты Афанасьева Доминика Прокофьева.

Духовное происхожденіе Дроздовыхъ ведется издалека; но маститый потомокъ ихъ помнилъ имена своихъ праотцовъ только до прапрадѣда, Игнатія, о которомъ впрочемъ ничего не дошло до него изъ семейныхъ преданій. Онъ служилъ гдѣ-то причетникомъ и однакожъ, по всей вѣроятности, былъ человѣкъ начитанный и разумный, потому-что заботился о пріуготовленіи своихъ сыновей на служеніе пресвитерское — и они достигли пресвитерства. Изъ нихъ Ѳедоръ Игнатьевичъ (отецъ Михаила Ѳедоровича и дѣдъ Василія Михайловича) былъ протоіереемъ Богоявленской въ Коломнѣ церкви. Другой его дѣдъ, по матери, Никита Афанасьевичъ, также былъ священникомъ. Первый, будучи еще не старъ и пользуясь добрымъ здоровьемъ, сдалъ свой приходъ своему старшему сыну, съ благимъ намѣреніемъ въ мірѣ отдѣлиться отъ міра. Онъ удалился отъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ, повелъ жизнь уединенную, отшельническую, въ постѣ и молитвѣ, рѣдко выходилъ изъ своего домика.

Первоначальное воспитаніе получилъ отрокъ Дроздовъ въ Коломенской семинаріи, впослѣдствіи переведенной въ Тулу, за упраздненіемъ Коломенской епархіи.

На 17-мъ году своего мирнаго существованія, покинулъ родительскій домъ, чтобъ пріютиться подъ кровомъ Троице-Сергіевской Лавры и въ ней довершить свое образованіе.

Когда онъ прибылъ въ Лавру, съ нѣсколькими изъ своихъ коломенскихъ товарищей, всѣмъ имъ было объявлено, что они будутъ понижены однимъ классомъ. Отецъ его потребовалъ для своего сына экзамена. На испытаніи предложена коломенскому студенту задача изъ философіи: «о врожденныхъ идеяхъ». Дали юношѣ листъ бумаги—и онъ, окруженный преподавателями, на глазахъ ректора и намѣстника, долженъ былъ писать по латынѣ на заданную тему. Вопросъ имъ скоро разрѣшенъ—и пришелецъ коломенскій принятъ на философскій курсъ.

По минованіи короткаго времени учебнаго курса, ученикъ лаврской семинаріи сталъ въ ней учителемъ (съ 27-го ноября 1803 г.). Въ началѣ онъ преподавалъ еврейскій и греческій языки, а потомъ высшее краснорѣчіе и риторику.

Объ отроческой, ученической, а потомъ учительской и иноческой жизни его сохранилось такое преданіе: онъ любилъ музыку, занимался шахматной игрой и потѣшался ловлею рыбы.

Въ 1808, ноября 16, послѣ вечерни, повергся у священной раки чудотворца новопризванный инокъ его древней обители. Василій Дроздовъ нареченъ Филаретомъ. Въ день празднованія преподобному Никону, 17-го числа впервые облекся онъ въ монашескую рясу и сталъ въ ряды воиновъ Христовыхъ; а черезъ пять дней отъ постриженія посвященъ въ іеродіакона. Онъ былъ тогда на 27-мъ году.

Инокъ-преподаватель и наставникъ въ средѣ своихъ товарищей, при разныхъ трудахъ и занятіяхъ, подвизался въ постѣ и молитвѣ, запасался духовными силами на совершеніе предлежавшаго ему поприща.

Въ 1809 онъ былъ вызванъ въ Петербургъ.

Въ свѣтлый день Богоявленія, на зарѣ, въѣзжаетъ въ заставу рогожная кибитка; изъ нея съ любопытствомъ оглядываетъ по пути молодой, въ цвѣтѣ лѣтъ, іеродіаконъ высокія, нерѣдко сплошныя зданія, по обѣ стороны длинныхъ, широкихъ, стройныхъ улицъ, любуется красотой Сѣверной Пальмиры, дивится малочисленности храмовъ Божіихъ, и въ раздумьи достигаетъ Александро-Невской лавры, гдѣ черезъ четыре невступно мѣсяца—отъ посвященія въ іеродіакона, 28 марта, въ Пасху, онъ былъ посвященъ въ санъ іеромонаха и усердно отслужилъ двѣ литургіи: одну еще діакономъ, другую уже возносителемъ безкровной жертвы.

Его назначили (1-го марта 1809) въ Петербургскую семинарію инспекторомъ «въ званіи академическаго баккалавра» и профессоромъ философскихъ наукъ. Наконецъ въ 1810 г. (8-го февраля) юный инспекторъ семинаріи и ректоръ Александровскаго уѣзднаго училища перемѣщенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ Академію, гдѣ преподавалъ «догматическое богословіе, церковную исторію и древности церковныя». 30-го іюня 1811 г. онъ въ смиренномъ званіи іеромонаха (чуть ли это не первый былъ примѣръ) Всемилостивѣйше пожалованъ за отличіе въ проповѣданіи слова Божія наперснымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями, а черезъ нѣсколько дней послѣ этой награды возведенъ въ санъ архимандрита (8 іюля).

Въ началѣ 1812 (11 марта) архимандритъ Филаретъ опредѣленъ ректоромъ духовной академіи и въ то же время настоятелемъ Юрьева монастыря. Настоятельство продолжалось съ 27-го, а по послужному списку съ 29-го марта 1812, по 7-е марта 1816 г., когда онъ былъ назначенъ настоятелемъ Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря.

Пять лѣтъ пробылъ онъ въ трудной должности ректора, до 1817 г., когда былъ посвященъ въ санъ архіерейскій, назначенъ викарнымъ с.-п.-б. митрополита, наименованъ епископомъ Ревельскимъ и членомъ главнаго правленія училищъ.

Изъ Ревеля владыко переведенъ въ Тверь архіепископомъ и наименованъ членомъ св. Синода въ 1819 г. (15-го марта). Черезъ полтора года, въ сентябрѣ 1820 перемѣщенъ въ Ярославь и на слѣдующій 1821 въ матушку Москву златоглавую.

Древняя столица радовалась перемѣщенію архіепископа Ярославскаго. Московская консисторія поспѣшила передать ему и свою личную радость, вмѣстѣ съ изъявленіемъ благихъ желаній и надеждъ. Не замедлилъ и онъ отвѣтомъ на привѣтъ, «сквозь который уразумѣлъ и нѣкій себѣ совѣтъ».

Сорока четырехъ лѣтъ, почти на половинѣ пути своей жизни, бодрый духомъ и тѣломъ, свѣжій умомъ и сердцемъ, съ проницательнымъ взоромъ, съ тонкой улыбкой, то снисходительной или одобрительной, то жа-

*) Этотъ краткій біографическій очеркъ нами заимствованъ изъ книги Н. В. Сушкова «Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго».

лостно-укорительной, въ 1826 г. Московскій архіепископъ нареченъ митрополитомъ, и темные, еще неубѣленные годами, волосы скрылись подъ бѣлымъ клобукомъ.

Дѣятельность его въ этомъ санѣ, какъ духовнаго вождя и государственнаго человѣка, проповѣдника для взрослыхъ и просвѣтителя для юношества,—слишкомъ извѣстна для того, чтобы распространяться о ней.

Роковой день 19 ноября 1867 г. отлучилъ его отъ насъ... за два—три часа до разлуки съ паствой своей, вознося жертву безкровную, онъ молился о ней, о Москвѣ, о православной Россіи.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 23 Апрѣля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. ... № 45—1.

№ 18. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 3 мая 1871 года.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Бабушка.

(Разсказъ П. Очкиной).

I.

Какъ живо помню я старушку бабушку! Добрая она была и очень любила всѣхъ насъ, дѣтей, а меня какъ-то особенно нѣжно. Проснусь я бывало рано по утру и лежу въ своей крошечной кроваткѣ, да посматриваю, какъ спитъ маленькій братецъ съ рожкомъ въ ручонкѣ, а сестрица раскидалась, жарко ей, и бѣлокурыя ея волоски кажутся темнѣе отъ влажности. Полежу я немножко, да и кликну тихонько няню, а она глуха была и все только ворчала на насъ громко, а если бабушка или мать говорила ей что-нибудь, такъ она ворчала тихонько. Войдетъ няня, посмотритъ на меня неласково такъ, да и начнетъ: «зачѣмъ такую рань вскочилъ, кто тебя подъ бока толкалъ? Богу не далъ мнѣ помолиться, безстыдникъ эдакой!». Долго ворчитъ няня, и велитъ мнѣ опять лечь да зажмурить глаза. Я лягу, да и начну думать о жаръ-птицѣ, объ Иванѣ царевичѣ, да какъ вспомню бабу-ягу съ помеломъ, такъ мнѣ страшно сдѣлается, что я съ головою укутаюсь одѣяломъ, и опять начну звать няню. Вдругъ послышится мнѣ ласковый голосъ: «что ты, мой голубчикъ, что ты, Христосъ съ тобою, что ты такъ вскрикнулъ?» Я сорву съ головы одѣяло и брошусь на шею бабушки, и разскажу ей, что испугался бабы-яги. «Ну, Господь съ тобою!» проговоритъ бабушка и возметъ меня къ себѣ въ комнату, а комната эта была небольшая и увѣшана образами. Бабушка, когда молилась, кромѣ лампады зажигала восковую желтую свѣчу, и столикъ ея весь былъ закапанъ воскомъ, а въ образномъ шкафчикѣ много хранилось свѣчей, и въ комнатѣ ея пахло кануномъ. Бабушка призывала горничную свою Матрену и приказывала ей умыть меня, а голову сама разчесывала мнѣ бѣлымъ костянымъ гребнемъ.

— Настоящій отецъ, говорила она, разглаживая мои волосы, — ишь кудри-то какъ вьются!.. красавецъ будешь, всѣ барыни съ ума посойдутъ.

— Отчего же онѣ, бабушка, посойдутъ? съ любопытствомъ спрашивалъ я.

— Влюбятся въ тебя.

— И замужъ за меня пойдутъ?

— Пойдетъ, только одна какая-нибудь.

— Отчего же не всѣ, настаивалъ я, — мы бы стали въ горѣлки играть.

— Ты тогда большой будешь, говорила бабушка,— въ горѣлки играть не станешь, а станешь хозяйничать, какъ папаша, и жена у тебя будетъ, такая же хорошая какъ мамаша.

— И кровать намъ большую сдѣлаютъ? спрашивалъ я.

— И кровать сдѣлаютъ.

— И дѣти у насъ будутъ?

— Охъ ты разумникъ мой, говорила бабушка, — все-то смыслишь, все разумѣешь, ну и дѣти будутъ, а теперь давай Богу молиться.

Я вынималъ маленькій коврикъ, который лежалъ подъ кресломъ бабушки, разстилалъ его противъ образа Спасителя и становился на молитву, а бабушка зажи-

гала свѣчку, и начинала учить меня. Я повторялъ за нею каждое слово и такимъ образомъ прочитывалъ Богородицу, Отче нашъ, и молитву семи отрокамъ спящимъ, которую вѣроятно сложила сама бабушка, потому что впослѣдствіи я нигдѣ не могъ отыскать этой молитвы. «Избави отъ бѣдъ, отъ напастей, отъ слезъ, отъ капризовъ» говорилъ я и клалъ окончательный земной поклонъ, а потомъ здоровался съ бабушкой.

— Ну, здравствуй, свѣтъ ты мой бѣлый, говорила она, — теперь мы съ тобой и чайку напьемся.

Матрена вносила маленькій самоварчикъ, и я подбирался къ кострюлькѣ съ кипячеными сливками,— и пока готовился чай, толстой зарумянившейся пѣнки не было уже на сливкахъ.

— Скушалъ, говорила бабушка, смотря на кострюльку, — а мнѣ-то ничего не оставилъ, бѣдная я.

Мнѣ такъ дѣлалось жаль бабушку, что иногда я плакалъ, а она долго утѣшала меня; но на другой день я опять-таки непремѣнно съѣдалъ всю пѣнку.

Послѣ чаю я садился на скамеечку у ногъ бабушки, а она показывала мнѣ разныя изображенія святыхъ въ кіевскихъ святцахъ, и разсказывала ихъ житіе. Послѣ этихъ разсказовъ, я всегда долго боялся, чтобы какъ-нибудь не соблазнили меня бѣсы и не довели до грѣха.

Просыпалась наконецъ мать и присылала за мною. Я шелъ къ ней—и меня сажали на большое неуклюжее кресло, стоявшее съ лѣвой стороны туалета; а мать въ бѣломъ пеньюарѣ, съ распущенными волосами, съ чашкою кофе въ рукахъ, на табуретѣ сидѣла противъ зеркала, и горничная чесала ей голову. Комната матери была совсѣмъ не такая какъ комната бабушки; тутъ на окнахъ были драпировки, мебель обита была голубою шерстяною матеріей, разныя серебряныя вещи стояли на туалетѣ, и мнѣ не давали ни одной изъ нихъ, не позволяли валятся на диванахъ, сидѣть на столахъ, и я едва поздоровавшись съ матерью, сейчасъ же уходилъ къ бабушкѣ.

— Тебѣ скучно здѣсь, ты меня не любишь, говорила мнѣ мать.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — люблю, только съ бабушкою мнѣ веселѣе.

И уходилъ я въ маленькую комнату и опять садился на скамеечку, и до самаго обѣда слушалъ разсказы бабушки.

Случалось иногда, что къ намъ пріѣзжали гости. Бабушка надѣвала тюлевый чепецъ и марселиновое платье. Черная деревянная табакерка мѣнялась на серебряную,— и взявъ меня за руку, бабушка говорила: «вотъ и мы съ тобою разфрантились; смотри, какіе нарядные, не острамимъ отца съ матерью». Изъ гостей мужчины всегда подходили къ ручкѣ бабушки, а далѣе три раза цѣловались съ нею.

— Отчего это, спрашивалъ я ее, — у мамы не цѣлуютъ гости ручку, а у васъ цѣлуютъ?

— Я человѣкъ старый, отвѣчала мнѣ бабушка, — а въ наше время не то что теперь—дамъ уважали и всегда къ ручкѣ подходили, ко всѣмъ намъ, а ко мнѣ и теперь подходятъ.

Но гости хотя и уважали бабушку, а какъ-то охотнѣе сидѣли и говорили съ матерью.

Минуло мнѣ шесть лѣтъ—и въ день рожденія бабушка подарила мнѣ азбуку съ картинками. На другой же день внимательно разсматривалъ я книгу и повторялъ за старушкою: — азъ — арбузъ, буки — бурса, вѣди — вѣнокъ и такъ далѣе. Бабушка не могла нахвалиться моими способностями.

— Онъ у тебя, матушка, сочинитель какой-нибудь будетъ, говорила она матери,—въ пять дней всю азбуку въ разбивку выучилъ, я этакихъ дѣтей и не видывала; это какой-то *фенемонъ*.

— Онъ вамъ и феноменомъ-то оттого кажется, что вы слишкомъ любите его, смѣясь отвѣчала мать.

Каждый разъ послѣ урока, бабушка давала мнѣ изюму и яблочную смокву.

— Кушай, родимый мой, говорила она, — да поди побѣгай, а то все сидя со мною, старухой, и самъ старикомъ сдѣлаешься.

Я взглядывалъ на желтое, морщинистое лицо старушки, сейчасъ же отправлялся бѣгать, такъ боялся я сдѣлаться такимъ же.

— Что, ворчала няня, какъ только входилъ я въ дѣтскую, — зачѣмъ пожаловалъ?.. сидѣлъ бы съ любимкой-то своей старой, намъ и безъ тебя не скучно.

Я уходилъ въ залъ, и долго бѣгалъ вокругъ круглаго стола; я не любилъ бѣгать, но боязнь сдѣлаться такимъ же желтымъ, такимъ же сморщеннымъ, какъ бабушка, подгоняла меня.

Девяти лѣтъ меня отдали въ гимназію; разставшись со всѣми близкими, чаще всѣхъ другихъ вспоминалъ я бабушку, но черезъ годъ, пріѣхавши на вакацію, я уже не засталъ ее. Помню, какъ искренно плакалъ я на ея могилѣ, поросшей высокою зеленою травою; какъ скучно было мнѣ дома первые дни, а потомъ время взяло свое. Я перестала тосковать, а потомъ и совсѣмъ забылъ старушку. Поступивъ въ университетъ и пріѣхавъ лѣтомъ домой, я занялъ комнату бабушки, и отъ нечего дѣлать началъ перебирать разныя бумаги, хранившіяся въ ящикѣ стола, который когда-то закапанъ былъ воскомъ. Сначала мнѣ попадались разные заговоры да молитвы, потомъ письмо—и вотъ его содержаніе: «Премного благодаренъ вамъ, государь мой милостивый, за честь, кою соизволили изъявить дочери моей Варварѣ, прося у меня руки ея черезъ письмо, которое и получилъ я тринадцатаго сего октября. На сіе вамъ скажу, что дочери моей за вами не бывать, ибо и батюшка вашъ покойный царствіе ему небесное, и вы государь мой милостивый, въ карты играть охочи и жизнь разсѣянную водить любите, а посему дочь мою я за васъ не отдамъ и васъ прошу оставить сватовство ваше втунѣ и забыть дорогу къ дому вашего покорнаго слуги.

Александра Богусловскаго».

Въ концѣ письма совершенно другимъ почеркомъ написано было: «Не бывать этому; женюсь на Варичкѣ».

Я пошелъ къ отцу съ просьбою объяснить мнѣ, что это значитъ, и узналъ отъ него исторію бабушки.

II.

Александръ Дмитріевичъ Богусловскій, прадѣдъ мой, отличался необыкновеннымъ упрямствомъ и дикимъ, необузданнымъ характеромъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ трехъ дочерей. Онъ любилъ жену и дѣтей, однакожь всегда говорилъ, что «кошка въ домѣ для мышей, а жена для щей», и во имя этой поговорки, не допускалъ прабабушку мою, Анисью Егоровну, ни до чего, кромѣ женскаго хозяйства; даже въ дочеряхъ онъ не давалъ ей воли, тоже на основаніи, что у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ, и ея дѣло огурцы солить да щи ва-

рить,—а дай ей волю распоряжаться чѣмъ другимъ, такъ она такихъ дѣловъ надѣлаетъ, что въ годъ не разберешь.

Прабабушка нисколько впрочемъ не обижалась такимъ ограниченіемъ, считала мужа непогрѣшимымъ и на все смотрѣла его глазами. Случилось разъ—безъ всякаго резона остановились стѣнные часы. Прадѣдъ посмотрѣлъ на нихъ и давай чинить. Повѣситъ на гирю утюгъ, часы и начнутъ тюкать, а минутъ черезъ пять остановятся. Прадѣдъ и дулъ въ нихъ и колотилъ со всѣхъ четырехъ сторонъ—ничто не беретъ: останавливаются часы да и только. «Меня не слушаться, вдругъ заревѣлъ Александръ Дмитріевичъ, поднимая кулакъ,—меня!».. и хвать часы объ полъ. Прабабка, зная, что мужъ взгромоздился на стулъ для починки, съ испугомъ вбѣжала въ залу.

— Что вы, батюшка, Александръ Дмитріевичъ, съ испугомъ спросила она, — не ушиблись ли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ прадѣдъ,—а часы меня не слушались, я и хватилъ ихъ о земь такъ, что только дребезги остались.

— Собакѣ и смерть собачья, почтительно отвѣчала Анисья Егоровна.

Прадѣдъ былъ страстной охотникъ. Разъ въ цѣлое утро, ничего не затравили охотники. Утомились они, проголодались и сѣли на полянѣ отдохнуть, да выпить изъ дорожной флажки и закусить жареной уткой. Вдругъ пырь лисица, да всего-то въ нѣсколькихъ шагахъ. Прадѣдъ вскочилъ на лошадь, собакъ начали спускать со своръ,—а лисицы между тѣмъ и слѣдъ простылъ. У прадѣда слезы навернулись. «Это черезъ тебя, тварь поганая!» крикнулъ онъ стоящей передъ нимъ жареной уткѣ, и выхвативъ арапникъ, началъ хлестать ее, потомъ обратился къ доѣзжачему—и голосомъ, недопускавшимъ возраженія, проговорилъ: «Скачи домой, и свези мой приказъ барынѣ, чтобы къ пріѣзду моему не осталось ни одной утки во дворѣ; пошелъ!» Доѣзжачій поскакалъ—и къ вечеру, когда вернулся домой Александръ Дмитріевичъ и по обыкновенію спросилъ: «все-ли благополучно?» Анисья Егоровна, всегда встрѣчавшая его на послѣдней ступенькѣ крыльца, почтительно отвѣчала: «все, слава Богу, батюшка, благополучно; утки всѣ до единой перерѣзаны».

— Молодецъ у меня баба, ласково проговорилъ прадѣдъ,—мужниной воли никогда не ослушается; спасибо!

Прабабка поклонилась и потомъ долго разсказывала дочерямъ и всѣмъ приближеннымъ дворовымъ, что слышала «спасибо и похвалу отъ самаго батюшки, Александра Дмитріевича». Стали подростать дочери—и неуспѣли оглянуться какъ старшей изъ нихъ, милой моей бабушкѣ, минуло четырнадцать лѣтъ.

— На выданьи ужъ у насъ Варвара-то, замѣтила разъ прабабка во время обѣда.

Прадѣдъ самодовольно взглянулъ на красивое лицо дочери, зардѣвшееся какъ маковъ цвѣтъ, и ласково проговорилъ: «ну что-жь, найдется женихъ—и съ Богомъ, отдамъ—лишь-бы мнѣ онъ по нраву пришелся.

Бабушкѣ минуло и пятнадцать и шестнадцать лѣтъ, много перебывало уже жениховъ, да не одинъ не пришелся по нраву отцу, да и она сама больше любила свои дѣвичьи пляски да пѣсни, свою беззаботную жизнь, и каждый разъ съ радостью узнавала, что такому-то жениху отказалъ государь батюшка.

Умеръ богатый сосѣдъ Богусловскихъ, старый Игнашенко, и пріѣхалъ въ деревню хозяйничать сынъ его, молодой секундъ-маіоръ. Не помнилъ онъ вражды отцовской съ Богусловскими, и черезъ нѣсколько дней, въ половинчатой коляскѣ запряженной четвернею сѣрыхъ коней, подкатилъ къ дому Александра Дмитріевича, и въ такое время, когда прадѣдъ почивать изволилъ, покушавши.

— Батюшки, не воевода-ли ужъ къ намъ пожаловалъ?! вкрикнула Анисья Егоровна,—какъ мнѣ быть, Александра Дмитріевича будить я не смѣю, а мое дѣло женское, что я съ нимъ буду дѣлать!

— Какой маменька воевода, перебила ее бабушка,—нынче воеводъ ужь нѣтъ, развѣ губернаторъ.

— Глупа ты, Варвара, съ сердцемъ отвѣтила ей прабабка,—все-таки онъ власть, а мое дѣло женское, что я стану съ властью дѣлать!

Пока онѣ говорили, гость вошелъ въ переднюю—и сбросивъ шинель, явился въ залу.

Бабушка успѣла разглядѣть блестящій мундиръ и стройный станъ молодого гостя, и шмыгнула за дверь переодѣться.

Какъ узнала Анисья Егоровна, что гость не власть а сосѣдъ ихъ Федоръ Петровичъ Игнашенко,—этого ужъ я не знаю; только когда бабушка вышла и закраснѣвшись присѣла молодому человѣку, прабабка очень свободно сказала ему: «честь имѣю рекомендовать, старшая дочь наша Варвара, прошу любить да жаловать».—Молодой человѣкъ подошелъ къ ея ручкѣ и такъ взглянулъ, какъ будто обѣщалъ этимъ взглядомъ выполнить просьбу матери ея и крѣпко любить дѣвушку, крѣпко жаловать. Посидѣли они, побесѣдовали съ гостемъ, а тѣмъ временемъ и батюшка Александръ Дмитріевичъ проснуться изволили и въ гостинную пожаловали.

Радушно встрѣтилъ старикъ молодаго гостя, и не отпустилъ его въ этотъ день, а оставилъ ночевать, и на другой-то день только послѣ обѣда уѣхалъ Федоръ Петровичъ. А милая моя бабушка, хоть и крѣпко спала ночь, но то эполеты, то мундиръ, то лаковый ботфортъ, а наконецъ и цѣлая фигура молодого гостя не переставали сниться ей.

Федоръ Петровичъ началъ часто навѣщать Богусловскихъ. Каждый праздникъ, возвратившись отъ обѣдни, прадѣдъ не приказывалъ сей-часъ же подавать пирогъ; «подождемъ птичку залетную, говаривалъ онъ, авось подъѣдетъ». И молодой сосѣдъ непремѣнно пріѣзжалъ. Наканунѣ Покрова, отслушавъ на дому всенощную, и замѣтивъ, что бабушка молилась усерднѣе обыкновеннаго, прадѣдъ подозвалъ ее къ себѣ, и, погладивъ по головѣ, ласково спросилъ: «о чемъ молилась, дочка»?

— Та̀къ-съ, отвѣчала бабушка, краснѣя.

— Ну та̀къ, такъ та̀къ, проговорилъ прадѣдъ,—а вотъ, что я тебѣ скажу Варвара, ты не въ свои сани садиться не затѣвай, онъ человѣкъ модный, ученый, а мы степняки необразованные, ты ему не пара, и я за него не отдамъ.

Бабушка едва дышала.

— Смотри же, продолжалъ прадѣдъ,—помни: если и посватается—не отдамъ; онъ привыкъ въ столицахъ жить, да бобы разводить, а ты такому мужу не годишься. Онъ будетъ въ карты играть, какъ отецъ покойникъ, а ты дома прокисать, да дѣтей качать; молись-ка лучше о томъ, чтобъ вѣкъ быть покорной да милой дочерью отцу.

Бабушка поцѣловала у него руку, и горячая слеза капнула на нее.

Отецъ какъ-будто и не замѣтилъ слезъ дочери.

На другой день Федоръ Петревичъ пріѣхалъ, и улучивъ минуту когда старикъ говорилъ съ другими гостями, подошелъ къ бабушкѣ.

— Вы что-то невеселы, началъ онъ.

Бабушка потупилась и не отвѣчала.

— Ваша невеселость и на меня тоску нагнала, проговорилъ Федоръ Петровичъ.

— О чужой кручинѣ печалиться не слѣдъ, проговорила бабушка.

— Да мнѣ ваша кручина не чужая, съ чувствомъ сказалъ молодой сосѣдъ,—я и во снѣ и на яву только и вижу васъ, только и думаю о васъ; скажите же вы мнѣ, отъ сердца скажите: любъ ли я вамъ?

У бабушки задрожали руки, и ни слова не могла она вымолвить.

— Скажите же, моя желанная, продолжалъ Федоръ Петровичъ,—не побрезгуете ли вы, любо ли вамъ сдѣлаться моей законною, ненаглядной женой.

— Любо, едва слышно выговорила бабушка,—только батюшка за васъ не отдастъ.

И проворно вставъ убѣжала она въ другія комнаты.

А сосѣдъ опять терпѣливо дождался ее, и опять улучивъ свободную минуту, спросилъ, отчего не отдастъ ее отецъ.

Бабушка наскоро, едва дыша, передала ему разговоръ прадѣда послѣ всенощной.

Федоръ Петротичъ не остался ужинать и уѣхалъ домой. Двѣ недѣли не было о немъ ни слуху ни духу, и наконецъ Александръ Дмитріевичъ получилъ письмо отъ сосѣда, въ которомъ тотъ просилъ руки дочери его, Варвары Александровны. Отвѣтъ прадѣда былъ именно то письмо, которое нашелъ я въ завѣтномъ ящикѣ бабушки.

(*Окончаніе будетъ*).

Сіерра-Морена въ Испаніи.

Съ картины Густава Доре (см. стр. 277).

Горы Сіерра-Морена считались впродолженіи нѣскольких вѣковъ однимъ изъ опаснѣйшихъ притоновъ разбойниковъ Испаніи, которыхъ въ насмѣшку называли «отшельниками Сіерры-Морены» los ermitanos de la Sierra-Morena. Въ настоящее время въ Испаніи нѣтъ ни одной шайки разбойниковъ, но воспоминанія о прежнихъ еще живы въ Сіеррѣ-Моренѣ. Разсказы объ Діего Корріэнтесъ и Хозе Маріа извѣстны каждому испанцу. Говорятъ, что на Хозе Маріа, изъ котораго у насъ недавно сдѣлали героя комической оперы, находили иногда минуты великодушія. Онъ родился въ Эстепѣ, въ Андалузіи, и какъ большая часть бандоллеровъ, сдѣлался сначала контрабандистомъ. Убивъ нѣсколько человѣкъ при стычкахъ съ таможенными объѣздчиками, онъ подвергся преслѣдованію отъ правительства, бѣжалъ въ непроходимые лѣса Сіерры и сталъ вскорѣ, по словамъ андалузскаго поэта, однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ разбойниковъ Испаніи. Авторъ этотъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ подвигъ Хозе при нападеніи на мальпостъ.

— Тише! предупреждаетъ одинъ разбойникъ, — я слышу бубенчики... Должно-быть карета... Она приближается...

— Стой! кричитъ Хозе Маріа, наводя пистолетъ на кучера,—всѣ долой! Выводите господъ изъ экипажа; сколько ихъ тамъ у васъ?

— Четверо: одинъ толстякъ, двое дѣтей и молодая дѣвушка.

— Пусть всѣ выходятъ! Ты, Рейнаро, стой у дверцы, одинъ изъ васъ становись у лошадей, а двое ступайте на сторожку.

Сеноръ донъ-Косме, путешествующій съ своей дочерью, выходитъ изъ кареты и умоляетъ пощадить его дочь.

— Не бойтесь, никто изъ насъ не выйдетъ изъ предѣловъ приличія. Вотъ-то кровь съ молокомъ дѣвушка! Господь да сохранитъ васъ, сенорита!

Хозе Маріа велитъ осмотрѣть экипажъ, не трогая никого изъ пассажировъ. Одинъ разбойникъ находитъ туго-набитый кошелекъ и спрашиваетъ у донъ-Косме, сколько въ немъ денегъ.

— Четыре тысячи дуро (5000 рублей), отвѣчаетъ несчастный,—все приданое моей дочери, все что я имѣю.

— Не отчаявайтесь, добрый старичекъ, обращается къ нему Хозе Маріа,—не плачьте такъ, сенорита!... Богъ милосердъ. Вы любите своего жениха? Отецъ васъ не принуждаетъ выходить замужъ?

— О, нѣтъ, сеноръ.

— Въ такомъ случаѣ Господь да благословитъ васъ: вы свободны. Если когда нибудь король проститъ меня, то я явлюсь къ вамъ въ гости. Вашу ручку, прощайте! Ну, кондукторъ, на свое мѣсто!

Въ то время какъ почтовая карета быстро удалялась, Хозе обратился къ своимъ съ слѣдующей рѣчью:

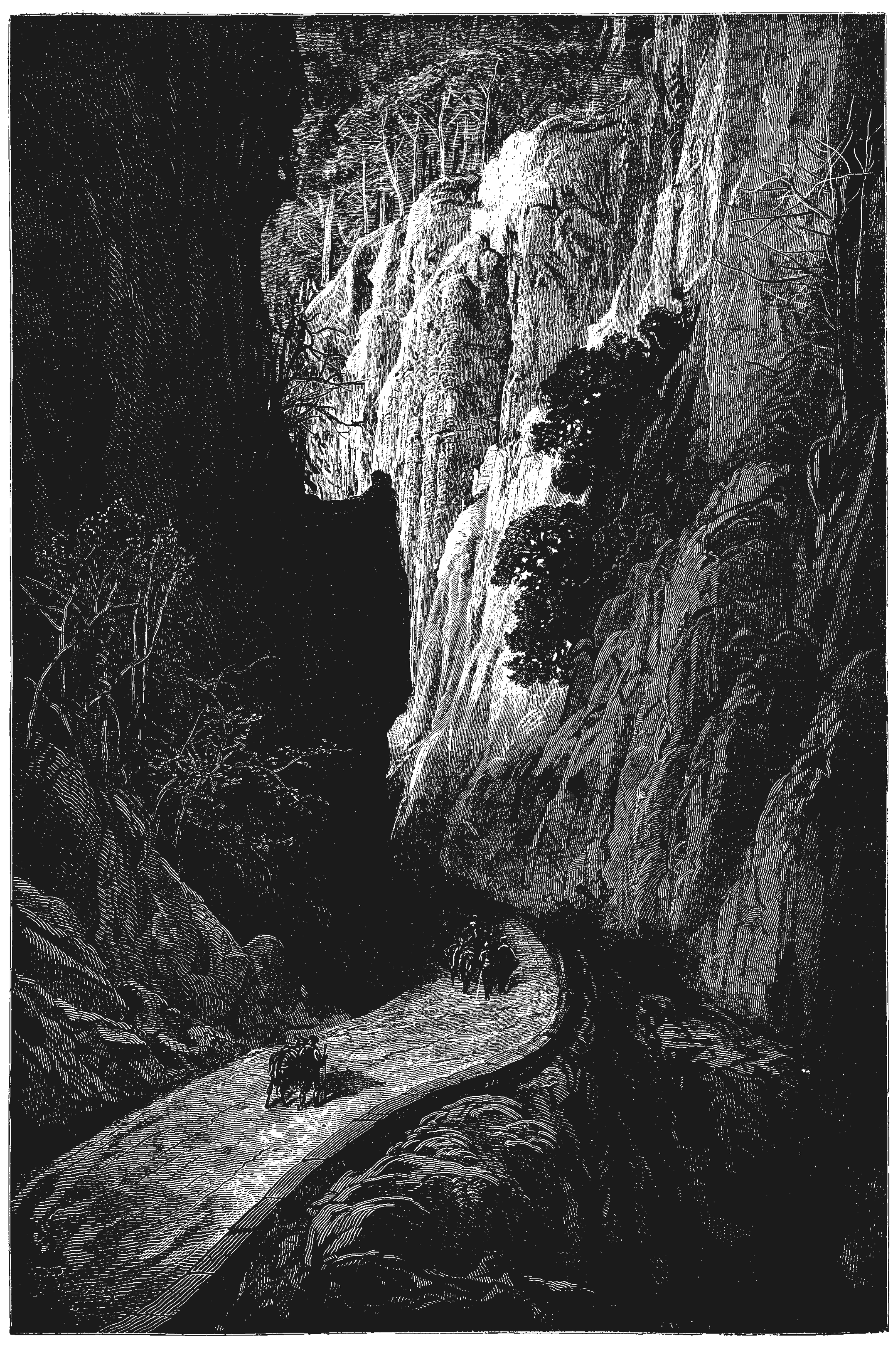
— Пойдемте-ка со мною, я вамъ раздѣлю четыре тысячи дуро, припрятанныхъ въ моей ermita. Ну-же, безъ неудовольствій! Живо, на коней и въ путь, мошенники.

Впослѣдствіи онъ лично служилъ королю проводникомъ отъ разбойниковъ по Сіеррѣ-Моренѣ и получилъ прощеніе.

На мѣстѣ развѣтвленія Сіерры-Морены находятся знаменитые Альмаденскіе рудники. Альмаденъ дель Азогъ (ртутная руда) маленькій городокъ, построенный среди шахтъ и названный такъ въ отличіе отъ Альмадена дель Плата (серебряныя руды) находящагося также въ Андалузіи. Альмаденъ дель Азогъ состоитъ весь изъ одной узкой улицы и большею частью населенъ рудокопами.

Съ 1646 года испанское правительство стало разрабатывать въ свою пользу альмаденскую руду. Изчислили, что съ этого времени количество добытой ртути простирается болѣе чѣмъ на три милліона восемь тысячъ пудовъ, что составляетъ 18,900 пудовъ въ годъ.

Почти вся эта ртуть отправлялась въ Америку, гдѣ шла на извлеченіе золота и серебра изъ рудъ посредствомъ амальгамаціи. Въ настоящее время добывается ртути 52—62,000 пудовъ ежегодно.

Сіерра-Морена въ Испаніи.

Очерки Кавказа.

(Окончаніе).

IV. Отъ Кутаиса до м. Орпири.

Желѣзныя дороги возобновятъ, усилятъ торговлю — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и даже многіе капиталисты озаботятся устройствомъ запасныхъ магазиновъ и удобныхъ для себя помѣщеній; по кому придетъ первое желаніе пожертвовать капиталъ на культуру, чтобъ пріобрѣсть здоровый воздухъ? а безъ того кому придетъ охота устроивать увеселительныя дачи въ заросшихъ лѣсахъ и украшать ихъ разными затѣйливыми фонтанами? Частнымъ владѣльцамъ привести это въ исполненіе очень трудно, и даже почти невозможно. Будемъ надѣяться, что хоть наши внуки дождутся дня возрожденія Колхиды, на болѣе прочныхъ началахъ, не съ идольскими капищами, а съ храмами Всеблагаго Творца, десницею Котораго растетъ и крѣпнетъ безпредѣльная Россія.

Но предоставивъ случаю, или времени, или мудрости правительства — улучшеніе этого края, займемся дальнѣйшимъ обзоромъ этой благословенной страны.— Въ низменныхъ плоскостяхъ ростутъ: хлопокъ, гоми и кукуруза; на возвышенныхъ плоскостяхъ: рожь, овесъ, просо, конопля, ячмень и ленъ. Овощей, по сырости почвы, мало; но лобья непремѣнно, какъ продуктъ, безъ котораго жители обойтиться не могутъ.

Засѣвается обыкновенно кцева — 30 десятинъ въ ширину и 30—въ длину. Три года сряду земля эта даетъ плодъ, и три года отдыхаетъ. Такой порядокъ обусловленъ опытомъ; пробовали сѣять и на четвертый годъ—плода не было. При этихъ условіяхъ, большею частію, урожаи бываютъ самъ-40 и самъ-50. При засухѣ растенія не достигаютъ полнаго развитія. Разительный примѣръ можно видѣть на кукурузѣ: она бываетъ и въ одинъ футъ вышины и—въ сажень.

Южная часть Кутырскаго и Хонскаго участковъ, Кулашскій, сѣверныя страны Саджевахскаго, Амаглебскаго и Багдатскаго участковъ производятъ бумагу. Дальнѣйшее производство хлопка—въ средней части Мингреліи.

Производители, занимающіеся единственно хлопчатникомъ, выбираютъ почву изъ наноснаго слоя на богатый суглинокъ, подъ которымъ лежатъ розсыпи голыша и мелкаго камня на 2 и на 3 аршина. Преимущественно выбираются рыхлые холмики; а у подошвъ горъ, окаймляющихъ съ сѣвера и юга, выбираютъ плоскости, покрытыя толстымъ наносомъ съ сосѣднихъ лѣсовъ на высотѣ 500 футовъ и даже больше. Вообще въ Кутаисскомъ генералъ-губернаторствѣ разведеніе египетскаго хлопка дало утѣшительные результаты, при слѣдующемъ порядкѣ: послѣ продолжительной залежи отъ 5 до 10 лѣтъ, смотря по количеству и качеству земли, на одномъ и томъ же мѣстѣ, но два года сряду посѣвы кукурузы, гоми и хлопка; затѣмъ опять дается отдыхъ. Въ мѣстахъ-же, наносимыхъ ежегодно новымъ слоемъ, хлопчатникъ разводятъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ по 4, 5 и 6 лѣтъ кряду. И за всѣмъ тѣмъ, житейская потребность населенія: гоми, кукуруза и отчасти пшеница, вознаграждающая щедро труды земледѣльцевъ, не даетъ распространяться хлопчатнику обходящемуся дорого и, сравнительно съ первыми, дающему меньше доходу. Вотъ причина, что въ такой удобной землѣ, какъ Имеретія, производство его незначительно, и то, большею частію, въ рукахъ помѣщиковъ, которые, владѣя 10 или нѣсколькими дворами, имѣютъ по одному рабочему человѣку съ каждаго двора. Стоитъ обратить вниманіе на порядокъ распредѣленія работъ въ здѣшнихъ мѣстахъ: семейство, доставивъ одного рабочаго на день, свободно отъ другихъ обязанностей; остальные въ семействѣ—хотя бы ихъ было 10 душъ—работаютъ на себя, не выходя на барщину и не обязываясь никакой работой помѣщику, который не притѣсняетъ своихъ крестьянъ; въ случаѣ-же нужды, по просьбѣ его, выставляютъ и большее число рабочихъ рукъ—но не иначе, какъ съ согласія самихъ крестьянъ. Такой порядокъ высылки на работу производится въ продолженіи пяти дней до субботы; а наканунѣ, ввечеру, помѣщикъ распускаетъ людей, давая имъ два дня свободныхъ, т. е. субботу и воскресенье, съ тѣмъ однакожь, чтобы въ понедѣльникъ, съ утра, каждый приводилъ еще по одному рабочему на одинъ день. Такимъ образомъ пополняется одинъ нерабочій день. Если въ семьѣ двѣ души—мужъ и жена, то кто нибудь изъ нихъ служитъ пригономъ только два дня въ недѣлю, а остальное время семейство работаетъ на себя.

Секретъ обработки земли состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно меньше ее вспахивать, почти по поверхности, снимая верхній слой. Это замѣчено во всѣхъ здѣшнихъ мѣстахъ. А въ Грузіи на оборотъ—чѣмъ глубже пашутъ, тѣмъ больше и лучше урожай.

Сбытъ мѣстнаго хлопка изъ Орпири—въ руки армянъ, которые уже оптомъ отправляютъ его въ мѣста, болѣе выгодныя для нихъ; продавцы-же, мелкопомѣстные князьки, находятъ удовольствіе разъѣзжать по ярмаркѣ верхами, въ своихъ блестящихъ серебромъ шитыхъ нарядахъ,—и нерѣдко вырученный ими отъ продажи капиталъ остается въ рукахъ хитрыхъ торговцевъ или шулеровъ.

Туземцы предпочитаютъ вознѣ съ засѣвами—перевозку тяжестей на каюкахъ *): засѣявъ что имъ вздумается, они оставляютъ все на произволъ судьбы и берутся за каюки. Незначительная глубина во многихъ мѣстахъ, и послѣ каждаго наводненія непремѣнныя карчи, задерживаютъ на нѣкоторое время пароходство по Ріону, замѣняемое каюками, до которыхъ большіе охотники старые торгаши, не любящіе нововведеній.

При сильныхъ восточныхъ вѣтрахъ вода въ Ріонѣ мельчаетъ такъ, что пароходъ не можетъ ходить; но въ половодье совершаетъ правильные рейсы, начинающіеся съ половины февраля включительно до іюля. Остальное время водное сообщеніе посредствомъ каюковъ, и то съ трудомъ.

Неправильность сообщенія по Ріону задерживаетъ на почтѣ пересылочныя деньги. Въ одно время, за три почты собралось пересылочнаго капиталу 200 тысячъ рублей. Что если это—жалованье войскамъ, или какія нибудь экстренныя деньги? Во всякомъ случаѣ—частныя лица страдаютъ больше.

Ледникъ Ріона на высотѣ 6,500 ф. надъ уровнемъ

*) Каюкъ имѣетъ три сажени длины и два аршина въ самомъ широкомъ мѣстѣ; это выдолбленное дерево, съ которымъ ловко управляются туземные гребцы. Конструкція, какъ видите, допотопная.

моря; а начало его (Ріона) при сліяніи двухъ рѣчекъ: Геби и Глолы, выбѣгающихъ изъ подошвъ горъ Пасъмты и Сонгута-хохъ, на высотѣ 3,709 ф. Принявъ у мѣстечка Они съ лѣвой стороны Джаджору, мчится онъ по Рачинскому уѣзду почти параллельно главному кавказскому хребту, а отъ селенія Саирмо круто поворачиваетъ на югъ; со впаденіемъ Квирилы за Кутаисомъ Ріонъ снова обращается на западъ и, принявъ Губисъ-Цкале, идетъ величественно, ровно, но быстро къ Черному морю.

По тріангуляціи Ходзько и Абиха, высота Ріона, у его начала, 3,709 футовъ; до мѣстечка Они онъ надаетъ на 2,800 ф.;—у Кутаиса 473 (по Абиху);—у поста Губисъ-Цкальскаго 203;—при Морани 67 ф. Изъ чего видно, что отъ Они, на протяженіи 120 верстъ Ріонъ падаетъ на 2,350 ф.; отъ Морани-же до устья, на 80 верстахъ, паденіе его только 62 фута. Вотъ причина, что Ріонъ въ безводіе здѣсь плавенъ, а въ половодіе величественъ и грозенъ.

Жители Рачи, спуская по немъ плоты въ Кутаисъ, подвергаются страшной опасности. Воды Ріона, смывая верхніе слои земли, образовали буквально каменное дно изъ булыжника, крупныхъ каменьевъ и цѣлыхъ пластовъ гранита; деревья, вырываемыя съ корнями, быстро несутся по теченію къ морю, и часто задѣвая за подмытый пластъ гранита, застрѣваютъ и засоряютъ фарватеръ рѣки,—тогда спущенный плотъ, натолкнувшись на нихъ, дѣлается жертвою бѣшеныхъ волнъ. Въ нѣсколько минутъ изъ него дѣлаются подвижныя рогатки; затѣмъ трескъ, ломъ—и все мчится далѣе уродливою массою. Рѣдкій случай, чтобы кто могъ спастись отъ смерти. Я держусь того-же мнѣнія, какъ и многіе: очистка береговъ отъ лѣсу прекратитъ это зло и сохранитъ жизнь нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, а можетъ быть и тысячъ! Если-же это средство, по какимъ нибудь даннымъ, окажется неудобнымъ, то предлагаю мое мнѣніе: во время нормальнаго теченія Ріона, дробить огромные камни, подмытые водою; а если гдѣ окажется это невозможнымъ, то подмытое мѣсто заложить каменьями, въ такомъ порядкѣ, чтобы дно представляло ровный уклонъ. Тогда несущіяся деревья, хотя и будутъ касаться дна, но, по быстротѣ воды, не застрянутъ.

Во время разлива всѣ воды съ хребтовъ Кавказскаго, Мосхійскаго и Ваханскаго мчатся въ Ріонъ, дѣлая изъ него грозный потокъ, истребляющій все встрѣтившееся ему на пути; даже и дома нерѣдко бываютъ его добычей. Въ то-же время и всѣ рѣки въ равнинахъ дѣлаются судоходными. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ—съ правой стороны: Цхенисъ-Цкале, Абаша, Тихуръ и Цива; съ лѣвой—Джаджора и Квирила. Въ 15 — 16 верстахъ отъ моря, Ріонъ соединяется каналомъ и р. Цивою съ рѣкою Хопи, впадающею въ море у Редутъ-Кале. Остальныя рѣки: Ингуръ, Пичора и Супса текутъ прямо въ море.

Проѣзжая изъ Кутаиса черезъ мостъ, каждый заинтересуется теченіемъ Ріона во всякое время года, и преимущественно въ половодіе. Прорывъ себѣ путь въ мѣстахъ менѣе сопротивляющихся ему, онъ вьется змѣей, то описываетъ полукружія, то мечетъ свои пѣнистыя волны по зигзагамъ кремнистыхъ скалъ и наконецъ, сжатый между ними, покрывается огромными клубами сѣроватой пѣны, мчится съ дикимъ оглушительнымъ ревомъ—и вырвавшись на просторъ, сердито несетъ свою добычу въ дань Черному морю.

Просторъ ему въ Орпири. Здѣсь Ріонъ изъ буйнаго и свирѣпаго является спокойнымъ, величественнымъ—и простирая свою могущественную длань, мимоходомъ, захватываетъ все попавшееся ему на встрѣчу.

Съ первыхъ чиселъ февраля 1864 года сѣверный вѣтеръ сталъ слабѣть, а съ 6-го окончательно затихъ; термометръ съ 14 градусовъ мороза 7-го числа поднялся на точку замерзанія, а 8-го показывалъ уже 7 градусовъ тепла. Причина такой быстрой перемѣны—юго-восточный токъ въ атмосферѣ, при чемъ ощущается стремительный тепло влажный вѣтеръ. Дѣйствіе его было такъ сильно, что въ продолженіи 4-хъ дней почти весь снѣгъ, покрывавшій горы на 4½ аршина, а долины Имеретіи на 3 арш., растаялъ. Мѣстные жители тревожно посматривали на такое явленіе и по нѣскольку разъ въ день справлялись о прибыли воды въ Ріонѣ, который въ продолженіе трехъ дней поднялся на 10 футовъ, а на четвертый выступилъ изъ береговъ. Наводненіе было такъ сильно, что за исключеніемъ таможни и пороховаго погреба—все было въ водѣ.

Команда, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій начальства, была размѣщена по квартирамъ у скопцовъ; а лошади, походныя тяжести и прочее хозяйство находились въ сараѣ.

Съ 12 на 13 число февраля поднялась ночью тревога; вѣстовой мой вбѣжалъ ко мнѣ съ вытянутой физіономіею и весь мокрый, со словами:—«Ваше благородіе, потопъ пришелъ!» Успокоивъ его, я принялся съ нимъ перетаскивать вещи на чердакъ—и только взобрался съ послѣднею вещью, какъ въ дверь хлынула вода. Опасность разогнала сонъ. Я, со свѣчею въ рукахъ, слѣдилъ съ лѣстницы, какъ прибываетъ вода. Не больше какъ черезъ часъ времени—мебель моя уже разгуливала по комнатамъ, и вода достигла до пятой ступени.

Вѣстовой мой былъ обстрѣленный саперъ, но тутъ не шутя призадумался.—«Ваше благородіе, вотъ въ какую погибельную сторону насъ пригнали, ворчалъ онъ,—пускай бы ужь въ походѣ татарская пуля, али тамъ шашка што-лича сразила тебя... а то, вишь, смерть-то какая навязывается». Крикъ, шумъ, плескъ волнъ, ржаніе лошадей и мычаніе коровъ—все усиливало его безпокойство. Но я, всмотрѣвшись, что вода выше пятой ступени не поднимается, заботился только о томъ чтобы не простудиться, и, закутавшись плотнѣе, подъ дуэтъ кошекъ, распѣвающихъ на крышѣ, дремалъ около слуховаго окна; а компаньонъ мой, забравшись за трубу, до самаго разсвѣта молился и усердно клалъ земные поклоны.

Съ разсвѣтомъ я освидѣтельствовалъ лѣстницу и нашелъ, что воды не прибавилось; а въ комнатахъ моихъ появились гости—двѣ собаченки, расположившіяся на кухонномъ столѣ. Онѣ взобрались туда черезъ разбитое окно, и отъ мокроты и холода дрожали и визжали. Вѣстовой мой какъ-то ухитрился спасти ихъ отъ потопленія.

Набѣжавшія было тучи скрылись, и величественно-дружелюбное солнце обрадовало насъ своимъ выходомъ. Хоть и грустная, но интересная картина представилась мнѣ: вся равнина, залитая водою, напоминала море, въ спокойномъ его видѣ; дискъ солнца озарилъ поверхность воды золотымъ блескомъ и наконецъ освѣтилъ строенія, высматривающія изъ воды, на крышахъ которыхъ лѣпился народъ; на нѣкоторыхъ деревьяхъ вмѣсто птицъ гнѣздились и солдаты мои, и женскія юбки; услужливые каюки сновали взадъ и впередъ

подъ искуснымъ управленіемъ имеретинцевъ, съ съѣстными припасами и для пріема пассажировъ; то вдругъ несутся по Ріону крыша или цѣлый срубъ строенія, бревна, бочки, ящики и тому подобное. Гдѣ раздается плачъ, а гдѣ и хохотъ.—Послѣдній относился именно къ солдатамъ. Они, не смотря на опасность, острили другъ надъ другомъ:—«эй, ты фазанъ! сказалъ брюнетъ одному красноволосому солдату,—давно-ли гнѣздышко свилъ?» — «Молчи, воронъ, отвѣчаетъ ему фазанъ,—смотри, чтобъ не подмочило дѣтятъ - чертенятъ (патроновъ)!—«Эй, горобецъ (воробей)! а что ты видѣлъ во снѣ?»—«А вотъ что, скворецъ: представилось мнѣ со сну, что сѣлъ я на сосну; а и дался-жь я диву, какъ пришлось лѣзть на иву».—А вонъ два солдатика усѣвшись на двухъ противоположныхъ сукахъ и покачиваясь, какъ будто на волнахъ, затянули: «Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ». И смотрятъ на нихъ скопцы и бормочутъ про себя:—«Антихристы, какъ есть Антихристы!»

И мой вѣстовой повеселѣлъ смотря на нихъ. Вообще солдаты въ кучкѣ не только равнодушны ко всѣмъ опасностямъ, но и готовы смѣяться передъ самою смертію,—и вспомнишь пословицу: «На людяхъ и смерть красна».

Отдавая приказанія съ крыши, я озаботился, чтобъ сварили людямъ пищу и перевели казенныхъ лошадей туда, гдѣ меньше воды. Къ тремъ часамъ по-полудни вода на столько пала, что солдаты могли ходить въ походныхъ сапогахъ и цѣлой вереницей потянулись съ котелками за пищей по водѣ, не упустивъ случая и тутъ подтрунить — на вопросъ мой: — «Куда вы молодцы?»—«Да, вотъ, ваше благородіе, нарядили черпать воду»; а другіе, чтобъ я не принялъ за насмѣшку надъ пищей, добавили:—«Въ море Окіянъ»!

Падавшій безпрерывно снѣгъ въ продолженіи 38 дней оставилъ по себѣ память въ жителяхъ. Въ Кутаисѣ онъ повредилъ нѣсколько кровель, а въ недостроенномъ зданіи института окончательно раздавилъ всю желѣзную крышу, сдѣлавъ ущербъ на нѣсколько тысячъ; на фермѣ, отъ наводненія, погибло 15 человѣкъ рабочихъ; въ окрестностяхъ его, въ деревняхъ по лѣности жителей, или по неопытности—они не сметали снѣга съ крышъ—задавлено обвалившимися кровлями 40 человѣкъ; кромѣ того пропало огромное количество разнаго скота, а въ Орпири повреждено нѣсколько зданій; попорчено и снесено много товаровъ, домашней утвари, птицъ и нѣсколько штукъ рогатаго скота.

Выдержавъ почти сутки, вода вошла въ берега. Погода установилась; начались міазмы, а съ ними и лихорадки.—Ежедневно заболѣвало по нѣсколько человѣкъ солдатъ—число ихъ доходило до 15-ти въ сутки; но съ помощію хины, которую я приказалъ давать на водкѣ, кое-какъ отъ нея отдѣлывались.

По словамъ туземныхъ старожиловъ, наводненія Ріона періодически повторяются черезъ каждыя 20 лѣтъ. Нѣкоторые старики помнятъ еще съ дѣтства грозные наплывы водъ, покрывавшіе все мѣстечко Орпири, и продолжавшіеся иногда до двухъ сутокъ. Потомъ, черезъ двадцать лѣтъ, страшныя наводненія повторялись сряду три года, только ужь въ меньшихъ размѣрахъ противъ перваго и держались около полутора сутокъ. Затѣмъ, черезъ слѣдующія двадцать лѣтъ, то-есть настоящія наводненія, не представляютъ уже столько опасности какъ прежнія, и нѣкоторыя мѣста въ Орпири совсѣмъ не покрываются водою и разливъ держится менѣе сутокъ. Уменьшеніе наплыва водъ происходитъ, какъ они полагаютъ, отъ замѣтно прибавившейся глубины русла Ріона и другихъ рѣкъ. Есть надежда, что, съ развитіемъ торговли и съ помощію рукъ человѣческихъ, берега Ріона возвысятся, улицы вымостятся—и Орпири, съ углубленіемъ русла рѣки, не будетъ подвергаться разорительнымъ наводненіямъ и, со временемъ, займетъ не послѣднее мѣсто въ торговомъ свѣтѣ.

И такъ, день-за-день, дотянули мы безъ особыхъ приключеній и до ротнаго праздника. Въ Орпири была деревянная часовня. Не было у насъ священника; но былъ между нами, конечно, іерей по чину Мельхиседека, *вездѣ сый и вся исполняяй*.

Въ этотъ день, по обыкновенію, принятому вообще въ войскахъ, приготовляется угощеніе солдатамъ. Команда стояла уже во фронтѣ, съ довольными и праздничными физіономіями, близь сарая, въ которомъ были приготовлены столы накрытые парусинами изъ солдатскихъ дачекъ и уставленные портеромъ, винами, водкою съ корицей и гвоздикой, разными пирогами, яйцами, ветчиною и бараниною—все это на хорошихъ блюдахъ и фаянсовыхъ тарелкахъ, — откуда что взялось! салфетокъ, вилокъ и ножей было въ изобиліи, на нѣсколько человѣкъ. Выпитая мною чарка водки изъ ведра, была началомъ праздника. Черезъ два часа времени, команда раздѣлилась на нѣсколько кружковъ, и долго, до полуночи, слышались разудалыя русскія пѣсенки и гармоническіе звуки самодѣльной скрипки, съ притопываніемъ подъ кадансъ тропака.

П. Бугайскій.

Три дня изъ жизни въ деревнѣ періода свайныхъ построекъ.

(*Окончаніе*).

Гастрономическіе вкусы жителей свайныхъ деревень и кулинарныя тайны ихъ хозяекъ нѣсколько отличались отъ нашихъ вкусовъ. Кромѣ упомянутыхъ мучныхъ лепешекъ и просяной каши, главную ихъ пищу составляла рыба и дичь. Считалось ли это особеннымъ лакомствомъ или дѣлалось изъ бережливости, но большія кости животныхъ всегда разламывались, чтобы достать содержащійся въ нихъ мозгъ. Отъ черепа прежде всего отбивалась личная часть, и такимъ образомъ легко добывался головной мозгъ; отъ нижней челюсти отнимались, особеннымъ способомъ, суставныя головки, чтобы достать изъ нихъ мозгъ. Къ рыбѣ и мучнымъ лепешкамъ надо еще прибавить водяные или плавающіе орѣхи, изчезнувшіе теперь изъ швейцарскихъ озеръ, потомъ нѣкоторыя лѣсныя ягоды, сухіе и свѣжіе плоды. Въ тинѣ, изъ-подъ половъ бывшихъ хижинъ, находили множество сѣмячекъ малины и ежевики, а также косточки терну, сладкихъ вишень и черемуховыя. Между глиняными черепками нашлось много сушеныхъ лѣсныхъ яблокъ, такъ-называемыхъ кислушекъ, каждое разрѣзанное пополамъ; изъ этого заключили, что эти сокровища сберегались впрокъ, можетъ-быть въ отдѣль-

ныхъ маленькихъ чуланчикахъ. Жаркое изъ лисьяго мяса съ кислушками! Кому случалось когда нибудь нечаянно отвѣдать одну изъ этихъ кислушекъ, того проберетъ дрожь при мысли о такомъ лакомствѣ, хотя бы лисьяго мяса онъ и сроду не нюхалъ! Куръ у нихъ не было, должно быть они не знали и докучливыхъ гостей—крысъ и мышей; кошки не найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ.

Одною изъ самыхъ важныхъ отраслей женскаго труда были приготовленіе и обработка льна. Найденные образцы этого льна соотвѣтствуютъ скорѣе горному льну, чѣмъ тому, который обработывается у насъ. Конопли не встрѣчается вовсе. Веретена дѣлались изъ на постилки, одѣяла, а можетъ быть онѣ употреблялись и для одежды. При туалетѣ и тогда уже употреблялись гребни изъ оленьяго рога; просверленные пестрые камешки, медвѣжьи зубы и т. п. служили украшеніемъ.

Такъ какъ зимніе вечера тянулись и въ свайныхъ деревняхъ такъ же олго какъ и у насъ, а занятіе пряжей было въ большомъ ходу, то вѣроятно здѣсь уже было положено начало вечеринкамъ за пряжей. Что говорилось на этихъ вечеринкахъ, какія пѣсни пѣлись—все это осталось неизвѣстнымъ для потомства.

Третій день.

Въ Патшельгаузенѣ, послѣдней изъ свайныхъ де-

Пожаръ въ свайной деревнѣ.

глины въ формѣ двойнаго конуса, который быстро вертѣли за одинъ кончикъ пальцами, давая ему такимъ образомъ движеніе на подобіе того, какъ вертится волчокъ. Такъ пряли еще въ средніе вѣка, пока не была изобрѣтена самопрялка. Изъ пряжи женщины сучили нитки и вязали изъ нихъ рыбацкія сѣти, такія же, какія употребляются обыкновенно и теперь.

Тканьемъ тоже занимались женщины, тѣмъ самымъ способомъ, какой и теперь еще въ употребленіи на Ферерскихъ островахъ. Ряды нитокъ натягивались вертикально; внизу они прикрѣплялись къ глиняннымъ гирямъ съ продѣланными въ нихъ дырочками; гири эти туго натягивали нитки. Пять палокъ составляли весь ткацкій станокъ; съ помощію одной палки безъ челнока, одной рукой, нитки продергивались такъ крѣпко, что выходила довольно порядочная ткань. Также изъ липоваго лыка плели женщины рогожки, которыя шли ревень, лежавшей на серединѣ Гинтервальденскаго озера, замѣтно сильное движеніе; случилось что-нибудь особенное, чтó взволновало всѣ умы. Долгая, суровая зима приближалась къ концу; много надѣлала она горя, много потребовала жертвъ. У кого распухли ноги, кому покоя не было отъ ломоты во всемъ тѣлѣ; запасы истощились, ѣсть нечего. Даже самыя сваи въ нѣкоторыхъ хижинахъ повреждены льдомъ. Всѣхъ болѣе покосилась одна хижина на краю деревни, и каждую минуту грозила обрушиться. По этому случаю вдова, которой принадлежала избушка, первая пошла съ своей дочерью на вечеринку пряхъ, на другой конецъ деревни. Немного погодя, вся горница наполнилась народомъ, и молодыя дѣвушки и пожилыя женщины собрались сюда съ своими веретенами. Но на этотъ разъ языки ихъ вертѣлись быстрѣе веретена. Молоденькая Шникелинхенъ, дочь упомянутой вдовы, была царицей вечера. Ея женихъ, охотникъ Лау-

ферумъ, пустившійся странствовать и безъ вести пропадавшій полгода, вернулся домой. Онъ уходилъ далеко, далеко, насмотрѣлся разныхъ диковинокъ и принесъ такія вещи, что и повѣрить-то нельзя—кто самъ своими глазами не видѣлъ. Сегодня же вечеромъ соберутся всѣ у старшаго рыбака и деревенскаго старшины; тамъ будутъ обсуживать самыя важныя дѣла. Дѣвушки окружили счастливую невѣсту охотника и засыпали ее вопросами, что́ же принесъ ей ея возлюбленный изъ долгаго, чудеснаго путешествія; можетъ-быть янтарное ожерелье, или не уборъ ли изъ разноцвѣтныхъ блестящихъ стеклышекъ, или—чего добраго—дорогой бронзовый браслетъ?.. Но ничего подобнаго не показала невѣста; вмѣсто всякихъ украшеній, вдругъ она вынула — желѣзную швейную иголку! Въ Патшельгаузенѣ это была первая представительница игольнаго рода. Ее привѣтствовали громкими восклицаніями. До сихъ поръ для шитья пробавлялись, съ горемъ-пополамъ, рыбными костьми, каменными осколками, заостренными костями; по слухамъ только знали, что тамъ, на твердой землѣ, княжескія дочери шьютъ бронзовыми иголками, а теперь въ рукахъ бѣдной дѣвушки блестѣла полированная желѣзная иголка; бѣдная дѣвушка вдругъ сдѣлалась первой богачкой во всей деревнѣ. Драгоцѣнная иголка переходила изъ рукъ въ руки, какъ какой-нибудь рѣдкостный брильянтовый перстень, стоящій цѣлаго царства.

— Знаете что? таинственно проговорила счастливая обладательница иголки собравшемуся вокругъ нея кружку, —знаете, вѣдь у васъ у всѣхъ будутъ такія иглы, если послушаютъ того, что сокровище мое говоритъ теперь старшинѣ. Онъ хотѣлъ сказать ему, что намъ всѣмъ надо перебираться на твердую землю. Тогда, будущимъ лѣтомъ, пріѣдетъ къ намъ туда купецъ съ вьючной лошадью и осломъ и привезетъ много иголокъ и разныхъ другихъ вещей, еще лучше. Сюда, на наши сваи, онъ не поѣдетъ; вѣдь что же онъ здѣсь увидитъ кромѣ протухлой рыбы!

И дѣйствительно, охотникъ Лауферумъ былъ въ этотъ вечеръ на наводной сходкѣ у старшины Ункериха. Уже давно въ деревнѣ обозначались двѣ партіи. Двое молодцовъ, бобыль Краббеликъ и доильщикъ Бруммеранъ, вмѣстѣ съ возвратившимся охотникомъ, стояли во главѣ молодежи, лозунгомъ которой было: «Долой съ воды, на твердую землю!» Старики, предводительствуемые старшиной Ункерихомъ, старымъ рыбакомъ Неймондомъ и каменотесомъ Шнарпфенъ, составляли водяную партію, партію людей добраго стараго времени свайныхъ построекъ. Они-то и задерживали переселеніе на твердую землю и отклоняли всякія нововведенія. Теперь, съ началомъ весны, снова поднялся вопросъ о переселеніи—и молодое поколѣніе шумно и горячо поддерживало его.

Старикъ Неймондъ обратился къ собранію съ слѣдующей рѣчью: «Почтенные товарищи, позвольте мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ напомнить вамъ, какое значеніе имѣетъ для всѣхъ насъ наша возлюбленная родина. Когда наши предки пришли съ далекаго востока на зеленые берега этого озера, здѣсь жило отвратительное племя людоѣдовъ; это были существа свирѣпѣе медвѣдей и хищныхъ волковъ, страшнѣе носороговъ и слоновъ, первобытныхъ быковъ, великановъ-оленей и лосей, жителей болотистаго лѣса. Плохо приходилось тому несчастному, который попадался въ ихъ руки. Противъ этихъ чудовищъ не помогали ни копья съ острыми кремнями, ни сѣкиры, ни стрѣлы; даже острые ножи, драгоцѣнное наслѣдство, вынесенное нами изъ нашего далекаго отечества, были безсильны противъ нихъ. Одно могло помочь — бѣгство на воду. Патшельгаузенъ былъ нашимъ спасеніемъ отъ людоѣдовъ и другихъ ужасовъ дикой пустыни! Тутъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды сіяютъ для насъ вдвойнѣ — съ неба и изъ свѣтлой, прозрачной глубины водъ. Кто же изъ насъ, въ угоду безпокойнымъ людямъ, измѣнитъ своимъ хижинамъ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ свѣтъ, и спасительному озеру, которое плескомъ своихъ волнъ убаюкивало насъ въ колыбели?! Я съ своей семьей остаюсь здѣсь, пока хоть одна свая возвышается надъ водою!» Одобрительные возгласы стариковъ отвѣчали на его рѣчь.

Теперь возвысилъ свой голосъ молодой охотникъ. «Шесть мѣсяцевъ тому назадъ,—началъ онъ,—я съ моимъ копьемъ и добрымъ моимъ псомъ, Кривоножкой, пошолъ на охоту. Я хотѣлъ во что бы то ни стало наготовить зимнихъ запасовъ, потому-что тяжелое зимнее время ужь стучалось въ дверь. Цѣлыхъ три дня, какъ лиса, сновалъ я по всѣмъ горнымъ ущельямъ,—и хоть бы одинъ слѣдъ какого нибудь звѣря попался мнѣ на глаза; всѣ большіе звѣри вывелись, немногія оставшіяся олени и серны пугливы какъ галки. Лоси давно вымерли. Съ тѣхъ поръ какъ наши сосѣди, тамъ на твердой землѣ, завели у себя бронзовое оружіе, буйволы и зубры исчезаютъ. Даже и старымъ медвѣдямъ не по вкусу пришелся лѣсъ, они забрались на верхъ, въ ледяныя пропасти,—намъ не остается и кончика хвоста какого-нибудь хорошаго звѣря. При свѣтѣ мѣсяца далъ я клятву не возвращаться домой съ пустыми руками. Я хотѣлъ разомъ положить конецъ нуждѣ моего семейства и насмѣшкамъ старыхъ рыболововъ. Итакъ, я неутомимо шелъ все дальше да дальше, ѣлъ дикія коренья чтобъ не умереть съ голода, не помнилъ себя отъ радости, когда мнѣ удавалось поймать дикаго сыча, и съѣдалъ его съ кожей и перьями. На четвертое утро морозъ рано поднялъ меня на ноги. Густой туманъ стоялъ въ лѣсу. Я продрогъ, былъ голоденъ—и съ озлобленіемъ быстро пошелъ впередъ. Около полудня я пришелъ къ концу лѣса. Вѣтеръ разнесъ туманъ, и я увидѣлъ передъ собой землю, какой никогда еще не видывалъ! На берегу большаго озера лежали деревня возлѣ деревни; дома въ нихъ выстроены изъ камня, крыши покрыты камышомъ и досками. На поляхъ кругомъ колыхались посѣвы. Люди тамъ были веселы, хорошо одѣты, съ толстыми красными щеками; въ домахъ полная чаша; въ хлѣвахъ множество скота. Какъ разъ въ ту минуту, когда я входилъ въ деревню, старый и малый бѣжали къ одному мѣсту подъ высокимъ деревомъ. Тамъ остановился торговецъ, пріѣхавшій изъ далекой-далекой земли. Онъ развязалъ свои сокровища: желтыя пряжки и кольца, блестящія стеклянныя украшенія, сосуды для питья,—но что меня больше всего поразило—это иголки и другія вещи изъ одного новаго вещества, *желѣза!* Вы не знаете, что́ такое желѣзо? Вотъ, посмотрите!» Съ этими словами охотникъ показалъ вещи, которыя до тѣхъ поръ тщательно скрывалъ подъ одеждой—блестящій сошникъ и острый мечъ. Они сіяли какъ мѣсяцъ и солнце при свѣтѣ сосновой лучины, скудно освѣщавшей комнату.

Онъ подробно объяснилъ пораженнымъ удивленіемъ зрителямъ, къ чему служатъ обѣ вещи,—показалъ, какъ самое лучшее каменное оружіе ничего не значитъ въ сравненіи съ желѣзнымъ,—разсказалъ, какъ сошникъ вдѣлывается въ деревянную оправу и какъ его везутъ потомъ животныя, и за тѣмъ продолжалъ свою рѣчь. «У

меня у бѣдняка,—говорилъ онъ,—ничего не было, чтобы предложить въ обмѣнъ за какую нибудь драгоцѣнность, и я предложилъ купцу самого себя въ качествѣ проводника и слуги. Я поѣхалъ съ нимъ въ его отечество, видѣлъ, какъ тамъ добываютъ изъ горъ желѣзо, какъ его плавятъ, потомъ даютъ ему молоткомъ какую надо форму, и какъ оно раскаляется подъ ударами молотка и твердѣетъ. Послушайтесь моего совѣта, бросьте вы это гнилое болото. Постройтесь тамъ, на твердой землѣ. Держите тамъ больше скота, онъ будетъ васъ кормить и удобрять ваши поля. Вы будете тогда такъ же сыты, какъ теперь голодны. Дѣти ваши будутъ прыгать по цвѣтамъ вмѣстѣ съ молодыми козочками, а не дѣлаться добычей коварной русалки, при малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ. А будутъ у васъ избытки—къ вамъ пріѣдетъ иностранный купецъ, привезетъ вашимъ женамъ хорошіе наряды и блестящія желѣзныя иголки, ножницы которыя рѣжутъ лучше самаго остраго ножа. Вамъ, мужчинамъ, привезетъ онъ желѣзныя острія къ пикамъ и стрѣламъ, мечи еще лучше этого. Когда мы будемъ вооружены, посмотримъ, кто осмѣлится бранить насъ какъ теперь «болотными шлендами» и «лягушками!» Я первый завтра же ухожу отсюда. Пускай разваливается моя старая лачуга, я не стану ее поправлять. Кто держитъ мою руку, пусть идетъ со мной». Въ отвѣтъ на это раздались со всѣхъ сторонъ яростные крики. Старики обвиняли охотника въ бунтѣ и требовали строгаго наказанія. «Пускай себѣ идетъ», кричалъ старшина, «но напередъ онъ долженъ поправить хижину своей невѣсты и вбить три новыя сваи къ мосткамъ, какъ слѣдуетъ по закону,—не то община ни подъ какимъ видомъ не позволитъ ему увести дѣвушку изъ деревни». Больше всѣхъ былъ раздраженъ противъ неслыханныхъ нововведеній каменотесъ, — значитъ: всѣ его каменныя произведенія теряютъ теперь цѣну, благодаря желѣзу, этому гнусному изобрѣтенію злыхъ духовъ. Кто знаетъ, чѣмъ бы могла кончиться эта сцена? Въ комнатѣ уже тѣснились женщины, стараясь примирить враждующихъ, вдругъ среди этой суматохи раздался страшный крикъ: «Тушите огни! Гдѣ-то пожаръ! По домамъ, по домамъ!» Едва испуганный народъ началъ расходиться, какъ съ другаго конца деревни раздались крики о пожарѣ. Уже занялась соломенная крыша одной хижины. Вѣтеръ разносилъ горящія головешки; каждая падавшая искра превращалась въ пламя. Нѣкоторые не успѣли еще дойти до своихъ домовъ, чтобы спасти спящихъ дѣтей и свое имущество, какъ все было поглощено моремъ огня. Въ темнотѣ ночи раскаленные столбы дыма и яркое пламя огненныхъ столбовъ поднимались къ небу, подгоняемые бѣшеными взрывами разгулявшейся бури. Съ озера волны ударялись о сваи, бѣлая пѣна заливала мостки, единственный путь къ спасенію. Огонь, воздухъ и вода, словно вошли въ союзъ противъ несчастныхъ; только земля могла дать имъ спасеніе и пріютъ. Высшая сила быстро рѣшила споръ двухъ партій. Слово «земля!» стало теперь общимъ лозунгомъ для всѣхъ. Спасшіеся выстроились на твердой землѣ и принялись переворачивать желѣзомъ непокорную почву.

До тѣхъ поръ главными средствами существованія служила невѣрная добыча на охотѣ и рыбная ловля, а хлѣбопашество и скотоводство были только вспомогательными средствами; теперь же, при помощи желѣза, условія совершенно измѣнились. Въ хижинахъ явилось благосостояніе и избытокъ,—тогда пріѣхалъ и иностранный купецъ. Онъ привезъ много нарядовъ и новыхъ орудій. Въ мужскихъ рукахъ, вмѣсто коротенькихъ пилъ изъ дерева и кремня, появились желѣзныя пилы; желѣзные буравчики замѣнили прежніе, которые выдѣлывались съ такимъ трудомъ изъ костей; рыбу стали ловить желѣзными крючками; желѣзные заступы, топоры, лопаты, служили при работахъ дома и въ полѣ. Еще одну драгоцѣнность привезъ купецъ—это сѣмена лучшихъ плодовъ, овощей и кореньевъ. Тогда ужъ вышли въ отставку котлеты изъ лисьяго мяса съ кислушками. Мясныя клецки и рубцы завладѣли правомъ гражданства; вмѣсто полусгнившей рыбы, которую вѣшали прежде на веревкахъ вокругъ хижинъ, теперь въ огородахъ около домовъ запахло тминомъ и розмариномъ, шалфеемъ и лавандой. Хотя во время безпорядочнаго бѣгства въ ту ужасную ночь много было всего перебито, но все-таки каждый спасъ кое-что изъ своего добра, и черезъ нѣсколько лѣтъ забыли всѣ убытки; выгода новаго положенія была слишкомъ очевидна. Старымъ защитникамъ воды оставалась утѣха ловить рыбу сколько душѣ угодно; со временемъ даже расчистили сгорѣвшую деревню съ ея обгорѣлыми, сгнившими сваями. Въ сказкахъ она превратилась въ «волшебный замокъ» на днѣ глубокаго озера, гдѣ живутъ русалки и водяныя царевны и стерегутъ потонувшее сокровище. Наконецъ въ наше время добрались до нея ученые люди и вывели на свѣтъ Божій ея исторію.

Вагнеръ.

Пума и ея дѣтеныши.

На первый взглядъ покажется очень страннымъ фактомъ, что въ то время какъ вездѣ, на всей поверхности земли, не перестаютъ преслѣдовать, ловить и убивать хищныхъ звѣрей, словомъ: стараются истреблять ихъ всѣми возможными способами, по мѣрѣ силъ своихъ,—бываютъ случаи, что размноженіе тѣхъ же самыхъ звѣрей вызываетъ въ насъ самыя радостныя чувства, которыя бываютъ къ тому же тѣмъ сильнѣе, чѣмъ опаснѣе звѣрь.

Само собою разумѣется, что это случается въ однихъ только зоологическихъ садахъ. За властелинами животнаго царства ухаживаютъ здѣсь, большею частію, съ самою нѣжною заботливостью, главнымъ образомъ для того, чтобъ эти звѣри могли распложаться. А когда эта цѣль достигнута—и львица, напр., произведетъ дѣтенышей, то этотъ случай становится событіемъ для цѣлаго города. Ни одна изъ выходящихъ тамъ газетъ не забудетъ извѣстить объ этомъ своихъ читателей, а если зоологическій садъ былъ до сихъ поръ въ пренебреженіи у публики, то теперь всѣ, кто только можетъ, стремятся туда, гдѣ разыгрывается піеса подъ заглавіемъ: *мать-львица и ея дѣти.* Почти всегда игры молодыхъ звѣрей (высшихъ породъ) чрезвычайно привлекательны—и въ этомъ отношеніи уже наши домашнія животныя представляютъ собою такое зрѣлище, на которое мы заглядываемся если не такъ часто, то все же не безъ удовольствія. Тѣмъ больше прелести должна заключать въ себѣ для насъ возможность наблюдать проявленія

нѣжныхъ чувствъ—иногда въ высшей степени забавныя—въ такихъ звѣряхъ, которыхъ мы привыкли считать только представителями силы и свирѣпости.

Какое чудесное зрѣлище, котораго я никогда не забуду, доставила мнѣ, напр., львица дрезденскаго зоологическаго сада и четверо ея дѣтенышей, которыхъ она въ первый еще разъ производила на свѣтъ, представлявшіе собою привлекательную картину счастливой семьи. Видимо увлеченная удовлетвореннымъ чувствомъ материнской любви, она почти не сознавала своей неволи—и большее. сравнительно съ прежнимъ, разнообразіе ея движеній дѣлало ее еще прекраснѣе. Ложилась ли она на покой, а ея дѣтеныши, плотно примкнувъ къ ней, собирались вокругъ нея—эта группа въ своемъ пластическомъ покоѣ представляла такое прекрасное зрѣлище, что не только живописецъ избравшій своею спеціальностью изображеніе звѣрей, но и всякій вообще живописецъ и скульпторъ должны были, глядя на нее, ощутить потребность увѣковѣчить посредствомъ своего искусства эту великолѣпную картину. Опрокидывалась ли она на спину, а ея дѣтеныши начинали прыгать на нее и лазить по ней—это зрѣлище опять-таки представляло собою столько драматическаго движенія, столько свѣтлаго наслажденія жизнію, какихъ нельзя было бы и ожидать отъ заключенныхъ на-всю-жизнь звѣрей. Когда же мать-львица, спокойно лежа или сидя не сводя глазъ съ своихъ дѣтей, какъ бы наблюдала за ихъ нескончаемой, въ высшей степени привлекательной борьбой между собою—это зрѣлище уже напоминало о человѣческой семьѣ, потому-что когда по временамъ борящаяся группа начинала представлять собою уже слишкомъ спутанный клубокъ, мать вставала съ своего мѣста съ спокойною важностію и разрѣшала это политическое несогласіе, расталкивая своимъ носомъ шалуновъ въ разныя стороны. Это подавало ей поводъ, вслучаѣ если при подобныхъ играхъ туалетъ дѣтей оказывался слишкомъ уже пострадавшимъ, гладить дѣтскія шкурки, вслѣдствіе чего начиналось долгое лизанье съ соединенными вмѣстѣ съ этимъ оборотами во всевозможныя стороны,—и львенокъ, на долю котораго выпадали подобные заботы и ласки, кончалъ тѣмъ, что употреблялъ всевозможныя усилія, для того чтобъ уйти отъ нихъ. Случалось также, что молодые львята выбирали себѣ для игры свою собственную мать, считая ее, повидимому, какою-то особенною, большою игрушкой. Они дергали ее за уши, за усы, щипали ее за ноги; болѣе же всего терпѣла при этомъ оконечность ея хвоста, вызывавшая своею особенною подвижностію розыгравшихся львенковъ къ новымъ нескончаемымъ нападеніямъ.

У всѣхъ животныхъ кормъ играетъ чрезвычайно важную роль; въ особенности же при раздачѣ корма большимъ хищнымъ звѣрямъ можно хорошо изучить настоящій темпераментъ каждаго изъ нихъ. Поэтому-то при раздавшемся крикѣ служителя: «кормъ! кормъ!» и наступаетъ самая торжественная минута для звѣринца. Само собою разумѣется, что и въ отношеніи нашего львинаго семейства публика очень охотно пользовалась происходившею два раза въ день раздачею корма, для наблюденія надъ матерью и дѣтьми въ тѣхъ новыхъ позахъ, которыя они при этомъ принимали. Съ тѣхъ поръ какъ молодые львята выказали охоту жевать—имъ стали давать мелко-изрубленную телятину поперемѣнно съ кониной, и трогательно было видѣть какъ старая львица, какъ будто бы сознавая, что это мясо назначается главнымъ образомъ для ея дѣтенышей, не касалась его до тѣхъ поръ пока они не наѣдались до-сыта. Мало этого, когда однажды старой львицѣ дали—какъ это дѣлается отъ времени до времени для поддержанія здоровья подобныхъ звѣрей—только-что убитаго, еще теплаго кролика, заперевъ предварительно ея дѣтенышей, для того чтобъ они не мѣшали ей, то нѣжная мать сію же минуту подбѣжала съ кроликомъ въ пасти къ двери отдѣлявшей ее отъ дѣтей, и тыкая имъ въ дверь и безпокойно ходя взадъ и впередъ, выказала какъ нельзя яснѣе, что она вовсе не думаетъ о томъ чтобы съѣсть лакомый кусокъ. Когда же наконецъ дверь отперли и ея дѣтеныши ворвались къ ней, она положила передъ ними кролика. Броситься съ жадностію на кролика и начать за него драку—было для львенковъ дѣломъ одной минуты, пока наконецъ самый сильный изъ нихъ не одержалъ побѣды и не утащилъ своей добычи въ уголъ, гдѣ онъ и съѣлъ ее, не переставая все это время урчать.

Такимъ образомъ, постоянному посѣтителю зоологическаго сада представляется множество всегда новыхъ и всегда интересныхъ сценъ; но я ограничусь описаніемъ одной изъ нихъ. Это произошло въ то время, когда, по случаю наступленія хорошей погоды, львицу вмѣстѣ съ дѣтенышами выпустили въ большую наружную клѣтку, гдѣ они могли пользоваться свѣжимъ воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Когда отворили такъ давно запертую дверь, то все львиное общество чрезвычайно удивилось неожиданно-происшедшему отверстію, котораго тутъ еще не бывало. Но львица сію же минуту безстрашно и рѣшительно подошла къ нему—и чрезвычайно пріятно и смѣшно было видѣть, какъ четверо молодыхъ львятъ, съ робкимъ любопытствомъ и опасеніемъ плотно прижавшись къ ней и тѣсня другъ къ друга, послѣдовали за нею. Львица бросила испытующій взоръ на новое обширное пространство, но въ слѣдующую же минуту она свободно и беззаботно подошла къ нему, все еще въ сопровожденіи своихъ дѣтенышей, не переставшихъ робко жаться къ ней. Достигнувъ середины, эта группа разошлась въ разныя стороны. Львица стала разглядывать и обнюхивать всѣ отдѣльныя части новаго мѣста, тогда какъ львята, еще неспособные, по своей молодости, къ такой осмотрительности, воспользовались имъ для своихъ игръ, и съ истинно дѣтскою страстью начали бѣгать, рѣзвиться и бороться между собою.

Я остановился такъ долго на изображеніи львинаго семейства потому, что первое мѣсто въ животномъ царствѣ все же принадлежитъ льву, а также и потому что, какъ я говорилъ уже, чѣмъ сильнѣе звѣрь, тѣмъ пріятнѣе видѣть въ немъ проявленіе нѣжнаго чувства. Поэтому-то можно смотрѣть какъ на особенно счастливый случай, что изъ большихъ хищныхъ звѣрей, въ особенности кошачей породы, левъ больше всѣхъ другихъ способенъ расплоҗаться въ неволѣ.

Что же касается, напр., до тигра, онъ чрезвычайно рѣдко производитъ въ неволѣ себѣ подобныхъ, чему трудно отыскать причины. Хотя тигрица дрезденскаго зоологическаго сада и разрѣшалась нѣсколько разъ живыми дѣтенышами, но всѣ они черезъ нѣсколько дней умирали, потому что у стораго звѣря не было для нихъ молока. Мнѣ извѣстенъ одинъ, впрочемъ недоказанный примѣръ родившагося и выросшаго въ неволѣ тигра; а ублюдокъ, родившійся въ прежнемъ акенскомъ звѣринцѣ отъ льва и тигрицы и котораго долго показывали потомъ въ крейцбергскомъ звѣринцѣ, представляетъ въ этомъ от-

Пума и ея дѣтеныши.

ношеніи такой же замѣчательный примѣръ. Это животное, самка, имѣло видъ тигра, но цвѣтъ былъ у него львиный, только черноватыя полоски на головѣ указывали на мать, но въ позднѣйшіе годы и они изчезли, такъ-что отъ нихъ не осталось и слѣда.

Замѣчательно, что у множества млекопитающихъ животныхъ дѣтеныши бываютъ гораздо пестрѣе, т. е. у нихъ гораздо больше пятенъ и полосъ, чѣмъ у ихъ родителей. Такимъ образомъ, знаменитый Дарвинъ ставитъ наприм. за правило, что всѣ однокопытные произошли отъ одного и того же вполнѣ-полосатаго животнаго, потому-что и теперь еще у совершенно-неполосатыхъ породъ замѣчаются въ первое время на дѣтенышахъ слѣды полосъ, напр. на переднихъ ногахъ.

Сюда же можно отнести одинъ чрезвычайно интересный примѣръ касательно пумы. Это хотя большое, но сравнительно еще довольно малоизвѣстное животное кошачьей породы—встрѣчается теперь довольно часто въ звѣринцахъ и въ зоологическихъ садахъ, и на него не обращаютъ особеннаго вниманія потому только, что многіе принимаютъ его за небольшую львицу. Въ неволѣ пумы рѣдко водятся парами, а опытъ свести животныхъ одной и той же кошачьей породы, но другаго рода, не всегда удается. Въ гамбургскомъ зоологическомъ саду, со времени основанія его, находится прекраснѣйшая пара этихъ животныхъ, и уже два раза, если не больше, у нихъ были дѣтеныши. Публику, какъ водится всегда и вездѣ, не пускали къ нимъ въ первое время—и они умерли прежде чѣмъ она увидала ихъ. И изъ дѣтенышей втораго помета только одинъ прожилъ три мѣсяца; я не видалъ его, но былъ какъ нельзя лучше вознагражденъ за это, потому-что въ это же самое время дрезденскому зоологическому саду особенно посчастливилось въ томъ отношеніи, что находившаяся тамъ уже нѣсколько лѣтъ самка пумы произвела на свѣтъ троихъ дѣтенышей. И этихъ тоже не показывали, изъ предосторожности, въ первые мѣсяцы публикѣ. Когда же они на столько выросли, что эта предосторожность оказалась излишнею, тогда меня сейчасъ же увѣдомилъ объ этомъ инспекторъ, съ которымъ я былъ очень хорошо знакомъ, и я поспѣшилъ насладиться еще совершенно новымъ для меня зрѣлищемъ. Какъ же я удивился! Въ то время, какъ мать была вся совершенно одинаковаго цвѣта, ея дѣтеныши родились по видимому совсѣмъ не отъ нея: такъ ярко ихъ желто-бурая кожа была испещрена вездѣ большими черными пятнами. Не за молодыхъ пумъ, а скорѣе за молодыхъ ягуаровъ можно было принять этихъ маленькихъ звѣрковъ. Вмѣсто дальнѣйшаго описанія мы попросимъ нашихъ читателей взглянуть на приложенную къ этой статьѣ картинку, которая дастъ ему самое лучшее понятіе объ этомъ интересномъ фактѣ.

Само собою разумѣется, что и здѣсь также повторялись сцены болѣе или менѣе похожія на тѣ, которыя я описывалъ, говоря о львицѣ и ея дѣтенышахъ. Если съ одной стороны то пространство, которое занимали маленькія пумы вмѣстѣ съ своею матерью, было значительно меньше того, которымъ пользовались львы, за то ихъ общежитіе представляло собою совершенно новое явленіе—и вотъ въ какомъ именно отношеніи: такъ-какъ кугуары или пумы—чрезвычайно ловкіе лазуны, то въ клѣтку поставили большой пень, вслѣдствіе чего, когда старая пума вспрыгивала на него, или же ея дитеныши начинали производить свои первые опыты въ искусствѣ лазанья, происходили часто совершенно-неожиданныя новыя сцены, въ родѣ той, о которой даетъ понятіе наша картинка, но изъ которыхъ можетъ быть схвачено художникомъ только одно мгновеніе, даже при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, тогда-какъ главная-то прелесть подобныхъ сценъ и группъ заключается именно въ томъ, что они безпрерывно смѣняются другими.

Если я до сихъ поръ пытался изобразить, какимъ образомъ семейная (если можно такъ выразиться) жизнь хищныхъ звѣрей придаетъ особенную прелесть посѣщенію зоологическаго сада, то вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не сказать, что такіе счастливые результаты разведенія большихъ хищныхъ звѣрей имѣютъ и другую, и притомъ довольно важную сторону для тѣхъ, кто содержитъ подобныя заведенія. Если, какъ я уже говорилъ, зоологическій садъ можетъ предложить публикѣ подобное зрѣлище, то число его посѣтителей все болѣе и болѣе увеличивается и щедро вознаграждаетъ его за бо́льшую затрату корма, которую влечетъ за собою это приращеніе, а между тѣмъ главный-то источникъ дохода—это выручка съ продажи подобныхъ звѣрей, когда они выростутъ. Большіе хищные звѣри всегда находятъ себѣ покупщиковъ, потому-что если большимъ странствующимъ звѣринцамъ трудно устоять подлѣ заведеннаго на мѣстѣ зоологическаго сада, то число маленькихъ звѣринцевъ скорѣе прибавляется, чѣмъ уменьшается, а большіе хищные звѣри и здѣсь играютъ главную роль. Отъ описанной нами выше львицы дрезденскій садъ получилъ уже тринадцать львенковъ (большая часть которыхъ была продана за очень хорошую цѣну) и изъ описанныхъ и изображенныхъ нами пумъ двѣ оставшіяся въ живыхъ пумы; хотя они вѣроятно вслѣдствіе тѣсноты своей клѣтки и не могутъ равняться относительно своего развитія съ дрезденскими львами, но тѣмъ не менѣе давно уже находятся во владѣніи одного содержателя звѣринца—и я ихъ самъ тамъ видѣлъ. Достигнувъ полуторагодоваго возраста, они почти совсѣмъ выросли и были одинаковаго съ матерью цвѣта, безъ всякихъ слѣдовъ черныхъ пятенъ, которыя послѣ трехъ первыхъ мѣсяцевъ все болѣе и болѣе блѣднѣли и исчезали.

Точно также и кёльнскій зоологическій садъ съ выращенными имъ звѣрями—дѣло далеко не пустое. Молодые львы, родящіеся отъ той великолѣпной пары, которою онъ владѣетъ, воспитываются тамъ почти съ такою же увѣренностью, съ какою мы разводимъ обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ, точно такъ же, какъ и въ дрезденскомъ зоологическомъ саду. А въ благопріятные годы въ кёльнскомъ зоологическомъ саду можно встрѣтить и леопардовъ, ягуаровъ и гепардовъ; только въ отношеніи пумъ дрезденскому саду, впервые выростившему этихъ животныхъ, особенно посчастливилось.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
СИСТЕМЫ КАЛЬБО
Л. КАСТИЛЬОНЪ
Коммисіонеръ Военнаго Министерства.
Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
Виллера и Вильсона, Гровера и Беккера, Хау, Зингера, Вилькоха и Гибса и пр отъ **20** р.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д Комарова № 11. (39)—5

ДЛЯ ВСѢХЪ НЕОБХОДИМОЕ.
ГОРЧИЧНАЯ БУМАГА ИЗЪ ЛУЧШЕЙ САРЕПТСКОЙ ГОРЧИЦЫ,
Т. ШМИДЕНА.

Разсмотрѣна и разрѣшена къ продажѣ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Удобство и преимущество этой бумаги, въ сравненіи съ обыкновенными горчичниками, многостороннія. Цѣна умѣренная, а именно:

Дюжина горчичниковъ въ коробкѣ 40 копѣекъ.

Для иногородныхъ высылается чрезъ почту, не менѣе, какъ на 2 рубля

Главный складъ въ магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ гостиномъ дворѣ, по зеркальной линіи, № 39-й, въ С.-Петербургѣ. (10)—1

Безукоризненно хорошихъ фасоновъ и позолоты выполняются теперь на фабрикѣ Александра Качъ бронзовыя издѣлія въ гладкомъ новомъ стилѣ и продаются не дорого въ Магазинѣ **АЛЕКСАНДРА КАЧЪ** на Невскомъ напротивъ Думы въ домѣ Рогова № 36. (5)—1

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЗОНТИКОВЪ
по умѣреннымъ цѣнамъ,

въ токарномъ магазинѣ **А. Миллера**, въ С.-Петербургѣ, въ Большой Мѣщанской № 6 противъ Ломбарда въ домѣ *Глазунова* № 8—10. Принимаютъ тоже заказы для гг. иногородныхъ, тутъ же принимаютъ всякаго рода починку и обмѣниваютъ зонтики. (3)—1

Въ книжномъ магазинѣ К. Н. Плотникова: по Б. Садовой ул. въ д. Пажескаго Е. И. В. Корпуса въ С.-Петербургѣ, поступило въ продажу слѣдующее сочиненіе:

ЗА БАЙКАЛОМЪ И НА АМУРѢ.

Путевыя картины **Д. И. Стахѣева**. Спб. 1869. Ц. 1 р. 75 к.

СОДЕРЖАНІЕ: прибайкальская природа, промышленность и нравы прибрежныхъ жителей; путь отъ Байкала до Кяхты; русская слобода Кяхты и китайскій городъ Маймачинъ; торговая, общественная и частная жизнь китайцевъ и русскихъ; очерки бурятскаго быта, нравы и обычаи бурятъ; путь отъ Кяхты на Амуръ до г. Благовѣщенска; жизнь въ г. Благовѣщенскѣ; плаваніе въ лодкѣ по р. Амуру отъ г. Благовѣщенска до р. Сунгары; жизнь въ амурскихъ казачьихъ станицахъ.

Выписывающіе изъ магазина К. Н. Плотникова за пересылку не прилагаютъ.

Выписка русскихъ книгъ, какъ вновь изданныхъ, такъ и прежде вышедшихъ, по цѣнамъ, объявленнымъ издателями и книгопродавцами. 1—1

Все что нужно въ хозяйствѣ, какъ-то: столовые и чайные приборы, судки, корзинки, маслянки, вещи туалетныя и вообще все что можетъ замѣнить серебро, найдете въ большомъ выборѣ новыхъ формъ и хорошаго качества мельхіора по цѣнамъ весьма умѣреннымъ въ Магазинѣ **АЛЕКСАНДРА КАЧЪ**, на Невскомъ, напротивъ Думы въ домѣ Рогова, № 36. (5)—1

НАСТОЯЩІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
Американской компаніи
ЕЛІАСЪ ГОВЕ
изобрѣтатель швейныхъ машинъ.

TRADE MARK
ELIAS HOWE JR. INVENTOR & MAKER NEW YORK U.S.A.

въ С.-Петербургѣ. Б. Конюшенная, д. Башмакова, | въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту

С. РОБЕРТЪ.
вывшій
ШАРЛІА и РОБЕРТЪ.
главный агентъ для Россіи. (10)—6

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРА
въ С.-Петербургѣ.

На Невск. прос. на углу Малой Садовой прот. Алекс. театра № 56. | На Невск. прос., противъ Гостинаго двора, въ д. Арм. церкви № 42. (10)=2

КОСМЕТИЧЕСКІЙ
ТУАЛЕТНЫЙ УКСУСЪ.

Бальзамическія и освѣжительныя свойства этого уксуса, сдѣлали его незамѣнимымъ въ обыденномъ употребленіи, при дамскомъ и мужскомъ туалетѣ.

ЦѢНА 50 КОП. ЗА ФЛАКОНЪ.

Въ магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ С.-Петербургѣ въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи. № 39. (10)—2

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
ФАБРИКИ ЗИНГЕРА ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ

(The Singer manufacturing Company).

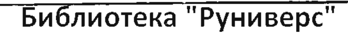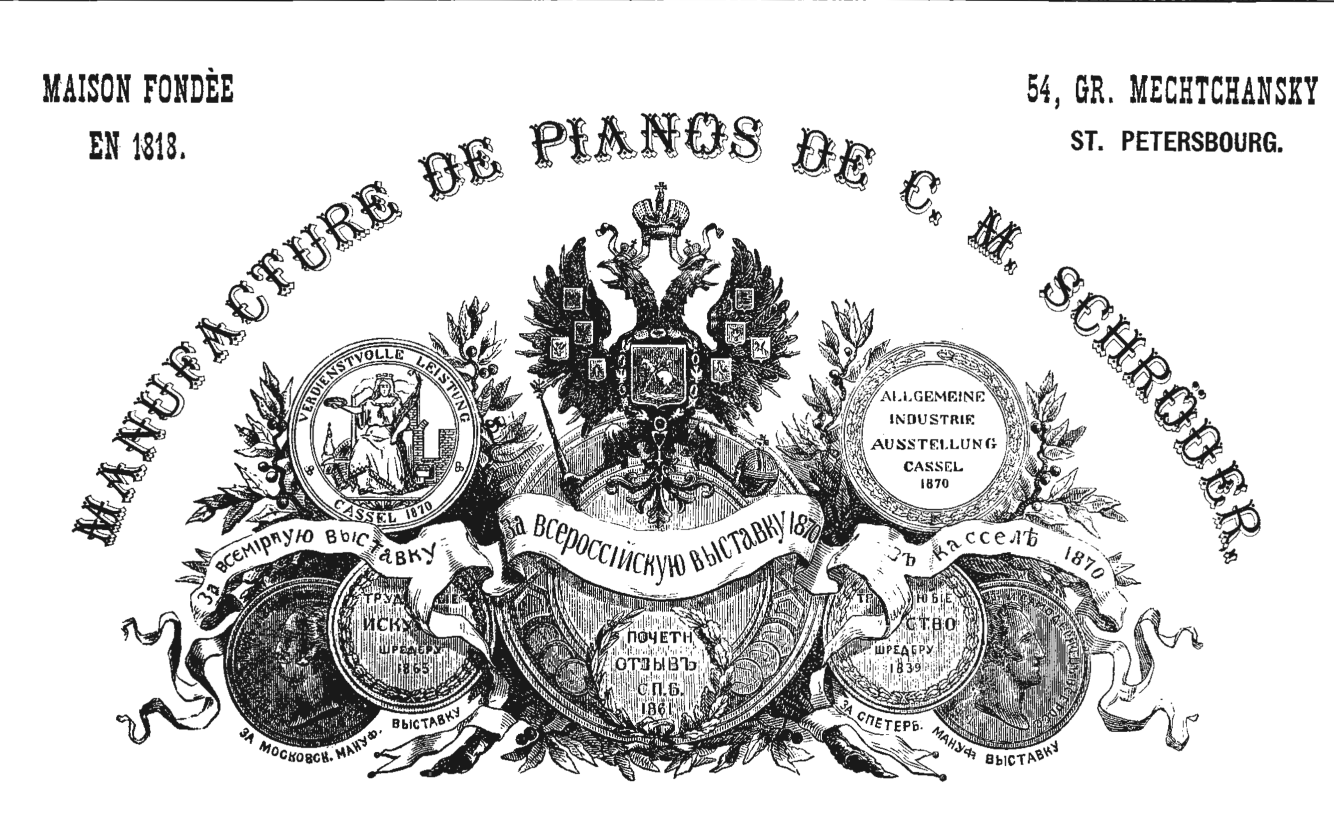

Въ С.-Петербургѣ

МАГАЗИНЪ: На большой Морской, на углу Гороховой, домъ Воронина № 28.

КОНТОРА: На Невскомъ пр. домъ Католической церкви № 34, кв. № 7.

МАКСЪ ФИДЛЕРЪ,
главный агентъ для всей Россіи. (10)—6

ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА
К. М. ШРЕДЕРА

Поставщика женскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

Фабрика основана въ 1818 г.

Большая Мѣщанская № 54 въ собственномъ домѣ, на углу Вознесенскаго проспекта

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

	рубли.
№ 1. **ПІАНИНО:** $6^3/_4$ октавъ металлическая доска въ басу	300
№ 2. 7 октавъ съ полною металлическою доскою, трехъ-струнный	350
№ 3 7 октавъ, большаго формата, съ мѣдн. аграфами, трехъ-струнный съ металлическою доскою и усовершенствованнымъ механизмомъ . . .	450
№ 4. **РОЯЛИНО:** (Кабинетъ-Рояль) 7 октавъ съ 4 стальными упорами	350
№ 5. **САЛОНЪ-РОЯЛЬ:** 7 октавъ съ металлическою доскою, 4 стальными упорами и гармоническимъ притворомъ струнъ . .	450
№ 6. **КОНЦЕРТЪ-РОЯЛЬ:** 7 октавъ съ металлическою доскою, 4 стальными упорами и гармоническимъ притворомъ струнъ. .	600
№ 7. **БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТЪ-РОЯЛЬ:** (американской системы) 7 октавъ, палисандроваго дерева, съ механизмомъ двойной репетиціи, съ металлическою рамкою, соединенною съ 5 упорами, гармоническимъ притворомъ струнъ и мѣдными аграфами. . .	800
№ 7. Такой-же, испанскаго орѣховаго дерева, красивой отдѣлки	900

Инструменты № 1—6 имѣются по этой цѣнѣ орѣховаго дерева подъ воскъ и полированнаго, палисандроваго дерева на 25 руб. дороже.

Укладка Піанино . . . . 10 руб.
Укладка прочихъ. . . . 15 »

Для Гг. иногородныхъ принимается доставка съ ручательствомъ, по тарифамъ транспортныхъ Компаній.

Дозволено цензурою 30 Апрѣля 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. [illegible] № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 10 мая 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногороднихъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Бабушка.

(*Окончаніе*).

III.

А крѣпко приглянулась Варенька сосѣду. Ему давно надоѣла столичная разсѣянная жизнь; нѣжная, любящая душа его просила тихаго, семейнаго счастія—и во главѣ этого счастья стояла неученая, кроткая Варенька.

— Не отдастъ, говорилъ онъ, получивъ письмо прадѣда,—посмотримъ; нѣтъ, братъ, я люблю ее душою,—и не отдашь волей, такъ я возьму неволей, а ужъ будетъ Варичка моей женою.

И началъ онъ думать, да раздумывать, какъ ему быть.

Посланный, возившій письмо, шепнулъ барину, что самъ Богусловскій созвалъ лакеевъ и строго-на-строго приказалъ имъ неподпускать половинчатой коляски къ крыльцу.

— Да что-жь это значитъ? думалъ Федоръ Петровичъ:—зачѣмъ же онъ такъ радушно принималъ меня, самъ просилъ не забывать его хлѣба-соли, а теперь не отдаетъ дочери, а главное положилъ запретъ ѣздить къ нему; что тутъ дѣлать, какъ быть?

Не долго думалъ Федоръ Петровичъ—и какъ только стемнѣло на дворѣ, нарядился онъ въ сѣрую мужицкую сѣрмягу, сѣлъ верхомъ на самую-то худшую рабочую лошадь, и недоѣзжая двухъ верстъ до селенія Богусловскихъ, привязалъ клячу къ дереву, а самъ пошелъ пѣшкомъ; перелѣзъ черезъ заборъ сада, и пробравшись къ самому балкону, забрался въ середину большаго сиреневаго куста и началъ поджидать, когда погасятъ огонь въ домѣ. Долго сидѣлъ Федоръ Петровичъ и втихомолку ругалъ упрямство старика, да потиралъ руки, которыя такъ и коченѣли отъ холода. Не вытерпѣлъ онъ наконецъ и подошелъ къ окнамъ залы. Въ залѣ накрывали на столъ, и Анисья Егоровна затирала хрѣнъ у самой свѣчи. Федоръ Петровичъ перешелъ къ окнамъ гостинной. Тамъ въ большихъ кожаныхъ креслахъ дремалъ Александръ Дмитріевичъ, мѣрно наклоняясь впередъ, и иногда открывая глаза обводилъ ими всю комнату. Двѣ младшія дочери вязали чулки и изрѣдка перекидывались словами. Бабушки не было въ гостинной, а всѣ остальныя комнаты, выходившія окнами въ садъ, были темны.

— Груститъ видно желанная моя, да плачетъ втихомолку гдѣ нибудь, подумалъ Федоръ Петровичъ, и крѣпко хотѣлось ему стукнуть въ окно кулакомъ и потревожить тихую дремоту старика.

Вошелъ въ гостинную старый буфетчикъ, по прозванью Гусыня, съ перекинутою салфеткою черезъ плечо, и должно быть доложилъ, что готово кушать. Александръ Дмитріевичъ перекрестился и вышелъ; дочери, наскоро убравъ работу, послѣдовали за нимъ. Федоръ Петровичъ проворно перебѣжалъ къ окнамъ залы и увидѣлъ наконецъ свою зазнобушку. Блѣдная, съ опухшими глазами стояла она, взявшись одною рукою за свой стулъ, а другою разсѣянно крестилась, творя предобѣденную молитву.

— Погоди, голубка моя бѣлая, тихо проговорилъ молодой сосѣдъ,—вырву я тебя изъ когтей коршуна, вырву, потерпи немного.

И все время, пока продолжался ужинъ, Федоръ Пе-

тровичъ не спускалъ глазъ съ своей милой, и только тогда отскочилъ отъ окна, когда всталъ изъ-за стола прадѣдъ.

Стемнѣла наконецъ зала—и свѣтъ перебравшись въ гостинную, мелькнулъ нѣсколько разъ и освѣтилъ угольную комнату. Федоръ Петровичъ перешелъ туда, заглянулъ въ окно—и невольно снялъ шапку. Три кровати съ бѣлыми занавѣсами стояли рядомъ, въ углу виднѣлся кіотъ съ обложенными образами и теплилась лампада, озаряя блѣднымъ свѣтомъ лики святыхъ. Передъ кіотомъ стояли три сестры и усердно молились.

— Молись, моя желанная, снова тихо заговорилъ Федоръ Петровичъ,—молись за наше счастье, и я помолюсь съ тобою.

Онъ тихо сталъ на колѣна и горячо безъ словъ молился. Приподнявшись и снова взглянувъ въ окно, онъ увидалъ только Вареньку, попрежнему стоящую на колѣняхъ. Остальныя сестры легли. Федоръ Петровичъ прислонилъ разгорѣвшееся лицо къ холодному стеклу и началъ ждать. Вошла пожилая женщина, неся въ рукахъ свою постель, состоящую изъ подушки да двухъ дерюгъ, одну подослала она подъ себя, другою одѣлась съ головою—и какъ показалось покрайней мѣрѣ Федору Петровичу, сейчасъ же заснула, а Варинька сѣла передъ маленькимъ зеркальцемъ, взглянула въ него, и горько улыбнувшись закрыла лицо руками.

Федоръ Петровичъ не въ состояніи былъ ждать; осторожно вынулъ онъ припасенный алмазъ и ловко вырѣзалъ стекло нижней рамы.

Варинька и не пошевельнулась.

Онъ слегка стукнулъ въ окно, дѣвушка вздрогнула и осмотрѣлась кругомъ; стукъ повторился, вмѣстѣ съ нимъ алмазъ довершилъ дѣло—и смуглое выразительное лицо сосѣда привѣтливо глянуло на Вариньку.

— Это я, моя желанная, тихо проговорилъ онъ,—и пришелъ я не съ тѣмъ чтобы тревожить дорогой сонъ вашъ, а за великимъ дѣломъ: согласны-ли вы оставить отчій кровъ и безъ благословенія родительскаго повѣнчаться со мной?

Страшно стало Варварѣ Александровнѣ, она закрыла лицо руками и зарыдала. Женщина, спавшая въ комнатѣ барышень, по прозванью лопаухая Прокофьевна, открыла дерюгу и увидѣла молодаго сосѣда. Тихо поднялась она, перекрестилась—и посматривая на окно, на четверенькахъ выползла изъ комнаты.

Никто и не замѣтилъ этого.

— Не теперь, моя дорогая, говорилъ Федоръ Петровичъ,—теперь скажите мнѣ только: да, или нѣтъ; а увезу я васъ послѣ, когда приготовлюсь.

— Да, едва слышно отвѣтила бабушка.

— Палокъ, батожьевъ!.. раздался вдругъ голосъ прадѣда:—я покажу, какъ къ дочерямъ моимъ по ночамъ ходить.

— Бѣгите, бѣгите!.. прошептала бабушка,—батюшка сюда жалуетъ.

Федоръ Петровичъ отскочилъ отъ окна и оглядѣлся; побѣгъ былъ невозможенъ; онъ посмотрѣлъ на вѣтвистый огромный тополь, росшій у самаго балкона, и какъ кошка въ одну минуту вскарабкался на самый верхъ. Мужицкая шапка его да лайковыя барскія перчатки остались у окна.

Въ саду замелькали фонари, а впереди всѣхъ шелъ самъ Богусловскій съ огромною палкою.

Бабушка вскрикнула и лишилась чувствъ.

— Тутъ онъ гдѣ нибудь, говорилъ прадѣдъ:—вотъ шапка мужицкая, а вотъ и перчатки анаѳемскаго сына. Эй, народъ, разсыптесь по всему саду, а со мною три человѣка пусть идутъ къ рѣкѣ!.. а на дворѣ караулъ оставленъ?

— Оставленъ-съ, отвѣчали голоса.

Разсыпались по саду и начали отыскивать.

Анисья Егоровна и множество сѣнныхъ дѣвушекъ вбѣжали въ комнату.

— Господи батюшка, говорила старушка:—видно по грѣхамъ нашимъ свѣтопреставленіе пришло: дворянинъ мужчина въ окно лѣзетъ—и своимъ озарнымъ взглядомъ увидалъ дѣвичьи постельки моихъ дѣтушекъ.

А бабушка все лежала безъ чувствъ.

— Батюшки мои, завопила прабабка:—сглазилъ онъ ее дурнымъ своимъ прозорливымъ взглядомъ; гдѣ Прокофьевна лопаухая?.. велите сдѣлать ей наговорной воды съ угольками. Дитятко ты мое, проснись-пробудись!.. съ горькими слезами обратилась она къ дочери. Принесли наговорной воды; вспрыснули бабушку и привели въ чувства. Только-что стали раздѣвать ее, въ комнату вошелъ прадѣдушка.

— Ну, дочка моя, заговорилъ онъ:—сказывай, какъ явился къ тебѣ гость незваный?

— Батюшка, Александръ Дмитріевичъ, начала прабабка:—не гнѣвайся на нее, я ее замертво нашла.

— Прочь! угрюмо отвѣчалъ прадѣдъ, оттолкнувъ жену рукою и подойдя къ постели дочери.

Бабушка между тѣмъ оправилась и рѣшилась солгать.

— Не кладите на меня вины, батюшка, заговорила она:—я какъ увидала чужое мужицкое лицо въ окнѣ, такъ обезпамятѣла—и ничего не знаю, что тутъ дѣлалось.

— Прокофьевна лопаухая, крикнулъ прадѣдъ,—сказывай, какъ было дѣло!

— Перепужалась я очень, сударь мой, Александро Митричъ, начала Прокофьевна:—и словно я все это во снѣ видѣла, такъ запамятовала, только разбудилъ меня плачь сударыни барышни—и сидѣла она закрывши личико руками, а въ окно на нихъ смотрѣть изволилъ Федоръ Петровичъ.

— Не смѣть называть его по имени, крикнулъ прадѣдъ:—называть его, собачій сынъ. Ну, дальше!

— Сударыня барышня все сидѣли закрывши личико руками и ни словечка промолвить не изволили, а все рыдали, а собачій-то сынъ изволилъ съ ними говорить.

— Что-жь онъ говорилъ? спросилъ прадѣдъ.

— Вотъ ужь этого я съ перепуга-то не разслышала; я сейчасъ ползкомъ изъ комнаты, да и разбудила вашу милость.

— За то тебѣ спасибо, угрюмо проговорилъ старикъ:—ну, маршъ спать!.. анаѳемскій сынъ какъ въ воду канулъ, нечего его искать; а караулъ и въ саду и на дворѣ поставленъ.

Всѣ сейчасъ же улеглись и загасили огонь.

IV.

Федоръ Петровичъ долго сидѣлъ на деревѣ и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Караульные погасили фонари, но въ самой серединѣ сада развели огонь и безпрестанно расхаживали да покрикивали: «слушай!». Слѣзть съ дерева было возможно, потому что свѣтъ отъ костра не падалъ на него, но пройти нельзя. Долго думалъ Федоръ Петровичъ; наконецъ на удалую сошелъ, запустилъ руку въ широкій карманъ—и вытащивъ цѣлую горсть мелкаго серебра, метнулъ ее далеко за костеръ и попалъ какъ-разъ въ кучу, гдѣ сидѣли караульные. Они

бросились подбирать деньги, можетъ быть и догадавшись, откуда тѣ летятъ,—и только тогда пошли осматривать садъ, когда ни одного гривенника не осталось на землѣ. Сойдя внизъ, караульные увидали, что кто-то переплылъ рѣку, вышелъ на другой берегъ и рысью пустился въ гору. Они тутъ же положили не докладывать объ этомъ Александру Дмитріевичу—и до самаго утра все похаживали по саду, да покрикивали: «слушай!». Федоръ Петровичъ благополучно вернулся домой, а на другой день ранымъ-ранехонько позвалъ къ себѣ прикащика да старосту, и объявилъ имъ свою барскую волю, что уѣзжаетъ онъ снова въ Питеръ и наказываетъ имъ беречь добро барское какъ зеницу ока.

И у Богусловскихъ время пошло своимъ чередомъ; встали господа, откушали чай—и баринъ пошелъ смотрѣть порядки на конный дворъ, а барыня призвала повара, да начала ему кушать заказывать. Только барышня большая не встала съ постели, урочлива она была и съѣлъ ее мужской черный глазъ—и вѣрно это было, потому что самый большой уголь такъ и потонулъ въ наговорной водѣ, надъ которой ворожила лопаухая Прокофьевна. Сгорѣла вся барышня, раскраснѣлась и разметалась на высокомъ пуховикѣ своемъ, а государь-батюшка не клалъ на нее гнѣва и самъ приходилъ узнавать, каково здоровье дочки.

На другой же день дошелъ слухъ до Богусловскихъ, что молодой сосѣдъ уѣзжаетъ обратно въ Питеръ.

— Нечего дѣлать, говорилъ старикъ:—не пришлось поколотить анаѳемскаго сына; а къ нему какъ поѣдешь?!. онъ скажетъ: и знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю; непойманный воръ—не воръ.

Такъ и уѣхалъ Федоръ Петровичъ, а Варвара Александровна встала съ постели—и все пошло по прежнему.

Три мѣсяца прошло, а о молодомъ сосѣдѣ не было ни слуху, ни духу.

— Видно, забылъ меня; видно, разлюбилъ!.. думала бабушка, и часто, прилегши на дѣвичью постель свою, горько плакала. А тѣмъ временемъ и женихъ навернулся желанный отцу.

— Варвара, сказалъ ей прадѣдъ:—тебѣ женихъ нашелся, человѣкъ хорошій, не вертопрахъ,—и моею отцовскою властію приказываю я тебѣ: ступай за него.

Дѣвушка не смѣла перечить отцу—и ее сговорили; тутъ еще больше стала она худѣть, да хирѣть отъ дурнаго глаза.

Бывало, пріѣдетъ женихъ да навезетъ ей пряностей разныхъ, а она и не дотронется до нихъ—и на него никогда не взглянетъ желанно да привѣтливо, сидитъ какъ къ смерти приговоренная, а каждый-то праздникъ не пропускаетъ она ни заутрени, ни обѣдни, точно въ монастырь готовится.

Разъ идетъ она отъ заутрени, а на встрѣчу ей ползетъ калѣка нищій, на рукахъ и на ногахъ. Голова у него была тряпицей обмотана и на все лицо свѣсилась тряпка, такъ-что кромѣ сѣдой бороды ничего не видать. Подползъ онъ къ ней и протянулъ руку за милостыней. Бабушка стала доставать изъ ридикюля полушечку, да вдругъ такъ и пошатнулась: слышится ей знакомый привѣтный голосъ—и говоритъ этотъ голосъ: «Изныла моя голубка бѣлая, похудѣла моя ненаглядная, а вотъ я и прилетѣлъ выручить свою суженую.

Слышитъ дѣвушка и ушамъ не вѣритъ; откуда же этотъ милый голосъ?.. никого нѣтъ кромѣ нищенки-калѣки, и отъ заутрени проходитъ все знакомый народъ.

— Это я, я, моя желанная, продолжалъ голосъ:—взгляни же ты на меня своими ясными очами: вотъ до чего довела меня любовь къ тебѣ, въ калѣку-нищенку перерядился, да полверсты цѣлыхъ ползъ на рукахъ, чтобы взглянуть на тебя да спросить, не раздумала-ли бѣжать со мною, не охотой-ли идешь за другаго.

Бабушка и стыдъ весь потеряла. Положила она свою бѣлую руку на грязную тряпицу, накрывавшую лицо нищенки, и молвила ему:—Милый ты мой, желанный, милѣе ты мнѣ свѣту бѣлаго—и готова я хоть въ Орду идти за тобою.

Федоръ Петровичъ такъ и прильнулъ льняною бородою къ бѣлой ручкѣ бабушки.

— Соберись же ты къ обѣднѣ, моя желанная, началъ онъ:—да попозднѣе, когда ужь народъ соберется въ церковь; а вмѣсто обѣдни сойди подъ гору, тамъ я буду ждать тебя.

И нищенка пополозъ черезъ барскій дворъ и скрылся за гумнами, а бабушка забыла, что зима на дворѣ, — и обернувшись лицомъ къ церкви, положила земной поклонъ и долго оставалась такъ, прислонясь къ снѣгу горячимъ лицомъ.

Ушелъ къ обѣдни Александръ Дмитріевичъ съ Анисьей Егоровной, пошли и сестры меньшія, а бабушка все собиралась да снаряжалась. Вышла и она наконецъ, да поклонившись на всѣ четыре стороны и осмотрѣвшись нѣтъ-ли кого, скорымъ шагомъ сошла подъ крутую гору.

Вернулись отъ обѣдни старики и барышни меньшія, переодѣлись въ другія платья, и пирогъ праздничный на столъ подали, — а бабушка не возвращалась.

— Гдѣ же Варвара? спросилъ прадѣдъ.

— Не знаю, батюшка, Александръ Дмитріевичъ, отвѣчала прабабка, — у нея голова болѣла, какъ пришла отъ заутрени; не пошла ли она прогуляться послѣ обѣдни?

— Да въ церкви-то она была?

— Какъ же не быть! она ужь почти снарядилась, какъ мы съ тобою пошли.

— Гдѣ сестра, дѣти? спросилъ прадѣдъ дочерей.

— Не знаемъ-съ, отвѣчали онѣ,—мы ее и въ церкви не видали.

— Да вѣдь вы-то по сторонамъ глядѣть не пріучены, перебила ихъ Анисья Егоровна, — а она всегда далеко позади насъ стоитъ.

Остылъ пирогъ; приказали его со стола снимать, а бабушки все не было.

— Да куда она запропастилась? безпокойно говорилъ прадѣдъ:—эй, народъ, кто видѣлъ барышню въ церкви?

Оказалось, что въ церкви никто не видалъ ее; а маленькій поваренокъ, чистившій ножи, видѣлъ, что барышня вышла изъ дому въ новомъ салопѣ, и пошла не въ церковь а внизъ къ рѣкѣ.

Поднялась тревога,—и прадѣдъ, въ сопровожденіи доѣзжачаго, верхомъ поскакалъ къ мельницѣ.

Мельникъ на вопросъ его отвѣчалъ, что видѣлъ онъ сударыню-барышню,—видѣлъ, какъ прошла она по плотинѣ, а тутъ откуда ни возмись изъ-подъ самой крути вынырнули легкіе санки, запряженные тройкой сѣрыхъ, и барышня сѣла въ эти санки съ какимъ-то бариномъ, и въ одну минуту скрылись изъ виду.

— Что-жь не пришелъ ты доложить мнѣ обо всемъ этомъ, каналья? крикнулъ прадѣдъ.

— А я, батюшка мой, не зналъ, что это безъ ва-

шего вѣдома дѣлается, съ поклономъ отвѣчалъ мельникъ.

Прадѣдъ покрутилъ усы, махнулъ рукою и шагомъ поѣхалъ къ дому.

— Сбѣжала съ анаѳемскимъ сыномъ, тихо проговорилъ онъ: — туда и дорога, я догонять не стану.

Анисья Егоровна встрѣтила на крыльцѣ мужа.

— Что, батюшка, узналъ что-нибудь? спросила она.

— Узналъ, отвѣчалъ прадѣдъ, — и вотъ тебѣ мое крѣпкое слово, жена: не смѣть никогда вспоминать Варвару, ни говорить о ней; она для насъ умерла,—слышишь, умерла она для насъ.

— Слышу, рыдая отвѣчала прабабка, — слышу, мой батюшка.

Прадѣдъ не сталъ обѣдать и легъ спать, а Анисья Егоровна призвала доѣзжачаго и нѣсколько разъ заставляла его повторить все, что̀ докладывалъ мельникъ барину.

Старикъ спалъ, а жена съ дочерьми, притворивъ плотно двери, долго плакали и молились о счастіи Вариньки.

V.

Цѣлыхъ два года прошло съ того дня, какъ бѣжала бабушка, а прадѣдъ ни разу не вспомнилъ о ней, ни разу никто изъ семьи при немъ не произнесъ ея имени. Зато безъ него и мать и сестра часто вспоминали Вариньку, — и три раза уже приходскій ихъ священникъ доставлялъ Анисьѣ Егоровнѣ письма отъ дочери—и въ каждомъ писала она, что Богъ послалъ ей судьбу счастливую, что мужъ на нее не наглядится, что у нея двое дѣтей, и живутъ они въ дальнемъ помѣстьи мужа,—и каждый разъ спрашивала она: не смилостивится ли батюшка, и неотвѣтитъ ли ей позволеніемъ пріѣхать въ домъ родительскій; а прадѣдъ нетолько не отвѣчалъ, но никогда ни женѣ, ни дѣтямъ не говорилъ что получаетъ письма отъ дочери, и сейчасъ же отправлялъ ихъ обратно, только послѣ этихъ писемъ онъ дѣлался еще угрюмѣе—и сама Анисья Егоровна видѣла разъ, какъ катились слезы по лицу старика, а онъ смотрѣлъ вдаль, и добрые были у него глаза въ это время. Сестры черезъ священника писали сестрѣ,—говорили, что мать посылаетъ ей свое родительское благословеніе, а батюшка все продолжаетъ гнѣваться и никогда не говоритъ о ней. Прошелъ еще годъ; счастлива была бабушка, а часто вспоминала она домъ родительскій,—и лаская дѣтей, плакала надъ ними и говорила: «бѣдные вы мои, видно не дождетесь вы благословенія дѣдушки». Федоръ Петровичъ и придумать не могъ, какъ бы успокоить жену, какъ бы испросить прощенія у грознаго тестя. Наконецъ рѣшились они ѣхать въ свое помѣстье, находившееся въ сосѣдствѣ Богусловскихъ, тамъ хоть въ тихомолку повидаться съ матерью да сестрами. Ничего не написали они, ни прикащику ни старостѣ, о своемъ пріѣздѣ,—и вдругъ нежданно-негаданно прикатили молодые господа съ двумя дѣтками, и не велѣли сказывать никому о своемъ пріѣздѣ; не открыли даже ставень въ барскомъ домѣ, а помѣстились въ маленькомъ флигелѣ прикащика. Сейчасъ же послали они за священникомъ, и долго говорили съ нимъ, а подъ вечеръ Федоръ Петровичъ и Варвара Александровна лѣсомъ подошли къ саду Богусловскихъ, а въ саду стояла уже прабабка съ образомъ да хлѣбомъ-солью,—и когда дочь съ зятемъ поклонились ей въ ноги, она зарыдала и обнявъ ихъ обоихъ вмѣстѣ долго не выпускала изъ своихъ дрожащихъ старческихъ рукъ.

— Матушка, матушка, безсвязно говорила дочь,— простите меня и его простите! . Господи, увидала я васъ наконецъ!..

— Дитятко ты мое, твердила прабабка, — словно ты не родное дитя, потихоньку прокралась повидаться съ семьей... Жалко мнѣ тебя, дочка, такъ жалко, что и сказать этого нельзя.

Старуха снова обнимала дочь и горько плакала, и сестры плакали, попеременно цѣлуя Варпньку.

— Не плачь, говорили онѣ, — вотъ вы теперь на лицо, авось всѣ вмѣстѣ-то умилостивимъ мы батюшку.

— Помогите намъ, матушка, помогите и вы, сестрицы, кланяясь говорилъ Федоръ Петровичъ, — помогите испросить прощеніе у батюшки, авось не будутъ тогда туманиться глазки жены.

— Охъ, батюшка мой, отвѣчала старуха,—грозенъ онъ, не знаю я какъ и подступиться къ нему.

— Такъ мы сына пришлемъ просить прощенія за отца съ матерью, съ грустной улыбкой продолжалъ Федоръ Петровичъ, — авось смилостивится дѣдъ и допуститъ внучка!

— Это такъ, батюшка мой, пришлите сына... Александръ Дмитріевичъ и чужихъ малыхъ дѣтей жалуетъ; на ребенкѣ вѣдь ничто возьмешь, пришлите его, авось Богъ поможетъ. А говоритъ онъ у васъ?

— Говоритъ, матушка, отвѣчала дочь, — все говоритъ, онъ у насъ преумненькій.

— Ну, такъ и придите вы съ нимъ во время обѣда; я вамъ вышлю человѣка къ опушкѣ сказать, когда мы за столъ сядемъ, вы безъ опаски и идите на заднее крыльцо ко мнѣ въ спальню, а мальчуга-то пусть подступится къ дѣду.

Долго говорили еще, совѣщались о всѣхъ подробностяхъ— и не разъ принималась плакать бабушка. Рѣшились наконецъ на другой же день просить прощенье у прадѣда,—и Анисья Егоровна, нѣсколько разъ перекрестивъ и поцѣловавъ дочь, поплелась съ дѣтьми къ дому, а молодые пошли къ лѣсу, гдѣ ждала ихъ простая телѣга, запряженная въ одну лошадь.

— Что-жь ты такъ поблѣднѣла, моя желанная, такъ холодны ручки твои золотыя? говорилъ Федоръ Петровичъ женѣ.

— Боюсь, не смилуется батюшка, отвѣчала она.

— Ну, что-жь дѣлать!.. не смилуется—и такъ проживемъ.

— Охъ, не говори ты такъ, Федоръ Петровичъ, съ испугомъ возразила бабушка, — нельзя вѣкъ прожить безъ благословенія отцовскаго; безъ него не дастъ Богъ счастья ни намъ, ни бѣднымъ дѣтямъ нашимъ.

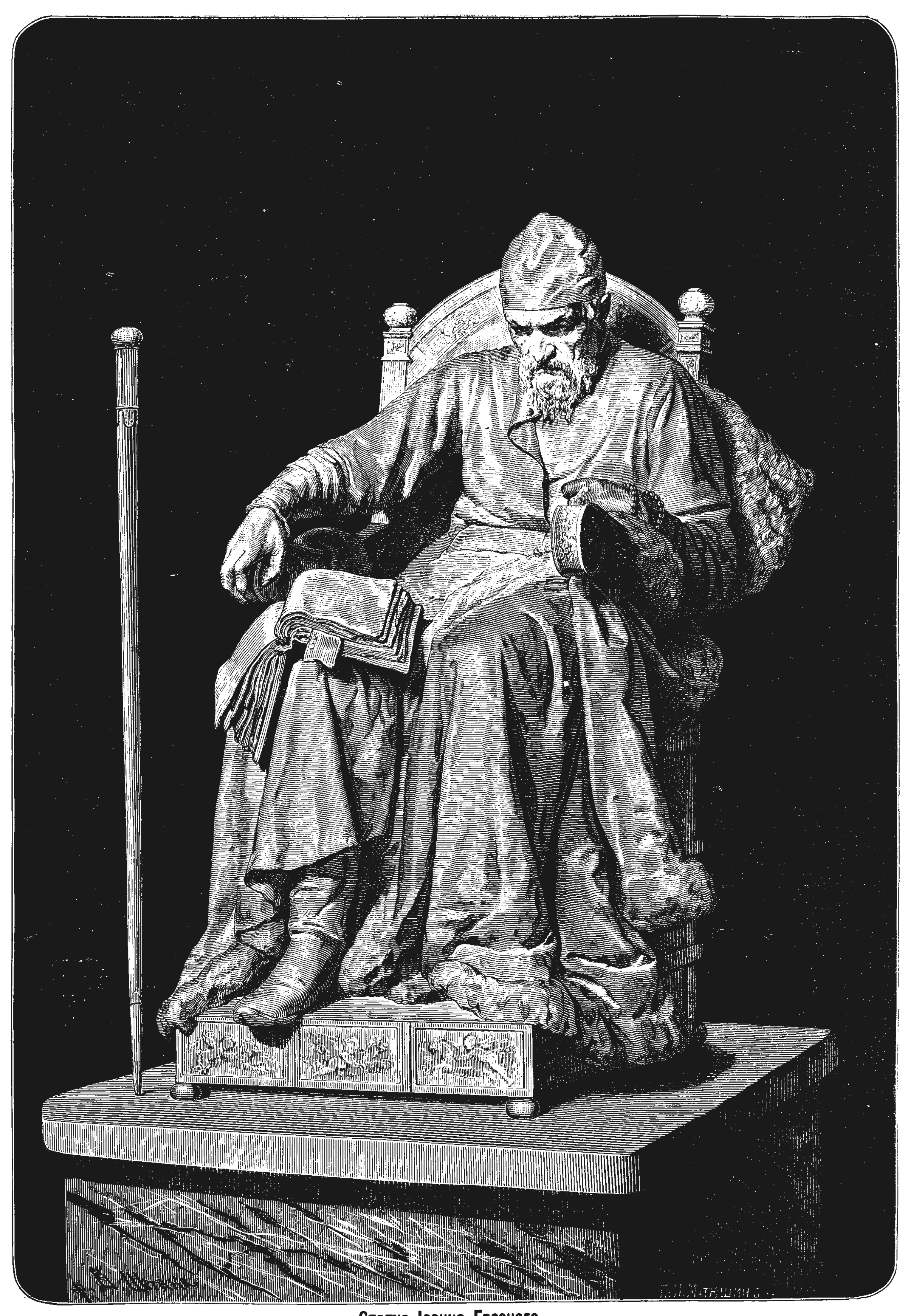
— А за что̀ бы кажется прогнѣваться на насъ Господу Богу, тихо возразилъ Федоръ Петровичъ, — обижать мы никого не обижаемъ, въ церковь Божію ходимъ, милостыню по возможности подаемъ.

— А родителей не почитаемъ, перебила его жена.

— И рады-бъ почесть, да сами они не хотятъ нашего почета; зачѣмъ не отдалъ онъ тебя волею, зачѣмъ теперь не прощаетъ?

— Не говори ты такъ, снова начала бабушка, — не осуждай старшихъ, страшно мнѣ слушать такія рѣчи.

— Эхъ ты, голубушка моя кроткая, былинка степная, ласково сказалъ Федоръ Петровичъ,—за кротость твою да за послушаніе и люблю-то я тебя; а ты видно

Статуя Іоанна Грознаго.

Работы академика Антокольскаго, съ дозволенія автора рисовалъ на деревѣ В. Шпакъ, гравировалъ И. Матюшинъ.

не крѣпко любишь, когда плачешь да убиваешься о гнѣвѣ родительскомъ, видно тебѣ отецъ съ матерью милѣе меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, желанный ты мой, отвѣчала бабушка, крѣпко цѣлуя руку мужа, — нѣтъ, ты для меня милѣе отца съ матерью, милѣе свѣта Божьяго, а страшно мнѣ жить съ гнѣвомъ родительскимъ.

Федоръ Петровичъ обнялъ жену, и взявъ на руки посадилъ въ телѣгу, которая въ это время шагомъ подъѣхала къ нимъ.

VI.

На другой день, по обыкновенію, въ двѣнадцать часовъ Александръ Дмитріевичъ съ семьею сѣлъ за столъ. Анисья Егоровна разливала горячее, и наливъ полную тарелку борща съ большимъ кускомъ жирной ветчины, подала ее мужу.

— Вотъ, спасибо! ласково проговорилъ прадѣдъ,— спасибо, что вспомнила меня любимымъ кушаньемъ.

— Не - на - чемъ, батюшка, проговорила прабабушка.

Покушали горячее господа—и на средину стола поставилъ буфетчикъ поросенка со сметаною.

— Ай-да Анисья Егоровна! проговорилъ прадѣдъ,— ты меня видно закормить нынче хочешь любимыми блюдами, спасибо.

— Не-на-чемъ, снова тихо отвѣчала она.

Откушали холодное—и тѣмъ же порядкомъ на столѣ появились вареники, всѣ покрытые растопленнымъ масломъ.

— Да чтожь это ты, весело сказалъ Александръ Дмитріевичъ, — нарочно что ли? ну спасибо, старуха, спасибо, вотъ угодила-то!.. въ жизнь мою не случалось кряду ѣсть трехъ любимыхъ блюдъ.

— Не-на-чемъ, снова сказала Анисья Егоровна и слегка кашлянула.

Изъ коридора появился бѣлокурый хорошенькій мальчикъ, и оглянувъ всѣхъ бойкими глазами, весело съ улыбкой поклонился въ ноги старику.

— Что это, чей это ребенокъ? дрожащимъ голосомъ спросилъ прадѣдъ.

— Простите папу, простите маму, весело говорилъ мальчикъ; стоя на колѣняхъ.

Анисья Егоровна и дочери встали съ своихъ мѣстъ— и со слезами приблизились къ старику.

Въ дверяхъ корридора показался Федоръ Петровичъ, поддерживая мощною рукою блѣдную, плачущую жену.

— Что вы, что вамъ надо?! смущеннымъ голосомъ говорилъ прадѣдъ, и сказалъ, увидавъ зятя и дочь,— зачѣмъ пожаловали? — вонъ!

Варвара Александровна вскрикнула «батюшка!» и пошатнулась.

Ребенокъ заплакалъ и безсознательно протянулъ ручонки къ дѣду.

Нагнулся дѣдъ—и взявъ внука на руки, прислонилъ его бѣлокурую кудрявую головку къ широкой груди своей.

— Дѣдушка, залепеталъ мальчикъ,—простите папу, простите маму!

— Крошка ты моя, неповинная!.. едва выговорилъ Александръ Дмитріевичъ, и крѣпко прижавъ къ себѣ внука — зарыдалъ.

Федоръ Петровичъ быстро подвелъ жену, и вмѣстѣ съ нею поклонился въ ноги тестю.

Поклонилась и Анисья Егоровна.

— Батюшка мой, говорила она, — прости ты ихъ, ради меня старухи, да ради малаго дитяти.

— Простите маму, лепеталъ со слезами ребенокъ и тянулся къ матери.

— Умилостивила ты меня, ангельская душа, както торжественно проговорилъ старикъ, — вставайте дѣти! бери сына, Варвара.

Бабушка бросилась къ отцу, и обнявъ его сѣдую голову, долго рыдала.

— Будетъ, будетъ, говорилъ всхлипывая старикъ,— Федоръ, уйми ее, сына-то она испугаетъ; не плачь, родненькій, обратился онъ ко внуку, — мать смѣется.

И дѣйствительно бабушка отерла слезы, и улыбалась.

— Возьми сына-то, проговорилъ прадѣдъ, цѣлуя дочь и передавая ей ребенка; — здравствуй и ты, зятюшка-батюшка, проговорилъ онъ, обращаясь къ Федору Петровичу,—спасибо, что жалуешь жену, что не изсохла она, не состарилась.

И въ поясъ поклонился тесть зятю, а потомъ крѣпко обнялъ его.

Прадѣдъ даже спать не легъ послѣ обѣда, все сидѣлъ онъ, да ласкалъ внучатъ, или говорилъ съ зятемъ, привѣтно таково-ласково. Вечеромъ призвалъ онъ старосту — и три барскіе рабочіе дни отдалъ крестьянамъ, да велѣлъ приходить всей барщинѣ поздравить молодыхъ господъ, выпить вина да закусить пирогомъ съ кашей.

И поднялся пиръ на другой день. Всѣ недоимки простилъ крестьянамъ Александръ Дмитріевичъ и шелъ къ народу за зятемъ съ дочерью, бережно ступая, потому что несъ на рукахъ дорогую ношу, своего старшаго внука.

И поселился Федоръ Петровичъ съ женою въ старомъ помѣстьѣ своемъ, въ сосѣдствѣ тестя и тещи. Черезъ годикъ и остальныя обѣ дочери Богусловскаго вышли замужъ, но ни одного зятя, говорятъ, не любилъ такъ прадѣдъ, какъ любилъ старшаго зятя, мужа милой моей бабушки.

П. Очкина.

Іоаннъ Грозный.

Статуя М. М. Антокольскаго.

Писать о явленіи какомъ бы то ни было, вкось и вкривь уже разобранномъ печатно другими,—трудъ, во многихъ случаяхъ не благодарный: повторенія не разъ высказанной новой идеи и взгляда никто не замѣтитъ, не отличитъ, и это еще самое лучшее. Противорѣчіе въ чемъ-либо тому, что успѣло войти уже въ голову читателей, не повѣряющихъ лично впечатлѣнія (а много ли повѣряющихъ у насъ?) передъ самымъ произведеніемъ, преслѣдуется у насъ хуже ереси, съ ожесточеніемъ и нетерпимостью. Всѣ эти ужасы еще ощутительнѣе проявляются, когда рѣчь коснется художественнаго произведенія, здоровая критика котораго труднѣе чѣмъ явленія другихъ, низшихъ сферъ,—и когда это произведеніе, благодаря печатнымъ отзывамъ

поднято такъ уже высоко, что говорить о немъ безъ восторга считается чѣмъ-то предосудительнымъ. Правда, однако, родилась раньше печати и безпристрастіе явилось прежде напускнаго жара. Съ этими провожатыми спутниками попробуемъ мы взглянуть на Іоанна Грознаго, вылѣпленнаго Антокольскимъ. Но, прежде чѣмъ прямо обратиться къ новой статуѣ, попросимъ читателей выслушать наши общія положенія, безъ которыхъ невозможенъ никакой разборъ—и всего менѣе художественный. Начнемъ съ того, что въ каждомъ творческомъ трудѣ слѣдуетъ отличать двѣ стороны: матеріальную (исполнительность) и духовную (идею). Что касается выполненія тѣльныхъ частей статуи, вообще эта сторона, какъ и относительное сходство (потому что по бѣдности портретовъ Іоанна IV—и то собственно въ гравюрахъ—мы полнаго сходства представить себѣ не можемъ, а иконописнымъ изображеніямъ не стоитъ придавать особаго значенія въ дѣлѣ о сходствѣ)—заслуживаютъ только безусловной похвалы художнику. Современная печать отнеслась съ заслуженнымъ вполнѣ справедливо сочувствіемъ къ таланту г. Антокольскаго. Мы сами принадлежимъ къ почитателямъ таланта художника, много обѣщающаго въ будущемъ. Это-то богатство задатковъ серіознаго таланта и заставляетъ насъ отнестись строже къ промахамъ, вкравшимся при увлеченій композитора—въ сюжетѣ, требовавшемъ долгаго и глубокаго изученія не одного искусства но исторіи русской, справочныя занятія которою для художниковъ у насъ еще не такъ легки и доступны. Духовная же сторона художественнаго произведенія, имѣющаго задачею воспроизведеніе характера историческаго лица, не ограничивается отнюдь ни какимъ бы то ни было точнымъ сходствомъ съ несомнѣнными, современными подлинниками, ни простою композиціею человѣческаго характера, возможнаго въ примѣненіи къ трактуемой личности. Задача творческой мысли художника, остановившаго выборъ свой на историческомъ лицѣ, гораздо сложнѣе и строже. Она должна намъ представить, въ концѣ концовъ, *при сходствѣ портретномъ* (хотя не всегда и не вездѣ строго соблюдаемомъ, что не составляетъ, впрочемъ, первой важности), вѣрное созданіе историческаго характера, *вполнѣ*, не вдаваясь въ вольности и не допуская искаженій его.

За вѣрнымъ и точнымъ выполненіемъ этихъ главныхъ и первостепенныхъ условій, слѣдуетъ еще третье, хотя и не настолько важное, тѣмъ не менѣе, не терпящее противорѣчій съ бытомъ и обстановкою лица, извѣстными по источникамъ. Произвольное отношеніе къ этой сторонѣ задачи влечетъ за собою недостаточность вѣрной и оригинальной характеристики. Примѣняя эти три пункта къ художественному труду академика Антокольскаго, мы, положа руку на сердце, не можемъ сказать, что бы онъ былъ безукоризненъ во всѣхъ частяхъ; впрочемъ, не касаясь исполненія, прежде всего попросимъ почитателей художника опредѣлить моментъ историческій, къ которому желалъ онъ пріурочить своего *Грознаго?* Судя по значительной устарѣлости лица покорителя Казани и Астрахани, мы бы позволили себѣ сказать, что художникъ намѣренъ былъ представить Іоанна IV не задолго до смерти его—уже больнымъ и слабымъ, потому что для Іоанна устарѣлость наступила разомъ съ ослабленіемъ силъ. Но къ чему же больному этотъ маскерадъ? Онъ, больной, носилъ халатъ уже безъ пояса; въ Александровской слободѣ, въ тридцатыхъ годахъ жизни своей, носилъ онъ монашеское полукафтанье съ ремённымъ поясомъ такъ же какъ и мантію игумена,—но тогда клокотала страсть, былъ избытокъ силъ, проявлявшійся буйнымъ разгуломъ внѣ столицы, гдѣ оставленъ былъ и праздный тронъ дѣда. Здѣсь же, при ослабленіи тѣла, еще и туалетъ тяжелый сброшенный съ плечъ. Замѣтьте, это у лица сидящаго на тронѣ Іоанна III и, мало еще того, представленнаго для большей несообразности въ какомъ-то нѣмецкомъ что-ли колпакѣ. Вѣдь головной уборъ Грознаго (у Антокольскаго) отнюдь не *тафья* *) носимая этимъ государемъ подъ шапкою—а просто колпачекъ, въ которомъ западные европейцы привыкли спать. Такое нововведеніе какъ и весь костюмъ монарха, еще разъ повторимъ, намъ кажутся анахронизмами противъ мѣста и времени, вносящими одну путаницу въ воспроизведеніи типа московскаго государя XV вѣка и одного изъ величайшихъ монарховъ, когда-либо въ Россіи у насъ царствовавшихъ.

Слѣдовательно, характеристика Іоанна Грознаго, ослабленная развѣ (а ужь ни какъ не усиленная) его внѣшнимъ костюмомъ, при неопредѣлимости (вслѣдствіе такой костюмировки), по нашему крайнему разумѣнію, *не полна*. Неприготовленный зритель самъ собою никакъ не опредѣлитъ: что за личность сидитъ съ книгою на тронѣ, есть-ли это *Грозный Іоаннъ и какая мысль занимаетъ его по идеѣ художника*. Что изображаетъ онъ, спросимъ мы еще: спокойное-ли обсужденіе какого-нибудь административнаго проэкта устарѣвшимъ государемъ, чтеніе-ли имъ богословской книги для отпора Поссевину, или гаданіе по астрологіи—долго-ли ему жить остается? Сами рѣшить не беремся это мы, да полагаемъ и всѣ безпристрастные зрители также. При такой-же неясности опредѣленія самаго момента дѣйствія, что остается, позволимъ спросить, въ этой прекрасной по выполненію статуѣ, принадлежащаго несомнѣнно къ характеристикѣ Іоанна Грознаго? Похудѣвшее лицо, похожее нѣсколько на портретъ, рѣдкая борода, упорный проницательный взглядъ (ни на что, впрочемъ, прямо не устремленный) всего этого, сами согласитесь, мало; развѣ, прибавимъ, есть еще *загадочная поза?* Мы говоримъ: загадочная, потому что положеніе правой руки, какъ-бы предшествующее подъему съ трона, не соотвѣтствуетъ спокойствію противоположной стороны фигуры, опершейся всею тяжестью верхней части тѣла на локоть лѣвой руки, положенной на ручку кресла. Что думалъ этимъ выразить художникъ? Насколько это нужно для выясненія момента дѣйствія? Что прибавляетъ такая изысканность положенія фигуры къ характеристикѣ лица, да и нужна-ли и годна-ли еще она для этого?—Вотъ вопросы, которые остаются безъ разрѣшенія, такъ же какъ воткнутая сбоку трость, хотя въ творчествѣ художника не должно быть ничего неоправдываемаго логикою. И одно уже нахожденіе въ художественномъ произведеніи мѣстъ, ни чѣмъ не объяснимыхъ и не разрѣшаемыхъ, говоритъ противъ глубины концепціи, давая возможность видѣть недостаточную обдуманность идеи—и скорѣе простую случайность, вліяющею на помѣщеніе аксессуаровъ. Иначе быть не можетъ, какъ компановка на скорую руку, *сгоряча*, когда видимъ, что у художника очень талантливаго допущены: этотъ несчастный жезлъ, сбоку воткнутый; мѣхъ, какъ извѣстно, очень некрасивый въ гипсѣ и мраморѣ, сообщающій одну тяжесть, и посадка на тронѣ государя въ неоправдываемомъ исторіею ко-

*) *Тафья*—татарская ярмолка безъ складокъ, прикрывающая темя.

стюмѣ, отнимающимъ характерность, когда разсчитывалось на совершенно противоположный эффектъ.

Эти, позволимъ себѣ такъ назвать, *промахи* композитора—въ молодомъ художникѣ очень естественны; и чѣмъ они чаще проявляются въ молодости *въ эпоху кипѣнія страстей*, — тѣмъ въ будущемъ имѣемъ мы больше права ожидать отъ господина Антокольскаго произведеній серіозныхъ, когда наступитъ для него артистическая зрѣлость мысли. Эти промахи должны быть для художника нисколько не предосудительны, а, напротивъ, извинительны,—только, конечно, подъ условіемъ несчитанія его настоящаго труда достиженіемъ геркулесовскихъ столповъ въ искусствѣ и затѣмъ наступленія для него періода самоуслажденія и покоя на лаврахъ.

Позволимъ себѣ въ заключеніе замѣтить еще невыгодность вообще, для художниковъ, выбора для идеальныхъ характеристикъ историческихъ лицъ—моментовъ старости ихъ, когда человѣкъ хотя и несомнѣнно великій, за истощеніемъ творческихъ и вообще жизненныхъ силъ, дѣлается на себя не похожимъ. Въ такіе моменты мы не узнаёмъ своихъ живыхъ современниковъ—ни по мыслямъ ихъ, уже дѣтскимъ, ни по характеру дѣятельности, уже значительно ограниченному, ни по отсутствію порывовъ, въ былые лѣта развитія (у многихъ) являвшихся характеристичными и оригинальными. Какъ же и по чему узнаемъ мы историческихъ лицъ—въ подобные моменты прозябанія? Что можетъ быть болѣе безсодержательнымъ для возбужденія и затраты творческихъ фантазій художника? Развѣ и Іоаннъ IV въ послѣдніе годы жизни походилъ на себя — молодаго и полнаго энергіи государя-политика съ высокимъ администраторскимъ умомъ?

Что же касается собственно техники, повторяемъ, статуя безукоризненна, какъ читатели могутъ видѣть это въ прилагаемой гравюрѣ, чрезвычайно вѣрно передающей замѣчательное произведеніе Антокольскаго, насколько это возможно для гравюры вообще.

П. П—въ.

Спекуляторъ.

(ГАМБУРГСКАЯ ИСТОРІЙКА).

I. Импровизованный пивоваръ.

Генрихъ Штильке былъ добрый, веселый малый, уже многое переживщій и переиспытавшій на своемъ вѣку; однако, не смотря на всѣ старанія, онъ никакъ не могъ «сколотить себѣ копѣйки», или нажить хотя маленькаго домика. Въ послѣднее время, когда онъ жилъ въ погребѣ и созерцалъ міръ, по его собственному выраженію, съ самого неудобнаго пункта,—онъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо дáлекъ отъ исполненія своего завѣтнаго желанія; а именно: въ одно прекрасное утро, когда онъ хотѣлъ надѣть сапогъ, нога его, вмѣсто того чтобы спокойно и уютно помѣститься въ сапогѣ, выскочила опять наружу—и Штильке къ ужасу своему замѣтилъ, что подошва при всемъ ея желаніи не могла держаться долѣе. Штильке хотя и дѣлалъ дѣйствительно геніальныя попытки какъ нибудь прикрѣпить подошву, однако сапогъ не поддавался никакимъ усиліямъ. Несчастный хозяинъ отчаянно махнулъ рукой—и набивъ глиняную трубку, началъ глядѣть въ окно, которое было такъ низко, что проходившихъ можно было видѣть едва только по колѣно. Вещь очень скучная, когда проходили мужчины,—наоборотъ, очень интересная, когда то были женщины.

Онъ цѣлый день ждалъ вечера и между прочимъ посматривалъ, не будетъ ли кто-либо изъ проходившихъ съ такими же сапогами, какъ у него. При этомъ онъ курилъ и время отъ времени уходилъ въ кухню, комнату для него совершенно ненужную, которая была соединена посредствомъ маленькаго окошечка съ такою же кухней его сосѣда, что̀ было чрезвычайно удобно, такъ какъ сосѣдъ держалъ пивной погребъ—и Штильке могъ такимъ образомъ получать свое пиво черезъ это окошко.

Онъ только-что прочиталъ второй томъ Герштекерова «Путешествія вокругъ свѣта» и началъ свой второй стаканъ пива, пуская при этомъ страшные клубы дыма и перебирая въ умѣ всѣ возможныя средства раздобыться новой парой сапогъ.

Самымъ простымъ было-бы конечно заказать такіе какому нибудь сапожнику. Да, легко сказать! Сапожники, незнавшіе его, не хотѣли дѣлать, а знавшіе — тѣмъ болѣе нѣтъ.

Итакъ, волей неволей онъ долженъ былъ оставаться весь день дома.

Вдругъ его озарила геніальная мысль... Взглядъ его печаянно упалъ на жестяную вывѣску, которую онъ незадолго передъ тѣмъ купилъ за три шиллинга на жидовскомъ рынкѣ и на которой по бѣлому фону красными буквами значилось: «пивная лавка». Онъ купилъ себѣ эту вывѣску вмѣсто подноса—и хотя, говоря откровенно, такой былъ совершенно излишенъ, однако желаніе надсмѣяться надъ судьбою, обративъ вывѣску въ подносъ, и тѣмъ отомстить ей за всѣ свои неудачи, заставило его тотчасъ сдѣлать эту покупку.

Итакъ, вывѣска навела его на мысль тотчасъ же устроить пивную торговлю, причемъ онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: «Твой сосѣдъ часто не знаетъ, куда помѣстить всѣхъ своихъ гостей, и такъ какъ онъ отдаетъ тебѣ пиво за полтора шиллинга, тогда какъ всѣмъ другимъ онъ продаетъ по два, то ты можешь получать для своихъ гостей все нужное черезъ окошко, получишь извѣстный барышъ и кромѣ того будешь наслаждаться хорошимъ обществомъ». Штильке надѣлъ поэтому туфли, захватилъ вывѣску—и выбравшись изъ своего погреба, привѣсилъ ее надъ дверью. Потомъ снова вернувшись къ себѣ въ комнату, разложилъ на столѣ свертокъ табаку, ножъ, нѣсколько глиняныхъ трубокъ, и усѣвшись въ уголъ, сталъ поджидать гостей.

Прошло около двухъ часовъ, и онъ успѣлъ уже снова перечитать главу о южно-океанскихъ островахъ, въ которой Герштекеръ разсказываетъ о томъ, какъ одинъ матросъ продалъ за отличныя деньги свою старую истертую шляпу и какъ всѣ туземцы пожелали имѣть такія же шляпы, такъ-что если бы кто вздумалъ пріѣхать туда съ хорошимъ запасомъ такихъ шляпъ, то могъ бы устроить очень выгодную аферу. Эта глава ему понравилась особенно—и Штильке улыбался при мысли о томъ, какъ хороши должны быть индѣйцы въ такихъ

головныхъ уборахъ. Тутъ наконецъ онъ услыхалъ шаги на лѣстницѣ, въ погребъ вошелъ человѣкъ и потребовалъ «стаканъ пива». Восхищенный Штильке побѣжалъ въ кухню и черезъ нѣсколько времени воротился съ требуемымъ. «Ну, торговля начинается, бормоталъ онъ:—если будетъ восемьдесять гостей, у меня будетъ цѣлый талеръ барыша».

Гость между тѣмъ нарѣзалъ табаку и набилъ трубку, за что Штильке считалъ про себя еще «одинъ шиллингъ». Когда онъ поставилъ передъ нимъ пиво и отвернулся, гость уже покончилъ съ нимъ и говорилъ, тяжело дыша: «Ахъ, пиво прекрасно! Принесите-ка еще стаканъ».—«Это уже два шиллинга барыша», считалъ Штильке въ кухнѣ, послѣ чего, давъ себѣ нѣсколько пинковъ въ грудь, онъ продолжалъ: «отчего ты раньше не пришелъ къ этой мысли, Генрихъ, старый дуракъ?!»

Гостю пиво, казалось, пришлось очень по вкусу, и Штильке былъ уже въ третій разъ у окошка.—«Господи Боже мой, сосѣдъ», говорилъ хозяинъ: «у тебя сегодня страшная жажда».—«Нѣтъ, тамъ у меня хорошій пріятель», извинялся начинающій конкуррентъ и понесъ своему гостю пиво.—«Есть у васъ свѣжія устрицы?» спросилъ этотъ послѣдній. «О да, конечно», отвѣчалъ радостно Штильке, потому что онъ надѣялся, если дѣло пойдетъ такъ, получить отъ своего гостя восемь шиллинговъ барыша. «Тогда дайте мнѣ двѣ дюжины», приказалъ гость. Новый хозяинъ снова исчезъ въ кухнѣ и заказалъ, къ большому удивленію сосѣда, требуемыя устрицы, послѣ чего этотъ послѣдній, качая головой надъ такою невоздержностью и возрастающимъ счетомъ, подалъ ему нѣсколько штукъ, потому что цѣльное блюдо никакъ не могло пройти черезъ маленькое окно. «Дайте мнѣ къ этому стаканъ портвейну», приказалъ гость, и Штильке снова подскочилъ къ окну. «Однако какъ же насчетъ расплаты?» спросилъ озабоченно хозяинъ.—«Что касается этого, то не безпокойтесь: когда мы кончимъ, мой пріятель заплатитъ за все», утѣшалъ его Штильке и понесъ портвейнъ къ своему гостю, который въ это время пожиралъ съ такимъ спокойствіемъ шлезвигъ-голштинскія устрицы, съ какимъ недавно истребляли пруссаки самихъ голштинцевъ. Новый же хозяинъ помѣчалъ между тѣмъ на Герштекеровыхъ путешествіяхъ: три стакана пива и двѣ трубки составляютъ три шиллинга, устрицы шесть и портвейнъ одинъ, всего десять шиллинговъ барыша. Онъ смотрѣлъ на гостя какъ на живой капиталъ, съ котораго можно брать какіе угодно проценты, и при этомъ разсчитывалъ, сколько онъ можетъ, въ случаѣ нужды, доставить гостей.

— Можно у васъ получить стаканъ грогу, только крѣпкаго и хорошаго? спросилъ гость.—«О, конечно», отвѣчалъ очень довольный Штильке, исчезая въ кухню, гдѣ онъ тотчасъ порѣшилъ, что гость за это не отдѣлается менѣе двухъ шиллинговъ. Гость между тѣмъ приблизился къ окну и началъ смотрѣть. Онъ видѣлъ мелькающія мимо него ноги и бормоталъ: «Куда это онъ запропастился? я вѣдь ему говорилъ еще ранѣе, что буду въ новомъ погребѣ. Вотъ что прекрасно, продолжалъ онъ:—вамъ бы слѣдовало прибить надъ вашимъ окномъ какую-нибудь вывѣску, чтобы каждый могъ знать куда идти». Штильке тотчасъ же сообразилъ, что это было бы очень хорошо, и удивлялся, какъ это не пришло ранѣе въ голову. «А, наконецъ-то!» воскликнулъ незнакомецъ, «Христіанъ! Христіанъ!» кричалъ онъ парѣ ногъ, которыя остановились передъ окномъ, «Ступай внизъ, мы здѣсь совершенно одни и безъ стѣсненія!»—«Не правда ли?!» обратился онъ къ Штильке. «Само собой понятно», отвѣчалъ этотъ. «Ну такъ не глупи и иди сюда скорѣй. Я тебѣ говорю, что здѣсь нѣтъ ни души, кромѣ меня и хозяина. Я тебя стащу за ноги, если ты сейчасъ же не пойдешь». При этихъ словахъ гость высунулся на улицу и казалось схватилъ кого-то за ноги, но тотъ не хотѣлъ идти и упирался. «Я тебѣ говорю, ты долженъ идти», кричалъ гость, «устрицы превосходны — пойдемъ», и при этомъ онъ совершенно вылѣзъ изъ погреба, чтобы силою втащить своего упорнаго пріятеля.—«Ну, меня бы не пришлось такъ долго упрашивать», думалъ Штильке улыбаясь: «вѣроятно, чудакъ. До сихъ поръ еще не можетъ съ нимъ справиться». При этомъ онъ отправился на лѣстницу, чтобы въ случаѣ чего помочь своему гостю. Однако ни гостя, ни его упрямаго пріятеля нигдѣ не было видно, и Штильке долженъ былъ наконецъ придти къ тому печальному убѣжденію, что онъ былъ хотя и новый, но все-таки обманутый хозяинъ. Итакъ, онъ стоялъ на лѣстницѣ съ страшной злобою въ душѣ, посматривая на улицу и готовый начать скандалъ съ первымъ же встрѣчнымъ. Да вѣдь и не шутка же быть такъ нагло обманутымъ — и именно при первомъ открытіи торговли. Хоть бы устрицы-то самому съѣсть! Но, такъ!... Это было уже слишкомъ. Платить за каждое животное по счету, и за все это получить старую шляпу, которую тотъ у него оставилъ. «Дѣйствительно, шляпа должна быть внизу» подумалъ Штильке и спустился опять къ себѣ, желая поскорѣе разсмотрѣть оставленную вещь. «Можетъ-быть мошенникъ позабылъ въ ней свою карточку» думалъ онъ. При этомъ ему вспомнилась шляпа лондонскаго убійцы Мюллера, благодаря которой этотъ послѣдній былъ найденъ въ Америкѣ. Штильке взялъ этого невольнаго заложника и началъ разсматривать передъ окномъ. То была старая шляпа, которую судьба надѣлила многими прорѣхами и дырьями. Не смотря на то, что Штильке поворачивалъ ее самымъ варварскимъ маперомъ, выворачивая на изнанку и старательно осматривая изнутри и снаружи, онъ не могъ найти никакихъ нужныхъ указаній. Видя, что всѣ труды его пропадаютъ даромъ, онъ яростно бросилъ ее объ стѣну, потомъ снова поднялъ—и набивъ пустыми устричными раковинами, бросилъ въ уголъ около лѣстницы, злобно приговаривая: «На, жри же то, что твой хозяинъ не доѣлъ». Потомъ, чтобы нѣсколько успокоиться отъ волненія, онъ снова принялся за чтеніе Герштекерова путешествія, причемъ не прошло и пяти минутъ, какъ его опять осѣнила геніальная мысль. «Въ случаѣ крайней нужды, говорилъ онъ,—мнѣ съ этой старой шляпой могло бы приключиться тоже самое, что Виттингтону съ кошкой, такъ что я могъ бы сдѣлаться трижды бургомистромъ Гамбурга! Гм!.. если бы я могъ только сейчасъ же попасть съ нею на Овайги!»

Онъ быстро поднялся по лѣстницѣ, высыпалъ изъ шляпы устричныя раковины, потомъ снова вернувшись къ себѣ, поставилъ ее на столъ—и размышляя сталъ смотрѣть на нее такъ, какъ можетъ быть смотрѣлъ бѣдный Виттингтонъ на свою кошку.

Шаги на лѣстницѣ помѣшали его размышленіямъ. Вошелъ новый гость, съ виду морякъ, который, видя на верху у лѣстницы пустыя раковины, потребовалъ себѣ устрицъ.

Штильке, дошедшій въ своихъ мечтахъ до того мѣста, гдѣ онъ продаетъ свою старую шляпу одному

изъ индѣйскихъ вождей за нитку жемчуга необыкновенной цѣнности,—былъ возвращенъ пришедшимъ къ дѣйствительности. Ему представилось, что не товарищъ ли ужъ это перваго гостя, который хочетъ продолжать начатую имъ продѣлку,—а потому Штильке, сердито посмотрѣвъ на него, обратился съ безцеремоннымъ вопросомъ: «есть ли у него деньги?» Гость тоже посмотрѣлъ на него свирѣпо и закричалъ: «Чортъ возьми! Вы неучъ; что вамъ за дѣло до этого!» «О, до этого мнѣ большое дѣло», возразилъ хозяинъ: «здѣсь предварительно платятъ, иначе ничего не полагается».—«Мнѣ кажется, что вамъ слѣдовало бы сидѣть въ сумасшедшемъ домѣ, а никакъ не въ пивной. Сейчасъ же дайте мнѣ стаканъ грогу!» закричалъ гость, стуча по столу. Штильке, мысленно бывшій все-таки обладателемъ жемчужной нитки, совершенно не былъ расположенъ выслушивать грубости, да кромѣ того онъ сомнѣвался, чтобы сосѣдъ повѣрилъ ему еще что нибудь въ долгъ, а потому вскочивъ изъ угла и отворивъ дверь, онъ показалъ на верхъ и громовымъ голосомъ (прежде онъ былъ актеромъ) крикнулъ: «Вонъ!!!»—Однако же гость, стуча кулакомъ по столу, такъ-что глиняныя трубки прыгали и вертѣлись, объяснилъ, что если сумасшедшій хозяинъ не дастъ ему тотчасъ же устрицъ, то онъ его отколотитъ.

Отколотить Генриха Штильке?—это однако было легче сказать чѣмъ сдѣлать, и слѣдствіемъ этой угрозы было то, что Герштекеровы путешествія полетѣли въ голову гостя, на что этотъ послѣдній, за недостаткомъ болѣе подходящаго, отвѣчалъ шестью глиняными трубками.—«Вонъ!!!» рычалъ Штильке—и когда гость не хотѣлъ тотчасъ же послѣдовать этому дружескому приглашенію, онъ подскочилъ къ нему однимъ прыжкомъ и схватилъ за шиворотъ. Послѣ этого между хозяиномъ и гостемъ началась такая драка, они такъ валялись и катались, что въ погребѣ стало все вверхъ дномъ.

Однако бойцы должны были разойтись, чтобы нѣсколько перевести духъ. Штильке замѣтилъ на полу залогъ своего прежняго гостя, который въ пылу битвы былъ превращенъ въ лепешку. «Счастье ваше, что это не кошка! Если бы она умерла, я бы убилъ васъ», кричалъ онъ, со всею нѣжностью подымая упавшую шляпу и придавая ей старую форму, послѣ чего началъ гладить рукавомъ. Гость смотрѣлъ на все это съ удивленіемъ и скоро разразился громкимъ смѣхомъ. «Если у васъ голова въ порядкѣ, то вы самый странный хозяинъ, какого мнѣ приходилось видѣть на своемъ вѣку. Угощаете вы всегда такъ вашихъ гостей?» Штильке былъ малый добрый—и ему теперь было жалко, что онъ такъ грубо обошелся съ своимъ гостемъ, поэтому онъ и отвѣчалъ: «Не всегда такъ, дружище! У меня было два гостя. Одинъ изъ нихъ проглотилъ три стакана пива, одинъ портвейну и грогу, а также двѣ дюжины устрицъ и улизнулъ ничего не заплативъ, а оставилъ въ залогъ вотъ эту шляпу, тогда какъ мнѣ приходится за все расквитываться съ моимъ сосѣдомъ. Поэтому, при всемъ моемъ желаніи, я не могу вамъ предложить ничего другаго, кромѣ только вотъ этого холоднаго блюда кулаковъ, которое вы только-что отвѣдали. Если вамъ угодно еще одну порцію, то стоитъ только приказать», заключилъ онъ съ поклономъ. — «Благодарю», отвѣчалъ другой смѣясь, такъ-что у него трясся животъ, «у васъ нѣтъ ничего другаго?»—«Къ сожалѣнію, нѣтъ», сказалъ уныло Штильке, «даже трубки—и тѣ пошли прахомъ». Послѣ этого онъ чистосердечно разсказалъ своему гостю начало и продолженіе своей торговли, такъ-что у этого даже выступили на глазахъ слезы отъ смѣха. «Какъ я посмотрю, вы дѣйствительно потѣшнѣйшій хозяинъ, какого мнѣ приходилось видѣть на своемъ вѣку, хотя я таки не мало изъѣздилъ по свѣту, потому что я капитанъ», сказалъ гость. «Вы капитанъ?» спросилъ Штильке озабоченно: «вы можетъ были на Овайги и можете мнѣ сказать, нельзя ли тамъ сдѣлать со шляпами какую нибудь аферу?»—«Я былъ тамъ прошедшій годъ», говорилъ капитанъ, «однако относительно послѣдняго пункта не могу вамъ дать никакихъ положительныхъ свѣденій. Мой прежній товарищъ дѣйствительно нажилъ себѣ состояніе продажей одной такой шляпы и живетъ теперь припѣваючи. Его можно видѣть каждое утро въ Сан-Паули. Такъ какъ у васъ здѣсь ничего не получишь кромѣ пинковъ, то я васъ приглашаю отправиться вмѣстѣ. Тамъ вы переговорите съ нимъ относительно этой шляпной торговли. Если же вамъ нужно послать что нибудь на Овайги, то къ этому представляется удобный случай, потому черезъ мѣсяцъ туда отправляется мой братъ».—«Ну, такого ничего не предвидится», сказалъ качая головой Штильке. — «Такъ идемте же», обратился къ нему капитанъ. Штильке хотѣлъ-было сначала отговориться отъ этого предложенія недосугомъ и важными дѣлами, однако же потомъ отказавшись отъ этой лжи, со всею комичностью положилъ на столъ свой дырявый сапогъ. Капитанъ сначала посмотрѣлъ на него вопросительно, потомъ на сапогъ, покачалъ головою, схватилъ свою шляпу и не говоря ни слова исчезъ.

Одинокій, обманутый и поколоченный хозяинъ печально глядѣлъ ему вслѣдъ. «Да, да», говорилъ онъ: «покажи только людямъ, что ты бѣднякъ, они тотчасъ же покажутъ тебѣ спину. Однако чтобы не попасться какъ нибудь опять въ просакъ и не сдѣлаться игрушкой какого нибудь мошенника, я покончу съ своей торговлей».

Послѣ этого онъ взошелъ на лѣстницу, снялъ вывѣску и положилъ ее на прежнее мѣсто въ уголъ, говоря: «Вотъ начало и конецъ пивной Генриха Штильке».

(Продолженіе будетъ).

Торгъ черкешенками въ Константинополѣ.

Извѣстно, что въ Турціи до сихъ поръ еще не прекратилась торговля невольниками, хотя, утвердившись окончательно на Кавказѣ и занявъ весь восточный берегъ Чернаго моря, Россія и положила нѣкоторымъ образомъ предѣлы этому торгу. Но магометанскіе беи въ турецкой части Гуріэля дѣлаютъ еще и теперь нападенія на пограничные округи Грузіи съ цѣлью увести оттуда людей, чтобы потомъ продать ихъ на рынкѣ.

Валиде султана, т. е. султанша мать покойнаго султана была *грузинская* невольница. Въ Гуріэлѣ года за два до этого большая часть торговли невольниками была въ рукахъ одной женщины по имени *Тинтина Канамъ* и двухъ ея сыновей: Гассана и Али, которые

были беями въ Тшуруксу. Эти честные люди крали и похищали мальчиковъ и дѣвушекъ и передавали ихъ своей матери, которая отсылала этотъ товаръ въ Константинополь для продажи. Тамъ она была въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ дворцомъ султана и нѣсколькими высокими сановниками. Ея вліяніе было такъ велико, что одинъ изъ ея сыновей былъ сдѣланъ пашею, а другой въ 1865 г., намѣстникомъ Керазунта.

У *черкесовъ* торгъ дѣвушками давно уже вошелъ въ употребленіе—и эти послѣднія были очень довольны этимъ обычаемъ. Онѣ только того и домогались, чтобы ихъ отвезли въ Константинополь и продали тамъ. Многія охотно отправлялись туда, чтобы выйти замужъ за какого нибудь турка; другихъ отсылали въ Египетъ, Тунисъ, Марокко и даже въ Персію. Онѣ только и мечтали о томъ, чтобы попасть въ рабство и разыгрывать роль въ какомъ нибудь гаремѣ,—и не только не возмущались тѣмъ, что ими торговали, но еще глядѣли на торговца какъ на своего благодѣтеля.

Въ 1864 г. Кавказъ покорился Россіи — и болѣе 100,000 черкесовъ переселилось въ Турцію. Тамъ ни что не мѣшаетъ имъ торговать невольниками сколько душѣ угодно. Конечно, во время ихъ переселенія турецкое правительство издало законъ, вслѣдствіе котораго всѣ черкесы были объявлены свободнорожденными людьми. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые высокіе сановники послали особенныхъ агентовъ въ то мѣсто, куда они пристали, чтобы скупить самыхъ красивыхъ дѣвушекъ, прежде чѣмъ онѣ попадутъ на рынокъ, гдѣ за нихъ заплатили бы дороже. Такимъ образомъ они припасли не мало прекраснаго товара, самаго лучшаго сорта. Съ тѣхъ поръ торговля дѣвушками ведется правильнымъ образомъ. Поселившіеся въ Румеліи и въ Малой Азіи, въ окрестностяхъ Бруссы въ Виѳиніи, черкесы постоянно снабжаютъ рынокъ этимъ товаромъ.

Черкесскія невольницы высоко цѣнятся знатными турками, потому уже, что, помимо своей красоты, онѣ волею-неволею покоряются той подчиненности, которую предписываетъ коранъ женщинамъ. Эта подчиненность вмѣнена женщинѣ закономъ и религіей—и кромѣ того она знаетъ, что ея мужъ можетъ освободиться отъ нея подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ или дать ей соперницу. Этого послѣдняго она страшно боится и лучше готова безусловно повиноваться, чѣмъ имѣть соперницу. Кромѣ того ей не помогаютъ ни мать, ни отецъ, ни братья, какъ природной турчанкѣ, которая всегда гораздо болѣе позволяетъ себѣ и можетъ надѣлать мужу много хлопотъ своимъ упрямствомъ.

Черкешенки выгодны для гарема еще и въ другомъ отношеніи. Свободнорожденная, некупленая турчанка должна скрывать свое лицо и руки; уже однимъ несоблюденіемъ этого она кладетъ пятно на свою добродѣтель. Невольница же не имѣетъ своей собственной добродѣтели; эта послѣдняя—собственность ея господина, потому-то ей и нечего защищать ее.

Согласно обычаю, обратившемуся въ законъ, султанъ, какъ глава государства и преемникъ пророка Магомета, не можетъ жениться ни на своей подданной, ни на иностранкѣ. Откуда же въ такомъ случаѣ берутся въ его гаремѣ жены, законныя и незаконныя? Онъ можетъ заключать что-то въ родѣ брака съ принадлежащими ему невольницами, и то же самое правило распространяется и на принца крови, который можетъ когда нибудь взойти на престолъ. Исторія оттоманской имперіи представляетъ одинъ только случай, составляющій уклоненіе отъ этого правила: султанъ Орханъ женился на Теодорѣ, дочери византійскаго императора Кантакузена; но тогда султанъ не носилъ еще названія потомка и намѣстника пророка.

Такимъ образомъ становится понятно, почему рабство считается въ Турціи необходимостью и что императорскіе скупщики черкесскихъ дѣвушекъ будутъ покупать ихъ до тѣхъ поръ, пока будутъ держаться существующіе до сихъ поръ порядки.

Въ Константинополѣ—два рода торговцевъ невольниками, занимающихся торговлей черкесскими дѣвушками. Для однихъ изъ нихъ это такое же ремесло какъ и другія, и большая часть такихъ торговцевъ—природные черкесы; ко второму классу принадлежатъ любительницы.

Получивъ запасъ свѣжаго товару, торговецъ сейчасъ же засылаетъ къ любительницамъ нѣсколько посредницъ; любительницы состоятъ большею частію изъ высокопоставленныхъ дамъ султанскаго дворца или женъ сановниковъ, напр. извѣстныхъ государственныхъ людей: Али Паши, Фуада Паши, Гуссейна Паши (слѣдовательно, «просвѣщенныхъ турецкихъ реформаторовъ»), а потомъ изъ женъ многихъ Пашей. Эти любительницы, которыя занимаются торговлею такъ сказать безплатно и безпошлинно, приказываютъ привести дѣвушекъ къ себѣ на домъ или же отправляются къ продавцу невольниковъ—и тщательно осмотрѣвъ товаръ, покупаютъ его. Купленную дѣвушку знатная дама увозитъ къ себѣ во дворецъ, гдѣ ей даютъ извѣстнаго рода воспитаніе. Она остается тутъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ, чтобы выучиться турецкому языку и домашнему хозяйству. Нѣкоторыхъ изъ нихъ учатъ еще бренчать на фортепьяно, потому-что за такихъ больше платятъ. Дамы употребляютъ различныя уловки, чтобъ заманить покупщиковъ. Такъ напр. онѣ разъѣзжаютъ по стамбульскимъ улицамъ; дѣвушка садится на заднее мѣсто открытой коляски, конечно съ вуалемъ на головѣ, но который такъ прозраченъ, что не скрываетъ ея красоты.

Нѣкоторыя знатныя константинопольскія дамы обогатились посредствомъ торговли невольницами, потому-что это далеко не безвыгодная спекуляція. Дѣвушка отъ 10 до 12 лѣтъ, купленная за 200 ф. стерлинговъ (1545 рублей), достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, приноситъ иногда 1000 ф. ст. (7726 р.). Майоръ *Миллингеръ* (On Circassian Slaves; in Journal of the Anthropological Society, Iuli 1870) приводитъ списокъ цѣнъ, за которыя Атидже Ханумъ Эффенди, занимающаяся этою торговлею, продала купленныхъ ею черкешенокъ. Она мать Риза-Бея, который былъ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, посланникомъ султана въ Петербургѣ, а теперь исполняетъ ту же самую обязанность въ Тегеранѣ. Этотъ списокъ заключаетъ въ себѣ имена невольницъ, заплаченныя за нихъ суммы и годъ продажи:

Джемалифэ, продана Гами-Пашѣ	1000 ф.	ст.	1859 г.
Аиниферъ, египетскому бею .	750 »	»	1859 »
Анделиба, Рифатъ-Пашѣ . . .	650 »	»	1862 »
Френкиста, одному бею . . .	770 »	»	1862 «
Дильберъ	190 »	»	1866 »
Афитаба, Махмуду, тунисскому пашѣ	600 »		1866 »

Бегіэ Ханумъ, супруга покойнаго премьеръ-министра Фуада Паши, вела эту торговлю въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, и это было извѣстно всему Константинополю. Чтобы придать цѣну своему товару въ глазахъ покупщика, она прибѣгала къ помощи одного кудесника,

по имени Ходжа, которому приписываютъ сверхъестественное искусство. Этотъ послѣдній далъ ей въ видѣ талисмана *заколдованную рубашку*. Если такую рубашку надѣть на невольницу, то покупщикъ такъ очаруется прелестями этой дѣвушки, что не постоитъ ни за какой цѣной. Бегіэ божилась и клялась, что этотъ талисманъ ни разу не остался безъ дѣйствія.

Торговцы и любительницы не ограничиваютъ своихъ операцій однимъ только Стамбуломъ, но распространяютъ ихъ, какъ уже говорено, и далѣе, именно въ Египетъ и Тунисъ. Покупщики изъ этихъ странъ вообще очень хорошо платятъ. Всего же болѣе занимаются они султанскимъ дворцомъ, потому что тамъ постоянный спросъ на гаремныхъ невольницъ. Дѣвушка, однажды купленная для гарема или состоявшая на службѣ какой нибудь султанши, не можетъ уже больше продаваться. Тѣ, кто служилъ принцу крови, не должны уже служить другимъ людямъ, потому-что это было бы унизительно для престола. На невольниковъ теперь самый ничтожный спросъ, но все-таки покупается еще отъ времени до времени какой нибудь черкесскій мальчикъ для того, чтобъ раздѣлять игры султанскаго сына или сына какого нибудь паши.

Впрочемъ, черкешенки живутъ въ гаремахъ далеко не такъ счастливо, какъ онѣ воображали; имъ приходится жить взаперти, терпѣть отъ ревности, между турчанками, съ которыми онѣ никогда не могутъ сойтись. Эти послѣднія очень строптивы и далеко не прочь возстановить своего господина и повелителя противъ чужой женщины. Съ своей стороны и незаконнымъ женамъ меньше всего могутъ нравиться законныя. Между обѣими сторонами очень часто ведется война. Много черкешенокъ худѣетъ и умираетъ отъ чахотки. Миллингеру извѣстны также случаи насильственной смерти. Одна дѣвушка, по имени Ильдицъ, была страшно избита бѣшеной женщиной и потомъ заперта въ погребъ, гдѣ она и умерла. Мужъ употреблялъ всевозможныя усилія чтобъ спасти несчастную, — но ревнивая жена не хотѣла его и слушать, а онъ былъ такъ слабъ, что покорился.

Всего лучше бываетъ тѣмъ, которыя попадутъ въ султанскій дворецъ. Конечно, онѣ живутъ тамъ въ строгомъ заточеніи; впрочемъ не терпятъ ни въ чемъ недостатка; ихъ хорошо кормятъ—и онѣ пользуются различными развлеченіями въ вознагражденіе за ту ограниченную свободу, которая дозволена городскимъ жительницамъ. Тѣ, которымъ особенно благопріятствуетъ счастье, дѣлаются супругами или наложницами султана или какого нибудь принца императорской фамиліи. Другія старѣются въ сэралѣ и пріобрѣтаютъ богатство или вліяніе, что сводится къ одному. Но большая часть этихъ черкешенокъ выпускается черезъ нѣсколько лѣтъ изъ дворца и отдается замужъ за какого нибудь армейскаго офицера или чиновника. Эти сэральскія дѣвушки слывутъ большими интригантками и плохими женами, а между тѣмъ многіе охотно женятся на нихъ, надѣясь получить посредствомъ брака съ ними протекцію во дворцѣ. Странно, что довольно часто эти сэральскія дѣвушки, даже и тогда когда богатый человѣкъ готовъ предложить имъ руку, все-таки отдаютъ предпочтеніе отвратительнымъ чернымъ евнухамъ.

Однажды у воротъ дворца, въ которомъ жила вторая супруга прежняго султана Абдула Меджида, появился старый черкесскій простолюдинъ. Онъ говорилъ, что онъ отецъ султанши и желаетъ еще разъ, прежде чѣмъ умереть, взглянуть на свою дочь. Она же дала слѣдующій отвѣтъ: «Я не хочу и глядѣть на лицо того человѣка, который рѣшился продать меня въ неволю».

Березовъ.

Березовъ—окружной городъ Тобольской губерніи въ 1,065 верстахъ отъ г. Тобольска, на лѣвомъ берегу рѣки Сосвы, недалеко отъ впаденія ея въ Обь, и на рѣкѣ Вогулкѣ, лѣвомъ притокѣ Сосвы, подъ 63°55 с. ш. и 82°47 вост. долготы.

Березовъ основанъ въ 1593 г. для сбора ясака, близь остяцкаго селенія Сумгутъ-Вохръ (по русски Березовый городокъ). Со второй четверти XVIII вѣка Березовъ сдѣлался мѣстомъ ссылки нѣкоторыхъ значительныхъ государственныхъ людей. Въ 1727 г. сосланъ былъ сюда князь Меньшиковъ съ сыномъ и двумя дочерьми, изъ коихъ старшая Марія была первою невѣстою Императора Петра II. Меньшиковъ скончался въ 1729 г., а вскорѣ послѣ него скончалась и Марія; остальные дѣти Меньшикова были возвращены въ 1731 г. Въ 1730 г. сосланъ былъ въ Березовъ князь Иванъ Долгорукій съ женою, отцомъ, матерью, тремя братьями и тремя сестрами, изъ коихъ Екатерина была второю невѣстою Петра II. Родители князя Ивана скончались въ Березовѣ, остальные члены семейства вывезены изъ Березова въ 1738 г.; князь Иванъ казненъ, прочіе разосланы въ другія мѣста. Въ 1742 г. въ Березовъ сосланъ графъ Остерманъ съ женою; онъ скончался здѣсь въ 1747 г. Березовъ нерѣдко подвергался опустошительнымъ пожарамъ, какъ наприм. въ 1719 г. Въ 1782 году Березовскій острогъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ тобольскаго намѣстничества [1]). Въ 1808 г. онъ сгорѣлъ вторично, при чемъ сгорѣла и деревянная церковь, построенная княземъ Меньшиковымъ. Жителей въ 1860 г., 1462 души об. п.; 2 каменныхъ церкви. Соборная во имя Воскресенія Господня; около нея покоятся тѣла Маріи Меньшиковой и князей Долгорукихъ. Вторая церковь во имя Рождества Богородицы выстроена на мѣстѣ деревянной Меньшиковской; около нея покоится тѣло Остермана. Улицъ 3, переулковъ 8, лавокъ 16, питейныхъ домовъ 2, складочныхъ магазиновъ 5. Училище уѣздное 1, лазаретъ 1, острогъ 1, инородческая больница 1. Доходы города простирались въ 1860 г. до 800 руб. Торговля Березова значительна. Мягкой рухляди (мѣховъ) вывозится на 30,000 р. сер., мамонтовой кости и орѣховъ на 25,000 р. сер., соленой и сушеной рыбы на 8,000 р. сер., слѣдовательно всего на сумму болѣе 60,000 р. сер. Ежегодно торги въ январѣ, на которыхъ продается товара на 26,000 р.

---

[1]) Начало присоединенія Сибирскаго края къ Россіи было положено покореніемъ Ермакомъ, въ 1581 году, юго-западной части нынѣшней Тобольской губерніи; съ теченіемъ времени завоеванія наши подвигались постепенно далѣе на востокъ и воеводы, для удержанія пріобрѣтеннаго оружіемъ и для защищенія себя отъ нападеній туземцевъ, строили остроги, послужившіе началомъ нынѣ существующимъ городамъ.

Городъ Березовъ.

Березовскій округъ [2]) есть самый сѣверный изъ округовъ Тобольской губерніи. Большая часть поверхности Березовскаго округа занята низменною равниною; только вдоль всей западной границы округа простирается Уральскій хребетъ, отдѣляющій Березовскій округъ отъ Архангельской и Вологодской губерній. Независимо отъ Уральскаго хребта, посреди тундристыхъ равнинъ Березовскаго округа, есть возвышенности въ восточной части округа, служащія водораздѣломъ различнымъ рѣкамъ. Рѣчная артерія Березовскаго округа есть Обь, которая течетъ въ предѣлахъ округа на протяженіи 2,000 верстъ и дробится на многіе рукава. Острова, залегающіе между рукавами рѣкъ, имѣютъ до 50 верстъ ширины. Озера округа не очень значительны. Почва во всемъ округѣ преимущественно болотиста и тундриста. Климатъ округа суровый. Ледъ на рѣкахъ проходитъ только въ концѣ мая и кустарники одѣваются зеленью въ концѣ іюня, а въ началѣ сентября падаютъ листья и перепадаетъ снѣгъ. Лѣсная растительность южнѣе Березова (64° с. ш.) еще значительна и состоитъ изъ кедра, лиственницы, сосны, пихты, ели, березы, осины и ивы; деревья достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Къ сѣверу отъ Березова деревья становятся мельче; до 68° с. ш. достигаетъ искривлённый сосннкъ и ольховникъ, далѣе лѣсная растительность совершенно исчезаетъ. Арктическая флора представляется здѣсь породами низкорослыхъ кустарниковъ: *Rhododendron dauricum, Empetrum nigrum, Vaccinium uliginosum,* и пр. Фауна Березовскаго округа довольно богата. Изъ морскихъ животныхъ въ Обской губѣ водятся моржи, тюлени и дельфины. Изъ сухопутныхъ животныхъ распространены лоси и олени, медвѣди, волки, лисицы, песцы, россомахи, куницы, горностаи, бѣлки, бурундуки. Соболи попадаются, но хуже восточно-сибирскихъ. Птицъ, въ особенности водяныхъ и прибрежныхъ, чрезвычайно много. Изъ красныхъ рыбъ водятся въ Оби осетры, стерляди, нельма, и проч. Минеральныя богатства Березовскаго округа мало изслѣдованы. Въ вершинахъ рѣкъ Сосвы, Вогулки и Щокурьей есть розсыпное золото; на берегахъ Ледовитаго моря—янтарь.

Число жителей въ 1860 г., кромѣ города, 26,020 об. п., на квадратную милю менѣе $1\frac{1}{2}$ души. Изъ жителей округа—русскихъ 2,200 д. об. п., инородцевъ 24,000 об. п. Инородцы принадлежатъ къ двумъ племенамъ—самоѣдовъ и остяковъ. Большинство народонаселенія исповѣдываетъ православную вѣру, а именно 18,100 д. об. п.; шаманства придерживается однако же 7,300 д. об. п. Земледѣліе въ окружности совсѣмъ не развито, въ новѣйшее время дѣланы были въ небольшихъ размѣрахъ опыты посѣвовъ ячменя и разведенія картофеля въ Юганской волости. Огородничество существуетъ хотя въ небольшихъ размѣрахъ, не только къ югу отъ Березова, но даже у Обдорска, самаго сѣвернаго поселенія губерніи. Скотоводство развивается. Скотъ, не державшійся въ прошломъ вѣкѣ, въ настоящее время уже хорошо акклиматизированъ. Главные промыслы жителей—рыбная и звѣриная ловля. По свѣденіямъ за 1860 г. рыбы, кромѣ идущей на внутреннее потребленіе, добыто на 108,000 р. Уловъ звѣря въ томъ же году простирался на сумму до 92,000 р. Птицы добывается весьма много; мясо ея идетъ на внутреннее потребленіе, пуху и перьевъ вывозится 1,500 пуд., на 2,000 р. Наконецъ сборъ кедровыхъ орѣховъ составляетъ также довольно значительный мѣстный промыселъ, въ южной части округа.

Всѣ означенные предметы поступаютъ на Ирбитскую ярмарку [3]). Взамѣнъ того ввозится въ округъ ежегодно товаровъ на 100,000 р. Болѣе половины этой суммы составляетъ стоимость ввозимаго хлѣба. Хлѣбъ сплавляется по Оби изъ Тобольска. Фабрикъ и заводовъ въ округѣ совсѣмъ нѣтъ; ремесленниковъ считается 70 человѣкъ.

Внутреннее обозрѣніе

Отсутствіе въ нашемъ журналѣ отдѣла внутреннихъ извѣстій не могло не быть замѣчено читателями. Нынѣ, вводя рубрику внутренняго обозрѣнія, мы, сообразно съ скромными размѣрами изданія, будемъ ограничиваться выборомъ наиболѣе интересныхъ извѣстій, по возможности обрабатывая и группируя ихъ. Само собою разумѣется, что при этомъ невозможно будетъ слишкомъ строго придерживаться порядка, въ которомъ слѣдуютъ событія изъ нашей внутренней жизни, а также времени ихъ совершенія, представляя въ каждомъ очеркѣ непремѣнно тѣ изъ нихъ, которыя случились на прошедшей недѣлѣ.... «Нива», какъ изданіе еженедѣльное, не можетъ угнаться за большими газетами, которыя, въ этомъ отношеніи пользуются удобствами каждодневнаго выхода, а слѣдовательно, легко могутъ удовлетворять жаждѣ новостей. Ея задача, поэтому, гораздо опредѣленнѣе, хотя и нѣсколько сложнѣе.

На первый разъ, современная жизнь представляетъ намъ весьма обильный матеріалъ для обозрѣнія. Вопросы самые живые, самые разнообразные занимаютъ наше общество въ настоящую минуту, именно: вопросъ о преобразованіи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, вопросъ о податной реформѣ, событія въ Одессѣ происшествіе въ Москвѣ, на фабрикѣ братьевъ Носовыхъ, событія въ Гельсингфорсѣ и проч. и проч. Не говоримъ уже о разныхъ мѣстныхъ вопросахъ, которые поднимаются въ разныхъ частяхъ нашего пространнаго отечества.

Вопросъ о преобразованіи гимназій по проектамъ министерства народнаго просвѣщенія—вызываетъ къ себѣ самое живое вниманіе въ нашемъ обществѣ. Вотъ уже болѣе мѣсяца какъ онъ не сходитъ съ очереди—и споры по этому предмету не прекратятся до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ окончательнаго рѣшенія его въ Государственномъ Совѣтѣ. Коммисія, которой поручено разсмотрѣніе проектовъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ слышно, уже окончила свои занятія, и къ 15-му мая можно ожидать развязки этого дѣла. Въ сущности, весь споръ между сторонниками классическаго и сторонниками реальнаго образованія сводится къ тому, что первые, основываясь на образовательномъ вліяніи древнихъ языковъ и литературы, отдаютъ имъ предпочтеніе

---

[2]) Сибирскія губерніи и области дѣлятся не на уѣзды, а на *округи.*

[3]) Ирбитская ярмарка, возникшая между 1630 и 1650 г. въ г. Ирбитѣ, Пермской губерніи, одна изъ важнѣйшихъ въ Россіи послѣ Нижегородской; оборотъ до 35 милліоновъ р. Эта ярмарка продолжается съ 1 февраля по 1 марта и служитъ главнымъ мѣстомъ обмѣна товаровъ Европейской Россіи съ азіатскими. Главную роль въ торговыхъ оборотахъ играютъ чай, пушной товаръ и металлическія издѣлія.

передъ остальными учебными предметами и сообразно этому расширяютъ учебную программу гимназій, вводя въ нее древніе языки какъ главную составную часть; болѣе умѣренные изъ сторонниковъ этого направленія, не отрицая нѣкотораго нерасположенія общества къ классическимъ языкамъ,—стараются объяснить это послѣднее недостатками самаго преподаванія, черезъ-чуръ скучнаго и обременительнаго. Другая сторона, т. е. защитники реальнаго направленія, стоятъ за то, чтобы реальныя училища были уравнены въ правахъ съ классическими, т. е. чтобы воспитанники реальныхъ гимназій допускались въ университеты наравнѣ съ воспитанниками гимназій классическихъ;—чтобы облегчить этотъ доступъ необходимо, уменьшивъ число учебныхъ часовъ на древніе языки и сдѣлавъ греческій языкъ необязательнымъ, усилить преподаваніе русскаго языка, математики и естествовѣдѣнія. Большинство органовъ печати (преимущественно петербургскихъ) на сторонѣ реальнаго образованія, которое, впрочемъ, не можетъ быть названо таковымъ въ строгомъ смыслѣ слова, потому-что даже самые завзятые реалисты не отвергаютъ пользы и совершенной необходимости такъ-называемыхъ гуманныхъ наукъ.

Увлеченное споромъ о классическомъ и реальномъ образовніи, наше общество не замѣчаетъ того важнаго значенія, которое долженъ имѣть другой проектъ министерства народнаго просвѣщенія,—проектъ, касающійся учительскихъ семинарій. Правда, ближе всѣхъ въ этомъ проектѣ заинтересованы земства тѣхъ губерній, гдѣ открыты учительскія семинаріи или гдѣ ихъ намѣреваются открыть, а не высшій и средній слои общества въ частности. Но нельзя отрицать, что хотя болѣе отдаленное, но столь же практическое значеніе имѣетъ этотъ проектъ и для нихъ. Можно догадываться, что въ немъ затронуты самыя живыя стороны этихъ учрежденій: отношенія ихъ къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, предѣлы курсовъ, составъ и опредѣленіе преподавателей, надзоръ, инспекція и т. д. Какъ бы ни были строги новыя мѣры, во всякомъ случаѣ ихъ можно предпочесть еще болѣе тягостному состоянію неизвѣстности, при которомъ можно ожидать бѣды со всѣхъ сторонъ. Самое лучшее, что можно ожидать въ настоящее время въ этомъ дѣлѣ—это то, чтобы учительскимъ семинаріямъ, хотя бы въ тѣсномъ кругу но въ кругу, указанномъ закономъ, предоставлена была полная свобода дѣйствій.

Впрочемъ, какъ бы ни были предусмотрительны составители всяческихъ проектовъ, но жизнь, со всѣми ея неуловимыми измѣненіями и разнообразіемъ, въ тысячный разъ доказываетъ, какъ тщетны усилія людей, старающихся втиснуть ее въ рамки одного устава или положенія. До какой степени, напримѣръ, разнообразны требованія той или другой мѣстности въ дѣлѣ народнаго образованія, какія своеобразныя формы и оттѣнки принимаетъ оно въ различныхъ губерніяхъ и уѣздахъ! Въ послѣднее время представлено много ходатайствъ изъ разныхъ мѣстностей объ устройствѣ гимназій и прогимназій, объ утвержденіи обществъ съ благотворительною цѣлью для вспомоществованія неимущимъ воспитанникамъ учебныхъ заведеній, объ открытіи курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ, о съѣздахъ сельскихъ учителей и наконецъ объ открытіи новыхъ школъ. Ходатайствъ этихъ такъ много и они до такой степени разнообразны, что нѣтъ возможности привести здѣсь и десятой ихъ части; ограничимся лишь самыми примѣчательными. Объ открытіи семинарій для подготовленія сельскихъ учителей хлопочутъ земства *Московское*, *Полтавское*, *Казанское* и *Самарское*. *Казанское* нашло болѣе удобнымъ устроить семинарію для приготовленія сельскихъ учительницъ. Педагогическіе курсы устраиваются земствами: *Рязанскимъ*, *Пензенскимъ*, *Новгородскимъ* (въ трехъ мѣстахъ), *Симбирскимъ* и другими. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ восемью уже существующими учительскими семинаріями, ихъ будетъ въ скоромъ времени 12, несчитая постоянныхъ педагогическихъ курсовъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Располагаются онѣ довольно неравномѣрно, если принять во вниманіе пространство: значительная часть ихъ приходится на южныя губерніи, преимущественно малороссійскія (5), потомъ слѣдуетъ центральная полоса (3), остальныя въ губерніяхъ сѣверозападныхъ и восточной. Замѣчательно, что наиболѣе населенныя губерніи, въ которыхъ дѣйствуютъ земскія учрежденія, стоятъ и въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ; таковы: Московская, Полтавская, Черниговская и другія. Съѣзды сельскихъ учителей были уже во многихъ губерніяхъ: *Новгородской*, *Екатеринославской*, *Ярославской* и другихъ. Предполагается для этой цѣли воспользоваться и наступающимъ лѣтомъ. Открывая педагогическіе курсы, земство назначаетъ для слушателей денежное вспомоществованіе, которое требуетъ въ иныхъ мѣстностяхъ весьма значительныхъ со стороны земства затратъ; такъ, *Новгородское* губернское земское собраніе предположило израсходовать на этотъ предметъ, въ одномъ только настоящемъ году, болѣе 5,000 руб., *Симбирское* — болѣе 3,000 р., немного менѣе *Рязанское* и т. д. Къ сожалѣнію, не вездѣ встрѣчаемъ, мы подобное рвеніе къ дѣлу народнаго образованія: есть мѣстности, гдѣ даже въ это дѣло вносятъ интересъ сословный, частный. Такъ, наприм., изъ сообщенія корреспондента «Петербургскихъ Вѣдомостей» видно, что *Владимірское* губ. земское рѣшилось воспользоваться, для устройства женской гимназіи, деньгами, собиравшимися въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ на устройство педагогическихъ курсовъ, для приготовленія учителей въ народныя школы, и тѣмъ лишило губернію не одной сотни сколько-нибудь знающихъ учителей. Между тѣмъ какъ открытая имъ женская гимназія имѣетъ значеніе только для одного дворянскаго сословія, народныя школы Владимірской губерніи, по заявленію самихъ гласныхъ, сильно нуждаются въ учителяхъ. Къ тому же и самихъ школъ, при постоянно усиливающемся стремленіи къ грамотности, недостаточно. И еслибы повсюду проявлялось такое стремленіе въ этому дѣлу, какое мы видимъ въ школѣ отставнаго солдата Протасова, то лучше и требовать нельзя. Этотъ замѣчательный человѣкъ, ввелъ въ употребленіе слѣдующій оригинальный способъ обученія. Не имѣя опредѣленнаго мѣстопребыванія, школа г. Протасова переѣзжаетъ изъ одного дома въ другой и, вмѣсто платы за обученіе, требуетъ, чтобы ее, т. е. учителя съ учениками, подовольствовали по-очереди родители каждаго изъ учащихся. Крестьяне относятся къ этому дѣлу сочувственно, а мальчики въ какихъ нибудь двѣ-три недѣли выучиваются читать какъ слѣдуетъ.

Зато въ Финляндіи рѣшительно возстаютъ противъ всякой платы за ученіе. Въ «Пет. Вѣд.» пишутъ изъ Гельсингфорса, что на тамошнемъ педагогическомъ собраніи рѣшено «устроить съѣздъ учителей и учительницъ всей Финляндіи, для того чтобъ къ предстоящему сейму приготовить петицію, чтобъ нетолько не увеличивать платы за обученье, но совершенно отмѣнить ее въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ», что Финляндія «была бы лишена доброй половины своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, еслибъ въ ней уже давно существовала плата за ученье».

Заботы земства объ устройствѣ новыхъ школъ и объ исправленіи существующихъ, а также подробности организаціи ихъ въ различныхъ губерніяхъ составятъ предметъ особаго очерка.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗАВЕДЕНІЕ ПЛЕМЕННЫХЪ ТЕЛЯТЪ

въ С.-Петербургѣ.

На Троицкомъ проспектѣ, близь Египетскаго моста.

Принимаетъ заказы на холмогорскихъ и нѣкоторыхъ другихъ породъ телятъ отъ лучшихъ коровъ петербургскихъ стадъ и окрестныхъ фермъ. Гг. сельскіе хозяева. для полученія ближайшихъ свѣдѣній о стоимости, происхожденіи, отправкѣ телятъ по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, а равно съ заказами, обращаются къ **Николаю Христіановичу ВИЛЬКИНСУ**, Нарвской части, по Фонтанкѣ, домъ № 132.

Гг. заказчики прилагаютъ почтовую марку.

НАСТОЯЩІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

Американской компаніи

ЕЛІАСЪ ГОВЕ

изобрѣтатель швейныхъ машинъ.

въ С.-Петербургѣ. Б. Конюшенная, д. Башмакова,

въ Москвѣ. на Кузнецкомъ мосту

С. РОБЕРТЪ.

бывшій

ШАРЛІА и РОБЕРТЪ.

главный агентъ для Россіи. (10)—7

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

ФАБРИКИ **ЗИНГЕРА** ВЪ НЬЮ ІОРКѢ

(The Singer manufacturing Company).

Въ С.-Петербургѣ

МАГАЗИНЪ: На большой Морской, на углу Гороховой, домъ Воронина № 28.

КОНТОРА: На Невскомъ пр. домъ Католической церкви № 34, кв. № 7.

МАКСЪ ФИДЛЕРЪ,

главный агентъ для всей Россіи (10)—7

С.-Петербургъ: Большая Морская на углу Кирпичнаго переулка **№ 20.**

ВАРШАВА И ОДЕССА

СКЛАДЪ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

НАСТОЯЩИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ

ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ.

У КЕНИГСБЕРГА и К°.

Москва: Большая Лубянка домъ Мазуриной, Магазинъ **№ 1.**

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ.

Этотъ элексиръ сохраняетъ зубы, укрѣпляетъ десна, уничтожаетъ дурной запахъ дыханія, придаетъ рту пріятную свѣжесть и успокоиваетъ самыя сильныя зубныя боли.

ЦѢНА ЗА ФЛАКОНЪ 65 КОП.

Въ Магазинѣ **И. САБЛУКОВА**, въ С.-Петербургѣ. Гостиный Дворъ, со Зеркальной линіи, № 39. (10)—1

АМЕРИКАНСКІЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

СИСТЕМЫ КАЛЬБО

Л. КАСТИЛЬОНЪ

Коммиссіонеръ Военнаго Министерства.

Старѣйшій и важнѣйшій торговый домъ въ Россіи.

Челночныя машины, работающія въ двѣ нитки не распускающимся швомъ; исполняющія всевозможныя швейныя работы и снабженныя различными аппаратами для ихъ производства. — Кромѣ уже давно извѣстнаго превосходства ихъ по качеству, надъ другими системами, вновь полученныя машины имѣютъ еще ту неоспоримую выгоду, что продаются по дешевой цѣнѣ.

ДЕПО ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

Виллера и Вильсона, Гровера и Беккера, Хау, Зингера, Вильхоха и Гибса и пр. отъ **20** р.

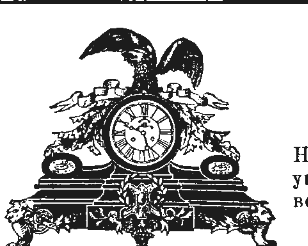
Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Елисѣева. Въ Бель-этажѣ. | Въ МОСКВѢ: на Кузнецкомъ мосту д. Комарова № 11. (39)—6

Все что нужно въ хозяйствѣ, какъ-то: столовые и чайные приборы, судки, корзинки, маслянки, вещи туалетныя и вообще все что можетъ замѣнить серебро, найдете въ большомъ выборѣ новыхъ формъ и хорошаго качества мельхіора по цѣнамъ весьма умѣреннымъ въ Магазинѣ **АЛЕКСАНДРА КАЧЪ**, на Невскомъ, напротивъ Думы въ домѣ Рогова, № 36. (5)—2

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЗОНТИКОВЪ

по умѣреннымъ цѣнамъ,

въ токарномъ магазинѣ **А. Миллера**, въ С.-Петербургѣ, въ Большой Мѣщанской № 6 противъ Ломбарда въ домѣ *Глазунова* № 8—10. Принимаютъ тоже заказы для гг. иногородныхъ, тутъ же принимаютъ всякаго рода починку и обмѣниваютъ зонтики. (3)—2

БОЛЬШОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРА

въ С.-Петербургѣ.

На Невск. прос. на углу Малой Садовой прот. Алекс. театра № 56.

На Невск. прос., противъ Гостинаго двора, въ д. Арм. церкви № 42.

(10)—3

Дозволено цензурою 7 Мая 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Тип. [illegible] № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 17 мая 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Недозрѣлые.

(Изъ петербургской жизни).

Къ большему трехъ-этажному дому на Васильевскомъ островѣ, морозной декабрьской ночью, часу въ первомъ, подъѣхалъ на извощикѣ мужчина въ остроконечной курмячатой шапкѣ, въ пальто и плэдѣ, и поспѣшно вышелъ у подъѣзда. Теплота жилаго дома пріятно охватила его, но газъ былъ уже потушенъ на лѣстницѣ, и гость осторожно пробирался въ темнотѣ, все выше и выше, въ третій этажъ, откуда неслись звуки скрипки и рояля.

Молодая горничная въ недоумѣніи отворила дверь позднему гостю.

— Владиміръ Сергѣевичъ не легъ еще? спросилъ онъ.

— Нѣтъ-съ.

— Онъ въ кабинетѣ?

— Да.

Мужчина проворно сбросилъ съ себя пальто, плэдъ и галоши и пошелъ въ кабинетъ, направо изъ передней.

Въ маленькомъ уютномъ кабинетѣ, обставленномъ со всѣхъ четырехъ сторонъ полками съ книгами, съ большимъ письменнымъ столомъ по срединѣ, такъ что для прохода по комнатѣ оставалось шесть шаговъ въ длину и не болѣе трехъ въ ширину,—въ мягкомъ, покойномъ креслѣ, сидѣлъ хозяинъ и читалъ какую-то книгу. На столѣ въ большомъ шандалѣ горѣли двѣ стеариновыя свѣчи подъ зеленымъ абажуромъ. Хозяину на видъ было лѣтъ 35—36; онъ былъ высокаго роста, брюнетъ, съ длинными, прямолежащими волосами на головѣ, и носилъ средней величины бороду. Наружность Владиміра Сергѣевича Бобровцева, ремесломъ учителя и сотрудника одного серіознаго журнала, была не особенно красива и не поражала съ перваго взгляда никакою особенностью. Одинъ правильный, выпуклый лобъ заставлялъ предполагать въ немъ развитаго, мыслящаго человѣка. Носъ онъ имѣлъ обыкновенный, цвѣтъ кожи смугловатый, даже съ желтизной, и сѣроватые глаза. Между тѣмъ, познакомившійся съ Бобровцевымъ и поговорившій съ нимъ—чувствовалъ къ этому лицу симпатію, которая все росла и росла бы при дальнѣйшемъ знакомствѣ. Это происходило отъ особенности въ манерахъ, какихъ то стыдливыхъ и женскихъ, въ тонѣ тихаго пріятнаго голоса и въ чрезвычайно добродушной, ласковой улыбкѣ, привлекательно дѣйствовавшей на того, къ кому она относилась.

Бобровцевъ читалъ книгу въ полудремотномъ состояніи, иногда оставляя ее и прислушиваясь къ звукамъ играемой на скрипкѣ мелодіи, подъ акомпаниментъ рояля. Играли братъ его и жена. Поздній звонокъ заставилъ его встрепенуться и нахмуриться. Въ кабинетъ вошелъ молодой человѣкъ въ форменномъ сюртукѣ студента медико-хирургической академіи.

— А! Оливовъ!... привѣтствовалъ Бобровцевъ.

— Имѣю честь кланяться... и просить: ради Бога, не задавайте вопроса: что-такъ поздно.... Самъ сознаю. Извините, пожалуйста, но очень важное дѣло.... Я пришелъ къ самъ за участіемъ, совѣтомъ и еще... щекотливой просьбой...

— Ну, хорошо... Садитесь же, пожалуйста.

Оливовъ сѣлъ на единственный, незанятый стулъ. Гостю было не болѣе двадцати двухъ-трехъ лѣтъ; юношескій румянецъ еще игралъ на щекахъ и отъ мороза усилился; отпущенная русая бородка едва ли пробовала бритвы; густые бѣлокурые волосы были заброшены назадъ, а сверхъ голубыхъ красивыхъ глазъ надѣты синія очки. Лицо было пріятно, свѣжо, молодо, добродушно.

— Что мнѣ дѣлать, Владиміръ Сергѣевичъ?!.. началъ Оливовъ, закуривая папиросу:—я еще вчера получилъ очень важное письмо... За совѣтомъ къ вамъ я все-таки думалъ обратиться, какъ устрою дѣла.... но, я вчера вечеръ, а сегодня цѣлый день прохлопоталъ напрасно... Просто, не знаю, что дѣлать... Я бы отложилъ визитъ къ вамъ до завтра, но боюсь утерять еще сутки... Ужь вы, пожалуйста, извините за поздній пріѣздъ.....

— Ничего, ничего... Вы скажите, въ чемъ суть.

— Видите... Я вамъ сказалъ, что получилъ письмо... Вотъ оно, прибавилъ Оливовъ, вынимая его и кладя на столъ, близь себя. Оливовъ ужасно конфузился и, покраснѣвъ, продолжалъ:—письмо это изъ нашего губернскаго города, отъ моей двоюродной сестры... Я ее едва помню по дѣтству, уѣхавъ оттуда лѣтъ 12-ти. Конечно, я ее не знаю хорошо, но о личности ее можно судить по письму... При этомъ, прежде нежели я прочту его, я долженъ освѣтить вамъ нѣкоторыя темныя мѣста, безъ чего не все будетъ понятно. А лучше разскажу въ кратцѣ біографію этой сестры; она довольно интересна:

«Мы изъ духовнаго званія. Отецъ мой былъ достаточный протоіерей и оставилъ намъ состояніе; что же касается до брата его, отца этой сестры, то онъ былъ человѣкъ очень бѣдный, служилъ профессоромъ въ тамошней семинаріи, къ взяткамъ съ учениковъ не притязателенъ и содержался по этому почти однимъ старымъ профессорскимъ окладомъ, кажется до 400 рублей ассигнаціями. Другіе его товарищи пріобрѣтали каменные дома, а онъ жилъ между прочимъ помощью отъ моего отца и занималъ скромную квартирку. Послѣ смерти профессора, жена его осталась безъ всякой поддержки съ шестью дѣтьми, три мальчика и три дѣвочки. Мальчики отъ отца не наслѣдовали любовь къ труду и наукамъ; они учились въ семинаріи худо, всѣ были исключены изъ курса словесности и разбрелись писцами на нижніе оклады, по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ, не доставляя матери никакой помощи и не представляя образомъ своей жизни ничего утѣшительнаго. Двѣ старшія дочери, Вѣра и Надежда, вышли замужъ: одна—за такого жъ горемыку-чиновника, какъ ея братья, другая за соборнаго регента, большаго охотника до чарки и веселыхъ пѣсенъ. Какъ бы то ни было, мало по малу на рукахъ простодушной и безграмотной профессорши осталась одна только младшая дочь, дѣвочка, Люба, о которой идетъ рѣчь. Старухѣ ее содержать рѣшительно было нечѣмъ, такъ какъ она сама получала всего 60 р. серебромъ въ годъ пансіона послѣ смерти мужа и скудную помощь отъ родныхъ. Поэтому, Люба въ дѣтствѣ вела жизнь кочевую: то у матери своей, то у сестеръ. Обученіемъ ея много не занимались, но лѣтъ тринадцати отдали къ дьячку. Ученье у дьячка шло очень туго, такъ что дѣвочка, въ два года, едва выучилась читать, писать и немного считать.—Въ одномъ домѣ, гдѣ была квартира ея матери, квартировалъ и гимназистъ шестаго класса, нѣкто Западовъ, взрослый юноша по девятнадцатому году, слывшій въ гимназіи за лучшаго, даровитѣйшаго ученика—надежду— и вмѣстѣ съ тѣмъ за либерала и нигилиста... Этотъ Западовъ, узнавши, что Люба дочь профессора, а самъ онъ былъ сынъ учителя, принялся за ея воспитаніе. Сначала его уроки касались элементарныхъ научныхъ свѣденій по русскому языку, математикѣ, исторіи и географіи—и дѣло, кажется, шло успѣшно; потомъ Западовъ перешелъ на современные вопросы. Впрочемъ, я всего хорошо не знаю; знаю только, что, естественно, ученица привязалась къ своему учителю, полюбила его—и дѣло кончилось тѣмъ, что чрезъ годъ слишкомъ Западовъ готовился къ поступленію въ университетъ, а Любѣ только за него развѣ и осталась возможность выйдти когда нибудь замужъ... Интрига отъ старухи тщательно скрывалась. Западовъ обѣщался на Любѣ жениться; но родные его увезли молодаго человѣка въ Москву въ университетъ. Онъ очень сожалѣлъ о бѣдной дѣвушкѣ и прислалъ ей нѣсколько страстныхъ писемъ, съ несбыточными планами и надеждами. Безъ него Люба много претерпѣла бѣдности до нищеты, слезъ, упрековъ, обидъ и оскорбленій, отъ матери, сестеръ и братьевъ, и отъ окружающихъ. Жила она бѣдно при матери, помогала ей кое-что по хозяйству и зарабатывала мелочь иглой. Мало по малу проступокъ ея сталъ полузабываться родными, какъ вдругъ Западовъ, исключенный изъ университета за участіе въ какой-то демонстраціи, прибылъ обратно въ ихъ городъ. Повидимому, увлекаясь въ Москвѣ другими встрѣчами, Западовъ какъ бы забылъ Любу, и въ первый мѣсяцъ не далъ ей знать о пріѣздѣ. Но какъ-то, находясь подъ вліяніемъ рюмки и намековъ товарищей о первой его любви, онъ вспомнилъ Любу и немедленно помчался къ ней. Онъ засыпалъ мать и дочь клятвами, увѣреніями, обѣщаніями жениться, какъ только устроитъ дѣла и тому подобное. Простодушная Люба повѣрила, но мать сомнѣвалась и слѣдила за молодыми людьми. Однако, изъ надсмотра ничего не вышло: Западовъ скоро, видя дозоръ старухи, передалъ Любѣ письмо, просилъ тайнаго свиданія... Прерванная связь возобновилась. Между тѣмъ, часъ отъ часу, Западовъ становился все холоднѣе и холоднѣе. Интрига утратила для него прелесть новизны... и Люба во второй разъ уступила ему безъ всякой борьбы... Одно бы довѣріе могло бы еще спасти дѣвушку, но для оцѣнки его Западовъ ужь былъ достаточно испорченъ. Западовъ все рѣже и рѣже посѣщавшій Любу еще лѣтомъ, по мѣрѣ приближенія осени наконецъ и совсѣмъ прекратилъ и визиты, и свиданія... Гнѣвъ, злобу, горе и отчаяніе старухи, и все то, что перенесла отъ нея дочь, не возможно разсказать.

«Въ это время за старшею сестрою Любы, женою регента, Надеждою, очень миловидною собою женщиной, ухаживалъ мѣстный либералъ, еще молодой чиновникъ, фаворитъ губернаторши, принятый въ лучшихъ кружкахъ тамошняго общества, поручикъ Оловянскій. Находясь въ безъисходномъ положеніи, не имѣя другихъ высшихъ покровителей межъ сильными міра сего и не зная что дѣлать съ злодѣемъ своей дочери, какъ обзывала старуха Западова, она рѣшилась прибѣгнуть чрезъ дочь Надежду къ покровительству и заступничеству этого Оловянскаго. Желая угодить предмету исканій и показать себя въ обществѣ гуманистомъ, Оловянскій благосклоннѣйшимъ образомъ принялъ просьбу старухи и жарко обѣщалъ все сдѣлать въ ея пользу, наказать строго Западова. Дѣй-

ствительно, въ судьбѣ Любы Оловянскій принялъ самое горячее участіе. Онъ въ тотъ же день въ яркихъ краскахъ и драматическимъ голосомъ передалъ губернаторшѣ горькую судьбину Любы и до слезъ растрогалъ начальницу губерніи. Она приняла участіе, а вслѣдъ за нею еще другія дамы, и пошли у нихъ клопоты да заботы объ устройствѣ будущности моей кузины... Здѣсь я долженъ замѣтить, что новый порядокъ гласнаго судопроизводства въ той губерніи еще не былъ введенъ. Однимъ словомъ, почти вся аристократія, вмѣстѣ съ уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, приняла участіе. Кажется, теперь можно бы ожидать и добра положенію Любы, тѣмъ болѣе что (не говоря уже о томъ, что люди, принявшіе участіе въ ней, занимали такія высокія мѣста) почти всѣ они получили образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ... Въ совѣтѣ ихъ о Любѣ принято было два рѣшенія: во 1-хъ, употребить сначала кроткія мѣры къ тому, чтобы убѣдить Западова жениться; во 2-хъ, если это не подѣйствуетъ, принять строгія мѣры и въ случаѣ чего, наконецъ, заставить силою закона...

— Но, позвольте, прервалъ гостя Владиміръ Сергѣевичъ,—вы сказали, что ваша кузина находилась въ крайней бѣдности... Я полагаю, что болѣзненное состояніе еще болѣе усилило эту бѣдность. Приняло ли здѣсь общество свои мѣры? Была ли облегчена она въ этомъ?..

— Къ несчастію нѣтъ. Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи ея былъ упущенъ изъ виду, вѣроятно за другими главнѣйшими... Но, буду заканчивать разсказъ:

«Попытка убѣдить Западова жениться не удалась. Всѣ убѣжденія остались тщетны. Западовъ видѣлъ, что имъ интересуются; это подмыло его тщеславіе на роль отчаяннаго нигилиста, а можетъ быть онъ и въ самомъ дѣлѣ не любилъ своей жертвы, но только отъ женитьбы отказался, засыпавъ всѣхъ идеями о современныхъ взглядахъ на бракъ. Угрозы, мелкія придирки и притѣсненія—тоже не подѣйствовали. Западову захотѣлось профигюрировать разъ принятую роль до конца. Видя безуспѣшность убѣжденій и угрозъ, принявшіе участіе въ Любѣ посовѣтывали ея матери подать на Западова оффиціальную жалобу въ соблазнѣ дочери, съ приложеніемъ его писемъ, обѣщавъ полное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Всѣ были на сторонѣ Любы. Уголовная Палата присудила Западову два выбора: или подвергнуться срочному тюремному заключенію, или жениться на обиженной имъ дѣвушкѣ... Можно бы было ожидать, что Западовъ выберетъ первое, то-есть тюремное заключеніе, но онъ выбралъ второе, женитьбу. Не думаю, чтобы въ этомъ выборѣ онъ руководствовался чрезмѣрнымъ страхомъ тюремнаго заключенія; мнѣ кажется, просто, по молодости лѣтъ онъ увлекся все тою же ролью нигилиста, имѣя въ перспективѣ, какъ увидите въ будущемъ, устроить gross-скандалъ, при совершеніи церковнаго обряда».

— И ваша кузина согласилась на этотъ бракъ? спросилъ Бобровцевъ.

— Д-да. Она такъ, знаете, была молода, неопытна...

— Несчастная! сказалъ съ сожалѣніемъ пожимая плечами Бобровцевъ.—Вы разсказываете невѣроятное происшествіе...

— Я передаю вамъ фактъ.

— Но, неужели же въ самомъ дѣлѣ, изъ этой толпы участниковъ, не нашлось ни одной толковой головы, которая бы остановила вашу сестру, и убѣдила бы ее и ея мать въ безразсудствѣ этого брака? Помилуйте, какого счастія могла ожидать она въ немъ? какой пользы? Покрайней мѣрѣ, Западовъ богатый человѣкъ?

— Нѣтъ, очень бѣдный, безъ службы, и жилъ на средства своей тетки, посредственнаго состоянія мелкопомѣстной дворянки.

— Вашей кузинѣ должно-быть выпала горькая доля?

— Да.

— Но, иначе и быть не могло... Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, они не видѣли, что бракъ этотъ только могъ связать въ дальнѣйшемъ ихъ обоихъ, ее и Западова?... Чѣмъ же все кончилось?

— Сейчасъ разскажу. Вы нѣсколько минутъ тому задали мнѣ вопросъ: неужели же никто не остановилъ сестру? Не только никто не остановилъ, но всѣ толкали, убѣждали, уговаривали... Даже больше: при совершеніи церемоніи, Западовъ держалъ себя очень неприлично; онъ, напримѣръ, явился въ оборванномъ платьѣ, съ всклоченными волосами, строилъ гримасы, оборачивался спиной къ невѣстѣ, иронически отвѣчалъ на вопросы священника, и никто не съумѣлъ остановить его. Когда же обрядъ кончился, всѣ, какъ вы назвали ихъ, «участники» посадились въ свои экипажи и поѣхали домой, въ полномъ сознаніи, что совершили доброе дѣло. Что касается до новобрачныхъ, то Западовъ завезъ свою жену въ домъ къ матери и уѣхалъ одинъ къ себѣ на квартиру. Послѣ совершенія брака провинціальное участіе осталось къ Любѣ совершенно равнодушно, какъ бы ея и не существовало на свѣтѣ. Оно слышало, что Люба не живетъ съ мужемъ, но не тревожилось, успокоивая себя, что оно сдѣлало что могло: «доставило бѣдной женщинѣ имя»... Разсказываемому уже прошло 3—4 года, Западовъ открылъ на имя своей тетки фотографическое заведеніе, имѣетъ заказы и благодушествуетъ, посѣщая городскіе клубы, гдѣ по прежнему разъигрываетъ нигилиста. Теперь многія дамы, видя его любезность въ обращеніи при заказахъ, уже сожалѣютъ, что бѣдный молодой человѣкъ связанъ раннею женитьбою; сестра же претерпѣваетъ все время многія огорченія и бѣдность. За нее сватался было одинъ прикащикъ, но, я не знаю нравился ли онъ ей или нѣтъ... во всякомъ случаѣ, она теперь ужь вновь не можетъ выдти замужъ. Неправда ли, исторія моей кузины—очень грустная и печальная?!

— Да... Вашъ разсказъ для меня интересенъ, но... изъ него я только могу сдѣлать заключеніе о провинціальной средѣ, ея неразвитости... пожалуй, о monsieur Западовѣ, а личность вашей кузины для меня непонятна... Она какъ-то остается въ тѣни... Что она за женщина? Первое ея увлеченіе Западовымъ понятно, второе такъ или иначе можетъ быть разгадано; но самое согласіе на бракъ—какъ-то ужь не удобопонятно...

— Я васъ предупредилъ, отвѣчалъ Бобровцеву, краснѣя, Оливовъ,—что лично съ Любой я не знакомъ... Поэтому, я не могу удовлетворить вашему любопытству. Самую біографію ея я узналъ случайно, изъ одного напечатаннаго разсказа, гдѣ слишкомъ ярко и безцеремонно были очерчены и почти названы по фамиліямъ нѣкоторыя личности изъ нашего города. Разсказъ этотъ заинтересовалъ меня; къ удивленію же всего, я узналъ чрезъ своихъ товарищей, что исторія разсказывается про мою двоюродную сестру...

— Кто же авторъ этого разсказа?

— Нѣкто Гороховъ, пріѣзжій изъ нашего города.

— Гороховъ?!... Вы знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ. Я нарочно узнавалъ въ адресномъ столѣ его адресъ, но онъ числится въ отъѣздѣ, въ Москву.

— Ни-чуть не бывало. Онъ здѣсь—и не далѣе какъ вчера былъ у меня. Онъ, вѣрно, перешелъ съ квартиры—и чтобы не брать переходнаго билета, записался выѣхавшимъ. Это его манера. Вы хотите съ нимъ познакомиться? Хотите, я его пришлю къ вамъ?

— Душевно радъ, сдѣлайте милость.

— И я радъ за васъ и совѣтую. Нужно вамъ сказать, Гороховъ оригиналъ. Онъ не радужныхъ взглядовъ на жизнь и врагъ всѣхъ возможныхъ иллюзій.... Человѣкъ развитый, прежде горячо сочувствовавшій всѣмъ современнымъ тенденціямъ, онъ теперь ведетъ противъ нихъ какую-то борьбу... Все у него старо, букварно, ищетъ, какъ онъ говоритъ стихами Добролюбова:

«Живаго дѣла вмѣсто словъ»...

Мнѣ, кажется, Гороховъ, никакъ не можетъ дойти до сознанія, что не всѣ стоятъ съ нимъ на одинаковой степени умственнаго развитія и отъ высказаннаго разъ нужно нужно ждать еще укорененія, а не самыхъ плодовъ... Какъ бы то ни было, я знаю, что онъ человѣкъ не злой и своею горькой практичностью можетъ быть полезенъ. Мнѣ любопытенъ его взглядъ въ разсказѣ на вашу кузину...

— Вотъ въ томъ то и дѣло, что г. Гороховъ отъ этого взгляда въ своемъ разсказѣ какъ-то сторонится, хотя онъ говоритъ и въ ея пользу. Онъ выставляетъ ее личностью симпатичной, не глупой, но, при самомъ согласіи на жалобу на Западова и на бракъ, находившеюся подъ вліяніемъ обидъ и оскорбленій отъ родныхъ и матери, махнувшей на будущую жизнь рукой и дающей согласіе въ угоду матери. Подъ вѣнцомъ она стоитъ, у него, какъ окаменѣлая... Впрочемъ, протестъ противъ брака ею высказывается, но не съ надлежащею твердостью, и онъ заглушается уговорами «участниковъ» и обидными предположеніями и горькими жалобами старухи-матери.

Гороховъ главное вниманіе обращалъ на дикость и безразсудство этого брака, однако, прочитавъ его разсказъ я посожалѣлъ о Любѣ—и когда узналъ, что она моя кузина, то тотчасъ же послалъ къ ней письмо съ предложеніемъ своего участія и помощи. Я писалъ ей, что если ей тяжело въ этомъ городѣ, то чтобы она написала мнѣ; я вышлю деньги и чтобы она пріѣзжала сюда. Я обѣщалъ найти ей посильный трудъ и такъ устроить, чтобъ ей не было скучно....

Якутка.

Бобровцевъ привсталъ съ креселъ, прошелся въ раздумьи по кабинету и спросилъ:

— Чтоже, вы получили отвѣтъ?

— Да. Вотъ письмо, по которому я и пріѣхалъ къ вамъ. Оно содержитъ... Нѣтъ, я лучше прочту его въ слухъ... Изъ него вы можетъ-быть болѣе познакомитесь съ личностью сестры.

Бобровцевъ сѣлъ. Оливовъ началъ читать.

«Безцѣнный братъ,
Евгеній Николаевичъ!

Дорогое, милое, доброе и свѣтлое письмо твое я получила мѣсяцъ тому назадъ; но ты извинишь причину, по которой я не отвѣчала. Письмо твое застало матушку при одрѣ болѣзни, а двѣ недѣли тому назадъ она и совсѣмъ переселилась въ вѣчность... Въ ней я лишилась послѣдняго утѣшенія въ жизни и всякихъ средствъ къ существованію... Да! мнѣ тяжело и горько жить среди окружающихъ меня личностей: Чичиковыхъ, Маниловыхъ, Собакевичей, Ноздревыхъ и тому подобныхъ... Душа моя давно желаетъ труда, труда самостоятельнаго, независимаго... Но могу ли я его найдти въ этой глуши, при моихъ горькихъ обстоятельствахъ и при взглядахъ нашего современнаго общества?.. Женская эмансипація здѣсь еще пустое слово, звукъ, умирающій при самомъ зарожденіи и ничего болѣе... Я хочу порвать съ себя оковы и падаю въ безсильной

Якутская деревня.

борьбѣ... Письмо твое обновило, воскресило меня... оно дало мнѣ упованіе на лучшую, другую жизнь... О! благодарю и благодарю, мой милый, мой дорогой братъ!.. Я не могу описать тебѣ всего своего энтузіазма, всего своего восторга, въ который ввергло меня твое письмо... Самую смерть матушки чрезъ него я перенесла спокойнѣе. Видѣть великолѣпный Петербургъ, жить въ немъ, трудиться — было моей заповѣдною мечтою... Твое предложеніе о пріѣздѣ сюда я принимаю съ слезами живѣйшей радости и сердечной благодарности... Отъ отправки этого письма я буду считать дни, потомъ часы и минуты до нашего свиданія. Но, милый братъ, я должна съ тобой поговорить откровенно о моемъ туалетѣ и о денежныхъ средствахъ»... Здѣсь, прервалъ Оливовъ свое чтеніе, — она пишетъ, чтобы я ей выслалъ на дорогу денегъ... Что вы скажете о ея письмѣ? спросилъ онъ Бобровцева.

— Ничего, отвѣчалъ ласково усмѣхнувшись Бобровцевъ, — письмо напоминаетъ повѣсти и романы, присылаемые къ намъ въ редакцію изъ провинцій...

— Да... немного à la Марлинскій... Ей хотѣлось видимо щегольнуть предо мною Гоголемъ... Ну, и обрадовалась... А вотъ, пріѣдетъ, осмотрится—и мы ее исправимъ. Все же видно, что она съ чувствомъ приняла предложеніе—и есть добрый знакъ: пишетъ о трудѣ...

— Куда же вы думаете пристроить Любовь...

— Васильевну? Я думаю опредѣлить ее въ типографію... У меня есть возможность туда помѣстить... Хорошій наборщикъ получаетъ въ мѣсяцъ 60, 70 рублей.

— Это хорошо... Ну, что-жь...

— Только... только... Владиміръ Сергѣевичъ, сдѣлайте милость, помогите мнѣ... Я хочу сестру выписать немедленно, но письмо застало меня врасплохъ...

— Вамъ нужны деньги? спросилъ Бобровцевъ, — могу... У меня теперь есть... Сколько вамъ?

— Я не хотѣлъ-было обременять васъ этою просьбою, но вѣрите, бѣгали-бѣгали съ братомъ по товарищамъ...

— Вамъ пятидесяти рублей будетъ?..

— Гм!.. Въ случаѣ чего...

— А! хорошо, я вамъ сто дамъ. Для васъ достаточно?..

— Очень благодаренъ... мнѣ именно эта сумма нужна... Я отдамъ вамъ тотчасъ же по полученіи изъ дома...

Бобровцевъ вынулъ изъ ящика письменнаго стола сторублевую бумажку и подалъ Оливову. Послѣдній принялъ ее съ легкимъ поклономъ, поблагодарилъ и высказалъ нѣсколько словъ на счетъ того, что теперь онъ поуспокоился. Вскорѣ за тѣмъ онъ сталъ собираться домой. Провожая его, Бобровцевъ напомнилъ о Гороховѣ и предложилъ ему, если онъ будетъ недалеко отъ адреснаго стола, еще разъ справиться, можетъ-быть уже Гороховъ гдѣ и прописанъ.

— У меня же онъ, прибавилъ Бобровцевъ, — бываетъ какъ случится: иногда два раза въ недѣлю, иногда ни разу въ нѣсколько мѣсяцевъ.

А. Шкляревскій.

(Продолженіе будетъ).

Народы Россіи *).

I. Якуты.

Коренные жители Якутской области — якуты происхожденія татарскаго. Глаза у нихъ черные или темно-каріе, малые и узкіе; носы широкіе и сплюснутые, волосы черные какъ смоль, жесткіе и щетинистые. Ростомъ якуты довольно высоки. Мужчины всѣ ходятъ остриженные, съ небольшими косами на затылкѣ и голобородые. Женщины отличаются длинными волосами, заплетаемыми въ косы, малымъ ростомъ, менѣе грубыми чертами и широкими лицами.

Всѣ якуты, какъ мужчины такъ и женщины, и зимою и лѣтомъ ходятъ въ однихъ и тѣхъ же національныхъ охобняхъ, застегиваемыхъ гладкими мѣдными пуговицами, въ одинаковыхъ мѣховыхъ шапкахъ съ широкими отводами, въ кожаныхъ узкихъ штанахъ *(сутуры)* и въ такой же обуви, называемой *торбасами.* Князьки отличаются отъ прочихъ болѣе богатымъ, суконнымъ а иногда и бархатнымъ костюмомъ и серебрянымъ поясомъ. Женщины носятъ большія металлическія подвѣски въ ушахъ и серебряныя монеты въ косахъ; сверхъ того, на шеѣ, на кушакѣ и рукахъ — обнизи изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ и разноцвѣтныхъ камешковъ.

Якутскія женщины сами шьютъ всѣ принадлежности одежды — для себя, для мужа и для дѣтей: нитки при этомъ употребляютъ иногда обыкновенныя, а большею частію изъ скотскихъ жилъ.

Якуты управляются своими старшими родовичами или князьками, имѣющими засѣданія въ волостныхъ управахъ по улусамъ, въ зависимости отъ областнаго начальства, которое чтутъ какъ представителей царской власти.

Многіе изъ крещеныхъ якутовъ остаются еще въ дикомъ полуязычествѣ, не почитаютъ за грѣхъ воровства, обходятъ браки, и исполняютъ нѣкоторые обряды языческіе. Уважая священниковъ, многіе не оставляютъ и прежнихъ своихъ шамановъ.

Якуты ѣдятъ часто полусырое, а иногда и совсѣмъ сырое мясо, питаются также дичью и рыбою, особенно мерзлою, безъ соли и всегда безъ хлѣба. Любимое ихъ кушанье — конина; а хлѣбъ покупаютъ понемному вмѣсто лакомства. За неимѣніемъ мяса и рыбы варятъ въ горшкѣ похлебку изъ сосновой коры съ молокомъ и малымъ количествомъ ржаной муки. Бѣдные большею частію употребляютъ въ пищу кислое молоко съ брусникою, а также звѣриное мясо съ кровью. Но самымъ національнымъ кушаньемъ считается масса прогорклаго жира, и неумѣренную ѣду его якутъ считаетъ высшимъ блаженствомъ. Вообще якуты чрезвычайно прожорливы и могутъ съѣсть цѣлый пудъ мяса, послѣ чего отдыхаютъ дня два-три, катаясь по землѣ для пищеваренія.

Всѣ якуты любятъ пить кумысъ, прибавляя въ него топленаго масла, и отъ этого очень толстѣютъ. Достаточные пьютъ съ молокомъ кирпичный чай изъ мѣд-

---

*) Подъ этимъ общимъ заглавіемъ, время отъ времени будутъ помѣщаться изображенія и описаніе различныхъ племенъ, населяющихъ Россійскую Имперію.

ныхъ чайниковъ. Многіе любятъ топленое коровье масло и выпиваютъ его по нѣскольку фунтовъ за разъ.

Въ лѣтнее время якуты занимаются скотоводствомъ, сѣнокосомъ и рыбною ловлею, въ началѣ и въ концѣ зимы ловлею бѣлокъ, лисицъ, бурундуковъ и соболей. Немногіе обработываютъ землю и сѣютъ ячмень, да и то по приказанію земскаго начальства. Будучи по природѣ переимчивы, якуты дѣлаютъ гребни, шкатулки, ящики изъ мамонтовой кости съ рѣзьбою, однимъ ножемъ; шьютъ искусно узорчатые ковры изъ разноцвѣтныхъ коровьихъ кожъ, и плетутъ изъ длинной травы ситки, половики, подстилки—нетолько для себя, но и на продажу. Задолго до покоренія Сибири, они умѣли ковать ножи, кинжалы, топоры и другія оружія изъ Вилюйской желѣзной руды.

Богатство якутовъ состоитъ въ огромныхъ стадахъ рогатаго скота и конскихъ табунахъ. Лошади служатъ подъ верхъ; въ домашнемъ же быту для перевозки тяжестей употребляются волы, которыхъ запрягаютъ въ самую простую упряжь и правятъ поводьями за деревянныя кольца, продѣтыя въ ноздри животнымъ. Лошади остаются подъ открытымъ небомъ, даже въ холода когда мерзнетъ ртуть, и кормятся побитой морозомъ, осенней травой, разрывая снѣгъ. Эти животныя, пріученныя къ лишеніямъ всякаго рода, мѣняютъ шерсть какъ всѣ звѣри крайняго сѣвера, всегда сыты и сильны, до старости сохраняютъ зубы и служатъ круглымъ числомъ до 30 лѣтъ.

Якуты большею частію понятливы, довольно вѣжливы, гостепріимны, ловки и быстры въ движеніяхъ, очень скоры въ ѣздѣ, легки въ бѣганьи, особенно переимчивы и хитры, но при нечаянной встрѣчѣ съ русскими бываютъ робки и притворяются простяками, а на самомъ дѣлѣ осмотрительны и догадливы, никогда не даются въ обманъ. Они очень пристрастны къ хлѣбному вину, табаку, къ игрѣ въ карты, къ борьбѣ и пляскѣ, къ разсказамъ и баснямъ, которыхъ герои у нихъ слывутъ «желѣзными».

Большія поселенія якутъ очень рѣдки; только между Якутскомъ и Алданомъ, гдѣ населеніе гуще, мѣстами встрѣчаются роды по нѣскольку юртъ вмѣстѣ. По ту сторону Верхоянскаго хребта, отдѣльныя юрты нерѣдко находятся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ другъ отъ дружки, такъ что ближайшіе сосѣди не видаются по цѣлымъ годамъ.

Лѣтомъ якуты живутъ въ *уросахъ*, легкихъ, конусообразныхъ палаткахъ на шестахъ, покрытыхъ березовою корою, — и кочуютъ по травяной степи, запасая сѣно на зиму. Сѣна достаетъ только до весны, а съ марта до мая скотъ питается ивовыми и березовыми побѣгами.

Съ наступленіемъ холоднаго времени года, якуты переходятъ въ теплую юрту. Эта хижина, построенная изъ тонкихъ бревенъ, имѣетъ форму усѣченной пирамиды, сверху обложена толстымъ слоемъ дерна, глины и травы. Вмѣсто оконъ вставляется пара льдинъ, которыя въ оттепель замѣняются рыбьими пузырями или промасленной бумагой. Полъ углубленъ на два или на три фута, а у богатыхъ возвышенъ и сдѣланъ изъ досокъ. Вдоль стѣнъ устроены скамьи и постели. Посреди юрты помѣщается чувалъ или очагъ, труба котораго проходитъ въ крышу. По стѣнамъ висятъ одежды и оружіе. Все валяется въ безпорядкѣ и нечистотѣ. Снаружи около юрты находятся навѣсы для коровъ, которыя въ сильные холода вгоняются въ юрту; отъ этого бываетъ тяжелый запахъ, которымъ пропитываются всѣ вещи и произведенія природы, даже ягоды, привозимыя изъ якутскихъ селеній,—не говоря уже о мягкой рухляди, запахъ этотъ пристаетъ къ деревянной посудѣ и костянымъ издѣліямъ якутовъ.

Привычка ихъ къ морозу изумительна; даже въ Сибири якутовъ называютъ желѣзными людьми. Они спятъ совершенно спокойно на открытомъ воздухѣ при 20° мороза, разметавшись изъ подъ короткой куртки, служащей одѣяломъ, причемъ обнаженное тѣло спящаго покрывается толстымъ слоемъ инея. Къ такой терпѣливости якуты привыкаютъ съ младенчества. У нихъ, трое сутокъ и болѣе, по нѣскольку разъ въ день натираютъ новорожденныхъ снѣгомъ, приговаривая: «терпи холодъ—стерпишь холодъ; терпи стужу—стерпишь стужу». Якуты кладутъ дѣтей въ жесткія зыбки на бересту, покрываютъ лохмотьями и кормятъ молокомъ съ водою. Дѣти до тѣхъ поръ ходятъ нагими, пока не станутъ сознавать стыда и закрываться сами. Тогда родители одѣваютъ ихъ въ платья изъ звѣриной кожи, а по праздникамъ въ синія рубашки.

Всѣхъ якутовъ до 200,000 душъ. Они распространены по Ленѣ и ея притокамъ до притоковъ Енисея и Хатанги; къ востоку отъ Лены—по Алдану и Колымѣ. Далѣе якуты встрѣчаются небольшими улусами около Удскаго острога и Охотскаго порта; на крайнемъ сѣверѣ якуты доходятъ до устьевъ Яны, Индигирки и Колымы.

Современная Испанія.

Религіозная Испанія прошлаго вѣка и Испанія нашего времени, разсматриваемая со стороны религіозности, такъ мало похожи одна на другую, что о проведеніи между ними параллели въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи. Въ нынѣшней Испаніи большинство испанскаго народа совершенно равнодушно къ религіи или же состоитъ изъ невѣрующихъ. Тѣ которые повидимому еще вѣрятъ въ таинства католицизма—лицемѣры. Въ низшихъ кружкахъ черни замѣчается еще мѣстами поклоненіе и созданные католицизмомъ фетишизмъ и пустосвятство. Прежнее уваженіе къ священникамъ обратилось въ самую жестокую ненависть и безграничное презрѣніе. Церкви пусты. «Нигдѣ въ Европѣ, даже въ Италіи—пишетъ корреспондентъ одной нѣмецкой газеты—не слыхалъ я такъ много и такихъ страшныхъ проклятій духовенству, какъ въ Испаніи. Ни разу не видалъ я, чтобы народъ кланялся священнику или хоть только относился бы къ нему съ большимъ или меньшимъ уваженіемъ. Въ трактирахъ и шинкахъ, въ почтовыхъ экипажахъ и вагонахъ желѣзной дороги никто не думалъ уступить священнику мѣсто—а если кто и дѣлаетъ это, то едва скрывая свое неудовольствіе. Во всѣхъ городахъ, гдѣ я былъ, всѣ вообще власти отказывали въ какомъ бы то ни было содѣйствіи въ пользу процессіи во время праздника тѣла Христова».

Въ Испаніи не существуетъ теперь мужскихъ монастырей, тогда какъ въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ насчитывали еще до 6000. Испанскій народъ, за тридцать четыре года передъ этимъ, истребилъ монастыри огнемъ и мечомъ, убилъ нѣсколько тысячъ монаховъ, какъ будто бы это были дикіе звѣри, или же побросалъ ихъ въ пламя горѣвшихъ монастырей и принудилъ правительство продать монастырскія зданія общинамъ и частнымъ лицамъ, а движимое имущество монастырей вмѣстѣ съ образами, амулетами и реликвіями продать съ молотка. Бури сентябрской революціи снесли послѣдніе остатки монастырскихъ зданій, гдѣ скрывались переодѣтые іезуиты, и выбросили этихъ за Пиренеи.

Что же касается до женскихъ монастырей, они уже тридцать лѣтъ тому назадъ поставлены на выморочное положеніе. Въ сентябрѣ монастыри были разрушены народомъ, который взялъ ихъ приступомъ,—и всѣ революціонныя юнты рѣшили упраздненіе и продажу ихъ собственности. Во всѣхъ испанскихъ городахъ попадались мнѣ развалины значительныхъ размѣровъ, и эти развалины были остатки женскихъ монастырей, разрушенныхъ прошлой осенью народомъ. Въ другихъ мѣстахъ монастырскія зданія были обращены въ школы, госпитали, библіотеки и театры. Если бы временное правительство дало усилиться этой бурѣ, то въ настоящую минуту во всей Испаніи не нашлось бы ни одного женскаго монастыря. Да и такъ не встрѣчается ни одной монашеской рясы во всей Испаніи. Всѣ старанія папы и архіепископовъ, грозившихъ отлученіемъ отъ церкви и муками ада, были не въ состояніи остановить частную продажу духовныхъ имѣній, которую предприняло правительство, будучи вынуждено къ тому народомъ. На всевозможныя угрозы со стороны папы и священниковъ, народъ отвѣчалъ презрительнымъ смѣхомъ—и прежде бывшія духовныя имѣнія перешли въ руки множества мелкихъ владѣльцевъ.

Это преобразованіе земли священниковъ и монаховъ, прежде бывшей столицы католическаго фанатизма,—дѣло революцій послѣднихъ сорока лѣтъ. Въ продолженіи послѣднихъ сорока лѣтъ Испанія испытала до пятидесяти возстаній и революцій, которыя были частію народными возстаніями, частію же возстаніями войска; вотъ эти-то возстанія и революціи и превратили католическую Испанію въ страну невѣрія и ненависти къ духовенству.

Но всѣ возстанія противъ священниковъ и монаховъ были предприняты испанскимъ народомъ безъ помощи солдатъ. Всѣ безъ исключенія правительства въ Испаніи были низвергаемы, коль скоро они начинали дѣйствовать за одно съ монахами и священниками. Вмѣстѣ съ свѣчою, которую могущественный министръ-президентъ О'Доннель несъ въ процессіи монахини Патрочиніо, потухъ блескъ его африканской славы; и «низкій негодяй» и «жалкій малый»—какъ назвалъ Кастоларъ Фердинанда седьмаго въ своей рѣчи о свободѣ совѣсти—ни разу не рѣшился на попытку возстановить инквизицію, послѣ того какъ мадритскій народъ сжегъ дворецъ инквизиціи и убилъ, какъ бѣшеныхъ собакъ, всѣхъ инквизиторовъ, какіе только попались ему въ руки.

Вотъ уже сорокъ лѣтъ какъ—въ борьбѣ противъ священниковъ и монашества—всѣ партіи сходятся, какъ бы онѣ ни расходились касательно другихъ вопросовъ. Съ возрожденіемъ Испаніи въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія начинается и борьба испанскаго народа за церковныя и монастырскія имущества. Въ знаменитыхъ засѣданіяхъ 17 августа и 1 октября 1820 года кортесы упразднили право main morte, рѣшивъ 27 сентября того же года отмѣненіе майорота и сервитута. Если Фердинандъ седьмой и объявилъ, въ качествѣ неограниченнаго правителя, это постановленіе кортесовъ недѣйствительнымъ, то одинъ изъ первыхъ результатовъ великаго возстанія противъ монаховъ и священниковъ, происшедшаго въ 1835 г., состоялъ въ томъ, что кортесы опять привели въ силу законы 1820 г. и 1823 г., а въ засѣданіи 2 сентября 1841 г. распространили упраздненіе права main morte и на монашеские ордена.—Реакція, продолжавшаяся отъ 1843 до 1853 г. возвратила, правда, духовенству непроданныя еще имущества; но однимъ изъ первыхъ и наиболѣе важныхъ законовъ, обнародованныхъ кортесами послѣ революціи 1854 г., былъ законъ, по которому опять отбирались отъ духовенства всѣ его имѣнія. Даже консерваторы, передѣлавшіе въ реакціонномъ смыслѣ конституцію 1837 г., не осмѣлились предпринять никакого измѣненія въ тѣхъ параграфахъ, которые относились къ религіи. Тамъ не стоятъ уже слова: «за исключеніемъ всякаго другаго вѣроисповѣданія». Общественное предубѣжденіе противъ господства духовенства получило уже такую силу въ Испаніи, что передъ нею должны были преклоняться и деспоты и реакціонеры. Точно также и у реакціонеровъ 1845 г. не хватило духу положить предѣлы той свободѣ мыслей, которая все болѣе и болѣе усиливалась въ области религіи въ теченіи двадцати лѣтъ. Испанскій сводъ уголовныхъ законовъ говоритъ только объ «открытомъ неуваженіи» къ религіи. Богослуженіе по обрядамъ какой нибудь другой религіи—не католической—не подвергало уже наказанію, если число собравшихся для этой цѣли доходило до десяти. Въ конституціи 1854 г. уже находится слѣдующее постановленіе: «католическая религія — государственная религія; но ни кто не долженъ быть преслѣдуемъ за свои религіозныя убѣжденія».

Всѣмъ извѣстно, что положеніе протестантовъ въ Испаніи было очень стѣснено и грустно даже и послѣ 1854 г.; что общественныя собранія протестантовъ для божественной службы были запрещены; что евангелическіе и смѣшанные браки, а также и крестины, должны были совершаться въ жилищахъ иностранныхъ посланниковъ и консуловъ; что испанцы, вступавшіе въ смѣшанные браки, лишались права гражданства—но всѣ эти репрессивныя мѣры касательно свободы вѣроисповѣданія основывались только на административномъ и полицейскомъ произволѣ, а не на дѣйствительномъ законѣ. Такимъ образомъ, испанскій народъ не можетъ винить кого бы то ни было за произвольныя мѣры своего правительства. Въ испанскомъ народѣ стремленіе къ свободѣ вѣроисповѣданія увеличивалось съ каждымъ годомъ еще до сентябрской революціи. Во время министерства О'Доннеля, Нарваеца и Гонзалеса Браво, ночныя собранія для отправленія евангелической божественной службы происходили и въ городахъ и въ селахъ, точно такъ же какъ сотни тысячъ экземпляровъ библіи распространились за это время во всей Испаніи. Во время и послѣ сентябрской революціи во всѣхъ испанскихъ городахъ были сдѣланы сильныя заявленія въ пользу протестантства. Демонстрація за свободу вѣроисповѣданія была одна изъ величайшихъ демонстрацій, какія только виданы въ Мадритѣ. Черезъ

нѣсколько дней послѣ открытія «Кнемадеро» въ Санта-Круцѣ, на этомъ бывшемъ пепелищѣ инквизиціи собралось больше 40,000 человѣкъ—и эта громадная демонстрація рѣшила воздвигнуть памятникъ въ воспоминаніе доставленной кортесами свободы вѣроисповѣданія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пылали, цѣлые три столѣтія, костры инквизиціи. Въ настоящее время въ Мадридѣ, Севильи, Барцелонѣ, Малагѣ, Кордовѣ, Кадиксѣ, Аликанте, Сантандерѣ, Сарагоссѣ, Вальядолидѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ образовались многочисленныя евангелическія общины, считающія своихъ членовъ тысячами.

Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ монархія не упала такъ низко во всеобщемъ мнѣніи, какъ въ Испаніи. Это презрѣніе—результатъ трехъ-сотъ-лѣтней деспотіи, какой не испытывало ни одно европейское государство. Правительства всѣхъ вообще австрійскихъ и испанскихъ Бурбоновъ, за исключеніемъ одного короля—Карла третьяго—безпримѣрны въ исторіи европейскихъ правительствъ. Монархія такъ же умерла въ Испаніи, какъ и вѣра. Что монархія держалась въ Испаніи три столѣтія—это слѣдуетъ приписать отчасти обаянію могущества и отчасти инквизиціи. Въ дыму славы топили короли независимый, свободолюбивый духъ кастильцевъ и арагонцевъ, въ то время какъ инквизиція душила его въ чаду своихъ костровъ. До коварнаго, деспотическаго и запятнаннаго кровью правительства какого-нибудь Карла пятаго и Филипа втораго Испаніи могла гордиться такими либеральными конституціонными реформами, какихъ не было, со времени паденія римской имперіи, ни у одного европейскаго народа. Вѣнчая своихъ королей на царство, арагонцы говорили имъ: «Мы, изъ которыхъ каждый столько же значитъ какъ и ты, и которые всѣ вмѣстѣ значимъ больше тебя, мы беремъ тебя въ короли. Если ты станешь управлять государствомъ по законамъ, мы будемъ тебѣ повиноваться, если же нѣтъ—нѣтъ».—Да вѣдь это все то же что грамота на возстаніе, что казненный въ Сарагоссѣ президентъ суда Ландца и запечатлѣлъ своею кровью! Этого свободолюбиваго духа испанцевъ не могли истребить ни обаяніе могущества, ни костры инквизиціи. Вначалѣ этого столѣтія онъ вновь воскресъ въ возстаніи испанскаго народа противъ «Бонапарта» и становился съ каждымъ годомъ все сильнѣе да сильнѣе, не смотря на всевозможныя ссылки, казни и разстрѣливанья, предписывавшіяся какимъ нибудь Фердинандомъ, какимъ нибудь Нарваэцомъ и О'Доннелемъ, не смотря на всѣ усилія мѣшать умственному и нравственному развитію народа, дѣланныя королевской фамиліей, которая можетъ найти себѣ подобную развѣ только между Бурбонами на неаполитанскомъ престолѣ, но которая далеко оставляетъ за собою французскихъ Бурбоновъ, не смотря на всю дрянность и ничтожество этихъ послѣднихъ. Этотъ свободолюбивый духъ испанцевъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія, вновь пробудившійся и возставшій за пятьдесятъ лѣтъ передъ этимъ, и есть настоящая причина пятидесяти революцій, совершенно преобразовавшихъ Испанію въ теченіи такого времени, которое не достигаетъ даже обыкновеннаго срока человѣческой жизни. Между настоящей политической Испаніей и Испаніей за сто лѣтъ передъ этимъ—такъ же мало сходства, какъ и между настоящей религіозной Испаніей и Испаніей во время австрійскихъ Бурбоновъ. Надъ Испаніей въ теченіи какого нибудь полувѣка разразились разомъ четыре революціи: религіозная, политическая, интеллектуальная и промышленная—и во всѣхъ этихъ сферахъ новая Испанія находится на пути къ вѣрной побѣдѣ.

Выигралъ самого себя.

(Разсказъ изъ временъ американскаго невольничества).

Это было въ 1848 году. Нѣкоторыя торговыя дѣла заставили меня подняться вверхъ по Миссисиппи. Между прочими моими спутниками, на кораблѣ находились также судья изъ Кентукки, м-ръ Ундервудъ, и Генри Киэ.

Мы прогуливались по палубѣ и только-что хотѣли спуститься въ каюту, какъ оттуда вышелъ корабельный клеркъ.

— Ну и общество, сѣвшее къ намъ изъ Начеза!.. замѣтилъ онъ,—оно ведетъ сильную и азартную игру.

— Пойдемте, господа, посмотримте, замѣтилъ судья, и мы спустились въ каюту.

Здѣсь играли на два стола. У одного изъ нихъ сидѣло четыре человѣка, а цѣлая масса окружавшихъ любопытныхъ прямо показала намъ, что это вѣроятно тѣ люди, о которыхъ только-что говорилъ клеркъ. Мы тоже присоединились къ этому кружку. Играли въ такъ называемое «Twenty deck paker», и деньги съ удивительною быстротою переходили изъ рукъ въ руки. Одинъ изъ игроковъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ отпечаткомъ страстной натуры въ чертахъ лица (какъ я послѣ узналъ, онъ былъ владѣтелемъ большой хлопчато-бумажной плантаціи), только-что поставилъ свой послѣдній долларъ и просилъ противника открыть карты. У него было четыре дамы, на что сидѣвшій vis-à-vis открылъ четырехъ королей. Плантаторъ проигрался до копѣйки. Онъ всталъ и казалось хотѣлъ окончить игру.

— Что, вы совершенно «готовы», полковникъ? спросилъ сыгравшій четырехъ королей.

— Совершенно—до послѣдняго гроша!

— Дайте мнѣ росписку—и я вамъ повѣрю денегъ въ долгъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ плантаторъ съ проклятіемъ:—до этого я еще не дошелъ. Гдѣ Вакманъ?

— Здѣсь, мастеръ, отвѣчалъ хорошо сложенный негръ, который въ ожиданіи приказаній стоялъ у дверей.

— Приведи-ка сюда, Вакманъ, мальчишку и женщину, которыхъ я купилъ въ Начезѣ. А вы, господа, потерпите минутку игрою, у меня есть еще кое-что поставить.

Негръ ушелъ и скоро вернулся въ сопровожденіи «женщины и мальчишки». Сказанная «женщина» была довольно красивая мулатка, лѣтъ тридцати пяти, а мальчикъ былъ ея сынъ. Ему было едва десять лѣтъ, лицо было нѣсколько свѣтлѣе чѣмъ у матери, а формы тѣла были безукоризненно правильны.

— Вотъ, господа, прекрасная парочка, сказалъ плантаторъ;—другой такой не скоро и найдешь! Я заплатилъ за нихъ восемьсотъ долларовъ—кто даетъ шестьсотъ?

— Почему не продаете вы ихъ по одиночкѣ? спросилъ кто-то изъ окружающихъ.

— Нельзя, отвѣчалъ плантаторъ, пожимая плечами.—Мать поклялась лишить себя жизни, если ее разлучатъ съ мальчишкой,—а старый хозяинъ, у котораго я купилъ ихъ, увѣрялъ меня, что она сдержитъ данное слово. Да развѣ вы не видите, господа, что она одна стоитъ болѣе того, что я прошу за нихъ обоихъ? Ну, что скажете? Покупайте за шестьсотъ долларовъ.

Плантаторъ подождалъ нѣсколько секундъ—и не получивъ никакого отвѣта, продолжалъ: — Мнѣ нужны деньги—и если нельзя ихъ получить иначе, съиграемте въ кости. Тридцать жеребьевъ, по двадцати долларовъ каждый. Ну, господа, идетъ что ли? Дайте посмотрѣть на цвѣтъ вашего золота! Кто возьметъ первый, тотъ и бросаетъ первый.

Этимъ предлагалась хорошая забава, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежда на выигрышъ вещей, которыя въ глазахъ американца вообще, а путешествующихъ по Миссисиппи въ особенности, имѣютъ чарующую привлекательность. Каждый изъ игроковъ, сидѣвшихъ за столомъ, взялъ по два жеребья; нѣкоторые изъ зрителей тоже приняли участіе въ игрѣ,—такъ-что въ нѣсколько минутъ было разобрано двадцать жеребьевъ, и рабовладѣлецъ едва успѣвалъ принимать деньги и вписывать имена участвовавшихъ. Но теперь дѣло пошло нѣсколько медленнѣе; оставалось еще десять жеребьевъ. Самъ плантаторъ оставилъ на свою долю два, потомъ и остальные игроки порѣшили взять еще по одному, и наконецъ двое изъ зрителей, въ надеждѣ на выигрышъ, удвоили свою ставку.

— Еще два жеребья, господа! сказалъ плантаторъ.

Киэ отвелъ судью въ сторону—и поговоривъ съ нимъ минуту, быстро подошелъ къ столу и бросилъ двѣ десяти-долларовыя монеты.

— Ваше имя?

— Запишите на имя мулатки.

— Какъ?—На имя этой «женщины»?

— Да.—Посмотримъ, счастлива ли она!

— All right! – Жребій для Нинетты!

Не успѣлъ плантаторъ предложить играющимъ послѣдняго билета, какъ къ столу подошелъ судья Ундервудъ и, положивъ двадцать долларовъ, сказалъ очень сухо: «Это за мальчика!»

— Прекрасно, сказалъ владѣлецъ,—этотъ жеребій будетъ для Томми. Продажа значитъ заключена. Гдѣ клеркъ?

— Здѣсь!

— Есть у васъ на кораблѣ бланки для продажи негровъ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, приготовьте для обоихъ, для Нинеты и Томми; только оставьте въ нихъ мѣсто, чтобы потомъ вписать имя выигрывшаго. А мы, господа, начнемте игру.

Кости были принесены, и игра началась. Выкидывались три кости разомъ, и каждый изъ игравшихъ бросалъ ихъ трижды. Въ первыя десять игръ высшимъ числомъ было 36. Въ одиннадцатую—выкинулось 42 очка. Потомъ пошли меньшіе нумера вплоть до двадцать седьмой игры, въ которую кто-то выкинулъ 49.

Все общество заволновалось. Выше 49 очковъ выкинуть было очень трудно. Низшій нумеръ въ этой игрѣ могъ быть 9, а высшій (6×9)—54. Среднимъ числомъ было слѣдовательно 31½, и изъ ста выбрасываній большинство стояло ниже 32 очковъ.

Двадцать осьмая очередь принадлежала секретарю корабля, который только что вернулся съ необходимыми документами. Онъ выбросилъ 50 очковъ.

— Ну, Нинетта, теперь тебѣ играть!

Бѣдная женщина дрожа подошла къ столу и казалось хотѣла остановить рукою біенье своего сердца. Въ залѣ водворилось молчаніе, нарушаемое только стукомъ машины.

— Можетъ-быть господинъ, купившій жеребій для меня, желаетъ самъ бросить? сказала Нинетта тихимъ голосомъ, на чистомъ англійскомъ языкѣ.

— Пускай вашъ сынъ съиграетъ за васъ, онъ вѣроятно счастливѣе меня, отвѣчалъ медленно Киэ.

Мальчикъ подошелъ къ столу и взялъ кубокъ. Мать же, сложивъ набожно руки, шептала молитву. Бѣдняжка дрожалъ какъ осиновый листъ. Да и не удивительно. Въ кубкѣ заключалось все его счастіе и несчастіе. Онъ держалъ въ рукахъ своихъ запечатанную, таинственную книгу судебъ, въ которой была написана будущность его и его матери. Ему нужно было открыть ее. Положеніе, при которомъ задрожалъ бы и не слабый ребенокъ.

Онъ помѣшалъ кости и выбросилъ ихъ на столъ.

Три очка...

Съ минуту несчастный мальчикъ безмолвно смотрѣлъ на три ужасныя черныя точки; потомъ, понявъ, что все потеряно, онъ тихо положилъ кубокъ на столъ и отошелъ въ сторону.

— Бросай еще разъ, Томми! сказалъ плантаторъ.

— Это безполезно, мастеръ, вѣдь я не выброшу болѣе 50 очковъ.

— Но ты долженъ играть теперь за себя, мой голубчикъ!

— Да, воскликнулъ судья,—ты проигралъ жеребій своей матери, теперь бросай за себя. Ступай, мужайся и да поможетъ тебѣ Богъ!

Корабельное общество состояло не изъ особенно религіозныхъ людей, однако, послѣ этого горячаго пожеланія судьи, каждый прошепталъ «аминь».

Мальчикъ снова подошелъ къ столу и взялъ кубокъ. Губы его были крѣпко сжаты, а нервная дрожь, овладѣвшая имъ раньше, теперь совершенно пропала. Въ залѣ царствовала гробовая, мучительная тишина. Слышенъ былъ только стукъ падающихъ костей.

Томми выбросилъ въ первый разъ.

— Пять—пять—шесть, всего шестьнадцать, считалъ плантаторъ.

Кости застучали вторично.

— Шесть—шесть и пять. Превосходно. Это составляетъ семьнадцать.

Мальчикъ поблѣднѣлъ какъ полотно, когда въ третій разъ взялся за кубокъ. Мать, готовая лишиться чувствъ, оперлась на желѣзную подпорку палубы. Наконецъ—книга судебъ была вскрыта.

— Трижды шесть составляетъ восемьнадцать, всего же 51 очко. Томми, мой другъ, ты выигралъ! А вы, господинъ конторщикъ, впишите его имя въ бланки, — я подпишу въ присутствіи всѣхъ господъ свидѣтелей.

Легче вообразить, чѣмъ описать ту сцену, которая послѣдовала за этимъ.

Какъ я впослѣдствіи узналъ, судья Ундервудъ совершенно здоровъ, однако оставилъ всѣ дѣла. Нинетта сдѣлалась экономкой въ его домѣ, а Томми сталъ самымъ вѣрнымъ слугою, какого можно только желать.

Чарльзъ Робертъ Дарвинъ.

Что великій естествоиспытатель долженъ быть и великимъ философомъ—въ этой мысли нѣтъ ничего невѣроятнаго; во всякомъ случаѣ, въ немъ можетъ быть большая склонность къ философскому умозрѣнію.

Чарльзъ Робертъ Дарвинъ—одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей нашего времени, и онъ можетъ-быть наслѣдовалъ отъ своего дѣда не только общую наклонность къ особенному роду умозрѣнія, но и извѣстное направленіе. Знаменитый докторъ Эразмъ Дарвинъ, поэтъ, филантропъ и ученый лихфильдскій врачъ, авторъ «Ботаническаго сада», «Храма природы», «Зоономіи» и «Происхожденія общества», которые пользовались когда-то такимъ успѣхомъ, имѣлъ свои собственныя понятія касательно происхожденія видовъ. «Очень можетъ быть», писалъ онъ въ 1794 г., «что первыя насѣкомыя были пыльниками или рыльцами цвѣтковъ, которые такъ или иначе отдѣлились отъ произведшаго ихъ растенія, и что отъ нихъ съ теченіемъ времени, произошли въ свою очередь, многія другія насѣкомыя, изъ которыхъ одни, вслѣдствіе безпрерывныхъ усилій добыть себѣ корму или предохранить себя отъ вреда, пріобрѣли себѣ крылья, иныя—лапки, а нѣкоторыя другія—плавники». Въ это время страсть къ политическимъ преніямъ, вызванная послѣдними событіями французской революціи, овладѣла всѣми умами и проникла во всевозможныя отрасли литературы. Остроумные сатирики изъ партіи тори, Каннингъ и Фреръ, которые такъ сильно потѣшались надъ фантастическою описательною поэзіею Дарвина въ «Anti-Jacobin», написавъ на его «Любовь растеній» пародію подъ названіемъ «Любовь треугольниковъ», не упустили случая поднять на смѣхъ и его теорію о превращеніяхъ растительной и животной жизни. А между тѣмъ подобныя же предположенія дѣлались тогда и многими знаменитыми иностранными писателями—Ламаркомъ, Жоффруа С. Иллеромъ и даже Гёте. Эта идея вовсе не нова; она можетъ-быть обсуждалась въ греческихъ, египетскихъ или индѣйскихъ школахъ больше чѣмъ двадцать столѣтій тому назадъ. Она заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много привлекательности для умовъ, съ извѣстнымъ направленіемъ, готовыхъ приписать одной и той же естественной причинѣ безконечное разнообразіе во всевозможныхъ явленіяхъ природы. Но хотя подобныя изслѣдованія и могутъ быть допускаемы и даже одобряемы, какъ это теперь дѣлается, безъ всякаго вреда въ политическомъ и теологическомъ отношеніи,—они, тѣмъ не менѣе, не должны отвергать слишкомъ поспѣшно результатовъ добытыхъ изъ наблюденія путемъ положительной индукціи. Точно такъ же не говоритъ въ пользу спекулятивной теоріи и то, что она не допускаетъ, повидимому, объясненіе многихъ фактовъ, котораго мы держимся и не сдѣлала еще никакого другаго объясненія. Этотъ недостатокъ въ ея содержаніи можетъ перевѣсить ея заслуги касательно объясненія тѣхъ фактовъ, которые подлежатъ нашему вѣдѣнію. Это такой вопросъ, который столько же касается мыслителя, какъ и естествоиспытателя. Но какъ наблюдатель различныхъ процессовъ природы, какъ естествоиспытатель, который объясняетъ по крайней мѣрѣ *какимъ образомъ*, если уже не *почему*, происходятъ эти процессы, Чарльзъ Дарвинъ одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ, съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на ту философскую систему (тему безчисленныхъ споровъ), которая соединена въ послѣднее время съ его именемъ.

Онъ родился въ Шрестбури, 12 февраля 1809 г. Отецъ его, докторъ Робертъ Веринъ Дарвинъ, исполнялъ въ этомъ городѣ должность врача, а его мать была дочерью Жозіи Веджвуда, новѣйшаго основателя англійской горшечной фабрикаціи. Чарльзъ Дарвинъ воспитывался сначала въ городской школѣ, которою управлялъ докторъ Бутлеръ, впослѣдствіи лихфильдскій епископъ; потомъ Дарвинъ отправился въ 1825 г. въ Эдинбургскій университетъ, оставался тамъ два года, а отсюда поступилъ въ кембриджскую Кристъ-Колледжъ, гдѣ и получилъ степень баккалавра изящныхъ наукъ. Его наслѣдственная способность къ изученію естественныхъ наукъ была очень рано замѣчена его наставниками. Мистеръ Генсло, профессоръ ботаники въ Кембриджѣ, рекомендовалъ его, поэтому, въ качествѣ естествоиспытателя капитану Фитцрою и адмиралтейскому совѣту, въ 1831 году, для второй экспедиціи королевскаго корабля Бигль къ южному океану. Предметомъ первой экспедиціи, совершенной 1826—1830 г. на двухъ корабляхъ (*Adventure* и *Beagle*), было изслѣдованіе береговъ Патагоніи; Бигль, отправившійся вторично 27 декабря 1831 г. и возвратившійся въ Англію 22 октября 1836 г., совершилъ научное путешествіе кругомъ свѣта. Главный предметъ этого путешествія состоялъ въ томъ, чтобы составить при помощи непрерывныхъ хронометрическихъ измѣреній полную сѣть разстояній между меридіанами; тутъ были сдѣланы также довольно важныя магнитическія наблюденія; но фауна, флора и геологія различныхъ странъ, посѣщеннымъ этой экспедиціей, была изслѣдована Дарвиномъ. Онъ служилъ безъ жалованья и отчасти даже платилъ за свои издержки—съ условіемъ, что ему будетъ дано право располагать его коллекціями. Эти коллекціи были получены въ Англіи профессоромъ Генсло. Польза, оказанная ими для дальнѣйшаго развитія науки, засвидѣтельствована спеціальными отчетами объ этихъ коллекціяхъ, которые были сдѣланы величайшими авторитетами: профессоромъ Овеномъ касательно ископаемыхъ млекопитающихъ, мистеромъ Ватергаузомъ въ отношеніи существующихъ животныхъ, мистеромъ Гульдомъ касательно птицъ, докторомъ Гукеромъ, профессоромъ Генсло и другими относительно растеній, и величайшими учеными нашего времени касательно рыбъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ.

Дарвинъ открылъ въ Южной Америкѣ три новые рода не существующихъ уже животныхъ. Президентъ геологическаго общества заявилъ, что его путешествіе одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій для этой науки, какія только случались въ теченіи многихъ лѣтъ. Для обыкновенныхъ читателей «Журналъ» этой экспедиціи—какъ назвалъ Чарльзъ Дарвинъ свое сочиненіе—появившійся въ первый разъ въ 1839 г. и выдержавшій съ тѣхъ поръ множество изданій, одна изъ самыхъ при-

влекательныхъ книгъ о путешествіяхъ, какія только имъ случалось читать. Пріятная свѣжесть его яснаго и живаго слога; слегка, однакоже чрезвычайно живописно, очерченныя сцены; анекдоты изъ жизни и обычаевъ дикихъ народовъ и другихъ иностранныхъ націй, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло; различныя приключенія, столь же поучительныя, какъ интересныя, о которыхъ онъ разсказываетъ въ этой книгѣ,—все это дѣлаетъ ее одною изъ самыхъ популярныхъ. Страны на которыхъ онъ главнымъ образомъ останавливается—это восточныя, южныя и западныя берега Южной Америки, вмѣстѣ съ Терра-дель-Фуего, и многіе прибрежные маленькіе проливы и острова, а также и нѣкоторыя изъ наиболѣе отдаленныхъ островныхъ группъ Тихаго и Индѣйскаго океановъ. Естественная исторія и геологія этихъ странъ описаны имъ съ величайшею подробностью—и вызываютъ со стороны спеціалистовъ самые разнообразные толки, чрезвычайно интереснаго характера.

Самымъ лучшимъ примѣромъ этому можетъ служить его прекрасное описаніе Тресковыхъ островов, лежащихъ въ шести-стахъ миляхъ къ юго-западу отъ Суматры, и его остроумное объясненіе структуры коралловыхъ рифовъ—одного изъ самыхъ трудно-объяснимыхъ геологическихъ феноменовъ. Это коралловые острова, среди обширнаго океана, окруженные воднымъ пространствомъ неизмѣримой глубины;—какимъ образомъ они могли сформироваться? Для построекъ коралловыхъ полиповъ необходимо основаніе, и они не могутъ жить на значительной глубинѣ отъ поверхности; а коралловая мель можетъ подняться только настолько, насколько поднимаются волны. Нѣкоторые геологи вообразили, что полипняки могли образоваться на вершинахъ горъ и скалъ, слегка прикрытыхъ водою. Думали даже, что удивительные кораллы лагунныхъ островов, какъ напр. кораллы Тресковыхъ островов, которые состоятъ изъ одного только кольца коралловой стѣны, включая сюда же и небольшой бассейнъ спокойной воды,—образовались на краяхъ погасшаго волканическаго кратера. Чарльзъ Дарвинъ заявилъ, что въ этихъ случаяхъ не было подводныхъ горъ для поддержанія коралловыхъ построекъ, и сравнилъ эти острова съ другими видами: съ большимъ рядомъ рифофъ вдоль восточнаго берега Австраліи, съ рифами плотно-окаймляющими берегъ, какъ напр. въ Красномъ морѣ, и такими которые образуютъ поясъ со рвомъ воды вокругъ отдѣльно стоящей горы. Онъ заключилъ, основываясь на различныхъ наблюденіяхъ и аргументахъ, что все плоское морское дно—на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ миль вокругъ—опустилось мало по-малу до страшной глубины, въ то время какъ коралловые полипы, лишившись такимъ образомъ той первоначальной почвы, на которой они расположили свою мастерскую, продолжали строиться на вершинѣ своихъ прежнихъ построекъ, такъ чтобъ держаться всегда недалеко отъ поверхности, на томъ же самомъ уровнѣ, что и прежде. Это одно изъ самыхъ удивительныхъ открытій, какія только были сдѣланы этимъ геніальнымъ ученымъ. Точно такъ же и его замѣчанія о климатѣ южнаго полушарія, о предѣлѣ снѣжной линіи, объ опущеніи ледниковъ, увлекающихъ за собою обломки скалъ, и о похороненныхъ во льду мертвыхъ животныхъ (такъ что при этомъ сохраняется даже ихъ мясо) чрезвычайно много способствовали успѣху знанія. Онъ дѣлалъ также наблюденія надъ волканическими явленіями—и основываясь на слѣдствіяхъ значительнаго землетрясенія, при которомъ онъ случайно присутствовалъ, онъ пришелъ къ догадкѣ о существованіи подземнаго озера растопленной лавы въ 700 миль длины при 400 миляхъ ширины (почти въ двое больше Чернаго моря) съ одною только тонкою корою земли надъ этимъ страшнымъ моремъ огня.

Послѣ путешествія на Биглѣ, Чарльзъ Дарвинъ не участвовалъ, сколько намъ извѣстно, ни въ какой другой отдаленной экспедиціи. Онъ жилъ впродолженіи многихъ лѣтъ близь Фарнборо, въ Кентѣ, женившись на своей двоюродной сестрѣ, миссъ Эммѣ Веджвудъ, и сдѣлавшись отцомъ большаго семейства. Онъ получилъ многіе знаки отличія со стороны различныхъ британскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ: двѣ медали отъ королевскаго общества, одну медаль отъ геологическаго и орденъ *pour le merite* отъ прусскаго короля. Онъ часто способствовалъ трудамъ геологическаго и зоологическаго общества, общества Линнея и другихъ ботаническихъ обществъ. Ботаники высоко цѣнятъ его наблюденія надъ свойствами ползучихъ растеній и его въ высшей степени интересную книгу о способахъ оплодотворенія орхидей посредствомъ извѣстныхъ насѣкомыхъ. Такимъ образомъ, репутація мистера Дарвина совершенно независима отъ той философской теоріи, которая изложена въ его опытѣ «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора». Этотъ смѣлый и остроумный опытъ, появившійся въ первый разъ въ 1859 г., печатался десятками тысячъ экземпляровъ и былъ переведенъ на французскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій и другіе европейскіе языки. Онъ возбудилъ даже больше безполезной тревоги и незаслуженнаго скандала, чѣмъ «Слѣды творенія», и вызвалъ самыя сильныя порицанія и не менѣе неумѣренныя похвалы со стороны слишкомъ увлекающихся приверженцевъ обѣихъ партій, полагавшихъ, что онъ можетъ поколебать истины христіанской религіи. Главный тезисъ этого сочиненія состоитъ въ томъ, что всѣ различные виды растительной и животной жизни, какъ прошедшіе такъ и настоящіе, были произведены рядами постепенныхъ перемѣнъ, переходившихъ путемъ естественной наслѣдственности отъ родителей къ потомку. Всѣ животныя, звѣри, птицы, пресмыкающіяся, насѣкомыя, рыбы и зоофиты произошли много-что отъ четырехъ или пяти прародителей; всѣ растенія отъ такого же количества. Это же самое говорилъ Эразмъ Дарвинъ и французскіе естествоиспытатели семьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Современный намъ Дарвинъ соединилъ этотъ тезисъ съ новымъ развитіемъ мальтусовой теоріи о предохранительныхъ мѣрахъ касательно излишества въ народонаселеніи, приложенной ко всѣмъ органическимъ существамъ, какія только живутъ на землѣ,—и съ метафизической темой (если не выраженной, то подразумѣваемой), клонящейся къ тому, что смертность, отъ голода или отъ взаимнаго убійства, убавляетъ постепенно количество особей каждаго вида, которыя иначе увеличивались бы въ геометрической пропорціи, такъ что потомство одной и той же четы возрасло бы черезъ нѣсколько поколѣній до нѣсколькихъ милліоновъ. Эта «борьба за жизнь», согласно Чарльзу Дарвину, предназначена Создателемъ на то, чтобы истребить потомковъ всѣхъ тѣхъ особей, которыя слабѣе другихъ, или такихъ, которыя менѣе способны развиваться и усовершенствоваться среди окружающей ихъ обстановки,—и сохранить такія породы, родоначальники которыхъ владѣли высшими качествами. Посредствомъ соединенія между собою этихъ

болѣе-счастливо-одаренныхъ породъ, ихъ отличительныя черты и способности возрастаютъ постепенно до болѣе значительной степени обособленія такъ-что племя дѣлается разрядомъ, а порода или видоизмѣненіе становится видомъ; ближайшіе виды находятся въ самомъ близкомъ свойствѣ между собой, тогда какъ члены болѣе обширныхъ отдѣленій, разрядовъ и классовъ не такъ близко родственны другъ другу.

Мы не стали бы разбирать мнѣнія мистера Дарвина, м-ра Валласа и профессора Гексли, еслибъ оно было предметомъ науки и если бы требующіеся для его подтвержденія факты были вполнѣ доказаны. Но Чарльзъ Дарвинъ, если мы не ошибаемся, употребляетъ индуктивныя доказательства только для нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ положеній. Эти положенія, говорилъ онъ, могутъ быть объяснены и соглашены между собою только въ такомъ случаѣ, если будетъ принята его главная доктрина, которой мы, поэтому, обязаны вѣрить на слово. Эти положенія состоятъ въ слѣдующемъ: — что нѣкоторыя замѣченныя видоизмѣненія происходятъ отъ общаго прародителя, согласно съ закономъ наслѣдственности, что нѣкоторыя изъ этихъ видоизмѣненій клонятся къ усовершенствованію родительскаго типа и что путемъ продолжительнаго выбора этихъ улучшенныхъ образцовъ, въ родоначальники будущаго типа, его способности могутъ увеличиваться до безконечности. Все это, сознаемся съ большимъ удовольствіемъ, давно было извѣстно каждому скотоводу, садовнику, хозяину конскаго завода, любителю собакъ, птицъ, цвѣтовъ, всякому кто занимается посѣвами. Чарльзъ Дарвинъ объясняетъ эти процессы множествомъ примѣровъ въ чрезвычайно занимательной и поучительной книгѣ: «Объ измѣненіи домашнихъ животныхъ и растеній», изданной въ 1868 г. Его четвертое положеніе—а именно, что въ природѣ есть сила, которая вообще и постоянно производитъ этотъ подборъ и вслѣдствіе этого закрѣпляетъ и увеличиваетъ эти улучшенія,—повидимому, далеко не такъ очевидно. Какимъ образомъ это можетъ быть соглашено съ тѣми фактами, касательно вырожденія и даже совершеннаго вымиранія благородныхъ расъ, которыя были замѣчены имъ самимъ въ Южной Америкѣ и Австраліи? Собака, лошадь и другія животныя, перевезенныя туда европейскими мореплавателями или колонистами, вовсе повидимому не на пути къ улучшенію, когда одичаютъ. Садоводъ знаетъ, что самые прелестныя изъ его видоизмѣненій, будучи оставлены безъ ухода, и размножаясь сами собою, превращаются въ плевелы. Раса, улучшенная искусственно путемъ подбора лучшихъ образцевъ въ родоначальники, имѣетъ наклонность впасть въ прежнее состояніе грубости и посредственности, когда ее предоставятъ той силѣ природы, о которой говоритъ Чарльзъ Дарвинъ. На это могутъ возразить, что это есть слѣдствіе менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ или условій жизни. Но тогда и мы, съ своей стороны, можемъ точно такъ же отнести улучшеніе расъ къ болѣе благопріятной обстановкѣ, а не къ дѣйствію Дарвинова закона. Чарльзъ Дарвинъ откровенно признается, что онъ слишкомъ много положился на дѣйствіе естественнаго подбора, или на «жизненность самаго способнаго» (the survival of the fittest). Дѣйствіе этого закона должно ограничиться только продолженіемъ и увеличеніемъ тѣхъ перемѣнъ структуры, которыя приспособляютъ живое существо къ настоящимъ условіямъ его жизни. Съ этимъ мы охотно соглашаемся.

Чарльзъ Робертъ Дарвинъ.

Гравировалъ К. Вейерманъ.

Тѣмъ болѣе процессъ измѣненія первоначальнаго типа, будучи распространенъ до извѣстной степени посредствомъ подбора родителей, имѣетъ свои предѣлы, ограниченные закономъ безплодія, поражающимъ улучшенныя расы въ родѣ мула, а также вырожденіемъ и послѣдовательнымъ безплодіемъ дальнихъ потомковъ такихъ родителей, которые находились въ слишкомъ близкомъ свойствѣ. Природа не благосклонна къ такимъ животнымъ видамъ, которые произведены посредствомъ

ухода, и не заботится о сохраненіи такихъ видоизмѣненій, напр. собаки, какъ лягавая, барсучья, гончая; она расположена давать имъ свободное воспитаніе, которое изгладило бы эти различія. То же самое было бы и съ человѣческимъ родомъ, еслибы у него не было нравственныхъ и условныхъ препятствій. Всякій видъ признается своими особями животнаго или растительнаго царства—при сочетаніи для продолженія рода; онѣ не имѣютъ никакого понятія объ обязанности заботиться насчетъ улучшенія видовъ посредствомъ выбора лучшихъ видоизмѣненій въ ихъ собственномъ. Единство каждаго рода провозглашается голосомъ природы.

Но величайшее возраженіе, какое только можно сдѣлать Дарвиновой теоріи, состоитъ, какъ сказано выше, въ недостаткѣ въ ея содержаніи этой прямой очевидности фактовъ, которая конечно заявила бы себя, еслибъ эта теорія была справедлива. Геологія свидѣтельствуетъ (посредствомъ своихъ ископаемыхъ) о существованіи, въ теченіи тысячей протекшихъ столѣтій, многихъ теперь вымершихъ видовъ; но геологи не открыли еще ни одного вида въ моментъ превращенія этого вида въ какой нибудь другой. Въ предѣлахъ даже человѣческаго наблюденія надъ нѣкоторыми изъ живущихъ созданій, присутствуя при быстрой смѣнѣ поколѣній, которыя живутъ не долго, мы отыскали бы какіе нибудь примѣры подобныхъ измѣненій. Но животныя, которымъ поклонялся древній Египетъ и о которыхъ мы читаемъ въ Эзоповыхъ басняхъ, тѣ же какихъ мы встрѣчаемъ и нынѣ. Допуская даже, что превращеніе самого простаго вида въ самый сложный совершалось втеченіе сотень милліоновъ лѣтъ, предшествовавшихъ всѣмъ геологическимъ датамъ, трудно повѣрить тому, чтобы измѣненіе растительной формы могло произвесть въ животныхъ такой органъ, какъ глазъ, а тѣмъ болѣе мозгъ.

Да и гипотеза Чарльза Дарвина не заходитъ, въ сущности, такъ далеко. Аналогія можетъ быть плохимъ руководителемъ—и нѣтъ никакой положительной очевидности въ томъ, чтобы животныя и растенія произошли отъ какого нибудь нисшаго вида, въ родѣ напр. водорослей, занимающихъ середину между растительнымъ и животнымъ существованіемъ.

Теоріи мистера Дарвина, не подтвержденной доказательствами, нечего, по нашему мнѣнію, опасаться, какъ такой, которую нельзя бы было совмѣстить съ самымъ высокимъ понятіемъ о божественномъ могуществѣ и мудрости въ созданіи. Образованіе видовъ—тайна; жизнь—глубокая тайна, а сознающая разумная душа—еще болѣе великая тайна. Вселенная заключаетъ въ себѣ такія загадки, которыя никогда не могутъ быть рѣшены естественными науками.

Политическое обозрѣніе.

Двухъ-мѣсячная борьба между парижскою коммуною и версальскими войсками не привела еще ни къ какому рѣшительному результату, хотя она, повидимому, и подходитъ къ концу. Со времени нашего послѣдняго политическаго обозрѣнія, версальцы, конечно, сдѣлали значительные успѣхи, овладѣли, напр. фортомъ Исси, заставили замолчать баттареи форта Ванвръ и т. д. Но все-таки версальскому правительству не мѣшало бы имѣть побольше энергіи. Послѣ того какъ, овладѣвъ фортомъ Исси, версальскія войска сдѣлали оттуда значительныя бреши во многихъ мѣстахъ городской стѣны, имъ слѣдовало бы, по мнѣнію знатоковъ дѣла, идти приступомъ на самый городъ, а между тѣмъ Тьеръ и до сихъ еще поръ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій на этотъ счетъ, опасаясь какой нибудь неудачи, чѣмъ конечно не замедлила бы воспользоваться парижская коммуна при той энергіи, которая обнаруживается во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Для этого, по мнѣнію версальскаго правительства, слѣдовало сперва увеличить составъ версальской арміи, пополнивъ ее, въ числѣ 60,000 человѣкъ, тѣми плѣнными солдатами, которые находились еще въ Германіи

А между тѣмъ эта мѣра не могла быть приведена въ дѣйствіе, такъ-какъ нѣмецкое правительство отложило—и совершенно справедливо—ея исполненіе до тѣхъ поръ, пока между Германіею и Франціею не будетъ заключено *окончательнаго мира*. Въ свое время, по окончаніи враждебныхъ дѣйствій, въ Версалѣ было заключено 14-го (26) февраля только перемиріе, а *окончательный миръ* долженъ былъ быть заключенъ въ *Брюсселѣ* уполномоченными съ обѣихъ сторонъ, которые должны были сговориться и на счетъ различныхъ *подробностей*. Эти брюссельскіе переговоры тянулись цѣлыя недѣли, не принеся никакого положительнаго результата. Французскіе уполномоченные не имѣли, повидимому, и понятія о главныхъ условіяхъ и употребляли всевозможныя усилія для того, чтобъ уменьшить тѣ уступки, которыя уже были сдѣланы заранѣе, такъ наприм., чтобъ вмѣсто 5-ти милліардовъ наличными деньгами заплатить только одинъ милліардъ наличными, а остальные 4 милліарда французскими государственными бумагами и т. д. и т. д. Когда по прошествіи 4-хъ недѣль эти переговоры не привели ни къ какому положительному результату, нѣмецкое правительство потеряло терпѣніе—и князь Бисмаркъ объявилъ французскому правительству нѣчто въ родѣ ультиматума, въ которомъ грозилъ ему возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, въ случаѣ если французское правительство не положитъ конца этимъ уверткамъ.

Эта угроза не пропала даромъ. Брюссельскіе переговоры были немедленно прерваны, а заключеніе мира поручено двумъ наиболѣе значительнымъ представителямъ интеллигенціи, князю *Бисмарку* съ нѣмецкой стороны и *Жюлю-Фавру* съ французской, которые должны были сойтись для этого во Франкфуртѣ на Майнѣ. Эта встрѣча произошла при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Послѣ четырехъдневнаго тяжелаго, но успѣшнаго труда, подкрѣпленнаго обоюдной уступчивостью касательно различныхъ спорныхъ пунктовъ, Бисмаркъ и Жюль-Фавръ дѣйствительно заключили 28-го апрѣля (10-го мая) *рѣшительный* и *окончательный мирный договоръ* между Германіею и Франціею. Этотъ мирный договоръ подтвержденъ уже французскимъ національнымъ собраніемъ въ Версалѣ, и слѣдовательно приводится уже въ дѣйствіе. На этихъ дняхъ Бисмаркъ и Жюль-Фавръ должны опять увидѣться во Франкфуртѣ на Майнѣ для обмѣна грамотъ.

Какъ бы то ни было, но заключеніе этого мира—одно изъ самыхъ важныхъ событій нашего времени и составляетъ, по своему значенію, такую же эпоху въ нашемъ столѣтіи, какъ и вѣнскій миръ 1815 года, парижскій 1856 г., пражскій 1866 г.

Такимъ образомъ, благодаря выпущеннымъ изъ плѣна французскимъ солдатамъ, французское правительство имѣетъ возможность значительно усилить версальскую армію и послать свѣжее вспомогательное войско въ Алжиръ, гдѣ происходитъ теперь сильное возмущеніе.

Что касается до собственно парижскихъ дѣлъ, они становятся со дня на день печальнѣе, а терроризмъ все болѣе

и болѣе увеличивается. Калейдоскопическая смѣна лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, отнимаетъ почти всякую возможность составить себѣ сколько нибудь ясное понятіе о томъ, чтò тамъ происходитъ. Польскіе эмигранты, точно такъ же какъ и другіе съѣхавшіеся туда иностранцы, играютъ теперь въ Парижѣ чрезвычайно важныя роли. Мы приведемъ два или три факта, которые могутъ служить примѣрами того, чтò тамъ дѣлается. Парижскій женскій клубъ, имѣющій свои засѣданія въ Батиньольской церкви, рѣшилъ на прошедшей недѣлѣ, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ, что отнынѣ не только офицеры національной гвардіи, но и священники должны будутъ избираться; что духовное званіе не должно составлять привиллегіи мужчинъ, что и женщины могутъ также хорошо исполнять должность священниковъ и епископовъ. Вслѣдъ за этимъ онъ обратился къ коммунѣ съ петиціей, въ которой просилъ ее привести въ исполненіе эти реформы.

Не менѣе этого характеристично и объявленіе парижской коммуны слѣдующаго содержанія: преподаваніе религіи въ парижскихъ школахъ отмѣняется: учителя и учительницы должны вынести изъ нихъ распятія, изображенія Божіей Матери и другіе символы, выставка которыхъ есть нарушеніе (? sic!) свободы совѣсти. Всѣ религіозные предметы, сдѣланные изъ благороднаго металла, должны быть отправлены въ монетный дворъ.

Сила господствующаго въ Парижѣ вандализма такъ велика, что тамъ недавно разрушили Вандомскую колонну, изображеніе и краткое описаніе которой наши читатели найдутъ въ 16 № «Нивы». Какъ будто бы, уничтоживъ подобные факты, можно заставить молчать исторію.

Прибавимъ къ этому, что лучшіе журналы, какъ напр. «Revue des deux Mondes», «Siècle», «Justice»—задержаны.

Будемъ надѣяться, что, дѣйствуя рѣшительно, версальское правительство возстановитъ въ скоромъ времени спокойствіе въ этомъ безпокойномъ городѣ.

Между Турціею и подчиненнымъ ей Египтомъ опять произошло столкновеніе по поводу того, что египетскій вице-король отказался пропустить черезъ свои владѣнія турецкія войска, а также по поводу сооруженія нѣсколькихъ фортовъ при входѣ въ Суезскій каналъ. Если враждующія государства не рѣшатъ сами собою этого спора, онъ, конечно, будетъ улаженъ посредничествомъ другихъ державъ.

P. S. Послѣдніе телеграммы извѣщаютъ, что Версальскія войска вступили наконецъ въ столицу Франціи и во вторникъ 23 (11)мая тамъ происходило сильное сраженіе на площади Согласія. Въ 5½ час. пополудни въ рукахъ инсургентовъ находились только предмѣстье Белльвилль, ратуша и тюильрійскій дворецъ.

Аккредитованные при версальскомъ правительствѣ посланники иностранныхъ державъ предписали своимъ представителямъ въ Парижѣ—безусловно отказать инсургентамъ въ защитѣ, такъ какъ ихъ слѣдуетъ считать обыкновенными преступниками.

Удачный штурмъ Монмартрскаго предмѣстья причинилъ версальскимъ войскамъ сильный уронъ. Баррикады на Вандомской площади и на площади Согласія упорно защищаются. Въ Парижѣ вспыхнуло нѣсколько пожаровъ.

Тюльерійскій дворецъ, Лувръ, церковь Магдалины, центральный рынокъ, зданія почетнаго Легіона, государственнаго совѣта и счетной палаты—горятъ.

Почтовый ящикъ.

И. И. К. въ Л. увѣдомляется, что предлагаемая имъ картина не можетъ быть напечатана въ журналѣ «Нива».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція покорнѣйше проситъ Гг. подписчиковъ, обращающихся къ ней съ какими бы-то ни было требованіями, **присылать въ своихъ письмахъ печатные адреса**, которые приклеиваются къ оберткамъ нумеровъ журнала „Нива".

Отъ редакціи.

Редакція повторяетъ свою покорнѣйшую просьбу, чтобы тѣ изъ подписчиковъ Нивы, которые присылаютъ требованіе о перемѣнѣ адреса, присылали вмѣстѣ и 30 к. на типографскіе расходы по печатанію новаго адреса.

Дозволено цензурою 14 Мая 1871 г. Издат. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 24 мая 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногороднихъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Недозрѣлые.

(*Продолженіе*).

II.

Гороховъ.

Въ громадномъ домѣ Яковлева, бывшемъ Лея, выходящемъ на Вознесенскій, Екатерингофскій проспекты и Большую Садовую улицу, гдѣ число жителей опредѣляется такъ странно, отъ двухъ и до двадцати-двухъ тысячъ, гдѣ отдаются и великолѣпныя квартиры, и меблированныя комнаты, и нечистые номера съ канурками, входъ въ которые идетъ узкими, грязными, зловонными лѣстницами тускло освѣщенными по вечерамъ газомъ,— въ одномъ изъ внутреннихъ флигелей въ пятомъ этажѣ, въ комнатѣ съ двойнымъ окномъ, до самаго утра съ ранняго вечера всегда горитъ огонь. Несмотря на то, что жильцы дома Яковлева ежедневно десятками прибываютъ и выбываютъ, квартирныя хозяйки въ извѣстномъ дворѣ знаютъ почти всѣхъ жильцовъ на перечетъ.

— Вотъ въ томъ окнѣ, говоритъ какая-нибудь толстуха-хозяйка, Анна Ивановна, «смертельная» охотница до кофе, мужъ которой, храбрый воинъ, гдѣ-то въ отсутствіи и его мѣсто занимаетъ плюгавенькій мизерненькій конфетчикъ изъ ближайшаго заведенія,—вонъ, говоритъ она, — въ пятомъ этажѣ живетъ еврейка, а по двору идетъ ейный любезный; шестое окно, отъ угла, въ 3-мъ этажѣ столяръ; эта женщина свойная жена. Онъ ужъ ни рукамъ, ни ногамъ не владѣетъ... 5-е — портной, недавно женился; въ 3-мъ, такъ, дѣвочки квартируютъ»... и такъ далѣе, всѣхъ знаетъ. Но указанное окно было terra incognita... Жилъ не столяръ, ни музыкантъ, ни чиновникъ, а такъ себѣ, кто его знаетъ... Служить нигдѣ не служилъ, дѣломъ тоже не занимался. Какіе-то были у него чудные инструменты, книги да тетради... Днемъ онъ ходилъ по комнатѣ съ книгою; лѣтомъ, при томъ, всегда раздѣтый. Ночью что-то пишетъ. Живетъ въ нуждѣ, но за квартиру платитъ аккуратно и иногда бываютъ у него 25-ти и 50-ти-рублевыя бумажки... Изъ дому онъ уходилъ рѣдко и ненадолго. Одѣвался въ сѣрые панталоны и черный казакинъ — и носилъ: зимою теплое пальто и кунью шапку, а лѣтомъ — конусную, мягкую шляпу.

Онъ занималъ, какъ сказано, въ пятомъ этажѣ въ 140 №, маленькую комнатку съ двойнымъ окномъ. Обстановка комнаты состояла изъ кровати, крытой байковымъ одѣяломъ, съ двумя подушками, большимъ столомъ предъ нею—съ бумагами, тетрадями, коробками отъ табаку, письменнымъ приборомъ и графиномъ съ водою. Далѣе стояла этажерка съ четырьмя отдѣленіями, вся заваленная книгами, журналами и газетами; за нею слѣдовалъ чемоданъ и шкафъ, на верху котораго виднѣлись математическіе и физическіе инструменты. Кромѣ того, въ комнатѣ еще было четыре стула и столикъ, тоже съ инструментами. На стѣнахъ висѣли: около кровати два портфеля; на снуркѣ—увеличительное стекло; и три фотографическихъ карточки, на одной было изображеніе красивой, молодой, горбоносой женщины. На

противоположной стѣнѣ, на гвоздяхъ, висѣло носимое платье.

На стѣнныхъ часахъ пробило восемь вечера. Въ комнатѣ горѣли двѣ лампы: одна на этажеркѣ, другая на столѣ, предъ лежавшей тетрадью. Самъ хозяинъ, въ одномъ бѣльѣ и изношенномъ халатишкѣ, расхаживалъ по комнатѣ, что-то обдумывая и занося свои мысли въ тетрадь. Ему было лѣтъ тридцать-пять тридцать-шесть, и онъ обладалъ не красивою наружностью. Высокій ростомъ и сутуловатый, съ огромными рыжими волосами на головѣ и бородѣ, при блѣдномъ лицѣ и большихъ сѣрыхъ глазахъ, онъ поражалъ съ перваго взгляда непріятно. Оттѣняемые вѣками, эти глаза мѣнялись, превращаясь то въ темно-каріе, то въ свѣтло-сѣрые, свѣтящіеся. Лобъ былъ гладокъ и отличался античностью формъ, за то носъ и губы были толсты и неуклюжи.

Комнатка его была средняя; — на правой сторонѣ, за тонкой перегородкой, слышался романсъ:

Любила я его,
Красавца моего...

Звуки этого романса слышались постоянно отъ одинадцати часовъ утра до одинадцати вечера... Иногда пѣніе смѣнялось грубыми голосами, звономъ стакановъ, плачемъ и крупною бранью. Другую комнату, налѣво, за перегородкой, занималъ нѣмецъ, показывавшій ежевечерно фокусы въ какомъ-то балаганѣ. У нѣмца была жена, сухопарое блѣдно-желтоватое существо и грудная дочь, кричавшая отъ утра до утра... По временамъ отецъ выходилъ изъ себя и урезонивалъ ребенка звонкими шлепками... Слышались уговоры жены на нѣмецкомъ языкѣ, сиплый мужской голосъ, усилившійся дѣтскій визгъ до охрипа, и затѣмъ ребенокъ умолкалъ на короткое время. Когда происходило послѣднее, рыжій хозяинъ средней комнаты шагалъ съ болѣзненной гримасой на лицѣ. Онъ любилъ грудную дѣвочку, часто бралъ ее къ себѣ и пригласилъ даже врача; но болѣзнь ребенка была запущена уже прежде. Когда нѣмка уходила куда-нибудь изъ дома, напримѣръ, за покупками въ лавку, то не оставляла ребенка на рукахъ мужа, а сдавала его рыжему сосѣду. Къ нему никто не ходилъ, но письма получалъ онъ часто. Кушанье онъ приготовлялъ себѣ самъ въ паровой кострюлькѣ. Оно большею частію состояло изъ бульона и куска бифстека.

Мы оставили его въ раздумьи ходящимъ по комнатѣ. Вдругъ, послышался звонокъ, разговоръ хозяйки и шаги по направленію къ его кануркѣ.

— Васъ спрашиваютъ... послышался за дверью голосъ.

— Меня?.. кто?..

— Вотъ, они...

Хозяинъ отодвинулъ задвижку, и въ комнату вошелъ Оливовъ.

— Позвольте мнѣ узнать... Вы господинъ Гороховъ?..

— Я. Что вамъ нужно?

— Извините, можетъ быть вы заняты...

— Я спросилъ у васъ: что вамъ нужно?

— Я... гм!.. я пришолъ познакомиться съ вами... мнѣ совѣтовалъ Владиміръ Сергѣевичъ Бобровцевъ... а кромѣ того, передать поклонъ отъ Madame Западовой.

— Какой это Западовой!..

— Любви Васильевны...

— А! знаю. Раздѣвайтесь... вѣшайте платье на гвоздь, или кладите на кровать.

— Я къ вамъ на минуту... Не будете ли вы такъ добры, не поѣдете ли со мною?.. Любовь Васильевна очень желаетъ въ вами видѣться...

— Развѣ она здѣсь?.. спросилъ съ непростымъ взглядомъ Гороховъ.

— Да... здѣсь...

— Въ Петербургѣ?.. Чего-жь она пріѣхала?

— Она желаетъ пріискать занятія: работать, трудиться...

— Боже мой! вскричалъ Гороховъ съ сожалѣніемъ, слегка хлопнувъ себя рукою по гладкому лбу. Пошагавъ къ комнатѣ, онъ снялъ со стѣны свое висѣвшее платье и одѣваясь сказалъ:

— Пожалуй, поѣдемте къ вамъ.

Оливову было неловко, Гороховъ ему не понравился— и онъ, заминаясь, произнесъ:

— Если васъ это стѣснитъ...

— Нисколько; поѣдемъ. Вы далеко живете?

— У Таврическаго сада.

Оливовъ сталъ разсматривать валявшіяся на столѣ, разстрепанныя брошюры «Утилитаріанизмъ» и «Освободѣ» Милля, а Гороховъ, совсѣмъ одѣтый, подошелъ къ шкафу и изъ коробочки досталъ 5 рублей, потомъ, подумавъ, присоединилъ къ нимъ 10, 3 и три двугривенныхъ. Въ коробочкѣ остались двѣ новенькихъ депозитки по рублю.

Дорогою Гороховъ спросилъ Оливова:

— Пріѣздъ сестры, вѣроятно, засталъ васъ безъ денегъ?..

— Д-да... но я занялъ у Бобровцева.

— Вы имѣете состояніе? получаете средства изъ дому?..

— Я живу съ братомъ, и намъ высылаетъ попечитель ежемѣсячно 60 рублей. Братъ учится въ Технологическомъ институтѣ. Кромѣ того, я имѣю урокъ...

— Съ порядочнымъ гонораріемъ?

— Нѣтъ — всего десять рублей въ мѣсяцъ.

III.

Кузина и компанія.

Близь Таврическаго сада, въ полутора-этажномъ сѣромъ домикѣ, братья-студенты Оливовы занимали двѣ комнаты, съ входомъ со двора, чрезъ хозяйскую, служившую передней, для скидываній верхняго платья и галошъ. Комнаты состояли изъ залы, довольно просторной, и за нею еще одной, должно быть маленькой, куда теперь посторонніе посѣтители не входили: она составляла спальню кузины. Въ залѣ стоялъ разстроенный рояль, письменный столикъ съ полдесяткомъ книгъ, кучей тетрадей, студентскихъ лекцій, человѣческими костями черепа, рукъ и ногъ; предъ небольшимъ диванчикомъ былъ поставленъ круглый столъ съ ярко-горѣвшей лампою,—а близь него, въ высокомъ мягкомъ качающемся креслѣ на круглыхъ полозьяхъ, спала свернувшись молодая женщина брюнетка. Предъ нею лежалъ раскрытый томикъ. Она спала такъ крѣпко, что и не слыхала прихода Оливова.

— Люба! сказалъ онъ ей, слегка дергая за рукавъ коричневой драповой кофточки, которая была на ней надѣта сверхъ чернаго шерстянаго платья.—Встань... Я пріѣхалъ не одинъ, а съ Гороховымъ.

Люба покраснѣла.

— А! а я-было такъ сладко заснула...

Въ комнату вошелъ Гороховъ.

— Гороховъ! здравствуйте! вскричала Люба, ра-

душно протягивая руки, но немного смущенная. — Что? не ожидали меня встрѣтить въ Петербургѣ?.. Помните, я просила васъ, а вы сказали: подумаю. А я, вотъ, теперь и безъ васъ пріѣхала, благодаря своему доброму брату.

Любовь Васильевна казалась двадцати лѣтней дѣвушкой. Ей и въ дѣйствительности-то было двадцать два года. Она была небольшаго роста, полненькая брюнетка съ лицомъ калмыцкаго типа, съ желтоватымъ цвѣтомъ кожи, но здоровымъ румянцомъ на щекахъ, съ небольшимъ толстоватымъ носомъ и черными маленькими глазами; губы алы, крупной формы — и верхняя какъ бы неправильна. Въ общемъ лицо было полно, ничего не выражало кромѣ молодости и здоровья—и могло легко нравиться.

— Гороховъ! вы меня браните, что я пріѣхала сюда... да?

— Ни чуть... даже одобряю. Что же вамъ тамъ было дѣлать?! Вы избавились отъ мужа, отъ косыхъ взглядовъ, отъ родни... здѣсь вы свободнѣе... Только я не знаю, что́ вы будете дѣлать...

— Въ самомъ дѣлѣ, спросилъ Оливовъ, — вы знакомы, кажется, давно съ кузиной... Скажите: къ чему она болѣе всего способна?

— Ѣсть, пить и спать, серіозно отвѣчалъ Гороховъ.

Люба съ Оливовымъ засмѣялись.

— Нѣтъ, я васъ спрашиваю не шутя...

— Я и отвѣчаю серіозно.

— Такъ знайте же, несносный, что я уже поступила въ типографію, въ наборщицы... Что?.. это, по вашему, я худо сдѣлала?..

— Можетъ быть.

— Ха-ха-ха!.. Ахъ, уморительный этотъ Гороховъ... У него всегда все дурно! Я тебѣ говорила, Евгеній.

— А надолго ли вы поступили?..

— Надолго. Вы мнѣ скажите: ничего вы во мнѣ не замѣчаете?..

— Я васъ не понимаю.

— Перемѣны нѣтъ у меня никакой?

— Вы какъ будто пополнѣли.

— Пополнѣла?.. Ха-ха-ха! Ну, а теперь?

Она обернулась къ нему спиной.

— Ничего не вижу...

— А волосы-то, волосы?.. Помните, какія у меня громадныя косы были?..

— То-то я смотрю, что у васъ лицо стало одутловатое... У васъ, помню, славные были волосы... Значитъ, вы теперь совершенная нигилистка? Поздравляю.

— Merci. Что я хотѣла у васъ спросить?..

— Не знаю.

— Да! какъ вы поживаете, Гороховъ?..

— Хорошо... Но позвольте вамъ тоже сдѣлать вопросъ: помните ли вы, какъ меня зовутъ?

— Помню.

— А какъ?

— Дмитрій Карповичъ.

— Совершенно вѣрно. Прежде, вы постоянно звали меня по имени; отчего же, въ Петербургѣ, вы безпрестанно повторяете мою фамилію?.. Вы находите ее звучной? или это по нигилизму?..

— Да... отвѣчала сконфуженно Люба.

Разговоръ было на минуту осѣкся.

— Не дурно бы выпить винца! сказалъ немного погодя Гороховъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ; я сейчасъ куплю, погребъ рядомъ. Вы какое пьете? спросилъ Оливовъ.

— Мнѣ крѣпкаго — нельзя; купите Икему... оно слабо, и Любовь Васильевна можетъ выпить... Гороховъ подалъ Оливову зелененькую ассигнацію.

— О, что вы?!. вскричалъ Оливовъ, увидя деньги, — у меня есть, и въ удостовѣреніе онъ показалъ небольшой свертокъ ассигнацій.

— Нѣтъ, отказывался Гороховъ, — я не хочу, чтобы вы тратили на меня деньги. Вы помните, на вашихъ рукахъ теперь сестра. Вамъ нужна каждая копѣйка. Если вы купите на свой счетъ, я пить не буду и отнесу назадъ... вы только лишите меня удовольствія выпить, когда мнѣ хочется.

Оливовъ долженъ былъ повиноваться и вышелъ за виномъ. Оставшимъ вдвоемъ, Люба сказала Горохову.

— Вы, ради Бога, о прошломъ ничего не говорите брату...

— Будьте увѣрены.

— Я такъ раскаяваюсь, такъ раскаяваюсь...

— Да?.. спросилъ Гороховъ, внимательно посмотрѣвъ на собесѣдницу.

Лицо ея ничего не выражало.

— Значитъ, прошлое кончено?..

— Не знаю.

— А! не знаю... это хорошо, замѣтилъ смѣясь Гороховъ. — Но, дѣло не въ этомъ... Скажите мнѣ: вы не терпите нужды?

— Нѣтъ.

— Прекрасно; но, когда васъ посѣтитъ нужда, вы не забудьте меня... Адресъ мой вы знаете?

— Знаю.

— Сколько вашъ братъ платитъ за комнаты?

— Пятнадцать рублей.

— Дорого. На Петербургской можно бы дешевле и отъ академіи ближе... Ну, а столъ какъ?

— По пятнадцати рублей съ человѣка, отъ хозяйки...

— Угу! Значитъ прежде платили 30 р.,—а теперь, какъ вы пріѣхали, сорокъ пять?.. Да пятнадцать — всѣ шестьдесятъ... Бѣдный вашъ братъ!...

Оливовъ возвратился съ бутылкою вина и закуской, купленной на свои деньги; сдачу отъ вина онъ отдалъ Горохову. Почти вслѣдъ за нимъ въ комнату вошли четыре молодыхъ человѣка: двое въ форменныхъ сюртукахъ студентовъ медико-хирургической академіи, а двое въ сѣрыхъ блузахъ съ ременными поясами. Хозяинъ отрекомендовалъ ихъ первому гостю. Одинъ изъ блузниковъ, молчаливый, розовый и бѣлокурый, былъ младшій Оливовъ и походилъ на брата; другой блузникъ, технологъ, выглядывалъ заносчивымъ мальчишкой съ претензіей на нигилизмъ въ манерахъ, что́ совсѣмъ не шло къ его дѣтскому, губатому лицу. Два медико-хирурга глядѣли скромными молодыми людьми; блондинъ изъ нихъ носилъ фамилію Петровъ, а брюнетъ — Павловъ.

Разговоръ завязался на интересахъ дня, говорили о газетныхъ извѣстіяхъ, слухахъ, новостяхъ, театрахъ.

— Были вы сегодня въ типографіи? спросилъ Любу Петровъ.

— Была.

— Ну, какъ ваши дѣла?

— Ничего.

— Вы давно ужь ходите туда? спросилъ ее и Гороховъ.

— Всего сегодня третій день. Еще учусь. А вы знаете, господа, обратилась Люба къ прибывшимъ, — что Дмитрій Карповичъ осуждаетъ меня за то, что я вступила въ типографію...

— Это отчего же? полюбопытствовалъ технологъ.

— Хоть бы оттого, что должность наборщика такая скучная и глупая.

— Однако въ Петербургѣ много дамъ и дѣвицъ приняли на себя эту должность, замѣтилъ Петровъ.

— Мнѣ жаль ихъ, отвѣчалъ спокойно Гороховъ.

— Какой же бы вы посовѣтовали имъ родъ занятій?..

— Никакого.

— Дмитрій Карповичъ, кажется, противъ женскаго труда, проговорилъ Оливовъ.

— Совершенно нѣтъ. Я только самъ видалъ, какъ въ одну провинціальную типографію ходили двѣ дѣвушки, за десять рублей въ мѣсяцъ, въ шелковыхъ цвѣтныхъ платьяхъ и портили ихъ нѣсколько паръ въ годъ, чтó превышало ихъ годичное жалованье по типографіи. Наконецъ, по моему, въ наборщицы можетъ поступить или такое жалкое, неразвитое существо, близкое къ идіотизму, которое неспособно къ какому бы то ни было роду умственнаго труда,—или такое несчастное, что не можетъ сыскать себѣ никакого занятія, физическаго или умственнаго... потому что глупѣе и скучнѣе набора и разбора литеръ—я не знаю дѣла на свѣтѣ... И если женщины изъ-за моды служатъ наборщицами, то онѣ приносятъ великія жертвы.

— Но это личный вашъ взглядъ, замѣтилъ Павловъ.

— Напротивъ, типографія служитъ наукѣ... началъ было технологъ.

— Нечего тутъ напротивъ, перебилъ его Гороховъ,— когда ужь люди вмѣсто наборщиковъ-людей выдумываютъ машину-наборщика. Нѣтъ! Не за такую сухую, скучную, лишенную умственности работу должны браться женщины.

— Что же дѣлать, если мужчина захватилъ у женщины всякій трудъ? спросилъ у него Оливовъ.—Опять мы васъ спрашиваемъ: какого же рода трудъ вы посовѣтуете женщинѣ?

— Знаете, отвѣчалъ ему Гороховъ,—про захватъ труда такъ много было высказано pro и contra, что трудно рѣшить: захватилъ-ли дѣйствительно мужчина у женщины трудъ, или она сама ему уступила по слабости, въ надеждѣ другимъ способомъ найти возможность сдѣлать изъ него раба. Мы видимъ, что мужская половина нисшей культуры рода человѣческаго, какъ ни деспотично держитъ въ своихъ рукахъ женскую половину, но нетолько не отнимаетъ у ней работу, а скорѣе навязываетъ не по силамъ... И не естественно, чтобы властелинъ взялъ обязанность раба. Когда же человѣчество достигаетъ средней культуры, то начинаетъ поднимать женщину до равенства, но... тутъ печальное явленіе!.. женщина, какъ напримѣръ въ среднія вѣка, становится вдругъ предметомъ его обожанія, вдохновенія, мужчина захватываетъ всѣ ея работы... Странно!.. Вы скажете, что и здѣсь мужчины недобросовѣстны: тамъ они изнуряли деспотически женщину, здѣсь портятъ нравственно... Можетъ быть. Я не буду спорить. Допустимъ и худшее изъ золъ: положимъ, мужчина всегда былъ несправедливъ къ женщинѣ. Но, какъ бы то ни было, мужчина пріобрѣлъ теперешній перевѣсъ, какъ и всякое преобладаніе, путемъ труда... Мнѣ кажется, что если мужчина уступитъ теперь часть своего труда женщинѣ, то все-таки онъ окажется выше ея... И въ чемъ же будетъ ея заслуга, если она все получитъ по вѣжливости, безъ всякой борьбы и доказательствъ, что она достойна труда и достаточно крѣпка къ этому?..

— Но что-жь вы посовѣтуете ей дѣлать?

— Вы все употребляете, обратился Гороховъ къ Оливову,—нелюбимое мое словцо: «совѣтовать». Я еще настолько уважаю женщинъ, что не стану имъ совѣтывать. Я смотрю на нихъ какъ на совершенно равныхъ намъ. Въ совѣтѣ кроется высокодуманіе о себѣ самомъ и обида къ кому онъ относится. Совѣты даются существамъ умственно-слабымъ... Изъ женщинъ же есть уже на Руси много очень развитыхъ единицъ, которыя смѣло шествуютъ своею дорогою... Я любуюсь ими, уважаю ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе они встрѣчаютъ на пути препятствій... Но обезьянъ, модницъ, перебивающихъ дорогу труженицамъ-женщинамъ и труженикамъ-мужчинамъ, отнимающихъ подъ часъ кусокъ хлѣба, слѣдуетъ преслѣдовать, чтобы они не тормозили дѣла...

— Помилуйте! закричали слушатели, какъ бы условившись, въ одинъ голосъ, — да давно-ли у насъ въ Россіи поднялся вопросъ объ эмансипаціи женщинъ?... Всего какихъ нибудь десять-пятнадцать лѣтъ!...

— Десять, пятнадцать лѣтъ? спросилъ ихъ въ свою очередь Гороховъ: — развѣ же это малый промежутокъ времени?.. Пятнадцать лѣтъ назадъ я былъ розовый юноша, розовѣе васъ... Вопросъ объ эмансипаціи женщинъ былъ моимъ любимѣйшимъ... Я прожилъ лучшій періодъ своей жизни, все чего-то ожидая,—и что же? Я уже приближаюсь къ вопросу о своей жизни конечному— и вижу только барышень, хватающихся за трудъ изъ-за моды, и не болѣе десятка, да и того менѣе, здоровыхъ единицъ между женщинами, которыя всегда есть и были, не смотря ни на какія оковы. Что-жь мнѣ изъ нихъ?.. Спрашивается, неужели же я не смѣю огорчаться, что любимое дѣло идетъ туго? Не вправѣ ли я опасаться, видя обезьянъ, что женскій трудъ можетъ сброситься вмѣстѣ съ модой на шиньонъ и кринолинъ, и что общество, смотря на результаты и на жалкихъ героинь этого труда, можетъ охладѣть къ нему, а дѣло отложиться въ долгій ящикъ. Это меня просто бѣситъ...

— Но вы посмотрите, возразилъ Оливовъ,—на другія государства, на другихъ женщинъ... Вы помните, въ 1868 году, на одну русскую женщину въ Берлинѣ, когда она пришла въ клинику Мортена, смотрѣли какъ на диковину...

— А вы прочтите, прибавилъ Петровъ,—одно засѣданіе, кажется въ 1870 году, палаты общинъ, гдѣ обсуждался билль Брайта о женской независимости...

— А знаете ли вы, спросилъ технологъ,—чтó сказалъ Прудонъ...

— Знаю, господа, отвѣчалъ имъ Гороховъ:—я кое-что читаю. Но что же изъ того, что извѣстное дѣло идетъ туго, напримѣръ, въ Пруссіи и Англіи? Очень жаль и больше ничего... Однако это не даетъ мнѣ никакого повода утѣшаться, что оно идетъ плохо и въ Россіи. Неужели же вы серьезно убѣждены, что у насъ ничто не можетъ привиться ранѣе западной Европы? И мы должны все выжидать—какъ тамъ?... Мало ли что, стоющее тамошней почвѣ большихъ жертвъ и усилій, у насъ прививается мирно и быстро?.. Нынѣшнія реформы очевидный примѣръ. Мало ли какихъ треволненій, чуть

Памятникъ 1812 года въ г. Смоленскѣ.

Съ фотографіи рисовалъ В. Шпакъ, гравировалъ на деревѣ И. Матюшинъ.

не столпотворенія вавилонскаго ожидали тамъ у насъ отъ освобожденія крестьянъ и даже отъ мировыхъ учрежденій. А кончилось все совсѣмъ иначе. Вы спрашивали меня, заговорилъ немного помолчавъ Гороховъ,—что дѣлать женщинамъ? То же, что и намъ. Мнѣ досадно, что я долженъ впасть въ нѣкотораго рода морализацію... Имъ нужно быть твердымъ, честнымъ путемъ усилій пробивать себѣ самимъ дорогу, не перебивая другъ у другъ и не мѣшая никому, поддерживая слабыхъ подругъ... Выборъ труда отъ ихъ самихъ зависитъ, физическій ли онъ или умственный—все равно; руководствоваться имъ онѣ должны сообразно индувидуальной силѣ каждой изъ нихъ и средствъ состоянія. Совѣтчиковъ имъ нечего слушать. У каждой есть свой разумъ. Мы же должны, предоставляя трудъ, руководствоваться знаніемъ его и личными достоинствами субъекта, а не различіемъ половъ. Проповѣди о томъ, что женщина слабѣе мужчины и что ея физическое устройство препятствуетъ къ трудно-физическимъ работамъ, мнѣ что-то отзывается селадонствомъ... Это своего рода волокитство за женскимъ поломъ. Есть и сильныя женщины, есть и слабые мужчины.

— Да какъ же Прудонъ говоритъ, горячо вскричалъ молодой технологъ,—что...

Гороховъ засмѣялся.

— Прудонъ можетъ думать такъ, отвѣчалъ онъ ему,—а я, Гороховъ, иначе; вы же, выслушавъ наше мнѣніе, составите свое третіе, которое, когда вы провѣрите опытомъ, можетъ-быть будетъ самое пригодное къ жизни. Вамъ дѣлаетъ честь, что вы изучаете Прудона; что же касается лично до меня, то я плохо вѣрю въ умственныя способности лицъ, приводящихъ мнѣнія одного авторитета безъ собственнаго... Однако я у васъ засидѣлся... Мнѣ пора... И Гороховъ взялся за шапку.

— Когда же вы опять у насъ будете? спросила его Люба.

— Когда вы бросите типографію... то-есть я недѣльки черезъ двѣ заверну, прибавилъ онъ смѣясь.

Оливовъ также просилъ не забывать его провѣдать, а Гороховъ его. На замѣчаніе Петрова, что онъ очень строгъ къ женщинамъ, Гороховъ отвѣчалъ:

— Опытъ, батеньки мои, опытъ. Вотъ я уйду, вы будете обо мнѣ говорить: скажете, что я рутинеръ, отсталый, причислите меня къ сонму извѣстныхъ писакъ противъ эмансипаціи женщинъ... А совсѣмъ не то... Гороховъ вздохнулъ.—Не забывайте, господа, одного: этотъ рыжій бородачъ, сидѣвшій передъ вами, съ лицомъ не безъ морщинъ, носилъ когда-то голубой воротникъ и гербовыя пуговицы, это была прежняя форма студентовъ; тогда я былъ то же что и вы... Та же иллюзія, та же радость при всякомъ начинаніи, увѣренность въ своей практичности... И сказать ли вамъ правду? такой я и по настоящее время, но ужь я задаю себѣ вопросъ: да будетъ ли изъ этого польза?.. И жизненный проклятый опытъ, вслѣдъ за вопросомъ, такъ и лѣпитъ, одинъ за другимъ, рядъ голыхъ, безпощадныхъ фактовъ... Прощайте, господа. Доброй ночи!

А. Шкляревскій.

(Продолженіе будетъ).

Памятникъ 1812 года въ Смоленскѣ.

Какъ нѣкогда сильный монгольскій властелинъ, прозванный Чингисъ-Ханомъ, желалъ покорить весь свѣтъ,—такъ, спустя шесть съ половиною вѣковъ, на западѣ Европы явился новый Чингисъ-Ханъ, но уже не властелинъ дикой орды, а человѣкъ образованный, предводитель просвѣщеннаго и гуманнѣйшаго народа. Завоевавъ чуть не всю западную Европу и побуждаемый неограниченнымъ честолюбіемъ, онъ задумалъ подъ однимъ скипетромъ соединить всѣ европейскіе народы. И вотъ онъ, болѣе чѣмъ съ полумилліоннымъ войскомъ, страшною грозою шелъ на Россію. Какъ прежде, такъ и теперь провидѣнію было угодно сдѣлать Россію спасительницею отъ властолюбія иноплеменнаго. Гордый цезарь, упоенный славою многихъ побѣдъ, смѣло и съ полною увѣренностію велъ свои полчища на завоеваніе Россіи, и — жестоко обманулся. Мощный сѣверный колоссъ встрепенулся при видѣ страшнаго непріятеля, встрепенулся, развернулъ свои могучія затаенныя силы и, съ помощію Божіею, великій русскій народъ побѣдилъ. Кара Божія свершилась: закатилась звѣзда счастья,—и вотъ разбитый и опозоренный бѣгствомъ спасался императоръ; а послѣ, вдали отъ народовъ, права которыхъ онъ такъ безжалостно попиралъ, умеръ изгнанникомъ на пустынномъ безлюдномъ островѣ, всѣми покинутый, проклинаемый. Такъ умираетъ большая часть подобныхъ ему властолюбцевъ, которые для личной славы и пользы губятъ сотни тысячъ народа. Это—политическіе разбойники...

1812 годъ по справедливости у народа зовется годомъ «разоренія». Наполеонъ I, перешедши Нѣманъ, пошелъ на Смоленскъ и Москву. Армія его на пути своемъ—безъ разбора: были-ли то храмы Божіе, или дома мирныхъ жителей,—грабила все, что попадалось подъ руку цѣннаго и что можно было унести съ собой. Испуганные жители покидали жилища и уходили въ лѣса, или прятались по погребамъ и овинамъ, запрятавъ въ землю свои сокровища; такимъ образомъ, горшки, котелки и даже боченки золота, серебра и драгоцѣнностей зарывались въ землю, гдѣ многіе и по сіе время лежатъ нетронутыми,—и не удивительно, если все еще ходятъ въ народѣ разнаго рода розсказни и находятся охотники отыскивать «клады».

Овладѣвъ Смоленскомъ, Наполеонъ ставилъ пушки въ надворотномъ храмѣ Смоленской Божіей Матери, для обстрѣливанія днѣпровскаго моста, другія же церкви обращалъ въ конюшни, и только вошедши въ Успенскій соборъ (въ этотъ по истинѣ величественный памятникъ старины) и будучи пораженъ его внутренной красотою и великолѣпіемъ, снялъ шляпу и велѣлъ поставить стражу для охраненія. Осада Смоленска, бывшаго еще въ то время «дорогимъ ожерельемъ Россіи», какъ сильной крѣпости, особенно ни чѣмъ не замѣчательна. Русскія войска оставили городъ безъ настойчиваго сопротивленія, но событія 12-го года останутся вѣчно памятны въ исторіи народовъ; Россія какъ побѣдительница, а императоръ Александръ Благословенный какъ освободитель, даровавшій миръ Европѣ, справедливо занимаютъ первое мѣсто. Русскіе герои: Кутузовъ-Смоленскій, Барклай-де-Толли, Багратіонъ, и защищавшіе Смоленскъ: Раевскій, Дохтуровъ и другіе—будутъ

вѣчно незабвенны родной землѣ; и поэтому, по волѣ государя Николая I, въ 1841 году, 5-го ноября, въ день когда Смоленскъ былъ окончательно очищенъ отъ французскихъ войскъ,—открытъ памятникъ.

Памятникъ этотъ отлитъ изъ чугуна въ Россіи, имѣетъ круглую пирамидальную форму въ византійскомъ стилѣ; поставленъ на каменномъ подножіи въ 4 широкихъ ступени; обнесенъ вокругъ желѣзною цѣпью, привѣшенною къ каменнымъ тумбамъ. Основаніе памятника имѣетъ въ діаметрѣ 2 сажени и 3/4 аршина, а вышина съ крестомъ 8 саженей и 2 аршина. Отъ основанія до половины вышины памятникъ окруженъ 16-ю колоннами, поставленными попарно, а надъ карнизомъ каждой пары по короткой колонкѣ, но гораздо большаго діаметра, съ продольными углубленіями и куполами, надъ которыми парятъ восемь бронзовыхъ вызолоченныхъ орловъ. По бокамъ основанія, по линіи каждой пары коллонъ, рельефно выдаются кресты, прикрытые въ верхней части лавровымъ вѣнкомъ, а повыше ихъ, надъ каждымъ крестомъ, двѣ накрестъ сложенныя стрѣлы, перевитыя лентой. Вверху между меньшими коллоннами, подъ карнизомъ, выпуклые круги со всевидящимъ окомъ, а подъ нимъ бронзовыя цифры изображаютъ 1812 г. На самой вершинѣ памятника, на куполѣ, издалека виденъ золоченый крестъ. Въ промежуткахъ между колоннами, углубленными золотыми буквами сдѣланы со всѣхъ сторонъ надписи, а именно: «5-го августа защищало Смоленскъ: 62 батальона, 8 эскадроновъ и 144 орудія; главнокомандовавшіе: Барклай-де-Толли и Багратіонъ; защищавшіе Смоленскъ: Раевскій и Дохтуровъ; непріятеля напало 111 батальоновъ, 28 эскадроновъ и до 300 орудій; русскихъ убито 9,600; непріятеля до 20,000, 1 генералъ убитъ и 3 ранено.

На передней сторонѣ памятника, вверху въ богатомъ окладѣ повѣшена икона Смоленской Божіей Матери, списокъ съ той самой, которая находилась 3 мѣсяца среди арміи; а внизу подъ нею, въ рамѣ за стекломъ, вырѣзанный на мѣдной доскѣ планъ сраженія подъ Смоленскомъ.

Ансамбль памятника чрезвычайно красивъ; равно какъ и мѣсто, на которомъ поставленъ онъ, выбрано какъ нельзя болѣе удачно: это плацпарадное мѣсто, обширный четыреугольникъ, обсаженный со всѣхъ сторонъ деревьями и лежащій въ концѣ самой лучшей части города. Къ задней сторонѣ его примыкаетъ такъназываемая Королевская крѣпость—земляное укрѣпленіе въ видѣ цитадели, построенное Сигизмундомъ III въ 1611 году на мѣстѣ сдѣланнаго въ стѣнѣ пролома. Отсюда Наполеонъ началъ первую аттаку.

На предлагаемомъ рисункѣ, съ правой стороны памятника, видно красивое зданіе мужской гимназіи, а слѣва, вдали, церковь во имя Св. Ильи пророка. Въ дополненіе ко всему сказанному о памятникѣ, можно прибавить, что такіе же точно по рисунку памятники поставлены: подъ Краснымъ, въ Маломъ-Ярославцѣ, подъ Бородинымъ и Тарутиномъ, гдѣ въ сраженіяхъ пріобрѣтенная слава русскаго воинства останется вѣчно незабвенной.

Н. Липскій.

Очерки Кавказа.

(Изъ записокъ походнаго офицера).

V. Отъ Орпири до Поти.

Назначеніемъ прибывшей въ м. Орпири команды саперовъ было—начать съ наступленіемъ весны постройку укрѣпленія. Приступлено было уже къ опредѣленію линій полигона и къ провѣшиванію ихъ; но на этомъ дѣло и остановилось. Доходившія изъ Тифлиса вѣсти о войнѣ все усиливались. Солдаты радовались, что избѣгнутъ нездороваго климата и непроходимой грязи; радовались, что представляется случай показать себя, схватить можетъ-быть награду—знакъ отличія военнаго ордена; но съ кѣмъ воевать—никто не зналъ положительно. Между тѣмъ слухи о войнѣ подтверждались разъѣзжающими по Имеретіи офицерами отъ полковъ, для заготовленія фуража. Бывъ поставленъ на такой пунктъ съ высказанной уже цѣлью, я былъ въ затруднительномъ положеніи: если готовиться къ походу, то надо продавать заготовленный фуражъ и дрова, которые не смотря на окружающіе лѣса обошлись по 8 руб. за сажень, а теперь цѣны на нихъ очень низки; ожидать начала постройки и заниматься хозяйственною частью, какъ требовала прямая моя обязанность,—но боюсь, вдругъ захватитъ предписаніе выступить немедленно въ походъ—и тогда что̀ дѣлать съ запасами? Вспомнивъ пословицу: «гласъ народа, гласъ Божій», я распорядился весь запасъ прибрать къ мѣсту и велѣлъ готовиться всѣмъ къ походу. И лишь только съ вечернимъ рапортомъ фельдфебель доложилъ мнѣ, что хозяйство прибрано и люди готовы къ выступленію, какъ растворяется дверь и подаютъ мнѣ конвертъ. Это было предписаніе изъ штаба войскъ Кутаисскаго генералъ-губернатора—о немедленномъ выступленіи команды со всѣми тяжестями въ Сухумъ-Кале.

Нечего и говорить о томъ, какъ это извѣстіе было принято солдатами.

Отъ Орпири почтовой дороги къ Поти нѣтъ. Сообщеніе съ нимъ въ половодье по Ріону посредствомъ компанейскихъ пароходовъ, а въ нормальномъ его состояніи—въ каюкахъ; или-же, по лѣвому гурійскому берегу, на верховыхъ лошадяхъ. Не имѣя времени дожидаться прибытія парохода, рейсы котораго не всегда бываютъ правильны, мы плыли уже въ девять часовъ утра внизъ по Ріону на каюкахъ. Не весело плаваніе въ этихъ скорлупахъ, загроможденныхъ багажемъ; боишься сдѣлать движеніе, чтобы не испробовать холодной ванны въ полномъ костюмѣ. Но спасибо солдатамъ. Имъ, конечно, было еще хуже моего, и они не смѣли шевелить ни однимъ членомъ, кромѣ языка; за то языками они дѣйствовали такъ усердно и распѣвали такія разудалыя пѣсенки во всю дорогу до привала, что время летѣло непримѣтно. Такъ оживилъ всѣхъ ожидаемый походъ! Затягивали было и гребцы свои заунывныя пѣсни, но при звукахъ стройнаго хора умолкали и принимались усерднѣе работать веслами, чтобъ за-свѣтло добраться до Поти.

Прекрасная погода, ни жаркая, ни холодная; стройныя пѣсни, восхитительно-живописные берега Ріона,—все это вмѣстѣ наводило на меня пріятную задумчивость. Невольно вспоминалось поэтическое сказаніе Эллиновъ о Фриксѣ и Геллѣ, спасавшихся отъ злой ма-

чихи на златорунномъ баранѣ, о паденіи сестры Геллы въ проливъ, получившій ея имя (Геллеспонтъ-Дарданельскій), о прибытіи брата ея Фрикса сюда, о принесеніи въ жертву барана и о его золотомъ рунѣ, повѣшенномъ на дубѣ подъ охраненіемъ огнедышащаго неусыпнаго дракона, о томъ какъ это интересное руно приманило сюда аргонавтовъ съ Язономъ и пр. и пр. Но современная, дѣйствительная, поражающая удивленіемъ и манящая изяществомъ роскошь природы—заставляетъ забыть преданья старины глубокой.

Спокойное, но величественное теченіе Ріона быстро несло наши каюки; мингрельцамъ приходилось усердно работать веслами только при поворотахъ, которыхъ впрочемъ-таки довольно,—и съ каждымъ поворотомъ новый видъ, новая картина, новое удивленіе: молодая зелень всевозможныхъ переливовъ, отъ самаго яркаго до темнаго, лелѣетъ зрѣніе.

Лѣса Кавказскаго края можетъ - быть уступаютъ въ грандіозности дѣвственнымъ первобытнымъ лѣсамъ Южной Америки, которымъ удивлялся Александръ фонъ-Гумбольдтъ, но только едва-ли въ полезности растеній. Вотъ полный свѣжихъ силъ лѣсъ, которому великолѣпною опушкою служитъ вѣчно-зеленѣющій кустарникъ жасмина, 3-хъ, 4-хъ футовъ вышины, съ жолто-золотистыми красивыми цвѣточками; проберитесь сквозь кустарникъ—и вы остановитесь въ изумленіи предъ густыми гигантскими кустами виноградины съ ярко-зелеными листьями; цѣпкія вѣтви ихъ обвиваются около всякаго дерева и смѣло взбираются до самыхъ вершинъ. Все служитъ имъ подпорою: дубъ; берестъ, красующійся величественной вершіей, съ распускающимися зеленовато-красными цвѣтами; дикая душистая вишня; махровая черешня; каштанникъ величественнаго размѣра; чорная ольха, достигающая вышины до 100 футовъ, очень полезное дерево, дающее хорошій подѣлочный, дровяной и строевой лѣсъ; и много другихъ деревъ. Куда глазъ ни глянетъ, вездѣ висятъ огромные грозды чернаго и бѣлаго винограда, иные вѣсомъ до 20 фунтовъ. Это, по моему, пріятнѣе ліанъ Гумбольдта! Тутъ же замѣтите вы довольно толстые стволы деревьевъ лоснящагося темно-зеленаго цвѣту и сперва затруднитесь опредѣлить, что это за растеніе? И что же узнаете?—плющъ, соперничествующій съ виноградной лозой. Посмотрите, какъ побѣги его овладѣли громаднымъ деревомъ и почти задушили всю растительность, такъ-что лишь кое-гдѣ пробиваются его истощенныя вѣтки. И этотъ исполинъ-плющъ порабощенъ виноградной лозою, и онъ поддерживаетъ грозды винограда. Тутъ же встрѣтите деревцо оливу (маслину), плодъ ея продолговатая ягода, нѣсколько болѣе голубинаго яйца, цвѣтомъ почти черная, съ косточкой въ серединѣ; изъ нея выжимаютъ масло, извѣстное въ продажѣ подъ именемъ прованскаго (оно же испорченное называется деревяннымъ); оливки соленыя употребляются какъ приправа къ кушаньямъ, а нѣкоторыми гастрономами какъ лакомство. Кора этого деревца—горькаго вяжущаго вкуса, замѣняетъ иногда хинную корку, какъ противулихорадочное средство. И вдругъ, рядомъ съ этимъ благодѣтельнымъ деревцомъ растетъ (ядовитый для животныхъ, особенно для овецъ) бересклетъ, вышиной до 30 футовъ; стволъ въ поперечникѣ 5—8 вершковъ, лѣсина твердая, употребляется для столярныхъ подѣлокъ. Далѣе взоръ успокоивается на вѣчно-зеленѣющемся красавцѣ кипарисѣ (крета), вышиною до 40 футовъ, съ пирамидально-расположенными вѣтвями. И чего еще тутъ не ростетъ: полезная бирючина или жостъ—кустарникъ въ 5—10 футовъ, листья и цвѣты его употребляются съ пользой для припарокъ къ ранамъ; душистый гераній—въ 2½ фута вышины, стебель прямой, круглый и волосистый, листья нѣжно-зеленаго цвѣта, вершина вѣтвиста, вѣтки украшены множествомъ цвѣтковъ, лепестки вѣнчика фіолетоваго цвѣта съ небесно-голубымъ оттѣнкомъ; вероника—съ нѣжно-синими цвѣточками—и тутъ же кунжутъ съ блѣдно-желтыми цвѣтами; его продолговатыя сплюснутыя сѣмена даютъ на половину вѣсомости масла, не уступающаго лучшему прованскому, употребляемаго туземцами при печеньи разныхъ сластей... и много еще красивыхъ и величественныхъ деревъ, цвѣтистыхъ кустарниковъ и прочихъ замѣчательныхъ растеній.

Прекрасныя эти мѣста не лишены обитателей, радующихся своему существованію. Слухъ очарованъ симфоніей воздушнаго хора; зрѣнію не меньше услажденія. Не налюбуешься миріадами ярко-раскрашенныхъ бабочекъ, этихъ порхающихъ цвѣтковъ; на водахъ вы умиляетесь идиллическими сценами!.. вонъ золотой фазанъ съ своей подругой, услышавъ плескъ отъ ударовъ веслами, недовѣрчиво но гордо смотритъ на плывующіе каюки и спугиваетъ пловцовъ шипѣніемъ и своимъ крикомъ; а подруга, полагаясь на храбрость его, спокойно продолжаетъ истреблять насѣкомыхъ. Вотъ и граціозные, но молчаливые лебеди въ компаніи съ пестрыми, сѣрыми и ярко-цвѣтными утками, цѣлыми партіями кейфируютъ по Ріону, не заботясь о жалкихъ существахъ неспособныхъ летать; лишь только селезни, окруженные своими самками, потряхивая хвостиками, разсказываютъ имъ не громкимъ «крякъ, крякъ», что тутъ опасности никакой нѣтъ, что онѣ могутъ нырять въ свое удовольствіе сколько угодно. А соловьи-то и всѣ птички-пѣвуньи все громче и громче заливаются, соперничая другъ съ дружкой; никогда не устанешь слушать этотъ упоительный кунцертъ. Но, увы! и въ этомъ очаровательномъ мѣстечкѣ, подъ кущами распускающихся розъ, совершаются трагедіи, потрясающія нервы! Кумушки-квакушки, по своему, не безъ музыкальнаго такта вторившія концерту пернатыхъ, вдругъ замолкли. Что бы это значило? А вонъ, вглядитесь хорошенько, что тамъ дѣлается:

— Вишь это что, братецъ мой, они (лягушки) замолчали,—это змія ехидная смокчетъ лягушку (всасываетъ въ себя)! говоритъ одинъ солдатъ.

— А и взаправду смокчетъ! Вонъ и другая голову подняла съ лягушкой въ пасти.

— Гдѣ же это?

— Да, вонъ, надъ лужей, на камнѣ.

— А! вижу, вижу! то-то они и попрятались всѣ въ воду; а эти-то бѣдняжки только и могутъ жалиться: «тикъ! тикъ! тикъ!», а квакать, знать, ужь не подъсилу.

Но змѣи покончили свой обѣдъ и уползли въ кусты; квакушки успокоились, одна за другой вынырнули и съ прежнимъ усердіемъ принялись за пѣнье, съ такими раскатами, что любо слушать. И забыта катастрофа — всѣмъ стало весело.

И чудно было здѣсь! Неудобство помѣщенія на каюкахъ было забыто, голоса пѣсенниковъ умолкли, солдатики были въ восхищеніи отъ этой очаровательной мѣстности. Начался разговоръ въ полголоса, словно боялись спугнуть пріятное видѣнье.

— Ишь ты, какая земля есть на свѣтѣ! Что за благодать!

— Гм! ништо́ себѣ, жить можно въ этой сторонушкѣ: птицы всякой довольно, да и за дровами не далече ходить; а рыбы захотѣлось—лови, не лѣнись, будетъ тебѣ и уха, и жаркое.

— Глядико-сь, глядико-сь! вонъ на пригоркѣ колько драхвы (дрофы)! Эхъ, кабы дропъ была—пустить-ба зарядъ одинъ. Славная штука! глядишь, болѣ полпуда другая вытянетъ.

— Такъ она тебя и подпустила, отозвался панъ,—вишь, по угламъ стоятъ у нихъ часовые, да такіе что будутъ по-исправнѣе и тебя,—ужь не задремлютъ.

— Ништо́! отвѣтилъ сконфуженный охотникъ до дрофы, который года два тому назадъ, истомленный работой, задремалъ, стоя на часахъ,—и съ тѣхъ поръ панъ не упускаетъ удобнаго случая, гдѣ можно, кольнуть его этой оплошностью.

Такъ бесѣдовали между собою наши солдаты и еще болѣе оживляли и осмысливали счастливую мѣстность. А мы все плывемъ дальше и дальше. Мимо насъ мелькаютъ пріютившіеся въ тѣни каштанниковъ сакли и домики; толпы стройныхъ туземцевъ съ загорѣлыми, но выразительными физіогноміями, живописно расположившихся около огней, на которыхъ варилось ихъ кушанье, должно-быть лобья; несущійся на встрѣчу намъ компанейскій пароходъ, оставляющій за собою длинную полосу клубящагося дыму. Но вотъ гребцы просятъ сдѣлать за островомъ привалъ.

Солдаты были очень рады привалу. Чтобы поразмять свои члены, они предались различнымъ гимнастическимъ эволюціямъ, бѣгали, прыгали, махали обѣими руками, и послѣ того ужь принялись за свой завтракъ или полдникъ. Мнѣ тоже очень хотѣлось подражать имъ, но я ограничился форсированной прогулкой взадъ и впередъ. Гребцы присосѣдились къ туземцамъ около огонька и вели дружескую бесѣду съ хозяевами, которые были такъ гостепріимны, что предлагали имъ своего кушанья: лобьевъ и гоми, какъ я угадалъ.

Послѣ часоваго отдыха, гребцы были готовы продолжать путь. Подкрѣпившись, они съ такимъ усердіемъ принялись за весла, что каюки наши летѣли какъ птицы; но за всѣмъ тѣмъ смеркалось, а Поти еще не было видно.

Ближайшій ко мнѣ изъ гребцовъ—былъ пожилой мингрелецъ, хорошо говорившій по русски. Онъ всю дорогу разсказывалъ мнѣ о житьѣ-бытьѣ своемъ, какъ я его уже описывалъ. Онъ между прочимъ сообщилъ мнѣ преданіе, насколько справедливое — не знаю, но въ одномъ отношеніи интересное.

Жена его изъ селенія Руисы, или Русы. По его словамъ, предки этихъ поселенцевъ были русскіе, пришедшіе еще во времена владычества грековъ и процвѣтанія торговли по Ріону. Задолго до этого русскіе заѣзжали сюда съ своими товарами и мѣняли на туземные; завистливые греки когда торговали, а когда и грабили, причемъ нѣкоторыхъ продавцовъ забирали въ плѣнъ и держали до выкупа, или же отправляли къ себѣ на родину. Сохранилось извѣстіе въ лѣтописи, что плѣнные русскіе были плохіе рабы и на невольничьихъ рынкахъ цѣнились дешевле всѣхъ. (Забавно, что одного философа это очень шокировало: дескать, русскіе и въ рабы-то не годятся. Простой смертный, не имѣющій способности и претензіи заноситься въ заоблачныя страны премудрости, съ однимъ здравымъ человѣческимъ смысломъ, могъ бы взглянуть немножко иначе на этотъ фактъ: можетъ-быть рабы изъ русскихъ считались опасными, такими, которые рано-ли, поздно-ли, расплачиваются съ своими хозяевами подобно пушкинскому батраку Остолопу). Русскіе рѣшились обезопасить свою торговлю и для этого утвердиться здѣсь силою и устроить свою колонію. Первыя двѣ попытки были не удачны, такъ что не многіе воротились цѣлы во-свояси. Но этимъ удальцы наши не пронялись—и упорство ихъ наконецъ побѣдило. Вѣроятно это происходило такъ: удальцы завели себѣ разбойничье гнѣздо, какъ нѣкогда родоначальники римлянъ, и оттуда безпокоили окрестныхъ жителей; мингрельцы и греки не могли сладить съ ними силою, сочли за лучшее задобрить ихъ, дать имъ землю для поселенія, и пріобрѣсть въ нихъ добрыхъ сосѣдей и храбрыхъ защитниковъ, въ чемъ и не ошиблись. Народъ здѣсь рослый, сильный, храбрый до безстрашія, красивый (въ особенности женщины) и гостепріимный.

Желая вывѣдать мнѣніе его о русскихъ, я хвалилъ храбрость горскихъ народовъ и не жалѣлъ комплиментовъ ему лично. Мингрелецъ доволенъ былъ этимъ и за вѣжливость отплатилъ тѣмъ же:—«Всѣ народы храбры: грузинъ, имеретинъ, черкесъ, лезгинъ, турокъ, персіянинъ, когда ихъ задѣнутъ за живое,—но противъ русскаго не устоятъ. Видалъ я русскихъ въ дѣлѣ и самъ служилъ въ милиціи; скажу по истинѣ, одно намъ чудно—почему русскій начальникъ не возметъ горы? Пошли солдатъ—они все возьмутъ, даже и турокъ заберутъ! Вотъ хоть-бы теперь сынъ мой, Александръ (на это имя обернулся къ намъ молодой, красивый, съ голубыми глазами и бѣлокурый гребецъ, вѣроятно думая, что къ нему относились), ему нѣтъ и 20-ти лѣтъ, а ужь успѣлъ уложить нѣсколько лезгинъ; ему десять пудовъ перевернуть ни-почемъ, и ѣздить молодецъ—изъ сѣдла обухомъ не выбьешь. Ну, и стрѣлять—пороха даромъ не потратитъ. Уродился онъ у меня въ мать свою—русину; такой же бѣлый и румяный какъ она. Когда еще маленькій былъ, такъ я жалѣлъ, зачѣмъ онъ не родился дѣвочкой—такимъ выглядывалъ нѣженкой. А какъ сталъ подростать, такъ съ винтовкой по цѣлымъ днямъ въ лѣсу гуляетъ. Мать у него такая сердобольная, не пускаетъ его, спрячетъ винтовку, говоритъ: «Тебя убьютъ, или звѣри задерутъ такого мальчугана». А онъ, не тутъ-то было, удеретъ въ лѣсъ и безъ винтовки, а никогда безъ добычи не вернется.—«Да чѣмъ же ты стрѣлялъ?» спроситъ мать.—«А у меня еще винтовка есть спрятанная». А винтовка-то эта какъ досталась, послушайте. Былъ онъ въ лѣсу, вдругъ видитъ партію лезгинъ, онъ спрятался и, переждавъ, пока партія проѣхала, слѣзъ съ дерева чтобъ охотиться — глядь, сзади еще двое ѣдутъ, должно полагать, отсталыхъ. Прятаться было ужь поздно, одинъ скачетъ прямо на него. Александръ ссадилъ его пулею, да не долго думавши, бросился и сорвалъ съ него винтовку, а лошадь убитаго убѣжала. Другой же лезгинъ, выстрѣливъ въ Александра, погнался за лошадью. Пуля пролетѣла мимо; сынъ, почуявъ что голова его еще на плечахъ, не хотѣлъ остаться въ долгу и изъ ихъ же винтовки послалъ пулю въ догонку за другимъ—да и тягу въ лѣсъ, подальше, куда конному не проѣхать. Вотъ оно, что значитъ кровь-то въ немъ русиновъ! Я хоть и отецъ, и самъ на руку охулку не положу, а не потаю, что въ молодости не было у меня такихъ проказъ».

Все это разсказывалъ мнѣ мингрелецъ безъ всякой тѣни хвастовства; сынъ его усердно работалъ весломъ, будто не обращая вниманія на разговоръ, но вѣрно не проронилъ изъ него ни одного слова.

Но вотъ нѣсколько привѣтливыхъ огоньковъ показалось намъ въ той сторонѣ, куда неслись наши каюки,—и берега, до того казавшiеся намъ синими, вдругъ потемнѣли. Подъѣзжаемъ ближе, и съ каждымъ ударомъ весла общее удивленiе ростетъ и ростетъ: всѣ ряды лавокъ были освѣщены; находящiяся въ нихъ блестящiя вещи отражали свѣтъ, и воображенiю нашему представлялись здѣсь богатѣйшiе магазины не уступающiе столичнымъ; самый городъ показался огромнѣйшимъ и многолюднымъ, отъ свѣтящихся и скрывающихся огоньковъ; наконецъ ихъ появилось такое множество и въ такомъ видѣ, что намъ приходило въ голову, не вздумали-ли жители удивить насъ сюрпризомъ и встрѣтить иллюминацiей. Солдаты судили и рядили по своему; одни говорили, что намѣстникъ великiй князь Михаилъ Николаевичъ прiѣхалъ; двугiе—что ходятъ съ огнями для отвода имъ квартиръ; третьи—что собираются съ огнемъ на Рiонъ осетровъ ловить. Но одинъ изъ всѣхъ, старый служака, вывелъ изъ заблужденiя не только публику, но и меня.—«Эхъ, вы! молодежь! такiя-то лиминацiи у насъ, хошь, всякую ночь могутъ быть, и не гроша не стоютъ. Это свѣтляки летаютъ. Завтра будетъ хорошая погода.»

Мингрелецъ подтвердилъ слова солдата. Я внутренно досадовалъ на себя, что забылъ о существованiи свѣтящихся жучковъ и поддался такимъ химерическимъ предположенiямъ о такомъ естественномъ явленiи. Но зрѣлище бездны фосфорическихъ огоньковъ было такъ красиво, что скоро я забылъ свою досаду.

Пройдя мимо пароходовъ—рѣчнаго «Князь Барятинскiй» и легкихъ морскихъ, бѣгающихъ въ Сухумъ-Кале и Батумъ,—каюки причалили къ лѣвому берегу Рiона. Команда высадилась безъ приключенiй и отправилась на покой въ казарму.

П. Бугайскiй.

(*Окончанiе будетъ*).

Спекуляторъ.

(*Продолженiе*).

II. Клаазенъ торгуетъ шляпами.

Штильке опять усѣлся въ уголъ, и не сводя глазъ съ шляпы, которая олицетворила для него Виттингтонову кошку, принялся строить планы. Онъ услыхалъ на лѣстницѣ шаги двухъ человѣкъ—и нѣсколько даже удивился этому, потому-что, по его предположенiю, это могли быть только его кредиторы, такъ какъ вывѣска была снята. Съ любопытствомъ смотрѣлъ онъ на дверь, желая знать что это за неутомимые, которые готовы спуститься безъ всякой пользы въ нѣдра земли,—потому-что Штильковы кредиторы давно уже отказались отъ этихъ безъуспѣшныхъ подземныхъ экспедицiй.

Къ величайшему его удивленiю, въ комнату вошелъ капитанъ, за которымъ слѣдовалъ какой-то человѣкъ съ узломъ въ рукѣ, который сейчасъ же сталъ развязывать; изъ узла появилось нѣсколько паръ сапоговъ.

— Вотъ что, дружище! сказалъ капитанъ,—выберите-ка вы себѣ сапоги, да и въ путь.—Штильке былъ тронутъ—и нагнулся скорѣе для того чтобъ скрыть свое умиленiе, чѣмъ для того чтобы выбрать себѣ сапоги. Когда онъ нашелъ такiе, которые были ему впору, капитанъ расплатился, а Штильке молча пожалъ ему руку, послѣ чего они оба отправились въ Сан-Паули.

Въ Санъ-Паули была по обыкновенiю страшная давка. Когда Штильке вошелъ туда съ капитаномъ, то выпитымъ бутылкамъ кюммеля (тьминной водки) и съѣденнымъ горамъ булокъ потеряли уже и счетъ.

Разсказываютъ, что въ Санъ-Паули двое человѣкъ, начиная съ пяти часовъ и до глубокой ночи, только и дѣлаютъ, что рѣжутъ булки, ветчину, копченое мясо, сыръ и итальянскую колбасу, а двое другихъ намазываютъ хлѣбъ масломъ и накладываютъ сверхъ этого мясо—до тѣхъ поръ пока, не помня себя отъ усталости, не упадутъ въ постель. Войдя въ Санъ-Паули, не знаешь чему дивиться—трехъ-футовымъ горамъ булокъ или ихъ исчезанiю, потому-что онѣ таютъ, словно мартовскiй снѣгъ на солнцѣ. Въ особенности отличаются въ этомъ отношенiи господа въ клеенчатыхъ фуражкахъ, которыхъ сразу признаешь за моряковъ. Пятнадцать, двадцать рюмокъ кюммеля не производятъ на нихъ никакого особеннаго впечатлѣнiя. Эти амфибiи торчатъ всегда передъ дверями и въ передней комнатѣ, тогда какъ внутреннiя помѣщенiя, наполненныя синеватымъ табачнымъ дымомъ, даютъ прiютъ такимъ посѣтителямъ, которые привыкли «пропускать стаканчики» потихоньку, вдали отъ шума, а не «хватать ихъ залпомъ». Здѣсь-то г. Клаазенъ, поставщикъ корабельнаго провiанта, проводилъ всегда утро, приготовляя посредствомъ «кюма» (кюммеля) и всевозможныхъ бутербродовъ свой желудокъ къ обѣду. Г. Клаазенъ приступилъ уже ко второму стаканчику, когда вошедшiй вмѣстѣ съ Штильке капитанъ подсѣлъ къ нему.—«Какъ поживаешь, дружище?» сказалъ онъ:—«а вотъ я привелъ къ тебѣ человѣка, который желаетъ навести справки о шляпной торговлѣ въ Оваиги. Вѣдь ты какъ нельзя лучше можешь помочь ему въ этомъ?»—«Еще бы нѣтъ,» отвѣчалъ смѣясь Клаазенъ,—«что касается до шляпной торговли, я смыслю въ ней больше всякаго другаго. Если вы торгуете шляпами,—обратился онъ къ Штильке,—то скажите мнѣ, продали ли вы когда нибудь старую истертую шляпу за сто тысячъ?..» Штильке выпучилъ отъ удивленiя глаза.—«За сто тысячъ марокъ?» спросилъ онъ съ недовѣрiемъ,—«вы шутите?»—«Я говорю вамъ, что я продалъ за сто тысячъ марокъ старую истертую шляпу, которую я купилъ здѣсь въ Санъ-Паули за пять марокъ, которая три раза падала въ воду, съ которой меня по малой мѣрѣ десять разъ гоняли въ шею и колотили, и на которой не оставалось что называется ни одного живаго мѣстечка».—«Хороша же она должно-быть была!» сказалъ Штильке, улыбаясь при мысли о возможности продать по такой цѣнѣ шляпу.—«Безподобна! Скорѣе похожа на кисетъ для табаку, чѣмъ на шляпу. Гмъ!... продолжалъ сострадательнымъ тономъ Клаазенъ:—конечно она не мало-таки потерпѣла и не могла уже держаться такъ твердо, какъ въ молодости. А я еще ее, только за мѣсяцъ передъ этимъ, вымазалъ черной краской, потому-что она слишкомъ ужь сильно начала сшибать на наши мѣдные котлы. Прежде я ее всегда мазалъ сапож-

ной щеткой; это очень помогало,—только всякій разъ какъ шелъ дождь, съ нея бѣжали струи черной грязи и прямо мнѣ на лицо. Впрочемъ, я вставилъ въ нее что-то въ родѣ кринолина изъ камышевой трости, который поддерживалъ ее, а на днѣ ея, внутри, былъ гамбургскій гербъ. Чего же вамъ еще надо отъ шляпы?»—«Ваша правда, больше отъ нея ничего и не надо, только я все-таки не далъ бы за нее ста тысячъ марокъ. Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ живетъ тотъ человѣкъ, который купилъ ее? Можетъ-быть ему нужна другая шляпа?»—«Очень можетъ быть», сказалъ, нѣсколько подумавъ, Клаазенъ,—«вѣдь это случилось за двадцать лѣтъ передъ этимъ. Трудно думать, чтобы онъ могъ носить ее теперь по воскресеньямъ. Впрочемъ я вамъ далъ адресъ. Онъ называется Гонугукола, а самъ онъ что-то въ родѣ бургомистра въ Оваиги; когда вы пріѣдете туда, ступайте налѣво, онъ тамъ между двумя холмами. Только поклонитесь ему отъ меня».—Клаазенъ и капитанъ засмѣялись.—«А гдѣ его квартира? внизу или въ первомъ этажѣ?» спросилъ Штильке, задумчиво смотря въ свой стаканъ съ кюммелемъ.—«Когда я оставилъ его, онъ жилъ на пальмовомъ деревѣ, куда надо было взбираться по тремъ лѣстницамъ, потому-что его зять не разъ уже пытался украсть у него ночью его драгоцѣнную шляпу, что̀ было ему очень непріятно, такъ какъ у него не было никакой другой одежды кромѣ этой. Злой зять собирался сдѣлать себѣ изъ нея камзолъ, а для шляпы или галстука достаточно было, какъ онъ думалъ, однихъ полей».—«Онъ вѣроятно не имѣлъ никакого понятія о ея цѣнности», замѣтилъ Штильке,—«но, продолжалъ онъ,—какимъ это образомъ могли вы надуть этого Гонукукуна или какъ бы онъ тамъ ни назывался, такъ что онъ далъ вамъ сто тысячъ марокъ за старую ветошь!»—«Да я не думалъ надувать его», сказалъ улыбаясь Клаазенъ,—«онъ сразу предложилъ мнѣ ихъ—и я былъ бы дуракъ, еслибъ не воспользовался этимъ. Вотъ какъ это было. Мы потеряли свою бизань-мачту, да и мало ли еще какія бѣды случились съ нашимъ кораблемъ, такъ что мы пристали къ Оваиги, гдѣ и чинили судно въ продолженіи пяти недѣль. У меня не задолго передъ этимъ снесло вѣтромъ въ море мою соломенную шляпу. Буря была такая, что я еще былъ радъ, что такъ дешево отдѣлался и не послѣдовалъ за нею самъ. Такимъ образомъ, я по неволѣ долженъ былъ вытащить изъ сундука и носить свою старую шляпу, потому-что солнце палило не на шутку. Это было мнѣ очень непріятно, потому-что мнѣ хотѣлось явиться въ Оваиги во всемъ блескѣ, а тутъ, по милости этой проклятой шляпы, надо мною такъ насмѣхались, что мнѣ не разъ хотѣлось бросить ее за бортъ въ море».

«На Оваиги я отправился однажды въ горы, чтобы нарѣзать себѣ палокъ, изъ которыхъ я хотѣлъ надѣлать птичьихъ клѣтокъ, потому что я намѣревался вывезти нѣсколько попугаевъ изъ Африки, куда мы думали отправиться на обратномъ пути въ Гамбургъ. Тутъ я встрѣтилъ подлѣ хижины одного островитянина, который попотчивалъ меня плодами въ то время, какъ я угостилъ его добрымъ глоткомъ рому изъ моей дорожной фляги. Этотъ островитянинъ обратилъ съ самаго начала вниманіе на мою шляпу. Когда же я снялъ ее для того чтобъ отереть на лбу потъ—и онъ увидалъ внутри ея гамбургскій гербъ и сдѣланный мною тростниковый станокъ, онъ выпучилъ отъ изумленія глаза, а потомъ пустился плясать вокругъ нея, обращаясь къ ней при этомъ не то съ пѣснью, не то съ рѣчью. Онъ далъ понять мнѣ, что желаетъ купить у меня эту ветошь, и вытащилъ для этой цѣли изъ своей хижины все свое движимое имущество. Оно конечно было не велико. Нѣсколько копьевъ, лукъ и стрѣлы, нѣсколько рогожекъ и циновокъ. Я былъ вовсе не прочь вымѣнять свою негодную шляпу на какія нибудь изъ этихъ вещей, но не показалъ ему этого, а сдѣлалъ напротивъ того видъ, какъ будто бы дѣлаю это чрезвычайно неохотно. Тутъ онъ опять обратился ко мнѣ съ рѣчью и исчезъ въ хижинѣ, изъ которой онъ воротился вмѣстѣ съ своею женою, которую онъ предложилъ мнѣ въ обмѣнъ за мою шляпу. Старую хрычовку въ обмѣнъ за старую шляпу! Ну нѣтъ, мой милый, подумалъ я. Тутъ я замѣтилъ на шеѣ старухи жемчужное ожерелье, которое, какъ я подумалъ тогда, можно сбыть въ Гамбургѣ въ видѣ рѣдкости, потому-что въ то время я мало смыслилъ въ этомъ толку. Поэтому-то я далъ понять островитянину, что я отдалъ ему шляпу за жемчужное ожерелье и за одну циновку, изъ которой я намѣревался сдѣлать себѣ шляпу. Индѣецъ запрыгалъ отъ радости и безъ всякой церемоніи сдернулъ съ своей жены ожерелье; потомъ онъ побѣжалъ въ хижину и принесъ оттуда что-то въ родѣ тыквенной бутылки, въ которой что-то стучало, и прибавилъ ее такъ-сказать къ ожерелью съ торжественными, изобрѣтенными собственно для этой цѣли, обрядами. Съ своей стороны и я съ такой же торжественностью передалъ ему шляпу—и торгъ былъ конченъ. Я закусилъ губы чтобъ не засмѣяться, когда индѣецъ надѣлъ шляпу и потомъ сталъ расхаживать въ ней передъ своей старухой, которая не помнила себя отъ удивленія. Шляпа была слишкомъ для него велика и спустилась бы ему на уши, еслибъ только этому не мѣшали его огромныя уши.

Желая пошутить, я притворился, какъ будто бы раскаяваюсь насчетъ своей сдѣлки. Едва островитянинъ замѣтилъ это, какъ пустился бѣжать изо всѣхъ силъ и съ быстротою вѣтра исчезъ въ кустахъ вмѣстѣ съ шляпой. Я возвратился на корабль и спряталъ свое жемчужное ожерелье и тыкву, въ которой я нашелъ множество жемчужинъ, въ свой сундукъ,—послѣ чего сплелъ себѣ изъ цыновки двѣ шляпы. Я, какъ уже говорилъ, такъ же мало зналъ толку въ жемчугѣ какъ и островитянинъ, и совсѣмъ забылъ про него по пріѣздѣ въ Гамбургъ. Тѣмъ временемъ къ намъ на корабль пришелъ купецъ, который скупалъ у насъ раковины и попугаевъ. Я продалъ ему шесть попугаевъ и множество раковинъ и коралловъ, причемъ явилось на сцену и жемчужное ожерелье. Онъ бросился на него словно ястребъ и сталъ давать мнѣ за него пятьдесятъ талеровъ. Это меня озадачило; но онъ, не желая выпустить его изъ рукъ, давалъ уже сто, двѣсти, пятьсотъ. «Чортъ побери», сказалъ я и постучалъ по сундуку, «если ты даешь столько, значитъ это еще больше стоитъ». Поэтому я отправился вмѣстѣ своимъ ожерельемъ и тыквой къ ювелиру, и показалъ ему свой товаръ, предлагая ему купить его. Вся лавка сбѣжалась смотрѣть на жемчужины. Ювелиръ послалъ еще за двумя жидами. Цѣлые три часа эти господа разсматривали, взвѣшивали, а потомъ пошли въ кабинетъ, гдѣ долго совѣщались; наконецъ ювелиръ вышелъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что̀ я хочу за все это. Я прищурилъ одинъ глазъ, подмигнувъ ему другимъ, и отвѣчалъ ему: «скажите прежде, что̀ вы дадите сами, а тамъ увидимъ». Ювелиръ приложилъ па-

лецъ къ носу и подумалъ съ минуту, при чемъ онъ не разъ взглядывалъ на меня, а потомъ сказалъ: «Я даю вамъ сорокъ тысячъ талеровъ, прусскою монетою, то есть сто тысячъ марокъ по настоящему курсу».— У меня закружилась было голова, а потомъ я не могъ удержаться отъ смѣха, потому что мнѣ пришла на умъ старая шляпа. Ювелиръ съ удивленіемъ взглянулъ на меня. Я однакоже сказалъ совершенно спокойно: «Жемчугъ стоитъ гораздо дороже!»—«Это правда», отвѣчалъ ювелиръ, «но я не могу дать больше, потому что надобно же и мнѣ получить какой-нибудь барышъ».

«У меня всегда была способность къ торговлѣ, поэтому я нерѣшительно глядѣлъ кругомъ себя, потому-что намѣревался еще сколько-нибудь выторговать. Мнѣ попался на глаза ящикъ съ золотыми часами и цѣпочками.—Если дадите каждому изъ служащихъ на нашемъ кораблѣ такіе же часы и цѣпочки, я уступлю вамъ жемчугъ за эту цѣну, хотя это и очень глупая сдѣлка съ моей стороны». сказалъ я. Ювелиръ хотѣлъ было сдѣлать видъ, что не можетъ дать своего согласія на подобную сдѣлку; но когда я протянулъ руку къ своему товару, онъ кинулся на него съ крикомъ: «я согласенъ, оставайтесь здѣсь и посылайте за своимъ капитаномъ и кормчимъ; кстати же они и засвидѣтельствуютъ, что жемчугъ дѣйствительно ваша собственность. Послѣ этого я выдамъ деньги, а завтра утромъ приходите сюда за часами вмѣстѣ съ вашими матросами».

Капитанъ вынулъ свои золотые часы и показалъ ихъ Штильке. «И я добылъ тогда себѣ вотъ эти самые часы», сказалъ онъ.—«Клаазенъ добрый товарищъ и отличнѣйшимъ образомъ угостилъ насъ. Прежде, чѣмъ мы опять пустились въ море, онъ уже купилъ себѣ домъ и завелъ ту торговлю, которой онъ занимается и теперь. Я удивляюсь, отчего онъ не сталъ торговать шляпами».—«Я привыкъ къ такой хорошей цѣнѣ, какой не даютъ здѣсь», сказалъ Клаазенъ: «ну, да будетъ объ этомъ, прощайте другъ мой, — помните налѣво, въ третьемъ этажѣ на пальмововомъ деревѣ», кричалъ онъ, уходя, Штильке. Штильке съ озабоченнымъ видомъ смотрѣлъ въ свой стаканъ, а потомъ обратился къ капитану, спрашивая его, не пойти ли имъ къ брату капитана ознакомиться напредки. — «Мы пойдемъ къ нему обѣдать», отвѣчалъ капитанъ, «потому что я ужь вижу, вамъ очень хочется отправиться съ вашей старой шляпой въ Овайги».—«Покрайней мѣрѣ я справлюсь, что̀ это можетъ стоитъ» подумалъ Штильке.— «Да, я и самъ предпринялъ бы экспедицію, если бы добылъ себѣ денегъ. Вы не думаете покрасить вашу старую шляпу?» спросилъ капитанъ со смѣхомъ. «Ну да будетъ, пойдемте въ гавань». И они отправились къ гавани, взяли яликъ и достигли «Германа», которымъ командовалъ братъ капитана. Этотъ послѣдній сразу согласился оставить гостей къ обѣду и тутъ же поколотилъ одного юнгу, потому что въ такомъ случаѣ обѣдъ, какъ утверждалъ онъ, бываетъ вкуснѣе. «Мой другъ Штильке», говорилъ капитанъ, представляя нашего искателя приключеній своему брату.—«Мой братъ, капитанъ Гротъ», говорилъ онъ потомъ, обращаясь къ Штильке. Капитанъ Гротъ велѣлъ принести сигаръ и портвейну, для того чтобъ занять гостей до обѣда. Тѣмъ временемъ Штильке освѣдомился о времени отплытія корабля и о цѣнѣ за переѣздъ. Капитанъ заговорилъ о двухъ-стахъ талерахъ, что̀ заставило Штильке глубоко вздохнуть. Но онъ такъ развеселилъ капитана во время обѣда, что этотъ послѣдній обѣщалъ взять его съ собою за восемьдесятъ талеровъ, если онъ захочетъ ѣхать.

Послѣ обѣда всѣ трое отправились на сушу, гдѣ Штильке такъ паясничалъ, что оба капитана смѣялись до полусмерти—и кончили тѣмъ, что нагрузивши слишкомъ сильно свои корабли, съ трудомъ и то только при помощи Штильке, достигли гавани, т. е. его погреба. Тамъ они и бросили якорь, прежде чѣмъ отправиться на корабль, куда они прибыли, въ сопровожденіи двухъ гигантскихъ тѣлохранителей, благополучно и не упавъ въ воду.

Тѣмъ временемъ Штильке грезились пальмы, на которыхъ были надѣты старыя шляпы, потасканный полу-плисъ вышитый жемчугомъ, индѣйцы на которыхъ были черные фраки и ничего больше и которые жалобно бѣгали вокругъ шляпъ, не будучи въ состояніи достать ни одной изъ нихъ, пока наконецъ не появиласа между ними старая Штильковa шляпа, которой они стали поклоняться какъ божеству, въ то время какъ Штильке жилъ въ шляпѣ въ качествѣ первосвященника и принималъ жертвы изъ жареныхъ свиней и разныхъ лакомыхъ кусочковъ и напитковъ, — наконецъ онъ долженъ былъ оставить это прекрасное мѣсто, потому что сдѣлался гамбургскимъ бургомистромъ, о чемъ извѣстила его депутація изъ трехъ красныхъ башенъ, которая сильно постучалась въ шляпу.

Штильке проснулся и услыхалъ стукъ въ дверь. Онъ отперъ и увидѣлъ почтальона, который подалъ ему письмо съ черною печатью и ушелъ. — Ужь конечно это не назначеніе въ бургомистры, подумалъ Штильке, разсматривая печать.

Штильке вскрылъ письмо и прочелъ съ удивленіемъ, или—хотя намъ и жаль въ этомъ признаться—съ скрытной радостью, что его старая злая тетка умерла въ Эмсбюттелѣ безъ духовной—и ему, какъ ближайшему наслѣднику, достается домъ съ садомъ и тысяча марокъ, которые онъ можетъ сейчасъ же получить.

— Ура! Да здравствуетъ старая тетка! вскричалъ Штильке, совершенно забывая, что это желаніе и невыгодно и неисполнимо. Вслѣдъ за этимъ онъ побѣжалъ въ кухню и принялся звать черезъ окно сосѣда (хозяина пивного погреба) которому онъ передалъ письмо, прося его одолжить ему чашку бульона.

— Поздравляю, вскричалъ сосѣдъ. — Вы, должно быть, еще вчера праздновали это наслѣдство и забыли своего друга, такъ что заперли его шляпу съ портъмонне когда онъ пошелъ за сигарами.—Что?... вскричалъ съ ужасомъ Штильке. — Да, да, отвѣчалъ сосѣдъ,—онъ просидѣлъ у меня два часа, поджидая васъ. Онъ съѣлъ три дюжины устрицъ и выпилъ четыре стакана грогу, за что̀ вы заплатите мнѣ изъ его денегъ, если только онъ не придетъ самъ.—О, чортъ бы побралъ этого мошенника!... пробормоталъ Штильке и взялъ свое письмо, обѣщая хозяину возвратиться.

Прежде всего онъ одѣлся и побѣжалъ къ адвокату, чтобы привесть въ порядокъ дѣло о наслѣдствѣ. Оно было въ надлежащей исправности. Наличныя деньги онъ могъ получить черезъ нѣсколько дней, но недвижимое имущество онъ могъ принять во владѣніе только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ подписался, и взялъ нужныя бумаги, послѣ чего побѣжалъ въ гавань, чтобы заявить капитану Гроту о томъ, что онъ рѣшился ѣхать съ нимъ, потому-что теперь онъ только въ то и жилъ, чтобы снабдить островитянъ старыми шляпами.

(Продолженіе будетъ).

Джигитовка.

Рисунокъ В. Верещагина.

Внутреннее обозрѣніе.

Время отъ времени, въ періодическихъ изданіяхъ появляются извѣстія о положеніи рабочаго народа на нашихъ фабрикахъ, заводахъ и вообще въ промышленныхъ заведеніяхъ всякаго рода. Не смотря на свою разнохарактерность, извѣстія эти сходятся въ одномъ,—что положеніе трудящагося люда, при отсутствіи въ средѣ его гигіеническихъ удобствъ и привычекъ, при крайней его необразованности и разнузданности, весьма незавидно и требуетъ коренныхъ преобразованій При этомъ обнаруживается тотъ замѣчательный фактъ, что въ нашихъ промышленныхъ центрахъ, наиболѣе дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ, оно столь-же плачевно какъ и въ глухихъ мѣстностяхъ, куда съ трудомъ заглядываетъ всякое улучшеніе и гдѣ административный надзоръ, по самой отдаленности этихъ мѣстъ, становится менѣе бдительнымъ и менѣе требовательнымъ. Главнѣйшими причинами такого явленія считаютъ обыкновенно недостатокъ со стороны заводчиковъ и фабрикантовъ заботливости объ улучшеніи быта своихъ рабочихъ, что выражается въ дурномъ ихъ содержаніи, отсутствіи въ средѣ ихъ сберегательныхъ кассъ и другихъ полезныхъ учрежденій, въ упадкѣ артельнаго начала, въ недостаткѣ обученія и т. д. Но если справедливъ упрекъ, дѣлаемый въ этомъ случаѣ фабрикантамъ, то нельзя отрицать, что часть вины должно принять на себя и общество: отъ предпринимателей, занятыхъ преслѣдованіемъ своихъ цѣлей, трудно ожидать дѣятельнаго участія въ улучшеніи быта фабричнаго населенія, поставленнаго въ зависимость отъ нихъ. На Западѣ положеніе рабочаго народа еще хуже чѣмъ у насъ, но тамъ само общество приняло на себя заботы объ облегченіи его участи—основаніемъ компаній для раздачи фабричнымъ рабочимъ земельныхъ участковъ (въ Англіи), учрежденіемъ такъ-называемыхъ cités ouvrières (во Франціи), основаніемъ обществъ вспоможенія (въ Германіи), потребительныхъ и производительныхъ ассоціацій между самими рабочими и т. п. Если бы можно было достигнуть того, чтобы со стороны предпринимателей приняты были мѣры къ улучшенію хотя бы только одного содержанія рабочихъ, то больше этого теперь и требовать нельзя.

Оказывается, однако, что этого достигнуть совсѣмъ не такъ легко, какъ могло бы казаться съ перваго раза. Самымъ лучшимъ доказательствомъ тому служитъ недавняя исторія на московской фабрикѣ братьевъ Носовыхъ. Существующая въ Москвѣ санитарная коммиссія обратила вниманіе на неисправность содержанія этой фабрики и, чрезъ полицію, обязала хозяевъ принятіемъ разныхъ санитарныхъ мѣръ. Братья Носовы не только не исполнили этихъ, вполнѣ законныхъ и справедливыхъ, требованій, но, какъ бы въ отмѣстку неизвѣстно кому и за что, прекратили работы на фабрикѣ, выслали изъ нея рабочихъ и отказались выполнить заключенныя съ ними условія. Тѣ, толпою въ 500 чел., пошли жаловаться на хозяевъ сначала генералъ-губернатору, но потомъ были направлены къ мировому судьѣ, который, разобравъ дѣло, подвергъ фабрикантовъ семидневному аресту. Обвиненные, разумѣется, остались недовольны такимъ рѣшеніемъ и, какъ слышно, переносятъ дѣло въ мировой съѣздъ. Случай этотъ представляетъ явленіе далеко не новое въ быту нашихъ фабричныхъ, и если онъ такъ живо огласился, то благодаря только тому, что (какъ выражается корреспондентъ «Голоса») онъ принялъ «размѣры событія», привлекшаго къ себѣ вниманіе и оригинальностью замысла. Въ самомъ дѣлѣ, несогласія между рабочими и хозяевами повторяются повсюду и довольно часто; достаточно вспомнить многочисленные жалобы и споры рабочихъ съ нанявшими ихъ подрядчиками на желѣзныхъ дорогахъ, о которыхъ такъ много говорили въ печати и въ обществѣ, многочисленные случаи разбирательства у столичныхъ и провинціальныхъ мировыхъ судей споровъ хозяевъ съ своими рабочими и проч. А между тѣмъ, крайняя нужда заставляетъ иногда нашего рабочаго браться за такой трудъ, который не даетъ ему возможности не только сберечь копѣйку про черный день, но даже прокормиться. Такъ, въ Костромской губерніи, по увѣренію корреспондента «Биржев. Вѣдомостей», рабочіе у лѣсопромышленниковъ, сплавляющихъ лѣсъ по рѣкѣ Ветлугѣ на югъ, до Дубовки и Царицына, терпятъ много отъ своихъ нанимателей, которые договариваютъ ихъ чуть не за даромъ, налагаютъ на нихъ непомѣрную работу, а въ концѣ концовъ не даютъ имъ разсчета. На то же стѣсненное положеніе рабочихъ жалуются и на Уралѣ, въ Златоустѣ, необезпеченность жителей котораго, по словамъ корреспондента той-же газеты, достигаетъ крайняго предѣла: всякая временная пріостановка работъ на заводахъ оставляетъ рабочихъ безъ хлѣба. Къ этой тяжкой зависимости населенія отъ одного рода занятій присоединяется суровость климата и каменистая почва (дѣлающія невозможными занятіе земледѣліемъ), отсутствіе всякихъ сбереженій и наконецъ чрезмѣрное обложеніе жителей всякаго рода повинностями, сельскими и городскими. При этомъ указывается, что гор. Златоустъ, по какому-то странному недоразумѣнію, несетъ тяготы двухъ сословій, не пользуясь выгодами ни одного изъ нихъ,—такъ что часть его жителей въ одно и тоже время считается и горожанами, и сельчанами.

При недостаткѣ просвѣщенія, въ нашемъ рабочемъ не можетъ развиться ни того умѣнья взяться за всякое дѣло, которымъ отличается рабочее сословіе по-всюду на Западѣ, ни той настойчивости и энергіи, которымъ отличается въ частности англійскій рабочій. Просвѣщеніе, слѣдовательно, необходимо ему какъ средство освободиться отъ рабскаго подчиненія одному роду занятій, къ которому онъ прикрѣпленъ всею силою своего невѣжества, и отъ тѣхъ наклонностей, которыя такъ ярко высказались въ одесскихъ событіяхъ.

Для насъ, жителей холоднаго, сдержаннаго сѣвера, совершенно непонятна національная вражда, существующая между православнымъ и еврейскимъ населеніемъ нашихъ южныхъ губерній: терпимость петербуржцевъ въ національномъ и религіозномъ отношеніяхъ всѣмъ извѣстна. Для насъ, слѣдовательно, весьма странно было слышать о какихъ-то новыхъ безпорядкахъ, которыхъ ожидали къ празднику Св. Троицы въ Одессѣ и другихъ городахъ. Эти слухи такъ напугали еврейское населеніе города Ростова-на-Дону, что несчастные сыны Израиля уговаривались въ этотъ день вовсе не появляться на улицахъ. Неспокойно было въ Херсонской губерніи, откуда пишутъ въ газ. «Голосъ», что безъ уличныхъ безпорядковъ не обошлось и въ Елисаветградѣ: 17-го апрѣля, вечеромъ, въ этомъ городѣ произошла около еврейской синагоги свалка, поводомъ къ которой послужило заступничество полиціи за одного еврея, пріѣхавшаго изъ Одессы для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшихъ евреевъ и съ этою цѣлью задумавшаго устроить въ синагогѣ концертъ, противъ котораго была уличная толпа евреевъ. Въ Хотинѣ, въ Бессарабіи, также произведено евреями буйство и насиліе противъ полицейскихъ, у которыхъ былъ отнятъ пойманный ими бѣглый рекрутъ-еврей. Естественно, что при такомъ настроеніи каждая сторона ищетъ только случая показать свое удальство; вотъ почему большая часть еврейскаго населенія Одессы, какъ увѣряютъ, приняла вызывательное положеніе къ русскимъ. Говорятъ, что евреи наложили хэрэмъ—родъ проклятія или запрета—на русскіе трактиры, и своимъ ходить туда запрещаютъ, а русскихъ отговариваютъ; или являются въ эти трактиры и сидятъ тамъ въ шляпахъ, чѣмъ, разумѣется, не могутъ не оскорбляться присутствующіе тутъ православные: начинается ссора, которая доходитъ до драки и вмѣшательства полиціи... Тамъ же демонстрація противъ православныхъ выразилась на нѣкоторыхъ фабрикахъ отказомъ принимать ихъ на работу. По извѣстіямъ «Московскихъ Вѣдомостей», распространившаяся между евреями паника повела къ тому, что члены еврейскаго общества въ Одессѣ собираются къ выѣзду заграницу, воздерживаются отъ дѣлъ и приберегаютъ свои

капиталы... Впрочемъ, всѣ эти опасенія окажутся, вѣроятно, напрасными, такъ-какъ, по увѣренію «Одесскаго Вѣстника», къ предупрежденію безпорядковъ, со стороны начальства, приняты «самыя энергическія мѣры....» Скоро мы дождемся настоящаго суда по этому дѣлу, такъ-какъ назначенная для разбора его слѣдственная коммиссія, состоящая изъ прокурорскаго надзора, судебныхъ слѣдователей и представителей города, какъ говорятъ, уже приступила къ дѣлу и открыла виновныхъ болѣе 75 человѣкъ. Остается пожелать, чтобы судъ отнесся къ нимъ совершенно спокойно и безпристрастно, чтобы главное вниманіе его было обращено на различную степень виновности замѣшанныхъ въ это дѣло лицъ и на тѣ прискорбныя обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ приходилось дѣйствовать большинству ихъ.

Политическое обозрѣніе.

Послѣдняя недѣля ознаменована чрезвычайно важными событіями. Въ нашемъ послѣднемъ обозрѣніи мы передавали послѣднія телеграммы, заключавшія въ себѣ извѣстія о пожарахъ, произведенныхъ парижскими инсургентами въ Тюильри, въ Луврѣ, и пр. Къ сожалѣнію, всѣ онѣ подтвердились.

Страшная судьба, постигшая въ эту недѣлю Парижъ, превосходитъ все, что̀ только можно было ожидать отъ послѣднихъ судорогъ умирающаго мятежа. Правда, инсургенты распространили, на послѣднихъ дняхъ, посредствомъ небольшихъ воздушныхъ шаровъ, красныя печатныя афиши, въ которыхъ было сказано, что если они еще разъ потерпятъ пораженіе, то *предсмертная борьба возстанія будетъ ужасна*. Та̀къ это и вышло.

Кому случалось гулять въ свѣтлый солнечный день по берегамъ Сены, и переходя отъ Hotèl de Ville къ Тюильри принимать участіе въ этомъ мірѣ роскоши и веселія, или остановясь на прекрасной площади Согласія любоваться оттуда видомъ Тріумфальной арки, Законодательнаго корпуса, церкви Магдалины,—у того сожмется сердце при мысли о томъ, что эта живая, каменная исторія королевской и императорской Франціи истлѣла въ пламени. Что же долженъ испытывать при этомъ видѣ благородный сынъ опозоренной Франціи!

Не мало крови пили парижскія улицы, начиная съ той ночи, когда Карлъ IX стрѣлялъ изъ оконъ луврскаго дворца въ своихъ собственныхъ подданныхъ, до того утра, когда неповинная голова Людовика XVII пала подъ топоромъ гильотины, какъ искупительная жертва за грѣхи своихъ предшественниковъ,—начиная съ сентябрскихъ убійствъ Дантона и до іюньской рѣзни Кавеньяка съ красными. Но эта дикая жажда разрушенія, которая свирѣпствуетъ противъ того, что̀ составляетъ гордость и украшеніе отечественной исторіи, противъ національной чести,—представляетъ собою такой примѣръ, какого еще не случалось видѣть свѣту. Она хуже той бури, которая пронеслась въ лицѣ сѣверныхъ народовъ надъ греко-римскимъ міромъ и превратила его въ развалины. На улицахъ и въ домахъ Парижа погибло, какъ пишутъ, болѣе 50.000 человѣкъ; Тюильри со всѣми находившимися въ немъ сокровищами искусства, Лувръ, Hotèl de Ville, министерство финансовъ, законодательный корпусъ и пр. представляютъ собою дымящіяся развалины! Теперь отъ Тюильри остались мѣстами только голыя стѣны. Большая часть Луврскихъ картинъ, если вѣрить слухамъ, спасена, но до сихъ поръ объ этомъ не извѣстно еще ничего положительнаго. А между тѣмъ, одна уже великолѣпная статуя Венеры Милосской, это неподражаемое произведеніе греческой скульптуры—сокровище которому нѣтъ цѣны.

Подробныхъ отчетовъ о томъ, что̀ разрушено, сожжено и уничтожено въ Парижѣ за эти послѣдніе дни, еще нѣтъ; но говорятъ, что почти около четверти этого прекраснаго города выгорѣло. Почти изъ всѣхъ, не слишкомъ отдаленныхъ городовъ были посланы туда пожарные для подачи помощи. Лондонъ выслалъ съ экстреннымъ поѣздомъ своихъ пожарныхъ съ помпами, лошадьми, и т. п., точно также какъ и Антверпенъ, Бордо, Марсель и др.; но вся эта помощь не могла принести большой пользы, такъ какъ огонь поддерживался умышленно посредствомъ петролеума, который заранѣе былъ заготовленъ инсургентами въ Тюильри и т. д.

Въ свое время инсургенты, отчасти для собственной защиты, а отчасти для обузданія версальскаго правительства, заключили въ тюрьму, въ видѣ заложниковъ, всѣхъ сколько нибудь значительныхъ лицъ, которымъ не удалось убѣжать во время изъ Парижа. Было употреблено все возможное, чтобы освободить парижскаго архіепископа, и объ его избавленіи не разъ уже ходили слухи, которые оказались теперь ложными. Когда версальскія войска пробрались въ тюрьму La Roquette, чтобы освободить заключенныхъ тамъ заложниковъ, оказалось, что инсургенты убивали и разстрѣливали заложниковъ до послѣдней минуты, пока еще крѣпость была въ ихъ рукахъ. Такимъ образомъ погибъ и парижскій архіепископъ, точно такъ же какъ множество духовныхъ лицъ, аббатовъ, іезуитовъ, банкиръ Декеръ и 35 жандармовъ.

Большая часть коноводовъ парижскаго возстанія, какъ напр. Клюзере, Домбровскій, и проч. пали, какъ носятся слухи, въ сраженіи. Но другіе не избѣжатъ заслуженной кары. Городъ такъ окруженъ, что побѣгъ зачинщиковъ почти невозможенъ. Точно такъ же и сѣверная сторона Парижа такъ тѣсно обложена нѣмецкими войсками, что прорваться черезъ эту линію еще труднѣе. Во всѣ французскія города посланы приказы объ арестованіи членовъ коммуны. Съ своей стороны всѣ сосѣднія государства: Бельгія, Италія, Испанія вызвались выдавать всѣхъ бѣглецовъ, какіе только будутъ встрѣчаться въ ихъ владѣніяхъ,—только одна Англія и тутъ опять составляетъ исключеніе.

Джигитовка.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ линейныхъ казаковъ, забавляющихся любимымъ упражненіемъ. Наѣздничество въ большомъ ходу на Кавказѣ. Казакъ на конѣ выдѣлываетъ чудеса ловкости: онъ стрѣляетъ на всемъ скаку въ цѣль и рѣдко даетъ промахъ; скача во всю прыть на лошади, онъ поднимаетъ съ земли разныя вещи, подбрасываетъ въ воздухъ шапку и винтовку и ловко ловитъ ихъ, съ невѣроятной быстротой соскакиваетъ съ сѣдла и вскакиваетъ на него.

На джигитовкѣ цѣлый отрядъ казаковъ скачетъ во весь опоръ, стоя на сѣдлахъ, слегка согнувшись впередъ. Казаки щеголяютъ этимъ упражненіемъ и охотно джигитуютъ въ честь лица, которому хотятъ оказать почетъ. Они удивительно умѣютъ разнообразить джигитовку, причемъ нерѣдко подвергаютъ себя дѣйствительной опасности. Джигитовка не всегда обходится безъ перелома ноги или руки, а иногда случается даже, что джигитъ мертвымъ остается на мѣстѣ.

Нарядъ казаковъ почти тотъ же, что и кавказскихъ горцевъ. Казаки переняли у послѣднихъ все, начиная съ папахи (шапки) до обуви. Самое слово «джигитъ» — черкесское; оно значитъ: молодецъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою 21 Мая 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 1 іюня 1871 года.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Недозрѣлые.

(Окончаніе).

IV.

Въ чаду.

Недѣли черезъ двѣ послѣ разговора, помѣщеннаго въ прошлой главѣ, Гороховъ сидѣлъ въ кабинетѣ Бобровцева, съ лицомъ, выражавшимъ крайнюю досаду.

— Вы не здоровы? спросилъ его Бобровцевъ.

— Нѣтъ; но я ужасно разстроенъ, разсерженъ и недоволенъ на себя... Это всегда бываетъ со мною, когда случится по неволѣ не быть твердымъ въ томъ или другомъ принципѣ.

— Не секретъ по какому обстоятельству?

— Да все по тому же дѣлу Западовыхъ. Я вѣдь ихъ обоихъ знаю — давно. Нужно замѣтить, что Западовъ, мужъ этой кузины, мой ученикъ, то-есть въ дѣтствѣ онъ слушалъ у меня съ полгода ботанику. Встрѣтившись со мною, когда я въ минувшемъ году посѣтилъ ихъ городъ для свиданія съ моей старухой матерью, Западовъ передалъ мнѣ исторію своей женитьбы, которая меня заинтересовала, а тутъ случай доставилъ нечаянное знакомство съ его женою, жившей отъ него отдѣльно. Западовъ никто иной, какъ пустѣйшій и легкомысленнѣйшій фатъ и лѣнтяй. Въ дѣтствѣ у него была здоровая память, которую педагоги приняли за признакъ даровитости и развитости... Эти ошибки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ — сплошь и рядомъ... Учись еще онъ въ старое время, онъ бы хоть долбилъ, знаніе бы запало ему въ голову и теперь пригодилось бы; но долбленіе было оставлено—и его пустая голова, какъ скоро все переняла, такъ точно скоро же и перезабыла. Такія явленія—тоже не новость. Кузина Оливова, буду называть ее Любочка, также существо жалкое. Это типъ дурковатой, физически-здоровой, неразвитой и малограмотной, вѣтреной мѣщанской дѣвушки. Отъ той среды, въ которой она взросла, она никогда не слыхала живаго слова, книгъ въ рукахъ не было - и она, вмѣстѣ со всѣми, думала только объ одномъ: какъ бы наѣсться, нарядиться, да выспаться. Западовъ было сначала сталъ давать уроки какъ слѣдуетъ, но, видя тупость ученицы, свернулъ на простое задаванье и выслушиванье. *Блестнулъ* было онъ передъ нею и нигилизмомъ, но она равнодушно хлопала глазами. Однако, сойдясь съ Любой, по молодости лѣтъ Западовъ такъ пристрастился къ ней, что не прочь бы былъ и жениться, но этому помѣшала его тетка. Такія отношенія другъ къ другу молодые люди не преминули назвать любовью... Дальнѣйшее между ними, вамъ вѣроятно, извѣстно: какъ Западовъ пріѣхалъ во второй разъ и какъ возобновилъ знакомство. Это отчасти показываетъ, что сказанное пристрастіе не вполнѣ улетучилось и что онъ смотрѣлъ на Любу какъ на существо, которое легко можно одурачить. Когда я познакомился съ Западовой лично, я съ перваго же дня разгадалъ ее вполнѣ; но все-таки мнѣ ее жалко было: во 1-хъ. потому, что общество оказало ей медвѣжью услугу, устройствомъ ея

брака; а во-2хъ, этимъ сближенiемъ съ Западовымъ нарушена была жизненная колея... Безъ него, она тоже, какъ ея сестра, вышла бы замужъ за какого-нибудь чиновника, регента, дьячка, дьякона, была бъ хозяйкой, и была бы по своему счастлива... Она ни кѣмъ не можетъ увлечься, никого сильно полюбить, ей только нужно бы мужа — и ничего болѣе, и она будетъ ему вѣрна... Исторiя же съ Западовымъ, перевернула все вверхъ дномъ: выставила Любу въ провинцiальномъ обществѣ напоказъ, какъ принявшую много обидъ и оскорбленiй, и лишила возможности сыскать мужа... Она свернула съ колеи. Я очень сострадалъ положенiю Любы, но помочь ему былъ безсиленъ. Мое видимое состраданiе къ ней она перетолковала совсѣмъ въ другую сторону и стала обращаться развязно. Она такъ болтлива, что высказала мнѣ, что за нею водятся грѣшки, на которыя и мать смотритъ теперь снисходительно.... Жила она въ то время съ матерью въ крайней нуждѣ; у меня же были деньги, и мнѣ захотѣлось ей помочь. Но представить изъ себя роль добродѣтельнаго человѣколюбца — я по врожденнымъ капризамъ не захотѣлъ, и предпочелъ ей роль увлеченнаго сумазброда, бросающаго деньги на вѣтеръ. Исторiя эта осталась тайною до сего дня. Проживъ еще мѣсяца полтора въ томъ городѣ, безъ короткаго сближенiя съ Любой, я уѣхалъ спокойно въ Москву, а потомъ Петербургъ, потому что при прощанiи со мной она не выказала ни печали ни даже сожалѣнiя, хотя и предложила взять ее съ собою, на что я обѣщалъ подумать. Безразсудствомъ своего театральничанья я былъ очень недоволенъ прiѣхавъ сюда, но мнѣ вздумалось воспользоваться канвою замужества Любы для разсказа, такъ какъ медвѣжья услуга общества подымала у меня желчь... И было бы разумнѣе и интереснѣе въ разсказѣ описать личность Любы такою, какая она на самомъ дѣлѣ, потому что другая могла какъ-нибудь бы улучшить свое положенiе, а Люба именно такая что не выкрутится... Но, чтожь вы будете дѣлать! какъ на зло мнѣ пришло въ голову предположенiе: что могла быть на ея мѣстѣ и лучшая личность... Предположенiе очень невѣрное: сближенiе ея съ Западовымъ во второй разъ, а главное согласiе, хотя и вынужденное, на бракъ, въ сопровожденiи сценъ въ церкви, показываетъ крайнюю тряпичность героини, или сильнѣйшее тупоумiе. Но тогда я этого не разсудилъ... И цѣликомъ сохраняя фабулу происшествiя, я подкрасилъ героиню нѣкоторою степенью образованiя, полухарактера, извинивъ ея согласiе на бракъ окаменѣлымъ равнодушiемъ къ жизни и состраданiемъ къ матери. Къ несчастiю, разсказъ попался въ руки Оливову; онъ узналъ въ героинѣ свою кузину, воспламенился сочувствiемъ, участiемъ, и... остальное вы знаете...

— Чего вы огорчаетесь? спросилъ Бобровцевъ. — Ну, прiѣхала... Бѣда еще не велика... Что же у нихъ тамъ дѣлается?

— Когда Оливовъ прiѣхалъ въ мою квартиру и сообщилъ, что Западовъ въ Петербургѣ и желаетъ со мною видѣться, я понялъ, что она прiѣхала на мою шею, — и потому сейчасъ же поѣхалъ, взявъ съ собою сколько могъ денегъ .. Но она прiѣхала дѣйствительно къ брату и уже опредѣлилась въ типографiю, въ наборщицы...

— И прекрасно, пусть себѣ тамъ торчитъ, сказалъ Бобровцевъ, — когда-нибудь да выучится же, дѣло не мудрое...

— Ахъ! говорю вамъ, не выучится!.. возразилъ Гороховъ. — У ней нѣтъ положительно никакого стремленiя къ труду и пробудить ее къ нему ужъ поздно: для этого нужно воротить ея дѣтство. Понимаете ли: для нея акушерство, типографiя, консерваторiя, швейная машина, стенографiя — совершенно все равно... Ее занимаетъ только чисто-внѣшняя обстановка. Напримѣръ, она подрѣзала волосы — это главное; за тѣмъ она будетъ туда ходить и возвращаться, а остальное время слушать тамъ лекцiи, что ли... О дѣлѣ же и трудѣ нѣтъ и помышленiя...

— Въ такомъ случаѣ, что жь объ ней и говорить? — замѣтилъ Бобровцевъ.

— Нѣтъ, кое-что, отвѣчалъ Гороховъ, — для нея можно было бы сдѣлать, если бы отнестись къ ней прямо, безъ всякихъ мудрствованiй. Ее нужно поставить съ необходимостью труда лицомъ къ лицу. Назначать трудъ впередъ — это грубая ошибка, въ которую впадаетъ молодежь. Намедни, бывши у Оливова, я высказалъ ему эту мысль.

— Представьте себѣ, что Оливовъ повелъ бы дѣло гораздо проще — и оно бы пошло лучше. Положимъ, дѣло происходитъ въ старомъ времени. Къ двумъ братьямъ студентамъ прiѣхала сестра. Какъ бы они поступили? Они бы сдали ей на руки все хозяйство. Теперь за столъ вдвоемъ они платятъ 30 рублей, то есть, по рублю въ день; сестра прокормила бы ихъ и себя на 75 к. совершенно свободно, а четвертакъ бы остался въ экономiи. Мытье и починка бѣлья, такъ же незначительная починка носимаго платья и шитье бѣлья — все бы при сестрѣ обошлось экономнѣе. Присутствiе въ квартирѣ женщины — упорядочило бы жизнь и могло благодѣтельно подѣйствовать на нравственность. На сбереженныя деньги она могла бы прiобрѣсть швейную машину и служить подспорьемъ братьямъ, — наконецъ, хоть одѣться на эти деньги... Все бы она была въ трудѣ, въ занятiи, заботилась бы о братьяхъ — и тѣ, вступивъ на поприще жизни, вѣроятно не забыли бы ее и отплатили-бъ признательностью за ея хлопоты и заботливость. Скажите, не правъ-ли я? Или вы думаете, что я рисую предъ вами идиллiю?

Бобровцевъ отвѣчалъ, что онъ относительно согласенъ, — но попробуйте высказать свою мысль печатно, противъ васъ подымутся крики за ретроградство, сочтутъ за противника женскаго труда и...

— И скорѣй всего не напечатаютъ, подсказалъ Гороховъ. — Конечно, я понимаю, почему вы сказали, что вы полусогласны со мною. Вы хотите сказать, что трудъ, который я опредѣлилъ Любѣ, есть трудъ зависимый отъ другихъ, а не самостоятельный... Такъ, я это знаю; но за то же я и даю его личности слабой, не владѣющей собою и неспособной къ другому труду, какъ только къ рутинному... О личностяхъ же способныхъ, могущихъ принять самостоятельный трудъ — я не говорю; тѣмъ, дай Богъ, счастливый путь! Абсолютно я только противъ предназначенiя и навязыванья труда, да противъ его неразумной эксплуатацiи.

Отъ Бобровцева Гороховъ проѣхалъ къ Оливовымъ. Люба встрѣтила его на порогѣ входа, совсѣмъ одѣтою къ пути, какъ наши уличныя гризетки, шляпа нѣсколько на бочекъ, платье на пажахъ, чулки и полусапожки видны.

— А! закричала она, увидя его, — Дмитрiй Карповичъ, здравствуйте! Поздравляйте меня!

— Съ чѣмъ?

— Я уже типографію бросила. Правда ваша, что вы говорили... Ужасно скучная, утомительная, никакой «умственности» нѣтъ...

Гороховъ смѣшался, не зная что ей отвѣчать на ея слова, и спросилъ:

— Куда же вы идете?

— Иду недалеко, къ одному студенту.

Старшій Оливовъ стоялъ тутъ же, покраснѣвъ отъ лба до подбородка. Гороховъ поздоровался съ нимъ—и чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ Любы, сказалъ ей:

— Идите же, да приходите скорѣе; я черезъ часъ уѣду.

Весело напѣвая польку «Тру-ля-ля», Люба ушла.

Сконфуженный словами и поступками Любы, Оливовъ такъ растерялся, что путался въ разговорѣ, и Гороховъ долженъ былъ нѣсколько минутъ ждать, пока онъ придетъ въ себя.

— Давно ваша сестра вышла изъ типографіи?

— Дня три.

— Куда же она теперь думаетъ?..

— Она предполагаетъ готовиться въ акушерское заведеніе... Я колеблюсь... не лучше ли ее теперь готовить въ домашнія учительницы...

— Ее?!.

— Чему вы удивляетесь? Экзаменъ очень легокъ...

— Но ваша сестра положительно неграмотна...

— Это неправда, отвѣчалъ Оливовъ и въ удостовѣреніе досталъ письмо кузины, присланное ему въ Петербургъ. Гороховъ взглянулъ на письмо и понялъ, что ей кто-нибудь написалъ его.

— Это письмо, сказалъ онъ Оливову, возвращая его,—нетолько ваша кузина не сочиняла, но и не переписывала набѣло. Я ея почеркъ руки знаю; она пишетъ точно такъ, какъ мелочныхъ лавокъ мальчишки...

При этомъ извѣстіи, на Оливова нельзя было глядѣть безъ состраданія. Все лицо его судорожно поблѣднѣло, руки тряслись, и онъ, какимъ-то надтреснутымъ голосомъ, произнесъ:

— Предприму что-нибудь другое...

За свой рѣзкій тонъ рѣчи, Гороховъ назвалъ себя въ глубинѣ души палачемъ, и ему такъ жалко стало Оливова, что онъ съ удовольствіемъ бы раздѣлилъ его горе... Гороховъ сдѣлалъ, что могъ: измѣнилъ даже своему принципу «не совѣтывать» и высказалъ ему все то, что предъ этимъ говорилъ Бобровцеву.

Возвратясь отъ Оливова домой, Гороховъ наскоро уложилъ небольшой чемоданчикъ, а на другой день съ первымъ утреннимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ, никому не сказавшись.

V.

Все что можно было сдѣлать.

Стоялъ мартъ мѣсяцъ въ половинѣ. Въ Петербургѣ давно уже начинали дѣлать весну; смѣтенный съ тротуаровъ снѣгъ таялъ въ огромныхъ кучахъ у панели. Въ воздухѣ пахнуло міазмами Сѣнной и прочихъ рынковъ. Былъ мглистый, сѣрый и туманный вечеръ; фонари тускло мигали; моросилъ мелкій дождикъ. Пѣшеходы подъ зонтиками рѣже и рѣже шмыгали по Невскому, по мѣрѣ приближенія ночи. Въ этотъ поздній часъ, къ ступенямъ запертаго и темнаго Пассажа подошла женщина невысокаго роста, въ темномъ платьѣ, кофточкѣ и ухарски надѣтой на бекрень шляпочкѣ съ вуалью. Невѣрной походкой, скользя и спотыкаясь на мокрыхъ плитахъ, взобралась она по каменной лѣсенкѣ, оглядѣлась и сѣла на верхней ступенкѣ. Что-то безпомощное и вмѣстѣ отчаянно-безпечное проглянуло во всей фигурѣ, когда она оперлась локтями на колѣна и устало склонила голову въ ладони рукъ, точно корчась отъ холоду или готовясь молча принять послѣдній ударъ невѣдомой грозной руки...

Пожилой человѣкъ, издали слѣдившій за этой женщиной, подошелъ теперь, медленно поднялся на лѣсенку и сталъ прислонясь къ одному изъ каменныхъ выступовъ у дверей.

Женщина встрепенулась при звукѣ его шаговъ, поглядѣла на него тупымъ взглядомъ, улыбнулась— и вяло, сонно попросила у него папироску.

Тотъ молча смотрѣлъ на нее.

— Дадите? все такъ же сонно проговорила несчастная, спотыкаясь языкомъ какъ недавно ногами,—ну, не надо, коли жалко... или не курите?

— Папироску-то я вамъ дамъ, какимъ-то внушительнымъ тономъ сказалъ наблюдатель,—а скажите-ка мнѣ, Любовь Васильевна, откуда это вы?.. Что такое съ вами?..

— Ахъ, Гороховъ, да это вы?!.. вскрикнула Люба, проворно вскакивая и какъ-бы собираясь бѣжать, но потомъ такъ же быстро повернулась къ нему, поглядѣла на него, засмѣялась, оттолкнула протянутую руку, и вздрагивая плечами, продолжала хохотать все громче, рѣзче и визгливѣй, пока наконецъ Горохову ясно послышались рыданія вмѣсто смѣха...

— Ну, полно, полно! сердито говорилъ тотъ, взявъ ее подъ руку и сводя на панель:—что-жь это въ самомъ дѣлѣ...

— Я цѣлый день нынче ничего не ѣла, проговорила Люба сквозь утихавшія рыданія.

— Ну, это бѣда еще не большая; вотъ сейчасъ придемъ домой и сбудемъ ее...

Люба отклонялась назадъ и упиралась ногами въ землю, какъ дѣлаютъ дѣти-шалуны или пьяные, которыхъ ведутъ противъ ихъ желанія. Гороховъ замѣтилъ, что отъ нея пахнетъ слегка виномъ.

— Любовь Васильевна, не упрямтесь, сказалъ онъ ей серіозно.

— Ни за что я не пойду домой... Скажите мнѣ, гдѣ вы были?.. А къ брату я ни за что...

— Ладно... А если я вамъ скажу новость и важную, не будете упрямиться? Да не къ брату, не къ брату... пойдемте ко мнѣ. Тутъ недалеко.

— Пойдемъ.

— Ну такъ вотъ что: вы теперь вдова... Вашъ мужъ умеръ.

— Что вы?.. Быть не можетъ! Не вѣрю.

— Я вамъ привезъ форменныя удостовѣренія. Онъ умеръ отъ тифозной горячки.

— Царство небесное! проговорила Люба перекрестясь.

— За это вы умница, что зла не помните. Впрочемъ, сказалъ Гороховъ,—я никогда не сомнѣвался въ вашей добротѣ, а только вы... кто ужь васъ знаетъ... Эй, извощикъ! крикнулъ Гороховъ смѣясь.

Новость, сообщенная Гороховымъ, самое его присутствіе, переходъ отъ отчаянія къ неопредѣленнымъ надеждамъ, даже ѣзда на неудобной линейкѣ, гдѣ надо было ежеминутно держаться, чтобъ не слетѣть на толчкахъ,—все это оживило Любу и она вдругъ впала въ болтливость.

— Я тутъ безъ васъ, говорила Люба, — прошла, какъ вы говорите, всякія мытарства... И въ акушерное заведеніе ходила, и книги училась переплетать, и цвѣты дѣлать, и въ домашнія учительницы готовилась—ничего изъ меня не вышло, хоть убейте... Напослѣдокъ досталъ братъ напрокатъ швейную машину, я ее испортила... «Ну, сказалъ братъ, кажется все ужь испробовалъ, однако попытаюсь еще...» Но я сама не захотѣла больше мучиться... Самъ онъ весь исхудалъ, смотритъ на меня чуть не плачетъ, да краснѣетъ... За квартиру задолжали... Хозяйка ворчитъ... Платье новое свое онъ продалъ... Вотъ я хватила разъ для храбрости рюмку-другую, махнула рукой да и тягу....

— Давно ли вы ушли отъ брата? спросилъ ее Гороховъ.

— Сегодня третій день...

— Что же вы надѣлали!? Этого въ Петербургѣ нельзя... Вѣдь онъ васъ розыскиваетъ, долженъ дать знать полиціи...

Въ это время они подъѣхали къ дому Яковлева, и Гороховъ бережно и заботливо довелъ Любу до лѣстницы своей квартиры, а тамъ какъ ребенка поднялъ на руки, внесъ на третій этажъ въ свою маленькую комнатку, уложилъ на постель съ байковымъ одѣяломъ—и утомленная бѣглянка словно сквозь сонъ видѣла его хлопочущимъ надъ паровой кострюлей и кофейникомъ.

Проснулась она, когда въ комнаткѣ стоялъ уже бѣлый день. Люба съ удивленіемъ, ничего не помня, осматривала новую обстановку, эти книги, диковинные инструменты, портфели, фотографическіе портреты, и самого Горохова, который спалъ на стулѣ у стола, положивъ голову на руки; лицо его, сухое, желтое, истомленное, подсказывало, что онъ провелъ безсонную ночь. Внезапно, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ недавняго прошлаго, краска стыда бросилась въ лицо молодой женщины—и она едва смѣла глядѣть на Горохова когда тотъ очнулся въ свою очередь и разсказалъ ей, что онъ нарочно ѣздилъ въ родной городъ, съ цѣлью подѣйствовать на своего бывшаго ученика и выговорить Любѣ какое нибудь обезпеченіе, но не засталъ уже Западова въ живыхъ, а сегодня чѣмъ-свѣтъ побывалъ у Оливова и выпросилъ у него согласіе взять Любу на свою отвѣтственность. Люба слушала его, потупясь, изрѣдка взглядывая на него съ благодарными слезами на глазахъ, а потомъ тихо подошла и урывчатымъ движеніемъ схватила его руку, поднесла было къ губамъ,—но Гороховъ успѣлъ отклониться.

— Дмитрій Карпычъ!.. начала она просить, послѣ обѣда, Горохова, когда онъ вручилъ ей присланныя вещи и документы,—ради Бога, не выгоняйте меня отъ себя! Я все-все буду дѣлать, чтó вы ни прикажете, буду вашей горничной, служанкой, кухаркой, чѣмъ вы хотите...

— Вы говорите одни фразы, отвѣчалъ ей Гороховъ,—какъ это вы все сдѣлаете, чтó я ни прикажу? Это вздоръ!... Я прошу васъ: перепишите мнѣ съ англійскаго эту страницу... ну, и не можете... Мнѣ нужно почистить вотъ эти инструменты,—а вы не знаете какъ за нихъ и взяться, и испортите ихъ, какъ испортили швейную машину... Въ прислугѣ я тоже не нуждаюсь... я не баринъ.

— Что-жь мнѣ дѣлать? вскричала она, всплеснувъ руками.—Чѣмъ же я въ этомъ виновата, что меня въ дѣтствѣ не научили ничему хорошему?...

— Вотъ это дѣло другаго рода... за это васъ и жалко... Но чего же вы отчаяваетесь?... Не научили васъ ничему—учитесь... Не можете учиться, не способны?—бросьте, не хватайтесь за то, чего не можете, и беритесь за то, чтó можете... Только подумайте объ этомъ. Не можетъ быть, чтобы вы ничего не могли... Варить кушанье умѣете?

— Умѣю, но...

— Должно-быть плохо?

— Сносно, только затѣевъ...

— Затѣевъ и не надо... Еще что можете? Починять бѣлье, убирать комнату... да?

— Да. Это могу.

— А если бы вамъ пришлось продавать, напримѣръ, табакъ, папиросы, спички, свѣчи... Съумѣли-бъ вы?

— Съумѣла-бъ... Миленькій, голубчикъ, Дмитрій Карповичъ, я стану предъ вами на колѣна...

— Для чего?..

— Пожалуйста сдѣлайте изъ меня что-нибудь... Что знаете...

— Что-нибудь — сдѣлаю. Но, предваряю васъ, я конфетностей не люблю, это будетъ стоить для меня большихъ самоличныхъ пожертвованій... Кстати, скажите мнѣ, я все забываю васъ спросить: вы не имѣли меня въ виду, отправляясь сюда?

— Нѣтъ.

— Ну, слава тебѣ, Господи!.. Полноте вамъ рюмить. Я сейчасъ уйду изъ дома, а вы умойтесь, переодѣньтесь, на васъ противно смотрѣть; уберите комнату, да возьмите эту тряпку и сотрите пыль съ книгъ, въ шкафу и на этажеркѣ. Я пріѣду часа черезъ четыре, или пять.

Гороховъ присѣлъ за реэстръ имѣвшихся у него книгъ и инструментовъ, подѣлалъ надъ заглавіемъ ихъ крестики и, одѣвшись, уѣхалъ изъ квартиры.

Три первыхъ дня Гороховъ, по поселеніи у него Любы, разъѣзжалъ по книжнымъ и физико инструментальнымъ магазинамъ, развозя коробки съ книгами и инструментами, и получая за нихъ деньги. На четвертый, вечеромъ, онъ сообщилъ ей, что снимаетъ за полтораста рублей табачную лавочку на Гагаринской улицѣ. На 6-й они и совсѣмъ перемѣстились туда. При лавочкѣ были двѣ комнаты: одна большая, направо, съ кухнею, другая налѣво, отдѣльно, низенькая и узкая. Первую Гороховъ отдалъ Любѣ, вторую оставилъ за собою. Новый товаръ онъ закупалъ самъ, а продажу его поручилъ Любѣ, на которую также возложилъ и всѣ хозяйственныя заботы, кромѣ достачи денегъ, и положилъ ей жалованье по десяти рублей въ мѣсяцъ. Онъ постоянно занимался переводомъ книгъ по экономическому и физическому отдѣламъ, а иногда писалъ и оригинальныя собственныя статейки. Онъ рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и мало говорилъ съ Любой. Люба на новосельи скучала не долго, живо познакомившись, чрезъ хожденіе на рынокъ и заборъ у нея товаровъ, съ своими сосѣдками; иногда она отпрашивалась у Горохова къ нимъ въ гости и принимала ихъ у себя, угощая крѣпкимъ кофеемъ. По некрасивости Горохова, она женировалась назвать его сосѣдкамъ — мужемъ, а по несходству физіогномій — братомъ, а потому просто назвала его дядюшкой. Въ Околодкѣ Люба стала слыть за разумницу-хозяйку, а Гороховъ за дядюшку табачницы.

Мирно и тихо протекло четыре мѣсяца.

Какъ-то разъ, возвращаясь не въ урочный часъ домой, Гороховъ услыхалъ въ своей лавкѣ какую-то возню, смѣхъ и веселье. Онъ дернулъ дверь, зазвенѣлъ колокольчикъ и все утихло. Люба встрѣтила его съ ру-

мянцемъ на щекахъ и смущенная. Въ лавочкѣ былъ посторонній посѣтитель, мужчина лѣтъ тридцати-пяти, рябоватый, но съ лихими ухватками, тщательно выбритый, съ длинными усами; онъ былъ одѣтъ въ сольфериноваго цвѣта рубашку, съ зелеными кистями, въ плисовыхъ шароварахъ и козловыхъ сапогахъ, съ бураками.

Послѣ этого случая, Гороховъ часто встрѣчалъ Лаврентьева въ своей лавкѣ, всегда учтиво ему раскланявшагося.

Однажды, осеннимъ вечеромъ, особенно неутомимо трудился Гороховъ надъ какимъ-то спѣшнымъ переводомъ. Вдругъ, въ комнату къ нему вошла толстая старуха, одѣтая по мѣщански, въ коричневое платье, съ

Женская комната въ древне-греческомъ домѣ.

— Очень пріятно съ вами познакомиться, сказалъ онъ Горохову, когда тотъ взглянулъ на него, вычурно кланяясь, желая тѣмъ показать себя свѣтскимъ человѣкомъ, — я съ вашею племянницею ужъ третій мѣсяцъ имѣю удовольствіе быть знакомымъ, а съ вами не имѣю чести... онъ подалъ руку, — я-самъ чиновникъ, коллежскій регистраторъ Прокофій Лаврентьевичъ Лаврентьевъ... Вы все писать изволите?..

— Да, отвѣчалъ Гороховъ, идя въ свою комнату и притворивъ за собою дверь на задвижку.

красной шалью на плечахъ и желтомъ, шолковомъ платкѣ на головѣ.

— Ужъ вы, батюшка, извините... заговорила она протяжно тоскливымъ голосомъ, — что я васъ обезпокоила... Да дѣло-то такое важное, что ваше марокованіе и оставить не грѣхъ... Я пришла васъ поздравить съ радостію... Богъ вашей племянницѣ судьбу посылаетъ... Женишокъ ей нашелся, чиновникъ, Прокофій Лаврентьевичъ Лаврентьевъ...

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста въ покоѣ!.. Ка-

кое мнѣ дѣло?.. Что за чепуха?.. Ну, пусть Любовь Васильевна и выходитъ за него замужъ!.. Что она — маленькая?..

— Нѣтъ, такъ дѣлать не годится, возразила старуха прежнимъ голосомъ, — вы дайте согласіе какъ слѣдуетъ, ладкомъ, да наградите вашу племянницу, чѣмъ Богъ послалъ... Судьба ей находится хорошая... Зачѣмъ такъ?.. Прокофій Лаврентьевичъ не какой-нибудь человѣкъ... Свой достатокъ имѣетъ: у него тоже своя овощная лавка есть... Анъ, вдвоемъ и магазинъ бы вышелъ... Опять, онъ изъ роду хорошаго... Мать-то его въ какихъ домахъ живетъ на Морской!.. И его все-таки не оставляетъ... Писаремъ онъ служилъ, а по ея милости ахвицерской чинъ дали... Тото-съ...

— Да, хорошо, хорошо... Я все сдѣлаю... Лавку ей, что-ли отдать? Ну, пусть беретъ себѣ! на что она мнѣ?..

— Вотъ это, дѣло... Вы человѣкъ одинокій...

Въ комнату еще вошелъ Лаврентьевъ, ведя за руку Любу...

— Позвольте мнѣ благодарить васъ за счастіе, которое вы мнѣ вручаете въ лицѣ такъ-сказать племянницы вашей, Любви Васильевны. Вѣрьте мнѣ, что я оправдаю... Вы человѣкъ суровый, но благородный...

— Да поймите вы, закричалъ на него Гороховъ,— что все зависитъ не отъ меня, а отъ ней...

— Я хотѣла васъ просить, Дмитрій Карповичъ, проговорила плаксиво-заученымъ голосомъ Люба, — не препятствуйте моему счастію...

— И не думаю, и не воображаю... Смертельно радъ! Я вамъ и лавку отдамъ, и свадьбу справлю, и тряпокъ накуплю... Все—все сдѣлаю. Но для этого мнѣ нужно съ вами, предварительно, завтра, часъ переговорить наединѣ. . Вообще я завтрашній день къ вашимъ услугамъ, а сегодня прошу васъ: уйдите всѣ сію же секунду... Я чертовски занятъ...

Посѣтители раскланявшись вышли. Проводивъ ихъ, Гороховъ ударилъ по столу рукой, проговоривъ: «Поднесъ же чортъ!» и принялся доканчивать переводъ.

Свадьба г-на Лаврентьева съ г-жею Западовой состоялась. Гороховъ, устроивъ все къ ихъ благополучію, уѣхалъ въ Москву. По возвращеніи оттуда, онъ занялъ прежній же номеръ въ домѣ Яковлева и сталъ заводиться новой библіотечкой.

Недавно Гороховъ, встрѣтя Оливова близь Гагаринской улицы, предложилъ ему навѣстить Любу.

Лаврентьевы, мужъ и жена, встрѣтили гостей чрезвычайно радушно и понаставили на столъ много закусокъ, вина и папиросъ. Они жили безбѣдно, даже въ достаткѣ; въ комнатахъ не было недостатка въ мебели, но проглядывало безвкусіе и недоставало чистоты. Люба сильно растолстѣла, до обрюзглости; мужемъ своимъ она повидимому довольна и съ удовольствіемъ принимаетъ при постороннихъ его ласки и цалованіе пухлыхъ рукъ. Что касается до Лаврентьева, то онъ въ восторгѣ отъ своей супруги и хвалитъ ея приготовленія маринованные грибы и миногу. Лаврентьевы ожидаютъ прибавленія семейства — и мужъ приглашалъ Горохова кумомъ, но послѣдній уступилъ эту честь Оливову. Люба безцеремонно называетъ Горохова дядюшкой.

Вышедъ на улицу отъ благодушной четы и взглянувъ на грустную физіогномію своего молодаго спутника, Гороховъ сказалъ ему, разводя въ обѣ стороны руки:

— Все что можно сдѣлать!

А. Шелярѳвскій.

Женская комната въ древне-греческомъ домѣ.

Воспитаніе аѳинянина было свободнѣе, легче, многостороннѣе, чѣмъ въ прочихъ греческихъ государствахъ, и приспособлено къ развитію благородной гармоніи различныхъ человѣческихъ силъ. Когда рождался мальчикъ, бабка приносила его къ домашнему очагу и клала его къ ногамъ отца; если этотъ послѣдній поднималъ ребенка въ знакъ того, что онъ признаетъ его, то двери дома убирались вѣнками, и потомъ на десятый день, когда дитя получало имя—мать имѣла право назначать его—давался домашній праздникъ. Отецъ и мать, родные и знакомые, рабы и кліенты дома дѣлали подарки новорожденному, и услужливые друзья не пропускали случая сказать отцу, что дитя похоже на него «какъ одна смоква на другую». До шестаго или седьмаго года дитя оставалось подъ надзоромъ матери или няньки, которыя учили его ходить и говорить. Его обвѣшивали игрушками, въ руки ему давали гремушку; къ слѣдующимъ имянинамъ отецъ покупалъ ему повозочку, конька, раскрашенную собаку, которые можно было купить за ничтожную сумму у горшечника, пока дитя не начинало забавляться на улицѣ обручемъ, кубаремъ, летающимъ жукомъ, или не устраивались у кого-нибудь общественныя игры: игра въ пять камешковъ, въ мячь и т. п., на которыхъ, если оно выигрывало, его величали «королемъ» а если проигрывало, то получало названіе «осла». Теперь ему не приходилось уже слушать тѣхъ сказокъ о привидѣніяхъ, которыя разсказывались кормилицами: объ Эмпузѣ и Ламіи, о «кусающейся лошади» и о другихъ страшилищахъ дѣтскихъ комнатъ; сынъ дѣлался слишкомъ великъ и для сказокъ матери и няньки: исторіи мыши и ласочки и прочихъ эзоповыхъ басень,—и его передавали одному изъ рабовъ, педагогу, который водилъ его въ одну изъ многочисленныхъ школъ, несъ за нимъ книги, а потомъ и цитру,—и заботился о томъ, чтобы мальчикъ велъ себя скромно и благонравно, не смотрѣлъ дерзкимъ образомъ по сторонамъ, но, закрывшись плащемъ, тихо и чинно шелъ въ школу, а оттуда домой.

Государство не вмѣшивалось въ школьное воспитаніе; каждый отецъ могъ по своему усмотрѣнію и своимъ средствамъ выбирать для сына болѣе дорогую или дешевую, лучшую или худшую школу; были и такія, гдѣ мальчики подъ открытымъ небомъ учились азбукѣ, по буквамъ начертаннымъ на покрывавшемъ землю пескѣ. Снаружи древняя школьная комната конечно была похожа на нынѣшнюю «какъ одна фига на другую», по приведенной выше аѳинской поговоркѣ. Тамъ какъ и тутъ были доска и губка, мѣлъ и чернила, книги и орудія для письма, шалости и драки. Мѣста, занимаемыя учениками, поднимались въ видѣ террасы; ученье начиналось съ ранняго утра. Чтенію, письму, счисленію (которое преподавали при помощи яблокъ, орѣховъ,

камешковъ) учились всѣ безъ исключенія свободнорожденные аѳиняне; за этимъ слѣдовало чтеніе и ученіе наизустъ избранныхъ мѣстъ изъ писателей, при чемъ Гомеръ конечно занималъ первое мѣсто. Вмѣстѣ съ этимъ заботились также и объ музыкѣ, въ особенности объ игрѣ на цитрѣ, которая вытѣснила искажающую лицо флейту.

Посѣщеніе школы, если домашнія обстоятельства не препятствовали дальнѣйшему ученію мальчика, продолжалось до шестнадцатаго года, съ наступленіемъ котораго мальчикъ поступалъ въ эѳебы. Но и въ это время, когда онъ приближался къ такому возрасту, который налагалъ на него обязанность военной службы, и разнообразныя тѣлесныя упражненія выступали на первый планъ,—его дальнѣйшее духовное развитіе играло не послѣднюю роль. Въ тогдашнихъ Аѳинахъ не мало было учителей мудрости, называвшихся *софистами* (названіе очень скоро потерявшее впослѣдствіи времени свое первоначальное значеніе), въ обществѣ которыхъ юноша могъ получить способность проникать научнымъ образомъ во внутренній смыслъ вещей, если только не пріобрѣталъ двусмысленнаго искусства говорить за и противъ любаго предмета, смотря по надобности. То же самое мѣсто, гдѣ умственное напряженіе мальчика прерывалось усиленными и частыми тѣлесными упражненіями, гимназія доставляла ему и случай примкнуть къ одному изъ этихъ учителей, число которыхъ въ Аѳинахъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Эти гимназіи,—ихъ было тогда три въ различныхъ частяхъ города,—будучи снабжены портиками и аллеями, представляли всегда готовое мѣсто для разговоровъ и прогулокъ, которое любители ученой бесѣды предпочитали фланированію по рынку. Тамъ были обширныя мѣста для гимнастическихъ упражненій съ особыми отдѣленіями для каждаго изъ нихъ, гдѣ мальчики, а еще болѣе юноши проводили большую часть дня. Надзоръ за гимназіями былъ порученъ верховному суду, пользовавшемуся въ Аѳинахъ величайшимъ уваженіемъ—*ареопагу* и приказу, состоящему изъ 15 софронистовъ; даже къ гимнастическимъ упражненіямъ, которыми управляли пандотрибы и гимнасты, относились чрезвычайно серіозно и придавали имъ такую же важность, какъ и школамъ. Они состояли въ бѣганьѣ, въ стрѣльбѣ изъ лука, въ бросаніи копья и диска, въ борьбѣ на нарочно-отведенномъ мѣстѣ, которое усыпали пескомъ, и въ скаканіи. На изображеніяхъ, покрывающихъ дошедшія до насъ вазы, эта жизнь выступаетъ передъ нами во всевозможныхъ положеніяхъ; между этими вполнѣ раздѣтыми юношами, цвѣтущими здоровьемъ и силой, художнику легко было найти идеалы для своихъ Ганимедовъ или Геркулесовъ, Касторовъ и Поллуксовъ; но и эта часть воспитанія твердо держалась общей, болѣе высокой цѣли образованія—образовать не атлетовъ или солдатъ, но развить въ человѣкѣ всѣ физическія силы, для того чтобъ у духа былъ сильный, никогда не отказывающійся слуга.

Если такимъ образомъ въ этихъ гимназіяхъ (гдѣ попеременно питались и упражнялись физическія силы,—а умственныя—въ живомъ сношеніи съ софистами или риторами) посѣвъ богатаго и гармоническаго образованія развивался во всемъ блескѣ, то напротивъ того воспитанію греческихъ юношей почти вполнѣ недоставало другаго образовательнаго элемента, который играетъ такую великую и спасительную роль въ жизни новѣйшихъ народовъ — *облагороженнаго* (*посредствомъ улучшенныхъ нравовъ и равнороднаго образованія*) *обращенія съ женщинами*.

Въ этомъ отношеніи народный духъ и народные нравы въ Аѳинахъ значительно ухудшились. Въ геройское время благородныя женщины—какъ это можно видѣть изъ гомеровыхъ поэмъ—Пенелопа, Андромаха, Елена, имѣютъ свободный доступъ въ общество мущинъ своего званія; Навзикая ѣдетъ одна съ своими подругами на морской берегъ; юноши и дѣвушки танцуютъ вмѣстѣ въ хороводахъ, а Пенелопа правитъ домомъ въ отсутствіе своего мужа.

Далеко не такъ относились къ женщинамъ аѳиняне. Комедіи этого времени полны необузданнаго и грубаго остроумія, направленнаго противъ жещинъ. Философы доказываютъ, что женщина отъ природы мало склонна къ добродѣтели,—а въ трагедіяхъ Еврипида встрѣчается очень часто самая горькая брань на женщинъ, 10,000 которыхъ, по его словамъ, не стоятъ одного мужчины. Согласно обычаю, женщины должны были сидѣть всегда дома,—а тѣ изъ нихъ, которыя желали пользоваться большею свободою, должны были платиться за это репутаціей и уваженіемъ къ себѣ общества.

Главная причина этого ухудшенія происходитъ конечно отъ вліянія рабства, которое было казнію древняго міра не въ одномъ этомъ отношеніи. Гдѣ права не принимаются въ уваженіе касательно одного пункта, тамъ очень скоро станутъ презирать ихъ и касательно всѣхъ другихъ. Свободный человѣкъ, привыкшій чувствовать себя неограниченнымъ господиномъ относительно множества рабовъ, будетъ чувствовать также и всю безконечность своего превосходства надъ слабымъ поломъ. Съ другой стороны, это повліяло и на женщинъ, которыя должны были упасть нравственно, такъ какъ мущины въ сущности нисколько не уважали ихъ и отказывали имъ въ высшемъ образованіи.

Школъ для нихъ не было; это было счастье, если онѣ кромѣ пряжи и тканья могли кое-какъ выучиться читать и писать. Такимъ образомъ достигали онѣ до дѣвическаго возраста, какъ бы погребенныя въ «Парѳенонѣ». Мѣста, гдѣ получали образованіе мужчины, гимназіи, театры, общественныя зрѣлища были для нихъ закрыты или мало доступны. Изъ дома онѣ выходили рѣдко, развѣ только во время празднованія Панаѳей, гдѣ онѣ составляли часть торжественной процессіи, въ лицѣ которой богиню—покровительницу города—привѣтствовалъ весь народъ, и также можетъ-быть рѣдко-рѣдко приходилось имъ видѣть мужское общество на свадьбахъ въ собственномъ домѣ, или провожая, вмѣстѣ съ другими, родственницу или подругу до порога брачной комнаты, или же идя за погребальными носилками отца или брата. Не легко было постороннему мужчинѣ переступить черезъ порогъ жилища въ отсутствіе его господина, не говоря уже о женской комнатѣ; даже когда глава дома приводилъ къ себѣ обѣдать общество друзей, мать и дочери показывались очень рѣдко, почти никогда. Такимъ образомъ достигали онѣ мало по малу такого возраста, когда вступаютъ въ бракъ. Тогда отецъ выбиралъ дочери изъ семейныхъ или какихъ-нибудь другихъ видовъ «трудно припасаемую»—по выраженію одного поэта—«собственность»—мужа; о сердечной склонности тутъ почти никогда не было и рѣчи; это было счастье, если она возникала мало по малу послѣ брака вслѣдствіе совмѣстной жизни. Отецъ назначалъ приданое, а потомъ происходила торжественная помолвка; приносили жертву бо-

гамъ-покровителямъ дома, Зевсу, Герѣ, и такимъ образомъ приближался день свадьбы. Тогда приносили воды изъ ключа Каллироя, купали въ ней невѣсту, наряжали ее; затѣмъ слѣдовала опять жертва богамъ и пирушка, причемъ невѣста являлась подъ покрываломъ, а также присутствовали и другія женщины и дѣвушки. Къ вечеру, запряженная быками или мулами колесница останавливалась передъ домомъ, украшеннымъ гирляндами изъ зелени. Тогда мать невѣсты зажигала брачный факелъ; невѣста сходила съ колесницы, и не снимая покрывала, занимала мѣсто между женихомъ и его другомъ, Парахосъ; впереди колесницы шла, при звукахъ флейтъ и гимновъ Гименею, процессія факельщиковъ; встрѣчавшіеся по дорогѣ желали невѣстѣ счастья. Праздникъ заключался пѣніемъ брачныхъ пѣсень хоромъ молодыхъ дѣвицъ передъ дверью Ѳаламоса.

Когда тревога свадебнаго дня утихала, передъ молодой новобрачной открывалась однообразная трудовая жизнь, къ которой она не всегда была достаточно приготовлена воспитаніемъ. Она наблюдала въ «женской комнатѣ» за обработкой шерсти, ткала и пряла, надзирала за рабынями, ухаживала за больными и ждала (если желанія счастья, выраженныя ей въ день брака, сбылись) подрастающихъ дѣтей; временами любопытство привлекало ее къ выходящему на улицу окну, откуда впрочемъ она, завидя обращенный на нее взоръ мужчины, сейчасъ же отходила. Когда она—что случалось рѣдко—выходила изъ дома, то за нею всегда шла рабыня. Только женщины низшаго сословія, у которыхъ не было рабынь, принимали вслѣдствіе этого больше участія какъ въ занятіяхъ, такъ и въ удовольствіяхъ мужчинъ. На особыхъ празднествахъ, отправлявшихся исключительно женщинами и доставлявшихъ имъ большое удовольствіе, онѣ вознаграждали себя за лишенія своей скромной жизни; но чѣмъ болѣе былъ образованъ мужчина, тѣмъ менѣе было общаго между имъ и женою, съ которой связывала его не склонность, а долгъ въ отношеніи своего племени, такъ-что истинно сердечныя отношенія завязывались между ними только въ рѣдкихъ случахъ. И какъ мало вознаграждало женщину за этотъ недостатокъ то холодное уваженіе, ограничивавшееся одною внѣшностью, въ которомъ ея мужъ большею частію конечно не отказывалъ матери своихъ дѣтей, долженствовавшей продолжать его родъ. Она не могла препятствовать ему искать того, что онъ не находилъ у ней, въ другихъ связяхъ, допускавшихся обычаемъ,—и разительнымъ доказательствомъ тому, какъ мало уважались мужчиною свободнорожденныя женщины одинаковаго происхожденія съ нимъ, служитъ то, что великій государственный мужъ, Периклъ, именемъ котораго названа эта эпоха, женился на одной изъ прославленныхъ эманципированныхъ женщинъ того времени, на милетской гетерѣ Аспазіи. Она давала ему то, что онъ едвали могъ найти у женщинъ, пользовавшихся уваженіемъ,—возможность совмѣстной духовной жизни. Но онъ говорилъ, что самыя лучшія женщины тѣ, которыя какъ можно меньше даютъ говорить о себѣ, какъ съ хорошей такъ и съ худой стороны,—а между тѣмъ этого-то она и не исполняла. Ея общества искали люди, пользовавшіеся самымъ большимъ значеніемъ, и ея имя было на всѣхъ устахъ. Онъ долженъ былъ вынести, что эта связь, составлявшая счастье его жизни, была забрызгана всевозможною грязью на комической сценѣ, гдѣ раздавались такія рѣзкія и грубыя шутки, что на ней играли одни только мужчины. Послѣ этого нечего удивляться тому, что молодежь мужскаго пола, встрѣчая такъ рѣдко идеальный элементъ въ обществѣ женщинъ и находя его только въ созданныхъ эпосомъ образахъ да героическихъ трагедіяхъ, увлекалась обыкновенною чувственностью. Это было счастье, что эти чувственныя побужденія находили себѣ такой сильный противовѣсъ въ тѣхъ великихъ духовныхъ побужденіяхъ, которыми была наполнена атмосфера тогдашнихъ Аѳинъ и которыя были школою аѳинянина—даже и послѣ того какъ онъ переходилъ изъ возраста юноши въ возрастъ мужа.

Японія и ея жители.

Японская имперія до настоящаго времени была закрыта для всѣхъ христіанъ, а именно съ конца XVI или съ начала XVII столѣтія, когда (вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій со стороны португальскихъ іезуитовъ) въ Японіи возникло страшное гоненіе на христіанъ, во время котораго они гибли тысячами и наконецъ имъ былъ закрытъ доступъ въ японскія владѣнія вмѣстѣ со всѣми вообще иностранцами. Только одни голландцы, принявшіе во время этого гоненія, изъ конкурренціи, сторону японцевъ, пользовались правомъ торговать съ Японіей въ городѣ Нангазаки, на островѣ Кіузіу. Не ранѣе какъ въ 1854 г. удалось сѣверо-американцамъ открыть себѣ доступъ въ Японію, а вслѣдъ за ними получили то же право и многія европейскія государства. Въ 1859 г. прибыло и отплыло 254 европейскихъ и сѣверо-американскихъ корабля съ грузомъ около 98,000 тоннъ *), между тѣмъ какъ въ іюнѣ 1858 г. въ портъ Нангазаки пришли только: одинъ корабль голландскій, да одна китайская джонка. Такимъ образомъ этотъ населенный и богатый дарами природы край вступаетъ въ связь съ европейцами, что обѣщаетъ самыя благодѣтельныя послѣдствія какъ для той, такъ и для другой стороны. Японское посольство, отправленное въ 1862 г. во всѣ государства Европы, обѣщаетъ еще болѣе сближенія съ Европой. Если это сбудется, то Великому Океану придется занять важную роль во всемірномъ сношеніи народовъ—тѣмъ болѣе что въ послѣднее время на его берегахъ произошли и другія важныя событія: прибыльная ловля китовъ, разработка золотоносныхъ рудниковъ Австраліи, Калифорніи и Британской Колумбіи, пріобрѣтенія французовъ и сѣверо-американцевъ въ Полинезіи, присоединеніе Амурскаго края къ Россіи и наконецъ сближеніе европейцевъ съ Китаемъ и Японіей.

Морская держава Японія, при совершенномъ почти отсутствіи военнаго флота, не совсѣмъ удачно прозвана «Азіатской Великобританіей». Она состоитъ изъ 4 большихъ и множества мелкихъ островковъ (всего по счисленію самихъ туземцевъ 3,850 острововъ и островковъ), которые дугообразно простираются отъ 24° до 50° сѣв. широты, заключая въ сложности около 7,500 кв. миль, слѣдовательно немногимъ больше Британскаго

*) Тонна=62 пудамъ.

архипелага. Изъ большихъ острововъ самые южные Кіузіу и Сикокфъ; за ними слѣдуетъ самый большой Нипонъ; сѣвернѣе всѣхъ лежитъ Іессо или Матсмай.

Конституція японской имперіи такъ своеобразна, что для того, чтобы получить надлежащее понятіе о существующихъ тамъ отношеніяхъ между двумя императорами: микадо и сіогуномъ,—необходимо познакомиться съ исторіей этого государства, покрайне мѣрѣ въ главныхъ чертахъ. Достовѣрная исторія Японіи начинается съ *Цинму*, что́ значитъ «божественный завоеватель». Его титулъ «*микадо*» или «почтенный» перешелъ въ наслѣдство и къ его потомкамъ. Микадо были окружены всегда такимъ строгимъ церемоніаломъ, что для того, чтобъ избѣжать его, отказывались очень часто отъ престола въ пользу своихъ сыновей. Это повидимому уменьшило ихъ могущество. Однажды одинъ микадо отказался въ пользу своего трехъ-лѣтняго сына, и правленіе перешло въ руки дѣда малолѣтняго монарха съ материнской стороны. Но регентъ заключилъ прежде-бывшаго императора въ темницу. Вслѣдствіе этого произошла междоусобная война и за плѣннаго императора вступился Іоритомо, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи Японіи. Послѣ многолѣтней войны онъ сдѣлалъ его королемъ, покрайней мѣрѣ по имени, въ то время какъ фактическая власть продолжала оставаться въ его собственныхъ рукахъ. Это было началомъ могущества *сіо уна* или свѣтскаго императора [1]), санъ котораго сдѣлался мало по малу наслѣдственнымъ. Слѣдующіе за тѣмъ сіогуны все болѣе и болѣе ограничивали (посредствомъ церемоніала) власть микадо, пока наконецъ она превратилась въ чисто-духовную. Такимъ образомъ Японія имѣетъ въ настоящее время двухъ государей, которые представляютъ собою двѣ совершенно различныя личности и имѣютъ различныя резиденціи. Оба императора, будучи совершенно различны между собою по происхожденію, значенію и интересамъ, — представляютъ такое видоизмѣненіе монархическаго принципа, какого не встрѣчается ни въ какомъ другомъ государствѣ. Микадо—монархъ (souverain) владѣтель народа и въ тоже время владѣтель лена. Мѣстные историки и европейцы нерѣдко употребляютъ слово «даири» (что́ значитъ въ сущности только «дворъ императора»), вмѣсто титула микадо. Такимъ образомъ они сказали бы, напр., безразлично: это исполнено по волѣ даири или по волѣ императора. Такой обычай употребляется въ придворномъ языкѣ и прочихъ дворовъ. Но настоящій титулъ—микадо. Онъ имѣетъ резиденцію въ Міакко на островѣ Нипонѣ и слыветъ отраслью боговъ, точно такъ же какъ и все его потомство, вслѣдствіе чего его особа считается священною. Его всегда носятъ, для того чтобы ступая по землѣ онъ не осквернился; онъ никогда не показывается публично; волосы, бороду и ногти стригутъ у него не иначе, какъ во время сна, такъ чтобы на все это можно было смотрѣть какъ на украденное у императора и такимъ образомъ не осквернить его. Кушанье для него всегда варятъ въ новыхъ горшкахъ, а употребленную имъ посуду сейчасъ же уничтожаютъ. Придворный штатъ микадо состоитъ изъ 12 членовъ семейства, издержки на содержаніе которыхъ должны въ сущности покрываться изъ доходовъ императора, но такъ какъ этихъ послѣднихъ недостаетъ, то придворные бываютъ вынуждены прибѣгать къ другимъ отраслямъ труда, напр. къ плетенію различныхъ вещей изъ соломы, и т. п. Одинъ изъ главныхъ источниковъ пріобрѣтенія микадо состоитъ въ томъ, что онъ можетъ раздавать за громадныя суммы титулы и званія. Микадо имѣетъ то преимущество, что можетъ взять себѣ 12 женъ, что́ онъ обыкновенно и дѣлаетъ; при его дворѣ занимаются всевозможными вещами: пишутъ стихи, сочиняютъ книги, упражняются въ музыкѣ, играютъ въ мячъ, устроиваютъ скачки, и т. п. Послѣ смерти микадо его совѣтъ назначетъ ему преемника, не обращая при этомъ вниманія на возрастъ. *Сіогунъ*—правитель микадо, къ которому онъ долженъ являться ежегодно на поклонъ и при томъ со всевозможною торжественностью; онъ точно такъ же ограниченъ церемоніаломъ, какъ и микадо и долженъ точно такъ же оставаться въ своемъ іедскомъ дворцѣ, исключая только времени путешествія въ Міакко. Изъ всей обширной территоріи имперіи сіогуну принадлежитъ только нѣсколько коронныхъ имѣній, всѣ остальныя земли государства составляютъ наслѣдственныя владѣнія «дайміосовъ», потомственныхъ князей. Сіогунъ распоряжается государственными доходами и арміей, и считается главнокомандующимъ. Сіогуну помогаетъ государственный совѣтъ, состоящій изъ 13 членовъ, въ числѣ которыхъ 5 избираются изъ владѣтельныхъ князей, а 8 изъ потомственныхъ дворянъ. Одинъ изъ нихъ, исполняетъ должность президента—и онъ-то въ сущности и пользуется императорскою властью. Онъ можетъ быть названъ намѣстникомъ императора, потому-что рѣшаетъ всѣ важныя дѣла, раздаетъ мѣста, приговариваетъ къ смерти, владѣетъ правомъ помилованія и принимаетъ донесенія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Государственный совѣтъ имѣетъ также право свергнуть сіогуна съ престола. Всѣ важнѣйшія рѣшенія подвергаются его обсужденію, и онъ соглашается съ ними въ большей части случаевъ. Но если онъ, по какимъ либо причинамъ, отказываетъ въ своемъ согласіи, въ такомъ случаѣ собираютъ верховный судъ изъ ближайшихъ родственниковъ императора; въ судѣ же иногда принимаетъ участіе и наслѣдникъ престола. Рѣшеніе этого суда безвозвратно. Если оно оказывается противъ сіогуна, то этотъ послѣдній долженъ отказаться отъ престола; въ противномъ случаѣ, совѣтники, наиболѣе способствовавшіе этому рѣшенію, должны распороть себѣ животъ. Этотъ обычай произошелъ отчасти изъ тѣхъ суровыхъ послѣдствій, которые влечетъ за собою въ Японіи смертная казнь, частію же изъ высокаго чувства чести японцевъ. Все семейство преступника покрывается позоромъ и имѣніе его конфискуется, тогда какъ при подобномъ самоубійствѣ дѣло ограничивается одною только смертной казнью. Проступившійся чиновникъ собираетъ въ такомъ случаѣ вокругъ себя все свое семейство, чтобы проститься съ нимъ, и распарываетъ себѣ животъ, между тѣмъ какъ его оруженосецъ перерѣзываетъ ему, въ тоже самое время, горло. Вслѣдствіе этого его преступленіе считается какъ бы искупленнымъ, а его память уважается, какъ память мужественнаго человѣка.

Для завѣдыванія дѣлами управленія учреждены 8 высшихъ присутственныхъ мѣстъ, которыя подлежатъ вѣдомству императорскаго намѣстника и дѣлятся на нѣсколько отдѣльныхъ отраслей управленія. Владѣтельные князья (дайміосы) пользуются широкой независимостью и получаютъ вообще съ своихъ земель значительные доходы. Такимъ образомъ напримѣръ фамилія князей Ксіу получаетъ съ своихъ патримоніальныхъ владѣній ежегодный доходъ, равняющійся суммѣ 8,880,000

[1]) Съ 1854 года сіогуны приняли титулъ тайкуновъ.

франковъ; князь Аки—доходъ въ 6,976,000 франковъ; князь Ксіу — 5,904,000 франковъ; князь Бидценъ — 4,960,000 франковъ. Княжества въ свою очередь распадаются на менѣе значительныя вассальныя владѣнія. Первоначально Японія была раздѣлена на 68 княжествъ; но мало по малу она раздробилась до такой степени, что въ настоящее время считается до 604 такихъ, которыя имѣютъ особенное управленіе, включая сюда же императорскія провинціи и города. Могущество этихъ князей искони повидимому безпокоило сіогуновъ, какъ обнаруживается изъ слѣдующихъ мѣръ, клонящихся къ ослабленію этого могущества. Князьямъ поставлено въ обязанность проживать половину года въ Іеддо, гдѣ ихъ семейства живутъ постоянно въ видѣ заложниковъ. Кромѣ того они могутъ оставлять свои дворцы не иначе какъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей и постоянно окружены шпіонами, посылающими въ Іеддо отчеты даже о самыхъ ничтожныхъ дѣйствіяхъ съ ихъ стороны. Владѣльцы двухъ сосѣднихъ княжествъ не должны быть въ одно и то же время въ своихъ владѣніяхъ. Правительство употребляетъ всевозможныя мѣры, для того чтобъ уменьшить ихъ казну. Содержаніе войска, извѣстное число котораго долженъ выставить каждый князь, представляетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ къ тому случаевъ. Отъ времени до времени сіогунъ посылаетъ имъ какой - нибудь ничтожный подарокъ, на который они должны отвѣчать подарками громадной цѣнности. Бѣлая хохлатая цапля, подаренная сіогуномъ, требуетъ со стороны получившаго ее почти половину состоянія. Принимая въ разсчетъ всѣ эти постановленія, японская правительственная система можетъ-быть опредѣлена слѣдующимъ образомъ. Отличительная черта японской конституціи — феодализмъ, отражающійся и на всемъ государственномъ бытѣ. У Японіи есть императоръ по наслѣдственному праву, который впрочемъ не пользуется никакою дѣйствительною властью, а только окружается извѣстнымъ церемоніаломъ. Вмѣстѣ съ этимъ у нея есть другой, тоже по праву наслѣдственности, съ атрибутами власти, который (сравнительно съ первымъ) владѣетъ государствомъ больше *de facto*, чѣмъ *de jure*. Но и его власть ограничена совѣтомъ князей, которые, въ свою очередь, очень ограничены. Вслѣдствіе всего этого правительственный механизмъ чрезвычайно сложенъ—и покоится на такихъ основаніяхъ, которыя оставались неприкосновенными потому только, что государство было во время продолжительнаго мира замкнуто отъ вліянія извнѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Европа и прочія заключающія договоры державы стали имѣть дѣло исключительно съ сіогуномъ, его могущество очень усилилось. Но это не согласуется съ выгодами дайоміосовъ, вслѣдствіе чего они стараются воскресить призракъ микадо, и кто изъ нихъ одержитъ побѣду — рѣшитъ будущее. До сихъ поръ шансы были противъ сіогуна, такъ какъ его могущество очень сильно поколеблено безпорядками 1862 и 1863 годахъ и ревностными усиліями даиміосовъ.

Оставляя до другаго раза описаніе другихъ сторонъ японскаго быта, мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на два рисунка, приложенные къ этому нумеру «Нивы» — на изображеніе японскаго моста въ Іеддо и японскаго обѣда. Вотъ какъ описываетъ этотъ мостъ Эме Гумберъ, бывшій французскій посланникъ при японскомъ дворѣ, который провелъ нѣсколько лѣтъ въ Японіи, именно въ то время, когда она только-что начала растворять для Европы свои врата замкнутыя въ теченіи вѣковъ.

«Самый живописный видъ на Іеддо открывается съ дугообразнаго моста, который находится на высшей точкѣ Ниппонъ-Басси.

По направленію къ югу, на горизонтѣ рисуется бѣлая пирамида Фузи-Яма; по правую руку возвышаются надъ городомъ террасы, парки, четвероугольныя башни тайкунской резиденціи, и, по тому же направленію, берега Ниппонъ-Басси, вплоть до соединенія его со рвомъ, окружающимъ замокъ, застроенные зданіями, гдѣ находятся склады шелка, хлопка, риса и саки [2]). По лѣвую сторону, за рыбнымъ рынкомъ, тянутся на необозримое пространство улицы и каналы, примыкающіе къ О-Гавѣ. Сотни длинныхъ барокъ, нагруженныхъ дровами, углемъ, бамбуковыми палками, цыновками, корзинами, ящиками, боченками и огромными рыбами, скользятъ туда и сюда по всѣмъ направленіямъ воднаго пространства, тогда какъ улицы исключительно предоставляются пѣшеходамъ. Изрѣдка только, среди идущей толпы, попадаются лошади, тяжело навьюченныя, или телѣжки, на которыхъ искусно уложены въ нѣсколько этажей тюки съ товарами. Тѣлежки эти, о двухъ колесахъ, везутся обыкновенно куліями [3]); другаго экипажнаго шума совсѣмъ не слыхать. Звучные удары деревянныхъ башмаковъ о тротуары и мосты, звонъ бубенчиковъ на лошадяхъ, бряцанье колокольчиковъ въ рукахъ сборщиковъ милостыни, мѣрные крики куліевъ и смѣшанный шумъ, доносящійся изъ каналовъ, все это вмѣстѣ составляетъ странную гармонію, совершенно особеннаго рода, исключительно принадлежащую городу; всякій большой городъ имѣетъ особый, свойственный ему одному шумъ. Въ Лондонѣ преобладаетъ глухой шумъ прилива; въ Іеддо — ропотъ волны, то прибывающій, то замирающій. Какъ волна слѣдуетъ непрерывно одна за другою, такъ нынѣшнее поколѣніе японцевъ повидимому исчезаетъ, унося съ собою самое драгоцѣнное наслѣдіе, завѣщанное имъ предками: древнія вѣрованія, обычаи, оружіе, законы, — все это скоро сдѣлается отдаленнымъ воспоминаніемъ для новаго японскаго общества, которое въ настоящее время образуется подъ вліяніемъ цивилизаціи западныхъ народовъ».

Касательно обыкновенной пищи японцевъ, Эли Гумберъ разсказываетъ слѣдующее:

«Лѣтомъ около полудня улицы Іеддо пустѣютъ, берега каналовъ загромождаются пустыми судами, причаленными къ рифамъ, обнаженнымъ во время отлива; ни малѣйшаго звука или шума не слышно въ большомъ городѣ. Если и встрѣчается кое-гдѣ путешественникъ или странникъ, поспѣшающій къ своей полуденной стоянкѣ, то онъ идетъ молча, съ опущенною головою и полузакрытыми глазами отъ усталости пройденнаго пути. Между тѣмъ яркій солнечный свѣтъ яснѣе обрисовываетъ контуры густыхъ тѣней, падающихъ съ широкихъ крышъ на каменныя плиты тротуаровъ, или отбрасываемыхъ столѣтними деревьями на дорожки священныхъ рощицъ и на зеленый дернъ, украшающій мѣста для прогулокъ.

Людъ, работающій на улицахъ и на каналахъ, разбрелся по трактирамъ или домамъ, чтобы пообѣдать и потомъ отдохнуть.

Переходя изъ улицы въ улицу и стараясь идти по тѣнистой сторонѣ тротуаровъ, любознательный путникъ можетъ видѣть, худо-скрываемую полураздвинутыми став-

[2]) Опьяняющій напитокъ изъ перебродившаго риса.
[3]) Кули — носильщики.

нями домовъ японской буржуазіи, картину ихъ семейнаго быта, которая представляетъ живописную группу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, собравшихся вокругъ своей скромной трапезы.

Скатерть изъ плетеной соломы накладывается на цыновки пола; въ центрѣ помѣщается большая чаша изъ лакированнаго дерева, заключающая въ себѣ рисъ, составляющій главную пищу всѣхъ сословій японскаго общества. Лучшій способъ приготовленія риса состоитъ въ томъ, что его насыпаютъ въ небольшой деревянный боченокъ и опускаютъ на нѣсколько времени въ кипятокъ. Каждый участвующій въ обѣдѣ беретъ изъ общей чаши свою порцію, накладываетъ ее верхомъ въ фарфоровую чашку и ѣстъ рисъ, поднося его ко рту безъ помощи деревянныхъ палочекъ, замѣняющихъ вилки и входящихъ въ дѣло только при послѣднихъ глоткахъ, или когда хотятъ прибавить къ этой растительной пищи нѣсколько кусочковъ рыбы, крабба или дичи, которые стоятъ тутъ же на лаковыхъ подносахъ, предназначенныхъ для продуктовъ растительнаго царства.

Эти кушанья приправляютъ морскою солью, индѣйскимъ перцемъ и соей, соусомъ весьма острымъ на вкусъ, который добываютъ изъ черныхъ бобовъ, подвергая ихъ броженію. Къ этому списку кушаньевъ японскаго мѣщанскаго обѣда нужно еще прибавить свѣжія или лежавшія яица въ жидкомъ и твердомъ видѣ, вареныя овощи, какъ наприм. рѣпа, морковь, сладкія земляныя груши, винегретъ изъ молодыхъ отпрысковъ бамбука и салатъ изъ луковицъ латука. Чай и саки— непремѣнная принадлежность всякаго обѣда; ихъ обыкновенно пьютъ горячими и не прибавляя ничего, даже сахару.

Чайники съ этими напитками ставятъ на небольшую жаровню, въ родѣ тѣхъ, которыя употребляются для табаку, угольевъ, трубокъ и другихъ принадлежностей куренья.

Когда мнѣ случалось наблюдать японцевъ, употреблявшихъ въ дѣло множество чашекъ, блюдечекъ, лаковыхъ подносиковъ, вазочекъ, фарфоровыхъ флакончиковъ, чайниковъ изъ пористой глины, и любоваться граціозными движеніями ихъ рукъ, большею частью весьма тонкихъ и нѣжныхъ, мнѣ всегда приходило въ голову, что я нахожусь въ обществѣ большихъ дѣтей, играющихъ въ маленькое хозяйство и употребляющихъ пищу болѣе для забавы, чѣмъ для утоленія аппетита».

Внутреннее обозрѣніе.

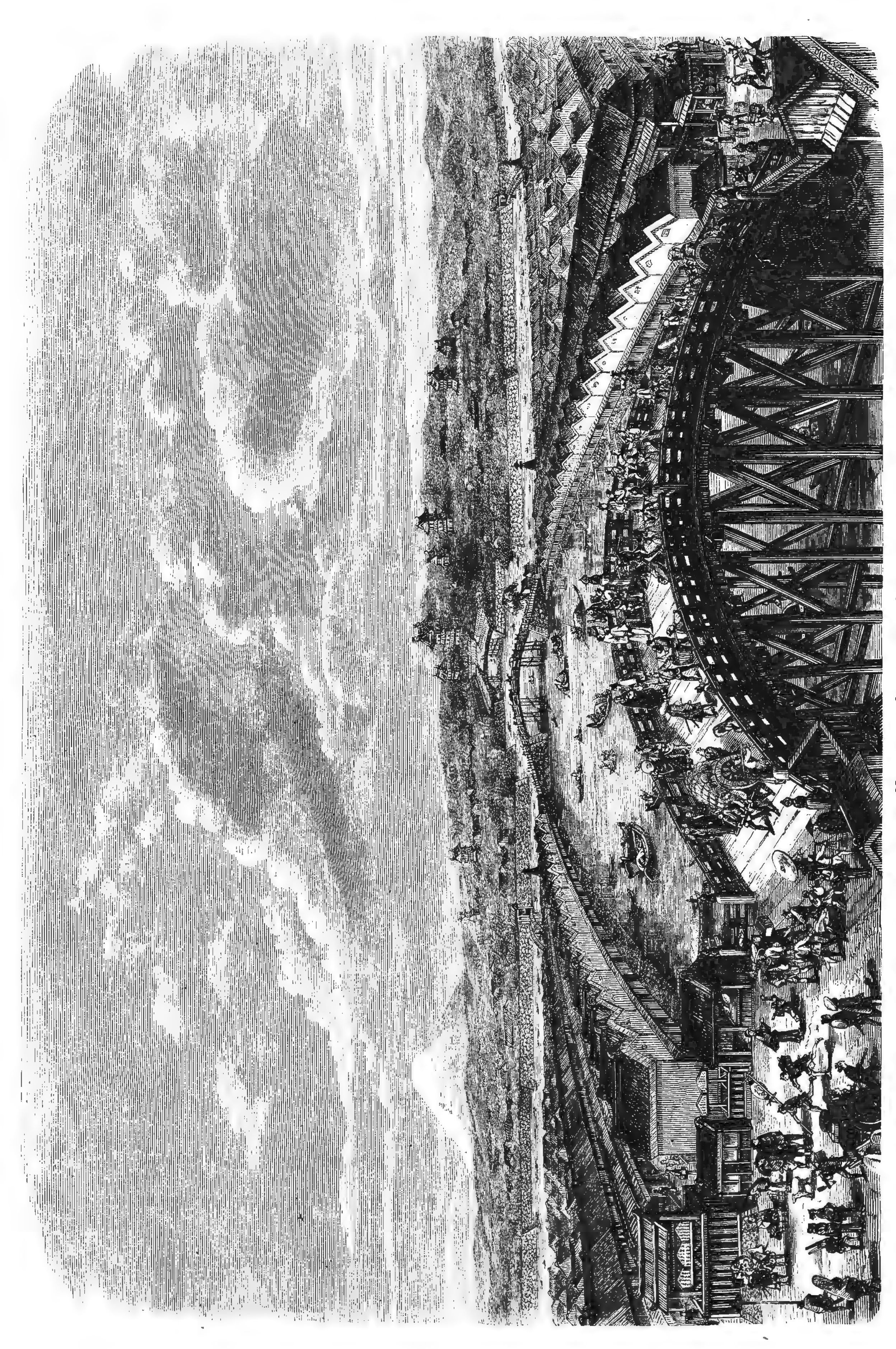
Предпринятая правительствомъ податная реформа составляетъ естественное продолженіе цѣлаго ряда реформъ, произведенныхъ у насъ съ 1861 года. По признанію самого правительства, она вызвана неуравнительностью существующихъ сборовъ между плательщиками, разными стѣсненіями, которымъ подвергается личный трудъ плательщика, и неудобствомъ взысканія недоимокъ, отчего страдаетъ государственная казна. Для устраненія всѣхъ этихъ невыгодъ, образована была при министерствѣ финансовъ особая коммиссія, на которую возложили составленіе проекта податной реформы, и за тѣмъ этотъ проектъ передали на обсужденіе земства; при чемъ разъяснялось, что ни одно изъ основныхъ началъ проекта не предрѣшено правительствомъ. Для того же, чтобы податной вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ какъ можно обстоятельнѣе, губернскимъ управамъ вмѣнялось въ обязанность озаботиться собраніемъ всѣхъ свѣденій, необходимыхъ для подробнаго ознакомленія съ настоящимъ вопросомъ. По полученіи означеннаго проекта, губернскія управы обратились за свѣденіями въ уѣздныя земскія управы, изъ которыхъ нѣкоторыя, не удовольствовавшись доставкою этихъ свѣденій, представили кромѣ того свои мнѣнія и соображенія насчетъ предпринятой реформы.

Обозрѣвая дѣятельность губернскихъ земскихъ собраній по этому вопросу, мы видимъ, что многія изъ нихъ возложили трудъ разсмотрѣнія правительственнаго проекта на особыя коммиссіи, составленныя, какъ надо полагать, изъ наиболѣе опытныхъ членовъ земства, съ тѣмъ чтобы доклады этихъ коммиссій представлены были на разсмотрѣніе губернскихъ земскихъ собраній въ ихъ общемъ составѣ. Неизвѣстно еще, къ какимъ выводамъ придетъ въ этомъ дѣлѣ большинство земскихъ собраній; но, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ о взглядахъ земскихъ коммиссій на затронутый вопросъ, можно до извѣстной степени составить себѣ понятіе и о томъ, какъ отзовутся на него сами земскія собранія.

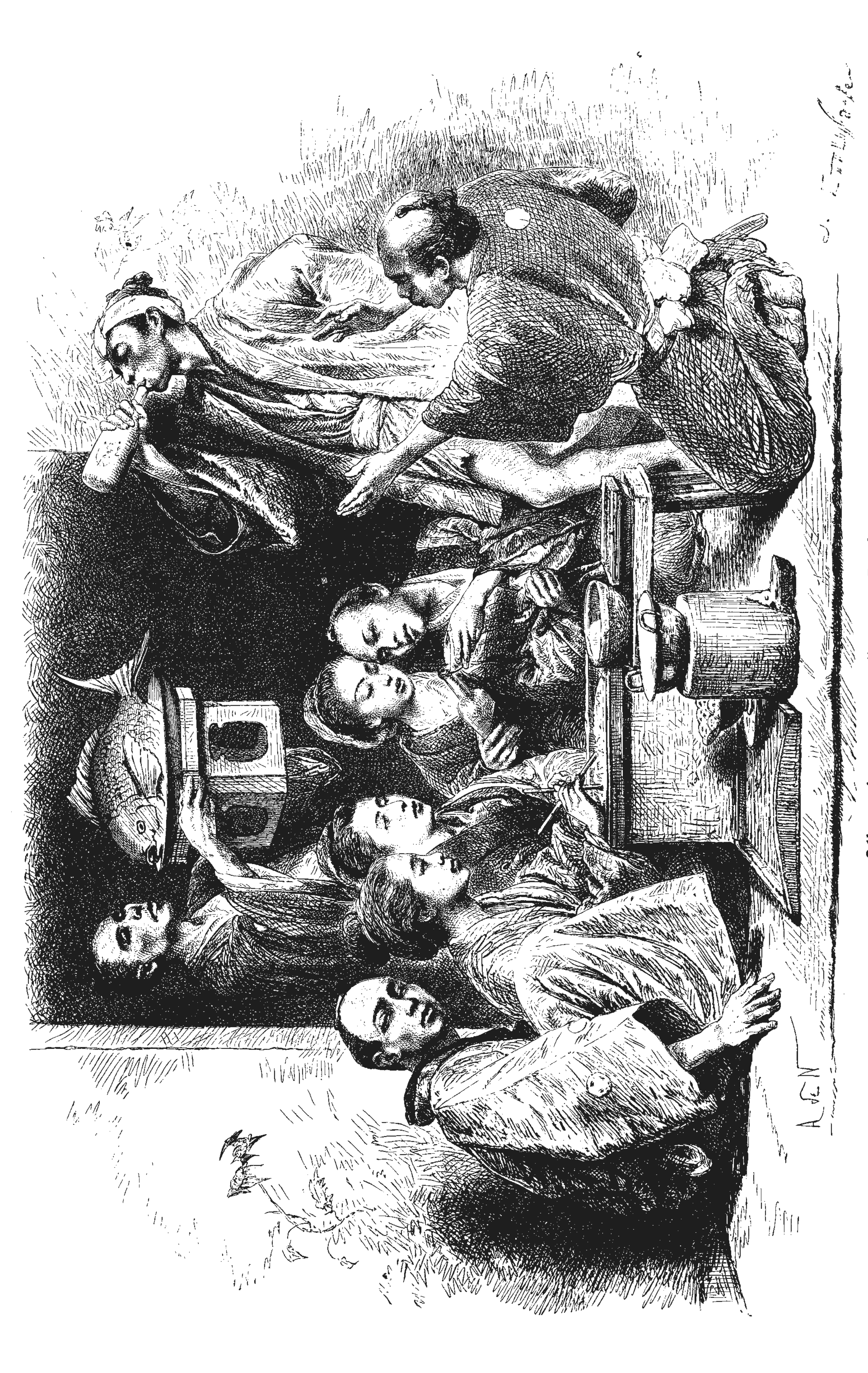
Сущность проекта правительственной коммиссіи состоитъ въ замѣнѣ существующаго подушнаго налога— налогомъ на дворы и земли. Находя подушную подать несоотвѣтствующею требованіямъ правильно организованной податной системы, коммиссія рекомендуетъ земли и дворы какъ такой предметъ обложенія, который «имѣетъ вещественное основаніе», а потому скорѣе можетъ привести къ желаемой уравнительности налога между плательщиками. По ея мнѣнію, на землю, ввиду и безъ того уже значительнаго обложенія этого предмета, слѣдуетъ перевести лишь часть подушныхъ сборовъ, именно государственную подушную подать, а остальную часть, т. е. государственный земскій сборъ,— перевести на дворы. Слѣдовательно, по проекту коммиссіи, болѣе 3/4 всѣхъ подушныхъ сборовъ переносятся на земли, а остальная 1/4 на дворы, на усадьбу со всѣми жилыми и нежилыми строеніями, съ огородомъ и проч.

Обсуждая эти основанія проекта, земскія коммиссіи приходятъ нѣсколько къ инымъ выводамъ. Изъ Ярославской, напримѣръ, губерніи доходитъ слухъ, что взглядъ тамошней земской податной коммиссіи заключается въ томъ, что, по ея мнѣнію, замѣна подушной подати подворнымъ и поземельнымъ сборомъ только тогда достигнетъ благой цѣли, когда съ введеніемъ ея уменьшатся тяготы того сословія, которое до сихъ поръ несло эту подать, и когда эти налоги потеряютъ свой сословный характеръ. Имѣя ввиду и безъ того уже значительное обремененіе крестьянской земли разными сборами, Ярославская коммиссія, по словамъ корреспондента «Биржев. Вѣдомостей», предлагаетъ перевести на землю лишь меньшую часть нынѣшнихъ подушныхъ сборовъ, т. е. государственный земскій сборъ, взимаемый обыкновенно на мѣстныя потребности; государственную же подушную подать отнести на дворы, привлекая къ этому налогу всѣ хозяйства безъ исключенія, но безотносительно къ количеству ихъ рабочихъ силъ. А такъ-какъ, безъ уменьшенія этого сбора нельзя достигнуть облегченія для плательщиковъ, то для пополненія его коммиссія считаетъ справедливымъ привлечь къ участію въ налогѣ процентныя бумаги, капиталы, акціи и проч.

Другой голосъ изъ земства доходитъ къ намъ изъ Калужской губерніи. Г. Кавелинъ помѣстилъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» весьма обстоятельную статью о томъ-же самомъ вопросѣ, въ которой проводитъ ту мысль, что предметы обложенія, избранные податною коммиссіею взамѣнъ подушныхъ сборовъ, не могутъ привести къ желаемой уравнительности налога, такъ-какъ новый налогъ на землю немыслимъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго ея отягощенія разными другими сборами, а подворный налогъ—по неопредѣленности и неспра-

Мостъ въ Іеддо (Японія).

Обѣдъ мѣщанскаго семейства въ Японіи.

ведливости подобнаго сбора. Въ подкрѣпленіе перваго своего положенія онъ приводитъ разсчетъ, сколько вообще падаетъ налоговъ на одну десятину средняго душеваго надѣла, по которому оказывается ихъ около 4 р. сер., т. е. 38% съ каждаго доходнаго рубля! Второй выводъ свой онъ основываетъ на томъ, что крестьянскій дворъ есть «необходимое и, какъ видно, крайне скудное условіе существованія семьи» и ни въ какомъ случаѣ «не можетъ служить мѣриломъ поземельнаго владѣнія», а слѣдовательно не можетъ быть мѣриломъ никакого налога, имѣющаго въ виду уравнительность. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, авторъ рѣшительно высказывается противъ предлагаемыхъ коммиссіею основаній податной реформы и находитъ, что они только видоизмѣняютъ существующую подать, оставляя ее по прежнему на личномъ трудѣ работника.

Въ чрезвычайную сессію Петербургскаго губернскаго земскаго собранія, въ засѣданіи 13 мая настоящаго года, былъ представленъ докладъ губернской управы по тому же вопросу. Управа высказалась противъ задуманнаго переложенія подушныхъ сборовъ на земли и дворы, находя, что земля въ уѣздахъ Петербургской губерніи несетъ уже и безъ того значительный налогъ, который составляетъ около 7% нормальной *цѣнности* крестьянской земли, слѣдовательно, около 25% ея доходности; что дворы крестьянскіе составляютъ скорѣе предметъ расхода, нежели признакъ достатка», а потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить предметомъ обложенія. Для того же, чтобы на самомъ дѣлѣ облегчить сословія, которыя до сихъ поръ отбывали подушный налогъ, Петербургская земская управа, взамѣнъ проектированнаго переложенія подушныхъ сборовъ на дворы и земли, отмѣнивъ совершенно государственную подушную подать, государственный земскій сборъ и общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ,—предлагаетъ ввести *личный налогъ* для всѣхъ сословій, съ нѣкоторыми исключеніями для лицъ, не могущихъ отбывать его. Этотъ налогъ долженъ быть взимаемъ съ годоваго заработка плательщика, и не иначе какъ съ дохода, получаемаго исключительно отъ личнаго труда. Доходъ же съ капиталовъ, промышленныхъ, торговыхъ и сельскохозяйственныхъ заведеній налогу не подлежитъ: лица, его получающія, «облагаются на основаніи предполагаемаго заработка, который они могли бы получать личнымъ трудомъ, при чемъ принимается въ соображеніе положеніе ихъ въ обществѣ, ихъ возрастъ и степень ихъ образованія». (Признаемся, этотъ пунктъ намъ кажется страннымъ во многихъ отношеніяхъ). Составленіе податныхъ списковъ, съ показаніемъ въ нихъ ежегодныхъ заработковъ плательщиковъ, поручается общественнымъ управленіямъ подъ общимъ контролемъ «всесословныхъ волостей», устройство которыхъ проектируетъ губернская управа.

Въ засѣданіи Петербургскаго губернскаго земскаго собранія 14 мая обсуждался этотъ докладъ губернской управы. Больше всего преній возбудило то мѣсто его, гдѣ отъ участія въ налогѣ устранется доходъ съ капиталовъ и промышленныхъ заведеній, а взамѣнъ его предлагается взимать налогъ съ *предполагаемаго* заработка личнымъ трудомъ. Гласными: Шмитомъ, барономъ Ю. Корфомъ, княземъ Суворовымъ и другими, споръ былъ перенесенъ къ вопросу о преимуществахъ подоходнаго налога передъ налогомъ на личный трудъ, причемъ, какъ главный доводъ, приводили то, что налогъ на личный трудъ никогда не можетъ обезпечить той уравнительности въ несеніи сборовъ и повинностей, какую представляетъ налогъ подоходный; что если нелегко уловить цифру дохода, получаемаго плательщикомъ съ того или другаго имущества, то еще труднѣе вывести сумму его годоваго заработка, который, наконецъ, можетъ измѣняться гораздо скорѣе чѣмъ болѣе или менѣе постоянный доходъ съ имущества. По возбужденіи вопроса о томъ, какому же роду налога собраніе отдаетъ преимущество: подоходному или личному,—большинство гласныхъ высказалось за налогъ съ дохода всѣхъ безъ исключенія собственниковъ. За личный налогъ стояли только губернская управа и два или три гласныхъ. Остальные были на сторонѣ подоходнаго налога.

О томъ, къ какимъ результатамъ придутъ въ этомъ вопросѣ земскія собранія другихъ губерній — мы не замедлимъ сообщить въ свое время.

Нынѣшняя весна удивляетъ всѣхъ своимъ непостоянствомъ. Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на продолжительное ненастье, дожди и даже градъ, которымъ попорчены садовыя и полевыя растенія на югѣ Россіи. Частію отъ сырой, дождливой весны, частію же отъ многоснѣжной зимы, и разливъ рѣкъ въ нынѣшнемъ году значительнѣе обыкновеннаго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣло не обошлось даже безъ настоящаго наводненія. Въ гор. Весьегонскѣ, напримѣръ, вода, выступивъ изъ береговъ рѣки Мологи, затопила нѣсколько улицъ и площадь, такъ-что пятая часть города была залита водою. Не меньшій разливъ былъ и въ другихъ мѣстахъ Тверской губерніи. Волга разлилась въ настоящую весну то-же не на шутку. Подобныхъ водъ, пишетъ корреспондентъ «Бирж. Вѣдомостей», уже давно не запомнятъ ярославцы. Вода подходитъ ко второму этажу большихъ каменныхъ домовъ, и жители деревень сообщаются между собой на лодкахъ. Многіе перебрались подъ крыши и дожидаютъ тамъ, пока спадетъ вода. Разливъ рѣкъ: Днѣпра, Буга, Днѣстра, Камы и другихъ также былъ значителенъ. На многихъ желѣзныхъ дорогахъ подмыты насыпи и разрушены мосты. Въ Петербургѣ теплые солнечные дни стали совершенною рѣдкостью, такъ-что нѣкоторые изъ пессимистовъ отчаяваются за лѣто. Ледоходъ по Невѣ продолжался въ нынѣшнемъ году неслыханно-долгое время; льду до сихъ поръ еще много въ Финскомъ заливѣ, въ особенности у береговъ Эстляндіи, именно у Ревельскаго порта. Это послѣднее обстоятельство значительно препятствуетъ навигаціи, которая теперь должна бы быть уже въ полномъ разгарѣ. Москвичи до 18 мая не видали ни одного теплаго весенняго дня: погода стоитъ самая несносная,—сѣверный вѣтеръ съ дождемъ и градомъ; 17-го мая утромъ тамъ былъ даже морозъ. То же самое, по словамъ нашихъ корреспондентовъ, происходитъ въ Рязанской губерніи и въ Малороссіи.

Понятно, что такая весна не можетъ благопріятствовать ни посѣву, ни другимъ сельскохозяйственнымъ работамъ, въ особенности на мѣстахъ низкихъ, болотистыхъ. Пока только южныя губерніи наши заявляютъ о хорошихъ всходахъ какъ яроваго, такъ и озимаго хлѣба, и слѣдовательно о видахъ на хорошій урожай. Въ центральныхъ же и сѣверозападныхъ губерніяхъ, низменныя мѣста, занятыя весеннею водою, еще не вспаханы—и потому часть яровыхъ хлѣбовъ запоздаетъ посѣвомъ, а слѣдовательно и сборомъ. Другая же часть его рискуетъ быть подмоченною весенними дождями. Совершенно хорошими обѣщаютъ быть одни только травы. Эта же самая погода мѣшаетъ выѣзду столичныхъ жителей на дачи, въ деревни и за-границу: нѣкоторые изъ петербургскихъ и московскихъ дачниковъ, въ виду такого постояннаго ненастья, раскаяваются въ своей поспѣшности и подумываютъ о переѣздѣ обратно въ городъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣны на хлѣбъ стали возвышаться.

Политическое обозрѣніе.

Страшная драма, разыгравшаяся въ Парижѣ, окончена. Послѣ послѣднихъ конвульсій агоніи коммуна пала, начертавъ огненными письменами на страницахъ исторіи послѣдніе дни своей гибели.

Какъ ни безчисленны тѣ примѣры страшныхъ бѣдствій и дикаго озлобленія человѣка на человѣка, которые дошли до насъ, но эти событія превосходятъ все, что мы могли ожидать въ этомъ отношеніи,—потому-что всѣ прежніе ужа-

сы (начиная съ опустошенія городовъ и странъ и кончая истязаніями отдѣльныхъ, взятыхъ въ плѣнъ враговъ) были повидимому навсегда отдѣлены цѣлыми столѣтіями,—и тому, кто являлся передъ нами панегиристомъ добраго стараго времени, мы не безъ справедливаго чувства собственнаго достоинства указывали на то, что костры и пытки въ нашъ вѣкъ даже и немыслимы, и что побѣжденный непріятель находитъ себѣ защиту даже у самаго врага. Одни только дикіе, думали мы, повинуются еще и теперь животной страсти разрушенія; что же касается до тѣхъ несчастныхъ, которые борятся за свое существованіе и за свободу своей земли, то это даже заслуга съ ихъ стороны, если чувство самосохраненія вмѣстѣ съ неразвитостью дѣлаетъ ихъ неразборчивыми на средства вредить врагу.

Теперь намъ, какъ оказывается, приходится краснѣть за самихъ себя. Не то чтобы мы измѣнили свое мнѣніе касательно того, что только одни дикіе могутъ дѣйствовать такимъ образомъ,—но намъ стыдно того, что такіе дикіе находятся въ Европѣ и среди такой націи, которая съ близорукимъ ослѣпленіемъ чванилась титуломъ носительницы цивилизаціи. Что именно могло побудить ее на это опустошеніе? Одна только звѣрская дикость, которая топчетъ ногами все то великое, чтò создано цѣлыми столѣтіями, чтò служило цѣлымъ поколѣніямъ къ тому, чтобы возвышаться надъ пошлостью вседневной жизни и одушевляться на новые труды для блага всего человѣчества.

Опьяненіе минуты заглушаетъ всѣ лучшія чувства. Это уже не гибель, не кровавая месть отдѣльныхъ личностей. Само столичное правительство предаетъ разрушенію историческія зданія, документы, сокровища искусства и науки. Глубокая деморализація, бывающая слѣдствіемъ всякой междоусобной войны, опять выступаетъ наружу; нѣтъ ненависти ненасытнѣе той, которая рождается изъ дружбы.

Старый ветеранъ Тьеръ говорилъ недавно: «Европа смотритъ на насъ!» Дѣйствительно вся Европа смотритъ туда, гдѣ небо объято заревомъ пожара, гдѣ люди, сыны одного и того же народа, извергаютъ другъ на друга потоки горящаго петролеума,—только не съ тѣмъ удивленіемъ, на которое разсчитывало болтливое тщеславіе стараго француза, а съ нескрываемымъ ужасомъ отвращенія. И французы могли еще кричать о «варварствѣ» и «вандализмѣ» нѣмцевъ, которые дѣйствовали съ такою сдержанностью въ подпавшей подъ ихъ власть странѣ и щадили ее по мѣрѣ возможности! Съ французами соглашались до извѣстной степени и представители нѣкоторыхъ націй, говоря, что войну вести можно, но только такъ, чтобъ не причинять особеннаго ущерба непріятелю.

Теперь французы сами осудили себя. Если то, что ставили въ упрекъ нѣмцамъ, вандализмъ и варварство, то для наименованія дѣйствій собственныхъ сыновъ Франціи нѣтъ словъ ни въ какомъ языкѣ. Эти рѣшетки, передъ которыми должны были пройти нѣмцы даже не взглянувъ на скрывавшіеся за ними сокровища — французы взорвали посредствомъ петролеума. Рѣдко бываетъ такъ справедлива всемірная исторія, рѣдко раскрываетъ она такъ скоро вопіющую несправедливость человѣческаго приговора. Давно-ли слышались упреки нѣмецкой націи, и вотъ уже поднимаются къ небу пронзительные крики тѣхъ, которымъ приходится бороться на жизнь и на смерть съ разгулявшеюся стихіею и животностью.

Теперь, когда этимъ убійствамъ положенъ конецъ и спокойствіе смерти водворилось въ этихъ развалинахъ, правительству предстоитъ печальная задача: произвести судъ надъ преступниками. Старый Тьеръ, которому были казнію созданныя имъ же самимъ укрѣпленія Парижа, будетъ держать вѣсы правосудія. Всякій честный человѣкъ согласится съ нами, что происшествія въ Парижѣ далеко не походятъ на политическую революцію въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Вопросъ былъ не въ томъ, какой партіи стать во главѣ государства, какой партіи повиноваться. Тутъ дѣло шло о ниспроверженіи коренныхъ основъ общества, того, чтó создано цѣлыми вѣками, созданіе чего приноситъ величайшую честь человѣческому уму. Тутъ льстивое своекорыстіе манило обманутую толпу надеждою пересоздать свѣтъ по своему желанію, какъ будто бы это возможно, какъ будто бы «общежитіе» можетъ быть безъ «общетерпимости».

Что подобное развитіе могло найти себѣ мѣсто въ странѣ—это дѣйствительно можетъ быть поставлено въ величайшую вину прежнему правительству. Главная задача школы состоитъ въ томъ, чтобы воспитать человѣка для общества, для совмѣстной жизни. Главная задача народнаго воспитанія—въ томъ, чтобы обуздать тѣ дикіе инстинкты человѣческой натуры, которые заставляютъ смотрѣть на все только по отношенію къ самому себѣ, думать только о своемъ собственномъ *я*,—потому что безъ этого человѣкъ ничто иное какъ животное. Горе правительству, которое не признаетъ этого, которое думаетъ, что только одни физическія силы могутъ обуздать сопротивляющіеся элементы. На какую бы высоту ни поднялась человѣческая культура, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что высшее образованіе удѣлъ меньшинства и что вслѣдствіе этого физическая сила народа тогда только становится на сторону культуры, когда въ этомъ народѣ живетъ глубокое довѣріе къ тому, что культура и ея успѣхи касаются до всѣхъ и что трудъ образованныхъ сословій клонится главнымъ образомъ къ тому, чтобы улучшить положеніе и участь всѣхъ. Гдѣ общество устроено на здравыхъ началахъ, тамъ эта истина ясна для всѣхъ, такъ-что даже необразованный человѣкъ не станетъ бороться противъ нее, потому-что то, чего не достаетъ ему самому, онъ надѣется осуществить въ своихъ дѣтяхъ или въ дѣтяхъ своихъ дѣтей,—иначе что же это и за любовь, которая недовольствуется этимъ! И вотъ почему они вдвойнѣ опасны эти нигилистическіе фразеры, которые съ самоуслаждающейся оригинальностью учатъ тому, для исполненія чего у нихъ постоянно не хватаетъ силы.

Касательно конца наиболѣе значительныхъ членовъ коммуны, версальскія газеты сообщаютъ слѣдующія подробности: «Делеклюзъ—умеръ. Мильеръ задержанъ въ люксамбургскомъ саду и тутъ же застрѣленъ. Бильоре былъ задержанъ въ ту самую минуту какъ садился въ почтовый экипажъ и сейчасъ же застрѣленъ. Верморель былъ разстрѣлянъ, по словамъ «Journal de Paris» на Монмартрѣ, а по словамъ «Siècle» въ темницѣ. Разона палъ на баррикадѣ; Риго былъ задержанъ въ улицѣ Гай-Люссакъ, отведенъ въ Люксамбургъ, и тамъ разстрѣлянъ. Курбе, по словамъ «Gaulois», отравился, тогда какъ «Journal de Paris» утверждаетъ, что онъ былъ открытъ въ стѣнномъ шкапу въ министерствѣ морскихъ дѣлъ и разстрѣлянъ солдатами. Лео, Мальо, Брене и Гроске, по словамъ «Français» разстрѣляны, точно также какъ Ла-Цецилія, Дюранъ и докторъ Паризель, Лефрансе, Гамбонъ и Амору. Валле и Ферре задержаны еще въ четвергъ и разстрѣляны. Гальяръ — отецъ, знаменитый баррикадистъ, былъ застрѣленъ при переѣздѣ въ Сатори. Домбровскій раненъ и задержанъ пруссаками, а по другимъ извѣстіямъ умеръ въ гошпиталѣ «de la Ribosière» отъ полученной на орнамскомъ бульварѣ раны въ животъ. Вроблевскій пустилъ себѣ пулю въ лобъ, когда увидѣлъ, что не можетъ спастись. Асси, Межи, Ранвье, Кудесъ, Клюзере, Клеманъ, Мальжурналь, Дюрасье, Околовичь и нѣкоторые другіе заключены въ тюрьму. Феликсъ Піа скрылся, повидимому, заблаговременно.

Число разрушенныхъ общественныхъ и частныхъ зданій до сихъ поръ еще не вполнѣ опредѣлено, но, кажется, не такъ велико какъ можно было опасаться, судя по первымъ извѣстіямъ, хотя Тюильри, Лувръ и нѣкоторыя другія зданія дѣйствительно разрушены.

Въ *Австріи*, странѣ вѣчныхъ министерскихъ кризисовъ, ожидавшаяся замѣна министерства *Гогенварта* министерствомъ Шмерлинга, стоящаго, какъ извѣстно, за централизацію, не состоялась вслѣдствіе не благосклоннаго пріема императоромъ адреса парламентовъ, находящихся въ

оппозиціи съ Гогенвартомъ Такимъ образомъ дѣло рѣшено въ пользу *децентрализаціи*, но удастся ли при этомъ чехамъ, славянамъ, полякамъ, и т. п. осуществить свои, какъ извѣстно, далеко простирающіеся требованія,—еще нельзя рѣшить.

Въ Берлинѣ дѣлаютъ приготовленія къ торжественному пріему возвращающихся нѣмецкихъ войскъ. Для вступленія ихъ окончательно назначенъ день 4 (16) іюня, который, судя по приготовленіямъ, обѣщаетъ величественное зрѣлище. Тамъ, гдѣ можно располагать 6.000 завоеванныхъ пушекъ, 400.000 завоеванныхъ ружей, французскими орлами, штандартами, множествомъ митральезъ, и т. п.,—этого, конечно, не трудно достигнуть. Въ этомъ вступленіи, кромѣ прусской гвардіи и части ландвера, будутъ участвовать, посредствомъ депутацій, всѣ вообще нѣмецкія войска: баварскія, виртембергскія, баденскія, саксонскія, и проч. Къ этому дню въ Берлинъ конечно съѣдется множество иностранцевъ, которыхъ придется считать тысячами, такъ что для помѣщенія даже половины ихъ едвали будетъ достаточно всѣхъ берлинскихъ гостинницъ. За окна домовъ, находящихся въ тѣхъ улицахъ, по которымъ будутъ идти войска, теперь уже платятъ сотни рублей.

Итальянскія дѣла все въ томъ же положеніи; тамъ происходятъ все тѣ же, отчасти министерскіе, и отчасти финансовые кризисы. Отношенія папы къ итальянскому правительству самыя недружелюбныя. Перенесеніе столицы въ Римъ, которое должно произойти лѣтомъ, представляетъ сильныя затрудненія касательно помѣщенія переселяющихся туда должностныхъ лицъ; для этого не достаетъ около 40,000 квартиръ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ папа будетъ праздновать, въ качествѣ первосвященника, свой двадцатипятилѣтній юбилей. На папскомъ престолѣ, начиная съ апостола Петра и кончая Піемъ IX, не было еще ни одного папы, который занималъ бы его столько лѣтъ. Предложенную ему итальянскимъ правительствомъ сдѣлку, которою оно гарантировало ему неприкосновенность его особы и годовое содержаніе въ 6 милліоновъ лиръ вмѣстѣ съ разными другими правами, папа отвергнулъ съ презрѣніемъ посредствомъ циркуляра кардинала Антонелли къ великимъ державамъ.

Изъ *Румыніи* пишутъ, что министерство Карталу, основываясь на количествѣ голосовъ, можетъ разсчитывать на поддержку въ новой палатѣ, такъ какъ около 120 депутатовъ стоятъ на сторонѣ правительства, тогда какъ на сторонѣ оппозиціи всего около 40 депутатовъ. Само собою разумѣется, что этихъ чиселъ не слѣдуетъ принимать, что называется, *à la lettre*, такъ какъ въ особенности въ Румыніи партіями управляютъ не принципы, а сословные и личные интересы, вслѣдствіе чего большинство, стоящее за извѣстное правительство, очень скоро можетъ превратиться въ меньшинство. Замѣчательно, что, послѣ послѣднихъ выборовъ, оппозиціи палаты недостаетъ ядра, вокругъ котораго она могла бы сгруппироваться, потому-что большая часть корифеевъ оппозиціи: Иванъ и Дмитрій Братіано, Розетти, Гика, а также и президентъ послѣдней палаты Паклену—не выбраны.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 28 Мая 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. [illegible] д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 7 іюня 1871 года.

Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ. За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Расцвѣтшая пустыня.

Надъ пустыней раскаленной,
Въ знойный полдень, — отъ востока
Поднялась нежданно туча
И раскинулась широко.
Потянуло жгучимъ вѣтромъ,
И песокъ кружится взрытый,
Словно рати схороненной
И въ пустынѣ позабытой
Поднялися легіоны;
Но невидимы ихъ брони,
Только въ шумѣ непогоды
Слышно мчатся чьи-то кони.
Громъ гремитъ призывъ на битву —
Это трубы боевыя,
И въ отвѣтъ имъ отовсюду
Слышны звуки грозовые.
Словно съ небомъ въ часъ полудня,
Сна и зноя сбросивъ цѣпи,
Въ бой вступили, негодуя,
Эти мертвенныя степи.

Что за тишь! гроза промчалась,
Улеглись пески пустыни,
И сіяетъ снова небо
Высотой безмѣрной, синей.
Но гроза свершила чудо:
Цвѣтникомъ могила стала,
Всюду зелень поднялася,
Всюду жизнь затрепетала.
Тамъ — ручей на солнцѣ блещетъ
И струится и рокочетъ,
Словно цвѣтикамъ прибрежнымъ
Разсказать онъ что-то хочетъ.
Въ чащу зелени слетаясь,
Цѣлый день щебечутъ птицы
О красѣ, благоуханьи
Бѣлой лиліи царицы.
Словно храмомъ необъятнымъ,
Для невѣдомой богини,
Стала мощною грозою
Побѣжденная пустыня.

Та̀къ и ты, моя отчизна,
Ты стонала подъ грозою
Чтобъ подняться изъ могилы
Обновленной, молодою.
И тебя враги топтали,

Кровь дѣтей твоихъ лилася,
Но подъ кровью этой нива —
Нива жизни поднялася.
И гроза свершила чудо —
Свѣжій воздухъ всюду вѣетъ,
Побѣжденная пустыня
Не мертва — а зеленѣетъ.
Нѣтъ рабовъ, въ твоихъ предѣлахъ
Воцарилася свобода —
И врагамъ грознѣй ты стала
Силой вольнаго народа.
Подымись еще повыше,
Пусть гроза еще нагрянетъ —
Эта сила передъ нею
Словно щитъ народный встанетъ.

В. Н. Д.

Лунная ночь.

Повѣсть Захера Мазоха.

(переводъ съ нѣмецкаго).

Была свѣтлая теплая августовская ночь. Я спускался съ горы, съ ружьемъ на плечахъ; моя большая чорная англійская собака медленно тащилась за мною, усталая и высунувъ языкъ. Мы сбились съ пути. Нѣсколько разъ я останавливался и осматривался кругомъ себя, ища дороги. Въ такомъ случаѣ собака непремѣнно садилась и устремляла на меня глаза.

Передъ нами лежала холмистая страна, поросшая лѣсомъ. Кругомъ все было тихо. Надъ сине-чорными деревьями стоялъ полный красный мѣсяцъ, бросая яркій свѣтъ на темное небо. Величаво-тихо тянулся бѣлый потокъ звѣздъ съ востока на западъ; въ углубленіи сѣвернаго горизонта стояла большая медвѣдица. Между сосѣдними стволами ивъ поднимался съ маленькаго болота легкій, прозрачный паръ, дрожавшій въ блѣдно-зеленомъ мерцаніи; въ тростникѣ стонала выпь. По мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, становилось все свѣтлѣе да свѣтлѣе. Темныя стѣны лѣса по обѣимъ сторонамъ дороги медленно отступали назадъ, и передъ нами открылась равнина — зеленое мерцающее море, съ бѣлой усадьбой, окруженной высокими тополями и мелькавшей вдали словно плывущій на всѣхъ парусахъ корабль. Отъ времени до времени, вмѣстѣ съ тихимъ потокомъ воздуха, проносившимся между стеблями и листьями, до меня долетали какіе-то чудные звуки. Когда я подошелъ ближе, изъ нихъ развилась дивно-прекрасная мелодія, полная грусти. Это было прекрасное фортепьяно, на которомъ опытная рука художника играла бетговеновскую сонату «лунное сіяніе». Словно израненая больная душа разливалась слезами на клавишахъ. Еще одинъ отчаянный диссонансъ — и инструментъ замолкъ. Я былъ шагахъ во ста отъ маленькой одинокой усадьбы съ темными, грустно шумѣвшими тополями. Собака жалобно гремѣла цѣпью, къ которой она была привязана; вдали слышалось однообразное журчаніе воды.

На площадкѣ лѣстницы показалась женщина; она оперлась обѣими руками на перила и стала глядѣть внизъ. Это была высокая стройная фигура. Ея блѣдное лицо, освѣщенное лунным сіяніемъ, свѣтилось фосфорическимъ блескомъ; темные волосы, свернутые въ роскошный узелъ, разсыпались по бѣлымъ плечамъ. Услыхавъ мои шаги, она выпрямилась и устремила на меня большие влажные темные глаза. Въ это время я стоялъ уже у лѣстницы. Я разсказалъ ей свою исторію и сталъ просить о ночлегѣ.

— Все что наше, сказала она тихимъ, нѣжнымъ голосомъ, — къ вашимъ услугамъ; намъ такъ рѣдко достается удовольствіе принимать гостей. Пожалуйте.

Я взошелъ наверхъ по гнилымъ деревяннымъ ступенькамъ, пожалъ маленькую ручку, протянутую мнѣ владѣтельницей помѣстья, и пошелъ за нею черезъ отворенныя двери въ домъ.

Мы вошли въ большую четвероугольную комнату съ крашеными бѣлыми стѣнами, все убранство которой состояло въ одномъ старомъ игорномъ столѣ и пяти деревянныхъ стульяхъ. У стола не было одной ножки, мѣсто которой занималъ одинъ изъ этихъ проблематическихъ стульевъ, поддерживая его при помощи нѣсколькихъ наложенныхъ другъ на друга кирпичей.

За игорнымъ столомъ сидѣли четверо игравшихъ въ тарокъ. Владѣлецъ усадьбы, маленькій человѣкъ съ тупыми, неподвижными чертами, съ короткими жесткими усами, съ коротко-обстриженными бѣлокурыми волосами, всталъ чтобы поздороваться со мною—и крѣпко держа зубами трубку, протянулъ мнѣ руку. Въ то время какъ я повторялъ ему свою исторію и свою просьбу, онъ, приводя въ порядокъ свои карты, кивнулъ въ знакъ согласія головою, потомъ опять сѣлъ на стулъ и съ тѣхъ поръ уже не обращалъ на меня никакого вниманія.

Жена его приказала принесть для меня изъ сосѣдней комнаты стулъ и вслѣдъ за этимъ вышла, такъ что я могъ не торопясь разсмотрѣть то общество, въ которомъ я такъ неожиданно очутился.

Прежде всего обратилъ на себя мое вниманіе священникъ изъ сосѣдней деревни, атлетъ по сложенію и силѣ мускуловъ, съ бычачьимъ затылкомъ, съ тупымъ краснымъ лицомъ. Онъ безпрестанно улыбался и набивалъ отъ времени до времени свой плоскій курносый носъ табакомъ изъ овальной табакерки изъ березовой коры, а потомъ вынималъ изъ-за пазухи голубой платокъ съ фантастическими турецкими цвѣтами и отиралъ имъ ротъ. Подлѣ него сидѣлъ сосѣдъ нашего хозяина, арендаторъ, въ чорномъ обшитомъ шнурками сюртукѣ, и все время не переставалъ пѣть тихонько въ носъ, куря самыя крѣпкія контрабандныя сигары. Третій былъ гусарскій офицеръ, съ рѣдкими волосами и какъ бы оцѣпенѣлыми черными усами. Онъ стоялъ тутъ съ своимъ полкомъ и расположился теперь со всевозможнымъ комфортомъ. Онъ былъ безъ галстука, въ разстегнутомъ лѣтнемъ киттелѣ съ полинялыми обшлагами; онъ не измѣнялся въ лицѣ во время игры, только страшно бранился когда проигрывалъ, барабаня въ то же самое время правою рукою по столу. Меня пригласили играть.

Я отказался, ссылаясь на усталость. Скоро намъ подали нѣсколько холоднаго кушанья и вина.

Хозяйка возвратилась, сѣла въ маленькое темное кресло, принесенное казакомъ, и закурила папиросу. Она выпила нѣсколько глотковъ изъ моего стакана и подала мнѣ его съ пріятной улыбкой. Мы говорили о сонатѣ, которую она играла съ такимъ искусствомъ, о послѣднемъ произведеніи Тургенева, о русской труппѣ которая дала нѣсколько представленій въ Коломеѣ, объ уборкѣ хлѣба, объ общинныхъ выборахъ, о нашихъ крестьянахъ которые начинаютъ пить кофе, о томъ какъ число плуговъ увеличилось со времени уничтоженія крѣпостнаго права. Она громко смѣялась и металась въ креслѣ. Мѣсяцъ свѣтилъ ей прямо въ лицо.

Вдругъ она замолчала, закрыла глаза, стала жаловаться черезъ нѣсколько минутъ на головную боль и ушла въ свою комнату. Я свиснулъ своей собакѣ и точно такъ же удалился.

Казакъ повелъ меня черезъ дворъ. Вдругъ онъ остановился и глупо улыбаясь, взглянулъ на мѣсяцъ. «Что у него за власть надъ людьми и звѣрьемъ», сказалъ онъ: «нашъ Бетіаръ воетъ на него цѣлую ночь, а когда онъ свѣтитъ нашей кухаркѣ въ лицо, она говоритъ во снѣ и предсказываетъ. Ей Богу, не лгу!»

Моя комната находилась за садомъ, изъ котораго вплоть до моего окна поднималась узенькая терраса. Я отворилъ окно и сталъ глядѣть въ садъ.

Полный мѣсяцъ, высоко стоявшій въ небѣ, обливалъ землю торжественнымъ, святымъ сіяніемъ; вокругъ него не было ни одного облака; таинственный міръ его поверхности являлся на его кругѣ только въ видѣ легкаго пара, въ видѣ нѣжнаго очерка на освѣщенной извнутри лампѣ. По темно-синему небу не пролетало ни одного облака; тамъ не носилось даже этого легкаго блестящаго пара, который, будучи пронизанъ насквозь мѣсячнымъ сіяніемъ, закрываетъ его таинственнымъ покрываломъ. Тамъ и сямъ, словно потухающія искры, сверкали звѣзды. Безконечно, мечтательно-безмолвно тянулась къ востоку равнина. Большіе бѣлые какъ снѣгъ столбики кукурузы перевѣшивались ко мнѣ черезъ садовый заборъ; вдали, словно на огромной шахматной доскѣ, пестрѣли поля: коричневая гречиха и темный выгонъ смѣнялись бѣлою рожью. Тамъ и сямъ жались другъ къ другу темные снопы, словно маленькія крестьянскія хижины. На горизонтѣ горѣлъ одинокій огонь, отъ котораго тихо и медленно поднимались вверхъ серебристо-сѣрыя струи дыма. Передъ нимъ скользили и исчезали тѣни; отъ времени до времени глухіе звуки колокольчиковъ становились явственнѣе, и пасшіяся лошади съ связанными передними ногами показывались тамъ и сямъ. А тамъ, гдѣ явственно и рѣзко слышался звукъ косы, свѣтились большіе стоги сѣна, окруженные влажнымъ паромъ, тянулся мерцающій влагою лугъ, виднѣлись черные колодцы, стояли темныя кротовины, словно отдаленные крѣпостные валы. Нѣсколько поодаль сверкалъ быстрый горный потокъ, окруженный болотами, словно кусочками разбитаго зеркала.

По саду проходила бѣлая кошка, неслышно ступая своими бархатными лапками; она сверкала какъ снѣгъ между высокими, слегка колыхавшимися стеблями травы, издавая по временамъ тѣ полные довѣрія и тоски звуки, которые напоминаютъ собою не то воркованіе голубя, не то своенравный плачь заспавшагося ребенка. Она перепрыгнула еще разъ черезъ заборъ и показалась черезъ нѣсколько минутъ у подножія землянаго моста, тянувшагося въ видѣ остатковъ вала отъ усадьбы къ деревнѣ. Она неслышно взобралась на него и сѣла, жалобно мяуча, на берегу пруда; въ серебряномъ его зеркалѣ она повидимому разсматривала себя. Надъ нимъ, словно кружевная покрышка, растянулись широкія листья водяной чечевицы, между которыми поднимались мѣстами бѣлые и желтые кувшинчики, горѣвшіе при мѣсячномъ сіяніи словно пестрое пламя.

Тутъ маленькая влюбленная ночная странница вытянула свои мягкіе члены и пошла тихими шагами мимо высокаго блестящаго тростника, блѣдныхъ водяныхъ лилій, стоявшей на цѣпи лодки и заснувшаго лебедя—къ дымившемуся лѣсу, поднимавшемуся при лунномъ сіяніи въ видѣ блестящей полированной стѣны. Вокругъ, во влажно-блестящихъ кустахъ, которыми былъ окруженъ прудъ, пѣли соловьи—и вотъ одинъ изъ нихъ застоналъ въ саду такъ сладко и такъ грустно. Тяжелыя фруктовыя деревья затемняли своими безчисленными черными листьями свѣтлое сіяніе мѣсяца, а все-таки каждая травка свѣтилась, каждый цвѣтокъ горѣлъ магическимъ огнемъ; всякій разъ, какъ легкій вѣтерокъ проносился по саду, струи жидкаго серебра разливались по дерну, по усыпаннымъ пескомъ дорожкамъ, по малиновымъ кустамъ подъ моимъ окномъ; красный макъ начиналъ горѣть, дыни принимали видъ золотыхъ шаровъ, лежащихъ на зеленыхъ грядахъ, прудъ какъ будто бы наполнялся серебромъ, покрытая свѣтящимися червячками сирень, окруженная влажнымъ паромъ, представлялась горящей и сверкающей. Кусты жимолости, облитые луннымъ сіяніемъ и освѣщенные насквозь, поднимались словно часовня, освѣщаемая неугасимой лампадой. Воздухъ былъ напоенъ упоительнымъ благоуханіемъ сирени и тимьяна, вмѣстѣ съ запахомъ свѣжаго луговаго сѣна, доносившимся по временамъ въ садъ.

Освѣщенная цѣломудреннымъ сіяніемъ мѣсяца, вся природа какъ будто бы мечтала, ища выраженія. Вода пѣла свою однообразную пѣсню, вѣтерокъ шелестилъ отъ времени до времени листьями, соловьи пѣли, кузнечики чирикали; тамъ и сямъ трещала древесная лягушка, въ косякѣ моего окна стучался неутомимый древоѣдъ, а надъ головою у меня чирикали въ гнѣздѣ ласточки. И вотъ все это: свѣтъ, благоуханіе и звуки слились въ одну мелодію—владѣтельница помѣстья играла сонату «лунное сіяніе». У меня на душѣ стало удивительно тихо, а когда она кончила, деревья и соловьи замолкли, только одинъ древоѣдъ продолжалъ стучать.

Вдали все было тихо и неподвижно, пока не поднялся рѣзкій свѣжій вѣтеръ и не донесъ до меня оторванныхъ акордовъ грустной пѣсни.

Это пѣли жнецы, которые, воспользовавшись прохладной ночью, прилежно работали; я видѣлъ при лунномъ освѣщеніи ясно, какъ они копошились на желтомъ полѣ, словно муравьи.

И вотъ, когда все отдыхаетъ, одинъ только человѣкъ не спитъ и трудится въ потѣ лица ради этого жалкаго и забавнаго существованія, которое онъ одинаково сильно любитъ и презираетъ.

Вся его мысль съ ранняго утра и до глубокой ночи устремлена на это; его сердце судорожно сжимается, его бѣдная голова начинаетъ горѣть, когда онъ замѣтитъ, что этому существованію что нибудь угрожаетъ или что онъ лишается того, что придаетъ ему, по его мнѣнію, цѣну; даже во снѣ его бѣдный мозгъ не перестаетъ работать для этой цѣли и

Гулянье 1-го мая въ Екатерингофѣ.

картины жизни мучатъ его и въ сновидѣніяхъ. Онъ вѣчно волнуется, силясь обезпечить жизнь, онъ добываетъ и копитъ, какъ будто бы онъ былъ вѣченъ, и взрываетъ-ли онъ плугомъ землю или несется въ своемъ маленькомъ суднѣ по океану, изучаетъ-ли ходъ звѣздъ или записываетъ съ дѣтскимъ прилежаніемъ судьбу и исторію своего рода—онъ учится, изобрѣтаетъ и замышляетъ для того только, чтобъ его жалкая машина не перестала двигаться; его лучшія мысли вертятся около куска хлѣба. Жизни—вотъ чего онъ прежде всего ищетъ, жизни и питанія для жалкой лампадки, которая ежеминутно грозитъ потухнуть навсегда.

Но онъ не умретъ, онъ будетъ жить въ другихъ созданіяхъ, которымъ онъ думаетъ завѣщать свои радости и которыя получаютъ въ наслѣдство только его горести, его борьбу, его страданія. Какъ онъ ихъ любитъ, своихъ наслѣдниковъ!.. онъ заботится о нихъ, бережетъ и воспитываетъ ихъ, какъ будто бы его любезное *я* утроилось, удесятерилось.

Та же самая изобрѣтательность является въ немъ и тогда, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ продолжить его собственное существованіе; точно такъ же неутомимъ и безжалостенъ бываетъ онъ и тогда, когда, добывая нужныя для этого средства, вредитъ и угрожаетъ существованію всѣхъ другихъ. Онъ лжетъ, воруетъ, грабитъ, убиваетъ безостановочно. Онъ создаетъ обширныя, безумныя теоріи для того, чтобъ подчинить цѣлыя поколѣнія своихъ братьевъ своему себялюбію. Онъ безъ колебанія отвергнулъ и заклеймилъ какъ животныхъ, такъ и людей другаго цвѣта, или говорящихъ другими языками,—и все это для того только, чтобъ жить насчетъ живущихъ.

Такимъ образомъ жестокая, кровавая война никогда не прекращается; сегодня она ведется втихомолку между двумя очагами, двумя дымовыми трубами, завтра громко и шумно на поляхъ сраженій и океанахъ, но всегда подъ обманчиво-святыми знаменами, всегда безъ жалости и безъ конца.

А между тѣмъ въ тебѣ, суровое, святое отреченіе, единственное счастье, которое суждено намъ, спокойствіе, тишина, сонъ и смерть; зачѣмъ же, послѣ этого, мы такъ боимся смерти—ее, которая разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія и утоляетъ всѣ муки! Отчего лампада въ нашей груди вспыхиваетъ такимъ трепетнымъ свѣтомъ, когда на нее повѣетъ ледяное дыханіе уничтоженія? Какъ мы держимся за наши воспоминанія, какъ мы желаемъ продолженія своей внутренней жизни! Перестань вспоминать, перестань думать, перестань мечтать! При этой мысли человѣкомъ овладѣваетъ такая тоска, такое отчаяніе, такой неодолимый ужасъ.

Неодолимый? Нѣтъ. Отъ него исцѣляются, но только посредствомъ ***мысли***. Она поддерживаетъ насъ вездѣ, она свѣтитъ холодно и ясно, но не безъ дружелюбія, среди ночной тьмы и на днѣ пропасти,—и освѣщаетъ мало-по-малу нашу душу, разгоняетъ мучительныя тѣни и внушаетъ намъ умѣренность, любовь къ миру и спокойствіе.

По мѣрѣ того какъ тихій, мягкій свѣтъ лунной ночи проникалъ мнѣ въ душу, передо мною вставали знакомые милые образы, и святые идеалы прошедшаго времени неслись мимо меня, словно изгнанные боги: существа, которыя я когда-то любилъ и которыя теперь отдѣлены отъ меня равнодушіемъ или ненавистью, или же давно ужъ лежатъ въ могилѣ, и тѣ высокія мечты отважной золотой юности. Разорванные клочки тумана неслись при лунномъ сіяніи по воздуху, словно дорогіе, старыя, давно разорванныя знамена, увядшіе цвѣты и засохшіе вѣнки. Любимая женщина, съ роскошными бѣлокурыми волосами и милымъ дѣвическимъ лицомъ, смотрѣла на меня глазами полными любви и грусти,—и опять новыя мечты и новыя мысли... Лунный свѣтъ горѣлъ тысячью синихъ огней, пылавшихъ словно жертвенная свѣча передъ образомъ; благоуханіе лунной ночи поднималось вверхъ какъ дымъ ѳиміама; въ шумѣ лѣса слышались глубокіе, торжественные звуки органа.

Я отвернулся.

Мнѣ наконецъ стало страшно этихъ блестящихъ мечтаній, этихъ лживыхъ идеаловъ легкомысленной, безумной молодости.

Дѣйствительность сурова но честна. Это ложь, будто природа не хочетъ знать тебя. Она, вѣчно измѣняясь, всегда одна и та же—и показываетъ тебѣ такое же холодное, мрачное, но материнское лицо, какое было у ней за тысячу тысячъ лѣтъ передъ этимъ. Но ты отъ нея оторвался, ты равнодушно смотрѣлъ на нее, ты презираешь ея дѣтей, твоихъ братьевъ, которые почему либо ниже тебя, ты поднялся надъ ними и висишь между небомъ и землею, словно польскій Фаустъ *). А между тѣмъ она питаетъ тебя, который такъ холоденъ къ ней, своею грудью и ея объятія всегда готовы принять тебя. Ея суровые законы начертаны неизгладимыми буквами; ты можешь ихъ прочесть вездѣ, если хочешь у ней учиться.

Пѣсня жнецовъ послышалась снова; мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что можно было различить каждую былинку травы; лѣсъ шумѣлъ. Въ воздухѣ начало свѣжѣть.

Я не хотѣлъ раздѣваться, отыскалъ свое ружье, поставилъ его въ головахъ, въ углу, и бросился на монастырское ложе, стоявшее у голой стѣны. Моя собака растянулась по обыкновенію передъ моей кроватью, взглянула на меня еще разъ вѣрными, полными смысла глазами, и махая хвостомъ, положила голову на усталыя переднія лапы. По мѣрѣ того какъ она засыпала, движенія хвоста становились все медленнѣе да медленнѣе, она дышала все тяжелѣе да тяжелѣе, и вотъ она вздохнула, она грезила. Окно оставалось отвореннымъ.

И я тоже грезилъ, сначала съ открытыми глазами, а потомъ и во снѣ. Я усталъ—и мною овладѣлъ этотъ благодѣтельный сонъ, который служитъ намъ ласковымъ предвѣстникомъ смерти.

Какъ долго я спалъ—не знаю.

Вдругъ мнѣ послышался странный шумъ, сначала какъ будто бы во снѣ, но потомъ и съ открытыми глазами. Собака пошевелилась, подняла свою прекрасную голову съ бдительными глазами, потянула въ себя воздухъ и начала взлаивать отрывисто и хрипло, словно на дичь. Я окончательно проснулся и какъ-то невольно положилъ руку на холодный стволъ моего ружья.

Кругомъ все было тихо; такъ длилось нѣсколько минутъ, а тамъ опять этотъ странный, таинственный шорохъ, словно шелестъ невидимаго существа, словно шорохъ волочившейся по полу одежды.

Еще одна минута—и въ открытомъ окнѣ показалась высокая фигура вся въ бѣломъ: женщина съ царствен-

*) Твардовскій. Преданіе говоритъ, что когда сатана поднялся съ нимъ на воздухъ, онъ, проносясь надъ Краковымъ и услышавъ звуки Ave Maria, началъ пѣть гимнъ Божіей Матери, которому онъ выучился когда-то у своей матери. Тутъ сатана выпустилъ его—и онъ остался между небомъ и землею, гдѣ носится еще и теперь. Отъ времени до времени къ нему поднимается паукъ, который приноситъ ему извѣстія о землѣ.

ными членами, едва прикрытыми легкой, волнующейся матеріей, съ отвращеннымъ отъ меня лицомъ; она отъ яркаго сіянія мѣсяца казалась какъ будто-бы прозрачною. Ея протянутая рука, особенно эффектно освѣщенная, свѣтилась, словно красное пламя.

Моя собака задрожала, попятилась и завизжала. Я схватилъ ружье и приготовился выстрѣлить, я и теперь еще не знаю почему. Я сдѣлалъ это инстинктивно. Я чувствовалъ холодъ во всемъ тѣлѣ.

Курокъ щелкнулъ.

Въ эту минуту она обернула ко мнѣ голову.

Это была владѣтельница помѣстья. Ея распущенные черные волосы падали на ея бѣлую блузу. Ея лицо было еще блѣднѣе и повидимому такъ же свѣтилось какъ и мѣсяцъ. Она съ улыбкою манила меня къ себѣ. Тутъ только я замѣтилъ, что глаза ея были закрыты. На меня нашелъ ужасъ. Она повидимому глядѣла въ комнату и на меня черезъ закрытые вѣки — и колебалась.

Когда я нѣсколько ободрился, она еще разъ поманила меня, положила себѣ на губы палецъ, еще разъ оглянулась, не раскрывая глазъ, назадъ и вслѣдъ за этимъ спустилась въ комнату. Не обращая на меня вниманія, она медленно прошла по ней, мимо меня, твердымъ шагомъ, грустно опустивъ голову и медленно спустилась на колѣни въ ногахъ моей кровати. Она положила правую руку на ножку кровати и прижалась лбомъ къ жесткому дереву. Въ этомъ положеніи она оставалась нѣсколько минутъ, потомъ начала тихонько плакать.

Женскія слезы никогда не производили на меня особеннаго впечатлѣнія, но она плакала такъ горько, изъ глубины груди,—словно звѣрь, который не можетъ говорить,—что я былъ глубоко тронутъ и нагнулся къ ней.

— Онъ умеръ, я это знаю, начала она тихимъ голосомъ проникавшимъ мнѣ въ душу,—они похоронили его за стѣною кладбища, какъ самоубійцу, и мнѣ хотѣлось бы пойти къ нему». Она подперла голову рукою и вздохнула.—Но это такъ далеко, далеко,—глухо повторяла она.—Поэтому-то я и прихожу сюда къ нему. Онъ долженъ быть и тутъ.

Вслѣдъ за этимъ она встала и пошла, опираясь рукою объ стѣну, какъ будто бы она боялась, что ноги откажутся служить ей. Вдругъ она обернулась ко мнѣ, долго и внимательно смотрѣла повидимому на меня и покачала головою. — Его нѣтъ тутъ, твердо и звучно сказала она, — онъ умеръ. Въ то же самое время она задрожала всѣмъ тѣломъ, заскрежетала зубами и бросилась съ глухимъ крикомъ на полъ, лицомъ внизъ. Не перемѣняя положенія, она схватилась рукою за волосы и начала громко рыдать. Ея рыданія становились все тише да тише, и наконецъ она совершенно успокоилась.

Она не шевелилась.

Я сдѣлалъ движеніе, чтобы поспѣшить ей на помощь; тогда она приподнялась. Ея лицо стало замѣчательно кротко и какъ будто бы освѣщалось извнутри улыбкой. Когда она встала, она какъ будто бы не касалась ногами земли. Неслышно скользила она по комнатѣ,— и обратившись лицомъ къ мѣсяцу, голубые лучи котораго падали теперь прямо на нее, остановилась, тихая и спокойная.

Она взглянула на него и обратилась ко мнѣ съ слѣдующими словами.

— Что подумаетъ Леопольдъ объ Ольгѣ?... сказала она съ грустной нѣжностію. Она говорила о себѣ и обо мнѣ въ третьемъ лицѣ и назвала по имени себя и меня. Я молчалъ, смотрѣлъ на нее и у меня замерло сердце. Она была очевидно лунатикъ. Я все еще держалъ, не сознавая этого, въ рукѣ ружье. Она подошла ближе и протянула къ нему руку. Я съ испугомъ подался назадъ. Она улыбнулась.—Леопольду нечего бояться, сказала она,—онъ можетъ дать Ольгѣ ружье, она видитъ больше чѣмъ онъ.

Когда же я прислонилъ ружье къ стѣнѣ, она нахмурила брови и съ нетерпѣніемъ рванула его къ себѣ, какъ человѣкъ, который сердится что ему не довѣряютъ и хочетъ доказать что это несправедливо. Быстрымъ эластическимъ движеніемъ она подалась назадъ и подняла ружье стволомъ вверхъ.

— Ну, сказала она, — гдѣ же тутъ опасность?— осторожно спустила курокъ и спокойно поставила ружье въ уголъ.

Я отдохнулъ.

— Леопольдъ не долженъ худо думать объ Ольгѣ, начала она, поднимая опять лицо къ полному мѣсяцу,— пожалуста!.. вскричала она, и на глазахъ ея выступили слезы, она стала на колѣна и подняла ко мнѣ руки.— Онъ не долженъ ничего никому разсказывать, продолжала она таинственно вполголоса,—даже и Ольгѣ, она умерла бы со стыда.

— Никому, сказалъ я. Мой голосъ дрожалъ.

Глубоко тронутый, я нагнулся къ ней и хотѣлъ поднять ее. Она покачала своею прекрасною головою и потомъ медленно опустила ее на грудь.—Теперь онъ узнаетъ все, все, прошептала она,—все.

— Нѣтъ, вскричалъ я,—не разсказывай, если это тебѣ больно. Я не хочу твоей тайны.

— Онъ станетъ заблуждаться насчетъ Ольги, да онъ и теперь уже сомнѣвается, печально возразила она,—Ольга не легкомысленна, но безконечно несчастлива. Я разскажу ему теперь все. Но онъ поклянется. Не правда ли? Она спрашивала, не глядя вверхъ.

— Да, отвѣчалъ я.

Въ это время къ ней вдругъ подошла собака, обнюхала ее, полаяла хриплымъ голосомъ и стиснула зубы. Ольга протянула къ ней руку и начала ее гладить. Собака задрожала и боязливо опять забилась подъ кровать.

— Я раскажу, я раскажу, простонала она,—я не хочу, чтобы Леопольдъ худо думалъ объ Ольгѣ; она вѣдь такъ несчастна!.. Она не вставая съ колѣнъ, подползла ко мнѣ и положила голову на ножку кровати. Она съ рабской покорностію скрестила на груди руки.— Я знаю, онъ пойметъ Ольгу, поэтому-то я и раскажу ему.

Меня трясла легкая лихорадка.

— Онъ можетъ быть покоенъ, довѣрчиво прошептала она;—тутъ нѣтъ и рѣчи о преступленіи. Ольга сознательно никому не сдѣлала зла. Ея исторія—простая, грустная исторія и больше ничего. Онъ не долженъ плакать.

Я отодвинулся къ стѣнѣ и молча глядѣлъ на нее, мои глаза горѣли, въ горлѣ у меня пересохло.

— Я охотно раскажу ему, начала она съ какою-то грустною граціею,—ему извѣстна природа женщины.

Я невольно кивнулъ головою.

(Продолженіе будетъ).

Очерки Кавказа.

(Окончаніе).

V. Отъ Орпири до Поти.

На другой день — вѣтеръ съ моря, начавшійся съ утра, задержалъ отправленіе наше на цѣлыя сутки. Пользуясь свободнымъ временемъ, я осматривалъ городъ на обоихъ берегахъ Ріона. На лѣвомъ берегу его квадратный четвероугольникъ, носящій названіе старой крѣпости Поти, теперь назначенъ для городскаго сада. Бывшій намѣстникъ кавказскій, покойный князь М. С. Воронцовъ въ 51 году приказалъ насадить здѣсь плодовыя лимонныя и померанцовыя деревья—и ужь образовалась было изъ нихъ роща, но въ 1863 году отъ сильныхъ морозовъ она погибла.

По свидѣтельству греческихъ писателей, знаменитый въ древности торговый городъ Фазисъ находился именно на этомъ мѣстѣ. Агатіасъ, жившій въ VI столѣтіи по Р. X., говоритъ, что Фазисъ расположенъ былъ на лѣвомъ берегу у устья Фаза, нынѣшняго Ріона, примыкая одной стороной къ малому морю; нынѣ это озеро, которое въ древности, по низменности береговъ Фаза въ этомъ мѣстѣ, при наводненіяхъ разливалось на огромнѣйшее пространство и приходило въ сообщеніе съ Понтомъ Евксинскимъ и Фазомъ. Страбонъ уже называетъ это малое море — озеромъ.

Греки первые, въ качествѣ гостей, завели торговыя сношенія съ Имеретіей; потомъ какъ союзники стали заводить колоніи и между прочимъ построили по берегамъ Фаза, у самаго устья, магазины и жилища, сдѣлавшіеся началомъ города — Фазиса. Здѣсь, будто для защиты Кутаиса, поставили войско—сначала временное лагеремъ, потомъ навсегда и городъ обратили въ крѣпость. Впослѣдствіи въ V вѣкѣ по Р. X здѣсь основалось Лазійское царство изъ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Месхіи (Ахалцыхскаго уѣзда), съ городами: Археополь, Родополь (Сарапаны) и др. Владычество въ этихъ странахъ переходило изъ рукъ въ руки еще чаще чѣмъ въ Индіи; греки, римляне, Митридатъ, арменцы, персы, монголы, турки — господствовали здѣсь поперемѣнно.

Когда Грецiя потеряла свою самостоятельность, тогда и колоніи ея признали власть римлянъ. Они держали постоянную флотилію на восточномъ берегу Чернаго моря изъ 40 военныхъ судовъ; возобновили крѣпость Фазисъ, какъ главный торговый пунктъ съ Азіей, построили въ двухъ стадіяхъ укрѣпленіе для защиты устья Фаза. При нихъ Фазисъ процвѣталъ; онъ раскинулся по обоимъ берегамъ Фаза и имѣлъ нѣсколько предмѣстій; дома его были изъ мѣстнаго лѣса, за исключеніемъ магазиновъ, которые были каменные. Между предметами торговли особенно замѣчательны: шолкъ и персидскіе ковры, которымъ цѣнность иногда была неимовѣрна. Менготти говоритъ, что цѣна одного ковра, привезеннаго изъ Фаза въ Римъ, доходила до четырехъ милліоновъ сестерцій (200,000 р.). Фазисъ былъ единственной дорогой, по которой отправлялись въ Европу богатства Пареіи и Персіи. Но главнымъ источникомъ богатства Кавказа считались рабы. Кавказъ,— говоритъ Формалеони, — былъ неисчерпаемымъ магазиномъ, гдѣ европейцы снабжались рабами; эта несчастная страна, казалось, искони была назначена для охоты за людьми!

Персидскіе купцы расславили о чрезвычайномъ богатствѣ Фазиса, и полководецъ Нахараганъ въ 554 году по Р. X., разграбивъ Имеретію, пришелъ съ 30-ти-тысячнымъ войскомъ къ Фазису; но былъ отраженъ римскимъ гарнизономъ и отступилъ съ большой потерею. преслѣдуемый ожесточенными жителями Имеретіи.

Наконецъ монгольскія полчища разграбили всѣ богатства Фазиса, сожгли городъ и предмѣстья, и разоривъ укрѣпленія на-долго предали этотъ край въ добычу пиратамъ, вслѣдствіе чего еще болѣе развилась торговля невольниками.

Во время междоусобій въ Имеретіи, турки въ 1578 году, при Амуратѣ III, во время войны съ персами, построили изъ развалинъ Фазиса крѣпость и редутъ Поти; и въ это-же время — крѣпость Сухумъ-Кале. Въ 1640 году Имеретины, доведенные до крайности, при Александрѣ III, соединенными силами съ Мингрельцами и Гурійцами взяли крѣпость штурмомъ и разорили ее до основанія. Потомъ опять въ 1738 году, при Александрѣ V имеретинскомъ царѣ, она турками возобновлена; а въ 1809 году была взята княземъ Орбеліаномъ; но по Бухарестскому миру возвращена. И наконецъ, въ войну съ Турціей въ 1828 году, Поти съ 43 орудіями взята генераломъ Гессе, и по Адріанопольскому миру осталась навсегда за Россіей.

Нѣсколько земляныхъ укрѣпленій въ окружности Поти (не ближе 8 верстъ) свидѣтельтвуютъ о переходеніи ея изъ рукъ въ руки. Другихъ памятниковъ, за исключеніемъ бывшаго въ 1828 году вагенбурга русскихъ войскъ, въ 3-хъ верстахъ, по срединѣ палеостомскихъ тундръ, — никакихъ нѣтъ. Развалинъ древняго Фазиса не существуетъ; если и оставались камни отъ магазиновъ, то ихъ недостаточно было для неоднократныхъ возобновленій. Турки въ послѣдній разъ для возобновленія крѣпости купили камень у правителя Мингреліи Дадіана, который продалъ имъ древніе остатки Сахарбета.

Въ юго-восточной сторонѣ Поти— озеро Палеостомъ на 7 миль длины, и отъ 3-хъ до 6-ти ширины; глубины — полагаютъ отъ 7 до 15 футовъ. Въ древности оно было очень глубоко и по Агатіасу считалось малымъ моремъ,—но съ каждымъ годомъ, не имѣя протока, заростаетъ, производя міазмы, порождающія лихорадки и другія болѣзни. Замѣчательно, однако, что здѣсь всѣ чахотные не только не подвергаются климатическимъ болѣзнямъ, но даже избавляются отъ своей, можетъ быть, родовой болѣзни. Предоставляемъ медикамъ разъяснить эту странность. Названіе озера, Палеостомъ, удержано туземцами отъ грековъ, т. е. древнее устье. Въ народѣ ходитъ разсказъ: на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро, стоялъ обширный городъ, съ великолѣпными мраморными и гранитными зданіями и храмами; особенною роскошью отличался дворецъ римскаго императора, въ которомъ приготовлялось къ пріѣзду его сто прекрасныхъ дѣвицъ. Между плѣнными красавицами была одна христіанка, которая молилась Богу о спасеніи своей дѣвственной красоты; въ силу ея молитвъ городъ былъ затопленъ, а она скрылась неизвѣстно куда. Находились легковѣрные охотники искать добычи въ потонувшемъ городѣ; но дѣло кончилось тѣмъ, что искатели, затративъ не одинъ десятокъ рублей, проклинали разсказчика, озеро и потонувшій городъ. Впрочемъ иска-

телямъ этимъ обязаны мы за измѣреніе глубины. Надо имѣть въ виду, что это озеро многоводно послѣ разлива Ріона; а безъ наводненій оно пересыхаетъ до того, что его безъ грѣха можно назвать болотомъ. Въ засуху оно дѣлится на двѣ части.

Отъ древняго города перейдемъ къ современному.

Поти, получившій права порта 7-го февраля и права города 18-го ноября 1858 года, хотя и распланированъ, но улицы его не вездѣ застроены и есть много неогороженныхъ мѣстъ — отчего онъ кажется разбросаннымъ по прихотямъ строителей. Ближе къ берегу выстроились два длинныхъ ряда лавокъ, наполненныхъ всякой всячиной, среди которой для насъ утомленныхъ походомъ и плаваніемъ, всего заманчивѣе казались бутылки и графины съ заграничнымъ ромомъ, продаваемымъ на фунты, по 25 коп. Далѣе — казенныя зданія — казармы и лазаретъ; потомъ на обстроенной площадкѣ церковь, напоминавшая намъ сельскую.

Есть и гостинницы; одна изъ нихъ содержится французомъ, который скупаетъ у мальчиковъ зеленыхъ лягушекъ по копѣйкѣ за штуку, съ тѣмъ чтобы онѣ приносились живыя. Мальчики нанизываютъ лягушекъ на снурокъ и такъ доставляютъ ихъ живыми французу; а тотъ уже угощаетъ гастрономическими блюдами своихъ соотечественниковъ — агентовъ по торговлѣ шолкомъ и его сѣменами. Затѣмъ еще нѣсколько домиковъ — и остальное пустошь.

Самое лучшее зданіе въ городѣ — домъ агентства рѣчныхъ пароходовъ. Всѣ зданія, безъ исключенія, деревянныя. Камня и кирпичнаго завода по всей окрестности нѣтъ.

Прошу замѣтить, что Поти описывается мною въ 1864 году.

Вотъ что передаетъ 37 №, стр. 3, «Современной лѣтописи» 1866 года.

«Въ Поти «жизнь кипитъ и бьетъ черезъ край». По Ріону безпрестанно движутся пароходы, барки, наполненные пассажирами, тюками товаровъ; на пристаняхъ толпится рабочій народъ, занятый погрузкой и выгрузкой тюковъ. Городъ имѣетъ двѣ довольно порядочныя гостинницы, содержимыя французами, и одну русскую кухмистерскую. Морскую и рѣчную дѣятельность Поти выполняютъ 6 пароходовъ, кромѣ множества барокъ».

Далѣе, тамъ-же: «Поти раскинулся на довольно значительное пространство, но всѣ его дома деревянные, выстроенные на скорую руку».

Это кипѣніе жизни въ Поти начиналось еще при мнѣ. Набережная Ріона была полна народа; даже гурійцы, не охотно оставляющіе свой край, появились въ Поти, какъ участники въ торговой и промышленной дѣятельности. Предметъ ихъ производства — шолкъ. Они изъ мѣста своего жительства, какъ довѣренныя лица отъ общества, привозятъ по торговымъ днямъ въ Поти значительное количество шолку, собраннаго съ цѣлой деревни или села. Этимъ они избѣгаютъ надувательной системы армянъ, имѣя всю возможность знать вѣсъ своего товара и его настоящую цѣну. Такой порядокъ торговли хотя и недавно начался, не далѣе какъ съ утвержденія Поти въ правахъ порта и открытія пароходныхъ сообщеній съ Турціей, — но замѣтно уже улучшеніе въ ихъ домашнемъ бытѣ и по щеголеватости костюмовъ.

Вотъ группа изъ пяти человѣкъ — двое юныхъ и трое пожилыхъ гурійцевъ — рѣзко выдѣляющаяся изъ всей толпы своими живописными костюмами. Высокіе ростомъ юноши — блондины въ греческихъ фескахъ; изъ-подъ красныхъ, суконныхъ куртокъ, съ хитрыми узорами изъ золотаго снурка по рукавамъ, бортамъ и поламъ, — выглядываютъ шолковыя сорочки со стоячими воротниками; стройный станъ ихъ обвитъ, вмѣсто пояса, бѣлою турецкою шалью, за которой заткнуты турецкіе съ золотыми насѣчками пистолеты; шальвары, въ pendant курткѣ, украшены затѣйливыми узорами. Оба юноши стояли въ живописной позѣ, опираясь на винтовки замѣчательной длины — стволы ихъ имѣли до семи четвертей.

Но благосостояніе Поти зависитъ отъ гавани.

Большія суда, по мелководью Ріона, останавливаются въ открытомъ рейдѣ; а турецкія фелюги и кочермы съ грузомъ удобно подходятъ къ самому Поти.

На правомъ берегу Ріона, по опушкѣ лѣса, нѣсколько домиковъ и бань; далѣе — просѣка къ устроиваемому порту. Строитель его, г. Шавровъ доказываетъ, что Поти, какъ складочный пунктъ для транзитной торговли, имѣетъ преимущество предъ всѣми портами Закавказья, потому что его торговый оборотъ въ 3½ раза превосходитъ всѣ остальные, — и говоритъ, что вмѣстимость Потійскаго порта болѣе порта-Саида въ устьѣ Суэзскаго канала на Средиземномъ морѣ. По его разсчетамъ постройка первоклассной порта въ Поти обойдется не дороже 4½ милліоновъ р. с.; если-же для работъ употреблять войска или часть работъ вмѣнить въ земскія повинности, то сумма уменьшится однимъ милліономъ слишкомъ.

Исчислено, что на покрытіе выдачи процентовъ для погашенія долга въ теченіи 100 лѣтъ, на содержаніе порта въ исправности и 5% дивиденда — необходимо съ порта ежегоднаго дохода 282 тысячи р. с.; но г. Шавровъ, соображая статистическія данныя, выводитъ, что доходъ отъ вывозимыхъ товаровъ при улучшеніи порта, можетъ возрасти до 250-ти тысячъ, а отъ ввозимыхъ уже и въ настоящее время простирается до 133 тысячъ, что вмѣстѣ легко можетъ составить до 400 тысячъ; — если же прибавить нѣкорыя статьи дохода, напримѣръ: плату за входъ и стоянку судовъ на рейдѣ и др., то сумма доходовъ далеко превзойдетъ необходимую сумму расходовъ въ 282 тысячи р. с.

Судя по быстротѣ и успѣшности работъ этой гавани, смѣло можно сказать, что исполненіе проекта г. Шаврова оправдаетъ всѣ ожиданія, а можетъ быть и превзойдетъ.

Работы къ половинѣ марта 1864 года я засталъ въ такомъ состояніи: два или три ряда столбовъ охватили сѣверное устье рѣки со стороны моря на двѣсти саженъ; но до мѣста встрѣчи рѣчной воды съ морскою, т. е. до бара, еще оставалось до 100 саж.; двѣ машины вынимаютъ землю изъ Ріона — и уже на протяженіи 50 саженъ дно углублено на 10 фут.; расчистку эту будутъ продолжать, съ устройствомъ плотины, за самый баръ. Гавань предназначена для коммерческихъ судовъ, а потому и ширина ея только 50 саженъ. При работахъ — пильная машина, благодаря которой въ короткое время успѣли выстроить удобное помѣщеніе для офицеровъ и рабочихъ, домъ для строителя, военную обсерваторію и прочія службы.

Поти, отсюду окруженный водою: рр. Ріономъ, Молтаквой, Чернымъ моремъ и озеромъ Палеостомомъ, представляетъ изъ себя какъ-бы островъ, съ небольшимъ въ двѣ квадратныя версты. Въ «Морскомъ Сборникѣ»

пишутъ изъ Поти, что нынѣшнее начальство Кавказа, по соглашенію съ начальствомъ Черноморскаго флота, опредѣлило устроить военную гавань въ Поти; такимъ образомъ, морская торговля Кавказа пріобрѣтетъ защиту, безъ которой немыслимо безопасное и успѣшное плаваніе коммерческихъ судовъ у береговъ Чернаго моря. «Мы ужь мечтаемъ видѣть черезъ нѣсколько лѣтъ — говоритъ корреспондентъ — на мѣстѣ нынѣшней невзрачной Поти вторую Венецію, куда будутъ стекаться естественныя богатства нашей Колхиды и всего Кавказа въ обмѣнъ на произведенія западной Европы; мечтаемъ о собственномъ нашемъ судостроеніи изъ мѣстныхъ кавказскихъ лѣсовъ и проч. и проч». — И дѣйствительно, Поти можетъ ожидать блестящая судьба царицы Адріатическаго моря. Съ пріѣздомъ великаго князя на Кавказъ торговая дѣятельность черезъ Поти превзошла ожиданія: уже при одномъ только пароходномъ сообщеніи цифра выросла до милліоновъ; но что̀ будетъ съ устройствомъ гавани и желѣзныхъ дорогъ? Кавказъ — неистощимая житница и неисчерпаемый рудникъ богатствъ всякаго рода — ждетъ только трудолюбивыхъ рукъ и предпріимчивыхъ головъ съ капиталами, чтобъ вознаградить ихъ сторицею; стыдно будетъ русскимъ и горькая потеря для Россіи, если дадутъ похитить у себя вѣрную добычу западнымъ промышленникамъ.

Сто́итъ обратить вниманіе хоть на уходъ за скотомъ. Роскошные луга, душистыя и сочныя горныя травы, ключевая чистая вода, — все есть, чего можетъ пожелать опытный хозяинъ-скотоводъ; но туземцы рѣшительно безпечны: они не заботятся о томъ, что̀ будетъ ѣсть ихъ скотъ зимою, имъ и въ голову не приходитъ дѣлать запасы сѣна. Снѣгъ-ли, морозъ-ли, скотъ бродитъ по лѣсу, обгладываетъ сучья да вѣтки — и гибнетъ тысячами съ голоду и холоду. За то скотинка, которая переживетъ суровую пору и дождется свѣжей травки, — оживетъ и раздобрѣетъ въ одинъ мѣсяцъ. При удобныхъ помѣщеніяхъ и заготовленіи корма на зиму, обмельчавшій скотъ, въ нѣсколько лѣтъ, дѣлается гораздо крупнѣе и лучше. Я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ, наблюдая за скотомъ въ нашихъ полковыхъ штабъ-квартирахъ. Тамъ каждый солдатъ-семьянинъ старается завестись коровой, покупаетъ ее на малыя средства у туземца — и при хорошемъ уходѣ за нею, получаетъ приплодъ крупнѣйшей породы. Такъ точно и овцы, годъ-отъ-году, становятся крупнѣе, и шерсть даютъ болѣе мягкую и пушистѣй.

У туземцовъ — выдѣлка кожъ въ младенческомъ состояніи: они занимаются этимъ только для своихъ домашнихъ потребностей; а у кого есть излишекъ, тотъ продаетъ. И за всѣмъ тѣмъ, сафьянъ-ли, кожа-ли для обуви ихъ выдѣлки — такъ прочны, что и не знаешь имъ износу. Тутъ секретъ не въ выдѣлкѣ, — кожа выдѣлана дурно; а дѣло въ томъ, что горныя травы питательны и даютъ силу, крѣпость и мягкость животному, а слѣдовательно и шкурѣ его.

При усиливающемся требованіи на сырые матеріалы, разведеніе скота и устройство кожевенныхъ заводовъ на Кавказѣ чрезвычайно прибыльно и дастъ предпринимателямъ (а слѣдовательно и всему обществу) почтенные проценты; и товаръ этотъ займетъ значительное мѣсто между предметами вывоза. Вотъ одинъ изъ многихъ источниковъ богатства Кавказа! А марена, шолкъ, вино, плоды и проч. и проч. и проч. И всѣ эти богатства потекутъ черезъ Поти!...

Въ мечтахъ о будущемъ процвѣтаніи Поти и предстоящемъ походѣ, меня застали сумерки. Наслаждаясь весеннимъ воздухомъ, который въ это время здѣсь такъ мягокъ, ароматиченъ и легокъ, — я сидѣлъ у раскрытаго окна и любовался свѣтящимися жучками; и чѣмъ темнѣе становилось, тѣмъ ихъ больше появлялось. Наконецъ можно было различать части зданій. Описывая полетомъ своимъ хорды, кривыя линіи и круги, жучки эти рѣзвятся, доставляя удовольствіе себѣ и жителямъ милой пляской огоньковъ. Свѣтъ отъ нихъ такъ силенъ, что залетѣвшіе ко мнѣ десять жучковъ, освѣщали всю комнату. По утру я разсматривалъ ихъ. Жучки эти имѣютъ цвѣтъ шоколадный или коричневый; величина ихъ три съ половиною линіи; ширина — одна линія; ножки покрыты пушкомъ, производящимъ свѣтъ; крылышекъ двѣ пары — надкрылія твердыя рубчатыя, а нижнія — перепончатыя. Все хорошо въ Поти, одно только худо — крысъ множество; всю ночь не давали спать.

П. Бугайскій.

Гулянье 1-го мая въ Екатерингофѣ.

(См. стр. 354 и 355).

Екатерингофскій паркъ, расположенный близь впаденія Фонтанки въ Неву, одна изъ красивѣйшихъ и наиболѣе посѣщаемыхъ окрестностей Петербурга. Здѣсь есть дворецъ, построенный Петромъ Великимъ, недалеко отъ устья Невы, близь Вольныхъ острововъ. Мѣсто это напоминаетъ славную побѣду Петра I (взятіе шведскихъ кораблей) и основаніе самаго Петербурга, въ ознаменованіе чего великій преобразователь Россіи и воздвигъ этотъ дворецъ въ 1711 году для Екатерины I, назвавъ его Екатерингофомъ. Въ послѣдніе дни своего царствованія временно поселялась въ немъ Елисавета Петровна, которой особенно нравились здѣшніе цвѣтники; но съ кончиною императрицы дворецъ былъ оставленъ. При Александрѣ I графъ Милорадовичъ, бывшій тогда петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, полюбилъ Екатерингофъ, какъ мѣсто отдохновенія послѣ трудовъ боевой и административной службы. Онъ исправилъ дворецъ, развелъ въ окрестностяхъ парки, построилъ воксалъ и бесѣдки съ превосходными видами на Неву, и вообще не щадилъ денегъ чтобы сдѣлать эту мѣстность любимымъ гуляньемъ для обитателей прилегающихъ частей города. При императорѣ Николаѣ I положеніе Екатерингофа еще улучшилось — дворецъ поступилъ въ вѣденіе гофъ-интендантской конторы и былъ передѣланъ почти заново.

Гулянье перваго мая привлекаетъ въ Екатерингофъ многочисленную публику. Зрѣлище этого народнаго праздника оживлено и блестяще; безчисленные ряды экипажей тянутся по аллеямъ парка; на лужайкахъ, по газону куртинъ, рабочій людъ забавляется разными играми; тамъ и сямъ гремятъ военные оркестры; наконецъ толпы гуляющихъ снуютъ во всѣхъ направленіяхъ по тропинкамъ парка, окруженнаго множествомъ изящныхъ дачъ.

Спекуляторъ.

(*Продолженіе*).

III. Штильке спекулируетъ.

Если Штильке провелъ нѣсколько черезъ-чуръ веселыхъ дней — за это никто не станетъ осуждать его, послѣ того какъ онъ такъ долго терпѣлъ нужду.

Прежде всего онъ самымъ торжественнымъ образомъ предалъ свою тетку землѣ, при чемъ присутствовали оба капитана вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ, словно это хоронили какого-нибудь адмирала. Самъ Штильке, въ шляпѣ съ трех-аршиннымъ крепомъ на головѣ, шелъ въ качествѣ ближайшаго родственника между двумя капитанами, предаваясь, время отъ времени, такой сильной скорби, что эти послѣдніе должны были поддерживать его, для того чтобъ онъ не упалъ на-земь. Въ надгробной рѣчи, своего сочиненія, онъ приписалъ своей теткѣ такія добродѣтели, что слушатели удивлялись, а ближайшіе сосѣди качали головами. Это была такая рѣчь, что, слушая ее, присутствующіе были иногда тронуты до слезъ, а въ слѣдующую за тѣмъ минуту съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Въ заключеніе торжества Штильке опустилъ въ могилу свой траурный крепъ—и общество отправилось въ трактиръ, чтобы оправиться отъ горестнаго волненія.

Здѣсь Штильке прежде всего роздалъ самыя лучшія «похоронныя сигары», какъ онъ ихъ называлъ, потомъ приказалъ подать похороннаго пуншу и похороннаго бифстеку, словомъ это былъ похоронный пиръ

Тѣмъ не менѣе Штильке на слѣдующій же день началъ серіозно думать о томъ, чтобы сдѣлать маленькую аферу, такъ чтобъ его тысяча марокъ увеличилась по крайней мѣрѣ вдесятеро. Всего удобнѣе было бы ему торговать въ Гамбургѣ. Но онъ слишкомъ хорошо зналъ своихъ земляковъ и тó какъ мало церемонились они съ «тысячью марокъ». Ему хотѣлось попытать это въ другомъ мѣстѣ—и онъ окончательно остановился на южноокеанскихъ островахъ и на своей въ высшей степени странной и фантастической спекуляціи старыми шляпами. Теперь дѣло шло о томъ чтобы набрать старыхъ шляпъ, которыя были выгоднѣе новыхъ относительно дешевизны и упаковки, потому что одна новая шляпа занимаетъ столько же мѣста, сколько десять старыхъ. Вслѣдствіе этого Штильке принялся охотиться за старыми шляпами—и выказалъ такую дѣятельность на жидовскомъ рынкѣ и во всѣхъ ветошныхъ лавкахъ, что скоро обратилъ на себя вниманіе всего израиля, а старыя шляпы стали рѣдки и поднялись въ цѣнѣ. Не осталось ни одного уголка въ Гамбургѣ и Альтонѣ, который бы онъ не обшарилъ, отыскивая старыя шляпы, такъ что тѣ кто не зналъ его—принимали его за рехнувшагося англичанина, а его друзья, которымъ онъ ничего не говорилъ о своей спекуляціи, начали смотрѣть на него съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Это было какъ нельзя болѣе на руку нѣсколькимъ отдаленнымъ родственникамъ Штильке, расчитывавшимъ на наслѣдство, которые, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, употребляли всевозможныя усилія, чтобы объявить его сумасшедшимъ и его самого содержать въ заключеніи, а наслѣдство взять себѣ.

Кто увидалъ бы спекулятора въ его погребѣ между грудами старыхъ шляпъ всевозможныхъ временъ и формъ, тотъ конечно усомнился бы въ его разсудкѣ, еслибъ только ему было извѣстно назначеніе этого магазина. Очень можетъ быть, что родственники и прибрали бы Штильке къ рукамъ, еслибъ «Германъ» не ушелъ черезъ нѣсколько дней въ море. Штильке уже не могъ повернуться въ погребѣ отъ старыхъ шляпъ, хотя онъ и набилъ ими нѣсколько сундуковъ, гдѣ они лежали какъ сельди въ бочонкѣ. Но это были самыя обыкновенныя шляпы. Гораздо рачительнѣе обошелся онъ съ нѣсколькими театральными и военными шляпами. Всего же болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи большой трехъугольной шляпѣ, обшитой золотымъ галуномъ съ пряжкой и султаномъ, при помощи которой онъ думалъ произвести чудеса, или даже сдѣлаться королемъ Овайги. Тѣмъ временемъ онъ сдѣлалъ и другіе запасы. Самый большой сундукъ, который онъ уложилъ послѣ всего, заключалъ въ себѣ четыре аршина длины и два аршина ширины и вышины; въ немъ-то думалъ Штильке устроить свою контору и избавиться такимъ образомъ отъ пошлины. На днѣ сундука былъ уложенъ тюфякъ съ покрывалами; потомъ развинчивающійся столъ съ ножками; зеркало, чтобъ островитяне могли видѣть: къ лицу ли имъ шляпы; нѣсколько посуды, кофейникъ, пара итальянскихъ колбасъ, окорокъ и двѣнадцать бутылокъ портвейна. Потомъ онъ принялся набивать его шляпами, такъ что весь его магазинъ, состоявшій изъ трехъ-сотъ старыхъ шляпъ, былъ уложенъ въ восьми сундукахъ. Штильке отправилъ свой грузъ на корабль, гдѣ его отнесли въ трюмъ. Матросамъ, которые чрезвычайно полюбили его со времени похоронъ и смотрѣли на него какъ на крайне-забавнаго чудака, ужасно хотѣлось узнать, чтò это такое онъ везетъ въ Овайги. Но онъ только таинственно указывалъ на свою голову, не говоря ни одного слова, вслѣдствіе чего имъ еще болѣе этого захотѣлось—и они ломали головы надъ сундуками, потому что въ этомъ отношеніи моряки то же что дѣти.

Трехъугольную шляпу Штильке положилъ въ большую коробку и держалъ ее при себѣ, а такъ какъ она не была заперта, то матросы скоро открыли ее; когда же они спросили Штильке, чтó онъ думаетъ съ этимъ дѣлать, онъ сообщилъ имъ въ видѣ тайны, что онъ назначенъ генералъ-фельдмаршаломъ въ Овайги,—чтó возбудило справедливое удивленіе въ матросахъ «Германа» и заставило ихъ предполагать, что сундуки заключаютъ въ себѣ мундиры для овайгской арміи, потому-что единственный мурдиръ, какой они до сихъ поръ видѣли на этомъ острову, состоялъ изъ лоскутка повязаннаго вокругъ бедръ, а на высшихъ сановникахъ изъ шараваръ—въ родѣ тѣхъ какіе употребляются для купанья.

Это было въ день отплытія «Германа»; Штильке въ послѣдній уже разъ уснулъ въ своемъ погребѣ,—а вскорѣ послѣ того какъ онъ всталъ, явились дальніе родственники съ двумя таинственными людьми и необыкновенно дружески освѣдомились объ его здоровьѣ. Они сказали, что слышали будто онъ очень опасно болѣнъ и поэтому привели съ собой двухъ лѣкарей, для того чтобъ, въ случаѣ опасности, помощь была подъ рукою.

Штильке зналъ какъ нельзя лучше, чего собственно они добивались, — и такъ какъ все его имущество было уже на кораблѣ и его дѣла съ адвокатомъ улажены (касательно шляпъ онъ сказалъ ему, что онъ скупилъ ихъ для картонной фабрики), то онъ задумалъ сыграть съ своими жадными родственниками отличнѣйшую штуку. Поэтому онъ сталъ кивать имъ самымъ страннымъ образомъ, покосился съ гнѣвнымъ видомъ на обоихъ докторовъ—и вслѣдъ за тѣмъ, не говоря ни слова, съ величайшею важностью разставилъ ихъ всѣхъ вдоль стѣны, велѣлъ имъ молчать и зажегъ свѣчку. Присутствующие не питали ни малѣйшаго сомнѣнія касательно того, что онъ совсѣмъ рехнулся—и имъ было очень любопытно узнать, чтó онъ теперь будетъ дѣлать.

Штильке угостилъ ихъ какимъ-то дикимъ танцемъ, чтó доставило ему возможность наступать имъ на мозоли. Потомъ онъ сказалъ имъ, что теперь, какъ онъ думаетъ, они сами могутъ видѣть до какой степени онъ здоровъ, а онъ обязанъ этимъ единственно только тому превосходному порошку, который онъ принялъ. Но что это не хина и не ревень, а просто обыкновенный порохъ, котораго онъ дастъ и имъ, такъ какъ у него осталось его еще восемьдесятъ фунтовъ. А чтобъ убѣдить ихъ въ томъ, что это порохъ а не ядъ, онъ сдѣлаетъ маленькую пробу. Тутъ онъ взялъ свѣчу и снялъ крышку съ пустой бочки изъ-подъ икры, куда онъ думалъ-было уложить свои шляпы. Если, при одномъ поминѣ о восьмидесяти фунтахъ пороху въ рукахъ такого сумасшедшаго, лица родственниковъ вытянулись и сдѣлались бѣлы какъ мѣлъ, —то теперь, когда Штильке поднесъ свѣчу къ мнимой пороховой бочкѣ, всѣ волоса поднялись у нихъ дыбомъ. «Ай, ай!» закричалъ одинъ изъ докторовъ, и побѣжавъ къ лѣстницѣ, для того чтобъ выбраться еще до взрыва, сшибъ съ ногъ одного родственника. Тутъ поднялся страшный гвалтъ, всѣ кинулись вонъ изъ погреба, такъ-что чуть не передавили другъ друга на лѣстницѣ. Когда же Штильке стукнулъ ручкой метлы по столу, такъ-что раздался сильный трескъ, то общество вылетѣло изъ погреба, словно изъ пушки, и съ крикомъ побѣжало прочь, въ то время какъ онъ взялъ свою шляпу и скрылся, такъ что этого никто не замѣтилъ.

Опасаясь погибнуть подъ развалинами обрушивающагося дома, родственники и доктора бѣжали въ ближайшія улицы, распространяя слухъ, что Штильке хочетъ взорвать свой погребъ на воздухъ, что онъ совсѣмъ помѣшался и стоитъ съ свѣчой въ рукѣ подлѣ пороховой бочки, въ которой восемьсотъ фунтовъ пороху.

Въ улицѣ, гдѣ находился опустѣвшій теперь погребъ Штильке, въ одну минуту все какъ будто бы вымерло. Едва узнали жители дома, на какомъ волканѣ они стоятъ, какъ сію же минуту убѣжали оттуда. Даже хозяинъ дома, пробужденный отъ утренней дремоты бросился бѣжать въ нижнемъ платьѣ и ночномъ колпакѣ.

Извѣстіе о томъ, что какой-то сумасшедшій хочетъ взорвать на воздухъ свой домъ, дошло и до гавани и реи корабля начали наполняться матросами, желавшими посмотрѣть на это интересное зрѣлище. Тѣмъ временемъ къ дому прискакали пожарныя трубы—и все, затаивъ дыханіе, ждало взрыва. Наконецъ одинъ смѣлый пожарный рѣшился подойдти къ погребу и закричалъ туда, что Штильке долженъ сдаться. Не получая отвѣта, онъ подкрался къ лѣстницѣ вмѣстѣ съ четырьмя другими пожарными и пятью кожаными кишками, послѣ чего пожарные начали качать изо всѣхъ силъ воду, для того чтобъ выгнать изъ погреба Штильке, который, по всеобщему мнѣнію, отказался отъ своей затѣи относительно взрыва на воздухъ и замышляетъ какую-нибудь другую дьявольскую штуку. Пожарные качали воду съ такимъ усердіемъ, что черезъ полчаса весь погребъ наполнился водою—и добрый Штильке безъ всякаго сомнѣнія или утонулъ бы или давно уже выскочилъ бы оттуда, еслибы только онъ тамъ былъ. Во всякомъ случаѣ, пороховая бочка сдѣлалась безопасна—а относительно Штильке всѣ рѣшили, что онъ утонулъ какъ крыса, и не мало о немъ жалѣли.

Теперь прежде всего надобно было выкачать изъ погреба воду, чтобы увидать въ какомъ тамъ положеніи дѣла. Когда послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнаго труда погребъ опять опустѣлъ, то тамъ не нашли и слѣдовъ Штильке, а когда мнимая пороховая бочка оказалась бочкой изъ-подъ икры, то надъ родственниками и сосѣдями стали страшно надсмѣхаться—и Штильковa продѣлка пошла гулять по всему городу. Тѣмъ временемъ капитанъ, которому Штильке разсказалъ всю исторію, отправилъ его въ лодкѣ въ Неймюленъ, откуда онъ, воспользовавшись первымъ же отливомъ, и достигъ корабля,—такъ-что въ то время, какъ изъ его погреба выкачивали воду и искали тамъ его трупа, онъ плылъ уже по направленію къ морю.

(Окончаніе будетъ).

Новый тоннель подъ Темзою.

(Лондонъ).

Шесть-сотъ тысячъ фунтовъ и восемьнадцать тысячъ фунтовъ — восемьнадцать лѣтъ и двѣнадцать мѣсяцевъ — вотъ сколько было употреблено денегъ и времени на сооруженіе двухъ единственныхъ въ свѣтѣ подводныхъ тоннелей. Новый тоннель конечно далеко не такъ замѣчателенъ, какъ прежній темзенскій тоннель, считавшійся до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ удивительныхъ произведеній человѣческаго искусства. Но если мы примемъ въ разсчетъ различіе въ количествѣ времени, денегъ и труда, употребленныхъ на оба предпріятія, то успѣхи, одержанные мистеромъ Барло въ 1870 году такъ же замѣчательны, какъ и успѣхи великаго Брунеля въ 1843 г. Новый тоннель, идущій отъ Тоуэръ-Гилля къ Тули-Стритъ (Tooley Street), имѣетъ четыре мили въ длину и устроенъ на разстояніи двадцати-двухъ футовъ отъ русла рѣки. Окладъ тоннеля состоитъ изъ желѣзныхъ трубъ, свинченныхъ изъ небольшихъ сегментовъ. Въ маленькомъ павильонѣ находится подъемная машина, посредствомъ которой спускаются въ тоннель,—и эта машина сама по себѣ маленькая комфортабельная комнатка, въ которой можетъ помѣститься отъ пяти до шести человѣкъ. Для спуска въ тоннель требуется не болѣе двадцати-пяти секундъ. Спустившись туда, вы видите себя, по выходѣ изъ комнатки, на платформѣ маленькой сторожевой будки, которую называютъ, изъ вѣжливости, станціей. Отсюда вы пере-

Новый тоннель подъ Темзою въ Лондонѣ.

ходите въ особый экипажъ или омнибусъ съ дверцами по обѣимъ сторонамъ, въ которомъ можетъ помѣститься до двѣнадцати человѣкъ, не считая кондуктора, который остается снаружи. Такъ какъ тоннель устроенъ съ спускомъ на 1—30, идущимъ до середины, откуда онъ опять подымается въ такой же пропорціи, то разъ приведенный въ движеніе экипажъ, передвигается уже безъ особенныхъ усилій, такъ что для этого достаточно небольшой машины въ четыре лошадиныхъ силы по обѣимъ концамъ, посредствомъ которой навивается канатъ влекущій экипажъ. Для всей поѣздки требуется 70 секундъ, такъ что за вычетомъ 10 минутъ для входа и выхода изъ экипажа выходитъ, что на поѣздку собственно употребляется всего двѣ минуты. Экипажъ отходитъ каждыя четыре минуты, такъ что въ случаѣ если пассажиръ опоздаетъ придти къ подъемной машинѣ, онъ теряетъ не болѣе 5 минутъ, а за поѣздку платитъ всего одинъ пенни (три копѣйки). Немного найдется такихъ дѣлъ, которыя были бы приведены къ концу такъ быстро и такъ счастливо какъ это. Работы шли безостановочно, не будучи ни одного разу прерваны вторженіемъ воды.

Обзоръ разореннаго Парижа.

Если вѣрить показаніямъ Асси, то планы коммуны были значительно разстроены тѣмъ, что версальскія войска вступили въ Парижъ ровно двумя днями раньше того, чѣмъ она ожидала. Еще не всѣ приготовленія были кончены, иначе въ Парижѣ не осталось бы камня на камнѣ. Очень можетъ быть, что въ Версалѣ узнали объ этомъ и ускорили вступленіе войскъ. Съ площади Согласія теперь видны развалины того, чтó называлось когда-то королевской улицей; зданіе морскаго министерства и отель Крильонъ, эти два великолѣпные памятника архитектуры прошлаго столѣтія, по счастію уцѣлѣли,—но отсюда и до церкви Магдалины взору представляется только два ряда почернѣвшихъ стѣнъ; только одна часть правой стороны улицы была пощажена. Отъ зданія министерства финансовъ, находящагося въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, остались только четыре голыя стѣны, грозящія обрушиться; сосѣднія улицы покрыты грудами пепла—послѣдними остатками драгоцѣнныхъ документовъ, уничтоженіе которыхъ доводитъ можетъ-быть до нищенства множество семействъ. Пойдемте дальше. Въ улицѣ С. Оноре замѣтны во многихъ мѣстахъ слѣды начинавшихся пожаровъ, которые, повидимому, были скоро прекращены. Вотъ и Тюильри. Какое зрѣлище! Однѣ голыя стѣны. Такъ-называемый *pavillon d'horloge*, построенный Екатериною Медичи, разрушенъ, точно такъ же какъ и оба примыкающіе къ нему флигеля. Павильонъ *de Marsan* постигла та же участь. Павильонъ Флоры, построенный только въ недавнее время, не такъ сильно пострадалъ отъ огня, благодаря прочности своихъ каменныхъ стѣнъ, но внутренность его и крыша совершенно опустошены. Отъ набережной и до павильона Рогана все было въ огнѣ, но тутъ его успѣли остановить, и такимъ образомъ великолѣпныя собранія картинъ и статуй, образующія здѣсь первый музеумъ въ Европѣ, спасены. Луврская библіотека, охваченная со стороны улицы Риволи пламенемъ, погибла вмѣстѣ съ находившимися въ ней рукописями, которымъ нѣтъ цѣны. Стоящій насупротивъ Пале-Рояль сгорѣлъ, только флигеля его отчасти спасены, точно также какъ и *théatre français*. Не будь при этомъ сѣверовосточнаго вѣтра, огонь перешелъ бы и на зданія и галлереи съ богатѣйшими магазинами драгоцѣнныхъ вещей и часовъ, а оттуда до императорской библіотеки былъ бы всего одинъ шагъ. Но тутъ хорошо стерегли,—и нѣсколько поджигателей, при которыхъ были найдены бомбы съ петролеумомъ, были сейчасъ же разстрѣляны.

По ту сторону Лувра, первый рядъ домовъ, окружающій мерію (ратушу) 20-го округа, и церковь *St. Germain d'Auxerrois*, превращены въ пепелъ. Великолѣпный фасадъ церкви св. Ефстафія—теперь одни развалины. На островѣ Сите дворецъ юстиціи и префектура уничтожены; *Sainte Chapelle*, обгорѣвшая снаружи, едва ли сохранится. Отъ городской думы ничего не осталось. Точно такую же участь приготовляли инсургенты и для сосѣднихъ домовъ.

Они подожгли зданіе городскаго архива, гдѣ хранились всѣ протоколы гражданскаго сословія, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ и кончая протоколами 1860 года. Послѣдствія этого неизмѣримы.

Переходя отъ *Hotel de Ville* на лѣвый берегъ Сены, мы находимъ, что Пантеонъ и Люксамбургскій дворецъ уцѣлѣли. Но ихъ пытались поджечь; люксамбургскій пороховой магазинъ былъ взорванъ, но это не причинило большаго вреда. Еслибы этотъ взрывъ произвелъ тѣ слѣдствія, какихъ ожидали, то цѣлая часть латинскаго квартала была бы уничтожена: Сорбонна, библіотека св. Женевьевы, Валь-де-грасъ и нѣкоторыя другія учебныя и ученыя заведенія всего въ нѣсколькихъ шагахъ. Огонь не достигъ до института, но на десять минутъ пути отъ него лежатъ громадныя дымящіяся развалины: казарма *d'Orsay*, государственный совѣтъ, счетный приказъ и отель почетнаго легіона, расположенные при выходѣ изъ улицы *du Bac*. Тамъ нашли родъ поджигательныхъ свѣчей, которыя составлены изъ зеленоватаго, легко воспламеняющагося вещества, и горятъ въ продолженіе цѣлаго часа. Были задержаны женщины, съ суповыми мисками, въ которыхъ онѣ несли, по ихъ словамъ, супъ для своихъ мужей, но на самомъ дѣлѣ петролеумъ сверху котораго плавали куски хлѣба и бобы. Запахъ выдалъ ту адскую кухню, въ которой варился супъ, и женщины были сейчасъ же разстрѣляны.'

Кварталъ принца Евгенія, начиная отъ площади замка *d'Eau* и до бульвара *Richard-Lenoir*—ничто иное какъ развалины. Находящійся тутъ театръ (*delassement comique*) и около сотни домовъ въ улицѣ Рампонъ, Крюссоль, Ангульме и Оберкампъ совершенно сгорѣли. Бульваръ *du Temple* представляетъ ужасное зрѣлище. Ресторанъ Бонвале, *café turc*, театръ Дежазе, café Achille (*rendez-vous* провинціальныхъ актеровъ) и почти всѣ дома улицы *du Temple* вплоть до улицы *Charlos* превращены въ пепелъ и развалины. Площадь замка *d'Eau* нѣкоторымъ образомъ уже не существуетъ. Всѣ окружавшіе ея дома и памятники сгорѣли до основанія. *Magasins réunis*, казарма принца Евгенія, *pauvre Jacques*, кондитерская *Тюрго*, пивоварня замка *d'Eau*, ресторація Дюваля, и т. д. жестоко пострадали, точно такъ же какъ и дома, образующіе уголъ между бульварами *du Temple* и принца Евгенія. Лавильетскіе доки сгорѣли, но берсійскіе цѣлы. Здѣсь жители сами отстаивали свою часть города до самой меріи, которая сгорѣла. Чтó заставляетъ предполагать о намѣреніи сжечь всю улицу Берси—это разореніе большаго и прекраснаго зданія, находящагося на мазасскомъ бульварѣ, въ углу этой улицы и примыкающаго къ ліонской станціи желѣзной дороги, въ которомъ помѣщалась канцелярія компаніи. Скверъ при башнѣ св. Жака, такой свѣжій и зеленый за 4 или за 5 дней передъ этимъ, превращенъ во временное кладбище. Тутъ выкапываются длинныя могилы, куда ставятся ряды гробовъ, и число находящихся здѣсь труповъ простирается уже, какъ слышно, до 1000. Фасадъ церкви св. Мона на севастопольскомъ бульварѣ пробитъ насквозь; въ него было сдѣлано такое множество выстрѣловъ, что почти вся наружная скульптура уничтожена. Нѣсколько домовъ на бульварѣ и часть магазина Пигмаліона разрушены. Кафе въ углу бульвара и улицы Риволи сгорѣли. Въ числѣ наиболѣе-пострадавшихъ улицъ находится также улица Тюрбиго. Всѣ дома между севастопольскимъ бульваромъ и церковью св. Ефстафія повреждены ядрами или гранатами. Мерія квартала *du Temple* тоже сильно пострадала; весь флигель, выходящій въ улицу *vièlle du temple*, сгорѣлъ,

и только часть, выходящая къ наполеоновской казармѣ, спасена. Вся улица св. Антонія, начиная съ церкви св. Антонія и до Бастиліи, была засыпана по правую сторону гранатами. Дома почти всѣ разрушены. Протестантскій храмъ пробитъ гранатами. Магазина *Paradis des Dames* уже не существуетъ; отъ церкви св. Павла оторвана часть крыши.

Площадь Бастиліи страшно опустошена. Начиная отъ кафе Гебера и до ресторана «четырехъ сержантовъ» все что находилось на бульварѣ Бомарше—теперь дымящіяся развалины. Сторожевое зданіе подлѣ колонны, на которой находился прежде гипсовый слонъ, описанный Викторомъ Гюго въ романѣ «les Misérables», уничтожено.

Внутреннее обозрѣніе.

Вопросъ о преобразованіи воинской повинности продолжаетъ занимать наше общество. По частнымъ извѣстіямъ петербургскихъ и московскихъ газетъ, коммиссія для разработки этого вопроса занята въ настоящее время опредѣленіемъ сроковъ службы, которые, съ одной стороны, удовлетворяли бы требованіямъ хорошей арміи, а съ другой—не отрывали бы безъ нужды массу лицъ отъ ихъ обычныхъ занятій. Слышно, что коммиссія пришла къ установленію на первое время 15-тилѣтняго срока, причемъ срокъ дѣйствительной службы опредѣленъ въ 6 лѣтъ; изъ этихъ 6-ти лѣтъ на пребываніе въ рядахъ употребляется только $4\frac{1}{2}$ года, т. е. пять лагерныхъ сборовъ, а остальное время, именно $1\frac{1}{2}$ года, солдаты будутъ находиться въ такъ-называемомъ «временномъ отпуску». Мѣра эта необходима для того, чтобъ такими отпускными солдатами уравновѣшивать штаты мирныхъ составовъ арміи, и она относится лишь до пѣхоты; спеціальнымъ же войскамъ, взамѣнъ этого, будетъ сокращено время состоянія въ запасѣ. Говорятъ, что «главнѣйшими причинами къ назначенію болѣе продолжительнаго срока дѣйствительной службы выставлены: неимѣніе у насъ казармъ, размѣщеніе войскъ по широкимъ квартирамъ и неблагопріятныя климатическія условія, что все вмѣстѣ даетъ возможность заниматься обученіемъ солдатъ только въ теченіи 6-ти или 7-ми мѣсяцевъ въ году; точно такъ же не малымъ препятствіемъ къ болѣе скорому образованію солдатъ служитъ низкій уровень развитія и грамотности людей, поступающихъ въ армію». Разбирая эти причины, мы видимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, съ теченіемъ времени, могутъ быть устранены совсѣмъ, другія—только отчасти; такъ напр. расквартированіе войскъ по деревнямъ и селамъ, дѣйствительно, не можетъ способствовать правильному и притомъ постоянному ихъ обученію. Но неудобство это, съ устройствомъ казармъ, въ которыхъ могли бы помѣщаться войска безъ дробленія ихъ на мелкія части, устранится. Съ развитіемъ въ средѣ сельскаго населенія грамотности, уничтожится и послѣдняя изъ приводимыхъ причинъ. Останется только одна причина—неблагопріятныя климатическія условія страны. Что же касается нашего личнаго взгляда на продолжительность сроковъ службы, то онъ изложенъ весьма обстоятельно въ статьяхъ подполковника Коптева: «Письма объ организаціи войскъ», къ которымъ и отсылаемъ читателей (см. «Нива» 1870 г. №№ 3, 6 и 7).

Реформы въ военномъ вѣдомствѣ слѣдуютъ быстро одна за другою: кромѣ общаго преобразованія всей повинности, предпринимаются частныя по внутренней организаціи войскъ. Такъ поднятъ вопросъ объ уравненіи чиновъ между служащими въ гвардіи и арміи. Газета «Голосъ» свидѣтельствуетъ, что вопросъ этотъ приходитъ уже къ окончанію и будетъ представленъ на утвержденіе въ непродолжительномъ времени. Въ кавалеріи, какъ слышно, прибавляется чинъ подпоручика; затѣмъ производство въ чины остается по вакансіи, исключая чиновъ прапорщика и подпоручика, въ которыхъ обязательно прослужить по два года. Переводъ изъ гвардіи въ армію съ повышеніемъ двумя чинами, какъ это было до сихъ поръ, намѣреваются затруднить; именно: всякій офицеръ, желающій перейти въ армію съ повышеніемъ двумя чинами, долженъ обязательно прослужить три года въ чинѣ, иначе повышается только однимъ чиномъ.

Носится также слухъ, что военное вѣдомство обсуждаетъ теперь вопросъ о переименованіи штабъ и оберъ-офицеровъ и генераловъ, не несущихъ обязанностей военной службы, въ соотвѣтствующіе гражданскіе чины. Это не нормальное явленіе, по которому лица изъ военныхъ, числящіеся въ гражданской службѣ, сохраняютъ свои военные чины, дававшіе имъ возможность, кромѣ обыкновеннаго за гражданскую службу свою содержанія, пользоваться еще жалованьемъ «по чину» и получать разныя прибавочныя деньги, — составляетъ одинъ изъ анахронизмовъ нашего времени. По словамъ «Петерб. Вѣдомостей», откуда мы почерпаемъ это извѣстіе, въ самомъ министерствѣ давно уже зрѣетъ намѣреніе привесть въ исполненіе настоящую мѣру, и въ этомъ смыслѣ въ послѣднее время введены были для такихъ лицъ разныя ограниченія, какъ-то: отнято жалованье «по чину», прекращено производство разныхъ добавочныхъ денегъ и проч.

Въ виду совершенныхъ и имѣющихъ еще совершиться реформъ по означенному вѣдомству, любопытно взглянуть на самый составъ войскъ въ настоящее время и сравнить его съ прежнимъ. Матеріалы для такого сравненія даетъ намъ Военно-статистическій сборникъ, гдѣ сообщается много разнообразныхъ статистическихъ данныхъ о нашихъ войскахъ. По этимъ свѣдѣніямъ оказывается, что въ настоящее время въ русской *регулярной* арміи считается 852 батальона (т. е. пѣхоты), 281 эскадронъ (т. е. кавалеріи) и 1,422 орудія, что составитъ: 1) въ *мирное время* 33,043 офицера и 732,829 нижнихъ чиновъ; всего слѣдовательно 765,872 человѣка. Въ *военное* время число это достигаетъ 1.173,879 человѣкъ. По «Временнику» 1866 года у насъ считалось: въ войскахъ регулярныхъ, по мирному положенію, 902,561 человѣкъ (слѣдовательно *болѣе* противъ настоящаго на 136,689 человѣкъ), а по военному — 1.242,182 человѣка (*болѣе* противъ нынѣшняго на 68,303 чел.). Разность между штатами времени мирнаго и военнаго составляетъ въ настоящее время до 440 тыс. человѣкъ, тогда какъ въ 1866 году она равнялась 339,621 челов. Относительно къ количеству населенія число это выразится слѣдующимъ образомъ: въ настоящее время одинъ военный (регулярныхъ войскъ) приходится приблизительно на 115 жителей вообще, а до 1866 года приходилось 1 военный только на 88 человѣкъ. Офицеровъ въ настоящее время приходится среднимъ числомъ по 37 человѣкъ на каждую тысячу нижнихъ чиновъ. Въ офицерахъ замѣтна убыль противъ прежняго—и вообще прибываетъ ихъ менѣе чѣмъ убываетъ на 650 человѣкъ. Между нижними чинами на оборотъ: въ послѣдніе 11 лѣтъ (до 1868 года включительно) прибыль ихъ болѣе чѣмъ убыль на 242,316 чел. Составъ офицеровъ по исповѣданіямъ слѣдующій: православныхъ слишкомъ 76%, католиковъ и греко-уніатовъ около 15%, протестантовъ 7%, армяно-грегоріанъ болѣе 1% и магометанъ 1%. По чинамъ распредѣленіе вѣроисповѣданій слѣдующее: въ чинахъ прапорщичьихъ одинъ лютеранинъ приходится на 12 человѣкъ; въ чинахъ же полковничьихъ и генеральскихъ 1 лютеранинъ приходится на 4-хъ человѣкъ. Православныхъ болѣе $\frac{5}{6}$ всего войска. Наибольшее число офицеровъ, получившихъ спеціальное образованіе, находится, какъ и слѣдовало ожидать, въ инженерахъ и въ артиллеріи, наимень-

шее въ пѣхотѣ. Грамотность въ войскахъ хотя медленно но все-таки возрастаетъ: въ 1867 году вовсе неграмотныхъ было болѣе 54 процентовъ, а въ 1869 году немного болѣе 46, значитъ—въ два года процентъ неграмотныхъ уменьшился болѣе чѣмъ на 7%. Всего болѣе грамотныхъ солдатъ въ артиллеріи, всего менѣе въ пѣхотѣ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 4 Іюня 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 14 іюня 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногородныхъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Дядюшка Ѳедоръ Алексѣевичъ въ столицѣ.

(изъ воспоминаній петербургскаго старожила).

Зимою 1837 года, когда я находился на службѣ въ Военномъ Министерствѣ и жилъ съ матерью въ Фурштадтской улицѣ, въ домѣ Бижеича, въ Петербургъ пріѣхалъ изъ фатежскаго уѣзда мой дядюшка Ѳедоръ Алексѣевичъ — провѣдать своихъ «сиротокъ», т. е. двухъ дочекъ, находившихся пансіонерками въ Смольномъ, и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, а другой въ Институтѣ Путей Сообщенія, равномѣрно оба своекоштными воспитанниками. Дядюшка Ѳедоръ Алексѣевичъ въ это время только-что овдовѣлъ, лишась истинно милой и добрѣйшей своей Натальи Николаевны, урожденной Б—вой, принадлежавшей къ одному изъ хорошихъ курскихъ дворянскихъ домовъ. Дядя ея, Петръ Ивановичъ, совоспитанникъ и однокашникъ Аракчеева по артиллерійскому тогдашнему корпусу, оставилъ въ молодости мундиръ гвардейскаго артиллериста, промѣнявъ его на монашескую рясу и монашескій клобукъ; въ 1837 году онъ былъ архимандритомъ—и вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ Д. Н. Б—вымъ, въ то время гвардіи полковникомъ, весьма ревностно занимался воспитаніемъ этихъ дѣтей и не уставалъ посѣщать ихъ, особенно дѣвочекъ, кузинъ моихъ, въ Смольномъ монастырѣ. Когда пріѣхалъ въ Петербургъ дядюшка Ѳедоръ Алексѣевичъ, то остановился у этого своего родственника, гвардейскаго полковника, около Таврическаго сада. Это было очень недалеко отъ нашего жилья, почему я имѣлъ удовольствіе то и дѣло видѣть дядюшку Ѳедора Алексѣевича нашимъ гостемъ,—причемъ конечно угловатости его провинціализма и своеобычные пріемы вмѣстѣ съ различными удивительными и забавными выходками отчасти смѣшили, отчасти смущали, отчасти раздражали меня, двадцати-четырехъ-лѣтняго молодаго человѣка, столичнаго жителя и петербуржца до мозга костей, никогда никуда дальше Петергофа и Царскаго Села не выѣзжавшаго.

Здѣсь не мѣсто разсказывать и описывать всѣ самодурства моего дядюшки, имъ втеченіи всей его многолѣтней жизни содѣянныя. Это составило бы цѣлый томъ. Довольно сказать, что, будучи штабъ-ротмистромъ гвардіи въ отставкѣ, онъ разорился пожертвованіями разнаго рода на пользу общественную, съ цѣлью достичь того, чтобы по кончинѣ его, на погребеніи, около гроба его въ числѣ орденовъ, какіе онъ имѣлъ, былъ и орденъ Св. Владиміра 3-й степени, т. е. орденъ, даваемый разнымъ лицамъ уже въ генеральскихъ рангахъ или вообще лицамъ близкимъ къ генеральству. Когда въ 1862 году онъ получилъ этотъ вожделѣнный орденъ, стоившій ему чуть-ли не остатка всего его состоянія, то забывая, что этимъ сумазбродствомъ раззорилъ дѣтей своихъ,—онъ уже слабый и щедушный воскликнулъ, надѣвая себѣ на шею это украшеніе: «Теперь я умру спокойно: на погребеніи моего грѣшнаго тѣла понесутъ подушку съ этимъ высшимъ знакомъ царской ко мнѣ милости». Кромѣ этого постояннаго и неизлечимаго эксцентрицизма,—дядюшка мой былъ увѣренъ какъ нельзя больше, что родъ нашъ имѣетъ интересное начало и хотѣлъ во что бы то ни

стало добиться княжеской короны, каковая фантазія дала однажды случай нѣсколькимъ ловкимъ мошенникамъ наказать дядюшку рублей на пятьсотъ ассигнаціями, послѣ чего онъ нѣсколько поохладѣлъ къ отыскиванію княжескаго достоинства, говоря, что одинъ въ полѣ не воинъ и что ему одному трудно бороться съ Герольдіею, когда братья его безмолвствуютъ. Еще замѣчателенъ былъ у дядюшки Θедора Алексѣевича его арсеналъ или кабинетъ рѣдкостей, куда онъ помѣщалъ все, что сколько нибудь ему казалось достопамятнымъ. Онъ тутъ, въ этомъ каррикатурномъ музеумѣ, имѣлъ многое множество всякаго хлама, каждая вещь котораго, по его мнѣнію, была исторически драгоцѣнна. Такъ напримѣръ, какой-то дрянной желѣзный садовый стулъ онъ величалъ трономъ Емельки Пугачева, а про холщевый платокъ съ желто-краснымъ пятномъ разсказывалъ, что будто въ этомъ платкѣ перенесена была съ подмостковъ эшафота внизъ къ черни голова несчастной Маріи Антуанетты; сломанная алебарда какого-то московскаго или петербургскаго будочника носила здѣсь названіе бердыша котораго-то изъ нашихъ историческихъ витязей; изорванное и исковерканное форрейторское сѣдло какого-то скотопрогонщика или табуннаго прàсола считалось въ этомъ музеумѣ частью конскаго убора самозванца Гришки Отрепьева, когда онъ въѣзжалъ въ Москву и пр. и пр. и пр. Всѣхъ такихъ нумеровъ вещей чисто-историческаго будто бы характера у дядюшки Θедора Алексѣевича было до 250, которыя всѣ стоили ему преизрядныхъ денегъ, но большая часть которыхъ даже на дрова впослѣдствіи не пригодилась. Въ числѣ главныхъ рѣдкостей, но рѣдкостей живыхъ, у Θедора Алексѣевича была ветхая слѣпая бѣлая лошадь, пользовавшаяся въ конюшнѣ всевозможнымъ почетомъ и широчайшимъ комфортомъ. Лишь въ память дня вошествія союзныхъ войскъ въ Парижъ, т. е. 19 марта 1814 г., на эту лошадь ежегодно возлагалось сѣдло съ голубымъ кирасирскимъ вальтрапомъ, и старушка лошадь эта приводима была въ залъ нижняго этажа, гдѣ владѣлецъ ея, въ юнкерскомъ кирасирскомъ мундирѣ формы того времени, когда въ 1814 году онъ вмѣстѣ съ союзными войсками вступалъ на этомъ своемъ конѣ въ Парижъ,—принималъ поводъ своего нѣкогда бодраго и величественнаго боеваго коня и прохаживался по залѣ съ этимъ почти полумертвымъ лошадинымъ скелетомъ, причемъ домашніе музыканты хоромъ исполняли различные марши и бравурныя аріи. Пока дряхлая лошадь, по кличкѣ «Парижъ», имѣла достаточно силы, чтобы на хребтѣ своемъ носить громаднаго сѣдока, — Θедоръ Алексѣевичъ садился на нее верхомъ и шагомъ объѣзжалъ по бильярдной залѣ вокругъ бильярда.

Разсказъ этотъ можетъ дать вамъ, читатель, понятіе о частицѣ странностей моего дяди, Θедора Алексѣевича, хотя все это были, какъ говорится, не больше какъ цвѣточки—ягодки же впереди. Я передъ этимъ довольно длиннымъ эпизодическимъ отступленіемъ сказалъ, что по пріѣздѣ въ Петербургъ, дядюшка Θедоръ Алексѣевичъ часто посѣщалъ насъ, т. е. мою мать и меня, такъ-какъ сестры мои въ эту пору были въ Смольномъ монастырѣ вмѣстѣ съ его дочерьми, нашими кузинами. Въ первый же день своего пріѣзда въ Петербургъ, Θедоръ Алексѣевичъ провелъ у насъ вечеръ. Это было, какъ теперь помню, въ субботу. Рѣшено было на другой день по утру ѣхать въ Смольный, гдѣ въ общей залѣ родственники могли видѣться съ воспитанницами, обыкновенно наполнявшими огромную пріемную залу. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня къ подъѣзду деревяннаго дома, въ которомъ мы жили, подъѣхала изящная двумѣстная карета полковника В—ва и слуга, одѣтый въ военную ливрею, объявилъ мнѣ, что дядюшка Θедоръ Алексѣевичъ ожидаетъ меня въ каретѣ. Онъ сидѣлъ закутанный въ громадную медвѣжью шубу, а на головѣ у него была бѣлая кирасирская съ голубымъ околышемъ фуражка. Я при видѣ этой фуражки подумалъ, что военная фуражка—любимый его головной уборъ собственно потому, что онъ въ отставкѣ имѣетъ мундиръ,—и нисколько не заботился о томъ, какое у него платье подъ громадною шубой, скрывавшей его персону отъ шеи до пятокъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ сѣняхъ Смольнаго монастыря, т. е. Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, шуба и фуражка были сданы на руки лакею, и дядюшка явился передо мною, да и передъ всею изумленною публикою, въ бѣломъ бальномъ безъ-эполетномъ кирасирскомъ мундирѣ своего времени и въ сѣрыхъ рейтузахъ уже новѣйшей эпохи. На бедрѣ была кавалерійская шпага, а въ лѣвой рукѣ трехъ-угольная шляпа-клакъ съ огромнымъ бѣлымъ султаномъ, волочившимся по полу. Всѣ регаліи, какія только у него тогда имѣлись, само собой разумѣется, покрывали его грудь и выю. Этотъ маскарадный костюмъ заставилъ меня и очень многихъ ахнуть. Увѣренія мои встрѣтили гранитную непреклонную волю моего дядюшки, который рѣшительно и положительно доказывалъ, что яицамъ курицы не приходится учить, что онъ терпѣть не можетъ «либеральничанья», что въ такой праздничный день какъ воскресный, посѣщая такое правительственное учрежденіе какъ Смольный, быть въ сюртукѣ — знакъ величайшаго невѣжества, невѣждества, вреднаго демократизма, чуть-чуть едва ли не якобинизма. Дядюшка преспокойно усѣлся около балюстрады, въ одномъ изъ самыхъ видныхъ мѣстъ смольномонастырской пріемной залы, и бесѣдовалъ съ своими дочерьми и съ своими племянницами, т. е. съ моими сестрами, щедро одѣляя какъ тѣхъ такъ и другихъ конфектами и фруктами изъ порядочной корзины, принесенной за нимъ въ залу однимъ изъ сторожей заведенія. Публики какъ нарочно въ этотъ день было въ залѣ не мало, а потому ярко выдававшійся необыкновенный костюмъ моего дядюшки обращалъ на себя вниманіе весьма и весьма многихъ. Нѣкоторые подходили и разсматривали дядю довольно нецеремонно и крайне пристально. Иные, болѣе или менѣе знакомые мнѣ, обращались ко мнѣ съ вопросомъ: откуда Богъ помогъ мнѣ выудить такого чудака? Всѣмъ, особенно молодымъ людямъ, любопытно было знать, что это за бѣлый мундиръ съ длинными фалдами. Надо было всѣмъ и каждому отвѣчать по возможности отчетливо, стараясь скрывать свой конфузъ и свою досаду подъ холодною серіозностью, потому-что обнаружь только то или другое—и нѣтъ ничего удивительнаго, что шутки могли бы зайти за предѣлы даже приличія. Положеніе мое было несносное,—и въ каретѣ, на обратномъ пути, я заявилъ дядюшкѣ, что я рѣшительно не хочу быть его спутникомъ куда бы то ни было, ежели онъ будетъ упорствовать наряжаться въ военный мундиръ. Дома у насъ дядюшка увидѣлъ только-что принесенныя афиши и въ числѣ ихъ одну громадную, съ изображеніями разныхъ дикихъ звѣрей, птицъ и змѣй, показывавшихся въ звѣринцѣ Зама, который помѣщался въ домѣ Таирова, въ Морской. Афиша эта плѣнила моего чудака-дядюшку, и онъ настоялъ на томъ, чтобы я съ

нимъ поѣхалъ въ звѣринецъ; а я настоялъ на томъ, чтобъ дядюшка снялъ свой бѣлый мундиръ и замѣнилъ его болѣе простымъ и общимъ костюмомъ. Онъ далъ слово и поѣхалъ переодѣться. Четверть часа спустя послѣ этого, я опять ѣхалъ съ дядюшкой моимъ въ каретѣ полковника Б--ва. На дядюшкѣ была уже шуба не медвѣжья, а болѣе легкая—енотовая, какову̀ю перемѣну онъ объяснилъ мнѣ тѣмъ, что вѣроятно въ звѣринцѣ не слишкомъ-то тепло и придется ходить въ шубѣ, медвѣжій же мѣхъ ужь черезъ-чуръ громоздокъ. На головѣ у дядюшки была уже не бѣлая, а темнозеленая съ краснымъ околышемъ фуражка, о которой равномѣрно онъ нашелъ нужнымъ сказать мнѣ, что это фуражка принадлежащая къ формѣ дворянской и предводительской, такъ какъ въ это время онъ былъ уѣзднымъ предводителемъ. «Но кромѣ этихъ двухъ мундировъ, т. е. кирасирскаго въ отставкѣ и предводительскаго, я имѣю право носить и ношу въ перемѣжку,—объяснялъ онъ мнѣ съ особеннымъ удовольствіемъ,—мундиръ синій съ малиновымъ бархатнымъ воротникомъ почетнаго смотрителя училищъ; за тѣмъ мундиръ темнозеленый съ фіолетовымъ воротникомъ—Человѣколюбиваго Общества; еще мундиръ почти голубой, съ бѣлыми пуговицами—члена Строительной коммиссіи; да кромѣ всего этого великолѣпнѣйшій свѣтлозеленый съ золотыми галунами мундиръ губернской охоты». Въ этихъ разговорахъ пріѣхали мы въ звѣринецъ Зама, залы котораго довольно порядочно истопленныя, оказались достаточно теплыми, почему не встрѣтилось никакой надобности таскать на себѣ енотовую шубу, которая и отдана была слугѣ, носившему ее за нами по всему звѣринцу. Здѣсь вниманіе дядюшки было привлекаемо то ка̀чающимся бѣлымъ медвѣдемъ, то гіеною, сидящею съ овцою, дѣлавшеюся вечеромъ ея жертвою, то величественными львами, то забавными обезьянами, то крикливыми попугаями, то змѣемъ-удавомъ обвивавшимся около шеи служителя, его показывавшаго, то пеликаномъ, о привычкѣ котораго раздирать себѣ грудь для питанія птенцовъ—дядюшка повѣствовалъ весьма положительно и настойчиво, ссылаясь не на орнитологическое какое нибудь сочиненіе, а на изображеніе, имѣющееся на пуговицахъ чиновниковъ Воспитательнаго Дома и на алебастровомъ фронтонѣ этого зданія въ Петербургѣ. Доказать Ѳедору Алексѣевичу ошибочность его какого нибудь мнѣнія—было мудренѣе чѣмъ предпринять трудъ своротить въ сторону теченіе какой-либо рѣки. Упорству его ничто не равнялось; но онъ упорство это величалъ—твердостью характера. Такъ оказалось и теперь: онъ, какъ вы помните, далъ мнѣ слово снять свой бѣлый кирасирскій мундиръ, который однако замѣнилъ предводительскимъ съ вышитымъ золотомъ краснымъ воротникомъ, и въ такомъ нарядѣ показывалъ себя какъ обитателямъ, такъ и посѣтителямъ звѣринца Зама. Первые, т. е. обитатели, задержанные желѣзными рѣшетками своихъ клѣтокъ, не могли демонстрировать предводительскому мундиру иначе, какъ только рычаньемъ, визгомъ, шипѣніемъ, гримасами, прыжками и пр. и пр. Но посѣтители, никакими клѣтками не удерживаемые, демонстрировали тѣмъ, что толпою ходили за нами и усердно хохотали, слушая различныя болѣе или менѣе странныя а часто даже и болѣе чѣмъ странныя замѣчанія почтеннаго дядюшки о различныхъ предметахъ,—особенно тѣхъ, которые требовали свѣденій научныхъ, хотя бы даже самыхъ элементарныхъ,— которыя выражались имъ какъ-то необыкновенно утвердительно, безъ-апеляціонно, хотя всегда вопреки всякой сути настоящаго дѣла и истины. Дядюшка относилъ эту общую веселость публики къ тому, что всѣмъ этимъ господамъ особенно пріятно видѣть тутъ одного изъ представителей отечественнаго дворянскаго сословія, который уже самымъ парадцымъ костюмомъ своимъ заявляетъ свое высокое уваженіе къ царской резиденціи въ воскресный день. Среди всѣхъ этихъ разговоровъ и объясненій, дядюшка Ѳедоръ Алексѣевичъ остановился передъ предметомъ, поразившимъ его вниманіе. То была довольно длинная палка въ видѣ лопаты, выкрашенная подъ красное дерево, очень старое, т. е. почернѣвшее уже.

— Что это такое? спросилъ онъ услужливаго чичероне, сопровождавшаго насъ и исковерканнымъ русскимъ языкомъ толковавшаго намъ, ни въ одной зоологіи конечно никѣмъ не находимыя, не сбыточныя подробности о всемъ томъ, что̀ тутъ показывалось за ассигнаціонный рубль.

— Это, возгла̀силъ чичероне своимъ необыкновеннымъ діалектомъ, передавать который не въ моихъ средствахъ,—это очень интересный сюжетъ—караибское весло, которымъ дикіе караибы управляютъ своими лодочками. Когда мы съ геръ Замомъ охотились въ Америкѣ, то достали это весло отъ дикарей, которые сражались съ нами. О! тутъ была большая баталія, мы многихъ этихъ дикихъ людей убили, и взяли всѣ ихъ лодочки и всѣ ихъ весла, и всѣ ихъ пики и стрѣлы.

— Гдѣ-жъ это все? вопрошалъ дядюшка.

— Все это у насъ раскупили богатые англичане для своихъ арсеналовъ и для своихъ музеумовъ. Въ Россіи мало знатоковъ рѣдкостей, однако мы надѣемся на провинцію, да и то только на одну, именно на Курскую губернію.

— Курскую губернію! воскликнулъ Ѳедоръ Алексѣевичъ.—Кто-жъ это тамъ у васъ купитъ ваше весло? Любопытно было бы знать.

— Не знаю, ваше сіятельство (это титулованіе приводило въ упоеніе дядю), фамиліи того просвѣщеннаго любителя рѣдкостей, о которомъ намъ сказывали; но знаю навѣрное только то, что онъ, этотъ прекрасный господинъ, очень богатый помѣщикъ фатежскаго уѣзда и владѣетъ такимъ собраніемъ рѣдкостей, смотрѣть которое пріѣзжаютъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, даже изъ столицъ.

Штука эта, поразившая меня своимъ нахальствомъ, произвела то дѣйствіе, что дядя не утерпѣлъ и тотчасъ назвалъ себя. Тогда прибѣжалъ самъ хозяинъ, голландскій жидъ Замъ, и присоединилъ свои комплименты и восторги къ фразамъ своего помощника по части надувательства. Это привело дядю въ восторгъ, и онъ купилъ караибское (??!!) весло... не помню уже за какую цѣну, но помнится, довольно крупную, особенно принимая во вниманіе такую вещь, какъ эта деревянная ни къ чему не годная палка, которую тотчасъ и отдали въ руки слугѣ, таскавшему уже за нами наши шубы.

Читатель конечно изъявитъ нѣкоторое удивленіе, какимъ образомъ чичероне звѣринца Зама могъ узнать подробности о моемъ дядѣ и о страстишкѣ его, которую такъ успѣшно эксплуатировалъ съ такою быстротою. Признаюсь, и меня въ ту пору это сильно поразило и изумило; но впослѣдствіи, и въ весьма скоромъ послѣдствіи, мнѣ удалось узнать, что дѣло было устроено очень просто: въ домѣ Таирова, гдѣ помѣщался звѣринецъ этотъ, находилась внизу парикмахерская фран-

цузская, въ числѣ учениковъ которой былъ бойкій и ловкій шестнадцатилѣтній мальчикъ Ѳомка, прозванный французами Тома. Онъ былъ ни больше, ни меньше какъ дворовый субъектъ одного изъ сосѣдей дяди по имѣнію, жившій прежде у барина въ казачкахъ и видавшій нерѣдко Ѳедора Алексѣевича, о музеумѣ котораго шла молва во всемъ уѣздѣ, гдѣ было не мало ловкихъ плутовъ, умѣвшихъ ловко эксплуатировать эту страстишку любезнаго моего дядюшки. Мальчикъ Тома или Ѳома, хорошо знакомый съ черномазымъ чичероніемъ, выторговалъ у него впередъ синюю бумажку—и когда пріѣхали мы въ звѣринецъ, узнавъ деревенскаго сосѣда-самодура, поспѣшилъ въ антрактахъ все что надо было передать смѣтливому жидку, умѣвшему воспользоваться тѣмъ, что̀ ему было сообщено въ достаточныхъ для его сообразительности подробностяхъ. Вотъ вамъ и ключь къ разгадкѣ этой загадки, принадлежащей къ тѣмъ, о которыхъ часто говорится. со словъ дядюшки Крылова: «А ларчикъ—просто отпирался.

Видя успѣшность перваго надувательства, еврейчикъ чичероне приступилъ къ новымъ, благодаря смѣшному увлеченію дядюшки моего въ дѣлѣ собиранія рѣдкостей, не бывшихъ впрочемъ вовсе рѣдкостями для другихъ. Такимъ образомъ, независимо отъ караибскаго весла, купленнаго дядею, ему показали огромный сапожище—ботфорту съ накладною шпорою, принадлежавшую по видимому еще недавно какому нибудь придворному кучеру или рослому кавалергарду. Шарлатанъ увѣрилъ дядю, что это тотъ сапогъ шведскаго короля Карла XII, который снятъ былъ съ ампутированной его ноги во время Полтавскаго сраженія. Тщетно старался я разувѣрить дядю, что это нелѣпая ложь, что это безобразное вранье, что Карлу XII никогда ноги не ампутировали подъ Полтавой, что къ тому же кожа ботфорты слишкомъ нова чтобы можно было считать ее столѣтнею, что наконецъ самая форма этой обуви обнаруживаетъ принадлежность ея къ ближайшему къ намъ времени и пр. и пр. Ничто не помогло,—и купленная огромная ботфорта, признаваемая моимъ дядею, этимъ псевдо-археологомъ, за принадлежавшую Карлу XII, перешла въ руки лакея, изнемогавшаго уже и безъ того подъ бременемъ шубъ и длиннаго караибскаго весла. Вслѣдъ за этимъ казусомъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ остановился передъ столикомъ, на которомъ подъ большимъ стекляннымъ колпакомъ красовалась не то восковая, не то гипсовая, не то раскрашенная лайковая человѣческая голова, съ кудрявыми черными волосами. Голова эта была темноватаго цвѣта съ татуировкою, что заявляло принадлежность ея къ какому-либо дикому племени. Когда чичероне замѣтилъ, что Ѳедоръ Алексѣевичъ внимательно пожираетъ глазами эту очевидно искуственную голову, то началъ объявлять, что это настоящая бальзамированная голова знаменитаго Типпо-Саиба. Имя это извѣстно было дядѣ моему изъ газетъ прежнихъ временъ, а отчасти изъ какого-то французскаго романа, переведеннаго на русскій языкъ, гдѣ историческаго осталось единственно лишь одно имя этого знаменитаго остъ-индскаго властителя, погибшаго при осадѣ англичанами Серингапатама въ 1799 году. Жидокъ-чичероне переиначилъ исторію по своему, увѣряя, что Типпо-Саибъ велъ войну противъ Наполеона и въ одномъ сраженіи въ Египтѣ (??!!) былъ обезглавленъ самимъ французскимъ полководцемъ, генераломъ Бонапартомъ. Мнѣ надоѣло безплодно вразумлять дядю, и я оставилъ лгать еврея, который довелъ вранье свое до того, что увѣрилъ дядю, будто голова эта (восковая, глиняная, картонная или лайковая) бальзамирована необычайно искусно и сохранилась такъ прекрасно, почти окаменѣвъ. Ѳедоръ Алексѣевичъ тотчасъ же назначилъ для головы этой въ своемъ музеумѣ совершенно особый шкапъ, нѣчто въ родѣ какъ бы павильона, гдѣ она должна будетъ сохраняться. Долго велся торгъ, дядя настаивалъ на уступкѣ, хозяинъ звѣринца и его помощникъ упорствовали на невозможности сбавки даже одной копѣйки. Кончилось тѣмъ, что и эту голову съ стекляннымъ колпакомъ дядя пріобрѣлъ за 100 руб. ассигнаціями, восхищаясь тѣмъ, что такъ дешево купилъ это чудо. Однако голову Типпо-Саиба не нашли возможнымъ давать слугѣ, таскавшему шубы, весло и ботфорту; а ее понесъ самъ чичероне до самой кареты, куда помѣстился мой дядя съ весломъ, сапогомъ и мнимою головою Типпо-Саиба, взявъ съ собою вмѣсто меня (отказавшагося отъ удовольствія съ нимъ ѣхать) самого чичероне, которому, сколько я помню, онъ отдалъ ни больше ни меньше какъ 25 рублей ассигнаціями на тогдашнія деньги въ награду за пріятные разсказы о чудныхъ рѣдкостяхъ, изъ которыхъ по смерти дядюшки, въ 1864 году, конечно караибское весло пошло на растопку, ботфорта Карла XII принесла нѣкоторую пользу домашнему чеботарю, выкроившему изъ нея пару-другую туфлей, а голова Типпо-Саиба нашла себѣ мѣсто на огородѣ для пуганья воробьевъ.

В. В.

Лунная ночь.

(*Продолженіе*).

«На Ольгѣ нѣтъ никакого грѣха, кромѣ того, что она женщина—и воспитана такъ, какъ воспитываютъ женщину, для *наслажденія*,—а не для *труда*, какъ воспитываютъ мужчинъ. Женщина живетъ особенною жизнію» продолжала она, и рѣчь ея лилась свободно:—«она не такъ оторвалась отъ природы—и ровно настолько же хуже, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лучше мужчины, то есть съ той точки зрѣнія съ какой смотрятъ на добро и зло люди».

Она улыбнулась.

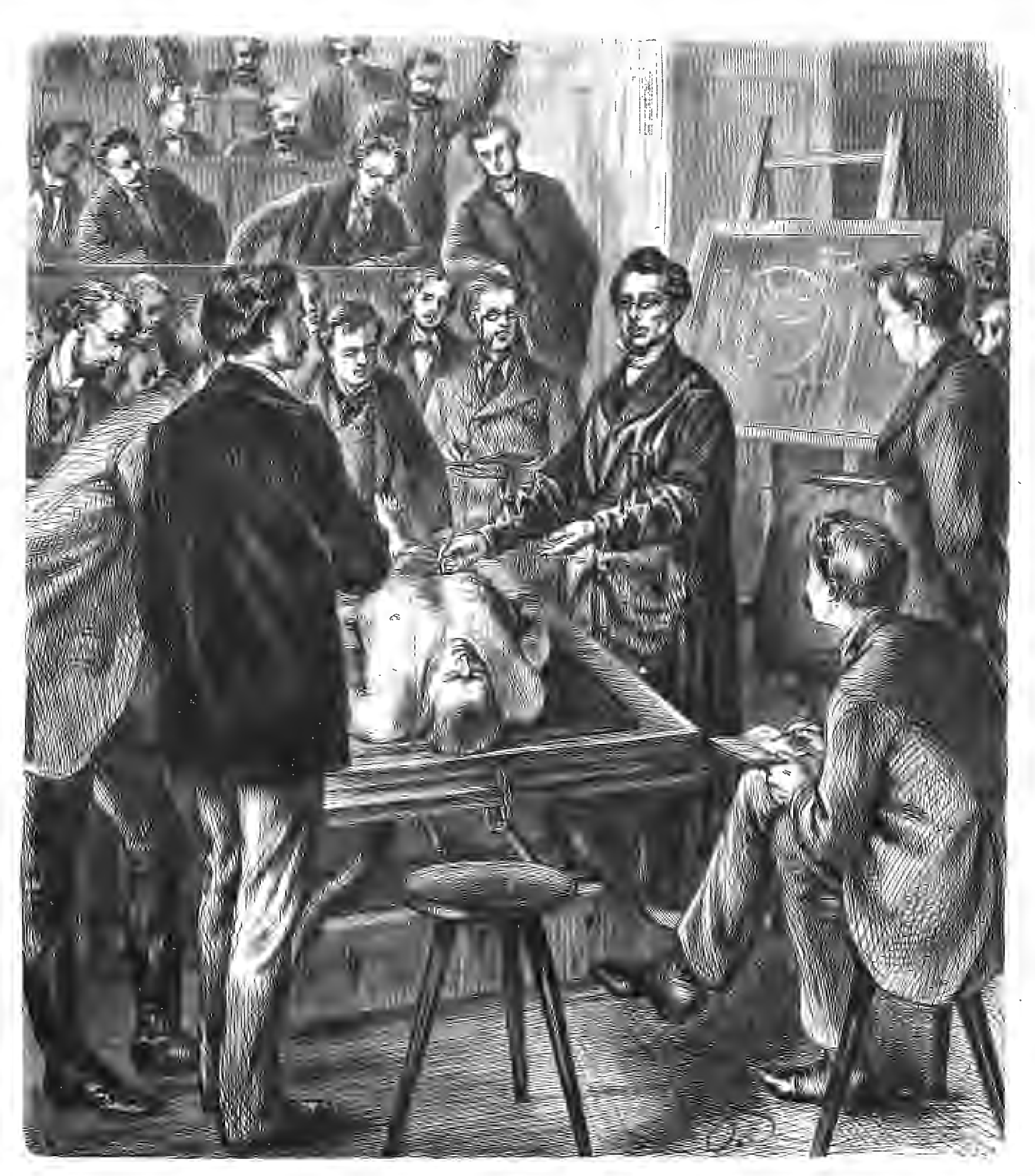
«Но отъ природы—всякій думаетъ только о себѣ, и такимъ образомъ женщина видитъ въ любви прежде всего пользу и удовлетвореніе своей суетности. Ей прежде всего нужно *жить*; а служа удовольствію мужчины, она можетъ жить безъ всякаго труда—въ этомъ сила женщины, а также и ея несчастіе. Не правда ли?»

«Любовь—роскошь, которую можетъ доставить себѣ мужчина; для женщины она насущный хлѣбъ. Но всякій, обезпечивъ свою жизнь, хочетъ послѣ этого еще другаго: онъ хочетъ возвыситься какъ только можно больше надъ другими. У женщины свое честолюбіе, точно такъ же какъ и мужчины, но ей нужно только показаться—и она уже видитъ у ногъ своихъ рабовъ и поклонниковъ; ей не нужно для этого работать, добывать сред-

ства и трудиться, подобно мужчинѣ. Точно такъ же не нуждается она и въ ученьи вообще—ея наука въ томъ чтобъ быть прекрасною; чего ей еще нужно?»

«А когда, раньше или позже, она пойметъ что̀ такая голова и честное сердце,—но не при такой обстановкѣ!»

«Женщину нужно воспитывать такъ же какъ и мужчину, тогда только она можетъ быть ему подругою».

Профессоръ Гиртль среди своихъ слушателей.

кое мужчина и любовь мужчины, и ею овладѣетъ безсознательное стремленіе любить и быть любимой,—вотъ тутъ-то, если участь ея давно уже рѣшена, ее и постигаетъ судьба».

«О! бѣдствіе безъ надежды, безъ выхода, безъ освобожденія!»

«Ольга могла бы быть хорошей женой, у ней по-

«Онъ сомнѣвается?» Я дѣйствительно сомнѣвался.

— Никакое уклоненіе отъ законовъ природы не проходитъ даромъ, сказалъ я разсуждая вслухъ.—Пусть женщина учится быть хорошею матерью. Все остальное—мечты, или обманъ и сумасбродство.

— Онъ думаетъ? возразила Ольга, не измѣняя своего положенія и тона своей рѣчи.—Такъ стало-быть и муж-

чина созданъ только на то чтобъ добывать пропитаніе себѣ, своей женѣ и своему ребенку?

— Въ концѣ концовъ, все сводится къ этому! вскричалъ я.

— Человѣкъ сталъ съ теченіемъ времени совсѣмъ не тотъ что прежде, коротко сказала она,—онъ далеко опередилъ звѣря: человѣку, который мыслитъ, изобрѣтаетъ, у котораго искуства и науки,—нужна другая жена, чѣмъ тому, который за тысячу лѣтъ передъ этимъ собиралъ плоды не сѣя и душилъ пойманную дичь, словно волкъ.—Но я разскажу ему исторію.

— Я скажу ему все, все разскажу, какъ это было. Я такъ ясно вижу все, точно все это прозрачное. Я вижу, что̀ дѣлается у человѣка въ сердцѣ, и смотрю на Ольгу какъ на постороннюю, и не чувствую къ ней ни любви, ни ненависти.

Она грустно улыбнулась.

— Я вижу ее ребенкомъ.

«Это была хорошенькая маленькая дѣвочка съ полными смуглыми ручками, съ темными кудрями, съ большими пытливыми глазами. Старый Иванъ, дворникъ, отъ котораго всегда пахло водкой и у котораго были красные какъ будто бы заплаканные глаза, всякій разъ какъ проходилъ мимо нея, бралъ ее на руки и гладилъ по головѣ».

«Однажды она стояла на крыльцѣ. Окна въ гостинной были открыты—и она услыхала, какъ молодой помѣщикъ-сосѣдъ, пользовавшійся большею благосклонностью со стороны женщинъ, сидя рядомъ съ ея матерью на полинявшемъ желтомъ диванѣ, говорилъ ей: «Да это просто маленькая Венера; вы можете гордиться этимъ ребенкомъ; вотъ-то будетъ женщина!» Ольга знала, что рѣчь идетъ о ней,—вся покраснѣла и убѣжала въ садъ. Тамъ, гуляя между цвѣтами, она нарвала розъ, левкоевъ и гвоздики, и убравъ ими себѣ голову, внимательно и съ гордостію разсматривала себя въ небольшомъ пруду. Тутъ стояла богиня любви изъ бѣлаго мрамора. Она подняла на нее глаза и подумала: «Когда я выросту—буду такъ же хороша, какъ ты».

«Зимою въ сумерки, при свѣтѣ зеленой муравленой печки, добрая няня Кастановна разсказывала дѣтямъ сказки. Вся скорчившись сидѣла она въ большомъ черномъ креслѣ, на которомъ умеръ дѣдушка на глазахъ дѣтей и на которое они глядѣли съ тѣхъ поръ съ какимъ-то уваженіемъ и страхомъ. Чѣмъ болѣе темнѣло, чѣмъ туманнѣе становилось ласковое, освѣщенное красноватымъ свѣтомъ огня лицо Кастановны, такъ-что наконецъ были видны только ея голубые глаза, сіявшіе словно глаза духа,—тѣмъ ближе жались другъ къ другу дѣти, тѣмъ тише слышался ихъ шопотъ. Тутъ Ольга клала голову на колѣна няни, закрывала глаза, и все, о чемъ разсказывала эта послѣдняя, превращалось для нея какъ бы въ дѣйствительность. При этомъ Ольга была всегда прекрасной царевной, плывшей по Черному морю на спинѣ бѣлоснѣжнаго лебедя, или поднимавшейся подъ облака на крылатомъ конѣ,—и никто кромѣ царевича не смѣлъ за нее свататься; а когда она услыхала однажды сказку о томъ, какъ глупый Иванъ, мужикъ, женился на королевской дочери, она вдругъ выпрямилась и вскрикнула съ гнѣвомъ: «Я не королевская дочь, Кастановна!»

«Лѣтомъ, когда жившіе въ усадьбѣ дѣти играли по вечерамъ подъ тополями и Ольга подходила къ нимъ, они начинали играть въ свадьбу. Одинъ изъ мальчиковъ представлялъ священника. Ольга надѣвала на себя вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ и играла роль невѣсты. «Ты долженъ быть по крайней мѣрѣ графомъ», говорила она маленькому жениху, «иначе я не выйду за тебя замужъ, я слишкомъ хороша для простаго шляхтича».

«Она выросла, стала высока и стройна, но слегка кашляла и немного гнулась впередъ. Какая тяжелая забота для матери. «Ольга», не разъ говаривала ей мать, «Ольга, ты будешь кособока и на тебѣ никто не женится, ты должна будешь заработывать себѣ хлѣбъ шитьемъ, какъ горбатая Целеста». Когда къ ея матери приходили на чай сосѣдки, то при этомъ прислуживала Ольга; она приносила холоднаго мяса и пирожнаго. Она была полувзрослая дѣвушка, съ тонкими кружевами на панталончикахъ и длинными толстыми косами за спиною. И когда бы ни заговорили эти женщины о своихъ дочеряхъ или другихъ дѣвушкахъ и объ ихъ будущности—всегда рѣчь шла у нихъ объ одномъ только замужествѣ, какъ у мужчины о должности или мѣстѣ. Одна лишь дочь пастора воспитывалась въ столицѣ для того, чтобъ быть потомъ учительницею».

«Да ей кромѣ этого ничего и не остается», разсуждали между собою эти дамы: «она, бѣдняжка, такъ безобразна, у ней нѣтъ даже переднихъ зубовъ». Однажды лѣтомъ она пріѣхала въ гости, и всѣ удивились, какъ она была свѣдуща въ географіи, исторіи, естественныхъ наукахъ и иностранныхъ языкахъ; но Ольга училась только танцовать, ѣздить на лошади, пѣть, играть на фортепьяно, рисовать, немножко вышивать и по французски,—всему что̀ можетъ привлечь мужчину къ женщинѣ, ничему что̀ можетъ обезпечить ей кусокъ хлѣба. Прибавьте къ этому материнскія наставленія: «Вмѣсто того чтобы смотрѣть такъ по сторонамъ, когда съ тобой говоритъ мужчина, тебѣ слѣдуетъ отвѣчать ему вѣжливо но коротко, и стараться поскорѣе прервать разговоръ. Чѣмъ больше будешь ты дорожить собою, тѣмъ выше будетъ онъ цѣнить тебя». Точь въ точь какъ будто бы дѣло шло о товарѣ. Ей вѣчно твердили, что она самая хорошая дѣвушка во всемъ околодкѣ,—а когда родители повезли ее на первый балъ, то всѣ въ одинъ голосъ сказали, что она красавица, съ которой другихъ и сравнивать нельзя. Послѣ этого всякій разъ, какъ ее везли къ сосѣдямъ или въ воскресенье въ церковь,—ее наряжали наподобіе того, какъ вплетаютъ лошадямъ въ гривы ленты, когда ведутъ ихъ на рынокъ. Мать не жалѣла денегъ, когда дѣло шло о нарядѣ для ея прекрасной дочери. Ольга замѣчала, какъ при входѣ ея все общество начинало шептаться; она видѣла сверкающіе глаза молодыхъ людей; она слышала ихъ рѣчи, полныя сладкой лести—и мало-по-малу ея теплое, молодое сердце покрылось жесткою ледяною корою».

«Ольга училась у помощника школьнаго учителя. Онъ заставлялъ ее писать по прописямъ, дѣлать вычисленія и читать вслухъ. Это было далеко не лишнее, потому-что въ то время, какъ она получила въ первый разъ любовное письмо, она не умѣла правильно писать, да и никогда не выучилась этому. За это ея родители позволяли ему жить въ маленькомъ тѣсномъ домикѣ, стоявшемъ въ саду, и обѣдать за ихъ столомъ».

«Онъ назывался Тубаль. Я какъ теперь его вижу: застѣнчивый молодой человѣкъ, съ большими круглыми близорукими глазами, длинными худыми руками, и въ красномъ жилетѣ, купленномъ имъ у камердинера какого-то графа. Но подъ этимъ краснымъ жилетомъ у него

было благородное человѣческое сердце, полное любви и доброты,—и для того чтобы вытащить изъ воды котенка, онъ готовъ былъ рисковать своею жизнію».

«Когда Ольга, придя къ нему въ домикъ, увидитъ бывало, какъ это не разъ случалось, что онъ сидитъ на столѣ и штопаетъ старую рубашку или башмакъ,—онъ при этомъ всегда краснѣлъ какъ огонь, и совершенно растерявшись, начиналъ бросаться по комнатѣ, какъ будто бы ища чего-то. Но обыкновенно у него было блѣдное зеленоватое лицо, все въ веснушкахъ. Какъ скоро Ольга садилась къ столу подлѣ него, онъ дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ: онъ опирался на большую линейку, какъ кавалеристъ на лошади на свою саблю; его голосъ становился звонокъ, а въ его глазахъ загорался какой-то строгій, тихій огонь, отъ котораго у Ольги становилось почему-то хорошо на душѣ. А когда онъ наклонялся надъ ея тетрадью, она чувствовала, что его глаза какъ будто бы съ нѣжностію покоились на ней».

«Иногда, при наступленіи сумерекъ, онъ вынималъ изъ-подъ подушки старую грязную тетрадь и читалъ Ольгѣ различныя стихотворенія».

«Они были выбраны имъ съ большимъ вкусомъ и тактомъ изъ лучшихъ поэтовъ—и въ то время, какъ онъ читалъ ей ихъ, лицо его блестѣло такимъ одушевленіемъ, что становилось даже прекрасно, а его голосъ проникалъ до глубины ея сердца».

«Въ день рожденія Ольги родители пригласили его къ обѣду. Послѣ стола ожидали нѣсколько сосѣднихъ семействъ. Между прочимъ предполагались и танцы. Около полудня Ольга сошла въ садъ—и подойдя къ роскошнымъ грядамъ цвѣтовъ, начала набирать букетъ, которому предстояло красоваться на столѣ. Вдругъ она увидѣла передъ собою господина Тубаля въ бѣлыхъ панталонахъ, бѣломъ жилетѣ, бѣломъ галстухѣ и старенькомъ черномъ фракѣ. Его жидкіе темные волосы были гладко причесаны, онъ стоялъ въ облакѣ мускуса, пролепеталъ какое-то дву-стишіе—и подалъ Ольгѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, маленькій пакетъ, который онъ нерѣшительно вынулъ изъ-за пазухи. Она не могла видѣть содержанія этого пакета, поблагодарила съ замѣшательствомъ и побѣжала домой, гдѣ, улыбаясь отъ удовольствія, принялась цѣловать свою мать. «Тубаль поздравилъ меня», вскричала она: «онъ мнѣ сдѣлалъ какой-то подарокъ, бѣдный добрый Тубаль.»—«Что̀ бы это такое было?» возразила мать и нахмурила брови. Ольга почти испугалась. «Конечно конфекты или что нибудь въ родѣ этого», продолжала мать.

«Разумѣется конфекты, а то что же?» сказала Ольга и съ робостію передала ей пакетъ. Мать взяла его, развернула, и глазамъ ея представилась пара перчатокъ, лежавшихъ на совершенно бѣлой бумагѣ. «Перчатки!» вскричала мать. «Въ самомъ дѣлѣ перчатки!» повторила вполголоса Ольга, и щеки у нея загорѣлись».

«Сію же минуту отошли ихъ ему назадъ, приказывала мать,—и напиши ему».

«Мнѣ писать къ нему!» вскричала Ольга и ея гордая голова откинулась назадъ».

«Ты права. Не пиши ему ни строчки, но сію же минуту отошли ему назадъ перчатки. Кто бы могъ предполагать это!.. О, оселъ! Онъ хочетъ ухаживать за моей дочерью, дѣлаетъ ей подарки или даже и объясненіе! Онъ испортилъ мнѣ весь день».

«Ольга запечатала перчатки и отослала ихъ назадъ бѣдному помощнику школьнаго учителя».

«Онъ не пришолъ къ столу, сославшись на нездоровье, и онъ дѣйствительно былъ боленъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ страдалъ грудью. Въ этотъ день въ усадьбѣ весело чокались стаканами, и Ольга носилась въ танцахъ какъ вахканка, въ то время какъ онъ лежалъ на своемъ соломенномъ тюфякѣ, кашлялъ такъ что едва не задохнулся, и кормилъ хлѣбными крошками, оставшимися на его столѣ, маленькую мышку, которая подошла къ самой его постели; въ то время какъ онъ былъ погруженъ въ думу, по щекамъ его струились слезы».

Прекрасная женщина, лежавшая передо мною на полу, какъ бы во снѣ, зашевелилась. Ея грудь приподнялась.

— Я не въ состояніи разсказывать Леопольду все по порядку, продолжала она, — я вижу слишкомъ много; видѣнія проносятся передо мною, словно облака во время бури. Я вижу все какъ есть, каждую тѣнь, каждый отблескъ, каждый оттѣнокъ, я слышу каждый звукъ.

«Странствующая толпа актеровъ, проходя изъ Молда̀віи въ Польшу, остановилась въ Каломеѣ, чтобы дать тамъ нѣсколько представленій. Извѣстіе объ этомъ быстро распространилось по всему округу изъ деревни въ деревню,—и въ слѣдующее воскресенье, когда они въ первый разъ играли, не было можетъ-быть ни одного помѣщика, который не заложилъ бы своей лошадки въ бричку и не привезъ бы жены и дочерей на это рѣдкое зрѣлище».

«Театръ былъ устроенъ въ большой, но довольно низкой залѣ гостинницы, такъ что султаны на головахъ актеровъ касались неба Тѣмъ не менѣе было очень весело. Давали трагедію: Барбара Радзивиловна».

«Пока занавѣсъ еще не поднимался, нѣсколько молодыхъ господъ стояли подлѣ одного помѣщика среднихъ лѣтъ, довольно нецеремонно расположившагося на подоконникѣ и болтавшаго тамъ ногами. «Да гдѣ же наконецъ ваша хваленая красавица?» сказалъ онъ, поправляя себѣ усы, — «я ничего не вижу». Другіе стали на ципочки и стали глядѣть на дверь. Наконецъ вошла въ залу Ольга. — «Это должно-быть она, больше некому быть», сказалъ послѣ минутнаго молчанія помѣщикъ: — «очаровательное со́зданіе!» Онъ подошелъ къ ольгинымъ родителямъ и отрекомедовалъ имъ себя».

«Онъ пользовался во всемъ округѣ самою лучшею репутаціею и былъ превосходно принятъ ими; мать привѣтствовала его самою дружескою улыбкою, и Ольга очень внимательно прислушивалась къ тому, что̀ онъ говорилъ. Съ перваго взгляда его холодная самоувѣренность поразила Ольгу; но ей и на мысль не приходило, чтобы она могла любить его, или что онъ будетъ ея мужемъ, а между тѣмъ это случалось—и не позже какъ черезъ пять недѣль».

«Въ сущности онъ ей не понравился, но онъ внушилъ ей уваженіе, а это имѣетъ гораздо болѣе значенія для женщинъ. Михаилъ много учился, много путешествовалъ и возвратился на родину съ порядочнымъ запасомъ юмора. Онъ очень свободно разсуждалъ объ актерахъ, о піесѣ, обо всемъ возможномъ; онъ былъ въ состояніи улыбаться при самыхъ печальныхъ сценахъ, когда Ольга плакала отъ всего сердца и только замѣтилъ: «Я очень радъ, что вы не нарумянены. Посмотрите на эти кровавыя слезы, которыя текутъ по щекамъ нашихъ дѣвицъ». И дѣйствительно, по щекамъ тронутыхъ дамъ вмѣстѣ съ слезами бѣжали румяны; это было чрезвычайно комическое зрѣлище».

Ольга плутовски улыбнулась, показавъ при этомъ свои ослѣпительные зубы.

«По окончаніи представленія, продолжала она, — онъ довелъ дамъ до ихъ экипажа и попросилъ у нихъ позволенія навѣстить ихъ».

«Онъ все чаще и чаще сталъ бывать у нихъ. При этомъ мать всякій разъ разсыпалась передъ нимъ въ извиненіяхъ, что ей нужно идти посмотрѣть что дѣлается съ грядами спаржи или заглянуть въ кладовую, и мало-ли еще куда, такъ что Ольга оставалась съ нимъ одна. Тогда Михаилъ начиналъ разсказывать ей о чужихъ земляхъ, о Германіи, Италіи; онъ былъ въ Берлинѣ, Венеціи, Флоренціи, даже въ Парижѣ, всходилъ на Везувій и былъ въ морѣ. Онъ умѣлъ разсказывать объ успѣхахъ другихъ націй, не унижая своей собственной».

«Его пріятно было слушать, такъ ясно и съ такою теплотою говорилъ онъ; притомъ онъ былъ очень наблюдателенъ».

«Другія женщины называли его невѣжливымъ, но если Ольга роняла свой клубокъ, онъ съ быстротою молніи кидался къ нему чтобы поднять его, — а разъ, когда онъ сталъ передъ нею на колѣна чтобы надѣть на нее калоши, у Ольги отъ удовольствія кровь бросилась въ щеки. Объ немъ много ходило слуховъ. Его называли суровымъ, строгимъ, гордымъ человѣкомъ, но его острый умъ, его большая начитанность, его многостороннія познанія и его дуэли доставили ему необыкновенное уваженіе со стороны всего околотка. Его помѣстья управлялись по новой системѣ и на нихъ не было долгу, вообще онъ считался самымъ выгоднымъ женихомъ».

«Чѣмъ съ большимъ уваженіемъ и какою-то робостью относились къ нему другіе, тѣмъ пріятнѣе было Ольгѣ видѣть какъ этотъ сильный дѣятельный человѣкъ не переставалъ думать о ней ни днемъ ни ночью и какъ она заставляла страдать его. Она удовлетворяла на немъ своей гордости, своему дѣвическому жестокосердію. Только тогда, какъ увидитъ на его глазахъ слезы, протягивала она ему руку, говоря: «цѣлуйте ее, я позволяю»».

«На дворѣ была злая, сварливая собака, которая, бывало, начнетъ играть съ Ольгою, а потомъ станетъ рвать ея платье. Она отталкивала ее ногой, всякій разъ какъ та попадалась ей на дорогѣ, и долго била ее палкой, пока наконецъ полюбила. То же самое случилось съ нею и въ отношеніи ея мужа. Она до тѣхъ поръ оскорбляла его, пока не очутилась однажды на его груди, а на ея губахъ не задрожалъ первый поцѣлуй».

«На другой день Михаилъ пріѣхалъ на четверкѣ лошадей. Онъ былъ въ черномъ фракѣ и довольно блѣденъ. Черезъ нѣсколько минутъ все было рѣшено — и Ольга сдѣлалась его невѣстой. Она думала, что такъ и должно быть; она дѣлала блестящую партію, ей завидовали, и этого было для нея довольно».

«Однажды вечеромъ она сидѣла вмѣстѣ съ Михаиломъ у открытаго окна въ первомъ этажѣ и шила что-то для своего приданаго, въ то время какъ онъ говорилъ о будущности славянскаго племени, какъ вдругъ она увидѣла передъ собою Тубаля. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, глубоко ввалившіеся глаза какъ бы выступили изъ орбитъ, а изо рта у него бѣжалъ потокъ крови на рубашку и платье до самой земли».

«Соли, соли!» вскричалъ онъ, больше онъ ничего не могъ выговорить».

«Ольга кинулась къ буфету и достала соли. Михаилъ выскочилъ изъ окошка и поспѣшилъ на помощь къ бѣдному помощнику школьнаго учителя; онъ обхватилъ его одной рукой, боясь что тотъ упадетъ, и положилъ ему въ ротъ соли. Тубаль съ трудомъ проглотилъ ее; кровь все еще продолжала идти, Михаилъ дотащилъ его до ближайшей скамьи, Ольга принесла воды; мало по малу кровь остановилась».

«Тубаль лежалъ съ закрытыми глазами, какъ мертвый».

«Велите отнести его въ постель, сказалъ Михаилъ, — тутъ надобно лѣкаря».

«Онъ сѣлъ на лошадь и отправился въ городъ. Ночью онъ вернулся съ докторомъ. Тубаля отнесли въ его домикъ въ саду, тамъ онъ умеръ нѣсколько дней спустя. Только тогда, какъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ потребовалъ Ольгу».

«Она пришла; но онъ уже былъ не въ состояніи говорить, одни только зубы у него шевелились, а въ груди какъ-то странно хрипѣло. Ходившій за нимъ садовникъ сидѣлъ на крыльцѣ на деревянныхъ ступенькахъ, и уже примѣрялъ на себѣ бѣлые панталоны умирающаго».

«При бѣдномъ Тубалѣ не было никого, кромѣ Ольги; она еще разъ осмотрѣлась кругомъ себя, нагнулась надъ нимъ и поцѣловала его въ лобъ, на которомъ уже выступили холодныя капли предсмертнаго пота. Тутъ его глаза засіяли, онъ протянулъ руки надъ покрываломъ — и его безкровное, истощенное лицо освѣтилось блаженной улыбкой. Съ этой улыбкой онъ умеръ».

«Подъ его подушкою нашли жолтую тетрадь стихотвореній и двѣ пары тонкихъ дамскихъ перчатокъ въ измятой бумагѣ».

«Ольга взяла и то и другое себѣ. У ней и теперь еще хранятся эти перчатки. Одну пару она надѣвала въ день своей свадьбы».

Тубаля похоронили, пожалѣли и забыли. Вскорѣ послѣ этого Ольга оставила родительскій домъ какъ супруга Михаила, который съ гордостію увезъ ее оттуда на четверкѣ лошадей въ свое помѣстье».

(Продолженіе будетъ).

Гиртль, всемірный анатомъ.

Если лѣтомъ, рано утромъ, когда весь городской «beau-monde» еще спитъ, вы пойдете на зеленѣющійся гласисъ Вѣны, то увидите множество юношей и взрослыхъ мужчинъ, которые идутъ быстрыми шагами по направленію къ невзрачному дому, вблизи строющейся еще церкви, или обмѣниваются привѣтствіями на нѣмецкомъ, славянскомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ, или стоятъ тутъ группами, разговаривая на которомъ-нибудь изъ этихъ языковъ.

И зимою утромъ, во время густаго тумана, вы видите то же самое явленіе. Это мѣсто находится какъ разъ подлѣ будущаго новаго университета; въ настоящее время неказистый домъ, куда спѣшитъ по утрамъ такое множество лицъ, такъ-называемая «императорскій

оружейный заводъ» (чѣмъ онъ прежде и былъ), составляетъ отдѣленіе медицинской клиники, именно анатомическую залу и анатомическій музеумъ вѣнскаго университета.

Въ одной изъ залъ перваго этажа профессоръ Гиртль читаетъ лекціи анатоміи.

Слушатели, между которыми встрѣчаются даже люди съ сѣдыми волосами, стеклись сюда не только изъ Австріи и Германіи, но и изъ Франціи, Испаніи, Англіи, Египта, Италіи, Америки, Турціи, Австраліи, словомъ со всего свѣта, куда ни проникло научное изученіе медицины.

Вездѣ, гдѣ только существуетъ какой-нибудь музеумъ или высшее учебное заведеніе, поклонники науки смотрѣли съ удивленіемъ на анатомическіе препараты человѣка, дѣятельность котораго въ этомъ отношеніи безпримѣрна, и который, въ буквальномъ смыслѣ слова, снабжаетъ этими апаратами весь свѣтъ. И ужь конечно у нихъ было въ рукахъ одно изъ безчисленныхъ изданій книги, написанной первоначально по нѣмецки, а теперь переведенной на всѣ языки. Книга эта — гиртлево «Руководство къ анатоміи».

Бьетъ шестой часъ лѣтомъ, или девятый зимою. Низкая зала, занятая поднимающимися въ видѣ полукруга, почти до самаго потолка, скамьями, полнымъ-полна. Тутъ помѣщается до пятисотъ слушателей. А гдѣ оканчиваются скамьи, тамъ стоитъ, тѣсня и толкая другъ друга, множество другихъ, число которыхъ все еще прибываетъ.

Какимъ это способомъ профессоръ отворитъ теперь дверь и дойдетъ до своего стола?

Столъ окруженъ слушателями — такъ тѣсно помѣщеніе, а на столѣ лежитъ что-то закрытое чернымъ покрываломъ. Это оцѣпенѣлый трупъ человѣка или же какая-нибудь часть трупа.

Вдругъ продирается впередъ служитель анатомической залы — онъ сдергиваетъ съ аппарата покрывало— студенты и доктора совершаютъ невѣроятное, они образуютъ улицу между столомъ и дверью, и среди глубокаго молчанія профессоръ подходитъ къ столу.

Одѣтый въ черную мантію, онъ садится на стулъ. Происходитъ минутный шумъ. Раздѣлившіяся волны стоящихъ сливаются, кто вскакиваетъ на подоконникъ, кто вскарабкивается на вѣшалку, чтобы хоть сколько-нибудь приподняться, иные карабкаются на перила — все движется, словно въ муравейникѣ, который потревожили.

Профессоръ осматривается — въ эту минуту все утихаетъ и какъ бы каменѣетъ — онъ дѣлаетъ смотръ этой достойной сожалѣнія толпѣ, которая должна мучиться вмѣстѣ съ нимъ, въ этой тѣсной жалкой залѣ— онъ встаетъ и начинаетъ.

Человѣкъ въ темной мантіи высокъ и худощавъ. Выразительные черты его умнаго лица рѣзки, даже можно сказать угловаты; большіе глаза проницательны и выразительны; нѣсколько длинные и спутанные волосы еще темны, хотя онъ перешелъ уже за половину пятидесятилѣтняго возраста, только мѣстами проглядываетъ въ нихъ просѣдь, да на макушкѣ головы небольшая лысина.

Профессоръ читаетъ нѣжнымъ и пріятнымъ голосомъ, съ особеннымъ удареніемъ на нѣкоторыхъ словахъ; слушая его, вы узнаете лингвиста, знакомаго съ оборотами латинскаго и другихъ языковъ.

Онъ не спускаетъ глазъ съ трупа, съ мускульнаго препарата, съ внутренностей, съ какой-нибудь части мертваго человѣка, словно толкуетъ по мраморной статуѣ Венеры медицейской или Аполлона бельведерскаго. Онъ выразился однажды: «для меня человѣкъ всего дороже тогда, когда онъ лежитъ передо мною въ видѣ трупа».

Вдругъ Гиртль оборачивается, онъ обращается съ вопросомъ къ ближайшему слушателю. По особенному акценту этого послѣдняго, Гиртль сейчасъ же узнаетъ, что это итальянецъ или англичанинъ и замѣняетъ свой родной языкъ итальянскимъ или англійскимъ; точно такъ же поступаетъ онъ и въ отношеніи француза—и до тѣхъ поръ говоритъ на которомъ-либо изъ этихъ языковъ, пока не объяснитъ всего.

Эта способность къ изученію языковъ развилась у него при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ. Профессоръ жилъ только въ двухъ городахъ, въ Вѣнѣ и Прагѣ. Но онъ былъ прозекторомъ при знаменитомъ профессорѣ Берресъ, умершемъ въ 1845 г., и проводилъ дни и ночи въ мрачныхъ галлереяхъ тѣснаго, стараго университета (теперь академіи наукъ). Тутъ однажды вечеромъ онъ отправился въ слабо освѣщенную переднюю—и при недостаточномъ свѣтѣ лампы началъ читать объявленіе о конкурсѣ для замѣщенія упраздненной профессорской каѳедры въ Павіи.

Главнымъ условіемъ при этомъ было то, чтобы профессоръ преподавалъ на итальянскомъ языкѣ. Молодой прозекторъ не зналъ ни одного слова по итальянски; онъ сію же минуту отправился къ учителю итальянскаго языка Форназари—и не прошло четырехъ срочныхъ недѣль для конкурса, какъ онъ явился въ числѣ соискателей этой профессуры, написалъ обширное сочиненіе на итальянскомъ языкѣ и мужественно ждалъ той минуты, когда ему придется предстать передъ итальянскими слушателями.

Старый Форназари любилъ разсказывать объ этой «штучкѣ» своимъ ученикамъ, прибавляя, будто бы онъ былъ такъ очарованъ этимъ страннымъ человѣкомъ, что, вопреки своему обыкновенію, засиживался съ нимъ до глубокой ночи, болтая и поправляя его ошибки. Но за то трудно и представить себѣ, какъ Гиртль быстро все понималъ; это было поразительно, невѣроятно!

Но прежде чѣмъ состоялось рѣшеніе, былъ объявленъ другой конкурсъ, для Праги. И здѣсь также молодой докторъ явился соискателемъ.

Докторъ! Какъ гордился онъ этимъ титуломъ, который онъ только-что получилъ. Онъ цѣлые годы работалъ вмѣстѣ съ знаменитымъ профессоромъ анатоміи, который поручалъ ему самыя важныя работы, посылалъ его вмѣсто себя читать лекціи и объяснять по препаратамъ — забывая, въ жару научныхъ наблюденій, что высокомудрый университетъ не произнесъ еще своего приговора относительно молодаго человѣка и что у этого послѣдняго не было еще ученой степени!

Только во время конкурса пришло это на умъ молодому прозектору. Нѣсколько лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ ему пошелъ 21-й годъ, стоялъ онъ по порученію профессора при анатомическомъ столѣ, имѣлъ стало-быть должность, и не былъ докторомъ!

Съ испугомъ замѣтилъ ревностный соискатель этотъ недостатокъ для полученія профессуры, а господинъ профессоръ сію же минуту отправился къ господину начальнику высшей учебной коммисіи, придворному врачу, барону Штифту, и разсказалъ ему, что его прозекторъ и ассистентъ, находящійся при немъ, не имѣетъ док-

торской степени. Этому неудобству непремѣнно надо помочь.

«Вотъ что?» сказалъ Штифтъ, чрезвычайно доброжелательный человѣкъ, и напяливая на себя сюртукъ, прибавилъ къ этому: «послѣ полудня мы опять увидимся!»

Послѣ полудня въ университетѣ собрались всѣ необходимые профессора, которымъ было предписано: еще до появленія вечерней звѣзды засвидѣтельствовать по знанія молодаго искателя докторской степени.

Такъ вотъ какимъ образомъ получилъ свой дипломъ Гиртль.

Вообще исторія его учебныхъ годовъ имѣетъ особенную романическую прелесть, и носитъ такъ-сказать слѣды очевиднаго предопредѣленія.

Его отецъ былъ музыкантъ. Тридцать лѣтъ кряду игралъ онъ на гобоѣ въ одномъ изъ вѣнскихъ театровъ, исполнявши передъ этимъ ту же самую должность въ капеллѣ князя Эстергази въ Энзенштатѣ, въ Венгріи, которою управлялъ Гайднъ. Гайднъ нуждался въ гобоистѣ—и отецъ Гиртля самъ рекомендовалъ ему себя. Намѣреваясь внесть его имя въ списокъ принятыхъ имъ музыкантовъ, великій композиторъ спросилъ его: «какъ вы пишете ваше имя?» Гобоистъ сказалъ. «Это некрасиво на видъ», сказалъ Гайднъ, — «пишите его съ греческимъ *y* (*Hyrtl*), а не съ коротенькимъ нѣмецкимъ *i*. Ученые посовѣтовали мнѣ это, говоря, что это гораздо почтеннѣе; сдѣлайте это и вы».

Бѣдному гобоисту большое содержаніе нравилось гораздо больше маленькаго куска хлѣба и маленькаго і съ точкой, тѣмъ болѣе что онъ привезъ уже изъ Вѣны дѣтей,—и такимъ образомъ имя Гиртля стало извѣстно и долго еще будетъ извѣстно свѣту въ томъ видѣ, какъ посовѣтывалъ писать его Гайднъ.

Къ двумъ сыновьямъ, привезеннымъ изъ Вѣны, въ одинъ прекрасный день присоединился третій. Это былъ Іосифъ Гиртль, теперь профессоръ и анатомъ. Это случилось 7 декабря 1810 года.

Два года спустя капелла Эстергази была закрыта— и гобоистъ, а также и маленькій мальчикъ отправились въ Вѣну.

Въ семействѣ Гиртля много играли на гобоѣ, но мало ѣли. Въ это время у него было уже пятеро дѣтей. Его другъ Дрекслеръ получилъ мѣсто органиста въ какой-то большой церкви; но, при всемъ своемъ желаніи, онъ не могъ кормить и одѣвать семейства своего друга. Онъ услышалъ пѣніе маленькаго Іосифа. Отецъ выучилъ всѣхъ своихъ дѣтей нотамъ и заставлялъ ихъ пѣть, или, пожалуй, пищать, наигрывая имъ то же самое на гобоѣ. Маленькій Іосифъ понравился большому музыканту. Онъ сказалъ: «Другъ Яковъ, знаешь ли что? я пойду съ твоимъ маленькимъ Іосифомъ къ придворному капельмейстеру Эйблеру, который выбираетъ пѣвчихъ для придворной капеллы; имъ дается столъ, одежда и они обучаются въ школѣ,—ну, а потомъ, если у нихъ не окажется голоса, они могутъ получить даже стипендію для продолженія ученія». Это понравилось и отцу и сыну. Капельмейстеръ и органистъ взяли мальчика за руку и отвели его къ строгому придворному музыканту. Этотъ послѣдній разложилъ передъ мальчикомъ нотную тетрадь и сѣлъ за фортепьяно — повидимому все шло хорошо, и друзья предавались самымъ смѣлымъ надеждамъ.

Счастливые мальчики были выбраны, но въ числѣ ихъ не было Іосифа Гиртля. Съ горемъ и гнѣвомъ узналъ онъ эт[illegible] По прошествіи года, когда пришло время выбирать опять пѣвчихъ для капеллы, добрый, услужливый Дрекслеръ опять появился. Отецъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы опять послать сына на испытаніе; но Дрекслеръ съ торжествомъ увелъ мальчика и пробрался къ Эйблеру. Но тутъ опять не удалось.

Казалось бы, что тутъ и пытать ужь нечего; но во время третьихъ вакансій Дрекслеръ опять появился. «Оставь меня въ покоѣ», сказалъ, старикъ. Его другъ въ свою очередь разсердился, сказалъ: что глупости-то ему уже надоѣли, что онъ долженъ идти, и заклиналъ его всѣми святыми сказать ему, гдѣ мальчикъ.

«Его и дома-то нѣтъ».

«Ну такъ позови его; завтра надо съ этимъ покончить!»

«Да, позови! какъ же! кричи хоть на весь дворъ, на всю улицу, на весь городъ! его и въ Вѣнѣ-то нѣтъ».

«Гдѣ онъ?»

«За нѣсколько часовъ пути отсюда, при Дунаѣ, за Швехатомъ живутъ родители іосифова школьнаго товарища. Туда-то, въ Раненсдорфъ, онъ и отправился, вмѣстѣ съ нимъ на вакансіи, играть и рвать платье.

«Сегодня же ночью или завтра рано утромъ онъ долженъ возвратиться».

Ночью папа гобоистъ уже трясся въ жалкой наемной тѣлежкѣ по дорогѣ къ Раненсдорфу; утромъ маленькій Іосифъ былъ въ Вѣнѣ и не успѣли еще пообѣдать, какъ онъ уже получилъ мѣсто пѣвчаго придворной капеллы. Какъ супъ показался вкусенъ!

Іосифъ Гиртль пѣлъ, пока пѣлось, и наконецъ потерялъ голосъ, но не жажду знанія, которая, напротивъ того, увеличивалась въ немъ съ каждымъ днемъ; онъ перешелъ изъ гимназіи въ университетъ и выбралъ, по склонности, медицинскій факультетъ.

И не кончивъ еще курса, онъ на двадцать первомъ году своего возраста, былъ уже прозекторомъ знаменитаго профессора Берреса, перваго анатомическаго микроскописта!

(Окончаніе будетъ).

Замѣчательныя постройки древнихъ и новыхъ временъ.

IV. Греческая архитектура.

(Окончаніе).

Свойственное Грекамъ чувство прекраснаго соединенное съ чувствомъ гармоніи и мѣры отразились и на ихъ зодчествѣ. Архитектурныя формы чужды всего излишняго, символическаго и произвольнаго. Онѣ также прекрасны какъ и цѣлесообразны.

Замѣчательно до какой степени размѣры греческихъ зданій незначительны въ сравненіи съ колоссальными постройками другихъ народовъ, и это — новое доказательство того чистаго и тонкаго архитектурнаго вкуса,

вслѣдствіе котораго греческія зданія поражаютъ зрителя своими формами и пропорціями, а не громадностью массъ или образовъ.

Греки тоже раскрашивали свои зданія. Это открыто въ позднѣйшее время, но еще не рѣшено до какой степени пользовались они красками. Вѣроятно они раскрашивали только нѣкоторыя части, для того чтобъ возвысить красоту ихъ архитектурныхъ формъ, а также и находящихся на нихъ барельефовъ, какъ это встрѣчается на фризахъ. Цѣлое же зданіе сохраняло цвѣтъ того матеріала, изъ котораго оно построено.

Греки употребляли яркія краски одного тона (преимущественно голубымъ по красному полю), такъ что орнаменты росписаны самымъ простымъ образомъ, безъ оттѣнковъ и тѣней.

Постройки другихъ родовъ. Колонны, обязанныя своимъ развитіемъ храмовымъ постройкамъ, употреблялись также и въ постройкахъ другаго рода, требовавшихъ особеннаго изящества.

Между этими постройками самое значительное мѣсто принадлежитъ зданіямъ для драматическихъ представленій и для гимнастическихъ и музыкальныхъ состязаній. Впрочемъ при постройкахъ этихъ зданій разсчитывали скорѣе на цѣлесообразность, чѣмъ на великолѣпіе.

Ристалище для гимнастическихъ упражненій, въ особенности для состязаній въ бѣгѣ, точно также какъ и *гипподромъ* для состязанія на колесницахъ имѣли продолговатый видъ.

Основная форма *театра* полукруглая. Площадка, на которой исполнялись хороводныя танцы хора, называлась *оркестромъ*; къ ней (напротивъ сидѣній для зрителей) примыкала *сцена* для дѣйствовавшихъ въ піесѣ лицъ, замыкавшаяся сзади разъ навсегда установленною декораціею.

Одеонъ для музыкальныхъ исполненій устроивался, также какъ и театръ, но въ меньшихъ размѣрахъ, съ тою только разницею, что надъ нимъ устроивалась крыша для резонанса.

Для построекъ этихъ двухъ послѣднихъ родовъ выбиралось подходящее положеніе на склонѣ горы, на которомъ бы было легко устроить амфитеатромъ ряды помѣщеній для зрителей, при чемъ зрители пользовались прекраснымъ видомъ, а сцена пріобрѣтала чудеснѣйшую декорацію.

За тѣмъ слѣдуютъ *базилики* (судебныя палаты), *общественные портики*, и наконецъ *гимназіи* для тѣлесныхъ и умственныхъ упражненій, занимавшіе большее или меньшее пространство и украшавшіеся большимъ или меньшимъ количествомъ колоннъ. Даже *частные* дома строились съ портиками. Вокругъ передняго двора съ колоннами устроивались помѣщенія для женщинъ и залы съ колоннами, а за этими главными постройками находились помѣщенія для женщинъ.

Надгробные памятники, сколько извѣстно, имѣли видъ простыхъ гладкихъ столбовъ съ украшеніемъ на верху, напоминавшимъ своимъ видомъ употребявшіеся для фронтоновъ акротеріи, и съ барельефами на передней сторонѣ; или же это были пещеры въ скалахъ съ искусственнымъ фронтономъ. Въ позднѣйшее время эти памятники достигали иногда колоссальной величины, какъ напр. надгробный памятникъ царя Мавзолія (въ Малой Азіи), построенный супругою его Артемизіею, извѣстный подъ именемъ *Мавзолея*. Это была пирамида, вышиною въ 100 футовъ съ срѣзанною вершиною, которая завершалась мраморною квадригою. Съ юга и сѣвера, говоритъ Плиній старшій, стороны его имѣли 63 фута, двѣ другія стороны были менѣе широки. Вся окружность занимала 411 метровъ. Тридцать колоннъ образовали вокругъ перистиль.

Между сохранившимися до нашего времени памятниками особенно замѣчателенъ *Парѳенонъ*, храмъ Паллады, построенный по иниціативѣ Перикла художниками Иктиномъ и Калликратомъ; *Пропилеи*, ворота ведущія на возвышеніе, гдѣ выстроенъ Парѳенонъ, аѳинскую крѣпость (акрополь); такъ называемый *храмъ Ѳезея*, одинъ изъ наиболѣе сохранившихся памятниковъ, два соединенные храма *Эрехтона* и *Минервы Полліады* съ примыкающею къ нимъ небольшою постройкою, извѣстною подъ именемъ храма *Пандрозейонъ*, и многія другія.

Римская архитектура.

Римское искусство образовалось съ самаго начала изъ чуждыхъ элементовъ, которыми оно питалось и изъ которыхъ развилось.

Въ основу этого искусства легло этрусское, къ которому впослѣдствіи, во время Сципіоновъ, когда римляне начали интересоваться греческимъ искусствомъ и вывезли изъ Македоніи и Греціи множество произведеній греческаго искусства, присоединилось греческое. Вмѣстѣ съ этимъ начали вызывать въ Римъ и греческихъ художниковъ. Такимъ образомъ римская архитектура, какъ все вообще римское искусство, примкнула къ греческой въ такой степени, какъ только это могло быть допущено свойствами римскаго духа.

Тѣмъ не менѣе этотъ духъ проявился, преимущественно въ архитектурѣ, множествомъ особенностей, вслѣдствіе чего римская архитектура существенно разнится отъ греческой. Но прежде чѣмъ приступить къ исторіи ея развитія, бросимъ сперва бѣглый взглядъ на этрусское искусство, такъ какъ римская архитектура дѣлается вполнѣ понятна только послѣ изученія греческой и этрусской.

Мы не станемъ перечислять памятниковъ этрусскаго искусства, и замѣтимъ только то, что главная заслуга этрусскаго зодчества состоитъ въ томъ, что этрусковъ должно считать изобрѣтателями сводчатыхъ сооруженій—арки, образуемой клинообразными камнями. Въ числѣ этрусскихъ сооруженій, сохранившихся до нашего времени, особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи *городскіе ворота* въ Вольтерро и двое воротъ *въ Перуджіо*; въ особенности же *подземные отводные каналы* (клоаки) въ Римѣ, въ томъ числѣ такъ называемый *cloaca maxima*, главный каналъ, имѣвшій до 20 футовъ ширины. Цѣль этихъ каналовъ, сооруженныхъ въ царствованіе Тарквинія въ началѣ шестаго вѣка до Р. Х., состояла въ томъ, чтобъ осушить низменности между холмами и отвести нечистоты города. Смѣлость сооруженія этихъ сводчатыхъ построекъ на такомъ обширномъ протяженіи, прочность ея, поддерживающая огромную тяжесть въ теченіе 2,000 лѣтъ—изумительны.—Въ постройкахъ этрусскихъ храмовъ есть также свои особенности; самыя характеристическія изъ нихъ состоятъ въ совершенно квадратномъ планѣ, полукругломъ сводѣ и *этрусской колоннѣ (тосканскій орденъ)*, сходной съ дорическою.

Опредѣлить различныя эпохи римской архитектуры во время ея цвѣтущаго состоянія,—когда она переставъ быть этрусскою, можетъ быть признана греческо-рим-

скою,—довольно трудно. Первый періодъ этого времени начинается въ послѣднее столѣтіе республики и достигаетъ своего высшаго развитія въ царствованіе Августа, о которомъ дѣйствительно можно сказать, что заставъ Римъ кирпичнымъ онъ оставилъ его мраморнымъ, и въ правленіе котораго были воздвигнуты самыя своеобразныя сооруженія римскаго зодчества: амфитеатры, базилики и пантеонъ. Это развитіе римской архитектуры, какъ и искусства вообще, продолжается еще въ царствованіе первыхъ цезарей.

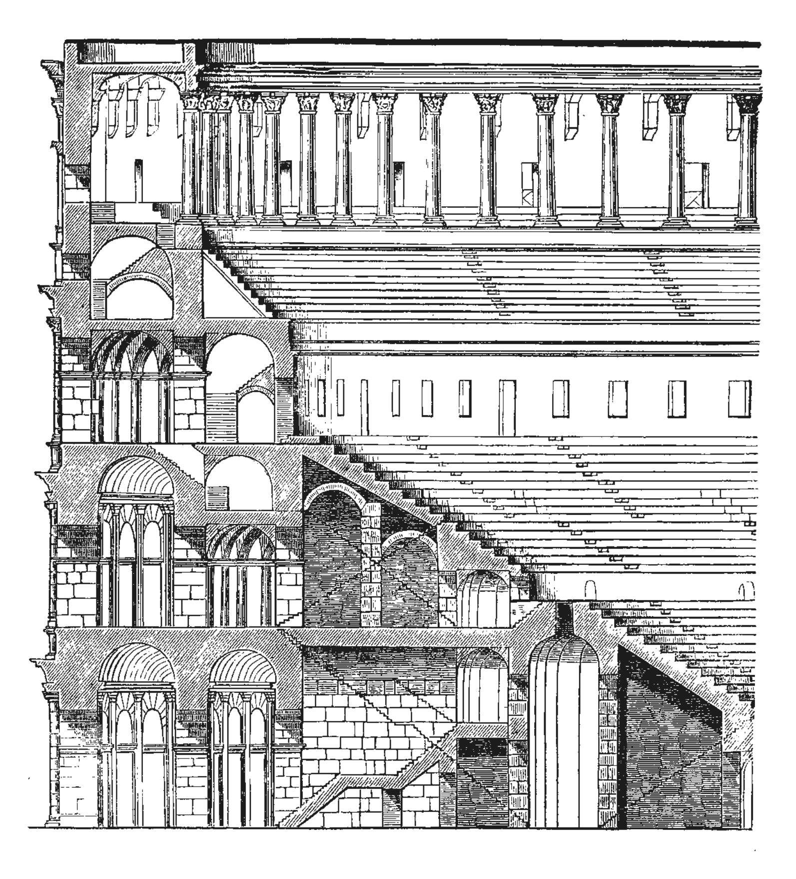
Съ Антониномъ начинается время упадка, чему содѣйствуетъ вторженіе чуждыхъ религій. Съ разрушеніемъ западной имперіи упадокъ все болѣе и болѣе увеличивается и образуетъ нѣкоторымъ образомъ заключеніе всей вообще духовной жизни древняго міра, границу между древнимъ и новыми христіанскими вѣками.

Касательно направленія и характера римской архитектуры замѣтимъ, что не будучи одарены художественными способностями, Римляне обращали главное вниманіе на *полезное* и *практическое*, поэтому-то ихъ дѣятельность и проявляется самымъ сильнымъ образомъ въ этомъ именно направленіи. Такимъ образомъ въ то время какъ искусство было у Грековъ дѣломъ чувства, Римляне понимали его больше разумомъ и подчинили его условіямъ и требованіямъ практической жизни.

Всѣ памятники римской архитектуры, въ цвѣтущую пору ея существованія, носятъ на себѣ печать величія и могущества, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ величію этого властительнаго народа и характеризуетъ главнымъ образомъ его сооруженія. Въ то время какъ греческіе храмы, обыкновенно болѣе или менѣе незначительныхъ размѣровъ, обязаны своимъ величавымъ видомъ стилю, римскіе поражаютъ насъ массами и размѣрами. Вообще если въ области искусства Римляне и не поднялись до той идеальной высоты, на которой стояли Греки, за то они занимаютъ высокую ступень въ области техники. Они также хорошо умѣли пользоваться различными матеріалами, какъ и различными конструктивными формами.

Между всѣми чуждыми формами, которые были заимствованы Римлянами, они особенно хорошо усвоили себѣ *систему* сводчатыхъ сооруженій, заимствованную у Этруссковъ и, развивая ее, сдѣлали ее одною изъ самыхъ характеристическихъ выраженій своего архитектурнаго стиля.

Употребленіе системы сводчатыхъ сооруженій имѣло чрезвычайно большое вліяніе на образованіе основныхъ плановъ вообще и прикрытыхъ помѣщеній въ особенности. Греческая система крыши посредствомъ каменныхъ или деревянныхъ балокъ допускала только простыя основныя формы въ незначительныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего обширныя помѣщенія, которыя могли бы вмѣщать въ себя много людей, оставались благодаря климату открытыми. Напротивъ того система сводчатыхъ сооруженій доставила Римлянамъ возможность покрывать и обширныя помѣщенія прочнымъ образомъ и при помощи простыхъ средствъ (кирпича и известковаго раствора). Вслѣдствіе этого, не говоря уже о самихъ сводахъ, произошли совершенно новыя, неизвѣстныя Грекамъ расположенія плана, громадныхъ размѣровъ, употреблявшіяся, преимущественно при постройкахъ термъ (публичныхъ бань) и дворцовъ.

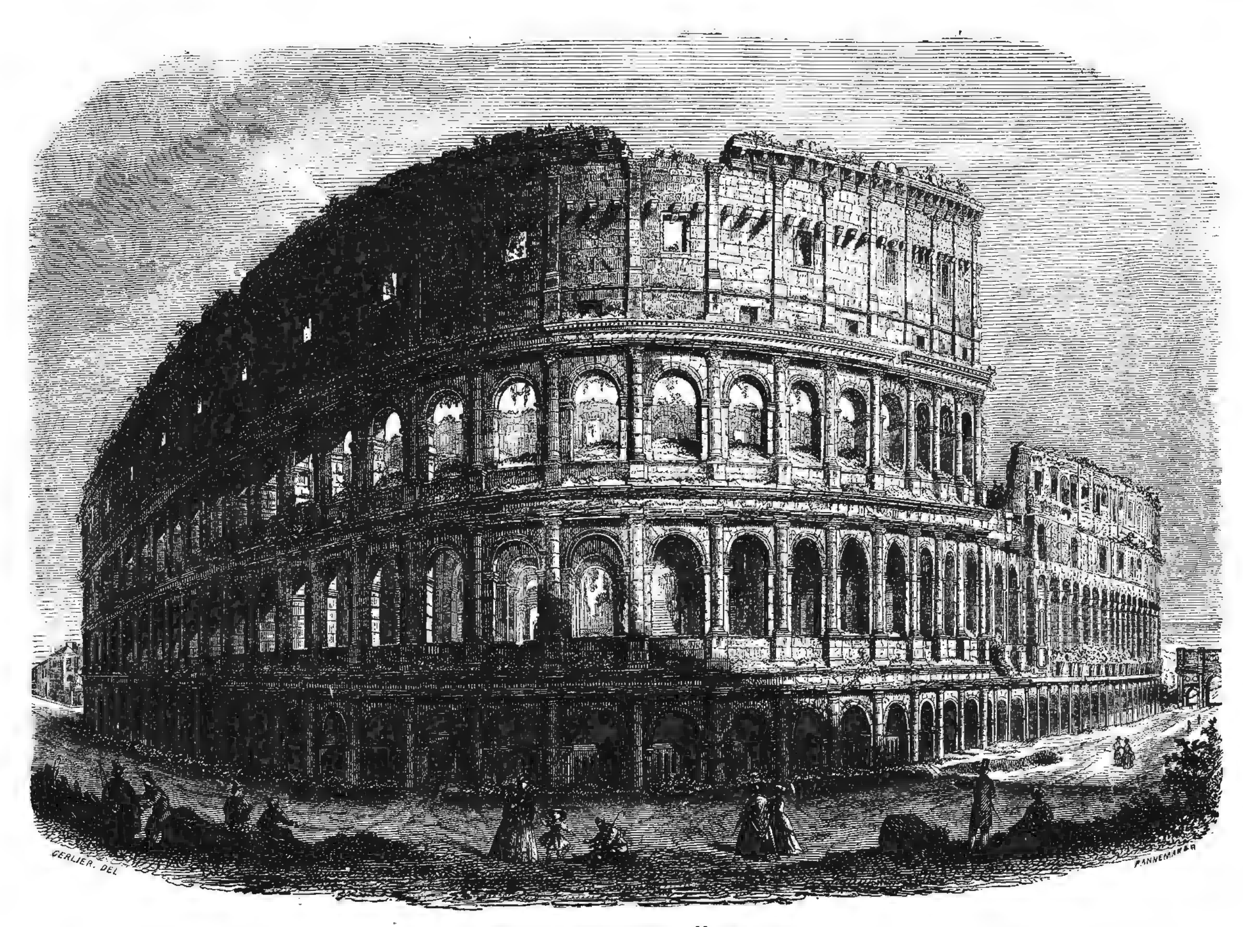
Фасадъ и разрѣзъ Коллосеума.

Такимъ образомъ система колоннадныхъ сооруженій не составляла у Римлянъ, какъ это было у Грековъ, существенной основной части при постройкахъ зданій, употреблялась не по необходимости, но скорѣе для украшенія и примыкаетъ къ греческой системѣ колоннадныхъ построекъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. — Простые стили, дорическій, который состоитъ въ такой тѣсной связи со всѣмъ вообще расположеніемъ греческихъ храмовъ, и іоническій употреблялись у Римлянъ рѣдко, — тогда какъ напротивъ того соотвѣтствовавшій ихъ стремленію къ блеску и великолѣпію коринфскій употреблялся ими съ особенною любовью и притомъ въ значительно бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ у Грековъ. Для колоннъ этого ордена у нихъ образовалась одна постоянная норма, которая еще богаче греческой того же ордена. Стержень колоннъ не всегда каннелированъ, какъ это было у Грековъ, но или совсѣмъ гладкій, или же каннелированъ только въ двухъ верхнихъ третяхъ а нижняя часть гладкая. Что касается до антабльмента, то различные члены его были еще сложнѣе и богаче греческихъ образцовъ, всѣхъ вообще стилей, которымъ римляне слѣдовали.

Рядомъ съ тремя заимствованными у Грековъ стилями, Римляне употребляли еще *тосканскій стиль*, полученный ими отъ Этруссковъ, къ которому они прибавили нѣсколько элементовъ дорическаго, вслѣдствіе чего онъ и извѣстенъ подъ именемъ *римско-дорическаго*, и такъ называемый *римскій стиль* отличающійся въ сущности отъ коринфскаго только капителью и бо́льшею роскошью украшеній и членовъ.

Такъ какъ размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ описывать хотя бы даже только въ главныхъ чертахъ различныхъ родовъ римскаго зодчества, то мы займемся только самыми характеристичными изъ нихъ, а именно *зданіями для общественныхъ игръ* и *жилыми домами*.

Въ Римѣ преимущественно преобладала страсть къ играмъ и зрѣлищамъ всякаго рода; этой-то страсти необходимо было предоставить надлежащее удовлетвореніе. *Театръ* по основной формѣ ближе всего походилъ на греческій и состоялъ изъ возвышенной части (*Scena*), передъ которою поднимались въ видѣ полукруга, амфитеатромъ, мѣста для зрителей; только пространство, отдѣлявшее сцену отъ мѣстъ для зрителей, т. е. *оркестра*, гдѣ помѣщался у Грековъ хоръ, потеряло свое значеніе и въ немъ были устроены мѣста для сенаторовъ.

Видъ развалинъ Коллизея.

Изъ театра вслѣдствіе грубой любви Римлянъ къ кровавымъ зрѣлищамъ, развился *амѳитеатръ*. Онъ состоялъ изъ подобныхъ же возвышенныхъ рядовъ мѣстъ для зрителей, расположенныхъ эллиптически вокругъ средняго пространства арены, гдѣ происходилъ бой звѣрей и гладіаторовъ. Эти постройки были еще величественнѣе, нежели театры, которымъ однакоже онѣ уступали въ отношеніи украшенія и конструкціи. Между такими сооруженіями самый замѣчательный и знаменитый, сохранившій свои величественные остатки и до нашего времени, извѣстный подъ названіемъ *коллизея* (Коллосеума) — амѳитеатръ Флавія въ Римѣ, начатый Веспасіяномъ и оконченный Титомъ въ 80 г. до Р. Х. Веспасіянъ, по возвращеніи изъ Іудеи, привелъ въ Римъ тысячи плѣнныхъ Евреевъ, которые были употреблены на постройку этого громаднѣйшаго памятника римской цивилизаціи. Титъ открылъ его продолжительнымъ праздникомъ, во время котораго погибло 3000 гладіаторовъ и 5000 львовъ. При длинѣ въ 85 сажень, ширинѣ въ 71 сажень и высотѣ въ 22 сажени онъ вмѣщалъ въ себѣ до 87,000 зрителей. Его досчатый полъ покоился па огромной нижней части зданія, въ которой помѣщались дикіе звѣри и машины для сценическихъ видоизмѣненій всякаго рода. Самый верхній рядъ мѣстъ окружался великолѣпною коллонадою. Это огромное пространство покрывалось также великолѣпными наметами, прикрѣпляемыми къ шестамъ или къ мачтамъ. Три нижніе этажа расчлененные снаружи полуколоннами дорическаго, іоническаго и коринѳскаго стиля, открывались снаружи арками, что, при всемъ величіи цѣлаго, производило сильное впечатлѣніе. Четвертый этажъ, окруженный сплошною стѣною, соотвѣтствующею внутреннему ряду колоннъ, былъ украшенъ коринѳскими пилястрами; шесты, къ которымъ прикрѣплялись вышеупомянутыя покрывала. Все зданіе въ своихъ важнѣйшихъ конструктивныхъ частяхъ сдѣлано было изъ хорошо сложенныхъ плитъ, остальное выведено изъ кирпича. Отверстія снаружи освѣщаютъ внутренности галлерей. Хотя три изъ огромнѣйшихъ дворцовъ Рима — палаццо Фарнезе, Барберини и Канцеллерія сдѣланы изъ плитъ Коллизея — но для этого достаточно было половины внѣшней окружной стѣны его, и несмотря ни на что, это сооруженіе образуетъ собою самыя замѣчательныя раз-

валины—исполинъ среди всѣхъ римскихъ памятниковъ Болѣе 1000 лѣтъ коллосеумъ былъ преданъ полному разрушенію; надъ нимъ свирѣпствовали бури, землетрясенія, варвары, феодалы и родственники папъ. Позже амфитеатръ служилъ крѣпостью и каменоломней. Наконецъ папа Пій VII сжалился надъ полуразрушеннымъ колоссомъ и сохранилъ его для потомства.

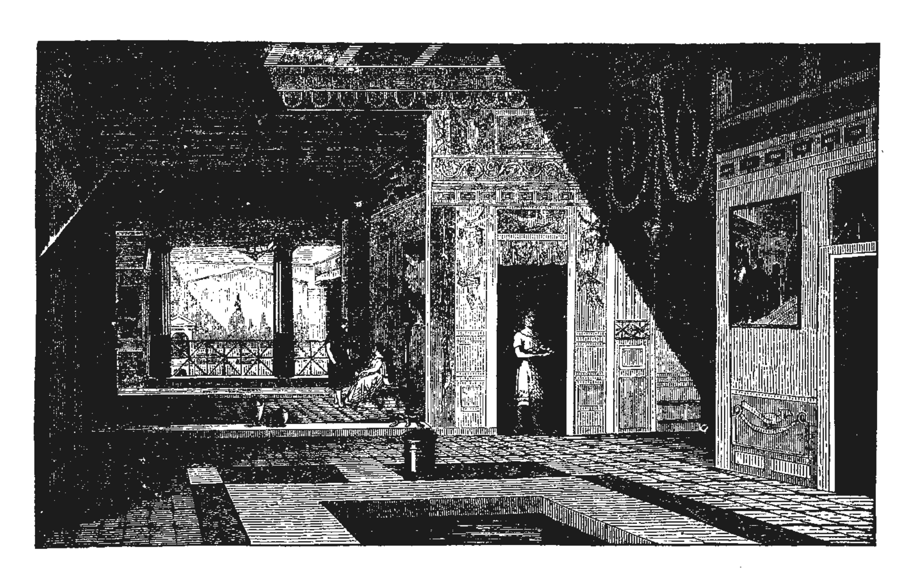
Помпейскіе дома, заключавшіе въ себѣ помѣщенія для отдачи въ наемъ, имѣли входы съ различныхъ сторонъ и составляли два особенныя, одно позади другаго расположенныя отдѣленія, группировавшіеся вокругъ двухъ главныхъ пространствъ: *атріума* (двора) и *перистила* (портика).

Видъ изъ внутреннихъ помѣщеній на улицу, играющій такую важную у насъ роль, не принимался въ разсчетъ при устройствѣ античныхъ городскихъ домовъ, тогда какъ въ загородныхъ (виллахъ) окна устроивались такимъ образомъ чтобы изъ нихъ можно было любоваться видомъ окрестностей, горы или моря. Тамъ же, гдѣ окна устроивались съ другой цѣлью, они, какъ можно предполагать, были малы и находились на значительномъ разстояніи отъ земли.

Римскіе жилые дома, состоявшіе, какъ замѣчено выше изъ двухъ отдѣленій, были въ этомъ отношеніи довольно схожи съ греческими. Но у грековъ переднее отдѣленіе было жилищемъ мужчинъ (andronitis); у римлянъ же переднее, ближе лежащее къ улицѣ отдѣленіе, служило мѣстомъ общественныхъ, публичныхъ свиданій владѣльца дома или патрона съ его кліентами. Точно такъ же и задняя часть дома, служившая у Грековъ для помѣщенія женщинъ (gynaikonitis), назначалась у римлянъ для семейства и для хозяйственныхъ помѣщеній.

Атріумъ, вокругъ котораго группировались переднія помѣщенія, устроивался различнымъ образомъ; самый простой изъ нихъ, такъ-называемый тосканскій атріумъ, изъ четвероугольнаго, открытаго на серединѣ двора съ наклоненною со всѣхъ четырехъ сторонъ по направленію къ отверстію крышею. Это отверстіе, служившее къ тому, чтобъ доставлять воздухъ и свѣтъ, называлось *compluvium*, подъ нимъ находилось такой же величины углубленіе въ полу, *impluvium*, куда собиралась стекающая съ крыши дождевая вода, которая потомъ проводилась посредствомъ трубъ въ особенный водоемъ, для домашняго употребленія. Другіе атріумы, большихъ размѣровъ, отличались отъ этого атріума, только тѣмъ, что въ углахъ отверстія находились четыре колонны, на которыхъ держались балки, а при большей величинѣ отверстія число колоннъ увеличивалось. Величина отверстія, надъ которымъ обыкновенно раскидывался наметъ для отраженія солнечныхъ лучей, заключала въ себѣ отъ $^1/_3$ до $^1/_4$ всего атріума.

Нѣкоторыя изъ группирующихся вокругъ атріума и перистиля помѣщеній располагались всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ и имѣли постоянно одно и тоже назначеніе. Такъ наприм. такъ-называемая *ala*, совершенно открытое со стороны атріума помѣщеніе, находилась всегда въ одномъ заднемъ или въ обоихъ заднихъ углахъ атріума; потомъ другое, точно такъ же открытое со стороны атріума помѣщеніе, *tablinum*, гдѣ, какъ въ пріемномъ залѣ находились портреты предковъ *(tabulae)*, устроивалось всегда между атріумомъ и перистилемъ, отъ котораго оно отдѣлялось балюстрадой и занавѣсомъ. По обѣимъ сторонамъ этого помѣщенія, а иногда только по одну сторону, устроивались ходы, *fauces*, которые соединяли переднюю часть дома съ заднею. Находящійся въ этой послѣдней части перистилъ былъ всегда значительно больше атріума и окружался большимъ количествомъ колоннъ. Открытая часть перистиля образуетъ или садъ, *vystus*, тамъ, гдѣ не было особеннаго сада за домомъ, или же бассейнъ съ фонтаномъ, *piscina*.

Внутренность такъ называемаго дома трагическаго поэта.

Вокругъ этого перистиля группировались *cubiculae*, спальни, *triclinium*, столовая для лѣта, совершенно открытое со стороны перистиля помѣщеніе, и другая столовая, поменьше, и наконецъ *oecus*, пріемный залъ, самое обширное помѣщеніе въ домѣ, изъ котораго съ одной стороны былъ видѣнъ перистиль съ бассейномъ, а съ другой, противоположной, примыкавшій къ дому садъ.

Реставрированная внутренность такъ-называемаго дома трагическаго поэта даетъ наглядное понятіе объ устройствѣ и расположеніи нѣкоторыхъ частей. На прилагаемомъ при этомъ рисункѣ изображается: *impluvium* въ серединѣ тосканскаго астріума, на лѣво *ala*, подлѣ нея дверь, ведущая въ *fauces*, далѣе *tablinum* съ видомъ на перистиль.

Политическое обозрѣніе.

Парижское возстаніе можно считать подавленнымъ. По крайней мѣрѣ такъ объ этомъ засвидѣтельствовалъ г. Тьеръ въ національномъ собраніи и такого же мнѣнія корреспонденты англійскихъ и французскихъ газетъ. Само собою разумѣется, что это не показываетъ еще прекращенія междоусобной войны, признаки которой время отъ времени даютъ себя знать, заставляя призадумываться надъ несчастнымъ положеніемъ несчастнѣйшей изъ всѣхъ націй въ мірѣ. Въ на-

стоящее время у насъ подъ рукою множество данныхъ, свидѣтельствующихъ о взаимномъ озлобленіи обѣихъ сторонъ. Трудно вообразить, до чего можетъ довести подобное положеніе! Но уже и теперь представляется ужасная картина. Число убитыхъ со стороны версальскихъ войскъ и въ особенности со стороны возставшихъ—неизвѣстно и, по всей вѣроятности, никогда не будетъ опредѣлено. Огромныя массы труповъ зарыты въ улицахъ и дворахъ Парижа, свезены на кладбища, сожжены и брошены въ воду. Говорятъ, что однихъ только инсургентовъ погибло болѣе 30 тысячъ. Взятыхъ въ плѣнъ насчитываютъ столько же. Изъ нихъ въ Версали допрошено болѣе 20.000 человѣкъ. Послѣ допроса однихъ изъ нихъ ссылаютъ на каторгу, другихъ (именно главныхъ участниковъ и взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ) разстрѣливаютъ. Той же участи подвергаются поджигатели и тѣ, которыхъ подозрѣваютъ въ этомъ. Разстрѣливаніе безъ суда и слѣдствія повторялось чуть не на каждомъ шагу. Между жертвами озлобленія зачастую попадаются женщины, дѣти и даже старики. Число разрушенныхъ и сгорѣвшихъ домовъ въ Парижѣ опредѣляютъ въ 2,000: поврежденнымъ же нѣтъ числа. Стоимость всѣхъ разрушенныхъ зданій и истребленной собственности опредѣляютъ въ 500.000,000 франковъ (150 мил. рублей), исключая при этомъ предметы застрахованные и цѣнные, предметы искусства, сгорѣвшую мебель и прочее, оцѣненное въ 300 мил. франковъ. Страховыя общества отказываются уплачивать за сгорѣвшіе дома и намѣреваются подать правительству прошеніе объ освобожденіи ихъ отъ ихъ обязательствъ—въ виду исключительныхъ условій настоящаго времени. Убытки французскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ войны неисчислимы. Специальная коммиссія по этому вопросу представила національному собранію докладъ, изъ котораго видно, что они простираются до 66 милліоновъ франковъ, несчитая потерь въ подвижномъ составѣ, а также убыли въ сборѣ, уменьшившемся на сѣверныхъ дорогахъ почти на 60%. Множество мостовъ разрушено; шлюзы и другія сооруженія испорчены. Населеніе остается безъ работы и ожидаетъ новыхъ налоговъ, которые неминуемы въ виду стѣснительнаго положенія страны и предстоящей уплаты нѣмцамъ 1½ милліарда военной контрибуціи.

До чего доходитъ взаимное озлобленіе, можно судить хотя бы изъ слѣдующаго. По вступленіи версальскихъ войскъ въ Парижъ и до этого, Тьеръ заявлялъ, что съ виновными будетъ поступлено строго, но не отступая отъ закона. На дѣлѣ, однако, такое обѣщаніе не могло быть выполнено, потому что военныя власти, подъ вліяніемъ совершающихся насилій и неистовствъ, при видѣ горящаго Парижа, взрывовъ и баррикадъ.—не могли дѣйствовать хладнокровно, и вотъ чѣмъ объясняется ужасная месть версальцевъ противъ парижскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, эти же военныя власти обвиняютъ Тьера въ снисходительности, въ излишней будто бы наклонности миловать инсургентовъ. Такъ, одинъ изъ представителей военной силы, въ первые дни послѣ взятія города, совѣтовалъ не посылать плѣнныхъ въ Версаль, а покончить съ ними въ Парижѣ; другой же на самомъ дѣлѣ исполнилъ это, приказавъ разстрѣлять 70 плѣнныхъ безъ всякаго суда и расправы. Это казалось тѣмъ болѣе удобно, что ссылка плѣнныхъ обойдется правительству слишкомъ дорого, такъ-какъ расходы на этотъ предметъ превысили бы два милліона франковъ (750,000 р.). Впрочемъ въ послѣднее время неистовства начинаютъ утихать, и съ плѣнными поступаютъ болѣе человѣчно. Большинство плѣнныхъ перевезено въ Шербургъ, гдѣ будутъ дѣйствовать 10 военныхъ судовъ, въ Ларошель и Брестъ. О прекращеніи казней безъ суда г. Тьеръ увѣдомилъ и англійское правительство, обратившееся къ нему съ вопросомъ: какъ намѣрено поступить французское правительство съ взятыми въ плѣнъ англійскими подданными. Наступаетъ время болѣе спокойнаго, обдуманнаго образа дѣйствій. Правительство приглашаетъ страну приступить къ новымъ выборамъ на открывшіяся вакансіи въ Національное Собраніе. Этихъ вакансій насчитывается 113; въ выборахъ примутъ участіе 48 департаментовъ. Желающихъ быть выбранными множество; разныя партіи представили своихъ кандидатовъ. Даже партія бонапартистовъ не теряетъ надежды провести въ Національное Собраніе своихъ сторонниковъ; между этими послѣдними особенно выдаются принцъ Мюратъ, бывшій министръ Наполеона III Руэръ и бывшій сенскій префектъ Гаусманъ. Говорятъ также,—и въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго,—что и принцъ Наполеонъ (двоюр. братъ бывшаго императора) готовится принять кандидатуру представителя Корсики, такъ какъ избраніе его въ этой мѣстности не подлежитъ никакому сомнѣнію. Нѣсколько газетъ, преданныхъ бонапартизму, начинаютъ дѣйствовать въ пользу этой партіи. Другою, еще болѣе значительною партіею какъ въ народѣ, такъ и въ Національномъ Собраніи, является партія сторонниковъ Орлеанскаго дома, ревностнымъ защитникомъ которой былъ когда-то и Тьеръ. Эта громадная партія хлопочетъ о проведеніи кандидатами на дополнительные выборы двухъ членовъ изъ фамиліи Орлеановъ: герцога Омальскаго и принца Жуанвильскаго. Надо знать, что династія эта довольно популярна во Франціи; вотъ почему, огромное большинство Національнаго Собранія, не смотря на краснорѣчивое заявленіе Тьера, что призваніе Орлеанскихъ принцевъ угрожаетъ распаденіемъ единства, водворившагося въ національномъ собраніи,—высказалось за избраніе этихъ принцевъ въ депутаты. Утверждаютъ, впрочемъ, что принцы откажутся отъ дѣлаемой имъ чести, не желая быть «ни принцами-президентами, ни принцами-претендентами». Тѣмъ не менѣе, агитація въ ихъ пользу ревностно продолжается—какъ въ печати, такъ и въ обществѣ. Наконецъ, подняла голову и третья партія — самая ненавистная для Франціи — партія духовенства, такъ-называемыхъ клерикаловъ. Она поддерживаетъ кандидатуру одного изъ членовъ фамиліи Бурбоновъ—графа Шамбора, въ надеждѣ, что онъ придастъ духовенству то значеніе въ государствѣ, которое оно уже давно утратило. У этой партіи есть также свои органы печати, которые открыто ведутъ борьбу противъ продленія полномочій Тьера еще на два года. Высшее духовенство становится также на сторону графа Шамбора и замышляетъ походъ въ Италію на выручку папы. Въ провинціяхъ распространяются адресы въ пользу этого члена семейства Бурбоновъ и, при посредствѣ духовенства, покрываются многочисленными подписями. Къ этому необходимо присоединить извѣстія о начинающихся волненіяхъ въ Ліонѣ, Тулузѣ и другихъ городахъ Франціи.

При видѣ такой ужасающей картины, когда страну раздираютъ несогласія и грозятъ ей новыми бѣдствіями въ будущемъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: къ чему же можетъ привести подобное состояніе? Согласится-ли страна съ мнѣніемъ Тьера, заявившаго, что въ настоящее время необходимо дѣйствовать честно за республику и что онъ не намѣренъ допускать до осуществленія какихъ-либо государственныхъ переворотовъ, противныхъ республикѣ? Предпочтетъ-ли она монархію съ однимъ изъ орлеанскихъ принцевъ во главѣ или клерикальный деспотизмъ подъ рукою графа Шамбора, или, наконецъ, прежній бонапартизмъ, поддерживаемый иноземцами?—Вотъ тѣ выходы, къ которымъ стремятся привести страну различныя партіи во Франціи.

Но пока судъ да дѣло, временное правительство приступаетъ къ разоруженію провинцій. Эта мѣра въ особенности необходима въ большихъ промышленныхъ городахъ, гдѣ хранятся значительные запасы оружія и гдѣ велико число приверженцевъ коммуны и другихъ партій. Оно же приступаетъ къ заключенію новаго займа въ 2½ милліарда франковъ; снаряжаетъ слѣдственную коммиссію для разсмотрѣнія дѣятельности правительства національной обороны; изобрѣтаетъ средства для обезпеченія труда многочисленному рабочему населенію страны; успокоиваетъ общество и

вкладчиковъ Государственнаго Банка, опасающихся за цѣлость своихъ капиталовъ; предполагаетъ открыть обыкновенные суды и проч. Поговариваютъ, что Національное Собраніе будетъ распущено на 6 недѣль, чтобы дать возможность всему придти въ нормальный порядокъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Не смотря на то, что редакція Нивы принимаетъ обыкновенно подписку на журналъ только годовую, для нѣкоторыхъ изъ своихъ подписчиковъ она допустила исключеніе, принявъ подписку на полгода. Въ настоящее время, въ виду приближенія окончанія полугодоваго срока, редакція покорнѣйше проситъ г.г. желающихъ продолжать выписку журнала и во второмъ полугодіи присылать свои требованія до выхода 26-го нумера Нивы, которымъ закончится первое полугодіе,—такъ, чтобъ требованія эти могли получиться въ редакціи около 20 іюня.

Дозволено цензурою 11 Іюня 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля. Невск. пр. ... № 45—1

№ 25. ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1871

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 21 іюня 1871 года. Годъ II.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ. 4 р.
Безъ доставки въ Москвѣ у книгопродавца Соловьева и Ланга. 4 » 50 к.

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ 5 р.
(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Для иногороднихъ.
За годовое изданіе . 4 р.
За пересылку . . — » 60 к.
За упаковку . . . — » 40 »
Итого . 5 р.

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Князь Василько Теребовльскій.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ КОНЦА XI ВѢКА,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ И XIV КАРТИНАХЪ СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

КАРТИНА I.—ВЛАДИМІРЪ НА ВОЛЫНИ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Пиръ, на маслянницѣ, въ домѣ Туряка).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Малуша Крушиновая, сгорбленная старушка-нянька жены и дѣтей покойнаго князя Ростислава Ярославича, живущая при дворѣ дочери его, княгини Марьи Ростиславны, своей воспитанницы, 70-ти лѣтъ.

Димитро Ляшевичъ Турякъ, конюшій князя Давида Игоревича, изъ плѣнныхъ поляковъ, перекрестъ, лѣтъ 50-ти, съ просѣдью.

Бигла Тюревна жена его, угорянка (венгерка), среднихъ лѣтъ, съ рѣзкими чертами лица, худощавая и рослая, сложенная непоженски.

Сновидъ Изячевичъ, зять Дмитра, довѣренный слуга великаго князя Святополка, статный, воинственной наружности, рослый, лѣтъ 40. Носитъ длинные отвислые на грудь усы и серьгу съ рубиномъ въ правомъ ухѣ; на большомъ пальцѣ—жуковина съ рѣзнымъ яхонтомъ, служащая великокняжеской печатью.

Василій игуменъ одного изъ Волынскихъ монастырей, еще не старый (наблюдатель за народнымъ образованіемъ, разъѣзжающій по городамъ, гдѣ заведены школы въ приходахъ).

Збыгнѣва Ляшевичувна жена Сновида, живая чернобровая полька, лѣтъ 28-ми, пользующаяся, по старой памяти, благосклонностью великаго князя, отдавшаго ее за Изячевича, при женитьбѣ своей на дочери хана Тугоркана. Она все еще очень видная и привлекательная женщина, одѣвающаяся въ парчу и оксамиты.

Василь Кнышинъ, дворецкій князя Давида Игоревича, (старый пріятель и кумъ Збыгнѣвы).

Лазарь Ушанъ и Давыдъ Кольча отроки князя Давида Игоревича, молодые люди 20—22 лѣтъ; развратники, грубые, тщеславные и дерзкіе. Безпрестанно нуждаются въ деньгахъ и для пріобрѣтенія ихъ готовы на всякое дѣло.

Купецъ новгородскій, сѣдовласый.

Другой купецъ, среднихъ лѣтъ, атлетически сложенъ.

Шестеро другихъ гостей (безъ рѣчей).

Театръ представляетъ тесовый теремъ, съ косящетыми оконницами. Въ большомъ углу (подъ святыми) стоитъ столъ, накрытый пестрою камкою цареградскою, съ узорными каймами. На столѣ на деревянныхъ расписныхъ блюдахъ и въ чашкахъ разставлены кушанья; на блюдцахъ—сласти (варенья въ медовой патокѣ и сушеныя плоды). Въ двухъ братинахъ, на концахъ стола, налита малвазія и крѣпкій липецъ (медъ). Въ четырехъ мѣстахъ, надъ кадями съ водою, пылаетъ смолистая лучина, освѣщая теремъ. На скамьяхъ вокругъ стола сидятъ гости. Стѣны терема украшены дорогимъ оружіемъ, рогами туровъ и зубровъ. Въ переднемъ углу цѣлая полка иконъ, писанныхъ на золотѣ. Передъ нѣкоторыми горятъ, прикрѣпленныя къ божницѣ, лампады. Полочки и наличники надъ дверьми и окнами рѣзныя и точеныя. Пируютъ: Турякъ и жена его обходятъ около стола съ братиною, кланяясь. *(Подходятъ къ первому Кнышину).*

Кнышинъ (*беретъ братину изъ рукъ хозяина, встаетъ, поднимая братину и обращаясь къ собесѣдникамъ, произноситъ протяжно*): Други любезные: вси ми здысь свуи блыжніи, вино весылить сердце, речеть псаломныкъ, исьпьемы-жь всимъ во здравые, на благо, осподамъ хозяивамъ на похваленье. Осударемъ нашимъ на славу! Амынь. (*Пьетъ, утираетъ усы и садится, передавая братину сосѣду, который молча пьетъ*).

Кольча (*уже совсѣмъ охмѣлѣвшій, вырывая у гостя братину, говоритъ, насилу двигая языкомъ*): Выпить почему не-выпить. За насъ и за-васъ, дру-ги лю-бе-з-ныи, ни-ког-да ни-прочь. А туто дядя Василь вла-дыкъ припуты-ва-етъ, а имъ до насъ, а инамъ до ихъ, може, дѣла н-нѣтъ! За хозяина до-ро-го-во, за ха-зя-юшку пью! С-сла-ва!! (*Пьетъ и пятясь падаетъ на лавку. У него берутъ братину и онъ совсѣмъ склоняетъ голову, закрывая глаза*).

Малуша. Вотъ-те и разъ; а самъ отрокъ еще княжій! За государя пить отрекается. Вотъ она молодость-та?!

Ушанъ (*поправляя Кольчу и заступаясь за него—Малушѣ*): А тебя спрашиваютъ? Старухино дѣло молчать-бы, а не язвить. Вишь, малый лыко не везетъ. Небось хочешь наябедничать своей кня-инѣ Марьѣ?—Да намъ наплевать! Былъ-бы милостивъ князь нашъ, Давыдъ Игоревичъ, а про гнѣвъ вашего бабскаго терема нашей гриднѣ не стоитъ горевать. Мы—ста—и усомъ не двинемъ!

Малуша. Гдѣ ужь вамъ, знати этакой! Не знаемъ только, давно-ли князь-отъ таковъ сталъ... што вамъ даетъ... всякому хлопу некошному, кастить свою богоданную княинюшку. Не мы, кажись, съ ей къ ему заѣзжали съ упросомъ: возьми насъ за себя, осударь-князь! А онъ, такъ куда-те, бывало, увивается околъ насъ. Охо-хо-хо! (*вздыхаетъ съ обидою*). А давно-ли все это?!

Ушанъ. Слышите, робя, князь-отъ нашъ около корги этой самой увивался? Вотъ и вѣрь ей! Какова нашла, подумаешь, бабьяго угодника?!.. Небось такъ иной разъ на тя взгляпетъ, инда въ щель уберешься...

Малуша. Ты-то?.. Конешно; какъ и слѣдуетъ. Знай сверчокъ свой шестокъ! Што же тебѣ, пакоснику, и дѣлать иначе передъ княземъ, какъ не фостъ поджымать. Вѣдашь свои проказы, ну!.. и боишься, чтобы бичь не прошелся по спинѣ, по широкой-отъ... (*Раздается общій смѣхъ гостей*).

Кнышинъ (*Малушѣ кротко успокоивая ее и вступаясь какъ бы въ посредники между нею и Ушаномъ*). Оно точно, осподже Малуша, князь спуску не дастъ имъ, озорникамъ. А и теби гниваться на таку сошьку не приличествитъ. Идежь ему знать почетъ, да дѣло княжеское? А галдить охочъ... ну!..

Малуша. Осударь ты мой, Василь Кнышичъ, я вѣдь не за себя и вступилася, а за честь осударскую. Эн-то Кольча сбредилъ несмыслено. Такъ бы и было; съ чего Ушанецъ-то присталъ? Ну... да Богъ же съ имъ.

Ушанъ. То-то Богъ съ имъ! Ты не лѣзь, корга, коли не задѣваютъ. А то вѣдь...

Малуша (*осклабившись*). А то—што же будетъ? Молви—молви, безобразникъ! Кажу-те просто: мини трогай—дѣло наше домочадьско; а про осударску честь—не моги! И все тутъ. А вы, озорники, куда полезли? (*Кнышину*). Самъ посуди, Василь Кнышичъ, разумно ты молвилъ, што не имъ, щенкамъ, эки рѣчи вести.

Ушанъ. Тебѣ одной, небось?

Малуша. Слышите? Онъ все еще огризается, а я молчу. Уймите-жь его, оспода чесныи...

Кнышинъ (*вполголоса Ушану*). Уймись (*замѣтивъ на лицѣ его дерзкую мину*). Коли же добромъ не хочешь... Не пеняй! Знаешь меня?

Ушанъ (*язвительно Кнышину,—вполголоса*). Какъ не знать такого гуся лапчатаго. Давноль миролюбецъ сталъ? Може съ той поры, какъ ворамъ поважаешь, съ князьямъ подружекъ сводишь, аль княинь колдуишь? (*Громко*). Лучше не трогай насъ — своево поля вить ягода?

Кнышинъ (*Ушану, чтобы не всѣ слышали, перекинувшись черезъ столъ*). Оставь. Ужь упросомъ прошу—не приказываю. Съ твоимъ мерзкимъ норовомъ брякнешь, неравно, таку байку, што намъ всѣмъ отвѣчать будетъ... Неразхлебаешь тутъ...

Ушанъ (*самодовольно, въ пьяномъ азартѣ*). То-то же, не тронь нашего брата, значитъ! (*беретъ ковшъ меда и недопивъ роняетъ*).

Кнышинъ (*видимо сдерживая себя, глухо, поблѣднѣвъ отъ злобы*). Быть-такъ, помолчимъ... Ишь какой... висѣльникъ, увидишь, петли не миновать!..

Ушанъ (*сопитъ, ничего не понимая, осовѣлъ совсѣмъ*). Л-лад-д-нно!..

Игуменъ Василій (*для отвлеченія вниманія отъ перебранки, готовой дойти до серіозныхъ откровенностей, подходитъ къ Малушѣ и громко ей*): Честная осподже Малуша, вѣрь нелождно, кого люди не поправу уничижаютъ, того сердцевѣдецъ возвышаетъ нежданно, негаданно. Да возвеселится душа твоя, паче, слыша о славныхъ дѣлѣхъ твоего вскормленика, могучаго князя Василька Ростиславича, много лѣтъ ему здраствовать! Быть мнѣ случилось въ недавніе дніе за Карпаты и тамо вся земля полна его подвигами. Во всяцѣй веси восхваляютъ его храброванье надъ супостаты, Угрой непорядочною и Ляхи непутными. А во градѣ своемъ ему,—Теребовли... граждане какъ одна душа! Клеветъ—въ поминѣ нѣтъ. Свары несвѣдомы. Торговые гости въ товарѣхъ своихъ пребываютъ, во всякой чинности. Евреи носа не кажи—какъ мора бѣгаютъ Теребовльскихъ предѣловъ, солекупцы неправедные. Дружина въ одно слово чествуетъ своего князя знаменитаго. Дасть, рекутъ, Господь Богъ прожить коли ему годъ десятокъ—ни ляха, ни угры, ни жида не слышати будетъ на всей Карпатской нашей окраинѣ. Истинно щитъ Христовъ православію князь, твой вскормленникъ, осподже моя! Млады отроки пастыремъ внемлютъ во всяцѣмъ блаземъ наученіи. Церквы ходятъ; поютъ доброгласіемъ. Отроковицы по тому же чести навыкаютъ. Обиліе въ домѣхъ. На сѣлѣхъ жита добре насажденная; крины и вертограды, и ягодичіе, и яблокы, и винограды многы. Воистину, княженье Теребовльское яко же страна іорданская! (*Подноситъ ей чару и съ почтеніемъ отходитъ на свое мѣсто*). Пріими, прочее!..

Малуша. (*Слушая рѣчь игумена тихо плачетъ, но примѣтивъ свои слезы поспѣшно вытираетъ ихъ хусткой и, принимая чару, крестится*)—Слава Тебѣ Господи, што слышу вѣсточку радостну о своемъ Василькѣ-сударикѣ. Не пропали мои заботушки, да нѣга, да наказанье ласковое. Учила ровно, ихъ я всѣхъ троихъ: людей любите; гнѣвны не будьте; больше милостью исправляйте порочныи. Выросъ соколикъ, стало, со всѣмъ добръ—по моему рабскому наученью. И княинюшка моя, Марья

Ростиславна тоже добра—добра! Николи не согрубитъ; Нетокмя мужу—послѣдней рыбыни черной. Отъ ее, нече молвить, грѣхъ будетъ—не обижена я. А отъ озарниковъ-псовъ какихъ ни есть (*смотритъ на Ушана*). Вишь какъ нализался?—такъ, батюшка-ты мой (*Василію*) на всѣхъ не угодишь. А хошь бы и онъ, Ушанецъ-отъ этотъ самой, кажись, позапрошлое лѣто еще у меня, грѣшной на посылкахъ былъ. Въ тѣ поры, осподжей величалъ, по стрункѣ ходилъ (*опять взглядываетъ на Ушана*), не безобразничалъ—всегда въ своемъ видѣ былъ; не то што теперь. А все этихъ робятокъ, ну, хто избаловалъ, опроче князя Давыда Игоревича?—Покамѣстъ былъ онъ, осударь, самъ въ себѣ, кнеиню почиталъ, да любилъ, себя зналъ... и холопи, и дворяня были пастать. А какъ у самаго большака, голова спуталась: какова уряда въ дому ужъ ждать?.. Извѣстно!..

Кнышинъ. (*Малушѣ; не громко*). Осподже, Малуша, не довлѣетъ и тобе на княжескъ обычай указывати... Богу судити—не намъ. А ащо дѣтскихъ учала къ смиренью приводить?!.

Малуша. (*Василію*).—Прости друже, грѣшна окаянница, обмолвилась. Умолчу прочее!..

Кнышинъ. (*подавая ей братину, скороговоркою*) на пользу, во здравіе, на общее, безъ обиды мо(я) вленье и за наше братское встановленье. Радуйтеся!..

Малуша. (*Приложивъ къ губамъ братину и попробовавъ*). Аминь! (*Передаетъ Збыгнѣвѣ, которая ставитъ на столъ подлѣ мужа, не выпивъ*).

Новгородскій купецъ. (*Сидящій съ другой стороны подлѣ Сновида, ему*). По што-же, осподжа твоя братины честь нарушила! Развѣ вороги есть у нея, въ нашей бесѣдѣ?

Сновидъ (*ему*). Она не здѣшняя—обычаевъ не знаетъ и похмѣльнаго не пивала въ жисть...

Новгородскій купецъ. Какая жъ такая она у васъ. Мы бываимъ, со товары, во всѣхъ земляхъ, отъ Лабы до Волги; ни гдѣ на пирахъ, братину не обходять, опроче вражды, да злобы...

Сновидъ. Родилась она въ Ляхіи, тамо звычай не нашъ... А враждѣ къ кому быть у ней?..

Новгородскій купецъ. (*Обидясь*). Одно слово—ляхиня! Ну, нами и гнушается крещеными. Вся не долга. Охъ эти Ляхи-Ляхи!

Сновидъ. (*Кротко*). Не обижайся гость честной. Безъ намѣренія—Богъ порукой!

Другой купецъ. Може жидовка еще?—Коли не чествуетъ христьянъ добрыхъ. Вѣдь вы, кажись, изъ стольнаго Кіева?—жидамъ тамъ лафа; только православнымъ гостямъ жутко. Особливо, когда не въ ростъ пенязи берешь, а своими,—басурманскими, расчитываешься. А жидовочки тамъ у васъ, брате, въ Кіевѣ... што твоя малина (*поправляетъ кушакъ и облизывается*), право слово!.. да тамъ еще говорятъ...

Сновидъ. (*заминая рѣчь*). Всего не переслушаешь, мало ль што говорятъ. Иное, слышали мы, будто и князь-отъ Володиміръ Всеволодичь, слову своему не осподинъ. А ужъ, промежду князевъ чево почтеннѣе казалось бы?

Новгородскій купецъ. Жиды рази то молвятъ, да покровители ихъ, Святополковы прихвостни!...

Сновидъ (*вспыливъ*). А ты почтенной потише забирай! неровенъ часъ—наскочишь на кого, такъ за честь великаго князя попляшешь не подъ балалайку. Понимай што баишь,—прихвостни у князей, бываютъ и опричь жидовъ. А евреи—добрые люди, богатые. и....

Другой купецъ. Прибавь и тароватые—за всякую плутню! на вредъ да на ущербъ православнымъ людямъ, да гостямъ честнымъ, иногороднымъ... Вотъ што, родимой. Отъ того у ихъ, пакосники защитниками и оказываются—губители народа; міроѣды! Оны эти міроѣды-те, потому што сами грязны, клеветы на солнышко красное князя Володиміра Всеволодича и возносять. Люди жъ глупые у ково свово ума нѣту-ти—имъ и вѣрятъ!—А я изъ подъ самаго, што ни есть, Ростова-Великаго родомъ, дакъ все и знаю; и не вѣрю; да и другимъ клеветать не дамъ. Вотъ што! (*Бьетъ по столу и выпрямляется во весь свой громадный ростъ отстегнувъ запонку охобня и засучивъ рукава; изъ подъ охобня у него блеститъ на широкой груди кольчуга. Турякъ со женою подбѣгаютъ къ нему и уговариваютъ успокоиться. Онъ легко отводитъ ихъ руки и грозно кричитъ на Сновида*).—Кто же тебѣ повѣдалъ такую клевету—исповѣдай смѣло! Давай намъ его?

Игуменъ Василій (*подходитъ и дружески кладя руки на плечи силача*). Гость честной—усмирися! почтенный и преизящный осподинъ Сновидъ Изячевичъ, не мыслилъ клевету возводити на князя Володиміра Всеволодича—миролюбца паче, неже смутника своея братіи. Колико слышахъ, реклъ онъ, како вѣщанія иная не подобная и на толикое солнце возгнещуть людье зліи. А Сновидъ,—мрехвальный слуга есть и доблій, князя велика Святополка Михаила Изяславича, да хранитъ всеблагій лѣта его въ мирѣ и благополучіи всяцѣмъ! Эй Господіе мой—молю вы худый—усмиритеся!.. руцѣ ваю подасте (*соединяетъ руки вставшихъ съ мѣстъ Сновида и купца, тоже успокоивающагося*) и лобжите кыйждо друга—другъ! (*Сновидъ и купецъ цѣлуются*).

Купецъ (*садясь*) просимъ прощенія, аще согрубихомъ и прогнѣвихомъ ваше степенство! Ей, отъ души реку, несть ми обиды пачее хулы на князя нашего, благолюбца, правосудна и ласкова. Бей мене—стерплю! А на князя зло возглаголешь — вступлюся!...

Сновидъ (*кивнувъ головою и садясь*). Вѣрный то знакъ добраго подданнаго. Кабы у насъ въ Кіевѣ, у великаго волостеля были такы жъ гражане? — може бы намъ жити припѣваючи, не держа по три стражи нощные. А то все кіевляне наровять ко иному княжеви итти; иному предатися. А лучшее што-ль найдуть? Вѣдь князь—вездѣ и все—князь!

Купецъ. Позволь родимый Полячевичь—тако кажется.

Турякъ. (*подсказывая*) Сновидъ Изячевичъ!

Купецъ. Все едино,—Полячевичь или Изъячевичь, тамъ што-ль, брате—простѣ молвлю нѣсте друже Сновидъ: князь на князя не придетъ. Одинъ—душа, другой... какъ бы-те сказать чч...твв... дурр... аль... какъ бы поверняе?.. ну, хоша *нелюдимъ* какъ *великій* вашъ—худо не хощу про ево честь молвить. Душа — это, нашъ Володимеръ Всеволодичь!

Сновидъ	(въ одно время)	(*не слушая другъ друга*).	Святополкъ Михаилъ!
Малуша			Василько мой!
Турякъ			Давыдъ Игоревычь!

Игуменъ Василій (*покрывая ихъ голоса своимъ густымъ теноромъ*). У каждаго, стало, изъ васъ братіе—лучшій свой князь! Вси вы людіе блази. Тако и довлѣетъ, Господу споспѣшествующу...

Купецъ (*помолчавъ и продолжая*). Мономахъ-отъ нашъ—примѣръ людемъ своимъ, во всемъ!—Вотъ по-

чему я лучше всѣхъ и считаю ево. Отецъ семьи—примѣрной!.. сынъ отцу—лучшій не надобе; книгамъ—чтецъ усердный...

Сновидъ. И нашъ тоже Святополкъ!...

Купецъ (*продолжая*) ...Защитникъ правды... на чьей бы сторонѣ не была она: судися смердъ съ его сыномъ со княземъ?—Ему все едино—не поноровитъ родному!

Малуша. Таковъ и мой Василько!

Игуменъ Василій. Воистину!

Купецъ (*продолжая свое*)... Покровитель нашего брата гостя.... истинно...

Сновидъ. И нашъ тоже Святополкъ!..

Купецъ. Може и такъ, только не даромъ, а *за даромъ*, а Мономахъ – нѣтъ, не возьметъ съ те(бе) ни шеляга.

Купецъ новгородскій. Мономахъ и урядъ ведетъ въ домѣ примѣрной...

Сновидъ и Турякъ (*вмѣстѣ*). И нашъ Святополкъ!.. И нашъ Давидъ Игоревичь...

Малуша и Сновидъ. (*Отвѣчаютъ разомъ Туряку*). Полно, Дмитро Ляшевичъ, полно! Всѣ дворяне и дѣтскіе, и отроки распущены, какъ ни есть хуже. Ключники только пьянствуютъ; тивуны — взяточники! Дворецкое хозяйство....

Турякъ. (*скороговоркою*). Не мое тутъ дѣло: князь, князь... и князь!

Сновидъ. Однако ты?..

Турякъ. Я, коли ты знать желаашь, самъ стражду отъ любимцевъ княжихъ... вотъ што...

Кнышинъ. Подтверждаю! Богъ свидѣтель. Они-отъ (*показывая на Кольчу и Ушана*)—все мутятъ.

Сновидъ. (*Туряку*). А уёмъ гдѣ у тебе? Вѣдь ты... дворецкой?!

Турякъ. Говорятъ, нѣтъ ево—на все одна власть княжая (*Сновидъ пожимаетъ плечами*).

Ушанъ. (*Просыпаясь и слыша послѣднія слова*). Власть не княжая, а моя—пить... Под-дав-вай!! Слышь, ты, Турякъ безмозглый, поварачивайсь!

Турякъ. Вотъ сами слышите: при васъ безчеститъ.

Ушанъ. (*куражась*). Я те дамъ безчеститъ. Не того еще дождешься. Дай намъ только голову сорвать Васильку—да Мономаху! (*пьетъ и засыпаетъ, всѣ переглядываются*).

Малуша. И за что отцы родные онѣ на мово-то князька ненагляднова зарятся? Слыхала я, отъ ихъ же, отъ каково-то, будто князь Мономахъ за Василька мово отдаетъ свою дочку, которую-та!...

Збыгнѣва. (*Тихо мужу*). Мы не слыхали, а это—важно! Нужно разбить. Кто порукой, что тестюшко не пообѣщаетъ за дочкой зятьку такому рьяному чужой землицы? Кіевляне такъ не надежны!...

Другой купецъ. (*вслушиваясь въ рѣчи ихъ новгородскому купцу*). Вотъ-то-бы праздникъ-то былъ намъ? А жидамъ тогда карачунъ. Я бы этого самаго Мовшу своими бы руками стервеца вздернулъ—какъ пить далъ, а ты думаешь какъ?

Новгородскій купецъ. Што тутъ думать-то. Есть пословица не всякому слуху вѣрь; што ужь больно хорошо—тому и не сбыться.

Игуменъ Василій. А вы гости честніи, въ великую и богатую милость создателя рази не вѣруете?

Другой купецъ. Я вѣрю и жду всего лучшаго; а вотъ онъ не вѣрной у насъ.

Новгородскій купецъ. И вѣстимо. Люди-то кіевскіе съ радостію-бы!... да жиды не то пропоютъ; а ихъ въ Кіевѣ развелось видимо-невидимо. Какъ есть все провѣдаютъ и подстерегутъ...

Другой купецъ. А жаль. Важно-бъ было... Кути душа да набивай кошель.

Игуменъ Василій. За Карпатами,—такъ въ мощь-силу велію князя Василька народъ вѣритъ,... што въ евангельѣ. Какъ въ набаты бьютъ тамо, что ляхамъ передъ имъ ни сдобровать. И на эту весну еще, баютъ, въ Теребовли, въ походъ князь сбирается въ ляшскую сторону...

Збыгнѣва. (*тихо мужу*). Что вы съ Святоплукемъ поскорѣе не избавитесь отъ этего аспида. Не могу слышетъ большъ имени этего нашѐго, ляшскего, кровопійци; губитѐля муей бѣдной родзины (*хнычетъ*). Слушай!—што-би не було его (*щиплетъ Сновиду руку со злости*).

Сновидъ. (*Женѣ,—отрывая руку; въ полголоса*). Больно! (*тихо*). Еще годъ не пришелъ. Да—не уйдетъ онъ отъ насъ, не горюй! Дай-ко я еще, вотъ, старуху пощупаю—благо разовралась. Да и отца игумна подпоимъ. (*Дѣлаетъ знаки Туряку, чтобы поднести Малушѣ и игумену Василію чару съ хмѣльною романеей*).

Игуменъ Василій. (*принявъ чару садится подлѣ Малуши и говоритъ ей, ставя самъ чару свою на столъ, подлѣ*). Пей бабуся — возвесели сердце твое. Все благо въ грядущемъ послѣдуеть. Блази и прожитыи злы дни, мовила ты, не мало испытывала... ась?...

Малуша. Не мало отецъ мой, видитъ Богъ, не мало! какъ вспомнишь што я только перепесла за дѣтокъ княженятокъ-отъ своихъ. На моихъ рукахъ, да моими рабскими попеченьями, да заботами, и выросли онѣ сердечные всѣ трое... Кнеиня матушка какъ овдовѣла, къ отцу свому въ Угрію отъѣхала, а князь великой Изяславъ Ярославичъ не далъ ей дѣтокъ-отъ; при себѣ мене удержалъ. Потомъ жили мы... я ихъ все ростила,... здѣся ужъ... при князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ, дядюшкѣ ихъ. Вотъ ужо былъ князь-отъ ласковой, привѣтливой.

Сновидъ. А все племянники его за хлѣбъ за соль, да за паньску ласку, престола рѣшили?!.. Какъ ты тутъ мусішь оспожа Малуша?

Малуша. Родимый мой, сидимъ мы теперя въ городу князя Давыда Игоревича такъ трудно будетъ мнѣ правду всю сказать табѣ. Одно могу: не мои княжата туто виновати, а и князь Давыдъ больши почитай...

Сновидъ. А мы слышали иные разсказы. Вотъ Дмитро Ляшевичъ, баитъ, будто, твой вскормленцикъ подъустилъ-отъ князя Давыда?

Малуша. Да ты самъ посуди, Сновидъ Изячевичъ, мому-то князьку было девятнадцать годковъ, а князю Давыду подъ тридцать. У кого же должно быть больше ума?

Сновидъ. Ну это трудно сказать. Иной и весь вѣкъ глупъ.

Малуша. Только ужь не князь Давыдъ... хитрой-прехитрой. Въ тѣ поры какъ упрашивалъ княжну Марью, за себя пойти, якимъ нѣжнымъ прикинулся. А къ братьямъ-отъ въ душу лезъ. А нонѣ и слышать объ ихъ не желаатъ.

Сновидъ. Видно, ужь роденька-то женина насолила хорошо .. Такъ и не знается.

Малуша. Какъ ужь тутъ знать. Кто ихъ разберетъ: который бѣлъ—который черенъ, когда одинъ весь

Ослѣпленіе князя Василька Ростиславича.
Оригинальный рисунокъ В. Шпака, гравировалъ О. Ротъ.

наруже,—мой Василько. А другой, можетъ, какъ бѣсъ хитеръ, да завистливъ...

Другой купецъ. Это точно правда: завистливому все мало, а слава чужая пуще ножа востраго.

Збыгнѣва. Нечего завидовать-то разбою да грабежу, да истребленью бѣдныхъ людей!... Сколькихъ несчастными? сдѣлалъ... этотъ... храбрый—Василько што-ли, какъ звать ево...

Малуша. Что же дѣлать—такова участь войны: не онъ первый, не онъ, послѣдній. За дружиной не углядишь; можетъ и правда много несчастныхъ. А самъ онъ—милостливъ!.. не потерпитъ ничьево притѣсненья...

Игуменъ Василій. Да и нѣтъ его;—я вѣдь ѣзжу! Люди Василька князя—народъ доброй, не такіе разбойники, какъ ляхи коварные: сила не беретъ, такъ бьютъ изъ-за угла; рѣжутъ сонныхъ; отравляютъ пищу. А онъ еще, милостивый,—пощаду имъ даетъ, отпускаетъ на покаянье. Даже жидовъ не вѣшаетъ; а только выгоняетъ изъ своей области.

Збыгнѣва. И то гарно! Ай-да хваленая добродзѣцель!.. Ограбитъ—и выгонитъ.

Игуменъ Василій. Нѣтъ не грабитъ самъ, да и своихъ людей недаетъ грабить, какъ въ другихъ княженьяхъ дѣлается.

Купецъ И при нашемъ князѣ жидамъ не водъ. За то ужь въ стольномъ Кіевѣ...

Сновидъ. Въ Кіевѣ живутъ они смирно, никого не трогаютъ, къ чему же ихъ выгонять безъ дѣла. Не разумны тѣ владыки, которые натравливаютъ одну часть людиновъ, на другую. Князю должны быть равны всѣ его подданные. Онъ—отецъ общій...

Купецъ новгородскій. (*смѣясь*). То-то же бываетъ не общій и не для всѣхъ отецъ; своимъ роднымъ грозенъ хуже отчима; а жидамъ—лучшее и ласковѣе—отца родного... Всяко бываетъ на свѣтѣ. Ха-ха-ха!

Сновидъ. (*съ сердцемъ*). А я еще говорю, не можетъ этого быть! Про нашего князя, его милости, Святополка, это все только байки разсказываютъ что у ево жидамъ—воля. Онъ ихъ и на глаза не принимаетъ. Я-то знаю ужь...

Купецъ. (*еще больше смѣясь*). Жидовъ не пускаетъ; за то жидовочки милости просимъ. Да-и что за жидовочки?! (*глядитъ на Збыгнѣву*). Ха-ха-ха!!

Збыгнѣва. (*мужу въ злобѣ почти шипящими звуками*). Зажми ему ротъ... клеветнику!.

Сновидъ. (*не слушая ее*) лучше бы гость честной, спросилъ у защитницы-то князя Василька (*показывая на Малушу*) какъ случилось: что опять ея же вскормленники уходили дядю Ярополка,—подослали Нерядца окаяннаго, чтобъ ему ни дна ни покрышки!...

Малуша, И тутъ ты Сновидъ Изячевичъ, изволишь неподобное клепать. Ярополка Изяславича сами любили—какъ душу,—дѣтки мои. Мало ль было слезъ, какъ привезъ его, раненаго-то къ намъ Радулъ Пиняшевичъ. Моя княгинюшка, да Володарь Ростиславичъ глазъ не осушали.

Сновидъ. Нешто?! Растобарывай себѣ... Нерядецъ-отъ въ Перемышль удралъ. А тамъ ухоронилъ его твой воспитанникъ же.

Малуша. Нѣтъ не мой—Заринъ—Рюрикъ Ростиславичь! А зачѣмъ онъ далъ ухорону злодѣю?.. не намъ знать! Тамъ былъ и Давидъ Игоревичъ...

Турякъ. (*проходя мимо съ пустыми чарками и услышавъ имя своего князя*). Не были... Не были, не были! Одинъ покойной Рюрикъ Ростиславичъ, не тѣмъ будь помянутъ. Мы въ тѣ поры, со княземъ Василькомъ были въ походѣ... Пріѣхали въ таборы Васильковы и слышимъ.....

Игуменъ Василій. (*Туряку*). Да вы-то сами откуда пріѣхали?

Турякъ. (*смѣшавшись*). Не слышу! Только не было насъ при этомъ!

Малуша. Слышишь теперя што не мои вскормленники?

Сновидъ. Да все Ростиславичи—Ярополка извели! Я еще слышалъ отъ вѣрнаго человѣка, что Василько... былъ...

Малуша. Какой-то такой вѣрной человѣкъ твой выискался сказать тебѣ это, ужь не Лейбовичъ-ли, лгунъ всесвѣтной, что мать свою продалъ, на моей памяти,—Хаю-покойницу...

Сновидъ. Не онъ одинъ и Василь Кнышинъ кажется...

Кнышинъ (*откликаясь съ другаго конца стола*). Ась! кому меня надобѣ?..

Сновидъ. Да я молвилъ, никакъ ты, мнѣ сказалъ, что Ростиславичи смастерили всѣ собща дѣло съ Нерядцемъ, на Ярополка Изяславича?

Кнышинъ. Нѣтъ не я. Слыхалъ что въ Перемышлѣ ухоронили Нерядця жиды, да въ навозѣ и вывезли въ поле—такъ онъ и бѣжалъ.

Малуша (*Сновиду*). Такъ оно, може, твой-отъ Лейбовичъ, свою пакость на чужу полосу и сворачиваетъ.

Сновидъ. Незнаю ёво пакостей, а знаю, что живетъ мужъ своимъ ремествомъ... честно...

Кольча (*проснувшійся и слышавшій послѣднія слова Сновида, вмѣшивается въ рѣчь, едза двигая языкомъ*). Ишь-ты, дя-дя Сно-ви-де ме-ня да ве-чи нас-ку-дой обла-ялъ-ты-г-ри-шъ ни-пут-ной, а, сво-во-дру-га жи-дов-ску-об-ра-зи-ну чест-ную п-на-ш-ше-лъ. М-ло-дѣ-цъ!! Ай-да Сно-видъ? Ужо те-бе бра-т-тецъ съ т-тво-емъ чес-нымъ Л-ла-зыремъ на од-дну осинку... П-по-ка-чаться. (*Гости смѣются*).

Сновидъ (*язвительно но полушутливо*). Понимаю! Видно Лейбовичъ-отъ вымогаатъ больши росты на пенязи отъ васъ... щелкоперовъ? Или, можетъ, на цѣпь грозитъ посадить твою милость за долгъ-отъ! такъ-то ты и окрысился?

Кольча (*въ бѣшенствѣ, но нѣсколько отрезвясь*). Меня не выдасть князь, а тебѣ, повторяю, быть на одной осинѣ, со своимъ ненаглядным Лейбовичемъ и со всей жидовской ватагой! Дай срокъ!

Збыгнѣва (*Кольчѣ—вкрадчиво*). Не выходи изъ себя пригожый молодецъ. Еврейскій народъ не самой еще худой. Твой князь другаго надѣюсь мнѣнія о жидахъ. Его они не разъ изъ бѣдъ выводили. Лучше на враговъ твоего государя ярись. Ихъ у него очень много... меньше чѣмъ и у тебя! И враги эти вовсе не жиды, а ваши же русскіе; напримѣръ, братцы родные вашей княгини?.. Для нихъ прибереги свой гнѣвъ... а къ евреямъ обрати гнѣвъ на милость....

Кольча (*полууспокоенный*). Люблю полекъ! Разутѣшатъ хоть ково. Особливо такія пригляднын какъ жена твоя Сновидъ.—Давай руку... помиримсь!?.

Сновидъ (*съ сердцемъ*). Не стоишь! человѣкъ бы былъ, а ни....

Малуша. Это видно не я бѣдная. За свою обиду такъ, небось, далъ отпоръ, а старыхъ людей выдавать на посмѣянье не стыдно?

Кольча (*снова гнѣвный*). Помни же это Сновидъ.—И не попадайся гдѣ нибудь намъ! А то!

Сновидъ. Хвастунишка! Ну тебѣ ли со мной совладать, когда я подковы што солому раздергиваю? Ты берегись. Разсерди меня только!...

Игуменъ Василій. (*подсѣвъ къ Малушѣ и заводя съ нею бесѣду въ полголоса*). Поговоримъ лучшее бабуся о прошломъ. Ты, какъ очевидица разскажешь мнѣ иное, чего не твердо я знаю.

Малуша. Спрашивай, отецъ все повѣдаю.

Игуменъ. Въ Тмутаракани не была?

Малуша. Какъ же. Жили тамъ съ покойнымъ государемъ княземъ. Тамо и отраву ему далъ грекъ недобрый. По его милости, весь домъ-отъ княжеской въ разбродъ пошелъ.

Игуменъ. Какъ же Давидъ Игоревичь!

Малуша. Къ намъ подъѣхалъ-то?—Извѣстно какъ. Росли у одного дяди. Онъ хоша и старше нашихъ былъ, да спервоначалу смиреннымъ казался. Другъ такой— что отдай все да и мало. Вотъ смутилъ Тмутаракань доставать Володаря; у того еще разумъ дѣтской былъ. Извѣстно, на двадцатое лѣто, каковъ умъ бываетъ? Ну—и пошелъ: прокняжили вдвоемъ годъ съ небольшимъ, а тамъ протурили, попрохладивъ пылъ сперва въ подклѣтѣ, на водѣ да на хлѣбѣ... Примазался князь Давыдъ тогда къ Владиміру Всеволодичу, самъ же разбилъ мысли дядюшки Ярополка супротивъ ево пойти. Какъ раскаталъ дружины Владиміръ-отъ, нашего и посадили здѣсь на ево мѣсто. Тутъ и женился на Марьѣ нашей Ростиславни. Цѣловалъ—миловалъ и сперва жисью называлъ; да и простылъ скоро. Теперь въ тѣ поры прикинится добрымъ, да ласковымъ, когды каку-ни-наесть бѣду почуетъ. А давно ужъ кажись—и на очи не принимаетъ сердечную... Все груститъ голубка въ своемъ терему одинехонька (*Вздыхаетъ; на глазахъ навертываются слезы*).

Турякъ (*подходитъ къ собесѣдникамъ. За нимъ идетъ жена съ подносомъ, на которомъ стоятъ кубки романеи*). Ну-т-ко, мать честная, Малуша Крушиновая, соизволь! Необезсудь твово раба вѣрнаго. По принудься-мало и ты-то (*Василію*), да прикушай отче, на то пиръ честной.

Малуша. Мнѣ-то не надо. Ужь и то грѣшница дерзнула. А, вижу, горе не зальешь напиткомъ.

Бигла (*поднося и кланяясь*). Не погнушайся, серденько, пригубъ хоча. И — повеселѣешь, може... Святой Отецъ!

Малуша. Нѣтъ — ужь томитъ сердце! Вѣщунъ оно у меня. Не передъ добромъ это, родные!

Бигла (*къ Малушѣ*). Да ты и яства наши безчестишь, мать ты моя честная, ни млинцовъ, ни хворосту, ни яишенки, ни колобковъ со сметаной, ни голушекъ — ничего, какъ есть не тронула.

Турякъ (*шутливо*). Не угощай ужь напрасно Бигла Тюревна, эту госпожу ломливую. При дворѣ привыкла къ поклонамъ, а у насъ, у простяковъ, гдѣ взять дворской чинности, до величачества. Кушать все просимъ. А не изволишь — на себя пеняй. Такъ ли Сновидъ?

Сновидъ. Я братъ всему почетъ даю. И рыбки заливной и грибкамъ, и сыртикамъ, мальвазію непропущу, да и сластямъ спуску не дамъ — проваливай дальше. Мы — свои люди! Вотъ Кольчу почести съ его братикомъ названымъ.

Игуменъ Василій. Да Ушанъ спитъ богатырскимъ сномъ, только ноздри раздуваются. И то дивно— сидя спитъ — не валяется.

Кольча. Мы ни въ жись ни свалимся. Это васъ монаховъ романея съ ногъ рѣжетъ — насъ не смѣетъ.

Василій. Побуди однако его.

Кольча. И самъ очнется. (*Толкаетъ въ бокъ Ушана, который проснувшись, не можетъ очнуться и вдругъ уставя полуоткрытые глаза въ темный уголъ, кричитъ благимъ матомъ*).

Ушанъ. Ай! князь Ростиславъ, не подходи! не я ворожилъ княгиню Марью, дочь твою, а Сновидъ съ Эстеркою... ей Богу. Они, не я — разбой!..

Сновидъ (*вскочивъ и зажимая ему ротъ*). Что ты, пьяница, бредишь не въ умѣ!..

Ушанъ. У-у-у... Н-ни-и-я. Ярополкъ! (*Всѣ кромѣ Сновида съ женой, Малуши и Ушана, встаютъ съ мѣстъ встревоженные и спѣшатъ выйдти изъ терема. Пламя лучины вспыхиваетъ съ трескомъ, разбрасывая искры. Слышно пѣніе пѣтуховъ. Долетаютъ разные голоса гостей, разбирающихъ свою верхнюю одежду*). Премного довольны!... Не безпокойся осударь... Дмитро Ляшевичъ. Бигла Тюревна, всѣмъ предовольны...—до какой поры вишь, досидѣли — пѣтухи поютъ. Экъ мы окаянные застряли словно! Что-то на дворѣ?.. (*Уходятъ въ двери, сквозь которые набиваетъ вьюга. Въ теремѣ полумракъ*).

Сновидъ (*давя Ушана*). Я съ тобой теперь раздѣлаюсь, проклятой пьяница!

Збыгнѣва (*хватая за руки мужа*). Оставь—видишь не въ себѣ человѣкъ!.. (*Ушанъ между тѣмъ сваливается подъ столъ и засыпаетъ, храпя на весь теремъ.*)

Сновидъ (*понемногу приходитъ въ себя и смотря на Малушу съ робостью*). Вотъ мерзавецъ-отъ, съ пьяныхъ глазъ што еще выдумалъ? Самъ не помнитъ што брешитъ!

Малуша (*въ ужасѣ*). Богъ съ вами, зложелатели. Мы надѣемся на Создателя, и всѣ ваши злыя начинанія безъ воли Его ни къ чему не поведутъ. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

Збыгнѣва (*тихо мужу*). А какъ ты думаешь, разобрали они... (*показывая на уходящихъ гостей*) въ крикѣ, что онъ вралъ... съ просонья?

Сновидъ (*мрачно*). Кто ихъ знаетъ. Да мнѣ что!? князь великій...

Малуша (*проходя мимо*). И князь великій отъ суда Божьяго не спасется. Попомни страшный судъ, Сновидъ Изячевичъ! (*удаляется изъ терема*).

Сновидъ (*женѣ*). Что прокаркала послѣднее-то, корга эта, какъ провалилась?

Збыгнѣва (*въ страхѣ*). Не спрашивай теперь. Успокойся... Ничего — пусто все! (*трепещетъ*).

(*Входятъ Турякъ съ Биглой*).

Турякъ. Ишь какъ его не легкая прорвала. Разогналъ всѣхъ гостей нашихъ.

Сновидъ (*самъ съ собою*). Бываетъ же такая дурь съ пустоголовыми... что онъ, взаправду, смыслитъ еш? Съ нашимъ братомъ, могло бы?.. Да нѣтъ же... ничего не грезится!.. ни въ очію, не во снѣ.

П—въ.

(Продолженіе будетъ).

Спекуляторъ.

(Окончаніе).

Сомнительно чтобы Колумбъ плылъ на западъ съ большими ожиданіями, чѣмъ Штильке. Покрайней мѣрѣ поѣздка перваго была далеко не такъ спокойна, такъ какъ онъ велъ корабль на удачу—съ пріятной перспективой быть брошену въ море, въ случаѣ если путешествіе продлится слишкомъ долго. Штильке же ѣхалъ со всевозможнымъ комфортомъ; вѣтеръ былъ попутный, и корабль летѣлъ на всѣхъ парусахъ. Пообѣдавъ съ капитаномъ, Штильке ложился соснуть, а потомъ шелъ на палубу пить кофе, который долженъ былъ нести ему туда корабельный юнга, страшно досадовавшій на это новое прибавленіе къ его обязанностямъ. Съ матросами Штильке дурачился не хуже любаго школьника и все болѣе и болѣе возбуждалъ въ нихъ любопытство касательно содержанія его ящика, дѣлая имъ самыя фантастичнскія описанія заключавшихся въ нихъ мундировъ для овайгійской арміи. Истощивъ эту тему, Штильке доставалъ огромную гармонику и начиналъ разыгрывать овайгійскую вечернюю зорю и овайгійскій маршъ, которые, какъ увѣрялъ онъ, сочинены по его порученію Ричардомъ Вагнеромъ, за что этотъ послѣдній и получилъ чинъ овайгійскаго надворнаго совѣтника. Но все это было ничто въ сравненіи съ утренней зорей, которая, будто бы, была сочинена самимъ генералъ-фельдмаршаломъ—и для исполненія которой требовалось содѣйствія всѣхъ матросовъ, пускавшихъ при этомъ въ ходъ всевозможныя сковороды и кострюли, какія только находились на кораблѣ.

Чтобы избавить себя отъ морскаго крещенія—Штильке увѣрилъ матросовъ, что онъ уже три раза переходилъ экваторъ, отправляясь за дрей-мадерой, которою онъ нагрузилъ цѣлый корабль. Къ несчастію, это не принесло ему рѣшительно никакой пользы, потому что этотъ корабль потерпѣлъ крушеніе при Гельголандѣ. Гельголандцы хотя и спасли всѣ безъ исключенія бочки, но сами же ихъ и выпили, такъ-что весь островъ былъ пьянъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ недѣль, а онъ, бѣдный, совершенно разорился.

Но когда, во время перехода черезъ экваторъ, стали крестить корабельныхъ юнговъ, Штильке принялъ на себя роль Нептуна, при чемъ на немъ не было никакой другой одежды кромѣ трехъугольной шляпы, что придавало ему въ высшей степени классическій видъ.

Наконецъ, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, миновали Вальпарайзо и достигли Овайги, гдѣ и бросили якорь. Первымъ дѣломъ Штильке было осмотрѣть головы туземцевъ, прибѣжавшихъ къ берегу,—и какова же была его радость, когда онъ увидалъ, что всѣ они ходили съ непокрытыми головами и только на нѣкоторыхъ изъ нихъ было что-то въ родѣ остатковъ соломенной шляпы. Если Штильке едва могъ дождаться доставки своихъ ящиковъ на песчаный берегъ, который, по его мнѣнію, какъ нельзя лучше былъ приспособленъ для выставки его товара,—то и матросы съ такимъ же усердіемъ спѣшили перенести ихъ на твердую землю, въ надеждѣ увидать великолѣпные мундиры. Съ своей стороны и капитану Гроту смертельно хотѣлось взглянуть на лица матросовъ при открытіи ящика, содержаніе котораго было извѣстно ему черезъ его брата, такъ что скоро все населеніе корабля собралось на берегу, гдѣ Штильке, къ удивленію матросовъ и сбѣжавшихся островитянъ, велѣлъ поставить ящики.

Невозможно описать безмѣрнаго изумленія матросовъ, когда Штильке началъ опоражнивать ящикъ за ящикомъ, а на сцену ничего не явилось еще кромѣ старыхъ шляпъ; зато эти послѣднія, будучи разставлены по берегу южнаго океана, представили собою такое разнородное собраніе, какого никогда еще не видывали въ Европѣ. Начиная съ трехъугольной шляпы швабскаго крестьянина и кончая высокой круглой шляпой англичанина, всѣ имѣли здѣсь своихъ представителей. Штильке ихъ расправилъ и придалъ имъ, по мѣрѣ возможности, натуральную форму,—и вотъ онѣ стоятъ, словно старые дымовые трубы или дряхлые домики съ обвалившимися крышами, гладкія, какъ будто бы вымазанныя масломъ, или же съ взъерошенною, словно у ежа, шерстью. Что касается до бѣлыхъ шляпъ, то одни изъ напоминали собою паршивыхъ пуделей, а другія—могильные камни. Нѣкоторыя шляпы были такъ тверды, какъ будто бы никогда и не лежали въ кучѣ въ видѣ сельдей; другія же такъ сломались, что не было уже никакой возможности поправить ихъ.

И такъ матросы стояли съ неописаннымъ изумленіемъ и раскрытыми ртами, смотрѣли на увеличивавшіеся вдоль берега ряды шляпъ, словно это были ряды пингвиновъ. Такъ вотъ они, пресловутые мундиры овайгійской арміи!—Это было такъ чудовищно, такъ невѣроятно, что матросы не вѣрили своимъ глазамъ. «Торговля открыта», проговорилъ съ важностью Штильке выставивъ третью часть своихъ запасовъ, столъ и зеркало.—«Пожалуйте господа», обратился онъ къ островитянамъ, которые стояли вблизи и съ такимъ же оцѣпенѣніемъ смотрѣли на Штильковы приготовленія и его трехъугольную шляпу (которую онъ надѣлъ, желая отпраздновать открытіе торговли) какъ и матросы. И они пожаловали, и при томъ самымъ неожиданнымъ образомъ, потому-что къ берегу вдругъ прибѣжала толпа островитянъ, которые принялись рубить тѣ шляпы, которыя стояли подальше, потому что принимали ихъ за стаю неизвѣстныхъ еще птицъ. Это заблужденіе однако же скоро разсѣялось, и когда Штильке прибѣжалъ въ своей трехъуголкѣ на помощь къ оскорбленнымъ шляпамъ, то матросы подняли чудовищный хохотъ, въ то время какъ капитанъ и штурмана катались со смѣха по песку.

Вслѣдъ за этимъ матросы понадѣвали на себя по старой шляпѣ и начали танцовать вокругъ Штильке и его магазина какой-то фантастическій танецъ, что навело островитянъ на мысль, что это европейскій способъ приступать къ дѣламъ. Переставъ плясать матросы трижды прокричали Штильке «ура» и частію возвратились на корабль, частію же разошлись по трактирамъ, въ которыхъ не бываетъ недостатка ни на какомъ берегу.

Дѣло между тѣмъ приняло такой оборотъ, какъ будто бы Штильке и въ самомъ дѣлѣ придется торговать, потому что островитяне, изъ которыхъ нѣкоторые говорили по англійски и объяснили своими землякамъ Штильковы намѣренія, обступили магазинъ, бросая туда жадные взгляды и видимо выказывая желаніе купить. Но Штильке заломилъ такую страшную цѣну, что всѣ они отступили съ испугомъ. Онъ требовалъ только наличныхъ денегъ, тогда какъ Овайгійцы хотѣли платить

свиньями или зерновымъ хлѣбомъ, такъ что торгъ не состоялся. Хотя одинъ туземецъ, который примѣрялъ швабскую трехъуголку и посмотрѣлся при этомъ въ зеркало, и предлагалъ ему до десятка свиней, но Штильке упорно требовалъ ста долларовъ и не хотѣлъ уступить ни копѣйки. Когда подъ вечеръ пришло нѣсколько зажиточныхъ островитянъ, которые стали разсматривать его товаръ, Штильке показалъ имъ для образчика *chapeau gibus*, прибавляя, что у него еще есть нѣсколько такихъ шляпъ въ конторѣ, т. е. въ большомъ ящикѣ. Онъ съ таинственнымъ видомъ принесъ складную шляпу и подалъ ее одному островитянину, который надѣлъ ее на голову, гдѣ однакоже она не держалась. Штильке взялъ ее съ улыбкою и прижалъ пружину, при чемъ шляпа съ трескомъ разступилась. Это произвело такое дѣйствіе, что всѣ островитяне убѣжали съ испугомъ, словно въ шляпѣ сидитъ дьяволъ, а самъ Штильке ни что иное какъ европейскій колдунъ. Оставшись одинъ, изумленный Штильке, подумавъ нѣсколько, полѣзъ въ свой ящикъ, такъ какъ стало совсѣмъ темно. Это происшествіе имѣло впрочемъ ту хорошую сторону, что ни одинъ островитянинъ не рѣшался подступить ночью къ ящику, и Штильке могъ спать спокойно, не боясь воровъ. На слѣдующее утро матросы пришли чуть свѣтъ, чтобъ справиться на счетъ того какъ идутъ Штильковы дѣла. Вскорѣ за тѣмъ прибѣжалъ островитянинъ, торговавшій трехъугольную шляпу, и—едва переводя отъ усталости дыханіе, сообщилъ Штильке, что къ нему идетъ князь Гнакибаки въ сопровожденіи своего семейства и свиты, для того чтобы взглянуть на тѣ дивныя вещи, которыя тутъ находятся. Пришло и его сіятельство, правда босикомъ, но за то въ желтомъ сертукѣ, очевидно принадлежавшемъ когда-то какому нибудь саксонскому почтальону, потому что на немъ оставалось еще двѣ пуговицы съ саксонскимъ гербомъ. Его сіятельство не мало дивился, точно такъ же какъ и вся его свита, разнообразію магазина и примѣрилъ передъ зеркаломъ множество шляпъ, пока остановился на одной. Это была одна изъ тѣхъ шляпъ, которыя слывутъ подъ именемъ пожарныхъ бочекъ, твердая какъ жесть, внизу узкая, а вверху широкая съ залихватски-приподнятыми полями, вышиною въ локоть—и такъ прочно сдѣланная, что ея хватило бы на нѣсколько поколѣній,—ибо даже подкладка у нея была сдѣлана изъ такой твердой кожи, что сама по себѣ могла бы замѣнить шляпу.

Когда его сіятельство, надѣвъ эту замѣчательную шляпу, сталъ любоваться собою въ зеркалѣ, то матросы, внѣ себя отъ удовольствія, принялись исполнять танецъ, выражая свое участіе пантоминами; а одинъ изъ нихъ, для довершенія шутки, поднялъ свой кулакъ, величиною въ небольшой столъ, и такъ хлопнулъ имъ по шляпѣ на головѣ князя, что его сіятельство завязло въ ней всею своею головою и подняло страшный крикъ, слышавшійся словно изъ погреба. Какъ Штильке такъ и все родство его сіятельства принялось тянуть вверхъ шляпу, чтобы освободить плѣнника, кричавшаго крикомъ словно его рѣзали. Наконецъ, рискуя оборвать носъ и уши князя, шляпу сорвали; но подкладка рѣшительно не хотѣла идти съ мѣста, такъ-что у его сіятельства, къ ужасу всѣхъ родственниковъ, очутилось какъ будто бы двѣ головы. Не успѣло его сіятельство освободиться отъ подкладки, какъ подобравъ полы пустилось бѣжать во всю прыть. За нимъ побѣжало все что принадлежало его дому и всѣ находившіеся тутъ островитяне, потому-что не оставалось никакого сомнѣнія: этотъ европеецъ былъ колдунъ, пріѣхавшій за тѣмъ чтобы взять въ плѣнъ, а можетъ быть даже и истребить бѣдныхъ островитянъ.

(Эпилогъ въ слѣдующемъ нумерѣ).

Торжественное вступленіе въ Берлинъ

возвратившихся нѣмецкихъ войскъ.

(Корреспонденція «Нивы»).

Берлинъ $^5/_{17}$ іюня.

Отправившись по вашему порученію въ Берлинъ для того, чтобы доставить вамъ подробное описаніе того великаго торжества, которымъ нѣмцы собирались праздновать свою побѣду, я прибылъ туда рано утромъ въ четвергъ. Вообще путешествіе сюда было далеко не легкое дѣло: число путешественниковъ все болѣе и болѣе увеличивалось, такъ что къ поѣзду приходилось прибавлять на каждой станціи новые вагоны, и объ удобствахъ или даже о снѣ нечего было и думать,—и такимъ-то образомъ должно было проѣхать 1500 верстъ! Но все это было ничто въ сравненіи съ тою тревогою, которую пришлось намъ испытать по пріѣздѣ въ Берлинъ. Вотъ тутъ-то какъ нельзя умѣстнѣе можно было бы воскликнуть: «квартиру! полцарства за квартиру!»

Цѣны на квартиры были неслыханныя. За простую маленькую комнату въ гостинницѣ платили по 10 талеровъ въ день.

По счастливому случаю я нашелъ комнату, которую нанялъ на нѣсколько дней за довольно сносную цѣну.

Отдохнувъ нѣсколько и поправивъ свой туалетъ, я отправился взглянуть на украшенныя для предстоящаго торжества улицы, на *via triumphalis*, т. е. улицу *подъ липами*, бранденбургскія ворота, кенигсгрецкую улицу, и др. Дворцовая площадь и бульваръ *подъ липами* представлялись въ самомъ дѣлѣ величественными. Передъ императорскимъ королевскимъ дворцомъ возвышается колоссальная статуя, изображающая *Германію* съ двумя возвращенными ей дѣтьми: *Эльзасомъ* и *Лотарингіей*, олицетворенными въ видѣ двухъ прелестныхъ дѣвушекъ. На головѣ Германіи императорская корона, а ея величественное и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное лицо обращено къ музею. Лѣвой рукой эта любящая мать обнимаетъ Эльзасъ, а правою императорскій скипетръ простираетъ надъ Лотарингіей. Эт авполнѣ изящная группа—работы профессора Альберта Вольфа.

Не далеко оттуда, на увеселительной площади стоитъ новая конная статуя императора Фридриха Вильгельма III, вылитая изъ бронзы, которая должна была быть открыта только по вступленіи войскъ.

По обѣимъ сторонамъ дворцоваго моста тянулся рядъ судовъ, мачты которыхъ были убраны знаменами и гирляндами.

Дворецъ *кронъ-принца* былъ украшенъ на этотъ

разъ особенно оригинальнымъ образомъ—въ честь возвращающейся гвардіи, слѣдовавшей за принцемъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Главное зданіе и примыкающія къ нему колоннады покрыты гирляндами и вѣнками, внутри которыхъ обозначены названія корпусовъ, принадлежащихъ третьей арміи, и ихъ предводителей, сраженій, въ которыхъ они участвовали, гербовые щиты, и т. д. Порталъ и балконъ были убраны завоеванными пушками, знаменами и другими трофеями.

Точно также и *королевская академія искусствъ*, находящаяся при входѣ въ улицу *подъ липами*, была убрана съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и искусствомъ. Надъ воротами средняго зданія былъ устроенъ, въ видѣ свода, громадный балдахинъ; а надъ нимъ развѣвались завоеванныя знамена, которыя держитъ древне-прусскій орелъ. На балдахинѣ красовался колоссальный бюстъ императора Вильгельма, передъ которымъ Пруссія и Германія подаютъ другъ другу руки. Оба эти произведенія работы гг. Драке, отца и сына. Подъ балдахиномъ помѣщались четыре слѣдующія изображенія: великаго герцога мекленбургскаго (работы Фридриха Каульбаха), германскаго кронпринца (Оскара Пегаса), принца Фридриха Карла (Рихтера) и кронпринца саксонскаго (Беккера). На конькѣ крыши праваго флигеля находится надпись въ стихахъ, говорящая о «счастливомъ жребіи тѣхъ, кто силенъ единодушіемъ, великъ дѣяніями и чистъ нравами», а на позолоченныхъ оконныхъ косякахъ—изящно окаймленные лаврами рельефные силуеты корпусныхъ командировъ: Мантейфеля, Францена, Альвенслебена I, Альвенслебена II, Бозе, Застрова, Штейнмеца и Темплинга. Конекъ лѣваго флигеля украшенъ надписью въ томъ же родѣ и изображеніями генераловъ Кирхбаха, принца Августа Виртембергскаго, Роона, Вердера, Манштейна, и др. Изящно убранные подмостки устроенные на крышѣ и передъ нижнимъ этажемъ зданія придавали ему еще болѣе праздничный видъ.

Даже улица была убрана знаменами, тріумфальными воротами и тѣсно сомкнутыми рядами пушекъ по обѣимъ сторонамъ ея. Въ пяти переулкахъ было поставлено по двѣ колонны, украшенныхъ изображеніемъ богини побѣды. Между этими колоннами висѣло пять большихъ картинъ, написанныхъ первыми берлинскими художниками и изображающихъ, отчасти аллегорическимъ образомъ, пять главныхъ моментовъ войны. На оборотной сторонѣ картинъ, обитой красной шелковой матеріей, изображены золотыми буквами классическія изрѣченія изъ нѣмецкихъ поэтовъ, подходящія къ содержанію картинъ. Первая картина (работы Книлая) представляетъ присягу ратниковъ передъ алтаремъ отечества. Вторая (Шалля)—соединеніе сѣверной и южной Германіи. Третья (Вернера)—битву и пораженіе непріятеля. Четвертая—побѣду и провозглашеніе нѣмецкой имперіи. Пятая—благодѣянія мира. Стихи на оборотѣ этой послѣдней картины, выражающіе завѣтную мечту всѣхъ германскихъ племенъ: слиться въ одно великое государство,—мечту, которая, не смотря на всевозможныя усилія, такъ долго не могла осуществиться,—возбуждали такое сочувствіе со стороны нѣмцевъ, что мы считаемъ нужнымъ здѣсь привести ихъ. Вотъ они, вполнѣ отъ слова до слова:

«Was uns in Herzen tief gelegen
«Dazu gab Gott der Herr den Segen,
«Und hat es an den Tag gebracht.
«Nun wollen wir's mit Fleiss betreiben,
«Dass *Licht* es soll und Frieden bleiben.
«Denn Licht ist Leben, *Fleiss ist Macht.*

«Что глубоко пряталось у насъ въ сердцахъ, на то Господь далъ свое благословеніе и раскрылъ это всѣмъ. Теперь мы не пожалѣемъ трудовъ на то, чтобъ *свѣтъ* и миръ никогда не покидали насъ, потому что свѣтъ есть жизнь, а *трудъ—сила*».

На площади оперы, точно такъ же какъ на парижской площади въ концѣ улицы *подъ липами*, были сдѣланы на обѣихъ сторонахъ эстрады, на которыхъ могло помѣститься до 10,000 зрителей. Точно такіе же помосты были сооружены и вдоль звѣринца и всей кенигсгрецкой улицы, такъ-что на всѣхъ ихъ могли помѣститься цѣлыя сотни тысячь зрителей. Прибавимъ къ этому, что все было убрано зеленью, вѣнками, гирляндами. На всѣхъ вообще улицахъ, не было ни одного дома, даже и въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, на которомъ не было бы какого-нибудь украшенія. На потсдамской же площади устроено что-то въ родѣ террасы, уставленной рядами пушекъ и завершающейся воинственными эмблемами, завоеванными штандартами и орлами. Недалеко отъ этого памятника седанской побѣды стояли колоссальныя статуи Страсбурга и Меца, изображенныхъ въ видѣ двухъ женщинъ. $^{16}/_{4}$ іюня весь Берлинъ, начиная съ 4 часовъ утра, былъ уже на ногахъ. Всѣ общественныя заведенія, всѣ присутственныя мѣста, даже почта, были закрыты. Весь городъ стремился къ улицѣ побѣдъ. Такого всеобщаго ликованья, такого множества радостныхъ лицъ никогда еще не приходилось видѣть. И все это происходило съ величайшимъ спокойствіемъ; общественный порядокъ ни разу не былъ нарушенъ. А между тѣмъ изъ 800,000 жителей, которыхъ насчитываетъ теперь Берлинъ, конечно не менѣе трехъ четвертей наполняло улицы, по которымъ должны были проходить войска. Кромѣ этого, въ Берлинъ прибыло до 400,000 иностранцевъ, изъ всей Германіи, изъ Европы и даже изъ Америки, для того чтобы присутство при этомъ вступленіи.

Войска, въ числѣ 80—100,000 человѣкъ, собрались на темпельгофскомъ полѣ и выстроились по порядку. Императоръ Вильгельмъ, сопровождаемый блестящею свитой принцевъ и герцоговъ, генераловъ и офицеровъ, показался въ половинѣ 10 часа изъ дворца и проѣхалъ верхомъ всю *via triumphalis* до самаго темпельгофскаго поля. Сѣдой герой имѣлъ такой живой и бодрый видъ, что на него пріятно было смотрѣть. Громовыя «ура» неслись вслѣдъ за нимъ всюду, гдѣ онъ ни проѣзжалъ.

Послѣ окончанія смотра на темпельгофскомъ полѣ, началось торжественное вступленіе арміи въ городъ. Впереди ѣхалъ старый генералъ Врангель, подлѣ него русскій штабъ-офицеръ и австрійскій генералъ. За ними слѣдовало нѣсколько сотъ штабъ-офицеровъ различныхъ полковъ, потомъ отрядъ гвардейскихъ гренадеровъ съ 80-ю, завоеванными у французовъ, орлами. Ихъ привѣтствовали безчисленнымъ множествомъ *ура* и *виватъ*.

Потомъ слѣдовали три главные героя: Бисмаркъ, Мольтке и Роонъ, встрѣченные съ величайшимъ восторгомъ со стороны публики. Затѣмъ ѣхалъ императоръ, одинъ, верхомъ. За его величествомъ слѣдовали кронпринцъ съ фельдмаршаломъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ; далѣе—свита изъ 200—300 генераловъ и офицеровъ, въ томъ числѣ Штейнмецъ, Биттенфельдъ, Гервартенъ, Мантейфель, Кирхбахъ, Застровъ, Камеке, Подбѣльскій, Фабрице, Бонинъ, принцъ Георгъ Сак-

сонскій и др. За ними слѣдовали: гвардейскіе полки, первая и вторая гвардейскія пѣхотныя дивизіи, королевскіе гренадеры, полкъ Императора Александра и т. д.,—всѣ въ вѣнкахъ изъ дубовыхъ листьевъ, начиная съ императора и до послѣдняго солдата, которому подавали вѣнокъ съ подмостокъ, если только онъ не получилъ его еще на темпельгофскомъ полѣ. Всѣ пѣхотные полки маршировали съ полнымъ багажемъ, ранцами, кухонной посудой и т. п. Жара была въ этотъ день страшная, около 30° Реомюра въ тѣни. И хоть бы малѣйшій вѣтерокъ! Небо было ясное и голубое, погода — великолѣпная. Но бѣдные солдаты страшно терпѣли отъ жара, выступивъ изъ близь-лежащихъ мѣстечекъ въ 4 часа утра и простоявъ цѣлые часы на темпельгофскомъ полѣ. А тутъ это вступленіе, во время котораго имъ приходилось чуть не каждую минуту останавливаться и сейчасъ же опять бѣжать!

Церемоніальный маршъ длился 4 часа. За прусской пѣхотой, вмѣстѣ съ которою принимали участіе въ этомъ торжествѣ и другія германскія племена (баварцы, гессенцы, саксонцы, виртембергцы и проч.), въ составѣ небольшихъ отрядовъ,—слѣдовала кавалерія: нѣсколько полковъ гусаръ, кирасиръ, драгунъ, знаменитыхъ уланъ, внушавшихъ такой ужасъ французамъ, и наконецъ нѣсколько дюжинъ батарейныхъ орудій. За тѣмъ потянулись городскіе ремесленники, стоявшіе до сихъ поръ рядами по обѣимъ сторонамъ улицъ, съ значками своихъ ремеслъ, знаменами цеховъ и эмблемами.

При вступленіи императора въ Бранденбургскія ворота, 60 дѣвицъ, одѣтыхъ въ древнегерманскій костюмъ, подали императору золотой лавровый вѣнокъ. Для этихъ дѣвицъ былъ устроенъ богато-украшенный балдахинъ. Императоръ остановился со всею свитою подлѣ статуи Блюхера, и тутъ прошли передъ нимъ повзводно церемоніальнымъ маршемъ всѣ войска. Вслѣдъ за этимъ, послѣ обычныхъ молитвъ, церемоніи и рѣчи, былъ открытъ новый памятникъ—конная статуя короля Фридриха Вильгельма III.

Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ самымъ великолѣпнымъ образомъ, въ особенности Новая Ратуша. И тутъ также, не смотря на страшный приливъ и отливъ народа, число котораго доходило на главныхъ улицахъ почти до милліона человѣкъ, я не слыхалъ ни о какомъ несчастномъ случаѣ или даже малѣйшемъ безпорядкѣ.

Я говорилъ потомъ съ нѣсколькими солдатами. Всѣ они были до такой степени утомлены продолжительной ходьбой, страшнымъ жаромъ, безпрестанными остановками, за которыми слѣдовало усиленное движеніе,—что, по ихъ словамъ, они лучше согласились бы идти въ сраженіе, чѣмъ участвовать въ этомъ вступленіи.

Но это минутное утомленіе скоро пройдетъ, и многіе изъ этихъ храбрецовъ будутъ до самой смерти съ гордостію вспоминать о томъ, что и они тоже были участниками торжества.

Что касается до меня, который привыкъ въ Петербургѣ больше ѣздить чѣмъ ходить (въ этотъ день ѣхать было нельзя, потому-что всѣ главныя улицы были заперты), подобное напряженіе было выше силъ моихъ. Я съ ранняго утра былъ на ногахъ, и возвратившись съ иллюминаціи во 2-мъ часу ночи, упалъ въ постель, не помня себя отъ усталости.

Церковь Святаго гроба Господня въ Іерусалимѣ
и іерусалимскіе монастыри.

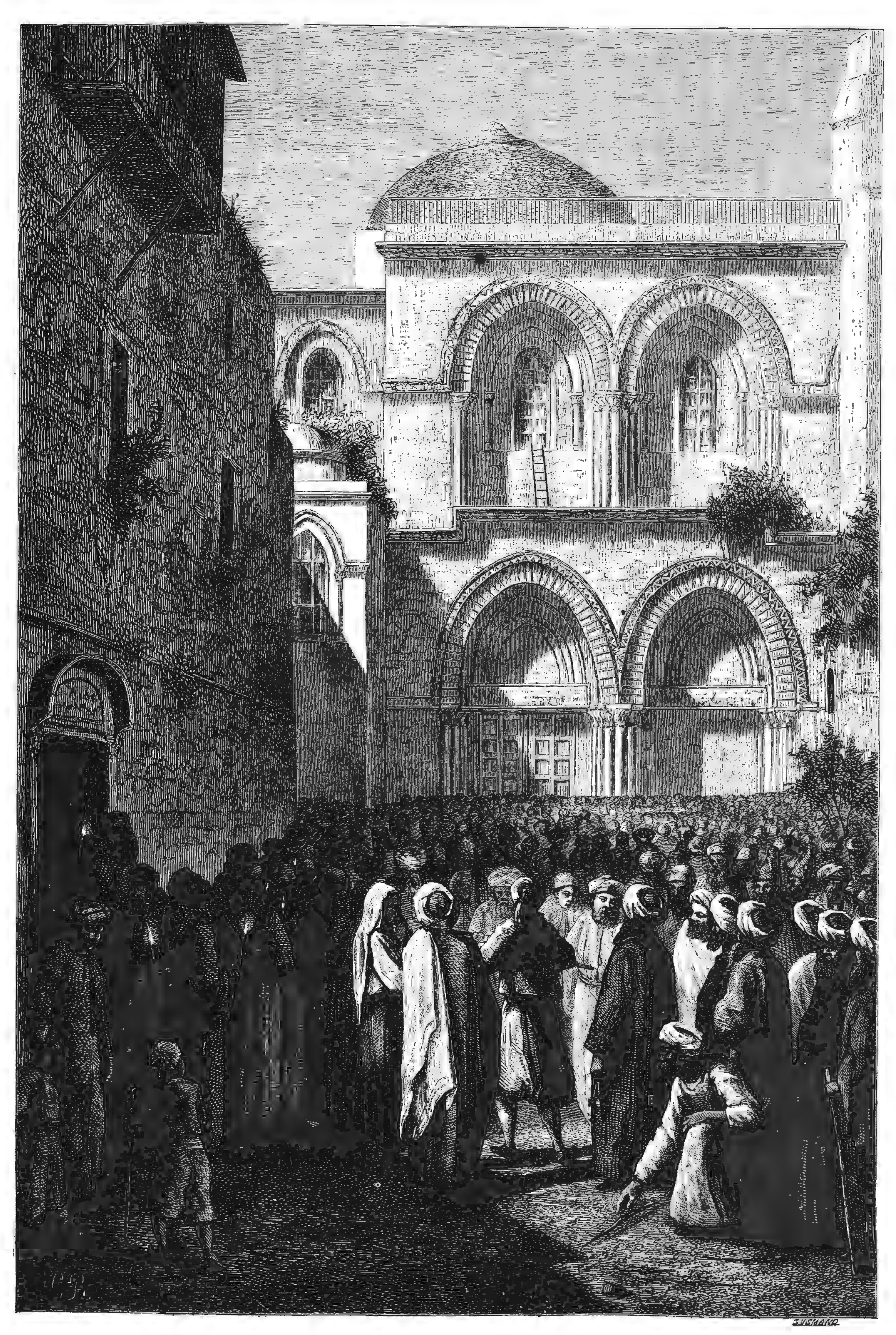
Въ 70 № «Нивы» прошлаго 1870 года было помѣщено довольно подробное описаніе Іерусалима, вмѣстѣ съ тремя видами: Іерусалима, Назарета и Горней или города Іуты. Предметомъ нашей настоящей статьи будетъ описаніе церкви гроба Господня, причемъ мы коснемся и іерусалимскихъ монастырей. Но прежде чѣмъ приступить къ этому описанію, мы считаемъ необходимымъ бросить сперва бѣглый взглядъ на самый городъ, служащій такъ-сказать рамкою этой величайшей святынѣ христіанства.

Настоящій Іерусалимъ, говоритъ одинъ нѣмецкій путешественникъ,—только блѣдное подобіе того, чѣмъ онъ былъ въ прежнія времена. Со стороны пустыни видъ города производитъ еще довольно величественное впечатлѣніе, но чѣмъ болѣе приближаешься къ нему, тѣмъ болѣе уменьшаются его размѣры. Шатобріанъ сравниваетъ его дома съ гробницами, и дѣйствительно отъ этихъ низенькихъ четвероугольныхъ домовъ, завершающихся куполами или плоскими крышами, вѣетъ могилою. Окрестности города каменисты и безплодны,—и Іудея, эмблемой которой была когда-то пальма, производитъ теперь чрезвычайно мало пальмъ. Точно такъ же исчезли и кедры, которыми она когда-то такъ гордилась; одна только масличная гора оправдываетъ свое прежнее имя.

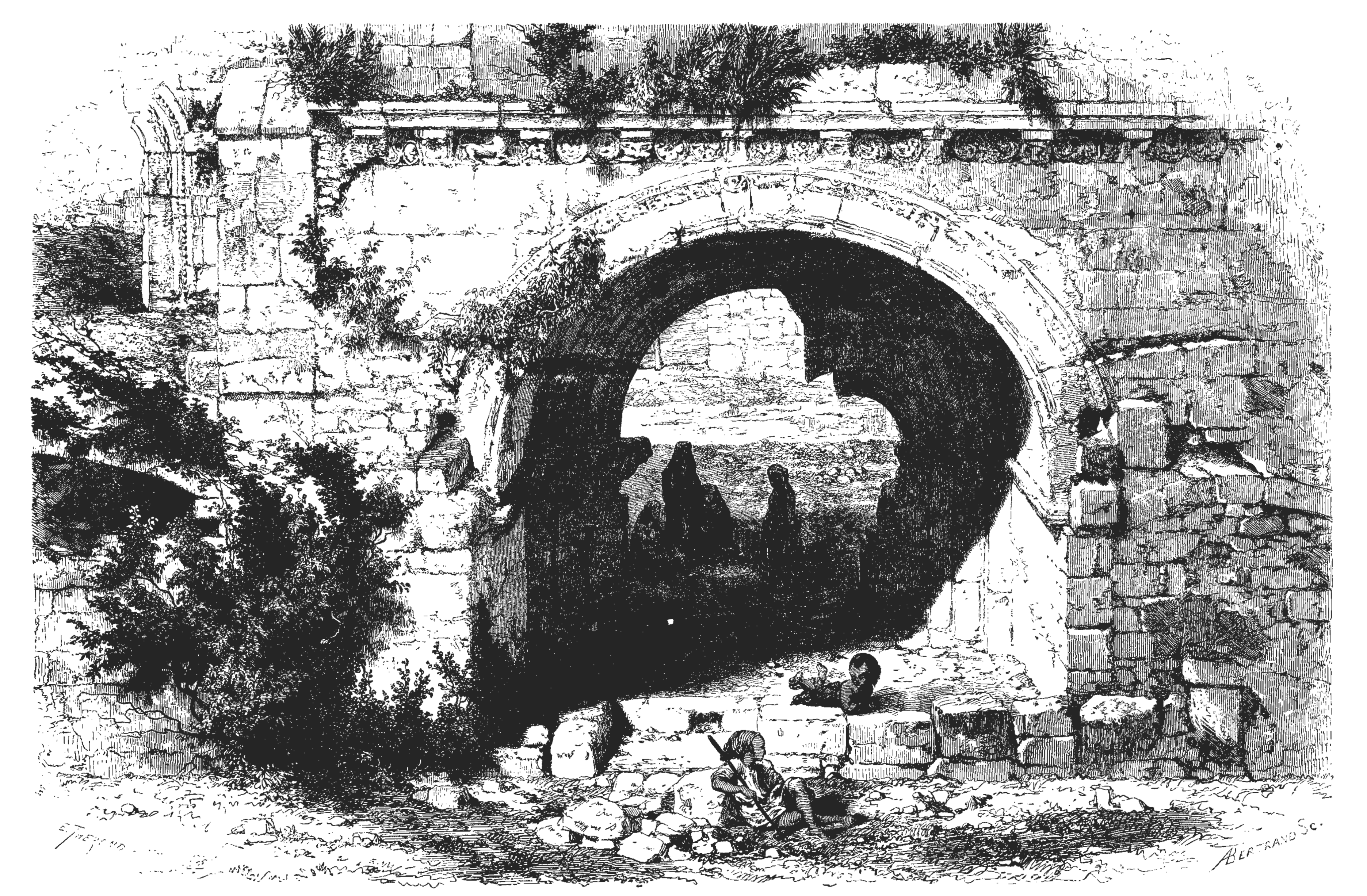
Съ закатомъ солнца—пишетъ извѣстный англійскій туристъ Диксонъ—нѣсколько воротъ, существующихъ нынѣ въ стѣнахъ города, запираются караульными. Но Вифлеемскія, черезъ которыя направляются торговцы и путешественники изъ Египта и съ моря, остаются открытыми еще на полчаса послѣ пушечнаго выстрѣла; потомъ и они запираются, тогда нѣтъ уже никому прохода до разсвѣта. Чтобы проникнуть ночью въ городъ, необходимо имѣть особый пропускъ отъ паши, а иногда приходится проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Иногда впрочемъ удается проникать въ городъ, подкупивъ стражу,—ибо взятки, играющія такую важную роль у насъ въ Европѣ, тѣмъ болѣе имѣютъ значенія на Востокѣ.

Іерусалимскія улицы не освѣщаются ночью, да и нѣтъ надобности, потому-что въ восточныхъ городахъ ночью нѣтъ уличной жизни; а если кому встрѣтится надобность выйти изъ дома, тотъ беретъ съ собою фонарь—необходимая предосторожность, ибо безъ этого васъ могутъ арестовать какъ вора. Общественная жизнь прекращается съ солнечнымъ закатомъ. Притомъ же и не принято ходить по іерусалимскимъ улицамъ, ибо васъ можетъ коснуться прокаженный, лягнуть верблюдъ, укусить собака—и вы, наконецъ, рискуете сами попасть въ какую нибудь яму. Но страшнѣе всего ночью бродяги-факиры (турецкіе монахи), которые, посвятивъ свою жизнь Аллаху, рыскаютъ около Святыхъ Мѣстъ, готовые карать гяуровъ, оскверняющихъ (по ихъ невѣжественному понятію) мечети.

Улицы не вымощены, кромѣ базарныхъ мѣстъ; но и эта мостовая повидимому устроена нѣсколько вѣковъ

Входъ и фасадъ церкви св. гроба Господня въ Іерусалимѣ.

Ворота св. Маріи, стариннаго монастыря страннопріимцевъ въ Іерусалимѣ

назадъ и никогда не чинилась. По каждому переулку проведены открытыя сточныя трубы, въ которыхъ валяются различные остатки и падаль, разлагающіеся плоды, трупы кошекъ, собакъ, верблюжій и ослиный пометъ: все это гніетъ въ ожиданіи благодѣтельнаго дождя. Случалось, разсказываютъ, что не разъ, когда городъ былъ заваленъ до-нельзя грязью и ему угрожала чума, по ночамъ отворялись ворота для гіенъ, которыя входили въ городъ и пожирали падаль.

Во всѣхъ этихъ мрачныхъ и живописныхъ переулкахъ множество арокъ. Многіе дома съ фундаментами и сводами временъ Ирода, съ рѣшетками и верхними этажами временъ Саладина, имѣя иногда вмѣсто фундамента простые отесанные камни, обрамляютъ собою улицы Іерусалима. Внизу помѣщаются лавки и кофейныя. Ряды домовъ на каждомъ поворотѣ прерываются публичными зданіями, находящимися частью уже въ развалинахъ, древними монастырями, госпиталями, церквями, мечетями; подвалы этихъ разваливающихся зданій, по случаю высокой наемной платы въ городѣ, заняты арабскими и еврейскими торговцами,—частью нѣсколько вычищены, частью подперты какими нибудь подпорками, и за тѣмъ обращены въ конюшни, бани и фабрики.

Остатки всѣхъ вѣковъ покрываютъ собою и вмѣстѣ съ тѣмъ украшаютъ здѣшніе переулки; тутъ торчитъ сломанная колонна, тамъ коринѳскій столбъ, въ другомъ мѣстѣ египетскій саркофагъ. Въ какой нибудь садовой стѣнѣ встрѣчается порфировый столбъ; древній зеленый плинтусъ служитъ столомъ въ мастерской портнаго. На улицахъ торгуютъ предметами, которые служатъ для пропитанія иностранцевъ и бѣдныхъ.

«Когда услышимъ на Западѣ громкое имя храма Воскресенія и гроба Господня,—говоритъ въ своемъ путешествіи Муравьевъ, — когда вспомнимъ число протекшихъ надъ нимъ столѣтій и славу основателей—Константина и Елены,—воображеніе представитъ вамъ величественное зданіе снаружи, великолѣпный притворъ, куполы и колонады; когда же ревностный поклонникъ, чрезъ дальнія мѣста достигнувъ Іерусалима, приходитъ помолиться въ святилище гроба, какъ страшно разочаровываетъ его взоры нелѣпая громада зданій, пристроенныхъ ко храму и обезобразившихъ его наружность до такой степени, что только со стороны всегда можно отличить оный отъ прочихъ строеній».

Передъ церковью гроба Господня устроена площадка, выложенная желтоватыми каменными плитами, гдѣ продаются восковыя свѣчи, іерихонскія розы, розовые вѣнки и т. п. Фасадъ церкви заключаетъ въ себѣ двѣ двери, изъ которыхъ одна теперь заложена камнями, а надъ этими дверьми два окна, одинаковой величины, съ арками, опирающимися на небольшія колонны; одно изъ этихъ оконъ тоже теперь заложено. Надъ плоской крышей поднимается большой куполъ, за которымъ находится другой маленькій. По лѣвую руку стоитъ полуобрушившаяся колокольня, а въ углубленіи минаретъ мечети. Двери церкви открываются ежедневно на нѣсколько часовъ, такъ-что всякій можетъ войти туда.

Войдя въ самую церковь, вы видите вправо комнаты греческаго ризничаго, а влѣво помѣщеніе мусульманскаго привратника. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, вы очутились уже у Голгофы, а передъ вами лежитъ на помостѣ камень, на которомъ помазывали тѣло Іисуса мѵромъ по снятіи его со креста. На право съ двухъ сторонъ двѣ мраморныя лѣстницы ведутъ на Голгофу. Вправо за крыльцомъ Голгофы открывается закругляющаяся галлерея. Впереди, за камнемъ мѵропомазанія, стѣна съ большими иконами. Влѣво, за двумя отдѣленіями, виднѣются пиластры, образующіе ротонду, среди которой находится не видный еще отсюда гробъ Господень.

Прежде всего восходятъ на Голгофу. Сумрачная церковь Голгофы очень низка, по причинѣ возвышенія горы, вмѣщенной въ храмъ и почти подходящей къ его вершинѣ. Греческій престолъ, безъ иконостаса, поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ водруженъ Крестъ Спасителя; онъ открытъ съ боковъ, и подъ нимъ видно круглое отверстіе, гдѣ стоялъ крестъ. На право отъ престола видна разсѣлина скалы, распавшейся при кончинѣ Христа. Отверстіе, гдѣ стоялъ крестъ, и трещина обдѣланы позолоченымъ окладомъ, на которомъ начертана слѣдующая надпись по-гречески: «Богъ же, Царь нашъ, прежде вѣка, содѣла спасеніе посреди земли». Подъ крыльцомъ св. горы есть еще нижняя церковь во имя Іоанна Предтечи.

Обойдя крыльцо Голгофы, поворачиваются въ галлерею, которая идетъ кругомъ всей соборной церкви грековъ, занимающей почти половину храма. Другая половина принадлежитъ ротондѣ Гроба Господня. Галлерея заключаетъ въ себѣ разные придѣлы, посвященные воспоминаніямъ Страстей Господнихъ. Далѣе слѣдуетъ спускъ по 40 слишкомъ ступенямъ въ углубленіе, бывшее подлѣ Голгофы, куда повергались тѣла и кресты распинаемыхъ. Черезъ 360 лѣтъ найденъ былъ тамъ и крестъ Господень; на томъ мѣстѣ стоитъ теперь греческій алтарь.

Когда вы возвращаетесь изъ подземной церкви въ большой храмъ и продолжаете начатый путь вокругъ галлереи, вы приходите къ придѣлу Раздѣленія ризъ, принадлежащему армянамъ, а потомъ къ греческому придѣлу во имя сотника Лонгина, одного изъ воиновъ, обратившихся къ вѣрѣ въ Христа, при страшныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ смерть Спасителя. Обогнувъ соборный алтарь, вы видите по правой сторонѣ особое отдѣленіе. Здѣсь, по преданію, находилась пещера, въ которой былъ заключенъ Спаситель, пока приготовлялись орудія казни,—и тутъ же (слѣдуя тому же преданію) плакала Матерь Божія, когда привели Іисуса на распятіе.

Идя по прямой галлереѣ вдоль греческаго собора, вы приближаетесь къ ротондѣ св. Гроба, которая видна на лѣвой сторонѣ, и направо въ особенномъ отдѣленіи расположена греческая церковь. Далѣе, продолжая путь, вы достигаете ротонды Гроба Господня. Ротонда эта состоитъ изъ 18 пиластровъ коринѳскаго ордена, въ три этажа, соединенныхъ арками и подпирающихъ огромный куполъ. Наружность Гроба Господня представляется въ видѣ часовни изъ желтоватаго мрамора, увѣнчанной куполомъ на аркахъ. У входа низкое крыльцо изъ бѣлаго мрамора, съ обѣихъ сторонъ котораго стоятъ большіе серебряные подсвѣчники. Часовня эта служитъ придверіемъ Гроба Господня. Гробъ есть каменная пещера, обложенная снаружи и внутри мраморомъ. По выходѣ изъ ротонды, на пути къ Голгофѣ, лежитъ мѣсто, на которомъ, по преданію, Матерь Божія стояла во время помазанія мѵромъ тѣла Спасителя,—и это мѣсто обозначено мраморнымъ кругомъ. Оно принадлежитъ армянамъ; отсюда ведетъ лѣстница наверхъ, въ ихъ главную церковь.

Отъ дверей часовни Гроба Господня представляется величественная перспектива соборной церкви грековъ,

занимающей на одной линіи съ ротондою Гроба Господня почти середину зданія. Внутренность собора напоминаетъ русскія церкви; онъ увѣнчанъ куполомъ, который вмѣстѣ съ большимъ куполомъ ротонды возвышается надъ зданіями Іерусалима. Образа почти всѣ высланы изъ Россіи. Двуглавый русскій орелъ видѣнъ надъ царскими дверями. Въ алтарѣ хранится въ ковчегѣ часть Животворящаго Креста.

Храмомъ св. Гроба Господня обладаютъ греки, латины и армяне; копты же, абиссинцы и сирійскіе христіане, по своей малочисленности, пользуются ограниченными правами.

Въ Іерусалимѣ множество монастырей, которые всѣ живутъ какъ субсидіями, присылаемыми извнѣ, такъ и отъ щедротъ доброхотныхъ дателей. Греческіе монастыри зависятъ непосредственно отъ іерусалимскаго патріарха, живущаго постоянно въ Константинополѣ. Главнѣйшій источникъ ихъ доходовъ—пожертвованія, присылаемыя изъ Россіи.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ послѣдніе два года, во многихъ земскихъ собраніяхъ поднимался вопросъ объ упраздненіи должности мировыхъ посредниковъ. Съ этою цѣлью предпринимались даже ходатайства, которыми, по слухамъ, завалено теперь министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, со введеніемъ мировыхъ судовъ, съ окончаніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ, мало по малу утрачивается надобность и въ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, которыя, не находя для себя прежней работы, требуютъ однако же значительныхъ суммъ на свое содержаніе. Расходъ этотъ для нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ до такой степени обременителенъ, что поглощаетъ едва не *восьмую* часть всего ихъ годоваго бюджета, составляя въ то же время чуть не третью часть всѣхъ обязательныхъ повинностей. Къ этому присоединяется еще другое неудобство, сказавшееся во многихъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, а также на выборахъ гласныхъ въ эти собранія. Мы говоримъ о томъ вліяніи, — можетъ быть невольномъ, а потому безвинномъ, — которое засѣдающіе въ собраніяхъ мировые посредники оказываютъ на присутствующихъ тутъ же гласныхъ изъ сельскихъ и волостныхъ урядниковъ. Сколько разъ намъ приходилось быть свидѣтелемъ этого явленія и сожалѣть о рѣшеніяхъ земскихъ собраній, находящихся подъ одностороннимъ вліяніемъ нѣсколькихъ лицъ! Поэтому, съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили мы слухъ о предполагаемомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ сокращеніи мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій,—сокращеніи, которое будетъ производиться постепенно, но повсемѣстно. Проектъ этотъ переданъ теперь на предварительное разсмотрѣніе разныхъ центральныхъ правленій. Полагаютъ: въ рукахъ мировыхъ посредниковъ оставить только дѣла по устройству поземельному крестьянъ временно-обязанныхъ и государственныхъ; права же и порядокъ опредѣленія мировыхъ посредниковъ останутся безъ измѣненія. «По мѣрѣ уменьшенія временно-обязанныхъ крестьянъ, будутъ и самые мировые участки сокращаться въ числѣ; губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе имѣетъ право изъ нѣсколькихъ участковъ дѣлать одинъ, не стѣсняясь уѣздами; точно такъ же и губернскія присутствія могутъ сокращаться до одного на нѣсколько губерній». Утверждаютъ, что «расходы на остающіяся мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія предполагается проектомъ возложить или на временно-обязанныхъ крестьянъ и тѣхъ помѣщиковъ, въ чьихъ имѣніяхъ еще не произведенъ выкупъ, или, по дѣламъ крестьянъ государственныхъ, частію на нихъ, частію на казну». Но этому трудно повѣрить, такъ-какъ дѣла крестьянъ съ ихъ бывшими помѣщиками, а также всѣ дѣла государственныхъ крестьянъ, переданныя въ вѣдѣніе мировыхъ посредниковъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться дѣломъ сословнымъ или частнымъ. Въ противномъ случаѣ, возложеніемъ содержанія мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій на однихъ только крестьянъ и помѣщиковъ, между которыми еще не прекратились обязательныя отношенія, пришлось бы войти въ противорѣчіе съ настоящимъ взглядомъ правительства на это дѣло, по которому расходы на эти учрежденія возложены на все земство и ежегодно вносятся въ смѣту обязательныхъ земскихъ повинностей. Не распространяясь долго объ этомъ предметѣ, мы можемъ только предложить вопросъ: *всегда-ли* и повсюду прекращеніе обязательныхъ отношеній зависѣло отъ однихъ только крестьянъ, или отъ однихъ помѣщиковъ, или, наконецъ, отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? И, съ другой стороны, не въ интересѣ ли всего земства желать скорѣйшаго окончанія этихъ отношеній и всѣми силами способствовать выходу крестьянъ изъ прежняго ихъ положенія, которое, отягощая ихъ сборами въ пользу частныхъ владѣльцевъ, не позволяло быть исправными плательщиками передъ земствомъ? На несправедливость такого частнаго сбора указываютъ и «Биржевыя Вѣдомости», приводящія въ примѣръ калужское губернское земское собраніе, которое нашло, что гораздо справедливѣе оставить расходъ на мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія общимъ земскимъ расходамъ, какъ это было до сихъ поръ, нежели возлагать его на отдѣльныя сельскія общества и частныя лица. Въ этомъ смыслѣ составлено калужскимъ земствомъ ходатайство передъ правительствомъ.

Насколько въ самомъ дѣлѣ предстоитъ надобности въ сокращеніи числа мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, объ этомъ отчасти даетъ намъ понятіе правительственная газета свѣдѣніями о настоящемъ положеніи выкупной операціи. Изъ нихъ мы видимъ, что со времени открытія дѣйствій главнаго выкупнаго учрежденія, т. е. съ 27-го октября 1861 года, по 1-е мая 1871 года, поступило выкупныхъ сдѣлокъ 51,477, изъ которыхъ утверждено 20,085 сдѣлокъ состоявшихся по соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами (т. е. менѣе половины всего числа) и 27,908 по требованію однихъ помѣщиковъ; затѣмъ еще не утверждено 3,484 сдѣлки. Выкуплено ревизскихъ душъ 4,066,449, надѣленныхъ 13,892.354 десятинами земли, т. е. среднимъ числомъ по 3 десятины на душу. Выдано выкупной ссуды крестьянамъ 430,300,735 рублей; душевой участокъ изъ 3 десятинъ крестьяне получили по 105 р. 84 коп., причемъ стоимость десятины равняется 31 р. 19 к. Въ западномъ краѣ (съ 1863 года) душевой надѣлъ въ 3 десятины обошелся крестьянамъ только въ 64 р. 51 к., т. е. каждая десятина, среднимъ числомъ, по 17 р. 67 к. — значитъ, почти вдвое дешевле, чѣмъ въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ. Всѣхъ сдѣлокъ и актовъ, включая и послѣдніе, по 1-е мая настоящаго года заключено 69,053; въ нихъ участвовало 6.316,006 ревизскихъ душъ, получившихъ 22,005,704 десятины земли.

Недавно обнародовано важное узаконеніе, касающееся порядка дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій, какъ обыкновенныхъ, такъ и государственныхъ. Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ проектированныя на этотъ счетъ министромъ юстиціи и шефомъ жандармовъ правила, положилъ: упразднить Высочайше утвержденную въ С.-Петербургѣ (въ 1862 г.) слѣдственную коммиссію по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Затѣмъ, дѣйствія жандармскихъ чиновъ по производству дознаній и по изслѣдо-

ванію преступленій приводятся въ близкое соприкосновеніе съ судебною властью, на которую возлагается обязанность вчинанія производства слѣдствій — черезъ посредство полиціи и корпуса жандармовъ. Неправильныя дѣйствія со стороны чиновъ этого корпуса представляются прокурорскимъ надзоромъ на разсмотрѣніе ихъ начальства; въ случаѣ недостаточнаго со стороны этого начальства распоряженія, прокуроръ судебной палаты жалуется министру юстиціи. Дознанія о преступленіяхъ государственныхъ производятся подъ наблюденіемъ, на общемъ основаніи, лицъ прокурорскаго надзора. Впрочемъ, чинамъ корпуса жандармовъ предоставляется производить дознанія и непосредственно, но во всякомъ случаѣ объ этомъ доводится до свѣдѣнія прокурорскаго надзора, который о неправильныхъ дѣйствіяхъ полиціи доноситъ министру юстиціи, а этотъ послѣдній представляетъ дѣло на Высочайшее усмотрѣніе. По нашему мнѣнію, такой порядокъ производства дознаній болѣе прежняго обезпечиваетъ успѣхъ этого дѣла, выводя его на такую дорогу, по которой онъ долженъ слѣдовать постоянно и во всѣхъ случаяхъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ редакціи.

Редакція повторяетъ свою покорнѣйшую просьбу, чтобы тѣ изъ подписчиковъ Нивы, которые присылаютъ требованіе о перемѣнѣ адреса, присылали вмѣстѣ и 30 к. на типографскіе расходы по печатанію новаго адреса.

Дозволено цензурою 18 Іюня 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля, Невск. и Влад. д. № 45—1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 28 іюня 1871 года. **Годъ II.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп.).

Объявленія принимаются по 10 к. строка петита. Особыя приложенія къ номеру по 4 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С. Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана, № 9—13.
Заграницей подписка принимается въ Прагѣ (Чехіи) А. В. Гюнтера, въ Русской Коммиссіонерской Конторѣ 723—2.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе нумера въ 1871 году.

Лунная ночь.

(*Продолженіе*).

«Нѣсколько времени Ольга была истинно счастлива. По крайней мѣрѣ всѣ такъ думали, да и она сама тоже. Какъ всѣ вообще женщины, она представляла себѣ свѣтъ такимъ, какъ будто бы все было устроено въ немъ для ея удовольствія: хорошій столъ, прекрасныя платья, лошади и экипажи, а ей остается только лежать на диванѣ, курить и читать романы. А мужчины? — они тутъ на то, думала она, чтобы заботиться о нашихъ удовольствіяхъ, проводить съ нами время, да развѣ еще на то, чтобы находить насъ прекрасными и обожать насъ. Такъ и пошла ея жизнь, сегодня какъ вчера, а завтра какъ сегодня. Къ тому же у нея родились дѣти, которые скоро доставили ей достаточно занятія. Такимъ образомъ она прожила цѣлые годы, довольствуясь своимъ состояніемъ. Да о другомъ она не имѣла и понятія. Ея сердце было спокойно и мертво. Только иногда, когда она—что̀ случалось очень рѣдко—читала поэтовъ, въ душѣ ея вставало какое-то предчувствіе, на нее находила какая-то неопредѣленная тоска.

«А между тѣмъ все такъ и осталось бы навсегда, еслибы только ея мужъ съумѣлъ давать постоянную пищу ея суетности».

— Онъ не вѣритъ?

Она плутовски засмѣялась и обернулась ко мнѣ, ея рѣсницы задрожали,—и не смотря на закрытые глаза, я чувствовалъ, будто она видитъ меня насквозь, и потупился.

Ольга встала, подошла медленными шагами, не касаясь, повидимому, земли къ открытому окну, гдѣ она остановилась и стала смотрѣть на полный мѣсяцъ. Она граціозно откинула назадъ голову, руки у нея опустились; она стояла окруженная теплымъ мерцающимъ сіяніемъ, вокругъ нея носились ночныя мелодіи, легкій вѣтерокъ развѣвалъ ея волосы, игралъ ея платьемъ.

— Я желала бы летать, сказала она нѣсколько минутъ спустя, съ тоскою и какъ будто бы стыдясь. — Леталъ ли онъ?

— Я?

Она засмѣялась ребяческимъ смѣхомъ. — Во снѣ?

— Во снѣ—да.

— Въ такомъ случаѣ, ему извѣстно это блаженное чувство—парить въ тихомъ, свѣтломъ воздухѣ; надъ нами тянутся облака, а подъ нами земля, какъ бы задернутая дымкой тумана. Я бы желала летать.

Она протянула руки, и широкіе, бѣлые, кружевные рукава ея платья волновались вокругъ ея плечь, словно блестящія крылья херувима.

Въ эту минуту невозможное стало казаться мнѣ возможнымъ. Я пересталъ думать.

— Почему же ты не летишь? спросилъ я.

— Я могла бы, возразила она съ невыразимой грустью,—но Ольга не пускаетъ меня.

Мнѣ стало страшно.

— Тамъ по ту сторону лѣса идетъ по мосту крестьянинъ, вдругъ вскричала она съ живостію,—онъ раз-

ставитъ сѣти для тѣхъ черныхъ дроздовъ, которыхъ Ольга такъ любитъ. Онъ не слышетъ?

— Нѣтъ.

— Это слишкомъ далеко; но все-же это такъ.

— Разскажешь ли ты мнѣ, что было потомъ? спросилъ я послѣ долгаго молчанія.

— Да. Я охотно разскажу ему. Мнѣ будетъ такъ легко.. Я вижу въ немъ все такъ ясно—и мои губы двигаются какъ бы сами собою и говорятъ ему, что у меня на душѣ.

— Но какимъ образомъ можешь ты разсказывать все такъ связно, такъ обстоятельно? спросилъ я. — Какимъ образомъ можешь ты описывать все до мельчайшихъ подробностей, всякій звукъ голоса, всякое движеніе, такъ живо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ равнодушно, какъ будто бы рѣчь шла вовсе не о тебѣ?

Ольга покачала головою. По ея лицу пролетѣла улыбка.—Да вѣдь я и говорю не о себѣ, наивно отвѣчала она,—а объ Ольгѣ. Я смотрю на Ольгу, какъ смотрю на всѣхъ другихъ людей, а вижу все такъ какъ будто бы это происходитъ въ настоящую минуту. Онъ не можетъ понять меня. Пространство и время для меня исчезли, и я вижу прошедшее и будущее какъ будто бы это настоящее. Все до малѣйшихъ подробностей. Когда я вижу Ольгу, какъ она лежитъ на диванныхъ подушкахъ, погрузясь въ чтеніе французскаго романа, я въ то же время вижу, какъ шевелится отъ ея дыханія мѣховая опушка ея мантильи, я вижу золотисто-зеленую муху, носящуюся вокругъ ольгиныхъ локоновъ, и паука, который стережетъ ее на потолкѣ.

Ольга прислонилась къ простѣнку, закинувъ голову назадъ и подпирая руками затылокъ

— Разсказывать ли?

— Пожалуйста.

— Это такъ грустно, что я теперь вижу, продолжала она:—Ольга уже несчастлива.

«Ея мужъ любитъ ее и стережетъ свое счастье съ безграничнымъ недовѣріемъ. Онъ хочетъ, чтобъ его жена жила для него, совершенно для него одного. Онъ прогналъ всѣхъ своихъ друзей; онъ не терпитъ въ своемъ домѣ постороннихъ, какъ онъ выражается, юнокъ; онъ ненавидитъ разсужденія о людяхъ и вещахъ, книгахъ и политикѣ съ людьми, которыхъ мы не понимаемъ и которые никогда не поймутъ насъ. Самъ онъ живетъ только для своей жены и дѣтей, работаетъ для нихъ, старается развивать и занимать ихъ».

«А между тѣмъ его молодая жена начинаетъ чувствовать себя страшно одинокою въ его угрюмомъ домѣ, осѣненномъ мрачными тополями. Ея гордое, суетное сердце уязвлено, и она все глубже да глубже вгоняетъ туда это жало, все болѣе и болѣе увеличиваетъ свою рану».

«Ее когда-то называли самой лучшей танцовщицей; это льстило ей. Когда она вспоминаетъ объ этомъ, ей дѣлается больно. Съ кѣмъ стала бы она теперь танцовать? Иногда она возьметъ на руку своего меньшаго ребенка, начнетъ прыгать съ нимъ по комнатѣ, напѣвая пѣсенку, и вдругъ, безо всякой повидимому причины, зальется слезами.

«Она рисуетъ съ натуры, набрасываетъ сцены, описанныя въ тѣхъ книгахъ, которыя они читали вмѣстѣ, измѣняетъ и передѣлываетъ все это по своему, создаетъ сама. Ея мужъ долго разсматриваетъ ея работу а потомъ говоритъ: «Это хорошо. Но и я также сдѣлалъ бы это». Это все болѣе и болѣе начинаетъ раздражать ее. Она садится за фортепьяно, играетъ Мендельсона, Шумана, Бетховена,—для кого? Она поетъ Шуберта, его чудную серенаду,—кто слушаетъ это? Возвращающійся съ поля крестьянинъ, который можетъ быть остановился подъ ея окномъ, или ея мужъ, который можетъ-быть уже возвратился съ мызы и куритъ на своемъ диванѣ сигару».

«Она прекрасна—и какъ женщина все больше и больше хорошѣетъ. Ея лицо стало выразительнѣе; въ немъ больше характера, больше гармоніи, ея формы достигли полной степени своего развитія, она смотритъ настоящей царицей. Для кого? Одно ея зеркало говоритъ ей это. Мужу не приходитъ этого и въ голову. Развѣ его любовь, его преданность не говорятъ ей этого?»

«Она одѣвается съ большимъ вкусомъ. Для кого? для крестьянки, которая приноситъ ей грибы? для ловчаго, который идетъ за своимъ господиномъ, неся застрѣленную дичь? для няньки ея дѣтей? для мужа, въ глазахъ котораго это такъ и должно быть. Вѣдь онъ заплатилъ за это своимъ состояніемъ, своей свободой; ему нужна красивая жена—и все въ его домѣ, начиная съ нея, должно доставлять ему покой и удовольствіе. Это ея долгъ быть красивой; это вовсе не заслуга, если она увеличиваетъ свои прелести посредствомъ туалета».

«Она превосходно сидитъ на лошади, она съ такою отвагою скачетъ черезъ рвы и заборы,—кто удивляется ей? Конечно не ея мужъ, который сталъ бы презирать ее, еслибъ она была малодушна. Онъ, напротивъ того, останавливаетъ ее, напоминая ей о дѣтяхъ».

«Въ ея душѣ живетъ теперь такое же чувство, какъ у актера, которому приходится играть безъ публики, который скрежещетъ отъ бѣшенства зубами и въ безсонныя ночи обливаетъ слезами свою подушку».

«Однажды мужъ замѣтилъ у ней на лбу облако грусти, которое на этотъ разъ рѣшительно не трогалось съ мѣста. «Ты такъ грустно настроена», сказалъ онъ, нѣсколько времени спустя: «я придумалъ кое-что новое, что можетъ доставить тебѣ удовольствіе». Онъ улыбнулся и принесъ Ольгѣ прехорошенькое маленькое ружье, которое только-что привезли, по его порученію, изъ города. «Ты выучишься стрѣлять и будешь ходить со мною на охоту».

«Все было забыто въ эту минуту. Ольга въ порывѣ радости бросилась къ нему на шею и цѣловала его жесткія щеки».

«Я сейчасъ же стану учиться» вскричала она: «сегодня же».

«Сегодня же, если ты этого хочешь». Михаилъ всегда былъ очень любезенъ.

«Сегодня же, до обѣда?» спросила Ольга».

«Разумѣется; ступай же, когда такъ, одѣваться».

«А то не начать ли теперь—сейчасъ», сказала она робко: «но можетъ быть тебѣ некогда?»

«Для тебя у меня всегда есть время», сказалъ мужъ, цѣлуя ее въ лобъ. Ольга въ волненіи зашпилила булавкой свою бѣлую блузу и, взявъ мужа подъ руку, весело сбѣжала съ крыльца. Было свѣжее, теплое іюньское утро; воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ скошенной травы, земля плавала въ жаркомъ солнечномъ сіяніи; маленькія бѣлыя облачка кружились по небу. На дорогѣ противъ барскаго дома шумная толпа веселыхъ воробьевъ купалась въ пыли.

Михаилъ осмотрѣлъ маленькое ружье, зарядилъ его и прицѣлился; потомъ онъ далъ его въ руки Ольгѣ, приложилъ къ ея щекѣ, наложивъ, въ то же время, ея

палецъ на спускъ. Ольга прицѣлилась въ яблоко, выглядывавшее изъ зелени, потомъ въ ласточку, опустившуюся на землю. «Хорошо! теперь смотри, какъ я заряжаю». Ольга съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за патрономъ, за шомполомъ. «Теперь надѣнь пистонъ. Осторожнѣе... Взводи курокъ. Хорошо. Цѣлься въ то яблоко».

«Ольга приложила ружье къ щекѣ».

«Выше».

«Раздался выстрѣлъ, полетѣли листья. «Теперь заряжай сама. Слѣдующій опытъ будетъ удачнѣе».

«Ольга взяла маленькій патронъ, насыпала пороху въ дуло, крѣпко забила пыжъ, положила дроби и надѣла пистонъ».

«Видишь ли ты воробьевъ вонъ тамъ на дорогѣ?» спросилъ Михаилъ, внимательно глядя вокругъ.

«Да».

«Ну ка, попытай счастья».

«Ольга не задумываясь прицѣлилась въ нихъ. Маленькіе крикуны съ распростертыми крыльями беззаботно плавали въ мелкой, бѣлой, теплой пыли, ныряли, потомъ шумно подымали свои сѣренькія головки, вспархивали, ссорились, чирикали и играя перекатывались одинъ черезъ другаго. Сверкнуло дуло. Раздался крикъ изъ нѣсколькихъ десятковъ маленькихъ горлышекъ, густая стая приподнялась, полетѣла и опустилась на живую изгородь, такъ что нѣкоторыя изъ ея вѣтокъ закачались. Ольга пришла въ восторгъ и побѣжала туда. Тамъ на землѣ лежало пять маленькихъ бѣдняжекъ, которые были на-повалъ убиты. Ихъ кровь окрасила пыль. Одинъ еще трепеталъ, вертѣлся кубаремъ — и испустя дыханіе, упалъ возлѣ другихъ. Ольга быстро подобрала ихъ, положила въ подолъ своей блузы и вернулась. «Пятеро! я застрѣлила пятерыхъ!» кричала она съ ребяческой рѣзвостью: «вотъ они!» Она взбѣжала на крыльцо, положила ихъ на перила другъ возлѣ друга, въ родѣ того какъ складываютъ на полѣ сраженія убитыхъ солдатъ, собираясь ихъ хоронить, и стала глядѣть на нихъ съ чувствомъ удовлетвореннаго тщеславія».

«Пятерыхъ однимъ выстрѣломъ», твердила она, не переставая радоваться: «это былъ очень удачный выстрѣлъ». Михаилъ снова зарядилъ ружье».

«Ольга между тѣмъ присмирѣла. Опустивъ голову на руку, она неподвижнымъ взоромъ глядѣла на маленькихъ мертвецовъ — и на нихъ тихо закапали свѣтлыя, крупныя слезы».

«Что съ тобой?» вскричалъ мужъ. «Ты кажется плачешь!»

«Ольга начала рыдать. «Бѣдныя животныя», заговорила она: «какъ печально лежатъ они тутъ! перья запеклись кровью, глазки помутились; посмотри, они еще теплы, — что они намъ сдѣлали? У нихъ въ гнѣздѣ есть можетъ быть маленькіе птенчики, которые ихъ ждутъ и которые вѣроятно умрутъ съ голоду, а я лишила ихъ жизни и не могу возвратить имъ ее! Всему причиной наша проклятая жизнь — это уединеніе! Такимъ образомъ человѣкъ по неволѣ станетъ хищнымъ звѣремъ».

«Мужъ захохоталъ. Его смѣхъ на этотъ разъ показался ей грубымъ и мужиковатымъ».

«Ты я вижу, не хочешь понять меня», вскричала Ольга, «такъ я стану говорить съ тобой еще яснѣе. Это давно уже лежитъ у меня на сердцѣ. Это не можетъ такъ оставаться, или тебѣ не жаль меня? Ты прогоняешь отъ меня всѣхъ людей, ты меня запираешь, всякая крестьянка свободнѣе меня. Я не могу больше переносить этого, я прихожу въ отчаяніе, я заболѣю или сойду съума». Она снова судорожно зарыдала».

«Мужъ молчалъ, разрядилъ ружье и спокойно вошелъ въ комнату. Она послѣдовала за нимъ и стала у окна со скрещенными на груди руками. «Ты не говоришь ни слова», сказала она черезъ нѣсколько времени, «я вѣроятно не стою, чтобъ ты безпокоился изъ-за меня!»

«Я никогда не говорю не подумавъ», возразилъ ей мужъ. «Обдумала ли ты свои слова?»

«Обдумала ли я?» вскричала Ольга, «я плакала ночи напролетъ, я просила Бога, чтобъ онъ меня избавилъ».

«Нужно помочь этому горю», сухо сказалъ мужъ.

«Такъ помоги!»

«Наша уединенная жизнь тебѣ не нравится? ты чувствуешь себя несчастной?»

«Да».

«Ты не можешь переносить ее?»

«Нѣтъ».

«Такъ живи какъ тебѣ нравится. Принимай гостей, приглашай подругъ, поѣзжай къ сосѣдямъ, танцуй, ѣзди верхомъ, охоться съ другими. Я ничего не имѣю противъ этого.

«Благодарю тебя», сказала пристыженная Ольга.

«Не благодари», возразилъ ей мужъ серіозно.

(Продолженіе будетъ).

Петербургская примадонна Лукка
на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Нѣмецкія газеты все еще продолжаютъ наполняться безчисленнымъ множествомъ статей, имѣющихъ какое либо отношеніе къ недавно оконченной войнѣ между Франціею и Германіею. Между множествомъ другихъ намъ попался разсказъ, записанный — какъ говоритъ авторъ — со словъ самой г-жи Лукка. Блестящій и вполнѣ заслуженный успѣхъ, какимъ пользовалась эта примадонна въ Петербургѣ, заставляетъ насъ надѣяться, что тѣ, которые не жалѣли никакихъ пожертвованій для того, чтобъ насладиться ея очаровательнымъ пѣніемъ или хоть только взглянуть на нее, — прочтутъ, конечно, не безъ интереса этотъ разсказъ, гдѣ знаменитая *diva* является съ другой, гораздо менѣе извѣстной стороны, какъ женщина и жена.

Восемнадцатаго августа прошедшаго года въ Берлинѣ была получена депеша, возвѣстившая о новой побѣдѣ Германіи надъ Франціею.

Въ одной изъ улицъ по сосѣдству съ Викторіаштрассе около пятидесяти человѣкъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ толпились вокругъ столба, на которомъ была прибита телеграмма, напечатанная на бумагѣ ранжеваго цвѣта.

— Читайте вслухъ! послышалось сзади.

— Да, да, вслухъ! закричали всѣ хоромъ.

Дородный господинъ, съ жидкими волосами на головѣ, съ золотыми очками на слегка-приплюснутомъ носу, прочелъ громкимъ полнозвучнымъ голосомъ депешу изъ Понтъ-а-Муссона, извѣщавшую, что 16 числа непріятель сдѣлалъ вылазку изъ Меца, но послѣ двѣнадцатичасовой жаркой битвы былъ отброшенъ въ крѣпость, не смотря на значительный перевѣсъ въ силахъ. «Потери съ обѣихъ сторонъ очень большія», говорилось въ заключеніе.

— Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ принцъ Фридрихъ Карлъ! закричала толпа, махая шляпами.

Въ это время подъѣхала открытая коляска. Сидѣвшая въ ней дама, одѣтая съ большимъ вкусомъ, приказала кучеру остановиться и послала сидѣвшаго на козлахъ лакея—прочесть вновь полученную депешу и сейчасъ же передать ея содержаніе.

— Вашъ лакей можетъ остаться на своемъ мѣстѣ, милостивая государыня, сказалъ читавшій вслухъ господинъ, подходя къ дверцѣ и вѣжливо кланяясь дамѣ.

— А, докторъ, здравствуйте! вскричала дама, видимо обрадованная,—давно не видала я васъ. Скажите же мнѣ пожалуйста поскорѣе, гдѣ мы опять побѣдили!

Докторъ улыбнулся:—такъ вы заранѣе убѣждены, что мы побѣдили? вамъ нужно только знать: гдѣ?—И онъ передалъ ей содержаніе депеши.

— Матерь Божія! вскричала дама, услыхавъ о кровавыхъ потеряхъ:—да вѣдь тамъ стоитъ армія его высочества принца Фридриха Карла, въ которой служитъ мой мужъ. Господи, лишь бы только съ моимъ Адольфомъ ничего не случилось! Я не имѣю объ немъ ни малѣйшаго извѣстія. Не названы ли въ депеши какія-нибудь убитые и раненые, нѣтъ ли тамъ чего о поручикѣ фонъ Раденѣ?

— О вашемъ мужѣ тамъ не упоминается, отвѣчалъ докторъ, улыбаясь на этотъ наивный вопросъ.

— Въ такомъ случаѣ я пошлю телеграмму. Я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что мой мужъ здоровъ. До моего дома всего два шага. Пожалуйста, не оставьте меня въ моемъ безпомощномъ состояніи.

Докторъ очень охотно согласился и послѣдовалъ за экипажемъ, остановившемся въ улицѣ Викторія, передъ № 30.

— Кто эта интересная дама? спросилъ окружнаго надзирателя одинъ господинъ, очевидно пріѣзжій.

— Вы вѣрно не здѣшній? спросилъ его въ свою очередь городовой.

— Нѣтъ, я изъ Данцига.

— Я такъ и думалъ, что вы пріѣзжій; иначе вамъ нечего было бы справляться о «нашей Паулинѣ». И безъ дальнѣйшихъ объясненій онъ оставилъ изумленнаго пріѣзжаго.

Изящно-одѣтый господинъ, слышавшій этотъ разговоръ, подошелъ къ пріѣзжему съ слѣдующими словами:—маленькая дама съ умнымъ личикомъ и живыми глазами — придворная пѣвица и примадонна большой оперы, *Паулина Лукка*, супруга барона Радена, находящагося въ походѣ. Она пользуется въ столицѣ большою популярностью—и всѣ вообще, знатные и незнатные, называютъ ее не иначе какъ «наша Паулина».

Поблагодаривъ за это объясненіе, пріѣзжій пошелъ дальше.

Не успѣла г-жа Лукка войти въ домъ, какъ швейцаръ вручилъ ей адресованную на ея имя депешу.

Разорвавъ поспѣшно конвертъ, она прочла слѣдующее: поручикъ фонъ Раденъ раненъ, но не опасно.

— Я это предчувствовала! вскричала она съ выраженіемъ скорби.—Я три ночи сряду видѣла во снѣ змѣй. Хотя въ депешѣ и говорится, что онъ не опасно раненъ, но все-таки за нимъ нуженъ уходъ, а я отъ него во сто миляхъ! Нѣтъ, нѣтъ!.. продолжала она въ сильномъ волненіи:—пусть Іоганъ не откладываетъ лошадей, я сію же минуту поѣду. Гдѣ моя каммеръ-юнгфера? Вы тутъ, Эдита, пожалуйста собирайтесь поскорѣе—мы ѣдемъ. Возьмите маленькій сундукъ и положите въ него только необходимое бѣлье, платья не нужно: ко двору насъ тамъ не станутъ приглашать. Вотъ вамъ деньги, купите все что необходимо для подкрѣпленія силъ больнаго: голубей и циплятъ, закупоренныхъ въ жестянкахъ, мяснаго экстракта, варенья; если получена икра, купите боченокъ у русскихъ въ Шарлоттенштрассе. Не забудьте также купить самыхъ лучшихъ сигаръ и взять изъ моего погреба дюжину бутылокъ самаго лучшаго вина. Но мнѣ нуженъ еще паспортъ; сію же минуту ѣду къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Эйленбергу. Поскорѣе, Эдита! Уложите все въ ящикъ и отправьте на станцію ангальтской желѣзной дороги. Мы сейчасъ же и поѣдемъ!

— Но куда же вы, милостивая государыня, поѣдете-то, позвольте васъ спросить? вмѣшался докторъ.

— Куда? во Францію. Я хочу сама ходить за своимъ больнымъ мужемъ.

— Но въ депешѣ ничего не говорится о томъ, гдѣ именно теперь вашъ мужъ; это вамъ теперь не такъ-то легко будетъ узнать въ окрестностяхъ Меца, вѣдь тамъ теперь такая суматоха.

— Я стану ѣздить по всему Эльзасу и Лотарингіи, до тѣхъ поръ пока не отыщу его.

— Прикажите вашей каммеръ-юнгферѣ купить птицы; но въ первое время болѣзни больной не долженъ кушать ничего мяснаго.

— Ему однако же надо ѣсть?

— Разумѣется, но только то что ему предпишутъ въ лазаретѣ.

— Больничный супъ, что ли? Къ этому мой Адольфъ не привыкъ; ему нужно что нибудь покрѣпительнѣе.

— Вы напрасно хлопочете и тратитесь, увѣрялъ докторъ.

— Что слѣдуетъ взять, такъ это заготовленную впрокъ зелень и молоко, либиховъ мясной экстрактъ, кофе, чай, сахаръ, — эти вещи больному дозволяются. Если хотите, я сдѣлаю всѣ необходимыя покупки.

— Божественный докторъ, я готова расцѣловать васъ!

— Пожалуйста, безъ церемоніи!

Устроивъ такимъ образомъ дѣла насчетъ провіанта, г-жа Лукка сѣла опять въ коляску и отправилась къ министру Эйленбергу.

Въ отвѣтъ на ея убѣдительныя просьбы: выдать ей и ея каммеръ-юнгферѣ паспорты для проѣзда на театръ войны, изумленный министръ приводилъ самые основательные доводы для того, чтобъ отклонить ее отъ этого путешествія. Въ особенности налегалъ онъ на то, что всѣ поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ заняты почти исключительно одними военными, а нанять какой нибудь частный экипажъ почти невозможно.

— Ваше сіятельство, возразила просительница,— я ничего не боюсь и готова на все. Если я не попаду на желѣзную дорогу и не найду ни экипажа, ни лошади, то отыщу какой нибудь другой способъ для путеше-

ствія. Я поѣду, еслибъ даже мнѣ пришлось осѣдлать для этого корову.

— Если ужь вы настаиваете на этомъ съ такой энергіей, отвѣчалъ улыбаясь министръ,—то пусть будетъ по вашему. Я напишу вамъ паспортъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ, въ которомъ будетъ сказано, чтобы всѣ власти, съ которыми вамъ придется имѣть дѣло, вездѣ, по мѣрѣ возможности исполняли ваши желанія.

— Благодарю васъ, ваше сіятельство, за себя и за мужа. Разумѣется, я извлеку всевозможную пользу изъ этого паспорта. Но убѣдительнѣйше прошу васъ, накажите какъ можно строже властямъ—оказывать мнѣ помощь, всякій разъ какъ я потребую; это будетъ очень нужно въ особенности въ непріятельской землѣ.

Двадцать перваго августа г-жа Лукка и ея камеръ - юнгфера были уже въ вокcалѣ ангальтской желѣзной дороги, а вскорѣ за тѣмъ и въ умчавшемся поѣздѣ—обѣ дамы сидѣли въ вагонѣ перваго класса, а сундукъ съ бѣльемъ и ящикъ съ предписанными докторомъ провіантомъ и виномъ помѣщался въ багажномъ вагонѣ.

Три часа сряду летѣлъ поѣздъ безостановочно —и г-жа Лукка не переставала радоваться этому, разговаривая съ своей камеръ-юнгферой.

— Посмотри-ка, Эдита, какъ онъ летитъ! Докторъ да и г. министръ хотѣли напугать меня, для того только, чтобъ я не ѣздила.

— Мы еще не доѣхали до конца, милостивая государыня, проговорила новая Кассандра.

Вслѣдъ за этимъ послышался протяжный рѣзкій звукъ свистка; поѣздъ сталъ двигаться медленнѣе и наконецъ остановился на одной изъ маленькихъ промежуточныхъ станцій. Всѣ безъ исключенія двери вагоновъ съ шумомъ отворились и кондуктора обратились къ публикѣ, прося ее выдти и получить багажъ.

Къ двери вагона, гдѣ сидѣла г-жа Лукка, подошелъ самъ инспекторъ станціи съ слѣдующими словами:

— Милостивая государыня, сдѣлайте одолженіе, выдьте!

— Зачѣмъ? Мнѣ тутъ очень хорошо.

— Мнѣ очень жаль безпокоить васъ, но мы сію минуту получили изъ Саарбрюкена телеграмму, въ которой приказывается оставить здѣсь этотъ поѣздъ пока не пріѣдетъ франкфуртскій; онъ везетъ плѣнныхъ, которыхъ мы должны отправить на немъ въ Берлинъ.

— А когда пріѣдетъ поѣздъ, на которомъ поѣдемъ *мы*?

Инспекторъ пожалъ плечами: «Этого нельзя опредѣлить съ точностію».

— Выходите, выходите! слышались голоса кондукторовъ.

Инспекторъ вывелъ г-жу Лукка изъ вагона съ истинно - старосвѣтскою вѣжливостью и старался по мѣрѣ силъ своихъ утѣшить ее въ томъ, что ей приходится ждать берлинскаго поѣзда на маленькой станціи, переполненной солдатами, телеграфистами, маркитантами и тому подобнымъ народомъ, вызваннымъ сюда войною.

Г-жа Лукка, сидя съ Эдитою на сундукѣ, ѣла для развлеченія бисквиты, когда—ранѣе чѣмъ предполагали—одинъ изъ кондукторовъ закричалъ:

Паулина Лукка.
Гравировалъ Е. Даммюллеръ.

— Вотъ и берлинскій поѣздъ!

Зазвонилъ колокольчикъ, послышался рѣзкій свистъ и длинный поѣздъ, которому не видно было и конца, медленно приближаясь остановился. Вскочить и подбѣжать къ поѣзду—было для г-жи Лукка дѣломъ одной минуты, въ то время какъ Эдита осталась сторожить поклажу.

— Гдѣ г. инспекторъ? Мнѣ надобно переговорить съ нимъ! быстро проговорила примадонна.

— Я инспекторъ. Что вамъ угодно, сударыня?

— У меня два билета перваго класса, для меня и для моей каммеръ-юнгферы; насъ высадили здѣсь и велѣли ждать слѣдующаго поѣзда. Укажите намъ, пожалуста, наши мѣста.

— Милостивая государыня, возразилъ инспекторъ,

пожимая плечами,—мнѣ чрезвычайно жаль, что не могу исполнить вашего желанія. Весь поѣздъ биткомъ набитъ лошадьми, солдатами, пушками, провіантомъ и фуражемъ; а тутъ еще, какъ вы видите сами, надобно везти всѣхъ этихъ военныхъ, которые ждутъ здѣсь;—да тутъ не найдется мѣста даже и для маленькой мышки.

— Милостивый государь, настаивала г-жа Лукка чуть не плача,—какъ хотите, а я *должна* ѣхать.

— Мы не имѣемъ права перевозить на этомъ поѣздѣ частныхъ лицъ, отвѣчалъ ей хотя и очень вѣжливо, но также и очень рѣшительно инспекторъ.—Кромѣ того, я не могу терять ни секунды времени. Поѣздъ сію же минуту отправляется.

Онъ махнулъ рукою и вслѣдъ за этимъ послышался рѣзкій свистокъ кондуктора. Доведенная до крайности, г-жа Лукка заступила дорогу инспектору съ крикомъ:

— Да взгляните же на мой паспортъ, неужели и онъ на васъ не подѣйствуетъ?

Инспекторъ бросилъ бѣглый взглядъ на протянутый ему паспортъ, но потомъ прочелъ его съ большимъ вниманіемъ и наконецъ сказалъ, кланяясь съ величайшимъ уваженіемъ:

— А!.. супруга поручика фонъ-Радена? Вы ѣдете къ вашему раненому мужу? это другое дѣло, объ этомъ надобно подумать; но какъ и куда долженъ я помѣстить двухъ дамъ—это извѣстно однимъ богамъ.

— Кто сидитъ въ томъ вагонѣ? спросила она, указывая на вагонъ перваго класса.

— Это офицерскіе вагоны.

— Эти господа—товарищи моего мужа. О, они сдвинутся немножко, если я попрошу ихъ.

Съ этими словами она быстро подошла къ окну указаннаго ею вагона и сказала:

— Messieurs, нѣтъ-ли у васъ мѣстечка для двухъ дамъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе? Мы постараемся какъ можно меньше стѣснить васъ.

— Да вѣдь это наша Лукка! вскричалъ одинъ изъ офицеровъ.

— Да, это я, несчастная, которую хотятъ опять оставить здѣсь, комически декламировала она, потому что къ ней уже возвратилась ея веселость.

— Насъ тутъ десять человѣкъ, сказалъ одинъ молодой поручикъ,—но для того, чтобы очистить мѣсто для васъ, преданной супруги, я сяду на колѣни моего товарища фонъ-С.

— А я, вскричалъ другой,—возьму на колѣни товарища фонъ-Л., а на его мѣсто пусть садится ваша каммеръ-юнгфера.

Сказано—сдѣлано. Г-жа Лукка быстро вошла въ вагонъ вмѣстѣ съ своей каммеръ-юнгферой, а ящикъ и сундукъ поставили въ ногахъ у добросердечныхъ офицеровъ, и все пошло по прежнему.

Прошли цѣлые часы въ веселомъ и непринужденномъ разговорѣ. Тутъ поѣздъ сталъ двигаться медленнѣе.

— Ужь не въѣзжаемъ-ли мы въ Франкфуртъ? спросила съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ Паулина.

— Нѣтъ, милостивая государыня, отвѣчалъ ротмистръ,—мы еще въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него.

— Намъ придется прождать здѣсь не больше пяти минутъ, ободрялъ ее фонъ-П., но вышло иначе. Поѣздъ остановился не на станціи, а въ открытомъ полѣ, гдѣ находилась только избушка сторожа. Капитанъ выглянулъ изъ вагоннаго окошка и спросилъ инспектора, который былъ повидимому чрезвычайно озабоченъ:

— Не случилось ли чего съ поѣздомъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ,—сторожъ желѣзной дороги далъ знакъ остановиться и передалъ г. полковнику депешу съ приказаніемъ ждать здѣсь, пока не пріѣдетъ изъ Саарбрюкена санитарный поѣздъ, съ которымъ онъ получитъ дальнѣйшія приказанія.

— Прекрасная перспектива? сказалъ вздыхая прапорщикъ и выскочилъ изъ вагона; товарищи послѣдовали за нимъ и помогли дамамъ выйти.

— Какъ скоро можетъ придти санитарный поѣздъ? спросила г-жа Лукка.

— Не могу знать, отвѣчалъ инспекторъ и пошелъ въ сторону въ кусты.

Прапорщикъ вскричалъ: «Не ѣсть ничего съ самаго утра! О, лошадь! Полцарства за лошадь—съ тѣмъ однако же, чтобы она была жареная!»

— Господа! сказала ободрившаяся тѣмъ временемъ Паулина,—и я также принесу жертву для величія Германіи. Черезъ полчаса вы выкушаете горячаго.

— Горячаго? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Да, отвѣчала она смѣясь, — кофе, настоящаго мокскаго кофе; у меня его два фунта въ дорожной сумкѣ. Эдита, ступайте скорѣе къ сторожу, попросите у него самаго большаго котла, налейте туда воды—тутъ же кстати есть и колодезь—и принесите все это сюда. А вы, господа офицеры, позаботьтесь о дровахъ.

— Дровъ! скомандовалъ капитанъ, и черезъ нѣсколько минутъ къ ногамъ Паулины была повергнута разломанная садовая скамейка.

Эдита принесла таганъ и блестящій мѣдный котелъ, наполненный водою, прапорщикъ сунулъ подъ обломки скамьи пригоршню любовныхъ писемъ—и веселый огонь охватилъ со всѣхъ сторонъ импровизованный кофейникъ, вокругъ котораго расположились г-жа Лукка, ея каммеръ-юнгфера и офицеры.

— Закипаетъ!—Шумитъ!—Кипитъ!—Ура! говорили одинъ за другимъ офицеры.

Такъ-какъ кофейной воронки не нашлось, то г-жа Лукка высыпала изъ своей жестяной коробки кофе въ кипящую воду—и въ скоромъ времени воздухъ наполнился на далекое разстояніе ароматами благоухающаго мокскаго кофея.

— Теперь, господа, чашекъ, чашекъ! вскричала благодѣтельная кофейная фея.

У сторожа было всего только двѣ чашки, которыя офицеры предложили дамамъ; для себя они добыли стаканы, горшки, ковшъ, кожаный бокалъ и другую приспособленную для пріема жидкостей посуду, куда г-жа Лукка стала разливать пуншевой ложкой кофе.

Кофе былъ еще слишкомъ горячъ; его поставили постудить на дернъ, какъ тутъ послышался свистокъ и показался санитарный поѣздъ.

Ѣхавшій съ поѣздомъ маіоръ выскочилъ изъ вагона и услышавъ запахъ кофе, подошелъ къ продолжавшей еще разливать его Гебѣ съ просьбой удѣлить сколько нибудь кофе бѣднымъ раненымъ, которые восемь часовъ сряду томились въ вагонѣ.

— Господа офицеры, обратилась къ своимъ спутникамъ г-жа Лукка,—возвратите пожалуста всѣ кофе!

— Мы отнесемъ его, съ вашего позволенія, больнымъ сами! сказалъ фонъ-П., и всѣ офицеры кинулись къ вагонамъ съ кофе въ рукахъ.

— Благодарю васъ, сударыня, отъ имени моихъ

больныхъ! сказалъ маіоръ.—Вамъ собственно я рекомендую одного тяжело раненаго въ вагонѣ № 245. Это волонтеръ, который служитъ всего только одинъ годъ, единственный сынъ очень зажиточныхъ родителей, помолвленный на молодой и очень богатой банкирской дочери. Онъ больше всѣхъ нуждается въ подкрѣпленіи.

Г-жа Лукка поспѣшила съ своей чашкой къ указанному ей вагону. Тамъ лежалъ въ койкѣ красивый молодой человѣкъ, съ блѣднымъ лицомъ, закрытый до самого подбородка одѣяломъ.

— Я принесла вамъ немного кофе, monsieur, сказала ему г-жа Лукка. Больной тупо взглянулъ на нее, не отвѣчая и не двигаясь.

— Вы позволите мнѣ приподнять васъ? продолжала она, подкладывая свою маленькую ручку подъ его кудрявую голову.

— Нѣтъ, нѣтъ! гдѣ мой слуга? вскричалъ тоскливо мечась больной.

— Его нѣтъ тутъ; позвольте мнѣ исполнить при васъ обязанность сестры милосердія, я хочу поучиться этому, говорила она ему съ своей чарующей улыбкой.

Больной замоталъ головою и сталъ тоскливо оглядываться вокругъ себя, какъ будто бы ища кого нибудь.

— Г. маіоръ, начала опять г-жа Лукка, — сказалъ мнѣ, что вы сильно ранены и что у васъ есть невѣста. Я надѣюсь, что вы скоро выздоровѣете и опять прижмете ее къ своей груди.

Тутъ изъ глазъ раненаго хлынули слезы и онъ, судорожно рыдая, вскричалъ: «у меня уже нѣтъ рукъ!»

Г-жа Лукка была потрясена этими словами до глубины души, и она также заплакала.

— Бѣдный, бѣдный молодой человѣкъ! прорыдала она.—Вы принесли отечеству тяжелую жертву!.. Это сочувствіе расположило къ ней раненаго—и онъ позволилъ ей приподнять ему голову, для того чтобы напоить его кофе.

У этого несчастнаго—какъ расказывалъ потомъ примадоннѣ маіоръ—оторвало гранатою обѣ руки до самыхъ плечь.

(Продолженіе будетъ).

Гиртль, всемірный анатомъ.

(Окончаніе).

Двадцати шести лѣтъ Гиртль сдѣлался профессоромъ пражскаго университета, самаго лучшаго и знаменитаго послѣ вѣнскаго, и одержалъ верхъ надъ множествомъ достойныхъ конкуррентовъ.

Онъ издалъ еще во время своего пребыванія въ Вѣнѣ нѣсколько сочиненій на латинскомъ языкѣ, заключавшихъ въ себѣ важныя открытія; приготовилъ множество препаратовъ; теперь его обширныя свѣденія, передаваемыя имъ изустнымъ образомъ, еще болѣе увеличили его славу.

Его возлюбленный отецъ по наукѣ, профессоръ Берресъ, умеръ скоропостижно въ Вѣнѣ—и на его мѣсто не нашлось никого достойнѣе его ученика, сдѣлавшагося знаменитымъ учителемъ.

Это случилось въ 1845 году. Почти въ то же самое время появилось первое изданіе его «Руководства къ Анатоміи» въ Прагѣ. Это первое изданіе было раскуплено въ четыре года, второе изданіе разошлось уже въ три года, третье въ два, четвертое.... словомъ: съ тѣхъ поръ не проходитъ почти ни одного года безъ того, чтобы это сочиненіе, распространившееся по всему свѣту и принятое руководствомъ во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не было перепечатано.

Сначала Гиртль очень много трудился надъ живыми людьми, въ качествѣ оператора, и былъ знаменитостью и по этой части. Онъ первый сталъ производить въ нѣсколько минутъ операцію для исцѣленія отъ косоглазія; но потомъ профессора и другія работы заняли у него столько времени, что онъ отказался отъ всякой другой практики.

Гиртль избралъ себѣ спеціальностью анатомическое препарированіе. Онъ съумѣлъ вылущить, представить и сохранить то, что до сихъ поръ не поддавалось никакой человѣческой рукѣ. Его «микроскопическія впусканія (injectionen) жидкостей въ тончайшіе кровяные сосуды» служатъ предметомъ удивленія для всѣхъ спеціалистовъ. Его умоляли, его осаждали просьбами приготовить подобный же препаратъ для такого-то и такого-то университета,—и вотъ какимъ образомъ Гиртль сдѣлался всемірнымъ анатомомъ.

То же самое происходитъ теперь и въ отношеніи другихъ его препаратовъ. Онъ изобрѣлъ особенный составъ для вспрыскиванія и новый способъ сохраненія, которые все еще остаются тайною.

Онъ устроилъ также въ Вѣнѣ свой собственный музеумъ, какого еще нигдѣ до сихъ поръ не бывало. Тутъ онъ собралъ шестьсотъ тысячъ особенно приготовляемыхъ препаратовъ, и сюда-то пріѣзжаютъ удивляться и учиться представители интеллигенціи всевозможныхъ національностей.

Этотъ человѣкъ, не смотря на свою кажущуюся сухость и холодность, далеко не лишенъ поэтическаго чувства. Ни одинъ поэтъ не можетъ придумать ничего страннѣе, ни одна пылкая фантазія не изобрѣтетъ ничего возвышеннѣе, поразительнѣе и изящнѣе созданной имъ группы Лаокона, гдѣ Лаоконъ и его сыновья, точно такъ же какъ и обвивающія ихъ змѣи изображены скелетами въ тѣхъ же самыхъ позахъ, какія они имѣютъ въ античной группѣ, этомъ образцовомъ произведеніи искусства!

Сколько поэзіи заключается также въ той задачѣ, которая была исполнена имъ по собственной иниціативѣ: представить слуховые органы живыхъ существъ, начиная съ слона, продолжая цѣлымъ рядомъ млекопитающихъ и кончая землеройкой, а потомъ слуховые органы пѣвчихъ птицъ, соловья... вотъ посредствомъ какихъ органовъ воспринимаетъ онъ дивныя мелодіи, учится, слушаетъ самого себя и совершенствуется, — чудная весна, міръ полный благоуханія и поэзіи встаетъ передъ нами, несмотря на то что мы стоимъ передъ костями и анатомическими препаратами!

На большой лондонской выставкѣ эти препараты были постоянно окружены толпой удивляющихся. Точно такъ же и на послѣднюю парижскую выставку были привезены анатомическіе препараты Гиртля, которые были куплены Англіей и Америкой. Со всѣхъ сторонъ свѣта

къ Гиртлю обращаются съ просьбами касательно того или другаго аппарата.

Когда-то бѣдный пѣвчій сталъ теперь богатымъ человѣкомъ. Но что ему богатство, когда онъ сидитъ съ утра и до ночи въ своей маленькой комнаткѣ, сидитъ и препарируетъ! Человѣческое сердце лежитъ передъ нимъ со всѣми своими развѣтвленіями и нитями; нѣмыя рыбы, цѣлыми тысячами, показываютъ ему находящіяся въ нихъ косточки и жилки; страшныя человѣческія лица, звѣриныя головы, черепа, скелеты скалятъ на него зубы, — онъ сидитъ и препарируетъ — если только онъ не на лекціи — утромъ и вечеромъ, въ полдень и въ полночь. А интересно было бы знать, что думаетъ о появленіи духовъ въ полночь этотъ человѣкъ, который постоянно слышитъ, какъ часы бьютъ двѣнадцать или одинъ часъ ночи.

Да, онъ очень богатъ, а между тѣмъ не перестаетъ жалѣть и жаловаться на невознаградимую утрату сокровища—и эту утрату потерпѣлъ онъ въ 1848 году. Онъ жилъ въ Леопольдштатѣ, подлѣ Пратера, вѣнскаго квартала, гдѣ жили между прочимъ и его родители; и когда кроаты, осадивъ въ октябрѣ мѣсяцѣ галлереи со стороны Пратера, подожгли домъ, въ которомъ хранились его препараты,—они все разбили. Самыя драгоцѣнныя, самыя незамѣнимыя рѣдкости, которыя онъ берегъ пуще глаза и которыя не продалъ бы ни за какую цѣну, погибли навсегда.

Съ тѣхъ поръ его думы омрачились—и онъ чувствуетъ ужасъ къ тѣмъ людямъ, которые способны изливать свою ярость на подобные предметы и дѣлать ихъ жертвами своей мести! Съ тѣхъ поръ онъ съ неудовольствіемъ глядитъ на всякое движеніе, нарушающее обыкновенный порядокъ вещей,—и въ то время, какъ онъ, погруженный въ занятія, поддается безсознательному чувству испуга, его возбужденная фантазія преувеличиваетъ угрожающія опасности; отъ этого-то можетъ-быть и происходитъ то, чтотъ свѣтлый умъ не всегда бываетъ безпристрастенъ. Его набожность—черта въ высшей степени замѣчательная въ анатомѣ. Человѣкъ, которому лучше всѣхъ извѣстна преходящность существующаго, не впадаетъ въ матеріализмъ; при всѣхъ своихъ познаніяхъ онъ склоняется предъ тѣмъ, что недоступно для изслѣдованія.

Что онъ не жаждетъ почестей, не ищетъ богатствъ—доказательство этому то, что онъ не принялъ приглашеній со стороны различныхъ государей и высшихъ учебныхъ заведеній и даритъ Вѣнѣ тѣ сокровища, за которыя ему никогда не платили и никогда не заплатятъ.

Въ теченіе тридцати лѣтъ не было ни одного государя, исповѣдующаго христіанскую или магометанскую религію, который не наградилъ бы его какимъ-нибудь орденомъ; нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, ни одной академіи наукъ, ни одного ученаго общества, которыя не осыпали бы его почестями. Австрійскій императоръ далъ ему чинъ надворнаго совѣтника—Гиртль, улыбаясь, называетъ себя совѣтникомъ при дворѣ мертвыхъ! Онъ одѣвается и живетъ чрезвычайно просто. Ему непосчастливилось въ семейной жизни. Онъ получилъ орденъ желѣзной короны, что даетъ ему право на званіе барона, коль скоро онъ этого пожелаетъ;—онъ спрашиваетъ: зачѣмъ? у него нѣтъ наслѣдника.

А между тѣмъ, кому не пріятно было бы наслѣдовать такое прекрасное имя какъ его! Онъ перевелъ науку изъ тѣснаго круга въ обширный свѣтъ! Нѣтъ ни одной отрасли анатоміи, которой бы онъ не коснулся. Для списка всѣхъ всѣхъ его сочиненій понадобились бы цѣлыя страницы. Онъ достигъ величайшей степени совершенства въ томъ, что составляетъ его спеціальность. Онъ пріобрѣлъ себѣ уваженіе всего свѣта; его можно назвать всемірнымъ анатомомъ.

Нѣмецкія газеты сообщаютъ слѣдующія интересныя подробности касательно образа жизни профессора Гиртля, которыя онъ передалъ своимъ слушателямъ, говоря о питаніи тѣла: «Хотя эксперименты касательно *искусственнаго питанія* тѣла, сдѣланные многими высокопоставленными врачами, показали, что сырое мясо составляетъ самую удобоваримую пищу, тѣмъ не менѣе мы видимъ на опытѣ, что народы, питающіеся преимущественно растительными веществами (жители Нормандіи, Бретани, Россіи, Кельты и т. д.), достигаютъ обыкновенно глубокой старости, тогда какъ національности, питающіяся исключительно мясомъ (эскимосы, татары), рѣдко достигаютъ пятидесяти-лѣтняго возраста. Я *самъ*, прибавилъ онъ, давно уже питаюсь мясомъ только въ видѣ *супа*, прибавляя къ этому нѣсколько рису и макаронъ,—и увѣряю васъ, господа, что я теперь мыслю гораздо спокойнѣе и яснѣе, что я гораздо веселѣе и работаю охотнѣе, чѣмъ въ молодости; я пытался даже отстать въ послѣднее время и отъ супа—и питаться одними сливами, которыхъ я съѣдалъ по тридцати въ день, но упадокъ силъ заставилъ меня отказаться отъ этого слишкомъ отважнаго эксперимента».—Что можетъ быть незатѣйливѣе этого *menue*, составляющаго такую рѣзкую противоположность съ тою сложною кухней, которая теперь въ такомъ ходу!

Для своихъ иллюстрированныхъ изданій онъ нашелъ себѣ искуснаго и преданнаго помощника въ лицѣ своего старшаго брата, Якова Гиртля, превосходнаго гравера, который пріобрѣлъ себѣ извѣстность и многими другими замѣчательными произведеніями.

Спекуляторъ.

(Эпилогъ).

Прошло восемь дней. Матросы «Германа» исправили всѣ свои дѣла, Штильке съѣлъ всѣ свои итальянскія колбасы и выпилъ весь портвейнъ, а ни одной еще шляпы не было продано, потому-что островитяне держались поодаль; если же кто-нибудь изъ нихъ и подходилъ поближе, чтобы подивиться на Штилькову трехъуголку, которую онъ надѣвалъ съ отчаянія какъ ни попало, то вдоль, то поперегъ, — ими овладѣвалъ черезъ нѣсколько минутъ такой страхъ, что они бѣжали словно зайцы, и Штильке опять оставался одинъ, словно Робинзонъ Крузе на островѣ. Однажды, когда къ Штильке боязливо подошелъ какой-то островитянинъ и сталъ съ дружескимъ видомъ указывать на его товаръ, пришелъ капитанъ съ старшимъ штурманомъ, чтобы еще разъ взглянуть на своего пассажира. Этотъ послѣдній, скрестивъ на груди руки, стоялъ передъ своими шляпа-

ми, словно Наполеонъ передъ своей гвардіей, съ тою разницею что лицо у него было далеко не наполеоновское, такъ какъ онъ былъ гораздо ближе къ плачу, чѣмъ къ смѣху. Это выраженіе лица, вмѣстѣ съ надѣтой поперекъ трехъуголкой и султаномъ, представляло такое комическое зрѣлище, что капитанъ и штурманъ покатились со смѣху. Штильке такъ жалобно глядѣлъ на нихъ, что они расхохотались еще сильнѣе, и оба схватились за бока. Это въ высшей степени раздражило Штильке—и онъ, передразнивая ихъ позу и хохотъ, съ отчаяніемъ закричалъ имъ: «Да, ха, ха, ха! смѣйтесь, чудовища, пока не треснете со смѣху», потомъ обернулся къ нимъ спиною, и принялся ходить взадъ и впередъ, свистя съ злобнымъ видомъ.

Тѣмъ временемъ островитянинъ подошелъ къ столу и увидалъ зеркало, а въ немъ себя. Не видавъ никогда зеркала, онъ, какъ и слѣдовало ожидать, страшно удивился, увидавъ вдругъ передъ собою земляка—и притомъ такъ, что была видна одна только голова, а ноги скрывались неизвѣстно гдѣ. Зайдетъ онъ за столъ—земляка словно и не бывало; возвратится на прежнее мѣсто—землякъ тутъ какъ тутъ. Совершенно занявшись поимкой земляка, онъ не замѣтилъ Штильке, который, подойдя къ нему, съ яростію сдернулъ съ себя свою трехъуголку и хлопнулъ ею по щекѣ бѣднаго туземца. Островитянинъ, приписывая эту пощечину своему земляку, хлопнулъ кулакомъ по зеркалу, которое разлетѣлось въ куски, и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать. Потеря зеркала и смѣхъ моряковъ еще болѣе увеличили Штильковy ярость, и онъ безъ всякаго сомнѣнія поколотилъ бы этихъ послѣднихъ, еслибъ не боялся остаться въ накладѣ. Но такъ какъ ему нужно было излить на что-нибудь свою ярость, то онъ подскочилъ къ бѣднымъ, невиннымъ старымъ шляпамъ и принялся топтать ихъ ногами, при чемъ капитанъ и штурманъ чуть не задохлись отъ смѣху. Когда обѣ стороны нѣсколько успокоились и капитанъ вытеръ выступившія у него отъ смѣху слезы, онъ сообщилъ Штильке, что его дѣла на островѣ покончены и корабль отплыветъ черезъ нѣсколько дней.

— Боже милосердный, вскричалъ Штильке, испуганный этимъ извѣстіемъ,—что я тутъ буду дѣлать съ этимъ проклятымъ хламомъ! Герштекеръ! Герштекеръ! вскричалъ онъ, всплеснувъ руками:—ты отвѣчаешь за меня передъ своею совѣстью! Всѣ мои старыя шляпы станутъ носиться ночью вокругъ твоей постели какъ привидѣнія, а я буду являться къ тебѣ каждую ночь въ видѣ духа, если только эта исторія отправитъ меня на тотъ свѣтъ.—До этого не дойдетъ, сказалъ капитанъ:—хотя ваша спекуляція и кончилась позорнымъ образомъ, но такъ какъ въ этомъ отчасти виноватъ мой экипажъ, то я вознагражу васъ за это покрайней мѣрѣ хоть тѣмъ, что возьму васъ съ собою въ Гамбургъ.—Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ, обнимая капитана, восхищенный Штильке:—такъ чортъ же побери это гадкое старье! Тутъ онъ сталъ было бросать въ море шляпы, но капитанъ остановилъ его.—Не трогайте этого, сказалъ онъ,—я посмотрю, нельзя ли извлечь что-нибудь изъ этого хлама; пойдемте-ка лучше въ трактиръ, гдѣ мы передадимъ это дѣло какому-нибудь агенту.

Штильке никогда еще не отказывался отъ предложенія зайти въ трактиръ. Онъ заперъ свой ящикъ и отправился съ моряками. При помощи агента старыя шляпы были промѣнены на свиней, фрукты и раковины. Первые двѣ статьи Штильке отдалъ капитану въ уплату за переѣздъ. Конечно это было незавидное дѣло—и онъ не выручилъ и половины того, что это ему стоило. Всего выгоднѣе оказались для него куски разбитаго зеркала, изъ которыхъ каждый принесъ ему почти столько же сколько онъ заплатилъ за цѣлое зеркало. Но заявляя этотъ фактъ, мы убѣдительно просимъ господъ спекуляторовъ не полагаться на это—и заранѣе отстраняемъ отъ себя упрекъ, вслучаѣ еслибъ имъ вздумалось барышничать въ Овайги кусками разбитыхъ зеркалъ.

Германъ оставилъ островъ и на возвратномъ пути не случилось ничего особеннаго. Въ первыхъ числахъ мая корабль вошелъ въ Эльбу, и черезъ нѣсколько дней Штильке явился въ родной городъ, конечно не такимъ богатымъ человѣкомъ, какъ онъ было надѣялся, но по крайней мѣрѣ такимъ же здоровымъ и веселымъ малымъ, какъ и прежде.

Прежде всего онъ продалъ свои раковины за нѣсколько сотъ марокъ, потомъ отправился къ своему адвокату, которому онъ поручилъ передъ отъѣздомъ свой домъ, для отдачи въ наймы. Оказалось, что домъ хотя и нанятъ, но жилецъ не платитъ денегъ, и адвокатъ только-что принялъ намѣреніе выгнать его, пока онъ не успѣлъ еще продать мебели, чему до сихъ поръ мѣшало то обстоятельство, что тутъ была также квартира ночнаго сторожа, котораго адвокатъ пустилъ даромъ. Штильке, которому пришла теперь фантазія разыграть роль домовладѣльца, рѣшилъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сію же минуту прогнать безсовѣстнаго жильца. Для этой цѣли онъ вооружился огромной дубиной унизанной зубами акулъ, которую онъ привезъ съ собою съ южныхъ острововъ. Войдя въ домъ, онъ принялся громить ею дверь, ведущую въ комнату негоднаго жильца, и наконецъ взломалъ ее. Неплатящій жилецъ стоялъ среди комнаты, пораженный изумленіемъ при видѣ этого новаго способа докладывать о себѣ, и смотрѣлъ на вошедшаго. Штильке съ изумленіемъ смотрѣлъ на своего жильца. Его глаза все болѣе и болѣе расширялись. Не подлежало никакому сомнѣнію: это былъ первый посѣтитель штильковой пивной лавочки!—Въ свою очередь и этотъ послѣдній точно такъ же узналъ Штильке и высматривалъ: нѣтъ ли въ комнатѣ какого-нибудь другаго отверстія, черезъ которое онъ могъ бы улизнуть, кромѣ той двери передъ которою, въ видѣ грознаго мстителя, стоялъ Штильке. — Такъ это ты, мошенникъ? О, да и расправлюсь же я съ тобою!—При этомъ онъ началъ что-то въ родѣ военнаго танца и взмахнулъ дубиною. Жилецъ схватился въ отчаяніи за стулъ и бросилъ имъ въ Штильке, а самъ кинулся въ окно. Это было въ первомъ этажѣ—и жилецъ убѣжалъ бы, не причинивъ себѣ никакого вреда; но Штильке поймалъ его за ногу и такъ обработалъ ему своей дубиной спину, какъ будто сбирался надѣлать изъ нея котлетъ. Отпустивъ на волю своего врага, онъ принялся осматривать квартиру, отыскивая оставшіеся отъ него пожитки. Но жилецъ не оставилъ ничего, ничего кромѣ — своей старой шляпы. Точь въ точь какъ тамъ, въ погребѣ! При видѣ этого наслѣдства, Штильке овладѣло страшное бѣшенство—и отколотивъ страшнѣйшимъ образомъ своею дубиною несчастную старую шляпу, Штильке рѣшилъ предать ее огню. Не находя въ комнатѣ дровъ, онъ схватилъ старое, расшатавшееся кресло своей покойной тетки и принялся ломать его, для того чтобы развести огонь. Въ то время какъ онъ отдѣлялъ отъ дерева подушку изъ конскаго волоса, вдругъ

что-то покатилось и зазвенѣло, и изумленный наслѣдникъ нашелъ въ подушкѣ около трехсотъ прусскихъ талеровъ.

Въ слѣдующія за тѣмъ недѣли штильковы сосѣди такъ и думали, что Штильке столяръ, потому-что онъ съ утра и до глубокой ночи только и дѣлалъ что пилилъ да стучалъ.

Что онъ превратилъ въ спички всю теткину мебель— этого конечно они и не подозрѣвали, а также и того, какъ выгодна была для него эта работа. Такимъ образомъ Штильке освободилъ изъ заточенія около тысячи талеровъ, которые были спрятаны его старой скупой теткой,—и добылъ себѣ денегъ для новыхъ спекуляцій, о которыхъ мы можетъ-быть разскажемъ впослѣдствіи.

Два народные обычая.

Къ числу различныхъ народныхъ обычаевъ и установленій, соблюдаемыхъ весною передъ наступленіемъ праздника Пасхи, принадлежатъ слѣдующіе два, особенно замѣчательные по своей оригинальности: выносъ смерти въ Моравіи и Силезіи и іудинъ день въ Польшѣ.

Обычай выносить смерть въ первые дни весны, предшествующіе празднику Свѣтло - Христова Воскресенья, соблюдается въ Моравіи и Силезіи, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ смѣшанное народное населеніе, состоящее изъ нѣмцевъ и славянъ, или даже тамъ гдѣ эти двѣ національности живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ между собою.

Замѣчательно, что у нѣмцевъ смерть изображается большею частью въ видѣ мужчины, и выносъ этого чучела совершается парнями,—тогда какъ у славянъ чучело смерти имѣетъ видъ женщины и выносится дѣвушками.

Изображеніе смерти въ видѣ мужчины нѣмцами—соотвѣтствуетъ также и ихъ представленію о ней, корень котораго въ языкѣ; тогда какъ причину славянскаго изображенія смерти въ формѣ женщины—надобно отыскивать въ одномъ изъ старинныхъ языческихъ вѣрованій славянъ.

Богиня Морана была отчасти противуположностью, а отчасти только дополненіемъ богини Морены. Въ качествѣ первой она олицетворяла собою разрушающееся, темное, преходящее, враждебное, а въ качествѣ послѣдней — производящее, оживляющее, сохраняющее и питающее. Будучи соединены другъ съ другомъ, эти два представленія имѣютъ глубокій символическій смыслъ: земля производитъ, создаетъ, кормитъ и сохраняетъ, а потомъ разрушаетъ и принимаетъ въ себя,—и отсюда-то эта вѣчная смѣна, это круговое движеніе. Вотъ почему съ первой изъ этихъ богинь и соединены осень и зима, туманъ, мракъ и ледъ, а съ послѣдней всеоживляющая весна и роскошное лѣто.

Выносъ смерти въ моравскихъ и силезскихъ селеніяхъ происходитъ за три воскресенья до Пасхи (на четвертой недѣлѣ поста), около того времени когда начинается весна. Земля освобождается отъ своего гробоваго покрова, оцѣпенѣніе прекращается. Привѣтствуя эту новую жизнь, смерть выносятъ туда, гдѣ кончаются жилыя мѣста, къ водѣ — рѣкѣ или ручью, куда ее и бросаютъ. Что смерть именно топятъ — въ этомъ много глубокаго смысла, потому-что вода есть тотъ элементъ, который она сковываетъ и держитъ въ оцѣпенѣніи зимою. Казнь посредствомъ огня не соотвѣтствовала бы цѣли; но освободившаяся рѣка, образовавшійся отъ таянія снѣга и льда ручей — вотъ именно настоящій элементъ, посредствомъ котораго слѣдуетъ казнить преступника или преступницу.

Участвующіе въ процессіи дѣвушки или парни одѣты въ праздничныя платья. Они несутъ при этомъ еще верхушку дерева, именно верхушку сосны или ели, убранную лентами и пестрыми яичными скорлупками. Это служитъ олицетвореніемъ жизни, силы природы, въ противоположность со смертью. Все могла эта послѣдняя оцѣпенить и остановить, но не эту жизнь и свѣжую зелень, не эти зародыши новой жизни! Настало время, когда всѣ существующія на лицо жизненныя силы начинаютъ крѣпнуть, когда они будутъ развиваться и процвѣтать.

При выносѣ какъ славяне, такъ и нѣмцы поютъ отчасти жалобныя, а отчасти насмѣшливыя пѣсни. Достигнувъ воды, чучело рвутъ въ клочки, каждый старается захватить отъ него какой-нибудь лоскутокъ или хоть немножко соломы, чтобы принести это домой, въ видѣ предохранительнаго средства, а остальное предается водѣ.

Вслѣдъ за этимъ веселая толпа возвращается, распѣвая пѣсни, въ деревню; зеленую верхушку дерева несутъ впереди, и такимъ образомъ переходятъ изъ дома въ домъ, требуя даровъ и получая ихъ, преимущественно въ видѣ яицъ, печенья и другихъ кушаньевъ, свѣжаго приготовленія.

«Мы унесли смерть», поютъ при этомъ нѣмцы «и несемъ вамъ лѣто — лѣто съ его зеленью и цвѣтами. Что это за хорошенькій домикъ и какая милая женщина (или дѣвушка) выглядываетъ оттуда? Она позаботится о насъ и что-нибудь намъ подаритъ. Май идетъ, май идетъ, дайте мнѣ грошикъ и яйцо. Давайте намъ маленькое, а не большое. Большое прогнало насъ отъ себя. Въ этомъ домѣ нечего дать кромѣ телячьей или козьей ноги. Какой позоръ, позоръ на весь околодокъ!»

Эта пѣсня повторяется до тѣхъ поръ, пока процессія не дойдетъ до трактира, который и принимаетъ дары и тѣхъ, кто получилъ ихъ, или же эти дары раздаются дѣйствительно бѣднымъ людямъ.

Содержаніе славянской пѣсни почти то же самое—и въ ней также обращаются къ чувству благотворительности. Только въ то время когда чучело смерти бросается въ воду, славяне шепчутъ, произносятъ и поютъ разныя изрѣченія, смыслъ которыхъ не вполнѣ ясенъ и которыя представляютъ собою смѣсь болѣе или менѣе искаженныхъ причитаній, употреблявшихся конечно еще во времена язычества.

Вообще этотъ народный обычай, служа выраженіемъ борьбы человѣческаго духа и сердца, чувства и мысли, одинъ изъ самыхъ интересныхъ народныхъ обычаевъ.

Столь же любопытенъ, хотя и далеко не такъ безукоризненъ такъ-называемый «судъ Іуды», который соблюдается въ польскихъ деревняхъ въ великій четвергъ (на Страстной недѣлѣ), вслѣдствіе чего этотъ день и называется тамъ иногда іудинымъ днемъ.

Рано утромъ, когда въ церкви идетъ еще божественная служба, на дверяхъ ея уже виситъ колоссальная колотушка, сдѣланная изъ дерева, желѣза или камня. Когда по окончаніи божественной службы раздается ударъ

церковнаго колокола, то вслѣдъ за этимъ сію же минуту начинаются глухіе, далеко разносящіеся удары колотушки, и колоколъ умолкъ. Онъ молчитъ впродолженіе трехъ дней—и начинаетъ звонить не прежде какъ съ наступленіемъ праздника Свѣтло-Христова Воскресенья. Но обратимся къ великому четвергу.

Во время великаго поста и въ особенности во время Страстной недѣли въ польскихъ селеніяхъ, и безъ того уже тихихъ, становится еще тише. Но тутъ, едва перейдетъ за полдень, какъ въ домахъ начинается движеніе. Раздаются отдѣльные визги, шумъ, стукотня, звуки всевозможныхъ инструментовъ, служащихъ для произведенія шума. Это забавляется молодежь. Сначала ускользаютъ изъ дому мальчики; они ищутъ другъ друга, собираются и потомъ отправляются небольшими группами на площадь или въ какое-нибудь другое подходящее мѣсто,—и тутъ-то, при помощи разныхъ инструментовъ и старшихъ парней, они поднимаютъ такой страшный гвалтъ, какой услышать развѣ только въ аду.

Шумная толпа, впереди которой идутъ взрослые парни, а сзади мальчики, направляется къ дому мѣстнаго старшины. Тамъ на дворѣ уже сидитъ или стоитъ, прислонившись къ чему-нибудь, чучело Іуды, для украшенія котораго старшина и его друзья не пожалѣли ничего. Красный, осыпанный толченымъ кирпичомъ, льняной парикъ, всклокоченная борода изъ того же матеріала и такого же цвѣта — необходимая принадлежность чучелы. Его привѣтствуютъ крикомъ и воемъ, и даже бьютъ палками. Вдоволь поколотивши, потоптавши и растрепавши чучело, коноводы изъ парней насаживаютъ его на палку и несутъ съ торжествомъ на кладбище, въ серединѣ котораго стоитъ обыкновенно церковь.

Впереди процессіи идетъ парень, несущій (въ деревянномъ сосудѣ или въ большой суповой мискѣ) пойманную кошку. Эта кошка, вѣроятно, намекъ на пасхальнаго агнца и на противоположность между ними, а также на фальшивость и коварство самого предателя.

Съ шумомъ и воемъ тянется процессія по сельскимъ улицамъ. Мальчики бросаютъ въ чучело грязью и снѣгомъ; даже старики считаютъ за благочестивое дѣло крикнуть вслѣдъ ему нѣсколько бранныхъ и ругательныхъ словъ и становятся передъ дверями своихъ хижинъ, чтобы не пропустить этого зрѣлища.

Достигнувъ кладбища, толпа взрослыхъ парней идетъ на колокольню. Пока они поднимаются туда, стоящіе внизу молчатъ; но едва покажется красная борода, волосы, словомъ фигура Іуды, какъ гвалтъ возобновляется съ такою силою, что превосходитъ даже прежній,—и безъ того уже жалкое изображеніе Іуды должно быть сброшено съ колокольни и погибнуть на кладбищѣ отъ насильственной смерти.

Вмѣстѣ съ нимъ бросаютъ и кошку. И ей также приходится совершить воздушное путешествіе. Паденіе кошки служитъ можетъ-быть также олицетвореніемъ долговѣчности зла. Извѣстно, что паденіе съ высоты только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ вредно для кошки; и если бѣдное животное летитъ по воздуху съ страшнымъ крикомъ, или же, опускаясь на землю, жалобно стонетъ, то восторгъ зрителей увеличивается до послѣдней степени возможности.

Іуда падаетъ и его болтающіеся члены разбиваются. На него напускаютъ собакъ, и остатки растерзаннаго чучела до тѣхъ поръ лежатъ на кладбищѣ, пока вѣтеръ и непогода не разнесутъ ихъ на всѣ четыре стороны.

Но расходившаяся молодежь долго еще шумитъ на улицахъ и на рынкѣ, и горе тому старому еврею или еврейкѣ, которые попадутся ей въ это время навстрѣчу.

Такимъ образомъ совершались иногда самые возмутительные поступки относительно бѣдныхъ, беззащитныхъ евреевъ. Вслѣдствіе этого прусскія и австрійскія власти и обращали всегда вниманіе на отправленіе этого народнаго установленія, или, по крайней мѣрѣ, на случавшіяся при этомъ злоупотребленія. Конечно, этотъ обычай принадлежитъ къ числу такихъ, которые все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія,—и этому нельзя не порадоваться, такъ какъ ни по своему символическому, ни по своему нравственно-религіозному значенію онъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что̀ стоило бы сохранить для будущаго.

Внутреннее обозрѣніе.

Съ наступленіемъ лѣта, чаще и чаще начинаютъ слышаться толки объ урожаѣ. Главнымъ препятствіемъ хорошимъ всходамъ для озимаго хлѣба считаютъ слишкомъ холодную безснѣжную осень и перемѣнчивую, дождливую весну. Изъ Орловской губерніи, напримѣръ, въ «Русскія Вѣдомости» пишутъ, что по случаю холодовъ, сопровождавшихся сильнымъ вѣтромъ, всходы озимыхъ хлѣбовъ въ тамошнихъ мѣстахъ поднимаются туго, и крестьяне серіозно опасаются за будущій урожай. Одна надежда—на іюнь мѣсяцъ, отъ котораго будетъ зависѣть, оправдаются ли эти опасенія. Неблагопріятныя извѣстія о предстоящемъ урожаѣ получены также изъ сѣверной и западной частей Харьковской губерніи, гдѣ апрѣльскіе и майскіе дожди сильно мѣшали полевымъ работамъ; озимый хлѣбъ, въ особенности ранніе посѣвы пшеницы, бывшіе при началѣ зимы въ превосходномъ состояніи, оказываются по большей части погибшими. Изъ Макарьевскаго уѣзда Нижег. г. пишутъ, что тамъ озими на поляхъ оказались настолько попорченными, что во многихъ мѣстахъ принуждены были поля перепахивать. Надъ Олонецкой губерніей стряслась другая бѣда: озимые посѣвы истреблены тамъ не холодомъ, а червемъ. Увѣряютъ, что количество истребленнаго хлѣба простирается до 7,737 четвертей, а сумма всѣхъ убытковъ до 245,979 рублей. Благопріятныя для урожая вѣсти приходятъ изъ Москвы и нѣкоторыхъ ея уѣздовъ. Въ Дмитровскомъ уѣздѣ, холодная осень и такая же весна нагнали сильное уныніе на тамошнихъ хозяевъ, но съ наступленіемъ теплой и ясной погоды все измѣнилось: хлѣбъ быстро поднялся и выровнялся, особенно хороша рожь. По другимъ извѣстіямъ изъ Московской губерніи, тамъ хлѣбъ совершенно выколосился, и хотя соломы будетъ мало, зато зерно будетъ вязче. Горохъ, ячмень, овесъ только всходятъ. Озими въ Тульской губерніи повсемѣстно очень хороши; недурны онѣ также въ Воронежской, Харьковской (южной части) и Уфимской губерніяхъ, отчасти въ Орловской, Саратовской, Самарской, въ Новочеркасскѣ, Таганрогѣ и окрестностяхъ Одессы; довольно удачны въ Бессарабіи. Изъ Виленской и Ковенской губерній доходятъ также хорошіе слухи. По извѣстіямъ съ Кавказа, тамъ ожидаютъ самаго обильнаго урожая хлѣба и фруктовъ; точно также въ Бухарѣ, Коканѣ и Ташкентѣ.

Если такъ утѣшительны извѣстія о предстоящемъ урожаѣ озимаго хлѣба, то, къ сожалѣнію, нельзя сказать

Выносъ смерти передъ Пасхою въ Моравіи и Силезіи.

Іудинъ день на страстной недѣлѣ въ Польшѣ.

того-же о всходахъ хлѣбовъ яровыхъ. Въ «Моск. Вѣдом.» приводятся свѣденія изъ разныхъ мѣстъ, что непрерывно идущіе дожди, вмѣстѣ съ холодомъ и вѣтромъ, мѣшаютъ своевременному посѣву ярового хлѣба. На это особенно жалуются въ губерніяхъ юго-западнаго края, въ Казанской и на Дону. На западѣ, въ Курляндіи и Привислянскихъ губерніяхъ, испорчены яровые посѣвы: а на урожай пшеницы плохая надежда. За-границей стоитъ тоже неудовлетворительная погода; въ Бельгіи виды на урожай неблагопріятны, въ Англіи высказываются опасенія по поводу сырой и холодной погоды; напротивъ того, въ Швеціи жалуются на недостатокъ дождя. Въ Америкѣ, въ Калифорніи, засуха повредила весенніе всходы, такъ что ихъ считаютъ уже пропавшими.

Одновременно съ этими неблагопріятными извѣстіями о будущемъ урожаѣ, доходятъ слухи о начавшихся во многихъ мѣстахъ пожарахъ. Извѣстно, что у насъ не проходитъ года безъ того, чтобы, съ наступленіемъ теплаго и сухаго времени, не появились эти хроническіе пожары, истребляющіе цѣлыя деревни и даже города, раззоряющіе жителей и наводящіе на нихъ какую-то тупую панику. Пожары лѣтомъ составляютъ у насъ такое же вполнѣ естественное явленіе какъ наводненія—весною, какъ занесеніе снѣгомъ желѣзныхъ путей—зимою. Въ прошломъ апрѣлѣ было 382 пожара въ 18 губерніяхъ. Въ это время погибло 1,431 зданіе, стоимостью въ 805,801 рубль, и сгорѣло 6 человѣкъ. Изъ 382 случаевъ, 26 относятъ къ поджогу. Особенно сильны были пожары въ Рязанской и Виленской губерніяхъ. Пожары, истреблявшіе по 2 и по 3 зданія заразъ, составляли въ Рязанской губерніи исключеніе, такъ-какъ по большей части сгорало по 6-ти, 7-ми и до 27 зданій вдругъ. Наиболѣе сильный пожаръ случился въ самой Рязани, 8-го іюня, на лѣсныхъ складахъ частныхъ отправителей, близъ товарной станціи Козловской желѣзной дороги, причемъ истреблено огнемъ почти все пространство, занимаемое Троицкой слободой, именно около 360-ти домовъ мелкихъ владѣльцевъ. Рязанско-московская желѣзная дорога потерпѣла громадные убытки: всѣ товарныя платформы, какія только были на станціи, паровозные и вагонные сараи, квартиры служащихъ,—сгорѣли до тла, и огонь перешолъ затѣмъ на дровяные склады. Приняты были всевозможныя мѣры: собраны всѣ пожарныя трубы съ обѣихъ станцій, прибыли изъ Москвы пожарные одной изъ тамошнихъ частей, экстренные поѣзды привезли массу рабочихъ и т. под. Но остановить дѣйствіе огня было уже невозможно. Говорятъ, что обществу Московско-рязанской желѣзной дороги пожаръ причинилъ до сихъ поръ убытку болѣе чѣмъ на 100 т. рублей.—По телеграфнымъ извѣстіямъ изъ Твери, отъ 8 іюня, тамъ тоже случился громадный пожаръ, отъ котораго пострадала Заволжская часть; о томъ же сообщаютъ изъ Москвы, гдѣ вночь съ 9 іюня сгорѣла суконная фабрика Солодовникова, изъ Нижняго Новгорода—о пожарѣ въ Кунавинѣ, причемъ сгорѣло помѣщеніе телеграфной станціи, и т. далѣе.

Относительно пожаровъ, въ «Военно-статистическомъ Сборникѣ» помѣщены весьма интересныя свѣденія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что, среднимъ числомъ, въ Европейской Россіи одинъ пожаръ приходится на 612 дворовъ. Чаще всего пожары встрѣчаются въ губерніяхъ центральныхъ и западныхъ, рѣже — въ губерніяхъ южныхъ и малороссійскихъ. Число пожарныхъ случаевъ больше всего въ іюнѣ и маѣ мѣсяцахъ. Въ городахъ пожары менѣе губительны чѣмъ въ селахъ. Большею частію они происходятъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ и отъ дурнаго устройства печей (90%), на долю же поджоговъ выпадаетъ около 5%.

Ослабѣвшая-было въ началѣ весны холерная эпидемія начинаетъ теперь усиливаться. Усиленіе это въ особенности замѣтно въ столицахъ. Въ Петербургѣ число ежедневно заболѣвающихъ колеблется между 15 и 23, а умираетъ по 12 человѣкъ въ день. Случаи холернаго заболѣванія встрѣчаются преимущественно между рабочими на судахъ, отъ употребленія ими въ пищу квасу съ лукомъ и отъ спанья на голой землѣ. Но главною причиною усиленія слѣдуетъ считать наступленіе лѣтнихъ жаровъ, которые способствуютъ разложенію нечистотъ и порчѣ и безъ того уже незавиднаго петербургскаго воздуха. Въ подтвержденіе этого вывода, указываютъ на то замѣчательное обстоятельство, что развитіе холеры, какъ показываютъ цифры заболѣванія и смертности, очень мало зависитъ отъ употребленія зелени и плодовъ, а также отъ перемѣны пищи; такъ-что напримѣръ въ Петербургѣ рѣзкій переходъ отъ постной пищи къ скоромной, на Страстной и Святой недѣляхъ, сопровождался не увеличеніемъ холеры, какъ бы слѣдовало ожидать, а, напротивъ того, замѣтнымъ ея уменьшеніемъ. Число умершихъ отъ холеры на Страстной недѣлѣ составляло 212, а въ недѣлю св. Пасхи оно уменьшилось до 93 чел., на Ѳоминой оно достигло уже 34. Тоже самое явленіе замѣчено и въ Москвѣ. Что касается до настоящаго положенія эпидеміи въ этомъ городѣ, то размѣры ея, кажется, превосходятъ петербургскую. Изъ заявленій членовъ комитета охраненія народнаго здравія видно, что въ Москвѣ, въ теченіе мая мѣсяца холера усилилась, и что ею поражаются различныя части города далеко не въ одинаковой степени. Наиболѣе подвержены болѣзни живущіе въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Москвѣ-рѣкѣ, сырыхъ и низменныхъ, населенныхъ бѣднымъ людомъ, тѣснящимся въ малыхъ и грязныхъ квартирахъ, а также рабочіе на фабрикахъ, плотовщики, сгоняющіе лѣсъ по рѣкѣ, и т. п. Въ виду этого, санитарнымъ надзоромъ г. Москвы приняты мѣры къ очисткѣ нечистотъ преимущественно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, при тѣснотѣ населенія, являются условія, особенно благопріятныя для развитія эпидеміи, какъ-то: на фабрикахъ, заводахъ и другихъ промышленныхъ заведеніяхъ. О силѣ эпидеміи въ Москвѣ можно судить изъ того, что число умершихъ тамъ составляетъ 54%, тогда-какъ въ Петербургѣ оно не превышало 34 процентовъ. Объ оспенной эпидеміи почти перестали говорить, — хотя нельзя сказать, чтобы она совершенно уже прекратилась. Въ Варшавѣ, случаи заболѣванія оспою, хотя и стали рѣже, тѣмъ не менѣе все-таки повторяются. За границей, именно въ Берлинѣ, эпидемія все еще сильна. Въ Вѣнѣ свирѣпствуетъ сыпной тифъ, такъ что въ одну изъ городскихъ больницъ поступало по 120 больныхъ тифомъ ежедневно. Въ Одессѣ было нѣсколько случаевъ отравленія оспенною матеріею по причинѣ дурнаго ея качества.—Несмотря, однако, на всѣ эти грозныя вѣсти, а также на распространившійся весною слухъ о томъ, что разложеніе неглубоко зарытыхъ труповъ убитыхъ въ настоящую войну сильно повліяло на санитарное состояніе мѣстностей по среднему теченію Рейна и его притокамъ, — число отъѣзжающихъ за границу въ настоящемъ году весьма значительно. Большинство русскихъ направляется, по обыкновенію, въ среднюю Германію и частію въ Австрію: въ Эмсъ, Киссингенъ, Гомбургъ, Карлсбадъ, Теплицъ и другія мѣста. Русскій Дворъ проведетъ лѣто въ Эмсѣ, куда, по слухамъ, пріѣдетъ и императоръ Вильгельмъ. Увѣряютъ также, что Эмсъ посѣтитъ и молодой король Баварскій.

Политическое обозрѣніе.

Избирательное движеніе во Франціи принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Каждая изъ партій стремится взять перевѣсъ надъ другими. Борьба главнымъ образомъ ведется въ печати, которая при этомъ случаѣ не брезгаетъ никакими средствами—лишь бы только провести своихъ кандидатовъ и уронить противниковъ. Газеты образовали особые коми-

теты и этимъ путемъ надѣются прійти къ соглашенію. Какъ обыкновенно водится въ подобныхъ случаяхъ, на столбцахъ болѣе распространенныхъ изданій печатаются манифесты отдѣльныхъ кружковъ и лицъ, которымъ предлагаютъ кандидатуру, пускаются въ ходъ разныя инсинуаціи насчетъ того или другаго изъ кандидатовъ, дѣлается даже нѣчто въ родѣ фальшивой тревоги, съ тѣмъ чтобы запугать малодушныхъ и подѣйствовать на легковѣрныхъ. Всѣ эти избирательные маневры не производятъ, однако, на французовъ надлежащаго дѣйствія: народъ видимо утомился этими постоянными бурями и ждетъ-недождется отдыха. Притомъ крайняя неодинаковость взглядовъ дѣлаетъ невозможнымъ соглашеніе даже между различными оттѣнками одной и той же партіи. Такъ напр. партія умѣренныхъ республиканцевъ до сихъ поръ еще не могла войти въ соглашеніе съ болѣе крайнимъ оттѣнкомъ того же направленія, а партія Орлеановъ—съ партію гр. Шамбора. Между тѣмъ ни одна изъ нихъ не теряетъ надежды, посредствомъ своихъ кандидатовъ, получить преобладаніе въ Національномъ Собраніи. Тьеръ продолжаетъ держаться примирительной политики, съ одной стороны обнадеживая республиканцевъ, а съ другой—поддерживая орлеанскую партію. Первые желаютъ, чтобы глава исполнительной власти какъ можно дольше держалъ въ рукахъ своихъ палату, болѣе чѣмъ на половину состоящую изъ монархистовъ; вторые же разсчитываютъ на новые выборы, отъ которыхъ будетъ зависѣть торжество ихъ партіи. На этотъ разъ и провинція не молчитъ: въ Національное Собраніе, а также къ главѣ исполнительной власти поступаютъ заявленія отъ городскихъ совѣтовъ Тулузы, Ліона и другихъ городовъ Франціи, причемъ излагаются мнѣнія о провозглашеніи той или другой формы правленія. Такихъ адресовъ поступило уже болѣе сотни, хотя далеко не всѣ они рѣшаются высказывать свои политическіе взгляды. При этомъ нельзя не замѣтить, что Національное Собраніе, подъ давленіемъ большинства, принимаетъ иногда рѣшенія, одно другому противорѣчащія и во всякомъ случаѣ несогласныя съ закономъ: порицаетъ однихъ за то, что мнѣніе, выраженное въ адресѣ, не подходитъ подъ настроеніе большинства членовъ Собранія, и разсыпается въ похвалахъ другимъ, которые поютъ въ унисонъ съ нимъ. Какъ бы то ни было, но уже и теперь можно видѣть слабость, чуть не безсиліе республиканской партіи во Франціи. Изъ нѣсколькихъ сотъ газетъ, выходящихъ тамъ, только 5 могли сговориться и начертать программу для республиканской партіи. Остальныя образуютъ громадный лагерь всевозможныхъ цвѣтовъ и направленій, который держится того мнѣнія, что «во Франціи нѣтъ республиканцевъ, а слѣдовательно въ ней не можетъ быть и республики». Въ какой мѣрѣ общественное мнѣніе Франціи напугано послѣдними событіями въ этой странѣ, можно судить изъ слѣдующаго эпизода. Одинъ изъ извѣстныхъ и уважаемыхъ финансистовъ, Жерменъ, поднялъ недавно въ Національномъ Собраніи вопросъ о введеніи подоходнаго налога. На собраніе такое предложеніе произвело дѣйствіе столь ужасное, что самъ Тьеръ вышелъ изъ себя—и, въ припадкѣ сильнаго раздраженія, ударивъ кулакомъ по столу, воскликнулъ, что это значило бы возстановить одинъ разрядъ собственниковъ противъ другаго, что этого онъ не допуститъ никогда, и проч. Этотъ эпизодъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на благомыслящую часть французскаго общества.

Подписка на объявленный французскимъ правительствомъ заемъ въ 2 милліарда франковъ превзошла всякія ожиданія. По извѣстіямъ отъ 18-го іюня, она доставила французскому правительству уже болѣе 5 милліардовъ. Такой фактъ свидѣтельствуетъ съ одной стороны о довѣріи къ нынѣшнему правительству Франціи, а съ другой—о томъ, что деньги въ этой странѣ еще не перевелись, не смотря на всѣ благопріятствовавшія этому обстоятельства. Чтобы судить о предстоящихъ громадныхъ издержкахъ Франціи, приведемъ слѣдующія данныя: извѣстно, что французы обязались уплатить нѣмцамъ *пять* мильярдовъ военной контрибуціи. Въ исторіи не было еще примѣра подобной дани. 5% этой суммы составляетъ сумму равную почти всему прусскому бюджету. Всѣ долги Пруссіи, вмѣстѣ взятые, можно покрыть одною третью этой суммы; ею же можно погасить долги всей Германіи и еще останется 253 милліона. Если принять цифру французскаго населенія въ 37 мил. человѣкъ, то на каждаго человѣка придется по 130 франковъ. Чтобы разомъ покрыть всю французскую контрибуцію, пришлось бы разложить ее на все человѣчество и тогда на каждаго пало бы по 1 талеру. У Франціи кромѣ того 3,160 мил. тал долгу. Всего слѣдовательно Франція имѣетъ 6,425 мил. тал. долгу, что составитъ ежегодныхъ процентовъ около 250 мил. талеровъ. По этому случаю французскія газеты проектируютъ поголовную подать, подписка на которую будетъ называться *данью освобожденія*. Ежели каждый французъ будетъ откладывать по 10 сантимовъ (3 коп.) въ день, то, говорятъ эти газеты, Франція получитъ ежедневно 3,600,000 фр. или 1 милліардъ 296 милліоновъ франковъ въ годъ; такимъ образомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ была бы уплачена вся военная контрибуція Франціи. Правительство обнародовало проектъ новыхъ налоговъ и возвышенія уже существующихъ. Увеличеніе главнымъ образомъ касается разныхъ косвенныхъ налоговъ: гербовой пошлины, налога на табакъ, газетъ и проч. и таможенной пошлины. Будетъ увеличенъ также почтовый доходъ, который, по увѣренію газетъ, долженъ вызвать особенное въ народѣ неудовольствіе. Для внутренней корреспонденціи увеличеніе составляетъ 20%; за нефранкированныя же письма плата будетъ удвоена

Въ «Государственномъ Указателѣ», въ Берлинѣ, напечатанъ императорскій указъ, дарующій амнистію тѣмъ жителямъ Эльзаса и Лотарингіи, которые были осуждены за политическія или военныя преступленія, если они въ то же время не совершили обыкновенныхъ уголовныхъ преступленій или проступковъ. Мѣра эта должна произвести хорошее впечатлѣніе въ завоеванныхъ провинціяхъ, особенно по сравненіи съ мѣрами, которыхъ продолжаетъ держаться версальское правительство въ Парижѣ.

Въ Римѣ праздновали юбилей папы. Число прибывшихъ къ этому дню иностранцевъ и богомольцевъ, не смотря на всѣ старанія клерикаловъ, было весьма незначительно. Населеніе города оставалось безучастнымъ зрителемъ празднества. Впрочемъ, не обошлось безъ нѣсколькихъ кровавыхъ схватокъ и демонстрацій противъ духовенства, старавшагося придать празднеству особенное значеніе. Не удались также демонстраціи католическаго духовенства въ Австріи, Франціи и южной Германіи. Дѣло перенесенія столицы Италіи изъ Флоренціи въ Римъ—подвигается довольно вяло, что вызываетъ въ населеніи упреки нынѣшнему министерству.

Смѣсь.

О воздухоплаваніи.—Летать по воздуху всегда было завѣтной мечтой человѣчества. Исторію о восковыхъ крыльяхъ Икара знаетъ каждый. Мы оставимъ безъ вниманія древность и обратимся прямо къ новѣйшимъ опытамъ и изслѣдованіямъ, и постараемся изъ нихъ понять: есть ли возможность, чтобы они удались. Чтобы летать по воздуху—человѣку нужно бы, при той же тяжести, имѣть размѣры 800 разъ больше,—или, при тѣхъ же размѣрахъ, имѣть 800 разъ меньше тяжести. Непосредственно ни того ни другаго невозможно достичь, но косвенно—можно: соединеніемъ человѣческаго тѣла съ достаточной величины воздушнымъ шаромъ, обладающимъ, по милости своего малаго относительнаго вѣса, достаточной способностью подняться съ земли.

Эту мудрость человѣкъ давно нашелъ, но она не даетъ ему еще возможности свободно двигаться во всѣ стороны по собственному усмотрѣнію. Воздушный шаръ слишкомъ великъ чтобы быстро двинуть воздухъ въ ту или другую сторону, онъ напротивъ самъ дѣлается игралищемъ вѣтровъ; а если помочь этому помощью механики, нужно бы имѣть очень сильныя машины, слѣдовательно слишкомъ тяжелыя, чтобы можно было поднять ихъ на воздухъ. Рыбу человѣкъ въ этомъ случаѣ не можетъ брать себѣ въ образцы, потому что вода въ 767 разъ плотнѣе воздуха; остается одно: учиться у птицъ и насѣкомыхъ. Первымъ шагомъ тутъ является точное изученіе процесса летанія у птицъ, жуковъ, бабочекъ, и пр. даже у летучихъ мышей, а также конструкціи различныхъ летательныхъ аппаратовъ, величину ихъ относительно вѣса тѣла и проч. По этой части приготовленъ уже наукой богатый матеріалъ. Главные результаты, въ краткомъ изложеніи, слѣдующіе: Процессъ летанія основывается на сдавленіи воздуха ударомъ крыла, причемъ хвостъ птицы служитъ рулемъ и парашютомъ. Птицы въ удивительной степени обладаютъ необходимыми для этого сильными мускулами и легкими костями. Сличеніе вѣса летающаго животнаго, съ объемомъ плоскости, покрываемой распущенными крыльями, тоже привело къ открытію интересныхъ фактовъ. Такъ, напр., доказано, что относительная величина крыльевъ убавляется соразмѣрно съ тѣмъ какъ увеличивается вѣсъ птицы, (на одинъ лотъ вѣса у морскаго орла приходится 3 дюйма 15 линій, у голубя 3,65, у воробья восемь квадратныхъ дюймовъ плоскости покрываемой крыльями); что слѣдовательно, стараясь подражать крыльямъ при построеніи летательныхъ машинъ, ихъ дѣлали слишкомъ огромными. Относительно быстроты и числа ударовъ крыльями, тоже открыты весьма интересные факты. Такъ напр., доказано, что простая муха въ секунду дѣлаетъ 330 ударовъ, пчела—180, стрекоза—28, орелъ не болѣе 3, а голубь не болѣе 5. Далѣе: у птицъ имѣющихъ быстрый полетъ, на опущеніе крыла при ударѣ идетъ только $^1/_3$ часть времени которое идетъ на подъатіе; вообще для перваго движенія нужна гораздо большая сила чѣмъ для втораго. Извѣстно, что птицы поднимая крылья, складываютъ ихъ на манеръ вѣеровъ—и только опуская ихъ, распускаютъ. Горизонтальное положеніе тоже много облегчаетъ полетъ. Удастся ли когда нибудь, по всѣмъ этимъ наблюденіямъ и правиламъ, искуственно изготовить по возможности легкое и въ тоже время достаточно сильное крыло и необходимый для управленія имъ механизмъ—еще остается вопросомъ. Пробовали уже употребить для искуственнаго удара крыломъ механизмъ винта, того самаго, которымъ двигаютъ пароходы. Но главная задача все-таки состоитъ въ изобрѣтеніи достаточно легкой и въ-то же время сильной двигательной машины, во всякомъ случаѣ паровой. На этомъ поприщѣ съ великимъ усердіемъ уже нѣсколько лѣтъ работаетъ англійское воздухоплавательное общество и объявило значительныя преміи—но до сихъ поръ не достигло даже на половину удовлетворительныхъ результатовъ. Американцы тоже сдѣлали много отчасти прекурьозныхъ опытовъ и ничего не добились. Полагаютъ, что летательный аппаратъ для одного человѣка, чтобы поднять его и не дать опуститься, долженъ имѣть двѣ лошадиныя силы, а съ винтомъ—три; стало быть нужны довольно уже тяжелыя машины,—гдѣ же тутъ подняться? Отчаяваться конечно не слѣдуетъ; но какъ и когда достигнется цѣль—нѣтъ возможности даже еще приблизительно предугадывать.

Снисходительный цѣлитель душъ. Одинъ филантропъ, членъ «Общества вспомоществованія» въ С.-Галленѣ, вошелъ однажды въ домъ, гдѣ помѣщался отрядъ французовъ и тюркосовъ, держа подъ обѣими мышками по большой связкѣ чулокъ, и заставъ солдатъ играющими въ карты, сказалъ: «всякій, кто отдастъ мнѣ свою колоду картъ, получитъ за это пару новыхъ чулокъ». Нерѣшительно подходили къ нему грѣшники, чтобы принести жертву на олтарь отреченія, потому-что не одному изъ нихъ думалось, что хорошій козырь пожалуй еще дороже хорошаго чулка. Но лучшія чувства одержали мало-по-малу верхъ и всѣ отдали, одинъ за другимъ, свои карты. Какова же была ихъ радость, когда каждый изъ нихъ нашелъ въ одномъ изъ новыхъ чулокъ по новехонькой колодѣ картъ. «Mes enfants», сказалъ снисходительный пастырь душъ, «вы выдержали испытаніе, идите съ миромъ. Я не придаю важности пустякамъ, не воюю съ картинками, и не намѣренъ опредѣлять игру въ карты съ точки зрѣнія строгихъ моралистовъ. Но, mes enfants, ваши карты покрыты грязью земной жизни и чорны какъ адъ. Я принесъ вамъ чистыя. Если ужь вамъ непремѣнно нужно играть—играйте; но что вы дѣлаете—дѣлайте чисто». И грѣшные сыны пустыни встали и сказали: великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою 25 Іюня 1871 г. Издан. А. Ф. Маркса въ С.-П-б. Б. Морск. и Невск. пр. д. № 9—13. Типогр. А. Траншеля Невск. и Влад. д. № 45—1

